This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

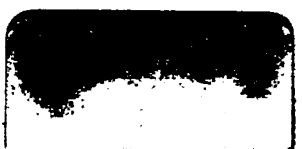
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07036592 3

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ГОГОЛЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

1264

МАТЕРІАЛЫ

для

БІОГРАФІИ ГОГОЛЯ

В. И. Шенрока.

10 Т

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА. 1892

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5

PRINTED IN RUSSIA.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
579772 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1932 L

Digitized by Google

Настоящій трудъ будетъ состоять изъ трехъ томовъ, при чемъ второй томъ предполагается напечатать не позже осени слѣдующаго года. Напечатанный первый томъ представляетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ второе, исправленное, изданіе книги „Ученическіе годы Гоголя“, вышедшей въ 1887 году, въ остальномъ—объединеніе ряда статей о Гоголѣ, помѣщенныхъ первоначально въ „Вѣстникѣ Европы“, „Русской Старинѣ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“ и другихъ журналахъ *). Рецензіи на книгу „Ученическіе годы Гоголя, были въ слѣдующихъ изданіяхъ:

„Историческій Вѣстникъ“ (1887, II).

„Дѣло“ (1887, II).

„Вѣстникъ Европы“ (1887, III).

„Кіевская Старина“ (1887, III).

„Русская Старина“, (1887, IV).

„Русская Мысль“ (1887, VI).

„Сѣверный Вѣстникъ“ (1887, X).

Всѣмъ гг. рецензентамъ приносимъ искреннюю благодарность.

*) Объединеніе разрозненныхъ статей представило нѣкоторыя затрудненія при корректурахъ, вслѣдствіе чего мѣстами пришлось допустить незначительныя повторенія.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вмѣсто предисловія 1
Краткій обзоръ литературы о Гоголѣ. 9

Предки и родители Гоголя.

I. Предки Н. В. Гоголя. Личность и вліяніе матери. 27
II. Свѣдѣнія о жизни и бытѣ родителей Гоголя. 36

Ученическіе годы Гоголя (1809—1828).

I. Краткія свѣдѣнія о дѣтствѣ Гоголя до вступленія въ школу и о домашней средѣ его въ школьный періодъ 59
II. Школьная жизнь Гоголя. Страсть къ живописи и театру 71
III. Школьная жизнь Гоголя въ характеристикахъ гг. Кулиша и Кояловича. 81
IV. Воспоминанія А. С. Данилевскаго о школьной жизни Гоголя . . . 93
V. Переписка съ матерью. Отношенія къ родственникамъ во время пребыванія въ школѣ. Слогъ писемъ 108
VI. Краткій обзоръ писемъ Гоголя къ Г. И. Высоцкому 124
VII. Окончаніе Гоголемъ курса въ Нѣжинѣ и переѣздъ его въ Петербургъ. 144

Первое время жизни Гоголя въ Петербургѣ (1829—1830).

I. Пріѣздъ Гоголя въ Петербургъ и первыя его впечатлѣнія въ столицѣ. 151
II. Идиллія „Ганцъ Кюхельгартенъ“ 153
III. Недовольство Гоголя Петербургомъ и тоска по родной Украйнѣ . . 169
IV. Первая поѣздка Гоголя за-границу 179
V. Краткій обзоръ писемъ Гоголя къ матери 1829—1830. 190
VI. Разборъ мнѣній г-жи Бѣлозерской и г-жи Черницкой объ отношеніяхъ Гоголя къ матери 200
VII. Отношенія Гоголя къ матери въ зрѣлые годы. 208
VIII. Попытки Гоголя найти опредѣленное поприще дѣятельности въ Петербургѣ 221

KNIGA MAR 22 1931

Digitized by Google

Н. В. въ началѣ литературной карьеры (1830—1831).

I. Задатки творчества въ юности Гоголя и развитіе ихъ въ „Вечерахъ на Хуторѣ“ 239
II. Литературныя и свѣтскія отношенія Гоголя въ началѣ тридцатыхъ годовъ. 292
III. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь въ 1830—1832 г. 304
IV. Отношенія Гоголя къ Пушкину 338
V. Отношенія Гоголя къ А. С. Данилевскому въ началѣ тридцатыхъ годовъ 349
VI. Постепенное расширеніе литературныхъ связей Гоголя. 365
Приложенія. 373

Digitized by Google

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Имена великихъ дѣятелей чтятся высоко у народовъ всѣхъ образованныхъ странъ; память о нихъ должна быть священною для потомства. Эта общеизвѣстная истина получаетъ на нашихъ глазахъ все большее значеніе въ средѣ нашего общества. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что переживаемое нами время не безъ основанія считается тяжелой переходной эпохой, но зато съ другой стороны, при всѣхъ невзгодахъ труднаго экономическаго положенія и душной нравственной атмосферы, посреди которой мы живемъ, можетъ быть, давно не было столько причинъ радоваться нѣкоторымъ успѣхамъ, сдѣланнымъ лучшею частью нашего общества. Въ ряду этихъ причинъ видное мѣсто занимаетъ благоговѣніе передъ талантомъ и общественнымъ значеніемъ выдающагося литератора или художника, которое ярко выразилось въ недавнемъ торжественномъ чествованіи нѣкоторыхъ наиболѣе даровитыхъ современныхъ писателей и небываломъ стеченіи народа на похоронахъ высоко-талантливыхъ беллетристовъ нашихъ, особенно Тургенева и Достоевскаго. Вообще теперь все болѣе замѣчается очевидный успѣхъ нашего общества въ признаніи и оцѣнкѣ имъ заслугъ представителей науки, литературы, искусства. Въ самомъ дѣлѣ, если мы воздаемъ должную дань почета и удивленія героямъ и завоевателямъ, прославляемъ военные и административные таланты, которымъ въ свое время выпало на долю высокое счастіе способствовать внутреннему и внѣшнему благососто-

Digitized by Google

янію нашего отечества, то не меньшею, конечно, признательностью обязаны мы также людямъ, посвятившимъ свои богатыя дарованія и замѣчательныя силы развитію въ обществѣ эстетическаго чувства и проведенію въ жизнь благородныхъ идеаловъ, способствующихъ умственному и нравственному нашему совершенствованію.

Если искреннее и сознательное признаніе заслугъ людей мысли и въ частности образцовыхъ писателей наступаетъ обыкновенно въ обществахъ нѣсколько позднѣе, чѣмъ признаніе большинства другихъ полезныхъ дѣятелей, то тѣмъ утѣшительнѣе и знаменательнѣе наступленіе этой поры, свидѣтельствующей о распространеніи *въ лучшей части общества* безкорыстнаго уваженія къ знанію, и умственному и духовному превосходству, которое въ неразвитой толпѣ всегда ставится не только ниже военныхъ доблестей и практической пользы, доставляемой успѣшными административными мѣрами, но даже нерѣдко ниже могущества грубой силы капитала, силы кошелька.

Писатели, являясь по самой природѣ вещей представителями мысли, а масса выразительницею и воплощеніемъ матеріальныхъ интересовъ и преобладанія послѣднихъ надъ умственными, представляютъ двѣ совершенно разнородныя, чтобы не сказать, противоположныя стихіи, которыя могутъ то сближаться, то отдаляться, и по этому сближенію или отдаленію лучше всего можно судить о пульсѣ умственной жизни общества и о степени его развитія.

Если сказанное нами справедливо, то не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что изученіе жизни нашихъ лучшихъ писателей должно представлять для насъ предметъ высокаго интереса. Разработка біографическихъ данныхъ, даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, является съ одной стороны нашимъ долгомъ, а съ другой—естественной посильной данью глубокаго благоговѣнія и признательности къ дѣятельности тѣхъ, чьей памятью справедливо дорожитъ и гордится образованная часть нашего общества.

Великая заслуга Гоголя передъ русскимъ обществомъ и литературой поставила его на такую высоту, о которой и самъ онъ, при всемъ высокомъ мнѣніи о себѣ, не имѣлъ яснаго

Digitized by Google

представленія. Будущимъ историкамъ литературы предстоитъ еще опредѣлить степень глубины и продолжительности вліянія его на развитіе отечественной словесности, которое выяснится вполнѣ, можетъ быть, только по завершеніи дѣятельности всей созданной имъ школы. Несомнѣнно однако, что одной изъ причинъ широкаго національнаго значенія нашего писателя слѣдуетъ считать то обстоятельство, что онъ не ограничивалъ кругъ наблюденій, симпатій и самой дѣятельности одной узкой племенной сферой, но посвятилъ свои необъятныя силы служенію всей Россіи, — обстоятельство, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшее размѣрамъ его могучаго дарованія и широтѣ его стремленій... Въ позднѣйшую пору своей дѣятельности онъ опредѣленно выразилъ взглядъ на задачу всей своей жизни, (къ которой смутно стремился чуть не съ дѣтства, но которую сознательно уяснить себѣ былъ въ силахъ лишь значительно позднѣе); онъ убѣдился, по выраженію его въ „Авторской Исповѣди“, что „тому, кто пожелаетъ истинно-честно служить Россіи, нужно имѣть очень много любви къ ней, которая поглотила бы уже всѣ другія чувства“.

Но въ то же время Гоголь никогда не переставалъ быть истиннымъ и вѣрнымъ сыномъ Украйны, что̀ не могло, конечно, не отражаться и на всемъ нравственномъ складѣ этой въ высшей степени даровитой личности. Не только по своему происхожденію, но и по складу характера и по наружному виду онъ былъ настоящій малороссъ; всѣми глубочайшими и завѣтными струнами души онъ былъ связанъ съ своей поэтической родиной. Такимъ образомъ личность Гоголя представляетъ въ нашей литературѣ чрезвычайно любопытный и поучительный примѣръ сліянія малороссійскихъ симпатій съ общерусскими и подчиненія первыхъ послѣднимъ.

Безъ сомнѣнія, общее теченіе жизни и даже отчасти случайныя обстоятельства могли имѣть немалое вліяніе на временный перевѣсъ тѣхъ или другихъ симпатій въ каждый данный моментъ, и это, въ свою очередь, должно было отражаться на воззрѣніяхъ писателя, при чемъ перемѣны въ отношеніяхъ Гоголя къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ его интимной жизни не были, конечно, такъ рѣзки и исключительны, чтобы онѣ совершенно не допускали совмѣстнаго развитія обоихъ теченій. Но вообще говоря, легко убѣдиться, что въ ранніе годы чувство страстной любви къ Украйнѣ

Digitized by Google

было въ немъ гораздо свѣжѣе и интенсивнѣе, нежели впослѣдствіи, когда оно мало-по-малу утрачивало свою исключительность и уступало мѣсто болѣе широкимъ симпатіямъ, охватившимъ наконецъ всю обширную Русь.

Если имѣть при этомъ въ виду, что на склонѣ литературной дѣятельности Гоголь остался вѣренъ тѣмъ же стремленіямъ, какими былъ воодушевленъ какъ въ ранней юности, такъ и въ лучшую пору своего творчества, то это обстоятельство дастъ возможность намѣтить въ его внутренней жизни, съ одной стороны, основной фонъ его задушевныхъ стремленій, въ которыхъ онъ видѣлъ смыслъ и цѣль своей дѣятельности, а съ другой—нѣсколько отдѣльныхъ фазисовъ развитія, сообразно съ которыми они видоизмѣнялись, попеременно принимая ту или другую окраску. Можно было бы отмѣтить въ его жизни нѣсколько, не рѣзко впрочемъ отдѣляющихся, періодовъ въ отношеніи къ указанному вопросу.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ впечатлѣнія отъ современной малороссійской жизни, знакомство съ прошлымъ Малороссіи по разсказамъ о старинныхъ событіяхъ, частое присутствіе при живыхъ и остроумныхъ бесѣдахъ отца съ знаменитымъ сосѣдомъ [1]), въ которыхъ не мало могъ почерпнуть Гоголь и для своихъ произведеній перваго періода, но, что̀ всего важнѣе, могъ вынести унаслѣдованное отъ этихъ пламенныхъ любителей малороссійской старины сочувствіе ко всѣмъ подробностямъ родной жизни и быта, наконецъ, видѣнныя на домашнемъ театрѣ Трощинскаго представленія юмористическаго характера, — все это должно было забросить благотворныя сѣмена любви къ родинѣ въ душу отрока еще въ пору, предшествовавшую поступленію его въ школу, въ которую онъ явился уже съ достаточно опредѣлившимися наклонностями и задатками. Напротивъ, въ послѣдніе годы школьной жизни, значеніе которыхъ нельзя не признать особенно важнымъ, такъ какъ тогда формировался характеръ и складывалось міросозерцаніе геніальнаго юноши, его щедро одаренная натура уже страстно искала простора смутно сознаваемымъ въ себѣ силамъ и влекла его неудержимо на сѣверъ, въ далекую столицу, на которую онъ возлагалъ широкія надежды относительно осуществленія своихъ замысловъ.

---

[1]) Трощинскимъ.

Digitized by Google

Въ эту пору идеаловъ онъ не останавливался даже передъ мыслью, если будетъ нужно, оставить навсегда Малороссію. Это, вѣроятно, было то самое время, когда, по словамъ „Авторской Исповѣди“, Гоголю представлялось, что его „ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій“, и что онъ „сдѣлаетъ даже что-то для общаго добра“ [1]). Результатомъ стремленій было, какъ извѣстно, поступленіе Гоголя въ Петербургѣ на службу. Острое разочарованіе, вызванное столкновеніемъ съ суровой дѣйствительностью и непривѣтливой стороной столичной жизни, заставили юношу тотчасъ же съ любовью оглянуться на дорогое прошедшее, и чувство страстной привязанности къ родинѣ вспыхнуло въ немъ снова яркимъ пламенемъ со всей беззавѣтностью молодого увлеченія. Въ отвѣтъ на убѣжденія матери оставить Петербургъ Гоголь писалъ однажды: „Боже сохрани, если доведется ѣхать въ Россію! По моему, ежели ѣхать, такъ только въ Малороссію“ [2]). Вскорѣ занятія исторіей дали только новую обильную пищу этому энтузіазму. Письма Гоголя къ Максимовичу особенно наглядно показываютъ, съ какой горячей любовью онъ относился тогда къ роскошной природѣ и чуднымъ преданіямъ Малороссіи. Увлеченіе доходило въ это время до высшаго предѣла, проявляясь нерѣдко въ весьма энергической формѣ. Однажды, напримѣръ, поэтъ съ воодушевленіемъ совѣтуетъ другу: „бросьте въ самомъ дѣлѣ *кацапію*, да поѣзжайте въ гетманщину“ [3]). Въ другой разъ, говоря уже о себѣ, онъ восклицаетъ: „Представь, я тоже думалъ: „туда! туда! въ Кіевъ! въ древній и прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ, не правда ли?“... [4]). Намѣреніе переселиться въ Малороссію сильно занимало Гоголя до самаго его отъѣзда за-границу, когда весь жизненный строй его настолько существенно измѣнился, что иные интересы и стремленія значительно заслонили для него дорогую Украйну. На приглашеніе матери переѣхать изъ Италіи на родину Гоголь отвѣчаетъ уже почти съ раздраженіемъ, возражая, что, „климатъ въ Малороссіи совсѣмъ не то, что въ Италіи“, а, передавая объ этомъ приглашеніи одному изъ близкихъ друзей, отзы-

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 248.
[2]) „Соч и письма Гоголя“, т. V, стр. 109.
[3]) „Письма Гоголя къ Максимовичу“, стр. 2.
[4]) Тамъ же, стр. 4.

Digitized by Google

вается о немъ, какъ о совершенно невозможной и странной мечтѣ [1]). Въ то же время на чужбинѣ Гоголю изъ „прекраснаго далека“ начинаетъ представляться все въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ уже вся великая Россія, на которую онъ постепенно распространяетъ свои симпатіи. Еще въ первую заграничную поѣздку, когда, по собственному сознанію Гоголя, проектъ и цѣль его путешествія были очень неясны, онъ былъ убѣжденъ только въ томъ, что „узнаетъ цѣну Россіи только внѣ Россіи“. И теперь, кромѣ болѣзненнаго состоянія здоровья, потребовавшаго теплаго климата, ему было нужно удаленіе изъ Россіи, чтобы живѣе пребывать мыслью въ ней. Спустя еще нѣсколько лѣтъ Гоголь уже является, несомнѣнно, вполнѣ искреннимъ и глубокимъ общерусскимъ патріотомъ въ своихъ задушевныхъ лирическихъ отступленіяхъ въ „Мертвыхъ Душахъ“. Если въ „Ревизорѣ“ онъ уже „рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, чтобы за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣмъ“ [2]), имѣя въ виду конечно широкую общественную цѣль, то теперь онъ думалъ, что „исполняетъ тотъ долгъ, для котораго призванъ на землю, для котораго именно даны ему способности и силы“, и что, „исполняя его, онъ въ то же время служитъ государству своему, какъ бы дѣйствительно находился въ государственной службѣ“. Наконецъ въ письмахъ къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой, отличавшихся, какъ извѣстно, вполнѣ интимнымъ характеромъ, есть одно въ высшей степени замѣчательное мѣсто, изъ котораго можно окончательно убѣдиться, что въ зрѣлыхъ годахъ Гоголь одинаково горячо и сильно любилъ обѣ родственныя ему народности и ни одной не отдавалъ предпочтенія. „Скажу вамъ, что я самъ не знаю, какова у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы *не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ*. Обѣ природы щедро одарены Богомъ, и какъ нарочно каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой“ [3]).

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 302 и 303.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 249.

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 147.

Въ декабрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1886 годъ мы нашли совершенно неожиданно подтвержденіе нашихъ словъ о томъ, что въ концѣ своей жизни Гоголь одинаково высоко цѣнилъ русскую и малорос-

Digitized by Google

Мы разсмотрѣли здѣсь этотъ вопросъ пока лишь какъ примѣръ, единственно съ цѣлью показать, что постепенное развитіе Гоголя и образованіе его взглядовъ на жизнь и поэзію, представляя чрезвычайно интересный предметъ для изученія, въ то же время еще недостаточно затронутъ въ нашей литературѣ. Между тѣмъ обстоятельное знакомство съ личностью и судьбой геніальнаго писателя, безъ сомнѣнія, должно быть признано однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи нашей новѣйшей литературы. Какъ основатель новой литературной эпохи, какъ виновникъ совершеннаго имъ крупнаго поворота въ литературномъ движеніи, Гоголь давно получилъ всеобщее согласное признаніе и, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія. Съ другой стороны трудно выразить, въ какой мѣрѣ желательна была бы наиболѣе удовлетворительная разгадка духовнаго строя высоко-гуманнаго писателя, проникнутаго горячею любовью къ человѣку и глубокою искреннею скорбью о его несовершенствѣ и недостаткахъ.

сійскую народность. Приводимъ нѣсколько строкъ, ближе другихъ подходящихъ къ нашей цѣли. „Русскій и малороссъ—это души близнецовъ, пополняющія одна другую, родныя и одинаково сильныя. Отдавать предпочтеніе одной, въ ущербъ другой, невозможно“. („Знакомство съ Гоголемъ“, Г. П. Данилевскаго, стр. 479). Отмѣтимъ кстати, что цитированныя выше свѣдѣнія изъ воспоминаній Г. П. Данилевскаго повторены и въ названномъ нумерѣ „Историческаго Вѣстника“.

Digitized by Google

Digitized by Google

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ЛИТЕРАТУРЫ О ГОГОЛѢ.

„Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся“, — слова пророка Іереміи, начертанныя на гробницѣ Гоголя (въ Москвѣ, въ Даниловскомъ монастырѣ), чрезвычайно мѣтко выражая существенное направленіе всей его литературной дѣятельности, краснорѣчиво говорятъ въ пользу его нравственной личности. Задушевный, необыкновенно прочувствованный тонъ многихъ мѣстъ его сочиненій и собственное сознаніе, что онъ „озиралъ всю громадно-несущуюся жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“, доказываютъ такое богатство внутренняго міра, что едва-ли можно сомнѣваться и въ важномъ образовательномъ значеніи будущей полной его біографіи.

Еще при жизни поэта сначала его геніальныя произведенія, а потомъ болѣзненный роковой переломъ, происшедшій, какъ полагали, въ его характерѣ и убѣжденіяхъ, столь неожиданно всѣхъ поразившій и казавшійся сначала какимъ-то загадочнымъ и непонятнымъ, возбудили надолго особенный интересъ какъ въ литературѣ, такъ и въ болѣе развитыхъ слояхъ общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалась и трудность удовлетворительнаго уясненія личности Гоголя.—Все это прекрасно выражено въ слѣдующихъ словахъ И. С. Аксакова, сказанныхъ въ самый годъ кончины Гоголя: „Вся жизнь, весь художественный подвигъ, всѣ искреннія страданія Гоголя, наконецъ сожженіе самимъ художникомъ своего труда, надъ которымъ онъ такъ долго, такъ мучительно работалъ, эта страшная

Digitized by Google

торжественная ночь сожженія и вслѣдъ за этимъ смерть, — все это вмѣстѣ носитъ характеръ такого событія, представляетъ такую великую, грозную поэму, смыслъ которой останется долго неразгаданнымъ". („Московскій Сборн." 1852 г.). Въ томъ же свѣтѣ должна была представляться исторія Гоголя и всѣмъ вообще мыслящимъ людямъ. Кромѣ того, прежняя, хотя и не особенно продолжительная принадлежность къ кружку Пушкина, близкія отношенія къ Жуковскому и нѣкоторымъ другимъ выдающимся литераторамъ, знакомство съ славянофилами могли до извѣстной степени еще больше усиливать интересъ къ Гоголю, не говоря уже о томъ рѣшительномъ вліяніи, которое имѣлъ Гоголь на развитіе и дальнѣйшій ходъ отечественной литературы, — вліяніи, отмѣченномъ еще критикой сороковыхъ годовъ и становившемся съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе несомнѣннымъ. Такимъ образомъ много немаловажныхъ условій соединилось, повидимому, для разносторонняго изученія столь крупнаго литературнаго явленія. Между тѣмъ это изученіе при сравнительномъ изобиліи матеріала долго шло все - таки далеко не въ тѣхъ размѣрахъ и не съ тѣмъ успѣхомъ, какъ можно было бы ожидать. Одна изъ существенныхъ трудностей лежитъ въ самой натурѣ Гоголя, какъ было мѣтко указано въ статьѣ С. Т. Аксакова въ „Московск. Вѣд." за 1853 г., № 35: „Біографія Гоголя", — говоритъ онъ, „заключаетъ въ себѣ особенную, исключительную трудность, можетъ быть единственную въ своемъ родѣ. Натура Гоголя, лирически-художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру, такая натура въ вѣчномъ движеніи, въ вѣчной борьбѣ съ человѣческимъ несовершенствомъ, — ускользаетъ не только отъ наблюденія, но даже отъ пониманія людей, самыхъ близкихъ къ Гоголю".

Сколько-нибудь обстоятельное разъясненіе внутренней жизни писателя по весьма понятнымъ причинамъ стало возможно не раньше его смерти, да и послѣ нея первое время не могло назваться особенно благопріятнымъ, вслѣдствіе цензурныхъ стѣсненій, доходившихъ до того, что сочувственное слово, посвященное въ печати памяти Гоголя, а отчасти даже самое упоминаніе его имени было не всегда безопасно. Стоитъ

Digitized by Google

припомнить извѣстную исторію съ И. С. Тургеневымъ и неудовольствіе, возбужденное статьею „Московскаго Сборника“ [1]). При всемъ томъ многіе факты ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что значеніе Гоголя для громаднаго большинства было уже тогда вполнѣ очевидно, и многія дѣльныя статьи, посвященныя воспоминаніямъ о Гоголѣ, появились уже въ первыя пять лѣтъ послѣ его кончины. Живое сочувствіе Гоголю и признаніе его литературныхъ заслугъ ярко выразились въ почетѣ, оказанномъ его памяти представителями ученаго міра и литературы. Усиленная строгость цензуры неумолимо сдерживала, правда, самое малѣйшее выраженіе благоговѣнія къ личности великаго писателя, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, но съ тѣмъ большею силою и искренностью нашло оно себѣ проявленіе въ первопрестольной столицѣ, отозвавшейся на тяжкую національную утрату съ самымъ живымъ и сердечнымъ чувствомъ. Московскій Университетъ, по свидѣтельству „Московск. Вѣд.“ (1852 г., № 35), почтилъ Гоголя торжественнымъ отданіемъ ему послѣдняго долга. Тѣло Гоголя, какъ почетнаго члена Университета, было перенесено, въ ожиданіи погребенія, изъ квартиры его на Никитской улицѣ въ помѣщеніе университетской церкви и оставалось тамъ до выноса, въ которомъ приняли участіе профессора и студенты. На похоронахъ присутствовали представители литературы и университетской науки, также нѣкоторыя высокопоставленныя лица, въ числѣ которыхъ были генералъ-губернаторъ Закревскій и попечитель московскаго учебнаго округа В. И. Назимовъ.—Профессоръ Давыдовъ напечаталъ вскорѣ въ извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ „О значеніи Гоголя въ русской словесности“. Наконецъ въ самый годъ кончины Гоголя Академіей было поручено составленіе полной его біографіи одному изъ заслуженныхъ своихъ членовъ, профессору Шевыреву, предпринимавшему также изданіе сочиненій Гоголя, (предпріятіе это потомъ не состоялось, вслѣдствіе послѣдовавшей вскорѣ смерти Шевырева). Большинство литературныхъ органовъ также поспѣшило отозваться на горькую утрату безвременно скончавшагося художника: появляется цѣлый рядъ цѣнныхъ замѣтокъ для біографіи Гоголя, между которыми первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, статьѣ г. Ку-

[1]) См. „Историч. Вѣст.“ 1881, II, стр. 350 и 351.

Digitized by Google

лиша въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1852 г., № 4 подъ заглавіемъ: „Нѣсколько чертъ для біографіи Гоголя“. По поводу этой статьи вскорѣ появились въ разныхъ журналахъ поправки и дополненія, изъ которыхъ особенно важны слѣдующія: „Замѣтки для біографіи Гоголя“ („Соврем.“ 1852 г., № 10), „Выправка нѣкоторыхъ библіографическихъ извѣстій о Гоголѣ“ Н. Иваницкаго („Отеч. Зап.“ 1853 г., № 2), „Библіографическія поправки и дополненія“ („Московс. Вѣдом.“, 1853 г., № 5) профессора Тихонравова, „Нѣсколько словъ о біографіи Гоголя“ С. Аксакова, также „Хуторъ близъ Диканьки“ Г. Данилевскаго („Москов. Вѣд.“, 1852 г., № 124 и „Русскій Инвал.“, 1853 г., № 26).—Среди общихъ искреннихъ сожалѣній о Гоголѣ, выразившихся во многихъ некрологахъ и воспоминаніяхъ, рѣзкимъ диссонансомъ звучало лишь злобное шипѣніе „Сѣверной Пчелы“, шедшей въ своихъ сужденіяхъ о Гоголѣ совершенно наперекоръ установившемуся общему мнѣнію и уже послѣ геніальной оцѣнки Бѣлинскаго не терявшей надежды низвести Гоголя съ пьедестала и втоптать его въ грязь. Выходки этой газеты въ фельетонахъ, принадлежавшихъ перу одного изъ издателей и подписанныхъ начальными буквами, переходили въ нападкахъ на память покойнаго писателя всякія границы и въ настоящее время кажутся почти невѣроятными. Они продолжались упорно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, несмотря на возбуждаемое ими всеобщее негодованіе; голосъ „Сѣвер. Пчелы“ оказался почти одинокимъ въ литературѣ, какъ показываютъ многія статьи ея противниковъ, проникнутыя уваженіемъ къ Гоголю и горячо взявшія его подъ защиту, если только такое выраженіе прилично въ примѣненіи къ Гоголю [1]). По прошествіи нѣко-

[1]) Нѣсколько лѣтъ спустя, возгорѣлась еще разъ довольно рѣзкая и оживленная, хотя и не продолжительная, полемика между однимъ изъ лучшихъ друзей и горячихъ почитателей Гоголя, проф. Максимовичемъ, и самимъ издателемъ его сочиненій, г. Кулишемъ, прежде не менѣе безусловнымъ поклонникомъ его таланта. Но на этотъ разъ дѣло уже не касалось болѣе вопроса о литературномъ значеніи Гоголя, такъ-какъ послѣднее не подлежало больше сомнѣнію и давно считалось фактомъ рѣшеннымъ и общепризнаннымъ. Это было уже въ 1861 году; ареной полемической схватки явилась на этотъ разъ съ одной стороны газета И. С. Аксакова „День“, а съ другой украйнофильскій журналъ „Основа“, посвященный исключительно изученію малороссійской жизни и литературы. Въ „Основѣ“ появился рядъ статей, принадлежавшихъ перу Кулиша, неожиданно выступившаго съ упреками Гоголю въ недостаточномъ зна-

Digitized by Google

тораго времени послѣ смерти Гоголя прежніе горячіе споры наконецъ улеглись, (если не считать пасквиль Герсеванова, написанный въ Одессѣ также въ 1861 году подъ заглавіемъ: „Гоголь передъ судомъ обличительной литературы“, и вызванныя имъ опроверженія); наступила пора единодушнаго благоговѣнія передъ талантомъ Гоголя и началась понемногу болѣе спокойная разработка его біографіи, болѣе основательное опредѣленіе его значенія. Спустя три года послѣ смерти Гоголя начали появляться въ „Современникѣ“ такъ называемые „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“. Нѣсколько позднѣе вышли въ свѣтъ извѣстныя „Записки о жизни Гоголя“, напечатанныя П. А. Кулишомъ, подъ псевдонимомъ Н. М., и изданная имъ же переписка покойнаго въ двухъ послѣднихъ томахъ полнаго собранія его сочиненій. Біографическій трудъ Кулиша, составлявшійся постепенно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и разросшійся изъ небольшой журнальной статьи, сначала въ цѣлую книгу подъ названіемъ „Опытъ біографіи Гоголя“, а потомъ въ двѣ небольшія книги, являясь въ разныхъ видахъ, перешелъ нѣсколько фазисовъ. Въ своей послѣдней редакціи онъ пред-

---

комствѣ съ малороссійскимъ бытомъ и невѣрномъ его изображеніи. Начало этихъ мнѣній было имъ высказано еще въ „Эпилогѣ къ Черной Радѣ“ („Русская Бесѣда,“ 1857, 3). Впадая отчасти въ противорѣчіе съ высказываемыми не разъ прежде отзывами и сужденіями, Кулишъ находилъ теперь много возраженій противъ выбора Гоголемъ времени и мѣста дѣйствія для первыхъ его произведеній, напр., „Сорочинской Ярмарки“, противъ погрѣшностей въ самомъ изображеніи быта и нравовъ, забывая, что авторъ ея былъ 20-лѣтній юноша и что онъ не задался безусловно точнымъ изображеніемъ быта (въ этнографическомъ отношеніи). По мнѣнію критика, Гоголь смотрѣлъ на изображенную жизнь простонародной украинской среды глазами барина, недостаточно съ нею освоившагося и несвободнаго отъ навязыванія иногда послѣдней чертъ, не свойственныхъ городскому и притомъ великорусскому населенію. Въ нѣкоторыхъ своихъ обвиненіяхъ Кулишъ удивительнымъ образомъ соглашается съ мнѣніемъ, высказаннымъ еще нѣкогда Полевымъ въ «Московскомъ Телеграфѣ“, въ критической замѣткѣ по поводу только-что вышедшихъ „Вечеровъ на Хуторѣ“, который не затруднялся простирать свое сомнѣніе въ знаніи авторомъ малороссійскаго быта до утвержденія, что онъ только прикидывается украинцемъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ москаль, да еще горожанинъ... Къ сожалѣнію, многіе затронутые въ этой полемикѣ вопросы и вѣскія мнѣнія, высказанныя съ обѣихъ сторонъ, впослѣдствіи были совершенно сданы въ архивъ и самая полемика прошла почти безъ слѣда.—Объ этой полемикѣ см. подробнѣе въ „Исторіи русской этнографіи“ А. Н. Пыпина, т. III, стр. 203—210.

Digitized by Google

ставляетъ до сихъ поръ единственный цѣльный и наиболѣе крупный трудъ о Гоголѣ и не перестаетъ служить главнымъ источникомъ многихъ составляемыхъ на основаніи его извлеченій и новыхъ статей о Гоголѣ. Столь же важное значеніе имѣло и изданіе писемъ, вызвавшее въ томъ же году нѣсколько статей въ наиболѣе уважаемыхъ и распространенныхъ журналахъ, въ „Современникѣ“ и „Библіотекѣ для Чтенія“. Въ „Современникѣ“ былъ тогда же весьма удовлетворительно разъясненъ вопросъ о предполагаемомъ переломѣ. Послѣ того литература о Гоголѣ постоянно пополнялась отрывочными свѣдѣніями и воспоминаніями о немъ, сообщаемыми въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ въ видѣ статей, бѣглыхъ очерковъ и пр. Укажемъ въ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшія: „Воспоминанія о Гоголѣ“ (по поводу „Опыта“ его біографіи) М. Н. Лонгинова, („Совр.“ 1854 г., № 3, т. 64), „Воспоминанія учителя“ Кульжинскаго („Москвит.“, 1854 г., № 21, Смѣсь). „Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя“ доктора Тарасенкова („Отеч. Запис.“, 1856 г., № 12), „Воспоминанія о Гоголѣ“ П. В. Анненкова („Библіот. для Чтенія“, 1857 г., № 2), и „Н. Я. Прокоповичъ и отношеніе его къ Гоголю“ („Соврем.“, 1858 г., т. LVII), Воспоминанія Л. Арнольди („Русск. Вѣстн.“, 1862 г., № 1), Воспоминаніе о Гоголѣ, Я. К. Грота („Русск. Арх.“, 1864 г., ст. 1065 — 1068), Воспоминанія Погодина („Русск. Арх.“, 1865 г., стр. 1270 — 1278). „Послѣдніе годы Гоголя“, Чижова („Вѣстн. Евр.“, 1872 г., № 7).

Въ послѣднее десятилѣтіе литература о Гоголѣ начала быстро разрастаться; появилось много матеріаловъ, статей, воспоминаній. Особенно богатый вкладъ представляетъ недавно напечатанная „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“ С. Т. Аксакова („Рус. Арх.“, 1890, VIII), вызвавшая дѣльную и любопытную статью: „Аксаковъ о Гоголѣ“ г. А. В—на („Вѣстникъ Европы“, 1890, IX). Кромѣ того въ промежутокъ отъ 1881 до 1890 г. напечатаны о Гоголѣ слѣдующія наиболѣе любопытныя статьи: во-первыхъ, живая и весьма дѣльная статья г-жи Некрасовой: „Гоголь и Ивановъ“ („Вѣстникъ Европы“, 1883, XII); той же г-жѣ Некрасовой принадлежитъ и очеркъ отношеній Н. В. Гоголя къ графу А. П. Толстому и графинѣ А. Е. Толстой („Сборникъ въ память С. А. Юрьева“. Москва. 1891). Проф. Лавровскій, написавшій еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ, прекрасную статью:

Digitized by Google

„Гимназія Высшихъ Наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“, основанную на оффиціальныхъ документахъ, въ началѣ восьмидесятыхъ произнесъ рѣчь о Гоголѣ по случаю открытія памятника Гоголю въ Нѣжинѣ, напечатанную въ „Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Историко-Филологич. Института“ за 1881. Проф. Кояловичъ помѣстилъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ (1887 г.) біографическій очеркъ о Гоголѣ, подъ заглавіемъ: „Дѣтство и юность Гоголя“. Академикъ М. И. Сухомлиновъ составилъ прекрасную статью: „Появленіе въ печати сочиненій Гоголя“. Но особенно слѣдуетъ указать капитальное между прочимъ и въ отношеніи біографическихъ данныхъ послѣднее (десятое) изданіе сочиненій Гоголя, съ обстоятельными примѣчаніями редактора, академика Н. С. Тихонравова и его же образцовыя статьи и рѣчи, напр., „Гоголь и Щепкинъ“ („Артистъ“, 1890, I) и другія; статью проф. Алексѣя Н. Веселовскаго: „Мертвыя Души“. „Изъ этюда о Гоголѣ“ („Вѣстн. Европы“, 1891, III) и труды кіевскаго профессора Владимірова: „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“. Кіевъ. 1890 и „Очеркъ развитія творчества Н. В. Гоголя“. Кіевъ. 1891.

Кромѣ того назовемъ еще слѣдующія статьи и воспоминанія: „Воспоминанія о Гоголѣ кн. В. Н. Репниной“ („Русск. Архивъ“, 1890, X), „Etudes et Souvenirs“ О. Н. Смирновой („Nouvelle Revue“, 1885, XI—XII) „М. И. Гоголь“, біографическій очеркъ Н. А. Бѣлозерской и ея же другія замѣтки и статьи, такъ или иначе касающіяся Гоголя („Русск. Стар.“), а равно и вызванныя ими возраженія племянника Гоголя, Н. В. Быкова („Новое Время“, „Русская Старина“), возраженіе г. Трахимовскаго („М. И. Гоголь“ въ „Русской Старинѣ“, 1888, VII); далѣе „Гоголь и его отношенія къ Погодину“ („Русск. Жизнь“, 1891), „Поэтъ пошлости“ А. Д. Градовскаго („Вѣстникъ Европы“, 1890, I), „Историческое значеніе сочиненій Гоголя“ и „Иноземное вліяніе въ Россіи, изображенное Гоголемъ въ его сочиненіяхъ“, Н. Я. Аристова; далѣе слѣдуетъ назвать любопытныя свѣдѣнія о Гоголѣ въ воспоминаніяхъ проф. А. В. Никитенко, Іордана, Калмыкова и пр. („Русская Старина“), въ запискахъ В. А. Соллогуба, С. В. Скалонъ, А. Я. Головачевой („Истор. Вѣстникъ“); въ „Моихъ Воспоминаніяхъ“ Ѳ. И. Буслаева („Вѣстникъ Европы“, 1891, VII); въ замѣткахъ и статьяхъ о Гоголѣ покойнаго Г. П. Данилевскаго, въ біографіи Максимовича, составленной Пого-

Digitized by Google

маревымъ („Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“, 1871, X), въ статьѣ г. Павлова: „Гоголь и славянофилы“ („Русск. Арх.“, 1890, I) и въ статьяхъ г-жи Черницкой: „Отношенія Гоголя къ матери“ („Историч. Вѣстникъ“, 1889, VII) и „Отношенія Гоголя къ Смирновой“ („Сѣв. Вѣстникъ“, 1890, I).

Продолжалось также, и въ очень большихъ размѣрахъ, печатаніе вновь отысканныхъ писемъ. Въ этомъ отношеніи наибольшую услугу оказали въ разное время историческіе журналы и даже такія изданія, какъ „Библіографическія Записки“. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о томъ, что въ сравнительно недавнее время въ „Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Филологическаго Института“ (за 1882 г.) помѣщены составленныя г. Пономаревымъ, по случаю торжественнаго открытія въ Нѣжинѣ памятника Гоголю, подробныя библіографическія указанія всего, что было написано о Гоголѣ. Трудъ выполненъ съ образцовою добросовѣстностью и уваженіемъ къ памяти писателя. Въ немъ авторъ по возможности старается дать полный перечень когда-либо вышедшихъ статей и замѣтокъ о Гоголѣ и его письмъ. Здѣсь не упущены изъ виду даже такія вещи, которыя нерѣдко состоятъ изъ какой-нибудь полустранички или нѣсколькихъ газетныхъ столбцовъ. Наконецъ въ 1883 г., въ приложеніи къ журналу „Русская Мысль“, напечатанъ „Библіографическій указатель о Н. В. Гоголѣ отъ 1829 г. по 1882 г.“ Я. Горожанскаго. Тщательное выполненіе задачи и въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, много облегчитъ работу будущихъ изслѣдователей жизни Гоголя.

Главнымъ результатомъ разработки фактическихъ данныхъ является пока убѣжденіе въ строгой послѣдовательности личнаго развитія Гоголя, не представлявшаго рѣзкихъ поворотовъ и особенно замѣтныхъ колебаній. Заключеніе это, впервые доказательно выраженное въ августовской книжкѣ „Соврем.“ за 1857 г., принимается и подтверждается А. Н. Пыпинымъ въ его „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній отъ 20 годовъ до 50-хъ“ и профессоромъ Лавровскимъ въ его рѣчи по поводу открытія памятника Гоголю въ Нѣжинѣ. Оно при томъ совершенно согласно со словами самого Гоголя: „Съ двѣнадцатилѣтняго, можетъ быть, возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ, не шатаясь и не колеблясь никогда въ мнѣніяхъ главныхъ, не переходилъ изъ одного положенія въ другое“ и пр. (письмо къ С. Т. Аксакову, соч.

Digitized by Google

Гог., изданіе Кулиша, т. VI, стр. 73). То же самое свидѣтельствуетъ и близко знавшій Гоголя С. Т. Аксаковъ въ статьѣ „Моск. Вѣд." 1853 г., № 35: „Да не подумаютъ, что Гоголь мѣнялся въ своихъ убѣжденіяхъ; напротивъ съ юношескихъ лѣтъ онъ остался имъ вѣренъ; но Гоголь шелъ постоянно впередъ: его христіанство становилось чище, строже и суровѣе и въ этомъ только смыслѣ Гоголь измѣнялся". Итакъ задача біографіи въ настоящее время прослѣдить это постепенное и послѣдовательное развитіе Гоголя, разумѣется, главнымъ образомъ, на основаніи писемъ. О важномъ значеніи писемъ Гоголя говоритъ С. Т. Аксаковъ въ той же статьѣ „Москов. Вѣд.": „Гоголь выражается совершенно въ письмахъ; въ этомъ отношеніи они гораздо важнѣе его сочиненій". Таково-же и недавно высказанное мнѣніе проф. Лавровскаго. „Самую интересную и самую производительную часть матеріаловъ", говоритъ онъ въ упомянутой выше рѣчи, — „безъ сомнѣнія, составляютъ письма Гоголя особенно къ лицамъ наиболѣе близкимъ къ нему, которымъ онъ открываетъ свою душу. Въ этихъ письмахъ каждая черта, каждое слово, повидимому незначительныя, имѣютъ величайшую цѣну. То, что̀ кажется незначительнымъ для одного, другого можетъ повести къ весьма важнымъ соображеніямъ и заключеніямъ" [1]). Дѣйствительно, не говоря уже о томъ, что всѣ остальные источники для знакомства съ личностью Гоголя, какъ напр., воспоминанія разныхъ близкихъ къ нему лицъ, даже при возможной полнотѣ, не могутъ дать такого удовлетворительнаго средства слѣдить за постепеннымъ ходомъ этого развитія, такъ какъ всегда оставалось бы много субъективнаго въ самомъ выборѣ и даже передачѣ подробностей, которые могутъ зависѣть не только отъ произвола и личнаго взгляда разсказчика, но и отъ разныхъ случайныхъ причинъ, напр., отъ того, что̀ случайно лучше сохранилось въ его памяти, что̀ ему пріятно или непріятно было передавать; — помимо всего этого такія данныя во всякомъ случаѣ не имѣютъ полной убѣдительности несомнѣнныхъ фактовъ, какая неотъемлемо принадлежитъ письмамъ. Однимъ словомъ, если въ настоящее время возможно какое-нибудь болѣе обстоятельное разъ-

[1]) „Извѣстія Историко-Филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ", т. VI, 1881 г., неоффиціальный отдѣлъ, стр. 2.

Digitized by Google

ясненіе личности Гоголя, то преимущественно на основаніи писемъ, которыя не только сами по себѣ представляютъ обильный и въ высшей степени цѣнный матеріалъ для знакомства съ задушевными мыслями и чувствами Гоголя, но, будучи сопоставлены съ разными мѣстами въ его сочиненіяхъ, могли бы, конечно, еще теперь раскрыть многое, на что прежде не обращалось достаточно вниманія. Это соображеніе получаетъ особенное значеніе, если имѣть въ виду постоянное появленіе новаго, и уже довольно богатаго матеріала въ нашихъ литературныхъ и историческихъ изданіяхъ. На пополненіе въ будущемъ существующихъ пробѣловъ въ письмахъ, казалось бы, также можно было бы надѣяться, особенно потому, что, по сознанію самого издателя, многія изъ нихъ не могли быть въ свое время опубликованы по разнымъ причинамъ, большею частью по самому характеру отношеній автора къ лицамъ, съ которыми онъ состоялъ въ перепискѣ, тѣмъ болѣе, что многія изъ этихъ лицъ были живы во время выхода въ свѣтъ предпринятаго г. Кулишомъ изданія. Многихъ пропусковъ, по словамъ издателя, требовала часто самая скромность корреспондентовъ Гоголя, „не позволявшая обнаруживать передъ свѣтомъ душевныхъ достоинствъ, которыми онъ восхищался, и разныхъ семейныхъ отношеній, въ которыя онъ вникалъ, по своему всестороннему сочувствію“ [1]). Наконецъ, нѣкоторыя письма могли быть не напечатаны вслѣдствіе цензурныхъ затрудненій, какъ предполагаетъ А. Н. Пыпинъ. Но, къ сожалѣнію, не слѣдуетъ забывать, что если такимъ образомъ г. Кулишъ поддерживаетъ въ предисловіи къ своему изданію писемъ надежду на открытіе и обнародованіе въ будущемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя или не были у него подъ руками, но могли сохраниться у другихъ лицъ, или даже находились въ его распоряженіи, но не были своевременно напечатаны, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что многое съ тѣхъ поръ могло быть утрачено безвозвратно даже изъ его далеко неполной коллекціи [2]). „Кто знаетъ“, говоритъ г. Лавровскій, „цѣлы ли теперь тѣ письма, изъ которыхъ издателемъ были сдѣланы извлеченія, и сколько успѣло уже

---

1) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 1.

2) Такъ М. П. Погодинъ заявилъ однажды печатно, что число писемъ къ нему Гоголя доходило до двухъ тысячъ, тогда какъ напечатано изъ нихъ только около пятидесяти (см. „Русск. Жизнь“, 1891, № 39).

Digitized by Google

сойти съ житейской сцены лицъ, которыя могли бы своевременно сообщить много интересныхъ свѣдѣній по личнымъ сношеніямъ съ авторомъ“ [1]). Проф. Лавровскій находитъ возможнымъ даже отчасти упрекать самого автора „Записокъ о жизни Гоголя“ за сдѣланные имъ выпуски и сокращенія. Но кромѣ собственнаго сознанія г. Кулиша въ неполнотѣ его изданія, о степени пробѣловъ въ немъ, по крайней мѣрѣ относительно юношеской, ученической переписки Гоголя, можно до нѣкоторой степени судить по довольно частымъ, хотя и отрывочнымъ указаніямъ въ письмахъ на содержаніе утраченныхъ предшествовавшихъ писемъ. А между тѣмъ эти указанія совершенно случайны, слѣдовательно, могли пропасть и такія письма, о существованіи которыхъ мы вовсе ничего не можемъ знать; впрочемъ, такихъ, вѣроятно, было не очень много. Укажемъ въ подтвержденіе нашихъ словъ слѣдующіе факты. Въ неполнотѣ собранія мы могли бы убѣдиться уже на первыхъ страницахъ изданія г. Кулиша по письму Гоголя къ бабушкѣ, единственному во всемъ изданіи, хотя въ немъ Гоголь проситъ у нея извиненія за долгое молчаніе, что̀ можетъ служить явнымъ доказательствомъ, что и съ бабушкой Гоголь велъ, хотя и небольшую и непродолжительную, дѣтскую переписку, до насъ совершенно не дошедшую. Въ письмѣ къ родителямъ, написанномъ въ августѣ 1821 г., Гоголь говоритъ о своей тоскѣ послѣ разлуки съ ними и о томъ, что если онъ писалъ до наступленія каникулъ, что ему хорошо въ новомъ для него заведеніи, то теперь онъ чувствовалъ себя въ немъ совершенно иначе; опять предшествующее письмо, о которомъ здѣсь упоминается, не сохранилось. Отъ второго года пребыванія въ Нѣжинѣ сохранилось всего три письма, изъ которыхъ къ первой половинѣ года относится лишь одно отъ 7 января, а затѣмъ слѣдуетъ длинный промежутокъ до 10 октября,—больше девяти мѣсяцевъ. Въ письмѣ отъ 3 октября 1823 г. Гоголь напоминаетъ родителямъ просьбу прислать ему журналъ „Вѣстникъ Евр.“ съ обѣщаніемъ вскорѣ возвратить его („Покорнѣйше прошу не позабыть мнѣ прислать „Вѣстникъ Европы“, о которомъ я васъ просилъ въ предыдущемъ письмѣ“ [2]). Это опять новое ясное указаніе на

[1]) „Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института“, 1881, стр. 3.
[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 10.

Digitized by Google

недостающее письмо, можетъ быть затерянное въ дорогѣ и не дошедшее по назначенію. Въ письмѣ отъ 22 января 1824 г. Гоголь извиняется передъ родителями въ томъ, что не посылаетъ обѣщанныхъ картинъ, и тутъ-же объясняетъ, что родители его не совсѣмъ поняли, что картины, нарисованныя пастельнымъ карандашемъ, не могутъ двухъ дней пробыть, чтобы не потереться, если онѣ не вставлены въ рамки. Между тѣмъ на рождественскіе праздники Гоголь въ этомъ году домой не ѣздилъ (хотя, какъ видно изъ писемъ, поѣздка и предполагалась [1]) и, слѣдовательно, не могъ иначе обѣщать прислать картину, какъ въ письмѣ; но такого письма, гдѣ бы было это обѣщаніе, мы у Кулиша опять не находимъ. Въ томъ же году въ письмѣ отъ 13 іюня Гоголь говоритъ: „Я вамъ писалъ о пріятномъ путешествіи, которое мы скоро предпримемъ, о радостномъ нашемъ удовольствіи, о свиданіяхъ, которыя я буду вкушать. Развѣ это такой мелочной предметъ, который должно оставить безъ вниманія? Вѣрьте, любезные родители, что вся жизнь моя основана на этомъ. Сіе блаженное время я почитаю центромъ моихъ желаній, источникомъ моихъ удовольствій“ [2]). Какъ ни мало серьезнаго значенія, по всей вѣроятности, заключается въ этихъ, почти еще дѣтскихъ строкахъ, но для наиболѣе полнаго знакомства съ исторіей внутренняго развитія нашего писателя было бы, можетъ быть, не безъинтересно знать, на что онъ здѣсь намекаетъ, если только рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ не объ одной лишь поѣздкѣ домой и свиданіи съ родными. Нельзя, конечно, и тутъ не пожалѣть, что предыдущее письмо затеряно. Далѣе. Въ письмѣ, не имѣющемъ помѣты, но несомнѣнно относящемся къ половинѣ 1824 г., гдѣ оно и помѣщено въ изданіи Кулиша, читаемъ: „Извините меня, что я въ первомъ моемъ письмѣ не могъ обстоятельно описать пріѣздъ мой сюда“ [3]). Дѣло, очевидно, идетъ, о возвращеніи въ Нѣжинъ послѣ непродолжительнаго отпуска домой на лѣтнюю вакацію. Опять упоминаемаго и здѣсь письма

---

[1]) Въ слѣдующемъ году передъ Рождествомъ Гоголь писалъ: „Вы сами знаете, что я еще ни разу на сей праздникъ не былъ дома“ (т. V, стр. 16).

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 13.

[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 9. Письмо это относимъ къ 1824 г. (см. „Указ. къ письмамъ Гоголя“, I изд., стр. 50).

Digitized by Google

въ изданіи Кулиша не находимъ. Довольно, кажется, этихъ нѣсколькихъ примѣровъ, взятыхъ притомъ лишь изъ перваго десятка страницъ, чтобы убѣдиться, что намъ неизвѣстны довольно многія письма Гоголя. Прибавимъ къ сдѣланному обзору только то, что многія письма могли пропасть на почтѣ, чрезвычайно неисправной въ то время, на что приходилось не разъ жаловаться Гоголю въ письмахъ къ матери изъ Нѣжина и послѣ; наконецъ,—что нѣкоторыя письма, доставляемыя помимо почты съ такъ называемой оказіей, весьма легко могли не доходить по назначенію, особенно когда довѣрялись такимъ аккуратнымъ исполнителямъ порученій, какъ нѣкто г. Тишевскій, о которомъ Гоголь пишетъ: „Досадно мнѣ было, что не получалъ такъ долго денегъ; большую нужду терпѣлъ въ нихъ; но теперь дѣло объяснилось: вы поручили письмо Тишевскому, такъ оно и теперь лежитъ въ Полтавѣ“. (Письмо отъ 16 ноября 1826 года) [1]). Не отразились-ли подобныя впечатлѣнія и воспоминанія на той сценѣ „Ревизора“, въ которой Растаковскій разсказываетъ Хлестакову, что слишкомъ долго не получалъ резолюціи по дѣлу о прибавочномъ пенсіонѣ. „Я послалъ черезъ Сосулькина, Ивана Петровича, который ѣхалъ тогда въ Петербургъ; да онъ-то не слишкомъ надежный человѣкъ. Такъ, статься можетъ, что просьбу отнесъ не туда, куда слѣдуетъ. А оно, правда, ужъ немного и ждать осталось: тридцать лѣтъ прошло, стало быть, теперь скоро рѣшится“ [2]). Тишевскій былъ также, какъ видно по тону письма, не то что недобросовѣстнымъ, а скорѣе неисправнымъ по своей безпечности коммиссіонеромъ. Таковы бывали и собственные повѣренные Гоголя. Посылались письма также черезъ другихъ знакомыхъ, Баженова, Черныша, черезъ какого-то Егора Ильича Баранова и черезъ людей его, черезъ товарища Гоголя, Данилевскаго, наконецъ черезъ собственныхъ крѣпостныхъ людей. Что подобныхъ случаевъ потери писемъ по милости чужой неаккуратности могло быть не мало, можно видѣть изъ того, что въ маѣ 1825 г. Гоголь говоритъ: „Я писалъ вамъ письмо черезъ людей господина Баранова, и не знаю, получили-ли вы его“. Не ясно-ли, что случай, разсказанный Растаковскимъ, опирается на личныя

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 42.
[2]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 294.

Digitized by Google

воспоминанія Гоголя [1]). Почти черезъ годъ онъ удивляется (въ письмѣ отъ 14 мая 1826 г., стр. 32), что его письмо слишкомъ долго пробыло въ дорогѣ, и при томъ замѣчаетъ, что исправность почты вообще похвалить нельзя. Наконецъ въ письмѣ отъ 16 мая 1826 г. Гоголь говоритъ, что онъ въ первый разъ имѣлъ случай подивиться исправности полтавской почты. Такъ же неисправно получались, конечно, Гоголемъ и отвѣтныя письма. Наконецъ сколько писемъ могло быть затеряно или уничтожено самими лицами, ихъ получившими!... При всемъ томъ, повторяемъ, самымъ важнымъ изъ указанныхъ источниковъ слѣдуетъ считать все-таки переписку поэта, не преувеличивая, однако, слишкомъ ея значенія и помня слова самого Гоголя, что „письмо никогда не можетъ выразить и десятой доли человѣка“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ ней также нельзя еще видѣть полнаго отраженія хода духовнаго развитія Гоголя, для уясненія котораго во многихъ отношеніяхъ даютъ много матеріала его литературныя произведенія. Такъ, напримѣръ, напрасно стали бы мы искать здѣсь болѣе или менѣе замѣтнаго проявленія характеристическихъ признаковъ, отличавшихъ впослѣдствіи талантъ Гоголя; въ этихъ письмахъ ему долго почти не представлялось случая обнаруживать свою необыкновенную наблюдательность, природное остроуміе и веселость, которыми онъ, несомнѣнно, отличался еще въ дѣтствѣ. Для пополненія пробѣла должны, очевидно, служить другіе источники, и П. А. Кулишъ и Н. С. Тихонравовъ показали прекрасный примѣръ, какъ ими пользоваться.

Настоятельная потребность разобраться въ накопившемся матеріалѣ, обѣщающемъ еще многое впереди для разработки біографическихъ данныхъ, и обязанность основательно изучить его не можетъ въ настоящее время подлежать никакому сомнѣнію. Едва-ли оно противорѣчитъ уже и завѣщанію Гоголя „не спѣшить ни похвалою, ни осужденіемъ“. Не задаваясь, разумѣется, самоувѣреннымъ притязаніемъ привести

[1]) „Соч. и письма Гог.“, т. V, стр. 22. Впослѣдствіи также повторялись подобные случаи. См. письмо отъ 8 декабря 1831 г.: „Вы не получили моего письма, посланнаго отъ 13 октября, при которомъ слѣдовала вамъ на девяносто рублей посылка. Это наводитъ на меня новое недоумѣніе. Вы никакъ не упускайте этого изъ виду, сдѣлайте полтавскому почтмейстеру строгій допросъ“. („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 141).

Digitized by Google

въ исполненіе намѣченную нами очень и очень нелегкую задачу, мы беремъ на себя смѣлость предложить общественному вниманію только скромную попытку составить посильный обзоръ жизни Гоголя на основаніи матеріала, заключающагося преимущественно въ письмахъ. При этомъ мы просимъ заранѣе извиненія въ мелочномъ характерѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній, недостаточной, можетъ быть, доказательности другихъ, съ которыми мы рѣшаемся однако выступить, въ увѣренности, что если не общая группировка, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя отдѣльныя сопоставленія могутъ хотя нѣсколько пригодиться впослѣдствіи для чьей-нибудь другой, болѣе искусной и умѣлой разработки. Наша цѣль также по возможности свести и собрать въ одно все, что̀ мы могли извлечь изъ многочисленныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ и, такъ сказать, погребенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ старыхъ лѣтъ, высказать предположенія, возникающія при внимательномъ изученіи писемъ и подвергнуть ихъ провѣркѣ спеціалистовъ, и вообще людей, интересующихся біографіей Гоголя, наконецъ, по мѣрѣ силъ, хотя отчасти возстановить исторію его внутренняго развитія на основаніи имѣющихся данныхъ, стараясь при этомъ одинаково избѣгать какъ избитаго безусловно-панегирическаго тона, совершенно излишняго для незыблемой славы Гоголя, такъ особенно того дешеваго и неосновательнаго глумленія, которое было въ такой модѣ въ недавніе годы и которое своею цѣлью ставило не только ниспроверженіе незаслуженныхъ авторитетовъ, но и самодовольное посягательство на тѣ имена, которыя должны быть святынею для каждаго образованнаго человѣка. Поставивши себѣ такую цѣль, мы сочли необходимымъ въ интересахъ точности и для облегченія удобной провѣрки каждымъ желающимъ нашихъ заключеній и выводовъ и опасаясь въ то же время подозрѣнія въ произвольности или невѣрности нѣкоторыхъ предположеній, для которыхъ мы, однако, имѣли свои основанія, сопровождать изложеніе частыми выписками и цитатами.

Мы сочли бы себя вполнѣ счастливыми, если бы намъ удалось въ извѣстной степени способствовать своей работой дальнѣйшему возрастанію интереса къ жизни и перепискѣ нашего великаго писателя, интереса, значительно уже возвысившагося теперь въ сравненіи съ недавнимъ временемъ,

Digitized by Google

когда изученіе одного изъ геніальнѣйшихъ представителей русской литературы находилось въ какомъ-то непонятномъ пренебреженіи [1]).

[1]) Одна изъ газетъ, («Новое Время») ,почему-то недовольная появленіемъ въ печати обильныхъ матеріаловъ о Гоголѣ, съ досадой приписала уже мнѣ незаслуженную и преувеличенную честь возбужденія интереса къ изученію нашего великаго поэта, говоря, что оно началось съ моей «легкой руки». Но газетѣ дѣло представляется, очевидно, въ «упрощенномъ видѣ», тогда какъ можно было бы считать величайшей честью, если бы такой отзывъ былъ справедливъ на самомъ дѣлѣ и исходилъ изъ устъ болѣе компетентныхъ. Въ дѣйствительности же было не совсѣмъ такъ, что̀ ясно видно между прочимъ изъ того, что въ числѣ недавно появившихся трудовъ о Гоголѣ были также весьма почтенныя иностранныя сочиненія, напр., Вогюе, Цабель и другія, а также критическія статьи самого же г. Буренина и г. Ю. Николаева, не названныя мною въ предшествующемъ перечнѣ собственно потому, что они не относятся *непосредственно* къ источникамъ біографіи и имѣютъ совершенно иной характеръ.

Digitized by Google

ПРЕДКИ И РОДИТЕЛИ ГОГОЛЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

ПРЕДКИ Н. В. ГОГОЛЯ. ЛИЧНОСТЬ И ВЛІЯНІЕ МАТЕРИ.

Въ одномъ изъ раннихъ произведеній Гоголя въ слѣдующихъ вдохновенныхъ строкахъ выразилось живое сочувствіе юнаго писателя родной украинской старинѣ и своимъ малороссійскимъ предкамъ. „Эхъ, старина, старина! Что̀ за радость, что̀ за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что̀ давно-давно, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впутается какой-нибудь родичъ, или дѣдъ, или прадѣдъ, ну, тогда и рукой махни“ [1])... То же пламенное увлеченіе національными преданіями внушило Гоголю впослѣдствіи цѣлую поэму, въ которой яркая художественная картина блестящей эпохи казачества была согрѣта огнемъ задушевнаго чувства, жившаго глубоко въ душѣ автора.

Этими восторженно-поэтическими симпатіями къ предкамъ, однако, и ограничивалось отношеніе къ нимъ Гоголя и, насколько извѣстно, онъ никогда не интересовался, подобно Пушкину, своей генеалогіей. Въ числѣ „родичей“ его, правда, немного и нашлось бы людей не только выдающихся, но и вообще заслуживающихъ вниманія, хотя одинъ изъ нихъ былъ несомнѣнно замѣтнымъ дѣятелемъ своего времени и принималъ оживленное участіе въ политическихъ событіяхъ эпохи. Гоголь, конечно, увлекался больше общимъ поэтическимъ ко-

[1]) Соч. Гог., изд. X. т. I, стр. 81.

Digitized by Google

лоритомъ родной старины, не удѣляя особаго вниманія отдѣльнымъ лицамъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ о національномъ характерѣ и симпатіяхъ геніальнаго писателя, а также и объ отношеніяхъ его къ Украйнѣ и къ предкамъ не можетъ не представляться интереснымъ и существеннымъ при его изученіи.

Украйна была исконнымъ мѣстомъ жительства рода Гоголей, на что указываетъ находившееся въ ней, неподалеку отъ Кіева, село *Гоголевъ*, не разъ упоминаемое въ историческихъ документахъ, относящихся ко второй половинѣ XVII вѣка. Около этого времени въ малороссійскихъ лѣтописяхъ встрѣчается и имя владѣльца этого села, Евстафія или Остапа Гоголя, сначала подольскаго полковника, позднѣе могилевскаго. Личность Остапа, не смотря на отсутствіе вполнѣ опредѣленныхъ извѣстій, несомнѣнно можетъ быть признана недюжинной по своей энергіи и дарованіямъ. Послѣднее обстоятельство получаетъ особенное значеніе въ виду факта, отмѣченнаго почтеннымъ историкомъ, изучившимъ эпоху Хмельницкаго, по словамъ котораго, „чѣмъ меньше въ это время власть гетмана связывалась народнымъ собраніемъ, или радой, тѣмъ деспотичнѣе была власть полковниковъ и сотниковъ, тѣмъ болѣе усиливалось ихъ вліяніе на общественныя дѣла“. Въ монографіи Н. И. Костомарова, „Иванъ Выговскій“, не разъ упоминается имя полковника Гоголя; о немъ и ближайшихъ его сподвижникахъ покойный историкъ отзывается, какъ о людяхъ, получившихъ извѣстное образованіе. Но краснорѣчивѣе всего говоритъ въ пользу Остапа расположеніе и близость къ нему знаменитаго гетмана, довѣрившаго ему управленіе полкомъ [1]).

Дѣятельность Остапа, какъ лица подвластнаго и вынужденнаго соображаться съ обстоятельствами и волей сильныхъ, носила характеръ не вполнѣ самостоятельный въ силу внѣшнихъ условій; мы видимъ его то на сторонѣ Польши, то Москвы;

---

[1]) Имя Остапа упоминается въ первый разъ подъ 1655 г. въ краткой исторіи Малороссіи,—обыкновенно прилагаемой къ извѣстной малороссійской лѣтописи Самовидца и потому несправедливо считавшейся ея продолженіемъ,—гдѣ отмѣчено, что въ этомъ году татары съ поляками облегли въ Умани христіанскіе полки, и въ томъ числѣ полкъ Гоголя, а потомъ двинулись противъ Хмельницкаго на Ставищи и осадили его въ полѣ, которое послѣ прозвано Дрижиполемъ.

Digitized by Google

онъ постоянно готовъ былъ измѣнить ей, и если не тяготѣлъ преимущественно къ Рѣчи Посполитой, то, быть можетъ, просто дѣйствовалъ, соображаясь съ обстоятельствами и оправдывая собой извѣстную невыгодную характеристику казаковъ его времени: „Черкасы—воровскіе люди“.

По смерти знаменитаго его покровителя судьба Остапа была связана съ именами Выговскаго и особенно Дорошенка [1]).

Такимъ образомъ предки Николая Васильевича принадлежали къ старинному малороссійскому роду, получившему нѣкоторую извѣстность во времена Богдана Хмельницкаго.

Позднѣе родъ этотъ, подобно многимъ другимъ, подчинился чуждому вліянію и въ числѣ двухъ своихъ представителей вступилъ было въ ряды польскаго шляхетства, но вскорѣ возвратился къ православной вѣрѣ и родной Украйнѣ. Временное уклоненіе въ католицизмъ, очевидно, было вызвано щедрымъ королевскимъ даромъ Остапу, которымъ предоставлялось ему право наслѣдственнаго владѣнія надъ помѣстьемъ Ольховцами съ женой и сыномъ. Этимъ случайнымъ и эпизодическимъ обстоятельствомъ объясняется странное, повидимому, свидѣтельство дѣда нашего писателя, который, доказывая свое дворянское происхожденіе, выразился въ оффиціальномъ донесеніи, что „его предки, фамиліей Гоголи, польской націи“. Онъ разумѣлъ въ данномъ случаѣ, очевидно, только ближайшихъ представителей рода, такъ какъ указаніе на ихъ права болѣе соотвѣтствовало его цѣлямъ. Это былъ тотъ именно дѣдъ Гоголя, который, по мнѣнію біографа нашего писателя, былъ изображенъ въ Аѳанасіи Ивановичѣ Товстогубѣ [2]), и который въ дѣйствительности носилъ имя

---

[1]) Когда послѣ Хмельницкаго между казаками вспыхнула распря, обнаружившая затаенныя стремленія двухъ противоположныхъ партій, притихшихъ и на время успокоившихся при жизни славнаго гетмана, — между такъ называемыми *„значными“* казаками скоро обнаружились сторонники союза съ Польшей на новыхъ, федеративныхъ, основаніяхъ, которыя гарантировали бы для Малороссіи сохраненіе относительной политической свободы. Къ этой-то партіи и примкнулъ Остапъ, который, вѣроятно, сочувствовалъ воодушевлявшей ея идеѣ еще при жизни Хмельницкаго, долго колебавшагося въ выборѣ между примиреніемъ Малороссіи съ Польшей и присоединеніемъ къ Московскому государству. Впослѣдствіи Остапъ является однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ помощниковъ Данилы Выговскаго (брата гетмана) при нападеніяхъ его на Кіевъ,

[2]) По другимъ свѣдѣніямъ прототипомъ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны были старички Зарудные, сосѣди Гоголей.

Digitized by Google

Аѳанасія Демьяновича. Онъ былъ уже настоящій малороссъ и, конечно, не имѣлъ въ своемъ характерѣ ровно ничего польскаго.

Еще отецъ Аѳанасія Демьяновича былъ православный; онъ даже постригся, по окончаніи курса въ кіевской духовной семинаріи, въ священники въ родномъ селѣ Кононовкѣ (Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи), куда переселился изъ своихъ польскихъ помѣстій, „вышедши въ Россійскую сторону“, родитель его, Янъ Гоголь, воспитанникъ той же академіи. Въ честь послѣдняго потомка его стали называться Гоголи - Яновскіе. Не слыхавъ, вѣроятно, о происхожденіи этой фамильной прибавки, Гоголь впослѣдствіи отбросилъ ее, говоря, что онъ не знаетъ, откуда она взялась, что ее „поляки выдумали“ [1]).

Вотъ почти все, что̀ извѣстно о предкахъ Гоголя. Такъ же скудны свѣдѣнія и объ отцѣ его, Василіи Аѳанасьевичѣ, о которомъ мы знаемъ почти только то, что онъ отличался веселымъ, добродушнымъ характеромъ и обладалъ отчасти сценическимъ талантомъ. Произведенія его цѣнилъ его геніальный сынъ уже въ возрастѣ юноши, въ бытность свою въ Петербургѣ, а въ дѣтствѣ, при жизни отца, ему нерѣдко случалось во время хлопотъ о театрѣ обращаться къ нему за совѣтами, какъ любителю и знатоку, опытному какъ въ игрѣ, такъ особенно въ постановкѣ пьесъ [2]).

когда Иванъ Выговскій, не оставляя своей уклончивой и лицемѣрной политики, прикрывался личиной преданности Москвѣ, замышляя въ то же время воспользоваться враждебнымъ настроеніемъ Украйны противъ москалей, чтобы произвести возстаніе. Однажды московскій воевода Шереметевъ доносилъ, что подольскій полковникъ вмѣстѣ съ другими пытались незамѣтно для москалей подступить къ Кіеву, но когда съѣхались съ московскими холопами, то не пошли далѣе и остановились за рѣчкой Лыбедью въ трехъ верстахъ отъ Кіева. Наконецъ, когда, послѣ пораженія своей партіи, Данила Выговскій принужденъ былъ удалиться въ лодкѣ за Днѣпръ, то бѣжавшіе драгуны укрылись отъ преслѣдованій *въ семь Гоголевъ*. При избраніи же въ Переяславлѣ на гетманство Юрія Хмельниченка Гоголь явно выказалъ свое недовольство, усмотрѣвъ въ переяславскихъ статьяхъ что-то „новоприданное“, небывалое. Послѣднія лѣтописныя извѣстія объ Остапѣ представляютъ его уже энергическимъ сообщникомъ Дорошенка, который пользовался имъ въ переговорахъ съ Крымомъ и Царьградомъ. Въ заключеніе своей карьеры онъ получилъ отъ польскаго короля помѣстье Ольховцы въ награду за услуги, оказанныя Рѣчи Посполитой.

[1]) См. „Русскій Архивъ“, 1875, 1, 439.

[2]) Вмѣстѣ съ просьбой о присылкѣ полотна для театра Гоголь высказываетъ

Digitized by Google

Какъ авторъ нѣсколькихъ комедій изъ малороссійскаго быта, разыгранныхъ на домашней сценѣ его родственника Трощинскаго, онъ, безъ сомнѣнія, не мало способствовалъ развитію въ мальчикѣ эстетическаго вкуса и наклонности къ юмору, но во всякомъ случаѣ онъ умеръ слишкомъ рано, чтобы имѣть серьезное вліяніе на сына, которое поэтому едва ли могло оставить болѣе или менѣе глубокіе слѣды. Участіе его въ развитіи ребенка, кромѣ наслѣдственности, могло имѣть значеніе не столько самостоятельное и рѣзко выдающееся, сколько какъ отдѣльное звено въ общей совокупности условій, согласно дѣйствовавшихъ въ смыслѣ образованія личности.

Но если нельзя допустить болѣе дѣйствительнаго вліянія на Гоголя со стороны его отца, то любовь его къ послѣднему видна какъ изъ писемъ, при жизни его, такъ съ особенною яркостью проявляется въ нѣкоторыхъ письмахъ къ матери вскорѣ послѣ его смерти. Въ одномъ изъ нихъ Гоголь съ грустью говоритъ напр. о томъ, что онъ хотѣлъ послать свое сочиненіе и нѣсколько картинокъ папенькѣ, но «видно ему не угодно было ихъ видѣть“ [1]). Въ другомъ письмѣ, проникнутомъ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ, рядомъ съ изліяніемъ самыхъ пылкихъ мечтаній о будущемъ, онъ вдругъ вспоминаетъ съ чувствомъ объ отцѣ, образъ котораго, по его словамъ, „одушевляетъ его въ трудномъ пути жизни и въ минуты горя разсвѣтляетъ сгустившіяся думы“ [2]).

Не меньшею любовью Гоголя пользовалась и мать его, Марья Ивановна.

По нашему мнѣнію, отношенія Гоголя къ матери должны быть опредѣлены со всею точностью; они заслуживаютъ самаго тщательнаго и полнаго изученія, какъ по степени ихъ значенія, такъ и по мѣсту, занимаемому ими въ ряду вопросовъ, разъясненіе которыхъ еще возможно на основаніи существующихъ источниковъ. Много было говорено въ біографиче-

---

однажды надежду, что отецъ не откажется помочь ему въ приготовленіи костюмовъ.—О литературной дѣятельности Гоголя—отца см. въ „Русской Сценѣ“ 1865, № 6 и 7. „Гоголь—отецъ“. „Очерки украинской драматич. литературы“ статья Маруси К. и въ „Основѣ“, 1862, № 2, „Гоголь — отецъ, его комедія „Простакъ“.

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, V, 21 стр.

[2]) Тамъ же, стр. 50.

Digitized by Google

скихъ статьяхъ о Гоголѣ о вліяніи на его развитіе всей родственной среды, особенно отца и дѣда, наконецъ самой домашней обстановки, воспитавшей въ немъ любовь къ Малороссіи и сообщившей его творчеству нѣкоторыя черты національнаго юмора. Но при этомъ постоянно упускалось изъ виду, что подобнымъ вліяніемъ до нѣкоторой степени онъ могъ быть обязанъ въ раннемъ возрастѣ и матери, напр. она также отличалась, по словамъ Гоголя (въ одномъ изъ первыхъ петербургскихъ писемъ), въ довольно почтенной степени знакомствомъ съ малороссійскимъ бытомъ [1]). Въ образованіи *нравственной личности Гоголя* изъ всѣхъ близкихъ къ нему людей едва ли не ей принадлежитъ главное мѣсто, о чемъ можно предполагать уже по продолжительности этого вліянія, сохранявшаго свою силу въ самый важный періодъ образованія характера сына. Во время его юности она являлась, какъ видно изъ писемъ, наиболѣе интимною его собесѣдницей, такъ какъ ей онъ повѣрялъ занимавшія его мысли и томившія заботы. Ее онъ называетъ въ письмѣ къ Косяровскому ангеломъ-хранителемъ своимъ, рѣдкою матерью, также великодушною, достойнѣйшею изъ всѣхъ матерей [2]).

Важнѣйшія данныя для опредѣленія степени и характера вліянія на Гоголя его матери даетъ намъ одно изъ петербургскихъ его писемъ, когда онъ, уже въ зрѣломъ возрастѣ, оглядываясь на прошедшее, дѣлаетъ довольно обстоятельную оцѣнку первоначальнаго своего воспитанія. Искренній и свободный отъ какихъ бы то ни было панегирикъ тонъ письма дѣлаетъ его особенно интереснымъ. Озабоченный будущностью одной изъ меньшихъ сестеръ и раздѣляя о ней попеченія матери, Гоголь даетъ послѣдней практическіе совѣты, то рекомендуя пользоваться уже испытанными на себѣ педагогическими пріемами, то напротивъ предостерегая отъ повторенія сдѣланныхъ уже однажды ошибокъ. Въ ряду мнѣній, высказанныхъ имъ по этому поводу, особенное вниманіе обращаетъ на себя между прочимъ, вѣроятно, не лишенный основанія упрекъ въ неумѣломъ обращеніи съ нимъ,—упрекъ, объясняющій многое въ сложившемся у него характерѣ. Изъ собственнаго со-

---

[1]) „Вы имѣете тонкій, наблюдательный умъ. Вы много знаете нравы и обычаи Малороссіянъ нашихъ“. (V т., стр. 81).

[2]) „Русск. Стар.“, 1875, I, 43—44.

Digitized by Google

знанія Гоголя можно убѣдиться, что позднѣйшее его самомнѣніе было до нѣкоторой степени естественнымъ и весьма обычнымъ плодомъ неумѣреннаго обожанія и излишней нѣжности, которыми часто окружаютъ своихъ первенцевъ неопытныя матери. „Я помню", говоритъ онъ, „я ничего сильно не чувствовалъ, глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого я особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохновила это чувство" [1]). При подобномъ воспитаніи подъ вліяніемъ различныхъ условій и неодинаковыхъ природныхъ задатковъ, какъ извѣстно, люди выходятъ или крайними эгоистами, или по крайней мѣрѣ чрезмѣрно самонадѣянными, если они не лишены души и сердца. Къ послѣдней категоріи слѣдуетъ, можетъ быть, отнести Гоголя. Въ общемъ сдѣланная имъ оцѣнка собственнаго воспитанія оказалась очень сочувственная и, конечно, не безъ основанія. Не стѣсняясь серьезно и искренно указывать нѣкоторые недостатки въ своемъ воспитаніи, онъ даетъ о немъ отзывъ, полный любви и благодарности, и съ увлеченіемъ восклицаетъ: „Я очень помню, какъ вы меня воспитывали. Дѣтство мое донынѣ часто представляется мнѣ. Вы употребляли все усиліе воспитать меня". Особенное одобреніе и сочувствіе возбуждаютъ въ немъ воспоминанія разсказовъ матери о страшномъ судѣ, которые въ немъ „потрясли и разбудили всю чувствительность, заронили впослѣдствіи самыя высокія мысли".

Основа религіознаго чувства, имѣвшаго столь важное значеніе въ жизни Гоголя и наложившаго яркій отпечатокъ на всѣ его взгляды и убѣжденія, была заложена, слѣдовательно, по его собственному сознанію, еще въ раннемъ дѣтствѣ все тою же заботливою и любящею матерью. При несомнѣнно искреннемъ благочестіи она, естественно, не могла не обратить особеннаго вниманія на эту важнѣйшую задачу воспитанія. Впрочемъ путь и пріемы, которыми она стремилась возбудить въ ребенкѣ религіозное чувство, не были вполнѣ одобрены Гоголемъ, находившимъ, что родители рѣдко бываютъ вполнѣ хорошими воспитателями своихъ дѣтей, и что мать его не составляла исключенія изъ общаго правила. Высказывая эту мысль, Гоголь имѣлъ въ виду, кромѣ упомянутаго недостатка

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 186.

Digitized by Google

въ обращеніи съ нимъ, способствовавшаго, какъ мы видѣли, развитію самонадѣянности, также неправильное развитіе религіознаго чувства; онъ возражаетъ противъ излишняго формализма, выразившагося въ заботахъ пріучить ребенка прежде всего къ неуклонному почитанію обрядовой стороны, при невниманіи къ надлежащему объясненію непонятной для дитяти сущности религіи. „На все глядѣлъ я безстрастными глазами; я ходилъ въ церковь потому, что мнѣ приказывали, или носили меня, но, стоя въ ней, я ничего не видѣлъ, кромѣ ризъ, попа и противнаго ревѣнія дьячковъ. Я крестился потому, что видѣлъ, что всѣ крестятся“...

Такимъ образомъ въ разобранномъ письмѣ указаны до нѣкоторой степени свѣтлыя и темныя стороны первоначальнаго воспитанія нашего писателя матерью *). Но если для

*) О нравственной атмосферѣ, окружавшей Гоголя въ семьѣ, мы можемъ съ полной достовѣрностью утверждать, что это была атмосфера весьма скромная и вполнѣ хорошая, здоровая и чистая, такъ какъ единственнымъ неблагопріятнымъ условіемъ въ ней для моральнаго развитія Гоголя было лишь то, что, какъ мы сказали, онъ былъ баованнымъ ребенкомъ, для котораго дѣлалось все возможное, котораго любили и, какъ говорится, носили на рукахъ... По письмамъ Гоголя къ матери нѣкоторые догадываются, что въ семейной деревенской обстановкѣ его родителей былъ *еще одинъ нежелательный и вредный элементъ*, присутствіе котораго въ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ онъ считалъ впослѣдствіи положительно вопіющимъ. Вѣроятно, недаромъ онъ предостерегалъ потомъ свою мать отъ вреднаго вліянія на младшихъ дѣтей со стороны дѣвичьей. Онъ энергически настаивалъ, чтобы сестру его Ольгу „отдалили отъ дѣвичьей“, „чтобы она туда *никогда не заходила*“ [1]). Когда ту же сестру его отдали въ пансіонъ, то Гоголь снова энергично настаиваетъ на высказанной имъ уже раньше мысли: „хорошо, что вы не даете съ нею дѣвки. Это совершенно не нужно. Особенно подтвердите мадамъ, чтобы она держала ее при себѣ или съ другими дѣтьми, но чтобы отнюдь не обращалась она съ дѣвками“ [2]). Эти сопоставленія, ускользнувшія отъ нашего вниманія при первомъ изданіи книги, мы нашли въ статьѣ неизвѣстнаго намъ автора статьи: „Н. В. Гоголь въ своихъ отношеніяхъ къ Погодину“ („Русская Жизнь“, 1891, № 53).—Недоумѣваемъ, какъ могъ авторъ статьи рѣшиться рядомъ съ этими сопоставленіями прибавить, что *недаромъ* писалъ Гоголь матери въ 1829 г. изъ Петербурга: „нравственность моя здѣсь была несравненно чище, нежели въ бытность мою въ заведеніи и дома“ [3]). Этотъ и дальнѣйшіе намеки касаются столь щекотливыхъ подробностей юношеской жизни, что выдвигать ихъ едва-ли полезно и нужно, какъ и нѣкоторыя игривыя недомолвки Гоголя въ интимныхъ пись-

1) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 185 и 187.
2) Тамъ же, стр. 190.
3) Тамъ же, стр. 96.

Digitized by Google

насъ не можетъ не представлять извѣстнаго интереса этотъ искренній отзывъ, то съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія, что случайная характеристика безъ другихъ свѣдѣній въ высшей степени недостаточна. Поэтому считаемъ умѣстнымъ остановиться подробнѣе на ознакомленіи съ личностями обоихъ родителей Гоголя и привести нѣкоторыя данныя для знакомства съ образомъ жизни Марьи Ивановны Гоголь и ея отношеніями къ сыну на основаніи находящихся въ нашемъ распоряженіи неизданныхъ писемъ ея къ одному изъ наиболѣе близкихъ и любимыхъ ея родственниковъ, къ ея двоюродному брату, Петру Петровичу Косяровскому. По своему содержанію письма эти представляютъ почти исключительно фамильный интересъ, но они могутъ имѣть значеніе по нѣкоторымъ заключающимся въ нихъ даннымъ, имѣющимъ цѣну въ качествѣ біографическаго матеріала [1]). Въ этихъ письмахъ передъ читателемъ живо рисуется простая, но въ то же время умная и симпатичная личность Марьи Ивановны и отчасти та патріархальная среда, въ которой росъ и воспитывался будущій нашъ первоклассный писатель.

махъ къ товарищамъ,—тѣмъ болѣе, что все это могло быть сказано въ шутку и многое нуждалось бы въ подтвержденіи, если бы того заслуживало. Мы съ своей стороны не беремъ на себя останавливаться на этомъ, а равно и въ дальнѣйшемъ изложеніи — на нѣкоторыхъ двусмысленныхъ подробностяхъ гимназической распущенности въ Нѣжинѣ, въ которой, какъ признается и авторъ статьи, Гоголь едва ли былъ повиненъ, „будучи увлеченъ вовсе не въ ту сторону“.

[1]) Въ нихъ, напримѣръ, находимъ любопытное свѣдѣніе объ одной изъ причинъ, побудившихъ Гоголя поспѣшно вернуться изъ перваго заграничнаго путешествія. См. мой „Указатель къ письмамъ Гоголя,“, изд. I, стр. 75.

Digitized by Google

II.

СВѢДѢНІЯ О ЖИЗНИ И БЫТѢ РОДИТЕЛЕЙ ГОГОЛЯ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ при разработкѣ матеріаловъ для біографіи какой-либо исторической личности справедливо считается разъясненіе тѣхъ разнообразныхъ вліяній, которымъ она подвергалась съ самаго появленія своего на свѣтъ. Все это представляется не только самою важною, но и самою трудною стороною при изученіи, нуждающеюся въ особенно тщательномъ и серьезномъ къ ней отношеніи и въ строгомъ выборѣ матеріала, такъ какъ преждевременные выводы и обобщенія могутъ иногда не только не принести пользы, но и причинить существенный вредъ. Вотъ та точка зрѣнія, руководствуясь которою, мы рѣшаемся, на основаніи новыхъ, еще не бывшихъ въ печати источниковъ, подвергнуть пересмотру и дополнить разрозненныя свѣдѣнія о родителяхъ Гоголя, отмѣчая при случаѣ тѣ черты ихъ характеровъ, которыя могъ унаслѣдовать ихъ геніальный сынъ. Само собою разумѣется, что въ предлагаемомъ очеркѣ нельзя ожидать не только полнаго освѣщенія всѣхъ сторонъ ихъ жизни, но и желательной равномѣрности въ отношеніи подробностей изложенія, такъ какъ на характерѣ и размѣрахъ его неизбѣжно отражается отрывочность и случайность матеріала, бывшаго въ нашихъ рукахъ.

I.

Скудныя свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать объ отцѣ Гоголя, сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что это былъ человѣкъ выросшій и проведшій всю жизнь въ скромной деревенской обстановкѣ, преданный всей душой семьѣ и роднымъ и не чуждый того мечтательнаго романтизма, который въ старину нерѣдко находилъ себѣ пріютъ въ отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества. Природа щедро одарила его,

Digitized by Google

какъ бы предназначивъ для широкаго поприща и серьезной умственной дѣятельности, но судьба и обстоятельства жизни не допустили замѣтно выдѣлиться изъ толпы обыкновенныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ. Ему, повидимому, не приходило и на мысль мечтать о литературной извѣстности; ни личный характеръ, чрезвычайно скромный и удовлетворяющійся немногимъ, ни весь складъ жизни не представляли данныхъ для честолюбія этого рода. Совершенно случайное обстоятельство вызвало творчество Василія Аѳанасьевича, но даже и при этихъ условіяхъ историки украинской литературы отводятъ ему почетное мѣсто въ своихъ трудахъ, и смѣло можно утверждать, что мимо, такъ сказать, рекомендаціи со стороны знаменитаго сына, однѣми комедіями-шутками его имя было бы спасено отъ забвенія.

Василій Аѳанасьевичъ Гоголь родился въ 1780 г. въ своемъ наслѣдственномъ хуторѣ Купчинскомъ, близъ рѣки Голтвы, въ сотнѣ Шишацкой. Впослѣдствіи этотъ хуторъ былъ по его имени названъ Васильевкой, а по прибавочной фамиліи— Яновщиной. Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ, касающихся ранняго его дѣтства; извѣстно только, что онъ былъ сынъ войскового писаря и воспитаніе получилъ въ Полтавской духовной семинаріи, какъ въ единственномъ тогда заведеніи родного города. „Мужъ мой“,—говоритъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ жена его, Марья Ивановна,— „учился въ Полтавѣ, гдѣ еще не было, кромѣ семинаріи, ничего“. При такомъ отзывѣ Марьи Ивановны, мнѣніе которой могло быть отголоскомъ мнѣнія мужа, можно думать, что развитіемъ своихъ способностей Василій Аѳанасьевичъ былъ обязанъ почти только личной любознательности и живому, наблюдательному уму. Въ этомъ отношеніи судьба его чрезвычайно походитъ на судьбу его знаменитаго сына. Послѣдній, впрочемъ, благодаря исключительному положенію школы, въ которой воспитывался, встрѣтилъ въ ней довольно развитое товарищество, тогда какъ Василій Аѳанасьевичъ, конечно, не могъ особенно похвалиться и въ этомъ отношеніи... Къ счастью, онъ имѣлъ умнаго, хорошо образованнаго отца. Аѳанасій Демьяновичъ, хотя и не принадлежалъ уже къ духовному званію, подобно двумъ ближайшимъ своимъ предкамъ, изъ которыхъ одинъ, какъ мы видѣли, былъ даже служителемъ алтаря, но также, какъ названные предки, прошелъ

Digitized by Google

черезъ семинарію и завершилъ свое образованіе въ Кіевской духовной академіи. Сохранились воспоминанія, указывающія на то, что Аѳанасій Гоголь получилъ въ академіи настолько основательное для своего времени образованіе, что считался знатокомъ языковъ, особенно латинскаго и нѣмецкаго, которые преподавалъ дѣтямъ своихъ деревенскихъ сосѣдей. О самой женитьбѣ его разсказываютъ анекдотъ, что онъ похитилъ изъ родительскаго дома любимую свою ученицу, Татьяну Семеновну Лизогубъ, дочь бунчуковаго товарища Семена Лизогуба, по матери изъ фамиліи Танскихъ. Онъ предварительно объяснился ей въ любви, скрывъ записку въ скорлупѣ грецкаго орѣха, и, удостовѣрившись во взаимности, обвѣнчался съ нею безъ вѣдома родителей. Отмѣчаемъ этотъ фактъ, какъ единственный извѣстный случай изъ жизни дѣда нашего безсмертнаго писателя, изображенный послѣднимъ въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ [1]). Для насъ особенно важно, что родъ Гоголей-Яновскихъ отличался интеллигентностью и любовью къ умственнымъ занятіямъ. Впрочемъ, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, какъ сынъ помѣщика, уже гораздо меньше заботился о своемъ образованіи. Не предназначая себя по окончаніи курса въ семинаріи къ духовному званію, онъ не пошелъ по примѣру отца и дѣда въ академію [2]) и считалъ свое образованіе законченнымъ. Старинная рутина помѣщичьяго благодушія и скудный выборъ дорогъ при опредѣленіи карьеры побуждали въ тѣ времена большинство молодыхъ людей, не задумываясь о призваніи, идти по слѣдамъ окружающихъ; почти всѣ они посвящали себя сельскому хозяйству и спокойно оставались на всю жизнь въ имѣніяхъ. На девятомъ году отъ роду молодой Гоголь былъ зачисленъ (номинально) въ военную службу корнетомъ, но позднѣе былъ переименованъ гражданскимъ чиномъ и перешелъ на службу въ малороссійскій почтамтъ [3]). По выходѣ въ отставку

[1]) Изъ этого не слѣдуетъ, однако, заключать, что Аѳанасій Демьяновичъ и жена его послужили исключительно прототипами для Аѳанасья Ивановича и Пульхеріи Ивановны, большое сходство съ которыми представляли также, какъ было сказано, старички Зарудные и многіе другіе.

[2]) Ниже мы встрѣтимъ противорѣчащее этому показаніе; но трудно теперь установить истину. Мы основываемся въ данномъ случаѣ на запискахъ М. И. Гоголь.

[3]) Свѣдѣніе это заимствуемъ изъ статьи Лазаревскаго: „Очерки малороссійскихъ фамилій“ („Русск. Архивъ“, 1875 г., 4, 452). Непонятнымъ можетъ по-

Digitized by Google

до самой женитьбы онъ долженъ былъ помогать родителямъ въ ихъ хозяйственныхъ заботахъ и большую часть времени употреблялъ на исполненіе разныхъ мелкихъ порученій. Часто приходилось ему ѣздить въ сосѣднія деревни, особенно Сорóчинцы, а когда родители уѣзжали изъ Яновщины. на обязанности молодого человѣка лежало занимать гостей. Вообще онъ игралъ въ домѣ второстепенную роль паныча, которою совершенно удовлетворялся. Самымъ знаменательнымъ событіемъ въ жизни Василія Аѳанасьевича была, конечно, его женитьба на Марьѣ Ивановнѣ Косяровской. Здѣсь особенно выказала себя его романтическая натура. Уцѣлѣвшая небольшая переписка съ невѣстой, а потомъ женой, знакомитъ непосредственно съ его личностью и отчасти со степенью его литературнаго образованія. Чтеніе распространенныхъ тогда сентиментальныхъ романовъ должно было оставить замѣтные слѣды въ его душѣ, если въ минуты страстныхъ изліяній у него вырываются выраженія, отзывающіяся складомъ литературныхъ произведеній его времени. Такія выраженія, какъ „наша дружба основана на священныхъ правилахъ честности“, или „я долженъ прикрывать видомъ веселости сильную печаль, происходящую отъ страшныхъ воображеній“, даже выборомъ словъ напоминаютъ стиль карамзинскихъ повѣстей и писемъ... Съ будущей своей женой Василій Аѳанасьевичъ былъ знакомъ еще въ дѣтствѣ; какъ сосѣди, они часто видали другъ друга; но когда красивая дочь помѣщика Косяровскаго, получившая впослѣдствіи отъ тетки своей Трощинской за нѣжный цвѣтъ лица прозваніе бѣлянки, стала подрастать,—она произвела сильное впечатлѣніе на своего романтика-сосѣда. Въ сердцѣ Василія Аѳанасьевича вспыхнула страсть, увѣнчавшаяся счастливымъ брачнымъ союзомъ, не омраченнымъ ничѣмъ въ продолженіе почти двадцатилѣтней супружеской жизни и оставившимъ въ пережившей мужа подругѣ жизни навсегда самыя свѣтлыя и теплыя воспоминанія. Марья Ивановна втайнѣ отвѣчала на пылкое увлеченіе жениха, но при всемъ томъ не рѣшалась даже читать его письма, которыя она почтительно передавала нераспечатанными отцу или теткѣ. Приводимъ здѣсь

казаться. какимъ образомъ служба Гоголя отнесена къ 1788 г. (ему было тогда всего 8 лѣтъ); разъисненія см. въ приложеніяхъ въ концѣ книги.

Digitized by Google

вполнѣ эти записки В. А. Гоголя къ невѣстѣ, писанныя на обрывкахъ простой синей бумаги.

1. „Единственный другъ! Итакъ я, полагаясь на ваши увѣренія, осмѣливаюсь назвать васъ другомъ, а болѣе чувствую удовольствіе, что вы, свято почитая добродѣтель, чувствуете цѣну таковой дружбы, основанной единственно на священныхъ правилахъ честности. Теперь мнѣ одно утѣшеніе въ скукѣ — только къ вамъ писать, а видѣться съ вами нескоро буду. Мои родители ѣдутъ къ вамъ, а я остаюсь дома съ гостьми, а потомъ всюду съ унылымъ сердцемъ по дѣламъ изъ дому. Одно мнѣ осталось облегченіе — видѣть хоть въ одной строкѣ дѣйствіе души вашей. Не лишите меня сего счастія увѣдомить о вашемъ здоровьѣ: оно составляетъ мою жизнь и благополучіе. Прощайте, вашъ вѣчно вѣрный другъ Василій“.

2. „Къ великой моей горести я не могу съ вами ничего поговорить, долженъ холодно обходиться и прикрывать видомъ веселости сильную любовь и печаль, происходящую отъ страшныхъ воображеній! Ахъ, можетъ, вы меня не любите! можетъ, вы перемѣнили ужъ свое намѣреніе, но я ничего не знаю, и отчаяніе ежеминутно терзаетъ мое сердце. Я сегодня долженъ ѣхать, не говоря съ вами! О, какъ несносна для меня сія разлука, тѣмъ болѣе, что я не увѣренъ въ вашей любви. Увѣрьте меня хоть однимъ словомъ, пожалѣйте несчастнаго! Прощайте, вашъ вѣчно усердный Василій“.

3. „Вы мнѣ не отвѣчали на мою записку! вы меня не жалѣете! Ахъ, когда бы вы знали, какая горесть снѣдаетъ меня! Я не могу уже скрыть своей печали. О, несчастнѣйшій, что я сдѣлалъ! Я васъ огорчилъ! Вы меня не простили! Какъ я могу отсюда [1]) удалиться, покуда вы меня не простите! Пожалѣйте! простите! Удостойте меня одной строчки—и я благополученъ. Болѣе не могу писать: перо выпадаетъ изъ моихъ рукъ....“

4. „Единственный другъ! Нѣкоторая надобность заставляетъ меня пробыть здѣсь [2]) до обѣда. Но я сказалъ вчера тетушкѣ, что рано поѣду и что у васъ не буду. Ахъ, какъ бы я же-

[1]) Изъ Яресокъ.

[2]) Въ селѣ Яресках, гдѣ жила тетка Марьи Ивановны; писано съ квартиры.

Digitized by Google

лалъ еще, васъ увидѣть! Но совѣстно перемѣнять уже то, что̀ сказалъ. Однакожъ тетушка хотѣла писать матушкѣ. Можетъ, вы будете писать; я посылаю нарочнаго человѣка. О, когда бы мнѣ приказали придти за письмомъ! Прощайте, я не могу выразить, что̀ со мною дѣлается. О Боже, какъ я отсюда выѣду! Прошу васъ, пожалѣйте несчастнаго! Не забудьте вашего вѣчно вѣрнаго друга Василія".

5. „Милая Машенька! Многія препятствія лишили меня счастія сей день быть у васъ! Слабость моего здоровья наводитъ страшное воображеніе, и лютое отчаяніе терзаетъ мое сердце. Прощайте, наилучшій въ свѣтѣ другъ! Прошу васъ быть здоровой и не безпокоиться обо мнѣ. Увѣряю васъ, что никто въ свѣтѣ не можетъ столь сильно любить, сколько любитъ васъ и почитаетъ вашъ вѣчно вѣрнѣйшій другъ несчастный Василій. Я завтра ѣду въ Сорочинцы и всячески буду поспѣшать, чтобы скорѣе увидѣться съ вами".

Приписка сбоку:

„Прошу васъ, не показывайте сего несчастнаго выраженія страсти родителямъ вашимъ. И самъ не знаю, какъ пишу".

Но что за личность была невѣста, эта вдохновительница нашего пламеннаго романтика? Съ нею и съ отношеніями ея къ жениху мы знакомимся изъ отрывочныхъ воспоминаній, набросанныхъ ею въ старости, по просьбѣ извѣстнаго біографа ея сына, П. А. Кулиша.

„Дѣтства своего",—разсказываетъ она въ этихъ запискахъ, „я почти не помню. Отецъ мой былъ женатъ на Марьѣ Ильиничнѣ Шостакъ, служилъ въ военной службѣ, простудился и потерялъ одинъ глазъ, что̀ заставило его выйти въ отставку. Потомъ отецъ мой служилъ въ Орлѣ и оставилъ меня полуторамѣсячной у тетки Анны Матвѣевны Трощинской (сестры отца моего, Ивана Матвѣевича Косяровскаго; у него былъ еще братъ Петръ Матвѣевичъ [1]). У нея былъ сынъ, который служилъ въ Петербургѣ; онъ очень любилъ меня. Тетка сама учила меня, какъ могла. Когда отецъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ за мной, я мало знала родителей и мнѣ очень не хотѣлось оставлять тетку; я много плакала. Дома въ хуторѣ (въ семи верстахъ отъ Васильевки) я увидѣла сестру и брата; но очень грустила за теткой (ма-

[1]) Отецъ Павла и Петра Петровичей Косяровскихъ, о которыхъ см. ниже.

Digitized by Google

лороссіанизмъ вмѣсто—по теткѣ), которая опять взяла меня и я у нея оставалась до двѣнадцати лѣтъ. Потомъ отецъ получилъ мѣсто почтмейстера въ Харьковѣ и взялъ меня отъ тетки, гдѣ я начала учиться съ братомъ, но скоро доктора совѣтовали отцу оставить службу, если не хочетъ потерять совершенно зрѣнія, и мы опять пріѣхали въ свой хуторъ. Въ это время сосѣдъ мой по деревнѣ, будущій мужъ мой, пріѣхалъ къ отцу посовѣтоваться о службѣ въ Харьковѣ. Отецъ мой, указывая на насъ, дѣтей, въ разговорѣ сказалъ: „вотъ моя забота!“. Онъ же (Василій Аѳанасьевичъ) подумалъ, глядя на меня: „отъ одной-то я скоро избавлю васъ!“ Такъ онъ послѣ мнѣ разсказывалъ. Тогда мнѣ было всего тринадцать лѣтъ. Я чувствовала къ нему что-то особенное, но оставалась спокойной и думала только о теткѣ, моей второй матери, которой я много разсказывала о своей жизни въ Харьковѣ. Женихъ мой часто навѣщалъ насъ (у тетки, въ мѣстечкѣ Ярескахъ). Онъ иногда спрашивалъ меня, могу ли я терпѣть его и не скучаю ли съ нимъ. Я отвѣчала, что мнѣ съ нимъ пріятно, и дѣйствительно, онъ былъ всегда очень любезенъ и внимателенъ ко мнѣ съ самаго дѣтства. Когда я бывало гуляла съ дѣвушками къ рѣкѣ Пслу, то слышала пріятную музыку изъ-за кустовъ другого берега. Не трудно было догадаться, что это былъ онъ. Когда я приближалась, то музыка въ разныхъ направленіяхъ сопутствовала мнѣ до самаго дома, скрываясь въ садахъ. Когда я разсказывала объ этомъ тетушкѣ, она, улыбаясь, говорила: „вотъ кстати ты вышла гулять! Онъ такъ любитъ природу и, пользуясь хорошей погодой, наслаждается музыкой. Но ты больше не ходи гулять такъ далеко отъ дому“. Одинъ разъ, не найдя меня дома, онъ пошелъ въ садъ. Увидя его, я задрожала, какъ въ лихорадкѣ, и вернулась домой. Когда мы остались одни, онъ спросилъ меня, люблю ли я его; я отвѣчала, что люблю, какъ всѣхъ людей. Удивляюсь, какъ я могла такъ скрывать свои чувства на четырнадцатомъ году. Когда я ушла, онъ сказалъ теткѣ, что очень желалъ бы жениться на мнѣ, но сомнѣвается, могу ли я любить его. Она отвѣчала, что я люблю его, что я доброе дитя и могу быть хорошей женой, что она увѣрена, что я люблю его, потому что скучаю, когда долго его не вижу, а что я такъ отвѣчала потому, что боюсь мужчинъ, наслышавшись отъ нея, какіе они бываютъ лука-

Digitized by Google

вые. Когда онъ уѣхалъ, тетка позвала меня и передала мнѣ его предложеніе. Я сказала, что боюсь, что подруги будутъ смѣяться надо мной; но она меня урезонила, и насъ сговорили. Родители взяли меня къ себѣ, чтобы приготовить кое-что, и я уже не такъ скучала, потому что женихъ мой часто пріѣзжалъ, а когда не могъ пріѣхать, то писалъ письма, которыя я, не распечатывая, отдавала отцу. Читая ихъ, онъ, улыбаясь, говорилъ: „видно, что начитался романовъ!“ Письма были наполнены нѣжными выраженіями, и отецъ диктовалъ мнѣ отвѣты. Письма жениха я всегда носила съ собой. Свадьба наша назначалась черезъ годъ. Когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, насъ перевѣнчали въ мѣстечкѣ Ярескахъ; потомъ мужъ мой уѣхалъ, а я осталась у тетки, оттого что еще была слишкомъ молода; потомъ гостила у родителей, гдѣ часто съ нимъ видалась. Но въ началѣ ноября онъ сталъ просить родителей отдать ему меня, говоря, что не можетъ болѣе жить безъ меня. Такъ вмѣсто году я пробыла у нихъ одинъ мѣсяцъ. Они благословили меня и отпустили. Онъ меня привезъ въ деревню Васильевку, гдѣ встрѣтили насъ отецъ и мать. Они приняли меня какъ родную дочь. Свекровь наряжала меня по своему вкусу и надѣвала на меня свои старинныя вещи. Любовь ко мнѣ мужа была неописанная; я была вполнѣ счастлива. Онъ былъ старѣе меня на тринадцать лѣтъ. Я никуда не выѣзжала, находя все счастье дома».

Такъ просто ведетъ Марья Ивановна задушевную повѣсть о красныхъ дняхъ своей жизни, не вдаваясь въ лишнія подробности и не теряя нити воспоминаній. Свободно и легко изливается на бумагу эта исповѣдь сердца и естественность придаетъ прелесть разсказу. Подобныя отношенія счастливой супружеской четы еще не особенная рѣдкость, но не всегда они выдерживаютъ продолжительный искусъ и не всякая женщина способна такъ занимательно и толково изобразить ихъ. Сравнивая это плавное изложеніе съ пріемами рѣчи Марьи Ивановны въ обыденныхъ письмахъ, невольно дивишься и чистому языку (за исключеніемъ немногихъ провинціализмовъ) и нѣкоторому мастерству разсказа для женщины такого скромнаго образованія. Сила искренняго чувства и правдивость открытой души помогли ей справиться съ непривычкой къ правильному выраженію мыслей, а глубокая привязанность къ покойному мужу, тогда уже полвѣка лежавшему въ мо-

Digitized by Google

гилѣ, не допустила ее до рисовки и аффектаціи, неизбѣжныхъ тамъ, гдѣ кроется фальшь.

Замѣчательно, что самый бракъ съ ея „единственнымъ другомъ“ представлялся Марьѣ Ивановнѣ освященнымъ свыше. Въ другомъ мѣстѣ она передаетъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Четырнадцати лѣтъ меня выдали за моего добраго мужа, въ семи верстахъ живущаго отъ моихъ родителей. Ему указала меня Царица Небесная, во снѣ являясь ему. Онъ меня тогда увидалъ, не имѣющую году, и узналъ, когда нечаянно увидалъ меня въ томъ же самомъ возрастѣ, и слѣдилъ за мной во всѣ возрасты моего дѣтства“. („Записки о жизни Гоголя“, т. 1, стр. 17). Такимъ образомъ чувство любви къ мужу имѣло у нея и нѣкоторую мистическую окраску.

Бракосочетаніе совершилось въ 1808 году. Молодые зажили счастливой семейной жизнью и въ ветхомъ деревенскомъ домикѣ Яновщины царствовали миръ и согласіе. Характеры обоихъ супруговъ въ высшей степени благопріятствовали полному ладу между ними. Василій Аѳанасьевичъ въ домашней сферѣ отличался замѣчательной мягкостью и добротой, такъ что никто въ домѣ не чувствовалъ суровой власти господина. Легко представить себѣ, какъ любили его свои, когда и посторонніе находили въ его обществѣ отраду и отдыхъ. Таковъ же онъ былъ въ обхожденіи съ прислугой и крѣпостными; всѣ случайныя ихъ неловкости и проступки онъ обращалъ въ шутку, будучи не охотникомъ до строгихъ взысканій. Не станемъ распространяться о гостепріимствѣ Василія Аѳанасьевича, такъ какъ оно достаточно извѣстно; замѣтимъ только, что, можетъ быть, слишкомъ выдвигаютъ обыкновенно неотразимо обаятельное дѣйствіе, которое его личность производила на окружающихъ. Вѣрное въ своемъ основаніи, такое представленіе грѣшитъ поэтическимъ преувеличеніемъ. Проще и вѣрнѣе характеризуетъ его по воспоминаніямъ извѣстный товарищъ и лучшій другъ Н. В. Гоголя, А. С. Данилевскій, слѣдующими словами: — „онъ былъ человѣкъ въ высшей степени интересный, безподобный разсказчикъ“. Эта-то способность его и была, конечно, причиной, что Трощинскій сталъ побуждать его впослѣдствіи сочинять пьесы для сцены.

Несомнѣнно, что, въ свою очередь, и Василій Аѳанасьевичъ нашелъ въ окружающей средѣ много добраго и привлекатель-

Digitized by Google

наго и это все болѣе и болѣе должно было привязывать его къ домашнему очагу и направлять по той дорогѣ, которую указали ему обстоятельства.

Деревню онъ оставлялъ крайне неохотно для рѣдкихъ поѣздокъ въ Полтаву и Миргородъ, но оставался тамъ недолго и всегда спѣшилъ къ семьѣ. Однажды только рѣшился было онъ оставить Яновщину для службы въ губернскомъ городѣ, но и тогда единственной побудительной причиной было желаніе служить при вліятельномъ родственникѣ. Это было въ 1806 году, когда Д. П. Трощинскій, выйдя въ отставку, переселился изъ Петербурга въ свое помѣстье Кибинцы (Миргородскаго повѣта) и былъ избранъ полтавскимъ дворянствомъ въ губернскіе маршалы, или предводители. Гоголь занялъ при немъ мѣсто секретаря, но скоро соскучился и вышелъ въ отставку. Не будь Трощинскаго, Василію Аѳанасьевичу не пришло бы и въ голову переѣзжать въ городъ и надѣвать чиновничій мундиръ. Не смотря на ограниченность средствъ, въ службѣ онъ не нуждался, и, чуждый по природѣ мелкаго честолюбія, никогда серьезно ея не искалъ. Въ другой разъ подумывалъ Василій Аѳанасьевичъ уже со всѣмъ семействомъ двинуться въ Полтаву и ради воспитанія дѣтей просить должности. Это было въ то время, когда онъ отдавалъ своихъ сыновей въ гимназію. Но здѣсь главную роль играла, конечно, родительская нѣжность; по крайней мѣрѣ, онъ легко отказался отъ своей мысли, когда по смерти одного изъ сыновей ему удалось устроить другого въ Нѣжинѣ, а такъ какъ вскорѣ, благодаря ходатайству всесильнаго Трощинскаго передъ графомъ Кушелевымъ-Безбородко, послѣдній принялъ на себя безплатное обученіе Никоши, то больше для переѣзда въ городъ не представлялось уже ни малѣйшаго повода.

Большое разнообразіе было внесено въ мирную жизнь Гоголей-Яновскихъ переѣздомъ Трощинскаго въ Малороссію. До того времени Василій Аѳанасьевичъ не встрѣчалъ въ окружающей обстановкѣ ровно ничего, что бы могло ему указать на возможность иной жизни, болѣе соотвѣтствующей его природнымъ задаткамъ. Его эстетическая натура проявляла себя и въ крупныхъ, и въ мелкихъ вещахъ, но никому не приходило въ голову серьезно взглянуть на ея указанія, а самъ Василій Аѳанасьевичъ, повидимому, былъ всего менѣе склоненъ прислушиваться къ влеченію своей природы. Онъ какъ

Digitized by Google

бы не чувствовалъ того могучаго голоса, который съ ранняго дѣтства призывалъ къ великой будущности прославившаго его сына, что вполнѣ объясняется совершеннымъ отсутствіемъ въ окружающей средѣ какого-либо намека на серьезный умственный трудъ. Замѣчательно, напримѣръ, что онъ любилъ при всякомъ удобномъ случаѣ писать стихи; но, упражняясь въ поэзіи, онъ единственно забавлялся способностью, шутя, безъ усилій, сочинять вирши. Мы, конечно, не имѣемъ ни малѣйшаго основанія дѣлать заключенія о качествахъ этихъ поэтическихъ упражненій; но отзывъ Марьи Ивановны заставляетъ думать, что мужъ ея вообще легко относился къ своимъ литературнымъ опытамъ, не придавая имъ никакого значенія. „Мужъ мой", — разсказываетъ Марья Ивановна, — „иногда писалъ стихи, но ничего серьезнаго. Къ знакомымъ онъ писалъ иногда письма въ стихахъ, болѣе комическаго характера. Онъ имѣлъ природный умъ, любилъ природу и поэзію". Уже эти слова женщины, далекой отъ литературы, сумѣвшей, однако, замѣтить эстетическія наклонности мужа, не лишены интереса. Но есть большое основаніе предполагать, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ Василій Аѳанасьевичъ могъ бы заявить себя чѣмъ-нибудь болѣе крупнымъ сравнительно съ двумя комедіями, случайно имъ сочиненными и случайно, благодаря отчасти громкой извѣстности сына, обратившими на себя вниманіе общества и критики. Прежде всего, живя безвыѣздно въ деревнѣ, онъ, конечно, долго не имѣлъ возможности удовлетворять своей любви къ чтенію. «Книгами мы пользовались изъ библіотеки Трощинскаго", замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ Марья Ивановна. Но такой путь для обогащенія ума открылся для Василія Аѳанасьевича уже почти въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, когда строй жизни его давно опредѣлился и когда по воспитанію, образовавшимся привычкамъ и складу характера онъ окончательно сдѣлался мирнымъ сельскимъ жителемъ. Исполняя желаніе Трощинскаго, Василій Аѳанасьевичъ удовлетворялъ, конечно, и внутренней потребности творить, но смотрѣлъ на дѣло по обыкновенію легко, низводя свой трудъ на степень простой забавы. Одинъ суровый критикъ драматическихъ пьесъ Гоголя-отца видитъ въ нихъ даже преступленіе противъ народа, полагая, что въ нихъ бары насмѣхались надъ языкомъ, нравами и обычаями того народа,

Digitized by Google

который кормилъ ихъ. Непонятно, откуда авторъ приведенныхъ мнѣній почерпнулъ свѣдѣнія о насмѣшливомъ и презрительномъ отношеніи къ народу такого любителя родной Малороссіи и ея преданій, какимъ былъ Д. П. Трощинскій. Но любопытно, что и этотъ критикъ признаетъ, что „въ комедіи Гоголя нѣтъ ни фарса, ни вычурныхъ фразъ, ни лишнихъ лицъ и рѣчей; у него все „у себя дома", всѣ на мѣстѣ". Согласно другому отзыву, гораздо болѣе авторитетному, В. А. Гоголь, „будучи живымъ членомъ своего общества, захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для его возсозданія. Шутка и пѣсня для пріятнаго провожденія времени,—вотъ все, чего могъ искать писатель тогдашній въ оставленномъ (?) дворянами родномъ быту, и Гоголь-отецъ очень искусно и умно почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи".

Но и въ другихъ отношеніяхъ, кромѣ этихъ полушутливыхъ литературныхъ опытовъ, сближеніе съ Трощинскимъ было полезно Василію Аѳанасьевичу, не говоря уже о томъ, что маленькій его Никоша много выигралъ для своего эстетическаго развитія, имѣя случай близко видѣть интеллигентную среду, окружавшую Трощинскаго. Справедливо и мѣтко называетъ Кулишъ, въ одной изъ своихъ статей, Кибинцы (имѣніе Трощинскаго) „Аѳинами временъ Гоголева отца". Неумолимое время не пощадило никакихъ слѣдовъ былого великолѣпія Кибинцевъ; не уцѣлѣли ни богатая избранная библіотека, ни рѣдкія, дорогія картины, ни прекрасная мебель или коллекціи оружія, монетъ, медалей и даже табакерокъ, ни даже такія вещи, какъ бюро королевы Маріи Антуанеты и принадлежавшіе ей великолѣпные фарфоровые часы и подсвѣчники. Все продано, все исчезло! Но кто зналъ Кибинцы въ дни ихъ величія и славы, тѣ не могутъ и теперь безъ увлеченія вспомнить объ этомъ сказочномъ міркѣ. Все здѣсь говорило, что хозяинъ былъ человѣкъ просвѣщенный съ тонкимъ вкусомъ и большой разносторонней любознательностью. Много было приманокъ, привлекавшихъ сюда всѣхъ, кто имѣлъ возможность проникнуть въ кибинцскіе чертоги. Здѣсь былъ вѣчный пиръ въ праздникъ и въ будни. Кто бы и когда ни подъѣзжалъ къ господскому дому въ Кибинцахъ, уже издалека начиналъ различать звуки домашняго деревенскаго оркестра,

Digitized by Google

казавшіеся сначала какимъ-то неопредѣленнымъ гуломъ и становившіеся по мѣрѣ приближенія, все явственнѣе и громогласнѣе, и, наконецъ, передъ путникомъ выросталъ величавый домъ Трощинскаго съ примыкавшими къ нему безчисленными флигелями и службами. Домъ этотъ походилъ больше на обширный клубъ или гостинницу, чѣмъ на обыкновенный домашній очагъ. Все было поставлено въ немъ на широкую ногу, всего было въ изобиліи и вездѣ блистали изящество и красота. Гостей въ Кибинцахъ круглый годъ бывало такъ много, что исчезновеніе однихъ и появленіе другихъ было почти незамѣтно въ этомъ волнующемся морѣ. Большинство изъ нихъ пользовались особыми помѣщеніями и всевозможнымъ комфортомъ: каждому присылался въ его комнату чай, кофе или десертъ, и лишь къ обѣду всѣ должны были въ строго-опредѣленный часъ собираться по звонку. До какихъ широкихъ размѣровъ доходило хлѣбосольство Трощинскаго, показываетъ слѣдующій примѣръ. По словамъ друга Н. В. Гоголя А. С. Данилевскаго, однажды былъ преоригинальный случай съ какимъ-то артиллерійскимъ офицеромъ Б***. Онъ попалъ въ Кибинцы случайно передъ именинами Трощинскаго и въ видѣ сюрприза устроилъ фейерверкъ. За услугу его обласкали, и ему такъ понравилось у Трощинскихъ, что онъ такъ и остался у нихъ проживать года на три. Впрочемъ, при всемъ гостепріимствѣ Трощинскій былъ нѣсколько натянутъ и не особенно привѣтливъ въ обращеніи. А. С. Данилевскій передаетъ, что много разъ случалось ему бывать въ Кибинцахъ и Ярескахъ вмѣстѣ съ Н. В. Гоголемъ и гостить подолгу, но Трощинскій едва ли промолвилъ съ ними даже слово. Съ гостями онъ вообще бесѣдовалъ мало и любилъ при нихъ раскладывать гранпасьянсъ. Передъ обѣдомъ гости, располагаясь въ разныхъ концахъ столовой, обыкновенно напряженно ожидали хозяина. Наконецъ, появлялся Дмитрій Прокофьевичъ, всегда въ полномъ парадѣ, во всѣхъ орденахъ и лентахъ, задумчивый, суровый, съ выраженіемъ скуки или утомленія на умномъ старческомъ лицѣ. Усвоенная во время придворной жизни величавость, первенствующая роль хозяина и оказываемые наперерывъ со всѣхъ сторонъ знаки подобострастія давали ему видъ козырного короля среди этой массы людей. При всемъ томъ это былъ человѣкъ очень добрый, готовый помогать и оказывать покровительство, кому было возможно...

Digitized by Google

У этого-то „царька“, какъ называли въ сосѣдствѣ Трощинскаго, Василій Аѳанасьевичъ состоялъ на правахъ родственника, хотя они далеко не были на равной, дружеской ногѣ, какъ обыкновенно думаютъ. Несмотря на то, что просвѣщенный сановникъ умѣлъ цѣнить способности Гоголя, особенно драматическія, и знаніе горячо любимой Малороссіи, онъ, все-таки, не дѣлалъ для него исключенія въ характерѣ своихъ отношеній къ окружающимъ и всегда держалъ его на извѣстномъ разстояніи. Впрочемъ, Василій Аѳанасьевичъ, имѣя несомнѣнныя преимущества передъ толпой случайныхъ посѣтителей Кибинцевъ, и самъ не становился съ Трощинскимъ на одну доску, чего не допускала значительная разница между ними и въ возрастѣ, и въ положеніи. Относясь къ Трощинскому, какъ къ покровителю, онъ раздѣлялъ съ другими чувство благоговѣнія передъ нимъ, что̀, конечно, исключало уже всякую возможность панибратства. Но во время пріѣздовъ своихъ въ Кибинцы Василій Аѳанасьевичъ могъ свободно располагаться въ предоставленномъ въ его полное распоряженіе флигелѣ и помѣстить въ немъ всю семью, хотя, какъ человѣкъ деликатный, онъ лишь въ крайности думалъ было однажды воспользоваться этимъ правомъ [1]). Кромѣ того,

[1]) Однажды онъ писалъ женѣ: «Мнѣ очень жаль, что ты не соглашаешься выѣхать изъ дому съ дѣтьми. Анна Матвѣевна Трощинская и старики помѣстили бы васъ, да и въ Кибинцахъ можно бы быть тебѣ безъ всякихъ затрудненій: я весь флигель одинъ занимаю. О, какъ бы мы были счастливы вмѣстѣ!» На это послѣдовалъ, однако, категорическій отказъ со стороны Марьи Ивановны, которая и сама въ каждомъ письмѣ высказывала желаніе поскорѣе увидѣть себя подъ одной кровлей съ любимымъ мужемъ. В. А—чу казалось болѣе удобнымъ предпочесть для своихъ скромное помѣщеніе у женниной тетки; такъ же думала Марья Ивановна: «Какія у тебя, мой другъ, мрачныя мысли. Ты воображаешь себѣ, что у насъ въ деревнѣ повальная болѣзнь, и чтобы мнѣ выѣхать съ такимъ семействомъ къ нашимъ старикамъ или тетенькѣ. Ну какъ можно и въ обоихъ этихъ домахъ помѣстить насъ! и гдѣ? развѣ Кибинцахъ? но и тамъ невыгодно со всѣми дѣтьми: вѣдь это не шутка подняться со всей семьей, и надобно, по крайней мѣрѣ, рублей сто, чтобы обмундировать прилично въ такомъ домѣ кормилицу, а когда Богъ дастъ (новорожденнаго), то и другую, а дома мнѣ ихъ одѣяніе ничего не будетъ стоить. И такъ всѣ говорятъ и думаютъ, что мы богаты, а будто отъ скупости не хотимъ ничего имѣть, а не знаютъ нашей иногда крайней нужды. Но когда бы, Боже сохрани, въ самомъ дѣлѣ какая опасность, тогда бы нечего разсуждать о выгодѣ, но у насъ, благодаря милосердаго Бога, ни одной души больной, кромѣ Агафья *) не выздоро-

*) Агафья или Гапа—няня Н. В. Гоголя.

Digitized by Google

къ его услугамъ былъ экипажъ, люди для посылокъ, наконецъ, онъ могъ во всякое время пользоваться совѣтами домашнихъ врачей Трощинскаго. Случалось, что и самъ Дмитрій Прокофьевичъ пріѣзжалъ къ нему, а потомъ ко вдовѣ его, со всѣмъ штатомъ, съ челядью и шутами. Въ дѣлахъ практической важности Трощинскій всегда оказывалъ содѣйствіе любимому родственнику и его семьѣ. Итакъ сношенія съ Трощинскимъ вносили, повторяемъ, большое разнообразіе въ жизнь васильевскихъ помѣщиковъ, давая имъ возможность многое видѣть и узнавать.

Въ запискахъ Марьи Ивановны мы находимъ всего нѣсколько строкъ о посѣщеніяхъ ею и мужемъ Кибинцевъ: „Я никуда не выѣзжала, находя все счастье дома. Потомъ мы проживали у Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, который, поселясь въ Малороссіи, рѣдко насъ отпускалъ домой. Тамъ я видѣла все, чего не искала въ свѣтѣ: и балы, и театры, и отличное общество; бывали даже пріѣзжіе изъ обѣихъ столицъ. Но я всегда была рада ѣхать къ себѣ въ деревню".

II.

Не воспитавъ и не обработавъ свой талантъ, Василій Аѳанасьевичъ не сдѣлался также хорошимъ помѣщикомъ, къ чему, впрочемъ, не имѣлъ никакого призванія. По крайней мѣрѣ, онъ не пріобрѣлъ въ этой области выдающейся опытности и познаній, какъ того можно было ожидать отъ человѣка его дарованій, прожившаго весь вѣкъ въ деревнѣ [1]). И какъ деревенскій житель, Василій Аѳанасьевичъ отличался преимущественно эстетическими наклонностями, которыя обнаруживались въ любви къ саду и полямъ, въ упоеніи мелодичнымъ пѣніемъ соловьевъ и въ тонкомъ вкусѣ, проявляемомъ въ вы-

вѣла» и проч. Также стѣснялся и Н. В. Гоголь иногда заѣзжать по дорогѣ изъ Нѣжина въ Кибинцы. «Прошу васъ, дражайшая маменька, распорядиться такъ, чтобы намъ не заѣзжать въ Кибинцы, ибо платья у меня совсѣмъ нѣтъ кромѣ того, которое на мнѣ». Но съ другой стороны онъ не могъ свободно пользоваться книгами изъ библіотеки Трощинскаго: «Сдѣлайте милость, пришлите намъ на дорогу, для разогнанія скуки долго оставаться на постоялыхъ дворахъ, нѣсколько книгъ изъ Кибинцевъ». (Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 13 и 24).

1) «Онъ былъ человѣкъ хорошій, нравственный, правдивый, но особенно практическимъ не былъ». Такъ характеризуетъ Василія Аѳанасьевича по воспоминаніямъ матери, дочь его, Анна Васильевна Гоголь.

Digitized by Google

борѣ и покупкѣ вещей для дома, наконецъ, въ планахъ, составляемыхъ относительно дома, усадьбы. Въ саду онъ любилъ устраивать изящные гротики, красивыя бесѣдки. Въ немъ онъ проводилъ цѣлые дни, не замѣчая времени за работами, или, любуясь посаженными имъ подрастающими деревьями, изъ которыхъ многія донынѣ сохранились въ обширномъ саду Васильевки [1]).

Каждая дорожка, каждая аллея носила у него особыя названія, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ характеризуютъ его сентиментальные вкусы, какъ, напр., „долина спокойствія", находившаяся въ сосѣднемъ съ Васильевкой лѣску Яворивщинѣ (отъ слова яворъ), излюбленномъ мѣстѣ прогулокъ какъ Василія Аѳанасьевича, такъ и Николая Васильевича [2]). Къ сожалѣнію, протекшее полустолѣтіе наложило свою желѣзную руку на многое и въ этой усадьбѣ (въ томъ числѣ и на „долину спокойствія", да и самый лѣсокъ вырубленъ на продажу лѣтъ пятнадцать тому назадъ [3]).

Возвращаясь къ разсказу Марьи Ивановны, не можемъ не отмѣтить того обстоятельства, что ея записка почти исключительно посвящена разсказу о мужѣ, такъ что этимъ оттѣснены на второй планъ даже воспоминанія объ обожаемомъ

1) Любопытно, что, будучи человѣкомъ мягкимъ и уступчивымъ по натурѣ, онъ настоятельно требовалъ, чтобы никто не смѣлъ стукомъ разгонять соловьевъ и не позволялъ поэтому мыть бѣлье на прудѣ, находящемся въ Васильевкѣ посреди сада.

2) Не можемъ не упомянуть, что Н. В. Гоголь унаслѣдовалъ отъ отца эту страсть, при чемъ даже въ предпочтеніи однихъ деревьевъ другимъ вкусы сына поразительно совпадали съ вкусами отца (любимыми деревьями обоихъ были дубы и клены). Въ памяти писателя дорогой образъ отца живо возстаетъ именно въ связи съ представленіемъ о садѣ и весеннихъ работахъ въ немъ. «Весна приближается—время самое веселое, когда весело можемъ провести его. Это-то время обширный кругъ моего дѣйствія. Живо помню, какъ бывало, съ лопатою въ рукѣ, глубокомысленно раздумываю надъ изломанной дорожкой... Признаюсь, какъ бы я желалъ когда-нибудь быть дома въ это время. Я и теперь такой же, какъ прежде, жаркій охотникъ въ саду. Но мнѣ не удастся, я думаю, долго побывать въ это время. Несмотря на все, я никогда не оставлю сего изящнаго занятія, хотя бы вовсе не любилъ его. Оно было любимымъ упражненіемъ папеньки, моего друга, благодѣтеля, утѣшителя». („Соч. и письма Гог.", т. V, стр. 49—50).

3) Многое и теперь напоминаетъ, по крайней мѣрѣ, въ Васильевкѣ, ея незабвенныхъ хозяевъ. Въ серединѣ сада тянется длинная тѣнистая аллея, представляющая эффектную переспективу съ обоихъ концовъ; неподалеку отъ нея проходитъ дорожка, по обѣимъ сторонамъ которой почти всѣ деревья посажены рукою Николая Васильевича, а нѣкоторыя и Василія Аѳанасьевича.

Digitized by Google

сынѣ, о которомъ она говоритъ только вскользь. Какъ видно, дорогая ей память о счастливыхъ годахъ замужества заслоняла для нея всю послѣдующую жизнь. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ она съ особенной любовью и обстоятельностью передаетъ только о другомъ важнѣйшемъ событіи своей жизни — о построеніи храма въ Васильевкѣ.

„Церкви еще у насъ не было и люди оттого терпѣли много неудобствъ, особенно въ дурную погоду и при переѣздахъ черезъ рѣку Голтву. Я начала просить мужа строить церковь. Онъ удивился и сказалъ: „Помилуй! какъ мы будемъ строить церковь, когда у меня нѣтъ и 500 рублей!“ а я отвѣчала, что Богъ поможетъ. Въ это время пріѣхала маменька [1]) и начала также уговаривать. И видно, что на это было Божье соизволеніе, потому что все начало устраиваться какъ бы само собою: на другой день пріѣхалъ архитекторъ италіанецъ, жившій у Дм. П. Трощинскаго. Онъ охотно сдѣлалъ планъ маленькой церкви для своей деревни (двѣсти душъ) и кстати явился каменщикъ, искавшій работы. Когда ему показали планъ и спросили, что онъ возьметъ за то, чтобы надѣлать кирпичъ съ нашими рабочими, онъ потребовалъ пять тысячъ и приступилъ къ работѣ. Онъ бралъ деньги по частямъ, но требовалъ прибавки, сожалѣя, что дешево запросилъ. Мы ему прибавили еще тысячу рублей. Итакъ, съ Божіей помощью, церковь была окончена вчернѣ въ теченіе двухъ лѣтъ [2]). Потомъ мы поѣхали въ Ромны на Ильинскую [3]) ярмарку и перемѣнили старинное серебро на церковныя вещи. И чрезъ три года послѣ постройки началось служеніе“.

Впослѣдствіи, по смерти мужа, Марья Ивановна много заботилась объ изготовленіи плащаницы для церкви и въ продолженіе почти цѣлаго года, какъ увидимъ ниже, въ каждомъ письмѣ къ одному изъ родственниковъ, жившему въ Одессѣ и слѣдившему за исполненіемъ работы, освѣдомлялась о ходѣ дѣла.

Возвращаюсь къ прерванному мною разсказу. Хотя годы супружества Маріи Ивановны были несомнѣнно золотымъ вре-

---

[1]) Марья Алексѣевна Шостакъ.

[2]) Говорятъ, что обѣтъ построить церковь въ Васильевкѣ былъ данъ Марьей Ивановной передъ рожденіемъ Н. В. Гоголя послѣ двухъ неудачныхъ родовъ.

[3]) Впослѣдствіи эта ярмарка была перенесена въ Полтаву.

Digitized by Google

менемъ ея жизни, но и она перенесла не мало невзгодъ. Вотъ какъ она разсказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: „Жизнь моя была самая спокойная; характеръ у меня и у мужа былъ веселый. Мы окружены были добрыми сосѣдями. Но иногда на меня находили мрачныя мысли. Я предчувствовала несчастія; вѣрила снамъ. Сначала меня безпокоила болѣзнь мужа. До женитьбы у него два года была лихорадка, отъ которой его вылѣчилъ извѣстный въ то время докторъ Трахимовскій [1]). Потомъ онъ былъ здоровъ, но мнителенъ. У насъ было двѣнадцать дѣтей, изъ которыхъ болѣе половины мы потеряли. Тяжело было это переносить, но я, щадя мужа, подавляла горе и старалась быть спокойной. Изъ шести сыновей остался одинъ, который замѣнилъ намъ всѣхъ. Но и его взялъ у меня Богъ—да будетъ Его святая воля! Потомъ смерть любимой моей дочери разстроила его здоровье. Потомъ мы лишились всѣхъ среднихъ дѣтей. Старшій сынъ и тогда отличался отъ обыкновенныхъ дѣтей. Дочь Марія была на три года моложе его и потомъ остались только меньшія три дочери“.

Утраты и огорченія неизбѣжны въ самой счастливой жизни. Марья Ивановна это хорошо понимала и пока не сѣтовала на судьбу. Покорность Провидѣнію, о которой она часто говорила, дѣйствительно была не фразой; но справедливость требуетъ сказать, что тихое и кроткое настроеніе у нея наступало уже тогда, когда горе успѣвало нѣсколько улечься. Въ первыя же минуты испытанія она была даже склонна впадать въ отчаяніе, что̀ повторялось впослѣдствіи нерѣдко, такъ какъ по природной добротѣ она горячо принимала къ сердцу не только собственныя несчастія, но и горе близкихъ людей. Но пока, при жизни мужа, она еще не предавалась тому безпредѣльному отчаянію, которое овладѣвало ею потомъ. „Тяжело было это переносить“,—говоритъ Марія Ивановна,— „но я, щадя мужа, подавляла горе и старалась быть спокойной“...

Нить счастливой супружеской жизни порвалась быстро и неожиданно. Хотя болѣзнь Василія Аѳанасьевича тянулась нѣсколько лѣтъ, но онъ не обращалъ на нее вниманія и ограничивался совѣтами кибинцскаго врача во время случайныхъ

---

[1]) Послѣ онъ страдалъ грыжей и геморроемъ. —Фамилія Трахимовскій, по мнѣнію А. С. Данилевскаго, происходитъ отъ словъ: трохи(мало) и мовить (говорить).

Digitized by Google

посѣщеній Трощинскаго, не считая нужнымъ предпринимать систематическое лѣченіе. Неудобства сообщеній и привязанность къ семьѣ были слишкомъ естественными причинами, объясняющими такую безпечность. Когда внезапно обнаружилось замѣтное ухудшеніе въ состояніи его здоровья, онъ собрался на нѣсколько дней отправиться въ Кибинцы, вѣроятно, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Марья Ивановна: „Мужъ мой болѣлъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, и когда пошла кровь горломъ, онъ поѣхалъ въ Кибинцы, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ. Я была тогда на послѣднемъ мѣсяцѣ беременности и не могла ѣхать съ нимъ. Ему очень не хотѣлось уѣзжать и, прощаясь, онъ сказалъ, что, можетъ быть, безъ меня придется умереть, но потомъ самъ испугался и прибавилъ: „можетъ, долго тамъ пробуду, но постараюсь скорѣе вернуться". Я получала отъ него часто письма; онъ все безпокоился обо мнѣ. Я не знала, что жизнь его была въ опасности и далека была отъ мысли потерять его".

Въ дорогѣ приступы болѣзни Василія Аѳанасьевича обозначились яснѣе и заставили подумать о лѣченіи серьезнѣе. Стѣсненія въ груди и геморроидальныя страданія тревожили больного днемъ и ночью, и лишали его сна. Во второмъ письмѣ онъ уже называетъ себя несчастнымъ страдальцемъ и жалуется на боли, но все еще не подозрѣваетъ всей опасности или не хочетъ въ ней сознаться: „мнѣ хорошо, но грудью страдаю ужасно и спать едва могу". Отправляясь въ Кибинцы, онъ предполагалъ пробыть тамъ недѣли двѣ; но тотчасъ же оказались разныя неудобства, заставившія перемѣнить планъ. Пришлось рѣшиться на временное устройство на квартирѣ въ Лубнахъ, уѣздномъ городѣ, верстахъ въ 20-ти за Кибинцами. Главная причина такой перемѣны заключалась въ непокойной, стѣснительной обстановкѣ при обычномъ кибинцскомъ многолюдствѣ: что могло быть выиграно для здоровья отъ постояннаго надзора доктора, то парализировалось съ другой стороны неустранимыми мелочными причинами, крайне тягостными для больного. Марья Ивановна, узнавъ, что мужъ рѣшился пользоваться совѣтами уѣзднаго доктора въ Лубнахъ, сильно безпокоилась, чтобы онъ не поѣхалъ на нѣсколько дней въ Кибинцы по случаю приближавшагося праздника св. Пасхи. „Ты пишешь, что до праздника

Digitized by Google

будешь въ Лубнахъ, а праздникъ гдѣ же ты будешь принимать (встрѣчать)? Когда бы не дома, я бы желала, чтобы въ Лубнахъ, чтобы не прерывать лѣченія для того, чтобы ѣхать въ Кибинцы, а тамъ будутъ бостоны. Ольга Дмитріевна [1]) пишетъ, что будутъ Родзянки на праздники, и ты себя можешь опять разстроить". Этотъ отвѣтъ былъ вызванъ извѣщеніемъ о подробностяхъ новаго рѣшенія. „Выѣхавъ изъ дому, принужденъ я былъ ночевать въ Ярескахъ, а оттуда въ понедѣльникъ пріѣхалъ въ Кибинцы, хотя съ большою нуждою, но благополучно. Здѣсь всѣ здоровы и веселы. Я сейчасъ послалъ о. Емельяна къ Голованеву (доктору въ Лубнахъ) договорить тамъ для себя квартиру, для чего и нужно мнѣ для тамошняго прожитія прислать изъ дому разныхъ припасовъ, а если бы возможно, и повара. О семъ приложу особую записку по возвращеніи о. Емельяна изъ Лубенъ". Далѣе слѣдуютъ распоряженія по хозяйству, чтобы приказчикъ берегъ плотину въ случаѣ наводненія, чтобы была поймана рыба для продажи, если будетъ тепло и позволитъ время. Практическія заботы выступаютъ на первый планъ вслѣдствіе недостатка денегъ для лѣченія и въ виду приближающагося праздника и предстоящей ярмарки. Приходилось позаботиться наскоро о сборѣ подушныхъ, о продажѣ скота за самую дешевую цѣну, чтобы вручить деньги на помѣщеніе и прожитокъ въ Лубнахъ. Рѣчь идетъ почти исключительно о продажѣ кое-какого имущества и предотвращеніи возможныхъ убытковъ. Опасенія супруговъ были направлены особенно на разныя случайныя проволочки и задержки со стороны врачей. Недѣли черезъ двѣ послѣ отъѣзда мужа, Марья Ивановна писала ему: „Малютки наши, слава Богу, всѣ здоровы и всякій день тебя вспоминаютъ, даже Таня [2]),—такъ что заставляютъ меня думать, что ты скоро пріѣдешь", и тотчасъ за этими строками слѣдуютъ сообщенія о дѣлахъ хозяйства: „и еще одну пару быковъ продали, и проч.". Во время отсутствія Василій Аѳанасьевичъ продолжалъ распоряжаться всѣми дѣлами по имѣнію, и Марья Ивановна лишь неуклонно слѣдовала его инструкціямъ и, акку-

[1]) Трощинская, жена Андрея Андреевича Трощинскаго; см. о ней въ «Русской Старинѣ», 1882, 6, 643, примѣч. и 673 и слѣд., также въ «Указателѣ къ письмамъ Гоголя», изд. I, стр. 57; изд. 2, стр. 24.

[2]) Младшая дочь, которой было тогда около трехъ лѣтъ.

Digitized by Google

ратно увѣдомляя объ исполненіи ихъ, немедленно передавала всѣ распоряженія приказчику; въ случаяхъ же непредвидѣнныхъ тотчасъ писала мужу и спрашивала его мнѣнія и совѣта.

Съ трогательною заботливостью въ каждомъ письмѣ Василій Аѳанасьевичъ, тосковавшій по женѣ, даетъ ей наставленія относительно ея здоровья.

„Я травку, присланную тобою, пью, но ничего не помогаетъ“,—отвѣчаетъ мужу Марья Ивановна... Между тѣмъ, его собственные дни были сочтены, и вскорѣ Марья Ивановна вмѣсто обычнаго письма получила извѣстіе о его смерти.

„Послѣ родовъ“,—пишетъ она, „на второй недѣлѣ, я только начала ходить по комнатѣ и ожидала мужа, чтобы крестить дитя, какъ вмѣсто мужа пріѣхала жена доктора, акушерка, чтобы по просьбѣ мужа везти меня къ нему. Я очень встревожилась и подумала, что, вѣрно, ему очень худо, если онъ меня вызываетъ еще больную. Мы только выѣхали со двора, какъ увидѣли верхового, который подалъ письмо докторшѣ; она, прочтя письмо, вспыхнула и сказала: „вернемся; Василій Аѳанасьевичъ самъ пріѣдетъ!...“ Не буду описывать своего отчаянія. Когда привезли его тѣло къ церкви, раздался ударъ колокола... О, Боже! какой это былъ звукъ! Я безъ слезъ не могу вспомнить!... Только на пятый день могли его хоронить, такъ какъ многое не было готово... Меня не пускали къ нему, пока не внесли въ церковь, а то онъ все былъ въ экипажѣ [1]). Мнѣ послѣ говорили, что я, увидя его, начала громко говорить къ нему и отвѣчать за него. Я просила и для меня оставить мѣсто въ склепѣ. Тетка не оставляла меня до шести недѣль и дѣтей мнѣ не показывала. Старшіе двое учились—сынъ въ Нѣжинѣ, а дочь у m-me Арндтъ, матери извѣстнаго придворнаго медика [2]). Тетка уговорила меня беречь себя для дѣтей и показала мнѣ ихъ въ траурѣ. Когда я вышла въ первый разъ въ садъ, мнѣ такъ странно казалось, что

[1]) В. А. Гоголь умеръ далеко не старымъ; ему было всего 44 года. Отмѣчаемъ это въ виду не разъ встрѣченнаго нами въ литературѣ ошибочнаго выраженія: «старикъ Гоголь». (См., напр., Петрова «Очерки украинской литературы XIX столѣтія», стр. 78. То же выраженіе употребляетъ Кояловичъ въ статьѣ «Дѣтство и юность Гоголя». См. „Моск. Сборникъ“, 1877 г., стр. 209).

[2]) Она была начальницей полтавскаго женскаго института при его основаніи, потомъ жила въ деревнѣ съ дочерью Н. Ф. Старицкой.

Digitized by Google

все на томъ же мѣстѣ, ничто не измѣнилось: мнѣ казалось, что все должно было погибнуть. Я молила Бога оставить мнѣ остальныхъ дѣтей и единственнаго сына, котораго любила больше всей жизни... При мужѣ я почти ничѣмъ не занималась, теперь все обрушилось на меня! Можетъ, эти заботы и спасли меня. Время начало уносить мое горе, имѣя отраду въ моемъ сынѣ. Мнѣ было 59 лѣтъ, когда я получила извѣстіе о потерѣ моего дорогого сына".

Смерть мужа сильно отразилась на характерѣ Марьи Ивановны, сдѣлавъ его апатичнымъ и мечтательнымъ.... Вставъ довольно поздно, она проводила каждое утро по нѣскольку часовъ за письменнымъ столомъ, читала, писала письма, иногда гуляла. Часто раскладывала гранъпасьянсъ или что-нибудь работала, никуда не спѣша, по своей привычкѣ къ спокойной и не особенно дѣятельной жизни. Въ послѣдніе годы, когда въ ней стала все больше обнаруживаться странная наклонность къ мечтательности, она готова была проводить цѣлые дни, давая полную волю своимъ мыслямъ. Послѣ завтрака она собиралась обыкновенно въ гости, или куда-нибудь по хозяйству. Запрягались дрожки или сани, и она выѣзжала. Впрочемъ, эти выѣзды имѣли значеніе прогулокъ, а не серьезной ревизіи. Крѣпостные люди нисколько не боялись добродушной своей госпожи. Случались иногда воровства, потравы—и тогда, конечно, Марьѣ Ивановнѣ приходилось волноваться и изыскивать мѣры для пресѣченія зла...

Марья Ивановна была очень подвижна (когда не предавалась мечтамъ) и сохранила бодрость и свѣжесть до самой смерти. Ей ничего не стоило собраться къ сосѣдямъ или въ городъ; рѣшеніе являлось вдругъ и тотчасъ же осуществлялось безъ откладыванія и отсрочекъ. Но эта подвижность представляла особенно рѣзкую противоположность съ однообразіемъ ея позы, когда она, не сходя съ мѣста, цѣлые часы думала неизвѣстно о чемъ. Въ такія минуты самое выраженіе лица ея измѣнялось: изъ добраго и привѣтливаго оно становилось какимъ-то безжизненнымъ; видно было, что мысли ея блуждаютъ далеко...

Съ мужемъ она очень сходилась во мнительности: по самому ничтожному поводу ей представлялись нерѣдко большіе страхи и безпокойства. Отъ этой же причины она отличалась крайней подозрительностью, и если что̀ ей запа-

Digitized by Google

дало въ голову, то разубѣдить ее не было никакой возможности [1]).

Другое сходство въ ихъ характерахъ было въ томъ, что оба они любили всякія изящныя вещи и имѣли хорошій вкусъ. Но непрактичность Марьи Ивановны въ дѣлахъ житейскихъ была необычайная и безъ сравненія превосходила непрактичность мужа. Послѣдній не родился хозяиномъ, скопидомомъ, но не отличался и дѣтской наивностью въ жизни, тогда какъ Марья Ивановна въ этомъ отношеніи была настоящее дитя. Ничего не стоило какому-нибудь торгашу-разносчику убѣдить ее набрать, часто въ долгъ, какихъ угодно бездѣлушекъ, особенно сколько-нибудь красивыхъ, и дочери должны были зорко смотрѣть, чтобы она не поддалась обману со стороны какого-нибудь проходимца. Случалось, что Марья Ивановна въ отсутствіи дочерей накупала такъ много всякихъ мелочей, что дочери должны были, если еще не было поздно, посылать въ догонку за продавцомъ и возвращать ему накупленное [2])...

---

[1]) Мнительность въ самомъ широкомъ смыслѣ и особенно въ отношеніи здоровья перешла отъ отца и матери также и къ сыну. Замѣчательно, что передъ смертью какъ Гоголю-отцу, такъ и сыну, слышались какіе-то голоса, которые они считали предвѣстіемъ близкаго конца. На Н. В. Гоголя подѣйствовали потрясающимъ образомъ, напримѣръ, сказанныя ему въ видѣ привѣтствія, случайно встрѣтившимся на самый Новый годъ (въ 1852 г.) италіанцемъ слова: «une année éternelle!» и смерть уважаемой имъ жены Хомякова. Въ одномъ письмѣ къ Языкову Н. В. Гоголь сравниваетъ себя относительно здоровья съ отцомъ: «Ходъ моей болѣзни естественный: она есть истощеніе силъ. Вѣкъ мой не могъ ни въ какомъ случаѣ быть долгимъ. Отецъ мой былъ также сложенія слабаго и умеръ рано, угаспувши недостаткомъ собственныхъ силъ своихъ, а не нападеніемъ какой-нибудь болѣзни» и проч. (Кул., VI — 191). Но особенно слѣдуетъ считать семейной чертой склонность преувеличивать несчастія. Достаточно было Марьѣ Ивановнѣ написать о болѣзни одной крестьянки, чтобы ея мужу представилась эпидемія съ ея ужасами.

[2]) Однажды Гоголь сдѣлалъ на это намекъ въ письмѣ, къ матери. („Соч. и письма Гоголя", т. VI, стр. 388. См. также „Русск. Стар., 1887, VII, 31).— Вообще мы особенно рекомендовали бы для болѣе обстоятельнаго знакомства съ личностью М. И. Гоголь статью М. А. Трахимовскаго („Русск. Стар.", 1888, VII, 25—48); также статьи г-жъ Бѣлозерской и Черницкой, о которыхъ ниже скажемъ нѣсколько словъ.

Digitized by Google

УЧЕНИЧЕСКІЕ ГОДЫ ГОГОЛЯ

(1809—1828).

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О ДѢТСТВѢ ГОГОЛЯ ДО ВСТУПЛЕНІЯ ВЪ ШКОЛУ И О ДОМАШНЕЙ СРЕДѢ ЕГО ВЪ ШКОЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ.

Н. В. Гоголь родился 19 марта 1809 г. въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, находящемся на границѣ Полтавскаго и Миргородскаго уѣздовъ. Случайное обстоятельство было причиной пріѣзда матери Гоголя передъ родами въ Сорочинцы: ее привело туда опасеніе, послѣ двухъ неудачныхъ родовъ, за жизнь будущаго ребенка и надежда на помощь и искусство мѣстнаго врача (Трахимовскаго). Вслѣдствіе той же боязни ею былъ данъ обѣтъ, если родится сынъ, назвать его Николаемъ въ честь чудотворнаго образа, называвшагося Николаемъ Диканьскимъ. Свѣдѣнія эти сообщены Г. П. Данилевскимъ на основаніи данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ, тогда какъ прежде родиной Николая Васильевича ошибочно считали Васильевку, родовое имѣніе его отца (см. статью Кулиша, „Отеч. Зап.“ 1852, 4 [1]). Въ статьѣ Данилевскаго есть также нѣкоторыя свѣдѣнія и о раннихъ годахъ дѣтства Гоголя, которыя могли бы быть драгоцѣнны при отсутствіи иныхъ данныхъ, если бы они не были до нѣкоторой степени разсчитаны на эффектъ разсказа,—о томъ, напр., что Гоголь, „*трехъ лѣтъ* отъ роду (!), не учась грамотѣ у учителя, уже бѣгло читалъ и писалъ

[1]) Въ свѣдѣніяхъ о времени рожденія Гоголя есть также разногласія и неточности. Годомъ рожденія сначала былъ указанъ въ статьѣ Кулиша 1808. Свѣдѣніе это могло быть заимствовано изъ предисловія къ французскому переводу повѣстей Луи Віардо, который составилъ предисловіе со словъ И. С. Тургенева.

Digitized by Google

слова мѣломъ, запомнивъ алфавитъ по рисованнымъ, игрушечнымъ буквамъ"; что онъ рано началъ писать стихи и что однажды извѣстный поэтъ-сатирикъ Капнистъ, навѣщавшій по сосѣдству семейство Гоголей, захотѣлъ увидѣть эти стихотворческіе опыты и сталъ настаивать, чтобы Гоголь прочелъ ему что-нибудь; послѣ нѣкоторыхъ колебаній малютка Гоголь будто бы съ важностью исполнилъ его просьбу, и Капнистъ призналъ въ немъ зародыши дарованія... Интереснѣе и правдоподобнѣе сообщеніе о томъ, что отецъ Гоголя во время прогулокъ заставлялъ своихъ дѣтей что-нибудь импровизировать, при чемъ всегда торжествовалъ Николай Васильевичъ, уже обнаружившій большую находчивость...

Около десяти лѣтъ отъ роду Гоголь былъ отвезенъ въ Полтаву и отданъ вмѣстѣ съ братомъ для приготовленія въ мѣстную гимназію къ одному изъ служившихъ въ ней учителей. Сношенія съ родной семьей, какъ письменныя, такъ и личныя, какъ видно изъ писемъ, были очень часты, что происходило отчасти потому, что состояніе здоровья ребенка было ненадежно и самое ученье шло не совсѣмъ успѣшно, такъ что вскорѣ потребовались усиленныя занятія съ особенно приглашеннымъ для этой цѣли учителемъ.

Дальнѣйшихъ подробностей о жизни Гоголя въ это время мы не имѣемъ никакихъ, но съ *этой поры* является уже возможность для нашихъ цѣлей пользоваться его письмами [1]).

Переходимъ теперь, для знакомства съ домашнимъ бытомъ Гоголя въ школьные годы, къ извлеченію данныхъ изъ писемъ его матери къ двоюродному брату ея П. П. Косяровскому.

Согласно личнымъ воспоминаніямъ людей, знавшихъ близко Марью Ивановну, и эти письма показываютъ въ ней женщину чрезвычайно добрую, всей душой преданную тѣсному

---

[1]) Въ трудѣ Кулиша мы находимъ одно и то очень краткое извѣстіе о первоначальномъ воспитаніи Гоголя. („Зап. о жизни Гоголя", 1 т., стр. 16). Тамъ сказано, что „Гоголь получилъ его сначала дома отъ наемнаго семинариста, а потомъ готовился къ поступленію въ гимназію въ Полтавѣ, на дому у одного учителя гимназіи вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Иваномъ. Но когда ихъ взяли на каникулы и младшій братъ умеръ (9 лѣтъ отъ роду), Николай Васильевичъ (онъ былъ старше брата однимъ годомъ) оставался нѣкоторое время дома, пока не отданъ былъ въ Нѣжинскую Гимназію Высшихъ наукъ въ маѣ 1821 г." Слѣдовательно, братъ Гоголя скончался въ 1820 г. лѣтомъ, а Н. В., не возвращавшійся больше въ Полтаву послѣ каникулъ, большую часть слѣдующаго учебнаго года провелъ дома. Но уже въ февралѣ было подано проше-

Digitized by Google

кругу родныхъ и близкихъ знакомыхъ, съ характеромъ открытымъ и любящимъ. Это типъ скромной помѣщицы прежняго времени, интересы которой сосредоточивались на семейныхъ и хозяйственныхъ хлопотахъ съ одной стороны и на заботахъ о дѣлахъ благочестія съ другой. Свиданія съ родными, требовавшія частыхъ поѣздокъ въ сосѣднія деревни, пріемъ гостей у себя въ Васильевкѣ, встрѣчи и проводы старшихъ дѣтей, пріѣзжавшихъ домой на каникулы, уходъ за меньшими и заботы о нихъ, распоряженія по дому и хозяйству — все это совершенно наполняло время Марьи Ивановны и вмѣстѣ съ тѣмъ давало содержаніе и окраску ея интимной жизни. Тонъ писемъ, вездѣ одинаковый и ровный, даетъ возможность при однообразіи содержанія по нѣсколькимъ выдержкамъ вполнѣ охарактеризовать эту симпатичную личность и ея повседневныя заботы.

Вотъ какъ она сама изображаетъ въ одномъ письмѣ свой домашній бытъ: „Мало, что ѣзжу по хозяйственнымъ дѣламъ, и дрожки никогда не откладываются, а только перемѣняютъ лошадей: надобно еще смотрѣть за порядкомъ въ домѣ, за дѣтьми маленькими смотрѣть и о большихъ думать, и сверхъ того безпрестанно должна писать о разныхъ предметахъ и отвѣчать добрымъ пріятельницамъ, которыя закидываютъ меня письмами; еще я должна, хотя въ полгода одинъ разъ, сдѣлать визиты добрымъ сосѣдямъ моимъ, которыхъ, благодаря Бога, у меня много; у родителей моихъ каждую недѣлю бываю“ [1]) и проч.

При чтеніи писемъ нельзя не удивиться энергической и подвижной натурѣ Марьи Ивановны; при всей любви своей къ спокойной жизни въ Васильевкѣ, которую она особенно

ніе о принятіи Гоголя въ нѣжинскую гимназію и въ маѣ онъ былъ ея ученикомъ. По свѣдѣніямъ же Справочнаго Энциклопедическаго словаря (т. III 1854 года) Гоголь пробылъ два года въ полтавской гимназіи. Въ сборникѣ «Русскіе Люди» (изд. Вольфа Спб. 1866 г.) мы читаемъ также: «Гоголь первоначальное воспитаніе получилъ въ полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ, по окончаніи котораго учился два года въ первомъ классѣ полтавской гимназіи». Для насъ это противорѣчіе неважно, потому что словарь былъ составленъ въ 1854 году, раньше появленія книги Кулиша и, вѣроятно, черпалъ свои свѣдѣнія изъ его же прежнихъ замѣтокъ или статей, а изданіе «Русскіе Люди», очевидно, повторяетъ свѣдѣнія прежняго какого-нибудь источника. Такимъ образомъ нѣтъ причины сомнѣваться въ справедливости приведенныхъ словъ Кулиша, которыя мы находимъ въ его трудѣ, изданномъ уже въ 1856 г.

[1]) „Русск. Стар.“, 1887, III, 677—678.

Digitized by Google

неохотно покидала послѣ смерти мужа, она постоянно предпринимала по разнымъ дѣламъ поѣздки то къ знакомымъ въ сосѣднія деревни (Обуховку, Ярески, Грунь, Псёловку), то въ ближайшіе города, напр. въ Харьковъ, Полтаву, Миргородъ. Среди этихъ мелочныхъ и разнообразныхъ хлопотъ обыденной жизни, какъ видно изъ переписки съ родными, Марья Ивановна посвящала особое вниманіе предметамъ религіознымъ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ находимъ ея разспросы и наставленія Косяровскому о приготовленіи плащаницы, предназначавшейся, вѣроятно, для сельской церкви въ Васильевкѣ. Косяровскому, какъ близкому родственнику и другу, было поручено приготовленіе плащаницы въ Одессѣ, гдѣ онъ служилъ въ то время; онъ слѣдилъ за исполненіемъ работы. Дѣло было, очевидно, весьма дорогое и близкое сердцу заказчицы, которая не переставала постоянно освѣдомляться о немъ въ продолженіе почти цѣлаго года.

Сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ.

„Плащаницу, мнѣ кажется, лучше сдѣлать по послѣднему описанію вашему, чтобы Спаситель нашъ нарисованъ былъ на гроденаплѣ, а слова бы были въ рамахъ, бархата же можно пришить и голубого — хорошаго цвѣту; впрочемъ я отдаюсь совершенно на изящный вкусъ той особы, которая будетъ трудиться надъ приведеніемъ въ порядокъ сего богоугоднаго дѣла и, вѣрно, я буду восхищена плащаницей, когда ее увижу“ (письмо отъ 26 іюня 1826 г.). Почти черезъ годъ (16 мая 1827 г.), она пишетъ въ послѣдній разъ о плащаницѣ по поводу окончанія дѣла: „Усерднѣйше благодарю васъ, милѣйшій братецъ, за попеченіе о плащаницѣ. Да вознаградитъ васъ Богъ! Мнѣ все въ ней нравится“.

Постройка церкви въ хуторѣ имѣла, несомнѣнно, чрезвычайно важное значеніе не только для обитателей Васильевки, но отчасти и для ближайшихъ сосѣдей, такъ какъ въ то время еще мало было храмовъ въ окрестныхъ деревняхъ, а дороги были невыносимо плохи и грязны, такъ что предпринимать далекія странствованія по оврагамъ и балкамъ было крайне затруднительно и неудобно. Марья Ивановна имѣла полное основаніе гордиться сооруженіемъ храма, для котораго не жалѣла ни тратъ, ни хлопотъ, совершая это дѣло съ глубокимъ сознаніемъ важности принятой на себя священной обязанности. При своей сообщительности, несмотря на обычную

Digitized by Google

скромность, она любила вспомнить и поразсказать, какъ строилась церковь и какъ, какъ бы по благословенію свыше, неожиданно и легко устранялись всѣ препятствія, и дѣло устраивалось само собой [1])...

Но построеніе храма было лишь важнѣйшимъ, а не единственнымъ благодѣяніемъ, оказаннымъ цѣлой округѣ васильевскими помѣщиками. Весьма полезною оказалась учрежденная въ деревнѣ ярмарка, собирающаяся донынѣ по четыре раза въ годъ въ сроки чрезвычайно удачно выбранные и установленные Василіемъ Аѳанасьевичемъ [2]). Вообще можно сказать, что всегдашняя готовность дѣлать добро и неизмѣнныя привѣтливость и радушіе были одинаково свойственны обоимъ супругамъ и служили для нихъ залогомъ прочнаго нравственнаго союза.

Въ отношеніяхъ къ окружающимъ любящая натура матери нашего писателя сказывается такъ или иначе въ каждомъ незначительномъ письмѣ, — то въ сочувствіи ихъ заботамъ и горю, то въ одобреніи и совѣтахъ, часто наивныхъ, и если способныхъ подѣйствовать успокоительно, то, конечно, только тѣмъ неподдѣльно ласковымъ, совершенно женскимъ участіемъ, которымъ вѣетъ отъ каждой строки и которое бываетъ дорого именно своей неоцѣненной искренностью и теплотой. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія самый простодушно-дружескій тонъ писемъ. „Душевно обрадована была пріятнѣйшимъ письмомъ вашимъ, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ. Читая письмо ваше, я вообразила на минуту, что нахожусь вмѣстѣ съ вами. Какъ бы хорошо сдѣлали вы, милые друзья мои, когда бы пріѣхали къ намъ; но какъ на сіе нужны финансы, то не могу васъ и упрашивать. О, когда бы у меня было ихъ столько, чтобы мнѣ дѣлиться съ вами! какъ бы я была рада! Для меня единственная отрада быть

---

[1]) Любопытно, что Н. В. Гоголю случалось также въ письмахъ къ матери выставлять для ея успокоенія необыкновенную удачу въ своихъ предпріятіяхъ, которыя могли быть почему-нибудь ею не одобрены. Такъ передъ первой своей заграничной поѣздкой онъ писалъ: «Я рѣшился, но къ чему, какъ приступить? Выѣздъ за-границу такъ труденъ, хлопотъ такъ много! Но лишь только я принялся, все, къ удивленію моему, пошло какъ нельзя лучше; я даже легко получилъ пропускъ. Одна остановка была, наконецъ, за деньгами. Здѣсь я было совсѣмъ отчаялся; но вдругъ получаю слѣдуемыя въ Опекунскій Совѣтъ». („Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 86).

[2]) Эти сроки не измѣнились до сихъ поръ,—въ продолженіе болѣе 60-ти л.

Digitized by Google

съ родными вмѣстѣ!“... Иногда случается ей дѣлиться въ письмахъ болѣе выдающимися впечатлѣніями. „Сейчасъ возвратились мы изъ церкви; слушали страданія Спасителя нашего и со свѣчами шли домой. Чрезвычайная ночь!“

Преданность волѣ Божіей и покорность Провидѣнію выражаются у Марьи Ивановны нерѣдко въ наивной и непосредственной формѣ, но показывающей явно, что благочестивое настроеніе исходило изъ души ея и имѣло довольно существенное вліяніе на ея жизненныя правила и убѣжденія. На чистой глубокой вѣрѣ основывался ея свѣтлый оптимистическій взглядъ на жизнь, несмотря на всѣ испытанія,—взглядъ, весьма часто высказываемый въ письмахъ. Не имѣя возможности помочь близкимъ болѣе существеннымъ образомъ, она не скупится на добрыя пожеланія, стараясь поддерживать въ нихъ бодрость въ житейскихъ испытаніяхъ и превратностяхъ. Она постоянно рекомендуетъ держаться излюбленной ею Панглоссовой системы, заключающейся въ положеніи: „все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ“. Такъ, успокоивая Косяровскаго, долго не находившаго службы, она пишетъ: „О службѣ вы не безпокойтесь; лѣта ваши еще не ушли. Вамъ можно и въ штатскую; да еще лучше и безопаснѣе; и опредѣлиться тамъ же въ Одессѣ, когда сей городъ такъ нравится и, избравши себѣ по сердцу супругу, прелестную женщину душою и тѣломъ, — какое бы это было счастье для васъ! — пріѣхать въ Малороссію!“ Такіе совѣты, часто даже противорѣчивые, не были, конечно, выраженіемъ опредѣленныхъ взглядовъ и взвѣшенныхъ соображеній. Въ одномъ письмѣ, напр., она сокрушается о губительномъ дѣйствіи климата Грузіи на здоровье своего родственника и совѣтуетъ ему, оставивъ военную службу, пріѣхать въ Малороссію; въ слѣдующемъ письмѣ, напротивъ, желаетъ тому же лицу всякихъ успѣховъ въ той же странѣ на поприщѣ военной службы. „Жалѣю душевно о безпрерывныхъ преградахъ вступить вамъ въ службу, но вы не безпокойтесь о семъ ни мало; держитесь Панглоссовой системы, что все, что̀ ни дѣлается, все къ лучшему. Я и сама въ томъ совершенно увѣрена. Когда бы вы опредѣлились прежде, то, Богъ знаетъ, были ли бы вы уже на свѣтѣ о сю пору“. Къ собственному горю Марья Ивановна относилась совершенно такъ же: „Машенька моя жестоко была больна; можно сказать, что изъ мертвыхъ воскресла,

Digitized by Google

и вы можете себѣ представить, что̀ я тогда чувствовала, но Богъ все устраиваетъ къ лучшему, иногда для того, чтобы больше чувствовать милосердіе Его".

Вотъ еще примѣръ подобныхъ утѣшеній:

„Обстоятельства ваши поправятся и вы будете покойны; идите прямой дорогой и будьте всегда одинаково добры, и вы въ самомъ себѣ найдете большое утѣшеніе во всякое время... Я слышала, что Павлу Петровичу отказываютъ въ просьбѣ; когда это такъ, то ему остается жениться; видно, не судьба ему служить. Держитесь все Панглоссовой системы: вы пишете, что много больныхъ и раненыхъ; можетъ быть, и вамъ бы не миновать такой же участи; но лучше сидѣть въ скукѣ, нежели въ болѣзни. Вспомните, что Богъ никогда не оставляетъ уповающихъ, и я совершенно увѣрена, что Онъ меня выведетъ изъ нужды, терпимой мною, и рано или поздно успокоитъ, или же такъ быть должно, чтобы я здѣсь не была спокойна, но зато въ будущемъ вознаградитъ меня. Съ этимъ счастьемъ что̀ можетъ сравниться!"

Въ заключеніе характеристики быта Марьи Ивановны послѣ смерти ея мужа остановимся на отношеніяхъ къ родственнику ея, вельможѣ и бывшему министру, Трощинскому.

Какъ богатый и знатный человѣкъ, жившій широко и обставленный совершенно по-барски, какъ помѣщикъ, содержавшій при себѣ цѣлое народонаселеніе, начиная отъ домашнихъ докторовъ и кончая шутами и многочисленной челядью, Трощинскій, естественно, былъ предметомъ благоговѣйнаго почитанія для всѣхъ родныхъ и сосѣдей. Легко себѣ представить, что его должны были окружать со всѣхъ сторонъ подобострастіе и зависть, тогда какъ за спиной у него происходили интриги, отъ которыхъ подчасъ жутко приходилось именно людямъ, пользовавшимся наибо̀льшимъ расположеніемъ хлѣбосольнаго хозяина. Знакомые и родственники во множествѣ стекались въ домъ своего патрона въ торжественные дни для заявленія чувствъ преданности и расположенія, и гордились его вниманіемъ, если, въ свою очередь, онъ удостоивалъ ихъ своего посѣщенія. Въ послѣднемъ случаѣ изо-всѣхъ силъ старались оправдать оказываемую честь пріемомъ, достойнымъ столь почетнаго гостя. Въ такихъ именно отношеніяхъ находилась къ Трощинскому Марья Ивановна. Обыкновенно въ ожиданіи пріѣзда именитаго родственника, кото-

Digitized by Google

раго привыкли даже за глаза величать не иначе, какъ превосходительствомъ и благодѣтелемъ, въ домѣ поднимались суетливыя хлопоты и приготовленія, далеко не ограничивавшіяся обычной въ подобныхъ случаяхъ уборкой комнатъ. При многочисленности свиты, съ которой разъѣзжалъ Трощинскій, заботы о размѣщеніи ея заставляли нерѣдко Марью Ивановну отказывать себѣ въ привычномъ покоѣ и даже переселяться на время къ сосѣдямъ, а сына посылать за покупками и припасами изъ Васильевки въ Полтаву, Кременчугъ и дальше. Иногда приходилось приносить немаловажныя жертвы: такъ однажды она должна была отказать себѣ въ удовольствіи оказать помощь одному изъ наиболѣе любимыхъ родственниковъ, находившемуся въ бѣдственномъ положеніи, и сдѣлать много тратъ въ ожиданіи не состоявшагося пріѣзда Трощинскаго, при чемъ приходилось располагать собой, своимъ временемъ и помѣщеніемъ, примѣняясь къ вкусамъ и привычкамъ высокаго гостя. „Къ Петру и Павлу ожидаемъ Дмитрія Прокофьевича со всѣмъ его семействомъ. Къ тому дню и мы должны ѣхать съ Варенькой [1]) въ Ярески. Она здорова; только скучаетъ, воображая, что пріѣдутъ сюда кибинцкіе, и надобно будетъ больше съ ними жить въ продолженіе лѣта“. Особенно тяжело было Марьѣ Ивановнѣ переламывать себя и жить среди веселаго общества въ Ярескахъ, тогда какъ послѣ смерти мужа ей было вовсе не до того. „Мнѣ очень мучительно“, пишетъ она, „имѣя горесть въ сердцѣ, быть въ веселой компаніи, но я стараюсь какъ можно рѣже тамъ бывать и оставаться больше въ уединенной и спокойной моей Васильевкѣ“.

Вотъ еще нѣсколько выписокъ, характеризующихъ отношенія Марьи Ивановны къ Д. П. Трощинскому.

„Я вамъ писала, что жду Дмитрія Прокофьевича; онъ у насъ былъ и чрезвычайно былъ доволенъ угощеніемъ, княжна [2]) не была по причинѣ пріѣзда къ ней отца ея, котораго Дмитрій Прокофьевичъ просилъ и они оставались въ Ярескахъ. Выпроводя ихъ, ѣздила я съ Варенькой къ Катенькѣ [3]), а тамъ

[1]) Варварой Петровной Косяровской.

[2]) Сакенъ. См. „Указатель къ письмамъ Гоголя“, изд. I, стр. 69; 2 изд., стр. 27.

[3]) Е. И. Ходаревской, родной сестрѣ М. И. Гоголь. См. „Указатель“, 1 изд. стр. 47, внизу; 2 изд., стр. 19.

Digitized by Google

должна была ѣхать на именины къ благодѣтелю моему (тѣмъ болѣе, что онъ былъ у меня), гдѣ провела время очень скучно“ и проч.

„О Дмитріи Прокофьевичѣ я, кажется, писала вамъ, какъ онъ у насъ былъ, и старалась доставить ему всѣ тѣ удовольствія, которыя онъ любитъ“.

„Никоша мой возвратился изъ Кременчуга и навезъ всего для угощенія Дмитрія Прокофьевича, и онъ не будетъ, потому что нѣтъ возможности пріѣхать по причинѣ тѣсноты. Теперь пріѣхали Шамшевы, Софья Алексѣевна и Ростиславъ; Иванъ Ефимовичъ возвратился изъ Кибинецъ. Я вообразила, что тогда еще будутъ въ Кибинцахъ, и Родзянки пріѣхали, и мнѣ никакъ невозможно ихъ помѣстить всѣхъ, и, признаюсь, я и рада сему случаю; жаль только, что употреблено много денегъ: лучше бы послала вамъ“. „Въ Кибинцахъ мы провели время и пріятно и грустно, — пріятно потому, что я имѣла особую комнатку, гдѣ могла свободно предаваться своимъ мыслямъ и обдумывать свои планы (я просила, чтобы мнѣ дали въ гостиномъ флигелѣ особую комнатку вмѣстѣ съ моей Машей, для того, что съ Ольгой Дмитріевной мнѣ надобно было помѣщаться съ Капнистами и съ другими женщинами и поздно слишкомъ ложиться, потому что послѣ ужина всѣ молодые люди всегда во флигелѣ собираются, а для моей Машеньки не годится поздно ложиться, и мы отъ ужина тотчасъ уходили въ свою квартиру). Одинъ Андрей Андреевичъ [1]), истинно какъ родной братъ, со мной обходился, а больше никто. Мнѣ казалось, что ужаснѣйшая зависть меня окружаетъ, а впрочѣмъ, можетъ быть, я ошибаюсь,—Богъ знаетъ!.. Кажется, совсѣмъ нечего мнѣ завидовать: я ожидаю единственной и самой большой помощи отъ благодѣтеля моего Дмитрія Прокофьевича—рекомендательныхъ писемъ для моего сына къ тѣмъ особамъ, которыя ему будутъ нужны, а болѣе никакой помощи я не надѣюсь, потому что слишкомъ ужъ стараются отдалять его отъ моего сердца [2]). О люди! Я теперь только ихъ узнаю; прежде мнѣ и въ голову

---

[1]) Трощинскій, родственникъ Дмитрія Прокофьевича и двоюродный братъ Марьи Ивановны Гоголь, мужъ упомянутой Ольги Дмитріевны. См. „Указатель къ письмамъ Гоголя“, изд. I, стр. 27; 2 изд., стр. 11.

[2]) Это относится уже ко времени сборовъ Н. В. Гоголя въ Петербургъ.

Digitized by Google

не приходило, чтобы можно было говорить и писать не такъ, какъ чувствуешь".

„Ангелъ мой, благодѣтель Дмитрій Прокофьевичъ, платилъ за меня въ казну и рѣдко отъ меня принималъ и, видно, для памяти писалъ у себя, сколько я ему должна, и вышло 4,060 р., и сія записка нашлась; и мнѣ платить сіи деньги; но такъ какъ никакого средства ихъ нѣтъ мнѣ уплатить, то я предложила Андрею Андреевичу принять Яресковское мое имѣніе, состоящее изъ десяти десятинъ. Онъ согласился, но только не даетъ по 30 р. десятину, и выходитъ, что имѣнія лишусь и долгу не уплачу; но да будетъ воля Божія: мы располагаемъ, а Богъ опредѣляетъ".

Наконецъ вотъ извѣстіе о смерти Трощинскаго:

„Изъ Кибинецъ я возвратилась съ разбитымъ горестью сердцемъ, поклонилась гробу благодѣтеля моего, который такъ поставленъ, что можно туда ходить и видѣть гробъ"...

Оканчивая здѣсь рѣчь о Д. П. Трощинскомъ, чтобы характеристика его не представлялась у насъ одностороннею и пристрастною, а вмѣстѣ и для болѣе яснаго пониманія совершившейся впослѣдствіи въ юномъ Гоголѣ перемѣны въ отношеніяхъ его къ Трощинскому, упомянемъ и объ отрицательныхъ сторонахъ быта послѣдняго. Мы говорили о томъ, какъ ожидалось съ трепетомъ его появленіе къ гостямъ. Какъ ни привычно было большинство гостей къ этимъ торжественнымъ выходамъ, едва ли многіе изъ нихъ не ощущали нѣкоторой робости въ минуты такихъ появленій. Но вотъ кто-нибудь изъ гостей,—конечно изъ тѣхъ, которые, съ одной стороны, уже пользуются извѣстной свободой и прерогативами, а съ другой, не прочь подслужиться и угодить вельможѣ,—находитъ, что наступаетъ время развлечь Дмитрія Прокофьевича. На сцену вызывается кто-нибудь изъ шутовъ и начинаетъ занимать общество своими выходками. Но трудно шуту даже при невзыскательности присутствующихъ къ увеселеніямъ подобнаго рода быть постоянно, такъ сказать, на высотѣ своей задачи: шутки или повторяются, или становятся черезчуръ избитыми и не достигаютъ цѣли. Приходится изобрѣсть что-нибудь новое, не успѣвшее наскучить. Къ стыду нашихъ дѣдовъ, нельзя не сознаться, что нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ скудоуміе шутовъ не только не уравновѣшива-

Digitized by Google

лось находчивостью гостей, но даже давало поводъ къ проявленію со стороны послѣднихъ возмутительной пошлости. У Трощинскаго въ случаѣ нужды оживить общество на выручку являлись особые *шутодразнители*, т. е. люди, не гнушавшіеся жестокимъ и тупоумнымъ глумленіемъ надъ несчастными, забитыми идіотами, или полупомѣшанными скоморохами, — для того чтобы и хозяину угодить, и на моментъ выдвинуться изъ толпы и удовлетворить чувству мелкаго самолюбія, сдѣлавшись, подобно Добчинскому или Бобчинскому, героями минуты. Въ такихъ шутодразнителяхъ не было недостатка при разнородномъ составѣ гостей Трощинскаго. Что̀ они выдѣлывали и изобрѣтали въ угоду знатному вельможѣ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Среди шутовъ, кромѣ извѣстнаго Романа Ивановича [1]), обращалъ на себя вниманіе жалкій, отставленный вслѣдствіе умопомѣшательства заштатный священникъ, отецъ Варѳоломей. Онъ былъ главной мишенью для насмѣшекъ и издѣвательства, а иногда и побоевъ со стороны не знавшей удержу толпы, не считавшей для себя обязательнымъ даже уваженіе къ прежнему сану помѣшаннаго. Этого мало: была изобрѣтена особая, часто повторявшаяся жестокая потѣха, состоявшая, въ томъ, что бороду несчастнаго шута припечатывали сургучемъ къ столу и заставляли его, дѣлая разныя движенія, выдергивать ее по волоску. И это могло быть на глазахъ умнаго и добраго по природѣ, а главное—[2]), просвѣщеннаго вельможи!... Шутъ этотъ былъ не столько забавенъ даже, сколько отвратителенъ и грязенъ въ буквальномъ смыслѣ слова: неопрятность его доходила до такихъ невѣроятныхъ размѣровъ, что смотрѣть на него во время обѣда было противно и непристойно и его принуждены бывали отдѣлять отъ остальнаго общества особыми ширмочками, чтобы не оскорблять по крайней мѣрѣ зрѣнія сосѣдей, тогда какъ слухъ ихъ ежеминутно оскорблялся его безобразнымъ чавканьемъ. Несмотря на такія отвратительныя привычки и наружность отца Варѳоломея, съ нимъ послѣ стола ежедневно продѣлывали одну и ту же шутку. Глумясь надъ жадностью его къ деньгамъ, между нимъ и Трощинскимъ, садив-

---

[1]) См. о немъ въ письмахъ Гоголя („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 65 и 67).

[2]) Впрочемъ, по словамъ А. С. Даниловскаго, эти шутки мало забавляли Трощинскаго: онъ смотрѣлъ на нихъ угрюмо, развѣ изрѣдка бывало улыбнется.

Digitized by Google

шимся нарочно возлѣ шута, потихоньку подвигали ассигнацію и наблюдали, какъ, не будучи въ состояніи устоять противъ соблазна, шутъ наконецъ ее схватывалъ и собирался уже ею завладѣть, какъ вдругъ, остановленный въ своемъ намѣреніи безцеремоннымъ толчкомъ и браннымъ словомъ Трощинскаго, невозмутимо повторялъ двусмысленное: „а нехай се вамъ!...“ Однажды во время пріѣзда архіерея шутодразнители вложили отцу Варѳоломею мысль обратиться къ его преосвященству съ привѣтственною рѣчью. Рѣчь была дѣйствительно приготовлена и, къ крайнему соблазну однихъ и лукавой радости другихъ, торжественно начата. Архіерей слушаетъ и недоумѣваетъ. Наконецъ, когда не осталось уже сомнѣнія, въ чемъ дѣло, находя неприличнымъ и скучнымъ слушать такой вздоръ, прервалъ автора словами: „хорошо, очень хорошо! остальное досказывай чушкамъ“...

Въ обычныхъ шуткахъ надъ отцомъ Варѳоломеемъ принимали участіе рѣшительно всѣ. Казалось нелѣпымъ и неестественнымъ относиться къ нему иначе, а совершенно игнорировать его при описанномъ выше общемъ настроеніи не представлялось возможнымъ. Наконецъ, и самъ отецъ Варѳоломей, свыкшись съ своимъ положеніемъ и исполняя свои обязанности, вѣроятно силился, чѣмъ могъ, обращать на себя вниманіе и возбуждать смѣхъ....

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!...“

Digitized by Google

II.

ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ГОГОЛЯ. СТРАСТЬ КЪ ЖИВОПИСИ И КЪ ТЕАТРУ.

Съ мая 1821 г. по іюнь 1828 Гоголь былъ ученикомъ Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ. Къ сожалѣнію, школьная жизнь его почти совсѣмъ не отражается въ письмахъ къ родителямъ. Составить удовлетворительное представленіе о ней всего больше мѣшаетъ самый возрастъ автора, еще не привыкшаго давать себѣ отчетъ въ переживаемыхъ впечатлѣніяхъ и не чувствовавшаго потребности въ письменной бесѣдѣ, хотя бы съ самыми близкими людьми, о вопросахъ, не имѣвшихъ непосредственнаго отношенія къ практическимъ нуждамъ. Не усердно занимаясь преподаваемыми предметами, находясь на счету ученика лѣниваго и посредственнаго по успѣхамъ, дерзкаго и „неряшливаго“ по поведенію, Гоголь не любилъ воспитавшую его школу [1]) и, мало ею интересуясь, не находилъ удовольствія и говорить о ней. Вообще Гоголь нерѣдко вспоминалъ о ней лишь впослѣдствіи. *Только* въ послѣдніе годы жизни въ Нѣжинѣ, когда онъ уже значительно развился и созрѣлъ, мы находимъ въ письмахъ попытки подвести итоги вынесенному изъ школы, но и эти, крайне враждебные, отзывы были сдѣланы мимоходомъ, подъ вліяніемъ раздраженія, и вызывались необходимостью отвѣчать на

[1]) Уже гораздо позднѣе отношенія Гоголя къ Лицею измѣнились; такъ Гоголь былъ сильно огорченъ и встревоженъ однажды несправедливыми слухами о пожарѣ въ нѣжинскомъ Лицеѣ (письмо къ Н. А. Бѣлозерскому, соч. Гог., изд. Кулиша, V т., стр. 251).

Digitized by Google

упреки матери за потерянные годы. Къ тому же они не даютъ ни малѣйшаго представленія о разнородныхъ впечатлѣніяхъ, пережитыхъ имъ въ стѣнахъ заведенія за все школьное время. Исключеніе представляютъ только немногія строки, касающіяся ученическаго театра; кое-что мы узнаемъ также изъ трехъ писемъ его къ товарищу Высоцкому.

Такимъ образомъ кромѣ писемъ къ матери при изученіи школьнаго періода жизни Гоголя мы должны обратиться къ другимъ источникамъ, напр. отзывамъ о Гоголѣ-отрокѣ его школьныхъ товарищей и наставниковъ и нѣкоторымъ оффиціальнымъ даннымъ.

Въ ряду источниковъ подобнаго рода первымъ по времени документомъ является прошеніе отца Гоголя о принятіи сына въ число воспитанниковъ нѣжинской гимназіи — въ письмѣ, адресованномъ къ директору Кукольнику (отцу извѣстнаго писателя). Письмо это не достигло цѣли: оно было получено уже по смерти Кукольника и отцу Гоголя пришлось вторично обратиться къ начальству гимназіи съ тою же просьбой, на которую уже послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ. Гоголь былъ помѣщенъ въ число своекоштныхъ пансіонеровъ, а черезъ годъ устроенъ на казенный счетъ, такъ какъ родители были не въ силахъ платить ежегодно тысячу рублей за его образованіе. Поступленіе его въ самомъ концѣ учебнаго года не должно насъ удивлять, если мы вспомнимъ, что нѣжинская гимназія въ то время только начала свое существованіе и еще не получила правильной организаціи. Созданная наскоро и открытая лишь за полгода до поступленія Гоголя, она нуждалась даже въ учебномъ персоналѣ и была не богата воспитанниками; ей предстояло еще устройство почти всѣхъ частей школьнаго обихода [1]). Въ это-то время черниговскій губернскій прокуроръ Бажановъ, въ качествѣ хорошаго знакомаго, увѣдомилъ отца Гоголя объ открытіи въ Нѣжинѣ гимназіи и совѣтовалъ ему отдать сына въ находящійся при ней пансіонъ. Подготовка мальчика оказалась крайне не блестящая: на пріемномъ испытаніи онъ обнаружилъ удовлетворительныя познанія единственно въ Законѣ Божіемъ. По-

[1]) Даже къ концу года въ ней было всего 52 ученика, которые всѣ учились въ одномъ классѣ. (См. „Извѣстія Историко-Филологическаго Института въ Нѣжинѣ“, т. III, 1879, неоффиц. отд., стр. 128).

Digitized by Google

ступленіе его при такихъ условіяхъ объясняется, конечно, только исключительнымъ положеніемъ только-что возникавшаго учебнаго заведенія, хотя Гоголь и попалъ даже въ среднее отдѣленіе изъ трехъ, на которыя были раздѣлены по познаніямъ вновь принятые воспитанники.

За первый годъ жизни Гоголя въ Нѣжинѣ письма его становятся нѣсколько больше по объему, но остаются по прежнему однообразными и дѣтскими по содержанію [1]). Въ нихъ мы все еще не находимъ пока почти ничего, кромѣ сообщеній о состояніи своего здоровья и о своихъ нуждахъ. Существенную разницу съ письмами предшествующей поры можно видѣть только въ томъ, что съ болѣе зрѣлымъ сравнительно возрастомъ и при измѣнившихся обстоятельствахъ Гоголю приходится испытывать и больше заботъ и затрудненій, нежели въ Полтавѣ. Въ новой обстановкѣ Гоголю было уже не такъ привольно, какъ прежде: въ одномъ изъ первыхъ нѣжинскихъ писемъ, очевидно только-что по возвращеніи послѣ вакаціи, онъ уже жалуется на тоску о родителяхъ и проситъ, чтобы они побывали у него въ томъ же мѣсяцѣ; говоритъ о боляхъ въ груди. Разлука съ родителями на болѣе продолжительное время, чѣмъ прежде, и съ меньшею надеждою на близкое свиданіе, послѣ полугодовой жизни въ семьѣ, бо́льшая отдаленность отъ нея, отсутствіе людей, кромѣ отпущеннаго съ нимъ дядьки (сближеніе съ другими названными ниже лицами могло произойти только по прошествіи нѣкотораго времени), наконецъ, еще не успокоившееся, не улегшееся чувство нѣкоторой осиротѣлости, одиночества по смерти любимаго брата, раздѣлявшаго съ нимъ въ Полтавѣ тоску разлуки съ домашними, — все это должно было производить самое тяжелое, удручающее дѣйствіе на мальчика. Онъ не спитъ, неутѣшно плачетъ, находя нѣкоторое облегченіе въ своемъ горѣ только въ участіи преданнаго дядьки, просиживающаго надъ его постелью цѣлыя ночи, наконецъ онъ, что̀ такъ естественно въ его возрастѣ, подъ вліяніемъ тяжелаго чувства разлуки и одиночества въ совершенно новой и чуждой пока сферѣ, преувеличиваетъ значеніе ощущаемой имъ физической боли. Все это представляетъ явленія

---

[1]) Мы сравниваемъ ихъ здѣсь съ дошедшими до насъ тремя письмами изъ Полтавы. („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 3 и 4).

Digitized by Google

очень обыкновенныя въ дѣтскомъ возрастѣ при подобныхъ случаяхъ, какъ и то, что настроеніе Гоголя, какъ и всякаго ребенка его лѣтъ, обыкновенно перемѣнялось слишкомъ быстро. Сравнимъ для подтвержденія сказаннаго письма его отъ 13 и 14 августа 1821 г.: въ первомъ высказывается радость и спокойное, свѣтлое состояніе духа, второе проникнуто уже наивнымъ дѣтскимъ отчаяніемъ. Дѣло было въ томъ, что, получивъ отъ родителей обѣщаніе пріѣхать къ нему только въ октябрѣ, между тѣмъ какъ онъ прежде разсчитывалъ на болѣе скорое свиданіе, Гоголь еще сильнѣе поддался охватившей было его по возвращеніи изъ дому грусти, и теперь она совершенно вытѣсняетъ на короткое время свойственную дѣтскому возрасту безпечность и способность легко забывать непріятныя впечатлѣнія, и вотъ результатомъ такого тяжелаго настроенія является жалобное письмо, повидимому, очень напугавшее родителей. Было въ самомъ дѣлѣ чѣмъ встревожиться; свое состояніе Гоголь описываетъ въ яркихъ краскахъ: „Весьма опечалился я, услыша, что вы пріѣдете еще въ октябрѣ мѣсяцѣ. Ахъ, какъ бы я желалъ, еслибы вы пріѣхали какъ можно поскорѣе и узнали бы *объ участи* своего сына! Прежде каникулъ писалъ я, что мнѣ здѣсь хорошо, а теперь — напротивъ того. О еслибы, дражайшіе родители, вы пріѣхали въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, тогда бы вы услышали, что со мною дѣлается! Мнѣ послѣ каникулъ сдѣлалось такъ грустно, что всякій Божій день *слезы рѣкой льются*, и самъ не знаю, отчего, и особливо, когда вспомню объ васъ, *то градомъ такъ и льются*. И теперь у меня грудь такъ болитъ, что даже не могу много писать. Простите мнѣ за мою дерзость, но нужда все заставитъ дѣлать. Прощайте, дражайшіе родители! далѣе слезы мѣшаютъ мнѣ писать“ [1]). Слѣдующее письмо, заключавшее въ себѣ извиненія и оправданія Гоголя, даетъ основаніе предположить, что на свои жалобы онъ получилъ въ отвѣтъ увѣщанія и усовѣщиванія. Здѣсь онъ старается загладить свой необдуманный поступокъ, утверждая, что у него дѣйствительно очень болѣла грудь съ другого же дня по пріѣздѣ въ Нѣжинъ, но что теперь (т. е. когда онъ писалъ) онъ совершенно здоровъ и веселъ. Между тѣмъ наканунѣ тревожнаго письма онъ говорилъ, что былъ здоровъ;

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр 5.

Digitized by Google

онъ писалъ въ первый разъ не въ день пріѣзда въ Нѣжинъ, а уже по полученіи извѣстій изъ дому („освѣдомившись, что вы находитесь здоровы, пишу къ вамъ ..“) [1]) Все это отзывается еще ребячествомъ, какъ и приписка къ письму 14 августа въ постскриптумѣ о томъ, что учениковъ еще не собралось и половины, заключающая въ себѣ какъ бы намекъ на то, что онъ слишкомъ рано привезенъ, что можно было бы побыть еще нѣсколько времени дома.

Но мало-по-малу Гоголь привыкъ, конечно, къ своему новому мѣсту воспитанія и достаточно освоился съ жизнью въ немъ: по крайней мѣрѣ, жалобы его прекращаются, и въ самой перепискѣ замѣчается довольно продолжительный, именно мѣсячный перерывъ,—вѣрный признакъ нѣкотораго успокоенія.

Уже вскорѣ по вступленіи въ школу Гоголь могъ чувствовать себя въ ней не совсѣмъ одинокимъ: въ числѣ товарищей онъ встрѣтилъ дѣтей короткихъ знакомыхъ отца, впослѣдствіи своихъ постоянныхъ спутниковъ въ поѣздкахъ домой на каникулы. (Это были Барановъ и А. С. Данилевскій, оставшійся другомъ Гоголя въ продолженіе всей жизни). Сверхъ того при мальчикѣ находился еще дядька, котораго отецъ Гоголя получилъ позволеніе держать при пансіонѣ въ качествѣ служителя безплатно [2]). Постоянная близость любимаго и преданнаго дядьки была большимъ утѣшеніемъ для ребенка въ разлукѣ его съ родителями, особенно на первое время [3]). Заботливые родители, безкорыстно предлагая услуги своего дворовaго человѣка, должны были имѣть въ виду именно этотъ уходъ за сыномъ и возможное облегченіе для ребенка времени первоначальнаго ознакомленія и постепеннаго освоенія съ неизвѣстнымъ ему школьнымъ міромъ [4]).

Вскорѣ и въ числѣ воспитателей Гоголя нашлись также люди,

---

[1]) Тамъ же „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 5.

[2]) Это былъ Симонъ, о которомъ Гоголь упоминаетъ въ одномъ изъ первыхъ нѣжинскихъ писемъ.

[3]) „Не забудьте добраго моего Симона, который такъ старается обо мнѣ, что не прошло ни одной ночи, чтобы онъ не увѣщевалъ не плакать о васъ, дражайшіе родители, и не просиживалъ цѣлой ночи надо мной“. („Соч. и письма Гоголя“, V т., стр. 5).

[4]) Въ случаяхъ денежныхъ затрудненій тотъ же Симонъ является опекуномъ Гоголя уже года три спустя. („Соч. и письма Гоголя“, V т., стр. 25).

Digitized by Google

расположенные къ нему и отчасти бывшіе въ короткихъ отношеніяхъ съ его родителями. Самъ глава заведенія, Иванъ Семеновичъ Орлай, познакомился и сошелся съ семействомъ отца Гоголя въ Кибинцахъ у Трощинскаго, еще до назначенія своего въ Нѣжинъ [1]). Степень близости отношеній Орлая къ Гоголю можетъ быть опредѣлена по характеру упоминаній о немъ въ письмахъ (изъ которыхъ ясно, что онъ считался хорошимъ знакомымъ дома), и, главнымъ образомъ, по той заботливости и особенному участію, которое онъ принималъ въ частныхъ дѣлахъ своего питомца, приказывая ему, напр., чаще писать къ матери и проч. [2]).

Такова была внѣшняя обстановка Гоголя въ заведеніи.

Обычное однообразіе школьной жизни прерывалось только театромъ въ стѣнахъ заведенія и поѣздками домой на каникулы.

Заботы Гоголя о гимназическомъ театрѣ и постановкѣ на сцену новыхъ пьесъ начались уже на второй годъ пребыванія его въ Нѣжинѣ [3]). Ему, безспорно, принадлежала ини-

[1]) Изъ другихъ наставниковъ Гоголя съ его родителями уже во время пребыванія его въ школѣ познакомился профессоръ физики и химіи Шапалинскій, для котораго Гоголь просилъ однажды выслать болѣе помѣстительный экипажъ, нежели обыкновенно, такъ какъ въ немъ нужно было помѣстить кромѣ обычныхъ спутниковъ—товарищей уже упомянутаго профессора.

[2]) Изъ переписки видно, что въ случаѣ нужды въ деньгахъ Гоголь могъ также свободно обращаться къ нему. („Соч. и письма Гог.“, V т., стр. 4, 6, 10). Здѣсь во всякомъ случаѣ дѣло идетъ не объ Иванѣ Семеновичѣ Данилевскомъ, о которомъ въ это время нигдѣ не упоминается въ письмахъ и съ которымъ Гоголь тогда еще почти не былъ знакомъ.

Приведемъ слова товарища Гоголя П. В. Кукольника о школьныхъ отношеніяхъ Орлая къ Гоголю: «Иванъ Семеновичъ не жаловалъ, если ученики, во время лекцій, оставляли классы и прогуливались по коридорамъ, а Гоголь любилъ эти прогулки, и потому немудрено, что частенько натыкался на директора, но всегда выходилъ изъ бѣды сухъ и всегда одною и тою же продѣлкой. Завидѣвъ Ивана Семеновича издали, Гоголь не прятался, шелъ прямо къ нему навстрѣчу, раскланивался и докладывалъ: «Ваше превосходительство! я сейчасъ получилъ отъ матушки письмо. Она поручила засвидѣтельствовать Вашему превосходительству усерднѣйшій поклонъ и донести, что по вашему имѣнію идетъ все очень хорошо. (Имѣніе Орлая, при которомъ было всего шесть душъ, находилось по сосѣдству съ деревней матери Гоголя)...—«Душевно благодарю! Будете писать къ матушкѣ, не забудьте поклониться ей отъ меня, и поблагодарить...» Таковъ былъ обыкновенный отвѣтъ Ивана Семеновича, и Гоголь безпрепятственно продолжалъ свою прогулку по коридорамъ». («Лицей князя Безбородко», 1859 г. и вновь перепечатано подъ названіемъ: «Гимназія Высшихъ Наукъ». С.-Петерб. 1881 г.).

[3]) Театръ возникъ собственно только въ началѣ 1827 года (См. „Извѣстія

Digitized by Google

ціатива дѣла, съ которымъ изъ его товарищей врядъ ли кто и былъ знакомъ. Театръ, какъ видно, поглощалъ все вниманіе Гоголя: онъ заботится о немъ и съ радостью сообщаетъ объ удачахъ, при чемъ сила увлеченія видна уже изъ умѣнія организовать дѣло и изъ самой иниціативы въ такомъ раннемъ возрастѣ. И дома Гоголь также хочетъ непремѣнно играть. „Сдѣлайте милость, объявите мнѣ, поѣду ли я домой на Рождество; то, по вашему обѣщанію, прошу мнѣ прислать роль. Будьте увѣрены, что я хорошо ее сыграю". [1]) Со словъ одного изъ школьныхъ товарищей Гоголя, г. Пашковъ, въ своихъ замѣткахъ („Гоголь въ Нѣжинѣ", „Берегъ", 1880 г., № 268, дек. 18) свидѣтельствуетъ, что любовью къ театру и ко всему изящному Гоголь отличался въ школѣ и выдавался въ этомъ отношеніи между товарищами. Очевидно, что это была страсть, а не мгновенная вспышка обыкновеннаго ребенка [2]).

Историко-Филолог. Инст. въ Нѣжинѣ", 1872, неоффиціальный отдѣлъ, стр. 152), но ученическія представленія существовали и раньше (см. „Соч. и письма Гог"., V т., стр. 14).

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 14.

[2]) Законность и польза существованія театра признавалась далеко не всѣми воспитателями или, вѣрнѣе, на этомъ вопросѣ всего ярче и съ наибольшимъ ожесточеніемъ отразились тѣ препирательства, которыми изобиловала въ то время жизнь нѣжинской педагогической корпораціи.

Интрига не замедлила примѣшаться и къ этому учрежденію, которое, казалось бы, должно было сблизить юношей и ихъ наставниковъ и при разумномъ руководствѣ оживить училищную жизнь. Вмѣсто того, ему суждено было внести разладъ и возбудить страсти самихъ учащихся и сдѣлать ихъ также причастными тому ожесточенію къ нѣкоторымъ изъ профессоровъ, которое сначала было, такъ сказать, домашнимъ дѣломъ послѣднихъ; а такъ какъ въ профессорскихъ интригахъ для учениковъ было мало назидательнаго, то понятно отсюда общее паденіе профессорскаго авторитета, доходившее иногда въ воспитанникахъ до презрѣнія къ инымъ преподавателямъ, и усиленіе той распущенности, на которую они еще прежде жаловались въ своихъ донесеніяхъ конференціи. Въ числѣ недоброжелателей новой затѣи оказался прежде всего проф. Билевичъ, который во избѣжаніе отвѣтственности за допущеніе имъ, какъ членомъ конференціи, учрежденія театра, счелъ нужнымъ довести о немъ до свѣдѣнія окружного и почетнаго попечителей съ занесеніемъ своего мнѣнія въ журналъ конференціи. Проф. словесности, Никольскій, вѣроятно обиженный тѣмъ, что театръ возникъ, если не безъ вѣдома его, то помимо его участія и руководства, въ особомъ рапортѣ, представленномъ въ конференцію, энергически настаивалъ, въ свою очередь, на разъясненіи вопроса о томъ, кѣмъ именно были разрѣшены театральныя зрѣлища и кто, слѣдовательно, долженъ за нихъ отвѣчать, также происходилъ ли выборъ піесъ для представленій, и если происходилъ, то подъ чьимъ именно контролемъ. „Ежели сіе кому-либо частно

Digitized by Google

Любовь къ изящному, развившаяся въ ребенкѣ въ періодъ жизни въ домашнемъ кругу, вообще замѣтно проявилась во время его пребыванія въ школѣ. Не слишкомъ прилежный ученикъ, мало оказывавшій успѣховъ въ обязательныхъ предметахъ обученія, Гоголь съ явной охотой принимается за необязательные, т. е. искусства. Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ разрѣшенія учиться музыкѣ и танцамъ, повторяетъ о своемъ желаніи въ нѣсколькихъ письмахъ сряду, проситъ прислать скрипку и смычекъ и т. п., высказываетъ охоту учиться танцовать, и самъ спѣшитъ записаться въ число занимающихся этими искусствами, еще не будучи окончательно увѣренъ въ со-

---

одному предоставлено, то для чего конференціи за извѣстіе о томъ знать не дано; если же выборъ піесъ предоставленъ вообще всей конференціи, то для чего и кѣмъ, безъ вѣдома оной, назначаемы были театральныя піесы, кои уже шесть лѣтъ разыгрывались, какъ слышно, съ какими-то собственными, только неизвѣстно чьими дополненіями и прибавленіями". (Пустивъ въ ходъ такимъ образомъ какой-то, вѣроятно многимъ понятный тогда намекъ, авторъ рапорта притворяется невѣдущимъ о томъ, что по настоянію кого-нибудь изъ начальства, по всей вѣроятности самого директора Орлая, ученикамъ указывались и рекомендовались для ихъ театральнаго репертуара піесы, написанныя на французскомъ языкѣ). Наконецъ онъ высказываетъ догадку свою о стремленіи начальства расположить публику къ гимназіи и привлечь ее къ помѣщенію дѣтей въ находящійся при гимназіи пансіонъ, какъ о главной причинѣ возникновенія и поощренія театральныхъ зрѣлищъ, и выражаетъ свое убѣжденіе о возможности выбора для этой почтенной цѣли другихъ болѣе благородныхъ или благовидныхъ мѣръ. Послѣдніе намеки особенно заставляютъ,—если не будетъ слишкомъ смѣло строить предположенія на недостаточно еще разъясненныхъ фактахъ,—заподозрѣть въ Никольскомъ стремленіе набросить тѣнь на начальство, допускавшее, по мнѣнію составителя доклада, излишнія поблажки своимъ питомцамъ и оказывавшееся нерадивымъ или несостоятельнымъ въ надлежащемъ выполненіи прямыхъ своихъ обязанностей. Никольскій, подобно Билевичу, кончаетъ свой рапортъ также просьбой довести его соображенія до свѣдѣнія господъ попечителей. Конференція, однако, отклонила оба ходатайства и тѣмъ еще болѣе распалила злобу въ противникахъ театра, такъ что вскорѣ обострившееся раздраженіе двухъ партій повело за собой цѣлую исторію ссоръ, доносовъ и препирательствъ, кончившихся трагически для иныхъ преподавателей, и что̀ всего прискорбнѣе, вовлекшую въ принадлежность къ одной, хотя и лучшей (инспекторской) партіи противъ нѣкоторыхъ, хотя и менѣе достойныхъ профессоровъ, вооружавшихся противъ театра,—многихъ старшихъ воспитанниковъ, и прежде всего, конечно, такихъ горячихъ сторонниковъ театра, какимъ былъ Гоголь.—Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ этой темной исторіей, отсылаемъ къ обстоятельной статьѣ проф. Лавровскаго („Извѣстія Историко-Филологич. Института въ Нѣжинѣ", т. III, 1879 г., неоффиц. отдѣлъ, стран. 102—258; послѣ эта статья вышла также особой брошюрой).

Digitized by Google

гласіи на то родителей. „Я уже подписался хотѣвшимъ (т. е. желающимъ) учиться на сихъ инструментахъ, также и танцованію, но не знаю, какъ вамъ будетъ угодно“ [1]). Не получивъ отвѣта изъ дому, онъ уже рѣшается, несмотря на внѣшнюю робкую почтительность, заблаговременно заявить свое желаніе, очевидно, въ полномъ разсчетѣ на разрѣшеніе. Вѣроятнѣе всего, что и родители относились поощрительно къ такому проявленію въ мальчикѣ эстетическихъ наклонностей: при несомнѣнной все-таки ограниченности ихъ средствъ, такъ явно обнаружившейся въ перепискѣ, особенно еще въ самыхъ первыхъ письмахъ Гоголя изъ Нѣжина, въ которыхъ ему приходилось по нѣскольку разъ сряду просить у родителей объ одномъ и томъ же, о присылкѣ денегъ или о покупкѣ нѣкоторыхъ нужныхъ книгъ, — они не отказывали ему въ концѣ концовъ въ просьбахъ и находили возможнымъ уплатить прибавочную сумму (около 100 р. въ годъ) за обученіе сына искусствамъ.

Но кромѣ страсти къ изящному и отчасти безсознательнаго накопленія матеріала для будущихъ произведеній изъ разсказовъ отца или дѣда и видѣнныхъ въ дѣтствѣ малороссійскихъ комедій, для будущей творческой дѣятельности Гоголя необходимъ былъ и иной запасъ, данный самой жизнью и доставившій впослѣдствіи обильную пищу его фантазіи, уже получившей побужденіе работать въ извѣстномъ направленіи, и эту пищу онъ нашелъ, при необыкновенной врожденной наблюдательности, между прочимъ и въ путевыхъ впечатлѣніяхъ во время своихъ поѣздокъ въ Нѣжинъ и обратно въ Васильевку [2]). Искреннія, въ высшей степени прочувствованныя воспоминанія Гоголя о дѣтствѣ въ началѣ VI главы „Мертвыхъ Душъ“ и особенно о поѣздкахъ и о дорогѣ имѣютъ, несомнѣнно, весьма важное автобіографическое значеніе. Всего важнѣе въ этомъ смыслѣ слѣдующія слова его послѣ длиннаго перечисленія предметовъ и людей, привлекавшихъ его вниманіе: „Я уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ“ [3]). Изъ нихъ мы можемъ убѣдиться, что зародыши его ве-

---

[1]) „Соч. и письма Гог.“, т. V, стр. 7, также 8, 10, 11 и слѣд.

[2]) Также по порученію матери въ Кременчугъ и Полтаву; см. выше.

[3]) Въ письмѣ къ С. Т. Аксакову (V т., стр. 438) Гоголь также съ увлеченіемъ говоритъ о благотворномъ вліяніи на него дороги уже въ зрѣлыхъ годахъ: „Дорога, дорога! Я надѣюсь на дорогу: она теперь будетъ для меня вдвойнѣ

Digitized by Google

ликаго искусства проникать въ тайны внутренняго міра человѣка, дающія ему права на названіе поэта-мыслителя, его глубокое сочувствіе людскимъ несчастіямъ и склонность „смѣяться сквозь слезы“ имѣли свое начало еще въ дѣтской воспріимчивости и наблюдательности и воспитали въ немъ гуманное отношеніе къ ничтожному и падшему человѣку. Если припомнимъ, что въ другомъ мѣстѣ того же произведенія онъ говоритъ о дорогѣ: „сколько родилось въ ней чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!“ [1]), то мы должны будемъ признать, что по крайней мѣрѣ извѣстная доля этихъ впечатлѣній накопилась въ чуткомъ дѣтскомъ возрастѣ, и несомнѣнно тогда развилась воспріимчивость къ нимъ, а равно и страстное сочувствіе впечатлѣніямъ длинной дороги зародилось навѣрно еще очень рано [2])

прекрасна“. Сравни въ VI т., стр. 247: „Дорога всегда мнѣ помогала“; также см. VI т., стр. 165, 183, 213, 214, 243, 244, 502 и проч.

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 107.

[2]) Тамъ же, стр. 222.

Digitized by Google

III.

ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ГОГОЛЯ ВЪ ХАРАКТЕРИСТИКАХЪ Г. КУЛИША И КОЯЛОВИЧА.

Въ виду крайней скудости данныхъ о школьномъ бытѣ Гоголя позволимъ себѣ дополнить предыдущій очеркъ разсказомъ г. Кулиша (котораго благодаримъ за любезное разрѣшеніе воспользоваться нѣсколькими страницами его труда) и другими слѣдующими ниже замѣтками и воспоминаніями объ этой порѣ жизни нашего писателя.

Г. Кулишъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о дѣтствѣ Гоголя:

„Гоголь представляется намъ красивымъ бѣлокурымъ мальчикомъ, въ густой зелени сада Нѣжинской гимназіи, у водъ поросшей камышемъ рѣчки, надъ которою взлетаютъ чайки, возбуждавшія въ немъ грезы о родинѣ. Онъ—любимецъ своихъ товарищей, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость, но между ними немногихъ только, и самыхъ лучшихъ по нравственности и способностямъ, онъ выбираетъ въ товарищи своихъ ребяческихъ затѣй, прогулокъ и любимыхъ бесѣдъ, и эти немногіе пользовались только въ нѣкоторой степени его довѣріемъ. Онъ многое отъ нихъ скрывалъ, повидимому, безъ всякой причины, или облекалъ таинственнымъ покровомъ шутки. Рѣчь его отличалась словами малоупотребительными, старинными или насмѣшливыми; но въ устахъ его все получало такія оригинальныя формы, которыми нельзя было не любоваться. У него все переработывалось въ горнилѣ юмора. Слово его было такъ мѣтко, что товарищи боялись вступать съ нимъ въ саркастическое со-

Digitized by Google

стязаніе. Гоголь любилъ своихъ товарищей вообще, и до такой степени спутники первыхъ его лѣтъ были тѣсно связаны съ тѣмъ временемъ, о которомъ впослѣдствіи онъ изъ глубины души восклицалъ: „О, моя юность! о, моя свѣжесть!“ что даже школьные враги его, если только онъ имѣлъ ихъ, были ему до конца жизни дороги. Ни объ одномъ изъ нихъ не отзывается онъ съ холодностью или непріязнью, и судьба каждаго интересовала его въ высшей степени.

Впрочемъ товарищи составляли только отраду его въ разлукѣ съ роднымъ семействомъ, но не могли замѣнять для него первыхъ сердечныхъ привязанностей. Побывавъ дома на каникулахъ 1821 года, онъ до такой степени вновь сжился съ отцомъ и матерью, что разлука съ ними довела его до болѣзненнаго раздраженія чувствъ.

„Ахъ, какъ бы я желалъ“ (писалъ онъ къ нимъ), „еслибъ вы пріѣхали какъ можно поскорѣй и узнали-бъ объ участи своего сына! Прежде каникулъ писалъ я, что мнѣ здѣсь хорошо, а теперь напротивъ того. О, еслибы, дражайшіе родители, пріѣхали (вы) въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ! тогда бы вы услышали, что̀ со мною дѣлается!“ [1])

Бывшіе наставники Гоголя аттестовали его, какъ мальчика скромнаго и „добронравнаго“; но это относится только къ благородству его натуры, чуждавшейся всего низкаго и коварнаго. Онъ дѣйствительно никому не сдѣлалъ зла, ни противъ кого не ощетинился жесткою стороною своей души; за нимъ не водилось какихъ-нибудь дурныхъ привычекъ. Но никакъ не должно воображать его, что̀ называется, „смирною овечкою“. Маленькія злыя ребяческія проказы были въ его духѣ, и то, что̀ онъ разсказываетъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ о *гусарѣ*, списано имъ съ натуры. Подобныя затѣи были между его товарищами въ большомъ ходу. Но, можетъ быть, не всѣ такъ хорошо знакомы съ его произведеніями, какъ авторъ этихъ „Записокъ“; можетъ быть, немногіе помнятъ чудную картину, просвѣтлѣвшую въ воображеніи поэта при воспоминаніи о гусарѣ; картина же это живо рисуетъ и школу, въ которой онъ воспитывался, и ея мѣстоположеніе, а потому мы выпишемъ ее здѣсь цѣликомъ. Гоголь разсказываетъ о томъ, какъ дамы губернскаго города N, по случаю стран-

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 5.

Digitized by Google

ныхъ подозрѣній насчетъ Чичикова, „умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту“ (продолжаетъ онъ) „было похоже на положеніе школьника, которому, сонному, товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то есть бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ, какъ дуракъ, выпучивъ глаза, во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, что̀ съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучемъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступавшее утро съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ, и съ освѣжившеюся рѣчкою, тамъ и сямъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потомъ уже наконецъ чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ“ [1]).

Эти „блестящія загогулины между тонкихъ тростниковъ“ живо напоминаютъ тому, кто знаетъ мѣстность нѣжинскаго лицея, протекающую мимо него тихую, поросшую камышами рѣчку, а проснувшійся лѣсъ, звучащій тысячами птичьихъ голосовъ, есть не что иное, какъ тѣнистый обширный садъ лицея, похожій на лѣсъ. Ссылаюсь на соучениковъ Гоголя, не помнятъ ли они при этомъ „косвенномъ лучѣ солнца“ золотистыхъ кудрей дѣтской головы своего знаменитаго сверстника. Да, это одно изъ тѣхъ лѣтнихъ утръ, когда душа поэта, упиваясь новостью „всѣхъ наслажденій бытія“, набиралась (мы употребляемъ его слово) творческаго запаса на будущую дѣятельность; потому такъ и живо, такъ и тепло, и солнечно оно въ Гоголевой картинѣ.

Можно сказать вообще, что Гоголь мало вынесъ познаній изъ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, а между тѣмъ онъ развился въ ней необыкновенно. Онъ почти вовсе не занимался уроками. Обладая отличною памятью, онъ схватывалъ на лекціяхъ верхушки и, занявшись передъ экзаменомъ нѣсколько дней, переходилъ въ высшій классъ. Особенно не любилъ онъ математики. Въ языкахъ онъ тоже былъ очень

[1]) „Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 188—189.

Digitized by Google

слабъ, такъ что, до переѣзда въ Петербургъ, едва ли могъ понимать безъ пособія словаря книгу на французскомъ языкѣ [1]). Къ нѣмецкому и англійскому языкамъ онъ и впослѣдствіи долго еще питалъ комическое отвращеніе [2]). Онъ шутя говаривалъ, что онъ „не вѣритъ, чтобы Шиллеръ и Гёте писали на нѣмецкомъ языкѣ: вѣрно на какомъ-нибудь особенномъ, но быть не можетъ, чтобы на нѣмецкомъ“.—Вспомните слова его: „по-англійски произнесутъ какъ слѣдуетъ птицѣ и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ

---

[1]) Аттестатъ, полученный Гоголемъ при выпускѣ изъ гимназіи, противорѣчитъ этому преданію его товарищей. Въ немъ сказано, что Гоголь окончилъ курсъ ученія съ *очень хорошими* успѣхами во французскомъ и съ *превосходными* въ нѣмецкомъ языкѣ. Но надобно знать, каково было тогда состояніе языкознанія въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко. Этой части гимназическаго курса придавалось такъ мало важности, что рѣшительное незнаніе иностранныхъ языковъ не мѣшало воспитанникамъ переходить въ высшіе классы. По свидѣтельству знакомыхъ со мной лично соучениковъ Гоголя, онъ, находясь въ одномъ съ нимъ классѣ по наукамъ, отставалъ отъ нихъ постоянно двумя классами по языкамъ, и *превосходилъ* развѣ только тѣхъ, которые знали еще меньше его, то есть почти не умѣли читать нѣмецкой печати, при окончаніи курса, какъ это можно было встрѣтить въ малороссійскихъ гимназіяхъ и гораздо позже Гоголева времени. — Я видѣлъ книги Гоголя, по которымъ онъ обрабатывалъ свои лекціи, будучи адъюнктомъ въ С.-петербургскомъ университетѣ. Всѣ онѣ на русскомъ и на французскомъ языкахъ; на нѣмецкомъ—ни одной. Гоголь любилъ читать Шекспира, но, не зная англійскаго языка (которому началъ учиться подъ конецъ жизни), не могъ пользоваться превосходнымъ переводомъ Шлегеля и читалъ обыкновенно по-французски. Не мое дѣло догадываться, почему профессоръ нѣмецкой словесности аттестовалъ такъ высоко успѣхи Гоголя въ нѣмецкомъ языкѣ. Я только укажу на его же отмѣтку, сдѣланную въ общемъ выводѣ за 1828-й г. Не говоря уже о томъ, что Гоголь въ этомъ году пребыванія своего въ гимназіи высшихъ наукъ находился по языкамъ не въ шестомъ, высшемъ отдѣленіи, а въ четвертомъ отдѣленіи, онъ не могъ получить отмѣтки полныхъ баловъ 4, а получилъ только 2. Гдѣ же тутъ *превосходные* успѣхи? — Гоголь принялся за основательное изученіе языковъ только въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни и прибавилъ къ французскому знаніе языковъ итальянскаго, польскаго, нѣмецкаго, англійскаго, латинскаго, греческаго (и испанскаго). Въ его бумагахъ сохранились слѣды занятій этими языками, и кажется, что онъ читалъ книги на каждомъ изъ нихъ.

[2]) Впослѣдствіи, во время неоднократнаго и продолжительнаго пребыванія своего въ Римѣ, онъ выучился итальянскому языку, такъ что могъ довольно свободно объясняться, даже писалъ иногда изъ Рима въ Петербургъ по-итальянски. Разъ даже въ остеріи, въ обществѣ художниковъ, онъ произнесъ рѣчь на итальянскомъ языкѣ безъ приготовленія. Подъ конецъ жизни онъ учился и, можетъ быть, зналъ по-англійски; а въ его бумагахъ найдено много тетрадей, исписанныхъ упражненіями въ греческомъ языкѣ.

Digitized by Google

тѣмъ, кто не съумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи“ [1]). Эти слова написаны имъ не изъ одного только побужденія попрекнуть русскую публику равнодушіемъ къ родному языку.

Зато въ рисованіи и въ русской словесности онъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Въ гимназіи было тогда, и до сихъ поръ (въ лицеѣ) есть, нѣсколько хорошихъ пейзажей, историческаго стиля картинъ и портретовъ. Вслушиваясь въ сужденія о нихъ учителя рисованія, человѣка необыкновенно преданнаго своему искусству [2]), и будучи приготовленъ къ этому практически, Гоголь уже въ школѣ получилъ основныя понятія объ изящныхъ искусствахъ, о которыхъ впослѣдствіи онъ такъ сильно, такъ пламенно писалъ въ разныхъ статьяхъ своихъ и уже съ того времени предметы стали обрисовываться для его глаза такъ опредѣлительно, какъ видятъ ихъ только люди знакомые съ живописью [3]).

Что̀ касается до литературныхъ успѣховъ, то пишущему эти строки случайно достались классныя упражненія на заданныя темы Н. В. Кукольника, покойнаго Гребенки и Гоголя, который назывался и подписывался, во время пребыванія своего въ гимназіи, полнымъ своимъ именемъ: *Гоголь-Яновскій* [4]). О первыхъ мы молчимъ, такъ какъ не о томъ идетъ рѣчь; но сочиненія Гоголя на заданныя темы отличаются уже

---

[1]) „Мертвыя Души“. (Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 163).

[2]) Это былъ К. С. Павловъ, отъ котораго я многое узналъ о Гоголѣ.

[3]) „Я всегда чувствовалъ маленькую страсть къ живописи“, говоритъ Гоголь въ статьѣ о Пушкинѣ (Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 210—211). И какъ рано пробудилась въ немъ эта страсть, видно изъ слѣдующаго за тѣмъ недосказаннаго объясненія: „Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди“. Эту картину показывали мнѣ въ Васильевскѣ. Она писана клеевыми красками на загрунтованномъ краснымъ грунтомъ холстѣ, длиною въ $1^1/_2$ а шириною въ 1 арш. Представляетъ она бесѣдку надъ прудомъ посреди высокихъ деревъ, между которыми одно—съ засохшими вѣтвями. Деревья, какъ видно, скопированы съ чего-нибудь, а бесѣдка сочинена вся или отчасти самимъ художникомъ. Замѣчательны въ ней рѣшетчатыя остроконечныя окна, подобныя тѣмъ, какія были въ старомъ домикѣ, нарисованномъ Гоголемъ. Подобныя окна есть и теперь въ Васильевкѣ въ небольшомъ флигелькѣ, въ саду.

[4]) Впослѣдствіи онъ рѣшительно отрекся отъ второй половины своей двойной фамиліи и не позволялъ называть себя Яновскимъ. „Зачѣмъ называете вы меня Яновскимъ? (говорилъ онъ). Моя фамилія *Гоголь*, а *Яновскій*—только такъ, прибавка; ее поляки выдумали. (Мих. Лонгиновъ: „Воспоминаніе о Гоголѣ“, въ 3-й кн. „Современника“ 1854).

Digitized by Google

нѣкоторою опытностью, разумѣется, ученическаго пера, и силою слова, составляющею одно изъ существеннѣйшихъ достоинствъ его первоначальныхъ сочиненій. Литературныя занятія были его страстію. Слово въ эту эпоху вообще было какою-то новостію, къ которой не успѣли приглядѣться. Самый процессъ примѣненія его, какъ орудія, къ выраженію понятій, чувствъ и мыслей, казался тогда восхитительною забавою [1]). Это было время появленія первыхъ главъ „Евгенія Онѣгина", время, когда книги не читались, а выучивались наизусть. Въ этотъ-то трепетный жаръ къ поэзіи, который Пушкинъ и блистательные спутники разнесли по всей Россіи, раскрылись первыя сѣмена творчества Гоголя, но выражались сперва, разумѣется, безцвѣтными и безплодными побѣгами, какъ и у всѣхъ дѣтей, которымъ предназначено быть замѣчательными писателями. Интересенъ разсказъ о Гоголѣ-гимназистѣ, напечатанный однимъ изъ его наставниковъ, г. Кулжинскимъ въ 21 № „Москвитянина" 1854 года.

„Онъ учился у меня" (говоритъ г. Кулжинскій) „три года и ничему не научился, какъ только переводить первый параграфъ изъ хрестоматіи при латинской грамматикѣ Кошанскаго: „Universus mundus plerumque distribuitur in duas partes, coelum et terram" (за что и былъ прозванъ вмѣстѣ съ другими латинистами „Universus mundus"). Во время лекцій, Гоголь всегда, бывало, подъ скамьею держитъ какую-нибудь книгу, не обращая вниманія ни на coelum, ни на terram. Надобно признаться, что не только у меня, но и у другихъ товарищей моихъ онъ, право, ничему не научился. Школа пріучила его только къ нѣкоторой логической формальности и послѣдовательности понятій и мыслей, а болѣе ничѣмъ онъ намъ не обязанъ. Это былъ талантъ, не узнанный школою и, ежели правду сказать, нехотѣвшій или неумѣвшій признаться школѣ. Между тогдашними наставниками Гоголя были такіе, которые могли бы приголубить и прилелѣять этотъ талантъ, но онъ никому не сказался своимъ настоящимъ именемъ. Гоголя знали только какъ лѣниваго, хотя, повидимому, не бездарнаго юношу, который не потрудился даже научиться

[1]) Я думаю, что ещѣ въ ту свѣжую пору жизни Гоголь такъ пристально вглядѣлся въ неосязаемую механику слова, какъ это послѣ выражено имъ въ статьѣ о Пушкинѣ (Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 212). „Въ каждомъ словѣ— говоритъ онъ—бездна пространства; каждое слово необъятно, какъ поэтъ".

Digitized by Google

русскому правописанію. Жаль, что не угадали его. А кто знаетъ? можетъ быть, и къ лучшему".

По разсказу Г. И. Высоцкаго, соученика Гоголя и друга первой его юности, охота писать стихи высказалась впервые у Гоголя по случаю его нападокъ на товарища Бороздина, котораго онъ преслѣдовалъ насмѣшками за низкую стрижку волосъ и прозвалъ Разстригою Спиридономъ. Вечеромъ, въ день именинъ Бороздина, 12-го декабря [1]), Гоголь выставилъ въ гимназической залѣ транспарантъ собственнаго издѣлія, съ изображеніемъ чорта, стригущаго дервиша, и съ слѣдующимъ акростихомъ:

„Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище (дервишей) всѣхъ,
Инокъ монастыря,
Разстрига, сотворившій грѣхъ.
И за сіе-то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О чтецъ! имѣй терпѣнье,
Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй".

Вскорѣ затѣмъ (разсказываетъ г. Высоцкій) Гоголь написалъ сатиру на жителей города Нѣжина, подъ заглавіемъ: „Нѣчто о Нѣжинѣ, или Дуракамъ Законъ не писанъ", и изобразилъ въ ней типическія лица разныхъ сословій. Для этого онъ взялъ нѣсколько торжественныхъ случаевъ, при которыхъ то или другое сословіе наиболѣе выказывало характеристическія черты свои, и по этимъ случаямъ раздѣлилъ свое сочиненіе на слѣдующіе отдѣлы: 1) „Освященіе Церкви на Греческомъ Кладбищѣ"; 2) „Выборъ въ Греческій Магистратъ"; 3) „Всеѣдная Ярмарка"; 4) Обѣдъ у Предводителя (Дворянства) П****"; 5) „Роспускъ и Съѣздъ Студентовъ". Г. И. Высоцкій имѣлъ копію этого довольно обширнаго сочиненія, списанную съ автографа; но Гоголь, находясь еще въ гимназіи, выписалъ ее отъ него изъ Петербурга, подъ предлогомъ, будто бы потерялъ подлинникъ, и уже не возвратилъ.

Другой соученикъ и другъ дѣтства и первой молодости Гоголя, Н. Я. Прокоповичъ, сохранилъ воспоминаніе о томъ, какъ Гоголь, бывши еще въ одномъ изъ первыхъ классовъ гимназіи, читалъ ему наизусть свою стихотворную балладу,

---

[1]) Въ день святого Спиридона; но это была шутка, и именины Бороздина (его звали Николаемъ) приходились въ другой день. В. Ш.

Digitized by Google

подъ заглавіемъ: „Двѣ Рыбки“. Въ ней, подъ двумя рыбками онъ изобразилъ судьбу свою и своего брата — очень трогательно, сколько припомнитъ г. Прокоповичъ тогдашнее свое впечатлѣніе.

Наконецъ сохранилось преданіе еще объ одномъ ученическомъ произведеніи Гоголя—о трагедіи „Разбойники“, написанной пятистопными ямбами“.

Возвратимся къ устнымъ преданіямъ соучениковъ Гоголя.

Не ограничиваясь первыми успѣхами въ стихотворствѣ, Гоголь захотѣлъ быть журналистомъ, и это званіе стоило ему большихъ трудовъ. Нужно было написать самому статьи почти по всѣмъ отдѣламъ, потомъ переписать ихъ и, что̀ всего важнѣе, сдѣлать обертку на подобіе печатной. Гоголь хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ придать своему изданію наружность печатной книги, и просиживалъ ночи, разрисовывая заглавный листокъ, на которомъ красовалось названіе журнала: „Звѣзда“. Все это дѣлалось, разумѣется, украдкою отъ товарищей, которые не прежде должны были узнать содержаніе книжки, какъ по ея выходѣ изъ редакціи. Наконецъ перваго числа мѣсяца книжка журнала выходила въ свѣтъ. Издатель бралъ иногда на себя трудъ читать вслухъ свои и чужія статьи. Все внимало и восхищалось. Въ „Звѣздѣ“, между прочимъ, помѣщена была повѣсть Гоголя: „Братья Твердиславичи“ (подраженіе повѣстямъ, появлявшимся въ тогдашнихъ современныхъ альманахахъ), и разныя его стихотворенія. Все это написано было такъ называемымъ „высокимъ“ слогомъ, изъ-за котораго бились и всѣ сотрудники редактора. Гоголь былъ комикомъ во время своего ученичества только на дѣлѣ: въ литературѣ онъ считалъ комическій элементъ слишкомъ низкимъ. Но журналъ его имѣетъ происхожденіе комическое. Былъ въ гимназіи одинъ ученикъ съ необыкновенною страстью къ стихотворству и съ отсутствіемъ всякаго таланта,— словомъ, маленькій Тредьяковскій. Гоголь собралъ его стихи, придалъ имъ названіе „альманаха“ и издалъ подъ заглавіемъ: „Парнасскій Навозъ“. Отъ этой шутки онъ перешелъ къ серьезному подражанію журналамъ и работалъ надъ обертками очень усердно въ теченіе полугода или болѣе.

Еще мы знаемъ автора „Мертвыхъ Душъ“ въ роли хранителя книгъ, которыя выписывались имъ на общую складчину. Складчина была не велика, но тогдашніе журналы и книги

Digitized by Google

нетрудно было и при малыхъ средствахъ пріобрѣсть всѣ, сколько ихъ ни выходило. Важнѣйшую роль играли „Сѣверные Цвѣты“, издававшіеся барономъ Дельвигомъ; потомъ слѣдовали отдѣльно выходившія сочиненія Пушкина и Жуковскаго, далѣе—нѣкоторые журналы. Книги выдавались библіотекаремъ для чтенія по очереди. Получившій для прочтенія книгу долженъ былъ, въ присутствіи библіотекаря, усѣсться чинно на скамейку въ классной залѣ, на указанномъ ему мѣстѣ, и не вставать съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ книги. Этого мало; библіотекарь собственноручно завертывалъ въ бумажки большой и указательный пальцы каждому читателю, и тогда только ввѣрялъ ему книгу. Гоголь берегъ книги, какъ драгоцѣнность, и особенно любилъ миніатюрныя изданія. Страсть къ нимъ до того развилась въ немъ, что, не любя и не зная математики, онъ выписалъ „Математическую Энциклопедію“ Перевощикова, на собственныя свои деньги, за то только, что она издана была въ шестнадцатую долю листа. Впослѣдствіи эта причуда миновалась въ немъ, но первое изданіе „Вечеровъ на Хуторѣ“ еще отзывается ею“.

Въ приведенномъ разсказѣ г. Кулиша мы не находимъ свѣдѣній о товарищеской средѣ, окружавшей Гоголя въ школѣ, и объ отношеніи юнаго поэта къ товарищамъ. Въ данномъ случаѣ мы можемъ воспользоваться другими источниками, напримѣръ воспоминаніями нѣкоторыхъ друзей дѣтства нашего писателя и непосредственно слѣдующимъ очеркомъ покойнаго Кояловича.

„Не останавливаясь на подробной характеристикѣ этой товарищеской среды Гоголя“ (говоритъ Кояловичъ) [1]), „такъ какъ это—по важности и интересу своему могло-бы послужить предметомъ цѣлаго отдѣльнаго изслѣдованія,—упомянемъ только имена этихъ товарищей и напомнимъ вкратцѣ, какими интересами жила въ гимназіи эта талантливая молодежь.

Всѣмъ извѣстный П. Г. Рѣдкинъ (онъ былъ старше Гоголя на одинъ курсъ), очень скоро по своемъ вступленіи въ Нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ, задумалъ грандіозное дѣло: составить изъ переводовъ лучшихъ иностранныхъ писателей полный курсъ всеобщей исторіи по самой подробной программѣ [2]). Къ нему присоединились его однокурсники:

[1]) „Московск. Сборникъ“, 1887, стр. 213—214.

[2]) Гербель,—„Лицей князя Безбородко“, стр. 329 и 443.

Digitized by Google

В. И. Любичъ-Романовичъ, извѣстный переводчикъ, и В. В. Тарновскій, бывшій впослѣдствіи, во время крестьянской реформы, послѣдовательно: членомъ отъ правительства въ черниговскомъ по улучшенію крестьянскаго быта комитетѣ, членомъ редакціонныхъ коммиссій и членомъ отъ правительства въ полтавскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи,—чѣмъ и записалъ свое имя въ исторію [1]). Къ этимъ тремъ вскорѣ присоединились и другіе товарищи Гоголя. К. М. Базили, не безъизвѣстный впослѣдствіи дѣятель въ области литературы и политики, который самою своей судьбой, приведшей его въ нѣжинскую гимназію, могъ оказать особаго рода вліяніе на будущаго творца „Тараса Бульбы". Свидѣтель ужасовъ константинопольской рѣзни грековъ въ 1821 г., Базили привезъ своимъ товарищамъ разсказы о всемъ, что̀ такъ жестоко поразило его въ самый нѣжный возрастъ, и воспоминанія о чемъ, конечно, не могли не сопутствовать ему и въ этой новой жизни, которая началась для него съ переѣздомъ въ Россію. Къ нимъ же скоро присоединился и Н. В. Кукольникъ, будущій авторъ драмы „Рука Всевышняго отечество спасла", который поражалъ своей начитанностью и знаніями не только товарищей, но и учителей. Къ той-же группѣ надо причислить и въ высшей степени симпатичнаго и кроткаго, талантливаго Гребенку [2]), дарованія котораго, согрѣтыя лучами великолѣпнаго генія его земляка и товарища, распустились впослѣдствіи въ прекрасный цвѣтокъ и дали современному обществу нѣсколько поэтическихъ разсказовъ и повѣстей изъ малороссійской жизни, на которыхъ замѣтно вліяніе Гоголя. Наконецъ, нельзя не вспомнить и Н. Я. Прокоповича, имя котораго навсегда слилось съ именемъ его знаменитаго друга, котораго онъ не долго пережилъ, съ которымъ до конца дѣлилъ всѣ горести и радости его шумной и тревожной славы".

Эта характеристика товарищеской среды Гоголя, сдѣланная Кояловичемъ, вполнѣ подтверждается и нижеслѣдующимъ отрывкомъ изъ дневника одного изъ его школьныхъ пріятелей поэта [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 461.

[2]) Гребенку Гоголь, впрочемъ, почти вовсе не зналъ.

[3]) Дневникъ этотъ не былъ напечатанъ. Мы не получили разрѣшенія назвать имя его автора.—Нѣкоторыя выписки будутъ приведены и ниже.

Digitized by Google

...„Въ ту пору литература процвѣтала въ нашей гимназіи, и уже проявлялись таланты товарищей моихъ: Гоголя, Кукольника, Николая Прокоповича, Данилевскаго, Родзянко и другихъ, оставшихся неизвѣстными по обстоятельствамъ ихъ жизни или рано сошедшихъ въ могилу. Эта эпоха моей жизни и теперь на старости наводитъ мнѣ умилительныя воспоминанія. Жизнь вели мы веселую и дѣятельную, усердно занимались; къ поэзіи особенно пристрастился я...

„Одновременно съ этимъ составился у насъ и другой кружокъ по почину старѣйшаго изъ студентовъ, П. Рѣдкина... Вообще, научное и литературное воспитаніе наше дѣлалось, можно сказать, самоучкою... Профессоръ словесности Никольскій о древнихъ и о западныхъ литературахъ не имѣлъ никакого понятія. Въ русской литературѣ онъ восхищался Херасковымъ и Сумароковымъ; Озерова, Батюшкова и Жуковскаго находилъ недовольно классическими, а языкъ и мысли Пушкина тривіальными, сознавая, впрочемъ, нѣкоторую гармонію въ его стихахъ. Шалуны товарищи въ 5-мъ и 6-мъ классахъ, обязанные еженедѣльною данью стихотворенія, переписывали бывало изъ журналовъ и альманаховъ мелкія стихотворенія Пушкина, Языкова, кн. Вяземскаго и представляли профессору за свои, хорошо зная, что онъ современною литературою вовсе не занимался. Профессоръ торжественно подвергалъ строгой критикѣ стихотворенія эти, изъявлялъ сожалѣніе, что стихъ былъ гладокъ, а толку мало; „ода не ода“, говоритъ онъ, „элегія не элегія, а чортъ знаетъ что̀“; затѣмъ начиналъ поправлять. Помнится, и „Демонъ“ Пушкина былъ переправленъ и передѣланъ на ладъ профессора нашего, къ неописанному веселію всего класса [1])...“

...„До самаго 1826 года изъ всѣхъ нашихъ преподавателей

---

[1]) Презрѣніе къ новой литературѣ и происходившее отсюда невѣжество въ этой области простиралось у Никольскаго до того, что однажды онъ попалъ въ очень забавный просакъ, подписавъ послѣ многихъ помарокъ, на поданномъ ему ученикомъ V класса, Гребенкою, впослѣдствіи извѣстнымъ писателемъ, вмѣсто *своего* стихотвореніе Козлова «Вечерній Звонъ»: «*изряднехонько*». Въ другой разъ, подобнымъ же образомъ введенный въ обманъ, онъ одобрилъ описаніе весны изъ «Евгенія Онѣгина», не подозрѣвая, что стихотвореніе было написано глубоко презираемымъ имъ Пушкинымъ. О Никольскомъ, какъ авторѣ поэмы «Умъ и Рокъ», см. въ «Лицеѣ кн. Безбородко», въ его біографіи; о характерѣ вліянія его на нѣкоторыхъ товарищей Гоголя, см. тамъ же, отд. II.

Digitized by Google

только профессоръ математики Шапалинскій, воспитанникъ бывшаго виленскаго университета, и профессора французской и нѣмецкой литературы, Ландраженъ и Зингеръ, совладали съ своимъ предметомъ. Лѣтомъ бывало Шапалинскій водилъ насъ за городъ, верстъ за пять и за десять, съ инструментами снимать планы. Любили мы его и учились прилежно; до сей поры засѣли въ моей памяти иныя тригонометрическія формулы... Французская и нѣмецкая литература были намъ не по́-сердцу, и тѣ изъ моихъ товарищей, кто прежде не зналъ этихъ языковъ, не выучились даже говорить, хотя по положенію и подъ страхомъ остаться безъ чаю или безъ десерта слѣдовало въ рекреаціонныхъ залахъ и во время гуляній говорить день по-французски и день по-нѣмецки. Зато русская литература процвѣтала“...

Digitized by Google

IV.

ВОСПОМИНАНІЯ А. С. ДАНИЛЕВСКАГО О ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ ГОГОЛЯ.

Лѣтъ восемь тому назадъ, начавъ собирать сохранившіяся о Гоголѣ устныя воспоминанія, — въ числѣ другихъ лицъ, къ которымъ я предполагалъ обратиться съ просьбой о сообщеніи ихъ, — я подумалъ прежде всего о Данилевскомъ, этомъ другѣ и товарищѣ Гоголя, хорошо знавшемъ его съ отроческихъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, мнѣ попалось на глаза невѣрное сообщеніе въ изданномъ въ 1884 г.: „Лицеѣ князя Безбородко“ о томъ, что Данилевскій будто бы тогда уже умеръ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, совершенно случайно, къ великой моей радости, узналъ я, что это показаніе несправедливо. Предварительно списавшись и получивъ позволеніе пріѣхать въ село Анненское (Харьковской губ., близъ Сумъ), гдѣ жилъ покойный, я немедленно отправился къ нему и засталъ его еще бодрымъ и свѣжимъ старикомъ, съ прекрасно сохранившимися способностями и особенно—памятью, что̀ было, разумѣется, въ высшей степени благопріятно для моей цѣли. Несмотря на то, что послѣ фактовъ, о которыхъ приходилось припоминать ему въ нашей бесѣдѣ, прошло не меньше пятидесяти лѣтъ, было очевидно, что память нисколько не измѣняла ему, и подробности, которыя могли быть провѣрены по печатнымъ источникамъ, оказывались безусловно согласными съ ними, за исключеніемъ немногихъ, неточность которыхъ становилась не подлежащею никакому сомнѣнію по соображеніи съ разсказомъ

Digitized by Google

Данилевскаго. Не только года и мѣсяцы, но и мельчайшія подробности, касающіяся мѣстъ, были опредѣляемы имъ съ изумительною точностью...

Къ сожалѣнію, мнѣ удалось, однако, лишь въ самой незначительной степени воспользоваться этимъ богатымъ и—скажу безъ преувеличенія—дорогимъ матеріаломъ, такъ какъ, имѣя въ своемъ распоряженіи ограниченный промежутокъ времени, я долженъ былъ торопиться, предоставляя себѣ вскорѣ вернуться на болѣе продолжительный срокъ. Существенное затрудненіе въ бесѣдѣ съ покойнымъ представлялось въ томъ, что, по самой сущности дѣла, воспоминанія съ трудомъ поддавались искусственному напряженію памяти въ данную минуту, и то, что въ другое время легко возникало въ ней по поводу разныхъ впечатлѣній жизни, осталось теперь по необходимости въ значительной мѣрѣ запамятованнымъ. Кромѣ того, воспоминанія чрезвычайно волновали старика, что дѣлало неизбѣжными довольно частые перерывы въ его разсказахъ. Но домашніе его передавали мнѣ, что нерѣдко, по тому или другому поводу, случалось имъ слышать разрозненныя, но чрезвычайно живыя и интересныя воспоминанія, которыя они, къ сожалѣнію, не записывали, не переставая питать надежду на то, что Александръ Семеновичъ соберется когда-нибудь самъ исполнить свое давнее намѣреніе передать ихъ въ связномъ литературномъ изложеніи, чего онъ не могъ потомъ сдѣлать, вслѣдствіе внезапно постигшей его слѣпоты.

Такимъ образомъ мнѣ удалось во время моего пріѣзда къ нему овладѣть только, такъ сказать, одной канвой его воспоминаній. Покойный обѣщалъ со временемъ провѣрить ихъ въ моей передачѣ, но всему помѣшали его болѣзнь и смерть, такъ что теперь остается ограничиться только тѣмъ, что, по первоначальному предположенію, должно было составить исходную точку для работы, основанной на его сообщеніяхъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ пересказу этихъ воспоминаній, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о самомъ А. С. Данилевскомъ, какимъ я засталъ его въ мою къ нему поѣздку.

Александръ Семеновичъ производилъ впечатлѣніе одного изъ тѣхъ идеалистовъ-романтиковъ—„послѣднихъ могиканъ“, которые окончательно вымираютъ и будутъ скоро всецѣло

Digitized by Google

достояніемъ преданія. Судьба, осыпавъ его въ молодости такими дарами счастья, о которыхъ немногимъ можно даже мечтать, съ безпощадной жестокостью оставила ему подъ старость одно изъ самыхъ ужасныхъ бѣдствій. Для человѣка съ сильно возбужденными съ дѣтства умственными интересами потеря зрѣнія была, разумѣется, убійственна. Но замѣчательно, что, несмотря даже на старость и слѣпоту, онъ сохранилъ до самой предсмертной болѣзни живой интересъ къ текущей литературѣ (преимущественно русской, отчасти и иностранной), и при помощи чтеца или кого-нибудь изъ домашнихъ неутомимо слѣдилъ за періодическими изданіями. Печально доживалъ онъ послѣдніе дни своей когда-то далеко не безцвѣтной жизни, казавшейся теперь промелькнувшею съ обидной быстротой. Въ разсказѣ его по временамъ слышалась глубоко-трагическая нота... Чѣмъ искреннѣе и задушевнѣе становилось его воодушевленіе, съ которымъ онъ передавалъ свои воспоминанія о счастливыхъ временахъ минувшей юности, о ея надеждахъ и молодомъ упоеніи жизнью (въ благородномъ значеніи этого слова), тѣмъ замѣтнѣе примѣшивалось къ нимъ щемящее чувство сосредоточенной грусти отъ ужаснаго сознанія, что почти все, что̀ когда-то было ему дорого и красило его жизнь, давно и безвозвратно погибло. Теперь это былъ несчастный старикъ, находившій нѣкоторую печальную отраду въ томъ, что въ послѣдній разъ оживлялъ въ своей памяти прошлое,—

У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо...

И, конечно, больше всего его волновали жгучія воспоминанія о Гоголѣ, особенно о жизни съ нимъ въ Италіи, которую оба они любили до обожанія и называли своей второй родиной. Разсказывая о самыхъ незначительныхъ происшествіяхъ, случавшихся въ Римѣ, Данилевскій положительно оживалъ. Въ частности, съ большимъ воодушевленіемъ припоминалъ онъ о своей жизни съ Гоголемъ на Piazza di Spagna.

Но, повторяю, при крайне возбужденномъ состояніи, въ которое приводили Александра Семеновича воспоминанія, трудно было овладѣть ими въ короткое время...

Digitized by Google

I.

Въ числѣ друзей Гоголя А. С. Данилевскому, по многимъ причинамъ, должно быть отведено первенствующее мѣсто. Онъ пользовался особенно сильной и прочной привязанностью нашего писателя, называвшаго его своимъ „ближайшимъ“. Тѣсная дружба ихъ продолжалась отъ колыбели до могилы Гоголя. Въ письмахъ послѣдняго едва ли къ кому-нибудь выразилось столько искренней, задушевной любви, какъ къ Данилевскому. „Ты мнѣ роднѣе родного брата“, — писалъ однажды ему Гоголь, — и дѣйствительно есть не мало доказательствъ того, что онъ чувствовалъ такъ, какъ говорилъ. Еще съ дѣтства Гоголь усвоилъ себѣ привычку давать въ шутку родственныя имена тѣмъ людямъ, къ которымъ былъ особенно расположенъ. Такъ, ребенкомъ, вздумалось ему однажды прозвать „сестрицей“ одну изъ знакомыхъ сосѣдокъ (А. Ѳ. Тимченко), долго жившую въ домѣ его матери [1]). Данилевскаго онъ также съ раннихъ лѣтъ еще имѣлъ обыкновеніе называть то братомъ, то почему-то даже племянникомъ, а впослѣдствіи онъ прямо выдавалъ его за самаго близкаго родственника своимъ московскимъ друзьямъ. Сестрамъ, Елизаветѣ и Аннѣ Васильевнамъ, онъ писалъ однажды изъ-за границы: „Напишите, получили ли вы мое письмо, которое я писалъ къ вамъ черезъ Данилевскаго, Александра Семеновича, *вашего кузена*“ (Соч. Гог., изд. Кул., V, 340). Самому Данилевскому онъ пишетъ: „Хотя бы вовсе не слѣдовало писать изъ Ліона, этого, неизвѣстно почему, неприличнаго мѣста, но, покорный произнесенному слову въ минуту разставанья нашего, *о, мой добрый братъ и племянникъ*, пишу“ [2]). Наконецъ, однажды одному изъ своихъ друзей онъ рекомен-

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 38, 131; но въ другихъ мѣстахъ онъ называетъ ее знакомой (тамъ же, стр. 51).—Объ этой Александрѣ Ѳедоровнѣ Данилевскій разсказывалъ намъ, что Гоголь особенно любилъ ее за то, что она умѣла художественно изображать жида, когда онъ протягивается пробовать водку. Она наряжалась въ жидовскій костюмъ и говорила даже голосомъ жида, сохраняя всѣ типическіе жидовскіе пріемы и ухватки... Александра Ѳедоровна и сестра ея жили въ верстѣ отъ Васильевки; онѣ такъ любили Марью Ивановну, что увольняли крестьянъ отъ повинностей, когда она пріѣзжала къ нимъ. Но въ 1848 г. Гоголь обошелся при встрѣчѣ съ нею сухо и непривѣтливо.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 293.

Digitized by Google

довалъ Данилевскаго такъ: „Прими моего двоюроднаго брата, какъ самого меня“ [1]).

Дружба Гоголя къ Данилевскому не всю жизнь, правда, продолжалась въ одинаковой степени: между ними была однажды даже непродолжительная размолвка; но тѣмъ живѣе и естественнѣе предстаютъ передъ нами ихъ вполнѣ искреннія отношенія. Эта единственная размолвка (если справедливо употребить такое сильное выраженіе) нисколько не мѣшаетъ утверждать, что они всегда были истинными друзьями. Правда, въ послѣдніе годы, углубившись въ созданный имъ внутренній міръ и сблизившись съ людьми, болѣе склонными сочувствовать овладѣвшему имъ новому настроенію, Гоголь какъ будто нѣсколько отдалился отъ неразлучнаго, со временъ дѣтства, друга, но никогда, въ сущности, въ немъ не умирало чувство самаго горячаго расположенія къ нему. Для него Данилевскій былъ не только другомъ и товарищемъ молодости, свидѣтелемъ его первыхъ литературныхъ и свѣтскихъ успѣховъ, но и спутникомъ въ заграничныхъ странствованіяхъ, участникомъ въ лучшихъ наслажденіяхъ жизни, въ благородныхъ увлеченіяхъ роскошью южной природы и великими произведеніями искусства, — однимъ словомъ, это былъ человѣкъ, связанный съ нимъ сердцемъ и всѣми наиболѣе дорогими впечатлѣніями юности, человѣкъ, съ которымъ, по собственному выраженію Гоголя, онъ шелъ въ жизни „рука объ руку“. Задушевная привязанность его къ Данилевскому ярко проявлялась въ томъ, что каждый разъ неожиданный пріѣздъ послѣдняго въ ихъ деревню производилъ чудо: угрюмый въ послѣдніе годы своей жизни писатель мгновенно оживлялся, къ нему возвращался веселый юморъ молодости, и во всемъ домѣ наступалъ настоящій праздникъ. Ничье появленіе не имѣло на него такого волшебнаго дѣйствія, никому не удавалось возбуждать въ Го-

[1]) Другимъ, наиболѣе любимымъ школьнымъ товарищемъ Гоголя былъ Н. Я. Прокоповичъ. Ему Гоголь писалъ однажды изъ Рима: „Не совѣстно ли тебѣ, мой милый, не писать ко мнѣ, позабыть меня! Не совѣстно ли тебѣ лѣниться! А я о тебѣ думаю часто, всегда. И ни роскошь этихъ странъ, гдѣ я живу теперь, ни югъ, ни чудныя небеса, ничто не въ силахъ помѣшать мнѣ думать о тебѣ, съ кѣмъ начался союзъ нашъ подъ аллеями липъ нѣжинскаго сада, во второмъ музеѣ, на маленькой сценѣ нашего домашняго театра, и крѣпился, стянутый стужею петербургскаго климата, черезъ всѣ дни нашего пребыванія вмѣстѣ“. („Русское Слово“, 1859, I, 109).

Digitized by Google

голѣ такое отрадное настроеніе. Впечатлѣніе получалось такое, какъ будто привѣтливый лучъ весенняго солнца заигралъ веселымъ блескомъ въ пасмурной обстановкѣ скромнаго деревенскаго дома... Даже въ послѣднее посѣщеніе Данилевскимъ Гоголя въ Васильевкѣ, уже не болѣе, какъ за полгода до смерти послѣдняго, по поводу поданныхъ на столъ любимыхъ Гоголемъ малороссійскихъ варениковъ, пріятели затѣяли шумный споръ о томъ, отъ чего было бы тяжелѣе отказаться на всю жизнь — отъ варениковъ или отъ наслажденія пѣніемъ соловьевъ?...

Благодаря этой веселости Гоголя въ присутствіи Данилевскаго, послѣдній меньше всѣхъ остальныхъ друзей его былъ знакомъ, по непосредственнымъ впечатлѣніямъ (*не по письмамъ*), съ мрачнымъ, сосредоточеннымъ настроеніемъ Гоголя въ послѣдніе годы.

II.

Знакомство Гоголя съ Данилевскимъ началось съ дѣтства обоихъ. Отцы ихъ были товарищами въ школѣ и, будучи близкими сосѣдями, не прерывали своихъ отношеній, хотя и не были связаны той тѣсной дружбой, которая завязалась впослѣдствіи между ихъ сыновьями.

Семереньки, помѣстье Данилевскихъ, отстояло отъ Васильевки на 30 верстъ. Однажды, когда маленькій Данилевскій сталъ немного подрастать, отецъ вздумалъ его повезти съ собой къ сосѣдямъ Яновскимъ. Такъ произошло первое свиданіе будущихъ друзей, хотя они тогда почти вовсе не ознакомились другъ съ другомъ. Гоголь былъ боленъ и лежалъ въ постели, такъ что новый знакомый его долженъ былъ все время играть съ его младшимъ братомъ. Но раннія впечатлѣнія иногда неизгладимо врѣзываются на всю жизнь; такъ было и на этотъ разъ: въ дѣтскую память Гоголя запала незначительная подробность угощенія гостя клюквой. Не разъ случалось ему припоминать потомъ серьезно объ этомъ ничтожномъ обстоятельствѣ, а однажды онъ замѣтилъ даже въ письмѣ: „Не помни ничего того, какъ я надоѣдалъ тебѣ, и помни только, какъ я люблю тебя, моего спутника, шедшаго о плечо мое всю дорогу жизни, отъ тѣхъ поръ, какъ ты ѣлъ въ первый разъ клюкву въ нашемъ домѣ“ [1]).

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 302.

Digitized by Google

Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ судьба связала ихъ; она какъ будто заботилась о томъ, чтобы сблизить ихъ и сдѣлать друзьями на всю жизнь. Къ тому же они были и ровесники: А. С. Данилевскій родился въ Семеренькахъ 28-го августа 1809 года. Вскорѣ отецъ его умеръ, а мать, Татьяна Ивановна, тогда же вышла вторымъ бракомъ за одного изъ сосѣдей по имѣнію, Василія Ивановича Черныша, помѣстье котораго, Толстое, было всего въ шести верстахъ отъ Васильевки. Если эта перемѣна могла отразиться на взаимныхъ отношеніяхъ семействъ, то во всякомъ случаѣ не иначе, какъ еще тѣснѣе скрѣпляя узы существовавшей пріязни. Мать Данилевскаго была и прежде дружна съ Марьей Ивановной Гоголь, но со временемъ обстоятельства и привычка все болѣе способствовали упроченію ихъ добрыхъ сосѣдскихъ отношеній. Чернышъ былъ также общительный, хорошій человѣкъ, простой въ обхожденіи и пользовавшійся общимъ уваженіемъ знакомыхъ. Жену онъ любилъ и съ ея дѣтьми обращался какъ съ своими собственными.

Вотъ какъ разсказывалъ мнѣ А. С. Данилевскій о своихъ дѣтскихъ отношеніяхъ къ Гоголю. Разсказъ его передаю съ буквальною точностью, за исключеніемъ небольшихъ перестановокъ въ тѣхъ мѣстахъ, когда увлекавшія его воспоминанія заставляли дѣлать отступленія и забѣгать впередъ:

„Я съ нимъ познакомился въ дѣтствѣ. Мнѣ было семь лѣтъ. Наши родители вмѣстѣ воспитывались въ кіевской духовной академіи. Мы пріѣхали съ отцомъ къ нимъ въ деревню. Мы жили отъ нихъ верстахъ въ тридцати, въ Семеренькахъ. Это было около Рождества. Тутъ я увидѣлъ въ первый разъ маленькаго Никошу [1]). Онъ былъ нездоровъ и лежалъ въ постели. Мы играли съ его младшимъ братомъ Иваномъ. Пробыли мы нѣсколько дней. Я возвратился съ отцомъ домой, и въ этотъ довольно значительный промежутокъ времени мы не видались. Я лишился отца; моя мать вышла замужъ за Василія Ивановича Черныша (его имѣніе, Толстое, находилось верстахъ въ 6 отъ Васильевки). Я жилъ дома и въ Зеньковѣ [2]) у моего домашняго учителя, который

---

[1]) Такъ всѣ называли Н. В. Гоголя въ семьѣ.

[2]) Зеньковъ и Пирятинъ—уѣздные города Полтавской губерніи.

579772A
Digitized by Google

былъ потомъ назначенъ смотрителемъ уѣзднаго училища. Въ 1818 году я поступилъ въ полтавскую гимназію. Тутъ послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ мы вспомнили другъ друга. Вмѣстѣ съ нимъ мы пробыли года два. Онъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ у учителя Спасскаго. Я поступилъ въ Нѣжинъ въ 1822 г., гдѣ опять засталъ уже Гоголя, поступившаго годомъ раньше меня, и съ тѣхъ поръ мы были неразлучны. Мы всегда ѣздили съ нимъ, и съ сыномъ отчима, П. А. Барановымъ [1]), домой на вакаціи.

„Помню одинъ забавный случай съ надзирателемъ Зельднеромъ [2]). Зельднеръ навязался ѣхать съ нами. Коляску прислали четверомѣстную. Было бы мѣсто для всѣхъ, но къ намъ напросился еще нѣкто Щербакъ (онъ былъ знакомъ съ семействомъ Гоголя); онъ жилъ около Пирятина; это были довольно богатые люди. Зельднеръ еще сохранялъ тогда для насъ авторитетъ; его присутствіе насъ очень стѣсняло. Къ тому же съ нимъ было несчастіе: каждый разъ, когда онъ пускался въ дорогу, съ нимъ случалось разстройство желудка, да и въ деревнѣ жить съ нимъ было не очень пріятно. Онъ ѣхалъ къ намъ обоимъ, но обоимъ не хотѣлось его брать. Когда условились съ нимъ ѣхать, то онъ пошелъ съ нами на черный дворъ, гдѣ была коляска, и хотѣлъ непремѣнно доказать, что можно ѣхать впятеромъ... Наружность его была забавная; ноги циркулемъ... Наконецъ, все было готово къ отъѣзду. Наканунѣ жена Зельднера, Марья Николаевна, напекла намъ на дорогу пирожковъ, и на другой день, чѣмъ свѣтъ, мы должны были тронуться въ путь. Но мы составили заговоръ—уѣхать раньше. На другой день, утромъ, пріѣхавшій за нами человѣкъ Гоголя, Ѳедоръ, разбудилъ насъ въ музеѣ (такъ назывались отдѣленія, на которыя раздѣлялись воспитанники; ихъ было три: старшее, среднее и младшее). Зельднеръ потомъ насъ долго искалъ и ни за что не хотѣлъ повѣрить, что мы уѣхали. „А, мерзкая мальчишка!...“ говорилъ онъ.

---

[1]) Барановъ былъ потомъ въ военной службѣ.

[2]) Зельднеръ упоминается въ статьѣ профессора Лавровскаго: „Гимназія высшихъ наукъ“ (См. „Извѣстія Историко-Филологическаго института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“, т. III, 1879 г., неоффиціальный отдѣлъ, стр. 165 и слѣд., и „Воспоминанія о Гоголѣ“ г. Пашкова („Берегъ“, 1880 г., № 268, дек., 18), гдѣ онъ обозначенъ инициаломъ *З)*.

Digitized by Google

„Дорога была продолжительная; мы ѣхали на своихъ, и на третій день прибыли. Дорогой дурачились, и Гоголь выкидывалъ колѣна. Щербакъ былъ грузный мужчина съ большимъ подбородкомъ. Когда онъ бывало заснетъ, Гоголь намажетъ ему подбородокъ халвой, и мухи облѣпятъ его; ему доставался и „гусаръ“ (гусаръ,—это была бумажка, свернутая въ трубочку). Когда кучеръ запрягалъ лошадей, то мы наводили стекло на крупы. Дорога была веселая. Помню, когда проѣзжали Ярески [1]) (это было въ іюлѣ), мы подбирались къ Толстому. Съ нами повстрѣчались Василій Аѳанасьевичъ и Василій Ивановичъ [2]). Кажется, это произошло случайно, а не была намѣренная встрѣча... Живо припоминается мнѣ Василій Аѳанасьевичъ; онъ былъ красивѣе сына. На немъ была тогда шляпа лощеная, матросская. Человѣкъ онъ былъ интересный, безподобный разсказчикъ. Я зналъ его; зналъ даже мать Василія Аѳанасьевича, Татьяну Семеновну. У нея въ саду былъ маленькій домикъ... Отецъ Василія Аѳанасьевича былъ домашнимъ учителемъ у Лизогуба и женился на Татьянѣ Семеновнѣ, его дочери. Имѣніе принадлежало Татьянѣ Семеновнѣ. Татьяна Семеновна была сморщенная, какъ губка, вѣчно ходила съ палочкой; молчаливая, добрая, прекрасная...

„Часто мы заѣзжали туда съ Гоголемъ дѣтьми по дорогѣ въ Нѣжинъ къ Трощинскому въ Кибинцы; для подарковъ дѣлались иногда небольшія предварительныя путешествія. Такъ, въ 1828 г., въ послѣдній нашъ проѣздъ черезъ Кибинцы, Гоголь привезъ изъ Кременчуга бутылку великолѣпной мадеры. Мы много разъ бывали въ Кибинцахъ и Ярескахъ и гостили подолгу, но Трощинскій держалъ себя недоступно и едва ли промолвилъ съ нами даже слово. Домъ былъ открытый: кто ни пріѣзжалъ, пользовался хорошимъ пріемомъ. Былъ даже занимательный случай съ однимъ Барановымъ, артиллерійскимъ офицеромъ. Онъ случайно, совершенно незнакомый, попалъ какъ-то въ Кибинцы какъ разъ передъ именинами Трощинскаго, и въ видѣ сюрприза, устроилъ великолѣпный фейерверкъ. Его обласкали, и онъ остался проживать въ Кибинцахъ, года на три, совершенно позабывъ про службу.

[1]) Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій жилъ всегда въ Кибинцахъ, но на лѣто переѣзжалъ въ Яреси.

[2]) Отчимъ Данилевскаго.

Digitized by Google

„Въ школѣ Гоголь мало выдавался, развѣ подъ конецъ, когда онъ былъ нашимъ редакторомъ лицейскаго журнала. Сначала онъ писалъ стихи и думалъ, что поэзія — его призваніе [1]). Мы выписывали съ нимъ и съ Прокоповичемъ журналы, альманахи. Онъ заботился всегда о своевременной высылкѣ денегъ. Мы собирались втроемъ и читали „Онѣгина“ Пушкина, который тогда выходилъ по главамъ. Гоголь уже тогда восхищался Пушкинымъ. Это была тогда еще контрабанда; для нашего профессора словесности Никольскаго даже Державинъ былъ новый человѣкъ. Гоголь отлично копировалъ Никольскаго. Вообще Гоголь удивительно воспроизводилъ тѣ черты, которыхъ мы не замѣчали, но которыя были чрезвычайно характерны. Онъ былъ превосходный актеръ. Еслибы онъ поступилъ на сцену, онъ былъ бы Щепкинымъ. Въ Нѣжинѣ товарищи его любили, но называли: *таинственный карла*. Онъ относился къ товарищамъ саркастически, любилъ посмѣяться и давалъ прозвища. Самъ онъ долго казался заурядным мальчикомъ. Онъ былъ болѣзненный ребенокъ. Лицо его было какое то прозрачное. Онъ сильно страдалъ отъ золотухи; изъ ушей у него текло.... Надъ нимъ много смѣялись, трунили. Но передъ окончаніемъ курса его замѣтилъ и сталъ отличать профессоръ исторіи Бѣлоусовъ, котораго онъ, въ свою очередь, весьма уважалъ и любилъ“.

Кромѣ этого, болѣе или менѣе послѣдовательнаго разсказа А. С. Данилевскаго, мы могли вынести слѣдующее изъ отрывочныхъ воспоминаній о жизни его и Гоголя въ Нѣжинѣ.

Жизнь въ пансіонѣ была привольная: дѣти пользовались хорошимъ помѣщеніемъ, большой свободой и могли даже устроивать сообща удовольствія, изъ которыхъ на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ, конечно, гимназическій театръ. Весною и осенью къ ихъ услугамъ былъ обширный лицейскій садъ, въ которомъ они рѣзвились и проводили бо̀льшую часть внѣ-класснаго времени. При тогдашнихъ ограниченныхъ требованіяхъ отъ учащихся на долю послѣднихъ выпадало не мало досужихъ часовъ, да и самое приготовленіе къ занятіямъ происходило у нихъ нерѣдко въ саду, подъ оба-

[1]) Въ Нѣжинѣ, по словамъ А. С. Данилевскаго, Гоголь писалъ во вкусѣ Бестужева, и у него встрѣчались пышныя описанія природы, лѣсъ и т. п. Все это помѣщалось въ лицейскомъ изданіи „Звѣзда“.

Digitized by Google

ятельнымъ небомъ Украйны. А. С. Данилевскій живо припоминалъ, какъ иные изъ воспитанниковъ умудрялись даже, забравъ съ собой необходимый письменный матеріалъ, въ видѣ карандашей и бумаги, обдумывать и отчасти набрасывать свои сочиненія, сидя гдѣ-нибудь въ саду на деревѣ. Безпечность и игры устанавливали между школьниками живое общеніе и теплыя товарищескія отношенія, сохранившія для иныхъ значеніе на всю жизнь. Немного, правда, выносили они изъ стѣнъ учебнаго заведенія, но юность ихъ катилась привольно и весело, и у нихъ всегда оставалось достаточно свободнаго времени для чтенія, для собственныхъ любимыхъ занятій и для впечатлѣній жизни. Отсюда вытекаютъ всѣ свѣтлыя и темныя стороны тогдашняго лицейскаго быта. Въ многолюдной толпѣ почти предоставленныхъ себѣ мальчиковъ, не всегда получившихъ предварительно хорошее домашнее воспитаніе, было, разумѣется, несравненно больше такихъ, которые, пользуясь предоставленнымъ имъ привольемъ, упивались преимущественно прелестями малороссійскаго климата и наслажденіями на лонѣ природы, и изъ такихъ выходили очень часто самые заурядные люди. Вѣчно веселый, кудрявый мальчикъ Гребенка, безцеремонно перелѣзающій черезъ плетень къ своему сосѣду учителю Кулжинскому за альманахами и журналами (см. „Лицей кн. Безбородко“, изд. 1884 г., стр. 381), живо переноситъ насъ въ патріархальные нравы лицея Безбородко въ концѣ двадцатыхъ и даже въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, т.-е. уже нѣсколько позднѣе Гоголя. Но Гребенка, эта „воплощенная юность“, по сочувственному отзыву о немъ любившаго его наставника, былъ уже натура богатая, исключительная, тогда какъ преобладающее большинство составляли тѣ „существователи“, которые, по словамъ Гоголя, при встрѣчѣ съ первыми затрудненіями готовы были отказаться отъ своихъ идеаловъ и „навострить лыжи обратно въ скромность своихъ недальнихъ чувствъ и удовольствоваться ничтожностью почти вѣчною“ [1]). Не муча себя честолюбивыми заботами и стремленіями, они, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, избирали себѣ невидное мирное поприще, терялись въ глуши и исчезали, по окончаніи курса, изъ виду своихъ болѣе энергичныхъ товарищей, направлявшихся обык-

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 59.

Digitized by Google

новенно въ Петербургъ. Но, съ другой стороны, не мало было въ ихъ средѣ и такихъ, которымъ, къ чести ихъ. снисходительный надзоръ начальства не помѣшалъ сдѣлаться со временемъ серьезными и дѣльными людьми, а нѣкоторымъ даже получить впослѣдствіи весьма почетную извѣстность. Являвшаяся у болѣе даровитыхъ и развитыхъ юношей страсть къ литературѣ и чтенію должна была, естественно, провести рѣзкую грань между молодыми людьми съ склонностью къ умственному труду—и будущими корнетами и титулярными совѣтниками.

Между воспитанниками уже тогда выдвигались люди серьезнаго труда и мысли, какъ извѣстный впослѣдствіи профессоръ П. Г. Рѣдкинъ, еще въ лицейское время работавшій много и дѣльно. Для Гоголя и Данилевскаго лицейскіе годы были полезны преимущественно той умственной пищей, которую имъ доставляло хорошее чтеніе, постепенно развивая ихъ и воспитывая въ нихъ эстетическое чувство. Для перваго изъ нихъ, впрочемъ, недостатокъ правильнаго систематическаго труда въ школѣ остался роковымъ, сдѣлавъ изъ него человѣка, обязаннаго рѣшительно всѣмъ своимъ богатымъ природнымъ дарованіямъ, а никакъ не ученью. Но съ другой стороны, это была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя требуютъ особенно осторожнаго съ ними обращенія и которымъ безпощадная школьная регламентація съ ея нивеллирующимъ давленіемъ, можетъ быть, полезная для обыкновеннаго большинства, могла бы скорѣе причинить вредъ, — потому, во-первыхъ, что въ нихъ мало гибкости, а во-вторыхъ, лучшая учительница такихъ избранныхъ людей все-таки ихъ природа. Данилевскій же хотя не былъ натурой геніальной, но также былъ хорошо одаренъ отъ природы и во всякомъ случаѣ далеко не принадлежалъ къ числу людей дюжинныхъ: его живая воспріимчивость, сохранившаяся до послѣднихъ дней, его тонкое эстетическое чувство и замѣчательный интересъ къ литературѣ достаточно говорятъ за это.

Артистическая жилка въ школьное время не была чужда Данилевскому такъ же, какъ и Гоголю. Въ гимназическомъ театрѣ Данилевскій тоже былъ однимъ изъ дѣятельныхъ актеровъ или, точнѣе, актрисой, потому что чрезвычайно красивая наружность его заставила кружокъ товарищей разъ навсегда отдать ему женскія роли. Такъ, въ „Эдипѣ въ Аѳи-

Digitized by Google

нахъ“ Базили [1]) игралъ Эдипа, Данилевскій — Антигону; въ „Фингалѣ“ ему приходилось всегда изображать Моину. Но сценическимъ дарованіемъ, по собственному откровенному сознанію, Данилевскій не отличался вовсе и подвизался на товарищеской сценѣ, больше благодаря охотѣ и счастливой наружности, хотя неизмѣримо уступалъ Кукольнику и Гоголю, настоящимъ мастерамъ дѣла. Такъ, въ „Недорослѣ“ Гоголь и Кукольникъ приводили въ восторгъ публику дѣйствительно блестящимъ исполненіемъ: первый отличался въ роли Простаковой, тогда какъ послѣдній превосходно игралъ Митрофана. Въ этихъ роляхъ оба, по единодушному признанію всѣхъ, кто ихъ видѣлъ на сценѣ, были неподражаемы. Кукольникъ же тогда обращалъ на себя вниманіе наклонностью къ драмѣ и трагедіи: когда онъ исполнялъ послѣднюю сцену трагедіи Сумарокова: „Дмитрій Самозванецъ“, онъ, послѣ эффектно произнесенныхъ заключительныхъ словъ, падалъ на полъ какъ трупъ, чѣмъ производилъ сильное впечатлѣніе; онъ изумлялъ также публику патетическимъ исполненіемъ заглавной роли въ „Фингалѣ“, Озерова.

Театръ съ его волненіями, торжественной обстановкой (конечно, не въ первое время, когда кулисами были классныя доски) и съ его многократными репетиціями вносилъ въ жизнь воспитанниковъ, безъ сомнѣнія, много необычайнаго, праздничнаго, что̀ еще болѣе способствовало ихъ сближенію. Но и въ обыкновенное время у нихъ не было недостатка въ развлеченіяхъ. Въ обыденномъ домашнемъ быту воспитанники постоянно встрѣчались другъ съ другомъ и забавлялись шалостями, изобрѣтаемыми Гоголемъ и другими рѣзвыми мальчиками. А. С. Данилевскій припоминалъ нѣкоторые эпизоды, какъ, напр., однажды Гоголь, передразнивая учителя физики Шапалинскаго, попался ему на глаза, за что̀ послѣдній, сильно разсердившись, схватилъ его и долго трясъ за плечи, и какъ Севрюгинъ, учитель пѣнія, замѣчая, что Гоголь иногда фальшивилъ и не былъ въ состояніи пѣть въ тактъ съ товарищами, приставлялъ ему скрипку къ самому уху, называя его глухаремъ, что̀, разумѣется, возбуждало

[1]) Базили, Константинъ Михайловичъ, авторъ „Очерковъ Константинополя, Архипелага въ Греціи“, „Босфора“, изъ школьныхъ товарищей Гоголя, впослѣдствіи консулъ въ Смирнѣ и въ Сиріи.

Digitized by Google

общее веселье. Гоголь любилъ всѣ искусства вообще, любилъ и пѣть; но между тѣмъ какъ онъ дѣлалъ большіе успѣхи въ рисованіи, пѣнье не давалось ему, благодаря недостатку музыкальнаго слуха. Но въ хорѣ онъ участвовалъ, когда во время рекреаціи воспитанники пѣли стихи:

„Златые наши дни, теките!
Красуйся ты, нашъ русскій царь“, и проч. [1]).

Совершенно особый міръ представляла больница, служившая для нѣкоторыхъ воспитанниковъ своего рода клубомъ. Въ больницѣ особенно фигурировалъ другъ Гоголя Высоцкій, о которомъ А. С. Данилевскій припоминалъ, что онъ вѣчно находился тамъ, страдая отъ болѣзни глазъ. Онъ сидѣлъ обыкновенно съ зонтикомъ. У него съ Гоголемъ было много общаго, но Высоцкій былъ гораздо авторитетнѣе. Ихъ соединяло другъ съ другомъ въ особенности то, что, по словамъ Гоголя, они „скоро поняли другъ друга“ и ихъ „сроднили глупости людскія“ [2]), надъ которыми они вмѣстѣ потѣшались.

Въ концѣ 1826 года Гоголю предстояло на непродолжительное время разстаться съ Данилевскимъ, оставившимъ по какому-то случаю гимназію высшихъ наукъ и перешедшимъ въ московскій университетскій пансіонъ. Въ письмѣ къ Высоцкому, отъ 17-го января 1827 г., Гоголь сообщалъ между прочимъ: „Я здѣсь совершенно одинъ: почти всѣ оставили меня; не могу безъ сожалѣнія и вспомнить о вашемъ классѣ“ [3]). Много и изъ моихъ товарищей удалилось. Лукашевичъ поѣхалъ въ Одессу, Данилевскій тоже выбылъ. Не знаю, куда понесетъ его“ („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 45)...[4])

---

[1]) На вопросъ мой о любимыхъ играхъ Гоголя въ школѣ А. С. Данилевскій отвѣчалъ, что любимыхъ игръ у него даже и не было, какъ впослѣдствіи не было никакихъ любимыхъ физическихъ упражненій; напр., онъ не любилъ никакого спорта, верховой ѣзды и проч.; до нѣкоторой степени нравившимся ему развлеченіемъ была развѣ игра на бильярдѣ.... Нельзя не пожалѣть, что П. Г. Рѣдкинъ никогда не сообщилъ ничего изъ своихъ лицейскихъ воспоминаній о Нѣжинѣ.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 44.

[3]) Высоцкій былъ двумя курсами старше Гоголя.

[4]) Въ случайно попавшемся намъ спискѣ (или копіи съ него) наказанныхъ въ продолженіе цѣлаго полугодія воспитанниковъ (на большой старинной бу-

Digitized by Google

Но недолго оставался Данилевскій въ Москвѣ: скоро онъ соскучился по товарищамъ и вернулся снова въ Нѣжинъ. Въ Москвѣ онъ пробылъ меньше года. 26 іюня 1827 г. Гоголь писалъ Высоцкому: „Данилевскій находится теперь въ Москвѣ—не могу навѣрное сказать—гдѣ, но, кажется, въ пансіонѣ“ („Соч. и письма Гог.“, V, 51), а въ декабрѣ того же года онъ былъ уже снова въ Нѣжинѣ (тамъ же, V, 70) [1]).

Въ іюнѣ 1828 года Гоголь и Данилевскій кончили курсъ въ гимназіи высшихъ наукъ — оба дѣйствительными студентами [2]).

магѣ синяго цвѣта), по распоряженію надзирателей: Амана, Зельднера и Капитона Павлова, довольно часто встрѣчается имя Яновскаго, напр.: „оставленъ за то, что занимался игрушками во время класса священника“, за „дерзкія слова стоялъ въ углу“, или просто: „получилъ достойное наказаніе за худое поведеніе“. Можетъ быть, этотъ списокъ относится къ 1827 г.

1) А. С. Данилевскій сообщилъ мнѣ на мой вопросъ о подробностяхъ: „Изъ Нѣжина я вышелъ въ концѣ 1826 года и былъ въ университетскомъ пансіонѣ въ Москвѣ до іюня 1827 года; затѣмъ вновь поступилъ въ нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ въ концѣ того же 1827 года“.

2) Отмѣтимъ кстати, что въ оффиціальныхъ данныхъ нѣжинскаго лицея значилось, что при выпускѣ „по окончаніи музыки, пѣнія и танцевъ бились на рапирахъ и саблях пансіонеры, окончившіе курсъ наукъ: Григорьевъ, Данилевскій I (Александръ Семеновичъ) и Миллеръ“ (см. статью проф. Лавровскаго: „Гимназія высшихъ наукъ“, т. III, 1879, неоффиц. отдѣлъ, стр. 157, примѣчаніе. Тамъ же: „танцовали матлотъ Пузыревскій и Данилевскій I“). Упоминаемъ объ этомъ потому, что, какъ мы слышали и изъ разныхъ другихъ источниковъ, Данилевскій въ молодости выдавался вообще живостью, ловкостью и красотой.

Digitized by Google

V.

ПЕРЕПИСКА СЪ МАТЕРЬЮ. ОТНОШЕНІЯ КЪ РОДСТВЕННИКАМЪ ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ ШКОЛѢ. СЛОГЪ ПИСЕМЪ.

Переписка Гоголя въ изданіи Кулиша начинается съ 1820 г., т. е. съ одиннадцати-лѣтняго возраста писателя. Первыя письма его въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ еще носятъ на себѣ всѣ слѣды дѣтства и не представляютъ особаго интереса по своему крайнему однообразію и скудному матеріалу, въ нихъ заключающемуся. Это, очевидно, только начальные опыты въ составленіи писемъ ребенка, недавно разставшагося впервые съ родителями. Самый кругъ переписки былъ пока тѣсно ограниченъ письменными сношеніями съ родителями и двумя дядями по матери (Косяровскими) и очень немногими письмами къ другимъ близкимъ людямъ. Впослѣдствіи, въ 1827 г., мы находимъ еще два письма къ пріятелю, бывшему школьному товарищу, Высоцкому.

Въ письмахъ къ матери всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе теплая родственная привязанность почтительнаго сына, остававшаяся довольно долго отличительною чертой Гоголя. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть нѣсколько писемъ его къ ней въ разные періоды жизни и сравнить ихъ съ письмами къ другимъ лицамъ.

Съ матерью Гоголь при полной дружеской откровенности и непринужденности обращенія никогда не позволяетъ себѣ ни фамильярности, ни даже шутливаго тона — признакъ въ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, не только извѣстнаго уваженія, но и особаго характера самыхъ отношеній, неизмѣнно серьезныхъ, хотя и вполнѣ искреннихъ, безъ малѣйшей на-

Digitized by Google

тянутости или скрытности. Нѣсколько инымъ характеромъ отличаются правда *немногія* письма уже конца сороковыхъ годовъ, когда подготовлявшійся въ Гоголѣ психическій процессъ не могъ отчасти не отразиться и на семейныхъ его отношеніяхъ. Впрочемъ, если въ эти годы мы встрѣчаемъ у Гоголя въ письмахъ къ матери иногда суровый, мѣстами, пожалуй, раздражительный тонъ, особенно тамъ, гдѣ онъ читаетъ ей поученія въ обличительномъ духѣ или съ досадой упрекаетъ за слабость гордиться его славой [1]), то нигдѣ въ этихъ письмахъ нельзя найти ни малѣйшей тѣни неуваженія, ни малѣйшаго намека на равнодушіе. Но въ то же время мы не находимъ въ нихъ болѣе или менѣе замѣтнаго проявленія обычнаго его малороссійскаго веселаго юмора, его мѣткаго и живого слога, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ характеристикъ незнакомыхъ матери городовъ, напр. Петербурга, Любека, Травемюнде, между тѣмъ какъ этими чертами изобилуютъ не только первыя его литературныя произведенія, но и нѣкоторыя изъ дѣтскихъ писемъ къ другимъ лицамъ. напр., къ дядѣ Павлу Петровичу Косяровскому. Особенно замѣтна разница тамъ, гдѣ между письмами къ матери вдругъ попадается какое-нибудь шутливое письмецо или приписка къ какому-нибудь другому лицу, отличающіяся совершенно

---

[1]) «Старайтесь лучше во мнѣ видѣть христіанина и человѣка, нежели литератора». (Соч. Гог., изд. Кул., VI т. стр. 86).

Но впослѣдствіи, въ концѣ тридцатыхъ и особенно въ сороковыхъ годахъ, отношенія поэта къ матери сильно измѣняются: тонъ писемъ становится сдержаннѣе и холоднѣе, а иногда является даже рѣзкимъ и суровымъ, хотя было бы несправедливымъ преувеличеніемъ, какъ это часто дѣлалось, не видѣть за указанной чертой проявленія въ иныхъ случаяхъ также прежней теплой привязанности, напоминающей характеръ сыновнихъ отношеній къ ней въ былые годы. Случайныя вспышки и неровности обращенія, обостряемыя принятымъ на себя строгимъ поучительнымъ тономъ, съ которымъ, впрочемъ, Гоголь относился ко всѣмъ близкимъ людямъ въ послѣдніе годы жизни, отразились въ письмахъ къ матери и своимъ внѣшнимъ противорѣчіемъ съ его прежними письмами легко могли поразить многихъ критиковъ, но несомнѣнно, что здѣсь преимущественно имѣли значеніе его убѣжденія и ложный взглядъ на себя, побуждавшіе его къ суровымъ проповѣдническимъ пріемамъ, хотя ни въ какомъ случаѣ не вытѣснившія въ немъ сыновнихъ чувствъ любви и уваженія. Справедливо, впрочемъ, что письма къ ней въ это время становятся гораздо рѣже и значительно меньше по объему, по мѣрѣ того, какъ все болѣе расширялся кругъ переписки его съ нѣкоторыми избранными изъ друзей... Но къ этому вопросу мы еще будемъ имѣть случай вернуться позднѣе.

Digitized by Google

инымъ тономъ, переходящимъ почти въ шалость (таковы письма къ Варварѣ Петровнѣ Косяровской). Очевидно, что съ извѣстной степенью уваженія Гоголь считалъ несогласной развязную шутливость (охотно допускаемую, впрочемъ, въ другихъ случаяхъ), какъ и вообще всякое празднословіе. Указанную черту писемъ къ матери и разницу между ними и письмами къ другимъ лицамъ всего естественнѣе объяснить тѣмъ, что это были письма наиболѣе интимныя, и въ то же время они обыкновенно не были легкими или незначительными по содержанію. Въ нихъ Гоголь неоднократно говоритъ о своихъ чувствахъ къ матери, и нѣкоторые такіе отрывки проникнуты у него нѣкоторымъ лиризмомъ, при которомъ нѣтъ уже мѣста профанирующей сильное чувство автора шуткѣ. Въ значительномъ большинствѣ другихъ онъ бесѣдуетъ съ нею о предметахъ наиболѣе нужныхъ и важныхъ [1]). Понятно, въ виду всѣхъ указанныхъ соображеній, почему мы почти вовсе не находимъ въ письмахъ поэта къ матери не только юмора, но и тѣхъ художественныхъ красокъ, которыя мы привыкли встрѣчать у Гоголя (послѣднихъ, конечно, нельзя собственно искать въ перепискѣ, но мѣстами, хотя и очень рѣдко, онѣ являются и въ ней). Любопытно сравнить въ этомъ отношеніи письма Гоголя къ матери съ письмами къ Павлу Петровичу Косяровскому. Въ послѣднихъ также раскрывается передъ нами личность молодого автора, но уже совершенно съ другой стороны: мы находимъ здѣсь самый развязный и свободный, самый веселый дружескій тонъ, отъ котораго отрадно и легко становится на душѣ, и который дышитъ неподдѣльной, неподражаемой искренностью и теплотой. Но зато сейчасъ же видно по несерьезности содержанія и даже по самому слогу, испещренному простонародными малороссійскими словами или въ шутку употребленными иностранными, передѣланными на русскій ладъ, наконецъ осо-

[1]) Интимная жизнь Гоголя была вообще открыта для матери, хотя онъ и не касается въ бесѣдахъ съ нею того, чего она не могла раздѣлять, напр. недовольства мертвенностью и застоемъ уѣздной жизни въ Нѣжинѣ, или того, что относилось къ его литературнымъ работамъ. «Я никогда не вводилъ ни въ какія литературныя мои отношенія и не говорилъ съ ней о подобныхъ дѣлахъ». („Соч. и письма Гог.“, т. VI, стр. 5). «Пишу я, соображаясь съ моими силами, средствами, не ставлю ничего на срокъ, да и не люблю даже объ этомъ предметѣ разговаривать съ кѣмъ бы то ни было». (V т., 239).

Digitized by Google

безпо по нѣкоторымъ черезчуръ реальнымъ выраженіямъ, что корреспондентъ принадлежалъ къ числу людей, дорогихъ ему и очень имъ любимыхъ, но, вѣроятно, не такихъ, которымъ онъ сталъ бы повѣрять самыя сокровенныя, наиболѣе важныя для него чувства и мысли.

Письма Гоголя къ матери получаютъ интересъ особенно со времени кончины его отца. Съ этихъ поръ мы и начнемъ болѣе подробный ихъ обзоръ.

Первыя недѣли послѣ смерти отца положеніе Гоголя было чрезвычайно тяжелое: не легко было ему, пораженному страшнымъ извѣстіемъ, не находя мѣста отъ тоски, среди постороннихъ людей, равнодушныхъ къ его горю, не видѣть около себя никого, кто бы могъ принять въ немъ настоящее, сердечное участіе. Между тѣмъ онъ сознавалъ, что долженъ постоянно учиться, работать, а время отдыха и свиданія съ родными, необходимость которыхъ чувствовалась такъ настоятельно, хотя бы только для того, чтобы имѣть возможность и досугъ предаться вполнѣ охватывающимъ его чувствамъ,— время это такъ далеко! Уже изъ первыхъ писемъ матери послѣ рокового событія ему пришлось убѣдиться, что на него возлагается, въ случаѣ разстройства семейныхъ дѣлъ, обязанность заступить для младшихъ членовъ семьи мѣсто отца и сдѣлаться опорой всего дома. Ему представилась серьезная задача подумать объ успокоеніи матери и въ то же время необходимо было впервые серьезно взглянуть на себя и на свое будущее, а на такое сознательное обсужденіе своего нелегкаго положенія онъ уже былъ способенъ тогда по своему возрасту. Къ этому присоединились еще тревоги и заботы вслѣдствіе неполученія извѣстій отъ матери... Все это не могло не отразиться весьма существеннымъ образомъ на его развитіи, о чемъ можно смѣло заключить на основаніи писемъ, становящихся съ этого времени значительно серьезнѣе и зрѣлѣе. Въ нравственномъ мірѣ Гоголя неизбѣжно должна была произойти перемѣна, и отчасти онъ самъ ее вскорѣ замѣчаетъ. „Ежели бы вы меня видѣли“, пишетъ онъ матери: „вы бы согласились, что я совсѣмъ перемѣнился: я теперь самъ не свой; бѣгаю съ мѣста на мѣсто, не могу ничѣмъ утѣшиться, ничѣмъ заняться, считаю каждую минуту, каждое мгновеніе, бѣгаю на почту, спрашиваю хоть малѣйшее

Digitized by Google

извѣстіе, но вмѣсто отвѣта получаю *нѣтъ!* и возвращаюсь съ печальнымъ видомъ въ свое ненавистное жилище, которое мнѣ опротивѣло!“... [1]). Въ этихъ словахъ живо обрисовывается тогдашнее безотрадное состояніе Гоголя. Какъ понятно въ немъ, еще почти ребенкѣ, то чувство, подъ вліяніемъ котораго самое „жилище“ кажется ему ненавистнымъ! Въ приведенныхъ строкахъ необходимо отмѣтить еще одну черту: мы находимъ здѣсь уже совершенно равныя, дружескія отношенія къ матери въ смыслѣ непринужденной бесѣды съ ней, какъ съ лучшимъ другомъ, а вскорѣ онъ уже рѣшается давать ей совѣты и дѣлаетъ ласковые упреки за то, что она слишкомъ позволяетъ овладѣвать собою горю; напоминаетъ ей объ обязанностяхъ къ дѣтямъ, которыя отнимаютъ у нея право давать полную волю личной скорби. Съ этихъ поръ Гоголь, переставая быть ребенкомъ, все больше и больше принимаетъ живое участіе въ семейныхъ и домашнихъ дѣлахъ, и, убѣждая мать не отчаиваться, даетъ неоднократно энергическія обѣщанія посвятить ей всю жизнь. Онъ, очевидно, боится за мать; онъ не увѣренъ, будетъ ли она въ силахъ перенести постигшее ее несчастіе, и испытываетъ томительную потребность подѣлиться съ нею чувствами, возбужденными общими душевными ранами. Онъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждетъ свиданія съ нею на каникулахъ, высказывая свое желаніе въ каждомъ письмѣ [2]).

Въ это время Гоголь часто пишетъ матери, всячески пытаясь вызвать ее на отвѣтъ, но все было напрасно: ему суждено было мучиться неизвѣстностью въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но и тогда извѣстіе пришло только въ письмѣ къ товарищу его (Баранову), и уже вскорѣ затѣмъ онъ получилъ письмо и самъ. Такое продолжительное молчаніе при мучительномъ настроеніи Гоголя побудило его сказать однажды, что если онъ не получитъ наконецъ вѣсточки, то „прибѣгнетъ къ отчаянію, которое дастъ ему средство избавиться отъ мрачной неизвѣстности“ [3]). Между тѣмъ настоящей причиной непонятнаго перерыва въ перепискѣ оказалась просто обычная неисправность почты. Въ одномъ письмѣ Марьи Ива-

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 21.

[2]) „Чего бы я не сдѣлалъ“, пишетъ онъ матери, „чтобы быть теперь съ вами, но пространство разлучаетъ насъ“ (тамъ же, стр. 20).

[3]) Тамъ же, стр. 22.

Digitized by Google

новны къ Косяровскому она сообщаетъ: „теперь, благодаря Бога, на счетъ сына спокойна: получила отъ него письмо; видно, что онъ много писалъ ихъ ко мнѣ, но я не получала, такъ же, какъ и онъ моихъ, и даже съ деньгами ни одного не получилъ“. Почти до самаго отъѣзда Гоголя въ Нѣжинъ длилось это недоразумѣніе. „Приближается время каникулъ“, писалъ онъ уже черезъ два мѣсяца послѣ смерти отца, „и не знаю, буду-ли я счастливѣйшимъ или самымъ несчастнымъ человѣкомъ“ [1]). Марья Ивановна, съ своей стороны чутко отзывавшаяся всегда на все, что̀ такъ или иначе касалось нѣжнолюбимаго сына, была иногда склонна, по свойственной всѣмъ матерямъ заботливости, преувеличивать важность всякаго сообщенія тревожнаго свойства, и этого также имѣлъ основаніе опасаться Гоголь.

Съ теченіемъ времени семейное горе наконецъ улеглось, и мать Гоголя, прежде столь убитая имъ, начала постепенно находить интересъ въ домашнихъ дѣлахъ и заботахъ и вникать больше въ хозяйство, которое она вела очень безпорядочно, не ограничиваясь небольшими текущими распоряженіями, но дѣлая разныя рискованныя предпріятія, постройки, новыя домашнія заведенія, занимаясь даже винокуреніемъ и проч. Естественно, что между нею и сыномъ возникла и установилась потребность частой бесѣды въ письмахъ о вопросахъ, касающихся общихъ интересовъ семьи, — потребность, становившаяся тѣмъ сильнѣе, чѣмъ быстрѣе подвигалось развитіе сына. Гоголя, въ свою очередь, какъ видно изъ писемъ, все это также интересовало чрезвычайно живо: онъ часто прилагаетъ въ ихъ планы для построекъ и рисунки, примѣняя при этомъ на практикѣ успѣхи, сдѣланные имъ въ любимомъ искусствѣ [2]). Такимъ образомъ характеръ переписки нѣсколько расширяется и содержаніе ея становится гораздо разнообразнѣе и шире, сообщая намъ такія свѣдѣнія, которыя совершенно переносятъ насъ въ обстановку и отчасти семейныя отношенія поэта, насколько возможно знакомство съ ними на основаніи отрывочныхъ данныхъ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ мы находимъ разспросы Гоголя о разныхъ подробностяхъ хозяйства, просьбы извѣщать его о всѣхъ предположеніяхъ и

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 22.

[2]) Въ рисованіи.

Digitized by Google

перемѣнахъ въ домашнихъ дѣлахъ и наконецъ собственные совѣты. Просьбы дѣйствительно исполнялись, а также нерѣдко встрѣчали одобреніе и принимались къ свѣдѣнію и мнѣніи Гоголя, что̀, конечно, не могло его не радовать. Мысль юнаго поэта неизмѣнно стремится на родину, къ домашнему очагу, къ нѣжно-любимой матери и къ роднымъ. Онъ живетъ мечтами о свиданіи съ ними, находитъ въ этихъ мечтахъ отраду и освѣженіе отъ однообразной и непривлекательной нѣжинской жизни. Но всегда больше всего обращаетъ на себя вниманіе его искреннее и горячее чувство любви къ матери. По словамъ его, мать для него всего священнѣе, ей онъ готовъ посвятить всю жизнь. Для нея онъ составилъ идеалъ спокойной жизни въ семьѣ, въ кругу близкихъ родныхъ, жизнь въ полномъ довольствѣ, хотя и дѣятельную и не лишенную заботъ, но по крайней мѣрѣ свободную отъ заботъ обременительныхъ и нарушающихъ нравственное спокойствіе. Все, касающееся матери, его живо интересуетъ; онъ желалъ бы чаще видѣть ее, говорить съ ней, повѣрять ей свои мысли и планы. Его тяготитъ и терзаетъ мысль о необходимости еще долго обращаться къ матери съ просьбами о матеріальной поддержкѣ, которая стоила ей тяжкихъ заботъ и лишеній. Онъ впадаетъ въ мучительное и безвыходное противорѣчіе съ самимъ собой, будучи неизбѣжно вынуждаемъ причинять ей все новыя тревоги, тогда какъ ему всего болѣе хотѣлось бы снять съ нея бремя заботъ. Такъ представляется дѣло на основаніи словъ Гоголя; вопросъ только въ томъ, на сколько эти слова были искренни.

Проф. Кояловичъ вполнѣ вѣритъ въ юношескую искренность Гоголя, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ его:

„Въ его послѣднихъ нѣжинскихъ письмахъ сильно выражено чувство сыновней любви и къ его самолюбивымъ мечтамъ присоединяется забота о матери, сказывается живая благодарность и глубокое сознаніе всѣхъ ея безкорыстныхъ трудовъ и заботъ [1]). Онъ вспоминаетъ свое легкомыслiе и беззаботность относительно своей прямой обязанности—ученья, и спѣшитъ увѣдомить мать, что вознаградитъ утраченное время усиленными трудами. Онъ соединяетъ мечты о своемъ

[1]) См. напр. его письма: отъ 16 ноября 1826 г. (Соч. т. V, стр. 42), отъ 1 февр. 1827 г. (ibid. стр. 47), отъ 20 мая 1827 г. (ibid. стр. 53) и др.

Digitized by Google

счастьѣ съ желаніемъ успокоить ея старость и старается убѣдить ее, что настоящая трата денегъ, которыя она съ такимъ трудомъ достаетъ для него, не что иное, какъ „отдача въ ростъ съ тѣмъ, чтобы послѣ получить утроенный капиталъ съ великими процентами“ [1]).

Во всякомъ случаѣ ему приходилось нерѣдко быть невольнымъ виновникомъ многихъ тяжкихъ безпокойствъ матери, которыхъ она не могла отъ него скрыть. Въ концѣ своей школьной жизни Гоголю пришлось позаботиться о пополненіи пробѣловъ и всего за полгода до окончанія курса онъ начинаетъ подумывать, какъ говорится, о „сведеніи концовъ съ концами“, передъ самымъ выпускнымъ экзаменомъ. Тутъ-то вырвались у него слова, что онъ занимался неусердно и что теперь старается вознаградить упущенное, надѣясь въ полгода сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлалъ во все прежнее время ученія [2]). Мать, какъ видно, отнеслась къ такому заявленію далеко не съ той степенью снисходительности и благодушія, какой ожидалъ Гоголь, и выразила даже сожалѣніе, что въ самомъ началѣ ученія никому его не поручила. Широкіе замыслы сына [3]), въ которые она могла быть посвящена только отчасти, должны были казаться ей тѣмъ болѣе сомнительными, что она наталкивалась на поразительныя противорѣчія между словомъ и дѣломъ, между этими замыслами и роскошными обѣщаніями относительно будущаго и неутѣшительными свѣдѣніями о настоящемъ. Гоголь говоритъ о своемъ трудолюбіи и надеждѣ при помощи желѣзнаго тер-

[1]) См. его письма: отъ 15 дек. 1827 г. (Соч. т. V. стр. 68—69) и отъ 1-го марта 1828 г. (ibid—стр. 70—71).

[2]) Въ статьѣ Ореста Ѳедоровича Миллера: „Гоголь въ своихъ письмахъ“ („Русская Старина“, 1879 г., 9 кн.) сдѣлано наглядное сопоставленіе прежнихъ краткихъ отчетовъ Гоголя успокоительнаго свойства о ходѣ занятій съ неожиданнымъ для матери признаніемъ пробѣловъ; но едва-ли слѣдуетъ въ его дѣтскихъ увѣдомленіяхъ видѣть однѣ неискреннія фразы, какъ намекаетъ выраженіе упомянутой статьи, что „ко времени выпуска должно было оказаться“, что кромѣ „душевныхъ качествъ и обработанныхъ понятій, Гоголь ничѣмъ почти не запасся въ Нѣжинскомъ лицеѣ“. Правда, въ оправданіяхъ Гоголя звучитъ отчасти какая-то фальшивая нота, но нельзя согласиться съ тѣмъ, что его слова были только одной „реторикой въ трагическомъ вкусѣ“. На планы Гоголя и его юношескія стремленія не обращено вниманія, а заподозрѣнное притворство, можетъ быть, слишкомъ подчеркнуто.

[3]) О нихъ будетъ сказано въ слѣдующихъ главахъ.

Digitized by Google

пѣнія и усиленной энергіи пополнить накопившіеся за время ученія пробѣлы, съ радостью сообщаетъ уже и объ успѣхѣ, увѣряя, что онъ надѣется имъ „положить начало великаго предначертаннаго зданія“, а матери, мало придававшей значенія неубѣдительнымъ для нея обѣщаніямъ, изъ всего этого очевидно лишь то, что школьное время слишкомъ дурно употреблено сыномъ, такъ что почти наканунѣ отчета ему приходится наскоро наверстывать упущенное. Полученный Гоголемъ отвѣтъ сильно задѣлъ за живое его самолюбіе, и слѣдующее письмо его уже носитъ на себѣ отпечатокъ нѣкотораго затаеннаго недовольства, хотя онъ не позволяетъ себѣ выказать ни малѣйшей тѣни обидчивости. Въ эту пору образованія характера Гоголя мать его вообще нерѣдко высказывала свои взгляды и давала совѣты и наставленія [1]). Она убѣждала его быть бережливымъ въ образѣ жизни, называла его опрометчивымъ и мечтателемъ, предостерегала отъ увлеченій и даже пороковъ, при чемъ многія изъ этихъ наставленій могли быть вызваны упомянутымъ письмомъ передъ окончаніемъ курса. Оправдываясь и отвѣчая на упреки, Гоголь утверждалъ напротивъ, что онъ больше испытывалъ горя и нужды, нежели думала мать, что онъ даже нарочно будто бы показывалъ разсѣянность и своенравіе, когда бывалъ дома, чтобы думали, что онъ мало обтерся, мало былъ прижимаемъ зломъ [2]).

Таковы были отношенія Гоголя къ матери.

Отношенія Гоголя къ другимъ родственникамъ представляются по письмамъ также вполнѣ теплыми, истинно дружескими. Къ нимъ Гоголь питалъ въ дѣтствѣ искреннее расположеніе, о чемъ онъ говоритъ между прочимъ въ одномъ изъ писемъ къ матери въ отвѣтъ на неизвѣстно чѣмъ вызванные упреки въ холодности къ нимъ: „Я всегда любилъ родственниковъ и не

1) Впослѣдствіи, когда Гоголь жилъ уже въ Петербургѣ и находился на службѣ, мать его сообщала о немъ П. П. Косяровскому, что пишетъ ему „въ каждомъ письмѣ по нѣскольку строкъ морали“. „Николенькѣ надобно послать, сколько смогу: онъ еще не опредѣлился о сю пору. Я часто получаю отъ него письма и ему пишу по нѣскольку листовъ морали“. („Указат. къ письмамъ Гоголя“, изд. I, стр. 77).

2) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 71.—Замѣчательно, что при этомъ Гоголь сознается въ скрытности, въ привычкѣ прикрывать личиной безпечности и показной веселости настоящія свои чувства.

Digitized by Google

чуждался ихъ, къ какому бы званію они ни принадлежали. Быть можетъ, неумышленное вы приняли за дѣйствительное“ [1]). Догадка Гоголя оказалась потомъ не лишенною основанія: мать пеняла ему за то, что, заспѣшивъ и засуетясь, онъ позабылъ проститься съ родными при отъѣздѣ, о чемъ Гоголь выражаетъ самое искреннее сожалѣніе: „Мнѣ почувствовалось, будто я выѣхалъ изъ дому, что-то позабывши, да и впрямь я даже не простился ни съ кѣмъ“ [2]). Гоголь по забывчивости вообще не соблюдалъ иногда нѣкоторыхъ внѣшнихъ формальностей прощанія. Въ другой разъ онъ пишетъ П. П. Косяровскому: „Ахъ, виноватъ, безцѣнный Павелъ Петровичъ! и забылъ передъ выѣздомъ проститься съ вами; впрочемъ не въ пустомъ обрядѣ заключается сила, и вы, я думаю, увѣрены, что мы другъ друга не забудемъ никогда“ [3]).

Страшный ударъ, внезапно разразившійся надъ Гоголемъ, заставилъ его, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сильнѣе почувствовать связь со всей остальной семьей. Тотчасъ же послѣ смерти отца онъ начинаетъ принимать самое горячее, самое живое участіе въ судьбѣ сестеръ, разспрашиваетъ о нихъ, желаетъ ихъ скорѣе видѣть. Особеннымъ его расположеніемъ пользовались замужняя сестра, Марья Васильевна, и любимица Анна, а также вся семья Косяровскихъ [4]).

Сильнымъ и искреннимъ чувствомъ проникнуты особенно письма Гоголя къ Петру Петровичу Косяровскому, котораго онъ цѣнилъ весьма высоко.

Какъ жалуется онъ на то, что дяди его пріѣзжаютъ въ его отсутствіе и, немного прогостивши, уѣзжаютъ опять раньше его пріѣзда!...Онъ часто освѣдомляется въ письмахъ объ ихъ пріѣздѣ; онъ желаетъ знать, долго ли они прогостили въ Васильевкѣ, какъ имъ понравилось новое мѣсто

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 36.

[2]) Тамъ же, стр. 38.

[3]) Тамъ же, стр. 62. Такіе же примѣры разсѣянности случались и гораздо позднѣе. (См. „Вѣстникъ Европы“, 1889 г., т. XI, стр. 88).

[4]) Родное село, имѣніе и все относящееся къ нему, семейныя и домашнія дѣла также были всегда предметомъ особеннаго участія и нѣжной заботливости Гоголя. „Уже вижу все милое сердцу, вижу милую родину, вижу тихій Пселъ, мерцающій сквозь легкое покрывало“. („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 14).

Digitized by Google

для житья и проч. Пора наиболѣе интимнаго сближенія съ обоими дядями относится къ 1828 и 1829 годамъ. Возвращаясь по обыкновенію на вакаціонное время въ Васильевку, Гоголь два лѣта сряду заставалъ въ ней, — (очутившись снова въ кругу близкихъ родныхъ послѣ годового томленія въ Нѣжинѣ) обоихъ любимыхъ дядей, свиданія съ которыми онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, соединеннымъ съ боязнью, что оно не осуществится вслѣдствіе возможности скораго ихъ отъѣзда изъ Васильевки. Въ ихъ обществѣ Гоголь проводилъ почти весь срокъ совмѣстной жизни и въ короткое время настолько къ нимъ успѣвалъ привязываться, что по возвращеніи въ Нѣжинъ долго вспоминалъ о пріятныхъ дняхъ, проведенныхъ съ ними, чѣмъ разгонялъ не надолго тоску, наводимую однообразіемъ и непривѣтливой жизнью въ стѣнахъ давно наскучившаго заведенія. Одна мысль о дорогихъ родственникахъ способна была, по словамъ Гоголя, развлечь и развеселить его. Вообще, короткое пребываніе въ Васильевкѣ и все остальное время, проводимое въ нелюбимомъ Нѣжинѣ, представляли двѣ рѣзкія противоположности. Трудно вполнѣ возстановить по письмамъ картину веселаго задушевнаго времяпровожденія Гоголя въ своей семьѣ въ Васильевкѣ, но въ общихъ чертахъ характеръ его обрисовывается довольно живо. Съ внѣшней стороны оно представляется намъ задушевнымъ общеніемъ людей, связанныхъ взаимною искреннею привязанностью, проводящихъ досуги большею частью въ тѣсномъ кругу семьи, въ мирномъ деревенскомъ уголкѣ, отдыхающихъ и наслаждающихся привольною жизнью въ дорогомъ по воспоминаніямъ дѣтства и всѣмъ завѣтнымъ симпатіямъ благословенномъ краѣ Малороссіи. Прогулки цѣлымъ обществомъ по полямъ и окрестностямъ Васильевки до утомленія, вознаграждаемаго потомъ вечернимъ чаемъ въ пріятной бесѣдѣ за истребленіемъ множества арбузовъ и дынь, веселыя поѣздки на ярмарку въ село Ярески, дружныя работы въ саду, не всегда пріятное и отчасти стѣснительное житье по временамъ въ Кибинцахъ у Трощинскаго и привольное наслажденіе жизнью дома, самыя отправленія вмѣстѣ на ночлегъ „въ верхнее обиталище“—однимъ словомъ, все до малѣйшихъ подробностей, касавшихся домашнихъ и даже дворовыхъ людей, какое-нибудь извѣстіе объ общихъ знакомыхъ, предметѣ обычныхъ шутокъ и разговоровъ, —

Digitized by Google

рѣшительно все, что могло напоминать любимыхъ родственниковъ и счастливое время жизни въ Васильевкѣ, было пріятно сердцу юнаго нѣжинскаго школьника. Веселый и искренній тонъ писемъ убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ свѣтломъ, отрадномъ настроеніи, которое вызывалось въ Гоголѣ возможностью обмѣна мыслей съ дядями въ перепискѣ.

Мы разсмотрѣли письма Гоголя къ матери по содержанію; сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣтокъ объ ихъ слогѣ.

Внимательное изученіе писемъ наводитъ на мысль о томъ, что въ періодъ формированія слога Гоголь не мало заботился уже объ украшеніи рѣчи и, что всего важнѣе, заботы эти были, повидимому, результатомъ не только желанія усвоить себѣ пріемы рѣчи образованнаго человѣка, но даже до нѣкоторой степени щегольнуть краснорѣчіемъ, для чего онъ добивался уже извѣстнаго литературнаго навыка. Послѣднее обнаруживается нерѣдко въ искусственномъ построеніи цѣлыхъ періодовъ, въ употребленіи нѣкоторыхъ реторическихъ фигуръ, напр., часто встрѣчающейся въ его дѣтскихъ письмахъ фигуры единоначалія, въ употребленіи цвѣтистыхъ и изысканныхъ фразъ съ явнымъ притязаніемъ на эффектъ, на красоту выраженія. Еще въ первые годы переписки, при отсутствіи выработаннаго упражненіемъ навыка излагать на письмѣ свои мысли, рядомъ съ какимъ-нибудь выраженіемъ, совершенно дѣтскимъ по построенію фразы и по самой мысли, у Гоголя неожиданно является изящный оборотъ рѣчи, образное выраженіе и пр. Все это, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о заботѣ автора относительно рѣчи и наглядно знакомитъ съ постепеннымъ формированіемъ слога нашего писателя.

Очень можетъ быть, что наставленія и примѣръ другихъ лицъ и особенно авторитетное вліяніе журнальной литературы, съ которой, какъ видно изъ писемъ, рано началъ знакомиться Гоголь, наконецъ—школы могли отразиться на сложившихся у него пріемахъ рѣчи. Нѣкоторая наклонность къ реторикѣ могла быть первоначально естественнымъ слѣдствіемъ справедливаго, но неправильно понимаемаго убѣжденія въ необходимости соблюденія приличнаго содержанію тона рѣчи, когда случалось говорить о чемъ-нибудь важномъ или возвышенномъ, вообще о предметахъ, выходившихъ изъ круга обыкновенныхъ [1]).

[1]) Мы знаемъ изъ воспоминаній товарищей Гоголя о томъ, что онъ и сотруд-

Digitized by Google

Нельзя отрицать, что при всей искренности сыновняго чувства у Гоголя въ выраженіи его въ дѣтскихъ письмахъ иногда замѣчается примѣсь реторики, особенно яркой своей противоположностью съ простымъ и естественнымъ тономъ остальнаго изложенія. Самая форма обращеній къ обоимъ родителямъ въ началѣ первыхъ писемъ, обыкновенно заученная, однообразно-почтительная, повидимому, представляетъ результатъ указаній и примѣра старшихъ. Интересно сравнить поздравительное письмо къ матери отъ 1 октября 1824 г., ко дню ея ангела, съ написаннымъ тогда же письмомъ къ отцу: въ противоположность совершенной простотѣ послѣдняго мы замѣчаемъ въ первомъ изысканность конструкціи и отдѣльныхъ выраженій, множество сравненій, предложенія съ фигурой единоначалія и проч. Причина ясная: письмо къ отцу было обыкновенное, будничное, а къ матери, по причинѣ ея именинъ, торжественное, праздничное.

Извѣстно, что нѣкоторыя письма Гоголя къ матери, особенно первое письмо послѣ полученія имъ извѣстія о смерти отца, многіе находили исполненными реторики. Но такъ какъ нѣтъ никакого основанія предполагать недостатокъ сыновней любви Гоголя и напротивъ есть много данныхъ и свидѣтельствъ, подтверждающихъ ее, то самое естественное и правдоподобное объясненіе замѣченнаго факта, по нашему мнѣнію, должно быть такое: резонерство и реторика, обнаружившіяся еще въ дѣтской перепискѣ Гоголя и потомъ проявлявшіяся изрѣдка въ письмахъ (въ разсужденіяхъ о многихъ отвлеченныхъ и особенно религіозныхъ и другихъ важныхъ вопросахъ), наконецъ дошедшія до поразительныхъ размѣровъ въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“, были въ сущности не чужды его натурѣ и отчасти еще очень рано усвоены Гоголемъ извнѣ, но до поры до времени сдерживались и подавлялись могучимъ талантомъ и живою юно-

пики его по изданію въ школѣ рукописнаго журнала бились изо всѣхъ силъ, чтобы писать высокимъ слогомъ („Библіогр. Зап.“, 1859, стр. 492). Профессоръ Никольскій, преподававшій русскую словесность, при своихъ воззрѣніяхъ на предметъ могъ только поощрять и поддерживать съ своей стороны это стремленіе. Самъ онъ писалъ донесенія въ конференцію по всѣмъ правиламъ реторики и, какъ преподаватель, по свидѣтельству своего собрата Кулжинскаго, за хлопотами жизни отсталъ отъ современнаго состоянія литературы и остановился на Херасковѣ и Державинѣ.

Digitized by Google

шескою впечатлительностью, пока съ наступленіемъ возраста менѣе пылкаго и легче поддающагося сухой разсудочности, въ свою очередь, не заглушили его [1]).

„Обратите вниманіе“,—говоритъ Кояловичъ—„какое сознаніе своей личности сквозитъ въ его словахъ: „*Я весьма радъ, я поставилъ для себя первымъ долгомъ, я увѣренъ!*“ какъ подобраны здѣсь всѣ нужныя слова для полной убѣдительности просьбы! какъ великолѣпно это *слѣдовательно* которымъ начинается

---

[1]) Нельзя не пожалѣть о томъ, что не сохранилось почти никакихъ, даже скудныхъ свѣдѣній о первыхъ, еще дѣтскихъ литературныхъ опытахъ Гоголя. Мы знаемъ единственно, что онъ, подобно своимъ товарищамъ, сильно заботился о высокомъ слогѣ; но намъ слишкомъ мало извѣстно о сюжетахъ, которые онъ заимствовалъ для этихъ опытовъ, и наконецъ о томъ, кому и какъ именно онъ подражалъ. Первые опыты почти каждаго дѣятеля, получающаго впослѣдствіи громкую извѣстность на литературномъ поприщѣ, состоятъ обыкновенно въ подражаніи, и иногда довольно рабскомъ, произведеніямъ предшественниковъ. Естественно, что самая любовь къ поэзіи возгорается подъ обаятельнымъ дѣйствіемъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ чтенія въ годы отрочества или ранней юности, которыя глубоко западаютъ въ молодую душу, и, возбуждаемыя страстнымъ сочувствіемъ красотамъ любимыхъ художественныхъ произведеній, сопровождаются болѣе или менѣе восторженнымъ поклоненіемъ самимъ ихъ авторамъ. Большею частью проходитъ не мало времени, пока начинающему писателю послѣ не одной невѣрной попытки удается наконецъ найти истинный путь, опредѣливъ свое истинное призваніе. Въ отношеніи къ Гоголю у насъ остается нѣкоторый пробѣлъ между самыми первыми его художественными впечатлѣніями, вынесенными впрочемъ не изъ чтенія, а изъ разсказовъ отца и изъ представленій его комедіи, и между «Луизой» Фосса, внушившей Гоголю замыселъ его идилліи: «Гансъ Кюхельгартенъ», уже передъ выпускомъ его изъ школы. Единственное мѣсто въ сочиненіяхъ Гоголя, дающее намъ возможность составить нѣкоторое представленіе о его школьныхъ опытахъ на основаніи его собственныхъ словъ, а не на сомнительныхъ и во всякомъ случаѣ недостаточно точныхъ воспоминаніяхъ товарищей, находится въ «Авторской Исповѣди»: «Первые мои опыты»,—говорилъ онъ тамъ—«первыя упражненія въ сочиненіяхъ, къ которымъ я получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванія моего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся вмѣстѣ со мной въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ“. (Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 248). Этимъ признаніемъ, между прочимъ, рѣшительно опровергается неосновательное утвержденіе г. Пащенка, гимназическаго товарища Гоголя, относившаго къ нѣжинскому періоду первые замыслы „Вечеровъ на Хуторѣ“, а равно предположеніе другого товарища его, Прокоповича, что „Гансъ Кюхельгартенъ“ принадлежитъ будто бы времени переѣзда автора въ Петербургъ.

Приведемъ здѣсь слишкомъ мало извѣстную, относящуюся къ 1826 г. замѣтку Гоголя въ альбомъ его товарища Любича-Романовича: «Свѣтъ скоро хладѣетъ

Digitized by Google

просьба, и какъ неотразимо для родительскаго сердца это *для моей пользы*, которымъ она кончается! [1]) Нѣтъ, читая это первое дошедшее до насъ письмо Гоголя, мы не ошибемся, сказавъ, что Гоголь его *сочинялъ* и на немъ пробовалъ силу своихъ творческихъ способностей. Было много причинъ, вслѣдствіе которыхъ Гоголю пришлось — хотя и безсознательно сначала,—прибѣгнуть именно въ письмахъ къ услугамъ своихъ творческихъ способностей. Одно уже различіе личныхъ интересовъ сына и родителей вслѣдствіе одной только разницы въ обстановкѣ и условіяхъ жизни и вытекающая отсюда необходимость возбуждать нужное участіе къ своимъ интересамъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, одно уже это вызвало Гоголя на особое вниманіе къ своей перепискѣ съ родными.

Но кромѣ невинной дѣтской хитрости, неизбѣжной въ извѣстный возрастъ, на то же творчество въ письмахъ вызвали и такія чувства, какъ сыновняя любовь, которая въ Гоголѣ несомнѣнно была и глубокая, и искренняя. Усиленное разлукой, это нѣжное чувство естественно искало особенно сильнаго выраженія, не удовлетворяясь обычной фразеологіей, и

въ глазахъ мечтателя. Онъ видитъ надежды, его подстрекавшія несбыточными (sic!), ожиданія неисполненными и жаръ наслажденія отлетаетъ отъ сердца... Онъ находится въ какомъ-то состояніи безжизненности. Несчастливъ, когда найдетъ цѣну воспоминанію о дняхъ минувшихъ, о дняхъ счастливаго дѣтства, гдѣ онъ покинулъ рождавшіяся мечты будущности, гдѣ онъ покинулъ друзей, преданныхъ ему сердцемъ». („Библіогр. Зап.“, 1859 г., стр. 492, сообщеніе Гербеля). Здѣсь мы видимъ несомнѣнные слѣды реторики.

Впрочемъ, что въ приложенныхъ г. Кулишемъ двухъ небольшихъ класеныхъ упражненіяхъ Гоголя мы не замѣчаемъ особенно явныхъ слѣдовъ реторики, при чемъ первое изъ нихъ напоминаетъ отчасти своимъ складомъ рѣчи нѣкоторыя позднѣйшія прозаическія статьи Гоголя изъ числа тѣхъ, которыя отличаются сравнительно болѣе естественнымъ изложеніемъ; но одно изъ нихъ касается вопроса объ апелляціяхъ изъ низшихъ инстанцій въ высшія (по русскому праву) и отличается по этому сухимъ, вполнѣ дѣловымъ тономъ, а другое, хотя и относится къ литературному вопросу о значеніи *критики* и о томъ, что требуется отъ *критики*, но оно очень коротко и притомъ слишкомъ одиночно.

[1]) Кояловичъ имѣетъ здѣсь въ виду слѣдующія слова одного изъ писемъ Гоголя къ родителямъ: „Я весьма радъ, что узналъ о благополучномъ здравіи вашемъ. Я поставилъ для себя первымъ долгомъ и первымъ удовольствіемъ молить Бога о сохраненіи безцѣннаго для меня здравія вашего. Вакаціи быстро приближаются; я не успѣлъ еще окончить всего; слѣдовательно, нужно заняться вакаціями, чтобы поспѣть съ честью во второй классъ. Учитель математики мнѣ необходимъ. Если вы будете въ Полтавѣ, то я увѣренъ, что все устроите для моей пользы“. („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 3).

Digitized by Google

сама собой являлась потребность въ реторикѣ, въ украшеніяхъ слога, что̀ также не могло обойтись безъ участія творческихъ силъ". („Московскій Сборникъ", 1887, стр. 237).

Въ приведенныхъ строкахъ покойнаго профессора усиленно обращаемъ вниманіе на выразившееся въ нихъ довѣріе къ искренности сыновнихъ чувствъ Гоголя, и еще разъ замѣтимъ, что сомнѣнія, высказываемыя въ этомъ смыслѣ въ нашей печати, представляются и намъ излишне преувеличенными.

Digitized by Google

VI.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ПИСЕМЪ ГОГОЛЯ КЪ Г. И. ВЫСОЦКОМУ.

Важнымъ дополненіемъ въ перепискѣ Гоголя съ матерью при изученіи школьнаго періода слѣдуетъ считать еще три письма къ Высоцкому [1]). Изъ переписки съ матерью мы знакомимся преимущественно съ отношеніями Гоголя къ семейной жизни и ея интересамъ, но Гоголь могъ впрочемъ избѣгать бесѣды о нѣкоторыхъ сторонахъ школьнаго быта. Однимъ изъ стѣснительныхъ и щекотливыхъ пунктовъ было враждебное отношеніе его къ школѣ, въ которомъ ему сочувствовалъ товарищъ, но которое вовсе не расположена была раздѣлять мать. Сверхъ того, ее не могъ не коробить и рѣзкій критическій взглядъ сына на окружающихъ, къ которымъ принадлежали между прочимъ люди почтенные и уважаемые.

Сближеніе Гоголя съ Высоцкимъ имѣло, несомнѣнно, нѣкоторое вліяніе на образованіе его нравственной личности: оно въ значительной степени опредѣлило характеръ его отношеній къ окружающимъ, сообщило извѣстный взглядъ на самого себя и на свои силы, наконецъ на задачи будущей своей дѣятельности. Выборъ друга, если вѣрить словамъ самого Гоголя, былъ не случайный: нравственная связь въ данномъ случаѣ основывалась на сходствѣ взглядовъ и отношеній къ окружающему міру. Такъ какъ мы знаемъ изъ собственнаго признанія Гоголя и отзывовъ его друзей о ничтожныхъ результатахъ, вынесенныхъ имъ изъ школы, то, очевидно, слѣ-

[1]) См. подробности въ брошюрѣ проф. Владимірова: „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“. Кіевъ. 1890.

Digitized by Google

дуетъ допустить важность для его развитія бесѣдъ съ немногими избранными сверстниками, посвященными въ тайны его интимнаго міра. Подъ вліяніемъ Высоцкаго зародились у Гоголя самонадѣянныя мечты о будущемъ и рѣзкое осужденіе настоящаго. Письма къ Высоцкому многое объясняютъ въ развитіи Гоголя: изъ нихъ мы узнаемъ, съ какихъ поръ у него возникло недовольство нѣжинской жизнью и какъ именно могло постепенно совершиться превращеніе его изъ безпечнаго ребенка, занятаго сперва успѣхами въ рисованіи и картинками собственнаго произведенія, и позднѣе поглощеннаго театромъ и чтеніемъ, въ молодого человѣка съ широкими замыслами и явными наклонностями къ критикѣ наблюдаемыхъ явленій.

Мы указали выше общее содержаніе писемъ Гоголя къ матери до обычнаго перерыва, наступившаго по случаю отъѣзда автора въ началѣ лѣтнихъ вакацій. Мы говорили о нетерпѣливомъ и страстномъ ожиданіи имъ писемъ изъ дому въ годъ кончины его отца. Но характеръ и степень оживленности переписки замѣтно измѣняется по возвращеніи Гоголя изъ дому въ школу осенью: насколько прежде живо и настоятельно ощущалась потребность въ обмѣнѣ мыслей и чувствъ, настолько теперь, напротивъ, съ обѣихъ сторонъ переписка становится на нѣкоторое время вялой и обыденной. Если прежде Гоголь скучалъ и томился, не получая долго извѣстій о матери; если онъ такъ живо интересовался тогда всѣмъ, что происходило дома: то теперь онъ живетъ, повидимому замкнутой жизнью, мысль его работаетъ много, но надъ такими вопросами и предметами, о которыхъ онъ не имѣлъ обыкновенія или не находилъ удобнымъ бесѣдовать въ письмахъ. Причину указаннаго факта слѣдуетъ видѣть, конечно, не въ перемѣнѣ отношеній къ матери. Гоголь попрежнему хочетъ видѣть ее, чтобы имѣть возможность лично высказать ей многое, и еще въ началѣ октября заводитъ рѣчь о предстоящемъ свиданіи на Рождествѣ. Мы видимъ напротивъ, что отношенія Гоголя къ воспитавшему его заведенію существенно измѣнились: однажды пробудившаяся въ немъ дѣятельность мысли создала теперь потребность относиться критически ко всему окружающему, стать въ сознательныя отношенія къ внѣшнему міру, не замедлила оказать свое вліяніе на весь духовный складъ даровитаго юноши.

Digitized by Google

Мы находимъ вскорѣ явные слѣды внутренней работы мысли и, какъ результатъ ея, признаки слагавшагося міросозерцанія, показывающіе, что Гоголь успѣлъ уже переступить за порогъ отрочества. Работа мысли имѣла у него въ это время преимущественно отрицательный характеръ и побудила его жадно искать чего-то лучшаго, стремиться къ перемѣнѣ условій и обстановки. Гоголь начинаетъ третировать все свысока и предъявлять чрезвычайно притязательныя требованія къ жизни.

Почти совершенное отсутствіе точныхъ фактическихъ данныхъ для разъясненія этой перемѣны въ немъ является невознаградимымъ пробѣломъ, такъ какъ даже въ воспоминаніяхъ лицъ, особенно коротко знавшихъ Гоголя въ дѣтствѣ и помнившихъ его ранніе годы, какъ мы видѣли, объ этомъ отдаленномъ времени сохранилось очень мало цѣнныхъ свѣдѣній. Въ этихъ воспоминаніяхъ болѣе или менѣе отрывочно рисуется личность даровитаго подростка, но большей частью со стороны мелкихъ школьныхъ выходокъ и продѣлокъ, при томъ иногда даже не совсѣмъ приличныхъ и неудобныхъ для пересказа въ печати. Можно только сказать вообще, что въ мальчикѣ совсѣмъ не было развито школьное самолюбіе, что онъ относился безпечно къ класснымъ занятіямъ и совершенно не заботился о томъ, не только, чтобы выдвинуться передъ товарищами пріобрѣтенными познаніями или, наконецъ, хотя бы основательностью и серьезностью развитія, но даже, чтобы занимать хорошія мѣста въ классѣ. Гоголь долго держалъ себя ребенкомъ, при чемъ рѣшительно не обращалъ въ низшихъ классахъ ничьего вниманія; ему даже отводилось не слишкомъ завидное мѣсто въ свободныхъ товарищескихъ отношеніяхъ, хотя онъ не отставалъ отъ сверстниковъ въ обыкновенныхъ мальчишескихъ проказахъ въ классахъ и дортуарахъ, вслѣдствіе чего, если и пользовался общей любовью школьниковъ, то не внушалъ къ себѣ уваженія. Надъ нимъ часто смѣялись и трунили, толкали его, получая отъ него соотвѣтствующее возмездіе въ видѣ насмѣшливыхъ прозвищъ и кличекъ... Возвращаясь изъ дому послѣ каникулъ, Гоголь встрѣчалъ обыкновенно самый радушный пріемъ и дружескія привѣтствія [1]), но,

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 31: „Я принятъ былъ, какъ самый добрый товарищъ“.

Digitized by Google

поддерживая внѣшнимъ образомъ добрыя отношенія и чувствуя себя, вѣроятно, и на самомъ дѣлѣ привольно, бодро и весело въ средѣ любимыхъ товарищей, онъ былъ все-таки не прочь пересмѣивать ихъ наединѣ съ своимъ пріятелемъ Высоцкимъ. Въ старшихъ классахъ, когда онъ сталъ думать о книгахъ, о театрѣ, о будущности, его школьная репутація сильно возвысилась, но и тогда въ немъ все-таки не предполагали ничего необыкновеннаго, хотя и находили, пожалуй, чрезвычайно мѣткими его шутки и карикатурное изображеніе имъ старшихъ. Итакъ, что же хотя въ видѣ слабаго намека обѣщало въ Гоголѣ геніальную личность еще въ отрочествѣ? Какъ проникнуть въ любопытную тайну зарожденія и постепеннаго развитія въ его душѣ тѣхъ самоувѣренныхъ надеждъ, которыя составляли главную гордость и богатство его внутренняго міра въ счастливую пору юности? Такъ какъ изъ старшихъ не нашлось никого, кто бы сумѣлъ подсмотрѣть въ немъ зарожденіе еще не опредѣлившихся и притомъ тщательно скрываемыхъ завѣтныхъ помысловъ, то тѣмъ менѣе можно было бы ожидать, чтобы въ его тайну могли проникнуть его сверстники, беззаботные юноши, и тѣмъ болѣе мальчики-школьники, думавшіе объ играхъ въ то время, когда Гоголь уже началъ загадывать о будущемъ. Единственное тогда исключеніе составлялъ Высоцкій, уже давно умершій и не оставившій никакихъ воспоминаній. Такимъ образомъ, въ одномъ изъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ вопросовъ мы остаемся всецѣло въ области гадательныхъ предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, но ни въ какомъ случаѣ не имѣющихъ значенія достовѣрныхъ фактовъ. Такъ, нельзя не признать чрезвычайно остроумными и любопытными, но далеко не несомнѣнными нѣкоторыя догадки и соображенія, высказанныя покойнымъ проф. Кояловичемъ въ его прекрасной статьѣ: „Дѣтство и юность Гоголя“. На нихъ-то пока мы и остановимся.

На только-что поставленный нами вопросъ Кояловичъ даетъ такой отвѣтъ:

„Необходимо отмѣтить одну крупную подробность того общаго плана жизни, который сложился у Гоголя наканунѣ его выхода изъ гимназіи. Этотъ планъ былъ разсчитанъ на „просторный кругъ дѣйствія“. Припомнивъ указанныя вліянія: примѣръ Трощинскаго, выборъ родителями Гоголя школы

Digitized by Google

съ широкими университетскими правами, наконецъ, вліяніе старшихъ товарищей, уѣзжавшихъ по окончаніи курса въ Петербургъ, — мы не удивимся тому размаху юношескаго честолюбія Гоголя, который выразился въ его мечтахъ о Петербургѣ“ [1]).

Исходной точкой соображеній проф. Кояловича является постоянно наблюдаемый въ обыденной жизни общеизвѣстный фактъ, состоящій въ томъ, что на воспріимчивую душу ребенка нерѣдко оказываютъ замѣтное, а иногда и неизгладимое вліяніе понятія и притязанія окружающей среды, начиная съ родителей. Что̀ признаютъ желательнымъ или необходимымъ для своихъ дѣтей родители, на то именно, въ свою очередь, въ большинствѣ случаевъ пріучаются устремлять свои раннія мечты и дѣти. Въ этомъ отношеніи, быть можетъ, является не безразличнымъ даже столь распространенное въ разговорѣ съ дѣтьми обыкновеніе обращаться къ нимъ съ шутливыми вопросами о будущемъ и съ лестными для пробуждающагося сознанія разсказами о томъ, что̀ ихъ будто бы ожидаетъ въ жизни. Заманчивыя картины будущаго счастья не безслѣдно шевелятъ дѣтское воображеніе, незамѣтно воспитывая въ юныхъ сердцахъ зародыши честолюбія. Подобныя шутки съ дѣтьми всего чаще бываютъ невиннымъ развлеченіемъ и проходятъ навсегда, какъ это изобразилъ Гоголь въ бесѣдѣ Манилова съ дѣтьми за обѣденнымъ столомъ, когда Маниловъ спрашиваетъ у одного изъ нихъ, хочетъ ли онъ быть посланникомъ; но если, напр., въ вопросѣ Манилова сказалась только обычная его комическая слабость къ пустымъ и безплоднымъ фантазіямъ, то бываетъ съ другой стороны и такъ, что ребенку вкладываютъ въ голову болѣе осуществимыя мечты, и тогда онъ постепенно привыкаетъ къ возбужденіямъ честолюбія въ указываемомъ ему направленіи. Это случается особенно тогда, когда шутки сопровождаются искренними пожеланіями и къ нимъ примѣшивается невольный самообманъ самихъ родителей и ихъ задушевныя, горячія мечты. Итакъ, возникаетъ вопросъ: не было ли также *искусственнымъ образомъ* затронуто въ дѣтствѣ честолюбіе Гоголя подъ вліяніемъ родителей и окружающей среды? Не такимъ ли именно способомъ пріучился онъ загля-

[1]) „Московскій Сборникъ“. подъ редакціею С. Шарапова, 1887 г.. стр. 218.

Digitized by Google

дывать въ заманчивую даль будущаго и въ ней искать надежды для удовлетворенія рано подстрекаемаго честолюбія? Съ своей стороны мы отвѣтили бы на этотъ вопросъ отрицательно и указали бы скорѣе на внутреннія непостижимыя особенности геніальной натуры, какъ на главную причину рано пробудившихся въ Гоголѣ широкихъ идеаловъ и стремленій, особенно въ виду того, что, какъ уже, вѣроятно, убѣдился читатель изъ предыдущаго очерка личностей и всего склада жизни родителей Гоголя, едва ли возможно допустить, чтобы въ младенческихъ впечатлѣніяхъ нашего писателя могъ участвовать предполагаемый Кояловичемъ элементъ. Родители поэта, безъ сомнѣнія, были люди самые скромные и непритязательные, не задававшіеся никакими обширными планами и весьма далекіе отъ какихъ бы то ни было честолюбивыхъ грезъ. Въ балованномъ ребенкѣ, конечно, легче могло пробудиться честолюбіе, но на подобныхъ шаткихъ основаніяхъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ. Мы знаемъ только, что, какъ всѣ балованныя дѣти, Гоголь иногда не цѣнилъ должнымъ образомъ оказываемыя ему маленькія услуги и крупныя одолженія, но вовсе не по *эгоистической испорченности характера,* а по естественной безпечности возраста. Гоголь впослѣдствіи сильно жалѣлъ напримѣръ о томъ, что во время своего обученія въ Нѣжинѣ онъ позволялъ себѣ „нужды не по своему состоянію“, потому что не догадывался, какой цѣной все это доставалось. Но мы ничего не знаемъ о возбужденіи въ Гоголѣ такого именно самолюбія, на какое намекаетъ Кояловичъ. По тѣмъ же соображеніямъ мы не можемъ согласиться и съ другимъ предположеніемъ Кояловича, что будто, отдавая мальчика въ гимназію высшихъ наукъ, отецъ Гоголя задавался болѣе или менѣе опредѣленными планами, именно о будущей его карьерѣ и значеніи въ обществѣ. Дѣло было, какъ мы думаемъ, гораздо проще. Конечно, родители желали доставить сыну по возможности хорошее образованіе, особенно услышавъ лестную рекомендацію для заведенія изъ устъ предводителя дворянства; но приписываемое имъ желаніе „увидѣть сына по окончаніи курса съ правами университета“ очень мало соотвѣтствуетъ понятіямъ и требованіямъ тѣхъ патріархальныхъ временъ и самой непритязательности скромной помѣщичьей среды, которую съ столь же рискованнымъ преувеличеніемъ

Digitized by Google

въ другую сторону иные хотятъ сравнивать во всѣхъ подробностяхъ съ средой старосвѣтскихъ помѣщиковъ, заходя въ этомъ направленіи иногда слишкомъ далеко. Самое приведенное нами выраженіе Кояловича отзывается, повидимому, заботами людей современнаго намъ общества....

Но въ высшей степени мѣтко и основательно, по нашему мнѣнію, указалъ Кояловичъ на вѣроятное дѣйствіе на отроческую душу Гоголя примѣра поразительной яркости въ почти баснословномъ возвышеніи Д. Пр. Трощинскаго изъ простыхъ казачьихъ мальчиковъ на высшій постъ въ государствѣ. На глазахъ ребенка-Гоголя Д. П. Трощинскій со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ величайшимъ благоговѣніемъ; его боготворили, признавая благодѣтелемъ цѣлаго края; ему всюду расточали искреннія похвалы и подобострастную лесть въ глаза и заочно. Да и не въ одномъ только мнѣніи не знающаго жизни отрока, но и въ общемъ убѣжденіи Трощинскій являлся выдающейся личностью въ цѣлой Украйнѣ. Слова, сказанныя Гоголемъ-юношей одной изъ знакомыхъ С. В. Скалонъ [1]), передъ отъѣздомъ въ Петербургъ по окончаніи курса въ Нѣжинѣ, что она или ничего о немъ не услышитъ, или узнаетъ что-нибудь очень хорошее, — эти слова ясно доказываютъ, что въ его воображеніи давно носилось восторженное представленіе объ ожидающемъ его впереди выдающемся значеніи и славѣ; а если представленіе это было между прочимъ внушено какимъ-нибудь живымъ примѣромъ, то, конечно, такимъ образцомъ въ мечтахъ его ранняго дѣтства могъ быть только Д. П. Трощинскій, котораго одно имя произносилось, многими какъ святыня. И въ самомъ дѣлѣ, въ дѣтскихъ письмахъ Гоголя есть несомнѣнныя подтвержденія того, что общее безграничное благоговѣніе къ Трощинскому въ первые годы своей школьной жизни раздѣлялъ и нашъ поэтъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что золотыя грезы юности были если не навѣяны, то, по крайней мѣрѣ, подогрѣты упомянутымъ всеобщимъ глубокимъ преклоненіемъ предъ личностью высокопоставленнаго родственника и друга дома родителей Гоголя, заслужившаго личными дарованіями и честнымъ трудомъ завидный всеобщій почетъ. „Примѣръ живой и поразительный“ — справедливо замѣчаетъ Кояловичъ, „по-

---

[1]) „Историч. Вѣстникъ“, 1891, V, 363.

Digitized by Google

разительный для мальчика, одареннаго воображеніемъ и честолюбіемъ Гоголя. Быть можетъ, родители его и не дерзали указывать на своего знаменитаго родственника, какъ на примѣръ для ихъ сына; но едва ли будетъ ошибочно предположить, что этотъ примѣръ сталъ занимать мысли Гоголя еще въ очень раннюю эпоху его развитія“ [1]).

Прибавлю еще, что преувеличеннымъ представляется мнѣ также домыслъ названной статьи,—что на отроческую душу Гоголя имѣли сильное вліяніе слышанныя имъ преданія казацкой старины, въ которыхъ небольшая роль досталась на долю его ближайшихъ предковъ. Правда, какъ мы видѣли, украинскія лѣтописи сохранили извѣстія объ Остапѣ Гоголѣ, но семейныя преданія едва ли восходили далѣе дѣда великаго писателя, судя по тому, что нынѣ здравствующія сестры его вполнѣ равнодушны къ загадочной и мало извѣстной личности Остапа, да и не убѣждены даже въ своемъ происхожденіи отъ него...

Но возвращаемся къ прерванному разсказу.

Чѣмъ притязательнѣе становились замыслы Гоголя, тѣмъ на бо̀льшее число лицъ распространялось его критическое отношеніе. Случалось даже, что искреннее и глубокое уваженіе Гоголя-ребенка замѣнялось насмѣшками и презрѣніемъ Гоголя-юноши. Въ большинствѣ лицъ, съ которыми приходилось сталкиваться Гоголю въ Нѣжинѣ, онъ начиналъ видѣть людей ничтожныхъ, ограниченныхъ, мѣтко названныхъ въ письмѣ къ Высоцкому, „существователями“: очевидно, зоркій глазъ подростка научился уже замѣчать въ старшихъ многое, чего не замѣчали сверстники. О самомъ Нѣжинѣ Гоголь отзывается большею частью холодно: „я осиротѣлъ и сдѣлался чужимъ въ пустомъ Нѣжинѣ“, пишетъ онъ: „я иностранецъ, забредшій въ чужбину искать того, что̀ находится только въ одной родинѣ“ [2]) и проч.

Мы не знаемъ, какія причины могли заставить Гоголя совершенно перемѣнить свое мнѣніе и характеръ отношеній къ Орлаю, о которомъ онъ прежде отзывался всегда дружелюбно; но перемѣна эта была такъ рѣзка, что издатель пи-

---

[1]) „Московскій Сборникъ“, изд. Шарапова, 1887, стр. 212.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, ст. 55; ср. такой же отзывъ на стр. 35, также на стр. 59.

Digitized by Google

семъ Гоголя рѣшился даже скрыть имя Орлая во многихъ мѣстахъподъ условной французской литерой (SS. [1])—Въ первый разъ проявляется у Гоголя чувство досады на Орлая по по-

[1]) Мы встрѣчаемся здѣсь съ вопросомъ нѣсколько запутаннымъ и важнымъ для установленія взгляда на личность самого Орлая, имѣвшаго большое вліяніе на внутреннюю жизнь гимназіи высшихъ наукъ. „Докторъ Орлай былъ человѣкъ чрезвычайно добросовѣстный, дѣльный и высокообразованный, искренно заботившійся о благѣ заведенія и умѣвшій вести дѣло". Такъ характеризуетъ его проф. Лавровскій въ своей статьѣ, основанной на изученіи документовъ, такимъ выставляютъ его всѣ лица, помнящія его дѣятельность, при чемъ особенный интересъ представляетъ отзывъ о немъ Кукольника въ біографіи, составленной для изданія Кушелева-Безбородко, подъ названіемъ „Лицей князя Безбородко". Между тѣмъ, съ другой стороны и слова Гоголя о ненормальномъ состояніи пансіона при Орлаѣ подтверждаются несомнѣнными данными, указанными въ той же нѣсколько разъ названной статьѣ г. Лавровскаго. Мало того, распущенность пансіона, должно быть, была въ самомъ дѣлѣ невообразимая, если принять во вниманіе, что она больше всего и послужила причиной послѣдовавшаго черезъ нѣсколько лѣтъ закрытія или, правильнѣе, преобразованія гимназіи высшихъ наукъ. Какъ согласить эти противорѣчія? Справедливость требуетъ сказать, что этотъ вопросъ не съ достаточной ясностью и убѣдительностью разработанъ г. Лавровскимъ. Принимая съ ограниченіями хвалебные отзывы Кукольника, справедливо называя ихъ гиперболическими, г. Лавровскій принимаетъ, однако, за подтвержденіе ихъ въ сущности такое обстоятельство, которое скорѣе могло бы возбудить подозрѣніе въ томъ, что, при всемъ своемъ тактѣ и преданности дѣлу, Орлай, все же, не только не добился образцоваго порядка въ заведеніи, но не могъ даже прочно установить сколько-нибудь нормальной школьной дисциплины, такъ что, тотчасъ же по его выходѣ, въ пансіонѣ обнаружилась страшная распущенность, которую онъ, вѣроятно, только умѣлъ своимъ авторитетомъ сдерживать въ приличныхъ границахъ, чего не удалось послѣ сдѣлать менѣе опытнымъ и, весьма вѣроятно, менѣе способнымъ его преемникамъ. Да и при немъ дѣло доходило до того, что неблагопріятные слухи и отзывы о поведеніи вольноприходящихъ учениковъ сильно озабочивали почетнаго попечителя и окружное начальство, тѣмъ болѣе, что мѣстное дворянство, мнѣніемъ котораго гимназія должна была дорожить, такъ какъ это мнѣніе могло отразиться на количествѣ пансіонеровъ, не было въ состояніи отдѣлять пансіонеровъ отъ вольноприходящихъ. Наконецъ audiatur et altera pars: проф. Никольскій имѣлъ какое-нибудь основаніе задѣвать бывшаго директора, рѣшаясь бросать свои ядовитые намеки. Проф. Бѣлоусовъ, принимая должность инспектора, говоритъ, что онъ долго отказывался отъ нея, предвидя, сколько непріятностей и труда предстоитъ ему перенести при такомъ состояніи пансіона, когда воспитанники бродили толпами по трактирамъ и по подозрительнымъ мѣстамъ. Главными распространителями безпорядковъ, по словамъ г. Лавровскаго, были вольноприходящіе ученики еще до пріѣзда Орлая, но при немъ не оказывалось большихъ безпорядковъ между вольноприходящими. Какъ бы то ни было, въ нѣсколько лѣтъ своего директорства Орлаю удавалось только прикрывать и сдерживать безпорядки, но не устранить совсѣмъ. И онъ, имѣя въ виду спасе-

Digitized by Google

воду отсрочки экзамена. „У насъ, гдѣ ничего нѣтъ постояннаго“, пишетъ онъ, „вздумалось *господину директору* отложить

ніе школы, даже долженъ былъ просить Бѣлоусова со слезами на глазахъ принять на себя бремя управленія ею. Наконецъ вѣскимъ подтвержденіемъ нашего предположенія о недостаточности умѣнія Орлая вести дѣло можетъ служить именно то, что поведеніе пансіонеровъ видимо начинаетъ измѣняться къ худшему вслѣдъ за отъѣздомъ Орлая изъ Нѣжина (лѣтомъ 1826 г.), когда въ пансіонѣ возникаетъ какое-то тревожное настроеніе, жалобы пансіонеровъ поднимаются одна за другой и пр. „Можно даже допустить, что предоставленная прежде пансіонерамъ свобода“,—говоритъ г. Лавровскій,—„не вполнѣ соотвѣтствовала ихъ возрасту, что бывали случаи злоупотребленія этой свободой, что совокупность этихъ случаевъ бросала тѣнь на порядки, заведенные въ гимназіи; но не подлежитъ сомнѣнію то, что общее состояніе пансіона при Орлаѣ было вполнѣ благонадежно; что авторитетъ Орлая, уваженіе и расположеніе къ нему и учащихъ и учащихся устраняли тотъ вредъ, который при другихъ условіяхъ могъ бы произойти отъ частыхъ послабленій, отъ излишней иногда снисходительности директора“ (стр. 146). Г. Лавровскій предполагаетъ далѣе, что обвиненія противъ Орлая начались особенно чрезъ два года послѣ его выхода, во время возгорѣвшейся борьбы между двумя враждебными партіями профессоровъ. Но изъ писемъ Гоголя мы видимъ обратное и притомъ размѣры распущенности, указанные людьми, обвинявшими Орлая, даже въ случаѣ сильныхъ преувеличеній, должны же были имѣть какое-нибудь основаніе и быть до извѣстной степени правдоподобными, иначе вѣдь они были бы просто не мыслимы. Но особенно, какъ согласить съ похвалами Орлаю непріязненные отзывы о немъ Гоголя тотчасъ по оставленіи Орлаемъ школы?. Если взглядъ Гоголя былъ не одиночнымъ явленіемъ,—(а почему бы Гоголю, всегда относившемуся прежде съ любовью къ своему начальнику, вдругъ одному и безъ всякихъ причинъ перемѣниться къ Орлаю, тогда какъ съ нимъ-то Орлай обходился особенно дружески: тутъ всего вѣроятнѣе вліяніе установившагося общаго мнѣнія товарищей), — то вѣдь уже въ этомъ можно видѣть нѣкоторое противорѣчіе словамъ Кукольника и затѣмъ повторяющаго эти слова г. Лавровскаго. Все это остается неяснымъ, и если справедливо то, что „Орлай былъ человѣкъ весьма дѣльный и образцовый педагогъ, вполнѣ преданный дѣлу“, наконецъ человѣкъ съ большимъ тактомъ, то все-таки онъ могъ быть далеко не безукоризненнымъ администраторомъ; можетъ-быть, въ его управленіи были и недостатки: иначе не могла бы вдругъ явиться распущенность пансіона по его выходѣ въ такой степени, въ какой ее представляли въ своихъ заявленіяхъ нѣкоторые члены конференціи; вѣдь порочность не можетъ въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца отъ немногихъ вольноприходящихъ охватить всю массу воспитанниковъ, да еще въ добавокъ во время мѣсяцевъ лѣтнихъ, вакаціонныхъ, когда большинство изъ нихъ разъѣхалось по домамъ, — и наконецъ откуда же все-таки неблагопріятный отзывъ Гоголя? Неудовлетворительность нравственнаго уровня воспитанниковъ признаетъ и Орлай въ письмѣ къ Бѣлоусову, къ которому Гоголь отнесся съ такимъ сочувствіемъ, какъ въ приведенныхъ выше строкахъ, такъ въ нѣкоторыхъ другихъ письмахъ. Орлай, напр., самъ былъ недоволенъ поведеніемъ вольноприходящихъ, содержимыхъ на частныхъ квартирахъ и пользовавшихся чрезмѣрной свободой при отсутствіи разумнаго руководства и надлежащаго нравственнаго вліянія.

Digitized by Google

экзаменъ и сегодня насъ объ этомъ увѣдомили“ [1]). По отъѣздѣ Орлая директоромъ въ Одессу въ Ришельевскій музей, Гоголь отзывается о немъ еще враждебнѣе: „Директоръ нашъ отправился въ Одессу! Теперь мы одни; однакожъ теперь все приняло другой порядокъ: пансіонъ сталъ улучшаться“ [2]) и проч.

Интересна также перемѣна отношеній Гоголя къ Трощинскому. При первыхъ попыткахъ отнестись критически къ людямъ Гоголь долженъ былъ, конечно, составить какія-нибудь представленія положительнаго характера о немногихъ лицахъ, которыя были въ его глазахъ образцами. Къ такимъ людямъ, безъ сомнѣнія, онъ продолжалъ нѣкоторое время относить Трощинскаго, который представлялся ему человѣкомъ, принесшимъ въ болѣе или менѣе широкомъ смыслѣ пользу обществу, имѣвшимъ высокія и достойныя разумнаго существа стремленія и цѣли въ жизни. Недаромъ онъ называлъ его не иначе, какъ благодѣтелемъ Малороссіи, раздѣляя такое мнѣніе съ цѣлымъ краемъ, гдѣ Трощинскаго единодушно признавали даровитымъ и полезнымъ государственнымъ человѣкомъ.

Для Гоголя дружескія отношенія Трощинскаго къ его семейству долго были предметомъ гордости. Но и въ примѣненіи къ этому, боготворимому прежде, человѣку едва ли не произошло въ немъ подобное же охлажденіе, какъ и къ Орлаю. Правда, перемѣна во взглядахъ на него не была такою рѣзкою и при бѣгломъ чтеніи переписки можетъ остаться незамѣченною, но она окажется ясною при сопоставленіи нѣсколькихъ отрывковъ изъ писемъ, раздѣленныхъ не особенно значительнымъ промежуткомъ времени. Какъ далеки въ письмахъ къ Косяровскимъ (см. V т. соч. Гог., изд. Кулиша и „Русскую Старину“ 1876, 1) подтруниванія и насмѣшливые отзывы надъ кибинцскими обитателями и надъ самой жизнью въ Кибинцахъ отъ бывалаго восторженнаго преклоненія передъ Трощинскимъ, котораго еще годъ назадъ Гоголь называлъ заочно не иначе, какъ великимъ человѣкомъ и его превосходительствомъ. „Въ часы тоски и радости буду вспоминать то время“, пишетъ онъ Петру Пе-

[1]) „Соч. и письма Гоголя“. т. V, стр. 34.

[2]) Тамъ же, стр. 37.

Digitized by Google

тровичу Косяровскому, когда мы составляли дружное семейство и собирались къ домашнему незатѣйливому обѣду гораздо веселѣе и съ бо̀льшимъ аппетитомъ, нежели въ Кибинцахъ къ тамошнему разноблюдному“ [1]). Если это мѣсто можетъ показаться недостаточно подтверждающимъ нашу мысль, хотя въ тонѣ его уже проскользнула легкая насмѣшка, то еще замѣтнѣе проявляется она въ письмѣ слѣдующихъ строкахъ къ Павлу Петровичу Косяровскому: „Ну, а тѣмъ“ (пропущено нѣсколько неудобныхъ для печати словъ) „кибинцскимъ чего тамъ выть на насъ? вѣдь мы же сказали имъ, что скоро будемъ“ [2]) и проч., и дальше: „располагаете ли быть въ Кибинцахъ, хотя, думаю, нескоро васъ туда залучатъ!“ Интересъ къ Кибинцамъ еще сохранился (Гоголь неоднократно спрашиваетъ послѣ о томъ, что̀ дѣлается въ Кибинцахъ), но куда дѣвалось прежнее безусловное благоговѣніе къ Дмитрію Прокофьевичу, выражавшееся бывало въ застѣнчивомъ желаніи „преподнести его превосходительству не эфемерную мелочь, а сочиненіе, достойное просвѣщеннаго вниманія вельможи, благодѣтеля Малороссіи“ [3]). Мы не знаемъ, что̀ было причиной слегка непріязненной насмѣшливости къ кибинцскимъ обитателямъ въ дядяхъ Гоголя, которые своимъ примѣромъ могли подавать поводъ къ подобнымъ же выходкамъ со стороны юнаго племянника; но для насъ важна уже самая возможность со стороны послѣдняго до нѣкоторой степени отрицательнаго отношенія къ лицу, возбуждавшему въ немъ прежде безграничное благоговѣніе... Послѣ перемѣны къ Орлаю и Трощинскому неудивительно, что большинство людей, съ которыми приходилось встрѣчаться Гоголю, не говоря уже о товарищахъ-ученикахъ, стали казаться ему достойными одного презрѣнія. Происходившая вслѣдствіе этого необщительность со многими и вызываемое ею недовольство были, вѣроятно, причиною нѣкоторыхъ невыгодныхъ и даже враждебныхъ отзывовъ о Гоголѣ наставниковъ и бывшихъ товарищей. Такъ г. Артыновъ утверждаетъ даже,

---

[1]) „Русск. Стар.“, 1876, I, 40. – Вѣроятнѣе всего можно предположить, что Гоголя оскорбило невниманіе Трощинскаго къ его матери, когда къ его пріѣзду дѣлались большія приготовленія, а между тѣмъ „его высокопревосходительство“ не благоволилъ пріѣхать (тамъ же, стр. 43).

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 65 и 66.

[3]) Тамъ же, стр. 66.

Digitized by Google

что Гоголь казался въ школѣ просто посредственностью („Русск. Арх.“, 1877, стр. 191). Очевидно, большинству товарищей задушевныя думы его оставались неизвѣстными (о наставникахъ здѣсь по различію возраста и многолюдства школы не можетъ быть и рѣчи), между тѣмъ какъ они были открыты лишь немногимъ избраннымъ. Наконецъ, можно допустить и то, что развитіе Гоголя было позднее, хотя и быстрое[1])...

Задатки будущаго блестящаго дарованія Гоголя проявлялись еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, но преимущественно въ рѣдкой наблюдательности и еще развѣ въ наклонности къ юмору, выражавшемуся въ искусствѣ мастерски подражать голосу и манерѣ, самому способу и характеру выраженій знакомыхъ. Но эта способность, доходившая у него до замѣчательнаго мастерства, направленная пока только на забаву,— даже большинству товарищей могла казаться совсѣмъ не важнымъ преимуществомъ, а наставникамъ, вѣроятно, и казалась именно однимъ изъ проявленій того „шутовства“, въ которомъ Гоголь былъ ими замѣчаемъ неоднократно. Наблюдательность его также могъ замѣтить и оцѣнить далеко не всякій, да она и значеніе-то въ настоящемъ смыслѣ получила уже въ то время, когда Гоголь сталъ пользоваться въ своихъ сочиненіяхъ пріобрѣтеннымъ при помощи ея богатымъ матеріаломъ, а для послѣднихъ уже, безъ сомнѣнія, очень пригодился даже запасъ свѣжихъ впечатлѣній дѣтства, не только юности. Совокупность всѣхъ указанныхъ соображеній, кажется, достаточно убѣждаетъ насъ въ томъ, что для обыкновеннаго, непроницательнаго взгляда Гоголь долженъ былъ казаться сначала заурядным ребенкомъ. Въ душѣ его было, конечно, много задатковъ, свойственныхъ геніальной личности, но пока они дремали и не были вызваны къ жизни, они оставались тайной для людей непроницательныхъ... Изъ всѣхъ лицъ, которыя оставили воспоминанія о дѣтствѣ (соб. школьномъ возрастѣ) Гоголя, одинъ г. Пашковъ, въ небольшой газетной статьѣ въ „Берегѣ“, утверждаетъ, что способности его проявлялись въ немъ тогда очень замѣтно и въ особенности онъ

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, мы долго не находимъ въ отроческихъ письмахъ яркихъ проблесковъ геніальности Гоголя, которыя свидѣтельствовали бы о раннемъ развитіи его душевныхъ силъ, подобно тому, какъ, напр., мы имѣемъ много данныхъ, чтобы убѣдиться въ замѣчательно раннемъ развитіи Лермонтова.

Digitized by Google

отличался юморомъ. Но сообщенныя имъ свѣдѣнія слишкомъ мелочны и, очевидно, не имѣютъ серьезнаго значенія, да и самъ авторъ, передающій ихъ съ чужихъ словъ (одного изъ школьныхъ товарищей Гоголя), сознается, что недостаточно быть только лично знакомымъ съ писателемъ или быть его школьнымъ товарищемъ, чтобы вѣрно охарактеризовать его, и справедливо прибавляетъ, что *знать* человѣка и *узнать*—большая разница. Г. Пашковъ сообщаетъ преимущественно незначительныя подробности о школьныхъ продѣлкахъ Гоголя, о томъ, какъ онъ умѣлъ хорошо притворяться, неподражаемо разыграть какую-угодно роль, какъ онъ иногда руководилъ шалостями. Такъ, будто Гоголь умѣлъ организовать систематически-шутливое преслѣдованіе искусно скрываемыми шалостями противъ нелюбимаго нѣмца-надзирателя (Зельднера), любилъ устроивать разныя продѣлки надъ товарищами, особенно во вкусѣ извѣстнаго всѣмъ по „Мертвымъ Душамъ“ *гусара*. Случалось однако, что подобныя шутки принимали болѣе или менѣе непріятный характеръ по своимъ послѣдствіямъ: иногда дѣло доходило до лазарета, и тутъ-то Гоголь своими оригинальными выдумками ставилъ въ затруднительное и смѣшное положеніе Орлая, какъ доктора. Довѣрчивый, хотя и ученый, эскулапъ совершенно поддавался обману, и Гоголь торжествовалъ. Такъ, когда Гоголь вздумалъ одного изъ соучениковъ, надъ которымъ подсмѣивался, увѣрить, что у него бычачьи глаза, то ему удалось будто бы довести бѣднаго ребенка до состоянія легкаго и непродолжительнаго помѣшательства, такъ что его принуждены были даже лѣчить. Иногда также Гоголь, желая будто бы выиграть немного времени отъ учебныхъ занятій для своихъ литературныхъ упражненій, умѣлъ искусно провести своихъ наставниковъ, а однажды такъ искусно притворился бѣшенымъ, что вполнѣ сумѣлъ на нѣсколько дней убѣдить Орлая въ своемъ мнимомъ безуміи. Совершенно невѣроятно, однако, мнѣніе г. Пашкова, что Гоголь могъ уже въ то время обдумывать свои дивные „Вечера на Хуторѣ“. Всѣ извѣстныя данныя свидѣтельствуютъ о наклонности его во время школьной жизни къ стихотвореніямъ или къ напыщенной прозѣ, къ высокому слогу, да и матеріалъ, необходимый для этихъ произведеній, Гоголь, какъ извѣстно изъ фактовъ, собиралъ уже впослѣдствіи въ Петербургѣ. На заявленіе упомянутаго товарища

Digitized by Google

Гоголя слѣдуетъ смотрѣть, какъ на догадку, лишенную всякихъ основаній и сдѣланную наобумъ, тѣмъ болѣе, что другой товарищъ нашего писателя по заведенію, Кукольникъ, разсказываетъ объ этомъ гораздо правдоподобнѣе: по его словамъ, цѣль Гоголя была избѣгнуть за какой-то проступокъ наказанія розгами („Лицей, кн. Безбородко", I отдѣлъ, стр. 77). Какъ бы то ни было, продѣлка Гоголя причинила большія хлопоты и испугъ начальству и доктору, а самому Гоголю извѣстное развлеченіе.—Приведенные факты и соображенія, кажется, ясно показываютъ, насколько имѣютъ цѣны показанія г. Пашкова. Мы съ своей стороны считаемъ, какъ было уже замѣчено выше, проявленіемъ даровитости Гоголя въ раннемъ дѣтствѣ единственно умѣнье своею страстью къ театру завлечь и товарищей; это могло быть не всѣми достаточно оцѣнено, но это было въ высшей степени важно...

Въ чемъ же заключались, однако, положительные идеалы Гоголя? чего онъ искалъ и къ чему стремился въ своемъ недовольствѣ окружающими людьми и настоящимъ положеніемъ? Мы узнаемъ изъ писемъ, что цѣлью его стремленій становится въ концѣ школьной жизни полезная общественная дѣятельность въ Петербургѣ. Едва ли можно сомнѣваться, что и эти стремленія въ столицу зародились у него подъ вліяніемъ того же Высоцкаго, какъ старшаго и уважаемаго товарища, котораго сама жизнь должна была по-его возрасту раньше натолкнуть на планы и предположенія о будущемъ. „Половина нашихъ думъ уже сбылась", пишетъ ему Гоголь въ Петербургъ: „ты уже на мѣстѣ, ты ужъ имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ" [1]), читаемъ мы въ письмѣ отъ 17 января 1827 г. Такимъ образомъ чуть не одно появленіе въ Петербургѣ казалось Гоголю до нѣкоторой степени достиженіемъ цѣли: такъ много на него возлагалось надеждъ. Причину этого, кромѣ безотчетнаго юношескаго увлеченія, можно видѣть и въ привлекательности столицы для юнаго школьника, привыкшаго слышать о ней восторженные отзывы провинціаловъ. Напр., мать его „всегда интересовалась знать Петербургъ и *заочно* восхищалась имъ" [2]).

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя". т. V, стр. 44.

[2]) См. „Соч. и письма Гог.". т. V, стр. 79.

Digitized by Google

При извѣстномъ намъ настроеніи Гоголя переселеніе его друга въ столицу, въ Петербургъ, центръ умственной жизни Россіи, къ которому тогда были устремлены пламенные мечты и замыслы Гоголя, должно было, очевидно, дать новый толчокъ уже ясно обозначавшемуся направленію его мыслей. Съ этихъ поръ Петербургъ надолго, до самаго времени непосредственнаго знакомства съ нимъ, становится для юноши обѣтованной землей, съ которой было связано осуществленіе его плановъ и надеждъ. Если Нѣжинъ казался ему мертвымъ и пустымъ, то Петербургъ привлекалъ не только блестящей карьерой и заманчивой будущностью, но и полной чашей наслажденій, приготовленныхъ для него, какъ онъ думалъ, судьбой: вмѣстѣ съ осуществленіемъ идеаловъ Петербургъ долженъ былъ, казалось юному мечтателю, дать также удовлетвореніе естественному влеченію юноши пользоваться молодостью. „Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ“ [1]) и далѣе: „Какъ-то будете веселиться на масленицѣ? Ты мнѣ мало сказалъ про театръ, какъ онъ устроенъ, какъ отдѣланъ. Я думаю, ты дня не пропускаешь—всякій вечеръ тамъ. Чья музыка?...“ [2]) Убѣжденіе въ несомнѣнности блаженства предстоящей петербургской жизни доходило у Гоголя до того, что, говоря объ отдаленности срока переѣзда въ столицу, онъ съ воплемъ восклицаетъ: „Зачѣмъ намъ такъ хочется увидѣть наше счастье? Зачѣмъ намъ такъ дано нетерпѣніе“ [3]). Мы не утверждаемъ однако, что Гоголь предавался исключительно радужнымъ мечтамъ, забывая объ ожидающихъ его заботахъ и возможныхъ неудачахъ, хотя и такое увлеченіе было бы слишкомъ естественно въ его годы, но нельзя не отмѣтить, что юношеская мысль его любила останавливаться преимущественно на свѣтлыхъ сторонахъ будущаго.

Съ другой стороны, въ то же самое время, когда мечты Гоголя съ надеждой останавливались на Петербургѣ, тѣ же смутные идеалы увлекали его въ другую сторону, заставляя

[1]) Тамъ же, стр. 44—45.
[2]) Стр. 45.
[3]) Тамъ же, стр. 44.

Digitized by Google

по-временамъ переносить энтузіазмъ на проектируемую жизнь за-границей. Такая неустойчивость въ одномъ изъ существенныхъ пунктовъ составляемаго плана на будущее должна была отразиться на всемъ остальномъ. Уже по одному факту ея существованія можно смѣло утверждать, что, кромѣ одного, такъ сказать, общаго фона широкихъ замысловъ, для Гоголя еще ничего не опредѣлилось пока въ будущности, (а настоящаго своего призванія, по словамъ „Авторской Исповѣди", онъ и не подозрѣвалъ въ эти годы). Такое колебаніе было весьма естественно при совершенномъ незнакомствѣ съ идеализируемымъ міромъ и съ предполагаемой ареной дѣятельности, и самымъ наглядным образомъ характеризуетъ какъ степень умственной зависимости Гоголя отъ Высоцкаго, такъ и совершенную еще незрѣлость обоихъ. „Куда ты, туда и я" [1]), говоритъ въ одномъ письмѣ Гоголь своему другу, дѣлавшему за него смѣлые планы и предположенія, въ то время, когда его руководитель, только-что водворившійся въ Петербургѣ, но уже начинавшій, повидимому, разочаровываться въ немъ, успѣлъ составить съ своими новыми, петербургскими, товарищами проектъ заграничнаго путешествія, въ который не забылъ включить и своего нѣжинскаго пріятеля, будучи заранѣе увѣренъ въ возможности ввести его въ новый товарищескій кружокъ на правахъ самой тѣсной дружбы. Въ этой заочной рекомендаціи, въ поспѣшной готовности обѣихъ сторонъ на основаніи увѣреній посредника взаимно сблизиться и заключить братскій союзъ, наконецъ, въ быстро составленномъ широкомъ планѣ, по крайней мѣрѣ за два года до ближайшаго срока его исполненія, чрезвычайно много юношескаго, о чемъ всего краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ изумленіе самого Гоголя, конечно, еще не успѣвшаго, подобно своему другу, охладѣть къ еще неизвѣстному Петербургу. „Ты уже успѣлъ за меня и слово дать о моемъ согласіи на ваше намѣреніе (ѣхать) за-границу. Смотри только впередъ не раскаяться! можетъ быть, мнѣ жизнь петербургская такъ понравится, что я и поколеблюсь и вспомню поговорку: „не ищи того за моремъ, что сыщешь ближе" [2]). Какъ бы то ни было, съ этихъ поръ возникаютъ у Гоголя наравнѣ съ стре-

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 56.
[2]) Тамъ же.

Digitized by Google

мленіемъ въ Петербургъ такія же неопредѣленныя порыванія заграницу, и мысль о чужихъ краяхъ все чаще представляется разгоряченному воображенію юноши по мѣрѣ приближенія его къ окончанію курса. Сначала, какъ мы видѣли, Гоголь встрѣтилъ далеко не съ безусловнымъ увлеченіемъ фантазію своего друга, такъ какъ Петербургъ еще сохранялъ для него весь свой престижъ и, вѣроятно, онъ даже не противорѣчилъ тогда другу лишь потому, что боялся его огорчить отказомъ, да и дѣло шло не о близкомъ будущемъ (во всякомъ случаѣ обаяніе первой мечты было еще во всей силѣ). «Такъ ужъ и быть", пишетъ Высоцкому Гоголь,—„ты далъ слово—нужно спустить твоей опрометчивости. Только когда еще это все будетъ! Еще годъ мнѣ нужно здѣсь, да годъ, думаю, въ Петербургѣ; но, вѣроятно, безъ тебя не останусь въ немъ" [1]) и проч. Впослѣдствіи однако, Гоголь сталъ придавать этой мечтѣ бо̀льшее значеніе. Въ письмѣ къ П. П. Косяровскому (отъ 3 октября 1827 г.), открывая дядѣ свои планы, онъ выражается такъ: „Къ тому времени, когда я возвращусь домой, можетъ быть, судьба загонитъ меня въ Петербургъ, откуда наврядъ ли залучу когда-либо въ Малороссію. Да, можетъ быть, цѣлый вѣкъ достанется жить въ Петербургѣ; по крайней мѣрѣ такую цѣль я начерталъ уже издавна" [2]). Но въ письмѣ къ нему же отъ 8 сент. 1828 г. онъ говоритъ между прочимъ: „можетъ быть, попаду въ чужіе края" [3]). Такимъ образомъ мечта, зародившаяся въ головѣ Высоцкаго, хотя и бывшая плодомъ мимолетнаго увлеченія, едва ли не послужила отдаленной причиной совершенной Гоголемъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ поѣздки за-границу. Заранѣе составленное представленіе Гоголя о Петербургѣ не измѣнилось и послѣ охлаждающаго письма Высоцкаго, который, видя преждевременное ослѣпленіе своего друга и, вѣроятно, уже убѣдившись въ неосновательности его увлеченія, не счелъ нужнымъ скрывать отъ Гоголя непривлекательныхъ сторонъ петербургской жизни. Онъ, вѣроятно, указалъ на нихъ со всею правдивостью, судя по впечатлѣнію, произведенному письмомъ на читавшихъ его товарищей Гоголя.

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 56.
[2]) „Русск. Стар.", 1876 г., т. I, стр. 41.
[3]) Тамъ же, стр. 43.

Digitized by Google

Но Гоголя это письмо нисколько не поколебало: напротивъ, онъ съ презрѣніемъ отзывается о напуганныхъ товарищахъ. Онъ снова пишетъ Высоцкому: „Люблю тебя еще болѣе, чѣмъ прежде, хотя ты ужаснулъ меня чудовищами всякихъ препятствій. Но они безсильны: или странное свойство человѣка! — чѣмъ болѣе трудностей, чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ болѣе онъ летитъ туда. Вмѣсто того, чтобы остановить меня, они еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе“ [1]). Замѣчательно однако, что, какимъ эдемомъ ни представлялся Гоголю Петербургъ, перспектива разлуки съ Малороссіей ему казалось прискорбною, но въ то же время и необходимою вслѣдствіе отвращенія его къ безцѣльному, прозябательному существованію въ провинціи, и страха, что ему, доведется, быть можетъ, погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ. „Быть въ мірѣ“, говоритъ онъ, „и не означить своего существованія — это для меня ужасно!“ [2]) Вмѣстѣ съ этими пламенными мечтами принесенія всей жизни на пользу общества и родины, у Гоголя подъ вліяніемъ тѣхъ же благородныхъ побужденій и твердой увѣренности въ своихъ силахъ, возникаютъ заботы объ устройствѣ ближайшихъ родныхъ, является безкорыстное отреченіе въ ихъ пользу отъ собственныхъ правъ на наслѣдство. Подъ какими вліяніями могъ развиться такой благородный взглядъ на задачи своей жизни и что̀ могло вызвать этотъ великодушный порывъ? — вотъ вопросъ, на который трудно дать иной отвѣтъ, кромѣ предположенія о высокомъ воспитательномъ значеніи семьи, глава которой была проникнута истиннымъ религіознымъ чувствомъ и готовностью самопожертвованія для блага близкихъ...

„Но исполнить желаніе и переѣхать въ Петербургъ“ — говоритъ Кояловичъ, — „было не такъ легко, какъ это казалось въ минуты интимной товарищеской бесѣды: наканунѣ самаго выполненія этого плана вспомнились пылкому юношѣ и его обязанности къ матери и недостатокъ матеріальныхъ средствъ, вслѣдствіе котораго приходилось разсчитывать больше на свои собственныя силы, нежели на помощь изъ дома, однимъ словомъ, явились затрудненія, которыя нелегко было устранить“.

---

1) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 55.

2) „Русск. Стар.“, 1876 г., т. I, стр. 41.

Digitized by Google

Но „при всѣхъ этихъ грандіозныхъ замыслахъ, обнаруживавшихъ будущаго геніальнаго дѣятеля", замѣчаетъ авторъ извѣстной намъ статьи въ „Русской Жизни", „юность брала свое, и въ томъ же, цитированномъ уже нами, письмѣ Гоголя къ Высоцкому отъ 26 іюня 1827 г., Гоголь обращается къ своему другу съ просьбой заказать для него въ Петербургѣ портному „самому лучшему" фракъ „по послѣдней модѣ" и сообщить, какія въ Петербургѣ модныя матеріи на жилеты и панталоны и что они стоятъ.

„Мы уже указывали"—продолжаетъ авторъ„—на эту наклонность Гоголя-юноши къ щегольству („Рус. Жизнь", 1891, № 65). „По всей вѣроятности, она была довольно сильна въ немъ, если онъ, несмотря на глубоко сознанную уже имъ затруднительность своего матерьяльнаго положенія, не только не могъ ее ограничить, но даже, очевидно, поддавался ей и на удовлетвореніе ея тратилъ не малыя, по своему состоянію, суммы. Изъ не разъ цитированнаго письма его къ Высоцкому мы узнаемъ, что у него такъ много было черныхъ фраковъ, что они ему надоѣли и онъ не хотѣлъ на нихъ смотрѣть. Кромѣ указаній въ письмахъ самого Гоголя, объ этой-же наклонности его узнаемъ и отъ лицъ, знавшихъ Гоголя-юношу. Одинъ изъ наставниковъ его, Кулжинскій, сообщаетъ, что, по окончаніи курса, „Гоголь прежде всѣхъ своихъ товарищей, кажется, одѣлся въ партикулярное платье. Какъ теперь вижу его въ свѣтло-коричневомъ сюртукѣ, котораго полы подбиты были какою-то красною матеріей въ большихъ клѣткахъ. Такая подкладка считалась тогда nec plus ultra молодого щегольства, и Гоголь, идучи по гимназіи, безпрестанно обѣими руками, какъ будто не нарочно, раскидывалъ полы сюртука, чтобы показать подкладку" („Москвитянинъ", 1854, № 21). Лица, знавшія Гоголя въ первые годы по выпускѣ его изъ гимназіи, тоже подмѣтили въ немъ эту черту. По словамъ Лонгинова, познакомившагося съ Гоголемъ въ 1831 г., костюмъ послѣдняго представлялъ рѣзкую противоположность щегольства и неряшества („Современ.", 1854, XLIV, № 3, стр, 86). С. Т. Аксаковъ, разсказывая о первомъ визитѣ къ нимъ Гоголя въ 1832 г., тоже замѣчаетъ, что „въ платьѣ Гоголя примѣтна была претензія на щегольство" („Рус. Арх.", 1890, VIII, 6).

Digitized by Google

VII.

ОКОНЧАНІЕ ГОГОЛЕМЪ КУРСА ВЪ НѢЖИНѢ И ПЕРЕѢЗДЪ ЕГО ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ послѣдніе мѣсяцы 1827 года Гоголь дѣятельно принимается за приготовленія къ предстоящему выпускному экзамену, представлявшемуся ему въ то же время и бременемъ необходимаго, но тягостнаго, отчета за годы, проведенные въ школѣ, и послѣднимъ желаннымъ разсчетомъ со школой, за стѣнами которой передъ нимъ открывалась заманчивая перспектива свободной и полезной жизни, безпрепятственнаго стремленія къ осуществленію давно лелѣемыхъ мечтаній и идеаловъ, возможности труда для пользы общей въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, какіе ему начертало пылкое юношеское воображеніе и высокое мнѣніе о своихъ силахъ. Теперь онъ долженъ на время подавить въ себѣ все, что привлекало его вниманіе, и, отложивъ мечты о будущемъ, углубиться въ запоздалыя занятія элементарными учебными курсами,—и онъ работаетъ упорно, не позволяя себѣ ни отдыха, ни развлеченій. Конечно, въ этой сосредоточенной по-неволѣ работѣ нельзя еще видѣть ничего особенно важнаго, но это была въ жизни юноши едва ли не первая напряженная дѣятельность, продолжавшаяся почти безъ перерывовъ цѣлые мѣсяцы; это была уже серьезная проба его силъ и энергіи.

Нѣжинскія письма Гоголя оканчиваются въ исходѣ мая 1828 года; послѣднее письмо помѣчено 30 числомъ этого мѣсяца. Въ коротенькой записочкѣ Гоголь вторично съ досадой извѣщаетъ объ отсрочкѣ экзамена, послѣ котораго онъ проситъ выслать за собой лошадей, назначая срокомъ для

Digitized by Google

ихъ прибытія 25 іюня, что̀ совершенно совпадаетъ со свѣдѣніями о времени окончанія учебнаго года, заключающимися въ оффиціальныхъ документахъ гимназіи высшихъ наукъ. Наступившій затѣмъ перерывъ въ перепискѣ Гоголя съ матерью продолжается болѣе полугода, до самаго отъѣзда его въ Петербургъ. Изъ двухъ, трехъ писемъ къ Петру Петровичу Косяровскому, единственныхъ, которыя относятся къ этому времени, мы узнаемъ, что, кромѣ приготовленія и сборовъ въ Петербургъ, мысли Гоголя были тогда также поглощены заботами объ обезпеченіи матери и объ устраненіи отъ нея, насколько возможно, тяжелаго гнета незавидной матеріальной обстановки и вѣчныхъ мелочныхъ невзгодъ, которыхъ, конечно, не мало выпадало на ея долю, при незначительныхъ средствахъ довольно многолюдной семьи. Тутъ, какъ и прежде, Гоголь является преданнымъ и нѣжно-заботливымъ сыномъ, старающимся, чѣмъ возможно, облегчить положеніе матери и внутренно упрекающимъ себя за невольныя безпокойства, которыя ему нерѣдко приходилось причинять ей. Особенно интересно въ указанномъ отношеніи письмо отъ 8 сентября 1828 года [1]), почти исключительно посвященное заботамъ о матери, такъ что даже предположенія юноши о собственномъ будущемъ отступаютъ здѣсь на второй планъ. Это письмо въ то же время можетъ дать намъ извѣстную основу для сужденія объ интересахъ, привлекавшихъ тогда его вниманіе, и служитъ для ближайшаго ознакомленія съ отношеніями его къ любимому дядѣ. Серьезный тонъ и содержаніе письма ясно заставляютъ насъ предполагать, что именно этого дядю уважалъ Гоголь больше другихъ несомнѣнно любимыхъ имъ родственниковъ; именно этому дядѣ Гоголь иногда рѣшался повѣрять свои планы и мечты, именно съ нимъ онъ бесѣдовалъ о вещахъ, имѣвшихъ для него особенное значеніе. Неожиданно узнавъ о предположеніи Петра Петровича оставить Малороссію, племянникъ съ любовью упрекаетъ его за то, что тотъ имѣлъ намѣреніе покинуть родныхъ, которые его такъ любили, которыхъ онъ привязалъ къ себѣ, какъ будто только для того, чтобы потомъ разлука съ нимъ причинила послѣднимъ тяжкую печаль; умоляетъ его отмѣнить „грозное рѣшеніе“ и пріѣхать опять въ Васильевку,

[1]) „Русск. Стар.“, 1876, I, 43—45.

Digitized by Google

чтобы по отъѣздѣ Гоголя въ Петербургъ быть матери его „ангеломъ-утѣшителемъ“ [1]). Не для того только, чтобы высказаться подъ вліяніемъ потребности излить накипѣвшія чувства, не съ просьбой о совѣтѣ обращается къ дорогому дядѣ этотъ *скрытный* человѣкъ, *открывая* ему на этотъ разъ то, что̀ было на душѣ: нѣтъ, онъ хочетъ, напротивъ, какъ бы выбрать дядю только сотрудникомъ въ исполненіи задуманнаго предположенія. Здѣсь уже сказывается извѣстная самостоятельность характера, привычка свободно, на собственный страхъ, распоряжаться своими дѣйствіями и даже привлекать старшихъ къ осуществленію своихъ плановъ; мы, очевидно, застаемъ Гоголя на той степени развитія, когда онъ былъ уже далеко не тѣмъ неопытнымъ юношей, почти ребенкомъ въ отношеніи жизненнаго опыта, какимъ онъ можетъ показаться намъ, если мы односторонне обратимъ вниманіе лишь на заглазное преждевременное увлеченіе его неизвѣданною и потому еще болѣе заманчивой петербургской жизнью. Не менѣе важно обратить вниманіе здѣсь и на ту раннюю практичность Гоголя, хотя и имѣвшую источникомъ своимъ искреннюю любовь и заботы о матери, которыя выразились въ его планѣ относительно собственныхъ дѣйствій для обезпеченія послѣдней. Собираясь оставить, можетъ быть навсегда, Малороссію для Петербурга и замышляемой въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ поѣздки за-границу, а, можетъ быть, даже жизни тамъ, которая, какъ казалось молодому мечтателю, могла продолжаться нѣсколько лѣтъ, такъ что о немъ, можетъ быть, долго „не будетъ ни слуху, ни духу“ [2]),— выраженіе это два раза повторено въ разсматриваемомъ письмѣ,—Николай Васильевичъ отказывается въ пользу матери отъ своей доли наслѣдства и даже принимаетъ мѣры, чтобы его наслѣдники, подъ которыми онъ подразумѣваетъ здѣсь между прочимъ любимыхъ сестеръ, не лишили ея мѣста, гдѣ она могла бы преклонить голову. „Почемъ знать, каковы

---

[1]) Любопытно, что Гоголь опасался особенно корыстныхъ притязаній на часть имѣнія его матери со стороны какого-то священника о. Меркурія. По словамъ Анны Васильевны Гоголь, фамилія священника была Яновскій. На стр. 141 V-го тома „Сочиненій и писемъ Гоголя“ упоминается сынъ его, Степанъ Меркурьевичъ.

[2]) „Русск. Стар.“, 1876, I. стр. 43 и 44.

Digitized by Google

еще будутъ мои сестры!“ [1])—вотъ какое восклицаніе вырывается изъ его любящей души подъ вліяніемъ заботъ о матери. Нѣжность къ ней доходитъ у него наконецъ до того, что, по собственному сознанію, „его не беретъ охота возвращаться изъ Петербурга“ (Гоголь говоритъ о предположеніяхъ своихъ на счетъ будущаго) „когда-либо домой, особенно бывши нѣсколько разъ свидѣтелемъ, какъ эта необыкновенная мать бьется, мучится, иногда даже о какой-нибудь копѣйкѣ, какъ эти безпокойства убійственно разрушаютъ ея здоровье“ [2]). Это обстоятельство, слѣдовательно, служило еще лишней причиной стремленія его вонъ изъ дома, вонъ изъ Малороссіи [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 44.

[2]) Стр. 43.

[3]) Догадываясь о содержаніи этого письма Гоголя къ его дядѣ, Марья Ивановна писала въ то же самое время тому же Петру Петровичу Косяровскому о великодушныхъ намѣреніяхъ сына слѣдующее:

«Я не читала Николино письмо къ вамъ; онъ принесъ его ко мнѣ уже запечатаннымъ, и даже некогда было мнѣ спросить, что̀ онъ писалъ. Дай Богъ, чтобы онъ былъ добръ и при томъ здоровъ и счастливъ. Онъ очень благоразумно ведетъ себя въ его лѣта... Не знаю, что̀ Богу будетъ угодно устроить дальше; повинуюсь во всемъ Его святой волѣ. Я догадываюсь, не писалъ ли мой Никоша къ вамъ на счетъ имѣнія. Онъ говоритъ, — не помнитъ, что̀ писалъ. Назадъ тому мѣсяца два онъ меня удивилъ, убѣждая позволить записать мнѣ свою часть имѣнія, увѣряя притомъ, что это будетъ полезно и даже необходимо для спокойной моей жизни, на случай, если я не буду имѣть добрыхъ зятей, а онъ, можетъ быть, будетъ слишкомъ далеко отъ меня, и симъ поступкомъ тронулъ меня до слезъ... Какъ пріятны были тогда слезы! Дай Богъ, чтобы всѣ добрые въ такихъ только обстоятельствахъ проливали ихъ».

Вотъ еще интересные отрывки изъ писемъ Марьи Ивановны Косяровскому о сынѣ:

«Никоша мой имѣетъ чинокъ въ рангѣ университетскихъ студентовъ 14 класса. Съ нимъ несправедливо поступили, такъ же, какъ и съ другими, въ его отдѣленіи бывшими, по причинѣ партій ихъ наставниковъ. Ему слѣдовало получить 12 классъ, но онъ нимало не въ претензіи, тѣмъ болѣе, что объ партіи сказали, что онъ достоинъ былъ получить даже 10 классъ, когда бы былъ плохъ онъ въ томъ училищѣ, а 12 по всѣмъ правамъ должно было ему дать (?!) Главное, что надобно было болѣе ласкаться къ нимъ, а онъ никакъ не могъ сего сдѣлать»....

Передъ самымъ отъѣздомъ Гоголь писалъ П. П. Косяровскому:

«Отъѣзжая уже въ свою дорогу, почитаю обязанностью и долгомъ проститься съ вами, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ, и благодарить васъ за вашу пріязнь, за ваше дружеское расположеніе, за вашу помощь всѣмъ намъ, которую всегда готово было оказывать ваше рѣдкое сердце, наконецъ, пожелать вамъ возможнаго счастья и достойнѣйшей награды за добродѣтель. Неугасимо

Digitized by Google

Впрочемъ, по мнѣнію покойнаго Кояловича, „успокоивая и обезпечивая дядю насчетъ „своей участи“, Гоголь, въ сущности, успокоивалъ и обезпечивалъ самого себя“.—„Собираясь въ длинную дорогу, самая цѣль которой и туманна и опасна, человѣкъ невольно внимательнѣе и глубже всматривается въ себя и изслѣдуетъ тѣ средства, которыми будетъ располагать въ критическую минуту. И только этой невольной думой слѣдуетъ объяснять мысль Гоголя о возможности обезпечить свое существованіе „алфесскою живописью“ или „поваренымъ искусствомъ“ [1]).

Замѣчаніе глубоко справедливое: Гоголь является передъ нами въ разсматриваемую пору еще личностью неустановившеюся, то почти ребенкомъ, то уже съ нѣкоторой житейской опытностью, отчасти почтительнымъ и преданнымъ сыномъ, отчасти нѣсколько эгоистомъ...[2]).

во мнѣ пылаетъ благодарность, и дай Богъ, чтобы она выразилась со временемъ не въ пустыхъ словахъ, а до того, будьте увѣрены, почтеннѣйшій и любезнѣйшій дяденька, что никогда не изглажу изъ сердца того должнаго почтенія и преданности, съ которыми имѣю честь быть вѣчно признательнымъ

Николай Гоголь-Яновскій.

Изъ Петербурга буду писать къ вамъ; теперь я приготовляюсь и укладываюсь».

Гоголю долго не удавалось выѣхать изъ дому; еще за три мѣсяца мать писала о немъ:

«Никоша мой хочетъ непремѣнно черезъ 4 дня выѣхать, хотя и не все ему готово, но никакъ ужъ не могу удержать: надобно опредѣлиться ему до новаго года».

[1]) «Московскій Сборникъ», 1887, стр. 223.

[2]) Въ письмѣ къ Косяровскому Гоголь упоминаетъ также и о знаніи имъ ремеслъ. Слова его подтверждаются разсказомъ Анненкова о его страсти къ рукодѣліямъ и воспоминаніями его сестры Быковой о томъ, какъ онъ раскрашивалъ бордюрами и арабесками комнаты въ деревнѣ. (См. «Русь», 1885, 26 и «Воспом. и крит. оч. Анненкова», т. I, стр. 213). С. Т. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ не разъ говоритъ также о кулинарномъ искусствѣ Гоголя («Русск. Арх.», 1890, VIII).

Digitized by Google

ПЕРВОЕ ВРЕМЯ ЖИЗНИ ГОГОЛЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(1829—1830).

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

ПРІѢЗДЪ ГОГОЛЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ И ПЕРВЫЯ ЕГО ВПЕЧАТЛѢНІЯ ВЪ СТОЛИЦѢ.

По окончаніи курса въ Нѣжинѣ, два друга рѣшили вмѣстѣ ѣхать въ Петербургъ: Данилевскій для поступленія въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, Гоголь—на государственную службу. Данилевскій, какъ всегда, явился руководителемъ Гоголя въ отношеніи путевыхъ издержекъ, трудностей и хлопотъ. Было условлено, что онъ заѣдетъ за Гоголемъ изъ Тóлстаго въ Васильевку, откуда они должны были вмѣстѣ двинуться въ дальній путь. Дѣло было въ декабрѣ 1828 г. Для дороги былъ приготовленъ помѣстительный экипажъ, и послѣ продолжительныхъ проводовъ и напутствій Марьи Ивановны Гоголь кибитка двинулась.

Дорога лежала на Москву, но Гоголь ни за что не хотѣлъ проѣзжать черезъ нее, чтобы не испортить впечатлѣнія первой торжественной минуты въѣзда въ Петербургъ. Поэтому они поѣхали по бѣлорусской дорогѣ, на Нѣжинъ, Черниговъ, Могилевъ, Витебскъ и т. д. [1]). Въ Нѣжинѣ прожили нѣсколько дней, повидались съ нѣкоторыми товарищами и, между прочимъ, съ неуспѣвшимъ выѣхать въ Петербургъ же Прокоповичемъ. Во время пути не произошло ничего особенно

[1]) Такимъ образомъ предположительныя соображенія Кояловича о проѣздѣ Гоголя черезъ Москву совершенно опровергаются (см. „Московск. Сборникъ", 1887, стр. 261—262).

Digitized by Google

замѣчательнаго, но по мѣрѣ приближенія къ Петербургу нетерпѣніе и любопытство юныхъ путниковъ возрастало съ каждымъ часомъ. Наконецъ издали показались безчисленные огни, возвѣщавшіе о приближеніи къ столицѣ. Дѣло было вечеромъ. Обоими молодыми людьми овладѣлъ невыразимый восторгъ: они позабыли о морозѣ и, какъ дѣти, то-и-дѣло высовывались изъ экипажа и приподнимались на цыпочки, чтобы получше разсмотрѣть невиданную ими столицу. Наконецъ, ихъ жаднымъ взорамъ открылось вожделѣнное зрѣлище, хотя, въ сущности, они приближались только къ окраинамъ города. Гоголь совершенно не могъ придти въ себя; онъ страшно волновался и за свое пылкое увлеченіе поплатился самымъ прозаическимъ образомъ, схвативъ насморкъ и легкую простуду, но особенно обидная непріятность была для него въ томъ, что онъ, отморозивъ носъ, вынужденъ былъ первые дни просидѣть дома. Онъ чуть не слегъ въ постель, и Данилевскій перепугался было за него, опасаясь, чтобы онъ не разболѣлся серьезно. Отъ всего этого восторгъ быстро смѣнился совершенно противоположнымъ настроеніемъ, особенно когда ихъ стали безпокоить страшныя петербургскія цѣны и разныя мелочныя дрязги: съ облаковъ пришлось спуститься на землю.

На послѣдней станціи передъ Петербургомъ наши путники прочли объявленіе, гдѣ можно остановиться, и выбрали домъ Трута у Кокушкина моста, гдѣ и пришлось Гоголю проскучать нѣсколько дней въ одиночествѣ, пока Данилевскій, не будучи въ состояніи устоять противъ соблазна и оставивъ его одного, пустился странствовать по стогнамъ Сѣверной Пальмиры. Неудивительно, что первыя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ знакомства съ Петербургомъ, были несравненно отраднѣе, нежели у Гоголя [1]).

---

[1]) Этими данными оканчиваются записанныя и выслушанныя мною отъ Данилевскаго воспоминанія о ихъ школьной жизни и совмѣстныхъ поѣздкахъ до переѣзда въ Петербургъ. Считаю не лишнимъ привести здѣсь еще небольшую записку Гоголя Данилевскому по поводу одной изъ прежнихъ поѣздокъ, вѣроятно, въ Нѣжинъ:

„Не забудь меня увѣдомить въ случаѣ какого-нибудь измѣненія по части нашего выѣзда, то-есть если онъ подвинется подальше воскресенья (пославши верхового изъ Сорочинецъ въ пятницу или субботу). Если же все по-старому, то мы всѣ будемъ въ Сорочинцахъ въ воскресенье на обѣдъ, никакъ не позже

Digitized by Google

Вскорѣ Данилевскій выдержалъ экзаменъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Во все время пребыванія въ школѣ, пользуясь отпусками въ воскресные и праздничные дни, онъ постоянно проводилъ ихъ у Гоголя, тѣмъ болѣе, что другихъ знакомыхъ у него не было. Въ Петербургѣ наши пріѣзжіе застали, впрочемъ, многихъ однокашниковъ-нѣжинцевъ. Всѣ они въ опредѣленные дни сходились другъ у друга и составляли тѣсно сплотившуюся товарищескую компанію. Случалось, конечно, и Гоголю принимать у себя товарищей, и это обстоятельство подало поводъ одному благопріятелю наговорить Марьѣ Ивановнѣ, что у Гоголя будто бы „пировало“ множество гостей на его счетъ, и что онъ одинъ занималъ квартиру, состоявшую изъ трехъ комнатъ, чего никогда въ дѣйствительности не было.

Въ кружкѣ нѣжинцевъ Гоголю особенно были близки два брата Прокоповича (пріятель его Николай, прозванный за румяный цвѣтъ лица Красненькимъ, и Василій, обыкновенно называемый Гоголемъ — Васька), Иванъ Григорьевичъ Пащенко и художникъ Мокрицкій. Вечера проходили оживленно и шумно, и кружокъ постепенно расширялся отъ присоединенія къ нему новыхъ лицъ. Такъ, спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1834 году, въ немъ часто бывалъ извѣстный впослѣдствіи писатель П. В. Анненковъ, получившій въ кружкѣ прозваніе Жюль-Жаненъ.

двухъ часовъ, а если можно, то и раньше, чтобы пораньше выѣхать послѣ обѣда въ то же воскресенье“.

Подпись: „твой Н. Г.“ (буквы эти слиты на подобіе вензеля). Даты на письмѣ никакой нѣтъ.

Digitized by Google

II.

ИДИЛЛІЯ „ГАНЦЪ КЮХЕЛЬГАРТЕНЪ".

Итакъ въ послѣднихъ числахъ 1828 года Гоголь былъ уже въ Петербургѣ. Съ этого времени начинается новый періодъ его жизни, имѣющій особый интересъ при изученіи его личнаго развитія. Это былъ въ началѣ періодъ броженія, неопредѣленныхъ порывовъ, постоянныхъ надеждъ и частыхъ разочарованій, стремленія къ широкой и полезной дѣятельности, отыскиванія себѣ высокой цѣли жизни и достойнаго призванія, на которомъ могли бы найти примѣненіе его замѣчательныя дарованія, и въ то же время это были годы тяжелыхъ испытаній, годы пріобрѣтенія въ настоящемъ смыслѣ жизненнаго опыта, наконецъ, временемъ первыхъ шаговъ на литературномъ поприщѣ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что жизнь въ Петербургѣ произвела значительную перемѣну въ характерѣ Гоголя и что ему онъ въ большей степени былъ обязанъ своей будущностью, такъ какъ въ немъ и благодаря ему силы юноши развились и не заглохли безъ примѣненія, какъ легко могло бы случиться въ провинціальной глуши.

Перемѣна условій жизни и окружающей обстановки большею частью кладетъ замѣтный отпечатокъ на судьбу человѣка, рѣзко измѣняя внѣшнюю сферу его дѣятельности и до нѣкоторой степени реагируя даже на самую его нравственную личность, неизбѣжно поставленную въ необходимость найти себѣ иное опредѣленіе и провѣрить свои взгляды и

Digitized by Google

наклонности среди новыхъ, созданныхъ измѣнившимся положеніемъ, обстоятельствъ. При этомъ, чѣмъ рѣзче бываетъ перемѣна, тѣмъ, естественно, ярче выступаютъ грани, раздѣляющія жизнь на отдѣльные періоды, которые кажутся на первый взглядъ иногда совершенно несходными. Въ дѣйствительности, однако, едва ли можно признать въ большинствѣ случаевъ существованіе такихъ рѣшительныхъ переворотовъ, и потому внимательное изученіе біографическаго матеріала обыкновенно приводитъ къ убѣжденію въ невѣрности заранѣе составившихся рельефныхъ, но неточныхъ обобщеній, и вызываетъ необходимость болѣе естественнаго и вѣрнаго освѣщенія уже извѣстныхъ фактическихъ данныхъ. Слѣдя за послѣдовательнымъ развитіемъ геніальной личности и ея судьбою, вниманіе изслѣдователя невольно останавливается прежде всего именно на замѣчаемыхъ въ ней рѣзкихъ перемѣнахъ, но затѣмъ, отмѣтивъ послѣднія, оно не должно забывать и другой стороны дѣла — отысканія и уясненія сходныхъ сторонъ, несомнѣнно существующихъ въ разное время въ жизни одного и того же человѣка; въ противномъ случаѣ внѣшнія обстоятельства легко могутъ заслонить собою существенныя черты внутренняго развитія. Это должно быть справедливо и въ примѣненіи къ Гоголю. Поэтому слова г. Кулиша, что „съ переселеніемъ Гоголя съ юга на сѣверъ начинается новый періодъ его существованія, рѣзко отличный отъ предшествовавшаго“, дѣйствительно справедливы, насколько они касаются внѣшней стороны дѣла, и особенно въ связи съ послѣдующимъ сравненіемъ [1]), но, по нашему мнѣнію, они нѣсколько грѣшатъ односторонностью, такъ какъ именно представляютъ не совсѣмъ точное обобщеніе, сдѣланное на основаніи однихъ внѣшнихъ признаковъ. Велика была, безъ сомнѣнія, разница между жизнью Гоголя въ школѣ, когда онъ былъ юношей не очень прилежнымъ, но страстно отдававшимся возможнымъ и доступнымъ для него художественнымъ наслажденіямъ, юношей, еще только мечтавшимъ о предстоящей самостоятельной жизни, и съ другой стороны,

[1]) „Съ переселеніемъ его съ юга на сѣверъ начинается новый періодъ его существованія, столь рѣзко отличный отъ предшествовавшаго, какъ отличается у птицъ время опереннаго состоянія отъ времени неподвижнаго сидѣнья въ родномъ гнѣздѣ“. („Зап. о жизни Гоголя“, 1, стр. 59).

Digitized by Google

хотя бы первыми невѣрными шагами его на поприщѣ послѣдней въ Петербургѣ, когда для него настало время уже *дѣятельной провѣрки* заранѣе составленныхъ идеаловъ и приспособленія къ условіямъ окружающей обстановки (не говоря уже о дальнѣйшей жизни въ столицѣ); но, повторяемъ, *главный* интересъ изслѣдованія долженъ заключаться скорѣе въ отысканіи нити, связывающей оба отмѣченныхъ періода, нежели въ констатированіи и безъ того рѣзко бросающагося въ глаза различія. Если не пришло еще, быть можетъ, время „слить разныя мелочи въ одну стройную картину“ [1]), то не худо во всякомъ случаѣ поискать между ними связи и по возможности разобраться въ нихъ. Припомнимъ, что, совершенно параллельно съ рѣзкой перемѣной въ жизни Гоголя со времени переѣзда его въ Петербургъ, можно было бы, пожалуй, съ такимъ же правомъ отмѣтить и перемѣну въ характерѣ его творчества;—достаточно назвать „Ганца Кюхельгартена“ и „Вечера на Хуторѣ“;—пришлось бы предположить, что въ Петербургѣ Гоголь сдѣлался совершенно инымъ человѣкомъ, что между его школьными годами и первыми шагами на жизненномъ поприщѣ лежитъ цѣлая бездна. Но такъ какъ подобнаго перерожденія, конечно, допустить невозможно, то наша задача найти между этими двумя, повидимому, столь „рѣзко отличными періодами“, извѣстныя точки соприкосновенія. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что духовный складъ личности Гоголя оставался во все разсматриваемое время въ сущности одинъ и тотъ же, такъ какъ онъ долженъ былъ въ значительной степени опредѣлиться въ годы ранней юности писателя,—и это имѣетъ въ настоящемъ случаѣ существенное значеніе въ виду чрезвычайно послѣдовательнаго и вѣрнаго себѣ характера его развитія,—мы дѣйствительно можемъ въ оба указанные періода, особенно сближая ихъ болѣе смежные пункты, отмѣтить разительное сходство во взглядахъ Гоголя на вопросы, наиболѣе интересовавшіе его и казавшіеся ему особенно важными. Пріѣхавъ въ Петербургъ съ богатымъ запасомъ свѣжихъ впечатлѣній, результатомъ пережитого воспріимчиваго возраста, оказывающаго всегда такое рѣшительное вліяніе на образованіе личности человѣка, и съ тонко развитою наблюдательностью, для которой, по

[1]) „Записки о жизни Гоголя“, т. I. стр. 57.

Digitized by Google

собственному признанію автора, съ приближеніемъ зрѣлыхъ лѣтъ наступаетъ менѣе благопріятная пора, и наконецъ съ извѣстнымъ міросозерцаніемъ и сложившимися взглядами на назначеніе своей жизни и будущей дѣятельности,—міросозерцаніемъ, составлявшимъ, каково бы ни было его дѣйствительное достоинство, внутреннее содержаніе юноши,—могъ ли Гоголь тотчасъ совершенно измѣниться и порвать съ своимъ прошлымъ? Если бы это было такъ, то неизбѣжно послѣдовало бы заключеніе, что стремленія его были не только не глубоки, смутны и туманны, чего дѣйствительно нельзя отрицать, но и неискренни, что они наконецъ были всецѣло навѣяны со стороны и не могли назваться въ настоящемъ смыслѣ его достояніемъ. Но кромѣ многихъ мѣстъ въ его перепискѣ, относящихся къ первымъ годамъ его петербургской жизни и представляющихъ несомнѣнное сходство съ прежними, нѣжинскими, взглядами, мы имѣемъ еще не мало вѣскихъ соображеній въ пользу противоположнаго мнѣнія. Точно то же не безъ основанія можно было утверждать и относительно его поэтической дѣятельности, съ тою только разницей, что дѣйствіе измѣнившихся обстоятельствъ въ этой сферѣ сказалось рѣзче и рѣшительнѣе, преимущественно въ смыслѣ ихъ вліянія на способъ, характеръ и самый выборъ предметовъ для творчества; но и здѣсь преемственная связь можетъ быть усмотрѣна и констатирована въ довольно обширномъ запасѣ готовыхъ художественныхъ образовъ, рано сложившихся въ фантазіи Гоголя на почвѣ впечатлѣній чуткой отроческой души и впослѣдствіи въ значительной степени лишь мастерски выработанныхъ и обогащенныхъ новыми красотами при болѣе или менѣе разнообразномъ ихъ выраженіи въ первыхъ его произведеніяхъ.

Чрезвычайно интересно для разъясненія занимающаго насъ вопроса обратиться къ самому раннему изъ извѣстныхъ произведеній юношеской фантазіи нашего писателя. Мы говоримъ о рѣдко вспоминаемомъ и едва ли не мало извѣстномъ у насъ „Ганцѣ Кюхельгартенѣ“. Далеко не отличаясь яркими художественными достоинствами, которыя мы привыкли находить даже въ самыхъ незрѣлыхъ и несовершенныхъ произведеніяхъ Гоголя, сурово принятая современной критикой и почти вслѣдъ затѣмъ уничтоженная рукою самого автора, наконецъ исключенная изъ цѣлаго ряда изданій полныхъ собраній

Digitized by Google

его сочиненій [1]),—эта приторно-сентиментальная идиллія никогда особенно и не обращала на себя вниманія, хотя г. Кулишъ справедливо указалъ на присутствіе въ ней рядомъ съ многими очень и очень слабыми такихъ картинъ, которыя уже обнаруживаютъ проблески будущаго таланта Гоголя. Г. Кулишъ указываетъ преимущественно на небольшіе отрывки описательнаго характера, напр. на изображеніе дома мызника Вильгельма Бауха, картину моря и на нѣсколько другихъ картинъ, въ которыхъ мысль автора съ любовью переносится въ страны классическаго міра; можно было бы прибавить еще описаніе утра и домика пастора въ самомъ началѣ первой картины, описаніе жаркаго дня и вообще весь конецъ той же картины, и большую часть шестой картины.

Идиллія все-таки на нашъ взглядъ заслуживаетъ изученія со стороны біографическаго матеріала, который, хотя и въ очень незначительныхъ дозахъ, могъ бы быть извлеченъ также и изъ нея. Для насъ важно въ данномъ случаѣ то, что здѣсь мы находимъ однако явные слѣды тѣхъ юношескихъ мечтаній Гоголя, о которыхъ мы говорили раньше, а съ другой — подтвержденіе собственныхъ позднѣйшихъ признаній его о годахъ юности. Сверхъ того, если не ошибаемся, внимательный разборъ идилліи могъ бы показать съ наглядной очевидностью, что въ ней нашелъ себѣ выраженіе упомянутый запасъ сложившихся готовыхъ художественныхъ образовъ, отчасти отразившійся, но уже въ истинно-художественной формѣ, потомъ въ другихъ, сравнительно болѣе зрѣлыхъ, преимущественно ближайшихъ по времени, произведеніяхъ, особенно въ „Вечерахъ на Хуторѣ“. Попытаемся привести нѣкоторыя соображенія въ пользу обоихъ нашихъ предположеній, для чего прибѣгнемъ къ сличеніямъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ „Ганца“ съ другими произведеніями и съ письмами Гоголя.

Первымъ вопросомъ при изученіи „Ганца Кюхельгартена“ является точное опредѣленіе года его написанія: съ только-что указанной біографической точки зрѣнія этотъ вопросъ получаетъ весьма существенное значеніе. Самъ поэтъ, какъ извѣстно, обозначилъ на рукописи 1827 г., но затѣмъ, согласно извѣстному мнѣнію Прокоповича, приведенному въ „Запискахъ о жизни Гоголя“, это показаніе, казалось бы, не можетъ

[1]) Кромѣ Тихонравовскаго, во всѣхъ отношеніяхъ капитальнаго.

Digitized by Google

считаться достовѣрнымъ и должно уступить предположенію о томъ, что Гоголь писалъ идиллію въ началѣ своей жизни въ Петербургѣ, „когда онъ проживалъ въ немъ безъ дѣла“. Едва ли, однако, это справедливо; намъ кажется, что на основаніи нижеслѣдующихъ соображеній можно скорѣе признать справедливою помѣтку самого писателя, которому, притомъ, конечно, не было причины никого мистифицировать, какъ склоненъ былъ предполагать покойный его школьный товарищъ. Достойно вниманія, что въ идилліи мы замѣчаемъ явные слѣды тѣхъ мыслей, которыя занимали Гоголя подъ конецъ его нѣжинской жизни и притомъ преимущественно въ 1827 г. [1]) Въ „Ганцѣ“ мы находимъ то же неопредѣленное, не совсѣмъ выяснившееся стремленіе героя въ далекія и чуждыя страны, манящія его предполагаемымъ просторомъ для дѣятельнаго служенія добру, ожидаемымъ богатствомъ высокихъ эстетическихъ наслажденій, которыя можно тамъ найти; далѣе, размышленіе Ганца о будущей своей судьбѣ и желаніе разгадать „незнаемый удѣлъ», наконецъ такое же точно, какъ у самого Гоголя, опасеніе за возможность осуществленія своихъ высокихъ стремленій и боязнь ничтожества общаго жребія съ большинствомъ такъ называемыхъ дюжинныхъ людей и проч. Особенно поразительно совпаденіе въ VIII картинѣ идилліи (въ пѣснѣ Ганца) и нѣкоторыхъ письмахъ 1827 году,—совпаденіе, доходящее до мелочей, до буквальнаго почти сходства, простирающагося на отдѣльныя выраженія: это послѣднее обстоятельство едва ли кто рѣшится назвать случайностью. Сдѣлаемъ сличеніе:

„Все рѣшено. Теперь ужели
Мнѣ здѣсь душою погибать?
И не узнать иной мнѣ цѣли?

„Какъ тяжело быть зарыту вмѣстѣ съ созданіями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ

[1]) Идиллію „Ганцъ Кюхельгартенъ“ мы относили къ 1827 г. еще въ первомъ изданіи (см. книгу „Ученическіе годы Гоголя“, стр. 78). Къ тому же убѣжденію пришелъ и Н. С. Тихонравовъ въ примѣчаніяхъ къ послѣднему, 10-му, изданію сочиненій Гоголя (т. V, стр. 543 и 545) и Кояловичъ въ статьѣ: „Дѣтство и юность Гоголя“, въ „Московскомъ Сборникѣ“, 1887, стр. 246.—Но покойный другъ Гоголя, А. С. Даниленскій, выражалъ мнѣ нѣкоторое сомнѣніе, чтобы идиллія эта могла быть написана въ Нѣжинѣ: тогда бы о ней было извѣстно товарищамъ,– соображеніе, которымъ, вѣроятно, руководился и Прокоповичъ. Въ такомъ случаѣ можно бы еще допустить, что она была написана во время полугодовой жизни Гоголя въ деревнѣ въ 1828 г., но *во всякомъ случаѣ* до переѣзда его въ Петербургъ.

Digitized by Google

И цѣли лучшей не сыскать?
Себя обречь безславно въ жертву,
При жизни быть для міра мертву!“
(„Ганцъ Кюхельгартенъ“, VIII картина, пѣснь Ганца. Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 22).

нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольства высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться“ („Соч. и письма Гог.“, изд. Кулиша, т. V, стр. 56). „Исполнятся ли мои высокія предначертанія? *или неизвѣстность зароетъ ихъ въ мрачной тучѣ своей?*“ (Письмо къ Петру Петровичу Косяровскому, „Русская Старина“, 1876 г., 1 кн., стр. 42).

„Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, или неумолимое веретено судьбы *зашвырнетъ меня съ толпой самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ*“ („Соч. и письма Гог.“, т. V, стр. 58, письмо Высоцкому).

„Душой ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить?
Душой ли, къ счастью не остывшей,
Волненья міра не испить?
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить?
Существованья не отмѣтить?“
(Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 22).

„Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимой ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожная мысль, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принести хоть малѣйшую пользу, бросала меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ, при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, *не означивъ своего имени* ни однимъ прекраснымъ дѣломъ — *быть въ мірѣ и не означить своего существованія* была для меня мысль ужасная“. (Письмо къ Петру Петровичу Косяровскому отъ 3 октября 1827 года, „Русская Старина“, 1876 г., I т., стр. 41).

Остальныя строфы той же пѣсни Ганца въ равной мѣрѣ могли бы быть примѣнены къ характеристикѣ душевнаго со-

Digitized by Google

стоянія и взглядовъ Гоголя именно за 1827 г.; укажемъ лишь слѣдующіе стихи:

„Зачѣмъ влечете такъ къ себѣ вы,
Земли роскошные края?“

Также: „И онъ спадетъ, покровъ неясный,
Подъ коимъ знала васъ мечта,
И міръ прекрасный, міръ прекрасный
Отворитъ дивныя врата,
Привѣтитъ юношу готовый
И въ наслажденьяхъ вѣчно новый“...

Или: „Я вашъ! я вашъ! изъ сей пустыни
Вниду я въ райскія мѣста“... (Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 22).

(рѣчь идетъ о поѣздкѣ въ чужіе края; замѣтимъ, что Гоголь называлъ райскимъ мѣстомъ въ письмѣ къ Высоцкому Петербургъ, пользуясь совершенно тождественнымъ выраженіемъ съ приведеннымъ).

Въ общемъ настроеніи выписанной строфы и выраженныхъ въ ней мысляхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію сходство съ нѣкоторыми мѣстами писемъ къ Высоцкому. Такимъ образомъ можно считать доказаннымъ, что именно тѣ же самыя мысли и стремленія волновали Гоголя въ 1827 году, которыя выражены въ приведенной пѣснѣ Ганца, при чемъ не случайно и то, что указанное совпаденіе обнаруживается какъ разъ въ самыхъ задушевныхъ мечтахъ автора и героя его перваго произведенія. Позднѣе, въ Петербургѣ, взгляды Гоголя во многомъ значительно измѣнились или, по меньшей мѣрѣ, приняли иное направленіе, и уже по отношенію къ петербургскому времени, конечно, никакъ не возможно было бы допустить такого поразительнаго сходства, доходящаго почти до полнаго совпаденія въ приведенныхъ цитатахъ. Было бы весьма интересно сравнить для бо́льшаго подтвержденія сказаннаго разбираемую идиллію съ „Луизой“ Фосса, въ переводѣ Теряева, такъ какъ эта пьеса служила въ настоящемъ случаѣ образцомъ для Гоголя, но намъ, къ сожалѣнію, не удалось достать этой книги, сдѣлавшейся въ настоящее время библіографической рѣдкостью...

Считая первое наше предположеніе достаточно обоснованнымъ, переходимъ ко второму. Здѣсь также удобнѣе всего можно подтвердить вышесказанно́е наглядными сопоставле-

Digitized by Google

ніями поражающихъ своимъ сходствомъ отрывковъ, хотя на этотъ разъ ихъ можно привести лишь немного. Вотъ примѣры:

„Свѣтаетъ. Вотъ проглянула деревня,
Дома, сады. Все видно, все свѣтло.
Вся въ золотѣ сіяетъ колокольня,
И блещетъ лучъ на старенькомъ заборѣ.
Пытливо обратилось все
Внизъ головой въ серебряной водѣ:
Заборъ, и домъ, и садикъ въ ней такіе-жъ;
Все движется въ серебряной водѣ:
Синѣетъ сводъ, и волны облакъ ходятъ,
И лѣсъ живой — вотъ только не шумитъ".

(Начальные стихи Ганца Кюхельгартена; соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. I, стр. 234 и изд. X, т. V, стр. 5).

„Небо, зеленые и синіе лѣса, люди, воза съ горшками, мельницы — все *опрокинулось, стояло и ходило вверхъ ногами, не падая въ голубую прекрасную бездну*". (Изд. Кулиша, т. I, стр. 14, „Сорочинская Ярмарка"; изд. X, т. I, стр. 11—12).

„Съ изумленіемъ глядѣлъ Левко въ неподвижныя воды пруда: старинный господскій домъ, *опрокинувшись внизъ*, виденъ былъ чистъ и въ какомъ-то ясномъ величіи" и проч.

(Изд. Кулиша, т. I, стр. 79, „Майская ночь" или „Утопленница"; изд. X, т. I, стр. 74).

„Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ". (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 58).

„*Какъ безсильный старецъ, держалъ прудъ въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое темное небо, осыпая ледяными поцѣлуями огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли среди темнаго ночного воздуха*" и проч. („Утопленница"). (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 55).

„Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, *и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ немъ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ!*" (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 9).

„Величественно сыплется громъ украинскаго соловья". („Утопленница"). („Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 58).

„Блистательно всю рощу оглашаетъ Царь соловей. Звукъ тихо разнесенъ." (Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 29).

„Все было тихо; въ глубокой чащѣ лѣса слышались только раскаты соловья". (Тамъ же, стр. 74).

„На небѣ ни облака; въ полѣ ни рѣчи. Все какъ будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни ле-

„Какой же день! Веселые вились
И тѣми жаворонки; ходили волны
Отъ вѣтру золотою въ полѣ хлѣба;
Сгустились вотъ надъ ними дерева;

Digitized by Google

тятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крикъ чайки, или звонкій голосъ перепела отдается въ степи... *Сърыя скирды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости.* Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешень, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало — рѣка въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ"... (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 9).

Сравни сходную картину въ „Страшной Мести" въ описаніи Днѣпра. (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 169).

На нихъ плоды предъ солнцемъ наливались
Прозрачные; вдали темнѣли воды
Зеленыя; сквозь радужный туманъ
Неслись моря душистыхъ ароматовъ"
и проч. („Ганцъ Кюхельгартенъ").

„Скирды хлѣба то тамъ, то сямъ, словно казацкія шапки, пестрѣли по полю". („Вечеръ наканунѣ Ив. Куп.").

„Дѣвственныя чащи черемухъ и черешень пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечутъ листьями"... („Утопленница"). (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 58).

„Рѣка-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленыя кудри деревъ". („Сорóч. Ярм."; Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 11).

Подобныя черты сходства отмѣтимъ кстати въ нѣкоторыхъ мѣстахъ другихъ раннихъ произведеній Гоголя, — сходство едва ли случайное.

„Лѣнивою рукою обтиралъ онъ катившійся градомъ потъ со смуглаго лица и даже капавшій съ длинныхъ усовъ, напудренныхъ тѣмъ неумолимымъ парикмахеромъ, который безъ зову является и къ красавицѣ, и къ уроду, и насильно пудритъ нѣсколько тысячъ лѣтъ уже весь родъ человѣческій".(Соч. Гог., изд. X, I ч, стр. 10; „Сорóч. Ярм.").

„Въ лицѣ ея, тронутомъ рѣзкою кистью, которою время съ незапамятныхъ временъ расписываетъ родъ человѣческій и которую, Богъ знаетъ съ какихъ поръ, называютъ морщиною". (Соч. Гог., изд. X, т. V, „Учитель", стр. 52).

Ниже мы не разъ будемъ имѣть случай показывать, какъ Гоголь любилъ при переработкѣ художественныхъ образовъ вначалѣ обращаться къ готовымъ уже наброскамъ. Чѣмъ внимательнѣе будутъ изучаться черновыя его рукописи, тѣмъ больше мы будемъ находить доказательствъ этому. Такъ совершенно тотъ же (съ небольшими перемѣнами) указанный нами готовый образъ, встрѣчающійся въ „Учителѣ", въ

Digitized by Google

„Сорочинской Ярмаркѣ“ и въ самыхъ первыхъ произведеніяхъ пера Гоголя, повторенъ имъ во второй половинѣ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ при описаніи усадьбы Плюшкина: „Дворъ былъ обнесенъ довольно крѣпкой оградой, которая, можетъ, когда-нибудь была выкрашена краской, но такъ какъ хозяинъ не думалъ вовсе объ ея поновленіи, то *присмужился другой неугомонный живописецъ, который расписываетъ весь родъ человѣческій, и что ни есть на свѣтѣ, и въ томъ числѣ мужскія и женскія лица, ни мало не заботясь о томъ, нужно ли это или нѣтъ, и довольны ли его кистью или недовольны. Хозяинъ этотъ былъ время*“. („Русск. Стар.“, 1885, XII, 570). Въ исправленной редакціи все это мѣсто отсутствуетъ и замѣнено другимъ: сколько же, слѣдовательно, могло быть такихъ же черновыхъ набросковъ уничтожено авторомъ, тогда какъ, напротивъ, они легко могли, въ видѣ предварительныхъ эскизовъ, являться изъ-подъ пера его въ его первоначальныхъ работахъ.

Далѣе. Уже въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя мы встрѣчаемъ нерѣдко любимые и опредѣленно сложившіеся, выношенные художественные образы и пріемы. Припомнимъ художественныя изображенія граціозной позы то предающейся безпечной радости, то погруженной въ глубокую думу красивой молодой женщины, отчаянно-веселой пляски иногда уже стараго казака, охваченнаго беззавѣтнымъ увлеченіемъ, захватывающимъ душу и возвышающимся до степени заразительнаго обаянія, противъ котораго не могутъ устоять всѣ тѣ, которымъ приходилось быть зрителями этой картины, наконецъ смѣну обаянія чувствомъ тихой и глубокой грусти и вообще склонность къ переходамъ отъ задушевнаго веселья къ столь же задушевной скорби.—Въ изображеніи природы укажемъ еще картины очаровательно-ясныхъ ночей съ серебрянымъ свѣтомъ мѣсяца, покрытыхъ мракомъ садовъ и лѣса и т. п.

Изъ установившихся пріемовъ слѣдуетъ отмѣтить неожиданно-юмористическія сопоставленія серьезнаго съ комическимъ, восклицательную форму рѣчи [1]).

---

1) „Какъ не разсѣяться! въ первый разъ на ярмаркѣ! Дѣвушка въ восемнадцать лѣтъ въ первый разъ на ярмаркѣ!“ (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 10—11).

Digitized by Google

Приведемъ еще нѣсколько другихъ примѣровъ:

„Подперши локтемъ хорошенькій подбородокъ свой, задумалась Параска, одна сидя въ хатѣ. Много грезъ обвивалось около русой головы“ и проч. (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 33).

„На мигъ остолбенѣвъ, какъ прекрасная статуя, смотрѣла она ему въ очи“. („Тарасъ Бульба)“. (Тамъ же, стр. 305).

Сходныя изображенія можно указать въ „Ночи передъ Рождествомъ“ *(Оксана)* и въ „Майской Ночи“.

„Странное, неизъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло въ согласіе. Люди, на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все неслось, все танцовало. Но еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіе могилы, толкавшихся между новымъ, смѣющимся, живымъ человѣкомъ. Безпечныя! даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія, онѣ покачивали охмѣлѣвшими головами. Громъ, хохотъ, пѣсни слышались тише и тише. Смычокъ умиралъ, слабѣя и теряя неясные звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо“.

„*Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхо слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, поодиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного старинаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечьимъ помочь ему!*“ („Сорóч. Ярм.“: Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 35)

„Бросила прочь она отъ себя платокъ, отдернула падающіе на очи длинные волосы свои и вся разлилась въ жалостныхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись въ прекрасный вечеръ, пробѣжитъ вдругъ

„Вездѣ, гдѣ-бы то ни было, въ жизни, среди ли черствыхъ, неряховато-бѣдныхъ и неопрятно-плѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути

Digitized by Google

по густой чащѣ приводнаго тростника: — зашелестятъ, зазвучатъ и *понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки, и ловитъ ихъ съ непонятной грустью остановившійся путникъ, не чуя ни попасающаго вечера, ни несущихся пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго стука проѣзжающей телѣги*" („Тарасъ Бульба", конецъ VI главы; изд. Х., т. I, стр. 303 и 304).

человѣку явленье, не похожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое, хоть разъ, пробудитъ въ немъ чувство, не похожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперекъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, вдругъ, неожиданно, пронесется среди бѣдной деревушки, не видѣвшей ничего кромѣ сельской телѣги: *и долго мужики стоятъ, зѣвая, съ открытыми ртами*". (Соч. Гог, изд. X, т. III, стр. 88—89)

Для сравненія съ приведенными выдержками напомнимъ еще самыя размышленія Чичикова послѣ встрѣчи съ губернаторской дочкой, описаніе чувствъ юноши, пораженнаго подобною же предполагаемою встрѣчей. („Долго бы стоялъ онъ безчувственно на одномъ мѣстѣ, вперивши безсмысленно очи вдаль, позабывъ и дорогу, и всѣ ожидающіе впереди выговоры, и себя, и службу, и міръ, и все, что ни есть въ мірѣ!"). Наконецъ послѣднія заключительныя слова „Сорочинской Ярмарки" можно сопоставить съ задушевнымъ, исполненнымъ глубокой грусти восклицаніемъ, оканчивающимъ собою веселую повѣсть „о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ" („Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!"). Не заключается ли уже въ этомъ трагическомъ ceterum censeo проявленіе въ зародышѣ той особенности таланта Гоголя, которую онъ называлъ „смѣхомъ сквозь слезы", а отчасти и предрасположеніе къ аскетическому, отрицательному взгляду на радости жизни?

Напомнимъ наконецъ, что сходство въ поэтическихъ пріемахъ иногда, въ немногихъ единичныхъ случаяхъ, объясняется подражаніями одному и тому же источнику. Такъ, въ началѣ своей литературной карьеры Гоголю не разъ случалось пользоваться одинаковыми сюжетами, несомнѣнно заимствованными и потомъ переработанными изъ комедій его отца, произведеній Нарѣжнаго, наконецъ особенно изъ малороссійскихъ

Digitized by Google

пѣсенъ и народныхъ преданій. Таковы пріемъ Хиврей поповича Аѳанасія Ивановича въ VI главѣ „Сорочинской ярмарки“ и пріемъ Солохой дьячка Осипа Никифоровича въ „Ночи передъ Рождествомъ“ (передѣлка сценъ изъ пьесы отца Гоголя: „Романъ и Параска“); изображеніе ограниченныхъ интересовъ мелкой помѣщичьей среды въ „Учителѣ“ и впослѣдствіи въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“. Но все это разсмотримъ полнѣе въ слѣдующихъ главахъ; теперь же въ примѣръ вліянія на Гоголя народныхъ пѣсенъ приведемъ два сходные отрывка изъ „Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы“: „И родной отецъ—врагъ мнѣ: неволитъ идти за нелюбого ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовятъ, только не будетъ музыки на нашей свадьбѣ: будутъ дьяки пѣть, вмѣсто кобзъ и сопилокъ. Не пойду я танцовать съ женихомъ своимъ: понесутъ меня! Темная, темная моя будетъ хата: изъ кленоваго дерева, и, вмѣсто трубы, крестъ будетъ стоять на крышѣ!“ (слова Пидорки). „Будетъ и у меня свадьба! только дьяковъ не будетъ на той свадьбѣ: воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надъ моею могилою; гладкое поле будетъ моя хата“... (слова Петруся).—Не станемъ уже послѣ цѣлаго ряда сдѣланныхъ указаній приводить, можетъ быть, рискованныхъ сближеній между „Ночными Видѣніями“ Ганца Кюхельгартена и сходными описаніями, хотя и безконечно болѣе художественными и опредѣленными, въ „Майской Ночи“, и многихъ другихъ.

Другія заимствованія изъ народной поэзіи можно видѣть въ изображеніи прощанія казачки съ сыномъ, отправляющимся на битву (въ „Страшной Мести“, въ описаніи Днѣпра и въ концѣ первой главы „Тараса Бульбы“). Заимствованіе въ картинѣ ночи на Днѣпрѣ образовъ изъ „Голубиной книги“ слишкомъ извѣстно.

Въ „Тарасѣ Бульбѣ“ обращенія Тараса къ казакамъ съ вопросами: „А что, паны, есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли казацкая сила? Не погнулись ли казаки?“ и отрицательные отвѣты на нихъ представляютъ подражаніе извѣстнымъ стихамъ въ былинѣ о томъ, какъ перевелись витязи на святой Руси:

„Не намахалися наши могутныя плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булатные!“

Digitized by Google

Слѣды вліянія произведеній народной поэзіи въ сильно измѣненномъ видѣ, въ отдаленной переработкѣ нѣсколько разъ отраженнаго въ фантазіи художественнаго образа, можно замѣтить у Гоголя и иногда даже въ его письмахъ послѣдняго десятилѣтія. Приведемъ примѣры: „Содрогаясь отъ ужаса за людей, и подвигнувшись небеснымъ ангельскимъ состраданіемъ, любовь Божія къ человѣку уже не поражаетъ его, а молитъ, какъ братъ умоляетъ брата или *какъ несчастная и безотрадная мать умоляетъ сына, идущаго на вѣрную гибель, умоляетъ его такими воплями и стонами, отъ которыхъ безчувственный камень содрогнется*“ („Соч. и письма Гог.“, т. VI, стр. 160—161). Тѣмъ болѣе такихъ слѣдовъ можно, конечно, видѣть въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Гоголя, начиная съ исправленной редакціи „Тараса Бульбы“. „Много уже значитъ сказать утѣшительное слово, и если съ подобнымъ искреннимъ желаніемъ сердца придетъ и глуповатый къ страждущему, то ему стоитъ только разинуть ротъ, а потомъ уже помогаетъ Богъ и превращаетъ тутъ же слово безсильное въ сильное“. (Ср. объ утѣшительномъ словѣ Кукубенка въ VII гл. „Тараса Бульбы“; соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 306—307); также ср. о душеспасительномъ и успокоительномъ словѣ въ письмѣ къ Языкову („Соч. и письма Гог.“, т. VI, стр. 179) и въ извѣстномъ мѣстѣ главы о Плюшкинѣ, о внезапномъ могучемъ обращеніи русскаго человѣка отъ порока къ „трезвости души“ („Соч. и письма Гог.“, т. VI, 163) и въ рѣчи Тараса къ войску (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 329—330) [1]).—Но все это мы здѣсь только слегка намѣтили съ цѣлью показать, какъ важно стараться подсмотрѣть зарожденіе въ поэтической душѣ Гоголя какъ художественныхъ образовъ, такъ и отвлеченныхъ убѣжденій и взглядовъ на жизнь; подробнѣе же говорить обо всѣхъ этихъ вопросахъ предоставляемъ себѣ на протяженіи всего нашего изслѣдованія.

---

[1]) Въ „Тарасѣ Бульбѣ“ вообще замѣчается въ его позднѣйшей, исправленной редакціи какъ болѣе сильный подъемъ патріотическаго чувства, такъ и больше слѣдовъ изученія народной поэзіи. Такъ напр., вышесказаннаго обращенія Бульбы къ казакамъ мы не находимъ въ первоначальной редакціи, а равно и такихъ несомнѣнно возникшихъ подъ вліяніемъ былинъ подражаній народному эпосу, какъ напр.:

„Гдѣ прошли незамайковцы—такъ тамъ и улица! гдѣ поворотили—такъ ужъ тамъ и переулокъ“ (см. соч Гог., изд. X, т. I, стр. 332—334).

Digitized by Google

III.

НЕДОВОЛЬСТВО ГОГОЛЯ ПЕТЕРБУРГОМЪ И ТОСКА ПО РОДНОЙ УКРАЙНѢ.

Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1828 года. По свидѣтельству Г. П. Данилевскаго, онъ былъ привезенъ туда его однофамильцемъ...—Съ этихъ поръ началась для Гоголя новая жизнь, во многомъ отличающаяся отъ прежней, школьной, но въ сущности представляющая столько очевидныхъ чертъ сходства, что она является скорѣе послѣдовательнымъ продолженіемъ развитія, начавшагося въ предъидущемъ періодѣ, нежели какимъ-нибудь рѣшительнымъ и рѣзкимъ поворотомъ въ иномъ направленіи. Правда, развитіе это подъ вліяніемъ цѣлой совокупности обстоятельствъ, которыхъ не ожидалъ Гоголь и на которыя не могъ разсчитывать во время своихъ мечтаній въ Нѣжинѣ, но которыя, однако, не замедлили тотчасъ же самымъ настоятельнымъ образомъ заявить о себѣ по пріѣздѣ его въ столицу,—было значительно иначе направлено жизнью, нежели какъ ему представлялось заранѣе, но отнюдь не мѣняло своего существеннаго характера, такъ что первые годы жизни Гоголя въ Петербургѣ mutatis mutandis относились къ годамъ его ранней юности, какъ попытки привести въ исполненіе задуманный и постепенно измѣненный планъ къ первоначальному его замыслу, и въ этомъ-то отношеніи дѣйствительно справедливы приведенныя раньше слова Кулиша. („Съ переселеніемъ съ юга на сѣверъ для Гоголя начинается новый періодъ его существованія, столь рѣзко от-

Digitized by Google

личный отъ предшествовавшаго, какъ отличается у птицъ время опереннаго состоянія отъ времени неподвижнаго сидѣнія въ родномъ гнѣздѣ“) [1]). Конечно, не тотчасъ стало возможно Гоголю твердо и увѣренно испытать свои силы въ томъ направленіи, которое зависѣло отъ сложившагося міросозерцанія его и нажитыхъ убѣжденій; должно было пройти не мало времени, пока онъ примѣнился къ требованіямъ извѣстной доли внѣшнихъ условій петербургской жизни, именно тѣхъ, которыя были не добровольно избраны имъ, а, такъ сказать, навязаны судьбою, независимо отъ его воли. Въ Петербургѣ Гоголя поразили всевозможныя неудачи съ разныхъ сторонъ. Въ причинахъ для разочарованія не было недостатка на самыхъ первыхъ порахъ: неудачи обрушивались на него одна тяжелѣе другой, и общее впечатлѣніе было самое невыгодное и безотрадное. Рѣзкимъ показался ему переходъ отъ привольной домашней жизни къ стѣсненіямъ столицы. Какъ-бы въ насмѣшку надъ преждевременными увлеченіями, жизненныя невзгоды и трудности первоначальнаго устройства тотчасъ же дали себя знать столь чувствительнымъ образомъ, что при одномъ воспоминаніи о нихъ въ первомъ письмѣ изъ Петербурга у Гоголя вырываются рѣзкія несдержанныя выраженія. Матеріальныя затрудненія, какъ видно изъ этого письма, сказались во всѣхъ подробностяхъ житейскаго обихода, начиная отъ найма квартиры и кончая условіями съ мелкими коммиссіонерами, къ услугамъ которыхъ приходилось обратиться для доставки привезенныхъ изъ дому писемъ къ разнымъ „покровителямъ“. Въ нѣсколькихъ письмахъ Гоголь подробно исчисляетъ всѣ неизбѣжныя издержки на дорогу и на обзаведеніе, отчасти въ видѣ отчета о своихъ дѣлахъ, отчасти въ видѣ жалобы на совокупность обрушившихся на него неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ была даже потеря по курсу, понесенная имъ при отправленіи изъ родины тотчасъ по выѣздѣ изъ Чернигова. Первое письмо проникнуто сильнымъ раздраженіемъ и почти все наполнено извѣстіями практически-житейскаго характера, которыя повторяются отчасти и въ слѣдующихъ письмахъ, но уже не занимаютъ тамъ главнаго мѣста, уступая мѣсто мыслямъ и впечатлѣніямъ иного рода.

[1]) „Записки о жизни Гоголя“. т. I, стр. 59.

Digitized by Google

Неудачи были такъ неожиданны и въ то же время такъ жестоки по своимъ размѣрамъ, что онѣ не могли не произвести на Гоголя самаго подавляющаго дѣйствія. Онѣ повергли его на нѣкоторое время въ состояніе тяжелой апатіи, близкой къ отчаянію, изъ которой онъ, однако, скоро нашелъ выходъ благодаря своей дѣятельной и самоувѣренной натурѣ. Степень его подавленности видна изъ собственнаго сознанія его тотчасъ по пріѣздѣ, когда онъ жалуется на хандру, помѣшавшую ему не только заняться приведеніемъ въ порядокъ своихъ дѣлъ, но даже писать письма. Какъ видно, онъ совершенно опустилъ руки сначала, но не надолго [1]).

Словомъ, это было первое столкновеніе юношескихъ мечтаній съ дѣйствительностью, на этотъ разъ оказавшейся по истинѣ суровой. Но если, вступивши въ чуждую для себя сферу совершеннымъ новичкомъ, Гоголь позволяетъ овладѣть собою разочарованію, то потомъ душевная боль остраго характера постепенно смягчается и, послѣ продолжительной энергической борьбы съ неудачами, ему удается, наконецъ, умѣривши энтузіазмъ и вооружившись терпѣніемъ, овладѣть обстоятельствами и подчинить ихъ теченіе преслѣдованію цѣлей, составлявшихъ для него главную задачу существованія. Не легко было ему убѣдиться въ неосновательности своихъ иллюзій относительно Петербурга, послѣ того какъ онъ привыкъ соединять съ самымъ представленіемъ о немъ всѣ лучшія свои надежды, но тѣмъ больше чести его энергіи, чѣмъ рѣшительнѣе и неожиданнѣе былъ выдержанный имъ ударъ [2]). „Что̀ за бѣда,— посидѣть какую нибудь недѣлю безъ обѣда? того ли еще будетъ на жизненной дорогѣ?“ [3]) Это уже не фразы незнакомаго съ жизнью школьника, а сознательныя слова человѣка, приготовляющагося къ тяжелымъ испытаніямъ жизни, переставшаго воображать, что на его долю достанутся одни трофеи и лавры. Если первыя петербургскія письма продолжаютъ, повидимому, носить на себѣ отпечатокъ такой же не-

---

[1]) Не отразилось ли его тогдашнее душевное состояніе, эта смѣна восторга глубокою печалью, въ приведенныхъ заключительныхъ строкахъ перваго его петербургскаго произведенія „Сорочинская Ярмарка“?

[2]) Ср. въ нѣжинскомъ письмѣ къ матери: „Развѣ я не умѣю трудиться? развѣ я не имѣю твердаго непоколебимаго намѣренія къ достиженію цѣли, съ которымъ можно будетъ все побѣждать?“. (Соч. Гог. изд. Кул.. V т., стр. 68).

[3]) „Соч. и письма Гоголя“. т. V. стр. 78.

Digitized by Google

удовлетворенности и тревожнаго состоянія духа, той же досады на всякаго рода неудачи и препятствія, какими были проникнуты послѣднія письма изъ Нѣжина, то съ другой стороны мы замѣчаемъ въ то же время въ перепискѣ явные слѣды благотворнаго вліянія бо̀льшей степени самостоятельности, которою пользовался Гоголь теперь впервые въ своей жизни: при болѣе внимательномъ сравненіи легко убѣдиться, что вмѣсто нетерпѣливаго и безотрадно удрученнаго настроенія послѣднихъ лѣтъ школьной жизни подъ тяжкимъ гнетомъ не поддающихся никакимъ перемѣнамъ условій, онъ получалъ теперь полный просторъ для попытокъ къ осуществленію своихъ плановъ на дѣлѣ, въ самой жизни, въ чемъ, естественно, должна была заключаться для его энергической натуры нѣкоторая прелесть и во всякомъ случаѣ обильный источникъ надеждъ и утѣшеній. Испытанія казались ему только неизбѣжнымъ временнымъ зломъ, своего рода школой, преддверіемъ къ настоящей жизни, освѣщенной достойнаго разумнаго существа цѣлью. Такимъ образомъ первыя впечатлѣнія Гоголя въ Петербургѣ и его быстрое разочарованіе въ немъ не только интересны, какъ фактъ, но имѣютъ и несравненно важнѣйшее значеніе для біографіи, показывая намъ юношу въ рѣшительную минуту испытанія, когда должна была выясниться степень прочности и глубины убѣжденій, уже не разъ имъ прежде высказанныхъ въ интимныхъ бесѣдахъ, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, съ разными наиболѣе близкими людьми. Теперь ему самому представлялся случай провѣрить ихъ достоинства, испытать свои силы и состоятельность составленныхъ плановъ и выработаннаго идеала. Таковы были первыя впечатлѣнія Гоголя въ столицѣ.

Два обстоятельства особенно обращаютъ на себя вниманіе въ первыхъ письмахъ Гоголя изъ Петербурга. Во-первыхъ сразу обнаружилось, до какой невѣроятной степени доходило незнакомство домашняго круга Гоголя и его самого съ отдаленной столицей и наивное представленіе о ея фантастическомъ блескѣ, великолѣпіи и удобствахъ жизни [1]), и во вторыхъ, послѣ быстраго разочарованія Петербургомъ въ Гоголѣ пробуждается страстная потребность предаться воспо-

[1]) „Вы, казалось мнѣ, всегда интересовались знать его и восхищались имъ“. (Письмо отъ 30 апр. 1829, V т., стр. 79).

Digitized by Google

минаніямъ прошлаго, оцѣнить только-что покинутую родину и все то, что́ онъ готовъ былъ недавно считать какою-то мрачной могилой, возбуждавшей въ немъ только желчь и отвращеніе. Описанія Петербурга, заключающіяся въ этихъ письмахъ, поражаютъ въ то же время и наблюдательностью автора и самымъ характеромъ сообщаемыхъ о немъ свѣдѣній, показывающихъ, что авторъ предполагалъ въ своей корреспонденткѣ-матери, несмотря на большой интересъ къ Петербургу, полнѣйшее отсутствіе сколько-нибудь удовлетворительнаго представленія объ этомъ городѣ [1]). Благодаря этой провинціальной наивности, къ безпощаднымъ ударамъ общихъ условій столичной жизни не замедлили присоединиться во множествѣ и мелкія непріятныя случайности. Все вмѣстѣ такъ подѣйствовало на Гоголя, что даже внѣшнимъ видомъ Петербурга онъ не остался доволенъ, говоря, что „воображалъ его гораздо красивѣе и великолѣпнѣе“, и рѣшилъ, что всѣ слухи, которые о немъ распускали, были лживы... Но такое недовольство настоящимъ и разочарованіе въ боготворимой прежде столицѣ заставили Гоголя оглянуться назадъ: въ немъ снова вспыхнуло чувство горячей любви къ родной Малороссіи со всею непосредственностью горячаго молодого увлеченія. Примкнувъ въ Петербургѣ къ малороссійскому кружку, состоявшему отчасти изъ бывшихъ школьныхъ товарищей, и поощряемый встрѣченной въ петербургскомъ обществѣ симпатіей и интересомъ къ малороссійской жизни и быту, Гоголь скоро почувствовалъ сильную потребность оживить въ своей памяти просящіеся наружу образы и, какъ человѣкъ практическій, вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не понять, какъ кстати было воспользоваться такимъ настроеніемъ и, удовлетворяя своимъ художественнымъ стремленіямъ, въ то же время извлечь матеріальныя выгоды, столь важныя для него при тогдашнихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Можетъ быть, объ этомъ своемъ предположеніи го-

[1]) Еще удивительнѣе, что даже давно поселившійся въ Петербургѣ дядя Гоголя, Иванъ Косяровскій, оказался совершенно незнакомымъ съ жизнью въ столицѣ, такъ что практическій племянникъ съ неудовольствіемъ отозвался о немъ, что „онъ знаетъ въ петербургскомъ житьѣ столько же толку, сколько всякій провинціалъ“. — „Не понимаю, какъ они живутъ здѣсь, ничего не видя и не слыша“, продолжаетъ онъ изливать свою досаду на дядю. („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 77).

Digitized by Google

воритъ Гоголь въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ второго письма: „Въ Петербургѣ менѣе 120 р. никогда мнѣ не обходится въ мѣсяцъ. Какъ въ этомъ случаѣ не приняться за умъ, за вымыселъ, какъ бы добыть этихъ проклятыхъ подлыхъ денегъ, которыхъ хуже я ничего не знаю въ мірѣ? вотъ я и рѣшился... Когда наши въ полѣ — не робѣютъ. Но какъ много еще и отъ меня закрыто тайною, и я съ нетерпѣніемъ желаю вздернуть таинственный покровъ, то въ слѣдующемъ письмѣ извѣщу васъ объ удачахъ или неудачахъ“ [1]). Правда, мы читаемъ затѣмъ въ слѣдующемъ письмѣ, въ самомъ его началѣ, какъ бы обѣщанное извѣщеніе объ исходѣ блеснувшихъ надеждъ, въ которомъ Гоголь говоритъ о предполагавшейся и едва не осуществившейся даже поѣздкѣ за-границу, но едва ли эта поѣздка могла имѣть какое-либо отношеніе къ пріобрѣтенію денегъ и къ ней въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, конечно, не могла быть примѣнена приведенная Гоголемъ пословица [2]). Между тѣмъ въ томъ же письмѣ, хотя и въ другой части его, гораздо ниже, Гоголь уже обращается къ матери съ извѣстной просьбой о доставленіи ему подробныхъ свѣдѣній о Малороссіи, для чего между прочимъ проситъ ее имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ своего повѣта. Особенно

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 79.

[2]) Быстрое и неожиданное возвращеніе Гоголя изъ-за границы, считавшееся прежде загадочнымъ, объясняется отчасти и приказаніемъ матери, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ письма ея къ П. П. Косяровскому: „Николай мой много занималъ меня своими письмами изъ Германіи, описывая все, что̀ достойно было его примѣчанія, очень занимательно, но, несмотря на то, я ему велѣла возвратиться въ Петербургъ и вступить въ службу“ и проч. (См. „Указатель къ письмамъ Гоголя“, изд. 1-е, стр. 75). — Но болѣе полное разъясненіе читатель найдетъ ниже.

Замѣтимъ только, что до-нельзя рискованныя догадки г-жи Черницкой о горячей страсти нѣжнаго и пылкаго юноши-„однолюба“ къ обольстительному и коварному демону въ образѣ красивой фрейлины А. О. Россетъ (впослѣдствіи Смирновой), кажутся намъ совершенно лишенными вѣроятности, хотя г-жа Черницкая съ величавымъ самоуслажденіемъ и безпредѣльной вѣрой въ свое открытіе щеголяетъ удивительно мѣткимъ и необыкновенно проницательнымъ заявленіемъ о томъ, что Гоголь былъ именно поэтъ-„однолюбъ“ (См. „Сѣверн. Вѣстн.“, 1890, I, 193 — 221). Она же между прочимъ наивно заявляетъ, что, вслѣдствіе скрытности Гоголя, объ этой страсти его никогда ничего не узнала сама Смирнова, предметъ романтическаго обожанія: любопытно знать, кѣмъ же въ эту тайну могла быть посвящена г-жа Черницкая?! Болѣе не вѣроятныхъ догадокъ, признаемся, мы рѣшительно нигдѣ не встрѣчали..

Digitized by Google

подтверждаютъ нашу догадку слова слѣдующаго письма: „Я думаю, вы не забудете моей просьбы извѣщать меня постоянно объ обычаяхъ Малороссіянъ. Я все съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего письма. Время свое я такъ расположилъ, что и самое отдохновеніе, если не теперь, то въ скорости принесетъ мнѣ существенную пользу“ [1]). Наконецъ въ томъ же письмѣ отъ 30 апрѣля Гоголь высказываетъ весьма опредѣленно занимавшія его въ то время мысли и предположенія: „Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ папенькины малороссійскія комедіи: „Овца-Собака“ и „Романъ и Параска“. Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ. За это по крайней мѣрѣ достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ; а, по моему мнѣнію, ничего не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему—и такъ далѣе. Самая малость иногда служитъ большою помощью“ [2]). Такъ преимущественно съ практической точки зрѣнія смотрѣлъ сначала Гоголь на свои литературные опыты, на малороссійскія повѣсти, не придавая имъ, можетъ быть, того значенія, какое онъ придавалъ прежде „Ганцу Кюхельгартену“, и не предвидя еще своего будущаго призванія. Тѣмъ не менѣе результатомъ обращенія къ воспоминаніямъ о родинѣ и о впечатлѣніяхъ отрочества являются чудныя страницы въ „Сорóчинской Ярмаркѣ“. Замѣчательно художественныя описанія природы, описанія родныхъ мѣстъ, связанныхъ съ воспоминаніями юности (Пселъ, самыя Сорóчинцы), картина ярмарки—все это было, безъ всякаго сомнѣнія, воспроизведеніемъ наиболѣе яркихъ и глубокихъ впечатлѣній, таившихся въ его душѣ. Эту повѣсть, несмотря на вліяніе комедій отца, откуда взяты многіе эпиграфы и цѣлая комическая сцена, слѣдуетъ, однако, считать гораздо болѣе самостоятельною, нежели слѣдующую, „Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы“. „Сорóчинская Ярмарка“ была написана во второй половинѣ 1829 г., судя по тому, что Гоголь, сочиняя ее, уже имѣлъ подъ руками комедіи своего отца, которыя онъ проситъ прислать ему въ письмѣ отъ 30 апрѣля этого года. На-

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 83.
[2]) Тамъ же, стр. 82.

Digitized by Google

противъ „Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы“, написанный гораздо позднѣе, на основаніи уже доставленныхъ изъ дому источниковъ, за которые въ первый разъ благодаритъ Гоголь свою мать въ письмѣ отъ 24 іюля 1829 г., повидимому, представляетъ трудъ компилятивный, мозаичный, составленный наскоро на основаніи нѣсколькихъ источниковъ, едва ли не предпринятый, главнымъ образомъ, изъ соображеній экономическаго характера и потому блѣдный въ сравненіи съ первымъ опытомъ, какъ представлявшимъ переработку собственныхъ впечатлѣній. Въ самомъ дѣлѣ, во второмъ письмѣ изъ Петербурга Гоголь довольно подробно намѣчаетъ ту программу, которой должны придерживаться его мать и другіе собиратели необходимыхъ для него свѣдѣній и уже, очевидно, имѣетъ въ виду опредѣленный сюжетъ, для котораго подыскиваетъ матеріалъ, но когда желаніе его было исполнено, то оказалось, что почти все содержаніе повѣсти составилось изъ разныхъ отрывковъ, слѣды сшивки которыхъ могутъ быть легко замѣчены при нѣсколько внимательномъ разсмотрѣніи. Гоголь проситъ, напр., въ письмѣ прислать описаніе костюма и указать точное и вѣрное названіе платья временъ до-гетманскихъ, особенно костюма дьячка, далѣе самое подробное описаніе свадьбы и наконецъ разсказы о повѣріяхъ, духахъ и домовыхъ, при чемъ прямо и прежде всего указываетъ кромѣ коляды на обряды объ Иванѣ Купалѣ. Въ повѣсти мы также находимъ описанія костюмовъ въ двухъ мѣстахъ: краткое въ началѣ и подробное при описаніи свадьбы, далѣе подробно разсказаны повѣрія объ Иванѣ Купалѣ и наконецъ въ серединѣ повѣсти мы находимъ цѣлый эпизодъ, заключающій въ себѣ описаніе свадьбы со всѣми подробностями,—эпизодъ довольно мало и притомъ искусственно связанный съ остальнымъ изложеніемъ, такъ что онъ, по нашему мнѣнію, даже нарушаетъ отчасти единство и цѣлость всей повѣсти. Но въ слѣдующихъ повѣстяхъ Гоголя мы опять замѣчаемъ несомнѣнно больше самостоятельности и таланта.

Этимъ вопросамъ мы посвятимъ ниже нѣсколько особыхъ главъ.

Въ то же время жажда разумной дѣятельности, не мѣшавшая Гоголю иногда легко и свысока относиться къ нѣкоторымъ принятымъ на себя скромнымъ обязанностямъ, ис-

Digitized by Google

кала для себя удовлетворенія на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ и должна была поставить его сначала въ высшей степени тягостное и неопредѣленное положеніе какого-то безпрерывнаго блужданія, до тѣхъ поръ, пока съ теченіемъ времени для него не разъяснился понемногу вопросъ о направленіи своей будущей дѣятельности и способѣ примѣненія силъ для осуществленія своего идеала. Поэтому мы должны строго различать въ его петербургской жизни прежде всего этотъ періодъ мучительныхъ колебаній и постепеннаго уясненія неопредѣленныхъ стремленій, періодъ, ярко характеризуемый постоянными порываніями и невѣрными шагами, вѣроятно самый тяжелый въ его жизни, кромѣ послѣдняго десятилѣтія,— періодъ, представляющій непрерывную борьбу съ самимъ собой и внѣшними обстоятельствами, при чемъ каждый шагъ на пути превращенія первоначальныхъ фантастическихъ мечтаній въ сколько-нибудь реальные образы заключалъ въ себѣ серьезное пріобрѣтеніе, взятое съ бою.

Семилѣтняя жизнь Гоголя въ Петербургѣ, обнимающая все время первой его молодости, по отношенію ко внутреннему развитію писателя, представляетъ послѣдовательно сперва столкновеніе извѣстныхъ намъ неопредѣленно-гуманныхъ стремленій его юности съ дѣйствительностью и непродолжительное разочарованіе, затѣмъ подъ вліяніемъ встрѣтившихся обстоятельствъ постепенную переработку и видоизмѣненіе этихъ мечтаній, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и уклоненій въ разныя стороны и особенно временныхъ увлеченій исторіей, представлявшейся Гоголю одно время настоящимъ его призваніемъ, его спеціальностью, опредѣленіе имъ уже истиннаго своего призванія и потомъ окончательное поглощеніе мечтаній дѣйствительностью. Самыя отношенія Гоголя къ негостепріимной столицѣ, съ которою въ значительной степени были связаны эти мечтанія, въ разсматриваемый промежутокъ времени также неодинаковы: прежнее убѣжденіе въ ничѣмъ незамѣнимой важности Петербурга для людей, желающихъ посвятить свои силы высокому общественному служенію, оставаясь незыблемымъ въ своемъ основаніи, теряетъ, однако, подъ конецъ значительную долю приписываемаго ей исключительнаго значенія. По крайней мѣрѣ, какъ безотчетное увлеченіе Петербургомъ, такъ и сознательное предпочте-

Digitized by Google

ніе его родному югу (см. письма къ Данилевскому) [1]), и даже пламенно-любимой Малороссіи, не надолго омраченное на первыхъ порахъ легкимъ разочарованіемъ, лишь нескоро уступаетъ мѣсто обратному стремленію изъ него въ любимый край, и то вовсе не вслѣдствіе недовольства самой столицей, а только невозможнымъ ея климатомъ. Такимъ образомъ и подъ вліяніемъ горячей любви къ родинѣ, не особенно продолжительное пребываніе Гоголя въ Петербургѣ составляетъ цѣлый періодъ его жизни, который можетъ быть раздѣленъ, въ свою очередь, на нѣсколько небольшихъ, поддающихся болѣе или менѣе естественному и отчетливому разграниченію отдѣловъ. При изученіи этого періода необходимо установить для болѣе удовлетворительнаго уясненія послѣдующаго изложенія исходную точку отправленія, затѣмъ отмѣтить извѣстныя грани, и, наконецъ остановившись на нихъ подробнѣе, прослѣдить въ общихъ чертахъ развитіе Гоголя со времени самаго пріѣзда его въ Петербургъ.

[1]) Жалобы на дурную весну мы находимъ уже въ самый годъ пріѣзда Гоголя въ Петербургъ („приходъ весны въ нашу пыльную столицу, которая вовсе не похожа на весну, заставляетъ меня съ сожалѣніемъ вспоминать о нашей малороссійской веснѣ“); впослѣдствіи онѣ повторялись все чаще, чѣмъ нестерпимѣе становился для Гоголя „водяной городъ“. Въ письмѣ отъ 30 марта 1832 г. (Соч. Гог., V т., 150 стр.) читаемъ: „Напиши, съ котораго времени начинается у васъ весна. Я давно не нюхалъ этого кушанья“, а черезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ прямо говоритъ: „здѣшній проклятый климатъ убійственъ“ и въ письмѣ къ матери: „здѣшній климатъ не Малороссія“. Съ этихъ поръ Гоголя все болѣе начинаетъ тянуть вонъ изъ Петербурга и мысль его охотно останавливается не только на мечтахъ о жизни въ Кіевѣ, но даже въ Москвѣ.

Digitized by Google

IV.

ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА ГОГОЛЯ ЗА-ГРАНИЦУ.

Первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ было употреблено Гоголемъ на всевозможныя хлопоты объ устройствѣ. Впрочемъ по крайней безпечности у него безъ пользы пролежали въ карманѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ. Вначалѣ у него еще были кое-какія небольшія деньги, но ихъ было мало, и приходилось въ первый разъ въ жизни серьезно позаботиться о своей судьбѣ. Только-что оправился онъ отъ простуды, какъ немедленно пошелъ къ Логгину Ивановичу Кутузову, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ Д. П. Трощинскаго. По словамъ А. С. Данилевскаго, Кутузовъ принялъ его очень хорошо, обласкалъ, сразу перешелъ съ нимъ на *ты* и пригласилъ его часто бывать у себя запросто, хотя этимъ почти все и ограничилось.

Но цѣлый рядъ разочарованій и неудачъ произвелъ вскорѣ на Гоголя настолько удручающее впечатлѣніе, что онъ, какъ извѣстно, задумалъ оставить Петербургъ и пуститься за-границу. Въ самомъ началѣ столичной жизни онъ было отдался съ жадностью наблюденіямъ надъ новымъ, незнакомымъ ему міромъ, осмотрѣлъ и изучилъ городъ и его окрестности (Екатерингофъ и проч.), но вскорѣ имъ овладѣли попеременно—сперва безотчетная, но сильная тоска по родинѣ, а потомъ еще болѣе сильное и болѣе неясное ему самому стремленіе куда-то въ даль, въ чужіе края. Очевидно, Гоголь не нашелъ въ Петербургѣ того, что̀ искалъ и на что̀ страстно надѣялся

Digitized by Google

(Данилевскій зналъ объ этомъ, но мало тогда ему сочувствовалъ и не могъ раздѣлять его фантастическихъ стремленій).

Подобно тому, какъ въ Нѣжинѣ Гоголь не могъ примириться съ низменными стремленіями „существователей“, такъ и о петербургской жизни онъ отзывался вскорѣ съ презрѣніемъ: „Тишина въ Петербургѣ необыкновенная; никакой духъ не блеститъ въ народѣ, все служащіе да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все погрязло въ низменныхъ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь ихъ“... Между тѣмъ Гоголя манило что-то необыкновенное; его юношескій пылъ требовалъ идеаловъ, и онъ все еще не терялъ надежды найти что-то необходимое ему на чужбинѣ. Онъ еще не догадывался или не хотѣлъ знать, что обыденная жизнь вездѣ одинакова, что никуда нельзя уйти отъ житейской прозы. Въ душѣ его былъ запросъ на что-то призрачно-грандіозное, на что дѣйствительность не могла дать отвѣта. Его тянуло въ какую-то фантастическую страну счастья и разумнаго, производительнаго труда. По словамъ покойнаго Данилевскаго, такой страной представлялась ему Америка. Не тамъ ли, мечталъ онъ, „передѣлать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности“, какъ онъ писалъ своей матери? Но онъ былъ еще въ полномъ смыслѣ „зеленый“ юноша, и никто даже изъ товарищей не вѣрилъ, чтобы постоянно мѣнявшіяся мечты его могли быть близки къ осуществленію, да и денегъ на большую поѣздку у него недостало бы. Его словамъ и не придавали особеннаго значенія—одни, думая, что онъ по странной привычкѣ, замѣчавшейся въ немъ чуть не съ дѣтства, забавляется мистификаціей и не желаетъ открыть имъ свое настоящее намѣреніе; другіе—нисколько не сомнѣваясь, что если фантазія его и искренна, то изъ нея ничего не выйдетъ. А между тѣмъ вотъ какая перспектива рисовалась его пылкому воображенію: „Пресмыкаться—другое дѣло *тамъ*, гдѣ каждая минута—богатый запасъ опытовъ и знаній; но изжить вѣкъ, гдѣ не представляется впереди совершенно ничего, гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ,—это убійственно!“ Едва ли всѣ эти планы Гоголя не могутъ быть объяснены преимущественно неудовлетворенностью настоящимъ, потому что они мигомъ исчезли, когда

Digitized by Google

онъ вошелъ въ кругъ Плетнева и Пушкина и могъ считать свою жизнь достаточно наполненною.

Но какъ было объяснить эти планы матери, смотрѣвшей на вещи съ обычной точки зрѣнія большинства пожилыхъ провинціаловъ, согласно которой Петербургъ представляется благодарнымъ, если не блестящимъ поприщемъ чиновничьей карьеры. Ей непремѣнно хотѣлось, чтобы сынъ безостановочно шагалъ по служебной лѣстницѣ, что̀ казалось материнскому пристрастію не только естественнымъ, но и законнымъ. Слѣдующія строки одного изъ отвѣтныхъ писемъ Гоголя отчасти знакомятъ насъ съ тѣми широкими надеждами, которыя Марья Ивановна возлагала на будущую карьеру сына: „Вы говорите, почтеннѣйшая маменька, что многіе, пріѣхавъ въ Петербургъ и сначала не имѣвшіе ничего, жившіе однимъ жалованьемъ, пріобрѣли себѣ впослѣдствіи довольно значительное состояніе единственно стараніями и прилежаніемъ по службѣ и приводите въ примѣръ Гежилинскаго. Я вамъ сотню самъ приведу примѣровъ такихъ людей, которые, точно, не имѣя ни гроша, пріобрѣли впослѣдствіи многое; но вспомните, къ какому времени это относится, когда протекало ихъ поприще службы? Зачѣмъ вы не приведете въ примѣръ хотя одного такого, который бы въ нынѣшнее время, т.-е. въ послѣднюю половину царствованія Александра (I) и въ продолженіе царствованія Николая пріобрѣлъ богатство по службѣ? Въ этомъ-то и дѣло, что не тѣ времена. Это вамъ скажетъ всякій, служащій въ столицѣ“... Въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ прямо высказывается самое вѣроятное предположеніе, что подобнаго рода быстрое обогащеніе происходило благодаря взяткамъ. Простодушная Марья Ивановна, не выѣзжавшая дальше Кіева и живя почти безвыѣздно въ деревнѣ, не имѣвшая случая близко присмотрѣться къ ходу служебныхъ дѣлъ, была совершенно проникнута убѣжденіемъ, подкрѣпляемымъ примѣромъ, что достаточно усердно служить въ столицѣ, и можно составить и карьеру, и приличное состояніе. По дѣтской неопытности въ жизни она не повѣрила бы, что ея добрые знакомые, можетъ быть, подобно другимъ, пользовались тѣмъ самымъ простымъ и позорнымъ способомъ обогащенія, который одинъ только и давалъ средства осуществлять подобныя стремленія. Какъ было Гоголю согласить съ такимъ взглядомъ свое отвращеніе къ тому, чтобы „за цѣну,

Digitized by Google

едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, продать свое здоровье и драгоцѣнное время; имѣть въ день свободнаго времени не больше какъ два часа, а прочее все время не отходить отъ стола и переписывать старыя бредни и глупости господъ столоначальниковъ!“.

Безъ сомнѣнія, Марья Ивановна была убѣждена, что сыну ея предстоитъ блистательное поприще, что его ожидаютъ тріумфы и почести, такъ что и ей должно было казаться возмутительнымъ подобное употребленіе времени. Но этого было все-таки мало; пришлось прибѣгнуть къ хитрости — изобрѣсть такой поводъ для предполагаемой поѣздки, который долженъ былъ бы имѣть вполнѣ убѣдительное значеніе въ глазахъ Марьи Ивановны. Ссылаясь на пламенную страсть къ какой-то неизвѣстной особѣ, какъ на причину своей странной поѣздки, Гоголь, по всей вѣроятности, лукавилъ: ни Данилевскій, ни другіе товарищи не видѣли въ немъ никакихъ слѣдовъ романтическихъ увлеченій и вообще никакой нравственной перемѣны. Никогда и впослѣдствіи никому не обмолвился Гоголь ни словомъ объ этой страсти, существовавшей въ его воображеніи. Едва ли не правъ былъ и Кулишъ, выразившійся однажды, что мать Гоголя была единственною его страстью (см. „Русск. Стар.“, 1887, № 3, ст. г-жи Бѣлозерской: „М. И. Гоголь“). Правда, Гоголь былъ весьма скрытенъ по природѣ; но сколько ни припоминалъ А. С. Данилевскій,—все его душевное состояніе и самое поведеніе въ то время нисколько не подтверждали это невѣроятное сообщеніе. Въ нѣкоторыхъ письмахъ къ Данилевскому есть какъ будто намеки на какую-то прежнюю страсть, но слишкомъ неясные. Трудно даже рѣшить, заключается ли въ нихъ что-то похожее на признаніе въ былomъ увлеченіи, или, можетъ быть, напротивъ, сожалѣніе о томъ, что никогда не удалось его испытать. Весьма загадочны, напр., слѣдующія строки, написанныя въ отвѣтъ Данилевскому на изображеніе его пламенной любви къ одной особѣ: „Очень понимаю и чувствую состояніе души твоей, хотя *самому, благодаря судьбу, не удалось испытать*. Я потому говорю: *благодаря* [1]), что это пламя меня бы превратило въ прахъ въ одно мгновеніе. Я бы не нашелъ себѣ въ прошедшемъ наслажденья; я силился бы пре-

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

Digitized by Google

вратить это въ настоящее и былъ бы самъ жертвою этого усилія. И потому-то, къ спасенью моему, у меня есть твердая воля, *два раза отводившая меня отъ желанія заглянуть въ пропасть*. Ты счастливецъ, тебѣ удѣлъ вкусить первое благо въ свѣтѣ—любовь, а я... Но мы, кажется, своротили на байронизмъ" (Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 165). Если въ этихъ словахъ видѣть намекъ на прежнюю страсть, то оправдается увѣреніе Гоголя, что за-границу „онъ бѣжалъ отъ самого себя" (V, 89) и что онъ „увидѣлъ, что нужно бѣжать отъ самого себя, чтобы сохранить жизнь, водворить тѣнь покоя въ истерзанную душу" (V, 89). Но тогда почему же тому же Данилевскому онъ писалъ впослѣдствіи: „Ты спрашиваешь, зачѣмъ я въ Ниццѣ, и выводишь догадки насчетъ сердечныхъ моихъ слабостей. Это, вѣрно, сказано тобой въ шутку, потому что *ты знаешь меня довольно* съ этой стороны" (VI, 66).

Достаточно внимательно прочитать нѣсколько писемъ Гоголя сряду въ разсматриваемую пору и сопоставить ихъ со словами Данилевскаго, чтобы довѣріе къ искренности словъ Гоголя о любви его къ неизвѣстной особѣ поколебалось. Въ письмѣ отъ 22 мая 1829 года Гоголь явно заботится подготовить Марью Ивановну къ убійственному для нея извѣстію о предстоящей продолжительной разлукѣ. Необходимость взять деньги изъ опекунскаго совѣта также могла не мало смущать Гоголя. Наконецъ, онъ просилъ и Данилевскаго съ своей стороны, насколько возможно, помочь ему подѣйствовать на мать. Замѣтивъ въ одномъ письмѣ, въ довольно загадочной формѣ, что „многое еще отъ него закрыто завѣсою", и что онъ „съ нетерпѣніемъ желаетъ вздернуть таинственный покровъ", онъ обѣщалъ извѣстить въ слѣдующій разъ „объ удачахъ или неудачахъ"... „Нынѣшнія извѣстія моего письма не будутъ слишкомъ утѣшительны. Мои надежды не выполнились" (начинаетъ онъ слѣдующее письмо, какъ будто возвращаясь къ обѣщанному сообщенію; по своему обыкновенію онъ подходитъ къ дѣлу издалека). „Все состояло въ томъ, что мои небольшія способности были призрѣны, и мнѣ представлялся прекрасный случай ѣхать въ чужіе края. Это путешествіе, сопряженное обыкновенно съ величайшими издержками, мнѣ ничего не стоило; все бы за меня было заплачено, и малѣйшія мои нужды во время пути долженствовали быть удовле-

Digitized by Google

творены". Послѣ этого слѣдуетъ сообщеніе, что „великодушный другъ скоропостижно умеръ" [1]). Но кто бы могъ быть такимъ великодушнымъ другомъ Гоголя въ совершенно чуждомъ городѣ? А. С. Данилевскій не слыхалъ отъ него ни о чемъ подобномъ. Въ пріемахъ, которыми Гоголь думалъ дѣйствовать на мать, есть что-то отроческое; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, кажется, зная хорошо натуру Марьи Ивановны, мало заботился о послѣдовательности въ своей тактикѣ, но старался больше о томъ, чтобы затронуть чувствительную струну ея материнскаго честолюбія. Разсчитывая этимъ способомъ убѣдить Марью Ивановну, онъ долженъ былъ перенестись на ея точку зрѣнія и заговорить понятнымъ ей языкомъ. Ей ли, которая жила всегда мечтой о томъ, что любимый сынъ прославится, сдѣлается знаменитостью и будетъ извѣстенъ лично государю, могло не польстить, что такъ скоро представился ему случай зарекомендовать себя, и что за достоинства его хотѣли взять заграницу!... Но разсказавъ о своей мнимой неудачѣ и словно переходя уже совершенно къ другому, Гоголь закидываетъ снова словечко о созрѣвавшемъ у него намѣреніи: „Итакъ, я стою въ раздумьѣ на жизненномъ пути, ожидая рѣшенія еще нѣкоторымъ моимъ ожиданіямъ". Правда, онъ говоритъ, между прочимъ, что „ожидаетъ мѣста повыгоднѣе и поблагороднѣе"; но и здѣсь надежда на почетное и хлѣбное мѣсто была скорѣе во вкусѣ матери, державшейся обычныхъ тогда воззрѣній на службу, нежели уносившагося въ тридесятое государство мечтателя-сына. Но опять тотчасъ же дѣлается знаменательная оговорка: „ежели мнѣ и тамъ" (т. е. на новомъ, выгодномъ мѣстѣ) „не повезетъ, если нужно будетъ употреблять много времени на глупыя занятія, то я слуга покорный" [2]). Прося у матери денегъ, онъ высказываетъ какъ будто надежду на лучшее устройство въ Петербургѣ („Дайте мнѣ еще нѣсколько времени укорениться здѣсь; тогда надѣюсь какъ-нибудь зажить состояніемъ"); но это показываетъ скорѣе неустойчивость въ его планахъ, нежели преднамѣренную хитрость, и потому онъ могъ немного позднѣе написать: „несмотря на свои неудачи, я рѣшился—въ угодность вамъ больше—служить здѣсь во что бы то ни стало" [3]).

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 83.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 85.

Digitized by Google

Онъ ли внушилъ Марьѣ Ивановнѣ богатыя надежды на Петербургъ передъ отправленіемъ туда изъ Васильевки, или тутъ дѣйствовали примѣры Гежилинскаго и другихъ—сказать трудно; но вѣроятно обѣ эти причины совпадали и притомъ были согласны съ обычнымъ идеализированіемъ провинціалами далекой, неизвѣстной столицы.

Всѣ указанные маневры имѣли, безъ сомнѣнія, значеніе только подготовительное. Наконецъ, наступило время поднять таинственную завѣсу. Но тутъ никакъ нельзя было обойтись безъ хитрости: сказать прямо, въ чемъ дѣло, значило бы убить мать. Здѣсь на помощь является реторика: „дрожащее въ рукахъ перо и мысли, налегающія тучами одна на другую“ [1]). Наконецъ, обходя прямое объясненіе причины своего рѣшенія, Гоголь ссылается на волю Всевышняго. Какъ у поэта, фантазія у него, быть можетъ, незамѣтно сливается здѣсь съ искреннимъ чувствомъ и вѣрованіемъ. Онъ говоритъ о „вѣчно неумолкаемыхъ желаніяхъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ него, претворивъ его въ жажду, ненасытимую бездѣйственною разсѣянностью свѣта“ [2]). Въ послѣднихъ словахъ, несмотря на нѣкоторую искусственность слога, высказано то искреннее стремленіе къ высокой облагороженной цѣли въ жизни, которое въ сходномъ тонѣ и выраженіяхъ проявилось раньше въ письмахъ къ П. П. Косяровскому („Русск. Старина“, 1876, № 1). Наконецъ, онъ говоритъ прямо и, безъ сомнѣнія, искренно: „Богъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспитать свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра“ [3]). Здѣсь опять звучитъ та же нота, что и въ письмахъ къ дядѣ и къ товарищу Высоцкому.

Разсказавъ о страданіяхъ безнадежной любви, Гоголь не безъ натяжки усматриваетъ въ нихъ дѣйствіе „пекущейся о немъ невидимой десницы“ и прибавляетъ, что Богъ „благословилъ такъ давно назначаемый путь“ [4]). Зная любопытство

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, Стр. 84.
[2]) Стр. 85.
[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V. стр. 85.
[4]) Тамъ же. стр. 86.

Digitized by Google

своей матери и желая отклонить его напередъ, Гоголь умоляетъ ее: „ради Бога, не спрашивайте *ея* имени“ [1]). Между тѣмъ по возвращеніи изъ-за границы онъ позабылъ самъ о представленномъ прежде предлогѣ поѣздки и въ оправданіе придумалъ какую-то болѣзнь, отъ которой будто бы онъ долженъ былъ лѣчиться: „Я, кажется, и забылъ объявить главную причину, заставившую меня ѣхать именно въ Любекъ. Во все почти время весны и лѣта въ Петербургѣ я былъ боленъ; теперь хоть и здоровъ, но у меня по всему лицу и рукамъ высыпала большая сыпь“ [2]). Эти его слова уже не на шутку перепугали Марью Ивановну и заставили ее сдѣлать невыгодное предположеніе; но, по словамъ А. С. Данилевскаго, никакой подобной болѣзни никогда и не было, да это и безъ того очевидно: цѣлью путешествія Гоголя былъ вовсе не Любекъ и даже никакъ не Гамбургъ; это были только первыя станціи на его предполагавшемся пути.

Но достаточно было очутиться Гоголю на морѣ, среди чуждыхъ людей, почувствовать тоску одиночества и жестокіе приступы морской болѣзни и испытать затрудненія отъ незнанія языковъ, какъ въ рѣшительную минуту, еще до отъѣзда, его охватилъ такой ужасъ, который тутъ же чуть не заставилъ его отказаться отъ путешествія. Представивъ себѣ возможность вѣчной разлуки съ матерью и любимыми товарищами, онъ содрогнулся (см. „Авторскую Исповѣдь“). Въ письмѣ къ матери съ дороги онъ уже сознался: „Теперь только, когда я, находясь одинъ посреди необозримыхъ волнъ, узналъ, что́ значитъ разлука съ вами, неоцѣненная маменька, въ эти торжественные, ужасные часы жизни, когда я бѣжалъ отъ самого себя и старался забыть все окружающее меня, мысль: *что̀ я вамъ причиняю симъ*, тяжелымъ камнемъ налегла на душу, и напрасно старался я увѣрить самого себя, что я принужденъ былъ повиноваться волѣ Того, Который управляетъ нами свыше!“

Когда дѣло было уже кончено и не нужно было измышлять мнимыя объясненія, Гоголь далъ матери еще третье и повидимому уже правдивое объясненіе своей фантастической поѣздки: „Вотъ вамъ мое признаніе: одни только гордые по-

[1]) Тамъ же. стр. 86.
[2]) Тамъ же. стр. 90.

Digitized by Google

мыслы юности, проистекавшіе, однакожъ, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ, не будучи умѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко“ (см. письмо отъ 24 сент. 1829 г. [1]). Это объясненіе согласно и съ „Авторскою Исповѣдью“, въ которой нѣтъ ни слова ни о пылкой страсти, ни о болѣзни.

Извѣстенъ разсказъ Прокоповича о томъ, какъ онъ былъ изумленъ, неожиданно увидѣвъ въ своей квартирѣ возвратившагося изъ-за границы Гоголя съ лицомъ, закрытымъ руками. Не менѣе удивленъ былъ и А. С. Данилевскій, когда онъ, входя къ Прокоповичу, услышалъ звуки хорошо знакомаго голоса. Хотя, по собственнымъ словамъ его, онъ совершенно не вѣрилъ въ серьезность плана, составленнаго Гоголемъ, и предвидѣлъ его скорое возвращеніе, но все-таки никакъ не ожидалъ, что это случится такъ быстро.

„Фактическая сторона въ этомъ разсказѣ“—говоритъ авторъ статьи въ „Русской Жизни“ — отличается неточностію, о причинахъ которой мы скажемъ сейчасъ нѣсколько словъ; но за то изъ него мы узнаемъ основную, психологическую (т. е. независѣвшую отъ текущихъ обстоятельствъ) причину его неожиданной поѣздки.

„Мнѣ всегда казалось“, говоритъ Гоголь, „что въ жизни моей мнѣ предстоитъ какое-то большое самопожертвованіе, и что именно для службы моей отчизнѣ я долженъ буду воспитаться гдѣ-то вдали отъ нея.

„Я не зналъ, ни какъ это будетъ, ни почему это нужно; я даже не задумался объ этомъ, но видѣлъ самого себя такъ живо въ какой-то чужой землѣ тоскующимъ по своей отчизнѣ; картина эта такъ часто меня преслѣдовала, что я чувствовалъ отъ нея грусть. Можетъ быть, это было, просто, то непонятное поэтическое влеченіе“, которое тревожило иногда и Пушкина, ѣхать въ чужіе края, единственно затѣмъ, чтобы, по выраженію его,

Подъ небомъ Африки моей
Вздыхать о сумрачной Россіи.

„Какъ бы то ни было, но это противувольное мнѣ самому влеченье было такъ сильно, что не прошло пяти мѣсяцевъ по

---

[1]) Тамъ же, стр. 95.

Digitized by Google

прибытіи моемъ въ Петербургъ, какъ я сѣлъ уже на корабль, не будучи въ силахъ противиться чувству, мнѣ самому непонятному. Проектъ и цѣль моего путешествія были очень неясны.

„Я зналъ только то, что ѣду вовсе не затѣмъ, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорѣй чтобы натерпѣться, точно какъ бы предчувствовалъ, что узнаю цѣну Россіи только внѣ Россіи и добуду любовь къ ней внѣ ея. Едва только очутился въ морѣ, на чужомъ кораблѣ, среди чужихъ людей (пароходъ былъ англійскій, и на немъ ни души русской), мнѣ стало грустно; мнѣ сдѣлалось такъ жалко друзей и товарищей моего дѣтства, которыхъ я всегда любилъ, что прежде, чѣмъ вступить на твердую землю, я уже подумалъ о возвратѣ. Три дня только я пробылъ въ чужихъ краяхъ и, не смотря на то, что новость предметовъ начала меня завлекать, я поспѣшилъ на томъ же самомъ пароходѣ возвратиться, боясь, что иначе мнѣ не удастся возвратиться".

Такимъ образомъ, основнымъ психологическимъ мотивомъ поѣздки Гоголя было невольное поэтическое влеченье, созрѣвшее на почвѣ его поэтическаго воображенія и только поддержанное всѣми тѣми обстоятельствами, о которыхъ мы говорили въ предъидущей статьѣ (см. „Рус. Жизнь", № 138). Что же касается до фактическихъ неточностей этого мѣста въ „Автор. Испов." Гоголя, то онѣ объясняются, по нашему мнѣнію, довольно просто. Гоголь говоритъ, что онъ уѣхалъ за-границу черезъ пять мѣсяцевъ по прибытіи въ Петербургъ, а въ дѣйствительности поѣздка эта произошла черезъ семь мѣсяцевъ. Очевидно, онъ не могъ точно вспомнить или того, въ какомъ мѣсяцѣ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, или того, въ какомъ мѣсяцѣ уѣхалъ за-границу. Помнилъ только, что пріѣхалъ въ Петербургъ зимою, а уѣхалъ за-границу лѣтомъ; поэтому и опредѣлилъ промежутокъ времени между этими двумя событіями приблизительно въ полгода. Что эта неточность произошла отъ простой и совершенно естественной забывчивости, доказывается тѣмъ, что Гоголь нѣсколько разъ мѣнялъ свое указаніе: сначала написалъ: „пріѣхавши въ Петербургъ", потомъ поправилъ: „не прошло мѣсяца" и уже наконецъ написалъ: „не прошло пяти мѣсяцевъ" (Соч., Изд. 10, IV, 557). Такимъ образомъ, эта неточность объясняется довольно легко и не представляетъ особенной важности.

Digitized by Google

Гораздо интереснѣе, въ психологическомъ отношеніи, его показаніе, что онъ пробылъ за-границей только три дня, тогда какъ въ дѣйствительности онъ пробылъ тамъ (выключая время, проведенное имъ въ дорогѣ) приблизительно съ 13 авг. по 16 сент., т. е. съ небольшимъ мѣсяцъ (см. письма его къ матери 13 авг. и 24 сент., Кулишъ, V, 89 и 96). Очевидно, поѣздка эта оставила въ немъ впечатлѣніе чего-то быстраго, тревожнаго, промелькнувшаго въ его жизни въ одинъ моментъ.—А это прямо свидѣтельствуетъ о сильной, всего его поглотившей душевной тревогѣ, побуждавшей его ловить внѣшнія впечатлѣнія только для того, чтобы чѣмъ-нибудь занять себя и отвлечь свое вниманіе отъ мучительнаго душевнаго волненія, которое въ такихъ сильныхъ натурахъ, какъ Гоголь, можетъ заходить до невѣроятной степени напряженія".

Digitized by Google

V.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ПИСЕМЪ ГОГОЛЯ КЪ МАТЕРИ 1829—1830 ГОДА.

Переписка Гоголя съ матерью отъ 1829 года до 1831 г. все еще далеко не можетъ быть названа ни разнообразной по содержанію, ни богатой интересными для біографіи фактами. Въ этомъ отношеніи она пока представляетъ замѣтную противоположность съ послѣдующими годами его петербургской жизни, когда, сдѣлавшись человѣкомъ уже извѣстнымъ и составивъ себѣ опредѣленное положеніе, онъ вступилъ въ сферу болѣе широкихъ интересовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самый кругъ его знакомства значительно увеличился. Неудивительно поэтому, что глава, посвященная г. Кулишемъ, указанному двухлѣтію, состоитъ изъ сплошныхъ выписокъ наиболѣе важныхъ мѣстъ съ прибавленіемъ къ нимъ лишь изрѣдка, главнымъ образомъ ради связи, короткихъ замѣчаній, наполняющихъ собою перерывы... Не менѣе ощутительною является крайняя скудость воспоминаній о Гоголѣ другихъ лицъ, касающихся этого времени, изъ которыхъ кромѣ небольшой замѣтки Мундта—въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (1861 года, № 235 [1]), о попыткѣ Гоголя поступить въ актеры—можно указать единственно небольшую газетную статейку въ „Берегѣ“, свѣдѣнія которой почерпнуты авторомъ изъ разсказовъ товарища и сожителя Гоголя въ Петербургѣ, г. Пащенка, поселившагося въ первое время втроемъ съ Гоголемъ

[1]) Она была потомъ перепечатана въ „Новомъ Времени“.

Digitized by Google

и Данилевскимъ [1]). Несмотря на свое неточное заглавіе „Гоголь въ Нѣжинѣ", статейка заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя воспоминанія и о послѣдующей его жизни. Далѣе можно указать замѣтку о службѣ Гоголя въ министерствѣ удѣловъ въ „Сборникѣ студентовъ с.-петербургскаго университета" (1857 г., т. I), заслуживающую вниманія въ томъ отношеніи, что въ ней находится извлеченіе изъ оффиціальныхъ документовъ названнаго департамента. Наконецъ остаются нѣкоторыя мѣста изъ „Авторской Исповѣди"—и только!

Въ самыхъ письмахъ, большею частью значительныхъ по объему, много недомолвокъ и сообщеній настолько неясныхъ, что даже корреспондента Гоголя не разъ затруднялась удовлетворительнымъ пониманіемъ и, случалось, настаивала на болѣе подробномъ и обстоятельномъ разъясненіи того, о чемъ Гоголь упоминалъ сначала только мимоходомъ. Наконецъ положеніе Гоголя, неопредѣленное и неустановившееся, въ связи съ нѣсколько смутнымъ міросозерцаніемъ, служитъ немалымъ затрудненіемъ для разъясненія многихъ жившихъ въ немъ противорѣчій, оставшихся большею частью неясными для него самого въ продолженіе всей жизни. Въ разсматриваемое время Гоголь рѣшительно не зналъ, какъ распорядиться собою и къ чему себя пристроить. „Прежде, чѣмъ вступить на поприще писателя" говоритъ онъ, „я перемѣнилъ множество разныхъ мѣстъ и должностей, чтобы узнать, къ которой изъ нихъ я былъ больше способенъ; но не былъ доволенъ ни службой, ни собой, ни тѣми, которые надо мною были поставлены" [2]).

Важно, однако, то, что въ письмахъ разсѣяно не мало отдѣльныхъ намековъ и указаній, на которые необходимо обратить вниманіе, особенно въ виду соотвѣтствія ихъ съ разсказами г. Пащенка и собственными показаніями Гоголя, и, по

---

[1]) Впрочемъ въ письмахъ Гоголя и въ біографіи его г. Кулиша объ этомъ сожительствѣ не упоминается ни разу и даже по многимъ отрывочнымъ указаніямъ можно думать, что Гоголь жилъ только съ Данилевскимъ. Напримѣръ на стр. 80: „Когда еще стоялъ я вмѣстѣ съ Данилевскимъ, тогда еще ничего, а теперь очень ощутительно для кармана: что̀ тогда платили пополамъ, за то самое плачу теперь одинъ». Впрочемъ А. С. Данилевскій говорилъ, что, быть можетъ, на короткое время, до пріисканія квартиры, присоединился къ нимъ и Пащенко и затѣмъ вскорѣ уѣхалъ.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV. стр. 250—251.

Digitized by Google

нашему мнѣнію, необходимо тщательно воспользоваться этими немногочисленными обрывками для цѣлей біографіи. Задача будущей полной біографіи должна заключаться, между прочимъ, въ опредѣленіи на основаніи столь скудныхъ источниковъ, что̀ можетъ быть выдѣлено и принято изъ показаній Гоголя въ его „Авторской Исповѣди“ за достовѣрное, что̀ было имъ дѣйствительно сознаваемо и правдиво передано, и что̀ явилось подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ мнѣній и нападокъ, посыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ и заставившихъ его во многихъ отношеніяхъ посмотрѣть на себя и на свое прошедшее иначе, нежели онъ смотрѣлъ бы независимо отъ этой причины [1]). Особенное затрудненіе для изученія фактовъ въ данномъ случаѣ представляетъ туманность нѣкоторыхъ мѣстъ „Исповѣди“, явившаяся естественнымъ слѣдствіемъ туманности самыхъ воззрѣній автора, и та отличительная черта переписки Гоголя разсматриваемаго времени, благодаря которой онъ не любилъ преждевременно и притомъ въ опредѣленной формѣ сообщать о своихъ планахъ и предположеніяхъ, между прочимъ изъ опасенія возможныхъ неудачъ. А между тѣмъ въ разсматриваемые два года, особенно въ первый изъ нихъ, онъ дѣйствительно жилъ еще одними планами. „Наскучилъ я вамъ разсказами о себѣ“, говоритъ онъ однажды матери (письмо отъ 16 апрѣля 1831 года). „Человѣкъ, какъ, кажется, съ виду ни исполненъ самоотверженія, а всегда на дѣлѣ эгоистъ, всегда охотнѣе заговаривается о себѣ“ [2]). Сильно развитое самолюбіе, несомнѣнно, также часто не позволяло Гоголю ставить себя преждевременными извѣщеніями въ смѣшное или рискованное положеніе хотя бы даже передъ любимою матерью, и нельзя не согласиться, что, при его самомнѣніи и широкихъ замыслахъ, для такого опасенія не было

[1]) Ниже мы постараемся отчасти дать отвѣтъ на поставленные здѣсь вопросы. Можно также, напр., сомнѣваться въ справедливости (но не *искренности*) слѣдующихъ словъ Гоголя въ одномъ изъ подобныхъ сихъ писемъ, гдѣ Гоголь говорилъ, что еще въ юности, „если встрѣчалъ на дорогѣ что-нибудь сомнительное, не останавливался и не ломалъ голову, а махнувши рукой и сказавши: „объяснится потомъ“, шелъ далѣе своей дорогой, и точно Богъ помогалъ мнѣ, и все потомъ исполнялось само собой“. („Соч. и письма Гоголя“, т. VI, стр. 73). Не перенесены ли здѣсь привычки и взгляды зрѣлаго возраста на болѣе ранній?

[2]) „Соч. и письма Гоголя“. т. V. стр. 130.

Digitized by Google

недостатка въ основаніи. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ переписки, отчасти указаннымъ раньше, можно полагать, что и мать Гоголя мало была расположена выслушивать ничѣмъ не оправдываемыя мечтанія, въ чемъ ему приходилось убѣждаться и прежде, хотя она же позднѣе такъ легко поддавалась искушенію говорить объ извѣстности и дарованіяхъ своего кумира. Гоголь хорошо сознавалъ, что вполнѣ откровенное сознаніе въ занимавшихъ его мечтахъ многимъ, даже самымъ близкимъ и доброжелательнымъ людямъ, могло казаться неосновательнымъ хвастовствомъ; наконецъ онъ, можетъ быть, просто не любилъ распространяться о томъ, что относилось къ области проектовъ, избѣгая лишнихъ разговоровъ. „Ежели для настоящаго пріобрѣтенія знаній“, пишетъ онъ Петру Петровичу Косяровскому 8 сент. 1828 года—„не буду имѣть всѣхъ способовъ, могу прибѣгнуть покуда къ другому; вы еще болѣе не знаете всѣхъ моихъ достоинствъ“. (Далѣе слѣдуетъ перечень извѣстныхъ ему ремеслъ). „А что еще болѣе, за что я всегда благодарю Бога, это за свою настойчивость и терпѣніе, которыми прежде мало обладалъ: теперь ничего изъ начатаго мною я не оставляю, пока совершенно не кончу. Не для того, чтобы хвалить себя, я говорю это, но чтобы обезпечить васъ на счетъ моей будущей участи“ [1]). Тѣмъ не менѣе эти слова все же чрезвычайно похожи на похвальбу... Были примѣры, что къ увѣреніямъ подобнаго рода мать относилась холодно; но какъ же было этого избѣгнуть помимо скрытности, при томъ высокомъ о себѣ мнѣніи, какое имѣлъ Гоголь? Впрочемъ, если въ письмахъ къ матери и проявляется такимъ образомъ сдержанность, а отчасти, и врожденная скромность нашего писателя, то она не даетъ намъ права, однако, относить это къ *личной* неоткровенности его къ матери, съ которой онъ всегда дѣлился своими задушевными мыслями и надеждами, но только сообщалъ о нихъ обыкновенно въ формѣ нѣсколько отвлеченной, такъ сказать, алгебраической, безъ точнаго указанія на имена и факты. Со временемъ, когда исходъ его предначертаній становился извѣстенъ, то онъ немедленно и ясно, хотя и коротко, сообщалъ о немъ матери. Мы увѣрены, что при внимательномъ вниканіи удалось бы постепенно разъяснить почти все,

[1]) „Русск. Стар.“, 1876, I, 40.

Digitized by Google

что въ эту пору особенно занимало его мысли. Едва ли усомнится въ нашихъ выводахъ тотъ, кто возьметъ на себя трудъ прослѣдить ихъ, хотя бы при помощи бѣглаго пересмотра нѣсколькихъ писемъ, обративъ вниманіе на нѣкоторыя загадочныя выраженія въ непосредственно слѣдующихъ одно за другимъ письмахъ, очевидная связь которыхъ предстала бы въ такомъ случаѣ съ достаточною наглядностью [1]). Надо помнить, что вообще опредѣленность и ясность непосредственно выступаютъ у Гоголя лишь тамъ, гдѣ онъ говоритъ о вещахъ обыкновенныхъ, о нуждахъ и просьбахъ, или описываетъ какую-нибудь мѣстность, городъ, гулянье. Остальныя части писемъ обыкновенно или проникнуты мистическими размышленіями о своей участи и о дѣйствіи Промысла, проявляющагося въ каждомъ шагѣ юноши и въ каждомъ выдающемся событіи его жизни, или состоятъ изъ лирическихъ изліяній въ изъявленіяхъ благодарности матери за ея постоянныя попеченія и въ заботахъ о ея настоящемъ и будущемъ.

Въ свою очередь, и мать Гоголя, отпустивъ его на чужбину, естественно, относится къ нему съ величайшею заботливостью. Къ сожалѣнію, она не была чужда извѣстныхъ недостатковъ, свойственныхъ многимъ любящимъ матерямъ. Свою попечительность она простирала нерѣдко до мелочей и, смотря на вещи съ своей точки зрѣнія, склонна была придавать значеніе многому, что было ничтожнымъ въ глазахъ сына, и, наоборотъ, игнорировать или перетолковывать по своему, иногда въ непріятномъ для сына смыслѣ, то, что составляло предметъ его особенныхъ увлеченій. Слѣды нѣкотораго взаимнаго непониманія встрѣчаются нерѣдко въ перепискѣ. Иногда, не удовлетворяясь слишкомъ короткими сообщеніями сына, мать требуетъ отъ него болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, и даже отчета, и Гоголь находитъ умѣстнымъ

---

[1]) Въ дѣльной рецензіи „Историческаго Вѣстника“ на мою книгу „Ученическіе годы Гоголя“ (1887 г., февраль), по поводу послѣднихъ моихъ словъ было замѣчено, что напрасно я отклонилъ отъ себя эту любопытную работу. Но, принявъ съ благодарностью всѣ другія указанія рецензіи (такъ, согласно справедливому желанію рецензента, мною были собраны потомъ всѣ возможныя, хотя все-таки скудныя свѣдѣнія объ отцѣ Гоголя), я долженъ объяснить, что мною сдѣлано то, что пока возможно, тогда какъ въ будущемъ явится, можетъ быть, возможность дополнить этотъ матеріалъ новыми данными.

Digitized by Google

отвѣчать ей на запросы по пунктамъ, въ числѣ которыхъ оказываются между прочимъ свидѣтельствующіе о томъ, что ея любопытство простиралось часто на мелочи. Такъ она желаетъ не только знать о времени поступленія сына на службу въ департаментъ удѣловъ (даже объ этомъ Н. В. не сообщилъ ей раньше ничего опредѣленнаго), но и имена всѣхъ его начальниковъ, о чемъ Гоголь и доводитъ тотчасъ же до ея свѣдѣнія, ограничиваясь однимъ лишь голымъ перечнемъ именъ и не дѣлая никакихъ характеристикъ. Интересовалась ли мать его одною внѣшнею стороною дѣла, что̀ и вызвало съ его стороны подобный отвѣтъ, или, напротивъ, причиной такой странности была вина несообщительнаго сына, съ увѣренностью сказать трудно, но, повидимому, болѣе вѣроятно первое (см. письмо отъ 3 іюня 1830 г.) [1]). Марья Ивановна разстроивалась и озабочивалась совершенно безразличными вещами; невозможно было предвидѣть, что̀ ее встревожитъ, огорчитъ и обезпокоитъ. „Ваше благословеніе неотлучно со мною. Прошу только васъ не давать поселяться въ сердцѣ вашемъ безпокойству на счетъ меня. Въ письмѣ вашемъ между прочимъ вы безпокоитесь, что квартира моя на пятомъ этажѣ. Это здѣсь не значитъ ничего, и, вѣрьте, во мнѣ не производитъ ни малѣйшей усталости. Самъ государь занимаетъ комнаты не ниже моихъ; напротивъ, вверху гораздо чище и здоровѣе воздухъ [2]) и потомъ прибавляетъ успокоеніе о начальникахъ, увѣряя, что они люди вполнѣ хорошіе и что онъ съ своей стороны ими также доволенъ. Вѣроятно, вслѣдствіе той же недостаточной сообщительности Гоголя, а также и по своей мнительной натурѣ Марья Ивановна была чрезвычайно склонна къ подозрѣніямъ и преувеличенію доходившихъ до нея извѣстій, при чемъ какъ-то слишкомъ легко вѣрила всякимъ слухамъ. То ей представится вдругъ безъ всякаго основанія мысль, что пасквильная статья, прочитанная ею въ журналѣ, написана ея любимымъ сыномъ, и она не стѣсняется тотчасъ высказать свое нелестное предположеніе, не обращая вниманія даже на то, что статья и подписана-то другимъ именемъ и что притомъ сынъ уже предупреждалъ ее, что въ присылаемой книжкѣ его статей нѣтъ:—

1) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 112.
2) Тамъ же, стр. 120.

Digitized by Google

то она готова вѣрить разсказамъ о невоздержномъ образѣ его жизни, о несоблюденіи имъ самыхъ простыхъ правилъ вѣжливости и проч. На такіе случаи проявленія ея подозрительности приходится наталкиваться довольно часто при чтеніи писемъ. (См. особенно письмо отъ 19 дек. 1830 г., цѣликомъ посвященное Гоголемъ вынужденнымъ оправданіямъ) [1]). Незаслуженная, или, по меньшей мѣрѣ, преувеличенная, недовѣрчивость матери иногда заставляетъ его оправдываться и тотчасъ послѣ этого вновь извиняться въ томъ, что его оправданіе походитъ будто бы на выговоръ, тогда какъ въ сущности оно чрезвычайно сдержанно и самое рѣзкое въ немъ составляютъ два - три довольно почтительныхъ и кроткихъ упрека. „Мнѣ больно то, что вы сами, маменька, обо мнѣ говорите худое?“ Или: „Не знаю, чѣмъ я утратилъ ваше ко мнѣ довѣріе; я вамъ говорилъ, что вы не встрѣтите въ присылаемомъ вамъ журналѣ ничего моего; вы мнѣ не повѣрили“) [2]).

По поводу этого считаемъ умѣстнымъ привести слѣдующія строки изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи писемъ Марьи Ивановны Гоголь къ дядѣ Н. В. Гоголя, Петру Петровичу Косяровскому, отъ 11 іюля 1830 года: „Сынъ мой, слава Богу, здоровъ; я получила отъ него письмо скоро послѣ написанія къ вамъ. Я бы не воображала о немъ безпокоиться, но Авдотьи Степановны письмо („Леонтьевой, сосѣдки и короткой знакомой семейства Гоголей“), было написано въ такомъ странномъ родѣ, что испугало меня ужасно. Я знаю, что часто ему нельзя писать по причинѣ его многихъ занятій по должности и притомъ еще отвлеченныхъ, удовлетворяя своей страсти сочинять (sic!), хотя онъ хочетъ показать мнѣ, что необходимость заставляетъ его симъ заниматься, оттого, что трудно себя содержать однимъ жалованьемъ [3]).

[1]) Тамъ же, стр. 122—125.

[2]) Впрочемъ и этимъ извиненіемъ Гоголь не ограничился; далѣе онъ прибавляетъ: „Но чувствую, что я заговорился много о пустякахъ, и мое оправданье походитъ даже нѣсколько на выговоръ. Простите, великодушная моя маменька, оскорбленному нѣкотораго рода самолюбію, которое таится у всякаго человѣка и заставляетъ его защищать себя отъ часто несправедливо возводимыхъ худыхъ качествъ“ и проч.—Кажется, самый взыскательный судья не могъ бы усмотрѣть въ приводимыхъ строкахъ признаковъ сыновней непочтительности.

[3]) Эти слова были вызваны, очевидно, слѣдующими выраженіями Н. В. въ

Digitized by Google

„Но тѣмъ онъ только хочетъ извинить свою склонность къ сему роду занятій. Мнѣ очень не нравится, что онъ себя такъ изнуряетъ, не имѣя времени къ отдохновенію, занимаясь по службѣ и не имѣя покоя дома. Но вижу точно большой даръ въ немъ къ сочиненію. Читаю ихъ, хотя они еще безъ подписи его имени—считаетъ еще недостойными подписывать. Онъ присылаетъ мнѣ одинъ изъ лучшихъ журналовъ, подъ названіемъ „Отечественныя Записки,“ который, онъ пишетъ, достается ему даромъ, потому что онъ помѣщаетъ тамъ свои статейки. Но всѣ онѣ безъ подписи, и я по однѣмъ догадкамъ только узнаю, что его: иныя малороссійскія, въ которыхъ помѣщены мужиковъ нашихъ имена и фамиліи, которыя онъ находилъ странными. При сихъ журналахъ прислалъ мнѣ и новый нравственный романъ, который, пишетъ, получилъ отъ самого сочинителя. Мнѣ любопытно было его узнать, но подписи не было, и по слогу заключаю, что долженъ быть его, и написала теперь ему, что излишняя уже скромность не подписать на немъ своего имени; не знаю, что то онъ ко мнѣ будетъ отвѣчать. Романъ сей сочиненъ отлично, характеры выставлены чрезвычайно *и добродѣтель въ высокой степени*“. Этотъ отрывокъ любопытенъ, какъ образчикъ наивныхъ сужденій матери Н. В. о первыхъ опытахъ сына. Предположеніе ея относительно выше упомянутаго романа и еще какой-то статьи, однакожъ, оказалось несправедливымъ и вызвало со стороны послѣдняго бурю негодованія.

Нѣсколько болѣе рѣзкое мѣсто встрѣчается въ одномъ письмѣ Гоголя 1832 года: „Еще слово о вашемъ письмѣ: ради Бога, не будьте такъ мнительны. Если бы вы хорошенько вникнули въ мое письмо, вы бы увидѣли, что это было сказано совершенно не въ томъ смыслѣ, и вовсе не серьезно о томъ, что вы имѣете причину скрывать отъ меня. Мнѣ, просто, было досадно на вашу забывчивость, и *чтобы отомстить вамъ и разсердить васъ*, я написалъ это“ [1]). Если бы кому-нибудь попались на глаза однѣ эти строки, безъ связи съ контекстомъ, то они могли бы подать поводъ усомниться въ вѣр-

письмѣ къ матери отъ 3 іюня 1830 г.: „Литературныя мои занятія и участіе въ журналахъ я давно оставилъ, хотя одна изъ статей моихъ доставила мнѣ мѣсто, нынѣ мною занимаемое“ и проч. (См. „Письма Гоголя“, т. V, стр. 114).

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 146.

Digitized by Google

ности освѣщенія фактовъ въ нашей группировкѣ отдѣльныхъ мѣстъ; но, чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ, достаточно справиться съ тѣмъ, о чемъ говоритъ Гоголь въ предшествующемъ письмѣ, гдѣ мы читаемъ слѣдующія строки: „Признаюсь, хотя бы мнѣ очень желалось знать званіе жениха сестры, откуда онъ, отчего живетъ въ нашихъ мѣстахъ, имя, по крайней мѣрѣ фамилію; но такъ какъ вы почитаете за нужное не объявлять мнѣ это, то я и не смѣю требовать, будучи твердо увѣренъ, что вы, вѣрно, имѣете на то основательныя причины“ [1]). Интересно знать, что увидѣла ужаснаго въ этихъ словахъ, „мать слабая, подобно всѣмъ матерямъ“, но нѣтъ сомнѣнія, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что она, по извѣстной пословицѣ, „изъ мухи сдѣлала слона“ и что по временамъ она была скупа на важныя извѣстія не меньше сына, хотя бы это происходило отъ простой разсѣянности. При такой чрезмѣрной мнительности ея удивительно не то, что Гоголь не сообщалъ ей о своихъ планахъ съ полной ясностью, но удивительна скорѣе нѣкоторая его сыновняя довѣрчивость и извѣстная потребность обмѣна чувствъ, которая замѣтна на каждой страницѣ. Сдержанность и у него проявлялась до нѣкоторой степени и относилась преимущественно къ области тѣхъ мечтаній, которыя могли и не осуществиться, но въ остальномъ онъ былъ, кажется, вполнѣ откровененъ, и въ бесѣдахъ съ матерью у него вырываются-таки иногда и не совсѣмъ скромныя, но естественныя и извинительныя въ интимной перепискѣ увѣренія въ своей твердости и энергіи, качествахъ, которыми онъ, повидимому, гордился больше всего, какъ видно и изъ письма къ Петру Косяровскому. „Вы знаете, что я одаренъ твердостью, даже рѣдкою въ молодомъ человѣкѣ“ [2]). Или въ письмѣ къ матери: „Чего не извѣдалъ я въ короткое время? Иному во всю жизнь не случалось имѣть такого разнообразія. Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого, я думаю, рѣдкій царь могъ

[1]) Тамъ же, стр. 144. Рѣчь идетъ о предстоявшей свадьбѣ старшей сестры Гоголя, Марьи Васильевны, съ Павломъ Осиповичемъ Трушковскимъ, о которомъ см. въ „Указателѣ къ письмамъ Гоголя“, изд. I, стр. 60. Объ этомъ бракѣ Марья Ивановна извѣщала П. П. Косяровскаго въ слѣдующихъ строкахъ: „По волѣ Божіей у меня теперь перемѣна въ семействѣ: дочь моя, Машенька, вышла замужъ за уроженца краковскаго, служащаго въ Полтавѣ“.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V. стр. 85.

Digitized by Google

имѣть. Зато какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ! какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей! Неугасимо горятъ во мнѣ стремленія — польза. Мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства“ и проч... [1]).

Возвращаясь опять къ характеристикѣ отношеній Гоголя къ матери въ юности, отмѣтимъ еще однородные факты, чтобы имѣть право сдѣлать опредѣленный выводъ и отклонить отъ себя возможное обвиненіе въ пристрастномъ отношеніи къ нашему писателю. Мы видѣли раньше, что стоило Гоголю, еще бывши гимназистомъ, заикнуться о своихъ опасеніяхъ относительно предстоящаго экзамена, и матери уже представлялось, что все время школьнаго обученія для него пропало даромъ; то же самое было и теперь: едва только она узнала изъ письма о его болѣзни, какъ ей тотчасъ приходитъ на мысль, что его постигла именно самая мучительная и позорная болѣзнь, и она, не долго думая, рѣшается высказать ни на чемъ не основанное подозрѣніе. „Въ первый разъ въ жизни, и дай Богъ, чтобы въ послѣдній, получилъ такое страшное письмо. Мнѣ казалось все равно, какъ-будто я слышу проклятіе“ [2]), отвѣчалъ на это Гоголь. Неудивительно послѣ этого, что въ другой разъ по поводу безпокойства, вызваннаго сообщеніемъ о пораненіи руки стекломъ, Гоголь уже самъ успокоиваетъ мать. „До сихъ поръ не могу постичь, отчего произошло недоумѣніе и безпокойство, услышавши, что я обрѣзалъ стекломъ себѣ руку (еще бы ничего, если бы кинжаломъ, ножемъ или другимъ какимъ орудіемъ). Не представлялось ли вамъ, почтеннѣйшая маменька, что я гдѣ-нибудь на вакхической пирушкѣ, въ припадкѣ излишней веселости, вздумалъ поколотить рюмки и бутылки, или, чего добраго, не пожелалось ли мнѣ пролѣзть куда-нибудь въ окошко?“ [3]) Неудивительно также, что ему приходится наконецъ увѣрять, что „нравственность его въ бытность въ Петербургѣ была чище, нежели въ заведеніи и дома“.

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 127—128.
[2]) „Соч. и письма Гоголя“. т. V. стр. 95.
[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V. стр. 127—128.

Digitized by Google

VI.

РАЗБОРЪ МНѢНІЙ Г-ЖИ БѢЛОЗЕРСКОЙ И Г-ЖИ ЧЕРНИЦКОЙ ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ГОГОЛЯ КЪ МАТЕРИ.

Подобные указаннымъ необдуманные упреки и обвиненія со стороны подозрительной матери подали впослѣдствіи поводъ къ рѣзкому и безпощадному осужденію Гоголя г-жей Бѣлозерской въ ея біографическомъ очеркѣ: „М. И. Гоголь“ („Русская Стар.“, 1887 г.). Разсматривая письма Гоголя къ матери, г-жа Бѣлозерская пришла къ заключенію, что онъ былъ бездушный эгоистъ. безъ стѣсненія и безъ благодарности пользовавшійся постоянно приносимыми для него матерью жертвами.

Нѣсколько позднѣе въ іюньской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ 1889 г., появился еще одинъ очеркъ, посвященный отношеніямъ Гоголя къ матери и принадлежащій перу г-жи Черницкой, пришедшей на основаніи тѣхъ же данныхъ, къ діаметрально противоположнымъ заключеніямъ и во всемъ винившей М. И. Гоголь. Свой трудъ г-жа Черницкая начинаетъ указаніемъ предшествующихъ статей по тому же предмету, которыя представляются ей болѣе или менѣе односторонними. Съ своей стороны она задается цѣлью исправить допущенныя въ нихъ неточности и дополнить пробѣлы. И дѣйствительно, ея добросовѣстный и самостоятельный очеркъ является далеко не лишнимъ въ ряду прочихъ. Главная заслуга статьи именно въ желаніи и умѣніи подойти къ вопросу безъ предвзятыхъ взглядовъ, которые такъ много вредятъ дѣлу изслѣдованія. Но, по нашему мнѣнію, г-жа Черницкая впрочемъ

Digitized by Google

не права единственно въ томъ, что, возражая противъ выводовъ г-жи Бѣлозерской, она остается на почвѣ суда надъ сыномъ и матерью, и энергически поднимая одну чашку вѣсовъ, естественно столь же сильно опускаетъ другую. Впечатлѣніе отъ чтенія сряду обѣихъ статей получилось бы приблизительно такое, какъ при слушаніи рѣчей прокурора и защитника, разсматривающихъ на судѣ права противныхъ сторонъ [1]). Читатель неожиданно оказывается въ роли присяжнаго. Но показанія слишкомъ противорѣчивы, и потому мнѣ кажется нелишнимъ сказать нѣсколько словъ въ дополненіе къ предыдущимъ главамъ, напечатаннымъ впервые въ февральской книжкѣ „Историческаго Вѣстн.“ за 1889 г.,— чтобы разъяснить несогласія и исчерпать все относящееся къ данному вопросу.

Г-жа Черницкая чрезвычайно удачно группируетъ и разъясняетъ факты, касающіеся отношеній Гоголя къ матери. Припоминая свидѣтельства лицъ, знавшихъ семейную жизнь Маріи Ивановны, я могъ бы только подтвердить во многомъ согласіе ихъ съ ея статьей. Но необходимо показать, какія именно данныя должны были привести обѣихъ изслѣдовательницъ къ противоположнымъ выводамъ.

Припомнимъ, какія стороны характера Маріи Ивановны указаны г-жей Бѣлозерской на основаніи тщательнаго изученія ея переписки съ сыномъ и нѣкоторыми родственниками. Во-первыхъ, необычайная доброта Маріи Ивановны, ея готовность помогать близкимъ людямъ до самопожертвованія и въ высшей степени привлекательный и симпатичный характеръ; во-вторыхъ, ея страстная любовь къ сыну. Все это какъ нельзя больше подтверждается воспоминаніями лицъ, коротко знавшихъ Марію Ивановну, и не только подтверждается, но представляется даже въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ. Приведу нѣсколько отзывовъ. „Взглянувъ на Марью Ивановну и поговоривъ съ нею нѣсколько минутъ“,—пишетъ С. Т. Аксаковъ, „можно было понять, что у такой женщины могъ родиться такой сынъ. Это было доброе, любящее, нѣжное существо, полное эстетическаго чувства съ легкимъ оттѣнкомъ самаго кроткаго юмора“ [2]). Г. Трахимовскій приводитъ

[1]) Ни сынъ, ни мать, (ни оставшіеся въ живыхъ ихъ родственники), конечно, не ожидали, что въ литературѣ впослѣдствіи возникнетъ изъ-за нихъ тяжба, о которой они сами никогда не думали.

[2]) «Русь», 1880. № 6, стр. 16. и «Руск. Арх.», 1890, VIII. 34—35.

Digitized by Google

трогательныя доказательства этой доброты [1]). Такою же безпредѣльно доброй изображаетъ ее г. Кулишъ въ письмахъ къ Н. А. Бѣлозерской [2]), также по личнымъ воспоминаніямъ. Покойный А. С. Данилевскій, ближайшій другъ Гоголя, и его семья, въ свою очередь, много разсказывали мнѣ о добротѣ Маріи Ивановны, какъ о фактѣ, не подлежащемъ никакому спору или сомнѣніямъ. Однимъ словомъ, одинаково симпатичной является Марья Ивановна во всѣхъ безъ исключенія личныхъ воспоминаніяхъ и во всѣхъ статьяхъ, гдѣ сколько-нибудь ея касалась рѣчь. Даже случайно встрѣченный мною лѣтъ семь тому назадъ бывшій ея крѣпостной вспомнилъ о ней со слезами на глазахъ: „добрая была барыня,—что́ и говорить! Ее всѣ любили. Такихъ ужъ теперь нѣтъ!... Жить у нихъ намъ было хорошо, не такъ, какъ прочимъ крѣпостнымъ! И теперь ее жалко!... Случалось, и нерѣдко, что добротой Марьи Ивановны злоупотребляли, но она принадлежала къ числу тѣхъ личностей, которыхъ въ этомъ отношеніи никогда никакой опытъ не научаетъ, и всегда оставалась доброй, радушной и гостепріимной помѣщицей, какой ее рисуютъ воспоминанія Кулиша, Трахимовскаго и Данилевскихъ.

Спрашивается: могла ли Марья Ивановна быть невнимательной и безучастной къ тому самому единственному сыну, котораго, по общимъ отзывамъ, „любила до обожанія?“ Ея любовь къ Никошѣ была любовь страстная, пламенная и, пожалуй, безумная. Однажды, по поводу моего вопроса о письмѣ, въ которомъ Гоголь безъ стѣсненія выражаетъ досаду на мать за споры съ сосѣдями о его литературномъ значеніи, А. С. Данилевскій между прочимъ замѣтилъ: „Да вѣдь надо знать, какъ она всегда говорила о сынѣ. Она говорила о немъ съ гордостью любящей и счастливой матери, съ восторгомъ, со страстью, и, при всей безпредѣльной добротѣ, готова была за малѣйшее слово о немъ поссориться съ каждымъ“. Въ обожаніи сына Марья Ивановна положительно доходила до Геркулесовскихъ столповъ, приписывая ему всѣ новѣйшія изобрѣтенія (пароходы, желѣзныя дороги) и, къ величайшей досадѣ сына, разсказывая объ этомъ всѣмъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Разубѣдить ее не могли бы никакія силы...

[1]) «Русская Старина», 1888, VII. 34—35.

[2]) «Русская Старина». 1887. 3. 707—709.

Digitized by Google

Посмотримъ теперь, какъ, по устраненіи нѣкоторыхъ недоразумѣній, неизбѣжныхъ при сужденіи о вопросѣ по отрывочнымъ даннымъ, могутъ быть, согласно съ другими показаніями, примирены противорѣчивыя заключенія г-жи Черницкой и г-жи Бѣлозерской.

Г-жа Черницкая, вѣроятно, согласится съ нами, что если Марья Ивановна не высылала сыну на книги, когда онъ былъ гимназистомъ, то это всего убѣдительнѣе объясняется степенью ея образованія: въ вопросѣ о необходимости или пользѣ выписываемыхъ сыномъ книгъ она судьей быть не могла; но намъ извѣстенъ ея взглядъ, что любовь къ книгамъ хотя и похвальна, можетъ быть вредна, когда обратится въ страсть; что обязанность хорошей матери за это сдѣлать „репримандъ“. Вѣдь это такое же проявленіе добродушной наивности, какъ и въ другихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, она считала необходимымъ воспитательнымъ пріемомъ „писать Николенькѣ по нѣскольку листовъ морали“ [1]), или упрашивала А. А. Трощинскаго удостоить съ своей стороны Никошу строгихъ поученій, потому что они вмѣстѣ съ ея собственными „моралями“ долженствовали сдѣлать изъ Гоголя „истиннаго христіанина и добраго гражданина“ [2]). Г-жа Черницкая выражаетъ недоумѣніе, почему въ статьѣ г. Трахимовскаго не разъяснено, что́ побуждало Марью Ивановну такъ мало помогать сыну деньгами; но у нея ихъ не было, и притомъ Марья Ивановна весь вѣкъ прожила почти безвыѣздно въ деревнѣ, вслѣдствіе чего имѣла самое смутное представленіе о трудностяхъ городской жизни вообще, не говоря уже о петербургской или, напр., заграничной. Даже то, что Марья Ивановна повѣрила первому сплетнику относительно мнимаго мотовства сына, принимавшаго у себя товарищей-нѣжинцевъ, у которыхъ онъ и самъ часто бывалъ, вполнѣ объясняется ея подозрительностью; но что расходы сына могли ей вообще представляться огромными, согласится каждый житель столицы, которому случалось встрѣчать въ провинціалахъ непобѣдимое недовѣріе къ факту столичной дороговизны. Наоборотъ, г-жа Бѣлозерская особенно настаиваетъ на готовности Марьи Ивановны приносить для сына жертвы. При-

[1]) «Указатель къ письмамъ Гоголя», 1 изд.. стр. 77.

[2]) «Русская Старина». 1882. № 6.

Digitized by Google

чиной такого взгляда служатъ, конечно, частыя выраженія благодарности Гоголя матери за все, что̀ она для него сдѣлала. Итакъ готовность Марьи Ивановны приносить жертвы для сына не подлежитъ сомнѣнію; но могла ли она приносить ихъ одну за другой—большой вопросъ. Въ дѣйствительности она ихъ не могла приносить, какъ убѣдительно разъяснилъ г. Трахимовскій, и по самой простой и черезчуръ прозаичной причинѣ: наличныя деньги рѣдко водились у Марьи Ивановны. Именно этому обстоятельству, думается намъ, мало придано значенія какъ г-жей Бѣлозерской, такъ и г-жей Черницкой, а между тѣмъ оно-то намъ все и разъясняетъ. Затрата нѣсколькихъ тысячъ на построеніе церкви этому нисколько не противорѣчитъ: постройка была гораздо раньше, при жизни ея мужа, да на это богоугодное дѣло она могла бы, не противорѣча себѣ, не пожалѣть денегъ, если бы онѣ были нужны даже сыну. Что она при случаѣ щедро раздавала деньги роднымъ и знакомымъ, опять легко объясняется и при любви ея къ нуждающемуся сыну и при собственной нуждѣ; да кто же не знаетъ людей съ подобными ей натурами, которые потому и бѣдны, что при ихъ добротѣ копѣйка не можетъ у нихъ удержаться?! Съ другой стороны и Гоголь долго не могъ понять и оцѣнить всего, что̀ для него дѣлалось. Такъ мы находимъ слѣдующее справедливое замѣчаніе объ этомъ, въ „Русской Жизни“, 1891 г., № 66:

Постепенно „болѣе близкое ознакомленіе его съ практической стороной жизни показало ему и оборотную сторону медали, натолкнуло его на вопросы, о которыхъ онъ до тѣхъ поръ не думалъ. Привыкнувъ къ тому, что всѣ его просьбы, соединенныя съ значительными, иногда, расходами (на платье, на краски, картины, книги, музыку) безпрекословно исполнялись, онъ вовсе не задумывался надъ вопросомъ: какъ это дѣлается и откуда все это берется. Смерть отца прямо поставила его лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью. Мало-по-малу ему стало ясно, что они вовсе не обладаютъ такими средствами, какъ онъ думалъ. Онъ понялъ, какихъ хлопотъ и заботъ, сколькихъ огорченій и, подчасъ, горя стоитъ матери его каждый рубль, высылаемый ему по первому его требованію и истрачиваемый имъ не на одни только книги и картины, но и на франтовство, на разные фраки, сертучки, галстухи, подтяжки, платочки (Кулишъ, V, 30, 33, 42, 54,

Digitized by Google

60, 64). Вслѣдствіе такого „открытія“ онъ уже перестаетъ безпечно писать матери: пришлите денегъ на то-то и на то-то, а пишетъ свои просьбы о деньгахъ уже съ оговорками“.

Но всего важнѣе то, что г-жѣ Бѣлозерской по отрывкамъ изъ переписки не могли быть извѣстны болѣзненная мечтательность и подозрительность Марьи Ивановны. Судя о ней, какъ о часто встрѣчающемся типѣ, она не имѣла даже данныхъ для предположенія, что въ характерѣ ея героини крылись весьма крупныя и оригинальныя особенности. Объ этомъ тѣмъ менѣе возможно было догадаться по письмамъ, что въ нихъ, повидимому, совершенно ясно раскрывается ея душа, что̀ и въ самомъ дѣлѣ справедливо. И вѣдь указанныя нами особенности ея характера отразились въ перепискѣ; но, к а къ н а р о ч н о, въ изданіи г. Кулиша письма Гоголя къ матери напечатаны съ пропусками, а пропущены именно тѣ мѣста, въ которыхъ эта черта выступаетъ ярче, пропущены по самой понятной и уважительной, при жизни Марьи Ивановны, причинѣ [1]). Наконецъ безъ сравненія съ отзывами людей, лично знавшихъ Марью Ивановну, черты эти легко могли ускользнуть отъ вниманія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ сохранила напечатанная переписка. Въ брошюрѣ „Ученическіе годы Гоголя“ я отчасти отмѣтилъ подозрительность Марьи Ивановны, но я далеко не угадывалъ тѣхъ размѣровъ ея, о которыхъ мнѣ пришлось послѣ неоднократно слышать... Наконецъ, мы узнаемъ весьма важное свѣдѣніе въ статьѣ г. Трахимовскаго,—что въ минуты грусти Марья Ивановна склонна была страшно преувеличивать нужду, бѣдность, горе, предаваться мрачнымъ мыслямъ. Мнѣ кажется, что все это совершенно необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ взаимныхъ отношеній Гоголя и его матери.

Остановлюсь еще на двухъ-трехъ частностяхъ. Не зная причудливаго характера Марьи Ивановны, г-жа Бѣлозерская придала черезчуръ большое значеніе такимъ ея выраженіямъ, какъ напр., что Гоголь „себя возвысилъ, а ее унизилъ“.— „Однимъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ“,—говоритъ г-жа Бѣлозерская,—„онъ настолько задѣлъ ее (мать), что она уви-

[1]) Каждый можетъ въ этомъ легко убѣдиться по отрывкамъ и письмамъ, приведеннымъ мною въ статьѣ «Родители Гоголя» въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1889 г., которые воспроизводятся ниже.

Digitized by Google

дѣла въ его словахъ незаслуженные упреки себѣ и дала ему это почувствовать“ [1]). Но перечитывая предшествующее письмо [2]), можно легко убѣдиться, что въ немъ-то именно Гоголь высказалъ недовольство по поводу споровъ Марьи Ивановны за литературную репутацію, и это, по нашему мнѣнію, были упреки вполнѣ заслуженные. Притомъ выраженіе „дала ему почувствовать“ невѣрно характеризуетъ Марью Ивановну, женщиной долго сдерживавшей себя и, наконецъ, тонко и деликатно высказавшейся. До насъ не дошло это письмо Марьи Ивановны, но обыкновенно она была куда далека отъ политики и дипломатіи; каждая строчка ея письма и все ею писанное взятое вмѣстѣ, вполнѣ убѣждаютъ, что она всегда говорила просто, что̀ было на душѣ, а если на душѣ было тяжело, то многое и преувеличивала.—Говоря о недостаточныхъ успѣхахъ Гоголя въ гимназіи, г-жа Бѣлозерская съ излишней суровостью замѣчаетъ, что онъ „не хотѣлъ оставить матери и того утѣшенія, что сдѣланныя ею непосильныя (?) затраты для его содержанія въ гимназіи принесли дѣйствительную пользу“ [3]); также покойный О. Ѳ. Миллеръ иронически называетъ „реторикой въ трагическомъ вкусѣ“ тѣ строки, въ которыхъ Гоголь оправдываетъ себя въ лѣности, передъ матерью. Но это слишкомъ строго: неужели естественное и простительное желаніе школьника оправдаться есть уже позорное лицемѣріе сознательнаго плута! [4]) Мы, конечно, не повѣримъ Гоголю-юношѣ, какъ вѣрила его мать, что онъ не получилъ при выходѣ изъ гимназіи 12 класса будто бы потому, что „не хотѣлъ ласкаться къ наставникамъ“—это ужъ вполнѣ типическая школьная жалоба на „несправедливость людскую“—но жестоко тутъ было бы видѣть испорченность и злое лицемѣріе.

Возвращаемся еще разъ къ статьѣ г-жи Черницкой, чтобы прибавить, что она чрезвычайно полезна и поучительна, показывая наглядно, какъ односторонни ходячія предубѣжденія противъ великаго писателя и какъ часто дѣлаются незаслуженные и жестокіе упреки людямъ, память которыхъ должна быть особенно дорога. Съ печатнымъ укоромъ и обви-

---

[1]) «Русская Старина», 1887, 3, 695, примѣч. 3-е.

[2]) Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 350.

[3]) «Русская Старина», 1887, 3, 680.

[4]) „Указатель къ письмамъ Гоголя“, стр. 75.

Digitized by Google

неніемъ слѣдовало бы вообще быть гораздо осмотрительнѣе. Напротивъ, особеннаго сочувствія заслуживаетъ умѣніе отнестись къ дѣлу просто и правдиво, безъ всякаго предубѣжденія, какъ съумѣла совершенно вскользь, мимоходомъ, отнестись къ самому больному пункту въ біографіи Гоголя г-жа Черницкая: „Прибѣгая съ готовностью на помощь другимъ“,— говоритъ она,—„самъ Николай Васильевичъ часто бѣдствовалъ. Его существованіе было весьма неопредѣленно, такъ какъ онъ жилъ исключительно на деньги, выручаемыя отъ продажи сочиненій. Служебнаго мѣста, о которомъ онъ мечталъ, Гоголь не добился, а къ педагогической дѣятельности, за которую брался, былъ совсѣмъ неспособенъ“ [1]). Эти слова, очевидно, сказаны отнюдь не въ упрекъ Гоголю, но и чужды панегирическаго отношенія къ дѣлу; въ нихъ выражается просто искреннее, человѣческое участіе къ „неопредѣленному положенію“ писателя, которое дѣйствительно было главнымъ несчастіемъ его жизни и не разъ давало поводъ къ ядовитымъ, но несправедливымъ и поверхностнымъ обвиненіямъ Гоголя. Надо помнить, что строгіе судьи иногда слишкомъ скоро готовы все опорочить, но жестоко и невеликодушно безъ самыхъ вѣскихъ причинъ отягощать память умершихъ. Пусть біографическіе вопросы обсуждаются свободно съ разныхъ сторонъ; пусть даже они будутъ иной разъ разбираться строго и ошибочно. Чѣмъ больше безпристрастныхъ обсужденій, тѣмъ полнѣе и легче раскроется истина. Не въ этомъ слѣдуетъ видѣть оскорбленіе памяти писателя. Маскировать имена, откладывать разъясненія, бояться критики не слѣдуетъ. Но нельзя судить дѣятелей прошлаго съ суровостью яко бы безупречнаго пушкинскаго Анджело. Иначе геніальный писатель или другой историческій дѣятель, несмотря на воздвигаемый ему памятникъ, оказывается по недоразумѣнію въ положеніи привязаннаго къ позорному столбу преступника, надъ которымъ торжественно совершается публичная казнь. Такое отношеніе имѣло въ свое время raison d'être; но теперь, кажется, пора отрѣшиться отъ крайностей и не отказывать людямъ, составляющимъ гордость страны въ той справедливости, въ которой никто не рѣшится отказать на судѣ въ качествѣ присяжнаго самому злому преступнику.

[1]) «Историч. Вѣстникъ». 1889, 6, 678.

Digitized by Google

VII.

ОТНОШЕНІЯ ГОГОЛЯ КЪ МАТЕРИ ВЪ ЗРѢЛЫЕ ГОДЫ.

Такъ какъ личность Марьи Ивановны Гоголь всего болѣе интересна для насъ по отношеніямъ ея къ сыну, то на нихъ мы и остановимся подробнѣе и предложимъ съ своей стороны краткое объясненіе этихъ отношеній. Для этой цѣли намъ необходимо будетъ заглянуть нѣсколько впередъ, чтобы какъ можно меньше возвращаться въ дальнѣйшемъ изложеніи къ характеристикѣ щекотливыхъ семейныхъ отношеній. Позднѣе мы будемъ касаться ихъ лишь по необходимости, и при томъ въ самомъ краткомъ и сжатомъ видѣ.—Еще въ раннемъ дѣтствѣ Никоша былъ кумиромъ матери; по смерти мужа она перенесла на него всю нѣжность любящей души. Еще когда онъ учился въ Нѣжинѣ, письма его торжественно читались всей семьей и пересказывались роднымъ и знакомымъ... По содержанію этихъ и послѣдующихъ писемъ мы и можемъ судить объ отношеніяхъ сына къ матери.

Вникая подробно въ семейную переписку Гоголя, мы можемъ раздѣлить ее на два періода, которые разграничиваются приблизительно 1839 годомъ. Сначала письма его дышатъ свѣжестью и веселостью человѣка, полнаго жизни, отдавшагося всей душой наслажденію прелестями роскошной природы юга Европы, которыя, несомнѣнно, должны были сильно возбуждать его поэтическое воображеніе. О нихъ онъ пишетъ съ увлеченіемъ матери и даже дѣвочкамъ, своимъ сестрамъ. Онъ отъ души жалѣлъ, что мать его не можетъ наслаждаться этими

Digitized by Google

чудными картинами. „Очень жаль“, пишетъ онъ, „что вы не можете видѣть этого. Когда-нибудь подъ старость лѣтъ, когда поправятся и ваши и мои обстоятельства, отправимся вмѣстѣ поглядѣть на это“. (Соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, 269). И сестрамъ пишетъ то же: „Можетъ быть, когда-нибудь вамъ удастся побывать въ Италіи, въ этой землѣ, такъ непохожей на всѣ другія“. Онъ безгранично восхищался тогда Италіей, Римомъ, San-Pietro, Monte Pincio и проч.: „Здѣсь все почти деревья вѣчно зеленѣющія, не роняющія во время зимы листьевъ. Я успѣлъ осмотрѣть только часть древностей и развалинъ, которыхъ на каждомъ шагу много, и часто такъ случается, что въ новый домъ вдѣлана часть развалины, кусокъ стѣны, или колонна, или рельефъ. Я не смотрѣлъ еще ни картинныхъ галлерей, ни множества разныхъ дворцовъ, гдѣ смотрѣть станетъ на цѣлый годъ. Вся земля пахнетъ и дышетъ художниками и картинами“ (V, 287 стр.), передаетъ Гоголь матери свой восторгъ по въѣздѣ въ Италію. Вскорѣ послѣ этого съ такимъ же увлеченіемъ онъ описываетъ Римъ сестрамъ: „Иногда возлѣ новаго дома стоитъ такой, которому тысяча лѣтъ. Иногда въ стѣнѣ дома вдѣлана какая-нибудь колонна, которая еще была сдѣлана при Августѣ, вся почернѣвшая отъ времени. Иногда цѣлая площадь вся покрыта развалинами, и всѣ развалины эти покрыты плющемъ, и на нихъ растутъ дикіе цвѣты, и все это дѣлаетъ прекраснѣйшій видъ, какой только можете себѣ вообразить. По всему городу бьютъ фонтаны, и всѣ они такъ хороши! Одни изъ нихъ представляютъ Нептуна, выѣзжающаго на колесницѣ, и всѣ лошади его мечутъ на воздухъ фонтаны“ и проч. (V, 312 стр.). Сходныя восторженныя описанія Рима и Италіи мы находимъ и въ письмахъ къ Погодину и Плетневу.

Это было время молодого, восторженнаго увлеченія, когда за наслажденіемъ чудесами природы и искусства забывалось все остальное. Но съ другой стороны это было также время отчасти эгоистическаго пользованья жизнью, оправдываемаго Гоголемъ въ собственныхъ глазахъ и передъ другими болѣзнью, отъ которой лѣчился. Онъ, конечно, и сознавалъ это; онъ кается матери: „Я не облегчилъ трудовъ, я не устроилъ спокойствіе моей матери, я былъ причиной измѣненія ея прежняго свѣтлаго характера. Словомъ, я не исполнилъ первой обязанности сына. Мнѣ только въ утѣшеніе оставалось оправ-

Digitized by Google

даніе,—что я тоже не рожденъ былъ хозяиномъ, что я не могъ, не пріобрѣвши имени, заняться самому хозяйствомъ, принять на себя всѣ обязанности попечителя всей нашей фамиліи и жить въ деревнѣ, но я хотѣлъ потомъ вознаградить все" и проч. (Соч. Гоголя, изд. Кул., т. V, стр. 362). Гоголь чувствовалъ какъ бы нѣкоторую вину передъ семьей, но въ чаду увлеченія едва-ли много думалъ о досадныхъ практическихъ вопросахъ и отъ всей души, столь воспріимчивой къ изящному, продолжалъ наслаждаться. Было бы безсмысленно принимать на себя роль адвоката и доказывать, что Гоголь былъ во всемъ правъ въ отношеніяхъ къ матери, когда онъ самъ признаетъ вину, которая отчасти и была на немъ, если примѣнять къ нему со всѣмъ ригоризмомъ требованія моралистовъ. Но найти исходъ своимъ геніальнымъ силамъ и пріобрѣсти имя составляло для него главную задачу жизни, по крайней мѣрѣ, въ молодости; безъ славнаго имени ему самая жизнь казалась безсмысленной и невозможной. Еще въ дѣтствѣ онъ говорилъ: „быть въ мірѣ и не означить своего существованія для меня была мысль ужасная". Это былъ именно тотъ пунктъ, которымъ онъ не въ силахъ былъ поступиться, если бы даже пожертвовалъ всѣмъ. Да и странно было бы представить себѣ Гоголя мирнымъ помѣщикомъ. Къ счастію, онъ не повторилъ ошибки своего отца.

Съ своей стороны Гоголь не переставалъ интересоваться дѣлами матери и давалъ ей совѣты въ затрудненіяхъ. Онъ питалъ даже надежду помогать ей матеріально, но по безпечности и собственному безденежью ограничивался преимущественно обѣщаніями. При этомъ онъ успокоивалъ мать, говоря: „Ради Бога, отгоняйте отъ себя всякое горе. Мнѣ вѣрится, что Богъ особенное имѣетъ надъ нами попеченіе: въ будущемъ я ничего не предвижу для себя, кромѣ хорошаго" (V т., 120 стр.). Часто онъ давалъ матери практическіе совѣты и, зная ея довѣрчивость, предостерегалъ отъ обмановъ: „Опасайтесь какъ можно болѣе людей, которые набиваются сами помогать въ хозяйствѣ, особенно, если они успѣли запятнать себя дурными поступками, мотовствомъ и совершеннымъ незнаніемъ хозяйства, несмотря на свою всегдашнюю хвастливость [1]) (V т., 130 стр.). Подобныя же предостере-

[1]) Самого Гоголя не разъ упрекали въ хвастливости. Указывали слѣдую-

Digitized by Google

женія читаемъ особенно по поводу розовыхъ надеждъ, которыя Марья Ивановна, увлеченная фантастическимъ планомъ своего зятя, П. О. Трушковскаго, возлагала на свою кожевенную фабрику: „Для меня удивительно одно въ нашей фабрикѣ: какъ фабрикантъ готовъ подрядиться на 10,000 паръ сапоговъ и рѣшается ихъ сдѣлать въ одинъ годъ? Кто за него будетъ работать? Неужели невидимая сила?!“ (см. V т., 170 и 180 стр.). Но Гоголь, все-таки, черезчуръ полагался въ этомъ дѣлѣ на мнимую опытность матери: „Я увѣренъ, что все, что̀ вы ни дѣлаете, дѣлаете, посовѣтовавшись напередъ съ собственнымъ благоразуміемъ, которое всегда васъ выручало“ (V т., 191 стр.). Однако, Гоголь предугадывалъ конецъ этихъ иллюзій. „Развѣ этого не можетъ случиться“, пишетъ онъ, „что фабрикантъ, взявши деньги, вдругъ вздумаетъ улизнуть!“ (V т., 200 стр.). Такъ дѣйствительно и случилось. Намъ кажется, что Гоголь былъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ передъ матерью излишней деликатностью. „Я бы не совѣтовалъ вамъ давать знать фабриканту, что вы ему ни въ чемъ не вѣрите, но растолковать ему хорошенько все дѣло, обходиться съ нимъ ласково, короче сказать, держать его въ рукахъ, но не давать ему этого разумѣть, что вы держите его въ рукахъ. Впрочемъ, я, позабывшись, читаю вамъ наставленія, тогда какъ вы, безъ сомнѣнія, лучше меня все это знаете“. Можетъ быть, въ столь серьезномъ дѣлѣ Гоголь долженъ былъ говорить ради пользы своей не практичной матери болѣе твердымъ и рѣшительнымъ тономъ. Впрочемъ, онъ лишь гораздо позднѣе ясно замѣтилъ въ характерѣ своей матери вредившую ей наклонность къ мечтательности и фантастическимъ планамъ, которая все болѣе ею овладѣвала.

щія мѣста: „Государыня приказала читать мнѣ въ находящемся въ ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвицъ“ (V т., 129 стр.). „Книга моя понравилась здѣсь всѣмъ, начиная съ государыни“ (V т., 134 стр.). Укажемъ еще слѣдующій примѣръ: „Я повторяю снова: не безпокойтесь ни о чемъ, не принимайте ничего слишкомъ близко къ сердцу и старайтесь побольше веселиться. Одного молодца вы ужъ совершенно пристроили. Онъ вамъ больше ужъ ничего не будетъ стоить, а съ слѣдующаго года будете получать отъ него, можетъ быть, и проценты“. Итакъ эта черта была отчасти въ характерѣ Гоголя, но мы не видимъ еще ничего постыднаго въ томъ, что раза два или три она промелькнула въ его перепискѣ.

Digitized by Google

Въ одномъ письмѣ Гоголя мы находимъ весьма мѣткую характеристику матери въ занимающемъ насъ отношеніи; такъ какъ оно напечатано въ изданіи Кулиша съ большими пропусками, то мы позволимъ себѣ возстановить его въ полномъ видѣ. Письмо отъ 10-го ноября 1835 года (ср. изд. Кулиша, V т., 245 стр.). „Я получилъ ваши оба письма почти вдругъ одно послѣ другого. Одно меня порадовало потому, что я видѣлъ изъ него, что вы веселы, а другое не нравилось мнѣ, потому что изъ него видно, что вы были скучны, и въ печальномъ расположеніи духа. Я долженъ съ горестью замѣтить вамъ, маменька, что вы, чѣмъ далѣе, теряете ясность и спокойствіе духа. Васъ тревожатъ всякія мелочи. Вы ищете непремѣнно предчувствій. Предзнаменованіямъ вы начинаете вѣрить и самымъ пустымъ примѣтамъ. Однимъ словомъ, вы живете въ какомъ-то собственномъ мірѣ. Ваши мысли наполнены мечтами. Вы, кажется, часто невнимательны рѣшительно ни къ чему. Ради Бога, маменька, ищите больше обществъ, развлекайте себя; вы даже пишете мнѣ о своихъ снахъ. Помилуйте, маменька: мало ли какой чепухи снится намъ; да если мы будемъ обо всемъ вздорѣ думать, такъ у насъ поневолѣ голова пойдетъ кругомъ. Вы пишете, что очень странный сонъ вамъ видѣлся. Да, когда же сны не бываютъ странные! Мнѣ прежде снилась такая дичь, что вѣрно въ пятьсотъ разъ болѣе странная... Сонъ есть отраженіе нашихъ безпорядочныхъ мыслей, то, что мы думаемъ, что насъ занимаетъ, намъ видится и во снѣ, только натурально на изнанку. Хотите ли, я вамъ объясню вашъ сонъ. Вы поставили себѣ идею, что я окруженъ такими-то друзьями; а такъ какъ вы любите сейчасъ ваше предположеніе утверждать, стоять за него горою и уже никто васъ не переувѣритъ, то вы уже потомъ идете дальше и дальше въ мысляхъ, — что эти друзья меня обманываютъ и проч. и проч., что вы, помнится мнѣ, часто говорили, хотя, признаюсь, мнѣ совершенно были непонятны слова ваши, что вамъ приснилось, что я говорю вамъ: „вотъ что надѣлали мнѣ друзья!“ А часы явились вамъ, какъ воспоминаніе, которое иногда вдругъ приходитъ къ намъ во снѣ, иногда изъ самыхъ временъ дѣтства, и о которыхъ мы совсѣмъ не думали... Вотъ вамъ съ идеей о мнѣ вспомнились и тѣ часы, о которыхъ я писалъ вамъ изъ Любека, что когда бьетъ на

Digitized by Google

нихъ 12 часовъ, показывается 12 человѣческихъ фигуръ. При этомъ, можетъ быть, вы часто думали о моемъ будущемъ путешествіи по Европѣ и вотъ вмѣстѣ съ этимъ что-нибудь взбрело вамъ на умъ и о моемъ прежнемъ пребываніи заграницей. Итакъ вы видите, маменька, что сонъ есть больше ничего, какъ безсвязные отрывки, не имѣющіе смысла, изъ того, что̀ мы думали, и потомъ склеившіеся вмѣстѣ и составившіе винегретъ... Сдѣлайте милость, пожалѣйте всѣхъ насъ, маменька, не предавайтесь мечтательности. Вспомните, какъ вы были веселы и съ вами не скучно было быть вмѣстѣ никому. Мы всѣ здѣсь здоровы. Сестры растутъ, и учатся, и играютъ. Я тоже надѣюсь кое-что получить пріятное. Итакъ не болѣе, какъ годка черезъ два, я приду въ такую возможность, что, можетъ быть, приглашу васъ въ Петербургъ посмотрѣть на нихъ, а до того времени нечего досадовать. Истинный и добрый христіанинъ никогда не бываетъ суевѣренъ и не вѣритъ пустякамъ...“ (Остальную часть письма не приводимъ, такъ какъ она напечатана уже въ изданіи Кулиша [1]).

Иногда Гоголь говорилъ съ матерью рѣзкимъ, раздражительнымъ тономъ, но это составляло исключеніе, а не общее правило. Напротивъ, общій тонъ писемъ былъ всегда самый дружескій, любящій. Приведемъ, однако, два-три примѣра рѣзкости, чтобы объяснить себѣ ихъ причину и разсмотрѣть, чѣмъ онѣ были вызваны.

„Мнѣ было смѣшно нѣсколько“,—писалъ онъ,—„когда я добрался до того мѣста письма, гдѣ поспорили за меня съ нѣкоторыми вашими пріятелями. Пожалуйста вы обо мнѣ не очень часто говорите съ ними, и особенно не заводите изъ-за меня никакихъ споровъ. Гораздо лучше будетъ и для васъ, и для меня, если на замѣчанія и толки о моихъ литературныхъ трудахъ, вы будете отвѣчать: „Я не могу быть судьей его сочиненій, мои сужденія всегда будутъ пристрастны, потому что я его мать; но я могу сказать только, что онъ добрый, любящій меня сынъ, и съ меня довольно“. И будьте увѣрены, что почтеніе другихъ усугубится къ вамъ вдвое, а вмѣстѣ съ нимъ и ко мнѣ, потому что такой отзывъ

---

[1]) Для характеристики Маріи Ивановны важно было бы привести еще письмо отъ 12-го марта 1839 г., но чтобы не нагромождать выписокъ, отсылаемъ интересующихся къ изданію Кулиша (V т., 361—363 стр.).

Digitized by Google

матери есть лучшая репутація человѣку, какую онъ только можетъ имѣть. Родители же, которые хвалятся сочиненіями сыновей, чрезвычайно наивны и смѣшны въ своей наивности. Я зналъ нѣкоторыхъ, которые мнѣ были очень смѣшны" и проч.

Въ другой разъ онъ писалъ:

„Вы до сихъ поръ еще не охладѣли отъ страсти къ чинамъ и думаете, что я непремѣнно и чинъ долженъ получить выше. Ничуть не бывало: я все тѣмъ же, чѣмъ и былъ, т. е. коллежскимъ асессоромъ, и ничего болѣе. Если бы я имѣлъ какую-нибудь существенную выгоду для себя въ чинѣ, вѣрно бы не упустилъ этимъ воспользоваться; я не такъ глупъ, чтобы пренебречь этимъ. Но мнѣ нельзя вамъ этого растолковать".

Какъ видимъ, этотъ раздражительный тонъ являлся тогда, когда Гоголю приходилось упрекать мать за ея слабость гордиться его славой, какъ писателя, или успѣхами по службѣ, какъ чиновника. Но эта слабость была дѣйствительно въ характерѣ Марьи Ивановны. Гоголю непріятно было знать, что мать хвалила передъ завистливыми и непонимающими сосѣдями его сочиненія и съ жаромъ спорила, отстаивая его литературную репутацію. Сосѣдямъ могло быть больно и обидно, особенно сосѣдкамъ-матерямъ, когда Марья Ивановна съ гордостью и жаромъ увлеченія говорила о сынѣ [1]).

Мы знаемъ, что симпатичнѣйшая мать Гоголя была невозможной мечтательницей, что̀ могло его также выводить изъ терпѣнія, особенно, когда дѣло касалось его лично. Обожаемому сыну она готова была приписывать всѣ новѣйшія изобрѣтенія... Но вотъ самый характерный случай. На стр. 489 VI тома сочиненій Гоголя въ изданіи Кулиша читаемъ: „Ради Бога, берегите себя отъ этого тревожно-нервическаго состоянія, котораго начало у васъ уже есть. Вотъ и теперь, при одной вѣсти о посылкѣ, вамъ пришла мысль, что это непремѣнно должно быть продолженіе моего сочиненія, и вы уже поспѣшили предаться радости и позабыли, что въ прежнемъ письмѣ я обѣщалъ сестрамъ огородныхъ сѣмянъ.". Го-

[1]) Не похвальна, можетъ быть, но естественна также досада Гоголя на мать за то, что она вѣрила безъ разбора всякимъ слухамъ о немъ: „вы пошли доискиваться правды у кочующаго лавочника, пріѣхавшаго на ярмарку" (V т., 385 стр.).

Digitized by Google

голь былъ въ это время недоволенъ своимъ трудомъ и всякое напоминаніе о немъ рѣзало его по сердцу, вызывало съ его стороны очень несдержанные отвѣты и негодованіе на то, что его считаютъ „почтовой лошадью“ [1]) и проч., а тутъ новое и при его настроеніи чрезвычайно досадное недоразумѣніе!.. Когда пріѣхалъ въ Италію государь, Марьѣ Ивановнѣ заочно льстило, будто сынъ ея представлялся государю и государь обратилъ на него вниманіе, и въ ея воображеніи зароились самыя заманчивыя мечты... Наконецъ, однажды, называя сына геніемъ, она прямо утверждаетъ, что „Богъ продлитъ ему жизнь и подастъ ему силы дѣйствовать на прославленіе Его“. Все это очень сердило Гоголя. Подробности этого чисто семейнаго вопроса должны быть оставлены въ сторонѣ; необходимо сказать, что при тѣхъ данныхъ, которыя представляли изъ себя эти два характера, все указанное въ высшей степени естественно и, переходя отъ разъясненія къ суду, мы впали бы въ грубую ошибку.

Когда Гоголь писалъ матери спокойно (т. е. во всѣхъ почти письмахъ), то опять почти возвращался его обычный, дружескій и нѣжный тонъ въ обращеніяхъ къ ней [2]).

Съ 1839 года въ характерѣ отношеній Гоголя къ матери, судя по письмамъ, оказывается несомнѣнная и притомъ значительная перемѣна: письма его становятся серьезными и печальными, принимаютъ какой-то строгій, великопостный характеръ. Въ этихъ письмахъ онъ чаще всего проситъ молиться о его душѣ и объ облегченіи его недуговъ. Такимъ же характеромъ отличаются и ниже приводимыя ненапечатанныя до сихъ поръ письма.

„Благодарю васъ, безцѣнная моя матушка, что вы обо мнѣ молитесь. Мнѣ такъ всегда бываетъ сладко въ тѣ минуты,

---

[1]) См. „Соч. и письма Гоголя“, т. VI, стр. 86.

[2]) Отмѣтимъ еще одинъ упрекъ, сдѣланный Гоголемъ матери по поводу ея склонности предаваться отчаянію: „Правда, вы имѣли большую утрату. Вы потеряли рѣдкаго друга, а нашего нѣжнаго отца, котораго изъ насъ никто не позабылъ; а семнадцать лѣтъ непрерывнаго, невозмущаемаго счастья съ нимъ развѣ ничего не значатъ? Всякій ли можетъ похвалиться имъ? Нѣтъ, должно признаться, что мы, всѣ люди, неблагодарны. Мы хотимъ, чтобы не было границъ нашему блаженству. Мы позабываемъ, что существуютъ законы для міра. Нѣтъ, маменька, мы должны благодарить за все, что мы имѣли хорошаго; мы должны быть тверды и спокойны всегда—и ни слова о своихъ несчастіяхъ!». („Соч. и письма Гоголя“, т. V, 273 стр.).

Digitized by Google

когда вы обо мнѣ молитесь. О, какъ много дѣлаетъ молитва матери! Берегите же, ради Бога, себя для насъ. Храните ваше драгоцѣнное намъ здоровье. Въ послѣднее время вы стали подвержены воспалительности въ крови. Вамъ нужно бы, можетъ быть, весеннее лѣченіе травами, разумѣется при воздержаніи въ пищѣ и въ діэтѣ. Вообще всѣмъ полнокровнымъ, какъ и сами знаете, слѣдуетъ остерегаться отъ всего горячительнаго въ пищѣ. Ради Бога, посовѣтуйтесь съ хорошимъ докторомъ. Молитесь и обо мнѣ, и о себѣ вмѣстѣ. О, какъ нужны намъ молитвы ваши! какъ онѣ нужны намъ для нашего устроенія внутренняго! Пошли вамъ Богъ провести постъ духовно и благодать всѣмъ вамъ! Въ здоровьѣ моемъ все еще чего-то недостаетъ, чтобы ему укрѣпиться. До сихъ поръ не могу приняться ни за труды, какъ слѣдуетъ, ни за обычныя дѣла, которыя оттого пріостановились. (Зачеркнуто: „И все мнѣ, кажется, что“...) О, да вразумитъ васъ во всемъ Богъ! Не смущайтесь ничѣмъ вокругъ,—никакими неудачами; только молитесь, и все будетъ хорошо.

Вашъ весь, васъ любящій сынъ Николай“.

Другое письмо.

„Никогда такъ не чувствовалъ потребности молитвъ вашихъ, добрѣйшая моя матушка! О, молитесь, чтобы Богъ меня помиловалъ, чтобы наставилъ и вразумилъ совершить мое дѣло честно, свято, и далъ бы мнѣ на то силы и здоровья. Ваши постоянныя молитвы обо мнѣ теперь мнѣ такъ нужны! такъ нужны! Вотъ все, что̀ умѣю вамъ сказать! О, да поможетъ вамъ Богъ обо мнѣ молиться!

Вашъ многолюбящій васъ, признательный,
благодарный сынъ Николай“.

Едва-ли можно не согласиться, что письма эти, какъ и многія другія изъ писемъ разсматриваемаго періода, напечатанныя въ изданіи Кулиша, свидѣтельствуютъ не только о любви и уваженіи Гоголя къ матери, но и о сильномъ, основанномъ на религіи, убѣжденіи, что молитвы матери могутъ ему принести счастье, котораго онъ искалъ [1]).

Въ сороковыхъ годахъ Гоголь, очевидно, занятъ былъ почти исключительно своимъ внутреннимъ міромъ: прежняя жи-

[1]) Съ приведенными письмами слѣдуетъ особенно сравнить слѣдующія мѣста изъ напечатанныхъ прежде писемъ: когда Гоголь почувствовалъ въ Грефе-

Digitized by Google

вая воспріимчивость къ впечатлѣніямъ внѣшнимъ уступаетъ мѣсто самоуглубленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ писемъ становится чрезвычайно монотоннымъ: при перечитываніи ихъ поражаетъ крайняя ограниченность тѣхъ пунктовъ, которые онъ затрогиваетъ въ заочной бесѣдѣ съ родными, но зато на этихъ немногихъ пунктахъ онъ стоитъ твердо и возвращается къ нимъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Репертуаръ его нравственныхъ убѣжденій былъ не разнообразенъ, но зато они были искренни. Теперь его вниманіе сосредоточивается на немногихъ вопросахъ, которые онъ считаетъ важнѣйшими. Прежняя живая потребность въ обмѣнѣ впечатлѣній въ немъ угасла и его интересуютъ предметы отвлеченные; онъ жаждетъ упрековъ ради нравственнаго совершенствованія и самъ добросовѣстно ихъ расточаетъ.

Въ письмахъ къ матери съ 1839 г. постоянно видны его заботы о семьѣ, но, согласно характеру его убѣжденій, не практическія и не матеріальныя, а нравственныя. Онъ желалъ даже, чтобы сестры его не выходили замужъ; мечталъ о томъ, чтобы выстроить флигель въ деревнѣ такъ, чтобы каждая сестра имѣла по комнатѣ, похожей на келью. Интересна одна записка его, имѣющая характеръ завѣщанія:

„Мнѣ бы хотѣлось, чтобы деревня наша по смерти моей сдѣлалась пристанищемъ всѣхъ не вышедшихъ замужъ дѣвицъ, которыя бы отдали себя на воспитаніе сиротокъ, дочерей бѣдныхъ, неимущихъ родителей. Воспитаніе самое простое: Законъ Божій да безпрерывное упражненіе въ трудѣ на воздухѣ около сада или огорода“.

Сестрамъ онъ даетъ совѣты заниматься хозяйствомъ, не бояться бѣдности, помогать нуждающимся, не допускать лишнихъ тратъ; онъ заботится и о томъ, чтобы онѣ пріучали малолѣтняго племянника (Н. П. Трушковскаго) къ труду и наблюдательности, повторяетъ часто также мелочные совѣты, напр., относительно прогулокъ, которымъ придавалъ большое значеніе... Самъ онъ, очевидно, сильно состарился душою... Если въ это время въ письмахъ къ матери и роднымъ встрѣ-

---

ѳенбергѣ облегченіе, онъ объяснялъ его дѣйствіемъ молитвъ матери и другихъ близкихъ людей. „Видно, чьи-то молитвы доносятся до неба; по крайней мѣрѣ, припадки мои не такъ тяжелы, какъ доселѣ“. (Соч. Гоголя, т. VI, стр. 215). „Не сомнѣваюсь, что въ этомъ участвовали усердныя ваши молитвы“ (т. VI, стр. 215; письмо къ матери). См. также письмо въ VI т., стр. 228.

Digitized by Google

чаются рѣзкости, то это обусловливалось взаимными недоразумѣніями, происходившими отъ его глубоко-религіознаго, но своеобразнаго міросозерцанія, благодаря которому онъ ко многому относился съ безпощадною строгостью. Ему нельзя было писать какъ-нибудь и что-нибудь, хотя онъ не переставалъ требовать, чтобы мать и сестры писали къ нему откровенно, на лоскуткахъ и съ ошибками и прибавлялъ: „никогда и никакъ не удерживайтесь въ письмахъ вашихъ отъ тѣхъ выраженій и мыслей, которыя почему-нибудь покажутся, что огорчатъ меня, или не понравятся. Ихъ-то именно скорѣе на бумагу, ихъ я желаю знать". Когда одна изъ сестеръ писала ему, что она постоянно помнитъ, что мы на этомъ свѣтѣ „мимоѣздомъ" и что „ей не хочется даже выкладываться", то, казалось бы, настроеніе это должно было согласоваться съ настроеніемъ брата, и что же? Онъ остался недоволенъ (см. Соч. Гоголя, т. V, стр. 442). Въ одномъ изъ писемъ его (VI томѣ, стр. 27) читаемъ: „Письма ваши и письма сестеръ получилъ. Они меня изумили: я не ожидалъ ничего больше насчетъ моего письма, какъ только одного простого увѣдомленія, что оно получено. Вмѣсто того получилъ цѣлыя страницы объясненій и оправданій, точно какъ-будто я обвинялъ кого-нибудь". Одинъ разъ Гоголь прямо пишетъ: „Получая самъ отовсюду упреки, любя упреки и находя неоцѣненную пользу для души моей отъ всякихъ упрековъ, даже и несправедливыхъ, я хотѣлъ и вамъ прислужиться тѣмъ же". Въ другомъ письмѣ онъ совѣтуетъ сестрамъ, если имъ захочется упрековъ, перечитывать его письма. Чтобы правильно судить объ отношеніяхъ Гоголя къ матери, никакъ нельзя упускать изъ виду указанную раньше ея оригинальную мечтательность [1]), и ошибочно не принимать въ разсчетъ этого культа упрековъ, бросающагося въ глаза во всѣхъ письмахъ сороковыхъ годовъ.

Наконецъ, Гоголь проситъ мать писать ему все, до послѣднихъ мелочей и объясняетъ цѣль переписки, какъ онъ ее понимаетъ: „Это сообщеніе всякихъ подробностей и всѣхъ помысловъ поможетъ мнѣ лучше понять васъ и ваше назначеніе и братски помочь вамъ въ стремленіи къ тому совер-

[1]) Эту черту мы особенно должны подчеркнуть, поэтому приводимъ еще разъ подтвержденіе ея: „Вы всѣ вещи принимаете въ большемъ видѣ, чѣмъ онѣ есть, и ничего не въ силахъ принимать равнодушно, а потому и жизнь ваша есть безпрерывное душевное безпокойство" (т. VI, стр. 237).

Digitized by Google

шенству, къ которому мы всѣ должны стремиться. Мы посовѣтуемся обоюдно, какъ намъ быть лучшими". Совершенно такъ же искренно задавался онъ просвѣщеніемъ ближнихъ вообще въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки" и особенно, когда писалъ свое извѣстное завѣщаніе: „оно нужно затѣмъ, чтобы напомнить многимъ о смерти, чтобы я могъ передать это ощущеніе другимъ".

Этимъ мы закончимъ характеристику отношеній Гоголя къ матери и въ заключеніе приведемъ чрезвычайно удачное и вѣрное замѣчаніе А. Н. Пыпина:

„Въ началѣ сороковыхъ годовъ Гоголь уже рекомендуетъ своимъ роднымъ чтеніе его собственныхъ писемъ и даетъ имъ уроки благочестія. Разъ онъ перешелъ въ этомъ всякую мѣру, такъ что мать и сестры его глубоко были огорчены его нетерпимымъ, требовательнымъ, суровымъ тономъ; изъ ихъ отвѣта, Гоголь долженъ былъ увидѣть, что мѣра перейдена, и тогда въ немъ опять сказывается самое теплое чувство и покорность, совершенно искреннія, какъ прежде онъ искренно поучалъ ихъ, ратуя за ихъ душевное спасеніе" („Характеристики литературныхъ мнѣній", стр. 350; 2 изд., стр. 355) [1]).

Когда умеръ Гоголь, Марья Ивановна вторично потеряла съ нимъ все самое дорогое для нея. Сначала она впала въ

[1]) Отмѣтимъ еще нѣсколько отдѣльныхъ чертъ изъ переписки Гоголя съ сестрами. Странно во-первыхъ, что Гоголь, бывшій самъ нѣкогда учителемъ и профессоромъ, считалъ науки за вздоръ и придавалъ большое значеніе для женщины въ занятіяхъ исключительно хозяйствомъ, а для мужчины—въ дешевой практичности. Впрочемъ, эти взгляды онъ выражаетъ и въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями". Слово „впередъ", которое, по мнѣнію Гоголя, нужно говорить русскому человѣку и которое умѣлъ сказать своимъ питомцамъ идеальный педагогъ Александръ Петровичъ (въ началѣ 2 тома „Мертвыхъ Душъ"), было сказано Гоголемъ сестрѣ, жаловавшейся на свою лѣнь: „Courage! впередъ! и никакъ не терять присутствія духа" (т. V, стр. 476). Замѣчательно, что Николай Васильевичъ настаивалъ особенно на молитвѣ и нестяжаніи: „Времена наступили такія, въ которыя нельзя думать о собственныхъ удовольствіяхъ и мирномъ провожденіи времени; нужно покрѣпче молиться". А на стр. 521 опять онъ говоритъ матери: „Я не понимаю, отчего вы такъ заботитесь о пріобрѣтеніяхъ для дѣтей въ нынѣшнее время, когда все такъ шатко и невѣрно и когда имѣющій имущество въ нѣсколько разъ больше неспокоенъ бѣдняка". Такимъ образомъ, за вполнѣ естественную заботливость и притомъ направленную, между прочимъ, на его благо, онъ находилъ возможность упрекать свою добрѣйшую мать. А между тѣмъ, онъ былъ искрененъ: въ этомъ и трагизмъ. Однажды,

Digitized by Google

страшное отчаяніе: „Получа это роковое извѣстіе, пріѣхавши въ Полтаву, я не спала, не ѣла, а плакала нѣсколько дней, да и теперь не могу не плакать или, лучше сказать, душевно плачу, безъ слезъ, но остаюсь жить. Боже, чего не можетъ человѣкъ перенести!.. Десять мѣсяцевъ, какъ я его не вижу, и второй мѣсяцъ, какъ его нѣтъ на землѣ!... Иногда мнѣ покажется, что онъ за-границей или гдѣ-нибудь въ отлучкѣ, и когда вспомню, что его нѣтъ, то точно какъ варомъ обдастъ меня; или когда благодѣтельный сонъ посѣтитъ меня, то какое ужасное пробужденіе!... Я не роптала на Бога, узнавъ объ ударѣ, меня поразившемъ, а только умоляю Его не отлучаться отъ моего сына ни на минуту, окружить его своими ангелами и дать ему радости неизглаголанныя“.

Сына Марья Ивановна пережила на шестнадцать лѣтъ. Въ эту грустную пору жизни, она уже почти окончательно не жила дѣйствительностью и мало интересовалась настоящимъ: мысли ея, какъ къ магниту, обращались къ минувшимъ навѣки днямъ счастья и тихихъ, чистыхъ радостей, когда хорошо и отрадно жилось ей на бѣломъ свѣтѣ. Въ отношеніи къ окружающимъ и ко всему, что̀ напоминало ей настоящее, она становится все болѣе равнодушною. Подозрительность, которая и прежде была въ ея характерѣ, теперь достигаетъ крайнихъ размѣровъ... Только трогательная и безграничная доброта оставалась до ея смерти неизмѣнной чертой...

Въ 1868 году, въ самый день св. Пасхи, скончалась Марья Ивановна такъ же неожиданно, какъ любимые ею мужъ и сынъ. Прахъ ея покоится въ Васильевкѣ, при церкви, какъ строительницы храма, рядомъ съ безгранично любимымъ и не забытымъ до кончины мужемъ.—Этимъ оканчиваемъ рѣчь о взаимныхъ отношеніяхъ Гоголя и его матери, но въ приложеніяхъ сообщимъ еще два письма Гоголя къ его матери, нигдѣ прежде не напечатанныя до помѣщенія ихъ нами въ статьѣ: „Родители Гоголя“ въ „Историч. Вѣстникѣ“ за 1889 г. (см. янв. и февраль). Послѣ этого отступленія возвращаемся къ прежнему разсказу.

онъ пишетъ матери: „Что̀ само по себѣ не хорошо, то замѣчу; скажу, оно не хорошо, и побраню за то, если подѣломъ. Но чтобы сердиться, или горячиться, или сокрушаться, или же принимать къ сердцу всякій пустякъ, какъ вы это дѣлаете, этого за мной не водится“. (Т. V, стр. 258). А это послѣднее дѣйствительно водилось за его матерью.

Digitized by Google

VIII.

ПОПЫТКИ ГОГОЛЯ НАЙТИ ОПРЕДѢЛЕННОЕ ПОПРИЩЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

„Труднѣе всѣхъ на свѣтѣ тому“, говоритъ Гоголь въ „Авторской Исповѣди“, „кто не прикрѣпилъ себя къ мѣсту, не опредѣлилъ себѣ, въ чемъ его должность. Ему труднѣе всѣхъ примѣнить къ себѣ законъ Христовъ, который (существуетъ) на то, чтобы исполнять его на землѣ, а не на воздухѣ; а потому и жизнь должна быть для него загадкою“ [1]). Эти слова, вышедшія изъ устъ писателя въ такую минуту, когда онъ всего менѣе могъ быть расположенъ къ притворству, высказывая съ горечью, что̀ давно уже наболѣло на сердцѣ и было плодомъ давняго убѣжденія, заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, вниманія какъ вообще, такъ особенно въ примѣненіи къ первымъ годамъ его жизни въ Петербургѣ. Кромѣ естественнаго психологическаго основанія насъ убѣждаетъ въ томъ и собственное невольное признаніе автора, хотя онъ совсѣмъ не думалъ примѣнять приведенныя слова къ себѣ, считая себя, можетъ быть, возвысившимся надъ изображеннымъ въ нихъ положеніемъ [2]). Не будемъ говорить о несо-

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, 272.

[2]) Надо помнить, что онъ постоянно чувствовалъ то склонность къ самому искреннему самовозвеличенію, то потребность каяться въ гордыхъ помыслахъ, особенно въ случаѣ какой-нибудь неудачи, и эти противорѣчивыя побужденія удивительнымъ образомъ переплетаются между собой иногда на одной и той же страницѣ какъ въ юношеской перепискѣ, такъ и въ „Исповѣди“. Приведенныя строки, отнесенныя въ данномъ случаѣ къ другимъ, но выраженныя въ формѣ

Digitized by Google

мнѣнномъ сходствѣ, которое обнаруживается въ этихъ раздѣленныхъ между собою почти двадцатилѣтнимъ промежуткомъ признаніяхъ, сходствѣ во взглядѣ на свое назначеніе, въ религіозной основѣ міросозерцанія и проч.; но даже мучительная неопредѣленность стремленій остается почти та же [1]). Недаромъ онъ сравниваетъ и отождествляетъ самъ свои стремленія и нравственное состояніе съ тѣмъ, въ которомъ онъ находился послѣ страшнаго разочарованія, причиненнаго неуспѣхомъ „Выбранныхъ Мѣстъ изъ переписки съ друзьями“; недаромъ онъ говоритъ, что „внутренне никогда не мѣнялся“ [2]). Какъ въ ранней юности, такъ точно и на склонѣ своей дѣятельности, Гоголя воодушевляла отвлеченная идея служенія родинѣ, но вопросъ о выборѣ опредѣленнаго поприща для дѣятельности былъ въ его глазахъ всегда второстепеннымъ. Въ эпоху „Авторской Исповѣди“ для него всѣ должности были равны и ему „хотѣлось служить *въ какой бы то ни было*, самой мелкой и незамѣтной должности, но служить землѣ своей такъ, какъ онъ хотѣлъ въ дни юности, и даже гораздо лучше, нежели тогда хотѣлъ“. „Послѣ долгихъ лѣтъ и трудовъ и опытовъ и размышленій, идя видимо впередъ“, говоритъ онъ, „я пришелъ къ тому, о чемъ уже помышлялъ во время моего дѣтства: что назначеніе человѣка—служить и что вся жизнь наша есть служба. Не забывать только нужно того, что взято мѣсто затѣмъ, чтобы служить Государю небесному. Только такъ служа, можно угодить всѣмъ: и государю, и народу, и землѣ своей“. [3]). Можно только удивляться, какъ мало все-таки измѣнился въ продолженіе двадцати лѣтъ въ своихъ главныхъ чертахъ внутренній міръ поэта и какъ мало вліяли на него внѣшнія отношенія, его *связи* съ передовыми людьми своего времени и самый жизненный опытъ, казалось бы, столь богатый и разносторонній при его умѣ и наблюдательности. Разница замѣтна однако въ томъ, что впослѣдствіи Гоголю

сентенціи общаго характера, могли быть въ другой разъ отнесены авторомъ къ самому себѣ, какъ и все, что онъ говоритъ передъ этими строками объ истинномъ христіанинѣ.

[1]) Точнѣе Гоголь въ половинѣ сороковыхъ годовъ, такъ сказать, сбитый съ позиціи, разбитый и измученный, возвращается къ тому же состоянію, которое имъ было уже когда-то пережито.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. VI, стр. 73.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, 273.

Digitized by Google

казались всѣ должности равны, тогда какъ въ юношеской перепискѣ его мы находимъ довольно презрительные отзывы о незначительныхъ должностяхъ.

Смутное представленіе о способѣ осуществленія лучшихъ своихъ стремленій не могло, конечно, не сдѣлаться для Гоголя источникомъ тяжкихъ нравственныхъ мученій при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Необходимость опредѣлить точно родъ будущей дѣятельности представилась Гоголю еще до окончанія курса, и тогда ему казалось, что задача уже рѣшена, хотя вскорѣ послѣ того пришлось въ томъ разубѣдиться и составлять новые планы. „Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія“, пишетъ онъ дядѣ, „всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только могу я быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сдѣлавъ блага. Два года занимался я постоянно изученіемъ правъ другихъ народовъ и естественныхъ, какъ основныхъ для всѣхъ законовъ; теперь занимаюсь естественными“ [1]). Авторъ предназначалъ себя къ дѣятельности въ юридической сферѣ. Но такое рѣшеніе, исходя изъ отвлеченныхъ соображеній и не основываясь на влеченіи къ избираемой профессіи, естественно не могло быть прочнымъ и вскорѣ было оставлено навсегда.

Положеніе Гоголя въ первое время послѣ переселенія въ Петербургъ напоминаетъ отчасти положеніе Тентетникова при вступленіи въ жизнь и послѣ первыхъ невзгодъ по службѣ. „Молодость“, говоритъ онъ въ началѣ второй части „Мертвыхъ Душъ“, „счастлива тѣмъ, что у нея есть будущее“. „По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце Тентетникова билось. Онъ говорилъ себѣ: „Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленіе къ жизни, настоящая жизнь на службѣ: тамъ подвиги. И по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, онъ понесся въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится отъ всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь“ [2]). Черезъ нѣсколько времени мы видимъ въ Тентетниковѣ такъ же, какъ

[1]) „Русская Стар.“, 1876, I, 41.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. III, 287.

Digitized by Google

и въ Гоголѣ, разочарованіе въ надеждахъ и охлажденіе къ службѣ. „Скоро Тентетниковъ свыкнулся со службою, но только она сдѣлалась для него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему распредѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить оставшимися минутами“. Не то же ли было и съ Гоголемъ? О службѣ Гоголя г. Пашковъ сообщаетъ слѣдующее:

„Не имѣя ни призванія, ни охоты къ службѣ, Гоголь тяготился ею, скучалъ и потому часто пропускалъ служебные дни, въ которые онъ занимался на квартирѣ литературою. Вотъ послѣ двухъ-трехъ дней пропуска является онъ въ департаментъ, и секретарь или начальникъ отдѣленія дѣлаютъ ему замѣчанія: „такъ служить нельзя, Николай Васильевичъ; службой надо заниматься серьезно“. Гоголь вынимаетъ изъ кармана загодя приготовленное на Высочайшее имя прошеніе объ увольненіи отъ службы и подаетъ. Увольняется и опредѣляется нѣсколько разъ“ [1]).

Марья Ивановна, какъ мы видѣли, старалась, насколько могла, окружить сына покровительствомъ сильныхъ міра, въ чемъ ей помогали между прочимъ такія лица, какъ Трóщинскій, который, по словамъ Пащенка, далъ ему рекомендательное письмо къ министру народнаго просвѣщенія. Въ письмѣ къ П. П. Косяровскому отъ 16 декабря 1828 года Марья Ивановна сообщала:

„Вчера я возвратилась изъ Кибинецъ, проводя моего Николеньку въ С.-Петербургъ, и грущу, что въ такой холодъ онъ ѣдетъ въ дорогѣ, но да будетъ воля Божія! Благодѣтель нашъ (Дмитрій Прокофьевичъ Трóщинскій) примѣтно ослабѣваетъ: насилу могъ написать письмо къ своему другу Кутузову о моемъ сынѣ, въ которомъ назвалъ его своимъ родственникомъ и просилъ принять въ свое покровительство. Будучи въ Кибинцахъ 26-го, я просила благотворителя моего написать объ Николенькѣ, полагая, что онъ вслѣдъ за пись-

---

[1]) Извѣстные факты изъ жизни и дѣятельности другихъ писателей позволяютъ предполагать и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненій Гоголя, если не воспоминанія, имѣющія автобіографическое значеніе, то, можетъ быть, безсознательное отраженіе того, что было пережито авторомъ. Ниже мы будемъ имѣть случай приводить множество такихъ примѣровъ.

Digitized by Google

момъ уѣдетъ, но по разнымъ обстоятельствамъ ему надобно было остаться, да и дороги совсѣмъ не было. При мнѣ получилъ Дмитрій Прокофьевичъ отвѣтъ на первое свое письмо по выѣздѣ уже Николеньки и далъ мнѣ прочесть. Я въ жизнь мою не читала такого милаго и простого слова, прямо отъ сердца истекающаго. Между прочимъ благодаритъ за доставленіе случая сдѣлать ему угодное и заключаетъ письмо тѣмъ, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ Николая моего, которому онъ хочетъ быть другомъ и путеводителемъ въ его жизни. Представьте себѣ, мой другъ, что̀ я тогда чувствовала! Я не находила словъ, какъ благодарить великаго благодѣтеля моего: по милости его мой сынъ пріѣдетъ въ столицу не какъ безпріютный сирота, но какъ родственникъ будетъ принятъ въ домѣ немаловажнаго человѣка".

Пріятныя мечты и ожиданія матери, однако, какъ извѣстно, не сбылись. Вышло совершенно напротивъ: Гоголь тотчасъ же почувствовалъ себя одинокимъ и безпріютнымъ въ столицѣ. (Ср. V т., стр. 77. Тамъ же читаемъ: „Логгинъ Ивановичъ К. (Кутузовъ) былъ во все это время опасно боленъ и я до сихъ поръ не являлся"). Въ письмѣ къ П. П. Косяровскому отъ 18 февраля 1829 года находимъ также нѣсколько строкъ о болѣзни Кутузова: „Я получила отъ Николеньки моего два письма, какъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ; въ первомъ онъ писалъ, что нашелъ Кутузова отчаянно больнымъ, а въ другомъ уже хвалился его ласками, по милости благодѣтеля нашего". Это письмо пропущено въ изданіи Кулиша, но отрывки изъ него уцѣлѣли случайно въ обширной выпискѣ, сдѣланной матерью Гоголя въ письмѣ ея къ П. П. Косяровскому.—Такимъ образомъ Гоголь вовсе не былъ оставленъ на произволъ судьбы и могъ надѣяться не на однѣ собственныя силы; несомнѣнно даже, что именно „покровители" помогли ему такъ скоро найти обезпечивающее мѣсто въ министерствѣ удѣловъ. Правда, въ силу ли незначительности обѣщанной протекціи, или собственной непредпріимчивости Гоголя въ смыслѣ искательства, долгое время она не принесла нашему писателю никакой существенной пользы, но, повидимому, онъ не отклонялъ ее, хотя и пользовался ею довольно вяло и неохотно [1]).

[1]) Въ числѣ другихъ рекомендательныхъ писемъ у Гоголя было также письмо Тро̀щинскаго къ Логгину Ивановичу Голенищеву-Кутузову. Слѣдуетъ замѣтить

Digitized by Google

Вѣроятно, надеждой на протекцію объясняется до нѣкоторой степени его прихотливая разборчивость въ отношеніи къ предлагаемымъ занятіямъ. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ изъ Петербурга этотъ *нуждающійся* молодой человѣкъ смотритъ свысока на мѣсто въ тысячу рублей жалованья: „Можетъ быть, на дняхъ откроется мѣсто повыгоднѣе и поблагороднѣе“, говоритъ онъ, „но, признаюсь, ежели и тамъ нужно будетъ употреблять столько времени на глупыя занятія, то я—слуга покорный“ [1]). Такой успѣхъ на первыхъ шагахъ не мѣшаетъ, однако, Гоголю утверждать потомъ, что „вездѣ совершенно встрѣчалъ онъ однѣ неудачи, и, что̀ всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, безъ всякой протекціи, легко получали то, чего я, съ помощью своихъ *покровителей*, не могъ достигнуть“ [2]). А между тѣмъ изъ слѣдующаго письма оказывается, что должность, о которой онъ говоритъ, не только могла доставить ему годовое содержаніе, но даже возможность помогать матери, что̀ было тогда его задушевной мечтой. Правда, вскорѣ оказывается также, что вмѣсто тысячи рублей онъ получалъ первое время только половину и что „послѣ безко-

---

по этому поводу нѣсколько строкъ изъ одного письма Гоголя къ матери, пропущеннаго въ изданіи Кулиша, но сохранившагося въ извлеченіи въ письмѣ Марьи Ивановны къ П. П. Косяровскому: „Николенька мой о сю пору не опредѣленъ еще на службу. Покойный благодѣтель нашъ, Дмитрій Прокофьевичъ, говорилъ мнѣ, чтобы я не скучала его нескорымъ опредѣленіемъ, потому что Кутузовъ выискиваетъ для него хорошую и выгодную должность, что̀ чрезвычайно трудно теперь на штатской службѣ, гдѣ совершенно набито людей. Я о семъ писала Николѣ своему, чтобы онъ не наскучилъ Кутузову и положился бы съ терпѣніемъ на его стараніе, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: *„Вы мнѣ совѣтуете не безпокоить Логгина Ивановича моимъ опредѣленіемъ: оно бы и хорошо, когда бы я могъ ничего не ѣсть, не нанимать квартиры и не изнашивать сапогъ, но такъ какъ я не имѣю сихъ талантовъ, т. е. жить воздухомъ, то и скучаю своимъ бездѣйствіемъ, сидя въ холодной комнатѣ и имѣя величайшее несчастіе просить у васъ денегъ, зная теперешнія Ваши обстоятельства“*. И я должна была опять занять и послать ему денегъ. Видно, онъ былъ въ самомъ тревожномъ положеніи, что прибавилъ: *„Недаромъ я не любилъ никакихъ протекцій: безъ нихъ давно бы я опредѣлился къ мѣсту“*. Въ концѣ письма нѣсколько потѣшилъ меня, что надежда мелькнула ему, но что онъ не смѣетъ еще предаваться ей и жалѣетъ, что не взялся за сіе прежде, и черезъ то много потерялъ, и я не знаю, что̀ онъ подъ этимъ разумѣетъ». („Указатель къ письмамъ Гоголя“, 1 изд., стр. 43—45).

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, V, 83.

[2]) Тамъ же, стр. 85.

Digitized by Google

нечныхъ исканій ему удалось достать мѣсто незавидное, что важной протекціи онъ не имѣлъ, что „*покровители*“ водили его до тѣхъ поръ, пока не заставили его усомниться въ самой возможности осуществленія („сбыточности“) ихъ обѣщаній; но вѣдь этого предвидѣть заранѣе онъ не могъ, и къ тому же скоро онъ надѣется опять получить штатное мѣсто, до котораго „многіе по пяти лѣтъ дослуживаются, а иные даже по десяти, и не получаютъ“ [1]).

Нравственное состояніе Гоголя во все это время было самое неопредѣленное и неровное. Онъ постоянно переходилъ отъ надежды къ разочарованію и снова затѣмъ возвращался къ свѣтлому настроенію, не давая овладѣвать собою отчаянію. Въ трудностяхъ жизни его поддерживалъ оптимизмъ, находившій себѣ основу и оправданіе въ его увѣренности въ высокомъ своемъ призваніи и въ склонности толковать случайности въ свою пользу. Этимъ объясняется и его кажущаяся безпечность при томъ подавленномъ состояніи, которое онъ не разъ характеризуетъ самъ въ своихъ письмахъ. „Мысли тучами налегаютъ одна на другую, не давая одна другой мѣста, и непонятная сила нудитъ и вмѣстѣ отталкиваетъ ихъ излиться передъ вами и высказать всю глубину истерзанной души“ [2]). Въ другой разъ онъ пишетъ матери: „Простите своему несчастному сыну, который одного только желалъ бы нынѣ—повергнуться въ объятія ваши и излить передъ вами изрытую и опустошенную бурями душу свою, разсказать всю тяжкую повѣсть свою“ [3]). Въ то же время, по воспоминаніямъ товарища, Гоголь вмѣстѣ съ Кукольникомъ были душою веселаго малороссійскаго кружка, состоявшаго изъ десяти товарищей-однокашниковъ“ (въ томъ числѣ были: Прокоповичъ, Данилевскій, Пащенко, Кукольникъ, Базили, Гребенка, Мокрицкій и другіе). „Товарищи“, разсказываетъ г. Пашковъ, „сходились у кого-нибудь изъ своихъ, составляя тѣсный, пріятельскій кружокъ, и весело проводили время“ [4]). Хандру тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ слѣдуетъ считать, очевидно, явленіемъ мимолетнымъ, не оставившимъ послѣ себя серьезныхъ слѣдовъ, кромѣ развѣ нѣкоторой распущенности,

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 105.
[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 84—85.
[3]) Тамъ же, стр. 89.
[4]) „Берегъ“, 1880, № 268.

Digitized by Google

помѣшавшей Гоголю воспользоваться протекціей Трощинскаго. „Пріѣхали они въ Петербургъ“, продолжаетъ г. Пашковъ, „остановились въ скромной гостинницѣ и заняли въ ней одну комнату съ передней (Гоголь, Данилевскій и Пащенко). Живутъ пріятели недѣлю, живутъ и другую, и Гоголь все собирался ѣхать къ министру, собирался, откладывалъ со дня на день, такъ прошло шесть недѣль, и Гоголь не поѣхалъ. Письмо такъ у него и осталось“. Непредпріимчивость Гоголя въ данномъ случаѣ происходила, вѣроятно, отъ несочувствія къ самому предмету ходатайства, такъ какъ съ увлеченіемъ онъ могъ приниматься за такое дѣло, въ которомъ видѣлъ осуществленіе своей завѣтной цѣли, тогда какъ ко многимъ родамъ дѣятельности онъ относился равнодушно и, уже поступивши на службу, какъ мы видѣли, часто готовъ былъ оставить ее при первомъ поводѣ.

Во все время своихъ продолжительныхъ и безплодныхъ стремленій найти опредѣленный родъ занятій, Гоголь не переставалъ постоянно надѣяться на собственныя силы и на помощь Божію. Съ самаго начала онъ вооружается терпѣніемъ, и при безпечномъ и нерадивомъ отношеніи къ навязываемымъ протекціямъ, какъ человѣкъ, одаренный энергіей, но не опредѣлившій себѣ еще точно будущей дѣятельности, составляетъ собственные планы, принимаясь за многое въ надеждѣ найти успѣхъ здѣсь или тамъ. Не скрывая отъ матери своихъ житейскихъ затрудненій, онъ высказываетъ въ то же время твердую рѣшимость побѣдить ихъ. Разсказавъ объ ужасной петербургской дороговизнѣ, онъ восклицаетъ: „Какъ въ этакомъ случаѣ не приняться за умъ, за вымыселъ, какъ бы добыть этихъ проклятыхъ, подлыхъ денегъ, которыхъ хуже я ничего не знаю въ мірѣ? вотъ я и рѣшился...“ [1]) и затѣмъ прибавляетъ извѣстное намъ обѣщаніе сообщить въ слѣдующемъ письмѣ о результатахъ своихъ исканій. Здѣсь, очевидно, рѣчь касается многихъ плановъ. Въ это время Гоголь задумываетъ нѣсколько литературныхъ предпріятій и печатаетъ „Ганца Кюхельгартена“ (вышедшаго въ іюнѣ того же года). Жаль, что намъ остается неизвѣстнымъ, о чемъ говоритъ Гоголь въ слѣдущихъ словахъ цитированнаго выше письма: „Работы мои подвинулись, и я, наблюдая

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 72.

Digitized by Google

внимательно за ними, надѣюсь въ недолгомъ времени добыть что-нибудь". Въ слѣдующемъ письмѣ, очевидно сообщая о результатахъ своихъ начинаній, онъ замѣчаетъ: „Нынѣшнія извѣстія письма моего не будутъ слишкомъ утѣшительны для васъ, почтеннѣйшая маменька. Мои надежды (разумѣется, малая часть оныхъ) не выполнились. Хорошо же, что я не вдавался увѣрительно имъ; что имѣю достаточный запасъ сомнѣнія во всемъ, могущемъ случиться" [1]). Гоголь говоритъ далѣе о несостоявшейся поѣздкѣ за-границу, разстроившейся вслѣдствіе мнимой смерти какого-то воображаемаго его друга. „Великодушный другъ мой, доставлявшій мнѣ все это, скоропостижно умеръ; его намѣренія и мои предположенія лопнули, и я теперь испытываю величайшій ядъ горести; но она не отъ неудачи, а оттого, что я имѣлъ одно существо, къ которому истинно было привязался навсегда, и Небу угодно было лишить меня его". Черезъ нѣсколько строкъ онъ говоритъ о томъ, что остается въ Петербургѣ и что ему предлагаютъ мѣсто, но не на него, конечно, намекалъ онъ раньше, потому что этотъ планъ ему не нравится и могъ имѣть значеніе развѣ „послѣ другой или третьей неудачи". Далѣе онъ продолжаетъ: „Но за цѣну ли, едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, мнѣ должно продать свое здоровье и драгоцѣнное время? и на что же? на совершенные пустяки,—на что это похоже? въ день имѣть свободнаго времени не болѣе, какъ два часа" и проч. и заключаетъ свою тираду словами: „Итакъ я стою въ раздумьѣ на жизненномъ пути, ожидая еще рѣшенія нѣкоторымъ моимъ ожиданіямъ"... [2]). На неудачи свои онъ смотрѣлъ, какъ на наказанія за нарушеніе Божественной воли. Поэтому, собираясь ѣхать за-границу, уже самостоятельно, послѣ того какъ будто бы не удалась поѣздка съ другомъ, онъ считаетъ свои неудачи „налегшею на него справедливымъ гнѣвомъ Десницу Всемогущаго за то, что онъ хотѣлъ противиться вѣчнымъ, неумолкаемымъ движеніямъ души", — на томъ основаніи, что ихъ „Богъ вдохнулъ", претворивъ въ него „жажду, ненасытимую бездѣйственною разсѣянностью свѣта. *Онъ указалъ мнѣ* путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспитать свои страсти въ

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 83.

[2]) Тамъ же.

Digitized by Google

тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда былъ бы въ состояніи разсѣять благо и работать на пользу міра. И я осмѣлился откинуть эти Божественные помыслы (sic!) и пресмыкаться въ столицѣ, издерживая жизнь такъ безплодно". Безнадежная любовь къ неизвѣстной особѣ, не отвѣчавшей ему взаимностью, была, по его убѣжденію, очевиднымъ наказаніемъ за то, что онъ медлилъ цѣлые мѣсяцы, упорствовалъ[1]). „Не явный ли здѣсь надо мною Промыселъ Божій", восклицаетъ Гоголь, нимало не подозрѣвая, какъ гадательны и субъективны всѣ его попытки уяснить себѣ волю Провидѣнія. Онъ такъ убѣжденъ въ томъ, что понялъ Высшую волю, что восклицаетъ съ увѣренностью: „Въ умиленіи признался я пекущуюся обо мнѣ Десницу". Но въ скоромъ времени взглядъ его измѣняется и онъ уже иначе объясняетъ себѣ волю Промысла и уже долженъ сознаться, что онъ *напрасно старался увѣрить самого себя*, будто „принужденъ повиноваться волѣ Того, Который управляетъ нами свыше", и наконецъ, готовъ неудачную свою поѣздку приписывать внушеніямъ гордости: „Богъ унизилъ мою гордость—Его святая воля!".

Самою выдающеюся чертой въ юношескомъ міросозерцаніи Гоголя является именно это стремленіе отгадать въ событіяхъ своей жизни проявленіе Промысла и истинное значеніе его указаній. Гоголь не только глубоко вѣровалъ въ непогрѣшимость своихъ основныхъ идеаловъ и сложившихся взглядовъ на свое назначеніе, но и каждую неудачу объяснялъ непремѣнно карой за неповиновеніе волѣ Божіей. На этомъ убѣжденіи основывался его оптимизмъ, служившій для него постояннымъ утѣшеніемъ и находившій себѣ исходъ въ склонности къ толкованіямъ самыхъ простыхъ случайностей въ лестномъ для него смыслѣ. Гоголь, безъ сомнѣнія, былъ

---

1) Намъ лично эта фантастическая любовь Гоголя кажется такимъ же отважнымъ вымысломъ съ его стороны, какъ и сообщеніе о великодушномъ другѣ и покровителѣ, будто бы обѣщавшемъ увезти его на свой счетъ за-границу, но внезапно скончавшемся. Обѣ эти легенды имѣютъ одинаковую степень достовѣрности, и были тотчасъ же забыты самимъ Гоголемъ; но люди, довѣряющіе одной изъ нихъ, ради послѣдовательности должны вѣрить также и другой; впрочемъ къ такимъ людямъ, повидимому, можно отнести пока только одну г-жу Черницкую.

Digitized by Google

человѣкъ глубокой вѣры, и въ его напыщенныхъ иногда тирадахъ нѣтъ ни безсодержательнаго фразерства, ни лицемѣрія. Жизнь была исполнена для него глубокаго и таинственнаго смысла, и онъ имѣлъ на нее взглядъ діаметрально противоположный убѣжденіямъ многихъ людей, которые видятъ въ ней лишь безсмысленную цѣпь случайностей. Взглядъ этотъ проявляется такъ или иначе почти въ каждомъ письмѣ. Напр., „Какъ много еще отъ меня закрыто тайною, и я съ нетерпѣніемъ желаю вздернуть таинственный покровъ, и въ слѣдующемъ письмѣ извѣщу объ удачахъ или неудачахъ“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ: „если получу вѣрный и несомнѣнный успѣхъ, напишу вамъ“.—Воззрѣніе, высказываемое послѣдовательно и систематически въ продолженіе цѣлой жизни, не можетъ быть принятой на себя маской. Невозможно представить, чтобы Гоголь не покидалъ своего притворства даже въ интимныхъ письмахъ.

Укажемъ еще нѣсколько мѣстъ, гдѣ Гоголь утѣшаетъ себя и мать надеждой на лучшую будущность, основанной на такихъ же догадкахъ о цѣляхъ Провидѣнія. „Пора бы, кажется, счастью обратиться къ намъ; но Провидѣніе, вѣрно, съ намѣреніемъ такъ медлитъ, и мы должны благословлять Его святую волю“ [2]). Или: „Изрѣдка такъ, какъ будто отъ самого Бога, посѣщаетъ меня мысль, что, можетъ быть, все это дѣлается съ намѣреніемъ; можетъ быть, сѣются между нами огорченія для того только, чтобы мы могли потомъ безмятежно и радостно пользоваться жизнью“, и проч. [3]).

Намъ остается упомянуть о томъ, что въ началѣ 1830 года Гоголь думалъ было между прочимъ поступить на сцену. Хотя г. Мундтъ относитъ по памяти это время къ 1830 или 1831 году; но уже въ серединѣ 1830 карьера нашего писателя точно опредѣлилась и онъ не былъ болѣе въ положеніи непристроеннаго молодого человѣка, слѣдовательно, не могъ на вопросъ князя Гагарина, почему онъ не намѣревается служить, отвѣтить, что служба не можетъ доставить большого обезпеченія. Странно только, что Гоголь утверждалъ

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 79.

[2]) Тамъ же, стр. 99.

[3]) Тамъ же, стр. 93. Ср. указанные выше взгляды Марьи Ивановны на счастье; см. выше стр. 64—65.

Digitized by Google

тогда, будто никогда раньше не игралъ. Князь поручилъ своему чиновнику Храповицкому испытать Гоголя, предупредивъ его заранѣе, что напрасно онъ считаетъ сценическую дѣятельность столь легкою и доступною для каждаго и высказалъ мнѣніе, что Гоголь долженъ быть болѣе способенъ къ исполненію комическихъ пьесъ, нежели драматическихъ, на которыя онъ себя предлагалъ. Испытаніе оказалось неудачнымъ. Гоголю дали прочесть два отрывка изъ пьесъ Хвостова, и Храповицкій нашелъ, что онъ читаетъ слишкомъ просто, безъ всякаго выраженія. Причиною такого отзыва была, вѣроятно, засвидѣтельствованная г. Мундтомъ принадлежность Храповицкаго къ той группѣ цѣнителей сценическихъ талантовъ, которая необходимымъ условіемъ мастерского чтенія считала напыщенную декламацію. Впрочемъ, тотъ же Мундтъ передаетъ, что Гоголь смутился, читалъ вяло, и, повидимому, самъ замѣтилъ произведенное имъ на слушателей невыгодное впечатлѣніе, и уже не являлся за отвѣтомъ. Храповицкій подалъ о Гоголѣ князю записку, въ которой утверждалъ о совершенной неспособности его къ игрѣ и находилъ возможнымъ принять его, въ случаѣ особенной милости князя, развѣ на „выходъ“ [1]).

1830 года 10 апрѣля Гоголь поступилъ уже на службу въ департаментъ удѣловъ, какъ видно изъ выданнаго ему департаментомъ аттестата при увольненіи. Онъ получилъ 9 марта 1831 г. мѣсто помощника столоначальника, которое и занималъ до 1832 г. [2]). Впрочемъ, вѣроятно, Гоголь еще раньше служилъ въ департаментѣ, судя по слѣдующимъ словамъ письма къ матери отъ 2 апрѣля 1830 г.: „Въ самое это время, когда я хотѣлъ оканчивать письмо мое къ вамъ, посѣтилъ меня начальникъ мой по службѣ съ не совсѣмъ дурною новостью, что жалованья мнѣ прибавляютъ еще двадцать рублей въ мѣсяцъ“ [3]). Въ это время онъ снова приходитъ къ убѣжденію, что онъ совершенно все потерялъ бы, если бы уѣхалъ изъ Петербурга: „Здѣсь только человѣку достигнуть можно чего-нибудь; тутъ тысяча путей для него; нужно только употребить терпѣніе,

---

[1]) „С.-Петерб. Вѣд.“, 1861 г., № 235; послѣ было перепечатано въ „Новомъ Времени“.

[2]) „Сборн. студ. С.-Петерб. Университета“, 1857 г., I.

[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 97—98.

Digitized by Google

съ которымъ можно-таки дождаться своего“ и проч. Сообщенія со стороны Гоголя о поступленіи его на службу передъ этимъ мы, однако, нигдѣ не находимъ; письмо было, вѣроятно, затеряно. Все это время Гоголь продолжалъ испытывать нужду и былъ принужденъ не разъ обращаться за денежною помощью къ своему дядѣ Андрею Андреевичу Трощинскому, что̀ его, разумѣется, чрезвычайно стѣсняло и тяготило [1]). Ему приходилось выслушивать даже попреки и напоминанія о томъ, что у Андрея Андреевича есть также семейство и что его дѣла находятся не въ блестящемъ состояніи. Его не мало смутило однажды неожиданное извѣстіе о томъ, что „благодѣтель“ его собирался совсѣмъ уѣхать изъ Петербурга. Наконецъ Гоголь сознается однажды матери въ нѣкоторой лести своей Андрею Андреевичу: „Письмо ваше, пущенное 14 октября, я получилъ, но не отвѣчалъ такъ долго потому, что вручилъ незадолго передъ нимъ одно письмо Андрею Андреевичу, по его требованію, въ собственныя его руки, незапечатанное; слѣдовательно, вы не подивитесь, если я въ немъ немного польстилъ ему. Впрочемъ онъ точно для меня много сдѣлалъ: по его милости, я теперь имѣю теплое на зиму платье, также заплатилъ должное мною за квартиру“. [1]) Впрочемъ и въ другихъ письмахъ Гоголь замѣчаетъ, что хорошо еще, что онъ имѣлъ все это время „такого рѣдкаго благодѣтеля, какъ Андрей Андреевичъ“ [2]). Нужда Гоголя доходила до того, что онъ „всю зиму отхватывалъ въ лѣтней шинели“ [3]). Благодарность свою богатому родственнику Гоголь побуждаетъ высказать также и мать свою „въ живѣйшихъ и трогательнѣйшихъ выраженіяхъ“, совѣтуя вмѣстѣ съ тѣмъ сказать о себѣ, что онъ въ своихъ письмахъ къ ней „не можетъ нахвалиться ласками и благодѣяніями, безпрестанно ему оказываемыми“. Ему тяжело было лишній разъ заикнуться о своихъ нуждахъ...

При подобныхъ условіяхъ Гоголь, однако, не рѣшается покинуть Петербургъ, и хотя высказываетъ однажды намѣреніе проситься въ провинцію, но это намѣреніе было вынужденное и мимолетное: „Признаюсь, Боже сохрани, если

---

[1]) См. „Указатель къ письмамъ Гоголя“, изд. I, стр. 77.

[2]) Тамъ же, стр. 100.

[3]) Тамъ же.

Digitized by Google

доведется ѣхать въ Россію! По-моему, ежели ѣхать, такъ ужъ ѣхать въ одну Малороссію. Но, признаюсь, если разсудить, какъ нужно, то, несмотря на мою охоту и желаніе уѣхать въ Малороссію, я совершенно потеряю все, если удалюсь изъ Петербурга“ [1]).

Въ такомъ положеніи оставался Гоголь до начала 1831 г., когда слѣдующія слова его свидѣтельствовали ясно, что внѣшнія его условія и самое настроеніе значительно измѣнилось къ лучшему. „Вѣрьте, что Богъ ничего не готовитъ въ будущемъ, кромѣ благополучія и счастія. Источникъ ихъ находится въ самомъ нашемъ сердцѣ. Чѣмъ оно добрѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ притязаній и правъ на счастіе. Какъ благодарю я вышнюю Десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ! Ни на какія драгоцѣнности въ мірѣ не промѣнялъ бы ихъ. Чего не извѣдалъ я въ то короткое время! Иному во всю жизнь не случалось имѣть такого разнообразія. Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого, я думаю, рѣдкій царь могъ имѣть. Зато теперь какая тишина въ моемъ сердцѣ! какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей! Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе—польза. Мнѣ любо, когда я не ищу, но моего ищутъ знакомства“ [2]). Въ этихъ словахъ Гоголь подводитъ итоги впечатлѣніямъ, пережитымъ въ первые два года своей петербургской жизни, и отмѣчаетъ перемѣну, происшедшую въ его судьбѣ и положеніи. Съ этихъ поръ онъ становится въ ряды признанныхъ литераторовъ и пріобрѣтаетъ прочное и почетное положеніе. Теперь онъ радуется совѣту докторовъ поменьше сидѣть на мѣстѣ во избѣжаніе геморроидовъ, какъ внѣшнему поводу для оставленія службы. „Я душевно былъ радъ оставить ничтожную службу, ничтожную, я полагаю, для меня, потому что иной Богъ

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 109.

[2]) Стр. 127. Эти строки письма Марья Ивановна воспроизводитъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ П. П. Косяровскому:

„Я получила отъ Николеньки письмо очень пріятное, что онъ счастливо продолжаетъ службу и благодаритъ Бога за претерпѣнныя имъ нужды и *разнообразія,* которыхъ иному во весь вѣкъ не придется испытать. „Зато“, пишетъ, „какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ и какая твердость въ душѣ моей, и какъ пріятно мнѣ, что не я ищу, но моего ищутъ знакомства“. („Указатель Гоголя“, 1 изд., стр. 78).

Digitized by Google

знаетъ за какое благополучіе почелъ бы занять оставленное мною мѣсто. Но путь у меня другой, дорога прямѣе, и въ душѣ болѣе силы идти твердымъ шагомъ“ [1]).

Съ этихъ поръ для Гоголя начинается одинъ изъ болѣе отрадныхъ періодовъ его жизни, періодъ дружескаго общенія съ Плетневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ и А. О. Россетъ, уступающій только самой свѣтлой и счастливой порѣ его жизни,—порѣ увлеченія Римомъ и Италіей.

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 129.

Digitized by Google

Digitized by Google

Н. В. ГОГОЛЬ ВЪ НАЧАЛѢ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРЬЕРЫ.

(1830—1831).

Digitized by Google

Digitized by Google

I. ЗАДАТКИ ТВОРЧЕСТВА ВЪ ЮНОСТИ ГОГОЛЯ И РАЗВИТІЕ ИХЪ ВЪ „ВЕЧЕРАХЪ НА ХУТОРѢ".

I.

Даръ рѣдкой наблюдательности, унаслѣдованный Гоголемъ отъ отца, сталъ обнаруживаться чрезвычайно рано, опередивъ и надолго заслонивъ собою проявленіе всѣхъ другихъ сторонъ его духовной природы: имъ Гоголь обращалъ на себя общее вниманіе еще въ ту пору, когда далеко не могъ похвалиться передъ сверстниками серьезнымъ умственнымъ развитіемъ. Въ мальчикѣ замѣчали необыкновенное умѣнье уловить въ окружающихъ лицахъ и предметахъ повидимому мелкіе, но всегда въ высокой степени характерные признаки, искусство ярко очертить вещь немногими живыми штрихами. Съ раннихъ лѣтъ Гоголь былъ оригиналенъ въ каждой шуткѣ, въ каждой дѣтской шалости, но больше всего въ развлеченіяхъ. Всѣ эти особенности, проявлявшіяся въ немъ еще въ отрочествѣ, преимущественно въ видѣ безсознательнаго, хотя и вполнѣ артистическаго копированія старшихъ, становились постепенно все зрѣлѣе и серьезнѣе и получали болѣе глубокую цѣль и значеніе. Сценическіе успѣхи его въ школѣ основывались на живомъ и поразительно вѣрномъ воспроизведеніи тѣхъ сторонъ, которыя ускользали отъ обыкновеннаго глаза. Юношей онъ уже въ совершенствѣ владѣлъ всѣми сценическими данными, особенно мимикой, но — что всего важнѣе — тонкимъ инстинктомъ художника ясно понималъ, къ чему долженъ стремиться и чего избѣгать настоящій актеръ. Ему удавалось достигать поражающихъ эффектовъ единственно необычайной правдивостью изображенія, безъ

Digitized by Google

всякихъ преднамѣренныхъ натяжекъ и въ самыхъ незначительныхъ роляхъ, особенно стариковъ и старухъ. Этой способностью онъ рѣшительно выдѣлялся среди другихъ товарищей, пробовавшихъ свои силы на сценѣ, особенно отличаясь отъ извѣстнаго впослѣдствіи Кукольника, полагавшаго верхъ искусства въ энергическихъ жестахъ и напыщенной декламаціи. Отсюда ясно вытекаетъ, что, какъ бы ни было важно для развитія таланта значеніе позднѣйшихъ вліяній и опыта жизни [1]), оно всегда остается по меньшей мѣрѣ второстепеннымъ. Такъ въ данномъ случаѣ въ обоихъ молодыхъ людяхъ, въ сущности съ первыхъ же шаговъ, рѣзко обозначились совершенно противоположные природные задатки, которые наложили роковую печать на всю ихъ послѣдующую дѣятельность, предопредѣливъ заранѣе одного быть творцомъ имѣющей великое значеніе въ исторіи русской литературы натуральной школы, другого—производить напыщенныя, ходульныя пьесы.

Объ игрѣ Гоголя такъ разсказываетъ одинъ изъ его школьныхъ товарищей: „Вотъ является дряхлый старикъ въ простомъ кожухѣ, въ бараньей шапкѣ и въ смазныхъ сапогахъ. Опираясь на палку, онъ едва передвигается, доходитъ крехтя до скамьи и садится. Сидитъ, трясется, крехтитъ, хихикаетъ и кашляетъ, да, наконецъ, захихикалъ и закашлялъ такимъ удушливымъ и сильнымъ старческимъ кашлемъ, съ неожиданнымъ прибавленіемъ, что вся публика грохнула и разразилась неудержимымъ смѣхомъ“ [2]). Пріемъ, употребленный Гоголемъ, показался настолько неожиданнымъ и выходящимъ изъ ряду вонъ, что, несмотря на общія восторженныя одобренія, начальство было смущено и перепугано выходкой; бросились убѣждать Гоголя, но онъ былъ непоколебимо увѣренъ, что такъ именно и слѣдовало выполнить роль. Чтобы

[1]) Обстоятельства имѣли, конечно, различное значеніе въ жизни Гоголя въ смыслѣ развитія его таланта, какъ благопріятное, такъ и неблагопріятное; но такъ какъ природа, разсыпая свои дары, посылаетъ человѣку только силы для исполненія какой-нибудь задачи, ничѣмъ не гарантируя надлежащее ихъ употребленіе, то и Гоголь сдѣлалъ гораздо меньше того, къ чему былъ призванъ, и притомъ сдѣлалъ это въ значительной мѣрѣ благодаря Бѣлинскому, съумѣвшему взростить брошенныя имъ сѣмена и дать имъ новую жизнь.

[2]) „Берегъ“, 1880, № 268, статья В. Пашкова.—Гоголь превосходно игралъ также пяню Василису въ пьесѣ Крылова: „Урокъ дочкамъ“.

Digitized by Google

вполнѣ понять и оцѣнить значеніе произведеннаго впечатлѣнія, необходимо помнить, что гимназическіе спектакли при Гоголѣ были далеко не такими, какіе принято обыкновенно называть домашними; на нихъ во множествѣ стекалась избранная провинціальная публика, а иногда являлись и пріѣзжіе изъ ближайшихъ городовъ. Изъ неизданныхъ записокъ другого товарища дѣтства Гоголя мы можемъ извлечь объ этомъ слѣдующія подробности: „Театральныя представленія давались на праздникахъ. Мы съ Гоголемъ и съ Романовичемъ [1]) сами рисовали декораціи. Одна изъ рекреаціонныхъ залъ (онѣ назывались у насъ музеями) представляла всѣ удобства для устройства театра. Зрителями были, кромѣ нашихъ наставниковъ, сосѣдніе помѣщики и военные расположенной въ Нѣжинѣ дивизіи. Въ ихъ числѣ помню генераловъ: Дибича (брата фельдмаршала), Столыпина, Эммануэля. Всѣ были въ восторгѣ отъ нашихъ представленій, которыя одушевляли мертвенный уѣздный городокъ и доставляли нѣкоторое развлеченіе случайному его обществу. Играли мы трагедіи Озерова, „Эдипа“ и „Фингала“, водевили, какую-то малороссійскую пьесу, сочиненную тогда же Гоголемъ [2]), отъ которой публика надрывалась со смѣху. Но удачнѣе всего давалась у насъ комедія Фонвизина „Недоросль“. Видалъ я эту пьесу и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, но сохранилъ всегда то убѣжденіе, что ни одной [3]) актрисѣ не удавалась роль Простаковой такъ хорошо, какъ игралъ эту роль шестнадцатилѣтній тогда Гоголь. Не менѣе удачно пятнадцатилѣтній тогда Несторъ Кукольникъ, худощавый и длинный, игралъ недоросля, а Данилевскій — Софью. Благодаря моей необыкновенной въ то время памяти доставались мнѣ самыя длинныя роли, Стародума, Эдипа и другія“ [4]). Только-что приведенныя строки подтверждаются и воспоминаніями Данилевскаго; но послѣдній, признавая выдающіяся достоинства игры Кукольника, нѣсколько рельефнѣе оттѣняетъ отмѣченное выше различіе между его игрой и игрой Гоголя. Всѣ от-

[1]) Василій Игнатьевичъ Любичъ-Романовичъ, старшій товарищъ Гоголя въ Нѣжинскомъ лицеѣ.

[2]) Здѣсь неточность: авторъ, вѣроятно, разумѣетъ комедію отца Гоголя.

[3]) Въ копіи, вѣроятно, ошибка: вм. *ни одной актрисѣ* написано: *молодой*.

[4]) Эти воспоминанія принадлежатъ лицу, занимавшему впослѣдствіи видное положеніе въ дипломатическомъ мірѣ.

Digitized by Google

зывы единогласно сходятся въ томъ, что Гоголь и Кукольникъ явили себя замѣчательными талантами еще на гимназической сценѣ. „Всѣ мы думали тогда“,—замѣчаетъ первый цитированный нами разсказчикъ,—„что Гоголь поступитъ на сцену, что у него громадный сценическій талантъ и всѣ данныя для игры на сценѣ: мимика, гримировка, перемѣнный голосъ и полнѣйшее перерожденіе въ роли, какія онъ играетъ. Думается, что Гоголь затмилъ бы и знаменитыхъ комиковъ-артистовъ, если бы вступилъ на сцену“ [1]). Со временемъ искусное подражаніе пріемамъ, жестамъ и складу рѣчи доходило у Гоголя иногда до того, что люди, не видавшіе прежде ни разу нѣкоторыхъ его знакомыхъ, случалось, тотчасъ узнавали ихъ по его мастерскому заочному изображенію. Въ „Авторской Исповѣди“ онъ такъ вспомнилъ объ этой своей замѣчательной способности художественно воспроизводить характеръ и рѣчь изображаемыхъ лицъ: „Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но *угадать* человѣка, то-есть угадать, что̀ онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаніемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей“ [2]). Такимъ образомъ, если Гоголь не воспользовался этой драгоцѣнной способностью для сцены, то нѣтъ сомнѣнія, что этой способности прежде всего онъ обязанъ блестящими успѣхами на другомъ, гораздо болѣе славномъ поприщѣ, на которое былъ выдвинутъ не литературнымъ честолюбіемъ или иными случайными побужденіями, но именно непреодолимой внутренней потребностью воплощать въ осязательныя формы образы, мучительно роившіеся въ его воображеніи и достигавшіе поразительной яркости. Образы эти не воспринимались имъ только пассивно, извнѣ, какъ безсознательный и безсвязный матеріалъ, но, глубоко западая въ душу, возбуждали въ ней разнородныя чувства и представленія и, въ свою очередь, получали яркую субъективную окраску. Послѣднее обстоятельство и давало жизнь и силу творчеству, такъ какъ главную прелесть произведеніямъ Гоголя сообщаетъ нерѣдко внутренняя теплота чувства и живость проникнутой имъ картины, безъ которой рабски воспроизводи-

[1]) „Берегъ“, статья Пашкова, передающая воспоминанія Т. Г. Пащенко. Это мнѣніе раздѣлялъ и самъ Гоголь. См. „Русскій Архивъ“, 1871, 4—5, письмо къ В. А. Жуковскому, стр. 934.

[2]) Соч. Гоголя, изд. 10-е, т. IV, стр. 248.

Digitized by Google

мая дѣйствительность возбуждала бы сравнительно блѣдное впечатлѣніе. Каждое художественное произведеніе Гоголя неизмѣнно носитъ на себѣ печать глубокой оригинальности. Справедливо и тонко замѣтилъ одинъ весьма компетентный цѣнитель, что въ „развитіи своемъ Гоголь былъ независимѣе отъ посторонннхъ вліяній, нежели какой-либо другой изъ нашихъ первоклассныхъ писателей“ [1]). Но эта независимость прежде всего обусловливалась крайней оригинальностью натуры, смѣло пролагавшей свой собственный путь тамъ, гдѣ другіе слѣдовали авторитетамъ и искали опоры въ избранныхъ образцахъ.

Печать генія рѣзко выдѣляла Гоголя и въ самыхъ незначительныхъ, обыденныхъ случаяхъ жизни, гдѣ ея всего меньше можно было ожидать, и, какъ всего чаще случается, была замѣчена только тогда, когда его имя гремѣло и было навсегда покрыто безсмертною славой. Любопытно, что когда Гоголь юношей пріѣзжалъ изъ Нѣжина домой на каникулы, онъ такъ же поражалъ сосѣдей, какъ въ школѣ товарищей, преимущественно искуснымъ копированіемъ старшихъ, въ чемъ видѣли, впрочемъ, пока только балаганное фиглярство, нисколько не подозрѣвая, что изъ этого насмѣшливаго подростка, а особенно изъ этой его способности „пересмѣивать“, можетъ выйти со временемъ что-нибудь дѣльное. Въ такомъ невыгодномъ мнѣніи нельзя не видѣть отчасти слѣдовъ недовольства и раздраженія, но до извѣстной степени оно могло быть искреннимъ, тѣмъ болѣе, что, по собственному позднѣйшему признанію, въ ранніе годы поэтъ былъ склоненъ къ веселой безпечности и охотно давалъ волю безотчетно возникавшимъ иногда представленіямъ. Во время пріѣздовъ домой на каникулы характеръ его проявлялся весьма разнообразно и мнѣнія о немъ были несходныя, но по бо́льшей части невыгодныя. Однажды онъ такъ писалъ объ этомъ матери: „Я почитаюсь загадкой для всѣхъ; никто не разгадалъ меня совершенно. *У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей.* Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собою вмѣстѣ съ вами? Здѣсь [2]) меня называютъ

[1]) См. „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“ („Современникъ“, 1856, 2, Критика, стр. 6). Статья принадлежитъ Чернышевскому.

[2]) Т.-е. въ Нѣжинѣ.

Digitized by Google

смиреннікомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый кроткій, тихій, учтивый, въ другомъ—угрюмый, задумчивый, неотесанный, въ третьемъ—болтливъ и дукученъ до чрезвычайности, у иныхъ — уменъ, у другихъ — глупъ“ [1]). Однимъ словомъ, оригинальная натура чувствовалась въ Гоголѣ многимъ, но понять или хотя повнимательнѣе вникнуть въ нее едва-ли кто изъ окружавшихъ былъ въ состояніи; большинство только отъ души смѣялось надъ жертвами его остроумія или сердилось за нихъ, а въ школѣ его часто даже наказывали за „шутовство и кривлянье“. Въ любопытныхъ воспоминаніяхъ А. М. Стороженка приведенъ между прочимъ слѣдующій отзывъ о Гоголѣ-юношѣ какого-то старичка изъ военныхъ, рекомендовавшаго его отцу молодого нѣжинскаго студента въ такихъ выраженіяхъ: „Это—Гоголь, сынокъ Марьи Ивановны, не много путнаго обѣщаетъ. Говорятъ, плохо учится и не уважаетъ своихъ наставниковъ. Вы не повѣрите, какая спичка этотъ *скубентъ;* вчера вечеромъ мы животы надрывали, слушая, какъ онъ передразнивалъ почтеннаго Карла Ивановича, сахаровара Р.“ [2]) Когда Гоголь, переселившись уже въ Петербургъ, просилъ однажды мать присылать ему сундуки съ старинными малороссійскими костюмами, то онъ дѣлалъ предположеніе, что сосѣди такъ станутъ толковать объ этомъ:

„На что ему“, я думаю, поговариваетъ Домна Матвѣевна, „весь этотъ скарбъ?“—„То-то онъ еще съизмалу былъ затѣйникъ!“—прибавляетъ Олимпіада Ѳедоровна. „Они еще вмѣстѣ съ Симономъ, какъ пріѣзжали изъ Нѣжина, то выстругивали какой-то органъ изъ дерева“ [3]).

Такъ смотрѣли на Гоголя окружающіе, пока со всѣхъ концовъ Россіи не стали доноситься о немъ восторженные крики, какъ о восходящемъ крупномъ литературномъ свѣтилѣ; а вотъ образецъ его остроумныхъ юношескихъ шутокъ, сообщенный тѣмъ же Стороженкомъ:

„Послѣ обѣда кто-то дернулъ меня за фалдочку; оглянувшись, я увидѣлъ Гоголя. — Пойдемъ въ садъ, шепнулъ онъ,

1) „Соч. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, т. V, стр. 71.

2) „Отечественныя Записки“, 1859, 4, стр. 75.

3) Соч. и письма Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 140. Домна Матвѣевна Зарудная, Олимпіада Ѳедоровна Тимченко, сосѣдки М. И. Гоголь, Симонъ—дядька Гоголя, жившій при немъ въ нѣжинскомъ лицеѣ.

Digitized by Google

и довольно скоро пошелъ въ диванную; я послѣдовалъ за нимъ и, пройдя нѣсколько комнатъ, мы вышли на террассу"...

— Знаете-ли, что̀ сдѣлаемъ? сказалъ Гоголь: мы теперь свободны часа на три; пойдемъ въ лѣсъ?

— Пожалуй, отвѣчалъ я: — но какъ мы переберемся черезъ рѣку?

— Вѣроятно, тамъ отъищемъ челнокъ, а, можетъ-быть, и мостъ есть.—Мы спустились съ горы прямикомъ, перелѣзли черезъ заборъ и очутились въ узкомъ и длинномъ переулкѣ, въ родѣ того, какой раздѣлялъ усадьбы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

— Направо, или налѣво? спросилъ я, видя, что Гоголь съ нерѣшимостью посматривалъ то въ ту, то въ другую сторону переулка.

— Далеко придется обходить, отвѣчалъ онъ.

— Что̀-жь дѣлать?

— Отправимся прямо.

— Черезъ леваду?

— Да.

— Пожалуй.

На основаніи принятой отъ поляковъ пословицы: „шляхтичъ на своемъ огородѣ равенъ воеводѣ", въ Малороссіи считается преступленіемъ нарушить спокойствіе владѣльца; но я былъ очень сговорчивъ и первый полѣзъ черезъ плетень. Внезапное наше появленіе произвело тревогу. Собаки лаяли, злобно кидаясь на насъ, куры съ крикомъ и кудахтаньемъ разбѣжались и мы не успѣли сдѣлать двадцати шаговъ, какъ увидѣли высокую, дебелую молодицу, съ грудным ребенкомъ на рукахъ, который жевалъ пирогъ съ вишнями и выпачкалъ себѣ лицо до ушей.

— Эй вы, школяры! закричала она: — зачѣмъ, что̀ тутъ забыли? Убирайтесь, пока не досталось вамъ по шеямъ!

— Вотъ злючка! сказалъ Гоголь и смѣло продолжалъ идти; я не отставалъ отъ него.

— Что̀-жь не слышите? продолжала молодица, озлобляясь: — оглохнули? Вонъ, говорю, курохваты, а не то позову *чоловика* (мужа), такъ онъ вамъ ноги поперебиваетъ, чтобъ въ другой разъ черезъ чужіе плетни не лазили!

— Постой, пробормоталъ Гоголь: я тебя еще не такъ разсержу!

Digitized by Google

— Что̀ вамъ нужно?... зачѣмъ пришли, ироды? грозно спросила молодица, остановясь въ нѣсколькихъ отъ насъ шагахъ.

— Намъ сказали, отвѣчалъ спокойно Гоголь: что здѣсь живетъ молодица, у которой *дитина* похожа на поросенка.

— Что̀ такое? воскликнула молодица, съ недоумѣніемъ посматривая то на насъ, то на свое дѣтище.

— Да вотъ оно! вскричалъ Гоголь, указывая на ребенка:— какое сходство! настоящій поросенокъ!

— Удивительное, чистѣйшій поросенокъ! подхватилъ я, захохотавъ во все горло.

— Какъ! моя *дитина* похожа на поросенка! заревѣла молодица, блѣднѣя отъ злости: шибеники (достойные висѣлицы, сорванцы), чтобъ вы не дождали завтрашняго дня, сто болячекъ вамъ!... „Остапе, Остапе!“ закричала она, какъ-будто ее рѣзали, „скорѣй, Остапе!...“ и кинулась навстрѣчу мужу, который, не спѣша, подходилъ къ намъ, съ заступомъ въ рукахъ.

— Бей ихъ заступомъ! вопила молодица, указывая на насъ: — бей, говорю, шибениковъ! Знаешь-ли, что̀ они говорятъ?...

Чего ты такъ раскудахталась? спросилъ мужикъ, остановясь: — я думалъ, что съ тебя кожу сдираютъ.

— Послушай, Остапе, что̀ эти богомерзкіе школяры, ироды, выгадываютъ, задыхаясь отъ злобы, говорила молодица: — разсказываютъ, что наша *дитина* похожа на поросенка!

— Что̀-жъ, можетъ быть, и правда, отвѣчалъ мужикъ хладнокровно: — это тебѣ за то, что ты меня кабаномъ называешь.

Нѣтъ словъ выразить бѣшенства молодицы. Она бранилась, плевалась, проклинала мужа, насъ, и съ ругательствами, угрозами, отправилась въ хату. Не ожидая такой благополучной развязки, мы очень обрадовались, а Остапъ, понурившись, стоялъ, опершись на заступъ.

— Что́ вамъ нужно, *панычи?* спросилъ онъ, когда брань его жены затихла.

— Мы пробираемся на ту сторону, сказалъ Гоголь, указывая на лѣсъ.

— Ступайте-жъ, по этой дорожкѣ: черезъ хату вамъ

Digitized by Google

было-бы ближе, да теперь тамъ не безопасно; жена моя не охотница до шутокъ и можетъ васъ поколотить.

Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, Остапъ остановилъ насъ.

— Послушайте, панычи, если вы увидите мою жену, не трогайте ее, не дразните, теперь и безъ того мнѣ будетъ съ нею возни на цѣлую недѣлю.

— Если мы и увидимъ, сказалъ Гоголь, улыбаясь, то помиримся.

— Не докажите этого, нѣтъ; вы не знаете моей жинки: станете мириться — еще хуже разбѣсите!

Мы пошли по указанной дорожкѣ.

— Сколько юмору, ума, такта! сказалъ съ одушевленіемъ Гоголь: другой-бы затѣялъ драку, и Богъ знаетъ чѣмъ-бы вся эта исторія кончилась, а онъ поступилъ какъ самый тонкій дипломатъ; все обратилъ въ шутку — настоящій Безбородко!

Выйдя изъ левады, мы повернули налѣво и, подходя къ хатѣ Остапа, увидѣли жену его, стоявшую возлѣ дверей. Ребенка держала она на лѣвой рукѣ, а правая вооружена была толстой палкой. Лицо ея было блѣдно, а изъ-подъ нахмуренныхъ бровей злобно сверкали черные глаза. Гоголь повернулся къ ней.

— Не трогайте ее, сказалъ я: — она еще вытянетъ васъ палкой.

— Не бойтесь, все кончится благополучно.

— Не подходи! закричала молодица, замахиваясь палкой: — ей Богу ударю!

— Безсовѣстная, Бога ты не боишься, говорилъ Гоголь, подходя къ ней и не обращая вниманія на угрозы. — Ну, скажи на милость, какъ тебѣ не грѣхъ думать, что твоя *дитина* похожа на поросенка?

— Зачѣмъ-же ты это говорилъ?

— Дура! шутокъ не понимаешь, а еще хотѣла, чтобъ Остапъ заступомъ проломалъ намъ головы; вѣдь ты знаешь, кто это такой? шепнулъ Гоголь, показывая на меня: это изъ суда чиновникъ, пріѣхалъ взыскивать недоимки.

— Зачѣмъ же вы, какъ злодіи (воры) лазите по плетнямъ, да собакъ дразните!

— Ну, полно-же, не къ лицу такой красивой молодицѣ

Digitized by Google

сердиться. — Славный у тебя хлопчикъ, знатный изъ него выйдетъ писарчукъ: когда выростетъ, громада выберетъ его въ головы.

Гоголь погладилъ по головѣ ребенка, и я подошелъ и также поласкалъ дитя.

— Не выберутъ, отвѣчала молодица смягчаясь: мы бѣдны, а въ головы выбираютъ только богатыхъ.

— Ну такъ въ москали возьмутъ.

— Боже сохрани!

— Эка важность! въ унтера произведутъ, придетъ до тебя въ отпускъ въ крестахъ, такимъ молодцомъ, что все село будетъ снимать передъ нимъ шапки, а какъ пойдетъ по улицѣ да брякнетъ шпорами, сабелькой, такъ дивчата будутъ глядѣть на него, да облизываться; „чей это?“ спросятъ „служивый?“... Какъ тебя зовутъ?...

— Мартой.

Мàртинъ, скажутъ, да и молодецъ-же какой, точно намалеванный! а потомъ не придетъ уже, а пріѣдетъ къ тебѣ тройкой, въ кибиткѣ, офицеромъ и всякаго богатства съ собой навезетъ и гостинцевъ.

— Что̀ это вы выгадываете — можно-ли?

— А почему-жъ нѣтъ? Мало ли теперь изъ унтеровъ выслуживаются въ офицеры!

— Да, конечно; вотъ Оксанинъ пятый годъ уже офицеромъ и Петровъ также, чуть-ли городничимъ не поставили его въ Лохвицу.

— Вотъ и твоего также поставятъ городничимъ въ Ромнѣ. Тогда-то заживешь! въ какомъ будешь почетѣ, уваженіи, одѣнутъ тебя какъ пани.

— Полно вамъ выгадывать неподобное! вскричала молодица, радостно захохотавъ: можно-ли человѣку дожить до такого счастья?

Тутъ Гоголь съ необыкновенною увлекательностію началъ описывать привольное ея житье въ Ромнахъ: какъ квартальные будутъ передъ нею разталкивать народъ, когда она войдетъ въ церковь, какъ купцы будутъ угощать ее и подносить варéнуху на серебряномъ подносѣ, низко кланяясь и величая сударыней-матушкой; какъ во время ярмарки она будетъ ходить по лавкамъ и брать на выборъ, какъ изъ собственнаго сундука, разные товары безплатно; какъ сынъ ея

Digitized by Google

женится на богатой панночкѣ, и тому подобное. Молодица слушала Гоголя съ напряженнымъ вниманіемъ, ловила каждое его слово. Глаза ея сіяли радостно; щеки покрылись яркимъ румянцемъ.

— Бѣдный мой Аверко, восклицала она, нѣжно прижимая дитя къ груди: — смѣются надъ нами, смѣются!

Но Аверко не льнулъ къ груди матери, а пристально смотрѣлъ на Гоголя, какъ-будто понималъ и также интересовался его разсказомъ, и когда онъ кончилъ, то Аверко, какъ-бы въ награду, подалъ ему свой недоѣденный пирогъ, сказавъ отрывисто: „на“!

— Видишь-ли, какой разумный и добрый, сказалъ Гоголь:—вотъ что̀ значитъ казакъ: еще на рукахъ, а уже разумнѣй своей матери; а ты еще умничаешь, да хочешь верховодить надъ мужемъ, и сердилась на него за то, что онъ намъ костей не переломалъ.

— Простите, паночку, отвѣчала молодица, низко кланяясь:—я не знала, что вы такіе добрые панычи. Сказано, у бабы волосъ долгій, а умъ короткій. Конечно, жена всегда глупѣе чоловика и должна слушать и повиноваться ему — такъ и въ святомъ писаніи написано.

Остапъ показался изъ-за угла хаты и прервалъ рѣчь Марты.

— Третій годъ женатъ, сказалъ онъ, съ удивленіемъ посматривая на Гоголя: — и впервые пришлось услышать отъ жены разумное слово. Нѣтъ, панычу, воля ваша, а что̀-то не простое: я шелъ сюда и боялся, чтобъ она вамъ носовъ не откусала, ажъ, смотрю вы ее въ *яничку* (овечку) обернули.

— Послушай, Остапе, ласково отозвалась Марта: — послушай, что̀ панычъ разсказываетъ!

Но Остапъ, не слушая жены, съ удивленіемъ продолжалъ смотрѣть на Гоголя.

— Не простое, ей-ей не простое, бормоталъ онъ: — просто чаровникъ (чародѣй)! Смотри, какая добрая и разумная стала, и святое писаніе знаетъ, какъ-будто грамотная.

Я также раздѣлялъ мнѣніе Остапа: искусство, съ которымъ Гоголь укротилъ взбѣшенную женщину, казалось мнѣ невѣроятнымъ; въ его юныя лѣта, еще невозможно было проникать въ сердце человѣческое до того, чтобъ играть имъ

Digitized by Google

какъ мячикомъ; но Гоголь безсознательно, силою своего генія, постигалъ уже тайные изгибы сердца.

— Разскажите-же, паночку, просила Марта Гоголя умоляющимъ голосомъ: — Остапе, послушай!

— Послѣ разскажу, отвѣчалъ Гоголь, а теперь научите, какъ намъ переправиться черезъ рѣку.

— Я попрошу у Кондрата челнокъ, сказала Марта и, передавъ дитя на руки мужа, побѣжала въ сосѣднюю хату.

Мы не успѣли дойти до мѣста, гдѣ была лодка, какъ Марта догнала насъ, съ весломъ въ рукѣ.

— Удивляюсь вамъ, сказалъ я Гоголю:—когда вы успѣли такъ хорошо изучить характеръ поселянъ.

— Ахъ! если-бъ въ самомъ дѣлѣ это было такъ, отвѣчалъ онъ съ одушевленіемъ: тогда всю жизнь свою я посвятилъ-бы любезной моей родинѣ, описывая ея природу, юморъ ея жителей, съ ихъ обычаями, повѣрьями, изустными преданіями и легендами. Согласитесь: источникъ обильный, неисчерпаемый, рудникъ богатый и еще непочатый.

Лицо Гоголя горѣло яркимъ румянцемъ; взглядъ сверкалъ вдохновенно. Веселая, насмѣшливая улыбка исчезла и физіономія его приняла выраженіе серьезное, степенное“ [1]).

II.

Литературные опыты Гоголя начались, какъ извѣстно, еще въ лицеѣ.

Заимствуемъ изъ названныхъ выше рукописныхъ воспоминаній слѣдующія любопытныя подробности.

„Сверхклассныя занятія наши не ограничивались театромъ. Въ 1825, 26, 27 годахъ нашъ литературный кружокъ сталъ издавать свои журналы и альманахи, разумѣется, рукописные. Вдвоемъ съ Гоголемъ, лучшимъ моимъ пріятелемъ, хотя и не обходилось дѣло безъ ссоръ и безъ драки, потому что оба были запальчивы, издавали мы ежемѣсячный журналъ страницъ въ пятьдесятъ и шестьдесятъ въ желтой оберткѣ съ виньетками нашего издѣлія, со всѣми притязаніями дѣльнаго литературнаго обозрѣнія. Въ немъ были отдѣлы белле-

[1]) „Отеч. Записки“, 1859 г., № 4, т. 123, стр. 74—79.

Digitized by Google

тристики, разборы современныхъ лучшихъ произведеній русской литературы, была и мѣстная критика, въ которой преимущественно Гоголь поднималъ на смѣхъ нашихъ преподавателей подъ вымышленными именами. Кукольникъ издавалъ также свой журналъ, въ которомъ помѣщалъ первые опыты своихъ драматическихъ произведеній. По воскресеньямъ собирался кружокъ, человѣкъ въ 15 — 20 старшаго возраста, и читались наши труды и шли толки и споры"...

Гоголь въ „Авторской Исповѣди" говоритъ о себѣ, что онъ „въ послѣднее время пребыванія въ школѣ получилъ навыкъ къ сочиненіямъ, которыя были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ" [1]). Къ такимъ произведеніямъ, кромѣ указанныхъ г. Кулишомъ опытовъ и идилліи „Ганцъ Кюхельгартенъ", слѣдуетъ отнести написанный имъ и потомъ уничтоженный романъ, одна глава изъ котораго была въ 1831 г. напечатана въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты". Основаніемъ для такого утвержденія служитъ собственное указаніе Гоголя, что въ книжкѣ, посылаемой имъ матери, послѣдняя найдетъ статью, которую онъ писалъ, бывши еще въ нѣжинской гимназіи. Статья подписана четырьмя О [2]). Между тѣмъ извѣстно, что подъ этой подписью была напечатана единственно глава изъ историческаго романа „Гетманъ". „Первая часть была написана и сожжена",—объясняетъ въ примѣчаніи Гоголь,—„потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ". Словамъ Гоголя нѣтъ основанія не вѣрить: если Марья Ивановна склонна была чрезмѣрно обольщаться успѣхами сына и приписывать ему многое, что̀ вовсе ему не принадлежало, то Гоголь во всякомъ случаѣ не могъ такъ безцеремонно обманывать мать, чтобы напомнить ей то̀, чего даже никогда не было. Въ справедливости словъ Гоголя убѣждаетъ также самое начало отрывка („Между тѣмъ посланникъ нашъ переѣхалъ границу"), а равно и упоминаніе о какой-то Бригиттѣ, очевидно героинѣ романа или какой-нибудь наперсницѣ. Итакъ это былъ въ самомъ дѣлѣ фрагментъ, уцѣлѣвшій отъ крупнаго произведенія, вѣроятно одного изъ тѣхъ, которые Гоголь помѣщалъ въ рукописномъ лицейскомъ журналѣ „Звѣзда". Вѣроятно, романъ, привезенный въ

[1]) Соч. Гоголя, изд. 10-е, т. IV, стр. 248.
[2]) Соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 134.

Digitized by Google

Петербургъ вмѣстѣ съ „Ганцемъ Кюхельгартеномъ“, послѣ рѣшительной неудачи съ идилліей, подвергся одинаковой съ ней участи, на что намекаетъ и авторъ въ небольшомъ объяснительномъ примѣчаніи; избранная же для печати глава, надо полагать, выдѣлялась особенно эффектомъ неожиданной встрѣчи Лапчинскаго съ Глечикомъ. Замѣчательно, что проблески сильнаго дарованія видны уже и въ этомъ еще совершенно незрѣломъ произведеніи. Въ томъ видѣ, несомнѣнно значительно исправленномъ и измѣненномъ, въ какомъ мы читаемъ теперь главу изъ историческаго романа, она представляетъ много изящныхъ выраженій, чрезвычайно художественныхъ и часто неожиданныхъ сравненій; мѣстами среди многихъ недостатковъ, глава эта блещетъ перлами истинно гоголевскаго юмора и обличаетъ мастерскую кисть первокласснаго писателя, но въ общемъ все-таки представляется чрезвычайно вялой и безцвѣтной, въ сравненіи хоть бы съ первыми же разсказами „Вечеровъ на Хуторѣ“. Впрочемъ Бѣлинскій видѣлъ уже въ этой главѣ залогъ великой надежды и отнесся къ ней весьма благосклонно [1]). По нашему мнѣнію, эта глава, написанная еще дѣтской рукой будущаго генія, должна служить любопытнымъ матеріаломъ для изученія художественнаго развитія Гоголя, такъ какъ въ ней вездѣ видны слѣды борьбы художественныхъ пріемовъ съ нѣкоторой юношеской неопытностью, но самостоятельнаго интереса романъ, конечно, не могъ бы представлять. Самъ авторъ, печатая его, смотрѣлъ на него не болѣе, какъ на черновой набросокъ, который хотя и былъ позднѣе повторенъ въ „Арабескахъ“, но нисколько не внушалъ мысли о переработкѣ цѣлаго [2]). Любопытно, что, посылая этотъ отрывокъ матери, Гоголь счелъ нужнымъ прибавить: „Какъ попала (въ альманахъ) статья, я никакъ не могу понять. Издатели говорятъ, что они давно получили ее при письмѣ отъ неизвѣстнаго, и еслибы прежде знали, что моя, то не помѣстили бы, не спросивши напередъ меня, и потому *я васъ прошу не объявлять ее моею никому* [3]);

1) См. Соч. Бѣлинскаго, т. I, стр. 234.

2) Н. С. Тихонравовъ относитъ этотъ отрывокъ къ 1830 г., какъ помѣчено и въ „Арабескахъ“, но это относится, конечно, уже къ окончательной *редакціи* отрывка.

3) Курсивъ здѣсь и ниже принадлежитъ намъ. Мѣсто это см. въ Соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 134.

Digitized by Google

сохраняйте ее для себя". Зная теперь характеръ Марьи Ивановны [1]), мы ни на минуту не можемъ усомниться, что это предупрежденіе имѣло цѣлью удержать ее отъ похвальбы сочиненіемъ сына. Для Гоголя представляло большой интересъ испытать свои силы и узнать, можетъ ли имѣть значеніе его юношескій трудъ, но, при крайне щекотливомъ авторскомъ самолюбіи, какимъ онъ отличался въ молодости, онъ, безъ сомнѣнія, не хотѣлъ отдавать его на судъ публики подъ собственнымъ именемъ. „Пріятно",—продолжаетъ онъ,—„похвастаться чѣмъ-нибудь совершеннымъ, но тѣмъ, что носитъ на себѣ печать *младенческаго* несовершенства, не совсѣмъ пріятно". Какъ всегда случалось съ Гоголемъ, создавъ лучшее, онъ чувствовалъ уже отвращеніе къ написанному раньше и могъ рискнуть напечатать ранній опытъ, только ободренный первымъ литературнымъ успѣхомъ. Что Гоголь именно такъ смотрѣлъ на отрывокъ, доказывается и перенесеніемъ изъ него нѣкоторыхъ болѣе удачныхъ поэтическихъ подробностей въ другія, позднѣйшія произведенія. Ср., напр., замѣчаніе о юморѣ малороссіянъ здѣсь и въ „Тарасѣ Бульбѣ", разспросы и неточные отвѣты о разстояніи здѣсь и въ разсказѣ о поѣздкѣ Чичикова къ Манилову, пробужденіе всадника Лапчинскаго отъ думъ вслѣдствіе неровности дороги и Чичикова въ нѣсколькихъ мѣстахъ поэмы, въ подобныхъ же случаяхъ неожиданный эффектъ при объявленіи своего имени Глечикомъ и сходный случай въ „Мертвыхъ Душахъ" [2]).

Разсматривая главу изъ историческаго романа съ стили-

---

1) Кромѣ всего сообщеннаго нами о матери Гоголя мы рекомендовали бы также вниманію читателей слѣдующія статьи: „Марья Ивановна Гоголь", біографическій очеркъ Н. А. Бѣлозерской („Русская Старина", 1887, 3). статью Трахимовскаго съ тѣмъ же заглавіемъ „Русская Старина", 1888, 7) „Отношенія Гоголя къ матери" А. М. Черницкой („Историческій Вѣстникъ", 1889, 6).

2) Кромѣ того есть много другихъ, болѣе мелкихъ, но тѣмъ не менѣе поразительныхъ чертъ сходства между разсматриваемой главой и позднѣйшими произведеніями. Достаточно сравнить, напр., два отрывка: „Часто дорога, уклоняясь отъ ровной поверхности, проскальзывала въ рытвины, царапалась по косогору, вѣшалась надъ провалами" и пр. (Соч. Гог., изд. 10-е, т. V, стр. 130). Въ Украйнѣ „разновидная природа начинаетъ становиться изобрѣтательницею; она раскинула степи прекрасныя, вольныя, часто неожиданно среди нихъ опрокинула косогоръ и по вьющимся лентамъ рѣкъ разбросала очаровательные виды, протянула во всю длину Днѣпръ" и проч. (тамъ же, стр. 199).

Digitized by Google

стической точки зрѣнія, нельзя не обратить вниманія на признаки, общіе ей съ другими наиболѣе ранними произведеніями Гоголя. Еще критика Полеваго отмѣтила въ „Вечерахъ на Хуторѣ“ нѣкоторыя излишества въ сравненіяхъ и метафорахъ, хотя эти сравненія и метафоры очень удачны. То же находимъ и въ занимающемъ насъ отрывкѣ [1]). Со стороны содержанія въ высшей степени любопытенъ выборъ сюжета изъ историческаго прошлаго Малороссіи; здѣсь сказалась въ Гоголѣ и любовь къ родной Украйнѣ, и близкое знакомство съ ея бытомъ и нравами, и знаніе человѣческаго характера вообще, а малороссійскаго въ особенности, наконецъ умѣнье драматически вести разговоры дѣйствующихъ лицъ. Выборъ сюжета важенъ и потому, что подтверждаетъ показаніе А. С. Данилевскаго, что Гоголь еще въ дѣтствѣ живо интересовался исторіей, и этотъ же фактъ слѣдуетъ привести въ связь съ позднѣйшимъ выборомъ имъ профессіи преподавателя исторіи сначала въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а затѣмъ и въ университетѣ.

Гораздо ниже въ художественномъ отношеніи другой отрывокъ изъ того же романа, озаглавленный: „Плѣнникъ“; но и онъ вошелъ въ „Арабески“, хотя Гоголь и не рѣшался напечатать его въ журналѣ. Неизвѣстно, было ли одно изъ этихъ сочиненій тѣмъ избраннымъ, которое Гоголь, ученикомъ лицея, мечталъ преподнести „его превосходительству Дмитрію Прокофьевичу“ (Трóщинскому), но что Гоголь не разъ присылалъ изъ Нѣжина матери лучшія свои сочиненія—видно изъ нѣсколькихъ мѣстъ переписки [2]). Въ его колебаніяхъ представить сочиненіе на судъ сначала Трóщинскаго, а потомъ и всей публики, слѣдуетъ видѣть не столько строгость къ себѣ „взыскательнаго художника“, которая явилась позднѣе, сколько простую мнительность новичка; иначе онъ не включилъ бы впослѣдствіи эти отрывки въ „Арабески“. Нѣкоторые образы изъ „Плѣнника“ вошли впослѣдствіи въ переработанномъ видѣ въ VI главу „Тараса Бульбы“ (описаніе церкви во время осады). Но замѣчаніе объ испор-

[1]) „Солнце медленно прощалось съ землею. Живописныя облака, обхваченныя по краямъ огненными лучами, поминутно мѣнялись и разрывались, летѣли по воздуху. Сумерки угрюмо надвигали сизую тѣнь свою и притворяли мало-по-малу ставни окошекъ, освѣщавшихъ свѣтлый Божій міръ“ и проч.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», изд. Кулиша, т. V, стр. 30, 37 и 40.

Digitized by Google

ченномъ вкусѣ византійской архитектуры было внесено позднѣе, когда Гоголь въ Петербургѣ и въ первую поѣздку заграницу особенно развилъ въ себѣ вкусъ къ искусствамъ.

III.

Притокъ новыхъ впечатлѣній, охватившихъ Гоголя въ Петербургѣ, и быстро расширившійся жизненный опытъ оказали самое могущественное дѣйствіе на его настроеніе и характеръ творчества. Если знакомство съ Петербургомъ не разъ производило переломъ въ людяхъ среднихъ лѣтъ и съ установившимися убѣжденіями, то, конечно, оно не могло не отразиться весьма замѣтно на всемъ складѣ нравственной личности только-что вступающаго въ жизнь и по природѣ крайне впечатлительнаго юноши. Заранѣе составленныя представленія о столицѣ не оправдались, и мечтательное настроеніе, создавшее „Ганца Кюхельгартена“, исчезло при встрѣчѣ съ дѣйствительностью. Несостоятельность его стала ясна Гоголю и заставила его обратиться къ новымъ идеаламъ, такъ что если онъ не оставилъ мысли напечатать „Ганца Кюхельгартена“, то во всякомъ случаѣ онъ не могъ больше вѣрить въ достоинство своихъ дѣтскихъ грёзъ, что̀ и сказалось уже въ предисловіи. Еще до неудачи „Ганца“ онъ намѣтилъ себѣ иной путь и задачи для творчества.

Но какъ бы скоро ни смѣнялись его планы дѣятельности, во всякомъ случаѣ необходимо допустить для этого извѣстный промежутокъ времени, тѣмъ болѣе, что первые мѣсяцы въ Петербургѣ прошли въ ознакомленіи со столицей и новыми условіями жизни. Слѣдовательно, если первые мѣсяцы 1829 г. были отчасти посвящены обработкѣ и приготовленію къ печати „Ганца Кюхельгартена“, то уже тогда, подъ вліяніемъ страстныхъ воспоминаній о родинѣ, постепенно зародилась и развилась мысль о малороссійскихъ повѣстяхъ и разсказахъ. Вѣдь извѣстно, что Гоголь имѣлъ наклонность съ особенной яркостью воскрешать въ своемъ представленіи картины покинутаго имъ быта.

Основная канва „Вечеровъ на Хуторѣ“ во всякомъ случаѣ должна была возникнуть изъ наблюденій, накопившихся съ дѣтства, но особенно въ промежутокъ послѣ окончанія Гого-

Digitized by Google

лемъ курса въ Нѣжинѣ до отъѣзда въ Петербургъ, когда въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ пробылъ дома безъ дѣла и въ ожиданіи предстоящей поѣздки ему ничего не представлялось иного, какъ наблюдать окружающую жизнь. Не только о систематическомъ, но даже о сколько-нибудь сознательномъ и преднамѣренномъ собираніи матеріаловъ здѣсь не могло быть и рѣчи, такъ какъ самая мысль о „Вечерахъ“ явилась позже, и тогда-то Гоголь живо почувствовалъ отрывочность и неполноту накопившихся у него данныхъ. Гоголь ясно сознавалъ, что ему уже нельзя было довольствоваться одними собственными наблюденіями, какъ бы ни были богаты и ярки сложившіеся на основаніи ихъ художественные образы; это было неизбѣжно по самому возрасту автора и особенно по отсутствію вполнѣ опредѣленной цѣли, на которую могли быть направлены его наблюденія. Поэтому, вѣроятно, ему не удалось кончить ни одного изъ своихъ исключительно бытовыхъ малороссійскихъ разсказовъ, написанныхъ до возвращенія его въ Малороссію лѣтомъ 1832 года. Такъ въ повѣсти „Страшный Кабанъ“ прекрасно отразились уже главныя особенности таланта Гоголя, и если она не была вполнѣ обработана и доведена до конца, то, безъ сомнѣнія, по недостатку повѣствовательнаго, но никакъ не описательнаго матеріала. Повѣсть эта, кстати, думается намъ, создалась благодаря потребности нарисовать такую же картину захолустной малороссійской жизни, подобную которой Гоголь позднѣе далъ въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“. Конечно, мы видимъ здѣсь лишь самое общее сходство, но любопытно, что и въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ описательный элементъ значительно преобладаетъ надъ повѣствовательнымъ. Неоконченной осталась также другая исключительно бытовая малороссійская повѣсть: „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“. Напротивъ, пріѣзды Гоголя въ Малороссію лѣтомъ 1832 и 1835 годовъ уже дали ему возможность обновить и расширить запасъ юношескихъ наблюденій, и уже послѣ перваго изъ нихъ создались такія произведенія, какъ „Старосвѣтскіе Помѣщики“ и „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“.

Мысль о „Вечерахъ“ возникла приблизительно въ то время, когда Гоголь въ цѣломъ рядѣ писемъ сталъ просить мать о присылкѣ ему малороссійскихъ сказокъ, легендъ и преданій.

Digitized by Google

По самой формѣ, въ какой она высказывалась, видно, что это была новая, свѣжая мысль, да иначе и быть не могло, такъ какъ въ противномъ случаѣ просьба эта была бы заявлена раньше, да и самъ Гоголь не пропустилъ бы, конечно, возможности лично участвовать въ дѣлѣ и руководить имъ. По собственнымъ словамъ Гоголя въ „Авторской Исповѣди“, онъ долго не сознавалъ своего призванія и мечталъ преимущественно объ успѣхахъ по службѣ [1]); притомъ даже въ первые мѣсяцы своей жизни въ Петербургѣ онъ не имѣлъ въ сущности никакихъ данныхъ для увѣреннаго посвященія себя литературѣ; все это выяснилось позднѣе, а пока онъ слѣдовалъ единственно инстинкту творчества. Въ то же время Гоголь поручалъ прислать ему изъ дому и комедіи отца, „такъ какъ въ Петербургѣ занимаетъ всѣхъ все малороссійское“. „Я постараюсь попробовать“,—говорилъ онъ,—„нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній (петербургскій) театръ. За это, по крайней мѣрѣ, *достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ*, а по моему мнѣнію, ничего не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему, и такъ далѣе“ [2]). Такъ преимущественно съ матеріальной точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на дѣло вначалѣ. Тоска по Украйнѣ въ далекой столицѣ, гнетъ нужды и могучій призывъ таланта соединились вмѣстѣ, чтобы навести Гоголя на мысль о малороссійскихъ повѣстяхъ, которая, впрочемъ, какъ мы видѣли, блеснула ему на минуту и раньше [3]).

Уже изъ первыхъ писемъ къ матери съ просьбами о присылкѣ матеріаловъ ясно, что вскорѣ мысль о повѣстяхъ достаточно созрѣла въ головѣ поэта и успѣлъ даже отчасти обозначиться планъ. Замѣчательно, напримѣръ, что Гоголь хлопочетъ преимущественно о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя ему тотчасъ же пригодились для „Вечера наканунѣ Ивана Купала“. Всѣ просьбы его были исполнены съ большою готовностью: для обожаемаго сына Марья Ивановна подняла на ноги весь домъ и старалась привлечь къ дѣлу и постороннихъ, но особенно потрудилась старшая изъ сестеръ Го-

1) „Соч. Гоголя“, изд. 10-е, т. IV, стр. 248.
2) „Соч. и письма Гог.“, изд. Кулиша, т. V, стр. 82.
3) См. выше, стр. 250.

Digitized by Google

голя, Марья Васильевна. Конечно, все это потребовало времени, и даже черезъ мѣсяцъ Гоголь, не получивъ еще ничего, повторяетъ просьбу: „Я думаю, вы не забудете извѣщать меня постоянно объ обычаяхъ малороссіянъ. Я все съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего письма. Время свое я такъ расположилъ, что и самое отдохновеніе, если не теперь, то въ скорости принесетъ мнѣ существенную пользу“ [1]). Что Гоголь не былъ и послѣ разочарованъ въ значеніи получаемыхъ имъ изъ дому матеріаловъ и охотно ими пользовался, несомнѣнно потому, что почти въ каждомъ письмѣ онъ повторялъ свою просьбу, а однажды даже прямо признался любопытными и драгоцѣнными пѣсни, собранныя для него матерью, сестрой, теткой [2]), наконецъ, также двумя приживалками матери [3]). Иногда же, какъ было сказано, число сотрудниковъ увеличивалось и сторонними лицами; такъ однажды Гоголь поручалъ матери благодарить отъ его имени какого-то Савву Кирилловича [4]),—вѣроятно, одного изъ сосѣдей, но не изъ короткихъ знакомыхъ, судя по тому, что его почти совсѣмъ отказывался припомнить А. С. Данилевскій, а также и Анна Васильевна Гоголь, которая, впрочемъ, была въ то время ребенкомъ. Между сообщеніями этихъ лицъ, безъ сомнѣнія, встрѣчались разсказы о кладахъ, описанія игръ, преданій, повѣрій. Во всякомъ случаѣ помощь, оказанная Гоголю въ его трудѣ родственниками, была немаловажная. Хотя мы не имѣемъ возможности опредѣлить, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, какую именно роль играли собранныя ими свѣдѣнія въ ряду другихъ источниковъ для „Вечеровъ“; но, внимательно вчитываясь въ переписку, можно отмѣтить нѣсколько соображеній.

Во-первыхъ, интересъ къ предположенной работѣ въ теченіе болѣе чѣмъ годичнаго промежутка времени, когда Гоголь могъ посвящать свое время обработкѣ матеріаловъ для „Вечеровъ“, былъ у него далеко не одинаковый. Вся эта работа творчества, по нашему мнѣнію, не должна быть разсматриваема самостоятельно и безъ связи съ матеріальной обстановкой и прозаическими заботами, наполнявшими въ

[1]) „Соч. и писама Гоголя“, изд. Кулиша, т. V, стр. 83.
[2]) Екатериной Ивановной Ходаревской, сестрой Марьи Ивановны Гоголь.
[3]) Тамъ же, стр. 107.
[4]) Тамъ же, стр. 88.

Digitized by Google

данный періодъ почти все существованіе Гоголя. Такъ едва-ли можно сомнѣваться, что въ 1829 году, подъ вліяніемъ цѣлой совокупности разныхъ причинъ, Гоголь имѣлъ возможность развѣ приступить къ „Вечерамъ на Хуторѣ“, тогда какъ, напротивъ, въ послѣдующіе годы его творчество шло несравненно успѣшнѣе. Уже одно то надо помнить, что это былъ годъ волненій и безпокойныхъ, лихорадочныхъ порывовъ. Трудно предположить возможность сосредоточенной работы, когда приходится убѣждаться изъ каждаго письма, что Гоголь въ первые мѣсяцы своей петербургской жизни положительно бросался во всѣ стороны, постоянно переходя отъ одного настроенія къ другому. Иногда инстинктивная увѣренность въ своихъ силахъ внушала ему бодрость при встрѣчѣ съ житейскими испытаніями. „Знаю“, писалъ онъ, „что еслибы втрое, вчетверо, всотеро разъ было болѣе нуждъ, и тогда онѣ не поколебали бы меня и не остановили меня на моей дорогѣ“ [1]). Но снова его сжимала нужда, и тогда тонъ невольно понижался. „Вездѣ,—жаловался онъ тогда,—я встрѣчалъ однѣ неудачи, и что̀ всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать“ [2]). Когда А. С. Данилевскій, сожитель Гоголя, поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, послѣднему стало еще тяжелѣе; всѣ расходы, распредѣлявшіеся прежде между двоими, обрушиваются на одного Гоголя. Къ этому присоединялись одна за другой разныя иныя неудачи, но были и надежды: передъ самымъ отъѣздомъ за-границу Гоголь могъ надѣяться на полученіе должности уже съ окладомъ въ тысячу рублей... Гоголь, какъ извѣстно, собрался въ путь чрезвычайно быстро [3]), не смущаясь никакими помѣхами и остановками, взявъ деньги изъ опекунскаго совѣта, а нѣкоторыя необходимыя вещи (шубу, часть бѣлья)—у своего друга Данилевскаго [4]). Собравшись въ дорогу, онъ получилъ, наконецъ, изъ дому давно нетерпѣливо ожидаемыя свѣдѣнія, но уже не успѣлъ ими воспользоваться, и тѣмъ болѣе, конечно, не имѣлъ ни возможности,

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, т. V, стр. 78.

[2]) Тамъ же, стр. 85.

[3]) Тамъ же, стр. 88.

[4]) По весьма вѣроятному предположенію г. Тихонравова, поѣздка была предпринята преимущественно подъ впечатлѣніемъ свѣжей раны отъ неудачи «Ганца Кюхельгартена».

Digitized by Google

ни охоты посвятить имъ время за-границей. Во время поѣздки ему неизбѣжно должны были представиться мелкія дорожныя хлопоты и заботы; онъ былъ неспокоенъ духомъ, мучился безпокойствомъ и угрызеніями совѣсти, колебался, продолжать ли путь, или вернуться назадъ, наконецъ, предавался, насколько это было возможно въ его настроеніи, новымъ, неизвѣданнымъ впечатлѣніямъ [1]). Обстановка едва-ли была благопріятна для творчества, да и самыя впечатлѣнія дороги были сильно отравлены. Скоро пришлось раскаиваться въ необдуманномъ поступкѣ. Сколько борьбы съ собственной совѣстью слышится хоть бы въ наивномъ, повидимому, намѣреніи успокоить и себя, и мать тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь „письма только четырьмя днями позднѣе будутъ доходить“ [2]).

Между тѣмъ подъ вліяніемъ неудачъ Гоголь сталъ строже относиться къ себѣ и все больше утверждался въ рѣшеніи не спѣшить обнародованіемъ своего труда. Измѣнивъ во многомъ свои взгляды, онъ оставался твердъ въ этомъ убѣжденіи. Еще до поѣздки за-границу онъ писалъ матери: „Сочиненіе мое, если когда выйдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ, и тѣмъ болѣе нужна мнѣ точность... Въ тиши уединенія я

[1]) Въ одномъ иностранномъ сочиненіи „Literarische Streifzüge durch Russland“, Цабели, намъ попалось слѣдующее курьезное сообщеніе о Гоголѣ: „Nachdem er seine Schulstudien in Neschin beendigt hatte, siedelte er nach Petersburg über, wo er in sehr abenteuerliche Verhältnisse hineingerieth. Er versuchte als Schreiber in einem Ministerium seinen Lebensunterhalt zu bestreiten, und als das nicht ging, gedachte er zuerst russischer, dann deutscher Schauspieler zu werden, wobei er bis nach Hamburg verschlagen wurde“ (стр. 15).

[2]) Но польза отъ путешествія была несомнѣнная, потому что съ этихъ поръ, подъ вліяніемъ впечатлѣній, оставленныхъ въ Гоголѣ видомъ нѣмецкихъ старинныхъ городковъ съ ихъ оригинальнымъ характеромъ, съ изящными готическими постройками, у него усилилась страсть къ живописи и архитектурѣ. Слѣды этого вліянія, между прочимъ, ясно видны изъ слѣдующихъ мѣстъ переписки: „Прошу васъ приказать вымѣрять длину, ширину, вышину дома, и каждой комнаты порознь или, лучше,—приказать кому-либо знающему написать планъ и фасадъ въ нынѣшнемъ его состояніи съ масштабомъ. Я нашелъ способъ расположить его чрезвычайно удобно при самой небольшой передѣлкѣ, на манеръ нѣкоторыхъ домовъ, *видѣнныхъ мною въ Германіи*» (изданіе Кулиша, V, 99). Въ слѣдующемъ письмѣ онъ снова говоритъ: «Я хотѣлъ-было сначала дать дому фасадъ совершенно въ новомъ вкусѣ *на манеръ видѣнныхъ мною въ образованной Европѣ*» (тамъ же, стр. 101). Это направленіе вкуса отразилось вскорѣ въ статьяхъ: «Женщина», «Скульптура, живопись и музыка».

Digitized by Google

готовлю запасъ, *котораго порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ;* я не люблю спѣшить, а тѣмъ болѣе заниматься поверхностно“ [1]). Почти черезъ годъ онъ повторяетъ: „Теперь я собираю матеріалы только и въ тишинѣ обдумываю свой обширный трудъ“ [2]).

Можно установить приблизительно, что интересъ къ труду надъ „Вечерами“ возникъ въ апрѣлѣ 1829 г. и постепенно возросталъ до поѣздки за-границу, затѣмъ онъ на время значительно ослабѣваетъ. Въ первомъ письмѣ, въ которомъ Гоголь проситъ сообщить ему малороссійскія преданія, онъ совсѣмъ не говоритъ о своей настоящей цѣли, можетъ быть не вполнѣ выяснившейся и находившейся на степени предположенія, и упоминаетъ лишь, что желаемыя имъ свѣдѣнія будутъ для него „весьма занимательны“ — и только. Конецъ письма показываетъ ясно, что онъ смотрѣлъ на дѣло пока не больше какъ на попытку; что надежда на удачную художественную обработку ожидаемаго матеріала была одной изъ тѣхъ разнообразныхъ надеждъ, которымъ онъ тогда предавался. Но онъ уже проситъ мать чаще писать ему, по два раза въ мѣсяцъ, „тѣмъ болѣе, что самыя наблюденія того требуютъ“ [3]). И дѣйствительно, съ этихъ поръ переписка оживляется. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ писемъ, изъ которыхъ видно, что замыселъ опредѣляется, зрѣетъ; были намѣчены вопросы и указывалась программа, которой надо было слѣдовать при отыскиваніи матеріаловъ. Такъ въ одномъ письмѣ Гоголь проситъ особенно прислать описаніе нѣкоторыхъ карточныхъ игръ, что̀ заставляетъ думать, что у него смутно мелькала мысль о разсказѣ „Пропавшая Грамата“. Онъ проситъ также сообщать о духахъ и нечистыхъ съ ихъ дѣлами. Понятно, что скорое полученіе отвѣта становится для него предметомъ большой важности, но между тѣмъ какой деликатный, какой умѣренный тонъ просьбы! Мы говорили, что въ печати высказывалось мнѣніе о грубомъ, эгоистическомъ отношеніи Гоголя къ матери; но достаточно обратить вниманіе на только-что указанный фактъ, чтобы убѣдиться, что это мнѣніе несправедливо. Можно скорѣе удивляться, какъ

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, изданіе Кулиша, т. V, стр. 88.

[2]) Тамъ же, стр. 114.

[3]) Тамъ же, стр. 82.

Digitized by Google

терпѣливо и сдержанно дожидался Гоголь сообщеній изъ дому, хотя съ другой стороны это происходило и отъ твердой увѣренности, что горячо любящая мать съ полнымъ вниманіемъ отнесется къ каждой незначительной просьбѣ, такъ что и степень важности ея долго не указывается. Многихъ свѣдѣній Гоголю, конечно, не могли доставить по его желанію; нѣкоторыя замѣнялись свѣдѣніями соотвѣтствующаго характера. Такъ Гоголю, вѣроятно, не были доставлены описанія карточныхъ игръ въ панфиля и въ пашокъ, и онъ долженъ былъ въ „Пропавшей Граматѣ“ ограничиться разсказомъ дѣда объ игрѣ въ дурни, тогда какъ не можетъ быть сомнѣнія, что еслибы желаемыя свѣдѣнія были получены, то онъ непремѣнно воспользовался бы ими съ цѣлью придать разсказу наиболѣе яркій малороссійскій колоритъ. Также вмѣсто описанія хороводной игры въ хрещика и въ журавля, очевидно, было доставлено описаніе игры въ ворона, которое и вошло въ „Майскую Ночь“. Въ этой замѣнѣ можно легко убѣдиться по сходству игръ: обѣ онѣ хороводныя, весеннія и въ обѣихъ принимаютъ участіе однѣ дѣвушки [1]).

По нетерпѣливому ожиданію матеріаловъ, по характеру самыхъ просьбъ, ясно указывающихъ на постепенное выясненіе плана, становится вѣроятнымъ, что Гоголь принялся за трудъ еще до полученія отвѣта изъ дому. Даже передъ самымъ отъѣздомъ за-границу, когда мысли его были отвлечены въ другую сторону, онъ писалъ, что „готовитъ запасъ въ тиши уединенія“. Но не говоря уже о томъ, что во время

---

[1]) Описаніе игры въ ворона см у Чубинскаго въ его «Трудахъ», т. III, стр. 73: «Въ этой игрѣ дѣйствующія лица: воронъ, мать, дѣвчина и дѣти. Впереди становится мать; дѣвчина, стоящая за ней, беретъ крѣпко другую за плечо, а первая изъ нихъ берется за мать» и пр. Объ игрѣ въ хрещика у него же, т. III, стр. 82. Въ эту игру большею частью играютъ однѣ дѣвушки. Участвующихъ въ игрѣ должно быть непремѣнно нечетное число. Играющіи непремѣнно становятся попарно — одна противъ другой. Когда всѣ встанутъ, дѣвушка, оставшаяся лишней, подбѣгаетъ и становится возлѣ какой ей угодно пары играющихъ. Одна изъ дѣвушекъ той пары, къ которой присоединилась оставшаяся, увидѣвъ присоединившуюся къ ней дѣвушку, уходитъ къ другой сосѣдней или противоположной парѣ. Дѣвушка, оставшаяся нечетной, должна ловить бѣгущую; если поймаетъ, то пойманная занимаетъ ея мѣсто, а поймавшая становится въ пару на мѣсто пойманной.

Эта игра, поразительно сходная съ игрой въ ворона, была замѣнена послѣднею, какъ болѣе подходившею къ характеру вѣдьмы, мачихи утопленницы.

Digitized by Google

заграничной поѣздки Гоголь *не проронилъ ни одного слова* о занимавшемъ его прежде вопросѣ, и по возвращеніи въ Петербургъ онъ не скоро возобновляетъ напоминанія. Такъ, даже матери Гоголь не любилъ говорить преждевременно о своихъ планахъ изъ опасенія неудачи; но, увѣрившись въ успѣхѣ, тотчасъ сообщаетъ о результатахъ [1]). Въ началѣ 1830 года были напечатаны двѣ литературныхъ работы Гоголя: переводная—„О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка“ (въ „Сѣверномъ Архивѣ“ Булгарина) и „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“ (въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Свиньина). Объ этой удачѣ Гоголь тотчасъ же пишетъ матери: „Жалованья получаю сущую бездѣлицу. *Весь мой доходъ состоитъ въ томъ, что иногда напишу или переведу какую-нибудь статейку для н. журналистовъ*, и потому вы не сердитесь, моя великодушная маменька, если я васъ часто безпокою просьбою доставлять мнѣ свѣдѣнія о Малороссіи или что-либо подобное. *Это составляетъ мой хлѣбъ* [2]). Затѣмъ слѣдуютъ разспросы, имѣющіе въ виду, можетъ быть, уже матеріалъ для „Страшной Мести“. Но гонораръ, полученный Гоголемъ отъ „Сѣвернаго Архива“, былъ незначительный (20 рублей) и хотя неизвѣстенъ размѣръ гонорара, выданнаго „Отечественными Записками“, но подчеркнутое выраженіе Гоголя оказывается сильно преувеличеннымъ. Теперь интересъ Гоголя обращается преимущественно на прошлое Малороссіи. „Нѣтъ ли въ нашихъ мѣстахъ“,—освѣдомляется Гоголь,—„какихъ записокъ, веденныхъ предками какой-нибудь старинной фамиліи, рукописей стародавнихъ про времена гетманщины и прочаго подобнаго“ [3]).

10-го апрѣля 1830 года Гоголь поступилъ на службу въ департаментъ удѣловъ. Но служба стѣсняла его и отвлекала отъ литературныхъ трудовъ. „Занявшись службой такъ, „какъ слѣдуетъ“,—пишетъ онъ,—„я не въ состояніи буду заниматься посторонними дѣлами“ [4]). Наконецъ, съ половины 1830 года Гоголь совершенно прекращаетъ рѣчь о присылкѣ ма-

---

1) Такимъ образомъ, можно предполагать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда намеки Гоголя остались потомъ неразъясненными, онъ встрѣтилъ неудачи въ своихъ предпріятіяхъ.

2) „Соч. и письма Гоголя“, изданіе Кулиша, т. V, стр. 103.

3) Тамъ же, т. V, стр. 104.

4) Тамъ же, стр. 106.

Digitized by Google

теріаловъ и обращается къ окончательной редакціи своихъ повѣстей и тѣхъ отрывковъ, о которыхъ рѣчь была раньше.

IV.

Мы говорили выше, что если мысль о „Вечерахъ“ явилась подъ вліяніемъ обширнаго запаса наблюденій, вынесенныхъ Гоголемъ изъ его прежней жизни въ Малороссіи, то этихъ запасовъ оказалось слишкомъ недостаточно, и матеріалы, почерпаемые имъ изъ народныхъ преданій и легендъ, были положительно необходимы.

Но какъ Гоголь пользовался матеріалами?

Иногда, конечно, они могли иначе направлять творчество Гоголя, нежели какъ онъ предполагалъ сначала, но главнымъ образомъ было наоборотъ: художественныя представленія, роившіяся въ головѣ писателя, указывали путь творчеству; сообразно съ ними онъ набрасывалъ программу для руководства домашнихъ въ ихъ сотрудничествѣ, а затѣмъ по полученіи отъ нихъ данныхъ могъ уже съ бо́льшей увѣренностью обработывать сюжеты для своихъ повѣстей, въ общихъ чертахъ соотвѣтствовавшіе первоначальному плану.

Изъ четырехъ разсказовъ, составившихъ первую книжку „Вечеровъ“, только одинъ („Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“) относится, несомнѣнно, къ 1829 г., и тогда же сданъ въ редакцію „Отечественыхъ Записокъ“. Но любопытно, что повѣсти: „Сорóчинская Ярмарка“ и „Майская Ночь“, по свидѣтельству г. Тихонравова, были написаны на листахъ, имѣющихъ водяной фабричный знакъ съ цифрою 1829. Вѣроятно, и онѣ были начаты именно въ этомъ году. Не лишнее обратить вниманіе на то́, что въ нихъ пріемы творчества иные, чѣмъ въ другихъ повѣстяхъ. Особенно самый характеръ описанія въ началѣ „Сорóчинской Ярмарки“ своимъ вполнѣ литературнымъ и во всякомъ случаѣ далеко не безъискусственнымъ изложеніемъ ясно показываетъ, что въ мысляхъ автора еще не носилось представленіе о дьячкѣ-разсказчикѣ, или тѣмъ болѣе о позднѣйшемъ пасѣчникѣ, отъ имени которыхъ велся потомъ разсказъ. Напротивъ, въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“ и и въ „Пропавшей Граматѣ“, Гоголь совершенно входитъ не только въ тонъ рѣчи, но и въ самый кругъ представленій вооб-

Digitized by Google

ражаемаго дьячка, какъ, напримѣръ, показываетъ слѣдующее мѣсто: „Знаю, что много наберется такихъ умниковъ, попи-сывающихъ по судамъ и читающихъ даже гражданскую гра-моту, которые, если дать имъ въ руки простой часословъ, не разобрали бы ни аза въ немъ; а показывать на позоръ свои зубы — есть умѣнье“ [1]). Притомъ въ обѣихъ прежде назван-ныхъ повѣстяхъ встрѣчаются отсутствующіе въ другихъ раз-сказахъ эпиграфы изъ „Энеиды“ Котляревскаго, изъ Арте-мовскаго-Гулака, изъ малороссійскихъ пѣсенъ и изъ комедій Гоголя-отца,—словомъ, преимущественно, слѣды вліянія пе-чатныхъ источниковъ. Подъ вліяніемъ каждаго изъ назван-ныхъ образцовъ, безъ сомнѣнія, сложились даже нѣкоторыя подробности разсказа въ соотвѣтствующихъ эпиграфамъ гла-вахъ, или, точнѣе, они дали толчокъ творческой работѣ Го-голя въ томъ или другомъ направленіи. Все это замѣтно пре-имущественно въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и слегка въ „Май-ской Ночи“. Можетъ быть, Гоголь началъ эти повѣсти еще до поѣздки за-границу, не дождавшись присылки изъ дому обѣщанныхъ матеріаловъ; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что еще въ дѣтствѣ онъ основательно зналъ эти произведенія, и на-противъ, еслибы онъ получилъ уже другіе матеріалы, то замѣтнѣе были бы слѣды послѣднихъ, какъ, благодаря имъ, онъ вскорѣ написалъ и приготовилъ къ печати разсказъ: „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“. Да и указанное нами прежде сходство нѣкоторыхъ образовъ въ „Сорочинской Яр-маркѣ“ и „Майской Ночи“ съ „Ганцемъ Кюхельгартеномъ“, повидимому, снова подкрѣпляетъ наше предположеніе [2]). Да-лѣе современная критика указывала въ „Вечерахъ“ обиліе троповъ и сравненій (а Булгаринъ при своемъ безвкусіи на-ходилъ въ нихъ даже „многословіе и длинное описаніе бур-ровъ и рощей“), и ихъ мы встрѣчаемъ именно въ началѣ „Сорочинской Ярмарки“, какъ болѣе раннемъ опытѣ. Слѣдо-вательно, если указанный г. Тихонравовымъ водяной знакъ

[1]) Въ „Ночи передъ Рождествомъ“ также упоминается Ѳома Григорьевичъ („Рожа у чорта,—какъ говоритъ Ѳома Григорьевичъ, — мерзость мерзостью, однакожъ и онъ строитъ любовныя куры“ (Соч. Гог., изд. X, т. I, 103), а вначалѣ есть примѣчаніе Пасѣчника. Къ повѣсти „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонь-ка“ есть предисловіе Пасѣчника съ упоминаніемъ о Степанѣ Ивановичѣ Ку-рочкѣ, о которомъ говорится также въ предисловіи вообще ко 2 тому.

[2]) См. выше, стр. 162—165.

Digitized by Google

на одномъ изъ листовъ рукописи „Сорóчинской Ярмарки“, и побуждаетъ насъ вслѣдъ за почтеннымъ изслѣдователемъ отнести повѣсть къ 1830 г., то мы все-таки думаемъ, что въ этомъ году она была лишь окончена или, быть можетъ, только переписана. Такъ представляется возможность безъ натяжки примирить соображенія г. Тихонравова и даты, обозначенныя въ прежнихъ изданіяхъ сочиненій Гоголя.

При опредѣленіи источниковъ, которыми пользовался Гоголь для „Вечеровъ на Хуторѣ“, всего важнѣе было бы, конечно, имѣть письма къ нему матери и домашнихъ въ 1829 — 1830 гг. Къ сожалѣнію, разъѣздная жизнь не позволила ему сохранить въ своемъ архивѣ эти иногда очень цѣнные матеріалы, и въ бумагахъ его наслѣдниковъ эти документы отсутствуютъ. За невозможностью въ настоящее время возстановить эти утраченные источники, попытаемся, по крайней мѣрѣ, дать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ именно въ „Вечерахъ“ не только могло, но и должно было несомнѣнно принадлежать автору, какъ плодъ его вполнѣ самостоятельнаго вдохновенія.

Первые разсказы Гоголя носятъ явные слѣды соединенія двухъ основныхъ элементовъ: описательнаго, бытового, и повѣствовательнаго, легендарнаго. Все, что̀ относится къ обрисовкѣ типовъ и характеровъ, всѣ подробности въ изображеніи обыденной малороссійской жизни, описанія ярмарокъ, вечерницъ, уличныхъ сценъ, домашнихъ бесѣдъ, наконецъ всѣ безъ исключенія картины природы являются несомнѣнно плодомъ вполнѣ самостоятельной творческой работы Гоголя на основаніи обширнаго запаса разнородныхъ впечатлѣній жизни. Но въ это главное содержаніе каждой повѣсти вводятся не только какъ дополненіе и украшеніе, но и какъ существенно необходимый матеріалъ художественно обработанные эпизоды, почерпнутые изъ произведеній народной фантазіи. По преобладанію того или другого изъ этихъ элементовъ можно до извѣстной степени судить и о постепенной разработкѣ избранныхъ имъ сюжетовъ.

Современная критика не безъ основанія указывала въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя и особенно въ „Вечерахъ“ на изображеніе довольно узкой и низменной сферы; но зато эту сферу Гоголь изучилъ глубоко, и въ каждомъ брошенномъ мимоходомъ, тонкомъ и характеристическомъ сравненіи

Digitized by Google

являетъ себя истиннымъ знатокомъ ея. Указанія мелкихъ неточностей въ бытовомъ отношеніи, сдѣланныя вскорѣ по выходѣ „Вечеровъ“ какимъ-то Андреемъ Царыннымъ [1]), слишкомъ ничтожны и не заслуживаютъ даже вниманія, а небольшія погрѣшности, отмѣченныя впослѣдствіи г. Кулишомъ [2]), могли бы идти въ упрекъ развѣ этнографическимъ очеркамъ. Но мы не находимъ у Гоголя пока глубоко-художественнаго, психологическаго анализа, которымъ блещутъ его позднѣйшія произведенія; комизмъ его пока часто внѣшній и устремленъ на вещи несущественныя. Справедливо замѣчаетъ о „Вечерахъ“ благосклонный къ нимъ неизвѣстный рецензентъ „Сѣверной Пчелы“, такъ разошедшійся во мнѣніи съ издателемъ: „Не ожидайте здѣсь характеровъ сильныхъ или слишкомъ глубокихъ, потому что передъ вами раскрывается простой, сельскій бытъ; но зато бытъ сей характеренъ во всѣхъ подробностяхъ своихъ: все движется, все рисуется передъ вами въ истинно-казацкомъ костюмѣ“. Въ этой оцѣнкѣ дѣйствительно отмѣчено существенное достоинство „Вечеровъ“. Но, безъ всякаго сомнѣнія, всѣми этими блестящими сторонами „Вечера“ обязаны не столько матеріаламъ, собраннымъ посторонней рукой, сколько личной наблюдательности автора-художника.

Въ значительную долю художественныхъ образовъ Гоголь вкладываетъ субъективное содержаніе, особенно въ картинахъ природы и въ человѣческихъ характерахъ. Къ изученію этой стороны „Вечеровъ“ мы теперь и обратимся.

V.

Всего ярче это замѣчается въ представленныхъ имъ образахъ молодыхъ дѣвушекъ. Если значительное большинство типовъ, очерченныхъ въ „Вечерахъ“, представляется несомнѣнно въ комическомъ свѣтѣ, то съ другой стороны юный поэтъ не щадилъ красокъ для идеальнаго изображенія Ганны,

[1]) Мысли малороссіянина по прочтеніи „Вечеровъ на Хуторѣ“, въ „Сынѣ Отечества“, 1832, т. 147, отд. 3.

[2]) „Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ украинской жизни и исторіи“, „Основа“, 1861, № 4, 5, 9, 11 и 12.

Digitized by Google

Пидорки, Оксаны. Онъ съ любовью рисуетъ ихъ обаятельно-граціозную, иногда отчасти лукавую женственность и освѣщаетъ ихъ бенгальскимъ огнемъ восторженнаго лиризма. Желая по возможности украсить любимые типы, окружить ихъ блестящимъ ореоломъ и произвести наиболѣе разительное впечатлѣніе на читателя, въ противоположность безпощадному анализу при обрисовкѣ прочихъ лицъ, Гоголь въ данномъ случаѣ заботливо избѣгаетъ черезчуръ отчетливыхъ, грубо-реальныхъ штриховъ, пользуясь эффектами и увлекая читателей захватывающей роскошью и изяществомъ неожиданныхъ сравненій. При описаніи молодой женской красоты, которая нѣсколько позднѣе, подъ вліяніемъ изученія искусствъ, представлялась ему преимущественно со стороны изящества и пластичности формъ, Гоголь любитъ изображать яркій румянецъ щекъ, черныя брови и глубокій, проницательный взоръ. Здѣсь уже позволительно видѣть не одни только слѣды наблюденій надъ преобладающими типами малороссійскихъ красавицъ или вліянія народныхъ пѣсенъ, но и отраженіе личнаго вкуса автора [1]), какъ и въ томъ, что прекрасная дѣвушка является у него неизмѣнно на порѣ „восемнадцатой весны“. Наконецъ, вниманіе автора каждый разъ устремлено преимущественно на обаяніе юной красоты, но внутренній міръ молодой женщины имъ иногда едва затронутъ.

Идеалъ красивой дѣвушки вырабатывался у Гоголя постепенно и, слѣдя за развитіемъ его, можно уловить любопытную послѣдовательность. Въ „Успѣхѣ посольства“ (отрывокъ изъ неконченной повѣсти „Страшный Кабанъ“) читатель узнаетъ о красотѣ Катерины не столько изъ описанія ея авторомъ, сколько изъ своеобразныхъ сравненій ея собесѣдника, чисто въ малороссійскомъ вкусѣ; напр.: „сталъ ли бы я убирать постную кашу, когда передъ самымъ носомъ вареники въ сметанѣ“ и дальнѣйшаго комическаго поясненія: „нелегкая понесла бы меня къ батькѣ, когда есть такая хорошенькая дочка“ (V т., 56). Отъ себя Гоголь не прибавляетъ ничего къ изображенію Катерины, но старается дѣйствовать на вообра-

---

[1]) Впрочемъ, въ Гоголѣ отразился, конечно, и общій малороссійскій вкусъ; такъ въ народныхъ пѣсняхъ украинскихъ образцомъ красоты является всегда „чернобрівая дівчина“. Но проницательный взоръ, если не ошибаемся, плѣнялъ лично юнаго писателя.

Digitized by Google

женіе читателя щедро расточаемыми эпитетами („прекрасная“, „прелестная“, „бѣлокурая красавица“; бѣлокурый цвѣтъ фигурируетъ здѣсь какъ единственное исключеніе) и только въ въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ объ очевидно нравившемся ему лично въ нѣкоторыхъ красивыхъ дѣвушкахъ пристальномъ взглядѣ (въ слѣдующемъ выраженіи: „пронзительный взоръ ея, казалось, прожигалъ внутренность“). Въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ находимъ уже болѣе яркое и отчетливое изображеніе женской красоты, но еще слишкомъ внѣшнее и матеріальное. „На возу сидѣла хорошенькая дочка, съ круглымъ личикомъ, *съ черными бровями, ровными дугами поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами, съ безпечно улыбавшимися розовыми губками*“ (1, 10). Собственно уже въ началѣ повѣсти, описывая Пселъ (стр. 11), Гоголь мимоходомъ сравниваетъ рѣку и ея отраженія съ смотрящейся въ зеркало красавицей, любующейся прелестью собственнаго отраженія. Образъ послѣдней здѣсь только вскользь промелькнулъ въ творческой фантазіи автора, тогда какъ вскорѣ этимъ же самымъ поэтическимъ образомъ, распространивъ его, Гоголь воспользовался при изображеніи Оксаны въ „Ночи передъ Рождествомъ“ и затѣмъ панночки въ „Тарасѣ Бульбѣ“. Съ тѣхъ поръ идеализація молодой женщины надолго идетъ у Гоголя crescendo. Красота Пидорки въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“ облагорожена тонкими поэтическими штрихами и сравненіями, напр.: „Полненькія щечки казачки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьею росой, горитъ онъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только-что поднявшимся солнышкомъ“ (40). Въ этомъ поэтическомъ образѣ упоеніе женской красотой какъ бы сливается съ восторженнымъ гимномъ природѣ. Въ Пидоркѣ юный авторъ „Вечеровъ“ еще замѣтнѣе, чѣмъ прежде, лелѣетъ и оберегаетъ сочувственный образъ отъ холоднаго прикосновенія свойственнаго ему разлагающаго анализа. Явно щадя въ своихъ произведеніяхъ бравыхъ казаковъ и юныхъ казачекъ, Гоголь выказываетъ къ нимъ иногда нѣкоторое пристрастіе, не углубляясь въ характеристику ихъ внутренней безсодержательности и пустоты, которая едва лишь мелькнула въ „Сорочинской Ярмаркѣ“, но была совершенно заслонена художественной идеализаціей въ слѣдующихъ разсказахъ. Такъ еще гораздо эффектнѣе и привлекательнѣе, чѣмъ Пидорка, хотя и нѣсколько

Digitized by Google

призрачно идеально, изображена Ганна въ „Майской Ночи“: „Дверь распахнулась со скрипомъ, и дѣвушка, на порѣ семнадцатой весны, *обвитая сумерками*, переступила черезъ порогъ. Въ полуясномъ мракѣ горѣли привѣтно, будто звѣздочки, ясныя очи, блистало красное коралловое монисто, и отъ орлиныхъ очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея“ (I, 53). Развиваясь далѣе, образъ прекрасной женщины достигаетъ у Гоголя послѣдней степени обаянія въ неподражаемомъ изображеніи Оксаны и ослѣпительной красоты гордой панночки въ „Тарасѣ Бульбѣ“. Въ послѣднихъ такъ много плѣнительной граціи и такъ живо представлено обворожительное дѣйствіе ихъ красоты, что, очевидно, Гоголю удалось, наконецъ, въ этихъ образахъ выразить въ совершенствѣ то, что имъ только затрогивалось прежде и что раньше лишь страстно просилось излиться изъ глубины души на бумагу. Мы должны здѣсь по необходимости коснуться и поэмы „Тарасъ Бульба“, такъ какъ именно въ ней нашла свое полное выраженіе вся совокупность чаръ женской красоты, которыя въ разное время производили обаяніе на Гоголя. Такъ панночка снова изображена „черноглазою и бѣлою, какъ снѣгъ, озаренный утреннимъ румянцемъ солнца“. Въ этихъ словахъ опять ясно слышится знакомая намъ нота пылкаго увлеченія наружной красотой женщины. Но дальше мы читаемъ: „глаза ея, глаза чудесные, пронзительно-ясные, *бросали взглядъ долгій, какъ постоянство*“ (I, 26). Съ указаніемъ этой черты, также встрѣчавшейся намъ въ „Вечерахъ“, мы переходимъ уже къ психической сторонѣ изображенія любви и женщины у Гоголя.

VI.

Страстное, глубоко поэтическое по своей изящной, нѣжной задушевности выраженіе любви молодыхъ людей Украйны, оставаясь вѣрнымъ національному колориту, было однако повидимому не столько изображаемо Гоголемъ съ натуры, сколько являлось подъ вліяніемъ потрясавшихъ его душу звучныхъ аккордовъ малороссійскихъ народныхъ мелодій. Очевидно, оно было внушаемо смутнымъ, но горячимъ юношескимъ чувствомъ. Въ сущности же въ данной сферѣ Гоголь былъ ско-

Digitized by Google

рѣе теоретикъ. Онъ самъ справедливо замѣтилъ, что истинная любовь „проста, какъ голубица, и выражается просто, безъ всякихъ опредѣлительныхъ и живописныхъ прилагательныхъ“ [1]).

Нигдѣ, кромѣ „Тараса Бульбы“, мы не находимъ у Гоголя изображенія любви, имѣющей центральное или хотя самостоятельное значеніе въ произведеніи, а не составляющей лишь обычную рамку для разсказа. Если въ немногихъ повѣстяхъ, притомъ исключительно юношескихъ, Гоголь рисуетъ полныя страстной нѣги взаимныя объясненія любящей четы, то все съ той же окраской и въ одномъ моментѣ обоюдной нѣжной ласки [2]). Но мы не встрѣтимъ у него, за исключеніемъ лишь отчасти „Тараса Бульбы“, яркаго изображенія отдѣльныхъ перипетій страсти и соединенныхъ съ нею волненій, мукъ, внѣшней и внутренней борьбы, т.-е. именно всего того, на чемъ сосредоточивается и въ чемъ проявляется искусство художниковъ, изучившихъ глубже и часто по собственному опыту психологію любви. Въ этомъ отношеніи Гоголь положительно уступаетъ первенство Тургеневу, самому блестящему представителю указанной стороны въ русской литературѣ. Вмѣсто этого мы видимъ у Гоголя больше пламенныя мечты воспаленнаго юношескаго воображенія, которыя своимъ эксцентрическимъ выраженіемъ даютъ живо чувствовать пылкость южной крови. Мы совсѣмъ не хотимъ, однако, этими словами намекнуть на чувственное представленіе о любви у Гоголя, тѣмъ болѣе, что въ изображеніи ея всегда много возвышенной поэтической граціи, а ея исключительно идеальная сторона прекрасно понята и представлена въ лицѣ художника Пискарева въ извѣстной повѣсти „Невскій Проспектъ“; намъ кажется только, по впечатлѣнію, производимому въ данномъ отношеніи сочиненіями Гоголя, что онъ былъ знакомъ съ этимъ чувствомъ больше со стороны, какъ тонкій и опытный наблюдатель, который не могъ въ числѣ другихъ предметовъ не обратить вниманія и на роль, какую играетъ иногда въ жизни любовь; самъ же онъ лично мало ею интересовался и навсегда оставилъ этотъ сюжетъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Если даже дать вѣру фантастической, промелькнувшей ме-

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, т. V, стр. 165.
[2]) Кромѣ повѣсти „Ночь передъ Рождествомъ“.

Digitized by Google

теоромъ, его юношеской любви, въ которой мы, впрочемъ, сомнѣваемся, то и эта любовь не была ли только воображаемая; не принялъ ли Гоголь за любовь только потребность любви?

Нѣсколько чувственнымъ представляется намъ, впрочемъ, изображеніе женщины въ нѣкоторыхъ его черновыхъ наброскахъ изъ неоконченныхъ повѣстей, самыхъ незрѣлыхъ плодовъ его музы, но и въ этихъ наброскахъ, явно не предназначавшихся авторомъ для печати, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ они вылились изъ подъ его пера [1]), эстетическая натура поэта сказалась въ тонкомъ чувствѣ красоты формъ, просящихся на полотно и ожидающихъ кисти художника. Къ такому описанію у Гоголя неизмѣнно присоединяется изображеніе красивыхъ складокъ одежды, художественно завершавшихъ полноту впечатлѣнія. Въ подтвержденіе укажемъ слѣдующее мѣсто. „Самая яркая шелковая плахта, почти скрытая подъ кашемировою съ турецкимъ узоромъ запаскою, сладострастно льнула и вызначала всю роскошную выпуклую форму выступавшей ноги. Только до пояса простиралась вся эта пестрота богатаго убора; на груди и на рукахъ трепетала бѣлая какъ снѣгъ сорочка, какъ будто ничего, кромѣ тонкаго чистаго полотна, не должно прикрывать дѣвическихъ персей. Складки сорочки падали каскадомъ—молодыя груди дрожали“. Единственно въ этихъ строкахъ не видно еще очищающаго идеализма истиннаго художника, но онъ тотчасъ же проявляется въ другомъ варіантѣ, которымъ Гоголь несомнѣнно хотѣлъ замѣнить этотъ первый, не удовлетворявшій его, — какъ только нашелъ болѣе вѣрное и изящное выраженіе своей мысли и чувства. „Нигдѣ такъ не хороши дѣвическія груди“, исправляетъ онъ, „*какъ подъ полотномъ*. Онъ видѣлъ, какъ упругія молодыя груди подымали свои дышавшія нѣгою куполоподобныя перси и тотчасъ опускали ихъ, послѣ чего онѣ упруго дрожали подъ своимъ покровомъ“ [2]). Любопытно, что впослѣдствіи этимъ готовымъ, давно сложившимся образомъ воспользовался Гоголь въ „Тарасѣ Бульбѣ“, говоря объ Андріи:

[1]) Но былъ случай, когда Гоголь хотѣлъ напечатать довольно нескромный разсказъ „Прачка“. См. „Русскій Міръ“, 1860, № 57, и „Моск. Вѣдом.“, 1861, № 3.—Разсказъ этотъ относится также къ юнымъ годамъ нашего писателя.

[2]) См. объ выдержки въ V т. сочиненій Гоголя, изд. 10-е, стр. 550.

Digitized by Google

„Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за восемнадцать лѣтъ; женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его; онъ, слушая философскіе диспуты, видѣлъ ее поминутно свѣжую, черноокую, нѣжную. Передъ нимъ безпрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси, нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ“. (т. I, 260). Мы находимъ слѣдовательно тотъ же самый выношенный образъ въ произведеніяхъ, отдѣленныхъ нѣсколькими годами жизни. Это обстоятельство можетъ повести къ дальнѣйшимъ соображеніямъ; оно показываетъ намъ, особенно при наглядномъ сравненіи, какъ постепенно развивался и совершенствовался, получая прочувствованную идеальную окраску, образъ, первоначально, на поверхностный взглядъ грѣшившій излишне грубымъ реализмомъ. Что совершенствованіе его происходило подъ вліяніемъ внутренней потребности души, чуткой къ впечатлѣніямъ изящнаго и испытавшей на себѣ могущественное дѣйствіе наслажденія искусствомъ, видно изъ окончанія отрывка „Женщина“, гдѣ послѣдняя освѣщена волшебнымъ отблескомъ поэтическаго увлеченія. Мѣсто это такъ важно для разъясненія нашей мысли, что мы рѣшаемся его привести здѣсь вполнѣ.

„Вдохновенные взоры мудреца остановились неподвижно: передъ нимъ стояла Алкиноя, незамѣтно вошедшая въ продолженіе бесѣды. Опершись на истуканъ, она вся, казалось, превратилась въ безмолвное вниманіе, и на прекрасномъ челѣ ея прорывались гордыя движенія богоподобной души. Мраморная рука, сквозь которую свѣтились голубыя жилы, полныя небесной амврозіи, свободно удерживалась въ воздухѣ; стройная, перевитая алыми лентами подножія, нога, въ обнаженномъ, ослѣпительномъ блескѣ, сбросивъ ревнивую обувь, выступила впередъ и, казалось, не трогала презрѣнной земли; высокая, божественная грудь колебалась встревоженными вздохами и полупокрывавшая два прозрачныя облака персей одежда трепетала и падала роскошными линіями на помостъ. Казалось, тонкій, свѣтлый эѳиръ, въ которомъ купаются небожители, по которому стремится розовое и голубое пламя, разливаясь и переливаясь въ безчисленныхъ лучахъ, коимъ и имени нѣтъ на землѣ, въ коихъ дрожитъ благовонное море неизъ-

Digitized by Google

яснимой музыки, — казалось, этотъ эѳиръ облекся въ видимость и стоялъ передъ ними, освятивъ и обоготворивъ прекрасную форму человѣка. Небрежно откинутые назадъ, темные, какъ вдохновенная ночь, локоны надвигались на лилейное чело ея и лилися сумрачнымъ каскадомъ на блистательныя плеча. Молнія очей исторгала всю душу.—Нѣтъ! никогда сама царица любви не была такъ прекрасна, даже въ то мгновенье, когда такъ чудно возродилась изъ пѣны дѣвственныхъ волнъ!“[1])

Намъ кажется, что до сихъ поръ слишкомъ мало вниманія обращалось на этотъ вдохновенный гимнъ, полный искренняго, возвышеннаго чувства, гимнъ упоенія красотой, при всемъ ярко пластическомъ описаніи формъ чуждый всякой примѣси чего-либо обыденнаго, не говоря уже—чувственнаго. Въ этихъ строкахъ Гоголь чудно передалъ нашедшее отзвукъ въ душѣ его чувство древняго грека, и, конечно, онѣ были ему особенно дороги. если подъ ними въ первый разъ при всей щепетильной мнительности онъ рѣшился подписать вполнѣ свое имя. Очевидно, весь остальной отрывокъ написанъ ради приведеннаго нами конца, которымъ Гоголь хотѣлъ какъ вѣнцомъ украсить все предыдущее и которымъ, вѣроятно, разсчитывалъ произвести не тусклое, будничное впечатлѣніе, какъ случилось на самомъ дѣлѣ. Если цѣль его не была достигнута и вдохновенныя строки затерялись сперва въ „Литературной Газетѣ“, потомъ въ полныхъ собраніяхъ сочиненій, то это объясняется, конечно, съ одной стороны извѣстностью сюжета, съ другой—можетъ быть, слишкомъ густыми красками, слишкомъ приподнятымъ тономъ, требующимъ отзыва въ соотвѣтственномъ исключительномъ настроеніи. Но теперь, при сравненіи съ другими сходными мѣстами сочиненій Гоголя, кажется, можетъ быть достаточно установлено, что у него въ отношеніи къ женщинѣ существовало восторженное, совершенно платоническое поклоненіе; женщина являлась ему какой-то богиней, окруженной невыразимымъ обаяніемъ; но то была воображаемая, такъ сказать, абстрактная женщина, тогда какъ отдѣльныя живыя личности теряли для него свой престижъ и представлялись чаще съ своей пошлой, обыденной физіономіей. Въ отрывкѣ „Женщина“ лиризмъ Гоголя стремится перейти за предѣлы, доступные человѣческому

[1]) Соч. Гог., изд. 10-е, т. V, стр. 65.

Digitized by Google

слову и потому лишь отчасти находитъ себѣ выраженіе; но это, очевидно, тѣ самыя лирическія ноты, которыя впослѣдствіи по другимъ случаямъ прозвучали въ „Мертвыхъ Душахъ“, въ „Театральномъ Разъѣздѣ“ и въ „Развязкѣ Ревизора“.

Намъ кажется, что особенно важно обратить вниманіе на постоянно существовавшій въ душѣ Гоголя настоятельный запросъ на что-то призрачно грандіозное, что бывало часто причиной неполной удовлетворенности автора тѣмъ сравнительно слабымъ впечатлѣніемъ, которое выносилъ и могъ выносить читатель. Гоголь не всегда могъ справиться съ необычайнымъ подъемомъ чувства, больше всего именно въ наиболѣе слабыхъ произведеніяхъ, начиная съ отрывка „Женщина“, въ фантастической части „Портрета“, въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ и, наконецъ, также въ не всегда удававшихся лирическихъ мѣстахъ названныхъ прежде по истинѣ великихъ произведеній. Въ Гоголѣ всегда явно боролись начала самаго высокаго лиризма и самаго безпощаднаго юмора. Оттого въ изображеніяхъ женщины у него нѣтъ середины между неземнымъ образомъ Алкиной и пошлыми Агаѳьями Тихоновнами и Марьями Гавриловнами [1]). Если въ „Вечерахъ на Хуторѣ“ юный поэтъ стремился передать обаяніе, производимое въ немъ женщиной, какъ въ натурѣ художественной, то, поддаваясь идеализаціи, онъ оставляетъ на время обычные пріемы въ изображеніи дѣйствительности; со временемъ же, когда пылкое увлеченіе юности угасло, его взору представлялись преимущественно однѣ пошлыя женщины.

VII.

Такъ почти въ каждомъ изъ юношескихъ произведеній Гоголь съ любовью рисуетъ съ разными видоизмѣненіями въ сущности все тотъ же обаятельный образъ, посвящая ему, послѣ горячо любимой украинской природы, самые роскошные цвѣты свѣжей юношеской фантазіи. Въ нравственномъ отношеніи его занимаютъ, напротивъ, два существенно различные типа молодыхъ дѣвушекъ: его воображеніе одинаково плѣняютъ какъ простодушныя красавицы, привлекательныя

[1]) Въ „Женитьбѣ“ и въ повѣсти „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“.

Digitized by Google

душевной чистотой и какой-то голубиной кротостью, вполнѣ гармонирующими съ ихъ наружной прелестью, но въ то же время не чуждыя при всемъ простодушіи прекраснаго въ своей наивности эстетическаго чувства,—такъ съ другой стороны онъ любитъ изображать прихотливыхъ, избалованныхъ кокетокъ, которыхъ самая недоступность дѣлаетъ особенно очаровательными. Къ первому разряду типовъ слѣдуетъ отнести Параску, Пидорку и Ганну.

Любопытно сходство между Параской и Ганной въ ихъ отношеніяхъ къ природѣ и къ чувству любви. Изобразивъ прелестную картину отраженій въ водахъ Псла въ началѣ „Сорóчинской Ярмарки", Гоголь продолжаетъ: „Красавица наша (Параска) задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечникъ, которымъ исправно занималась во все продолженіе пути" (т. I, стр. 12). Тѣ же самыя черты, которыя лишь слегка затронуты въ изображеніи Параски, въ болѣе тонкомъ развитіи являются въ Ганнѣ. Не говоря уже о томъ, что эстетическое чувство выражается въ Ганнѣ съ той же непосредственностью, но и возбуждается въ ней сходной картиной природы, вообще чрезвычайно любимой Гоголемъ. „Какъ тихо колышется вода, какъ будто дитя въ люлькѣ!" говорила Ганна указывая на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ и оплакиваемы вербами, потопившими въ немъ жалобныя свои вѣтви. Даже нѣкоторыя любимыя Гоголемъ сравненія повторяются въ обоихъ случаяхъ почти въ тождественной формѣ (напр., и тамъ, и здѣсь мы находимъ „огненныя, одѣтыя холодомъ искры и падающія на серебряную грудь рѣки зеленыя кудри деревъ"; кромѣ уже указанныхъ строкъ, этимъ образамъ соотвѣтствуетъ еще слѣдующій: „Какъ безсильный старецъ, держалъ онъ (прудъ) въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое темное небо, осыпая ледяными поцѣлуями огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли среди теплаго океана ночного воздуха"; наконецъ, тотъ же образъ является еще разъ, хотя уже совершенно самостоятельно, безъ отношенія къ очарованію, возбуждаемому имъ въ человѣкѣ, въ извѣстномъ описаніи Днѣпра въ разсказѣ „Страшная Месть". Ср. т. I, стр. 11, 55 и 169).

Съ неподражаемой наивностью также выдаетъ себя любовь дѣвушки, иногда еще смутно сознаваемая ею. Увѣренія Грицка что онъ не скажетъ ничего худого, вызываютъ въ

Digitized by Google

Параскѣ такія мысли: „Можетъ быть, это правда, только мнѣ чудно... вѣрно, это лукавый!... Сама, кажется, знаешь, что не годится такъ, а силы недостаетъ взять у него руку“. Еще типичнѣе наивное признаніе задумавшейся Ганны: „Да тебѣ только стòитъ, Левко, слово сказать — и все будетъ по твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово — и невольно дѣлаю, что̀ тебѣ хочется“. Эстетическое чувство Пидорки сказалось въ своеобразныхъ, задушевно-поэтическихъ сравненіяхъ: „Ивасю мой милый! Ивасю мой любый! бѣги къ Петрусю, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; разскажи ему все: любила бы его карія очи, цѣловала бы его бѣлое личико, да не велитъ судьба моя“ (см. т. I, стр. 54 и 42), и проч.

Но постепенно этотъ простодушный типъ уступаетъ въ мечтахъ Гоголя типу противоположному, лукавому. Точку соприкосновенія между обоими типами и переходъ отъ одного къ другому можно видѣть у него въ изображеніи любующейся собственной прелестью дѣвушки. Сначала у послѣдней мы не находимъ и намека на то высокомѣрное самоуслажденіе, которое должно было вскорѣ выступить для того, чтобы ярче и рельефнѣе оттѣнить царственное величіе недоступной красоты. Безсознательное кокетство замѣчается уже въ представительницахъ перваго типа, но оно еще вполнѣ невинно и безобидно. Такъ, въ „Успѣхѣ посольства“ Катерина, раздосадованная ухаживаніемъ за ней Ониська, приняла на себя сердитый видъ и воскликнула: „Ей Богу, Онисько, если ты въ другой разъ это сдѣлаешь (обнимешь), то я прямехонько пущу тебѣ въ голову вотъ этотъ горшокъ“, но тотчасъ же и смягчилась, и Гоголь такъ говоритъ объ этомъ дальше: „При семъ словѣ сердитое личико немного прояснѣло и улыбка, мгновенно проскользнувшая по немъ, выговорила ясно: „Я не въ состояніи буду этого сдѣлать“ [1]). Параска уже отъ души любуется своимъ отраженіемъ въ зеркалѣ, но подъ вліяніемъ исключительнаго настроенія и увлеченная соблазнившимъ ее мачихинымъ очипкомъ. Она счастлива любовью жениха и, отдаваясь мечтамъ объ ожидающемъ ее счастьѣ, не можетъ устоять противъ искушенія. Все въ ней ликуетъ, и отъ граціозной задумчивости она незамѣтно переходитъ, какъ истинная казачка.

[1]) Соч. Гог.. изд. 10-е. т. V. стр. 57.

Digitized by Google

къ захватывающему увлеченію любимымъ танцемъ. Здѣсь радость чистая, увлеченіе безвредное. Съ большимъ сочувствіемъ Гоголь говоритъ о ней: „Подпершн локтемъ хорошенькій подбородокъ свой, задумалась Параска, одна сидя въ хатѣ. Много грезъ обвивалось около русой головки. Иногда вдругъ легкая усмѣшка трогала ея алыя губки и какое-то радостное чувство поднимало темныя ея брови, иногда снова облако задумчивости опускало ихъ на карія, свѣтлыя очи“ [1]).

Напротивъ, Оксана и панночка — кокетки pur-sang: онѣ наслаждаются не столько сознаніемъ своей красоты, сколько лестной мыслью о ея могущественной власти надъ людьми. Онѣ находятъ — по крайней мѣрѣ первая — удовольствіе, въ томъ, чтобы мучить и презирать тѣхъ, которые имѣли несчастіе ихъ полюбить. Поэтому для полнаго и яркаго ихъ изображенія необходимо описаніе ихъ жертвъ, которыя также поразительны своимъ сходствомъ. Здѣсь Гоголя снова увлекала мысль представить женщину на пьедесталѣ, какъ въ изображеніи Алкиноп, тогда какъ кузнецъ Вакула и Андрій, въ свою очередь, соотвѣтствуютъ очарованному Алкиноей юношѣ Телеклесу. Убѣдительное подтвержденіе можно видѣть въ слѣдующихъ сопоставленіяхъ. Не напоминаетъ ли восхищеніе Телеклеса передъ Алкиноей эти строки: „И онъ (Андрій) остался также изумленнымъ передъ нею. Не такою воображалъ онъ ее видѣть: это была не она, не та, которую онъ зналъ прежде; ничего не было въ ней похожаго на ту, но вдвое прекраснѣе и чудеснѣе была она теперь, чѣмъ прежде: тогда было въ ней что-то неконченное, недовершенное; теперь это было произведеніе, которому художникъ далъ послѣдній ударъ кисти“. И здѣсь, и тамъ не описаніе, а апоѳеозъ.

Поразительно сходно изображено и впечатлѣніе, произведенное всѣми тремя женщинами на ихъ поклонниковъ. Сдѣлаемъ сличеніе.

„Въ изумленіи, въ благоговѣніи повергнулся юноша къ ногамъ гордой красавицы, и жаркая слеза склонившейся надъ нимъ полубогини канула на его пылающія щеки“ [2]).

„Трудно разсказать, что̀ выражало смугловатое лицо чудной дѣвушки: и суровость въ немъ была видна, и сквозь

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 33.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 300 и т. V, стр. 65: „Женщина“.

Digitized by Google

суровость какая-то издѣвка надъ смутившимся кузнецомъ, и едва замѣтная краска досады тонко разливалась по лицу, и все это такъ смѣшалось, и такъ было неизобразимо хорошо, что разцѣловать ее милліонъ разъ—вотъ все, что̀ можно было сдѣлать тогда наилучшаго“ [1]).

„И ощутилъ Андрій въ своей душѣ благоговѣйную боязнь, и сталъ неподвиженъ передъ нею“ („Тарасъ Бульба“; стр.305).

Совершенно такъ же говоритъ кузнецъ Оксанѣ: „Что̀ мнѣ до матери? ты у меня мать, и отецъ, и все, что̀ ни есть дорогого на свѣтѣ!“ какъ и Андрій восклицаетъ передъ панночкой: „А что̀ мнѣ отецъ, товарищи и отчизна?“ (107 и 309).

VIII.

Юные парубки занимаютъ Гоголя или проявленіемъ въ ихъ могучихъ натурахъ казацкихъ чертъ, своимъ беззавѣтнымъ разгуломъ, удалью и безстрашіемъ, — и въ такомъ случаѣ нѣтъ существеннаго различія между ними и пожилыми казаками, — или же они должны служить почти только для полноты картины вмѣстѣ съ изображеніемъ любимыхъ ими дѣвушекъ. Если имъ приписывается красота, то Гоголь едва лишь даетъ мелькнуть ихъ образу передъ читателемъ, да и самый образъ этотъ гораздо менѣе ярокъ въ сравненіи съ идеализированными образами дивчинъ. Вотъ, напримѣръ, какъ изображаетъ Гоголь Петра Безроднаго въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“: „Чернобровымъ дивчатамъ и молодицамъ мало было нужды до родни его. Онѣ говорили только, что еслибы одѣть его въ новый жупанъ, затянуть краснымъ поясомъ, надѣть на голову шапку изъ черныхъ смушекъ съ щегольскимъ синимъ верхомъ, привѣсить къ боку турецкую саблю, дать въ одну руку малахай, въ другую люльку въ красивой оправѣ, то заткнулъ бы онъ за поясъ всѣхъ парубковъ тогдашнихъ“. По степени развитія о̀браза эта характеристика недалеко ушла отъ слишкомъ общей характеристики Катерины въ „Успѣхѣ посольства“. Въ „Майской Ночи“ изъ устъ Ганны вырывается болѣе поэтическое и яркое описаніе, но все-таки не дающее опредѣленнаго представленія о наруж-

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 106: „Ночь передъ Рождествомъ“

Digitized by Google

ности Левка: „Я тебя люблю, чернобровый казакъ! За то люблю, что у тебя карія очи, и какъ погладишь ты ими, у меня какъ будто на душѣ усмѣхается: и весело, и хорошо ей; что привѣтливо моргаешь ты чернымъ усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, поешь и играешь на бандурѣ, и любо слушать тебя“... Впрочемъ, такое обаяніе производитъ, наоборотъ, Оксана въ кузнецѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: „Оксана засмѣялась, и кузнецъ почувствовалъ, что внутри его все засмѣялось. Смѣхъ этотъ какъ будто разомъ отозвался въ сердцѣ и въ тихо-встрепенувшихся жилахъ, и за всѣмъ тѣмъ досада запала въ его душу, что онъ не во власти расцѣловать такъ пріятно засмѣявшееся лицо“ (т. I, стр. 54 и 107).

Наконецъ, Грицко въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ представленъ „съ загорѣвшимъ, но исполненнымъ пріятности лицомъ и огненными глазами, стремившимися видѣть насквозь“. Но ни въ изображеніи его, ни мужественнаго, загорѣлаго кузнеца Вакулы нѣтъ и блѣднаго намека на тотъ прекрасный образъ, который являетъ собою Андрій въ „Тарасѣ Бульбѣ“; впечатлѣніе, произведенное послѣднимъ на панночку, опять сходно, но гораздо изящнѣе выражено, нежели увлеченіе Ганны Левкомъ. „Она, казалось, также была поражена видомъ казака, представшаго во всей красѣ и силѣ юношескаго мужества, который, казалось, и въ самой неподвижности своихъ членовъ уже обличалъ развязную вольность движеній; ясною твердостью сверкалъ глазъ его, смѣлою дугою выгнулась бархатная бровь, загорѣлыя щеки блистали всею яркостью дѣвственнаго огня и, какъ шелкъ, лоснился молодой черный усъ“ (т. I, стр. 301). Такимъ образомъ, въ Андріи слились тѣ черты, которыя намѣчены были уже въ Петрѣ Безродномъ, Левкѣ и кузнецѣ Вакулѣ. И съ этой стороны, слѣдовательно, въ „Тарасѣ Бульбѣ“ находимъ завершеніе и объединеніе всего, что прежде было затронуто порознь въ „Вечерахъ на Хуторѣ близь Диканьки“.

Въ старшемъ поколѣніи казаковъ, оставляя въ сторонѣ извѣстныя идеальныя черты запорожскаго типа, обрисованнаго наиболѣе опять-таки въ „Тарасѣ Бульбѣ“, а изъ „Вечеровъ на Хуторѣ“—въ „Страшной Мести“ (которая имѣетъ также много сходныхъ чертъ съ „Тарасомъ Бульбой“ и должна быть разсмотрѣна въ связи съ этимъ послѣднимъ произведеніемъ) въ лицѣ мужа Катерины, пана Данилы Бурульбаша,—кромѣ невозмутимаго хладнокровія, безпечности, упрямства,

Digitized by Google

отмѣтимъ особенно комическую способность съ непостижимой быстротой переходить отъ однихъ впечатлѣній къ другимъ, совершенно противоположнымъ, и страсть къ національнымъ танцамъ. Когда оскорбленный неучтивыми замѣчаніями „затѣйливаго разсказчика", дьячокъ Ѳома Григорьевичъ совсѣмъ уже собрался показать ему дулю, хозяйка догадалась „поставить на столъ горячій книшъ съ масломъ, и рука Ѳомы Григорьевича вмѣсто того, чтобы показать шишъ, протянулась къ книшу и, какъ всегда водится, всѣ начали прихваливать мастерицу-хозяйку". Солопій Черевикъ особенно комично переходитъ въ мгновеніе ока отъ страха, возбужденнаго въ немъ разсказомъ о красной свиткѣ, къ негодованію на дерзкаго парня, обнявшаго его дочь, и отъ негодованія—къ самому дружелюбному разговору съ обидчикомъ. У казака Чуба такъ же легко смѣняется досада на прибившаго его кузнеца Вакулу мыслью о предстоящемъ пріятномъ свиданіи съ Солохой.

Въ пожилыхъ женщинахъ воображеніе Гоголя прежде всего поражалось извращеніемъ тѣхъ привлекательныхъ физическихъ и нравственныхъ качествъ, объ изображеніи которыхъ было говорено выше. Онъ содрогается при мысли о томъ „періодѣ, когда воспоминаніе остается человѣку, какъ представитель и настоящаго, и прошедшаго, и будущаго, когда роковыя шестьдесятъ лѣтъ гонятъ холодъ въ нѣкогда бившія огненнымъ ключомъ жилы и термометръ жизни переходитъ за точку замерзанія" (въ повѣсти „Учитель") (V, стр. 52). То же впечатлѣніе рельефнѣе выражено въ заключительныхъ строкахъ „Сорочинской Ярмарки": „Еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіе могилы", и проч. Въ пожилыхъ женщинахъ Гоголь по преимуществу видитъ пошлость и разные недостатки: сварливость, мелкое любопытство, страсть къ сплетнямъ.

Типъ сварливой женщины нерѣдко встрѣчается въ малороссійскихъ народныхъ сказкахъ. См., напр., въ „Народныхъ южно-русскихъ сказкахъ" Рудченка сказки „Зла Химка и чортъ" (I т., стр. 57) и другія. Въ наиболѣе полномъ развитіи у Гоголя этотъ рядъ женскихъ типовъ мы находимъ въ „Ночи передъ Рождествомъ". Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить мысленно кокетливую, несмотря на свое безобразіе и старость, Хиврю, и съ другой стороны, правда, красивую

Digitized by Google

и обходительную, но все же вѣдьму Солоху, вѣдьму, окруженную многочисленными поклонниками, но предпочитающую изъ нихъ того, отъ котораго можно ожидать больше выгоды. Въ Хиврѣ (въ „Сорóчинской Ярмаркѣ“) соединяются, главнымъ образомъ, двѣ типическія черты: своенравіе сварливой замужней бабы и запоздалое кокетство. Если первая черта отсутствуетъ въ Солохѣ, то она является зато въ той же повѣсти въ лицѣ кумовой жены, причемъ кумъ—лицо, явно соотвѣтствующее Солопію Черевику. Такимъ образомъ типъ Хиври не только развивается здѣсь дальше, но, такъ сказать, дифференцируется. Но очевидное сходство между отношеніями Хиври къ поповичу Аѳанасію Ивановичу и Солохи—къ дьячку Осипу Никифоровичу замѣчательно и совпаденіемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ подробностей: напр., оба среди своихъ любовныхъ увлеченій вспоминаютъ о бурсѣ, объ отцѣ Кондратіи или о безъименномъ отцѣ протопопѣ, приводятъ тексты и проч.

Въ заключеніе нашего обзора типовъ, встрѣчающихся у Гоголя въ „Вечерахъ на Хуторѣ“, отмѣтимъ еще, что особенно часто онъ любилъ изображать наивное благоговѣніе крестьянъ передъ сельскими властями, въ родѣ головы или коммиссара, и разными „учеными“ людьми, какими-нибудь дьячками и семинаристами. Въ повѣсти „Страшный Кабанъ“ объ учителѣ-семинаристѣ, Иванѣ Осиповичѣ, предшественникѣ Хомы Брута и другихъ бурсацкихъ типовъ, замѣчено, что „гдѣ ни показывается онъ, тамъ шапки съ самыхъ неповоротливыхъ головъ перелетаютъ въ руки, и солидныя, вооруженныя черными, сѣдыми усами, загорѣвшія лица отмѣриваютъ въ поясъ почтительные поклоны“ [1]). Подобное почтеніе оказывали и дѣду Ѳомы Григорьевича, „знавшему и твердоонъ-то и словотитлу поставить, въ праздникъ отхватывавшему апостолъ такъ, что теперь поповичъ иной спрячется. Стало быть, и дивиться нечего, когда всякій встрѣчный кланялся ему мало не въ поясъ“ [2]). Въ „Утопленницѣ“, передъ головой „дюжій мужикъ почтительно стоитъ, снявши шапку во все продолженіе, когда голова запускалъ свои толстые и грубые пальцы въ его лубочную табакерку“ [3]).

[1]) «Соч. Гог.», изд. X, т. V, стр. 50

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 82.

[3]) Тамъ же, стр. 60.

Digitized by Google

IX.

Кромѣ идеальнаго изображенія женщинъ, есть еще область, въ которой по преимуществу нашелъ себѣ просторъ лиризмъ Гоголя: это описаніе вѣчныхъ красотъ природы. Здѣсь Гоголь также является сыномъ юга, не только спокойно, съ любовью наслаждающимся ея красотами, подобно Пушкину или Тургеневу, но онъ весь охваченъ безпредѣльнымъ восторженнымъ обаяніемъ. Гоголь, можетъ быть, иной разъ уступаетъ другимъ нашимъ мастерамъ слова въ блестящей обрисовкѣ деталей, доступныхъ болѣе спокойному созерцанію наблюдателя, но общій фонъ картины выступаетъ у него всегда съ особенно поразительной яркостью. Детали часто являются и у него, и иначе быть не можетъ по самому характеру его творчества, но не въ нихъ заключается главная сила его описаній.

Въ первой части „Вечеровъ“ талантъ Гоголя, какъ живописателя природы, проявился съ особеннымъ блескомъ въ „Майской Ночи“, во второй—въ „Ночи передъ Рождествомъ“. Въ сравненіи съ этими роскошными картинами блѣднѣетъ описаніе знойнаго малороссійскаго дня въ „Сорóчинской Ярмаркѣ“ и является уже нѣсколько натянутымъ и вычурнымъ. Зато изображеніе „задумавшагося“ вечера и обаятельной украинской ночи въ „Утопленницѣ“ и зимней ночи—въ другой названной повѣсти съ остальными лучшими описаніями Гоголя, кажется, не имѣютъ себѣ равныхъ во всей русской литературѣ. Въ обѣихъ повѣстяхъ такой волшебной кистью нарисована картина чуднаго сіянія звѣздной ночи, спокойно и съ невыразимой нѣгой разлитою повсюду, насколько простирается поле зрѣнія, такъ искусно уловлено и представлено производимое въ такія поэтическія минуты дѣйствіе природы на человѣка, что невыразимая прелесть одинъ разъ нѣжной, благоухающей, весенней, въ другой — морозной рождественской ночи живо чувствуется при чтеніи въ продолженіе всего разсказа, отличающагося замѣчательной художественной выдержанностью.

Кромѣ того, съ особеннымъ искусствомъ умѣетъ Гоголь украшать повѣствованіе въ разныхъ мѣстахъ, какъ бы изящной рамкой, отдѣльными описательными штрихами, въ выс-

Digitized by Google

шей степени гармонирующими съ остальнымъ изложеніемъ. При помощи ихъ иногда удается Гоголю немногими словами заставить читателя перенестись въ изображаемую обстановку, живо почувствовать и пережить самое настроеніе дѣйствующихъ лицъ подъ вліяніемъ природы въ разныя времена сутокъ и года. Уже въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ прекрасно представлено общее тревожное, подъ вліяніемъ страшныхъ разсказовъ, настроеніе всѣхъ собесѣдниковъ, собравшихся провести вечеръ въ хатѣ Солопія Черевика,—настроеніе, совершенно исчезающее съ наступленіемъ утра. Электрически потрясающее дѣйствіе всякой ничтожной внезапности, подготовленное предшествующимъ настроеніемъ, также тонко подмѣчено Гоголемъ еще въ этой его ранней повѣсти: послѣ паническаго страха, который нагналъ на все общество разсказъ о красной свиткѣ, неожиданный стукъ моментально поражаетъ всѣхъ непреодолимымъ ужасомъ. Это психологическое наблюденіе, при другой обстановкѣ и отъ другихъ причинъ, нашло себѣ впослѣдствіи приложеніе въ извѣстной сценѣ появленія Бобчинскаго и Добчинскаго, стремительно ворвавшихся въ комнату городничаго, какъ разъ въ минуту самаго напряженнаго страха всѣхъ присутствующихъ.

Въ „Майской Ночи“ невыразимое обаяніе чувствуется въ двухъ-трехъ предложеніяхъ, рисующихъ передъ читателями нѣгу весенняго вечера. „Было то время, когда, утомленные дневными трудами и заботами, парубки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера, выливать свое веселье въ звуки, всегда неразлучные съ унынiемъ. И задумавшійся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо, превращая все въ неопредѣленность и даль“ (т. I, стр. 52). И здѣсь описаніе природы находится въ прекрасной гармоніи съ внутреннимъ міромъ человѣка.

Но особеннаго совершенства достигаетъ Гоголь въ этомъ отношеніи въ „Ночи передъ Рождествомъ“, гдѣ читатель какъ будто видитъ передъ собой темную ночь, дышетъ здоровымъ морознымъ воздухомъ и чувствуетъ во всѣхъ жилахъ веселье и бодрость. „Чудно блещетъ мѣсяцъ! Трудно разсказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить весело смѣющаяся ночь. Подъ плотнымъ кожухомъ

Digitized by Google

тепло; отъ мороза еще живѣе горятъ щеки, на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади“ (т. I, 114).—Все это дѣйствительно какъ будто „живетъ и движется передъ нами“.

Замѣтимъ, что всѣ указанныя черты составляютъ существенную особенность таланта Гоголя, и, очевидно, если онѣ и нашли себѣ пищу и матеріалъ въ народныхъ произведеніяхъ, то здѣсь нельзя видѣть того внѣшняго пользованія источниками, которое намъ предстоитъ выдѣлить отъ оригинальнаго творчества нашего писателя, потому что на этихъ произведеніяхъ Гоголь воспитался съ малыхъ лѣтъ, и провести грань между воспринятымъ имъ въ дѣтствѣ и дополненнымъ впослѣдствіи—еслибы и было возможно—совершенно безцѣльно.

X.

Мы говорили выше, что къ бытовымъ подробностямъ, несомнѣнно самостоятельно очерченнымъ Гоголемъ, необходимо отнести наблюденія надъ малороссійскими, преимущественно простонародными типами, его изображенія казаковъ и казачекъ, сварливой бабы, робкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безпечнаго мужа, описаніе разговоровъ дѣйствующихъ лицъ и все вообще, относящееся къ національной жизни, обычаямъ, пѣснямъ, танцамъ, даже малороссійскимъ кушаньямъ. Наблюденія надъ этой національной стороной жизни отличали Гоголя еще задолго до возникновенія мысли о „Вечерахъ“ и, напротивъ, они-то, конечно, его на эту мысль и натолкнули. Все это ясно уже a priori, но кромѣ того убѣдительно подтверждается небольшимъ, но чрезвычайно любопытнымъ разсказомъ въ воспоминаніяхъ Стороженка. Разсказъ этотъ, по нашему мнѣнію, получаетъ особенное значеніе *именно* въ виду того, что онъ показываетъ наглядно, какъ среди шутокъ зарождались у Гоголя серьезныя мысли: напомнимъ изъ него только слѣдующее любопытное замѣчаніе. „Искусство, съ которымъ Гоголь укротилъ взбѣшенную женщину, казалось мнѣ невѣроятнымъ; въ его юныя лѣта еще невозможно было проникать въ сердце человѣческое до того, чтобы играть имъ, какъ мячикомъ, но Гоголь безсознательно, силою своего генія, постигалъ ужъ тайные изгибы сердца“ Когда Стороженко замѣтилъ Гоголю, что онъ успѣлъ хорошо изучить характеръ поселянъ, Гоголь отвѣтилъ ему:

Digitized by Google

— „Ахъ! еслибы въ самомъ дѣлѣ это было такъ! тогда всю жизнь свою я посвятилъ бы любезной моей родинѣ, описывая ея природу, юморъ ея жителей, съ ихъ обычаями, повѣрьями, изустными преданіями и легендами. Согласитесь: источникъ обильный, неисчерпаемый, рудникъ богатый и еще непочатой!“ [1])

Такъ Гоголь почувствовалъ, что ему предстоитъ быть піонеромъ въ этой области, какъ послѣ онъ сознавалъ необходимость проложить новый путь въ области драмы [2]).

Возвращаемся къ вопросу, что̀ же было заимствовано Гоголемъ.

Повидимому, вся легендарная часть и есть именно заимствованная, почерпнутая изъ присланныхъ Гоголю его родственниками матеріаловъ. Такъ, въ „Сорóчинской Ярмаркѣ“, по нашему мнѣнію, первой написанной имъ повѣсти изъ вошедшихъ въ „Вечера“, легендарное начало представлено единственно разсказомъ о красной свиткѣ; притомъ этотъ разсказъ выступаетъ, главнымъ образомъ, во второй половинѣ повѣсти и могъ быть введенъ уже во время самой работы надъ нею, когда Гоголю достаточно выяснилось главное содержаніе цѣлаго и возникло желаніе связать въ одно и оживить разрозненныя части. Весьма вѣроятно, что къ заимствованнымъ подробностямъ принадлежатъ одновременно включенныя въ двѣ первыхъ повѣсти, т.-е. въ „Сорóчинскую Ярмарку“ и въ „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“, напримѣръ, изображеніе безобразныхъ и предающихся разгулу чорта, отыскивающаго красную свитку, и Басаврюка, изображеніе ужаса, возбуждаемаго бѣсовскими подарками, отъ которыхъ никакъ нельзя отдѣлаться, упоминаніе о сóняшницѣ и проч. Но знаки почтенія, оказываемые всѣми отцу красивой дѣвушки, неожиданное появленіе отца во время ея любовныхъ объясненій съ парубкомъ,—черты также общія обѣимъ повѣстямъ,—мы, конечно, не рѣшимся отнести къ только-что отмѣченнымъ. Такія черты сходства нерѣдко замѣчаются у Гоголя. Укажемъ нѣсколько другихъ примѣровъ въ „Вечерахъ на Хуторѣ“. Вотъ, напр., изображеніе невиннаго младенца въ лицѣ Ивася (въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“) и

[1]) См. «Отеч. Записки». 1859, 4, стр. 79.

[2]) „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“, въ „Русскомъ Архивѣ“, 1890, VIII, стр. 7.

Digitized by Google

Спасителя на образѣ, видѣнномъ во дворцѣ кузнецомъ Вакулой; даже выраженія совершенно сходныя: „Малость отрѣзать ни за что, ни про что человѣку голову, да еще безвинному ребенку! Въ сердцахъ сдернулъ онъ простыню, накрывавшую его голову, и что же? Передъ ними стоялъ Ивась. *И рученки сложило бѣдное дитя на-крестъ, и голову повѣсило*“ [1]) („Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“). „Вступивши въ четвертую комнату, кузнецъ невольно подошелъ къ висѣвшей на стѣнѣ картинѣ. Это была Пречистая Дѣва съ младенцемъ на рукахъ. „Что за картина! что за чудная живопись!—разсуждалъ онъ.—Вотъ, кажется, говоритъ! кажется, живая? *А Дитя Святое! и ручки прижало, и усмѣхается, бѣдное!*“ [2]). Далѣе: галушки, попадающія прямо въ ротъ вѣдьмамъ въ „Пропавшей Граматѣ“, напоминаютъ сходный эпизодъ въ „Ночи передъ Рождествомъ“, съ той только разницей, что вѣдьмамъ здѣсь соотвѣтствуетъ знающійся съ нечистой силой старый запорожецъ Пацюкъ; поѣздка кузнеца Вакулы въ Петербургъ и разговоры запорожцевъ съ императрицей имѣютъ, правда, отдаленное отношеніе къ факту сопровожденія головой Екатерины въ повѣсти „Майская Ночь“. Встрѣчаются и мелкія черты сходства: неустрашимость и неуклонная прямота въ сношеніяхъ запорожцевъ съ невѣрными или съ нечистой силой (дѣдъ въ „Пропавшей Граматѣ“, кузнецъ Вакула, наконецъ, Тарасъ Бульба); бесѣда двухъ кумовей, истыхъ малороссіянъ по безпечности и лѣни (въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и „Ночи передъ Рождествомъ“); задоръ, мгновенно стихающій передъ неожиданнымъ препятствіемъ, между прочимъ, при нечаянной встрѣчѣ сына съ отцомъ (въ „Майской ночи“ встрѣча Левка съ головой и Андрія съ Тарасомъ); изображеніе гуляющей толпы парубковъ въ „Майской Ночи“ и „Ночи передъ Рождествомъ“; описанія сплетенъ [3]). Но черты сходства между „Страшной Местью“ и „Тарасомъ Бульбой“ должны быть отложены до изученія послѣдней повѣсти.

Особенно замѣчательно, что повѣсть „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“ почти вся была эксплуатируема

[1]) „Соч. Гоголя“, изд. 10-е, т. I, стр. 45.
[2]) Тамъ же, стр. 134.
[3]) Тамъ же, стр. 22, 101, 120.

Digitized by Google

Гоголемъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, какъ онъ нерѣдко поступалъ съ неоконченными повѣстями. Въ самомъ дѣлѣ, не представляетъ ли Григорій Григорьевичъ Сторченко, съ его хлѣбосольнымъ гостепріимствомъ и любовью покушать, прототипъ Петра Петровича Пѣтуха? Пѣтухъ насильно заманиваетъ Чичикова къ себѣ въ гости и хочетъ его какъ можно лучше накормить, а на извиненіе Чичикова, что тотъ попалъ къ нему ошибкой, отвѣчаетъ: „Нѣтъ, не ошибка! Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажете: ошибка ли это?“ (т. III, стр. 326). Такъ и Сторченко, услыхавъ, что Иванъ Ѳедоровичъ пріѣхалъ на минутку, возражаетъ: „Вотъ этого то и не будетъ! Эй, хлопче! скажи Касьяну, чтобы ворота скорѣе заперъ, а коней вотъ этого пана распрегъ бы сію минуту“ (т. I, 199). Подобно Пѣтуху, и Григорій Григорьевичъ Сторченко – большой гастрономъ; любитъ покушать и угостить и даже сердится за вмѣшательство другихъ въ обрядъ угощенія и предлагаетъ Шпонькѣ непремѣнно взять крылышко съ пупкомъ или стегнышкомъ. Онъ принадлежитъ, наконецъ, по замѣчанію Гоголя, къ тѣмъ людямъ, „которые никогда не ломали головы надъ пустяками и которыхъ вся жизнь катилась по маслу“ (Ср. изображеніе подобныхъ людей въ III т, стр. 57 и 130). Эта же характеристика, конечно, вполнѣ пригодна и для Пѣтуха. Въ самой фигурѣ Сторченка, въ его деревянномъ равнодушіи, въ добродушно-грубомъ обращеніи съ крѣпостными много общаго съ Пѣтухомъ. Далѣе, изображеніе въ „Шпонькѣ“ школьнаго учителя, котораго одинъ кашель въ сѣняхъ, прежде нежели высовывалась въ дверь его фризовая шинель и лицо, изукрашенное оспой, наводили страхъ на весь классъ, безъ сомнѣнія, очень напоминаетъ учителя Чичикова, большого любителя тишины, доводимой до такой степени, что „слышно было, какъ муха летитъ“, и что „до самаго звонка нельзя было узнать, былъ ли кто въ классѣ, или нѣтъ“. Наконецъ, послѣдній, въ свою очередь, послужилъ прототипомъ учителя Ѳедора Ивановича, противопоставленнаго Александру Петровичу, идеальному педагогу, какъ это уже было отмѣчено Н. С. Тихонравовымъ [1]). Какъ Шпонька снискалъ благосклонность ментора угодливостью и благонравіемъ, такъ то же самое повторилось точь-въ-точь и съ Чичиковымъ. Съ другой сто-

[1]) Соч. Гог., изд 10-е, т. III, стр. 417.

Digitized by Google

роны, мимоходомъ затронуты подробности школьнаго быта въ первой главѣ „Шпоньки“ и также въ „Тарасѣ Бульбѣ“ и въ „Віи“ [1]). Описаніе пѣхотнаго полка, въ который поступилъ Иванъ Ѳедоровичъ, сходно по нѣкоторымъ чертамъ съ описаніемъ полка въ „Коляскѣ“, а лихая замашка молодыхъ офицеровъ спускать все имущество до послѣдней рубашки встрѣчается также въ „Игрокахъ“ въ лицѣ мнимаго гусара Глова [2]). Первыя впечатлѣнія при возвращеніи Шпоньки изъ Петербурга, по выходѣ въ отставку, въ собственное имѣніе, сходны съ впечатлѣніями Чичикова въ гостяхъ у Коробочки. Комически-серьезные разговоры Василисы Кашпаровны и матери Сторченка о гречихѣ и выдѣлкѣ ковровъ представляютъ такое же мастерское и близкое по идеѣ воспроизведеніе обыденныхъ будничныхъ женскихъ разговоровъ, какъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ бесѣда о нарядахъ дамы просто пріятной и пріятной во всѣхъ отношеніяхъ [3]). Наконецъ, курьезное объясненіе Ивана Ѳедоровича Шпоньки съ дѣвицей Марьей Гавриловной, постоянно прерываемое продолжительными паузами, его нерѣшительность въ сватовствѣ какъ нельзя болѣе сходны съ соотвѣтствующими мѣстами въ „Женитьбѣ“ [4]).

Всѣ эти замѣтки и сопоставленія мы предлагаемъ здѣсь какъ матеріалъ для разъясненія пріемовъ и исторіи творчества Гоголя. Закончимъ нашу рѣчь о „Вечерахъ“ еще нѣсколькими частными указаніями.

Тщательное изученіе сборниковъ малороссійскихъ разсказовъ и преданій, можетъ быть, дастъ со временемъ возможность спеціалистамъ малорусской народной словесности опредѣлить по крайней мѣрѣ нѣкоторые источники, которыми могъ пользоваться Гоголь. Съ своей стороны, приведемъ нѣсколько отысканныхъ нами параллелей въ подтвержденіе этой вѣроятности [5]). Такъ любопытно, что, кромѣ пьесы Гоголя-отца

[1]) Ср. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 187—188, 258—259 и 367—369.

[2]) Ср. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 189, т. II, стр. 120 и т. II, стр. 433—437.

[3]) Ср. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 207 и т. III, стр. 179—182.

[4]) Ср. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр, 208 и т. II, стр. 397—398.

[5]) Впрочемъ, извѣстный знатокъ украинской литературы и исторіи, П. А. Кулишъ, подвергаетъ большому сомнѣнію эти, можетъ быть, преувеличенныя надежды. Вотъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ онъ высказывалъ намъ свой взглядъ на это дѣло:

„Вліяніе малороссійскихъ пѣсенъ и повѣрій на Гоголя допускаю въ весьма слабой степени. Время его дѣтства и отрочества было временемъ упадка мало-

Digitized by Google

„Романъ и Параска“, прототипъ поповича Аѳанасія Ивановича въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и дьячка Осипа Никифоровича въ „Ночи передъ Рождествомъ“, можно видѣть въ народномъ разсказѣ: „Дьякъ Титъ Григоровичъ“ [1]).

Нѣкоторое сходство съ приведеннымъ представляютъ также другіе разсказы („Гибель четырехъ поповъ“, „Мужикъ, баба, попъ, дьячокъ и цыганъ“, и проч. [2]).

Изъ отдѣльныхъ выраженій, сходныхъ у Гоголя съ выраженіями народныхъ малороссійскихъ сказокъ, отмѣтимъ слѣ-

---

русскаго элемента въ сословіи и состояніи Гоголя. Онъ сохранялся только въ разсказахъ о Солопіяхъ да Хіврячъ, или о запорожцахъ, говорившихъ, что Петербургъ городъ *балшой, губернія знатная*. Максимовичъ изданіемъ пѣсенъ въ 1827 и 1834 годахъ разбудилъ въ тогдашней нашей молодежи любовь къ народнымъ пѣснямъ; но ученическія и даже учительскія бумаги Гоголя показываютъ, что это движеніе коснулось его мало. Онъ восхищался, съ нѣкоторымъ лицемѣріемъ, народною поэзіей уже тогда, когда пересталъ писать о кузнецахъ Вакулахъ, казакахъ, чубахъ, и прочая, а какъ мало было у него самого чувства изящества въ малорусскомъ словѣ и складѣ мыслей, видно изъ пѣсенъ, сочиненныхъ имъ для сельскихъ бандуристовъ - парубковъ. Въ дружеской перепискѣ его за то время не видать слѣда ни Гулака-Артемовскаго, ни Квитки, ни Гребенки, которые сильно повліяли на представителей слѣдовавшаго за Гоголемъ поколѣнія малороссовъ. По этому и по прежде писанному мною напрасно сталъ бы я вамъ совѣтовать, гдѣ искать источниковъ, которыми пользовался Гоголь. Малорусская жизнь не произвела тогда еще и Шевченка, а предшественники Шевченка остались за чертой изученій Гоголевыхъ; осталось внѣ его кругозора и то, что ихъ произвело, такъ какъ волею судебъ Гоголь сдѣлался представителемъ великорусскаго, а не малорусскаго воззрѣнія... Жаль, что такой великій талантъ былъ мало подготовленъ обществомъ и для этого представительства,—и обществомъ, и всемірной наукой“.

[1]) Драгомановъ, «Малороссійскіе народныя преданія и разсказы», стр. 162.

[2]) Кстати укажемъ разсказъ, повидимому давшій Пушкину матеріалъ для извѣстнаго стихотворенія «Гусаръ» («Скребницей чистилъ онъ коня»), въ «Трудахъ» Чубинскаго, т. I, стр. 197. Припомнивъ, что стихотвореніе было написано въ 1833 году, можно съ нѣкоторой вѣроятностью предположить, что и Гоголь иногда могъ сообщать сюжеты Пушкину.—У Чубинскаго этотъ разсказъ передается такимъ образомъ: «Когда-то, въ домѣ извѣстной вѣдьмы, поставленъ былъ на постой молодой солдатъ. Солдатъ этотъ скоро завелъ съ своей хозяйкой - вѣдьмой любовную связь, но при этомъ началъ подозрѣвать ее въ чемъ-то недобромъ. Когда бывало хозяйка его ложится спать, то лишь-только солдатъ заснетъ, хозяйка куда-то исчезаетъ и является уже поутру, истощенная, измореннаа. Это заинтересовало солдата, и онъ, въ одну ночь, притворившись спящимъ, сталъ слѣдить за своей хозяйкой. Тутъ онъ замѣтилъ, что она сняла съ себя рубашку, намазала свое тѣло какою-то мазью, вскипятила горшокъ съ жидкостью и схвативши мячикъ, улетѣла въ трубу. Солдата все это такъ подстрекнуло, что онъ рѣшился испытать на себѣ» и проч.

Digitized by Google

дующія. Въ предисловіи къ повѣсти „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“ читаемъ: „Ѳома Григорьевичъ готовъ уже былъ осѣдлать носъ свой очками“; ср. въ сборникѣ Драгоманова, въ разсказѣ: „Дьячокъ и малограмотный попъ“ [1]). Въ томъ же сборникѣ находимъ разсказъ о свѣчкѣ надъ кладомъ [2]), и проч. Въ „Сказкахъ“ Рудченка намъ попалось выраженіе, напоминающее начало нѣкоторыхъ разсказовъ дѣда въ „Вечерахъ на Хуторѣ“: „Бувало покойнік Охрім, як стане разсказувать,— царство йому небесне—дакъ волосы дыбомъ становяцця“ [3]). Тамъ же есть разсказъ о золотомъ черевичкѣ [4]), хотя и не совсѣмъ сходный съ гоголевскимъ. Наконецъ, уже раньше было указано, что источниками „Вія“ могли служить разсказы „Видьма та видмакъ“ [5]), „Разсказъ о дьячкѣ и вѣдьмѣ“ [6]) и „Упірь и Миколай“ [7]).

---

[1]) „Труды“ Чубинскаго, т. I, стр. 166.

[2]) Стр. 66.

[3]) Рудченко. „Южно-русскія народныя сказки“, т. I, стр. 74. „Музіка — Охрім“. Ср. у Гоголя: „Дѣдъ мой—царство ему небесное — умѣлъ чу́дно разсказывать“. (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 37).

[4]) Тамъ же, стр. 45.

[5]) Драгомановъ, „Малоросс. преданія и разсказы“, стр. 74.

[6]) «Труды», Чубинскаго, т. I, стр. 200.

[7]) Рудченко, т. II, стр. 27.

Digitized by Google

II. ЛИТЕРАТУРНЫЯ И СВѢТСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ГОГОЛЯ ВЪ НАЧАЛѢ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

Возвращаясь къ изложенію біографическихъ фактовъ, мы должны прежде всего замѣтить, что однимъ изъ самыхъ трудныхъ и темныхъ вопросовъ въ біографіи Гоголя является точное установленіе даты начала знакомства его съ Жуковскимъ, Плетневымъ и Пушкинымъ. Но въ то же время тщательное разъясненіе всѣхъ подробностей, способныхъ пролить свѣтъ на исторію этихъ отношеній, столь важныхъ для всей послѣдующей судьбы писателя, положительно необходимо, чтобы хоть сколько-нибудь пополнить пробѣлъ, касающійся самой критической поры его жизни. Сближеніе съ литературными свѣтилами и появленіе благопріятныхъ условій для творчества въ широкомъ смыслѣ слова спасли Гоголя, открывъ надлежащее направленіе его природнымъ силамъ.—Надѣясь сгруппировать и по возможности привести въ систему то, что по разрозненнымъ отрывкамъ можно извлечь изъ существующихъ источниковъ, мы вынуждены входить въ разсмотрѣніе мелочей, сличать показанія, отчасти недостаточно мотивированныя и подтвержденныя, чтобы по крайней мѣрѣ намѣтить вѣхи для слѣдующихъ разъясненій.

Внутреннее смутное сознаніе геніальности и врожденная неспособность мириться съ тиной ничтожнаго прозябанія спасли Гоголя. Глубоко противна была душѣ его безотрадная перспектива потонуть на вѣки въ хлябяхъ чернильнаго моря,

Digitized by Google

зарыться въ раковинѣ улитки и похоронить въ ней высшіе человѣческіе идеалы. Къ счастью, безпредѣльная юношеская самонадѣянность не допускала его до отчаянія и давала силы надѣяться на лучшее. Не напрасно еще на школьной скамьѣ холодный потъ проступалъ у Гоголя „при мысли, что, можетъ быть, доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ“ [1]). Конечно, человѣку съ такимъ огромнымъ талантомъ нельзя было затеряться въ толпѣ; но кто знаетъ, сколько пришлось бы Гоголю бороться съ враждебными волнами, сколько загубить въ себѣ лучшихъ силъ, если бы онъ не встрѣтилъ ласковаго, теплаго пріема въ самомъ началѣ жизненнаго поприща! Задатки высшей натуры исключали возможность, чтобы изъ него вышелъ скромный труженикъ департамента, но при неблагопріятныхъ условіяхъ это могло бы для него служить скорѣе гибелью, нежели спасеніемъ [2]). Въ душѣ Гоголя, къ счастью для него и для Россіи, горѣло то благородное пламя, которое освѣтило ему путь къ будущему величію. Всѣми силами души протестовалъ онъ противъ гнета судьбы. „Мнѣ предлагаютъ мѣсто съ 1000 рублями жалованья въ годъ“ [3]), писалъ онъ матери. „Но за цѣну ли, едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, мнѣ должно продать свое здоровье и драгоцѣнное время? и на совершенные пустяки,—на что это похоже! въ день имѣть свободнаго времени не болѣе, какъ два часа, а прочее все время не отходить отъ стола и переписывать старыя бредни и глупости господъ столоначальниковъ!“... Конечно, такой взглядъ на службу на практикѣ не могъ повести ни къ чему хорошему, да и слишкомъ извѣстно, какъ служилъ Гоголь, всегда имѣвшій про запасъ въ карманѣ прошеніе объ отставкѣ; но можно ли жалѣть, что онъ не сдѣлался чиновникомъ! Для Гоголя въ высшей степени спасительны были тѣ миражи, которыми онъ себя окружалъ. Всѣ надежды на рекомендательныя письма „покровителей“ оказались отчасти наивнымъ самообманомъ; большинство другихъ надеждъ ру-

---

[1]) „Русская Старина“, 1876, I, стр. 41.

[2]) Гоголю въ недавнее время ставили въ упрекъ, что онъ былъ слишкомъ прихотливъ и разборчивъ при выборѣ должностей, что въ отношеніи матери онъ поступалъ какъ баловень - эгоистъ. Но въ сужденіяхъ о такой личности ошибочно примѣнять обыденный масштабъ, хотя они фактически и вѣрны.

[3]) „Соч. и письма Гог.“, изд. Кулиша, т. V, стр. 83.

Digitized by Google

шилось съ безпощадной жестокостью; но всегда оставалось что-нибудь ободряющее. Въ противномъ случаѣ, что̀ было бы съ Гоголемъ, еслибы онъ не успѣлъ заблаговременно выбраться на иную дорогу? Отвѣтъ на это находимъ въ слѣдующихъ строкахъ письма его къ матери отъ 2-го апрѣля 1830 года: „Часто приходитъ мнѣ на мысль все бросить и ѣхать изъ Петербурга; но въ то же время вдругъ представляются мнѣ всѣ выгоды по службѣ и по всему, чего я лишусь, удалившись отсюда“ [1]). Очевидно, вся опасность заключалась для Гоголя въ его нетерпѣніи, которое, къ счастью, нашло себѣ могучее противодѣйствіе въ свойственномъ ему въ юношескіе годы оптимизмѣ. Мало сказать, что онъ не приходилъ въ унынiе, но его положительно не покидала какая-то упорная увѣренность въ счастливомъ исходѣ изъ ужаснаго по своей неопредѣленности положенія [2]). Юноша нашихъ дней, по всей вѣроятности, нашелъ бы скорѣе тотъ или иной исходъ, но только едва-ли удачный; по многимъ грустнымъ причинамъ ему труднѣе въ большинствѣ случаевъ сберечь въ себѣ тотъ драгоцѣнный запасъ свѣтлаго воззрѣнія на жизнь, какой въ тяжкую минуту оказался въ распоряженіи питомца доброй помѣщичьей среды стараго времени, взлелѣяннаго безпредѣльной любовью матери и патріархальнымъ благодушіемъ нехитрой, правда, школы. Нечего прибавлять, какую поддержку дала Гоголю религія: это видно во многихъ письмахъ. Среди всѣхъ неудачъ онъ только и думаетъ „оживиться новой жизнью, расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности“. Разочарованіе, вынесенное изъ впечатлѣній петербургской жизни, не сломило его, а толкнуло на новые поиски счастья и разумной дѣятельности уже за-границей. Даже въ то время, когда Гоголь „бѣжалъ отъ самого себя“, онъ не терялъ увѣренности, что „въ столицѣ нельзя пропасть съ голоду имѣющему хоть скудный отъ Бога талантъ“ [3]), и считалъ вѣроятнымъ полученіе должности, „которая не только доставитъ годовое содержаніе, но и возможность вспомоще-

---

[1]) Тамъ же, V, стр. 105.

[2]) Неблагопріятенъ былъ для Гоголя весь 1829 г. и съ тяжелымъ чувствомъ онъ вступилъ въ слѣдующій, какъ видно изъ его словъ: „Холодно и безжизненно встрѣтилъ его, хотя и наступленіе новаго года всегда было торжественной минутой для меня“ (тамъ же, стр. 100).

[3]) Тамъ же, стр. 103.

Digitized by Google

ствовать матери въ ея великодушныхъ попеченіяхъ и заботахъ". Пробуя себя въ различныхъ отношеніяхъ, онъ наконецъ находитъ свое истинное призваніе. Ему удается обратить на себя вниманіе, и онъ спасенъ.

А положеніе было въ самомъ дѣлѣ критическое. „Даже при родственной помощи А. А. Трощинскаго" — говоритъ не разъ цитированный нами авторъ статьи въ „Русской Жизни"—„Гоголь терпѣлъ крайнюю нужду. О прежнемъ франтовствѣ не осталось уже и помину. Изъ письма его къ матери отъ 5 января 1830 г. видно, что онъ до такой степени обносился, что нижняго бѣлья у него не было „ни одной штуки", а манишекъ было только три, изъ коихъ одну онъ послалъ матери для образца, прося сшить по ней дюжину новыхъ, а одна была „домашняя", слѣдовательно для выхода оставалась всего одна манишка (Кулишъ, V, 102). Эта крайность довела его до того, что въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ (2 апрѣля 1830), сообщая матери, что, „послѣ безконечныхъ исканій", ему удалось наконецъ сыскать мѣсто, „очень, однакожъ, незавидное", онъ откровенно рѣшился написать ей о своихъ нуждахъ и просить о денежной помощи. Чтобы оправдать себя, онъ представилъ ей подробный разсчетъ самыхъ необходимыхъ расходовъ, который долженъ былъ показать, что „умѣреннѣе" его „врядъ-ли кто живетъ въ Петербургѣ". „Доказательствомъ моей бережливости", писалъ онъ, „служитъ то, что я еще до сихъ поръ хожу въ томъ самомъ платьѣ, которое я сдѣлалъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ изъ дому, и потому вы можете судить, что фракъ мой, въ которомъ я хожу повседневно, долженъ быть довольно ветхъ и истерся также не мало, между тѣмъ какъ до сихъ поръ я не въ состояніи былъ сдѣлать новаго, не только фрака, но даже теплаго плаща, необходимаго для зимы. Хорошо еще, что я немного привыкъ къ морозу и отхваталъ всю зиму въ лѣтней шинели". (Кулишъ, „Соч. и письма Гоголя", V, 106).

Изъ этого же письма узнаемъ и о началѣ литературныхъ занятій Гоголя. „Жалованья я не получаю и 500 руб.", сообщалъ онъ матери, „если присовокупить къ нему и получаемое мною иногда отъ журналистовъ, то всего выдетъ 600" (тамъ же, стр. 106). Слѣдовательно, въ апрѣлѣ 1830 г. онъ могъ уже разсчитывать заработать литературнымъ трудомъ

Digitized by Google

до 1,000 рублей въ годъ. Вотъ въ какой болѣе, чѣмъ скромной, формѣ осуществились на первый разъ грандіозные планы Гоголя, созданные ощущавшимся имъ сознаніемъ своего дарованія! Изъ приложенной имъ къ этому письму вѣдомости „прихода и расхода за декабрь 1829 г. и январь 1830 г.“ мы узнаемъ, что литературныя занятія его въ это время состояли въ переводахъ для журналовъ. Въ приходѣ за январь мѣсяцъ показано: „Выручилъ за статью, переведенную съ французскаго: „О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в.“ для „Сѣв. Арх.“ — 20 рублей“. Но такой статьи въ „Сынѣ Отеч.“ и „Сѣв. Арх.“ нѣтъ ни въ 1829, ни въ 1830 гг. [1]). По всей вѣроятности, переводъ былъ настолько неудовлетворителенъ, что хотя за него и было заплачено переводчику, но помѣстить его въ журналѣ не признали удобнымъ...“

II.

Первымъ даннымъ, которое можетъ быть принято за исходную точку для нахожденія аріадниной нити въ вопросѣ о началѣ знакомства Гоголя съ корифеями литературы, можно считать утвержденіе г. Кулиша, что въ 1830 г. Гоголь „досталъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ В. А. Жуковскому, который сдалъ молодого человѣка на руки П. А. Плетневу съ просьбой позаботиться о немъ“ [2]). Въ разсказѣ г. Кулиша этотъ новый фазисъ въ пріисканіи Гоголемъ себѣ подходящей дѣятельности приведенъ въ связь съ неудовлетворенностью мѣстомъ, полученнымъ, по протекціи дяди [3]), въ департаментѣ удѣловъ. Понадобилась новая рекомендація; нашлась, къ счастью, протекція, и Гоголь неожиданно для самого себя очутился въ средѣ, въ высшей степени благопріятствовавшей потомъ развитію его могучаго таланта. Если это сообщеніе справедливо, то необходимо заключить, что на этотъ разъ рекомендація исходила уже *не отъ тѣхъ*

[1]) Гоголь, очевидно, для краткости назвалъ журналъ „Сѣвернымъ Архивомъ“. Собственно же журналъ подъ этимъ именемъ прекратился въ 1828 г. Съ 1829 же года онъ издавался вмѣстѣ съ „Сын. Отеч.“, подъ названіемъ: „Сынъ Отеч. и Сѣв. Арх.“.

[2]) „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 84.

[3]) А. А. Трощинскаго.

Digitized by Google

„покровителей“, къ которымъ Гоголь имѣлъ доступъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ и которые „водили его до тѣхъ поръ, пока не заставили усомниться въ сбыточности ихъ обѣщаній“. Новой протекціей онъ косвеннымъ образомъ обязанъ былъ своему таланту [1]). Если кратковременное участіе его въ „Отечественныхъ Запискахъ“ давно прекратилось вслѣдствіе безцеремоннаго обращенія ихъ издателя, Свиньина, съ его повѣстью, то къ началу 1831 года мы уже застаемъ Гоголя въ сношеніяхъ съ „Литературной Газетой“ [2]), въ которой имъ помѣщается цѣлый рядъ небольшихъ отрывковъ, очевидно сданныхъ въ редакцію еще въ 1830 году. Отрывокъ Гоголя „Борисъ Годуновъ“, набросанный, очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что вышедшей трагедіи Пушкина, но уже вызвавшей рецензію въ 1 № „Литературной Газеты“ за 1831 г., посвящается П. А. Плетневу. Итакъ, знакомство съ нимъ и съ Жуковскимъ должно быть отнесено къ концу 1830 года, что̀ подтверждается и рекомендаціей Гоголя Плетневымъ на должность учителя въ Патріотическомъ институтѣ не далѣе, какъ въ началѣ февраля 1831 года. Какъ бы горячо ни отнесся Плетневъ къ просьбѣ Жуковскаго пристроить молодого человѣка, какъ бы скоро ни оцѣнилъ его самъ, несомнѣнно, что его рекомендаціи долженъ былъ предшествовать нѣкоторый промежутокъ, давшій ему основаніе оцѣнить тѣ достоинства Гоголя, которыя вскорѣ побудили его съ нетерпѣніемъ ждать случая „подвести Гоголя подъ благословеніе“ Пушкина. Первый пріемъ, сдѣланный Гоголю Жуковскимъ въ Шепелевскомъ дворцѣ, оставилъ въ осчастливленномъ юношѣ навсегда свѣтлыя воспоминанія, и если Жуковскій взглянулъ на него сначала покровительственно, какъ на одного изъ безчисленнаго множества обласканныхъ имъ протежѐ, то между ними уже мелькнула тѣнь взаимнаго искренняго сближенія людей, родственныхъ по духу и по задачамъ жизни. По крайней мѣрѣ въ позднѣйшемъ письмѣ Гоголь такъ вспоминаетъ объ этой первой встрѣчѣ: „Ты подалъ

[1]) „Соч. и письма Гог.“, изд. Кулиша, V, 105.

[2]) Первыя свои произведенія Гоголь печаталъ или въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“, или въ „Литературной Газетѣ“, при чемъ первый № послѣдняго изданія былъ преимущественно занятъ его статьями. Такъ какъ оба изданія принадлежали Дельвигу, то естественно возникаетъ мысль, не онъ ли рекомендовалъ Гоголя Жуковскому.

Digitized by Google

мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно любовенъ твой взоръ!... Что насъ свело неравныхъ годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнѣйшее обыкновеннаго родства [1]). Итакъ, несомнѣнно, что Гоголь отрекомендованъ былъ Жуковскому и встрѣченъ послѣднимъ въ качествѣ младшаго собрата, питомца и служителя музъ. Гоголь ставитъ дальше вопросъ, почему такъ случилось, и отвѣчаетъ на него: „Отъ того, что чувствовали оба святыню искусства". Письмо къ Жуковскому, будучи отчасти первообразомъ „Авторской Исповѣди" и написанное Гоголемъ передъ отправленіемъ въ Іерусалимъ, по нашему мнѣнію, должно быть признано заслуживающимъ довѣрія. Кромѣ того, всѣ приведенныя строки, а особливо послѣднія слова, убѣдительно подтверждаются общимъ характеромъ нѣсколькихъ небольшихъ статей, посвященныхъ искусству и вошедшихъ впослѣдствіи въ „Арабески". Онѣ свидѣтельствуютъ несомнѣнно, что мысли юнаго писателя были дѣйствительно заняты искусствомъ и въ довольно широкихъ размѣрахъ. Конечно, Гоголь не могъ не высказаться въ этомъ отношеніи передъ Жуковскимъ, и послѣдній, какъ видно, отнесся съ большимъ сочувствіемъ, если не ко всѣмъ защищаемымъ имъ частнымъ положеніямъ, то къ ихъ общему характеру.

Такимъ образомъ, честь перваго теплаго привѣта, рѣшившаго будущность Гоголя, принадлежитъ Жуковскому и Плетневу, отрекомендовавшему, какъ мы сказали, Гоголя на должность преподавателя исторіи въ младшихъ классахъ Патріотическаго института, въ которомъ самъ онъ занималъ мѣсто инспектора классовъ. И прежде его ободряли преимущественно литературные успѣхи, но теперь онъ выходитъ на твердую дорогу [2]). Благодаря этой удачѣ, въ самое короткое время произошелъ рѣшительный переворотъ въ его жизни: шагъ отъ невиднаго положенія мелкаго, затерянаго въ департаментѣ петербургскаго чиновника, обреченнаго на гніеніе за кипами самыхъ прозаическихъ бумагъ, къ почти равноправнымъ сношеніямъ съ корифеями отечественной литературы долженъ быть по справедливости признанъ гигант-

[1]) Соч. Гог., изд. 10-е, т. IV, стр. 279.

[2]) „Соч и письма Гог.", изд. Кулиша, т. V, стр. 103, 105 и проч.

Digitized by Google

скимъ. И велика заслуга людей, умѣвшихъ понять и оцѣнить въ Гоголѣ выдающуюся натуру, безъ колебаній, по истинѣ братски возвысившихъ его до себя и принявшихъ, какъ равнаго, въ свой кругъ. Этотъ прекрасный поступокъ, безъ сомнѣнія, впишется въ реестръ благородныхъ ихъ дѣлъ и составитъ блестящее его украшеніе...

Дальнѣйшій ходъ успѣховъ Гоголя въ петербургскомъ свѣтскомъ и литературномъ кругѣ былъ приблизительно слѣдующій.

Вскорѣ послѣ того счастливая звѣзда Гоголя приводитъ его въ кабинетъ Пушкина и въ салонъ блестящей, замѣчательно умной, красивой и обаятельной фрейлины Россетъ, и онъ окончательно попадаетъ въ сферу умственной аристократіи, вліяніе которой, каково бы оно ни было, во всякомъ случаѣ было для него безмѣрно болѣе воспитательнымъ, нежели стѣны департамента и замкнутый кружокъ товарищей-нѣжинцевъ (хотя между послѣдними не мало было людей умныхъ и разносторонне развитыхъ, чего опять не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнкѣ условій, въ которыхъ находился Гоголь въ первые годы своей жизни въ Петербургѣ).

Вотъ какъ все это произошло.

Въ одно время съ поступленіемъ въ Патріотическій институтъ Гоголь, какъ извѣстно, по рекомендаціи Плетнева, получилъ частныя занятія у Лонгиновыхъ, Балабиныхъ и Васильчиковыхъ. Очевидно, Плетневъ принялъ молодого человѣка подъ особое покровительство. Онъ же сначала въ письмѣ хвалилъ Пушкину статьи: „Учитель“, „Женщина“ и „Мысли о преподаваніи географіи“ [1]), потомъ при личномъ свиданіи „Вечера на Хуторѣ“, и онъ же присовѣтовалъ извѣстный псевдонимъ Рудаго Панька.

---

[1]) Соч. Плетнева, т. III. стр. 366.

Digitized by Google

III.

Едва-ли есть тайна грознѣе постояннаго превращенія легкомысленнаго, кипучаго настоящаго съ его жгучими, захватывающими интересами въ величавую, но мертвую неподвижность прошлаго, тайна вѣчнаго расширенія области исторіи на счетъ быстро смѣняющихся живыхъ поколѣній. Образованное общество никогда, конечно, не перестанетъ дорожить минувшимъ и благоговѣйно хранить память о немъ; но торжество бездушной природы вещей остается все-таки въ полной силѣ. Какимъ бы ореоломъ ни были окружены прежніе дѣятели, они съ каждымъ днемъ по непреложнымъ законамъ природы отходятъ въ глубину преданія и все болѣе становятся далеки и чужды новымъ поколѣніямъ, все меньше выпадаетъ на ихъ долю переполняющаго душу участія, и ихъ вѣчная слава становится все мертвѣе и спокойнѣе. Мѣсто полныхъ увлеченія и жизни горячихъ толковъ современниковъ и ихъ пристрастной оцѣнки заступаетъ болѣе справедливый, но холодный и безучастный судъ потомства. Великіе люди становятся предметомъ поклоненія, но волнуютъ меньше. Исторія справедливѣе „гласа народнаго“,—тѣмъ не менѣе никогда не исчезнетъ обаяніе всего живого, какъ не искупаются призраками недочеты осязательнаго счастія. Остается слабое утѣшеніе въ томъ, что по крайней мѣрѣ геній пользуется великимъ преимуществомъ безсмертія, которое спасаетъ его отъ общей участи живущаго... Люди, подобные Гоголю, не умираютъ, но и ихъ желательно представить въ рамкѣ болѣе яркой и полной картины, со всей окружавшей ихъ обстановкой и съ близкими имъ людьми. Задача нелег-

Digitized by Google

кая, и мы хотимъ дать только слабый намекъ на это въ слѣдующихъ главахъ.

Еще лѣтъ пять-десять тому назадъ живы были самые близкіе друзья Гоголя, но и тогда можно было съ трудомъ насчитать нѣсколько особъ, знавшихъ его лично и еще хорошо помнившихъ; теперь къ такимъ людямъ, кажется, принадлежатъ почти только сестры покойнаго писателя, г-жа О. Н. Смирнова, Н. Н. Соренъ (другая дочь А. О. Смирновой), и М. П. Вагнеръ. Но А. О. Смирнову, И. С. Аксакова, А. С. Данилевскаго, В. Н. Репнину застали еще восьмидесятые годы, а послѣднюю и начало девяностыхъ (она скончалась въ ноябрѣ прошедшаго года). Сколько яркихъ и живыхъ воспоминаній, какое глубокое и искреннее чувство любви къ рано угасшему писателю таилось еще на нашихъ дняхъ въ груди нѣкоторыхъ изъ названныхъ лицъ—и вотъ все это отходитъ въ вѣчность и начинаетъ порастать „травой забвенья“!... Никогда не умретъ Гоголь для Россіи, но замѣтно рѣдѣетъ и исчезаетъ горсть людей, для которыхъ его память была связана съ лучшими годами жизни, съ ихъ молодостью, для которыхъ его имя звучало чѣмъ-то задушевнымъ и роднымъ, для которыхъ онъ былъ не только знаменитымъ писателемъ, но и дорогимъ человѣкомъ. Жалѣть объ этомъ безполезно; разумнѣе стараться сберечь, что̀ возможно, отъ безпощаднаго разрушенія неумолимаго времени, неудержимо стремящагося изгладить слѣды недавняго прошлаго и заглушить его замирающіе отголоски. Между тѣмъ прошло сорокъ лѣтъ послѣ смерти Гоголя, и нельзя не сознаться, что мы еще не только болѣе чѣмъ недостаточно знаемъ его жизнь и почти еще не уяснили его нравственную личность, но даже характеръ его отношеній къ болѣе или менѣе близкимъ людямъ остается мало извѣстнымъ и почти вовсе не былъ до сихъ поръ предметомъ внимательнаго изученія. Чтобы показать наглядно, какія невѣрныя и сбивчивыя представленія объ отношеніяхъ Гоголя къ разнымъ лицамъ могли являться въ печати, приведу слѣдующій примѣръ. Лѣтъ болѣе тридцати тому назадъ, вскорѣ послѣ кончины Гоголя, когда были еще свѣжи слѣды недавняго прошлаго, одинъ изъ нашихъ болѣе извѣстныхъ библіографовъ, въ предисловіи къ письмамъ Гоголя къ Прокоповичу (въ январской книгѣ „Русскаго Слова“ за 1859 г.), выразилъ сожалѣніе по поводу охлажденія автора „Мертвыхъ

Digitized by Google

Душъ“ къ товарищу дѣтства, когда въ концѣ сороковыхъ годовъ, Гоголь, „вслѣдствіе разныхъ причинъ нашелъ новыхъ друзей въ князѣ Львовѣ, графѣ Віельгорскомъ, о. Матвѣѣ, Шереметевой, Вигелѣ и другихъ“. Оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли жалѣть о сближеніи Гоголя со всѣми названными лицами или только нѣкоторыми изъ нихъ, что̀ безъ сомнѣнія, далеко не безразлично, нельзя не подивиться такому странному смѣшенію въ одну кучу людей, въ дѣйствительности имѣвшихъ между собой весьма мало общаго. Какъ можно, въ самомъ дѣлѣ, отнести къ числу друзей Гоголя князя Львова, которому онъ написалъ лишь единственное письмо въ отвѣтъ на замѣчанія его о „Перепискѣ съ друзьями“, несмотря на то, что изъ первыхъ же строкъ этого письма ясно, что онъ долго не могъ даже отдать себѣ отчетъ, былъ ли когда-нибудь знакомъ съ своимъ новымъ корреспондентомъ,—и въ то же время пропустить А. О. Смирнову? Какъ можно было поставить рядомъ имя Н. Н. Шереметевой, женщины скромнаго круга и ограниченнаго образованія, и широко и разносторонне образованнаго графа М. Ю. Віельгорскаго, человѣка вращавшагося въ придворной и избранной аристократической средѣ; наконецъ, поставить рядомъ имя строгаго подвижника о. Матвѣя и Вигеля, этого литературнаго Собакевича? Какъ можно было приписывать едва-ли существовавшее „сильное и благотворное“ вліяніе на Гоголя Прокоповичу, исполнявшему преимущественно его порученія и пользовавшемуся въ извѣстной степени его расположеніемъ, и позабыть объ истинно-глубокой и нѣжной съ ранняго дѣтства привязанности къ своему „ближайшему“ А. С. Данилевскому? Но если подобнаго рода ошибки возможны были со стороны такого считавшагося когда-то добросовѣстнымъ изслѣдователемъ, какъ покойный Н. В. Гербель, притомъ, такъ сказать, на глазахъ Аксаковыхъ и Плетнева—возможны, преимущественно благодаря маскированію именъ иниціалами и условными буквами въ извѣстномъ изданіи писемъ Гоголя,—то тѣмъ болѣе необходимо устранить разъ навсегда возможность ихъ повторенія именно теперь, когда съ одной стороны еще не совсѣмъ заглохли преданія о нашемъ славномъ писателѣ, а съ другой, умерли уже почти всѣ лица, при жизни которыхъ были бы неудобны и преждевременны подобныя разъясненія.

Digitized by Google

Можно безъ преувеличенія сказать, что наименѣе извѣстными оставались почти до сихъ поръ отношенія Гоголя къ Смирновой и Вѣльгорскимъ, такъ какъ самая переписка съ послѣдними находилась подъ спудомъ. Объ отношеніяхъ Гоголя къ Вѣльгорскимъ мы будемъ говорить позднѣе; разскажу же объ отношеніяхъ къ Пушкину и особенно къ Смирновой мы предполагаемъ посвятить послѣдующія главы [1]). Эти соображенія намъ казалось необходимымъ указать, чтобы читатель призналъ значеніе нѣкоторыхъ приводимыхъ ниже подробностей, касающихся лицъ, близкихъ Гоголю и имѣющихъ въ виду очертить, по возможности, ихъ нравственный обликъ, подробностей, изъ которыхъ иныя, пожалуй, являются лишними съ точки зрѣнія экономіи мѣста.

---

[1]) Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, мы находимся въ большой зависимости отъ качества и количества собранныхъ нами матеріаловъ и потому заранѣе отстраняемъ отъ себя упрекъ въ неравномѣрной полнотѣ нашихъ сообщеній.

Digitized by Google

III. А. О. СМИРНОВА И Н. В. ГОГОЛЬ

въ 1829—1832 гг.

Въ нашей литературѣ можно указать почтенныя имена, пользующіяся заслуженною извѣстностью и имѣющія всѣ права на видное мѣсто въ ея лѣтописяхъ, несмотря на то, что они принадлежатъ людямъ, не принимавшимъ въ ней непосредственнаго участія собственными трудами: Шуваловъ, Львовъ, Оленинъ, Станкевичъ, по своимъ связямъ и вліянію на извѣстныхъ писателей, не должны быть забыты потомствомъ. Къ числу такихъ лицъ, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести и Александру Осиповну Смирнову, род. 6 марта 1810, † 7 іюня 1882 г. [1]). Близость ко двору, короткое знакомство и отчасти тѣсная дружба съ цѣлой фалангой корифеевъ литературы, блестящій природный умъ и рѣдкое образованіе являются достаточными причинами, чтобы сообщить живой интересъ какъ обстоятельствамъ ея личной жизни, такъ особенно ея отношеніямъ къ одному изъ крупнѣйшихъ представителей нашей литературы. Въ продолженіе болѣе полустолѣтія Александру Осиповну зналъ каждый, кто умѣлъ перо держать въ рукахъ, и ей былъ хорошо извѣстенъ весь кругъ дѣятелей царствованій Александра I, Николая Павловича и Александра II, какъ въ Россіи, такъ и за-границей.

---

[1]) Александра Осиповна Смирнова, рожденная Россетъ, вела дневникъ (еще не изданный) и оставила воспоминанія, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871, XI, и 1882, I („Изъ записокъ знатной дамы“).

Digitized by Google

Предлагая вниманію читателей отношенія Смирновой къ Гоголю [1]), считаемъ необходимымъ передать главнѣйшія біографическія свѣдѣнія о ней и представить нѣкоторыя данныя о первомъ знакомствѣ ея съ нашимъ писателемъ.

I.

Александра Осиповна Смирнова, рожденная Россетъ (род. 6 марта 1810 г., † 7-го іюня 1882 г.), была во всѣхъ отношеніяхъ щедро надѣлена дарами природы. Она почти отъ рожденія имѣла уже всѣ данныя, чтобы выдвинуться изъ массы и занять въ жизни высокое, исключительное положеніе. Со стороны обоихъ родителей она была знатнаго происхожденія. Почти каждый изъ ближайшихъ ея предковъ могъ припомнить въ своей жизни что-нибудь особенное, выдающееся, а иные даже имѣли нѣкоторую историческую извѣстность. Какъ обширныя связи, такъ и богатыя личныя дарованія обѣщали ей свѣтлую будущность.

Фамилія Россетовъ французскаго происхожденія; она передѣлана изъ Rosset [2]). Родъ ихъ распадался на нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ младшая донынѣ существуетъ въ Лангедокѣ. Въ числѣ своихъ представителей вѣтвь эта считаетъ цѣлый рядъ sieurs de Лаваль (sieurs Laval de Mortiliere), изъ которыхъ одинъ похороненъ въ древнѣйшей церкви Парижа [3]), другой, бывшій викарнымъ епископомъ гренобльскимъ,—въ склепѣ гренобльскаго каѳедральнаго собора. Другія двѣ вѣтви обитали въ провинціяхъ Дофинэ и Франшконтэ. Изъ Дофинэ происходилъ и отецъ Александры Осиповны, le chevalier Joseph de Rosset. Званіе это онъ получилъ по наслѣдству, какъ младшій сынъ мальтійскаго рыцаря (en minorité). По женской линіи онъ состоялъ въ свойствѣ съ герцогами Ришельё и Рошешуаръ [4]). По ихъ примѣру и, можетъ

[1]) Они были напечатаны въ нѣсколькихъ книгахъ „Русской Старины“ за 1888 и 1890 гг. *В. Ш.*

[2]) Въ средніе вѣка, въ старинныхъ генеалогическихъ книгахъ (livres généalogiques) эта фамилія читалась Rousset, съ XVI в.—Rosset. Въ Версалѣ, въ одной изъ залъ во дворцѣ находится, въ числѣ многихъ другихъ, гербъ Россетовъ, еще временъ Людовика Святого.

[3]) St. Eustache.

[4]) О Ришельё и Рошешуарѣ см. „Русскія Вѣдомости“, 1888, №№ 31 и 33.—

Digitized by Google

быть, вмѣстѣ съ ними онъ пріѣхалъ впервые въ Россію. Сражаясь подъ знаменами Потемкина и Суворова, онъ заявилъ себя геройской доблестью, особенно подъ Измаиломъ и Очаковомъ, и получилъ георгіевскій крестъ. (Имя его начертано на стѣнѣ Георгіевской залы въ Кремлевскомъ дворцѣ). Когда же во время ужасовъ революціи всѣ его родственники погибли, онъ эмигрировалъ въ Россію, гдѣ сталъ называться Осипомъ Ивановичемъ Россетомъ. Впослѣдствіи онъ служилъ въ Одессѣ комендантомъ порта, карантинной гавани и гребной черноморской флотиліи. Онъ особенно подружился съ своимъ родственникомъ герцогомъ Ришельё, извѣстнымъ основателемъ Одессы, съ Ланжероном и др. Тамъ же онъ женился на красавицѣ Надеждѣ Ивановнѣ Лореръ, происходившей по мужской линіи отъ выходцевъ изъ Голштиніи, переселившихся въ XVI в. въ Пруссію, а оттуда, въ царствованіе Петра III, въ Россію [1]). Мать ея, Екатерина Евсеевна Циціанова, была грузинская княжна и состояла въ родствѣ съ послѣднимъ владѣтельнымъ царемъ Грузіи, Георгіемъ XIII. Какъ урожденная княжна Циціанова, Екатерина Евсеевна, а также и дочь ея, Надежда Ивановна, пользовались особымъ благоволеніемъ императора Александра Павловича, заочно крестившаго Александру Осиповну и двухъ младшихъ ея братьевъ [2]) вмѣстѣ съ императрицей Маріей Ѳедоровной. Дѣйствительнымъ же воспріемникомъ отъ купели дѣтей былъ другъ ихъ отца, герцогъ Ришельё.

Воспитанная въ Малороссіи, въ имѣніи своей матери (Громоклея-Водино), Надежда Ивановна полюбила ее и старалась передать эту любовь къ поэтической Украйнѣ всѣмъ своимъ дѣтямъ. Прекрасно владѣя малороссійскимъ языкомъ, она всегда предпочитала его французскому и нѣмецкому, которые также знала въ совершенствѣ. Благодаря ея разумному вліянію, Александра Осиповна, въ жилахъ которой текла смѣшанная кровь, сдѣлалась вполнѣ русской женщиной по симпатіямъ, убѣжденіямъ и характеру.

„Герцогъ Ришелье въ Россіи и Франціи“. („Изъ статьи Альфреда Рамбо въ „Revue des deux Mondes“).

[1]) Лореры были нѣмцы, хотя французскаго происхожденія: въ Голштинію они прибыли изъ Беарна во время реформаціи. *Ольга Смирнова.*

[2]) А. О. Россета и впослѣдствіи А. И. Арнольди.

Digitized by Google

Въ 1814 году Надежда Ивановна лишилась любимаго мужа, когда онъ, во время чумы, страшно измучился наблюденіями въ карантинахъ и изнурился во время досмотровъ. Потеря эта была для нея тѣмъ чувствительнѣе, что она только-что перенесла другое горе: дядя ея Циціановъ, другъ извѣстнаго Ростопчина, выѣхавшій въ день самаго вступленія въ Москву Наполеона, видѣлъ, какъ домъ его былъ ограбленъ и сожженъ непріятелями; кромѣ того, единственный сынъ его, князь Георгій, двоюродный братъ главнокомандующаго на Кавказѣ, бывшій ординарцемъ при Багратіонѣ, погибъ вскорѣ послѣ Бородинской битвы. Оставшись вдовой двадцати лѣтъ, Надежда Ивановна вскорѣ вышла вторымъ бракомъ за остзейскаго уроженца, генерала Ивана Карловича Арнольди, потерявшаго ногу въ Лейпцигскомъ сраженіи и командовавшаго потомъ въ Таганрогѣ артиллерійской бригадой. Отношенія ея ко второму мужу не совсѣмъ походили на отношенія къ первому. Она горячо любила chevalier de Rosset, но только уважала Арнольди, человѣка требовательнаго, строго относившагося къ дѣтямъ отъ перваго брака. Мать ея, Екатерина Евсеевна Лореръ, отзывалась о немъ такъ: „герой-то онъ герой, и красивъ, но съ деревашкой и настоящій воинъ; это совсѣмъ не то, что Осипъ Ивановичъ Россетъ или нашъ герцогъ Ришельё. Вотъ это настоящіе бояре и герои: и умны, и воспитаны, и добры, а Арнольди все-таки протестантъ!... Католикъ еще вѣритъ всему, чему и мы вѣримъ, а тѣ и Богородицу отрицаютъ“.

Недовольная строгостью Арнольди къ своимъ дѣтямъ, Надежда Ивановна поспѣшила отвезти ихъ сначала къ матери, а потомъ въ Петербургъ, гдѣ помѣстила дочь въ Екатерининскій институтъ, подъ высокое покровительство ея крестной матери, императрицы Маріи Ѳедоровны, а мальчиковъ отдала въ Пажескій корпусъ. Такому рѣшенію чрезвычайно способствовалъ, кромѣ неудобства воспитывать дѣтей въ провинціи вслѣдствіе постоянныхъ переѣздовъ мужа, принужденнаго кочевать съ бригадой, также постоянный страхъ близкой смерти отъ частыхъ родовъ. Опасенія ея скоро оправдались: ея давно уже не было въ живыхъ, когда государь Александръ Павловичъ скончался въ домѣ ея мужа, генерала Арнольди, (въ Таганрогѣ).

Семи лѣтъ разсталась Александра Осиповна съ Малорос-

Digitized by Google

сіей, но страстно полюбила ее на всю жизнь. „Я родилась въ Малороссіи“, говорила она, „воспиталась на галушкахъ и варенникахъ, и какъ мнѣ ни мила Россія, а все же я не могу забыть ни степей, ни тѣхъ звѣздныхъ ночей, ни крика перепеловъ, ни журавлей на крышахъ, ни пѣсенъ малороссійскихъ бурлаковъ... Все тамъ лучше, чѣмъ на сѣверѣ“ [1]). Она считала себя малороссіянкой, и въ ней, дѣйствительно, было много русскаго благодаря воспитанію. Въ своей натурѣ она представляла счастливое соединеніе лучшихъ качествъ души и ума русскаго и французскаго. Отъ Россетовъ она унаслѣдовала французскую живость, воспріимчивость ко всему и остроуміе; отъ Лореровъ — изящныя привычки, любовь къ порядку и вкусъ къ музыкѣ; отъ матери—любовь къ Россіи и особенно къ Украйнѣ; отъ грузинскихъ своихъ предковъ—лѣнь, пламенное воображеніе, глубокое религіозное чувство, восточную красоту и непринужденность въ обхожденіи. По причинѣ своего смѣшаннаго происхожденія, она, подобно матери, еще съ дѣтства одинаково хорошо владѣла русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками. Въ институтѣ же, благодаря материнскимъ попеченіямъ и надзору императрицы Маріи Ѳеодоровны, какъ извѣстно, постоянно навѣщавшей подвѣдомственныя ей заведенія [2]) и слѣдившей за ихъ жизнью и за ходомъ занятій,—Александра Осиповна дѣлала большіе успѣхи и быстро развивалась. Особенно полюбила она русскую словесность, которую изучала подъ руководствомъ извѣстнаго профессора П. А. Плетнева. Благодаря ему, она научилась изящной декламаціи и тонкому пониманію красотъ художественной литературы, достаточно засвидѣтельствованному и доказанному тѣмъ уваженіемъ, съ какимъ относился къ ея вкусу А. С. Пушкинъ. Впослѣдствіи она прекрасно читала стихи и прозу; государь Николай Павловичъ охотно слушалъ въ ея чтеніи повѣсти Гоголя, а въ 1850-хъ годахъ „Муму“ и другіе разсказы И. С. Тургенева [3]).

---

[1]) См. „Русск. Старину“, 1888, X, 133 и 134.

[2]) Извѣстно, что съ такой же благородной заботливостью императрица посѣщала богадѣльни, больницы, и пр. *В. Ш.*

[3]) Кромѣ того, она обнаруживала любовь и большія способности къ языкамъ, исторіи и физикѣ, чрезвычайно любила музыку, была искусна и во всѣхъ женскихъ работахъ; но математика и рисованіе ей не давались.

Ольга Смирнова.

Digitized by Google

О Петрѣ Александровичѣ Плетневѣ она въ позднѣйшихъ своихъ воспоминаніяхъ (въ 1870-хъ годахъ) отзывалась съ большимъ сочувствіемъ, какъ о человѣкѣ, такъ и о педагогѣ, и блестящіе успѣхи свои и подругъ приписывала его таланту и неусыпнымъ трудамъ. (См. «Р. А.» 1871, XI). Въ одномъ изъ писемъ къ Гоголю она говорила о немъ: „онъ меня воспиталъ въ нѣкоторомъ отношеніи; мы такъ связаны съ нимъ, что я души его потребность". („Русск. Стар., 1888, VIII, 132).

Днемъ торжества для институтокъ и ихъ добросовѣстнаго руководителя было выпускное испытаніе, состоявшееся въ присутствіи императрицъ Маріи Ѳедоровны и Александры Ѳедоровны 20 февраля 1826 года. Экзаменъ былъ публичный; въ числѣ приглашенныхъ были митрополитъ, многіе академики и литераторы. Марія Ѳедоровна пріѣхала въ сопровожденіи двухъ поэтовъ: В. А. Жуковскаго и Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго. Институтки должны были говорить на память стихи, преимущественно изъ произведеній присутствующихъ поэтовъ; но воспитанницѣ Россетъ было предложено продекламировать стихотвореніе «Фонтанъ Бахчисарайскаго дворца» Пушкина [1]). Здѣсь она имѣла случай выказать во всемъ блескѣ свою мастерскую декламацію. Впослѣдствіи это обстоятельство не мало способствовало ея сближенію съ великимъ поэтомъ, нашедшимъ въ ней хорошую цѣнительницу своихъ произведеній. По окончаніи экзамена бывшія воспитанницы хоромъ пропѣли стихи, сочиненные Жуковскимъ по случаю ихъ выпуска, и торжество окончилось роскошно сервированнымъ завтракомъ съ русскими блинами, такъ какъ дѣло было на масляницѣ. Черезъ нѣсколько дней нашей даровитой институткѣ былъ присужденъ второй шифръ (перваго она не могла получить, потому что уступала одной изъ подругъ, Балугьянской, въ ариѳметикѣ).

II.

При первой же встрѣчѣ съ Жуковскимъ, отъ проницательныхъ глазъ юной Россетъ не ускользнула ни безграничная

[1]) Эти стихи послѣ рукой Александры Осиповны были написаны, въ дворцѣ Монплезирѣ, въ альбомъ императрицы Александры Ѳедоровны. *В. Ш.*

Digitized by Google

доброта, ни та дѣтская непринужденность, съ которою Жуковскій держался въ обществѣ; но особенно ее поразили добрые, задумчивые глаза поэта. Прошло немного времени, и то, что казалось недавно необыкновеннымъ счастьемъ, сдѣлалось для нея осязательной дѣйствительностью: молодая восторженная дѣвушка, оставаясь усердной почитательницей Жуковскаго, стала его другомъ. Она познакомилась съ нимъ и часто встрѣчалась у Карамзиныхъ, которые составляли центръ, объединявшій придворный и литературный кружки. Это было незадолго до кончины Маріи Ѳедоровны [1]), къ которой тотчасъ по окончаніи курса, семнадцати лѣтъ отъ рожденія, Александра Осиповна поступила фрейлиной. Потомъ она осталась фрейлиной уже при императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ. Въ то время у Жуковскаго въ Шепелевскомъ дворцѣ (нынѣшнемъ Эрмитажѣ) бывали литературно-дружескіе вечера, и вообще преданія Арзамаса не забывались. Литературныя знакомства Александры Осиповны расширялись постоянно, что было тѣмъ легче и естественнѣе, что весь такъ называемый «ковчегъ Арзамаса» (такъ называетъ гостиную Карамзиныхъ А. О. Россетъ въ Дневникѣ) находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Карамзиными. Кромѣ бывшихъ арзамасцевъ (кн. П. А. Вяземскаго, А. И. Тургенева, Пушкина, Блудова, кн. В. Ѳ. Одоевскаго), этотъ кружокъ, по словамъ О. Н. Смирновой, посѣщали еще Крыловъ, Гнѣдичъ, оба Глинки, Хомяковъ, Віельгорскіе, позднѣе Лермонтовъ (около 1833 года), Тютчевъ и многіе другіе. Изъ лицъ высокопоставленныхъ въ немъ слѣдуетъ особенно назвать великаго князя Михаила Павловича.

Пушкина Жуковскій поспѣшилъ представить Александрѣ Осиповнѣ, когда онъ, освобожденный изъ своего заточенія въ селѣ Михайловскомъ и уже побывавшій въ Москвѣ, только-что пріѣхалъ въ Петербургъ. Во всемъ кружкѣ во многомъ царствовали еще традиціи Арзамаса: взаимныя отношенія отличались изящной дружеской простотой и искреннимъ расположеніемъ. Продолжались даже шутливыя прозвища, и между прочимъ Жуковскій получилъ отъ Россетъ названіе б ы к ъ или б ы ч о к ъ, которымъ онъ любилъ впослѣдствіи подписы-

---

[1]) Императрица скончалась осенью 1828 г., а лѣтомъ того же года А. О. Россетъ провела съ Карамзиными шесть недѣль на морскихъ купаньяхъ въ Ревелѣ. *Ольга Смирнова.*

Digitized by Google

вать свои письма къ ней. Онъ-же съ своей стороны величалъ Александру Осиповну небеснымъ дьяволенкомъ (Соч. кн. Вяземскаго, VIII, 233), также дѣвушкой-чернавушкой и „всегдашней принцессой“ своего сердца. (См. „Русск. Архивъ“, 1883, 2, 334 и 339).

Съ первыхъ шаговъ выступленія въ свѣтъ, фрейлина Россетъ была окружена восторженнымъ поклоненіемъ и получила при дворѣ громкое прозваніе Donna Sol [1]). Ее безпрестанно сравнивали съ южной ласточкой, солнцемъ, звѣздами, розой, что̀ показываетъ, какое обаяніе она производила и умомъ, и своей плѣнительной, чисто южной, красотой [2]). Стихотвореніе кн. Вяземскаго „Черныя очи, чудныя очи“ послужило какъ бы сигналомъ къ поэтическому изображенію ея со стороны пѣвцовъ большихъ и малыхъ. Отвѣчая кн. Вяземскому, Пушкинъ написалъ въ 1828 г. стихотвореніе „Ея глаза“, гдѣ сравниваетъ ихъ съ южными звѣздами, намекая на грузинское происхожденіе Александры Осиповны, называетъ черкесскими, хотя и отдаетъ преимущество глазамъ Олениной. Въ этомъ же стихотвореніи онъ отозвался о ней, что она

„Придворныхъ витязей гроза“.

Зная, какой мѣткостью отличались сжатыя характеристики Пушкина, мы не можемъ не обратить особеннаго вниманія на этотъ стихъ. Современникамъ было, конечно, понятнѣе,

[1]) Donna Sol — главное дѣйствующее лицо драмы В. Гюго „Эрнани“. Прозваніе это, по словамъ кн. Вяземскаго, было придумано однимъ изъ „военно-плѣнныхъ красавицы“. За остроумныя и ѣдкія насмѣшки Александрѣ Осиповнѣ было написано шутливое стихотвореніе:

„Вы Донна-Соль, подъ часъ и Донна-Перецъ!
Но все намъ сладостно и лакомо отъ васъ,
И каждый мыслями у чувствами изъ насъ
Вамъ вѣрноподданный и вашъ единовѣрецъ,
Но всѣхъ счастливѣй будетъ тотъ,
Кто къ сердцу вашему надежный путь проложитъ
И радостно сказать вамъ можетъ:
О, Донна-Сахаръ! Донна-Медъ!“

[2]) Въ ней было что-то севильской женственности, говоритъ князь П. А. Вяземскій. *В. Ш.*

Digitized by Google

почему былъ выбранъ такой эпитетъ, но и мы изъ него получаемъ самое опредѣленное представленіе о нравственномъ достоинствѣ Александры Осиповны, что̀ особенно важно въ виду того, что прочія поэтическія характеристики обрисовываютъ преимущественно ея внѣшность. Хомяковъ, обвороженный красотой Россетъ, писалъ ей:

О, дѣва-роза, для чего
Мнѣ грудь волнуешь ты?

Къ ней же относится его стихотвореніе „Иностранкѣ [1]). Извѣстный другъ Пушкина, С. А. Соболевскій, сочинилъ стихи:

„Не за пышныя плечи,
А за умныя рѣчи
Любимъ мы васъ“, и проч.

Графиня Ростопчина также посвятила Александрѣ Осиповнѣ нѣсколько стихотвореній.

Жуковскій же писалъ ей въ „забавномъ русскомъ слогѣ“ (если мы въ правѣ примѣнить къ нему чужой стихъ):

„Мнѣ показалось, милостивая государыня, что васъ приличнѣе называть Іосифовной, нежели Осиповной. Вы, будучи весьма прекрасной дѣвицей, имѣете неотъемлемое право на то, чтобы родитель вашъ именовался Іосифомъ прекраснымъ...“

Лѣтомъ 1830 г. Александра Осиповна часто встрѣчала Жуковскаго въ Петергофѣ и въ Царскомъ Селѣ [2]), куда пріѣзжалъ дворъ до окончанія лагерей (въ Гатчину дворъ пріѣзжалъ рѣдко, и то на короткое время, въ глубокую осень, такъ какъ императоръ Николай Павловичъ не любилъ Гатчину). Въ этомъ и слѣдующихъ годахъ Пушкинъ снова посвятилъ нѣсколько стиховъ Александрѣ Осиповнѣ.

Въ VIII главѣ „Евгенія Онѣгина“, въ строфѣ XXV, къ ней относится послѣдній изъ нижеприведенныхъ стиховъ:

---

[1]) Стихотворенія Хомякова, изд. 1881 г., стр. 42—44, и Записки Хомякова въ „Русскомъ Архивѣ“. *В. Ш.*

[2]) Въ 1829 г. она постоянно видѣлась въ Царскомъ Селѣ также съ Карамзиными, которые жили обыкновенно въ китайскихъ домикахъ.
Ольга Смирнова.

Digitized by Google

„Тутъ былъ на эпиграммы падкій,
На все сердитый господинъ [1]):
На чай хозяйскій слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ данный...

Подъ одной изъ сестрицъ здѣсь разумѣется А. О. Россетъ, подъ другой—ея другъ, Стефанія Радзивиллъ, которая также была воспитанницей императрицы Маріи Ѳедоровны. Въ „Альбомѣ Онѣгина“ Россетъ посвящены стихи:

Шестого. Былъ у Б. на балѣ:
Довольно пусто было въ залѣ,
R. C. [2]) какъ ангелъ хороша:
Какая вольность въ обхожденьѣ!
Въ улыбкѣ, въ томномъ глазъ движеньѣ
Какая нѣга и душа!

* *
*

Вечоръ сказала мнѣ R. C.:
— Давно желала я васъ видѣть.
„Зачѣмъ?“—Мнѣ говорили всѣ,
Что я васъ буду ненавидѣть.
„За что?“—За рѣзкій разговоръ,
За легкомысленное мнѣнье
О всемъ, за колкое презрѣнье
Ко всѣмъ. Однако-жъ, это вздоръ,
Вы надо мною смѣяться властны,
Но вы совсѣмъ не такъ опасны,
И знали-ль вы до сей поры,
Что просто очень вы добры.

Въ 1831 г. Смирнова ежедневно видалась лѣтомъ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ въ Царскомъ Селѣ [3]).

---

[1]) Въ другомъ варіантѣ онъ названъ графъ Туринъ:

„Тутъ былъ всѣмъ свѣтомъ недовольный,
На все сердитый графъ Туринъ...

Туринъ—это эмигрантъ графъ Modène, завидовавшій всѣмъ и каждому.
В. Ш.

[2]) Т.-е. Россе,—по французскому произношенію.

[3]) Объ этомъ времени знакомства Александры Осиповны съ Пушкинымъ И. С. Аксаковъ писалъ: „Часто захаживалъ къ ней Пушкинъ во время своихъ про-

Digitized by Google

По взятіи Варшавы Пушкинъ прислалъ Александрѣ Осиповнѣ извѣстный сборникъ, въ которомъ были помѣщены стихотворенія: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, и кромѣ того письмо съ стихами:

„Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы,
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня“ [1]).

О характерѣ его отношеній къ Россетъ и степени ихъ короткости въ это время можно судить по слѣдующимъ строкамъ письма къ Плетневу:

„Россети черноокая хотѣла тебѣ писать, безпокоясь о тебѣ, но Жуковскій отсовѣтовалъ, говоря: „онъ живъ,—чего же вамъ больше?“. Въ томъ-же году въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ было напечатано стихотвореніе кн. Вяземскаго, въ которомъ поэтъ сравниваетъ ее съ ласточкой:

„Красою смуглаго румянца,
Смотрите, какъ она южна;
Она желтѣе померанца,
Живѣе ласточки она“ [2]).

Съ тѣхъ поръ на нѣкоторое время это названіе сдѣлалось нарицательнымъ въ литературныхъ кругахъ, подобно тому, какъ другая фрейлина, высокая стройная блондинка, Софья Урусова, была окрещена сильфидой [3]).

гулокъ подѣлиться впечатлѣніями дня и прочитанной книги: часто случалось и ей заходить къ Пушкину на дачу (Китаева, въ Царскомъ Селѣ) безъ церемоній, прямо къ нему на верхъ, заставать за работой и выслушивать изъ устъ самого поэта только-что написанныя вдохновенныя произведенія, во всей ихъ свѣжести съ пылу („Русь“, 1882, 37, некрологъ А. О. Смирновой).

[1]) Подробности см. въ „Русскомъ Архивѣ“, 1872, XI (1869—1883 стр.). *В. Ш.*

[2]) См. Сочиненія Вяземскаго, IV, 122. Это былъ экспромтъ, заключавшій въ себѣ шутливую пародію на французскіе стихи:

„Elle est jaune, comme une orange,
Elle est vive, comme un oiseau“ и проч.

[3]) Къ ней также есть стихотвореніе Пушкина 1827 года (Соч. Пушкина, Изд. Лит. Фонда, 2, 14). Не разъ упоминаетъ о ней въ своемъ дневникѣ и князь Вяземскій. Фрейлины Россетъ, Урусова и Эйлеръ (внучка знаменитаго матема-

Digitized by Google

Подъ этими именами онѣ обѣ упоминаются въ письмѣ Гоголя къ его другу А. С. Данилевскому, написанномъ въ отвѣтъ на просьбу послѣдняго о присылкѣ нотъ: „Я обращался къ здѣшнимъ артисткамъ указать мнѣ лучшее; но сильфида Урусова и ласточка Россети требовали непремѣнно, чтобы я поименовалъ великодушную смертную, для которой хлопочу“ (письмо отъ 2-го ноября 1831 года [1]). Съ Александрой Осиповной, какъ увидимъ, Гоголь познакомился немного ранѣе того времени, когда было написано письмо, а съ фрейлиной Урусовой у Александры Осиповны зимой 1831 г., когда онѣ обѣ принимали участіе при дворѣ въ живыхъ картинахъ. Въ дневникѣ Александры Осиповны въ 1831 г. было уже отмѣчено, что однажды вечеромъ у нея при великомъ князѣ

тика) составляли одинъ тѣсный кружокъ. Онѣ и другія фрейлины собирались у Александры Осиповны, квартира которой была самая лучшая съ болѣе просторной гостиной. Въ этомъ салонѣ фрейлинъ Н. В. Гоголь познакомился какъ съ Урусовой, такъ и съ Эйлеръ, отличавшейся начитанностью и умомъ; г-жа Эйлеръ, вообще, была очень дѣльная, весьма образованная и набожная особа; она знала Гоголя до самой его смерти. Впослѣдствіи она была замужемъ за А. Н. Зубовымъ. *Ольга Смирнова.*

Въ воспоминаніяхъ Н. М. Колмакова („Русск. Стар.“, 1891, VII, 144) мы прочли странное сообщеніе о томъ, что А. О. Россетъ была будто бы румынскаго происхожденія и что о ней Пушкинъ именно сказалъ:

„Черна, какъ галка,
Суха, какъ палка,
Увы, весталка,
Тебя мнѣ жалко“!

Не знаемъ въ точности, къ кому именно относились въ самомъ дѣлѣ эти стихи; мы слышали, что они были сказаны объ одной румынкѣ Горголи, которая, замѣтимъ кстати, впослѣдствіи сильно растолстѣла и изъ палки превратилась въ шаръ; но во всякомъ случаѣ невѣроятно, чтобы Пушкинъ могъ назвать „весталкой“ А. О. Смирнову, вышедшую замужъ *на 23 году*. Очевидно, г. Колмаковъ смѣшалъ здѣсь двѣ разныя личности. Напротивъ разсказъ его о позднѣйшихъ годахъ А. О. Смирновой не лишенъ интереса. *В. Ш.*

[1]) Замѣтимъ, что въ изданіи писемъ Гоголя у П. А. Кулиша вкралась ошибка: при приведенныхъ строкахъ въ подстрочномъ примѣчаніи невѣрно объяснено, будто это имена актрисъ. Почтенный издатель былъ, очевидно, введенъ въ заблужденіе первымъ предложеніемъ (см. Соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 138). Кромѣ того, въ письмѣ Гоголя ошибочно стоитъ Розетти вмѣсто Россетъ.—Названіе ласточки было дано Александрѣ Осиповнѣ Вяземскимъ и Жуковскимъ еще раньше приведеннаго экспромта, иначе Гоголь и не назвалъ бы такъ свою новую знакомую. *В. Ш.*

Digitized by Google

Михаилѣ Павловичѣ [1]), въ присутствіи Пушкина, Гоголя, Жуковскаго, Віельгорскихъ и фрейлинъ Урусовой и Эйлеръ [2]) происходило чтеніе „Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки...“ [3]).

Въ одномъ изъ писемъ къ Плетневу, Пушкинъ присоединилъ, говоря о Смирновой, къ прежнему названію ласточки еще новый эпитетъ, составленный, очевидно, на основаніи приведенныхъ стиховъ кн. Вяземскаго: „Домъ я нанялъ въ память своей Элизы: скажи это южной ласточкѣ, смуглорумяной красотѣ нашей“. Впослѣдствіи Россетъ получила еще названіе: „Notre Dame de bon secours de la littérature russe en detrésse“. Названіе это также было дано кн. Вяземскимъ и объясняется ходатайствомъ Алекс. Осип. за нашихъ поэтовъ передъ цензурными властями и особенно передъ самимъ государемъ. Пушкинъ также нерѣдко отдавалъ съ 1828 и 1829 года свои стихи Александрѣ Осиповнѣ для передачи непосредственно самому государю, который надписывалъ цвѣтнымъ карандашемъ свои замѣтки на поляхъ и возвращалъ любимой фрейлинѣ [4]). Такимъ образомъ нѣкоторыя произведенія Пушкина, какъ „Графъ Нулинъ“, послѣднія главы „Онѣгина“, „Моя родословная“ и „Мѣдный Всадникъ“,

---

[1]) Впрочемъ, одинъ изъ современниковъ А. О. Смирновой, гр. Валуевъ, замѣтилъ на это: „Великій Князь Михаилъ Павловичъ—бывалъ только на весьма немноголюдныхъ вечерахъ у А. О. Смирновой, княгини Вѣры Вяземской, жены кн. Петра Андреевича, и Маріи Трофимовны Пашковой. Ни у В. А. Жуковскаго, ни у кн. В. Ѳ. Одоевскаго Великаго Князя Михаила Павловича — я не видалъ“. (См. „Русск. Стар.“, 1888, IV, стр. 41, 1-ое примѣч.).

[2]) Гостиная Александры Осиповны, по словамъ И. С. Аксакова, была „долго и долго притягательнымъ центромъ для всѣхъ выдающихся писателей, художниковъ, мыслящихъ дѣятелей. При ея необычайной памяти, при ея начитанности, при ея житейской опытности (послѣднее относится, конечно, къ позднѣйшему времени), ея разговоры, ея разсказы, даромъ котораго она владѣла мастерски, представляли неотразимую занимательность“. („Русь“, 1882, № 37).

[3]) Гоголь обращался къ фрейлинамъ съ просьбой о нотахъ, потому что онѣ интересовались музыкой и прекрасно ее знали; между ними были тогда въ большомъ ходу и романсы. Въ томъ же 1831 году Пушкинъ писалъ, напр., изъ Царскаго Села Павлу Воиновичу Нащокину, спрашивая, почему онъ не прислалъ Есауловскій романсъ, и прибавлялъ: „Мы бы его въ моду пустили между фрейлинами“. (Соч. Пушк., Изд. Литер. Фонда, т. VII, стр. 286).

[4]) У И. С. Аксакова сохранялся конвертъ, подаренный ему Александрой Осиповной, въ которомъ была возвращена рукопись „Графа Нулина“ съ собственноручной надписью государя („Русь“, 1882, 37). Онъ послѣ былъ у вдовы его, Анны Ѳедоровны Аксаковой; но гдѣ находится въ настоящее время — не знаемъ. *В. Ш.*

Digitized by Google

не проходили черезъ руки Бенкендорфа. Графъ выходилъ изъ себя, но ничего не могъ подѣлать, потому что государь самъ вызывалъ на это, говоря: „Александра Осиповна, а что вашъ поэтъ Пушкинъ? не написалъ ли что-нибудь?“ [1]).

Незадолго до замужества Россетъ—Пушкинъ принесъ ей свою послѣднюю поэтическую дань. Это было 16-го марта 1832 г.:

„Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный,
И какъ дитя была добра.
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набѣло“.

Здѣсь Пушкинъ снова характеризуетъ ея душевныя качества. Особенно дорожила А. О. стихомъ: „И какъ дитя была добра...“ [2]).

Но вскорѣ разнеслась молва объ ея обрученіи. 3-го августа Пушкинъ извѣщалъ Плетнева: „Россетъ вижу часто; она очень тебя любитъ, и часто мы говоримъ о тебѣ. Она гласно сговорена. Государь ужъ ее поздравилъ“ (Соч. Пушкина, изд. Литер. Фонда, VII, 287). Александра Осиповна была повѣнчана съ Николаемъ Михайловичемъ Смирновымъ, однимъ изъ друзей Пушкина [3]), съ которымъ познакомились у Карамзиныхъ. Онъ съ дѣтства зналъ Карамзиныхъ и хорошо помнилъ старика-исторіографа. Съ этихъ

[1]) Императрица Александра Ѳедоровна въ своихъ письмахъ къ А. О. Смирновой также всегда называла Пушкина votre poète, а Жуковскаго—mon poète.

[2]) Д. И. Хвостовъ тоже не хотѣлъ отстать отъ другихъ въ прославленіи придворнаго круга и написалъ стихи на Монплезиръ:

„Всѣ Музы знаютъ, что на лирѣ“
Жуковскій пѣлъ о Монплезирѣ... (Соч. V, 202). *Ольга Смирнова.*

[3]) Пушкина близко знали всѣ родственники А. О. Смирновой. Мужъ ея, Н. М. Смирновъ, и братъ, Аркадій Осиповичъ, оставили о немъ воспоминанія, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“, 1882 года. Другой братъ, Клементій Осиповичъ, имѣлъ несчастіе получить для передачи Пушкину пакетъ съ извѣстными пасквилями, но былъ во-время предупрежденъ о сущности дѣла и не отослалъ его по назначенію. *В. Ш.*

Digitized by Google

поръ для нея началась новая жизнь. Но мы должны сказать нѣсколько словъ о ея мужѣ.—Отецъ его, Михаилъ Петровичъ, служилъ въ кавалергардскомъ полку при Екатеринѣ II, вышелъ въ отставку тотчасъ по воцареніи Павла Петровича, женился на Ѳеодосіи Петровнѣ Бухвостовой, много путешествовалъ за-границей, вернулся въ царствованіе Александра I и въ 1812 году служилъ въ ополченіи. Въ его домѣ квартировалъ маршалъ Ней; одинъ домъ его разграбили, другой сожгли. Онъ умеръ на Кавказѣ, куда поѣхалъ на воды (въ Новогеоргіевскъ). Въ это время его единственному сыну было только 15 лѣтъ. Черезъ три года Николай Михайловичъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ оставался до 1844 г.; служилъ при посольствѣ въ Италіи и Лондонѣ до 1832 г. и въ Берлинѣ до 1836 г.; онъ былъ также церемоніймейстеромъ. Осенью 1845 г. онъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ калужскимъ губернаторомъ до 1851 г., потомъ петербургскимъ и сенаторомъ въ Москвѣ; а умеръ въ мартѣ 1870 г. въ Петербургѣ [1]).—По выходѣ замужъ Александры Осиповны, пѣсни трубадуровъ замолкли: самый кругъ и обязанности ея измѣнились въ значительной степени и съ тѣхъ поръ лишь немногія стихотворенія были посвящены ей. Въ числѣ ихъ нельзя умолчать о значительно позднѣйшемъ восьмистишіи М. Ю. Лермонтова [2]).

Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго—
И я въ смущеніи молчу.

---

[1]) О Н. М. Смирновѣ см. также въ „Русск. Арх.“, 1882, II. Тамъ же отмѣчено, что Бухвостовы происходили отъ перваго преображенца Леонтія Бухвостова.—Намъ неясно только, какъ могъ быть Пушкинъ, уже женатый, шаферомъ на свадьбѣ Смирновой и какія причины заставили его отступить отъ общепринятаго обычая. Здѣсь очевидная неточность; согласно объясненію Ольги Ник. Смирновой, ее должно исправить слѣдующимъ образомъ: Пушкинъ не былъ шаферомъ, но былъ съ женой въ числѣ приглашенныхъ на свадьбу во дворецъ.—Н. М. Смирновъ не могъ быть съ своей стороны шаферомъ у Пушкина, по случаю отъѣзда курьеромъ въ Лондонъ. *В. Ш.*

[2]) Пушкинъ все такъ же часто видался съ Смирновыми, а Жуковскій непремѣнно хоть разъ въ недѣлю обѣдалъ у нихъ. У Смирновыхъ часто бывали и вечера съ музыкой, на которыхъ бывали многіе поэты и литераторы.
Ольга Смирнова.

Digitized by Google

Что-жъ дѣлать?... Рѣчью неискусной
Занять вашъ умъ мнѣ не дано...
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

Что̀ значили придворные витязи, если Лермонтовы смущались передъ нею!... Хотя Александра Осиповна оставалась еще нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, но мы ничего не знаемъ за это время о ея литературныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ они, безъ сомнѣнія, продолжались [1]). Нельзя не пожелать поэтому, чтобы поскорѣе явился въ печати ея дневникъ, въ которомъ, безъ сомнѣнія, найдется много литературныхъ и историческихъ данныхъ, полныхъ интереса. Обращаемся къ краткому изображенію отношеній ея къ Гоголю въ разсматриваемый періодъ [2]).

III.

Можно опредѣлить съ точностью, къ какому именно году и мѣсяцу относится начало знакомства Александры Осиповны Россетъ (впослѣдствіи Смирновой) съ Гоголемъ. Дочь ея, Ольга Николаевна, для разъясненія даннаго вопроса, сообщила намъ слѣдующіе отрывки изъ дневника ея матери на французскомъ языкѣ:

„Le maître Petit-Russien de Marie Balabine s'appelle Gogol-Janowsky; Lise Repnine le connait; il est parent de Trochtchinsky, l'ex-ministre, qui est mort il n'y a pas très-longtemps. L'Empereur disait alors que feu l'empereur estimait beaucoup Trochtchinsky. En allant dire adieu à Lise Repnine, j'ai aperçu Gogol-Janowsky chez les Balabine; son хохолъ m'a rappelé Громоклея et le vieux Вороновскій, qui vivait chez grand'ma-

[1]) Въ подлинникѣ, хранящемся у О. Н. Смирновой, не 8, а 16 стиховъ; они приводятся обыкновенно въ полныхъ изданіяхъ Лермонтова въ варіантахъ.

[2]) Пушкинъ не разъ упоминаетъ о Смирновой въ письмахъ къ женѣ, но въ нихъ преобладаетъ уже слишкомъ развязный, отчасти циническій тонъ, и здѣсь напрасно было бы искать поэтическихъ характеристикъ. Но сочувствіе его Смирновой видно изъ дневника за 1833 г.: „Петербургъ полонъ вѣстями о минувшемъ торжествѣ“ (по поводу совершеннолѣтія вел. кн. Александры Николаевны). „Разговоры несносны: слышишь вездѣ одно и то же. Одна Смирнова попрежнему мила и холодна въ окружающей средѣ“.

Digitized by Google

man. Il m'a paru gauche, timide et triste... Après-demain nous allons à Tzarskoé.

Nous allons demain à Péterhoff; on sera toute la journée en l'air: promenades, le camp, les retraites (заря), l'équitation et les promenades sur le golfe. Je préfère Tzarskoé: on y est plus tranquille et puis il y a les Karamsine, Iskra y vient et on est moins agité. Je logerai au cottage encore cette fois. On a fait mon portrait pour le tableau du camp; je déteste a poser... La miniature a mieux reussi il y a trois ans. L'aquarelle est pour l'album de l'Impératrice; celles de Lubinka, d'Alexandrine et Sophie ont réussi aussi.

Ce soir thé d'adieu aux habitans de Tzarskoé, pour quelques semaines.

Peterhoff. Le courrier de Paris est arrivé avec la nouvelle la plus inattendue, la catastrophe la plus foudroyante. Le roi est parti pour Rambouillet. Le duc de Polignac n'est pas un duc de Richelieu. Cette malheureuse duchesse d'Angoulème, qui reprend le chemin de l'exil. On dit qu'ils vont en Angleterre. Pozzo a expédié le courrier avec peu de détails; il est parti trop vite. L'Empereur est très-frappé, car on ne sait pas où cela mènera la France. Du reste sa Majesté, à ce que dit Modène, craignait l'effet des dernières mesures.

Un second courrier est arrivé. Le duc d'Orléans a été nommé lieutenant du royaume. Le roi, les d'Angoulème, le petit duc de Bordeaux, Mademoiselle la duchesse de Berri, qui a montré beaucoup de fermeté, se sont embarqués pour l'Angleterre. Quelle catastrophe!... C'est donc fini!

Le troisieme courrier a donné tous les details et a annoncé l'arrivée du général Athalin, porteur d'une lettre du duc d'Orléans pour sa Majesté; on l'a élu roi. L'Empereur est préoccupé; il disait ce soir: „l'élection des rois a perdu la Pologne et elle perdra la France, et ce serait beaucoup plus grave. Je ne souhaite que du bien à la France".

Русскій переводъ:

„Малоросса, учителя Маріи Балабиной, зовутъ Гоголь-Яновскій; Лиза Репнина знаетъ его; онъ родственникъ не такъ давно скончавшагося бывшаго министра Трощинскаго [1]). (Государь сказалъ тогда, что покойный императоръ очень

[1]) Онъ умеръ 26 февраля 1829 г. („Русск. Стар.", 1882, VI, 656).

Digitized by Google

уважалъ Трóщинскаго). Приходя проститься съ Лизой Репниной, я увидала Гоголя-Яновскаго у Балабиныхъ; хохолъ его мнѣ напомнилъ Громоклею [1]) и старика Вороновскаго, жившаго у бабушки. Онъ же (Гоголь) показался мнѣ неловкимъ, робкимъ и печальнымъ.

Послѣзавтра уѣзжаемъ въ Царское".

(Спустя нѣкоторое время). „Завтра ѣдемъ въ Петергофъ; тамъ будемъ цѣлый день въ движеніи: будутъ прогулки, лагерь, церемонія съ зарей, верховая ѣзда и поѣздки по заливу... Я предпочитаю Царское: тамъ покойнѣе и кромѣ того тамъ Карамзины, пріѣзжаетъ Искра [2]) и меньше шума. На этотъ разъ я опять буду жить въ коттеджѣ [3]). Съ меня снимали портретъ для лагерной картины: терпѣть не могу позировать!... Три года тому назадъ миніатюра удалась лучше. Акварель предназначается въ альбомъ императрицы; акварели Любеньки, Александрины и Софи также удались [4]). Сегодня вечеръ: для жителей Царскаго чай, ради прощанья на нѣсколько недѣль.

Петергофъ. „Изъ Парижа прибылъ курьеръ съ самымъ неожиданнымъ извѣстіемъ: катастрофа ошеломляющая! Король бѣжалъ въ Рамбулье. Герцогъ Полиньякъ не тò, чтò Ришельё. Несчастная герцогиня ангулемская опять должна жить въ изгнаніи... Говорятъ, что они ѣдутъ въ Англію. Поццо [5]) прислалъ курьера съ кое-какими подробностями, но онъ слишкомъ скоро уѣхалъ. Государь очень пораженъ, потому что неизвѣстно, къ чему это приведетъ Францію. Впрочемъ, Его Величество, по словамъ Моденъ [6]), опасался дѣйствія послѣднихъ мѣръ. Прискакалъ второй курьеръ: герцогъ орлеанскій назначенъ лейтенантомъ королевства. Король, ангулемское

[1]) Громоклея-Водино, имѣніе бабушки А. О. Россетъ („Русск. Стар.", 1888, IV, 33), Екатерины Евгеевны Лореръ, урожденной Цицiановой.

[2]) Т. е. Пушкинъ; см. ниже.

[3]) Cottage—деревенскій домикъ въ Англіи. Въ Александріи (въ Петергофѣ) коттеджемъ называется домъ-дача, гдѣ живутъ государь и государыня во время своего пребыванія въ Петергофѣ.

[4]) Ярцева (впослѣдствіи княгиня Суворова), Эйлеръ (Зубова), Урусова (въ замужествѣ княгиня Радзивиллъ).

[5]) Графъ Поццо-ди-Борго, русскій посолъ въ Парижѣ въ 1830 г.

[6]) Моденъ, урожденная Шаховская.

Digitized by Google

герцогское семейство [1]), маленькій герцогъ Бордо (бордосскій), герцогиня беррійская, которая показала много мужества, отплыли въ Англію... Какая катастрофа!.. Итакъ все кончено!.. Третій курьеръ сообщилъ всѣ подробности и извѣстилъ о прибытіи генерала Аталина, подателя письма отъ герцога Орлеанскаго къ Его Величеству... Онъ избранъ королемъ. Государь озабоченъ; вечеромъ онъ сказалъ: „Избирательное начало погубило Польшу, погубитъ и Францію, и это будетъ гораздо прискорбнѣе... Я желаю Франціи только добра".

Изъ этого отрывка очевидно, что Гоголь познакомился съ Россетъ именно въ 1830 г., хотя Ольга Николаевна Смирнова сообщала намъ прежде, что она по нѣкоторымъ соображеніямъ склонна относить время ихъ перваго знакомства не только къ 1830, но даже *къ концу 1829*. Въ дневникѣ Александры Осиповны разсказъ о первой встрѣчѣ съ Гоголемъ записанъ послѣ замѣтокъ и разсказовъ о путешествіи Пушкина въ Арзерумъ, о войнѣ 1829 г., о смерти Грибоѣдова; нѣсколько дальше слѣдуетъ о знакомствѣ съ Гоголемъ, (и о немъ же черезъ нѣкоторый промежутокъ упоминается снова, именно о чтеніи у Россетъ въ рукописи „Вечера на канунѣ Ивана Купала" [2]), также о революціи, о письмѣ Луи-Филиппа къ императору Николаю, о бѣгствѣ въ Англію Карла X, снова о чтеніи „Миргорода", „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ", и проч.

Послѣ приведеннаго нами отрывка, какъ сообщаетъ намъ О. Н. Смирнова, слѣдуютъ двѣ-три страницы разныхъ извѣстій, разговоръ съ Пушкинымъ о біографіи Байрона и наконецъ помѣчено: „Retour à Tzarskoé demain".

Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько страницъ о событіяхъ послѣ революціи 1830 года, потомъ снова любопытное мѣсто о Гоголѣ, объ его первомъ визитѣ.

„Le хохолъ est récalcitrant: il ne voulait pas venir chez moi avec Pletneff [3]); il est timide et j'avais envie de lui parler

---

[1]) Собственно оба Ангулемы (мужъ и жена).

[2]) Въ дневникѣ числа не обозначались и этотъ перечень сдѣланъ безъ строгой системы; см. ниже объясненіе О. Н. Смирновой, хотя, впрочемъ, это ясно и изъ вышеприведенныхъ строкъ.

[3]) Съ Плетневымъ, какъ мы говорили, Гоголь познакомился въ 1830 г. и

Digitized by Google

de la Petite-Russie. Enfin Сверчокъ и Быкъ l'ont amene chez moi. Je les ai surpris en lui récitant des vers petits-russiens. Cela m'a ravie de parler de l'Oukraine; alors il s'est animé. Je suis sûre que le ciel du Nord lui pèse, какъ шапка, car il est lourd souvent. Je lui ai parlé même de Hopka, qui me faisait si peur avec le Biй. Pouchkine dit que c'est le vampire des grecs et des slaves du midi, chez nous il n'existe pas dans les contes du Nord. Joukovsky, fidèle à l'Allemagne et à Goethe, a récité „die Braut von Korinth". Gogol sait très-bieh l'allemand". J'ai remarqué qu'il rayonne quand Pouchkine lui parle, il m'a entendu dire Искра et a trouvé que le nom est très-bien choisi... Comme Pouchkine est bon: il a de suite apprivoisé le хохолъ récalcitrant et il est aussi bon que Sweet William, le boeuf qui mugit" („мычитъ мой бычокъ").

Русскій переводъ:

„Хохолъ упрямъ; онъ не хотѣлъ придти ко мнѣ съ Плетневымъ; онъ робокъ, а мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ о Малороссіи. Наконецъ Сверчокъ и Быкъ [1]) привели его ко мнѣ. Я ихъ удивила, произнеся наизусть малороссійскіе стихи. Мнѣ доставило большое удовольствіе говорить объ Украйнѣ; тогда онъ воодушевился. Я увѣрена, что сѣверное небо давитъ его, какъ шапка, потому что оно часто бываетъ угрюмо. Я емуразсказала о Гопкѣ [2]), которая меня напугала віемъ. Пушкинъ сказалъ, что это вампиръ грековъ и южныхъ славянъ, какихъ у насъ нѣтъ въ сѣверныхъ сказаніяхъ. Но Жуковскій, будучи вѣренъ Германіи и Гёте, прочиталъ намъ „Коринѳскую Невѣсту" (Гоголь хорошо знаетъ по-нѣмецки) [3])..... Я замѣтила, что онъ такъ и просіяетъ каждый разъ, какъ-только съ нимъ заговоритъ Пушкинъ. Онъ услыхалъ, что я называю Пушкина Искрой, и

черезъ него получилъ мѣсто преподавателя въ Патріотическомъ институтѣ въ началѣ 1831 г. Плетневымъ же, какъ извѣстно, былъ присовѣтованъ Гоголю псевдонимъ Рудаго Панька при изданіи „Вечеровъ на Хуторѣ". Но во время выхода въ свѣтъ „Ганца Кюхельгартена" въ 1829 г. *Плетневу и Погодину было послано еще incognito по экземпляру этой поэмы.* (См. „Записки о жизни Гоголя", т. I, стр. 67).

[1]) Извѣстныя арзамасскія прозванія Пушкина и Жуковскаго.

[2]) Гопка, нянька А. О. Россетъ, хохлушка.

[3]) Сомнительное сообщеніе въ виду другихъ противорѣчащихъ данныхъ. Впрочемъ, быть можетъ, Гоголь научился нѣмецкому языку въ Петербургѣ по выходѣ изъ Нѣжинскаго лицея; въ Нѣжинѣ онъ уже выписывалъ нѣмецкія книги, но успѣховъ въ языкѣ сдѣлалъ немного.

Digitized by Google

нашелъ, что это названіе къ нему идетъ... Какъ добръ Пушкинъ: онъ тотчасъ приручилъ упрямаго хохла! онъ такъ же добръ, какъ Sweet William, или Быкъ, который мычитъ".

Sweet William [1]) Быкъ, Бычекъ и проч., по объясненію О. Н. Смирновой, были прозванія Жуковскаго; Сверчокъ и Искра—Пушкинъ, о которомъ отмѣчено въ дневникѣ по-русски: „потому что его умъ искрится".—Черезъ нѣсколько страницъ снова читаемъ въ дневникѣ о Гоголѣ:

„Grillon etait venu me parler de Gogol, il a passé plusieurs heures chez lui, a examiné ses cahiers, ses notes, tout ce qu'il a inscrit en voyage; il est très frappé de tout ce que Gogol a déjà observé entre Poltawa et Petersbourg, car il a même noté des conversations et même les figures, les paysages, la différence entre les gens du Nord et les Hohols".

„Сверчокъ пришелъ поговорить со мной о Гоголѣ: онъ провелъ у него нѣсколько часовъ, пересмотрѣлъ всѣ его тетради, замѣтки, все, что онъ записалъ во время путешествія [2]); онъ пораженъ всѣмъ, что Гоголь подмѣтилъ на пространствѣ между Полтавой и Петербургомъ, потому что онъ уловилъ [3]) даже разговоры, типы, пейзажи и черты различія между населеніемъ сѣвернымъ и южнымъ (хохлами)".

„Тутъ же"—сообщаетъ Ольга Николаевна Смирнова—„много говорится о политическихъ событіяхъ во Франціи и о свѣтской жизни при дворѣ; потомъ о выходѣ 1-го января 1831 г. и объ елкѣ при дворѣ 24 декабря 1830 г. Но, къ сожалѣнію, нѣсколько страницъ вырвано; годъ же выставлялся только вначалѣ, а далѣе мѣсяцы и числа большею частью не обозначены" [4]).

[1]) Sweet William—полевой цвѣтокъ, дикая гвоздика. Василій Андреевичъ (Василій—William) поднесъ цвѣтокъ А. О. Россетъ. Узнавъ, что это простонародное названіе гвоздики, онъ подписалъ однажды записку: Sweet William; подъ другими онѣ подписаны: *вашъ Быкъ* или *Бычекъ*. *Ольга Смирнова.*

[2]) Допускаемъ нѣсколько неточный переводъ слова noté въ виду неудобнаго сочетанія въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующаго глагола *записать* съ дальнѣйшими дополненіями послѣ conversations. *В. Ш.*

[3]) Вѣроятно, появленіе въ печати VI тома сочиненій Гоголя (подъ редакціей академика Н. С. Тихонравова) вскорѣ разъяснитъ, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь.

[4]) Между приведенными выше строками цѣлыя страницы дневника, относящіяся къ 1830, 1831 и 1832 гг. *Ольга Смирнова.*

Digitized by Google

Всѣ эти строки считаемъ необходимымъ сообщить, между прочимъ, и въ опроверженіе статьи г-жи Черницкой, сочинившей, на основаніи произвольной догадки о томъ, что Гоголь будто бы *былъ влюбленъ* въ Смирнову *еще въ 1829 г. лѣтомъ* и что это была именно та любовь, которая побудила его уѣхать за-границу,—*цѣлую исторію объ „однолюбѣ-поэтѣ“* [1]). Г-жа Черницкая говоритъ въ своей статьѣ: „До сихъ поръ не выясненъ годъ знакомства Александры Осиповны съ Гоголемъ, котораго она всегда считала однимъ изъ самыхъ давнихъ своихъ знакомыхъ. Г. Шенрокъ, по многимъ соображеніямъ, предполагаетъ, что Гоголь познакомился съ Александрой Осиповной въ 1831 г. Такое предположеніе его намъ не кажется основательнымъ, въ виду того, что дочь Александры Осиповны, Ольга Николаевна Смирнова, относитъ знакомство ея матери съ Гоголемъ къ 1829 г.“ [2]). Г-жа Черницкая, желая доказать свое мнѣніе, дѣлаетъ натяжку, такъ какъ О. Н. Смирнова, какъ мы видѣли, „склонна была относить это знакомство только къ 1830 или *къ концу 1829 г.*“ [3]), тогда какъ мнимая любовь Гоголя къ неизвѣстной особѣ упоминается въ его письмѣ, относящемся *къ лѣту 1829 г.* [4]). Далѣе, забывая о томъ, что „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“ былъ значительно передѣланъ въ „Вечерахъ на Хуторѣ“ [5]) и слѣдовательно могъ быть прочитанъ *въ рукописи же* и *послѣ* появленія этой повѣсти въ искаженномъ видѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Свиньина, г-жа Черницкая смѣло заявляетъ: „Очевидно, читалъ ее Гоголь

[1]) Вотъ подлинныя выраженія, составляющія резюме статьи г-жи Черницкой: „Гоголь всю жизнь находился подъ обаяніемъ Смирновой. Слишкомъ глубоко запало въ его душу чувство, которое заронила Смирнова еще тогда, когда онъ былъ юношей (?!). Принадлежа къ типу *однолюбовъ*, Гоголь не могъ и не стремился освободиться отъ этого чувства *сильнаго, глубокаго, вѣчнаго въ его душѣ*“ (?!). См. „Сѣвер. Вѣстн.“, 1890, 1, стр. 221.—Но все это однѣ произвольныя догадки, опрометчивыя и самонадѣянныя.

[2]) См. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1890, I, 203; слова О. Н. Смирновой см. въ „Русск. Стар.“, 1888, IV, 44 (слова эти, какъ увидимъ, не подтверждаютъ догадки Черницкой).

[3]) См. выше и кромѣ того „Русск. Стар.“, 1888, IV, стр. 44.

[4]) См. „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 85—86.

[5]) См. о передѣлкѣ „Вечера наканунѣ Ивана Купала“ между прочимъ въ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова.—По словамъ О. Н. Смирновой, чтеніе повѣсти въ салонѣ ея матери происходило даже гораздо спустя послѣ перваго января 1831 года, такъ какъ передъ этимъ говорится о выходѣ при дворѣ, объ елкѣ для дѣтей государя и проч. - *всего двадцать страницъ*.

Digitized by Google

въ концѣ 1829 года“ (?). Теперь приведенная выше выдержка изъ дневника совершенно уничтожаетъ въ самомъ основаніи шаткую гипотезу г-жи Черницкой: полюбить А. О. Россетъ въ 1829 г. Гоголь во всякомъ случаѣ *не могъ*, такъ какъ *даже не зналъ ея*, слѣд., если уже вѣрить его легендарной любви [1]), то *слѣдуетъ пріискать для этого другой предметъ его нѣжной страсти*. Послѣ этого рушится великолѣпное заявленіе о томъ, что Гоголь былъ „однолюбъ“ и комическія разсужденія, что будто по выходѣ замужъ Смирновой „онъ окончательно примирился (?!), что не для него создана Александра Осиповна“ и что его „могла отвлечь отъ личнаго чувства (?!) та слава, которую онъ сразу пріобрѣлъ съ выходомъ въ свѣтъ „Вечеровъ на Хуторѣ“ въ 1831 г.“; но особенно пикантно торжественное увѣреніе г-жи Черницкой: „Скрытный Гоголь такъ умѣлъ затаить въ себѣ чувство, что современники“ (какъ громко!) „долго не догадывались. Гордая застѣнчивость не позволяла ему сознаться въ своемъ чувствѣ даже передъ Александрой Осиповной. *Мы не имѣемъ поэтому никакихъ извѣстій о первомъ періодѣ знакомства ея съ Гоголемъ* (!!)“ [2]). Послѣднія слова напоминаютъ уже извѣстный филологическій парадоксъ въ производствѣ слова lucus отъ non lucendo [3]). Но

---

[1]) Любопытно знать, не вѣруетъ ли г-жа Черницкая и въ то, что Гоголь собирался написать „Вечера на Хуторѣ“ на иностранномъ языкѣ? (см. „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 88).

[2]) „Сѣверный Вѣстникъ“, 1890, I, 205.

[3]) Впрочемъ, можетъ быть, въ этихъ словахъ г-жи Черницкой есть также „*скрытая*“ логика? Иначе придется отнести это соображеніе къ числу все тѣхъ же перловъ, которые встрѣчаются въ ея статьѣ съ первыхъ же строкъ, гдѣ она поражаетъ явнымъ презрѣніемъ къ точности въ выраженіяхъ и въ хронологіи, говоря, что „Смирновой увлекались Пушкинъ, И. С. Аксаковъ, а *позднѣе* (??!!) Лермонтовъ“. Какимъ образомъ г-жѣ Черницкой остается неизвѣстнымъ, что И. С. Аксаковъ познакомился съ Александрой Осиповной Смирновой *только въ концѣ 1845 г.*, а Лермонтовъ скончался *уже въ 1841 г.*, намъ непонятно. Но, можетъ быть, недавній юбилей Лермонтова уже помогъ ей пополнить этотъ пробѣлъ... Исчислять всѣ перлы статьи г-жи Черницкой было бы безполезно и долго; но не можемъ еще не упомянуть объ оригинальномъ силлогизмѣ, въ силу котораго изъ выраженія *красноглазый кролик*ъ, употребленнаго Пушкинымъ о Н. М. Смирновѣ (въ одномъ изъ писемъ), г-жа Черницкая безъ колебанія заключила, что Смирновъ былъ человѣкъ *мало развитой* (?!) („Сѣв. Вѣстн.“, 1890, I, стр. 208). Что скажетъ г-жа Черницкая, если узнаетъ, что Смирновъ еще съ молодыхъ лѣтъ страдалъ глазами, которые по временамъ у него распухали и краснѣли, и онъ самъ далъ себѣ это прозваніе, повторенное и Пушкинымъ? По-

Digitized by Google

дневникъ А. О. Россетъ совсѣмъ не подтверждаетъ догадки г-жи Черницкой, и весь карточный домикъ, построенный ею, рушится. (Не можемъ не упомянуть по этому поводу, что г-жа Евреинова, редактировавшая когда-то „Сѣверный Вѣстникъ“, гдѣ была помѣщена статья Черницкой, желая во что бы ни стало спасти репутацію автора, несмотря на нашъ вызовъ напечатать выдержку изъ дневника Смирновой, *съ какими угодно на него возраженіями*, сочла возможнымъ не только отклонить это, ссылаясь на свое желаніе видѣть въ печати дневникъ въ полномъ объемѣ (что отъ меня не зависитъ), но даже удержала у себя оригиналъ, чѣмъ дѣйствительно затруднила своевременное напечатаніе опроверженія въ другомъ мѣстѣ).—Впрочемъ къ 1829 г. въ дневникѣ Александры Осиповны относятся въ самомъ дѣлѣ нѣсколько строкъ къ автору „Ганца Кюхельгартена“, но авторъ этотъ былъ тогда неизвѣстенъ:

„Pletneff m'a apporté une nouvelle, signée d'un nom allemand: „Hans Küchelgarten“; je lui ai dit: „votre Allemand est un хохолъ; ce sont des plaisanteries de Petit - Russien“. Pletneff s'est moqué de moi et m'a demandé, si je croyais que le хохолъ seul sait rire? Il ne connait pas l'auteur et il est intrigué, car il doit être jeune. En depit du respect que je dois à Pletneff, je reste de mon avis, ce sont des plaisanteries gaies (хохлацкія) de l'humeur petit-russien. Pletneff m'avait apporté une lettre de notre „странствующій Сверчекъ“, qui nous a promis, en partant pour le Caucase, de nous donner son voyage sentimental. Il m'a promis de faire aller Евгеній Онѣгинъ au Caucase et à Odessa“.

Русскій переводъ:

„Плетневъ принесъ мнѣ книжную новинку подъ нѣмецкимъ заглавіемъ: „Ганцъ Кюхельгартенъ“; я сказала ему: „вашъ предполагаемый нѣмецъ—хохолъ; это хохлацкія шутки! Плетневъ смѣялся надо мной и спросилъ меня: „неужто я думаю, что одни хохлы умѣютъ смѣяться?“ Авторъ ему неизвѣстенъ

добныя смѣлыя и неосновательныя догадки особенно слѣдовало бы взвѣсить, имѣ въ виду, что живы еще дочери Смирновыхъ, а равно и поостеречься говорить безъ стѣсненій о семейныхъ отношеніяхъ Смирновыхъ - родителей. — Вообще насколько основательна статья г-жи Черницкой объ отношеніяхъ Гоголя къ матери, настолько же изобилуетъ грубыми ошибками и промахами статья ея о Смирновой и отношеніяхъ послѣдней къ Гоголю.

Digitized by Google

и онъ сильно заинтригованъ, потому что авторъ долженъ быть молодой человѣкъ. Несмотря на уваженіе, которымъ я обязана Плетневу, я осталась при своемъ мнѣніи, что это веселый малороссійскій юморъ. Плетневъ принесъ мнѣ письмо нашего странствующаго Сверчка который обѣщалъ намъ, уѣзжая на Кавказъ, дать намъ описаніе своего чувствительнаго путешествія [1]). Онъ обѣщалъ мнѣ свозить Евгенія Онѣгина на Кавказъ и въ Одессу".

Правда, въ данной выдержкѣ, находящейся въ альбомѣ А. О. Смирновой, мы встрѣчаемъ неточное утвержденіе о юморѣ Гоголя, или, точнѣе, неизвѣстнаго автора въ „Ганцѣ Кюхельгартенѣ", что̀ заставляетъ предполагать, что замѣтка сдѣлана нѣсколько позднѣе, по памяти, когда Александра Осиповна, узнавъ о малороссійскомъ происхожденіи автора, можетъ быть, записала объ этомъ проявленіи ея проницательности; но и это ни на волосъ не спасетъ г-жу Черницкую: если даже отвергнуть совсѣмъ показанія дневника, то во всякомъ случаѣ ссылка ея на предполагаемое подтвержденіе догадки дневникомъ и на слова О. Н. Смирновой оказывается неудачной, *а на ней-то и основана вся статья* [2]).—Во всякомъ случаѣ мы не отрицаемъ возможности любви Гоголя ни къ Смирновой, ни къ Шереметевой, ни къ Балабиной, ни къ Репниной, и вообще ни къ одной изъ знакомыхъ ему женщинъ; но утверждаемъ, что соображенія г-жи Черницкой въ данномъ случаѣ не выдерживаютъ никакой критики, или, говоря прямѣе, никуда не годятся [3]).

Впрочемъ, мы должны еще оговориться, что прежнее наше

[1]) Конечно, шутливый намекъ на извѣстное заглавіе „Чувствительнаго путешествія" Стерна.

[2]) Г-жа Евреинова не стѣснилась даже игнорировать протестъ О. Н. Смирновой противъ злоупотребленія ея именемъ въ видѣ неправильной и невѣрной ссылки на ея слова, на которыхъ, однако, *была основана цѣлая статья* г-жи Черницкой.

[3]) Послѣ всего сказаннаго намъ нечего прибавлять, что статья г-жи Черницкой не только ни мало не опровергаетъ моихъ словъ объ отношеніяхъ Гоголя къ А. М. Віельгорской („Вѣстникъ Европы", 1889, X), но даже и не *представляетъ возраженія* на нихъ, такъ какъ я сообщалъ семейное преданіе, переданное мнѣ родственниками Віельгорскихъ, о *сватовствѣ* Гоголя, но вовсе не о *любви* его, и полагаю даже, что Гоголь *вовсе не зналъ любви къ женщинамъ*, хотя покойный В. А. Соллогубъ и утверждалъ, что Гоголь *былъ влюбленъ въ Віельгорскую* („Истор. Вѣстн.", 1886, IV, 84).

Digitized by Google

предположеніе о знакомствѣ Гоголя съ А. О. Смирновой только въ 1831 г., въ самомъ дѣлѣ, неточно; но это произошло вслѣдствіе того, что мы не имѣли прежде въ рукахъ отрывковъ изъ дневника, почему на основаніи передачи намъ О. Н. Смирновой второй изъ приведенныхъ выдержекъ заключили, что „Гоголь познакомился съ Россетъ черезъ Пушкина", тогда какъ въ выдержкѣ рѣчь шла уже о *второй* встрѣчѣ Гоголя съ Александрой Осиповной. Поэтому мы говорили: „Между тѣмъ въ іюлѣ 1831 г. Гоголь уже просилъ мать адресовать ему письма, на имя Пушкина въ Царское Село [1]). Такимъ образомъ, знакомство Гоголя съ Пушкинымъ, *а слѣдовательно и съ Смирновой*, относится къ лѣтнимъ мѣсяцамъ 1831 г., а такъ какъ, оно состоялось, какъ увидимъ ниже, до переѣзда на дачи, то можно почти навѣрное пріурочить его къ маю этого года (въ іюнѣ Пушкинъ былъ уже въ Царскомъ Селѣ) [2]). Пушкинъ и Жуковскій приняли, какъ извѣстно, самое живое участіе въ Гоголѣ и, оцѣнивъ его дарованія, спѣшили ввести его въ литературные кружки и всюду, гдѣ онъ могъ найти мыслящее, образованное общество. Признавъ его своимъ, они, естественно, не замедлили представить его въ тѣхъ до-

[1]) Правда, въ изданіи г. Кулиша это письмо („Соч. и письма Гог.", т. V. стр. 117) отнесено къ 1830 г., но годъ поставленъ въ скобкахъ въ знакъ того, что онъ опредѣляется только по предположенію. Между тѣмъ рѣчь идетъ о холерѣ, которая была въ Петербургѣ въ 1831 г., какъ видно и изъ писемъ Пушкина. Кромѣ того, ср. въ V т., стр. 132: „Примите радушно нашего Александра Семеновича (Данилевскаго). Это вѣстникъ о моемъ прибытіи, на слѣдующій годъ" (письмо отъ 21 апрѣля 1830 г.), и 24-же іюля Гоголь, соскучившись, что уѣхавшій Данилевскій не писалъ ему, говоритъ матери: „увѣдомьте о Данилевскомъ. Я до сихъ поръ не имѣю никакого извѣстія о немъ, со времени отъѣзда его изъ Петербурга." – Есть и другія соображенія.

[2]) Впрочемъ, еще, въ статьѣ нашей: „Н. В. Гоголь и А. О. Смирнова" въ „Русской Старинѣ" (1888, IV) мы сочли нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: „Мы не ручаемся, однако, окончательно за вѣрность этого соображенія, такъ какъ, по свидѣтельству Ольги Николаевны Смирновой, ея мать познакомилась съ Гоголемъ еще фрейлиной, не позже 1830 г. Напротивъ, Я. К. Гротъ въ своей книгѣ о Пушкинѣ относитъ начало знакомства Пушкина съ Гоголемъ къ августу 1831 года (см. „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники", Хронологическая канва для біографіи Пушкина, стр. 245). – Отмѣчаемъ это во избѣжаніе перетолкованій (см. приведенное сейчасъ примѣчаніе въ „Русской Старинѣ", 1888, IV, стр. 45, выноска 2-ая). – О. Н. Смирнова особенно настаиваетъ на поправкѣ допущенной нами неточности въ смѣшеніи выраженій *встрѣча* и *знакомство*.

Digitized by Google

махъ, гдѣ сами находили интересъ и отраду". — Въ настоящее время мы должны исправить это мѣсто въ томъ смыслѣ единственно, что знакомство съ Пушкинымъ произошло въ самомъ дѣлѣ приблизительно въ маѣ 1831 г., но съ Россетъ Гоголь былъ знакомъ уже нѣсколько раньше.—Немного позже перваго визита Гоголя къ Россетъ въ дневникѣ послѣдней находимъ еще слѣдующій любопытный разсказъ:

„Joukowsky est triomphant d'avoir empoigné le хохолъ récalcitrant, parce qu'il a vu que cela m'a fait tant de plaisir de parler de la Petite-Russie, de grand'maman, de Gromoclea, de Hopka et des contes qu'elle me faisait. Gogol les a aussi entendus de sa няня; nous avons parlé des nids de cigognes sur les toits en Oukraine, des чумаки, des венгерцы qui apportaient des plumes de faisan à ma mère, des кобзари. J'ai promis à Pouchkine de gronder le pauvre хохолъ, s'il devient trop triste dans la Palmyre du Nord, dont le soleil a toujours l'air si malade (здѣсь такое „больное солнце"!). Pouchkine disait que l'été au Nord est la caricature des hivers du Midi. Ils ont tant taquiné Gogol sur sa timidité et sa sauvagerie, qu'ils ont fini par le mettre à son aise, et il avait l'air content d'être venu me voir съ конвоемъ".

Русскій переводъ:

„Жуковскій въ восторгѣ отъ того, что ему удалось схватить упрямаго хохла, потому что онъ замѣтилъ, какое удовольствіе мнѣ доставляетъ говорить о Малороссіи, о бабушкѣ, о Громоклеѣ, о Гопкѣ и о сказкахъ, которыя она мнѣ разсказывала. Гоголь слышалъ ихъ также отъ своей няни. Мы говорили о гнѣздахъ аистовъ на крышахъ въ Малороссіи, о чумакахъ, о венгерцахъ, которые приносили моей матери перья фазановъ, о кобзаряхъ... Я обѣщала Пушкину побранить бѣднаго хохла, если онъ загруститъ въ Сѣверной Пальмирѣ, въ которой, правду сказать, такое больное солнце! Пушкинъ сказалъ, что

„Наше сѣверное лѣто
Карикатура южныхъ зимъ".

Они (т. е, Жуковскій и Пушкинъ) такъ трунили надъ робостью и дикостью Гоголя, что наконецъ заставили его придти въ себя (войти въ колею), и онъ явно былъ доволенъ, что пришелъ ко мнѣ съ конвоемъ".

Digitized by Google

IV.

Въ своихъ „Запискахъ о жизни Гоголя“ г. Кулишъ разсказываетъ такъ о знакомствѣ его съ Смирновой: „оно началось такъ давно и такимъ необыкновеннымъ образомъ, что Александра Осиповна не могла даже припомнить времени, когда она увидѣла Гоголя въ первый разъ. Въ годъ его смерти она спрашивала его объ этомъ.

— Неужели вы не помните? отвѣчалъ Гоголь. Вотъ прекрасно, такъ я же вамъ и не скажу. Это, впрочемъ, тѣмъ лучше: значитъ, что мы всегда были съ вами знакомы.

Сколько разъ она ни повторяла потомъ свой вопросъ, онъ отвѣчалъ:

— Когда не знаете, такъ не скажу-жъ. Мы всегда были знакомы“.

Очень можетъ быть, что блестящая фрейлина, звѣзда всего придворнаго міра, обворожительная красой первой молодости и уже стяжавшая столько лавровъ, Александра Осиповна, при обширнѣйшемъ кругѣ знакомыхъ, въ началѣ не придавала особаго значенія встрѣчамъ съ скромнымъ начинающимъ писателемъ, преимущественно обратившимъ на себя ея вниманіе своимъ малороссійскимъ происхожденіемъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи былъ Гоголь: новичекъ въ литературномъ и особенно свѣтскомъ кругу, недавній нѣжинскій школьникъ, крайне самолюбивый, онъ былъ, вѣроятно, очень польщенъ новымъ знакомствомъ и если сначала дичился и уклонялся отъ него, то это еще нисколько не противорѣчитъ сказанному. Во всякомъ случаѣ, онъ хорошо запомнилъ первую встрѣчу. Но и Александра Осиповна сохранила въ своей памяти этотъ эпизодъ. Если она затруднялась припомнить точно годъ встрѣчи, то еще возможно допустить, согласно съ разсказомъ П. А. Кулиша, что эта забывчивость не очень льстила въ высшей степени самолюбивому Гоголю [1]), и что по-

[1]) Говоря это, мы имѣли въ виду передачу разсказа въ печатномъ источникѣ (т. е. у г. Кулиша), но О. Н. Смирнова, не соглашаясь съ такимъ освѣщеніемъ фактовъ, отрицаетъ въ Гоголѣ какъ чрезмѣрное самолюбіе вообще, такъ особенно въ данномъ случаѣ. Мы полагаемъ, что г. Кулишъ болѣе правъ на этотъ разъ.

Digitized by Google

этому ей нелегко было выпытать у скрытнаго и уклончиваго малоросса даже то, о чемъ онъ умалчивалъ ради шутки. Но такъ какъ разсказъ г. Кулиша, вѣроятно, основанъ на устныхъ воспоминаніяхъ Александры Осиповны, то, безъ сомнѣнія, намъ всего лучше возстановить истину на основаніи болѣе точнаго письменнаго источника. Поэтому приводимъ здѣсь вполнѣ отрывокъ изъ дневника Ольги Николаевны Смирновой, о разговорѣ ея матери при Гоголѣ (въ Калугѣ въ 1850 г., а не въ 1851 г., какъ у г. Кулиша) съ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ, записанный тотчасъ же на память.

Иванъ Сергѣевичъ.—Александра Осиповна, разскажите, какъ вы познакомились съ Николаемъ Васильевичемъ?

Александра Осиповна. — Ахъ, какъ вы надоѣли, Иванъ Сергѣевичъ! отстаньте! Я не помню совсѣмъ,—и что вамъ за дѣло!

Николай Васильевичъ Гоголь. — Иванъ Сергѣевичъ, Александра Осиповна про это забыла, а знаете ли вы — почему? Потому, что это было такъ давно, что мы были знакомы на томъ свѣтѣ, когда и васъ не было, да и насъ самихъ!... Александра Осиповна про это забыла.

Иванъ Сергѣевичъ.—Николай Васильевичъ, разскажите мнѣ всю правду, гдѣ и какъ вы познакомились?

Николай Васильевичъ.—Хорошо; Александра Осиповна, сознайтесь, что вы забыли, а я помню.

Александра Осиповна. — Именно забыла; разскажите Ивану Сергѣевичу, а то онъ мнѣ будетъ надоѣдать каждый день вопросами [1]): у него страшное любопытство!

Иванъ Сергѣевичъ. — Это не любопытство, а любознательность. Какъ это вы, Александра Осиповна, „дама блистательнаго свѣта“ [2]), узнали Николая Васильевича въ вашемъ не русскомъ Петербургѣ?

Николай Васильевичъ. — Ну, слушайте же! Я давалъ урокъ одной барышнѣ [3]), прескучный урокъ: я не педагогъ... Моя бѣдная ученица зѣвала. Александра Осиповна пришла къ намъ съ сестрой моей ученицы, замѣтила меня

[1]) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ служилъ въ Калугѣ подъ начальствомъ Н. М. Смирнова и часто бывалъ въ его домѣ.

[2]) Намекъ на стихи И. С. Аксакова А. О. Смирновой, гдѣ онъ называетъ ее:
«И дама вы блистательнаго свѣта».

[3]) М. П. Балабиной, впослѣдствіи Вагнеръ.

Digitized by Google

и тотчасъ узнала хохла. Мы близнецы великороссовъ, но видно, что на каждомъ хохлѣ, какъ и на москвичѣ, особый отпечатокъ. Александра Осиповна тутъ же замѣтила, что небосклонъ Сѣверной Пальмиры тяготитъ и гнететъ хохла. Она знала уже, что П. А. Плетневъ меня принималъ дружелюбно и что В. А. Жуковскій и А. С. Пушкинъ благоволили къ хохлу. На другой день она приказала Плетневу доставить къ ней хохла; это было имъ тотчасъ исполнено. Плетневъ при Василіи Андреевичѣ и Александрѣ Сергѣевичѣ передалъ мнѣ приказаніе Александры Осиповны явиться къ ней. Я закобенился, не захотѣлъ повиноваться; но тутъ Жуковскій и Пушкинъ оба закричали на меня и сказали, что я и глупъ, и невѣжа, и грубьянъ, что всѣ должны слушаться Александры Осиповны, и что никто не смѣетъ упираться, когда она приказываетъ. Побранивъ меня порядкомъ, А. С. Пушкинъ, которому нельзя было отказывать, и В. А. Жуковскій схватили меня и повели во дворецъ къ Александрѣ Осиповнѣ. Когда она увидала меня съ моимъ конвоемъ, она сказала: „Наконецъ-таки пришли! Вѣдь и я хохлачка, и я помню Малороссію. Мнѣ было всего семь лѣтъ, когда я уѣхала на сѣверъ, на скучный сѣверъ, а я все помню и хутора, и малороссійскіе лѣса, и малороссійское небо, и солнце. Поговоримъ о родномъ краѣ“. Александра Осиповна прочитала мнѣ малороссійскіе стихи. Тутъ я узналъ, что мы уже давнымъ-давно знакомы и почти друзья, и что мы всегда будемъ друзья. А. С. Пушкинъ сказалъ: „Александра Осиповна, пріютите хохла, побраните его, когда захандритъ“, а Василій Андреевичъ даже промычалъ [1]): „Вотъ видишь, братъ, что Плетневъ тебя бранитъ подѣломъ за твою глупость: вѣдь ты не хотѣлъ идти, а теперь радъ, что пришелъ и будешь намъ благодаренъ во-вѣки, что мы тебя, хохла, схватили и привели“. Вотъ какъ мы познакомились съ Александрой Осиповной. Тогда всѣ мы были помоложе, Пушкинъ еще не былъ женатъ [2]), Александра Осиповна была фрейлина, а я былъ учитель. Я у нея познакомился съ в. кн. Михаиломъ Павловичемъ и со многими добрыми друзьями. Пусть это будетъ

[1]) Напоминаемъ читателю прозваніе Жуковскаго «бычекъ».

[2]) Гоголь, вѣроятно, смѣшалъ эту подробность, такъ какъ едва-ли онъ зналъ Пушкина до его женитьбы.

Digitized by Google

вамъ примѣромъ, Иванъ Сергѣевичъ: добрыхъ совѣтовъ слушайтесь! Знакомство съ Александрой Осиповной мнѣ было въ пользу: вѣдь она пріятная дама, но очень строгая, престрогая дама: она меня побраниваетъ, а это мнѣ очень здорово и полезно; она никогда не увлекается, что̀ очень разумно. Пушкинъ съ ней совѣтовался; она ему говорила правду; это полезно автору.

Иванъ Сергѣевичъ.—Неужели вы въ самомъ дѣлѣ забыли про это, Александра Осиповна? Это непростительно: къ вамъ пришли три личности, и какія же? геніальныя личности! и вы забыли этотъ день!

Николай Васильевичъ. — Не увлекайтесь, Иванъ Сергѣевичъ! тутъ были двѣ геніальныя личности—два поэта; третій былъ я. Про мою геніальность нечего говорить; когда я напишу все, что̀ у меня на умѣ, и на сердцѣ, и въ душѣ, и что̀ еще не высказано, тогда, пожалуй, позволю вамъ опредѣлять мое мѣсто въ русской литературѣ [1]). Я вовсе не геній, и это уже слишкомъ восторженное мнѣніе обо мнѣ, вовсе не нужное. Не восторгайтесь и не увлекайтесь!

Иванъ Сергѣевичъ.—Неужели вы это забыли, Александра Осиповна; даже не записали! Покайтесь!

Александра Осиповна.—Записать-то я записала; я все записывала: разговоры съ Пушкинымъ и Жуковскимъ и другими, и теперь помню этотъ первый визитъ Николая Васильевича; но вѣдь это было такъ давно!—Николай Васильевичъ, это было въ Петербургѣ; мы уѣзжали въ Царское; вы были потомъ у меня въ Царскомъ съ Пушкинымъ. Этотъ день я помню. Была гроза—я боюсь грозы—и вы мнѣ разсказали смѣшной анекдотъ малороссійскій, старались меня развлечь и Пушкинъ читалъ стихи шутовскіе... [2]). Это я очень хорошо помню... Но скажите мнѣ, Иванъ Сергѣевичъ, что̀ васъ удивляетъ, что я, именно я, давно знакома съ Николаемъ Васильевичемъ, и къ чему вамъ это знать?

---

[1]) Ср. слова Гоголя въ письмѣ къ А. О. Россету (отъ 28 ноября 1847 г.): «Вы знаете, что я весь состою изъ будущаго; въ настоящемъ же есть *нуль*» (курсивъ Гоголя; см. «Русская Старина» 1884, 1, 172).

[2]) Эти-то слова, какъ видно изъ дневника, неточно воспроизводящія дѣйствительные факты, такъ какъ А. О. Смирнова смѣшала двѣ разныхъ встрѣчи съ Гоголемъ, и подали поводъ къ вышеуказанной неточности въ нашей статьѣ въ „Русской Старинѣ“.

Digitized by Google

Иванъ Сергѣевичъ. — Простите великодушно, Александра Осиповна: вы не сердитесь за стихи, отдайте мнѣ эти стихи.

Александра Осиповна.—Я вовсе не сержусь, Иванъ Сергѣевичъ, а стиховъ не отдамъ. Они очень хороши, особенно одинъ стихъ:

„И закалясь въ борьбѣ суровой"... [1]).

Весь этотъ разговоръ былъ шутливый, веселый. Иванъ Сергѣевичъ былъ очень молодъ, увлекался и восторгался. Александра Осиповна его очень любила, а иногда дразнила за стихи.

Изъ этого любопытнаго разсказа очевидно, что Гоголь сразу почувствовалъ себя въ обществѣ Александры Осиповны легко и привольно, какъ въ своей родной сферѣ; но какъ затѣмъ продолжались ихъ отношенія до 1840-хъ годовъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній [2]). Впрочемъ, на основаніи извѣстной книги г. Кулиша, имѣемъ полное право заключать, что ихъ дружба и взаимное расположеніе постоянно росли.

Отсылая интересующихся къ „Запискамъ о жизни Гоголя" П. А. Кулиша (т. I, стр. 206—210), дополнимъ здѣсь кстати, на основаніи записаннаго Ольгой Николаевной Смирновой, разсказъ Гоголя о путешествіи его въ Испанію, тѣмъ болѣе, что этотъ эпизодъ его жизни остается почти неизвѣстнымъ въ нашей литературѣ. Гоголь былъ въ Испаніи и даже чи-

---

[1]) Этотъ намекъ относится къ стихамъ И. С. Аксакова:

„Вы примиряетесь легко,
Вы снисходительны не въ мѣру...
. . . . . .
И дама вы блистательнаго свѣта". (Стих. И. С. Аксакова, стр. 45).

На третій день Иванъ Сергѣевичъ написалъ извиненіе въ стихахъ и просилъ назадъ свое поэтическое слово, но ему его не отдали. И Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, и Александра Осиповна послѣ много смѣялись по этому поводу.

[2]) Только въ одномъ изъ писемъ Жуковскаго отъ 1836 г. мы читаемъ, что послѣдній предлагалъ А. О. Смирновой привезти Гоголя, чтобы онъ прочелъ ей „Ревизора" („Русск. Архивъ" 1883, 2, 336), въ другомъ Гоголь проситъ передать письмо Александрѣ Осиповнѣ («Русскій Арх.» 1871, 5, 959); письмо относится къ 1837 г.

Digitized by Google

талъ по́-испански, въ чемъ удостовѣряютъ по воспоминаніямъ лица, близко его знавшія (О. Н. Смирнова и другъ Гоголя—А. С. Данилевскій).

Изъ Марселя Гоголь отправился моремъ въ Барселону (вѣроятно, въ 1837 г., когда въ его перепискѣ замѣчается длинный перерывъ,—съ іюня по ноябрь) и разсказывалъ анекдотъ по этому поводу. Погода была отвратительная. Въ каютѣ былъ Гоголь, два француза и англичанинъ. Ихъ очень укачивало и всѣ сильно мучились морскою болѣзнью.

Къ утру англичанинъ раздѣлся, снялъ даже рубашку и при всѣхъ безцеремонно вымылся съ ногъ до головы. Одинъ изъ французовъ, возмущенный такой выходкой, обращаясь къ Гоголю, сказалъ:

— „Avouez, monsieur le russe, que voilà un cochon bien propre!“

Другой случай произошелъ въ гостиницѣ въ Мадридѣ. Все въ ней по испанскому обычаю было грязно; бѣлье было совсѣмъ засаленое. Гоголь пожаловался; но хозяинъ отвѣчалъ: „señor, нашу незабвенную королеву (Изабеллу) причисляютъ къ лику святыхъ, а она во время осады нѣсколько недѣль не снимала съ себя рубашки, и эта рубашка, какъ святыня, хранится въ церкви, а вы жалуетесь, что ваша простыня нечиста, когда на ней спали только два француза, одинъ англичанинъ и одна дама очень хорошей фамиліи: развѣ вы чище этихъ господъ?“

Когда Гоголю подали котлетку, жаренную на прованскомъ маслѣ и совершенно холодную, Гоголь снова выразилъ неудовольствіе. Лакей (mozzo) преспокойно пощупалъ ее грязной рукой и сказалъ:

— Нѣтъ, она тепленькая: пощупайте ее!

Разсказывая это впослѣдствіи, Гоголь обыкновенно прибавлялъ:

— Въ 1830-хъ годахъ испанскія локанды были гораздо грязнѣе русскихъ станцій; грязнѣе ихъ знаю только жидовскую корчму и одинъ монастырь въ Іерусалимѣ и также на Аѳонѣ, гдѣ легкая и тяжелая кавалерія[3]), т. е. блохи, клопы, тараканы и вши, ночью поднимаютъ настоящій бунтъ и однажды

[3]) Это было однимъ изъ любимыхъ выраженій Гоголя въ его шуткахъ; оно же встрѣчается въ «Игрокахъ» (Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 411).

Digitized by Google

сражались на моей спинѣ!“ и проч. Онъ говаривалъ также: „Блохи при Тиверіадскомъ озерѣ настоящіе слоны!“

По шутливому тону этихъ разсказовъ, Александра Осиповна сначала сомнѣвалась въ ихъ справедливости и даже въ 1843 году, когда Гоголь разсказывалъ объ этомъ въ присутствіи ея брата, Аркадія Осиповича Россета, Якова Владиміровича Ханыкова и Василія Алексѣевича Перовскаго. (Такъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ о жизни Гоголя“ П. А. Кулишъ, но О. Н. Смирнова энергически отрицаетъ его сообщеніе).

Digitized by Google

IV. ОТНОШЕНІЯ ГОГОЛЯ КЪ ПУШКИНУ.

I.

Дневникъ А. О. Россетъ даже въ немногихъ приведенныхъ нами строкахъ ярко рисуетъ отношенія къ Гоголю Жуковскаго и Пушкина; но чтобы оцѣнить все значеніе этой дружбы, надо представить себѣ цѣлый переворотъ, произведенный въ судьбѣ юнаго малоросса этимъ радушно принявшимъ его кругомъ. Надо вспомнить, что Гоголь ожилъ, расцвѣлъ, почувствовалъ себя другимъ человѣкомъ, очутившись на вольномъ воздухѣ и въ сообществѣ лучшихъ, достойнѣйшихъ представителей литературы, послѣ недолгаго, правда, соприкосновенія съ міромъ безнадежной, леденящей житейской прозы въ лицѣ безжизненныхъ, забитыхъ однообразіемъ неблагодарнаго труда автоматовъ-столоначальниковъ и вѣчно прижимаемой суровымъ гнетомъ нужды и назойливыми, узко-практическими заботами о насущномъ кускѣ массы мелкаго чиновничества. Блеснувшее ему счастье было вдвойнѣ драгоцѣнно, открывъ передъ нимъ свѣтлую и разумную жизнь и въ то же время спасая его отъ удушливой канцелярской атмосферы съ ея тоскливощемящей обстановкой и мертвой рутиной, такъ тяжело ложащимися на ея постоянныхъ жертвахъ и заставляющихъ содрогаться свѣжихъ людей, когда имъ приходится на минуту окунуться въ этотъ міръ, вся поэзія котораго заключается въ вечернемъ отдыхѣ за карточнымъ столомъ, и гдѣ нѣтъ другой перспективы, кромѣ чиновъ да наживы. Послѣдній чиновникъ, съ точки зрѣнія оставленнаго имъ департамента, съ мало

Digitized by Google

обѣщающей впереди репутаціей, Гоголь вдругъ вздохнулъ легко и свободно, и вотъ онъ уже является обычнымъ и желаннымъ гостемъ на субботахъ Жуковскаго, гдѣ собирается избранное общество литераторовъ и образованныхъ людей: Пушкинъ, Вяземскій, Віельгорскій, Гнѣдичъ, Крыловъ. До сихъ поръ міръ мысли и чувства былъ лишь родственнымъ Гоголю по духу, но онъ не имѣлъ въ него доступа и даже сохранялъ о немъ смутное представленіе, проникнутое какой-то наивной идеализаціей. Извѣстно, что, вошедши въ первый разъ въ квартиру Пушкина, Гоголь былъ изумленъ, узнавъ отъ лакея, что баринъ еще не вставалъ, потому что всю ночь проигралъ въ карты, тогда какъ юному дебютанту на полѣ литературы яркое свѣтило поэзіи представлялось не иначе, какъ окруженное ореоломъ чего-то неземного, непремѣнно въ вдохновенной бесѣдѣ съ музами. Съ первыхъ же встрѣчъ съ Гоголемъ безошибочный тактъ благороднаго сердца внушилъ Пушкину непринужденное, пріятельское отношеніе, такъ облегчившее Гоголю сдѣлать первый шагъ къ вступленію въ новую для него среду, которая была такъ высока въ его заочномъ благоговѣйномъ представленіи. Впрочемъ, эта естественность и непритязательность вообще отличали Пушкина и плѣняли людей близко его знавшихъ не менѣе его геніальнаго дарованія. Въ жизни Гоголя знакомство съ нимъ было, безъ сомнѣнія, одной изъ самыхъ яркихъ страницъ. Свѣтлымъ взглядомъ настоящаго генія Пушкинъ тотчасъ прозрѣлъ въ неловкомъ, застѣнчивомъ молодомъ другѣ явленіе необычайное, хотя онъ только смутно предчувствовалъ въ этомъ непредставительномъ малороссѣ воплощеніе той великой грядущей силы, которой было суждено вскорѣ открыть новый періодъ въ нашей литературѣ созданіемъ натуральной школы, а въ наши дни завоевать намъ почетное право на вниманіе и уваженіе просвѣщенныхъ народовъ Западной Европы. Какъ истинно великій человѣкъ, Пушкинъ не устрашился и не возненавидѣлъ зарождающуюся живую силу, возвѣщавшую зарю будущаго величія русской литературы, но привѣтствовалъ ее отъ души, протянувъ руку начинающему таланту и какъ бы завѣщая ему продолженіе своей славной дѣятельности на благородномъ поприщѣ слова. Дружба его привѣтливымъ, яркимъ лучомъ озарила и обогрѣла томившагося среди суроваго равнодушія столицы, на угрюмомъ сѣверѣ, этого юнаго пришельца

Digitized by Google

съ юга, и подарила ему много высокихъ, чистыхъ минутъ наслажденія прекраснымъ. По позднѣйшему представленію Гоголя, Пушкинъ былъ для него метеоромъ изъ иного чуднаго міра, и мы, не опасаясь упрека въ преувеличеніи и реторикѣ, пытаемся здѣсь по мѣрѣ силъ представить свѣжее юношеское чувство Гоголя, выразившееся впослѣдствіи въ его извѣстномъ лирическомъ возгласѣ: „Пушкинъ! какой прекрасный сонъ видѣлъ я въ жизни“! [1]). Въ созданіяхъ Гоголя Пушкинъ сразу не могъ не почувствовать, хотя инстинктивно, необходимое дополненіе своей поэтической дѣятельности. Онъ уже сблизилъ въ значительной степени литературу съ жизнью, но довершить это дѣло выпало на долю новаго избранника—Гоголя.

Раскроемъ любое произведеніе Пушкина, особенно прозаическое — и мы будемъ встрѣчать очень часто отрицательные типы, что̀ и вполнѣ естественно и понятно, потому что Пушкинъ, какъ истинный художникъ, изображалъ жизнь такъ, какъ она есть, нисколько не закрывая глазъ на ея темныя стороны, точно такъ же, какъ, съ другой стороны, и у Гоголя мы легко можемъ отыскать въ числѣ другихъ и положительные типы. Тарасъ Бульба и его сыновья, большинство казаковъ, изображенныхъ въ поэмѣ, панночка, старосвѣтскіе помѣщики, молодой художникъ Пискаревъ, множество малороссійскихъ типовъ, въ родѣ Черевика, Левка, Катерины въ „Страшной Мести“, и проч.—будто бы всѣ эти типы отрицательные? Наоборотъ, личности Пугачева, Швабрина, Зурина въ „Капитанской Дочкѣ“, Троекурова, его дерзкаго псаря, оскорбившаго Дубровскаго, засѣдателя Шабашкина съ цѣлой арміей самыхъ отвратительныхъ подьячихъ, кузнеца Архипа Спицына, князя Верейскаго и проч., въ „Дубровскомъ“ Германа и графини въ „Пиковой Дамѣ“, чудака Григорія Ивановича, отца Лизы, въ „Барышнѣ-Крестьянкѣ“, Сильвіо и его соперника въ „Выстрѣлѣ“, пустого и пошлаго Корсакова въ „Арапѣ Петра Великаго“, Буянова, Зарѣцкаго въ „Онѣгинѣ“, наконецъ личности Мазепы, Орлика, Алеко, Анджело, — неужели все это типы положительные? Исполненныя глубокаго чувства и замѣчательно справедливыя слова Гоголя въ VII главѣ „Мертвыхъ Душъ“ обыкновенно понимаются поверхностно; мыслью, въ нихъ выраженной, слишкомъ часто злоупотре-

[1]) «Русск. Арх.», 1871, 4 5, стр. 958.

Digitized by Google

бляютъ, повторяя ее безъ строгаго разбора. Нельзя даже говорить безотчетно, что Пушкинъ изображалъ только свѣтлыя стороны жизни, а Гоголь — только темныя. Пушкинъ, какъ художникъ, реально представлявшій жизнь, вовсе, повторяемъ, не хотѣлъ и не могъ избѣгать ея темныхъ сторонъ въ своемъ творчествѣ: мы найдемъ у него не только порочныхъ людей, но также хотя хорошихъ, но смѣшныхъ, съ ихъ недостатками, пошлостью и странностями. (Иванъ Кузьмичъ, Василиса Егоровна Мироновы, поручикъ Иванъ Игнатьевичъ, и проч. и проч.; также какъ напротивъ Лука Лукичъ Хлоповъ и Бобчинскій съ Добчинскимъ, да и многія другія лица у Гоголя только смѣшны, а не отвратительны). Правильнѣе сказать, что Гоголь, гораздо глубже захватывая въ своихъ произведеніяхъ дѣйствительную и притомъ именно *повседневную* жизнь, и воспроизводилъ ее полнѣе и рельефнѣе, нежели Пушкинъ, и охотнѣе представлялъ не праздничную ея сторону, а обыденную. Такимъ образомъ дѣло не столько въ характерѣ типовъ, сколько въ способѣ представленія жизни, который долженъ былъ зависѣть въ значительной степени отъ качества пережитыхъ впечатлѣній и слѣд. отчасти даже отъ того соціальнаго положенія, въ которое поставила судьба обоихъ писателей. Пушкинъ, какъ аристократъ - помѣщикъ, проходилъ свое жизненное поприще легче и безпечнѣе, сравнительно съ бѣднымъ малороссомъ „съ пiдъ Полтавы“, видѣвшимъ и гóре и нужду, а главное—несравненно ближе соприкасавшимся съ тиною и язвами жизни, и притомъ надѣленнымъ отъ природы особой способностью замѣчать тò, „чтò ежеминутно передъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи“. Пушкину приходилось больше страдать отъ неудачъ личной жизни, мучиться изъ-за гнусныхъ великосвѣтскихъ интригъ; Гоголь„ заболѣлъ своимъ несовершенствомъ, и такъ уже былъ устроенъ талантъ его, чтобы изображать ему бѣдность нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства“ [1]). Слѣдовательно, Гоголю именно дано было въ удѣлъ представлять жизнь захолустную, обыденную, буднич-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 279. Въ сущности, по нашему мнѣнію, это самая великая и самая симпатичная сторона въ поэзіи Гоголя, представляющая достойное дополненіе поэзіи Пушкина, ибо „равно чудны стекла, озирающія солнцы, и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ“.

Digitized by Google

ную. Но вѣдь зато, если Пушкинъ кистью великаго художника призвалъ къ жизни изъ своего воображенія цѣлый міръ обаятельныхъ разнообразныхъ и разрозненныхъ поэтическихъ образовъ, съ одинаковымъ совершенствомъ воспроизводя быть современный и средневѣковой, русскую жизнь помѣщичьяго и столичнаго круга и жизнь восточную, испанскую, и проч.,— то это преимущественно отдѣльныя мастерскія картины, изображающія избранные эпизоды изъ жизни. „Кавказскій Плѣнникъ“, „Бахчисарайскій Фонтанъ“, „Цыганы“, „Скупой Рыцарь“, „Пиковая Дама“, „Мѣдный Всадникъ“, „Каменный Гость“, „Русалка“, „Дубровскій“, — все это разрозненные поэтическіе этюды сравнительно съ широкимъ изображеніемъ русской жизни у него же въ „Онѣгинѣ“ и особенно съ рельефнымъ изображеніемъ ея у Гоголя въ „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ Душахъ“. И Пушкинъ, и Лермонтовъ, не говоря объ ихъ предшественникахъ, выбирали для своихъ произведеній исключительные, поэтическіе сюжеты; Гоголь сталъ изображать современную жизнь, какъ она есть въ цѣломъ, а не по частямъ [1]). И въ этомъ существенная разница. Колоссальное представленіе en grand „всей громадно-несущейся жизни“— большое преимущество Гоголя. Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ ученикомъ передъ Пушкинымъ, далеко оставляя его за собой, въ свою очередь, въ глубокомъ практическомъ познаніи жизни. Извѣстно, что Гоголь поразилъ и огорчилъ Пушкина печальной картиной общественной жизни въ „Мертвыхъ Душахъ“: Пушкинъ, сначала безпечный и веселый, слушая чтеніе поэмы, постепенно становился мрачнѣе и наконецъ воскликнулъ съ тоской: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ Очевидно, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ чтеніе „Мертвыхъ Душъ“ раскрыло передъ нимъ цѣлый неподозрѣваемый прежде міръ, ужаснуло его той непроходимой трясиной, которую представляла тогдашняя провинціальная русская жизнь и которую вмѣстѣ съ милліонами людей не вполнѣ замѣчалъ и Пушкинъ, тогда какъ изображеніе ея съ болѣзненными конвульсіями исторгалъ Гоголь изъ запаса своей необыкновенной наблюдательности [2]). Вотъ причина

[1]) Предшественниками Гоголя въ этомъ отношеніи были, конечно, Пушкинъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» и также Грибоѣдовъ въ «Горѣ отъ ума».

[2]) Приведенныя выдержки изъ дневника А. О. Смирновой снова подтверждаютъ это.

Digitized by Google

страстной тоски Гоголя по идеаламъ, проявляющейся впослѣдствіи и въ его перепискѣ и легко объясняемой тѣмъ хаосомъ окружающей жизни, который такъ отчетливо проницалъ его зоркій глазъ. Эту-то неудовлетворенность настоящимъ передалъ потомъ Гоголь и всѣмъ своимъ мыслящимъ современникамъ, затронувъ и расшевеливъ благородное стремленіе къ прогрессу въ душѣ будущихъ даровитыхъ представителей славянофильства и западничества [1]). — Одинъ изъ современныхъ критиковъ приводитъ много соображеній въ пользу того, что не Гоголя, а Пушкина слѣдуетъ считать виновникомъ и основателемъ новѣйшаго направленія нашей литературы [2]); но намъ кажется, что уже указанное нами сейчасъ соображеніе можетъ одно перетянуть чашку вѣсовъ въ данномъ отношеніи. Произведенія Гоголя заставляютъ читателей содрогнуться „за человѣка“ и искать выхода изъ мрака—и и въ этомъ ихъ неотразимая общественная сила; въ этомъ причина ихъ безспорно значительнаго вліянія, вѣрно замѣченнаго и оцѣненнаго современниками. Пушкинъ изображалъ и темныя стороны жизни; но Гоголь къ нимъ имѣлъ случай ближе присматриваться, и кромѣ того мы находимъ у него болѣе глубокій психологическій анализъ, который именно всего сильнѣе и дѣйствуетъ на читателей, заставляя ихъ задуматься надъ тѣмъ, что̀ въ противномъ случаѣ неминуемо промелькнуло бы мимо. Въ этомъ заключалось педагогическое значеніе произведеній Гоголя для общества. Благодаря психологическому анализу, надъ героями Гоголевыхъ повѣстей и драмъ нельзя не остановиться, тогда какъ соотвѣтствующіе герои и случаи жизни, изображенные Пушкинымъ, нисколько не тревожатъ насъ и почти не возбуждаютъ чувства отвращенія. Возьмемъ такой примѣръ. Вліяніе пошлыхъ, мелочныхъ причинъ на взаимныя человѣческія отношенія изображено не только у Гоголя въ его повѣсти „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, но и у Пушкина въ „Барышнѣ-Крестьянкѣ“: но только Пуш-

[1]) Такимъ образомъ произведенія Гоголя, человѣка, не высоко стоявшаго по образованію, послужили, однако, могучимъ рычагомъ, двинувшимъ впередъ развитіе всего нашего общества въ сороковыхъ годахъ.

[2]) Впрочемъ взглядъ этотъ достаточно опровергнутъ и при томъ многими критиками, такъ что мы останавливаться на немъ не будемъ. Но ниже указанное замѣчаніе того же критика о Пушкинѣ и Гоголѣ весьма цѣнно.

Digitized by Google

кинъ представляетъ моментъ примиренія, Гоголь — самую ссору. Сходство несомнѣнное; разница же *въ впечатлѣніи*: ссора двухъ малороссовъ у Гоголя поражаетъ и подавляетъ читателя, тогда какъ у Пушкина ссора двухъ сосѣдей только занимаетъ его. Другой примѣръ можетъ представить изображеніе негодяя Шабашкина въ „Дубровскомъ“ и чиновниковъ у Гоголя. Пушкинъ также представляетъ намъ отвратительную готовность мелкаго приказнаго унижаться передъ сильными міра и превозноситься передъ слабыми, чинить въ угоду знатныхъ вельможъ всякія неправды и проч.; но Пушкинъ не вводитъ читателя, подобно Гоголю, въ грязную трущобу низкой души героя; тогда какъ это именно и могло бы произвести потрясающее дѣйствіе неумолимо-реальной правдивостью изображенія и подѣйствовать воспитательно, заставивъ оглянуться на себя и вокругъ себя. Пошлость Коробочки опять несравненно рельефнѣе и сильнѣе изображена, нежели пошлость Натальи Павловны въ „Графѣ Нулинѣ“.

Но если относительно внутренняго содержанія произведеній Пушкина и Гоголя слѣдуетъ признать указанную нами разницу въ характерѣ изображенія жизни, то съ внѣшней стороны должно быть отмѣчено противное; склонность къ цѣльному представленію жизни увлекала Гоголя, человѣка южнаго темперамента, въ преувеличенія и эффекты, которыхъ такъ тщательно избѣгалъ Пушкинъ. Это сравненіе было мѣтко указано однимъ изъ новѣйшихъ критиковъ, г. Скабичевскимъ, слова котораго позволимъ себѣ здѣсь привести: „Въ то время, когда Пушкинъ все необычайное и выдающееся старается свести къ будничному, показать намъ, что необычайнымъ оно кажется только издали, на самомъ дѣлѣ оно тонетъ въ уровнѣ повседневной жизни, Гоголь наоборотъ всѣ образы въ своемъ романѣ („Тарасъ Бульбѣ“) освѣщаетъ бенгальскимъ огнемъ и они рисуются передъ вами въ дивномъ, волшебномъ сіяніи“ („Сѣвер. Вѣстн.“, 1886 г., 2, 687 стр.).

Замѣтимъ еще, что Пушкинъ изображалъ также иногда пошлую сторону жизни и въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ, напримѣръ, въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, въ стихахъ:

„Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все такъ же лжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ такъ же глупъ,
Семенъ Петровичъ такъ же скупъ“, и проч.

Digitized by Google

Иногда впрочемъ у Пушкина впечатлѣніе ослабляется романическими эффектами. Такъ Пушкинъ удовлетворяетъ чувству досады читателей на подьячихъ печальной для нихъ развязкой—ихъ гибелью отъ руки кузнеца Архипа, не отказывающаго тутъ же въ состраданіи кошкѣ.

II.

Съ Пушкинымъ Гоголь могъ познакомиться только по возвращеніи послѣдняго изъ Москвы, въ которой поэтъ прожилъ всю первую половину 1831 года, и до переѣзда Пушкина на заранѣе нанятую по его просьбѣ Плетневымъ квартиру въ Царскомъ Селѣ. Во второй половинѣ мая Пушкинъ пріѣзжалъ на недѣлю или на двѣ въ Петербургъ, и тутъ-то, безъ всякаго сомнѣнія, началось знакомство его съ Гоголемъ. Я. К. Гротъ, основываясь на письменной рекомендаціи Гоголя Пушкину въ письмѣ Плетнева отъ 22-го февраля 1831 года и на другихъ соображеніяхъ, относитъ знакомство къ іюню 1831 г.[1]); но оно произошло еще *въ маѣ*[2]). Только принявъ это предположеніе, можно съ полной увѣренностью согласить всѣ извѣстныя до сихъ поръ и разрозненныя данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи. Хотя въ іюнѣ 1831 г. Пушкинъ, Гоголь, Жуковскій и А. О. Россетъ, всѣ собрались въ Царскомъ Селѣ и въ Павловскѣ, но вѣдь первая встрѣча Гоголя съ Россетъ произошла еще въ Петербургѣ, въ домѣ Балабиныхъ[3]). Наше соображеніе какъ нельзя болѣе оправдывается нетерпѣніемъ, съ какимъ Плетневъ, по его собствен-

---

[1]) „Хронологическая канва для біографіи Пушкина“, г. Грота, 2-е изд., стр. 30.

[2]) См. „Русскую Старину“, 1888, IV, стр. 45, и выше, стр. 329.

[3]) Удивительно, что неизвѣстный намъ авторъ статьи въ „Русской Жизни“ (1891, № 39) почему-то утверждаетъ, что будто я въ трехъ разныхъ статьяхъ предлагаю разныя даты начала этого знакомства, и даже приводитъ точныя цифры, хотя во всѣхъ трехъ указанныхъ имъ мѣстахъ это знакомство относится къ одному времени. («Русск. Стар.», 1888, IV, 45: «знакомство Гоголя съ Пушкинымъ, а слѣдовательно и съ Смирновой, относится *къ маѣскимъ мѣсяцамъ 1831 года*; «Вѣстн. Евр.», 1890, I, 93: «Данилевскій полагалъ, что еслибы Гоголь познакомился съ Пушкинымъ до его отъѣзда (28 апрѣля 1831 г.) то онъ зналъ бы объ этомъ». Наконецъ третье мѣсто («Вѣст. Евр. 1890, VII, 512—513) читатель можетъ видѣть выше, на этой страницѣ. Всѣ три соображенія безусловно согласны между собой.

Digitized by Google

нымъ словамъ, спѣшилъ его „подвести подъ благословеніе“ Пушкина. Онъ, конечно, не замедлилъ для этого воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, который и представился именно по пріѣздѣ Пушкина въ Петербургъ. Притомъ Плетневъ, остававшійся лѣтомъ въ Петербургѣ или, если жившій въ окрестностяхъ его, то развѣ въ другомъ мѣстѣ, напр., Лѣсномъ,—гдѣ онъ не разъ проводилъ каникулы [1]),—является въ перепискѣ довѣреннымъ посредникомъ обоихъ писателей и самъ пользовался посредничествомъ Гоголя, какъ общаго хорошаго знакомаго; встрѣчаться же втроемъ они могли только въ Петербургѣ до переѣзда на дачи, потому что сношенія между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ по случаю холеры были тогда въ высшей степени затруднены.

Лѣто 1831 г. Гоголь провелъ въ Павловскѣ въ качествѣ гувернера при малолѣтнемъ князѣ Василіи Алексѣевичѣ Васильчиковѣ. Здѣсь ему представился случай еще короче сойтись съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, такъ что даже всѣ письма и посылки отправлялись на имя послѣдняго. Отрѣзанные отъ сообщенія съ остальнымъ міромъ, они почти ежедневно видѣлись другъ съ другомъ. Гоголь восхищался въ чтеніи самихъ поэтовъ ихъ новыми произведеніями и былъ посвященъ въ ихъ литературные замыслы и интересы. Но самъ онъ, можетъ быть, не читалъ вполнѣ „Вечера“ Пушкину въ Царскомъ; по крайней мѣрѣ, по полученіи корректурнаго экземпляра, Пушкинъ писалъ Воейкову, что онъ былъ пріятно изумленъ ими, какъ любопытной литературной новинкой. Всего же скорѣе, однако, слѣдуетъ здѣсь видѣть неточность, допущенную изъ нежеланія вдаваться въ откровенность. Гоголь же не только познакомился со сказками обоихъ поэтовъ и повѣстью „Домикъ въ Коломнѣ“ [2]), но ему было поручено Пушкинымъ передать Плетневу посылку, въ которой заключались повѣсти Бѣлкина. Въ началѣ августа 1831 года, еще до окончатель-

[1]) По свидѣтельству Я. К. Грота, Плетневъ жилъ въ лѣтніе мѣсяцы, начиная съ 1826 г., на Спасской мызѣ около Лѣсного института. Такъ называлъ онъ домикъ, который занималъ на землѣ, принадлежавшей сперва Молчанову (Молчановкѣ), потомъ Кушелеву (Кушелевкѣ), наконецъ Беклешову (Беклешовкѣ). Недалеко отъ него впослѣдствіи (въ 40-хъ годахъ) построилъ себѣ дачу и князь П. А. Вяземскій. См. Соч. Плетнева, т. III, стр. 374.

[2]) Гоголь называетъ эту повѣсть „Кухарка“. См. „Соч. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, томъ V, стр. 139.

Digitized by Google

наго возвращенія въ Петербургъ, которое назначалось на 15 число, Гоголь пріѣхалъ туда на нѣсколько дней для сношеній съ типографіей, печатавшей „Вечера“. Неожиданно встрѣтилъ онъ 8-го августа днемъ на Вознесенскомъ проспектѣ Пушкина, который „воззвалъ голосомъ трубнымъ къ нему, лѣпившемуся по низменному тротуару, подъ высокимъ окномъ“ [1]). Пушкинъ передалъ недавно разставшемуся съ нимъ Гоголю свѣжее извѣстіе о новыхъ сказкахъ, написанныхъ имъ и Жуковскимъ, и поручилъ взять у него рукопись для передачи Плетневу; но вечеромъ того же дня уѣхалъ въ Царское, а случайность помѣшала Гоголю, въ свою очередь возвращавшемуся въ Павловскъ, остановиться возлѣ его квартиры и захватить рукопись. Черезъ нѣсколько дней посылка все-таки была доставлена для передачи черезъ Гоголя Плетневу пріѣхавшею слѣдомъ за Гоголемъ изъ Павловска въ Петербургъ Александрой Ивановной Васильчиковой. 15-го августа Гоголь возвратился вторично въ столицу, а черезъ нѣсколько дней уже успѣлъ передать „въ исправности посылку и письмо“, хотя „холера всѣхъ поразгоняла во всѣ стороны, и знакомымъ нуженъ былъ почти цѣлый мѣсяцъ антракта, чтобы встрѣтиться между собой“ [2]).

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1871, 4—5, стр. 947.

[2]) Г. Гротъ въ „Хронологической канвѣ для біографіи Пушкина“ (2-е изд., стр. 32) относитъ отправленіе рукописи повѣстей Бѣлкина Плетневу къ іюлю 1831 г. Намъ кажется, что здѣсь незначительная неточность. Для того, чтобы наши соображенія не показались произвольными, считаемъ необходимымъ слѣдующее поясненіе. Факты таковы: 8-го августа Пушкинъ и Гоголь, оба пріѣхавшіе не надолго въ Петербургъ, встрѣтились, оба возвратились потомъ обратно, причемъ Гоголь пробылъ въ Павловскѣ до 15 числа. 16-го писалъ: „Я только-что пріѣхалъ въ городъ и никого еще не видалъ“. Когда обстоятельства помѣшали Гоголю заѣхать за посылкой, Пушкинъ долженъ былъ ее взять съ собой въ Царское, иначе Гоголь, не заѣхавшій къ нему на обратномъ пути, не могъ бы вмѣсто себя просить Васильчикову взять рукопись. Ср. „Русскій Архивъ“, 1880, 2, 509—510, и 1871, 4—5, стр. 947, также Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда, т. VII, стр. 278.

Какъ Я. К. Гротъ, такъ и Л. И. Поливановъ (школьное изданіе Пушкина, т. IV, стр. 59) были, очевидно, введены въ заблужденіе слѣдующими словами одного изъ писемъ Пушкина Плетневу: „На-дняхъ отправилъ я тебѣ черезъ Эслинга (Геслинга) повѣсти покойнаго Бѣлкина, моего пріятеля“ (изд. Лит. Фонда, т. VII, стр. 276). Но дѣло въ томъ, что онѣ не были на самомъ дѣлѣ доставлены Геслингомъ, вѣроятно вслѣдствіе карантинныхъ затрудненій, и 19-го іюля Плетневъ отвѣчалъ: „Эслинга (Богъ знаетъ, что это за существо! Ты вообра-

Digitized by Google

Литературное сближеніе Пушкина съ Гоголемъ отразилось и на мелочахъ: Пушкинъ былъ занятъ полемикой съ Булгаринымъ, и Гоголь наполняетъ одно изъ первыхъ писемъ къ Пушкину язвительными насмѣшками по адресу Булгарина, а защищаемаго Пушкинымъ А. А. Орлова называетъ „ихъ *общимъ другомъ*“. Въ свою очередь, Пушкинъ не безъ сочувствія принимаетъ шутливую мысль Гоголя о предполагаемой полемической статьѣ противъ Булгарина и, кажется, готовъ придать ей бо́льшее значеніе, нежели какое имѣло у Гоголя мимоходомъ пущенное острое словцо. Онъ сообщаетъ Гоголю, какъ лицу, вполнѣ посвященному въ дѣло, о томъ, что Надеждинъ изъ страха колеблется напечатать въ „Телескопѣ“ извѣстную статью: „Александръ Анѳимовичъ Орловъ, или торжество дружбы“. Пушкинъ отъ души радуется первымъ лаврамъ Гоголя и отечески заботится о распространеніи его славы, о лучшемъ пріемѣ его въ журналистикѣ. Руководя Гоголемъ, онъ не только даетъ ему сюжеты, но даже иногда принимаетъ на себя предварительную цензуру его произведеній относительно ихъ художественнаго достоинства, хотя при всей этой близости, въ постоянномъ житейскомъ круговоротѣ и среди обширныхъ литературныхъ трудовъ и разъѣздовъ, едва-ли часто находилъ часы для бесѣды съ Гоголемъ [1]). Во всякомъ случаѣ Пушкинъ дѣлаетъ его своимъ фаворитомъ и восторгается имъ, какъ прежде Баратынскимъ и Языковымъ. Въ свою очередь, Гоголемъ, въ знакъ исключительнаго почета и расположенія, предназначаются Пушкину, Жуковскому и А. О. Россетъ первые вышедшіе изъ типографіи экземпляры „Вечеровъ“ и при отправленіи ихъ выражается такой благоговѣйный энтузіазмъ, который не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ высокой авторитетности передъ Гоголемъ всѣхъ этихъ лицъ, несмотря на ихъ обращеніе съ нимъ за панибрата [2]).

жаешь, что я знакомъ со всѣмъ свѣтомъ) я не принималъ еще у себя и о повѣстяхъ никакого извѣстія не имѣю“, послѣ чего въ *августѣ* Пушкинъ снова пишетъ: „*Посылаю тебѣ съ Гоголемъ* сказки моего друга И. П. Бѣлкина“ (Изд. Лит. Фонда, т. VII, стр. 278).

[1]) См. прямое указаніе на это въ письмѣ Гоголя къ И. И. Дмитріеву („Русскій Архивъ“, 1866, 11—12, 1729 стр.). Но въ 1832 г. они, конечно, встрѣчались уже весьма часто.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1871, 4—5, стр. 946—947.

Digitized by Google

V. ОТНОШЕНІЯ ГОГОЛЯ КЪ А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ ВЪ НАЧАЛѢ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

Мы говорили, что вскорѣ по возвращеніи Гоголя въ Петербургъ онъ постепенно вошелъ въ кругъ Пушкина, Жуковскаго, Плетнева и Смирновой (тогда еще Россетъ). Все это произошло уже въ половинѣ 1831 г., когда Данилевскій оставилъ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и уѣхалъ изъ Петербурга. Въ мартѣ 1831 года, распростившись съ школой, онъ переселился прямо къ Гоголю и оставался у него до дня отъѣзда (28 апрѣля 1831 г.). Около того же времени Пушкинъ пріѣхалъ изъ Москвы съ молодой женой и поселился въ Царскомъ Селѣ (въ маѣ 1831 г.). Данилевскій полагалъ, что еслибы Гоголь познакомился съ Пушкинымъ до его отъѣзда, то онъ непремѣнно зналъ бы объ этомъ, тѣмъ болѣе, что Гоголь всегда гордился знакомствомъ и дружбой Пушкина и говорилъ о немъ съ энтузіазмомъ. Изъ всѣхъ названныхъ выше лицъ А. С. Данилевскій зналъ только Плетнева, но пока единственно какъ преподавателя въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ; лично же познакомился съ нимъ позднѣе, по возвращеніи въ Петербургъ съ Кавказа въ 1834 году. Какъ профессора, онъ такъ характеризовалъ Плетнева: „онъ говорилъ очень хорошо, но особенно не выдавался; онъ только-что поступилъ еще на службу и, видимо, конфузился. Товарищи и ученики его любили“.

Въ день выѣзда Данилевскаго изъ Петербурга Гоголь пи-

Digitized by Google

салъ въ посылаемомъ съ нимъ письмѣ къ матери: „Примите радушно нашего Александра Семеновича. Это вѣстникъ о прибытіи моемъ на слѣдующій годъ“. На прощаньѣ друзья обѣщали часто писать другъ другу, но Данилевскій съ своей стороны не очень спѣшилъ исполнить данное слово. Начата была переписка не имъ, а Гоголемъ, который по его порученію наводилъ въ Петербургѣ справки у докторовъ о наилучшемъ лѣченіи его болѣзни. Черезъ четыре дня по отъѣздѣ Данилевскаго Гоголь уже писалъ къ нему слѣдующее письмо, которое, какъ небывшее въ печати, приводимъ здѣсь вполнѣ:

Мая 2-го (1831 г.).

„Вышла моя правда: Арендтъ совершенно забылъ и о тебѣ, и о твоей болѣзни, несмотря на то, что я былъ у него на другой день послѣ твоего отъѣзда; и когда я сказалъ нѣсколько словъ о болѣзни твоей, онъ совѣтовалъ написать къ тебѣ, чтобы ѣхалъ скорѣе на Кавказъ и слѣдовалъ въ точности предписаніямъ тамошняго доктора, который дастъ тебѣ всѣ предуготовительныя къ тому средства. Пилюль же не почитаетъ онъ нужнымъ по благорастворенности малороссійскаго воздуха и потому, что [1]) время для нихъ прошло.

„Я до сихъ поръ сижу еще на прежней квартирѣ, и никакая новость и внезапность не потревожили мирной и однообразной моей жизни. Красненькій [2]) (эта вещь принадлежитъ тоже къ внезапнымъ явленіямъ) не показывался со дня отъѣзда твоего. Съ друзьями твоими Беранжеромъ и Близнецовымъ случились несчастія. Первый долго скитался безъ пріюта и уголка, изгнанный изъ ученаго сообщества Смирдина неумолимымъ хозяиномъ дома, вздумавшимъ передѣлывать его квартиру. Три дня и три ночи не было вѣсти о Беранжерѣ; наконецъ, на четвертый день увидѣли на окошкахъ дому (sic) графини Ланской (гдѣ были звѣри) Хозревовъ на бѣлыхъ лошадяхъ. А бѣдный Близнецовъ сошелъ съума!... Вотъ что̀ наши знанія!...

„На первый день мая по обыкновенію шелъ снѣгъ, и даже твой Сомъ не показывался на улицу [3]).

---

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ еще слово *ты;* затѣмъ послѣ зачеркнутаго слова продолжается: „время для нихъ прошло“.

[2]) Н. Я. Прокоповичъ.

[3]) Всѣхъ названныхъ здѣсь лицъ вслѣдствіе ихъ незначительности и за давностью лѣтъ А. С. Данилевскій припомнить не могъ.

Digitized by Google

„Моя книга [1]) врядъ ли выйдетъ лѣтомъ: наборщикъ пьетъ запоемъ.

„Ну, какъ-то принимаютъ воина, пріѣхавшаго отдыхать на лаврахъ [2]). Не забудь (разсказать) подробно и обстоятельно, не выключая Саввы Кирилловича [3]), ни Катерины Григорьевны, ни Марины Ѳедоровны. Я думаю: нами обоими не слишкомъ довольны дома, — мною, что вмѣсто министра сдѣлался учителемъ, тобою — что изъ фельдмаршаловъ попалъ въ юнкера.

„Счастливецъ! ты пьешь теперь весну! а у насъ что-то сырое, что-то холодное, въ родѣ осени. Упомяни хоть слова два про нее въ письмѣ своемъ, чтобы я могъ хоть за морями подышать ею.

„Прощай. Адресуй: Николаю Васильевичу Гоголю въ Институтъ Патріотическій Общества благородныхъ дѣвицъ, потому что я еще не знаю, гдѣ будетъ моя квартира.

„Мое нелицемѣрное почтеніе Василію Ивановичу и Татьянѣ Ивановнѣ“ [4]).

На это письмо долго пришлось ждать отвѣта. Наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, Гоголь писалъ матери уже 24 іюня 1831 года: „Увѣдомьте меня пожалуйста о Данилевскомъ. Я до сихъ поръ не имѣю никакого извѣстія о немъ со времени отъѣзда его изъ Петербурга. Скажите ему, что я разссорюсь съ нимъ на вѣки, если не получу отъ него письма“ [5]). Между

[1]) „Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки“.

[2]) Гоголь не прочь былъ иногда дружески потрунить надъ своими домашними и сосѣдями, которые бывали ему полезны своимъ знаніемъ малороссійской старины (см. V, 140, гдѣ интересно, между прочимъ, то, что онъ просилъ для этой цѣли разыскать между сосѣдями „*старосвѣтскихъ* людей“).

[3]) Савва Кириловичъ—священникъ въ Олифировкѣ. Онъ сообщалъ Гоголю, какъ и нѣкоторые другіе сосѣди, разныя данныя о малороссійскомъ бытѣ для „Вечеровъ на Хуторѣ“ (см. V, 88). Мы уже упоминали, что А. С. Данилевскій только смутно помнилъ эту личность.

[4]) Отчему и матери Данилевскаго.

[5]) По своей крайней безпечности А. С. Данилевскій сдѣлалъ даже немалую неловкость: какъ-только вышли „Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки“, о печатаніи которыхъ Гоголь сообщалъ ему въ приведенномъ письмѣ, — ему одному изъ первыхъ былъ высланъ экземпляръ въ Сорочинцы вмѣстѣ съ требуемымъ имъ словаремъ Ольдекопа. Впрочемъ посылка не застала уже Данилевскаго въ деревнѣ и книги попали въ руки его отчима В. И. Черныша и зятя Егора Львовича Лапо-Данилевскаго (мужа родной сестры Александра Семеновича, Марьи Семеновны). Сообщая потомъ Данилевскому объ успѣхѣ „Вечеровъ“, Гоголь

Digitized by Google

тѣмъ Данилевскій, проживъ нѣкоторое время въ деревнѣ, успѣлъ, по совѣту Арендта, уѣхать на Кавказъ, чтобы пользоваться лѣченіемъ Нарзаномъ. Но прежде чѣмъ ѣхать въ Кисловодскъ, онъ поселился въ домѣ какого-то генерала въ Пятигорскѣ. Вскорѣ сердце его было завоевано ослѣпительной красотой извѣстной родственницы Лермонтова, Эмиліи Александровны Верзилиной (впослѣдствіи Шанъ-Гирей). Не знаемъ, насколько могъ онъ разсчитывать на сочувствіе, но о бракѣ, вслѣдствіе значительной разницы въ положеніи, нельзя было и мечтать юному воину.

Первыя письма Данилевскаго къ Гоголю были наполнены восторженнымъ прославленіемъ предмета его пламенной страсти. Въ нихъ заключался также цѣлый рядъ порученій, возлагаемыхъ на Гоголя пріятелемъ. Данилевскій безпрестанно просилъ его покупать и пересылать ему подарки, книги, сюртуки, галстухи, даже духи, забывая, что послѣдніе не принимаются на почтѣ. На первый разъ онъ просилъ достать для своей повелительницы самыхъ лучшихъ нотъ. „Вотъ оно какъ!“ изумлялся по этому поводу Гоголь: „пятый мѣсяцъ на Кавказѣ и, можетъ быть, еще бы столько прошло до первой вѣсти, еслибы *Купидо сердца не подогнало лозою*“. Въ письмѣ шесть разъ упоминалось о нотахъ. Гоголь поспѣшилъ собрать всѣ возможныя свѣдѣнія, чтобы лучше исполнить просьбу своего друга, и съ этой цѣлью обратился къ знакомымъ фрейлинамъ, которыя, благодаря вліянію М. Ю. Віельгорскаго, хорошо изучили музыку и увлекались ею. Просьбой о нотахъ Гоголь, какъ мы уже говорили выше, безпокоилъ Софью Урусову и Александру Осиповну Россетъ, которая шутливо настаивала на объявленіи имени той счастливой смертной для коей Гоголь такъ усердно хлопоталъ. Гоголь отдѣлался шуткой, сказавъ, что „средоточіе его любви согрѣваетъ ледовитый Кавказъ и бросаетъ на него лучи косвеннѣе сѣ-

---

былъ, очевидно, доволенъ имъ и упоенъ первой славой, доставшейся ему такъ легко. Онъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Плетневымъ, Пушкинымъ и Жуковскимъ, и о томъ, какія произведенія вышли изъ-подъ пера послѣднихъ; онъ уже вступилъ въ ихъ литературный кругъ. Но въ то же время онъ не скрывалъ своего удовольствія и по поводу наивно-хвалебнаго письма Чернышa, который называлъ его сочиненіе „прекраснѣйшимъ дѣломъ“ и „благороднѣйшимъ занятіемъ“. («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 143). Данилевскій же позабылъ даже поблагодарить пріятеля.

Digitized by Google

вернаго солнца“ [1]). Данилевскому же онъ писалъ, что готовъ исполнять его желанія и прислалъ бы ему охотно самыхъ изящныхъ дамскихъ вещей, которыя только-что получены изъ-за моря, и которыя — „совершенное объѣденіе“,—если только онъ ему откровенно скажетъ, чего хочетъ. Гоголь даже просилъ объ этомъ Данилевскаго, которому уже послѣ покупки нотъ оставался кое-что долженъ. Въ каждомъ письмѣ притомъ онъ не забывалъ извѣщать Данилевскаго о товарищахъ-нѣжинцахъ, которые не переставали попрежнему бывать у него каждую среду и каждое воскресенье, и „изъ которыхъ еще не одинъ не имѣетъ звѣзды и не директоръ департамента“ [2]).

II.

Къ страсти Данилевскаго Гоголь относился съ какой-то шутливой ироніей. Онъ какъ будто не хотѣлъ или не могъ

---

[1]) Нѣкоторыя подробности объ этомъ были уже сообщены нами въ статьѣ: „А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь“ („Русская Старина“, изд. 1888, 4, стр. 40, примѣчаніе). См. также замѣтки на нее М. А. Веневитинова («Русск. Стар.». 1888, VI, стр. 695—696).

[2]) Все это составляетъ содержаніе письма Гоголя къ Данилевскому отъ 2 ноября 1831 года, которое напечатано у г. Кулиша съ незначительными пропусками (см. V, 138—140); послѣдніе возстановляемъ здѣсь.

Послѣ словъ: „Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ“ — слѣдуетъ дополнить: „Стало быть, не былъ свидѣтелемъ временъ терроризма, бывшаго въ столицѣ“.

Замѣчательно, что цензура затруднилась пропустить слово „терроризмъ“ и нашла нужнымъ выпустить эту фразу, хотя не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что рѣчь касается здѣсь свирѣпствовавшей въ 1831 году въ Петербургѣ холеры.

Далѣе, въ самомъ концѣ письма есть также пропускъ:

„Хотя по назначенному тобою адресу можно было тебя отыскать, но все лучше и скорѣе будетъ, когда ты станешь употреблять слѣдующій: 2-ой Адмиралтейской части, въ Офицерскую улицу, въ домъ Брунста“.

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 1 января 1832 года) пропущены только два слова: „проклятыя почты!“ Пропускъ обозначенъ въ изданіи г. Кулиша двумя чертами.

Негодованіе Гоголя вызвано было пропажей письма Данилевскаго, въ которомъ онъ описывалъ свой пріѣздъ изъ Петербурга домой. Письма вообще нерѣдко пропадали въ то время; но почти въ то же время пропала у Гоголя и отправленная имъ домой цѣнная посылка на 90 руб., и онъ жаловался на это кн. Голицыну, главному директору почтъ въ Петербургѣ (см. V, 144).

Digitized by Google

повѣрить въ силу и искренность увлеченія своего легко воспламенявшагося пріятеля, и смотрѣлъ на все дѣло, какъ на одинъ изъ тѣхъ незначительныхъ и забавныхъ эпизодовъ, которые нерѣдко разыгрываются на кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Благодаря обычной свободѣ нравовъ и легкости сближенія на тамошнихъ курортахъ, такіе эпизоды вносятъ пріятное разнообразіе въ жизнь посѣщающей воды молодежи и помогаютъ ей украсить и сократить время сезоннаго срока; они потомъ легко забываются, и, конечно, не мѣшаетъ иногда по поводу ихъ поговорить и посмѣяться въ свободной дружеской бесѣдѣ. Притомъ Кавказъ считался въ тѣ времена классическимъ мѣстомъ всякихъ любовныхъ и романическихъ приключеній, а въ качествѣ военнаго человѣка первой молодости, блестящаго, ловкаго и представительнаго, Данилевскій; казалось, не могъ и обойтись безъ романа; это было бы неестественно. Недаромъ Гоголь одно изъ первыхъ писемъ своихъ къ нему начинаетъ многозначительнымъ возгласомъ: „впустили молодца на Кавказъ!“

Высокій ростъ и стройная фигура Данилевскаго въ соединеніи съ счастливою наружностью производили самое выгодное впечатлѣніе, а обходительность и свобода въ обращеніи дѣлали его симпатичнымъ и обворожительнымъ въ обществѣ. Вообще люди, знавшіе его съ дѣтства, въ своихъ воспоминаніяхъ не безъ удовольствія отзываются объ юношѣ Данилевскомъ, котораго въ занимающую насъ пору представляютъ пріятнымъ и развязнымъ свѣтскимъ кавалеромъ. Ошибочно было бы, однако, выдвигать въ его характеристикѣ исключительно эту сторону въ ущербъ его духовной жизни, которой онъ никогда не былъ чуждъ, но въ тѣ годы ранней юности она еще была заслоняема бросившимся въ глаза внѣшнимъ изяществомъ.

Весьма можетъ быть, что Гоголь зналъ прежде за Данилевскимъ нѣкоторую слабость въ отношеніи сердечныхъ склонностей, и потому готовъ былъ и въ данномъ случаѣ видѣть обыкновенный мимолетный романъ молодого человѣка, только-что со школьной скамьи вступающаго въ жизнь съ самыми благопріятными данными для сердечныхъ побѣдъ. Съ другой стороны естественнымъ поводомъ къ шуткамъ Гоголя могъ послужить даже просто черезъ-чуръ рьяный, чисто романтическій энтузіазмъ, которымъ были преисполнены письма

Digitized by Google

его друга. „Знаешь ли“, — спрашивалъ Гоголь, — „сколько разъ ты, въ письмѣ своемъ, просилъ меня не забыть прислать нотъ? Шесть разъ: два раза сначала, два въ серединѣ, да два при концѣ. Ге, ге, ге! дѣло далеко зашло!“ [1]) — „Подлинно много чуднаго въ письмѣ твоемъ!“ [2]) воскицаетъ онъ въ самомъ началѣ слѣдующаго письма.

Какъ истый романтикъ, Данилевскій не спѣшилъ познакомить своего друга обстоятельно и прозаически съ предметомъ своей страсти и не назвалъ его даже по имени, восторженно величая его „кавказскимъ солнцемъ“, что̀ вызвало со стороны Гоголя слѣдующія шутливыя строки: „Поэтическая часть твоего письма удивительно хороша, но прозаическая въ довольно плохомъ состояніи. Кто это кавказское солнце? Почему оно именно одинъ только Кавказъ освѣщаетъ, а весь міръ оставляетъ въ тѣни, и какимъ образомъ ваша милость сдѣлалась фокусомъ зажигательнаго стекла, то-есть привлекла на себя всѣ лучи его? За такую точность ты меня назовешь бухгалтерскою книгою, или инымъ чѣмъ; но самъ посуди: если не прикрѣпить красавицу къ землѣ, то черты ея будутъ слишкомъ воздушны, неопредѣленно общи и потому безхарактерны“ [3]).

Гоголю, безъ сомнѣнія, гораздо естественнѣе казалось предположить, при чтеніи пламенныхъ тирадъ, которыя онъ называлъ поэтической стороной писемъ своего друга, что въ нихъ получало себѣ исходъ броженіе неуходившихся силъ воспріимчивой натуры юнаго сангвиника, нежели повѣрить, что и въ душѣ послѣдняго возгорѣлось наконецъ настоящее, а не искусственное, театральное пламя. Такому взгляду особенно способствовала чрезмѣрная расточительность Данилевскаго на восторженныя лирическія изліянія, показавшіяся сдержанному скептику Гоголю преувеличенными и напускными. Въ высшей степени доступный лиризму въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, Гоголь, не испытавшій никогда любви и не часто изображавшій ее въ своихъ произведеніяхъ, повидимому, не узналъ ея при встрѣчѣ съ ней въ дѣйствительной жизни. Въ то время какъ Данилевскаго молодость и

[1]) „Соч. и письма Гог.“, т. V, стр. 138.
[2]) Тамъ же, стр. 142.
[3]) Тамъ же.

Digitized by Google

дружба побуждали безъ оглядокъ и щепетильнаго взвѣшиванія словъ говорить языкомъ сердца, причемъ онъ впадалъ, правда, въ крайность и письма его отзывались романтическимъ паѳосомъ, — Гоголь, въ силу юмористическаго склада ума, при всемъ дружескомъ расположеніи къ нему и готовности исполнять малѣйшую его просьбу или порученіе, не могъ, однако, воздерживаться отъ стрѣлъ остроумія, тѣмъ болѣе, что къ нимъ вообще особенно располагаютъ щекотливые сердечные вопросы. Но во всякомъ случаѣ нельзя забывать, что въ перепискѣ двухъ молодыхъ пріятелей, привыкшихъ говорить между собой обо всемъ безъ стѣсненія, что̀ только было на душѣ, существовали вполнѣ интимныя отношенія; на ихъ взаимные упреки и слегка задирающій тонъ шутокъ слѣдуетъ смотрѣть такъ, какъ обыкновенно принято въ подобныхъ случаяхъ, нимало не предполагая тѣни намѣренной насмѣшки или разсчитанныхъ уколовъ самолюбія. Во всѣхъ шутливыхъ выходкахъ Гоголя звучалъ тотъ беззавѣтно-веселый тонъ, который такъ плѣняетъ насъ въ вышедшихъ около того времени „Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки“. Къ такимъ безцеремоннымъ выходкамъ нельзя не отнести, напримѣръ, примѣненіе имъ къ Данилевскому извѣстныхъ стиховъ Пушкина:

„Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
Ты Saint-Priest въ карикатурахъ“ [1]).

Впрочемъ, перечитывая одно за другимъ письма Гоголя къ Данилевскому, нигдѣ нельзя уловить въ нихъ дѣйствительно насмѣшливаго отношенія къ предмету рѣчи; въ нихъ проявлялась только его обычная наклонность къ юмору. Но не такъ представлялось дѣло заинтересованному въ немъ Данилевскому. Его коробилъ и отчасти оскорблялъ слишкомъ шутливый тонъ пріятеля. Особенно задѣли его за живое приведенныя выше шутки относительно „кавказскаго солнца“, когда Гоголь, принимая роль благоразумнаго скептика, не

1) Стихи эти были сказаны Пушкинымъ за два года передъ тѣмъ объ одномъ знакомомъ, встрѣченномъ имъ на кавказскихъ водахъ. Гоголь, безъ сомнѣнія, зналъ, и къ кому они относятся; зналъ это и А. С. Данилевскій, но, къ сожалѣнію, во время моего непродолжительнаго пребыванія у него, не могъ припомнить,—къ кому именно.

Digitized by Google

удовлетворился диѳирамбами очаровательной красотѣ, но по праву дружбы потребовалъ болѣе существенныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о предметѣ такой возвышенной страсти, безъ стѣсненій называя ее „страстишкой“ и выражая юмористическое желаніе самому „принять на время образъ влюбленнаго и взглянуть на другихъ такимъ же взоромъ, исполненнымъ сарказма“, какимъ, по его словамъ, Данилевскій смотрѣлъ на какихъ-то мышей, выбѣгавшихъ на середину его комнаты [1]). Особенно дался Гоголю этотъ мнимый сарказмъ Данилевскаго и его блаженство на седьмомъ небѣ. Какъ бы не желая отстать отъ своего пріятеля, онъ насмѣшливо сочиняетъ себѣ собственную „сѣверную повелительницу“ своего „южнаго сердца“. „Чортъ меня возьми“,—шутилъ онъ,—„если я самъ теперь не близко седьмого неба! и съ такимъ же сарказмомъ, какъ ты, гляжу на славу и на все, хотя моя владычица куда суровѣе твоей“, и проч.

Легко понять, что всѣ эти шутки, имѣвшія въ виду напускное или неглубокое чувство, мало гармонировали съ настроеніемъ, вызывавшимъ длинныя пламенныя посланія, въ которыхъ кипѣла страсть и краснорѣчіе лилось бурнымъ потокомъ. Данилевскій замолчалъ. Но по этому слишкомъ неясному признаку при его хронической неисправности въ корреспонденціи, которою онъ въ нѣсколько разъ превосходилъ Гоголя, еще нельзя было сдѣлать никакихъ предположеній о неудовольствіи. „Видно, тебѣ теперь ничего не нужно изъ Петербурга, потому что ты только тогда писалъ ко мнѣ, когда имѣлъ во мнѣ надобность“ [2]), жаловался ему Гоголь, кажется, и не подозрѣвая о настоящей причинѣ молчанія. Замѣтимъ кстати, что въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ къ Данилевскому онъ поставилъ въ упрекъ его чрез-

[1]) „Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 148—149.

Очевидно, намекъ на какое-нибудь шутливое сообщеніе въ утраченномъ письмѣ къ Гоголю Данилевскаго. — А. С. Данилевскій не могъ, спустя болѣе 50 лѣтъ, припомнить эти мелочи.

[2]) „Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 148.—Данилевскій часто оказывался, вслѣдствіе увлеченій или по забывчивости, неисправнымъ въ перепискѣ и утверждалъ потомъ, что его письма пропадали. Словамъ его въ этомъ случаѣ, конечно, можно и не довѣрять; ему иногда случалось сваливать свою неаккуратность на почту и выставлять даты заднимъ числомъ; (см. упреки ему за это со стороны Гоголя въ письмѣ изъ Рима, отъ 11 апрѣля 1838 г. Изд. Кулиша, „Соч. и письма Гог.“, изд. 306). Но все это, было, однако, не серьезно.

Digitized by Google

вычайную щекотливость и обидчивость, и, дѣйствительно, въ ихъ перепискѣ есть данныя, изъ которыхъ видно, что у послѣдняго были чувствительныя струны, которыя не допускали неделикатнаго прикосновенія съ чьей бы то ни было стороны. Такъ было и на этотъ разъ: безобидныя въ сущности шутки Гоголя были приняты имъ за профанацію его чувства, и онъ рѣшился, наконецъ, показать обиду. При этомъ, какъ видно, онъ не особенно выбиралъ выраженія и прямо обозвалъ сдѣланное Гоголемъ раздѣленіе характеристики любимой имъ особы на поэтическую и прозаическую — *безсмысленной*. Съ нескрываемой досадой отозвался онъ и о шуткахъ, наполнявшихъ письма Гоголя. Упреки эти вызвали со стороны послѣдняго подробное объясненіе въ слѣдующемъ письмѣ того, что́ именно разумѣлъ Гоголь подъ этимъ раздѣленіемъ. Обидѣ Данилевскаго, конечно, не серьезной, онъ не придалъ, съ своей стороны, никакого значенія и отвѣчалъ ему тономъ праваго, — вообще тонъ отвѣта его обычный: спокойный, шутливый, дружескій. Тутъ же, какъ всегда, передаются и новѣйшія извѣстія о литературѣ и о нѣжинскихъ товарищахъ — Кукольникѣ и Прокоповичѣ [1]).

Только значительно позднѣе, уже къ самому концу пребыванія Данилевскаго на Кавказѣ, Гоголь принялъ болѣе серьезный тонъ, говоря о его страсти. Это произошло уже послѣ личнаго ихъ свиданія, когда онъ имѣлъ, вѣроятно, случай убѣдиться, что дѣло было нешуточное, отъ котораго Данилевскій собирался „дать тягу въ Одессу или въ иное мѣсто“. Тогда, напротивъ, Гоголь называлъ его счастливцемъ и высказывалъ зависть къ нему, вкусившему сладость и волненія любви, хотя и не раздѣленной, но въ то же время рекомендовалъ ему упорный трудъ, какъ самое дѣйствительное средство для исцѣленія отъ страстей. На этотъ разъ, между прочимъ, по поводу спора объ искренности Пушкина и Байрона въ стихотворномъ изображеніи любви (Гоголь, какъ всегда, стоялъ горою за Пушкина), онъ высказалъ ясно свой взглядъ на различныя проявленія ея, вполнѣ разъясняющій

[1]) Отношеніе къ этимъ товарищамъ-нѣжинцамъ у Гоголя было весьма различное: каждая строка, касающаяся Красненькаго (Прокопонича), дышетъ искреннимъ расположеніемъ, тогда какъ Кукольника, съ его любовью ко всему натянутому и напыщенному, Гоголь не долюбливалъ и саркастически надъ нимъ потѣшался, называя его Возвышеннымъ.

Digitized by Google

намъ, почему письма Данилевскаго заставляли его сомнѣваться въ серьезности увлеченія послѣдняго. „Сильная, продолжительная любовь“,—говоритъ Гоголь, „проста, какъ голубица, то-есть, выражается просто, безъ всякихъ опредѣлительныхъ и живописныхъ прилагательныхъ. Она не выражаетъ, но видно, что хочетъ что-то выразить, и этимъ говоритъ сильнѣе всѣхъ пламенныхъ, краснорѣчивыхъ тирадъ“ (Кулишъ, „Соч. и письма Гоголя“, V, 165).

Лѣтомъ 1832 года Гоголь собирался провести вакаціонное время (онъ былъ тогда, какъ то извѣстно, преподавателемъ Патріотическаго института въ Петербургѣ) въ Васильевкѣ, которую не видалъ уже три года. Ему улыбался счастливый, привольный отдыхъ отъ обычныхъ преподавательскихъ занятій въ кругу домашнихъ и товарищей, такъ какъ случайно его намѣреніе совпало съ такимъ же рѣшеніемъ другихъ нѣжинцевъ, съ которыми, конечно, было бы не трудно видѣться въ родныхъ палестинахъ,—наконецъ, въ заманчивомъ видѣ рисовалось ему предстоящее мирное наслажденіе обаятельной природой Малороссіи послѣ продолжительнаго томленія на угрюмомъ сѣверѣ. Недоставало ему одного Данилевскаго, тогда какъ его-то видѣть больше всѣхъ и жаждало сердце Гоголя. И вотъ какъ онъ соблазняетъ своего друга пріѣхать въ Малороссію. „Желалось бы мнѣ поглядѣть на тебя. Да нельзя ли это сдѣлать такимъ образомъ, чтобы мы выѣхали одинъ другому навстрѣчу? Сборное мѣсто положить хотя въ Тѳлстомъ или въ Васильевкѣ. Наши нѣжинцы почти всѣ потянулись на это мѣсто въ Малороссію, даже Красненькій уѣхалъ. А въ іюлѣ мѣсяцѣ, еслибы тебѣ вздумалось заглянуть въ Малороссію, то засталъ бы и меня, лѣниво возвращающагося съ поля отъ косарей или безропотно лежащаго подъ широкой яблоней, безъ сюртука, на коврѣ, возлѣ холодной воды со льдомъ“, и проч. [1]).

13-го декабря [2]). Санктъ-Петербургъ (1832).

„Стыдно тебѣ не написать мнѣ ни строчки. Я отъ маменьки слышу, что ты уже не ѣдешь въ Петербургъ, а ду-

[1]) Далѣе въ изданіи Кулиша пропущено: „Письмо можешь адресовать ко мнѣ въ Полтаву, а оттуда въ Васильевку“.

[2]) Дополнимъ по подлинному письму отъ 20-го декабря 1832 г. пропускъ, сдѣланный въ изданіи г. Кулиша послѣ словъ: „Здѣсь и драгунъ. Василій Яко-

Digitized by Google

маешь служить въ Одессѣ. Если этому виною, какъ говорятъ, холодъ, который ты воображаешь найти въ Петербургѣ, то увѣряю тебя, что здѣсь теперь теплѣе, нежели у насъ въ Малороссіи. Вотъ уже ползимы, слава Богу, а еще не было ни одного порядочнаго морозу. Термометръ показываетъ или два, или одинъ градусъ тепла. Ты все мѣряешь Петербургъ по параду, на которомъ заставляли тебя мерзнуть нѣсколько часовъ Звѣгинцевъ и Гудимъ. Но впрочемъ, если ты имѣешь какія-нибудь выгоды особенныя въ Одессѣ служить, то противъ этого я ничего не смѣю тебѣ совѣтовать.

„Какъ бы то ни было, въ томъ или другомъ случаѣ пиши ко мнѣ и извѣщай подробнѣе обо всемъ.

„Я теперь такъ спѣшу, что не сообщаю тебѣ ни о чемъ

влевичъ Прокоповичъ, братъ „Красненькаго“. Такой молодецъ съ себя! съ страшными бакенбардами и очками, но необыкновенный флегма.

„Братецъ, чтобы показать ему все любопытное въ городѣ, повелъ его на другой день въ — —; только онъ все время— —прехладнокровно читалъ книгу и вышелъ, не прикоснувшись ни къ чему, не сдѣлавъ даже значительной мины брату, какъ будто изъ кондитерской.

„Получивши отъ тебя письмо, я получилъ такую объ тебѣ живую идею, что когда встрѣтилъ близъ Синяго моста шедшаго подпрапорщика, то подумалъ про себя: нужно зайти къ нему: его, вѣрно, не пустили за невзноску денегъ въ казну за чичеры, и поворотилъ къ школѣ и уже спросилъ солдата на часахъ, былъ ли сегодня великій князь и не ожидаютъ ли его... да послѣ опомнился и пошелъ домой“.

Конецъ письма въ изданіи г. Кулиша напечатанъ безъ пропусковъ.

Слѣдующее письмо (отъ 8-го февраля 1833 г.) было отправлено къ Данилевскому уже въ деревню, гдѣ онъ дѣйствительно видѣлся съ Гоголемъ лѣтомъ и гдѣ потомъ остался жить на неопредѣленное время. Гоголь вспоминалъ въ этомъ письмѣ объ ихъ лѣтнемъ свиданіи. „Мнѣ ужъ кажется, что время то, когда мы были вмѣстѣ въ Васильевкѣ и въ Толстомъ, чортъ знаетъ какъ отдалилось,—какъ будто ему минуло пять лѣтъ! Оно получило для меня уже прелесть воспоминанія“ (Изд. Кул., V, 171).— Въ этомъ письмѣ опять сообщаются петербургскія литературныя и другія новости. Пропущены въ немъ слѣдующія строки: „Пасмѣшилъ ты меня Лангомъ. Чтобы его чортъ побралъ съ его клистирами“. (Лангъ—черниговскій оберъ-форшмейстеръ). Далѣе послѣ словъ: „Одинъ Хвостовъ и Шишковъ, на зло и посмѣяніе вѣкамъ, остаются тверды и переживаютъ всѣхъ— —свои исподнія платья“. Послѣ словъ: „Вообрази себѣ: уже печатаетъ малороссійскій романъ подъ названіемъ „Мазепа“ слѣдуетъ читать: „Пришлось и намъ терпѣть!“ Наконецъ, послѣ словъ: „Красненькій еще не женился, да что-то и не столько уже поговариваетъ объ этомъ“, слѣдуетъ: „баетъ, что ему не хотѣлось бы, да непремѣнно долженъ“. Въ концѣ приписка: „Свидѣтельствуй мое почтеніе папенькѣ и маменькѣ и поцѣлуй за меня ручки сестрицъ, Анны и Варвары Семеновны“.

Digitized by Google

здѣшнемъ, не увѣренъ будучи, застанетъ ли это письмо тебя дома. До того времени вотъ тебѣ мой адресъ: 2-й Адмиралтейской части, въ Новомъ переулкѣ, въ домѣ Демутъ-Малиновскаго. Это очень близко возлѣ твоего гнѣзда, твоихъ воспоминаній — юнкерской школы. Прощай. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя извѣстія. Твой Гоголь".

Прибавимъ къ обзору писемъ Гоголя къ Данилевскому во время пребыванія послѣдняго на Кавказѣ еще одно указаніе на шутливую дружескую ноту, которая слышится въ слѣдующихъ забавныхъ упрекахъ ему Гоголя по поводу замѣчательной неисправности его пріятеля въ корреспонденціи:

„Разсмѣшила меня до крайности твоя приписка или обѣщаніе въ концѣ письма: „Можетъ быть, въ слѣдующую почту напишу къ тебѣ еще, а, можетъ быть, нѣтъ". Къ чему такая благородная скромность и сомнѣніе? къ чему это: *можетъ быть, нѣтъ?* Какъ будто удивительная твоя аккуратность мало извѣстна!" И дѣйствительно, непосредственно послѣ этого обѣщанія, Гоголю пришлось пѣнять на то, что прошло ужь три мѣсяца, а онъ не получаетъ „ни двоеточія, ни точки" [1]). И опять исполнялись имъ попрежнему порученія Данилевскаго, посылались и сообщались литературныя новинки, наприм., послѣднія главы „Онѣгина" и собственныя новыя сочиненія.

Послѣ этого переписка съ Данилевскимъ прекратилась, такъ какъ вскорѣ онъ переѣхалъ въ Петербургъ. Съ этихъ поръ только изрѣдка встрѣчаются о немъ незначительныя упоминанія въ письмахъ Гоголя къ матери; напр.: „скажите Ивану Данилевскому, что братецъ его, который сейчасъ только ушелъ отъ меня, приказывалъ ему крѣпко-на-крѣпко привезть ему варенья, по крайней мѣрѣ пять банокъ. Онъ бы и самъ къ нему писалъ объ этомъ, да не пишетъ потому, что въ десять разъ лѣнивѣе меня" [2]). Въ печальномъ дѣлѣ учрежденія разорившей М. И. Гоголь фабрики, затѣянномъ по мысли мечтателя поляка, ея зятя, Павла Осиповича Трушковскаго, Николай Васильевичъ возлагалъ большія надежды на родителей Данилевскаго, которые, по его плану, должны были сдерживать въ извѣстныхъ границахъ увлеченія непрактичной Марьи Ивановны. Съ своей стороны, Гоголь настоятельно

---

1) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 143.

2) Тамъ же, стр. 262.

Digitized by Google

совѣтовалъ матери соображаться съ мнѣніемъ Василія Ивановича Черныша и привлечь его къ участію въ составленіи смѣты. Онъ даже писалъ: „Да ведете ли вы, то-есть ведетъ ли Василій Ивановичъ, приходы и расходы по имѣнію аккуратно каждый мѣсяцъ“ (Изд. Кул., V, 218). Все это не повело ни къ чему, предупредить разореніе было уже невозможно, но считаемъ нелишнимъ упомянуть и объ этой мелкой подробности, показывающей, что Гоголь не только называлъ, но и считалъ дѣйствительно семейство Данилевскаго близкимъ для себя и почти родственнымъ.

VII.

Чтобы не раздѣлять разсказъ объ отношеніяхъ Гоголя къ его другу въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, заглянемъ нѣсколько впередъ и прослѣдимъ ихъ отношенія до совмѣстной поѣздки ихъ за-границу.

Въ Петербургѣ Данилевскій поступилъ на службу въ канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ. Онъ поселился вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ Иваномъ Семеновичемъ, а Гоголь переѣхалъ на Малую Морскую, въ домъ Модераха, гдѣ оставался все время до отъѣзда за-границу. Здѣсь-то происходили тѣ вечера, на которыхъ въ средѣ нѣжинцевъ стали появляться нѣкоторыя другія лица, какъ П. В. Анненковъ. Данилевскаго Гоголь старался ввести въ свой кружокъ и познакомилъ раньше всѣхъ именно съ Анненковымъ, а потомъ уже съ Плетневымъ и княземъ Одоевскимъ. Съ первымъ Гоголь былъ въ то время уже коротко знакомъ, а послѣдняго узналъ близко только за нѣсколько мѣсяцевъ до отъѣзда заграницу. У Плетнева Данилевскій встрѣчалъ также нерѣдко Крылова и Пушкина.

О знакомствѣ съ Пушкинымъ Александръ Семеновичъ припоминалъ слѣдующее. Однажды лѣтомъ отправились они съ Гоголемъ въ Лѣсной на дачу къ Плетневу, у котораго довольно часто бывали запросто. Чрезъ нѣсколько времени, почти слѣдомъ за ними, явились Пушкинъ съ Соболевскимъ. Они пришли почему-то пѣшкомъ съ зонтиками на плечахъ. Это первое знакомство съ Пушкинымъ осталось особенно памятно Данилевскому. Онъ живо передавалъ, какъ вскорѣ къ Плетневу пріѣхала еще вдова Н. М. Карамзина, и Пуш-

Digitized by Google

винъ затѣялъ съ нею споръ. Карамзина выразилась о комъ-то: „она въ интересномъ положеніи“. Пушкинъ сталъ горячо возставать противъ этого выраженія, утверждая съ жаромъ, что его напрасно употребляютъ вмѣсто коренного, чисто русскаго выраженія: она *брюхата* [1]), что послѣднее выраженіе совершенно прилично, а напротивъ неприлично говорить: „она въ интересномъ положеніи“.

Послѣ обѣда былъ любопытный разговоръ. Плетневъ сказалъ, что Пушкина надо разсердить и тогда только онъ будетъ настоящимъ Пушкинымъ, и сталъ ему противорѣчить.

Впечатлѣніе, произведенное на Данилевскаго Пушкинымъ, было то, что онъ и въ обыкновенномъ разговорѣ являлся замѣчательнымъ человѣкомъ, каждое слово его было вѣско и носило печать геніальности; въ немъ не было ни малѣйшей натянутости или жеманства; но особенно поражалъ его долго не выходившій изъ памяти совершенно дѣтскій, задушевный смѣхъ. Онъ бывалъ съ женой у Плетнева. Въ это время Плетневъ дѣлалъ уже быстрые успѣхи въ обществѣ и былъ преподавателемъ при меньшихъ великихъ княжнахъ, Ольгѣ Николаевнѣ и Александрѣ Николаевнѣ.

Въ 1835 году, передъ поступленіемъ Гоголя адъюнктъ-профессоромъ въ петербургскій университетъ, онъ вмѣстѣ съ Данилевскимъ ѣздилъ домой въ Малороссію. Гоголь только-что хлопоталъ о профессурѣ въ Кіевѣ, гдѣ мечталъ устроиться вмѣстѣ съ однимъ изъ близкихъ своихъ друзей Максимовичемъ, перешедшимъ туда изъ московскаго университета. Но, какъ извѣстно, надежда Гоголя не оправдалась, и онъ былъ въ великомъ разочарованіи. Рѣшившись взять мѣсто адъюнктъ-профессора въ Петербургѣ, Гоголь, какъ видно изъ его писемъ, относящихся къ концу 1834 года, все-таки,—такъ какъ ему не удалось ѣхать осенью совсѣмъ въ „гетманщину“,—рѣшился по крайней мѣрѣ навѣстить въ ней на короткое время Максимовича при первой возможности. При этомъ онъ не хотѣлъ оставить мысль о кіевской каѳедрѣ и утѣшалъ себя тѣмъ, что, занявъ каѳедру въ столицѣ, тѣмъ больше правъ получитъ къ занятію ея въ Кіевѣ. Въ 1835 году онъ

[1]) Такъ дѣйствительно и выражался всегда Пушкинъ, напр., въ письмахъ „Смирнова ужасно *брюхата*, а родитъ черезъ мѣсяцъ“ (Соч. Пушк., изд. Лит. Фонда, VII, 350 стр.).

Digitized by Google

собирался хоть въ концѣ весны непремѣнно заглянуть къ Максимовичу въ Кіевъ, хотя бы это было совсѣмъ не по дорогѣ. На дѣлѣ вышло иначе: спѣша домой, онъ не захотѣлъ сдѣлать большой крюкъ въ сторону и направилъ путь прямо въ Полтавскую губернію, не оставляя однако мысли на обратномъ пути хоть на нѣсколько дней посѣтить Максимовича. Такъ онъ и сдѣлалъ. На обратномъ пути онъ нарочно сдѣлалъ 300 верстъ крюку и заѣхалъ съ Данилевскимъ къ Максимовичу, у котораго они остановились. Пробывъ у Максимовича дня два, они принуждены были взять на прокатъ коляску, такъ какъ дилижансовъ тогда еще не существовало, и отправились изъ Кіева въ Москву, гдѣ Гоголь хотѣлъ повидаться съ Погодинымъ и другими своими друзьями. Поѣздку они совершали втроемъ; къ нимъ присоединился еще одинъ изъ бывшихъ нѣжинскихъ лицеистовъ-сотоварищей, Иванъ Григорьевичъ Пащенко, находившійся съ обоими въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Здѣсь была разыграна оригинальная репетиція „Ревизора“, которымъ тогда Гоголь былъ усиленно занятъ. Гоголь хотѣлъ основательно изучить впечатлѣніе, которое произведетъ на станціонныхъ смотрителей его ревизія съ мнимымъ инкогнито. Для этой цѣли онъ просилъ Пащенка выѣзжать впередъ и распространять вездѣ, что слѣдомъ за нимъ ѣдетъ ревизоръ, тщательно скрывающій настоящую цѣль своей поѣздки. Пащенко выѣхалъ нѣсколькими часами раньше и устраивалъ такъ, что на станціяхъ всѣ были уже подготовлены къ пріѣзду и къ встрѣчѣ мнимаго ревизора. Благодаря этому маневру, замѣчательно счастливо удававшемуся, всѣ трое катили съ необыкновенной быстротой, тогда какъ въ другіе раза имъ нерѣдко приходилось по нѣскольку часовъ дожидаться лошадей. Когда Гоголь съ Данилевскимъ появлялись на станціяхъ, ихъ принимали всюду съ необычайной любезностью и предупредительностью. Въ подорожной Гоголя значилось: адъюнктъ-профессоръ, что̀ принималось обыкновенно сбитыми съ толку смотрителями чуть ли не за адъютанта Его Императорскаго Величества. Гоголь держалъ себя, конечно, какъ частный человѣкъ, но какъ будто изъ простого любопытства спрашивалъ: „покажите пожалуйста, если можно, какія здѣсь лошади; я бы хотѣлъ посмотрѣть ихъ“ и проч. Такъ ѣхали они съ самаго Харькова.

Digitized by Google

VI. ПОСТЕПЕННОЕ РАСШИРЕНІЕ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СВЯЗЕЙ ГОГОЛЯ.

I.

Литературныя отношенія Гоголя быстро расширялись. Послѣ признанія его таланта Пушкинымъ, а за нимъ представителями періодической печати, ему уже не нужно было робко прикрываться псевдонимомъ, не нужно и самому покровителю его ходатайствовать за начинающаго автора передъ какимъ-нибудь Воейковымъ [1]). Скоро Гоголь признается всѣми довольно видной величиной въ литературномъ мірѣ; съ нимъ знакомы извѣстные писатели, сотрудничества его ищутъ журналисты, передъ нимъ предупредительно раскрываются двери аристократическихъ салоновъ и гостиныя фрейлинъ. Незамѣтно онъ становится на короткую ногу съ Вяземскимъ.

[1]) Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда, 287.—Н. С. Тихонравовъ сомнѣвается въ показаніи Колбасина, что Жуковскій и Пушкинъ упрашивали его взять подъ свое покровительство Гоголя, но что Гоголь будто бы отправился вмѣсто того къ Булгарину. „Къ сожалѣнію“,—говоритъ онъ,—«г. Колбасинъ не указываетъ, откуда заимствовано это имъ извѣстіе“ (Соч. Гог., изд. 10-е, т. IV, стр. 510). Но это не только сомнительно, а просто невѣроятно. Замѣтимъ только, что въ извѣстномъ пасквилѣ Герсеванова противъ Гоголя послѣднему поставлено въ упрекъ исканіе протекціи Булгарина, *но въ указанной тамъ цитатѣ Б. означало Брадке, а не Булгарина*, въ чемъ можно убѣдиться изъ самаго текста письма Гоголя къ Максимовичу. См. „Письма Гоголя къ Максимовичу по подлинникамъ, исправленныя и дополненныя С. И. Пономаревымъ“ (изъ XVIII тома Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности), стр. 9.

Digitized by Google

Соллогубомъ, Соболевскимъ, Одоевскимъ, Брюловымъ [1]), вступаетъ въ тѣсныя сношенія съ Смирдинымъ.

Несмотря на огромные успѣхи, сдѣланные въ короткое время Гоголемъ, его общественное положеніе долго остается неустановившимся, переходнымъ. Съ одной стороны, мы встрѣчаемъ его въ присутствіи придворныхъ, знатныхъ вельможъ, и даже одного изъ великихъ князей [2]); съ другой, въ качествѣ гувернера, онъ долженъ забавлять барича или занимать мѣсто на нижнемъ концѣ во время обѣда, помѣщаясь рядомъ съ мальчиками аристократами и забавляя ихъ своими остроумными шутками. Отъ придворнаго этикета до совершенно непринужденной бесѣды въ кружкѣ товарищей-нѣжинцевъ было, безъ сомнѣнія, много промежуточныхъ ступеней, также какъ и впечатлѣнія жизни у Гоголя были до крайности разнообразны, и даже, въ противоположность окружающей средѣ, всего живѣе и ярче воспринимались въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ соприкасался съ міромъ скромныхъ слоевъ петербургскаго общества. Отсутствіе прочнаго положенія и вполнѣ опредѣлившейся профессіи жившаго „на чердакѣ“ Гоголя не мало способствовали сохраненію имъ высоко оригинальной личности, на которую не наложилъ отпечатка никакой постоянный родъ дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ былъ Гоголь въ началѣ тридцатыхъ годовъ? Недавній чиновникъ департамента, онъ является передъ нами по утрамъ оффиціальнымъ педагогомъ въ классахъ Патріотическаго института, въ часы обѣда — веселымъ, непринужденно держащимъ себя съ своими маленькими сосѣдями, гувернеромъ, вечеромъ—иногда въ роли домашняго учителя, то откровенно скучающаго за занятіями, то весело покатывающагося со смѣха съ своими учениками на урокѣ исторіи или географіи, иногда задушевнымъ собесѣдникомъ Пушкина или своихъ дорогихъ нѣжинцевъ, или матери своихъ учениковъ, Лонгиновой, или же, наконецъ, почетнымъ гостемъ, приглашеннымъ какимъ-нибудь аристократомъ, въ родѣ Дашкова или Блудова, въ качествѣ чтеца своихъ произведеній.

Но въ каждомъ изъ этихъ амплуа Гоголь всего менѣе походилъ на типическихъ представителей избранныхъ профессій

---

1) „Истор. Вѣстн.“, 1881, I, 136—138.

2) См. „Русск. Стар.“, 1888, IV, 48 и выше стр. 333.

Digitized by Google

и всегда оставался самимъ собою, наблюдательнымъ, тонкимъ, проницательнымъ малороссомъ съ ногъ до головы. Почти вездѣ онъ занималъ пока положеніе младшаго члена, быстро получающаго большія права, но все еще замѣтно стоящаго ниже окружающихъ. Онъ явно находился въ условіяхъ очень молодого человѣка, которому только предстоитъ занять подобающее мѣсто. Надежды на будущее были у него очень обширны и разнообразны. Какъ писатель, онъ слишкомъ скоро начинаетъ относиться съ пренебреженіемъ къ „Вечерамъ“ и другимъ юношескимъ опытамъ и задумываетъ комедію съ серьезнымъ общественнымъ содержаніемъ, погружается въ сферу альманаховъ и литературно-журнальныхъ интересовъ; какъ учитель-историкъ, предпринимаетъ рядъ статей исторического содержанія, замышляетъ новые обширные труды и, несмотря на крайне дилеттанское отношеніе къ дѣлу, ставитъ себя неизмѣримо выше толпы „вялыхъ профессоровъ“ [1]); какъ эстетикъ, горячо интересуется искусствомъ въ разныхъ его отрасляхъ, но особенно съ любовью занимается собираніемъ и записываніемъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ.

Такую разбросанную дѣятельность создали Гоголю прежде всего обстоятельства, потребовавшія приспособленія къ условіямъ не одной среды, принявшей его въ число своихъ членовъ. Быстро создавшаяся репутація, оправдываемая умѣніемъ такъ или иначе найтись въ каждомъ данномъ положеніи, неудержимо вовлекала его въ новыя отношенія. Но Гоголь не подчинялся никакой опредѣленной спеціальной сферѣ не только въ силу обстоятельствъ, но и по самой природѣ. Для этого онъ не имѣлъ данныхъ ни въ наслѣдственности, ни въ предшествующей жизни. Складъ его личности достаточно опредѣлился ко времени вступленія въ литературные кружки, и онъ уже едва-ли могъ бы сдѣлаться человѣкомъ кабинетнымъ или рабомъ какого-нибудь одного практическаго дѣла. Въ свободные часы его манитъ въ театръ, его привлекаютъ картины или другія произведенія искусствъ, или, забывая о суровыхъ требованіяхъ жизни и службы, онъ весь отдается вдохновенной литературной работѣ, особенно послѣ пріятнаго освѣженія въ обществѣ близкихъ пріятелей [2]). Ни аккуратность, ни

[1]) „Русск. Арх.“, 1880, 2, 513.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, V, 381.

Digitized by Google

даже простая заботливость при выполненіи обыденныхъ обязанностей, необходимыя въ каждой служебной дѣятельности, не могли отличать Гоголя уже въ силу особенностей его недисциплинированной въ обыкновенномъ смыслѣ натуры. Самая яркость и живость воспринимаемыхъ ежедневно впечатлѣній и образовъ въ значительной мѣрѣ исключали возможность сформированія въ немъ чиновника или педагога. Какъ человѣкъ съ богатыми природными задатками, Гоголь гораздо больше зависѣлъ отъ ихъ свойства и силы, нежели большинство обыкновенныхъ людей. Если въ гибкомъ раннемъ возрастѣ онъ имѣлъ, благодаря геніальности, больше данныхъ для внѣшняго приспособленія къ окружающей средѣ, то всего менѣе могъ бы по волѣ обстоятельствъ измѣнить внутреннему голосу, направлявшему его въ ту, а не въ иную сторону. Все, что для большинства проходитъ почти незамѣченнымъ, ярко отпечатлѣвалось въ его душѣ и настоятельно просилось на бумагу. Какъ предшествующая жизнь въ Малороссіи оставила въ его воображеніи картины малороссійской природы, быта, нравовъ, такъ глубоко запечатлѣваются въ душѣ Гоголя-петербуржца и сырыя петербургскія сумерки, и Невскій проспектъ въ разныя времена сутокъ, и угрюмый видъ опустѣлой улицы, когда „движущаяся сѣть дождя задернула почти совершенно все, что прежде видѣлъ глазъ“. Впечатлѣнія искусства были надъ нимъ такъ же властны, какъ и масса будничныхъ, порой даже просто уличныхъ впечатлѣній. Именно въ отсутствіи спеціализаціи была чрезвычайно выгодная сторона, способствовавшая развитію творчества Гоголя, въ томъ, что онъ не замкнулся въ ограниченномъ кругѣ однообразныхъ представленій и не былъ оторванъ отъ всей „громадно-несущейся жизни“. Поэтому даже въ небольшихъ и отрывочныхъ наброскахъ его пера, какъ въ оптическомъ стеклѣ, нашли отраженіе самыя разнообразныя проявленія повседневной дѣйствительности, а въ цѣломъ рядѣ повѣстей и драматическихъ сценъ ему удалось воспроизвести такія черты жизни, которыя требуютъ болѣе обстоятельнаго знакомства съ нею, нежели какое достается людямъ, не озабоченнымъ ея внимательнымъ изученіемъ. Притомъ несомнѣнно, что Гоголь, хотя и безъ опредѣленной цѣли вначалѣ, давно сталъ внимательно присматриваться ко всему, что впослѣдствіи дало ему возможность создать самыя капитальныя свои произведенія. Дан-

Digitized by Google

ные Пушкинымъ сюжеты только потому могли послужить канвой для первоклассныхъ художественныхъ созданій, что на нихъ авторъ получилъ возможность и случай приложить къ дѣлу неистощимый запасъ образовъ и наблюденій, ожидавшихъ только формы для своего воплощенія. И если „Мертвыя Души“ имѣютъ право на названіе энциклопедіи русской жизни, то и наблюденія Гоголя должны были также имѣть характеръ энциклопедическій, а не случайный и ограниченный.

II.

Необходимо придать особенное значеніе словамъ Гоголя въ „Авторской Исповѣди“: „Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что̀ взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, онъ невольно схватывалъ мельчайшія подробности предметовъ, и эти образы, постоянно воспринимаемые, населяли его воображеніе и деспотически завладѣвали имъ. Нѣкоторые, наиболѣе глубоко врѣзавшіеся въ душу, иногда настойчиво повторялись; поэтому, можетъ быть, Гоголь не разъ воспроизводилъ въ своихъ сочиненіяхъ сходные образы, хотя его колоссальный талантъ позволяетъ уловить это лишь при внимательномъ перечитываніи. Развѣ не то же, напримѣръ, глубоко врѣзавшееся впечатлѣніе высказывается у Гоголя при изображеніи католическаго богослуженія и звуковъ органа въ „Тарасѣ Бульбѣ“ и въ статьѣ: „Скульптура, живопись и музыка“? Часто также вносилъ Гоголь въ свои сочиненія чьи-нибудь характерные и понравившіеся ему восклицанія, фразы, анекдоты [2]), часто оставлялъ названія дѣйствительно близко

---

1) Соч. Гог., изд. 10-е, т. IV, стр. 256.

2) Вотъ нѣсколько примѣровъ: разсказы о пропавшей кошкѣ въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ и о кускѣ-городничемъ заимствованы у Щепкина; о степныхъ пожарахъ и лебедяхъ, летящихъ въ заревѣ по темному ночному небу, какъ красные платки,—у школьнаго товарища Шаржинскаго; о танцующихъ стульяхъ въ Конюшенной улицѣ (въ повѣсти „Носъ“) – изъ городскихъ слуховъ; даже армейская фраза въ „Игрокахъ“: „руте, рѣшительно руте, просто карта-фоска!“ заимствована (Соч. Гог., изд. 10-е, т. IV, 561, примѣч.; изданіе Кулиша, V т., стр. 220; „Современникъ“, 1854, III, 88, и „Русское Слово“,

Digitized by Google

знакомыхъ ему мѣстностей (Сорочинцы, Пселъ, Лубенскій и пирятинскій повѣтъ, хуторъ близъ Диканьки).

Лирическій пафосъ Гоголя и его страсть къ образному, метафорическому способу выраженія вытекаетъ изъ той же глубины и силы впечатлѣній, и тѣмъ же объясняется его способность придать такую жизненность и силу всему, что затрогивало его душу.

Любя исторію, живо ею интересуясь, Гоголь не могъ бы, однако, серьезно посвятить себя этой наукѣ. Исторія, конечно, даетъ большой просторъ для проникновеннаго чтенія въ ней такому художнику по природѣ, какимъ былъ Гоголь, и работать на этомъ поприщѣ было бы для него дѣломъ весьма благодарнымъ. Сомнительно, напримѣръ, чтобы Гоголь, при крайней несосредоточенности въ занятіяхъ и особенно при отсутствіи усидчивости, могъ прочесть много историческихъ сочиненій. Можетъ быть, даже нѣкоторыя статьи его объ иностранныхъ историкахъ и другія написаны вскорѣ послѣ перваго знакомства съ ними; но онѣ дали ему множество оригинальныхъ мыслей, труды ихъ нашли отголосокъ въ его душѣ, затронули въ ней чувствительныя струны. Въ бѣглыхъ историческихъ замѣткахъ Гоголь блещетъ роскошью красокъ, разсыпанныхъ съ увѣренностью неистощимаго богатства, заставляющею предполагать за выставленнымъ на видъ обширный скрытый запасъ, котораго на самомъ дѣлѣ не было. Весьма вѣроятно, что Гоголь и другихъ ослѣплялъ казовой стороной своего изложенія изустнаго и письменнаго, да и самъ крайне преувеличивалъ свои силы. Ученикъ его, Лонгиновъ, оставилъ любопытное воспоминаніе о томъ, какъ Гоголь увлекалъ его и брата своими разсказами изъ исторіи, которые они, маленькія дѣти, слушали съ удовольствіемъ, не тяготясь даже непривычными вечерними занятіями. Не потому ли онъ надѣялся и въ университетѣ читать лучше „вялыхъ профессоровъ“? Въ своихъ педагогическихъ статьяхъ онъ мало даетъ значенія познаніямъ и на первый планъ ставитъ умѣнье возбудить любопытство живымъ изложеніемъ, которымъ дѣйстви-

1859, I, 125). Кстати позволимъ себѣ здѣсь объяснить значеніе этой замысловатой и въ настоящее время мало кому понятной фразы: *pyme* (отъ французскаго route—дорога), по объясненію опытныхъ игроковъ, помнящихъ старинныя игры, значитъ настойчиво держать банкъ на одну и ту же карту; карта-фоска — обманчивая, на которую нельзя разсчитывать (carte fausse).

Digitized by Google

тельно обладалъ. Не потому ли такой опытный и тонкій судья, какъ С. С. Уваровъ, могъ обмануться въ степени основательности притязаній Гоголя на каѳедру? Не потому ли и Пушкинъ съ Жуковскимъ, не трудясь особенно вникать въ размѣры познаній Гоголя, такъ легко признали его достойнымъ своего покровительства? [1]).

Ни въ школѣ, ни въ своей служебной дѣятельности Гоголь не подлежалъ усиленнымъ требованіямъ, предъявляющимъ деспотическія права на значительную долю времени и силъ; но вѣдь отъ человѣка, находящагося въ возрастѣ сознанія, уже нравственный долгъ требуетъ не только посвященія лучшихъ силъ обществу, но и совѣстливаго исполненія каждаго взятаго на себя дѣла. Между тѣмъ Гоголь, по недостатку выдержки въ трудѣ, не въ силахъ былъ заковать себя въ суровыя колодки долга и даже не считалъ этого для себя обязательнымъ. Такое легкое воззрѣніе въ значительной мѣрѣ объясняется вліяніемъ усвоеннаго отъ Пушкина взгляда — о преимуществахъ избранниковъ передъ толпой, призванныхъ сказать вдохновенное слово тамъ, гдѣ послѣдняя нуждается въ особомъ руководствѣ со стороны генія. Когда Гоголь сдѣлался профессоромъ, то, по свидѣтельству своего товарища Никитенка, онъ поражалъ „фантастическимъ самолюбіемъ“, и при всемъ глубокомъ благоговѣніи къ его памяти нельзя не согласиться, что онъ дѣйствительно полагалъ, что „геній его даетъ ему право на высшія притязанія“ [2]). Типъ скромнаго труженика былъ симпатиченъ Гоголю и интересовалъ его въ своихъ разновидностяхъ; онъ съ любовью изображалъ Чарткова, Пискарева и Акакія Акакіевича; изъ повѣсти „Портретъ“ видно, что онъ былъ склоненъ признавать огромное значеніе трудолюбія и выдержки; но и теорія противоположности между избранниками и толпой имѣла на него также вліяніе.

Пушкинъ, въ свою очередь, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ крайне преувеличивалъ способности Гоголя; онъ, по собственному признанію, убѣждалъ его писать исторію русской критики; съ другой стороны ни онъ, ни Жуковскій все-таки

[1]) О Гоголѣ, какъ профессорѣ, см. нашу статью: „Взгляды Пушкина и Гоголя на воспитаніе“ („Гимназія“, 1888, V – VII).

[2]) „Русская Старина“, 1889, IX, 527.

Digitized by Google

не могли вполнѣ оцѣнить дѣйствительныхъ размѣровъ его таланта. Оба относились къ Гоголю какъ къ писателю, только подающему надежды. Тонъ писемъ Гоголя къ обоимъ поэтамъ свидѣтельствуетъ о томъ, что, при всей искренности и теплотѣ отношеній, разстояніе между ними и Гоголемъ не исчезло вполнѣ до смерти Пушкина и до отъѣзда Жуковскаго за-границу. А какъ гордился ихъ дружбой Гоголь, какъ онъ благоговѣлъ передъ ними! Покойный А. С. Данилевскій передавалъ намъ, что о Пушкинѣ Гоголь во всю жизнь не могъ вспоминать безъ восторга, а иногда онъ даже нѣсколько наивно щеголялъ своими отношеніями къ нему. Однажды онъ писалъ Данилевскому: „Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы: Жуковскій, Пушкинъ и я“. Точно также долго, очень долго оставался онъ въ почтительной позиціи передъ Плетневымъ. Вообще петербургскіе друзья Гоголя, разумѣется, кромѣ Пушкина, какъ это ни странно, не могли такъ скоро оцѣнить необычайные размѣры его таланта [1]), какъ это удалось гораздо менѣе блестящимъ и даровитымъ москвичамъ, вдавшимся, впрочемъ, въ противоположную крайность.

---

[1]) О взглядѣ Жуковскаго на значеніе литературной дѣятельности Гоголя см. „Исторію моего знакомства съ Гоголемъ“ С. Т. Аксакова („Русь“, 1880. № 5, 15. и „Русск. Архивъ“, 1890, VIII. 28).

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ

Къ стр. 16 Въ дополненіе къ перечню статей о Гоголѣ кстати отмѣтить и такіе труды, какъ біографію Бѣлинскаго А. Н. Пыпина, біографическій очеркъ о Гоголѣ въ „Русской Библіотекѣ“ М. М. Стасюлевича, статью „Нашъ историческій романъ въ его прошломъ“ г. Скабичевскаго (т. II, стр. 676—682), біографію Погодина, составленную г. Барсуковымъ, книгу Погодина „Годъ въ чужихъ краяхъ“ и его же „Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ“, „Матеріалы для біографіи Пушкина“, П. В. Анненкова, „Записки актера М. С. Щепкина“ и проч. [1]), статью о нихъ Аѳанасьева въ „Библіотекѣ для Чтенія“, 1864, II, статью А. Н. Веселовскаго: „На могилѣ Гоголя“ (Русск. Вѣдом.“, въ октябрѣ), „Пушкинъ и Гоголь“ Авенаріуса („Родникъ“).

Къ стр. 24. Желательно широкое распространеніе сочиненій Гоголя и въ народной средѣ. Нельзя не вспомнить по этому поводу хорошо всѣмъ извѣстныхъ, прекрасныхъ стиховъ Некрасова:

„Эхъ! эхъ! придетъ ли времячко,
Когда (приди желанное!...)
Дадутъ понять крестьянину,
Что розь портретъ портретику,

[1]) Кромѣ того мы позабыли указать выше нѣкоторыя небольшія статьи, „Гоголь о Пушкинѣ“ и „Пушкинъ о Гоголѣ“ и проч., напечатанныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ и проч., статью г. Пользинскаго (въ „Гимназіи“), статьи г. Елагина и Розанова и проч.

Digitized by Google

Что книга книгѣ рознь.
Когда мужикъ не Блюхера
И не милорда глупаго—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ?
Ой, люди, люди русскіе!
Крестьяне православные!
Слыхали-ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великія:
Носили ихъ, прославили
Заступники народные!
Вотъ вамъ бы ихъ портретики
Повѣсить въ вашихъ горенкахъ,
Ихъ книги прочитать...“
(„Кому на Руси жить хорошо“).

Къ страницѣ 45.

I.

Свѣдѣнія о службѣ В. А. Гоголя.

По нашей просьбѣ, секретарь дворянства Полтавской губерніи, Захаръ Георгіевичъ Костырко, сообщилъ намъ нижеслѣдующія свѣдѣнія о службѣ Василія Аѳанасьевича Гоголя, извлеченныя имъ изъ подлиннаго дѣла:

„Послѣ тщательной провѣрки изъ дѣла о дворянствѣ рода Гоголей-Яновскихъ свѣдѣній, относительно времени рожденія Василія Аѳанасьевича Гоголь-Яновскаго, производства его въ корнеты и дальнѣйшей службы, имѣю честь сообщить вамъ, милостивый государь, точныя указанія изъ подлинныхъ и копій документовъ, имѣющихся въ дѣлѣ: 1) въ доношеніи отъ 1-го октября 1784 года, поданномъ отцомъ Василія Гоголя, полковымъ писаремъ Аѳанасіемъ Гоголь-Яновскимъ, въ Кіевское дворянское собраніе, между прочимъ, сказано, что онъ имѣетъ отъ жены Татьяны сына Василія, по малолѣтству при немъ въ воспитаніи находящагося; 2) въ семейномъ спискѣ того-же Аѳанасія Гоголя, поданномъ Зеньковскому маршалу 1798 году въ маѣ мѣсяцѣ, подписанномъ Гоголемъ, въ чинѣ секундъ-маіора, и маршаломъ Чернышемъ, въ особой графѣ значится — имѣетъ сына Василія 15 лѣтъ; 3) при отношеніи почтоваго департамента отъ 15-го октября 1853 года за

Digitized by Google

№ 13633, прислана въ Полтавское дворянское депутатское собраніе копія патента, записаннаго въ военной коллегіи подъ № 504, выданнаго 1788 года іюня 9-го дня, изъ коего видно, что Василій Яновскій, служившій значковымъ товарищемъ, пожалованъ въ корнеты 1787 года ноября 27-го дня и, наконецъ, 4) при отношеніи почтоваго департамента, отъ 14-го марта 1854 года за № 3957, присланы двѣ тожественныя копіи съ аттестатами служившаго въ бывшемъ малороссійскомъ почтамтѣ коллежскаго асессора Василія Гоголь-Яновскаго, съ увѣдомленіемъ, что формулярнаго списка Гоголя въ дѣлахъ архива департамента, а равно и черниговской почтовой конторы, не оказалось, и неизвѣстно, когда онъ поступилъ на службу въ почтовое вѣдомство и въ какой состоялъ послѣднее время должности. Упомянутый аттестатъ выданъ изъ малороссійскаго почтамта въ городѣ Черниговѣ 9-го мая 1806 года, изъ коего значится, что Василій Гоголь-Яновскій, по прохожденіи воинской службы, поступилъ въ малороссійскій почтамтъ въ чинѣ корнета, за добропорядочную службу высочайшимъ именнымъ указомъ 1799 года апрѣля 16-го дня произведенъ въ чинъ титулярнаго совѣтника; потомъ высочайшимъ именнымъ указомъ, объявленнымъ правительствующему сенату главнымъ директоромъ почтъ въ 22-й день декабря 1805 года, по прошенію и болѣзни, уволенъ вовсе отъ службы и въ награжденіе усерднаго продолженія оной произведенъ коллежскимъ ассесоромъ и приведенъ къ присягѣ.

„Къ приведеннымъ свѣдѣніямъ считаю необходимымъ присовокупить, что изъ копій документовъ, которые были представлены дѣдомъ писателя Николая Васильевича Гоголя, секундъ-маіоромъ Аѳанасіемъ Гоголь-Яновскимъ въ Кіевское дворянское собраніе, въ числѣ доказательствъ на дворянство, видно, что въ 1776 году мая 3-го дня состоялась урядовая запись на выдѣленныя женѣ Аѳанасія Гоголя, Татьянѣ, совмѣстно съ мужемъ, изъ имѣнія матери ея Лизогубовой, села съ посполитыми людьми, слѣдовательно Аѳанасій былъ женатъ уже въ 1776 году; изъ другого же уступнаго записа, сдѣланнаго 1781 года іюня 25-го отцомъ жены Аѳанасія Гоголя, бунчуковымъ товарищемъ Симеономъ Лизогубомъ, что онъ отписалъ въ Миргородскомъ полку въ урочищѣ рѣки Голтвы хутора дочери своей Татьянѣ Яновской и родившемуся отъ нея внуку его Василію. Этимъ объясняется, что

Digitized by Google

Василій родился не позже 1781 года, а можетъ быть и раньше, такъ какъ въ доношеніи Аѳанасія, въ 1784 году поданномъ, говорится, что сынъ его Василій по малолѣтству въ воспитаніи находится, а это означало, по тогдашнему понятію, что обучается грамотѣ. Въ виду этихъ соображеній, надо полагать, что въ спискѣ семейномъ ошибочно показаны ему лѣта 15, вмѣсто 18 лѣтъ. Обстоятельство, что Василій былъ пожалованъ въ корнеты въ 1787 году, т. е. 7 или 8 лѣтъ, надо признать дѣйствительнымъ фактомъ; такіе примѣры въ Екатерининское время были не рѣдки.

II.

Копія съ прошенія В. А. Гоголя къ Д. П. Трощинскому о назначеніи его на должность.

„Ваше Высокопревосходительство! Щастливая надежда на вашу ко мнѣ благорасположенность произвела смѣлость безпокоить васъ, безпримѣрный благодѣтель, слѣдующими строками:

„Извѣстно вашему высокопревосходительству, что Богъ благословилъ меня двумя сынами, коихъ встрѣчаютъ уже тѣ годы, въ которые требуетъ долгъ родителей дать имъ приличное воспитаніе. Сей-то главнѣйшій предметъ моей обязанности обратилъ нынѣ все мое попеченіе: во-первыхъ, я старался сыскать для нихъ порядочнаго учителя, но наконецъ увидѣлъ, что въ нашихъ мѣстахъ сыскать такового весьма трудно, да хотя бы и сыскался; но за возможное по моимъ достаткамъ жалованье не согласится глотать скуку въ хуторѣ — итакъ я принужденнымъ нахожусь отдать ихъ въ общественное училище; но покуда лѣта укрѣплятъ (sic!) ихъ силы и юный разсудокъ сблизится къ совершенному понятію, желательно мнѣ имѣть ихъ подъ своимъ надзоромъ, почему и я расположенъ проживать въ томъ городѣ, гдѣ будутъ мои дѣти, а для лучшей удобности къ прожитію въ городѣ всенижайше прошу вашего превосходительства доставить мнѣ приличную должность въ Кіевѣ или Полтавѣ (зачеркнуто: именно совѣтника второго департамента или губернскаго почтмейстера, или же директора фабрикъ, т. е. попечителя нещастныхъ колонистовъ), изъ коихъ въ послѣднемъ для меня было бы удобнѣе по близости моего имѣнія“.

Digitized by Google

III.

Два доклада В. А. Гоголя Трощинскому.

Въ бумагахъ Василія Аѳанасьевича находятся еще два оффиціальные его доклада Трощинскому:

„Зная, сколь великое имѣете вы попеченіе объ общественныхъ нашихъ пользахъ, осмѣливаюсь доложить вамъ: 1) всѣ вамъ чрезвычайно благодарны за разсрочку уравнительнаго рекрутскаго набору, но опасаются многіе, что ежели теперь не отдадутъ всѣхъ рекрутъ и придется отдавать за подачей ревизской сказки и ежели изъ ревизіи ихъ не исключатъ, то сіе будетъ еще отяготительнѣе, чѣмъ единовременное уравненіе; но съ пожертвованіемъ нашимъ на содержаніе и ополченіе оружіемъ и лошадьми, кажется, никакая губернія не поравняется, почему и относимъ мы, что вы исходатайствуете для насъ милость, что отдаваемые рекруты по уравнительному набору исключатся изъ ревизіи и тогда только будетъ уравнена сія повинность; 2) великое бы было для насъ благодѣяніе, если бы доставили, чтобы съ передержателей бѣглыхъ крестьянъ взыскался штрафъ въ казну и строжайшій бы о семъ послѣдовалъ указъ; ибо у насъ подъ часъ рекрутскихъ наборовъ всѣ молодые люди убѣгаютъ въ Константиноградскій повѣтъ и въ Екатеринославскую губернію и передерживаютъ таможню, черезъ это принуждены мы отдавать въ рекруты отцовъ семейства, а наипаче въ нынѣшній наборъ, въ который ужасно какъ бракуютъ; 3) по милости вашей зачтены въ рекруты не только не возвратившіеся казаки изъ ополченія, но велѣно принимать и искалѣченныхъ по службѣ въ инвалидныя команды и выдавать зачетныя квитанціи. Многіе искалѣченные и потерявшіе на службѣ свое здоровье, искали милостиваго разрѣшенія возвратиться, коихъ также слѣдовало бы, кажется, зачесть, но таковые получили отказъ на свои просьбы".

Къ стр. 76. По нашему мнѣнію, къ Орлаю слѣдуетъ отнести и слѣдующія слова на стр. 4-ой V тома „Сочиненій и писемъ Гоголя": „Третьяго дня я былъ у Ивана Семеновича, и онъ говорилъ, ежели я буду хорошо вести себя, то онъ отпуститъ меня домой на праздникъ".

Это письмо у Кулиша отнесено еще къ полтавскимъ письмамъ Гоголя, когда онъ учился до Нѣжина въ полтавской гим-

Digitized by Google

назіи, но оно должно быть отнесено не къ 1820 г., а къ 1821, и написано было уже въ Нѣжинѣ. Въ полтавскихъ письмахъ слѣдуетъ вообще указать на совершенное отсутствіе помѣты или по крайней мѣрѣ отсутствіе какой-нибудь *опредѣленной* даты, если уже допустить возможнымъ, что былъ обозначенъ только годъ, но не было обозначено ни мѣсяца, ни числа, что̀ само по себѣ, разумѣется, весьма сомнительно. Это обстоятельство должно было представлять нѣкоторое затрудненіе для издателя при расположеніи писемъ въ точномъ хронологическомъ порядкѣ, на который имъ, вѣроятно, при незначительномъ количествѣ полтавскихъ писемъ, и не было обращено особеннаго вниманія. По крайней мѣрѣ слѣдующія соображенія могутъ навести на мысль, что изданіе Кулиша въ этомъ отношеніи не свободно отъ небольшихъ неточностей, и, можетъ быть, ошибокъ. Объ Иванѣ Семеновичѣ упоминается, очевидно, какъ о воспитателѣ или начальникѣ, у котораго Гоголь былъ за нѣсколько дней до отъѣзда. Между тѣмъ извѣстно, что въ нѣжинской гимназіи, гдѣ воспитывался Гоголь, директоромъ былъ Иванъ Семеновичъ Орлай. Не болѣе существеннымъ представляется намъ затрудненіе относительно опредѣленія мѣста, откуда было отправлено письмо, потому что оно находится въ тѣсной связи съ предыдущимъ.

Къ стр. 92. Дополнимъ здѣсь выше приведенную выписку изъ дневника товарища Гоголя:

„Русская литература у насъ процвѣтала вопреки профессору и несмотря на то, что въ ту пору даже порядочныхъ руководствъ не было никакихъ, кромѣ Словаря Остолопова, съ жадностію изучаемаго нами. Я уже говорилъ, что даже грамматики сколько-нибудь толковой не было у насъ... Но въ особенно незавидномъ положеніи было въ то время въ нашемъ Лицеѣ изученіе Русскаго права, которое намъ преподавалъ Билевичъ по единственному въ то время руководству Кукольника, отца моего товарища и бывшаго директоромъ нашего заведенія до Орлая. Преподаваніе заключалось въ чтеніи профессоромъ одной главы, съ приказаніемъ выучить. Затѣмъ въ практическомъ веденіи тяжбъ между слушателями по заданнымъ профессоромъ темамъ. Процессы эти представляли нѣкоторый интересъ, потому что самъ руководитель профессоръ былъ собственно адвокатъ того времени, знатокъ судейскихъ крючковъ, и училъ насъ, какъ выигрывать тяжебныя

Digitized by Google

дѣла, приводя то тотъ, то другой указъ. Что́ же касается теоріи права по руководству, бывало для сокращенія урока обольемъ заблаговременно жидкимъ клеемъ два листа книги профессора, потомъ склеимъ, и тѣмъ избавимся отъ двухъ лишнихъ страницъ in 4°. Помнится, случилось такъ, что страница оканчивалась словами „то тѣхъ судей", а слѣдующая послѣ наклеенной, начиналась словами „сдаютъ въ архивъ". При чтеніи лекціи это озадачило Билевича. Сначала подумалъ онъ, что это опечатка, и сталъ искать опечатокъ въ концѣ книги, тамъ ничего онъ не нашелъ; не теряя присутствія духа, онъ намъ пояснилъ, что это должно быть метафора, а подъ словомъ тѣхъ судей надо понимать тѣ судейскія дѣла кладутъ въ архивъ...

„Таковъ былъ у насъ преподаватель права, а между тѣмъ изъ нашей Гимназіи Высшихъ Наукъ вышелъ извѣстный теперь въ Россіи профессоръ Русскаго права Рѣдкинъ[1]). О Никольскомъ говорилъ я довольно, учениками его были Гоголь и Кукольникъ. Рѣдкинъ довершилъ свое воспитаніе въ Германіи; но Гоголь и Кукольникъ и другіе даровитые литераторы рѣшительно нигдѣ не учились по окончаніи курса въ Гимназіи Высшихъ Наукъ. Объясняется это тѣмъ, что въ ту пору кипѣла академическая своеобразная жизнь въ этомъ молодомъ заведеніи, которое, послѣ порядковъ, введенныхъ графомъ Уваровымъ, пришло въ совершенный упадокъ.

„Въ 1826 году поступили къ намъ два новые преподавателя, профессоръ Римскаго и естественнаго права Бѣлоусовъ, ученикъ Шада и профессоръ Естественной исторіи Соловьевъ. Эти молодые ученые обворожили насъ совершеннымъ контрастомъ съ нашими наставниками, педантами стараго времени...

„Около этого времени посѣтилъ насъ графъ Сперанскій на пути изъ своего полтавскаго помѣстья въ Петербургъ, куда вызывалъ его Императоръ Николай I....."

Кстати исправляемъ другую погрѣшность, допущенную г. Кулишомъ при распредѣленіи дѣтскихъ писемъ Гоголя въ хронологическомъ порядкѣ.

По поводу письма, въ которомъ упоминается Ландраженъ[2]), считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую поправку: вѣроятно, и здѣсь г. Кулишъ ошибся въ расположеніи писемъ по по-

[1]) Авторъ воспоминаній скончался прежде П. Г. Рѣдкина.

[2]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 9.

Digitized by Google

рядку, помѣстивши это письмо безъ даты не раньше, а позже письма отъ 10 октября 1822 г. Необходимо отмѣтить здѣсь во-первыхъ въ перепискѣ весьма значительный перерывъ: послѣ 7 января нѣтъ *ни одного письма* вплоть до 10 октября того же года. Это обстоятельство, повидимому, даетъ поводъ предполагать потерю нѣсколькихъ писемъ, хотя Гоголь и говоритъ о томъ, что долго не могъ писать, потому что былъ опасно боленъ. Для болѣе вѣрнаго опредѣленія времени, когда было написано разсматриваемое письмо, мы имѣемъ нѣсколько соображеній, въ силу которыхъ его слѣдовало бы отнести приблизительно къ іюлю — или самое позднее — къ августу мѣсяцу этого же года. Дѣло въ томъ, что Гоголь только-что передъ этимъ возвратился изъ дому послѣ вакаціи; это было притомъ именно *второе* письмо по возвращеніи (первое было такъ коротко, что въ немъ, по недостатку времени передъ экзаменомъ, Гоголь не описывалъ подробностей своего пріѣзда; это письмо, по всей вѣроятности, пропало). Между этимъ и предшествующимъ письмомъ, а также и самымъ пріѣздомъ, не могло быть продолжительнаго промежутка: письмо не только носитъ на себѣ свѣжіе слѣды возвращенія автора изъ дому, но и заключаетъ въ себѣ прямыя указанія на него: („извините меня, что я въ первомъ моемъ письмѣ не могъ обстоятельно описать мой пріѣздъ сюда. Причиной сему была скорость, съ каковою я писалъ, боясь не опоздать“ и далѣе: „Немного грустно разставшись съ вами, а дѣлать нечего“). Во-вторыхъ упоминается о только-что состоявшемся переходѣ Гоголя изъ третьяго въ четвертый классъ. („Я теперь переведенъ въ IV классъ и учусь со всѣмъ стараніемъ“). Весьма вѣроятнымъ въ виду сказаннаго можно считать предположеніе, что разсматриваемое письмо было написано *не позже августа*, основываясь при томъ и на оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ Гимназіи Высшихъ наукъ, изъ которыхъ видно, что Гоголь былъ переведенъ въ IV классъ въ іюлѣ 1824 года. (См. „Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филологич. Института“, 1879, статья Лавровскаго „Гимназія Высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“, стр. 241). Совершенно согласны съ этими данными слова Гоголя въ занимающемъ насъ письмѣ о томъ, что „онъ началъ занятія французскимъ языкомъ у недавно пріѣхавшаго профессора Ландражина“. (или Ландражена, какъ называетъ его Гоголь), который прибылъ 1 іюля 1822 г., назначенъ же

Digitized by Google

17 мая 1822 г. („Лицей кн. Безбородко“, отд. I., стр. 276). Въ виду столькихъ соображеній можно было бы считать нашу догадку несомнѣнной, если бы съ другой стороны не представлялось затрудненія ее съ утвержденіемъ Гоголя, что пріѣхалъ также профессоръ греческаго языка, который по официальнымъ даннымъ значится поступившимъ лишь въ февралѣ слѣдующаго года. Кромѣ того, можетъ возникнуть вопросъ: дѣйствительно ли Гоголь говоритъ о возвращеніи домой послѣ лѣтней поѣздки, такъ какъ изъ вѣдомостей заведенія за этотъ годъ („Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филол. Инст.“, т. 3, 1879, г., стр. 241) можно видѣть, что ученики получали отмѣтки даже за іюнь и іюль мѣсяцы, слѣдов., какъ бы вовсе не пользывались вакаціей. Но этого, конечно, не могло быть: вакація, хотя бы мѣсячная, (напр. отъ половины іюля до половины августа) была же дана воспитанникамъ, и притомъ не можетъ быть сомнѣнія, что Гоголь извѣстилъ бы родителей въ первомъ же письмѣ о своемъ переходѣ въ слѣдующій классъ. а слѣдов. почти несомнѣнно и то, что письмо отъ 10 октября было написано позже разсматриваемаго письма безъ помѣты Не можетъ ли и послѣднее указанное затрудненіе быть совершенно устранено, если принять въ соображеніе слѣдующія слова проф. Лавровскаго въ его статьѣ „Гимназія Высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ“, („Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филологич. Института“, 1879, т. 3): „Преподавателя греческаго языка не приходилось искать далеко: кровный грекъ, Христофоръ Іеропесъ, состоялъ тогда учителемъ греческаго языка въ Нѣжинскомъ Александровскомъ греческомъ училищѣ. Въ своемъ прошеніи въ сентябрѣ 1822 г. Іеропесъ предлагаетъ обучать цѣлый годъ греческому языку“.... („Изв. Нѣж. Ист. Фил. Инст.“, 1879, стр. 180, 181, и пр.). Но, можетъ быть, не оффиціальное согласіе его было извѣстно уже раньше. (По словамъ г. Бородина въ „Лицеѣ князя Безбородко“, Іеропесъ былъ утвержденъ уже 13 января 1822 года).

Къ примѣчанію на стр. 121.

Въ „Кіевской Старинѣ“ (1884, V, стр. 143—147) находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщенныя г. Пономаревымъ объ одной изъ рукописныхъ книжекъ издававшагося лицеистами журнала подъ названіемъ „Метеоръ Литературы“; но авторъ не приводитъ никакихъ данныхъ относительно вопроса, что именно въ этой книжкѣ принадлежало перу Гоголя.

Digitized by Google

Къ стр. 220.

Письмо Н. В. Гоголя къ матери отъ 22-го марта 1842 года.

„Я долго не писалъ къ вамъ потому, что былъ совершенно не въ силахъ, и никому во всю бытность теперешнюю мою въ Москвѣ я не писалъ почти. Здоровье мое въ странномъ положеніи; иногда я просто не въ силахъ даже подумать о чемъ-либо. И что̀ всего хуже, мной овладѣло то тягостное и тоскливое состояніе духа, которое и прежде, и въ первый мой пріѣздъ, мною было овладѣло. Вліяніе ли климата или что̀ другое, но дурно то, что это дѣйствуетъ на мои умственныя занятія и я до сихъ поръ не въ силахъ привести въ порядокъ дѣлъ своихъ. Какъ было я чувствовалъ себя хорошо весь годъ, проведенный въ Римѣ, такъ теперь нехорошо. Но государь милостивъ и благоволилъ меня причислить къ нашему посольству въ Римѣ, гдѣ я буду получать жалованье, достаточное для моего содержанія, а до тѣхъ поръ потерпимъ. Авось Бо́гъ устроитъ все къ лучшему. Во всякомъ случаѣ я непремѣнно увижусь съ вами. Какъ это будетъ, я еще не знаю до сихъ поръ. Потому еще нѣтъ никакой перемѣны въ моихъ дѣлахъ, но какъ только получу какія-нибудь средства и возможность, увѣдомлю васъ заблаговременно.

„Прощайте! да хранитъ васъ Богъ.

„Вашъ сынъ Николай.

„Припасите мнѣ полдюжины рубашекъ простыхъ и полдюжины исподняго изъ холста потолще, чѣмъ на рубашкахъ; чѣмъ толще, тѣмъ лучше.

„Благодарю васъ за ваше письмо; еще болѣе благодарю Бога за ваше выздоровленіе. Я еще не совсѣмъ оправился, устаю и не могу заняться моими дѣлами, какъ бы хотѣлъ, а что̀ самое главное, встрѣтилъ множество неожиданныхъ и непредвидѣнныхъ препятствій. Но Богъ милостивъ, и мнѣ, вѣрно, удастся преодолѣть все. Объ этомъ молитесь теперь Богу. Жаль только́, что дѣла мои затянутся на долгое время и нескоро придется вамъ что-нибудь получить отъ меня. Скажите старшей сестрѣ Маріи, что напрасно она такъ испугалась моего письма: кого любятъ, отъ того съ радостью при-

Digitized by Google

нимаютъ даже упреки. Письмо мое много бы заключило для нея непріятнаго.—Ей никогда и вѣкъ не понять, что одна любовь и только любовь сильная даетъ такіе упреки, какіе когда-либо давалъ ей я. Если бы она думала обо мнѣ и разбирала бы почаще мои строки, она бы увидѣла это ясно. И прежде въ припискѣ къ ней и въ письмѣ къ меньшой сестрѣ я сказалъ ясно, что письмо будетъ на счетъ ея сына [1]); она должна бы почувствовать, что письмо для нея заключитъ много пріятнаго.

„Скажите сестрѣ Аннѣ, что прежде всего она должна благодарить за многія напоминанія, которыя я сдѣлалъ. Что же касается до обвиненій, которыя я на нее взвелъ, то они были сдѣланы съ тѣмъ, чтобы разсердить ее хорошенько. Я зналъ, что ничѣмъ другимъ нельзя было разсердить ее, какъ этимъ, а разсердить ее чѣмъ-нибудь нужно, чтобы разбудить ея сонный, готовый всегда залѣниться и засидѣться характеръ.

„Прощайте, поцѣлуйте отъ меня Колю (Н. П. Трушковскаго). Надѣйтесь во всемъ на Бога и молитесь. Придетъ время, когда Богъ чудно вознаградитъ васъ за вашу теплую вѣру и будетъ счастье ваше выше, чѣмъ счастье всякаго другого.

„Вашъ признательный сынъ Николай.

„Поздравляю васъ всѣхъ съ наступающимъ новымъ годомъ“.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

---

[1]) Николая Павловича Трушковскаго.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ.

Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Смьдуетъ читать:*
7	прим., 3 снизу	цитированныя выше	цитированныя ниже
13	примѣч. 11 сверху	не свойственныхъ	свойственныхъ
75	въ первомъ примѣч.	„Соч. м Письма“	„Соч. и Письма“
88	17 снизу	подраженіе	подражаніе
122	примѣч., 8 сверху	послѣ слова *впрочемъ*	замѣтимъ
126	23 сверху	о томъ, не только,	не только о томъ
158	18 сверху	мы находимъ однако	мы находимъ съ одной стороны
172	17 сверху	достойнаго	достойною
187	16 сверху	въ этомъ разсказѣ	въ разсказѣ Гоголя
191	12 сверху	корреспондента	корреспондентка
193	16 сверху	вы еще болѣе не знаете	вы еще не знаете
193	10 снизу	скромность	скрытность
243	въ первомъ примѣч.	Современникъ	Современникъ
245	6 снизу	что̀жь	что̀жъ
263	13 сверху	доходь	доходъ
278	17 сверху	женщиду	женщину
280	9 снизу	близь	близъ
305	въ первомъ примѣч.	Они	Письма къ Смирновой
311	въ перв. прим., стр. 7	чувстами	чувствами
324	въ четверт. примѣч.	вышо	выше
351	въ четверт. примѣч.	отчему	отчиму
383	8 сверху	пользывались	пользовались

Digitized by Google

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ

для

БІОГРАФІИ ГОГОЛЯ

В. И. Шенрока.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА. 1893

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5

Digitized by Google

Digitized by Google

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе I

I. Н. В. Гоголь въ періодъ „Арабесокъ“ и „Миргорода“ (1832—1835) (біографическія данныя и матеріалы для исторіи творчества). 1

Общія замѣчанія. 3
Внѣшнія условія жизни Гоголя въ Петербургѣ до лѣта 1832 года. . . . 7
Національныя симпатіи Гоголя и ихъ отраженіе въ произведеніяхъ 1832—1835 годовъ. 36
Повѣсть „Страшная Месть“ и ея отношеніе къ повѣстямъ, вошедшимъ въ „Миргородъ“ 54
Происхожденіе повѣсти „Вій“ и ея отношеніе къ народнымъ малороссійскимъ сказкамъ. 69
Петербургскія повѣсти Гоголя 78
Поѣздка Гоголя въ Москву и новыя литературныя знакомства. 110
Повѣсти, вошедшія въ „Миргородъ“. 123
Внѣшнія условія жизни Гоголя съ лѣта 1832 г. по 1835 годъ 143
Хлопоты Гоголя о профессурѣ въ Кіевѣ. 166
Общее заключеніе о Гоголѣ въ 1832—1835 г. 199

II. Н. В. Гоголь какъ историкъ и педагогъ. 213

Предварительныя замѣчанія. 215
Взгляды Гоголя на преподаваніе исторіи и географіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. 218
Профессорская дѣятельность Гоголя. 226
Разборъ лекціи Гоголя объ Аль-Мамунѣ. 234
Разборъ пьесы Гоголя „Альфреда“ (съ историческимъ сюжетомъ). 239
Общее заключеніе о Гоголѣ, какъ педагогѣ 244
Гоголь какъ историкъ (Критическія замѣтки по поводу статьи г. Витберга). 252
Типы воспитателей и задачи воспитанія по произведеніямъ Гоголя 293

Digitized by Google

III. Драматическія произведенія Гоголя 315

Общія замѣчанія 317
Комедія Гоголя „Женитьба“ 324
Комедія „Владиміръ 3-ьей степени“ 344
Комедія „Ревизоръ“ 355
Комедія „Игроки“ 375

IV. Приложенія 379

V. По поводу брошюры г. Витберга „Н. В. Гоголь и его новый біографъ“ 385

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Не только въ русской, но и во всемірной литературѣ немного найдется именъ, съ которыми былъ бы соединенъ столь обильный и разносторонній интересъ, преимущественно съ точки зрѣнія психологической, какъ съ именемъ Гоголя; но полное разъясненіе такого сложнаго характера станетъ возможно не раньше, чѣмъ тщательная разработка внѣшнихъ біографическихъ фактовъ откроетъ наконецъ путь къ полному и всестороннему объясненію внутренней, интимной жизни нашего писателя. Дружными усиліями изслѣдователей и особенно добросовѣстной взаимной провѣркой добытыхъ результатовъ можно и теперь сдѣлать многое въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что первыя вѣхи удачно поставлены не только современниками Гоголя, напр. въ извѣстномъ сочиненіи г. Кулиша, и въ замѣткахъ, принадлежавшихъ автору „Гоголевскаго періода русской литературы“, но и множествомъ трудовъ позднѣйшихъ, частью притомъ первостепеннаго достоинства. Не говоримъ уже о весьма цѣнныхъ воспоминаніяхъ людей, знавшихъ лично Гоголя и иногда вполнѣ образованныхъ литературно, какъ Анненковъ и С. Т. Аксаковъ. Особенно этотъ матеріалъ былъ обогащенъ прекрасной статьей о Гоголѣ въ „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній“ А. Н. Пыпина и чтеніями и статьями профессора Тихонравова (объ отношеніяхъ Гоголя къ Пушкину и къ извѣстному артисту Щепкину). Въ настоящее время по мѣрѣ постояннаго накопленія въ печати новыхъ біографическихъ матеріаловъ и вновь

Digitized by Google

издаваемыхъ писемъ, нерѣдко дающихъ ключъ къ оцѣнкѣ истиннаго характера отношеній Гоголя къ его многочисленнымъ корреспондентамъ, наступаетъ, повидимому, время для попытокъ проникнуть въ самую сущность этихъ отношеній или, по меньшей мѣрѣ, поставить на очередь вопросы, ожидающіе въ близкомъ будущемъ полнаго и удовлетворительнаго разрѣшенія. Обнародованная до сихъ поръ переписка Гоголя, правда, все еще не полна, хотя пробѣлы становятся уже сравнительно небольшими; только недавно изданы письма къ нему графа и графини Толстыхъ, остаются неизданными письма къ Гоголю Максимовича, Шевырева и отчасти Погодина, но особенно, очень важныя и любопытныя письма его духовника о. Матвѣя; нѣкоторыя письма, конечно, появятся еще въ печати; переписка же съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Ивановымъ, Данилевскимъ, Смирновой и Віельгорскими извѣстна почти въ полномъ объемѣ. Къ сожалѣнію, съ другой стороны, иные изъ высшей степени любопытныхъ и важныхъ документовъ, остающихся до сихъ поръ неизданными, какъ напримѣръ письма о. Матвѣя, едва-ли уже не утрачены безнадежно. Спасти, что́ возможно, и предупредить, насколько позволятъ обстоятельства, исчезновеніе кое-какихъ уцѣлѣвшихъ преданій—вотъ задача, откладывать исполненіе которой, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ.

Мы встрѣчаемъ, однако, довольно существенное и во многомъ весьма справедливое возраженіе. Если всѣми безповоротно признано право подвергать разбору произведенія живыхъ и умершихъ писателей, то нельзя не признать, что изученіе ихъ личности представляется до сихъ поръ дѣломъ крайне затруднительнымъ и щекотливымъ. „Я не сочувствую стремленію рыться глубоко въ частной, интимной жизни писателя, художника, ученаго“, сказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ самыхъ маститыхъ и уважаемыхъ представителей нашей литературы, нынѣ уже покойный Гончаровъ, голосъ котораго имѣетъ безспорное право на вниманіе. „Поэтъ, ученый, живописецъ, ваятель“—читаемъ мы дальше,—„выражаютъ то или другое, что́ они хотѣли выразить такъ или иначе въ своихъ твореніяхъ, и надо бы, по здравому смыслу и чувству справедливости, довольствоваться тѣмъ, что́ выражено въ книгахъ, поэзіи, картинахъ и изданіяхъ этихъ дѣятелей, и подвергать послѣднія суду критики за выраженное

Digitized by Google

ими“ [1]). Напротивъ, изученіе личной жизни историческихъ дѣятелей по этому взгляду представляется какъ будто нежелательнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, безпристрастный анализъ личности, даже стоящей высоко во всѣхъ отношеніяхъ, но, безъ сомнѣнія, все-таки не свободной отъ недостатковъ, самоуправно сводитъ генія съ занимаемаго имъ пьедестала и, подвергая его суду общественнаго мнѣнія, неизбѣжно открываетъ нѣкоторыя непріятныя стороны, особенно нежелательныя для памяти тѣхъ, чьи созданія такъ прочно стоятъ на недосягаемой высотѣ. Въ жизни не все совершается такъ, какъ бы намъ того хотѣлось; не всѣ воспоминанія о прошломъ одинаково пріятны, и всякое извлеченіе изъ архива фактовъ постепенно забываемаго прошлаго рискуетъ встрѣтить поневолѣ не всегда исключительно отрадныя черты. Но мнѣ кажется, что всѣ указанныя соображенія справедливы ровно настолько, насколько касаются злоупотребленій; непредубѣжденное же уясненіе замѣчательной личности составляетъ, по моему мнѣнію, безспорное право потомства: иначе невозможна никакая біографія. Другое дѣло, когда изслѣдованіе предпринимается въ самомъ дѣлѣ съ цѣлью „судить, трепать, казнить или миловать“. Постараемся поэтому сохранить бережное и осторожное отношеніе ко всѣмъ лицамъ, о которыхъ предполагаемъ говорить въ настоящей книгѣ, не принимая на себя, однако, обязанности избѣгать поводовъ къ раздраженію со стороны чьей-либо чрезмѣрной щепетильности. Если намъ не вездѣ это удастся, то пусть будетъ принято въ соображеніе то прискорбное обстоятельство, благодаря которому, при всемъ желаніи отнестись съ осторожностью къ упомянутымъ щекотливымъ вопросамъ, автору не всегда возможно было обходить ихъ, такъ какъ каждая вынужденная недомолвка встрѣчала со стороны нѣкоторыхъ близорукихъ критиковъ яростныя нападенія, вынуждающія говорить подробно о томъ, чего хотѣлось бы коснуться лишь мимоходомъ [2]).

Въ настоящее время нашъ трудъ, несомнѣнно, не свободенъ отъ довольно существенныхъ и крупныхъ пробѣловъ, для

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1889, III, 83—84.

[2]) Мы имѣемъ здѣсь и во многихъ другихъ мѣстахъ въ виду автора брошюры „Н. В. Гоголь и его новый біографъ“.

Digitized by Google

пополненія которыхъ пока не имѣется данныхъ. Такъ, было бы весьма важно, безъ сомнѣнія, не допустить преобладанія прозаическихъ подробностей обыденной жизни писателя надъ изображеніемъ благороднѣйшихъ сторонъ его духовной природы, обнаруженныхъ (въ разсматриваемый въ предлагаемомъ томѣ періодъ) глубокимъ, задушевнымъ чувствомъ въ заключительныхъ страницахъ „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ“, во многихъ мѣстахъ „Тараса Бульбы“, въ „Шинели“, въ которыхъ такъ ярко горитъ свѣтлый лучъ высокой безкорыстной любви автора къ людямъ; хотѣлось бы также ввести собранныя данныя о жизни Гоголя въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ рамку болѣе широкаго разсказа и подробнѣе и ярче представить участіе нашего поэта во внутренней, интимной жизни того литературнаго круга, котораго онъ составлялъ одно изъ блестящихъ украшеній: но исполненіе этихъ задачъ принадлежитъ уже будущему, такъ какъ, напр., для второй изъ нихъ потребовалась бы предварительная работа очень широкаго объема, едва-ли осуществимая въ данную минуту, при наличномъ состояніи источниковъ.

Но кромѣ того, что́ касается упрека въ томъ, что въ нашемъ трудѣ не вездѣ проведена строгая послѣдовательность въ распредѣленіи во всѣхъ подробностяхъ собранныхъ нами матеріаловъ; то въ оправданіе мы должны указать на большое количество разнородныхъ данныхъ переписки Гоголя, съ самаго начала поступавшей въ наше распоряженіе въ совершенно случайномъ порядкѣ (такъ, напр., отрывки изъ днев. ника А. О. Смирновой, затерянные г-жей Евреиновой, вторично поступили къ намъ отъ О. Н. Смирновой *уже во время печатанія перваго тома*, а иные документы, обѣщанные намъ, до сихъ поръ еще не получены). Конечно, автору было бы гораздо удобнѣе и пріятнѣе, если бы разнообразные матеріалы, касающіеся Гоголя, появлялись въ печати какъ можно скорѣе, особенно такіе, какъ капитальный трудъ Н. С. Тихонравова; но, къ сожалѣнію, это нисколько не зависитъ отъ его воли, и нерѣдко бываетъ, что новыя данныя о какомъ-нибудь періодѣ жизни и литературной дѣятельности Гоголя обнародываются уже тогда, когда возможность своевременнаго пользованія ими въ нашемъ трудѣ совершенно пропущена. Такъ, въ будущемъ году обѣщаны въ „Русской Старинѣ“ новыя письма Гоголя, а въ „Историческомъ Вѣстникѣ“

Digitized by Google

въ декабрьской книгѣ 1892 г. помѣщены воспоминанія о Гоголѣ его нѣжинскаго товарища Любича-Романовича въ передачѣ г. Шевлякова, касающіяся дѣтства нашего писателя [1]). Въ этомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ разработка біографіи Гоголя представляетъ совершенно исключительныя трудности, съ которыми справиться вполнѣ возможно было бы только при слѣдующемъ изданіи книги, если бы таковое потребовалось.

Кстати. Если бы оказалось со временемъ, что всѣ спорные вопросы біографіи Гоголя вполнѣ исчерпаны и рѣшенія ихъ признано критикой, *тогда уже*, послѣ надлежащей переработки и исправленій, можно было бы дать книгѣ названіе не матеріаловъ, а просто біографіи Гоголя. Но это дѣло не близкаго будущаго, а пока названіе „матеріаловъ“ должно между прочимъ служить предупрежденіемъ тѣхъ преувеличенныхъ и несправедливыхъ нападокъ, которымъ подвергается, напр., недавній трудъ проф. Висковатова о Лермонтовѣ, почему-то возбуждающій изступленныя придирки даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ за несомнѣнную точность передаваемыхъ данныхъ могъ бы *ручаться* только очевидецъ, и за то, что проф. Висковатовъ не имѣлъ въ виду нѣкоторыхъ показаній, сдѣлавшихся извѣстными другому лицу, хотя и далеко не имѣющихъ значенія несомнѣнныхъ фактовъ, а напротивъ весьма и весьма нуждающихся въ провѣркѣ.

Первый томъ настоящаго труда вызвалъ слѣдующія рецензіи и замѣтки въ нашихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ изданіяхъ. Назовемъ ихъ по времени появленія въ печати:

„Вѣстникъ Европы“ (мартъ).
„Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (мартъ).
„Русская Мысль“ (мартъ).
„Книга о книгахъ“.
„Книжный Вѣстникъ“ (мартъ).
„Кіевская Старина“ (апрѣль).
„Наблюдатель“ (апрѣль).
„Историческій Вѣстникъ“ (апрѣль) [2]).

---

[1]) Также въ только-что вышедшей январьской книгѣ того же журнала напечатаны воспоминанія о Гоголѣ И. Ѳ. Золотарева, переданныя г. Ободовскимъ.

[2]) Впрочемъ эта рецензія опровергнута въ слѣдующемъ же № журнала (см. „Историч. Вѣстн.“, V, 583—584).

Digitized by Google

„Русскія Вѣдомости“ (въ апрѣлѣ и 31 августа 1892 г.).
„Русское Богатство“ (іюнь).
„Артистъ“ (сентябрь).
„Библіографическія Записки“ (сентябрь).
„Сѣверный Вѣстникъ“ (октябрь).
„Русская Старина“ (декабрь).

Кромѣ того, вскорѣ по выходѣ моей книги появилась особая посвященная ей брошюра, подъ заглавіемъ: „Н. В. Гоголь и его новый біографъ“ [1]).

Всѣми указаніями критики авторъ предполагаетъ съ благодарностью воспользоваться при слѣдующихъ изданіяхъ книги, если таковыя понадобятся, и, насколько возможно, старался восполнить уже теперь замѣченные гг. рецензентами пробѣлы. Такъ, согласно мнѣнію, высказанному академикомъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, въ приложеніяхъ къ слѣдующему тому будетъ помѣщена дополнительная глава о раннихъ литературныхъ опытахъ Гоголя, въ которой предположительно *(за недостаткомъ точныхъ данныхъ)*, на основаніи извѣстнаго намъ о дѣтскихъ и юношескихъ упражненіяхъ Гоголя, будетъ высказано мнѣніе о степени вліянія на него Марлинскаго и подробнѣе будетъ изложенъ вопросъ о подражаніи Гоголя идилліи нѣмецкаго поэта Фосса, „Луиза“, въ его „Ганцѣ Кюхельгартенѣ“; теперь же прибавлены замѣтки о бытѣ малороссійскихъ помѣщиковъ временъ Гоголя, при чемъ послѣднюю главу авторъ нашелъ возможнымъ связать съ послѣдовательнымъ изложеніемъ біографическаго матеріала въ настоящемъ томѣ. Въ виду того, что авторъ старается не ограничивать свою задачу однимъ изложеніемъ фактовъ жизни Гоголя, но находитъ необходимымъ разсматривать эти факты по возможности въ связи съ литературной дѣятельностью нашего писателя, внесеніе послѣднихъ, рекомендуемыхъ почтеннымъ академикомъ, прибавленій, казалось ему не противорѣчащимъ общему плану труда и въ томъ мѣстѣ, которое теперь назначается этой главѣ). Такое, особенную благодарность приноситъ авторъ рецензенту „Вѣстника Европы“, г. А. В., и профессору Е. В. Пѣтухову, изъ которыхъ первый указалъ на умѣстность и необходимость въ моемъ трудѣ библіографическихъ указаній, касающихся разработки свѣдѣній не только о жизни, но и

[1]) О ней см. въ приложеніяхъ къ настоящему тому.

Digitized by Google

о литературной дѣятельности Гоголя, а второй совѣтовалъ дополнить мое изслѣдованіе въ главахъ, посвященныхъ школьной жизни писателя, характеристикой быта самой школы и ея питомцевъ [1]).

Далѣе, важными представляются соображенія нѣкоторыхъ гг. рецензентовъ о степени моего безпристрастія въ отношеніи біографическихъ данныхъ о Гоголѣ. Вопросъ этотъ весьма затруднительный и щекотливый, вызываетъ противоположныя мнѣнія. Одинъ изъ рецензентовъ (г. Витбергъ) требуетъ безусловнаго довѣрія къ Гоголю, считая чуть ли не святотатственнымъ посягательствомъ на память великаго писателя самую умѣренную и осторожную критику нѣкоторыхъ словъ въ его перепискѣ, представляющихся иногда не совсѣмъ вѣрными при сопоставленіи ихъ съ другими данными; другіе, какъ, напр., авторъ рецензіи въ „Наблюдателѣ“ и г. Иванъ Ивановъ—въ отдѣлѣ литературныхъ обозрѣній „Русскихъ Вѣдомостей“ — упрекаютъ меня, наоборотъ, въ излишнемъ довѣріи и пристрастіи къ Гоголю.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о заглавіи. Особенно недоволенъ остался имъ г. Витбергъ, рецензентъ „Историческаго Вѣстника“, въ своей брошюрѣ „Н. В. Гоголь и его новый біографъ“: г. Витбергъ упрекаетъ меня за то, что я не назвалъ свою книгу просто біографіей Гоголя. Вмѣсто того, чтобы дать на это отвѣтъ съ своей стороны, приведу здѣсь слова профессора Пѣтухова, который вполнѣ вѣрно понялъ мой взглядъ на дѣло и объясненіе котораго, къ сожалѣнію, было пропущено г. Витбергомъ. „Сочиненіе г. Шенрока“—говоритъ почтенный профессоръ—„даетъ болѣе, чѣмъ обѣщаетъ скромное его заглавіе. Конечно, его нельзя назвать біографіей Гоголя въ полномъ смыслѣ слова,—въ изданной его части есть не мало пробѣловъ и предположеній, которые въ будущей біографіи великаго писателя должны быть восполнены и замѣнены фактами совершенно опредѣленными и ясными; но едва-ли теперь можно поставить это въ вину автору разсматриваемаго сочиненія, *который находился въ зависимости отъ доступныхъ ему данныхъ*“, и проч.

---

[1]) Библіографическія указанія, относящіяся къ сочиненіямъ Гоголя, будутъ помѣщены при концѣ обзора его произведеній, а глава, касающаяся характеристики школьныхъ товарищей Гоголя, будетъ отнесена къ концу всего труда, въ виду того, что могутъ еще появиться въ печати относящіяся сюда данныя.

Digitized by Google

Относительно моей полемики съ лицами, изучавшими Гоголя, было высказано отчасти лестное для меня мнѣніе (въ „Русскомъ Богатствѣ“), что, будучи всегда вѣской и убѣдительной, полемика эта въ нѣкоторыхъ случаяхъ является впрочемъ излишней и черезчуръ обстоятельной, тогда какъ для опроверженія противоположныхъ мнѣній не было вовсе необходимости входить въ тѣ подробности, которыя казались мнѣ умѣстными. На это я долженъ отвѣтить, что лично мнѣ трудно судить въ каждомъ данномъ случаѣ, насколько слова мои являются убѣдительными для другихъ, вслѣдствіе чего я могъ въ самомъ дѣлѣ переступить должную мѣру въ возраженіяхъ. Такъ, съ опроверженіемъ мнѣнія г-жи Черницкой, будто бы Гоголь былъ влюбленъ въ Александру Осиповну Россетъ, впослѣдствіи Смирнову, согласились гг. академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, г. рецензентъ „Наблюдателя“ и, повидимому, г. рецензентъ „Русскаго Богатства“; послѣ этого, если такое мнѣніе не будетъ поддерживаться кѣмъ-либо снова въ печати, его можно будетъ считать окончательно отвергнутымъ [1]); но, пока критика не имѣла возможности высказаться о томъ или другомъ спорномъ вопросѣ, или высказалась, но не единодушно, съ нимъ приходится считаться. Быть можетъ, и болѣе, чѣмъ вѣроятно, г. рецензентъ „Русскаго Богатства“ найдетъ и въ настоящемъ томѣ излишнимъ опроверженіе многихъ крайне ничтожныхъ и мелочныхъ придирокъ г. Витберга, но я все-таки считаю это необходимымъ, въ виду заявленія послѣдняго, что невниманіе къ его замѣткамъ показываетъ будто-бы неуваженіе къ самой разработкѣ біографіи Гоголя.

Внесеніе въ книгу вызванныхъ статьями г. Витберга возраженій, поправокъ и дополненій вмѣстѣ со многими другими причинами вынудило насъ дать болѣе обширный объемъ настоящему тому, вслѣдствіе чего вмѣсто обѣщанныхъ трехъ томовъ намъ придется, вѣроятно, выпустить уже четыре.

---

[1]) Наконецъ въ послѣднее время сама редакція журнала, въ которомъ прежде была помѣщена статья г-жи Черницкой, напечатала также вѣское опроверженіе ея неудачныхъ измышленій (см. „Сѣверн. Вѣстникъ“, 1893, январь). Этимъ опроверженіемъ нынѣшняя редакція „Сѣвернаго Вѣстника“ вполнѣ добросовѣстно исправляетъ ошибку, допущенную редакціей г-жи Евреиновой (см. I-ый томъ нашего труда, стр. 327).

Digitized by Google

Н. В. ГОГОЛЬ

ВЪ ПЕРІОДЪ „АРАБЕСОКЪ“ и „МИРГОРОДА“

(1832—1835 гг.).

(Біографическія данныя и матеріалы для исторіи творчества).

Digitized by Google

Digitized by Google

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Ни одному изъ современниковъ Гоголя не удалось такъ мѣтко и вполнѣ согласно со всѣми біографическими данными въ немногихъ словахъ очертить сущность его задушевныхъ стремленій и характеръ внѣшнихъ условій, въ которыхъ онъ находился въ бытность свою въ Петербургѣ, какъ П. В. Анненкову. „Съ 1830 по 1836 г., т.-е. вплоть до отъѣзда за-границу“,—говоритъ Анненковъ,—„Гоголь былъ занятъ исключительно одною мыслью—открыть себѣ дорогу въ этомъ свѣтѣ, который, по злоупотребленію эпитетовъ, называется обыкновенно большимъ и пространнымъ; въ сущности онъ всегда и вездѣ тѣсенъ — для начинающаго“ [1]). Свидѣтельство такого человѣка, какъ Анненковъ, близко знавшій тогда Гоголя и въ то же время безпристрастный наблюдатель, должно имѣть высокую цѣну. Онъ не былъ, подобно нѣжинскимъ товарищамъ поэта, связанъ съ Гоголемъ воспоминаніями вмѣстѣ проведеннаго дѣтства, но какъ членъ общаго кружка, къ которому примкнулъ еще съ 1832 г. [2]), получилъ полную возможность узнать его коротко. Въ „Запискахъ о жизни Гоголя“ г. Кулишъ упоминаетъ объ энтузіазмѣ, съ которымъ впослѣдствіи относился къ петербургскому періоду жизни своего пріятеля Прокоповичъ [3]); мы лично имѣли случай слышать такой же сочувственный, почти восторженный отзывъ уже престарѣлаго Данилевскаго. Но, съ одной сто-

[1]) „Воспоминанія и критическіе очерки“ Анненкова, т. I, стр. 181.

[2]) Тамъ же, стр. 172.

[3]) „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 101.

Digitized by Google

роны, ни Прокоповичъ, ни Данилевскій, не могли достаточно отрѣшиться отъ субъективнаго отношенія къ Гоголю, что вполнѣ естественно и ясно уже изъ самаго характера ихъ отзывовъ (ихъ воспоминанія гораздо важнѣе фактическимъ матеріаломъ, нежели окончательными выводами, въ которыхъ, по сущности дѣла, они не могли быть нелицепріятными судьями); съ другой стороны,—и это самое главное,—въ настоящемъ случаѣ эти отзывы не даютъ намъ ключа къ пониманію дѣла. Любопытно, что г. Кулишъ, собиравшій матеріалы для біографіи Гоголя непосредственно отъ лицъ близко знавшихъ его и притомъ почти вслѣдъ за кончиной писателя, долженъ былъ выразить сожалѣніе, что изъ разсказовъ о петербургской порѣ его жизни можно было вынести очень немного. Однимъ изъ существенныхъ затрудненій было то обстоятельство, что, чувствуя себя среди товарищей-однокашниковъ совершенно въ родной сферѣ и отдыхая въ ихъ обществѣ отъ свѣтскихъ и служебныхъ отношеній, отъ всякихъ житейскихъ дрязгъ,—Гоголь, несмотря на то, никогда не держалъ себя „на распашку“ и совсѣмъ не былъ склоненъ даже самыхъ близкихъ людей посвящать въ свои завѣтные планы. Наиболѣе любимый имъ изъ кружка, Данилевскій, по его собственному показанію, никогда не рѣшался начинать съ Гоголемъ разговоръ о серьезныхъ его интересахъ, а вступалъ въ откровенную бесѣду о такихъ предметахъ только по приглашенію послѣдняго. По справедливому выраженію г. Кулиша, представляющему, безъ сомнѣнія, итогъ слышаннаго имъ отъ многихъ пріятелей и знакомыхъ Гоголя, послѣдній, „предаваясь врожденной наблюдательности“, самъ какъ бы „защищался личиной человѣка обыкновеннаго отъ наблюдательности другихъ“ и „всегда былъ на-сторожѣ“; подмѣтить въ немъ что-либо можно было только „безъ его вѣдома“ [1]). Понятно поэтому, что товарищи-нѣжинцы, давно хорошо знавшіе Гоголя и считавшіе его своимъ человѣкомъ, но не введенные въ его интимный міръ, удовлетворялись преимущественно своими прочно установившимися личными отношеніями къ нему, и только со стороны радовались или удивлялись его быстрымъ успѣхамъ. Въ иномъ, гораздо болѣе выгодномъ положеніи былъ Анненковъ, впервые познакомив-

[1]) „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 100.

Digitized by Google

шійся тогда съ Гоголемъ и уже заранѣе сильно заинтересованный его личностью и славою: онъ съ самаго начала, насколько могъ, старался незамѣтно проникнуть въ сущность характера Гоголя и его поступковъ, къ чему притомъ гораздо лучше другихъ членовъ кружка былъ подготовленъ болѣе обширнымъ образованіемъ и многосторонне развитымъ умомъ.

Чтобы убѣдиться, насколько вѣрны въ примѣненіи къ разсматриваемой порѣ жизни Гоголя особенно послѣднія изъ приведенныхъ выше словъ Анненкова, достаточно припомнить, какъ, несмотря на почти сказочный успѣхъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, на успѣхъ, превзошедшій его собственныя пылкія мечты и надежды, Гоголю приходилось, однако, упорно бороться съ обстоятельствами, отчасти отстаивая съ напряженными усиліями уже занятую позицію, отчасти, подвигаясь впередъ, употреблять большую энергію для обезпеченія желаемыхъ результатовъ. Такъ было въ началѣ его петербургской жизни, такъ было и при полученіи имъ университетской каѳедры.

Было бы, однако, непростительно-грубой ошибкой видѣть въ заботахъ Гоголя о будущемъ обыкновенный пошлый карьеризмъ. Противъ такого ложнаго толкованія достаточно, напримѣръ, указать одно письмо его къ дядѣ П. П. Косяровскому [1]), въ которомъ вылилось чистое, юношеское, никѣмъ не подсказанное желаніе посвятить свои лучшія силы на служеніе общественному благу. Конечно, не изъ скромной и довольно патріархальной домашней среды, вѣроятно, также и не изъ школы (судя по всѣмъ даннымъ) вынесъ онъ эти возвышенныя и, можетъ быть, притязательныя стремленія. Напротивъ, въ натурѣ самого Гоголя всегда было что-то выводившее его далеко изъ предѣловъ рутинныхъ рамокъ, и онъ всюду являлся оригинальнымъ, въ лучшемъ значеніи слова. Въ этомъ сказывался тотъ присущій геніальнымъ людямъ инстинктъ, который пробуждаетъ въ нихъ большія надежды на себя и внушаетъ имъ обширные замыслы. Поэтому-то и Гоголь, какъ бы отмѣченный особой печатью свыше, съ самаго дѣтства былъ непримиримымъ врагомъ заурядnаго ничтожества, и это одно не позволяетъ намъ смѣшивать его

---

[1]) „Русская Старина“, 1876, т. I, стр. 41—42.

Digitized by Google

съ толпою алчущихъ земныхъ благъ безъ всякаго помышленія о какомъ-либо нравственномъ совершенствѣ. Какъ въ школѣ Гоголь не щадилъ насмѣшекъ надъ самолюбивой бездарностью, такъ, по наблюденіямъ Анненкова, и въ пору усиленныхъ заботъ о карьерѣ онъ питалъ ожесточенную ненависть къ пошлости во всѣхъ ея видахъ и съ особымъ наслажденіемъ разоблачалъ мелкое искательство и голый, циническій разсчетъ. „Честь безкорыстной борьбы за добро, во имя только самаго добра и по одному только отвращенію къ извращенной и опошленной жизни, должна быть удержана за Гоголемъ этой эпохи“,—говоритъ Анненковъ,—„*даже и противъ него самого, еслибы нужно было*“ [1]). Впрочемъ, едва-ли можно сомнѣваться и безъ того, что одинъ только талантъ, какъ бы онъ ни былъ колоссаленъ, никогда не могъ бы вдохнуть такое воодушевленіе и энергію для борьбы съ общественнымъ зломъ, какія создали „Ревизора“ и „Мертвыя Души“; мало того, онъ не получилъ бы даже такого направленія, какое мы находимъ у Гоголя, всего меньше испытавшаго на себѣ дѣйствіе прогрессивнаго движенія своего времени. Если жизненная волна со временемъ исказила до нѣкоторой степени чистыя юношескія стремленія Гоголя, то самое ихъ существованіе отрицать невозможно. Намъ кажется даже, что въ извѣстныхъ словахъ: „нынѣшній пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, еслибы показали ему его же портретъ въ старости“,—Гоголь имѣлъ въ виду не только другихъ, но прежде всего себя и мечты лучшей поры своей жизни.

Какое же значеніе имѣютъ въ такомъ случаѣ приведенныя выше слова Анненкова? Разъяснить это всего лучше можно его же словами: „Онъ былъ весь обращенъ лицомъ къ будущему, къ расчищенію себѣ путей во всѣ направленія, движимый потребностью развить всѣ силы свои, богатство которыхъ невольно сознавалъ въ себѣ“ [2]).

[1]) „Воспоминанія и критическіе очерки“ Анненкова, т. I, стр. 190.
[2]) Тамъ же, стр. 181.

Digitized by Google

ВНѢШНІЯ УСЛОВІЯ ЖИЗНИ ГОГОЛЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ ДО ЛѢТА 1832 ГОДА.

I.

Первые два года петербургской жизни Гоголя прошли для него не даромъ: онъ научился мириться съ обстоятельствами, постепенно подготовляя ихъ улучшеніе, но отказавшись отъ неисполнимыхъ и дѣтски-рѣшительныхъ плановъ. Особенно неудачная поѣздка за-границу не осталась безъ пользы. Пришлось подавить въ себѣ на время страстное желаніе выбиться скорѣе изъ общей колеи; пришлось подумать и о выборѣ болѣе вѣрнаго пути для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь становится еще замкнутѣе, еще осторожнѣе въ откровенныхъ изліяніяхъ; если прежде они вырывались въ исключительныхъ случаяхъ и имѣли характеръ исповѣди (письмо къ Косяровскому), то теперь мы не могли бы указать ни одного примѣра подобной откровенности. А между тѣмъ теперь бывали времена, когда ему было гораздо больше причинъ волноваться опасеніями о томъ, что „неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ его съ толпой самодовольной черни въ самую глушь ничтожности и отведетъ ему черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ“ [1]), тѣмъ болѣе, что житейскія трудности заявляли о себѣ самымъ настоятельнымъ образомъ и становились все яснѣе и очевиднѣе.

Въ интересахъ болѣе отчетливаго разъясненія дѣла, постоянно затемняемаго односторонними изслѣдованіями, позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ второстепенныхъ по-

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. I, стр. 58.

Digitized by Google

дробностяхъ, тѣмъ болѣе, что въ предыдущихъ главахъ нашего изслѣдованія (вошедшихъ въ первый томъ) остались почти неразсмотрѣнными внѣшнія матеріальныя условія жизни Гоголя во время его жизни въ Петербургѣ. Эта сторона дѣла представляется намъ не особенно важной, и мы коснулись бы ея лишь вскользь, если бы съ нею не связывалось разъясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ, которые уже не разъ возбуждали вниманіе нашей печати и на основаніи которыхъ дѣлались иногда невѣроятныя попытки составить сужденіе объ отношеніяхъ Гоголя къ его семьѣ [1]). Въ сущности всѣ такія сужденія всегда будутъ спорными, и составлять характеристики на основаніи приходорасходныхъ таблицъ или извѣщеній о посылкѣ денегъ, какого-нибудь подарка и т. п. по меньшей мѣрѣ рискованно и безцѣльно, такъ какъ нельзя опредѣлять и высчитывать, насколько именно Гоголь долженъ былъ помогать своей матери или сестрамъ. До такой мелочности никогда прежде

---

[1]) Намъ могли бы не безъ основанія сдѣлать упрекъ въ непослѣдовательности, такъ какъ въ предыдущемъ томѣ, исчерпавъ приблизительно вопросъ объ отношеніяхъ Гоголя къ матери, мы предполагали затѣмъ „какъ можно меньше обращаться въ дальнѣйшемъ изложеніи къ характеристикѣ щекотливыхъ семейныхъ отношеній“. Уже тогда въ виду совершенно противоположныхъ выводовъ, къ которымъ пришли на основаніи тѣхъ же данныхъ г-жи Бѣлозерская и Черницкая, мы сочли нужнымъ остановиться на этомъ вопросѣ больше, нежели это представлялось намъ неизбѣжнымъ въ самомъ началѣ. Затѣмъ мы имѣли извѣстія отъ обѣихъ этихъ писательницъ, что онѣ согласны съ нашими объясненіями такъ несходно охарактеризованныхъ у нихъ отношеній Гоголя къ матери, и вопросъ могъ считаться рѣшеннымъ и оконченнымъ. Къ сожалѣнію однако, замѣчанія, сдѣланныя г. Витбергомъ въ рецензіи на мою книгу (въ „Истор. Вѣстникѣ“, 1892, апрѣль), показываютъ такое ложное пониманіе дѣла въ данномъ случаѣ, и притомъ, какъ послѣ выяснилось изъ его же статьи: „Гоголь, какъ историкъ“ („Истор. Вѣстникъ“, 1892, августъ) это ложное пониманіе частнаго вопроса біографіи Гоголя находится въ такой тѣсной связи съ весьма существенными заблужденіями того же автора относительно личнаго характера нашего писателя, признаваемаго г. Витбергомъ, совершенно въ разрѣзъ со всѣми извѣстными данными, *вполнѣ искреннимъ и вполнѣ* правдивымъ, чуть не открытымъ,—что остановиться нѣсколько подробнѣе на вопросѣ, казалось бы уже покончennомъ, представляется теперь совершенной необходимостью. Въ виду этого намъ приходится не ограничиваться только тѣми краткими упоминаніями объ отношеніяхъ Гоголя къ дѣламъ домашнихъ, какъ мы предполагали сначала и какъ это сдѣлано въ нашей статьѣ о Гоголѣ въ 1832—1835 годахъ, напечатанной недавно въ „Вѣстникѣ Европы“, — но и войти въ нѣкоторыя подробныя разъясненія, первоначально записанныя только для памяти и не предназначавшіяся для печати.

Digitized by Google

не опускались біографическія изслѣдованія; но, къ сожалѣнію, въ наши дни являются примѣры какъ ярыхъ нападеній, такъ и неумѣреннаго прославленія Гоголя, основаннаго нерѣдко на данныхъ самаго мелочного свойства. Слѣдовать этимъ примѣрамъ мы, разумѣется, не станемъ; но, оставляя въ сторонѣ въ этомъ щекотливомъ случаѣ произвольные и шаткіе выводы, постараемся только сгруппировать возможныя данныя и представить общую картину внѣшнихъ условій, среди которыхъ жилъ Гоголь въ петербургскіе годы. При этомъ обзорѣ позволимъ себѣ возвратиться нѣсколько назадъ.

Нѣтъ сомнѣнія, какъ мы уже говорили, что извѣстная доля упрековъ въ эгоизмѣ, сыпавшихся на голову Гоголя изъ-за его частыхъ обращеній къ матери за денежной помощью, сильно преувеличена. Очень часто, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія голаго факта, можно произнести осужденіе тамъ, гдѣ въ сущности ему не должно быть мѣста. Нужно имѣть слишкомъ много данныхъ, чтобы рѣшиться на безпощадные приговоры.

Положеніе дѣла было въ началѣ такое: въ столицу пріѣхалъ молодой человѣкъ, еще не привыкшій жить на своемъ отчетѣ, почти не знавшій жизни и совершенно незнакомый съ условіями, въ которыхъ очутился. Очень естественно, что размѣры тратъ, въ числѣ которыхъ были также совершенно лишнія, первое время превышали ту мѣру, которую указало бы благоразуміе при бо́льшей степени житейской опытности. Мы знаемъ, что впослѣдствіи Гоголь умѣлъ сильно ограничивать свои матеріальныя потребности, но въ ранней юности онъ не тотчасъ понялъ въ совершенствѣ суровую науку практической жизни. Онъ не могъ сначала даже установить необходимый масштабъ своихъ расходовъ и въ самомъ перечисленіи неизбѣжныхъ тратъ указывалъ многое, противъ чего можно было бы возразить. Самая форма выраженій, въ которыхъ Гоголь говоритъ о своей нуждѣ, наивное удивленіе по поводу неожиданной быстроты опустѣнія его кармана, его увѣренное заявленіе, что онъ отказывается отъ франтовства— послѣ отчета о полной обмундировкѣ [1]), показываетъ ясно, что передъ нами молодой человѣкъ, еще не научившійся жизни. Да и откуда было ему сразу примѣниться къ требо-

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 78.

Digitized by Google

ваніямъ еще не выяснившихся условій незнакомой петербургской жизни? [1]).

Изъ второго же письма Гоголя видно, что онъ, затративъ не малую сумму въ дорогѣ и на платье, собирался на привезенный имъ неисчерпаемый капиталъ сдѣлать еще подарки роднымъ, при чемъ хотѣлъ подарить непремѣнно что-нибудь цѣнное, *заграничное*. Онъ, разумѣется, по юношеской опрометчивости, и не подумалъ при этомъ о возможности экстренныхъ нуждъ, а онѣ какъ разъ и не заставили себя ждать, такъ какъ по пріѣздѣ на берега Невы ему пришлось принести дань петербургскому климату. Надежды его въ это время большей частью не оправдывались, но присутствіе духа не покидало его, а заграничную поѣздку онъ задумалъ именно въ то самое время, когда приходилось очень тяжело и въ Петербургѣ, и въ результатѣ являются новыя просьбы о помощи и обѣщанія не докучать ими въ будущемъ. Отъ надежды Гоголь переходилъ къ унынію, уныніе смѣнялось надеждами,—словомъ, все шло такъ, какъ всего чаще случается съ молодыми людьми, только-что вступающими въ жизнь. Въ трудную минуту занимается шуба и бѣлье у товарища [2]), съ легкимъ сердцемъ дѣлается заявленіе матери, что „деньги вы можете адресовать прямо въ опекунскій совѣтъ Императорскаго воспитательнаго дома. Можно просрочить по самый ноябрь, но лучше, если бы они получили въ половинѣ, или началѣ октября“. „Не забудьте“, прибавляетъ мимоходомъ нашъ юноша: „*съ тысячи по пяти рублей въ мѣсяцъ штрафу*“ [3]). Взвѣсилъ ли онъ эти слова, когда писалъ: „поступокъ рѣшительный, безразсудный; но что же было мнѣ дѣлать“?— Здѣсь дѣло ясно, и никакими натяжками оправдать Гоголя невозможно [4]), но его можно извинить до извѣстной степени

---

[1]) Стр. 81.

[2]) Стр. 88.

[3]) Стр. 89.

[4]) Къ полному оправданію Гоголя въ данномъ случаѣ, повидимому, склоняется г. Витбергъ, суди по его рецензіи на мою книгу въ „Историч. Вѣстникѣ“. Въ своей брошюрѣ: „Н. В. Гоголь и его новый біографъ“ онъ также прямо говоритъ: „въ разсказѣ о первой поѣздкѣ Гоголя за-границу, *всѣ письма* его къ матери объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ эту поѣздку, *признаны авторомъ* (т.-е. мною) неискренними, и онъ видѣлъ въ нихъ хитрость со стороны Гоголя, подходы издалека и т. п. Такое недовѣріе возлагаетъ на автора обязанность на мѣсто отвергнутыхъ показаній самого Гоголя поставить какія-нибудь другія причины

Digitized by Google

безъ всякихъ натяжекъ его молодостью и неудержимымъ стремленіемъ къ чему-то необычайному. Когда Гоголь писалъ: „всѣ деньги, слѣдуемыя въ опекунскій совѣтъ, я оставилъ себѣ и теперь могу рѣшительно сказать: больше отъ васъ не потребую“ [1]), то эта была вынужденная рѣшимость виновнаго, въ чемъ убѣждаютъ насъ также и ниже его слова: „Не огорчайтесь, добрая, несравненная маменька! Этотъ переломъ для меня необходимъ. Это училище непремѣнно образуетъ меня: я имѣю дурной характеръ, испорченный, избалованный нравъ (въ этомъ признаюсь я отъ чистаго сердца); лѣнь и безжизненное для меня здѣсь пребываніе непремѣнно бы упрочили ихъ на вѣкъ“. Послѣ этого слѣдуетъ извѣстная намъ ссылка на несуществовавшую любовь и вообще во всемъ письмѣ ясно сконфуженное настроеніе писавшаго. Такъ какъ Гоголю много расточали упрековъ по этому поводу, то не лишнее будетъ здѣсь напомнить, что затраченныя деньги предназначались не на что-либо преступное и что все дѣло рѣшилъ въ сущности порывъ, который, правда, подготовлялся прежними мечтами и въ концѣ концовъ привелъ къ безразсудному поступку, послѣ чего вскорѣ и остылъ; да и казной-то Гоголь располагалъ не такой обширной, какъ ему, повидимому, казалось, а товарищи его, по свидѣтельству Данилевскаго, не смотря на собственную юность и неопытность, ясно видѣли въ этомъ путешествіи только рискованную затѣю. Соображая всѣ эти данныя, на которыхъ мы остановились нѣсколько долѣе въ виду между прочимъ неосновательнаго упрека г. Витберга въ его рецензіи, помѣщенной въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, относительно будто бы преступнаго нашего сомнѣнія въ словахъ Гоголя, мы снова приходимъ къ выводу, что, не смотря на нѣкоторые задатки практичности, Гоголь во многомъ поступалъ еще какъ юноша, рано вышедшій на свободу. Подтвержденіе находимъ всюду, хотя бы, напр., въ этихъ словахъ того же письма его къ матери: „Прошу васъ покорнѣйше также, если случатся деньги когда-нибудь, выслать Данилевскому сто рублей“ [2]). Выслать деньги Данилевскому, выслать въ опекунскій совѣтъ, не безпокоиться—всѣ

его поѣздки. Но онъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ и сдѣлать этого нельзя, ибо *никакихъ другихъ причинъ не было*“ (стр. 29).—Мы ихъ, однако, приводимъ.

[1]) Стр. 87.

[2]) Стр. 88.

Digitized by Google

эти просьбы, какъ и наивное объясненіе, что когда всѣ хлопоты кончились, то одна остановка была, наконецъ, за деньгами", совершенно наглядно рисуютъ положеніе юнаго Гоголя, раньше приготовившагося къ отъѣзду и раздобывшаго заграничный паспортъ, а потомъ уже вспомнившаго о деньгахъ.

И такъ, по нашему мнѣнію, равно ошибаются какъ лица, подыскивающія натянутыя оправданія поступку Гоголя и каждому слову его въ этомъ письмѣ, какъ, напр., г. Витбергъ и г-жа Черницкая (послѣдняя вѣритъ также въ любовь Гоголя, а г. Витбергъ, сверхъ того, и въ его замыселъ написать сочиненіе на иностранномъ языкѣ, о которомъ Гоголь говоритъ въ томъ же письмѣ, и онъ же, наконецъ, сверхъ того, упрекаетъ меня въ своей рецензіи въ излишнемъ скептицизмѣ къ словамъ Гоголя),—такъ и другія лица, безпощадно осуждающія Гоголя.

Не берусь рѣшать, насколько искренно вѣрилъ Гоголь въ свои слова въ слѣдующемъ письмѣ: „Я въ Петербургѣ могу имѣть должность, которую и прежде хотѣлъ, но какія-то глупыя людскія предубѣжденія и предразсудки меня останавливали. *Имѣніемъ, сдѣлайте милость, располагайте, какъ хотите.* Продайте, ради Бога, продайте, или заложите хотя и все. Я слово далъ, что *болѣе не потребую отъ васъ* и не стану разорять васъ такъ безсовѣстно. Должность, о которой я говорилъ вамъ, не только доставитъ мнѣ годовое содержаніе, но даже возможность доставлять и вамъ вспоможеніе въ вашихъ великодушныхъ попеченіяхъ и заботахъ" [2]). Здѣсь мы находимъ признаніе въ томъ, что Гоголь могъ бы уже прежде имѣть должность, что̀ согласно между прочимъ и съ показаніемъ г. Пашкова (со словъ товарища Гоголя Пащенко), что по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ легко смотрѣлъ на службу и нѣсколько разъ опредѣлялся и увольнялся, очевидно пренебрегая тѣми занятіями, къ которымъ у него не лежало сердце. „Мнѣ предлагаютъ мѣсто"—писалъ онъ раньше, „съ 1,000 рублей жалованья въ годъ. Но за цѣну ли, едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, мнѣ должно продать свое время? и на совершенные пустяки,—на что̀ это похоже? въ день имѣть свободнаго времени не болѣе, какъ

---

[1]) Стр. 90.

[2]) См. объ этомъ въ первомъ томѣ, стр. 227 и „Берегъ", 1880, № 268.

Digitized by Google

два часа, а прочее все время не отходить отъ стола и переписывать старыя бредни и глупости господъ столоначальниковъ“ [1]). Перспектива дѣйствительно печальная и совсѣмъ не идущая къ лицу Гоголя, котораго судьба совсѣмъ не предназначала для черной работы въ канцеляріяхъ. Когда Гоголь думалъ уже о возвращеніи изъ заграничнаго путешествія въ Петербургъ, онъ писалъ: „я чувствую себя несравненно лучше и здоровѣе; климатъ здѣшній ощутительно поправилъ меня; короче сказать, тѣло мое совершенно здорово; одна только бѣдная душа моя страдаетъ“ [2]). Это увѣреніе въ замѣтной пользѣ, принесенной поѣздкой, обѣщаніе матери въ будущемъ полнаго спокойствія на основаніи надежды, которая будто бы исходила отъ самого Бога, увѣренность въ томъ, что, такъ какъ „лѣто въ Петербургѣ уже прошло, то тамошній климатъ уже не можетъ быть такъ вреденъ“—все это различныя проявленія того же самаго вполнѣ естественнаго конфуза и старанія какънибудь загладить свой проступокъ, — старанія, которое мы замѣчали не разъ въ предыдущихъ письмахъ. Наконецъ, еще одно доказательство этого конфуза: въ письмѣ отъ 27 окт. Гоголь между прочимъ говоритъ: „Въ скоромъ времени я надѣюсь опредѣлиться въ службу. Тогда съ обновленными силами примусь за трудъ и посвящу ему всю жизнь свою. Можетъ быть, Богу будетъ угодно даровать мнѣ возможность *загладить со временемъ мой безразсудный поступокъ* и хотя нѣсколько приблизиться къ высокимъ качествамъ нашего благодѣтеля, ангела между людей“ [3]). (Въ этихъ и дальнѣйшихъ строкахъ мы читаемъ похвалы дядѣ А. А. Трóщинскому, сказанныя въ виду того, что письмо будетъ имъ прочитано, и похвалы такія, которыя непріятно читать. Но Трóщинскому Гоголь былъ въ самомъ дѣлѣ немало обязанъ и дѣйствительно любилъ какъ его, такъ и всю эту семью).

Возвращаясь теперь къ вопросу о матеріальномъ обезпеченіи Гоголя въ началѣ тридцатыхъ годовъ и объ отношеніяхъ его къ семьѣ, мы должны сказать, что если онъ былъ вынужденъ нѣкоторое время затруднять своихъ, то это было естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ сдѣланнаго имъ

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 83.
[2]) Стр. 93. Гоголь подтверждаетъ это потомъ еще разъ (тамъ же, стр. 187).
[3]) Стр. 97.

Digitized by Google

ложнаго шага во время поѣздки за-границу. Весь вопросъ только *въ этомъ* поступкѣ, *въ этомъ* неосмотрительномъ порывѣ. Но у кого же было ему, не имѣя службы, просить денегъ, какъ не у матери? Положеніе его было крайне мучительное: прежде всего ему совѣстно было передъ матерью, совѣстно до того, что онъ долго не зналъ, какъ заговорить съ ней прежнимъ спокойнымъ тономъ (см., напр., въ письмѣ отъ 12 ноября: „одна моя молитва, одно мое прошеніе у Бога, чтобы даровалъ вамъ средства и силы доставить вамъ утѣшеніе *послѣ толикихъ испытанныхъ вами горестей*“) [1]); но все-таки, къ чести его слѣдуетъ указать, что Гоголь долго выдерживалъ характеръ и не просилъ больше денегъ у матери при самой крайней нуждѣ, хотя положеніе его было невыразимо тяжело. „Нечего дѣлать, нужно будетъ прибѣгнуть снова къ Андрею Андреевичу, хотя онъ и слишкомъ много издержался въ Петербургѣ“ (Трощинскій временно проживалъ тамъ по дѣлу и вскорѣ уѣхалъ). „*Однакожъ все-таки гдѣ-нибудь достану 300 р., а передъ вами сдержу свое слово*“. И затѣмъ прибавляетъ: „Боже сохрани, чтобы я осмѣлился просить у васъ, а особливо еще въ нынѣшнее время“ [2]). Послѣднія слова, какъ не трудно догадаться, даже, помимо всякихъ экстренныхъ невзгодъ, вполнѣ объясняются разстройствомъ денежныхъ дѣлъ Марьи Ивановны вслѣдствіе необходимости покрыть расходы, вызванные необдуманной поѣздкой сына, который теперь могъ пока только надѣяться „получить довольно порядочное мѣсто въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; но жалованія“—прибавлялъ онъ—„*не могу получить раньше, какъ черезъ два мѣсяца*“. Замѣтимъ кстати, что въ это-то время до Марьи Ивановны дошла нелѣпая сплетня, будто онъ роскошно угощаетъ друзей, и это было для него новой непріятностью.

Объ этой трудной порѣ своей жизни Гоголь, по свидѣтельству Ольги Николаевны Смирновой, любилъ часто разсказывать ея матери. Вотъ что̀ сообщила намъ объ этомъ Ольга Николаевна по поводу замѣтки Мундта о попыткѣ Гоголя поступить въ актеры, замѣтки, перепечатанной изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1861 г. [3]) въ „Новомъ Времени“ въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ:

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 98.

[2]) Тамъ же.

[3]) № 235.

Digitized by Google

„Не понимаю“,—говоритъ О. Н. Смирнова,—„почему г. Мундтъ прибавляетъ нелѣпыя размышленія, что будто Гоголь не хотѣлъ его признать потомъ, когда они встрѣчались у Одоевскаго: Гоголь не скрывалъ своей бѣдности, не гнушался своего одиночества; всѣ знали, что онъ искалъ уроковъ, что ему не повезло въ департаментѣ и что его мать помогала ему деньгами. Брошенный на чуждой ему петербургской почвѣ, бѣдный, одинокій, онъ долженъ былъ искать себѣ занятій и заботиться о кускѣ насущнаго хлѣба; онъ этого и не скрывалъ, онъ никогда не гнушался своей бѣдностью и никогда не краснѣлъ при воспоминаніи о томъ, какъ ему приходилось временами трудно и жутко. Обо всемъ этомъ онъ часто любилъ говорить моей матери“ [1]).

II.

Между тѣмъ жизненный опытъ Гоголя расширялся, и онъ постепенно научился отказывать себѣ въ томъ, что̀ казалось ему заманчивымъ и необходимымъ. Въ немъ нерѣдко происходила борьба между желаніями и требованіями тѣхъ условій, въ которыхъ онъ находился, борьба, естественно оканчивавшаяся чаще всего перевѣсомъ послѣднихъ. Остановимся на одномъ примѣрѣ.

Когда старый деревенскій домъ въ Васильевкѣ подвергался ремонту, Гоголь въ одномъ изъ писемъ по обыкновенію принялъ совѣтами живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ. Притомъ, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго изложенія, Марья Ивановна давно привыкла обращаться въ такихъ вопросахъ къ вкусу и небольшой доли опытности своего сына, еще когда послѣдній сидѣлъ на школьной скамьѣ. Очень понятно, что и теперь она снова прислала на его цензуру планъ новаго дома, составленный работниками. Какъ и всегда, Гоголь съ любовью принялся за дѣло, составилъ другой, *собственный*, планъ,

---

[1]) Замѣтимъ, впрочемъ, что воспоминанія Гоголя въ его бесѣдахъ съ А. О. Смирновой о трудныхъ обстоятельствахъ въ самомъ началѣ его петербургской жизни относятся, вѣроятно, къ болѣе поздней порѣ, когда Гоголь значительно перемѣнился. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что Александра Осиповна Смирнова принадлежала къ числу самыхъ задушевныхъ и интимныхъ друзей Гоголя, такъ что, безспорно, что многое, охотно сообщаемое ей, Гоголь ни за что не сказалъ бы многимъ и многимъ другимъ, даже близкимъ пріятелямъ.

Digitized by Google

въ которомъ весьма замѣтна борьба требованій вкуса съ экономическимъ разсчетомъ. Сначала ему хотѣлось поставить дѣло на болѣе широкую ногу и примѣнить въ своемъ планѣ тѣ познанія, которыя онъ вынесъ изъ своей заграничной поѣздки. Чувство изящнаго дало ему возможность въ короткое время собрать большую жатву въ данномъ отношеніи во время его пребыванія въ чужихъ краяхъ; многое ему понравилось и завлекло его—и вдругъ представился счастливый случай воспользоваться пріобрѣтеннымъ на практикѣ. Въ его воображеніи рисовались уже фасады, колонны, устройство оконъ и дверей по заграничному. Гоголь много думалъ, какъ легко догадаться, преимущественно о красотѣ будущаго дома. Но пришлось соображаться и съ обстоятельствами и постепенно отказываться отъ многихъ заманчивыхъ предположеній. „Теперешнія ваши обстоятельства требуютъ сколько возможно больше экономіи“ — говоритъ онъ въ началѣ письма и нѣсколько разъ повторяетъ потомъ, что нужно какъ можно больше избѣгать передѣлокъ. „Сначала думалъ я“—пишетъ онъ—„увеличить домъ пристройками, но теперь вижу, что это дѣло несбыточное, потому что издержки значительно бы увеличились и домъ остался бы опять неоконченымъ на многіе вѣка“ [1]). Пришлось сдѣлать большія уступки; но, насколько позволяла возможность, Гоголь все-таки хотѣлъ отстоять требованія изящества и красоты. „Что̀ касается до фасада“—объяснялъ онъ,—„то я старался дать ему сколько возможно лучшій видъ, и такъ, чтобы передѣлокъ было очень мало. Я хотѣлъ было также сначала дать ему фасадъ совершенно въ новомъ вкусѣ, на манеръ видѣнныхъ мною въ образованной Европѣ; но, поразмысливъ, что это стоило бы многихъ передѣлокъ, притомъ еще не поймутъ, переиначатъ и выйдетъ Богъ знаетъ что̀,—рѣшился оставить лишнія затѣи и приложить фасадъ, осуществленіе котораго ничего почти не будетъ стоить“ [2]). Такимъ образомъ Гоголю уже въ эти года по собственному опыту становилась понятной та борьба изящнаго вкуса съ неумолимыми прозаическими соображеніями дешевизны и прочности, о которой онъ говоритъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ при описаніи дома Собакевича.

---

1) Стр. 100.
2) Стр. 101.

Digitized by Google

„Было замѣтно,“—читаемъ мы тамъ,—„что при постройкѣ дома зодчій безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина. Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ—удобства и, какъ видно, вслѣдствіе того заколотилъ на одной сторонѣ всѣ отвѣчающія окна и провертѣлъ на мѣсто ихъ одно маленькое, вѣроятно, понадобившееся для темнаго чулана. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну съ боку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, какъ было назначено, а только три“ [1]). Также и Гоголю во всемъ сильно мѣшали денежныя соображенія, между прочимъ и въ вопросѣ о тѣхъ же колоннахъ: старыя четыре колонны на балконѣ онъ предположилъ замѣнить восемью по двѣ вмѣстѣ, при чемъ сильно озаботился, конечно, о соблюденіи требованій красоты („колонны эти дорическаго ордена, съ дорожками или выемками по всему продолженію ихъ, что̀ служитъ также не малымъ украшеніемъ“) [2]); но поневолѣ приходилось прибѣгать къ компромиссамъ: „прежнія колонны можно перепилить на двое и изъ четырехъ будетъ восемь; коротки онѣ не будутъ, если же это и случится, то можно употребить незамѣтныя подмостки подъ верхними капителями“. Но тотчасъ затѣмъ прибавляетъ: „въ гостиной и въ спальной окна и стеклянныя двери въ садъ будутъ имѣть готическій вкусъ“—въ этихъ словахъ видимъ снова уступку идеалу. Хотя Гоголю почти не суждено было жить въ деревнѣ и онъ даже не мечталъ объ этомъ, но изъ любви къ дѣлу и подъ обаяніемъ носившагося передъ нимъ архитектурнаго идеала горячо отнесся къ составленію плана и желалъ склонить свою мать къ возможно точному исполненію его между прочимъ слѣдующими словами: „Зная, почтеннѣйшая маменька, ваше рѣдкое благоразуміе, я увѣренъ, что вы одобрите мой планъ“...

III.

Между тѣмъ служебныя дѣла Гоголя не удовлетворяли его, и онъ постоянно стремился къ улучшенію своего матеріальнаго положенія. Въ виду упрека, сдѣланнаго мнѣ однимъ изъ

---

1) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 90.

2) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 110—111.

Digitized by Google

критиковъ, что я недостаточно остановился на этой сторонѣ дѣла въ первомъ томѣ моего труда, приведу нѣсколько относящихся сюда цифровыхъ данныхъ, не задерживаясь, однако, на нихъ слишкомъ долго. Изъ приложенной Гоголемъ къ одному изъ его писемъ таблицы расходовъ мы узнаемъ, что въ концѣ 1829 г. онъ опредѣлился, наконецъ, на должность [1]). Еще въ письмѣ отъ 27 октября 1829 г. онъ писалъ: „въ скоромъ времени я надѣюсь опредѣлиться на службу“ [2]) и въ слѣдующемъ отъ 12 ноября: „Я надѣюсь получить довольно порядочное мѣсто въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; но жалованіе не могу получить раньше, какъ черезъ два мѣсяца“ [3]). Жалованье это онъ и началъ уже получать сѣ новаго года, тогда какъ передъ тѣмъ оно шло сполна на вычеты за переименованіе въ чинъ, на инвалидовъ, на госпиталь“. Размѣры жалованья опредѣлялись весьма скромной цифрой (20 р. въ мѣсяцъ), и Гоголь справедливо выражался объ этомъ, что онъ „жалованія получаетъ сущую бездѣлицу“ [4]), такъ что первые же литературные заработки показались ему настолько значительными, что онъ даже сказалъ о нихъ: „это составляетъ мой хлѣбъ“ или: „весь мой доходъ состоитъ въ томъ, что иногда напишу или переведу какую-нибудь статейку для гг. журналистовъ“. Въ этихъ словахъ могло и не быть намѣреннаго преувеличенія, потому что Гоголь уже получилъ или долженъ былъ получить тогда нѣсколько гонораровъ.

Но для насъ любопытнѣе всего то, что, прибѣгая къ помощи дяди, Гоголь имѣлъ возможность не тревожить пока мать такими же просьбами; когда же приходилось очень трудно и прежнее неловкое положеніе стало понемножку забываться, Гоголь опять заговорилъ намеками о помощи, такъ какъ Андрей Андреевичъ, помогавшій ему въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, по окончаніи своихъ дѣлъ въ Петербургѣ собирался уѣхать. Гоголь понемногу начинаетъ уже жаловаться „на бѣдность своего состоянія“ и упоминаетъ, что „многіе *получаютъ достаточное количество для своего содержанія изъ дому*, а мнѣ должно жить однимъ жалованьемъ“ [5]).

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 110—111.

[2]) Стр. 97.

[3]) Стр. 98.

[4]) Стр. 103.

[5]) Стр. 105 —Марья Ивановна Гоголь писала П. П. Косяровскому: „Ни-

Digitized by Google

Но надо знать также, что онъ едва только черезъ силу перебивался и во всемъ былъ стѣсненъ. Собственно вся первая половина письма отъ 2 апрѣля 1830 г. носитъ характеръ жалобный и недовольный: на немъ сказались слѣды досаднаго гнета нужды и вѣчной необходимости во всемъ себя ограничивать и сжимать, такъ какъ и на самыя непритязательныя желанія была наброшена узда. Послѣ относительнаго домашняго приволья Гоголю приходилось сжиматься до того, что ему нельзя было и думать о театрѣ, о дачѣ, и необходимо было мириться даже съ неимѣніемъ приличнаго костюма. Судьба сильно тѣснила его. Изъ того же названнаго письма мы видимъ, что Гоголь не угодилъ матери на этотъ разъ и составленнымъ имъ планомъ дома, и опять по самой прозаической причинѣ: онъ слишкомъ мало мѣста отвелъ въ своемъ проектѣ для необходимыхъ комнатъ — для дѣтской и дѣвичьей, и предполагаемыя имъ пристройки ради украшеній оказывались слишкомъ дорогими, быть можетъ, впрочемъ—больше по непрактичности Марьи Ивановны, съ которой плотники потребовали такую цѣну, какая и въ Петербургѣ не назвалась бы дешевой... [1]). При сильномъ отвращеніи Гоголя отъ неизбѣжной будничной прозы она стучалась

коша мой служитъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Андрей Андреевичъ (Трощинскій) по милости своей поддерживаетъ его тамъ, а я не въ состояніи теперь послать ему ничего, тѣмъ болѣе, что домъ начала отдѣлывать, и не могу вспомнить безъ ужасу, что онъ мнѣ будетъ стоить, но полагаюсь на Бога и не предаюсь отчаянію". (Письмо это относится къ апрѣлю 1830 г., но помѣтки на немъ нѣтъ; начинается словами: „Христосъ воскресъ". Ср. письмо Гоголя къ матери отъ 2 апрѣля 1830 г. „Хорошо еще, что я въ это время имѣлъ такого рѣдкаго благодѣтеля, какъ Андрей Андреевичъ. До сихъ поръ я жилъ однимъ его вспомоществованіемъ").—Нерѣдко Марья Ивановна безпокоилась также о здоровьѣ сына; напр. 5 мая 1830 г. она писала: „Четвертый мѣсяцъ уже, какъ не получаю отъ Николеньки писемъ. Послѣднее отъ 2 февраля получила. Писалъ, что былъ боленъ и уже выздоровѣлъ и опять началъ заниматься должностью, и опять простудился и могъ впасть—Боже сохрани—въ рецедиву. На сихъ дняхъ я получила письмо отъ Авдотьи Семеновны г-жи Леонтьевой и ни одного слова не пишетъ о Никошѣ". Но тревога оказалась преувеличенной и 11 іюля М. И. сообщила П. П. Косяровскому: „Сынъ мой, слава Богу, здоровъ. Я получила отъ него вскорѣ послѣ написанія къ вамъ письмо. Я бы не воображала безпокоиться о немъ, но Авдотьи Семеновны письмо было въ такомъ страшномъ родѣ написано, что напугало меня ужасно". Всѣ эти письма показываютъ, что положеніе какъ Гоголя, такъ и его матери, долго было во всѣхъ отношеніяхъ весьма тяжелое.

[1]) Стр. 108.

Digitized by Google

во всѣ ворота. Любопытно обратить вниманіе на улучшеніе настроенія Гоголя во второй половинѣ письма, послѣ того какъ онъ получилъ извѣстіе отъ начальника о прибавкѣ жалованья: эта счастливая перемѣна въ положеніи нашего юноши смягчила неловкость его просьбы о помощи, которая теперь опредѣлялась уже болѣе умѣренной цифрой (не въ 100, а только 80 р. въ мѣсяцъ). Все это, однако, по нашему мнѣнію, не должно нисколько служить уголовнымъ актомъ противъ Гоголя, такъ какъ траты его были умѣренныя и, наконецъ, повторяемъ опять, къ кому же ему было обращаться за помощью, какъ не къ матери? Вообще все дѣло *въ одномъ*, но крупномъ безразсудномъ поступкѣ,—въ поѣздкѣ за-границу; все наше отношеніе къ Гоголю въ данномъ вопросѣ зависитъ отъ того, взглянемъ ли мы на этотъ шагъ, какъ на юношескій порывъ, который нельзя же ставить въ непрощаемое преступленіе, какъ не ставила его и сама мать Гоголя, или же держаться напротивъ того мнѣнія, что всякое лыко слѣдуетъ ставить въ строку и что никакой пощады, никакого снисхожденія къ ошибкѣ молодости не полагается. Впрочемъ, судить объ этомъ предоставляемъ уже самимъ читателямъ. Г. Витбергъ находитъ возможнымъ упрекать меня въ томъ, что, признавая искренность сыновней любви Гоголя, я тѣмъ не менѣе не довѣряю безусловно всѣмъ его словамъ; но есть разница между искренностью чувства и искренностью словъ, и эта разница бо̀льшей частью замѣчается именно тогда, когда человѣкъ чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи, а положеніе Гоголя было совершенно неловкое. Кромѣ того, извѣстно, что крайность часто вынуждаетъ человѣка къ заключенію такихъ невыгодныхъ сдѣлокъ, которыя только способствуютъ ухудшенію дѣла. Такъ было и съ Гоголемъ, признававшимся, что „часто большія неудобства встрѣчаются иногда и (sic) отъ замедленія присылки, и тогда принужденъ я бываю продавать за безцѣнокъ самыя нужнѣйшія вещи, которыхъ пріобрѣтеніе становится впослѣдствіи мнѣ несравненно дороже“ [1]). Въ числѣ самыхъ крупныхъ непріятностей для Гоголя была между прочимъ невозможность позволить себѣ маленькую роскошь—нанять хотя бы самую скромную дачу на лѣто. О дачѣ онъ начинаетъ вспоминать еще съ

[1]) Стр. 119.

Digitized by Google

февраля и, конечно, совершенно искренно жалѣетъ о невозможности ѣхать къ роднымъ въ Малороссію. „Часто“—говоритъ онъ матери—„наводитъ на меня тоску мысль, что, можетъ быть, долго еще не удастся мнѣ увидѣться съ вами. Какъ бы хотѣлось мнѣ хотя на мгновеніе оторваться отъ душныхъ стѣнъ столицы и подышать хотя на мгновеніе воздухомъ деревни! Но неумолимая судьба истребляетъ даже надежду на то. Какъ подумаю о будущемъ лѣтѣ, теперь даже томительная грусть залегаетъ въ душу. Вы помните, я думаю, какъ я всегда рвался въ это время на вольный воздухъ, какъ для меня убійственны были стѣны даже маленькаго Нѣжина. Что же теперь должно происходить въ это время, когда столица пуста и мертва, какъ могила, когда почти живой души не остается въ обширныхъ улицахъ, когда громады домовъ, съ вѣчно раскаленными крышами, однѣ только кидаются въ глаза, и ни деревца, ни зелени, ни одного прохладнаго мѣстечка, гдѣ бы можно было освѣжиться! Немудрено, когда прошлый годъ со мною произошло такое *странное, безразсудное явленіе:* я былъ утопающій, хватавшійся за первую попавшуюся ему вѣтку“ [1]). Замѣтимъ кстати, что и эти слова также совершенно не вяжутся съ прежними утвержденіями Гоголя, будто ему необходимо было ѣхать за-границу, чтобы лѣчиться, что онъ поѣхалъ по причинѣ безнадежной любви и т. п. Всѣ эти объясненія *теперь оставлены*, и оказывается уже, будто онъ уѣхалъ вслѣдствіе неимѣнія денегъ на дачу, хотя наемъ недорогой дачи и безъ всякаго сравненія дешевле заграничнаго путешествія [2]). Но Гоголь въ сношеніяхъ съ Марьей Ивановной не особенно заботился о правдоподобіи объясненій своего поступка, зная, что она не мастерица замѣчать непослѣдовательности и противорѣчія; онъ даже не обдумывалъ особенно въ данномъ случаѣ выставляемыя имъ причины и отнюдь не хитрилъ систематически, такъ что мы считаемъ все это не столько признакомъ неоткровенности съ матерью вообще, сколько слѣдствіемъ того ложнаго положенія, въ которое онъ себя поставилъ, и тѣмъ менѣе это могло бы противорѣчить искренности его чувства

[1]) Стр. 103.

[2]) Все это намъ приходится разъяснять въ виду странной рецензіи и не менѣе странной брошюры г. Витберга, доходящаго въ своемъ некритическомъ отношеніи къ источникамъ *до неподражаемой наивности и до какого-то суе-*

Digitized by Google

любви къ ней [1])... Мысль о дачѣ все-таки долго и сильно занимала Гоголя, такъ что онъ никакъ не хотѣлъ оставить ее до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не пришлось убѣдиться въ ея окончательной неосуществимости: „Не смотря на всѣ старанія свои“—писалъ онъ въ іюнѣ,—„я не могъ, однако жъ, имѣть никакой возможности переѣхать на дачу. Судьба никакимъ образомъ не хотѣла свесть меня съ высоты моего пятаго этажа въ низменный домикъ на какомъ-нибудь изъ острововъ.

вѣрнаго рабольпства даже передъ такими заявленіями Гоголя, что онъ собирался будто бы писать сочиненіе о Малороссіи на иностранномъ языкѣ („Историч. Вѣстникъ“, 1892, VII, стр. 393—394).

[1]) Г. Витбергъ торжественно уличаетъ меня въ мнимыхъ противорѣчіяхъ, приводя слѣдующія выраженія изъ моей книги: «едва ли слѣдуетъ въ дѣтскихъ увѣдомленіяхъ Гоголя видѣть *одну* неискреннія фразы. Правда, въ оправданіяхъ Гоголя звучитъ отчасти *какая-то* фальшивая нота, но нельзя согласиться съ тѣмъ, что его слова были только *одной* «реторикой въ трагическомъ вкусѣ». На планы Гоголя и его юношескія стремленія не обращено вниманія, а заподозрѣнное притворство, можетъ быть, *слишкомъ* подчеркнуто» *и въ другомъ мѣстѣ:* «усиленно обращаемъ вниманіе на выразившееся въ нихъ» (въ словахъ г. Кояловича) «довѣріе къ искренности сыновнихъ *чувствъ* Гоголя, и еще разъ замѣтимъ, что сомнѣнія, высказываемыя въ этомъ смыслѣ въ нашей печати, представляются и намъ *излишне* преувеличенными». Г. Витбергъ, позаботившись съ непонятнымъ усердіемъ выписать всѣ приведенныя мѣста, по какому-то комическому недоразумѣнію не обратилъ вниманія на то, что *во всѣхъ* этихъ случаяхъ я говорю объ искренности *любви* Гоголя къ матери, но отнюдь не безусловно *каждаго слова*, сказаннаго Гоголемъ въ письмахъ къ ней, и притомъ я *всякій разъ* стараюсь уловить *степень* искренности или неискренности Гоголя, тогда какъ самъ г. Витбергъ никакихъ промежуточныхъ ступеней ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ и не признаетъ. („См. Н. В. Гоголь и его новый біографъ“, стр. 28).

Кстати, г. Витбергъ пытается ловить меня и на другихъ мнимыхъ противорѣчіяхъ. По поводу моихъ словъ о томъ, что мнѣ «фантастическая любовь Гоголя кажется такимъ же отважнымъ вымысломъ съ его стороны, какъ сообщеніе о великодушномъ другѣ и покровителѣ, будто бы обѣщавшемъ везти его на свой счетъ за-границу», г. Витбергъ вспоминаетъ о товарищѣ Гоголя Высоцкомъ и приводитъ другія мои слова, что Высоцкій въ Петербургѣ «еще до пріѣзда Гоголя успѣлъ составить со своими новыми, петербургскими, товарищами проектъ заграничнаго путешествія, въ которомъ не забылъ и своего нѣжинскаго пріятеля», и «что эта мечта едва ли не послужила отдаленной причиной совершенной Гоголемъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ поѣздки заграницу». *Но тутъ нѣтъ противорѣчія*, потому что, по словамъ Данилевскаго, пріятеля и товарища какъ Гоголя, такъ и Высоцкаго, ни о какихъ сборахъ съ другомъ онъ и не слыхалъ отъ Гоголя, какъ это тутъ же съ моихъ словъ указываетъ г. Витбергъ, иронически, впрочемъ, подсмѣиваясь почему-то надъ моимъ довѣріемъ къ словамъ Данилевскаго. Данилевскій же говорилъ мнѣ также, что Вы-

Digitized by Google

Необходимости должно повиноваться, но я всячески стараюсь услаждать свое заключеніе“ [1]) и проч.

Въ это же время Гоголь переходилъ изъ одного вѣдомства въ другое, желая сколько-нибудь сносно устроить свои служебныя и домашнія дѣла. Изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ онъ перешелъ въ департаментъ Удѣловъ на нѣсколько бо́льшее жалованье (500 р. въ годъ) [2]). Переходъ этотъ состоялся въ первой половинѣ 1830 г. Обезпеченіе было все-таки *незавидное* и Гоголь именно этимъ словомъ характеризуетъ свое новое мѣсто, которое удалось ему найти „послѣ безконечныхъ исканій“. Въ департаментъ Удѣловъ Гоголь поступилъ 10 апрѣля 1830 г. Новая служебная обстановка была для него довольно благопріятна, какъ видно изъ его отзывовъ о начальствѣ и товарищахъ. Гоголь даже получилъ вскорѣ повышеніе, занявъ мѣсто столоначальника [3]). Къ началу

соцкій совсѣмъ отдалился въ Петербургѣ отъ Гоголя и что они не встрѣчались тамъ, вскорѣ окончательно потерявъ другъ друга изъ виду. Жаль, что, не предвидя мелочныхъ возраженій г. Витберга, я не разспросилъ Данилевскаго о томъ, куда переселился потомъ Высоцкій; но фактъ тотъ, что *никто* изъ товарищей Гоголя не называлъ его въ числѣ лицъ, которыя принадлежали къ тогдашнему нѣжинскому кружку, и при томъ, по свѣдѣніямъ Гербеля въ книгѣ «Гимназія высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко», Высоцкій значится здравствовавшимъ и состоявшимъ въ отставкѣ еще *въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ* («Лицей кн. Безбородко», CXXX), тогда какъ воображаемый великодушный другъ, по словамъ Гоголя, тогда же умеръ. На стр. 340 V т. «Соч. и писемъ Гоголя» также упоминается фамилія Высоцкаго, но по тону словъ письма ясно, что рѣчь идетъ уже о другомъ лицѣ (о танцмейстерѣ). (См. «Н. В. Гоголь и его новый біографъ», стр. 31).—Ясно, что всѣ эти и подобные упреки въ противорѣчіяхъ явились просто вслѣдствіе невниканія критика въ читаемое.

[1]) Стр. 114.

[2]) Стр. 106.

[3]) По свѣдѣніямъ, собраннымъ покойнымъ В. П. Гаевскимъ, въ его статьѣ: «Замѣтки для біографіи Гоголя», («Современникъ». 1852, X, отд. VI, стр. 144—145) Гоголь 10 іюля 1830 г. былъ опредѣленъ помощникомъ столоначальника, а незадолго передъ тѣмъ 3 іюня онъ былъ утвержденъ въ чинъ коллежскаго регистратора; послѣднее свѣдѣніе заимствовано изъ аттестата объ отставкѣ Гоголя изъ департамента Удѣловъ.

О полученіи мѣста въ Министерствѣ Удѣловъ Н. В. Гоголь сообщалъ матери въ письмѣ отъ 3 іюня, гдѣ онъ говоритъ: «Служу я еще только третій мѣсяцъ въ департаментѣ Удѣловъ, находящемся въ вѣдѣніи Министерства Двора». («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 112). Послѣ этого онъ перечисляетъ своихъ начальниковъ, отзываясь о каждомъ изъ нихъ съ похвалой.—Всѣ эти данныя Марья Ивановна Гоголь вскорѣ въ точности передала П. П. Косяровскому, употребляя почти тѣ же выраженія: «Николенька мой пишетъ»—

Digitized by Google

1831 г. завязавшіяся литературныя отношенія и надежда на улучшеніе матеріальнаго положенія вслѣдствіе обѣщанной прибавки жалованья сильно подняли бодрость нашего героя и тогда онъ могъ не только свободно вздохнуть самъ, но и думать уже о помощи роднымъ. Любопытны слѣдующія строки его письма отъ 19 декабря 1830 г.: „Чувствительно благодарю васъ, почтеннѣйшая маменька, за присланныя вами деньги сто рублей. *Вѣрьте, что я знаю имъ цѣну: могу ли я что-либо изъ нихъ употребить на ненужное, когда на каждой изъ сихъ ассигнацій читаю я тѣ величайшіе труды, съ которыми онѣ достаются вамъ.* Давно уже меня занимаетъ одна и та же мысль—доставить вамъ въ этомъ отношеніи облегченіе. Мои удвоившіеся труды, мои успѣшныя занятія и лестное вниманіе ко мнѣ,—все заставляетъ меня думать, что участь моя, къ моему и вашему удовольствію, перемѣнится, и что въ наступающемъ 1831 году, съ которымъ заблаговременно поздравляю васъ, предвижу я для себя много хорошаго". Теперь Гоголь, вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ уже не позволялъ себѣ *ничего ненужнаго,* тогда какъ прежде, какъ мы говорили, ему все-таки казалось необходимымъ то, въ чемъ онъ, можетъ быть, могъ бы и отказать себѣ при бо̀льшей опытности и знаніи жизни. Гоголь продолжаетъ еще нѣкоторое время обращаться къ матери съ просьбой о деньгахъ. „Я вамъ обѣщалъ"—пишетъ онъ въ апрѣлѣ 1831 г.,—„въ этомъ году потребовать отъ васъ 500 рублей, какъ послѣдніе: послѣ чего, я уже не буду имѣть права просить у васъ" (придирчивые судьи замѣтили бы, что такое обѣщаніе онъ даетъ уже *вторично*); „и это обѣщаніе выполнилъ бы непремѣнно, хотя бы обстоятельства мои и не приняли бы теперешняго" (т. е. сравнительно благопріятнаго) „оборота" [1]). Въ это время онъ уже оставилъ службу въ департаментѣ Удѣловъ и вскорѣ поступилъ преподавателемъ въ Патріотиче-

---

сообщала она,—«что онъ теперь служитъ въ департаментѣ Удѣловъ въ Министерствѣ Двора, куда онъ попалъ черезъ одно изъ своихъ сочиненій, или, лучше сказать, по произволу Божію. Гофмейстеръ въ томъ отдѣленіи г. Перовскій. Начальникъ отдѣленія г-нъ Панаевъ, очень хорошій и добрѣйшій человѣкъ. Николя пишетъ, что онъ душою къ (sic) нему преданъ». Передача словъ сына въ этомъ письмѣ Маріи Ивановны показываетъ въ ней то наивное благоговѣніе передъ чинами и должностями, которое всегда очень не нравилось ея сыну.

[1]) Стр. 129.

Digitized by Google

скій институтъ, говоря о своей прежней должности, что „душевно былъ радъ оставить ничтожную службу“...

Между тѣмъ для Гоголя при его наблюдательности не малую пользу принесла жизнь среди небогатой части петербургскаго населенія: онъ подмѣтилъ между прочимъ многое, что̀ касалось практическихъ дѣлъ, напр., веденія домашняго хозяйства, и сравненіе имъ быта безпечныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ съ разсчетливой жизнью петербургскихъ семействъ средней руки было не въ пользу первыхъ. „Домоводство великое дѣло“, говоритъ онъ: „Я бы непремѣнно послалъ многихъ помѣщиковъ учиться въ Петербургъ. Они бы увидѣли, какъ огромнымъ дворомъ и домомъ управляетъ одинъ человѣкъ, и все въ величайшемъ порядкѣ, какъ знатные люди знаютъ совершенно все, что̀ дѣлается въ ихъ имѣніяхъ, издерживаютъ менѣе многихъ незнатныхъ и въ кругу своего семейства гораздо болѣе находятъ удовольствія, нежели въ клубахъ и балахъ. Не удивительно, что богатство ихъ возрастаетъ безпрестанно“ [1]). Столичная разсчетливость и осторожность также не укрылась отъ Гоголя и нашла въ немъ себѣ усерднаго защитника: „Я часто думаю“—писалъ онъ,— „что, если бы одна изъ здѣшнихъ знатныхъ дамъ рѣшилась на время пріѣхать въ Малороссію пожить, она бы тотчасъ прослыла гордою, недоступною, и никто бы не понялъ, какой драгоцѣнный брильянтъ переселился къ нимъ. Нигдѣ столько не скупы на знакомство, какъ здѣсь. Кругъ знакомыхъ всегда бываетъ тѣсенъ; но зато знакомые всѣ соединены между собою неразрывно, зато знакомые выбираются съ величайшею разборчивостью, такъ чтобы ни одинъ изъ нихъ не былъ въ тягость и каждый могъ доставить пріятное и полезное общество“.

Устроившись нѣсколько съ практическими дѣлами, Гоголь началъ понемногу исполнять свои обѣщанія о помощи матери. И здѣсь мнѣ приходится опять поневолѣ выразить крайнее изумленіе по поводу забавной критики г. Витберга, выписавшаго совершенно неудачно двѣ строчки цитатъ [2]) для мнимаго опроверженія слѣдующихъ моихъ словъ: „Гоголь питалъ даже надежду помогать матери матеріально, но по

---

[1]) Стр. 131.

[2]) «Н. В. Гоголь и его новый біографъ», стр. 17.

Digitized by Google

безпечности и собственному безденежью ограничивался *преимущественно* обѣщаніями“ [1]). Не признавая вообще никакихъ степеней и оттѣнковъ, г. Витбергъ оставляетъ совершенно безъ вниманія слово *преимущественно* и въ видѣ грозной улики желаетъ поразить меня длиннымъ рядомъ цифръ, изъ которыхъ значительная часть указываетъ только именно на *намѣреніе* Гоголя послать деньги матери (стр. 129: „въ 1833 году *надѣюсь* помочь вамъ“; стр. 149: „лишнихъ денегъ теперь не имѣю, и потому пусть сестра возьметъ *немного терпѣнія, но послѣ надѣюсь* удовлетворить ее“; стр. 150: „*мнѣ, можетъ быть, удастся* сколько-нибудь сберечь для васъ денегъ“); въ другихъ же мѣстахъ рѣчь идетъ или объ одной и той же посылкѣ на 90 р., которая долго пропадала и, наконецъ, отыскалась (стр. 141, 144, 145, 146), или же говорится о подаркѣ по совершенно исключительному случаю—на свадьбу сестры (стр. 148). Впрочемъ, несомнѣнно, что уже этотъ послѣдній подарокъ на сумму 500 р. стоилъ чего-нибудь недавно едва только перебивавшемуся Гоголю и первыя свободныя деньги пожертвовавшему своей семьѣ. Кромѣ того, Гоголю случалось посылать своимъ мелкіе подарки, и однажды, напр., онъ писалъ: „Очень радъ, что вамъ пришлись очень кстати посланныя мною бездѣлицы, и сожалѣю только, что не въ состояніи послать вамъ лучшаго. Но чего теперь не сдѣлаю, *то сдѣлаю послѣ*“ [2]). Здѣсь также замѣчается обычный у Гоголя перевѣсъ обѣщаній надъ исполненіемъ, очень понятнымъ въ его положеніи; но во всякомъ случаѣ нельзя изо всѣхъ бѣглыхъ упоминаній, большей частью объ одной и той же пропавшей посылкѣ, частью же о нѣсколькихъ, но незначительныхъ, выводить смѣлое заключеніе о томъ, что эти подарки такъ и посылались одинъ за другимъ. Впрочемъ, относительно послѣдующаго времени г. Витбергъ уже не могъ бы съ такой дерзкой развязностью приводить подобныя цитаты. Приведенные два-три примѣра, кажется, достаточно показываютъ мелочность и неосновательность критики этого рецензента, вслѣдствіе чего всѣ дальнѣйшія опроверженія его замѣтокъ считаемъ возможнымъ отнести просто въ приложенія.

Но лучше всего, минуя мелочныя исчисленія, мы можемъ

---

[1]) См. первый томъ, стр. 210.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», стр. 136—137.

Digitized by Google

познакомиться съ отношеніями Гоголя къ семьѣ изъ простого, но правдиваго разсказа его сестры Елизаветы Васильевны.

„Братъ“—сообщаетъ она—„пріѣзжалъ къ намъ изъ Петербурга почти каждый годъ, и это былъ для насъ истинный праздникъ. Со мною онъ былъ ласковѣе, чѣмъ съ другими, и чаще игралъ и шутилъ. У старшей сестры была огромная датская собака „Дорогой“: братъ часто сажалъ меня на нее и заставлялъ катать, и самъ погонялъ. Пріѣзжая, братъ всегда привозилъ много разныхъ гостинцевъ, конфектъ и проч., очень любилъ намъ дѣлать подарки и никогда не отдавалъ ихъ всѣ вдругъ. Дома онъ очень входилъ въ хозяйство и занимался усадьбой и садомъ; въ самомъ домѣ онъ самъ раскрасилъ красками стѣны и потолки въ залѣ и гостиной: надѣнетъ бывало бѣлый фартукъ, станетъ на высокую скамейку и большими кистями рисуетъ,—такъ онъ нарисовалъ бордюры, букеты и арабески.

По утрамъ занимался со мною и Annette и училъ насъ географіи и исторіи; разскажетъ сначала самъ, а потомъ заставитъ повторить сперва Annette, потомъ меня.

Когда братъ не бывалъ съ нами, мы часто писали ему, и мои письма всегда были наполнены пустяками: я была въ дружбѣ съ собаками и всегда переполняла свои письма разсказами о своихъ любимицахъ, передавала ему отъ нихъ поклоны и прочее, вообще же мы писали ему всегда очень подробныя письма. Иногда братъ просилъ насъ прислать ему малороссійскихъ сказокъ, и мы съ удовольствіемъ посылали ему ихъ писанныя нашими іероглифами, изъ которыхъ врядъ ли что̀ можно было понять. За это онъ намъ часто присылалъ конфектъ, а матери и старшей сестрѣ—подарки“ [1])...

IV.

Съ 1832 г. сильно измѣнилось внѣшнее матеріальное положеніе Гоголя, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько измѣнился тонъ и характеръ его писемъ. Просьбы о помощи умолкаютъ окончательно, но, съ другой стороны, въ каждомъ упоминаніи о дѣлаемыхъ Гоголемъ подаркахъ и о вѣсѣ и значеніи его въ Пе-

[1]) „Русь“, 1885, № 26, „Отрывокъ изъ записокъ Елизаветы Васильевны Быковой, родной сестры Гоголя“, стр. 6.

Digitized by Google

тербургѣ слышится нѣкоторое самодовольство. Гоголь гордится сдѣланными связями и знакомствами и оскорбляется, если замѣчаетъ, что его значеніе недостаточно понятно для матери. Самолюбіе его проявляется какъ въ томъ тонѣ, какимъ онъ говоритъ о своихъ подаркахъ, о своихъ родственныхъ попеченіяхъ, такъ и въ болѣзненной обидчивости безъ всякой серьезной причины. Иногда онъ употребляетъ удачно въ дѣло свои знакомства, и этимъ вполнѣ оправдываются его слова о достигнутомъ вліяніи. Такъ это случилось именно съ затерявшейся денежной посылкой въ Васильевку, странствовавшей неизвѣстно гдѣ въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ (отъ октября 1831 года до января 1832 г.). Въ этой посылкѣ были браслеты для сестеръ, пряжка, конфекты, даже кушакъ для няни его меньшихъ сестеръ (Варвары Семеновны),—всего на девяносто рублей. Гоголь выходилъ изъ себя, недоумѣвая объ участи отправленной посылки, что̀ было тѣмъ обиднѣе, что это былъ именно первый болѣе серьезный подарокъ, но онъ-то и затерялся. Гоголь сильно волновался и досадовалъ. „Вы никакъ не упускайте этого изъ виду“, пишетъ онъ матери: „сдѣлайте полтавскому почтмейстеру строгій допросъ: гдѣ находится слѣдуемая вамъ посылка, и почему онъ не далъ вамъ знать тотчасъ по̀ полученіи ея? Это дѣло такого рода, за которое сажаютъ подъ судъ“ [1]). „Вы, пожалуйста, не забывайте, маменька, *увѣдомлять* меня, если *будете получать* какую бы то ни было отъ меня посылку, въ какомъ видѣ вы ее получите, что́ такое именно вы въ ней найдете; потому что, какъ мнѣ кажется, вездѣ не безъ плутней. А это происшествіе вы не оставляйте безъ вниманія и хорошенько подопросите почтмейстера“. Гоголю особенно досадно, что подарки, посланные къ празднику, опоздаютъ, хотя бы они и отыскались; заботы его о качествахъ подарковъ также могли пропасть даромъ. И вотъ онъ снова пишетъ уже послѣ новаго года: „Непонятно! Опять письмо отъ васъ, и опять ни слова о посылкѣ, посланной мною вамъ еще въ октябрѣ, цѣною на девяносто рублей, съ браслетами, пряжкою, перчатками, ридикюлемъ, конфектами и письмомъ, при которомъ она слѣдовала. Ради Бога, извѣстите меня! Я бы теперь же послалъ кое-что сестрѣ, но боюсь. Скажите негодяю полтав-

---

1) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 141.

Digitized by Google

скому почтмейстеру, что я на дняхъ, видѣвшись съ княземъ Голицынымъ, жаловался ему о неисправности почтъ. Онъ замѣтилъ это Булгакову, директору почтоваго департамента; но я просилъ Булгакова, чтобы не требовалъ объясненія отъ полтавскаго почтмейстера до тѣхъ поръ, покамѣстъ не получу его отъ васъ. И такъ прошу васъ, сдѣлайте милость, не заставьте меня долго ждать. Мнѣ хочется непремѣнно вывесть на чистую воду это мошенничество“ [1]). Очень возможно, что именно жалобы Гоголя вліятельнымъ лицамъ и помогли разъясненію дѣла и отысканію застрявшей на дорогѣ посылки, и уже въ письмѣ отъ 19 января, черезъ двѣ-три недѣли послѣ жалобы, Марья Ивановна извѣщала Гоголя о полученіи посылки [2])...

Настроеніе Гоголя въ это время становилось временами даже нѣсколько горделивое, и ему, кажется, льстили сдѣланныя имъ связи, въ чемъ, впрочемъ, однажды онъ и самъ сознается, говоря: „Мнѣ любо, что не я, а моего ищутъ знакомства“. Знакомыхъ и притомъ занимавшихъ довольно видное положеніе у него въ это время (1832 г.) было уже не мало: мы только-что видѣли, что онъ можетъ свободно обращаться къ князю Голицыну, къ директору почтоваго департамента Булгакову, что онъ уже сознавалъ себя силой передъ маленькими людьми, подобными полтавскому почтмейстеру. Знакомства эти были разнородныя и въ разныхъ сферахъ и черезъ нихъ-то Гоголь могъ иногда дѣйствовать; такъ онъ пишетъ: „директоръ опекунскаго совѣта мнѣ знакомъ, и мнѣ, можетъ быть, очень бы легко удалось склонить его къ отсрочкѣ“ [3]). У Гоголя уже срывались съ языка такія выраженія: „Одного молодца вы пристроили. Онъ вамъ больше уже ничего не будетъ стоить, а съ слѣдующаго года, можетъ быть, будете получать съ него проценты [4]). Государыня приказала мнѣ читать въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ“ [5]) и проч.

Марья Ивановна также уловила въ письмахъ сына указываемую нами ноту; она писала однажды П. П. Косяровскому: „Я получила отъ Николеньки письмо очень пріятное,

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V. стр. 144.
[2]) Стр. 144 и 145.
[3]) Стр. 136.
[4]) Тамъ же.
[5]) Стр. 129.

Digitized by Google

что онъ счастливо продолжаетъ службу и благодаритъ Бога за всѣ претерпѣнныя имъ нужды *и разнообразія*, которыхъ иному во весь вѣкъ не придется испытывать. За то пишетъ: „Какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ“ и какая твердость въ душѣ моей, и какъ пріятно мнѣ, что я не ищу, но моего ищутъ знакомства“ (Ср. въ письмѣ Гоголя къ матери отъ 10 февраля 1830 г.: Вѣрьте, что Богъ ничего не готовитъ намъ въ будущемъ, кромѣ благополучія и счастья“).

V.

Хотя склонность къ широкимъ задачамъ и вполнѣ понятное сознаніе превосходства надъ массой никогда не угасали въ душѣ Гоголя, но излишества въ этомъ отношеніи послѣ первой его заграничной поѣздки начинаютъ уже отчасти умѣряться жизненнымъ опытомъ и съ другой стороны составляютъ нерѣдко полезный противовѣсъ удручающимъ впечатлѣніямъ отъ неудачъ. Самонадѣянность была въ немъ не поколеблена, но получила иной характеръ и значеніе. Такъ, черезъ нѣсколько дней послѣ грустнаго извѣщенія о томъ, что онъ „холодно и безжизненно встрѣтилъ наступающій 1830 годъ“ [1]), Гоголь писалъ уже матери: „въ столицѣ нельзя пропасть съ голоду имѣющему хотя скудный отъ Бога талантъ“ [2]). Гораздо позднѣе, уже въ половинѣ 1830 года, у Гоголя, судя по его письмамъ, какъ будто еще и не мелькала мысль о перемѣнѣ служебной карьеры; могло бы казаться,—хотя едва-ли это было такъ,—что онъ колебался тогда только между дилеммой—оставаться ли въ Петербургѣ, или переѣхать служить въ провинцію [3]), постоянно склоняясь, впрочемъ, въ пользу перваго рѣшенія,—такъ какъ, по его словамъ, выгоды служить непремѣнно должны быть „для того, кто имѣетъ умъ, знающій извлечь пользу, предположившій впереди себѣ мѣту, ставши на которую, онъ въ состояніи дать обширный просторъ своимъ дѣйствіямъ, *сдѣлаться необходимымъ огромной массѣ государственной*“ (въ послѣднихъ словахъ звучитъ нота прежняго Гоголя). „Черезъ годъ, а можетъ быть и ранѣе“,—продолжаетъ

---

1) Тамъ же, стр. 100.
2) Тамъ же, стр. 103.
3) Тамъ же, стр. 105.

Digitized by Google

онъ,—„надѣюсь я получить штатное мѣсто. *Это составляетъ покамѣстъ единственное мое желаніе*“. Когда въ сентябрѣ штатное мѣсто было, наконецъ, получено, Гоголь не переставалъ преимущественно заботиться объ успѣхахъ департаментской карьеры и однажды просилъ мать переговорить съ ея знакомыми (Шамшевыми), чтобы черезъ нихъ найти способъ повліять на одного изъ начальниковъ, прибавляя при этомъ: „Словца два отъ хорошихъ людей всегда не помѣшаютъ“ [1]). Въ томъ же положеніи находилось дѣло и въ октябрѣ; но къ новому году Гоголь уже сообщаетъ, что впереди онъ „предвидитъ для себя много хорошаго“, послѣ чего извѣщаетъ въ каждомъ письмѣ о новыхъ удачахъ. Вскорѣ, въ началѣ 1831 года, съ поступленіемъ на службу въ Патріотическій институтъ и и съ пріобрѣтеніемъ литературныхъ знакомствъ, въ судьбѣ Гоголя произошла крупная перемѣна, тотчасъ благопріятно отразившаяся на его настроеніи, такъ что самый тонъ переписки замѣтно измѣняется, становясь постоянно увѣреннѣе и авторитетнѣе.

Любопытно, что когда Марья Ивановна Гоголь обращалась къ сыну съ просьбами о совѣтѣ или протекціи для своихъ знакомыхъ, которымъ было что-нибудь нужно въ Петербургѣ, то послѣдній сталъ отвѣчать ей тономъ опытнаго и знающаго дѣла человѣка, слова котораго показываютъ зрѣлость сужденія и не лишены практическаго значенія. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Въ числѣ членовъ коммиссіи по построенію храма Спасителя въ Москвѣ находился нѣкто Клименко (сосѣдъ родителей Гоголя по имѣнію), жена котораго, несмотря на отрѣшеніе мужа отъ должности, по смерти его не теряла надежды исходатайствовать себѣ пенсію и просила Марью Ивановну справиться о томъ черезъ сына въ Петербургѣ. Отвѣтъ былъ полученъ слѣдующій: „Насчетъ дѣла г-жи Клименко удовлетворительнаго ничего не могу сказать. Одна только сильная протекція могла бы сдѣлать что-нибудь въ ея пользу, но и то не въ такихъ обстоятельствахъ, какъ ея нынѣшнія. Вамъ, я думаю, извѣстно, что коммиссія построенія храма въ Москвѣ уничтожена по причинѣ страшныхъ суммъ, истраченныхъ ея чиновниками. Всѣ они находятся едва ли не до сихъ

[1]) Тамъ же, стр. 113 и 121.

Digitized by Google

поръ подъ слѣдствіемъ; слѣдовательно, не только не въ правѣ требовать себѣ пенсіи, но даже могутъ ожидать непріятностей. Впрочемъ, Государь милостивъ. Если бы она нашла себѣ другой какой предлогъ требовать, можетъ быть, тогда было бы это успѣшнѣе. *Въ томъ и другомъ случаѣ не совѣтуйте ей слишкомъ надѣяться и ожидать многаго. Если и получитъ успѣхъ, пусть лучше успѣхъ этотъ будетъ для нея неожиданный. Ничего нѣтъ хуже и горестнѣе для человѣка несбывшихся надеждъ*“ [1]).

Нѣкто Шостакъ, родственникъ Гоголя по матери [2]), „былъ одинъ изъ числа откупщиковъ, взявшихъ на себя городъ Петербургъ“ [3]). Дѣло пошло сначала, повидимому, успѣшно, и онъ могъ даже прислать всѣмъ сестрамъ по десяти тысячъ, но вскорѣ разорился, подвергся за долги домашнему аресту и наконецъ скрылся неизвѣстно куда. На просьбу матери разузнать объ немъ Гоголь отвѣчалъ, что найти его не можетъ, но встрѣчалъ его прежде и кое-что объ немъ слышалъ. „Откупщики эти“—писалъ онъ—„не получили никакихъ совершенно выгодъ; въ разговорѣ, однакожъ, со мною онъ старался не давать этого замѣтить. Мнѣ странно только было найти въ этомъ человѣкѣ, можно сказать, изжившемъ всю жизнь свою прожектами, черты юношеской неосновательности. Бывшіе съ нимъ въ короткихъ связяхъ говорятъ, что онъ при рѣдкомъ счастьѣ всегда бывалъ почти самъ причиною его утраты. Впрочемъ, одинъ поступокъ тотъ, посредствомъ котораго онъ помогъ роднымъ своимъ, извиняетъ его много“.— Вообще сужденія Гоголя постоянно становятся рѣшительнѣе и отражаютъ явный подъемъ духа. Вскорѣ онъ уже не могъ не чувствовать себя вознесеннымъ обстоятельствами и быстро подхваченнымъ вверхъ благопріятной волной, и въ самомъ дѣлѣ сознаніе успѣха сквозитъ всюду, а на первыхъ порахъ проявляется даже не совсѣмъ въ скромной формѣ, на что́ уже указывалось въ нашей печати съ большимъ осужденіемъ, *но внѣ связи съ причинами, вызвавшими такое настроеніе* [4]). Такъ однажды онъ пишетъ матери: „мнѣ любо, когда не я ищу,

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, I т., стр. 127.

[2]) Родной братъ Марьи Ильиничны Косяровской, матери М. И. Гоголь.

[3]) „Соч. и письма Гоголя“, I т., стр. 126.

[4]) „Николай Васильевичъ Гоголь и неизданныя его письма“ („Русская Старина“ 1875, IX, стр. 101).

Digitized by Google

но моего ищутъ знакомства“ [1]); въ другой разъ онъ прямо говоритъ: „Я душевно былъ радъ оставить ничтожную мою службу, *ничтожную, я полагаю, для меня*, потому что иной Богъ знаетъ за какое благополучіе почелъ бы занять оставленное мною мѣсто. Я могъ бы остаться теперь безъ мѣста, если бы не показалъ уже нѣсколько себя. Государыня приказала читать мнѣ въ находящемся въ ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Впрочемъ, вы не думайте, чтобы это много значило. Вся выгода въ томъ, что я теперь немного больше извѣстенъ, и лекціи мои мало-по-малу заставляютъ говорить обо мнѣ“ [2]). Надо, впрочемъ, сказать, что Гоголь долго не писалъ потомъ въ этомъ тонѣ, до времени позднѣйшаго своего проповѣдничества, и этотъ тонъ въ данномъ случаѣ совершенно объясняется какъ ранней молодостью, такъ и временнымъ чрезмѣрнымъ упоеніемъ отъ неожиданныхъ удачъ. Въ самомъ дѣлѣ, новый родъ карьеры слишкомъ выгодно отразился на всемъ строѣ жизни молодого писателя: вмѣсто прежняго обязательнаго сидѣнія по цѣлымъ утрамъ въ департаментѣ, онъ пользуется теперь значительнымъ просторомъ для любимыхъ литературныхъ занятій, посвящая всего по шести часовъ въ недѣлю на лекціи, надѣясь, впрочемъ, занять, вскорѣ до 20 часовъ въ другихъ институтахъ [3]). Матеріальное положеніе его улучшилось, пріобрѣталась извѣстная независимость; не надо было уже на каждомъ шагу одолжаться матери или дядѣ [4]). Теперь Гоголь былъ воодушевленъ уже не мнимыми надеждами, но имѣющими дѣйствительное основаніе, хотя при всемъ томъ онъ все-таки остается по-прежнему въ положеніи человѣка упорнымъ трудомъ пробивающаго себѣ дорогу и, по собственному его выраженію, „живетъ на чердакѣ“ [5]).

Необходимо отмѣтить еще одну черту въ Гоголѣ въ разсматриваемое время: онъ сильно гордился Патріотическимъ институтомъ и своею службою въ немъ. Къ его репутаціи и молвѣ объ немъ онъ относился очень ревниво. Такъ однажды

---

1) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 128.

2) Тамъ же, стр. 129.

3) Это ожиданіе потомъ не исполнилось.

4) А. А. Трощинскому.

5) „См. Соч. и письма Гоголя“, т. V, 234; такъ же называлъ квартиру Гоголя и Пушкинъ. См. Соч. Пушкина, изд. лит. фонда, т. VII, стр. 332.

Digitized by Google

его задѣло заживо освѣдомленіе одной сосѣдки по имѣнію о томъ, что не обучаются ли въ Патріотическомъ институтѣ дѣти разночинцевъ и неблагородныхъ, которыя не пара ея дочерямъ и роднымъ. „Зеленецкую“ [1]) — писалъ Гоголь матери—„вы можете успокоить насчетъ ея опасенія: она слышала, что звонятъ, только не знаетъ на которой колокольнѣ. Въ Патріотическій институтъ благородныхъ дѣвицъ, въ которомъ я служу [2]), не принимаютъ ни изъ купцовъ, ни изъ мѣщанъ. Уже самое его названіе показываетъ это. Стало быть, родственница Зеленецкой должна радоваться и посылать своихъ дѣтей: они попадутся въ хорошія руки“ [3]).

Очень естественно, что, имѣя искреннее высокое мнѣніе о тѣхъ институтахъ, въ которыхъ онъ преподавалъ, и которые, слѣдовательно, зналъ хорошо, Гоголь сталъ думать о помѣщеніи въ одномъ изъ нихъ своихъ подроставшихъ сестеръ и вскорѣ осуществилъ свою мечту. Однажды онъ такъ писалъ матери: „Что̀ касается до маленькихъ сестрицъ, то онѣ, можетъ быть, лучшее получатъ воспитаніе, нежели мы. Если бы вы знали, моя безцѣнная маменька, какія здѣсь превосходныя заведенія для дѣвицъ, то вы бы, вѣрно, радовались, что ваши дочери родились въ нынѣшнее время. Я не могу налюбоваться здѣшнимъ порядкомъ. Здѣсь воспитанницы получаютъ свѣдѣнія обо всемъ, что̀ нужно для нихъ, начиная отъ домашняго хозяйства до знанія языковъ и опытнаго обращенія въ свѣтѣ, и вовсе не выходятъ тѣми вѣтренными, легкомысленными дѣвчонками, какими дарятъ институты“ [4])...

Всѣ приведенные примѣры согласно свидѣтельствуютъ о томъ, что юный Гоголь уже начиналъ понемногу придавать вѣсъ себѣ и своему значенію, и настроеніе это замѣчается у него не разъ въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ.

Но вотъ въ это-то время какого-то, правда довольно кратковременнаго, упоенія быстрой перемѣной въ своей судьбѣ Гоголь однажды получаетъ отъматери письмо съ совѣтомъ искать

---

[1]) Въ изданіи Кулиша фамилія этой сосѣдки Гоголя обозначена иниціаломъ, но А. С. Данилевскій называлъ намъ съ увѣренностью ее полнымъ именемъ.

[2]) Въ изданіи писемъ явная опечатка: *не служу*, вм. служу, ибо Гоголь оставилъ службу въ Патріотическомъ институтѣ только въ 1835 г.

[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 147—148.

[4]) Тамъ же, стр. 136.

Digitized by Google

протекціи одного полтавскаго знакомаго. Надо замѣтить, что Марья Ивановна нерѣдко принималась хлопотать за сына и обыкновенно совершенно некстати. Одно время она вдругъ стала сильно заботиться о томъ, чтобы сынъ ея поѣхалъ познакомиться съ отправившимся на нѣкоторое время въ Петербургъ богатымъ сосѣдомъ, Базилевскимъ. По словамъ А. С. Данилевскаго, мать Базилевскаго, извѣстная своимъ скряжничествомъ, нажила огромное состояніе; самъ Базилевскій былъ очень занятъ своимъ богатствомъ и былъ крайне непривлекательная личность. Ѣхать къ нему, по мнѣнію Данилевскаго, было бы просто неприлично и не нужно.

Этотъ, не имѣвшій смысла совѣтъ, по словамъ Данилевскаго, объясняется только крайней непрактичностью Марьи Ивановны и ея полнымъ незнаніемъ жизни. Гоголь былъ сильно оскорбленъ: „Мнѣ очень странно, маменька, что вы столько хлопочете о Базилевскомъ“, писалъ онъ—и, конечно, былъ правъ, говоря: „вы очень мало знаете приличія, маменька, или лучше сказать, и знаете приличія, но не знаете *моихъ отношеній въ свѣтѣ*. Касательно состоянія его быть мнѣ полезнымъ скажу вамъ вотъ что. Вы все еще, кажется, привыкли почитать меня за ничто, для котораго всякій человѣкъ *съ небольшимъ именемъ и знакомствомъ* можетъ надѣлать кучу добра. Попрошу васъ объ этомъ не безпокоиться. Путь я имѣю гораздо прямѣе и, признаюсь, не знаю такого добра, которое бы могъ мнѣ сдѣлать человѣкъ. Добра я желаю отъ Бога, и именно быть всегда здоровымъ и видѣть васъ всегда здоровыми“ [1]).—Ясно, что ненамѣренный уколъ попалъ прямо въ сердце Гоголю и онъ не могъ сдержать своего крайняго негодованія. Обидчивость относительно вопроса Зеленецкой объ институтѣ, также невиннаго и неумышленнаго, переполнила чашу.

Отмѣчаемъ эти мелкія подробности въ виду ложнаго старанія нѣкоторыхъ писателей совершенно затушевать всѣ двусмысленныя черты въ личности Гоголя и представить его въ безусловно безукоризненномъ свѣтѣ, чѣмъ грубо нарушается основное требованіе безпристрастія біографіи.

---

[1]) Стр. 147.

Digitized by Google

НАЦІОНАЛЬНЫЯ СИМПАТІИ ГОГОЛЯ И ИХЪ ОТРАЖЕНІЕ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ 1832—1835 ГОДОВЪ.

I.

Мы только-что разсмотрѣли внѣшнія условія жизни Гоголя въ Петербургѣ. Но мы уже говорили, что его во всякомъ случаѣ нельзя смѣшивать съ тѣми заурядными личностями, для которыхъ приличное положеніе и извѣстная степень матеріальнаго обезпеченія составляютъ все. Напротивъ, онъ хранилъ въ своей груди искру стремленія къ идеаламъ и старался по временамъ уходить въ созданный имъ и тщательно оберегаемый интимный міръ, чтобы забыться иногда отъ неизбѣжной, но несносной будничной прозы. По основнымъ свойствамъ характера Гоголя міръ этотъ въ его зрѣлые годы былъ нисколько не фантастическій; его составляло все, что онъ любилъ и чему былъ особенно преданъ; но въ силу особенностей своей южной природы, онъ настолько же имѣлъ склонность придавать въ своемъ воображеніи блестящую окраску любимымъ образамъ и предметамъ и окружать ихъ яркимъ ореоломъ, иногда преувеличивая ихъ достоинства, насколько въ обыкновенныхъ случаяхъ тонко схватывалъ и безпристрастно изображалъ повседневную дѣйствительность.

Какъ въ личности, такъ и въ творчествѣ Гоголя необходимо строго различать двѣ существенно несходныя стороны: несомнѣнно, что Гоголь-практическій человѣкъ сильно отличался отъ Гоголя-идеалиста; точно также въ его произведеніяхъ, несмотря на преобладающее изображеніе отрицательныхъ сторонъ жизни, встрѣчаются нерѣдко картины и образы въ высокой степени привлекательные и несвободные подчасъ

Digitized by Google

отъ пламенной идеализаціи. И здѣсь не можемъ также не привести, въ подтвержденіе своихъ словъ, нѣсколько строкъ изъ цитированной не разъ статьи Анненкова: признавая въ Гоголѣ глубоко практическую натуру, онъ замѣчаетъ съ другой стороны, что „природа его имѣла многія изъ свойствъ южныхъ народовъ, которыхъ онъ такъ цѣнилъ вообще. Онъ необычайно дорожилъ внѣшнимъ блескомъ, обиліемъ и разнообразіемъ красокъ въ предметахъ, пышными, роскошными очертаніями. Полный звукъ, ослѣпительный поэтическій образъ, мощное, громкое слово, все исполненное силы и блеска потрясало его до глубины сердца. Въ жизни онъ былъ очень цѣломудренъ и трезвъ, если можно такъ выразиться, но въ представленіяхъ онъ совершенно сходился со страстными, внѣшне-великолѣпными представленіями южныхъ племенъ“ [1]). Г-нъ Скабичевскій, сравнивая (въ своей статьѣ: „Нашъ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ“) историческія повѣсти Пушкина и Гоголя, на основаніи ихъ разбора, приходитъ къ заключенію, совершенно сходному съ тѣмъ, что̀ Анненковъ уловилъ въ характерѣ послѣдняго по впечатлѣніямъ личнаго знакомства, и такое совпаденіе, по нашему мнѣнію, должно служить вѣскимъ доказательствомъ вѣрности взглядовъ обоихъ. „Въ то время, какъ Пушкинъ“—замѣчаетъ г. Скабичевскій—„все необычайное и выдающееся старается свести къ будничному, показать намъ, что необычайнымъ оно кажется только издали, а на самомъ дѣлѣ тонетъ въ уровнѣ повседневной жизни, Гоголь, наоборотъ, всѣ образы въ своемъ романѣ („Тарасъ Бульба“) освѣщаетъ бенгальскимъ огнемъ, и они рисуются въ дивномъ, волшебномъ сіяніи“ [2]). Несомнѣнно, что внимательное изученіе Гоголя можетъ привести только къ этому выводу, который слѣдуетъ распространить также на всѣ тѣ случаи, гдѣ Гоголь говоритъ вообще о предметахъ и лицахъ ему сочувственныхъ, и, по нашему мнѣнію, все, что̀ возбуждало въ немъ идеализацію, требуетъ никакъ не меньшаго вниманія сравнительно съ остальной сокровищницей его произведеній, такъ какъ въ этой идеализаціи именно и выливалось его завѣтное внутреннее содержаніе, въ ней находили себѣ отго-

---

[1]) „Воспоминанія и критическіе очерки“, т. I, стр. 186—187.

[2]) Сочиненія А. Скабичевскаго, т. II, стр. 678.

Digitized by Google

лосокъ самыя задушевныя его чувства и мечты. Если другіе образы имѣютъ несравненно бо́льшее общественное значеніе, если, можетъ быть, они вообще гораздо вѣрнѣе дѣйствительности, то для цѣлей біографическихъ едва-ли не бо́льшее значеніе имѣютъ тѣ, въ которыхъ съ бо́льшей непосредственностью отразилась личность автора [1]).

Въ „Вечерахъ на Хуторѣ“, какъ мы говорили раньше [2]), всего ярче бросается въ глаза страстная идеализація юной женской красоты, проявившаяся въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ образовъ, но нашедшая себѣ законченное выраженіе только въ „Миргородѣ“ въ лицѣ панночки и въ повѣсти „Тарасъ Бульба“, точно также какъ пламенныя юношескія мечты о женщинѣ всего ярче воспроизведены въ симпатичномъ образѣ Андрія. Въ періодъ, слѣдующій за „Вечерами“, потребность южной натуры автора въ энтузіазмѣ нашла себѣ также другую, болѣе возвышенную цѣль, избравъ своимъ излюбленнымъ предметомъ апоѳеозъ національнаго чувства. Мысль Гоголя останавливалась теперь съ особенной любовью на изображеніи наиболѣе сочувственныхъ ему сторонъ сперва малороссійскаго, а потомъ вообще русскаго характера.

Любовь къ отечеству, какъ инстинктъ, сильно отличающійся отъ отвлеченнаго, такъ сказать, головного патріотизма, обыкновенно коренится въ какихъ-либо опредѣленныхъ симпатіяхъ, часто не легко поддающихся объясненію. Лермонтовъ прекрасно выразилъ это въ своемъ стихотвореніи „Родина“. Такъ и Гоголю нравилась особенно русская и еще болѣе казацкая широкая удаль, беззавѣтная отвага и безразсчетная щедрость. Изученіе малороссійскихъ народныхъ преданій и собираніе пѣсенъ должно было еще болѣе углубить и упрочить это чувство.

Начало пламенной любви въ Гоголѣ къ украинскимъ пѣснямъ, къ національнымъ танцамъ и вообще ко всему малороссійскому, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ искать еще въ самыхъ раннихъ впечатлѣніяхъ, когда при захватывающихъ душу звукахъ родныхъ мелодій и при видѣ разудалаго, бѣшенаго гопака, его дѣтское сердце переполнялось трепетомъ невыра-

---

[1]) Г. Кояловичъ въ статьѣ: „Дѣтство и юность Гоголя“, также отмѣчаетъ „двѣ основныя стихійныя силы его характера: комизма и лиризма“ (см. „Московскій Сборникъ“, 1887, стр. 210).

[2]) См. „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. I, стр. 267—281.

Digitized by Google

зимаго восторга. Это почти безотчетное сладостное обаяніе сохранило навсегда свою власть надъ нимъ, и во всю жизнь свою Гоголь никогда не могъ относиться равнодушно къ тому, что́ ему напоминало далекое дѣтство и родину, затрогивая самыя отзывчивыя струны его души. Такъ, кромѣ прекраснаго лирическаго отступленія о дѣтствѣ въ началѣ VI-ой главы „Мертвыхъ Душъ“, Гоголю не разъ случалось и въ другихъ мѣстахъ вспоминать съ задушевнымъ чувствомъ впечатлѣнія, запавшія въ его душу въ нѣжномъ возрастѣ. Укажемъ, напр., слѣдующее мѣсто въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“: „Я знаю, что многимъ очень не нравится (этотъ) звукъ (поющихъ дверей); но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревней: низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ, ужиномъ, уже поставленномъ на столѣ; майской темной ночью, глядящею изъ сада, сквозь растворенное окно, на столъ, уставленный приборами; соловьемъ, который обдаетъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами; страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и Боже, какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній!“ [1]). Мы видимъ, что впечатлѣнія были слишкомъ ярки, чтобы не оставить по себѣ глубокаго слѣда навсегда. Извѣстно также, что Гоголь въ интимной бесѣдѣ охотно предавался воспоминаніямъ о своей школьной жизни, и притомъ не только въ бесѣдѣ съ Данилевскимъ или Прокоповичемъ, но нерѣдко и съ А. О. Смирновой, а однажды внесъ яркую картину своихъ школьныхъ развлеченій въ „Мертвыя Души“. Всѣ подобныя воспоминанія Гоголя, какъ поэта, поражаютъ богатствомъ глубоко запавшихъ въ душу и слившихся навсегда образовъ. Такъ, описывая недоумѣніе школьника, проснувшагося отъ засунутаго въ носъ „гусара“, Гоголь по этому поводу даетъ намъ прекрасную картину солнечнаго ранняго утра: „Потянувши въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ“ (школьникъ) „пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ какъ дуракъ, выпучивъ глаза во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, что́ съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучомъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее

---

1) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 127.

Digitized by Google

въ окно наступившее утро, съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ, и съ освѣтившеюся рѣкою, тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потомъ уже, наконецъ, чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ“ [1]).

Но ни въ чемъ поэзія дѣтскихъ воспоминаній не сказалась въ Гоголѣ такъ сильно, какъ въ его горячей любви къ малороссійскимъ пѣснямъ и къ тому танцу „самому вольному, самому бѣшеному, какой только видѣлъ когда-либо свѣтъ, и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, названъ казачкомъ“. Особенно нравилась Гоголю въ этомъ танцѣ и вообще въ казацкомъ разгулѣ какая-то отчаянная, заразительная веселость, которую онъ считалъ общимъ достояніемъ и преимуществомъ славянской натуры. Казакъ, по словамъ его, „вслушиваясь въ звуки пѣсни, чувствуетъ себя исполиномъ; душа и все существованіе раздвигается, расширяется до безпредѣльности. Онъ отдѣляется вдругъ отъ земли, чтобы ударить въ нее блестящими подковами и взнестись опять на воздухъ“ [2]).

Эту могучую веселость, какъ потребность національнаго темперамента, Гоголь рѣзко отличаетъ отъ пошлаго, отвратительнаго пьянства, находя въ ней, напротивъ, высокую поэтическую прелесть. „Пѣсни сочиняются не съ перомъ въ рукѣ“,—говоритъ онъ,—„не на бумагѣ, не съ строгимъ разсчетомъ, но въ вихрѣ, въ забвеніи, когда душа звучитъ и всѣ члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положеніе, становятся свободнѣе, руки вольно вскидываются на воздухъ и дикія волны восторга уносятъ его отъ всего“ [3]).

Ту же особенность Гоголь охотно признаетъ и за любимыми представителями романской расы, именно итальянцами. Описывая римскій карнавалъ, онъ восклицаетъ: „Эта невоздержность и порывъ развернуться на всѣ деньги замашка сильныхъ народовъ. Эта свѣтлая, непритворная веселость, которой нѣтъ у другихъ народовъ, веселость эта прямо изъ природы; ею не хмель дѣйствуетъ; тотъ же самый народъ освищетъ

---

[1]) Тамъ же, т. III, стр. 189.
[2]) Тамъ же, т. V, стр. 293.
[3]) Тамъ же, т. V, стр. 292.

Digitized by Google

пьянаго, если встрѣтитъ его на улицѣ“ [1]). Послѣднія слова замѣчательно сходятся съ подобнымъ описаніемъ въ „Тарасѣ Бульбѣ“, гдѣ изображенъ разгулъ казака, который „беззаботно предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, гулякъ, не имѣвшихъ ни родныхъ, ни угла, ни семейства, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей. Веселость была пьяна, шумна, но при всемъ томъ это не былъ черный кабакъ, гдѣ мрачно искажающимъ весельемъ забывается человѣкъ; это былъ тѣсный кругъ школьныхъ товарищей“ [2]). Но всего ярче эта особенность русскаго характера обрисована, конечно, въ извѣстномъ лирическомъ отступленіи о „птицѣ-тройкѣ“: „И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, не сказать иногда: „чортъ побери все!“ его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное?“ [3]) Нельзя не отмѣтить также, что съ этой точки зрѣнія Гоголь относился, можетъ быть, слишкомъ снисходительно и къ наклонности всякаго молодого русскаго „жить на фу-фу“, между тѣмъ какъ нѣмецъ „еще съ двадцатилѣтняго возраста, съ этого счастливаго времени, уже размѣряетъ всю свою жизнь и никакого ни въ какомъ случаѣ не дѣлаетъ исключенія“ [4])...

Такъ вылились въ окончательной формѣ національныя симпатіи Гоголя; посмотримъ теперь, какъ онѣ постепенно слагались.

II.

Для ближайшаго ознакомленія съ образомъ жизни и бытомъ малороссійскихъ помѣщиковъ времени дѣтства Гоголя и особенно съ тѣмъ кругомъ, къ которому принадлежало семейство его родителей, мы можемъ въ настоящее время воспользоваться довольно живымъ и занимательнымъ историческимъ матеріаломъ, появившимся въ печати преимущественно въ послѣдніе годы. Очень благопріятнымъ обстоятельствомъ является въ данномъ случаѣ извлеченіе изъ-подъ спуда, хотя, можетъ быть, нѣсколько запоздалое, такихъ любопытныхъ ме-

---

1) Тамъ же, т. II, стр. 155.
2) Тамъ же, т. I, стр. 268 - 269.
3) Тамъ же, т. III, стр. 248.
4) Тамъ же, т. V, стр. 282.

Digitized by Google

муаровъ, какъ записки С. В. Скалонъ и др., доставляющія намъ данныя о жизни близкихъ съ родителями Гоголя семействъ: Трóщинскаго (воспоминанія Скалонъ и статья г. Ореуса), Кашнистъ (въ „Воспоминаніяхъ Скалонъ“), наконецъ отчасти о ихъ собственномъ семействѣ („М. И. Гоголь“, біографическій очеркъ г. Трахимовскаго) [1]). Всѣ эти источники болѣе или менѣе сходятся въ томъ, что изображаютъ намъ въ весьма привлекательномъ свѣтѣ старинный украинскій бытъ. Въ этомъ радужномъ отраженіи былого добродушія и приволья, безъ сомнѣнія, очень много идеализаціи, безъ которой трудно было обойтись самымъ правдивымъ людямъ, воскрешавшимъ въ своей памяти наиболѣе свѣтлыя впечатлѣнія жизни. Всѣ названные авторы мемуаровъ говорятъ намъ о кровномъ, дорогомъ, и самый разсказъ ихъ при этомъ носитъ замѣтные слѣды естественнаго увлеченія и желанія передать бумагѣ хоть часть тѣхъ чувствъ, которыя пробуждались въ нихъ при одной мысли о родинѣ и золотой порѣ молодости. Но всѣ эти разсказчики заслуживаютъ полнаго довѣрія и самое ихъ пристрастное увлеченіе даетъ жизнь и смыслъ даже незначительнымъ подробностямъ пережитого и перечувствованнаго. Мы видимъ изъ этихъ записокъ, какъ дружественныя отношенія нѣсколькихъ семействъ, связанныхъ между собой не простымъ знакомствомъ, но сердечной и теплой пріязнью, обусловливали живое участіе во всемъ, что̀ касалось судьбы каждаго изъ нихъ. При тогдашнихъ медленныхъ и неудовлетворительныхъ путяхъ сообщенія, при нѣкоторой замкнутости вслѣдствіе этого тогдашняго помѣщичьяго круга, который составлялъ особый мірокъ въ губерніи, при сохранявшемся еще тогда радушіи и гостепріимствѣ, взаимныя посѣщенія знакомыхъ помѣщиковъ носили характеръ самый задушевный и почти родственный, минуты свиданія были отраднѣе, а прощаніе передъ болѣе или менѣе продолжительной разлукой было менѣе натянуто и формально, чѣмъ мы это часто видимъ теперь. Василій Аѳанасьевичъ и Марья Ивановна встрѣчались, напримѣръ, съ Капнистами и у себя въ домѣ, и въ ихъ имѣньи Обуховкѣ, и въ Кибенцахъ у Трóщинскаго, и всегда одинаково дружески и искренно. Иногда

---

[1]) См. названныя статьи въ „Русской Стар.“, 1882, VI; „Историческій Вѣст.“, 1891, V—VII; „Русская Стар.“, 1888, VII.

Digitized by Google

ихъ могло стѣснять многолюдство, если душевное настроеніе не благопріятствовало шумнымъ бесѣдамъ, какъ это ясно изъ словъ одного письма Марьи Ивановны, жаловавшейся, „что надобно было помѣщаться въ Кибенцахъ съ Капнистами и съ другими женщинами и поздно слишкомъ ложиться, потому что послѣ ужина всѣ молодые люди всегда собираются, а для моей Машеньки не годится поздно ложиться, и мы отъ ужина тотчасъ уходили въ свою квартиру“ [1]). Но это всегда относилось только къ случайностямъ момента, и ни мало не свидѣтельствовало о холодности или равнодушіи. Если тѣ же лица, при извѣстныхъ обстоятельствахъ мѣшавшія желанію М. И. остаться съ собой наединѣ, навѣщали ее и особенно въ болѣе счастливые часы въ Васильевкѣ, то она бывала имъ отъ души рада и не знала, какъ ихъ принять и гдѣ посадить, относясь къ нимъ, какъ къ самымъ дорогимъ, близкимъ роднымъ. „Связи родственныя“—говоритъ г. Трахимовскій [2])—„были тѣснѣе, отношенія теплѣе“,—и мы, на основаніи этого почтеннаго и достовѣрнаго свидѣтельства, съ большой увѣренностью позволяемъ себѣ предположить, что, если въ то время, какъ всегда и вездѣ, къ добрымъ сосѣдскимъ и родственнымъ отношеніямъ присоединялись иногда зависть, лукавые умыслы, интриги (примѣры этого мы видѣли въ первомъ томѣ настоящаго труда); если въ бесѣдѣ близкихъ знакомыхъ таились кое-когда заднія мысли или невысказанныя насмѣшки по адресу собесѣдниковъ, безъ чего трудно представить себѣ какое бы то ни было общество, гдѣ вообще искренность трудно иногда отдѣлить хотя бы отъ условной свѣтской лжи, — то все-таки было, безъ сомнѣнія, больше истинной пріязни и взаимнаго участія, нежели это бываетъ въ настоящее время. До насъ случайно сохранилась, благодаря воспоминаніямъ Скалонъ, одна незначительная подробность, но подробность характерная и во многихъ отношеніяхъ драгоцѣнная. Прощаясь съ С. В. Капнистъ (позднѣе Скалонъ), передъ отъѣздомъ изъ Нѣжина въ Петербургъ, юный Н. В. Гоголь сказалъ нѣсколько многозначительныхъ и прочувствованныхъ словъ, какихъ не говорятъ поверхностно знакомымъ людямъ, а слѣдовательно тѣмъ болѣе такихъ словъ

---

[1]) „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. I, стр. 67.

[2]) „Русск. Стар.“, 1888, VII, 44.

Digitized by Google

мы не могли бы ожидать отъ скрытнаго Гоголя, если бы онъ не придавалъ въ эту торжественную минуту своей жизни серьезнаго значенія самому прощанію. Соображая эти слова со всѣми остальными данными, извѣстными намъ о Гоголѣ того времени, мы смѣло можемъ заключить, что слова эти не были пустой фразой хвастливаго юноши, но вырвались изъ души и были сказаны съ искреннимъ чувствомъ, иначе они бы и не врѣзались навсегда въ память уже взрослой женщины, тогда еще очень мало обращавшей вниманія на слова казавшагося ей заурядnымъ знакомаго юноши. Вѣдь въ ея глазахъ онъ былъ, по ея собственнымъ словамъ, (да это тогда и не могло быть иначе), только сыномъ Марьи Ивановны, въ которомъ если и обращала на себя вниманіе его необыкновенная задумчивость, то собственно потому, что это безпокоило его мать, ея добрую знакомую. Впрочемъ и по личнымъ впечатлѣніямъ даже отъ разсказовъ людей, за давностью лѣтъ припоминающихъ теперь лишь въ общихъ чертахъ это время (точнѣе—припоминавшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ), мы могли бы, независимо отъ всѣхъ предыдущихъ соображеній, придти къ такой же точно характеристикѣ помѣщичьяго быта времени и среды родителей Гоголя. Всѣ эти разсказы, можно сказать, дышали отголосками навсегда исчезнувшаго быта и строя жизни, и тѣ же самыя лица, говоря о своихъ современныхъ отношеніяхъ, передавали ихъ совершенно другимъ тономъ, безъ того задушевнаго воодушевленія, безъ какого-то особеннаго участія до послѣдней мелочи, касавшейся отдаленнаго прошлаго ихъ былыхъ друзей, къ которымъ они относились бо́льшей частью, какъ къ лучшимъ и самымъ дорогимъ роднымъ. Конечно, здѣсь трудно отдѣлить общечеловѣческое отъ свойственнаго данному историческому моменту, за что я и не берусь; но мнѣ хотѣлось бы въ дополненіе къ извлеченному изъ печатныхъ источниковъ передать здѣсь и то непосредственное впечатлѣніе, которое, будучи вполнѣ согласно съ другими источниками, ихъ дополняетъ и подтверждаетъ. Г. Трахимовскій живо рисуетъ намъ въ немногихъ строкахъ этотъ прежній бытъ малороссійскихъ помѣщиковъ круга родителей Гоголя, разсказывая о родственникахъ и многочисленныхъ сосѣдяхъ, „посѣщавшихъ Васильевку, проводившихъ цѣлые дни подъ кровомъ Марьи Ивановны, катавшихся по обширному живо-

Digitized by Google

писному пруду, осѣненному старыми деревьями, пользовавшихся широкимъ гостепріимствомъ всегда милой, любезной, веселой и гостепріимной хозяйки“ [1]). Мы обращаемъ особенное вниманіе на эти строки, въ виду ихъ полнаго соотвѣтствія съ другими свидѣтельствами и той характерной черты, что авторы всѣхъ названныхъ воспоминаній, какъ будто сговорившись, упоминая о тогдашнемъ бытѣ, рисуютъ его радушіе, чистосердечіе и приволье. Чудная природа Малороссіи является другой причиной, вслѣдствіе которой во всѣхъ ихъ описаніяхъ мы встрѣчаемъ тѣ же роскошныя краски, неизбѣжно требуемыя характеромъ изображаемой мѣстности и внѣшней обстановки; очень естественно и понятно, что всюду мы встрѣчаемъ въ ихъ разсказѣ прелесть тѣнистыхъ садовъ, привлекавшихъ своимъ привольемъ самихъ помѣщиковъ и ихъ гостей въ жаркіе дни малороссійскаго лѣта, когда оживленные разговоры и веселый смѣхъ раздавались въ бесѣдкахъ и по дорожкамъ, вездѣ чувствуемъ и слышимъ присутствіе неподражаемаго малороссійскаго юмора въ шуткахъ и въ разсказахъ, вездѣ встрѣчаемъ геній малороссійскаго благодушія и безпечности. Очень понятно, что ни одинъ изъ разсказчиковъ не могъ позабыть въ своемъ мемуарѣ описанія малороссійской природы, обаяніе которой внушаетъ всегда такую пламенную привязанность малороссамъ къ ихъ родинѣ. (Здѣсь мы имѣемъ въ виду не только семейство Данилевскихъ, но и близкую съ дѣтства къ семейству М. И. Гоголь Александру Ивановну Псіолъ, жившую недавно въ Москвѣ вмѣстѣ съ княжной Варварой Николаевной Репниной и скончавшуюся въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ).—Затѣмъ довольно часто встрѣчающейся особенностью въ средѣ малороссійскихъ помѣщиковъ являлась наклонность къ общественнымъ развлеченіямъ, какъ въ тѣсномъ кругу отдѣльныхъ семействъ, такъ и въ такихъ широкихъ мѣстныхъ центрахъ, какими были притягивавшія въ свои нѣдра многочисленныхъ гостей изъ окрестныхъ деревень и ближайшихъ городовъ богатыя помѣстья такихъ магнатовъ, какъ Трощинскій, Гудовичъ и другіе. Здѣсь мы находимъ много блеска и великолѣпія, веселья и роскоши. Кромѣ широкаго гостепріимства здѣсь поражаетъ и неразлучное съ нимъ въ тѣ времена при-

[1]) „Русск. Стар.“, 1888, VII, 30.

Digitized by Google

живательство; напримѣръ, у Трóщинскаго поселился на нѣсколько лѣтъ заѣзжій офицеръ Барановъ, въ семействѣ графовъ Капнистъ нѣкто Григоровскій [1]), у Марьи Ивановны Гоголь—какая то Лукерья Ѳедоровна, (отплатившая потомъ ей черною неблагодарностью), Марья Борисовна, Е. П. Грибоѣдова и проч. [2]).

Въ одномъ изъ названныхъ мемуаровъ мы находимъ слѣдующее описаніе обычнаго лѣтняго времяпровожденія помѣщиковъ даже не самыхъ богатыхъ, а скорѣе средней руки, какими было семейство графовъ Капнистъ: въ праздничные дни утромъ всѣ домашніе отправлялись въ церковь, по возвращеніи домой садились за столъ, завтракали, потомъ спѣшили насладиться прохладой гдѣ-нибудь въ тѣни, недалеко отъ рѣки; по колокольчику сходились къ обѣду, вечеромъ устраивали гулянье въ окрестностяхъ деревни и т. д.

Въ домахъ помѣщиковъ, даже незажиточныхъ, всего было вдоволь: „домъ Гоголей“,—по словамъ Трахимовскаго,—„былъ всегда—полная чаша; домъ небольшой, но помѣстительный, обширный и живописный садъ и прудъ, многочисленная прислуга, сытный обѣдъ, конечно деревенскій, приличные экипажи и лошади“ [3]) и проч. Къ этому перечню предметовъ, дающихъ намъ представленіе о скромномъ счастьѣ помѣщиковъ со средствами родителей Гоголя, мы прибавили бы еще для дополненія картины красивое мѣстоположеніе и такую очаровательную роскошь, какъ неумолкаемое пѣніе соловьевъ въ саду по вечерамъ, а въ имѣньи семейства Капнистовъ—Обуховкѣ, по словамъ С. В. Скалонъ, „при восходѣ солнца или вечеромъ при лунномъ свѣтѣ видъ бывалъ очарователенъ: особенно онъ бывалъ хорошъ, когда луна серебристымъ столбомъ блестѣла надъ рѣкой, въ которую смотрѣлись покрытыя густымъ лѣсомъ горы, при шумѣ мельницъ, похожемъ на вѣчный шумъ водопада и при немолчныхъ трелях и раскатахъ соловьевъ, оглашавшихъ чутко-спящій воздухъ упоительнымъ пѣніемъ“. Въ панскихъ домахъ этихъ помѣщиковъ, гораздо болѣе богатыхъ, нежели семейство Марьи Ивановны Гоголь, была, конечно, уже замѣтная роскошь, давав-

---

[1]) „Историческій Вѣст.“, 1891, VI, 611.

[2]) Онѣ упоминаются въ письмахъ Гоголя (V т., стр. 38, 67, 107, 114, 162).

[3]) „Русская Стар.“, 1888, VII, 30.

Digitized by Google

шая себя знать и въ мелочахъ, напр., во множествѣ домашнихъ украшеній, птицъ, цвѣтовъ, оранжерей....

Отношенія помѣщиковъ Гоголевской среды къ крестьянамъ были, вообще говоря, сравнительно очень добрыя и хорошія. „Возвращаясь изъ церкви“,—повѣствуетъ С. В. Скалонъ,—„мы видѣли толпы крестьянъ, бѣжавшихъ въ нарядныхъ и пестрыхъ одеждахъ къ господскому дому и на островъ, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ, между деревьями, приготовлялись столы для ихъ угощенія, гдѣ уже играла музыка и были устроены различныя качели. Молодые крестьяне и старики подходили съ радостнымъ видомъ къ дядѣ и теткѣ [1]), усердно поздравляя ихъ съ праздникомъ“. Но, конечно, этого нашего заключенія не слѣдуетъ распространять слишкомъ широко; если мы обратимся за свѣдѣніями для полной характеристики всего обширнаго класса малороссійскихъ помѣщиковъ начала нынѣшняго столѣтія къ запискамъ путешественниковъ, то намъ придется отмѣтить въ большинствѣ случаевъ противоположныя и очень неутѣшительныя явленія стариннаго малороссійскаго быта. Нѣкоторые изъ нашихъ путешественниковъ, заглянувшихъ между прочимъ въ отдаленные уголки Малороссіи, представляютъ намъ положеніе малороссійскихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ общемъ крайне незавиднымъ: очевидно, гуманные помѣщики составляли не частое явленіе. Матеріальное и экономическое положеніе крестьянъ было въ большинствѣ случаевъ бѣдственное: ихъ жилища, не смотря на извѣстную любовь малороссіянъ къ чистотѣ и опрятности, часто поражали крайней нищетой; скота у крестьянъ было крайне недостаточно; среди всего крестьянскаго населенія свирѣпствовали болѣзни, при чемъ наиболѣе ужаснымъ бичемъ являлись болѣзни венерическія, по словамъ одного путешественника, сдѣлавшіяся почти національной украинской бо-лѣзнью. Вездѣ „дома-хижины, трубы на нихъ—хворостяныя, иногда связанныя соломой“. При такомъ устройствѣ домовъ и при отсутствіи пожарныхъ инструментовъ, упомянутый путешественникъ выражаетъ изумленіе, какъ по всей Малороссіи еще не выгорѣли всѣ города и деревни. Всякому, кто знаетъ достаточно нашъ національный характеръ, не покажется удивительнымъ рѣзкое противорѣчіе послѣднихъ словъ съ пре-

[1]) „Историческій Вѣстникъ“, 1891, V, 356.

Digitized by Google

дыдущей характеристикой отношеній къ крестьянамъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ средней руки. Дѣло въ томъ, что недостаточная степень развитія и крайняя безпечность вполнѣ объясняютъ, какъ легко могло у нашихъ помѣщиковъ иногда даже дѣйствительно доброжелательное отношеніе къ крестьянамъ уживаться съ преступнымъ нерадѣніемъ о самыхъ насущныхъ ихъ потребностяхъ.

Но совсѣмъ иную картину представляла въ большинствѣ случаевъ жизнь крестьянъ въ помѣстьяхъ богатыхъ магнатовъ. Рядомъ съ безумною роскошью, выражавшейся въ пышномъ убранствѣ богатыхъ барскихъ домовъ, блиставшихъ изяществомъ архитектуры, съ ихъ обширными службами и образцовыми домашними приспособленіями, съ парками и украшеніями роскоши во вкусѣ блестящаго вѣка Екатерины Второй,—къ чести нѣкоторыхъ изъ этихъ помѣщиковъ, мы встрѣчаемъ у нихъ иногда заботы не только объ экономическомъ благосостояніи, но и о нравственномъ развитіи своихъ крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ такихъ имѣніяхъ процвѣтало скотоводство (мѣстами даже встрѣчались цѣлые обширные конные и овечьи заводы), оживленная фабричная дѣятельность и проч. Но санитарныя условія были вездѣ совершенно неудовлетворительны, начиная съ полнѣйшаго почти отсутствія врачей; такъ, по словамъ одного путешественника, врача Гуна, даже въ Яготинѣ (имѣньи графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, впослѣдствіи перешедшаго въ руки малороссійскаго военнаго губернатора Н. Г. Репнина) „врачебная часть находилась въ самомъ жалкомъ состояніи“. Тотъ же Гунъ свидѣтельствуетъ, что во время его поѣздки по Малороссіи, отъ Почепа до Кіева, на разстояніи пятисотъ верстъ, „ни доктора, ни лѣкаря“, такъ что „даже города страдали отъ полнаго отсутствія врачебнаго персонала“ [1]). Приводя эти слова, мы имѣемъ въ виду не столько указать на равнодушіе помѣщиковъ къ нуждамъ крѣпостныхъ, сколько обрисовать культурный уровень этого сословія и всей страны. Въ уѣздномъ городѣ Черниговской губерніи, Почепѣ, въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка, былъ всего только одинъ штатный лѣкарь, „за глубокой старостью къ врачеванію не способный“. Послѣ этого нельзя не оцѣнить просвѣщеннаго

[1]) „Кіевская Стар.“, 1892, II, 234.

Digitized by Google

почина, сдѣланнаго Трощинскимъ, державшимъ при себѣ врача и предоставлявшимъ пользоваться его услугами, этой исключительной роскошью даже среди тогдашнихъ богатыхъ вельможъ, своимъ пріятелямъ и знакомымъ (извѣстному поэту Василію Васильевичу Капнисту, Василью Аѳанасьевичу Гоголю и многимъ другимъ). Зато, съ другой стороны, мелкое тщеславіе и наклонность къ блеску заставляли такихъ помѣщиковъ окружать себя сказочной обстановкой, разрѣшать себѣ всевозможныя развлеченія и удовольствія, не исключая и весьма предосудительныхъ и грѣховныхъ, въ родѣ соблазнительныхъ отношеній къ своимъ крѣпостнымъ дѣвушкамъ, красы которыхъ нерѣдко служили также предметомъ угощенія заѣзжихъ сосѣдей. Вообще, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, помѣщики въ Украйнѣ купались въ блаженствѣ счастья и изобилія, отчасти погружаясь въ грязную тину разврата и срывая всевозможные цвѣты удовольствія, и удѣляя иногда лакомые куски своимъ пріятелямъ и угодникамъ. „Весело и роскошно жили такіе помѣщики“—разсказываетъ г. Синицкій:—и сами веселились и, принимая массу гостей, давали возможность веселиться и другимъ, а своихъ крѣпостныхъ умѣли заставить доставлять себѣ не только все необходимое для жизни, но и эстетическія удовольствія“... [1]). На зиму помѣщики переѣзжали иногда въ столицы или въ губернскій городъ.

Что̀ касается послѣдняго, то онъ въ началѣ нынѣшняго вѣка имѣлъ довольно жалкій видъ: каменныхъ домовъ почти не было; если же они попадались, то это были почти навѣрное казенныя зданія. Общество губернское было въ огромномъ большинствѣ глубоко невѣжественное. Сколько-нибудь просвѣщенная часть населенія могла быть раздѣлена, по словамъ сотрудника „Московскаго Вѣстника“ и друга Погодина, Мельгунова, на три разряда: на дилеттантовъ, читающихъ все безъ разбора и безъ малѣйшаго представленія о системѣ и цѣли чтенія,—на заносчивыхъ недоучекъ, которымъ полученные правдами и неправдами дипломы среднихъ, а иногда даже и высшихъ учебныхъ заведеній, внушали притязаніе на роль непогрѣшимыхъ литературныхъ судей, которые пускались вкривь и вкось критиковать литера-

[1]) Тамъ же, стр. 256.

Digitized by Google

турныя произведенія съ большой развязностью и апломбомъ,— и наконецъ на весьма немногочисленную горсть дѣйствительно образованныхъ людей, которые естественно старались держаться особнякомъ среди такого общества.

Такимъ представляется намъ помѣщичій кругъ во времена дѣтства Гоголя на основаніи свѣдѣній, не только касающихся знакомыхъ ему семействъ, но и на основаніи свидѣтельствъ нѣкоторыхъ путешественниковъ вообще о бытѣ малороссійскихъ помѣщиковъ. Несмотря на всѣ недостатки этого быта, представлявшіеся иногда вопіющими холодному взору посторонняго наблюдателя, въ немъ было также много въ высшей степени привлекательныхъ и симпатичныхъ сторонъ, которыя способны вмѣстѣ съ очаровательной природой этой страны вдохнуть къ себѣ вполнѣ искреннее и глубокое чувство любви, никогда не умирающей особенно въ благодарныхъ сердцахъ коренныхъ сыновъ Украйны.

III.

Гоголь былъ всегда однимъ изъ самыхъ горячихъ ея почитателей родины. Начиная съ тѣхъ лѣтъ, какъ ребенкомъ заслушивался онъ мастерскихъ разсказовъ отца, дышавшихъ всей силой свѣтлаго малороссійскаго юмора, въ немъ зашевелилось сочувствіе къ этой „рѣзкой чертѣ, которою отличается донынѣ отъ другихъ русскихъ братьевъ своихъ южный россіянинъ“. Глядя на сцену деревенскаго театра Трощинскаго, онъ впервые переживалъ сильныя художественныя впечатлѣнія, и они также были неразрывно связаны съ родной Украйной, ея бытомъ и нравами. Вообще въ его домашней обстановкѣ не было недостатка въ пищѣ для развитія глубокихъ патріотическихъ симпатій: его мать прекрасно знала малороссійскія народныя преданія и повѣрія, одна изъ бабушекъ [1]) обладала тонкимъ малороссійскимъ юморомъ, одна изъ тетокъ съ увлеченіемъ пѣла по цѣлымъ днямъ малороссійскія пѣсни, такъ что Гоголь въ одномъ изъ писемъ къ Данилевскому, гостившему однажды въ его отсутствіе въ Васильевкѣ, высказываетъ увѣренность, что она уже напѣла ему уши пѣснями *по богрендомъ-духтеромъ* (напѣвъ одной полу-

1) Агаѳья Матвѣевна Лукашевичъ.

Digitized by Google

цыганской пѣсни). По свидѣтельству П. А. Кулиша, подтверждаемому воспоминаніями родственниковъ Гоголя, тетка эта, Катерина Ивановна Ходаревская, была его любимой пѣвицей малороссійскихъ пѣсенъ [1]). Между сосѣдями Гоголя не было также недостатка въ людяхъ, представлявшихъ собой коренные малороссійскіе типы. Такъ какъ Гоголь такимъ образомъ воспитался въ чисто національной сферѣ, то въ немъ всегда, при каждомъ поводѣ, просыпался истинный малороссіянинъ. При своей извѣстной скрытности онъ былъ несравненно общительнѣе съ земляками; въ Петербургѣ, напр., по воспоминаніямъ не только Анненкова, но Данилевскаго, Прокоповича, Пащенка [2]) и другихъ, Гоголь въ кружкѣ нѣжинцевъ являлся истинно-добрымъ товарищемъ, а въ первые же пріѣзды въ Москву общая любовь къ Украйнѣ, въ силу какого-то магическаго притяженія, сразу сблизила его съ Максимовичемъ и особенно съ Щепкинымъ, съ которымъ они всегда уединялись вдвоемъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ и отводили душу въ сердечной бесѣдѣ; то же чувство симпатіи въ немъ, еще застѣнчивомъ юношѣ, побѣдило неловкую робость передъ блестящей фрейлиной Россетъ, лишь только она заговорила съ нимъ объ Украйнѣ, въ которой провела самое раннее дѣтство. Со временемъ недоброжелатели Гоголя, замѣчая въ немъ эту страсть къ Малороссіи, усматривали что-то недружелюбное, какое-то „невольно вырвавшееся небратство“, напр., въ такомъ невинномъ выраженіи, какъ „два русскихъ мужика“, и провозгласили его за это „врагомъ Россіи“, утверждая съ другой стороны, что „вся хохлацкая душа Гоголя вылилась въ „Тарасѣ Бульбѣ“ [3]). Въ самомъ Римѣ, упоенный прелестью Италіи, Гоголь между прочимъ цѣнилъ ее и за находимое въ ней сходство съ Малороссіей. Въ одинъ изъ послѣднихъ пріѣздовъ на родину Гоголя покоробило и непріятно поразило смущеніе одной матери-баловницы при малороссійскомъ произношеніи ея маленькимъ сыномъ слова вареники [4]). Подобныхъ мелкихъ и крупныхъ случаевъ можно было бы указать множество. Наконецъ, еще за годъ до кончины, когда онъ

---

[1]) См. „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 174.

[2]) Въ передачѣ г. Пашкова, см. «Берегъ», 1880, № 268, дек. 18.

[3]) См. „Русск. Стар.“, 1888. X, стр. 133. Ср. враждебные отзывы о Гоголѣ, переданные ему К. С. Аксаковымъ („Русск. Арх.“, 1890, VIII, стр. 87).

[4]) „Берегъ“, 1880, № 268.

Digitized by Google

страшно состарѣлся душевно, достаточно было ему услышать звуки родныхъ мелодій, чтобы все въ немъ встрепенулось и ярко вспыхнула едва тлѣющая искра воодушевленія. Кн. Репнина разсказывала намъ, какъ Гоголь, во время своей жизни въ Одессѣ въ домѣ ея отца, пріобрѣлъ себѣ этимъ поэтическимъ энтузіазмомъ общую любовь, не исключая даже прислуги и дворни, которая восхищалась, во-первыхъ, тѣмъ, что „сочинитель“ молится совсѣмъ какъ простой человѣкъ, кладетъ земные поклоны и, вставая, сильно встряхиваетъ волосами [1]), и во-вторыхъ, что онъ любитъ пѣть и слушать простыя пѣсни [2]). Кромѣ того, той же кн. Репниной случилось и раньше убѣдиться въ страстномъ чувствѣ любви Гоголя къ Украйнѣ, ярко выразившемся однажды, когда, гуляя съ нею, по возвращеніи изъ Іерусалима, въ саду родового помѣстья Репниныхъ, въ Яготинѣ (въ Малороссіи), онъ вдругъ началъ восторгаться высокими, рослыми деревьями (кленами) и вообще растительностью Украйны. Сначала этотъ внезапный приливъ восхищенія показался княжнѣ напускной аффектаціей, но когда она переѣхала потомъ съ отцомъ въ Одессу и убѣдилась въ преимуществѣ малороссійской растительности, она припомнила этотъ случай и поняла Гоголя...

Въ „Запискахъ о жизни Гоголя“ Кулиша читаемъ также разсказъ о немъ Н. Д. Бѣлозерскаго, рисующій Гоголя въ разсматриваемую пору довольно живо между прочимъ и со стороны его національныхъ симпатій. „Одинъ изъ моихъ пріятелей, Н. Д. Бѣлозерскій“,—сообщалъ г. Кулишъ,—„посѣщая въ Нѣжинѣ бывшаго инспектора гимназіи князя Безбородко, Бѣлоусова, видалъ у него студента Гоголя, который былъ хорошо принятъ въ домѣ своего начальника и часто приходилъ къ его двоюродному брату, тоже студенту, Божко, для ученическихъ занятій. Онъ описываетъ будущаго поэта въ то время немного сутуловатымъ и съ походкою, которую всего лучше выражаетъ слово *пѣтушкомъ*. Впослѣдствіи они

---

[1]) Гоголь обыкновенно становился за печкой домовой церкви Репниныхъ, но его оттуда все-таки видѣли.

[2]) Для той цѣли Гоголь любилъ собирать дѣтей и молодыхъ людей и аккомпанировалъ имъ. Онъ вообще любилъ хорошую, вокальную и инструментальную музыку. См. также въ дневникѣ Никитенка („Русская Старина“, 1889, X) о пѣніи малороссійскихъ пѣсенъ, по просьбѣ Гоголя, на вечерѣ у Аксакова. О томъ же см. въ „Русск. Архивѣ“, 1890, VIII, 195.

Digitized by Google

встрѣтились уже какъ старые знакомые въ Петербургѣ, въ эпоху „Вечеровъ на Хуторѣ“ и „Миргорода“. Бѣлозерскій нашелъ Гоголя уже пріятелемъ Пушкина и Жуковскаго, у которыхъ онъ проживалъ иногда въ Царскомъ Селѣ. Это была самая цвѣтущая пора въ жизни поэта. Онъ писалъ все сцены изъ воспоминаній родины, трудился надъ „Исторіею Малороссіи“ и любилъ проводить время въ кругу земляковъ. Тутъ-то чаще всего видѣли его такимъ оживленнымъ, какъ разсказываетъ Гаевскій въ своихъ „Замѣткахъ для біографіи Гоголя“ [1]).

[1]) „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 100—101. Упоминаемыя здѣсь слова Гаевскаго приводимъ ниже: описывая на основаніи разсказовъ многихъ лицъ, хорошо знавшихъ Гоголя, о необыкновенной скрытности его характера, В. П. Гаевскій говоритъ: „О характерѣ Гоголя намъ удалось собрать только весьма немного общихъ чертъ. По словамъ одного изъ товарищей Гоголя, В. М. П-ки, жившаго съ нимъ нѣсколько времени въ Петербургѣ, *не было человѣка скрытнѣе Гоголя*: по словамъ его, онъ умѣлъ соображать средства съ цѣлью, удачно выбрать средство и самымъ скрытнымъ образомъ достигать цѣли. Нѣкоторые изъ нашихъ художниковъ, въ Римѣ коротко знавшіе Гоголя, *твердили* то же самое, прибавивъ только, что онъ былъ молчаливъ въ высшей степени. Бывало, отправится съ кѣмъ-нибудь бродить по сожженнымъ лучами солнца полямъ обширной римской Кампаніи, пригласитъ своего спутника сѣсть вмѣстѣ съ нимъ на пожелтѣвшую отъ зноя траву, послушать пѣнія птицъ, и, просидѣвъ или пролежавъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ, тѣмъ же порядкомъ отправляется домой, не говоря ни слова. По временамъ только онъ предавался порыву неудержимой веселости и являлся такимъ, какимъ представляютъ его себѣ, судя по произведеніямъ, всѣ незнавшіе его лично. Въ эти рѣдкія минуты онъ болталъ безъ умолку, острота слѣдовала за остротой, и веселый смѣхъ его слушателей не умолкалъ ни на минуту“ („Современникъ“, т. XXXV, 1852, октябрь, смѣсь, стр. 143—144).—Приводя эти слова Гаевскаго, напомнимъ еще разъ, что всѣ приводимые въ нихъ отзывы о характерѣ Гоголя и особенно о его скрытности совершенно совпадаютъ со словами Анненкова и Данилевскаго и опровергаютъ мнѣніе г. Витберга, будто Гоголь былъ *вполнѣ* искренній и общительный человѣкъ.

Digitized by Google

ПОВѢСТЬ „СТРАШНАЯ МЕСТЬ“ И ЕЯ ОТНОШЕНІЕ КЪ ПОВѢСТЯМЪ, ВОШЕДШИМЪ ВЪ „МИРГОРОДЪ“.

I

Мы говорили, что въ 1831 г. Гоголь далеко уже не былъ тѣмъ неоперившимся и неопытнымъ птенцомъ, какимъ онъ явился въ Петербургъ двумя годами раньше. Но вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ опыта и познанія жизни отъ него навсегда отлетѣла та безпечная веселость, которая излилась въ „Вечерахъ на Хуторѣ“ и оставила по себѣ такія отрадныя воспоминанія. Онъ самъ сознавалъ это и, издавая „Вечера“, какъ бы прощался съ той счастливой порой, которая никогда не возвращается, съ порой, когда, по позднѣйшему его признанію, его „подталкивала“ (на смѣхъ и веселье) „молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы“. Переходомъ къ болѣе зрѣлымъ произведеніямъ должно считать вторую часть „Вечеровъ“, заключающую въ себѣ: „Страшную Месть“, повѣсть, во многомъ близкую уже къ „Вію“, и „Тарасу Бульбѣ“, а также повѣсть о Шпонькѣ, гдѣ фантастическій элементъ впервые всецѣло уступаетъ мѣсто строгому реализму и изображенію бытовыхъ картинъ, вообще тѣмъ элементамъ творчества Гоголя, окончательное торжество которыхъ находимъ уже въ „Мертвыхъ Душахъ“. Оставляя теперь въ сторонѣ повѣсть объ „Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ и его тетушкѣ“, остановимся подробнѣе на „Страшной Мести“ и постараемся указать ея отношеніе къ „Вечерамъ“ и связь съ другими сочиненіями Гоголя, получившими общее названіе „Миргорода“.

Digitized by Google

Не подлежитъ сомнѣнію, что первый неясный еще замыселъ такихъ фантастическихъ разсказовъ, какъ „Вій“ и „Страшная Месть“, зародился въ головѣ Гоголя одновременно съ мыслью воспользоваться для повѣстей собственнымъ знаніемъ малороссійскаго быта и пополнять ихъ иными матеріалами, изъ которыхъ впослѣдствіи создались „Вечера“. Отдѣльно стоятъ лишь недоконченные юношескіе опыты, какъ „Страшный Кабанъ“, и сохранившійся только въ двухъ отрывкахъ историческій романъ, заглавіе котораго намъ неизвѣстно. Но уже и эти опыты указываютъ на одинаково раннее пробужденіе въ Гоголѣ интереса къ прошлому и настоящему своей родины,—интереса, позднѣе постоянно возраставшаго. Составивъ планъ собирать, при помощи родныхъ, матеріалы для задуманныхъ литературныхъ работъ, Гоголь съ самаго начала, на ряду съ изученіемъ современнаго быта и собираніемъ костюмовъ сельскихъ дьячковъ и крестьянскихъ женщинъ, ставитъ вопросъ уже о подготовленіи свѣдѣній иного характера и о присылкѣ костюмовъ, касающихся временъ до гетманскихъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ почаще сообщать страшныя сказанія, простонародныя повѣрія, анекдоты. Но, конечно, готовые образцы въ заученныхъ наизусть съ дѣтства комедіяхъ отца и бо́льшая вообще доступность первой серіи матеріаловъ должны были направить творчество Гоголя прежде всего на созданіе повѣстей съ сюжетами изъ современной малороссійской жизни. Притомъ собираніе данныхъ, такъ сказать, историческаго характера все-таки меньше интересовало Гоголя въ началѣ, хотя онъ и включилъ ихъ въ программу, которою должны были руководиться въ своемъ сотрудничествѣ его домашніе, но поставилъ на второмъ планѣ и въ дальнѣйшей перепискѣ долго не возобновлялъ о нихъ напоминаній [1]). Въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“ Гоголь говоритъ устами разсказчика: „Ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды запорожцевъ, про ляховъ, про молодецкія дѣла Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачнаго, не занимали насъ такъ, какъ разсказы про какое-нибудь старинное дѣло, отъ которыхъ всегда дрожь проходила по тѣлу,

[1]) См. Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 81, 99, 103 и проч.; *только во второй половинѣ 1831 года* Гоголь снова не разъ настоятельно просилъ мать прислать ему старинные малороссійскіе костюмы („Соч. и письма Гог.“, т. 5, стр. 135 и 140).

Digitized by Google

и волосы ерошились на головѣ“ [1]). Слова эти могли быть справедливы и по отношенію къ самому Гоголю, пока онъ не увлекся собираніемъ и изученіемъ пѣсенъ, „этой“, по его выраженію, „звучащей о прошедшемъ лѣтописи“. Понятно, что разсказы объ играхъ и преданіяхъ, о свадебныхъ обрядахъ были доставлены Гоголю раньше, такъ что онъ могъ воспользоваться ими уже въ первой книжкѣ „Вечеровъ“, гдѣ историческій элементъ еще почти вовсе отсутствуетъ, исключая только описанія свадьбы, эпизодически внесеннаго въ повѣсть: „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“. Но въ предисловіи къ первому тому, написанномъ, безъ сомнѣнія, позднѣе самой книги, уже во время ея печатанія, обѣщаны повѣсти, въ которыхъ „можно будетъ пострашать выходцами съ того свѣта и дивами, *какія творились въ старину* въ православной сторонѣ нашей“ [2]). Здѣсь Гоголь разумѣлъ, по всей вѣроятности, „Страшную Месть“, а судя по предисловію ко второму тому „Вечеровъ“, быть можетъ, и „Вія“. Въ предисловіи сказано: „Я, помнится, обѣщалъ вамъ, что въ этой книжкѣ будетъ и моя сказка. И точно, хотѣлъ-было это сдѣлать, но увидѣлъ, что для сказки моей нужно, по крайней мѣрѣ, три такихъ книжки“ [3]). Но если послѣднія слова не могутъ быть приняты въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ объемъ повѣсти, оконченной черезъ два года, не могъ въ то время опредѣлиться съ точностью и былъ въ дѣйствительности гораздо меньше, то въ реальномъ значеніи предыдущихъ, какъ и большинства намековъ пасѣчника „Рудаго Панька“, едва-ли можно сомнѣваться: несмотря на шутливый тонъ, болтовня его далеко не сплошь праздная и безотчетная. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, что, напримѣръ, въ словахъ предисловія къ первому тому: „Какъ доживу, если Богъ дастъ, до новаго года и выпущу другую книжку, тогда можно будетъ пострашать выходцами съ того свѣта“ и проч., — рѣчь идетъ, несомнѣнно, о совершенно реальномъ намѣреніи, которое и *было дѣйствительно исполнено въ предположенный срокъ*: въ самомъ дѣлѣ второй томъ „Вечеровъ“ въ январѣ получилъ цензурное разрѣшеніе, а въ мартѣ

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 37—38.

[2]) Тамъ же, стр. 7.

[3]) Тамъ же, стр. 97—98.

Digitized by Google

появился въ продажѣ [1]). Такъ какъ первая книга „Вечеровъ“ была отпечатана всего лишь за полгода до выпуска второй, то очевидно, что когда Гоголь писалъ эти строки, тогда уже вполнѣ выяснилось содержаніе *обѣихъ*, если не была уже почти готова въ рукописи, по крайней мѣрѣ вчернѣ, вся вторая часть, что̀ всего вѣроятнѣе, принимая въ разсчетъ медленность работы Гоголя и особенно необходимость извѣстнаго промежутка для напечатанія. При томъ же вполнѣ опредѣленные намеки давно уже признаны всѣми [2]) въ предисловіи Рудаго Панька къ „Вечеру наканунѣ Ивана Купала“, гдѣ Гоголь въ юмористической формѣ передаетъ исторію передѣлки его рукописи въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“ и сравниваетъ объемъ журнала съ книжечками „не толще букваря“, а таковъ именно и былъ форматъ тогдашнихъ „Отечественныхъ Записокъ“.

Мы указывали въ другихъ мѣстахъ въ разныхъ произведеніяхъ Гоголя частью сходные образцы, частью даже поразительное совпаденіе кое-гдѣ отдѣльныхъ выраженій. Такія же черты сходства могутъ быть отмѣчены, съ одной стороны, между „Страшной Местью“ и другими разсказами въ „Вечерахъ“, съ другой — между ею же и „Тарасомъ Бульбой“. Такъ, прежде всего въ названномъ выше описаніи старинной малороссійской свадьбы въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“ замѣтно поразительное сходство съ такимъ же описаніемъ въ началѣ „Страшной Мести“, такъ что послѣднее въ сущности представляетъ собой лишь сокращенное повтореніе эпизода въ „Вечерѣ“, что̀ можетъ быть доказано слѣдующимъ небольшимъ сличеніемъ [3]).

„Въ старину свадьба водилась не въ сравненіе съ нашей. Тетка моего дѣда бывало разскажетъ — люли только!“ такъ начинается описаніе свадьбы въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“. Въ „Страшной Мести“—почти такія же выраженія: „Въ старину любили хорошенько поѣсть, еще лучше любили попить, а еще лучше любили повеселиться“. Но кромѣ этого, хотя почти дословнаго, но болѣе внѣшняго сходства, послѣд-

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 539—541 (примѣчанія редактора).

[2]) Въ недавнее время, правда, былъ высказанъ нѣсколько иной взглядъ въ „Русской Жизни“ (1891, № 268), но мы считаемъ это мнѣніе несостоятельнымъ, какъ о томъ будетъ сказано въ приложеніяхъ.

[3]) Сличить въ Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 46—47 и 144—145.

Digitized by Google

нія изъ приведенныхъ словъ „Страшной Мести“ явно повторяютъ мысль, проведенную подробно во всемъ описаніи свадебнаго веселья въ отрывкѣ изъ „Вечера наканунѣ Ивана Купала“ до самыхъ заключительныхъ словъ: „Словомъ, старики не запомнили никогда еще такой веселой свадьбы“. Изображеніе пани Катерины съ ея „бѣлымъ лицомъ и черными, какъ нѣмецкій бархатъ, бровями“ сходно съ описаніемъ дивчинъ въ первой части „Вечеровъ“, а описаніе ея наряда—полутабенекъ, серебряныя подковы, синій кунтушъ, корабликъ на головѣ—почти безъ перемѣнъ или съ самыми незначительными варіаціями воспроизводитъ описаніе женскихъ нарядовъ въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“. Въ послѣднемъ, напр., молодицы изображены въ „*синихъ, изъ лучшаго полутабенека кунтушахъ*“ — въ „Страшной Мести“ находимъ просто „голубой полутабенекъ“; тамъ — у женщинъ *сапоги* на высокихъ желѣзныхъ *подковахъ*—здѣсь тѣ же самые сапоги, но желѣзныя подковы замѣнены серебряными; въ „Вечерѣ“ у молодицъ „синій кунтушъ“ и „корабликъ на головѣ“ — въ „Страшной Мести“ (VI глава) [1] — на Катеринѣ „развѣвается зеленый кунтушъ и горитъ на головѣ золотой корабликъ“. Вездѣ, слѣдовательно, незначительная разница сводится къ тому, что убранство пани Катерины является болѣе великолѣпнымъ и изящнымъ сравнительно съ тѣмъ, что̀ носятъ обыкновенно дѣвушки и бабы. Все это не имѣло бы особаго значенія, если бы намъ не было извѣстно *навпрное*, что Гоголь не только собиралъ точныя описанія нарядовъ, но и нарочно покупалъ ихъ,—слѣдовательно, очевидно, пользовался въ обоихъ случаяхъ одинаковымъ, полученнымъ имъ, матеріаломъ; притомъ указанными кунтушами и корабликами не исчерпываются, конечно, женскіе малороссійскіе наряды [2]). Послѣ этого намъ нѣтъ нужды сопоставлять почти перефразированное описаніе гопака въ обоихъ сравниваемыхъ мѣстахъ, гдѣ весьма сходно представлено, какъ по одиночкѣ выступали изъ рядовъ молодицы, а паробки, „схватившись въ боки, гордо озираясь на стороны, готовы были понестись имъ навстрѣчу“ (послѣдній образъ встрѣчается почти въ

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 162.

[2]) По словамъ П. А. Кулиша, кунтушъ, корабликъ, намітка, составляли принадлежность праздничнаго наряда украинскихъ женщинъ, но особаго *свадебнаго* костюма не было.

Digitized by Google

такомъ же видѣ еще въ „Сорóчинской Ярмаркѣ“, гдѣ Солопій Черевикъ, „гордо подбоченившись, выступилъ впередъ и пустился въ присядку“ (передъ своей дочерью); не станемъ также перечислять разныя мелочныя, но не случайныя совпаденія въ названіяхъ блюдъ, музыкальныхъ инструментовъ и проч. На это сходство имѣлъ вліяніе, конечно, одинаковый матеріалъ, и если, напр., у Гоголя всегда находимъ вмѣстѣ цимбалы, скрипки и бубны, то у Нарѣжнаго встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ названія другихъ инструментовъ [1]). Не будемъ также настаивать и на томъ, что воображеніе автора одинаково занято въ обѣихъ сравниваемыхъ повѣстяхъ изображеніемъ уродливыхъ существъ, имѣющихъ сношенія съ нечистой силой, тѣмъ болѣе, что эти образы должны были возникнуть хотя подъ вліяніемъ подобныхъ, но не тождественныхъ сказаній. Здѣсь поразительно сходство лишь во второстепенныхъ подробностяхъ; такъ, волшебный красный свѣтъ, которымъ все покрылось въ глазахъ Петра послѣ убійства Ивася и которымъ озарило хату, когда потомъ Ивась явился ему привидѣніемъ, соотвѣтствуетъ тонкому розовому свѣту, разливающемуся по комнатѣ колдуна передъ вызовомъ души Катерины.

Самая душа Катерины представлена, напротивъ, сходно съ русалкой въ повѣсти „Вій“—также въ видѣ облака. Здѣсь опять встрѣчаемъ варіацію тѣхъ же образовъ: то же фантастическое изображеніе женщины въ видѣніи, тѣ же аттрибуты волшебства—чудные звуки, непонятныя отраженія, игра цвѣтовъ и проч. Приводимъ оба эти мѣста. „Звуки стали сильнѣе и гуще, тонкій розовый свѣтъ становился ярче, и что-то бѣлое, *какъ будто бѣлое облако, вьяло посреди хаты,* и чудится пану Данилѣ, *что облако то не облако, что то стоитъ женщина*; только изъ чего она—*изъ воздуха, что-ли выткана*? Отчего же она стоитъ и земли не трогаетъ, и не опершись ни на что̀, и сквозь нее просвѣчиваетъ розовый свѣтъ и мелькаютъ на стѣнѣ знаки?“ [2]) Не похоже ли это описаніе въ „Страшной Мести“ на нижеслѣдующее въ „Віи“: „Онъ“ (философъ Хома Брутъ) „слышалъ, какъ голубые колокольчики, наклоняя свои головки, звенѣли; онъ видѣлъ, какъ изъ-за

[1]) У Нарѣжнаго обыкновенно упоминаются изъ „мусикійскихъ орудій“: гудки, волынки и цимбалы (См. „Два Ивана“, ч. 3, стр. 148).

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 158—159.

Digitized by Google

осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога—выпуклая, упругая, вся *созданная изъ блеска и трепета, и облачныя перси* ея, матовыя какъ фарфоръ, не покрытый глазурью, просвѣчивали передъ солнцемъ по краямъ своей бѣлой, эластически-нѣжной окружности“ [1]). Тонкіе серебряные колокольчики, въ свою очередь, являются одинаково аттрибутами волшебства въ „Віи“ и въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“: „И почуялось ему“ (Петру), „будто трава зашумѣла, цвѣты начали между собой разговаривать голоскомъ тоненькимъ, *словно серебряные колокольчики*“ — описаніе въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“ [2]);—„дикіе вопли издала вѣдьма; сначала были они сердиты и угрожающи, потомъ становились слабѣе, пріятнѣе, чище, и потомъ уже тихо, едва звенѣли, *какъ тонкіе серебряные колокольчики*“ [3])—описаніе впечатлѣній философа Хомы Брута въ „Віи“. Отмѣчая всѣ эти черты сходства въ нѣкоторыхъ подробностяхъ повѣстей „Страшная Месть“ и „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“, мы, кажется, имѣемъ право большинство изъ нихъ отнести на долю той естественной внутренней связи, которую сообщаетъ „Вечерамъ на Хуторѣ“ фантастическій элементъ, перешедшій и въ „Миргородъ“, хотя бы только въ одной повѣсти „Вій“; такое же сходство встрѣчается въ ней въ описаніяхъ природы, напр., съ „Майской Ночью“ (напр. въ описаніи восхода мѣсяца) [4]); но при сличеніи эпизодовъ о свадьбѣ мы убѣждаемся, что мысль объ изображеніи стариннаго быта созрѣла у Гоголя въ промежутокъ, отдѣляющій время написанія обѣихъ повѣстей. Если въ предисловіи къ первому тому уже дается обѣщаніе разсказать о томъ, что̀ дѣлалось въ старину, то оно было написано уже въ 1831 г., а повѣсть „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“ — въ 1829 году. Воспользовавшись однажды описаніемъ старинной свадьбы и истощивъ весь собранный матеріалъ хотя и въ искусственно введенномъ въ повѣсть эпизодѣ (въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“), Гоголь долженъ былъ позднѣе прибѣгнуть къ варіаціямъ, что̀ онъ дѣлалъ вообще нерѣдко въ тѣхъ случаяхъ, когда пользовался заимствованнымъ матеріаломъ, но пользовался чрез-

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 375—376.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 44.

[3]) Тамъ же, т. I, стр. 377.

[4]) Сравнить Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 146 и стр. 57.

Digitized by Google

вычайно искусно, какъ истинный художникъ, нисколько не впадая въ однообразіе.

II.

Съ другой стороны, въ повѣсти „Страшная Месть“ мы находимъ и новые элементы, ясно указывающіе на поворотъ въ творчествѣ Гоголя и сближающіе ее съ „Віемъ“ и „Тарасомъ Бульбой“.

Уже въ первыхъ строкахъ видно желаніе автора ввести разсказъ въ историческую обстановку. На это указываетъ самое перенесеніе мѣста дѣйствія изъ предѣловъ Полтавской губерніи въ историческій городъ—къ Кіевъ. Въ этомъ отношеніи „Страшная Месть“ рѣшительно выдѣляется изъ всѣхъ остальныхъ разсказовъ въ „Вечерахъ“ и стоитъ особнякомъ. Въ „Вечерахъ“ мы всюду встрѣчаемъ Псёлъ, Ярески, Диканьку, Гадячъ, Миргородъ, Сорóчинцы; въ „Страшной Мести“ авторъ какъ будто совершенно забываетъ о вечерахъ пасѣчника и пренебрегаетъ личностью дьячка-разсказчика. Не указываетъ ли это на позднѣйшее сравнительно включеніе „Страшной Мести“ въ „Вечера“, вслѣдствіе отчасти случайныхъ причинъ, такъ сказать, хронологическихъ, какъ съ тѣмъ же правомъ можно было бы внести въ нихъ и „Вія“, если бы онъ былъ уже написанъ во время печатанія „Вечеровъ“, тогда какъ по своему характеру повѣсть „Страшная Месть“ уже во многомъ отличается отъ „Вечеровъ“ и притязаніемъ изображать старинный бытъ примыкаетъ къ „Миргороду“ [1]). Какъ „Сорóчинская Ярмарка“ и „Майская Ночь“, начатыя, по всей вѣроятности, до знакомства съ Плетневымъ и изобрѣтенія послѣднимъ извѣстнаго псевдонима, еще не знаютъ ни дьячка, ни пасѣчника, такъ точно „Страшная Месть“, какъ позднѣйшая повѣсть, забываетъ о нихъ по причинѣ противоположной, вслѣдствіе того, что надобность въ псевдонимѣ перестала чувствоваться и онъ сдѣлался пустой формальностью. Конечно, все это нуждается въ окончательномъ подтвержденіи, но мы все-таки считаемъ небезполезнымъ высказать эти и многія другія соображенія, провѣрить которыя предстоитъ, на основаніи дальнѣйшихъ изслѣдованій, такимъ знатокамъ Гоголя, какъ уважаемый академикъ Н. С. Тихонравовъ и П. А. Кулишъ.

[1]) Т.-е. собственно къ „Тарасу Бульбѣ“.

Digitized by Google

Слѣды явной заботы объ исторической обстановкѣ въ „Страшной Мести“ видны и изъ слѣдующихъ словъ въ началѣ повѣсти: „Пріѣхалъ (на свадьбу) на гнѣдомъ конѣ своемъ и запорожецъ Микитка прямо съ разгульной попойки съ Перешляя [1]) поля, гдѣ поилъ онъ семь дней и семь ночей королевскихъ шляхтичей краснымъ виномъ“ [2]). Это мѣсто, незначительное само по себѣ, имѣетъ для насъ нѣкоторый интересъ въ томъ отношеніи, что такъ какъ нигдѣ больше во всей повѣсти ни однимъ словомъ не упоминается названный здѣсь запорожецъ, то, очевидно, здѣсь сказалась потребность автора воспользоваться мелькнувшимъ въ его творческой фантазіи образомъ, возникшимъ подъ впечатлѣніемъ народныхъ пѣсенъ, собирать и изучать которыя съ особенною ревностью Гоголь сталъ, сдѣлавшись преподавателемъ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ. Тогда же у него явилась также мысль написать малороссійскую исторію.

Сравненіе битвы съ пиромъ вообще весьма употребительно въ южно-русской поэзіи и встрѣчается еще въ извѣстной картинѣ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ („Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю русскую“). Гоголь воспользовался имъ въ качествѣ эпическаго пріема, съ первыхъ же строкъ настроивая свое повѣствованіе на пѣсенный ладъ во вкусѣ народныхъ думъ и былинъ. Впрочемъ у него вообще нерѣдко встрѣчаются въ „Страшной Мести“ и „Тарасѣ Бульбѣ“ эпическіе отголоски, какъ, напр., въ вопросахъ Тараса съ куреннымъ: „А что̀ паны? есть еще порохъ въ пороховницахъ? не ослабѣла ли казацкая сила? не гнутся ли казаки?“ [3]) или: „гдѣ прошли незамайковцы—такъ тамъ и улица! гдѣ поворотили – такъ ужъ тамъ и переулокъ!“ [4]) Такъ точно и излюбленное Гоголемъ сравненіе битвы съ пиромъ повторяется не разъ въ обѣихъ названныхъ повѣстяхъ (въ „Страшной Мести“: „посполитство будемъ угощать свинцовыми сливами, а шляхтичи потанцуютъ и отъ батоговъ“, или: „не забудьте набрать

[1]) По мнѣнію П. А. Кулиша, Гоголь выдумалъ названіе этого урочища, и выдумалъ не по-малорусски. „Слова *шляться*“ — говоритъ г. Кулишъ – „у насъ нѣтъ, а прибавка къ нему предлога *пере* еще больше портитъ названіе“.

[2]) Соч. Гог., т. I, стр. 144.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 334.

[4]) Соч. Гог., стр. 332.

Digitized by Google

свинцоваго толокна: съ честью нужно встрѣтить гостей"; но особенно въ слѣдующихъ словахъ: „И пошла по горамъ потѣха; и запировалъ пиръ: гуляютъ мечи, летаютъ пули, ржутъ и топочутъ кони; отъ крику безумѣетъ голова", и проч. Послѣднее мѣсто особенно сходно съ слѣдующимъ описаніемъ въ „Тарасѣ Бульбѣ": „Андрій весь погрузился въ очаровательную музыку пуль и мечей. Онъ не зналъ, что̀ такое значитъ обдумывать, или разсчитывать, или измѣрять заранѣе свои и чужія силы. Бѣшеную нѣгу и упоеніе онъ видѣлъ въ битвѣ: что-то пиршественное зрѣлось ему въ тѣ минуты, когда разгорится у человѣка голова, въ глазахъ все мелькаетъ и мѣшается, летятъ головы, съ громомъ падаютъ на землю кони, а онъ несется какъ пьяный, въ свистѣ пуль въ сабельномъ блескѣ, и наноситъ всѣмъ удары и не слышитъ нанесенныхъ" [1]). До какой степени Гоголь проникался духомъ народныхъ пѣсенъ и самымъ строемъ ихъ міросозерцанія, видно изъ того, что въ статьѣ „О малороссійскихъ пѣсняхъ" онъ высказываетъ мимоходомъ чрезмѣрную идеализацію боевой жизни въ духѣ воззрѣній казачества: „Вездѣ видна та сила, радость, могущество, съ какою казакъ бросаетъ тишину и безпечность жизни домовитой, чтобы вдаться *во всю поэзію битвъ,* опасностей и разгульнаго пиршества съ товарищами" [2]). Но статья о малороссійскихъ пѣсняхъ была написана уже гораздо позднѣе, когда Гоголю многое представлялось яснѣе, что̀ еще смутно носилось въ его воображеніи во время сочиненія имъ „Страшной Мести". Статья „О малороссійскихъ пѣсняхъ" имѣетъ уже самую тѣсную, самую непосредственную связь съ „Тарасомъ Бульбой", какъ въ частности приведенныя строки указываютъ на возникновеніе у Гоголя подъ вліяніемъ народныхъ пѣсенъ той сцены въ „Тарасѣ Бульбѣ", гдѣ Тарасъ неожиданно приходитъ къ рѣшенію ѣхать въ Сѣчь, а также и другихъ сценъ (напр., сборы къ битвѣ въ IV-ой главѣ исправленнаго изданія). Вообще не нужно обстоятельныхъ сравненій, чтобы убѣдиться, что о́бразы, сложившіеся у Гоголя послѣ изученія имъ пѣсенъ и бѣгло намѣченные въ статьѣ „О малороссійскихъ пѣсняхъ", въ значительной степени пошли въ дѣло въ „Тарасѣ Бульбѣ",

[1]) См. эти мѣста въ томъ же I томѣ, стр. 154, 167 и 286.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 288

Digitized by Google

одновременно ли создавались оба эти произведенія, или же статья о пѣсняхъ служила переходнымъ звеномъ къ „Бульбѣ“ отъ „Страшной Мести“. Такъ и въ слѣдующихъ за приведенными выше словахъ мы снова находимъ продолженіе той же канвы для первой главы „Тараса Бульбы“: „Ни чернобровая подруга, удерживающая за стремя коня его, ни престарѣлая мать, разливающаяся какъ ручей слезами, которой всѣмъ существованіемъ завладѣло одно материнское чувство,—ничто не въ силахъ удержать казака. Упрямый, непреклонный, онъ спѣшитъ въ степи, въ вольницу товарищей“ [1]).

Такимъ образомъ „Тарасъ Бульба“, какъ намъ кажется, является лишь настолько вѣрнымъ воспроизведеніемъ старинаго украинскаго быта и изображенныхъ въ поэмѣ историческихъ событій, насколько геніальная отгадка автора позволила ему, на основаніи преимущественно пѣсенъ, возсоздать отжившее прошлое [2]), исходя, однако, первоначально *изъ личныхъ, довольно субъективныхъ представленій*, только впослѣдствіи все болѣе получавшихъ опору въ тѣхъ историческихъ источникахъ, которыми пользовался авторъ. Все то, любовь къ чему Гоголь всосалъ съ молокомъ матери, что̀ запало въ его душу въ дѣтствѣ и потомъ такъ или иначе находило себѣ пищу и поддержку въ впечатлѣніяхъ жизни, мало-по-малу нашло здѣсь исходъ, служа основаніемъ для разработки воспринятыхъ образовъ на основаніи внѣшнихъ пособій. Такимъ образомъ, въ строго-научномъ отношеніи, очевидно, такое произведеніе художественнаго творчества можетъ имѣть лишь очень условное значеніе. Но оцѣнка послѣдняго уже сдѣлана г. Скабичевскимъ въ его статьѣ: „Нашъ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ“, а историческіе источники обстоятельно указаны въ примѣчаніяхъ къ „Тарасѣ Бульбѣ“, Н. С. Тихонравова [3]).

Кромѣ указанныхъ выше чертъ сходства между „Страшной Местью“ и „Тарасомъ Бульбой“, укажемъ еще на изображеніе въ нихъ казацкой удали и безстрашія, трогательной любви къ отчизнѣ до самопожертвованія, непримиримой не-

---

1) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 288.

2) См. мнѣніе объ этой поэмѣ Максимовича, „Русская Бесѣда“, 1858, № 1, Критика, стр. 15; „День“, 1861, № 3, стр. 15.

3) См. Соч. Скабичевскаго, т. II, стр. 675—682, и Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 569 и слѣд.

Digitized by Google

нависти къ католикамъ [1]), наконецъ—высокаго чувства товарищества и безпощаднаго презрѣнія къ перенимающимъ чужіе обычаи. Въ послѣднемъ случаѣ разница лишь та, что панъ Данило изливаетъ накипѣвшее чувство негодованія только въ разговорѣ съ женой, тогда какъ Бульба произноситъ воодушевленную рѣчь въ присутствіи цѣлаго войска. Въ изображеніи Бульбы, осыпающаго градомъ сабельныхъ ударовъ непріятельское войско („схвативши саблю наголо, началъ честить первыхъ попавшихся на всѣ боки"), опять большое сходство съ изображеніемъ пана Данила въ подобномъ же случаѣ („какъ птица мелькаетъ онъ; покрикиваетъ и машетъ дамасской саблей и рубитъ съ праваго и лѣваго плеча". Слѣдующее затѣмъ лирическое обращеніе автора къ пану Данилѣ: „руби, казакъ! гуляй, казакъ!" и пр. или „казакъ, на гибель идешь!"—имѣетъ соотвѣтствующее и въ „Тарасѣ Бульбѣ": „Казаки, казаки! не выдавайте лучшаго цвѣта нашего войска!" Наконецъ, описаніе смерти пана Данила, сражавшагося за отчизну, дало какъ бы программу для цѣлаго ряда подобныхъ описаній въ „Тарасѣ Бульбѣ"; но предсмертная забота его о семьѣ замѣнена въ послѣднихъ трогательными и глубоко-поэтическими пожеланіями вѣчнаго процвѣтанія родины. Явное сочувствіе автора къ умирающимъ на полѣ чести за благородное дѣло защиты отчизны и вѣры, кажется, вполнѣ объясняетъ причину отмѣченнаго распространенія въ „Бульбѣ" въ нѣсколькихъ мѣстахъ одного и того же образа. Въ „Страшной Мести" сказано только: „вылетѣла казацкая душа изъ дворянскаго тѣла; посинѣли уста; спитъ казакъ непробудно"; въ „Тарасѣ Бульбѣ" изображается смерть Шила („и зажмурилъ ослабѣвшія очи свои, и вынеслась казацкая душа изъ суроваго тѣла"), Гуски, Бовдюга и Кукубенка. Особенно замѣчательно описаніе смерти послѣдняго, въ которомъ съ наибольшей силой проявился лиризмъ Гоголя, не только въ прекрасномъ сравненіи убитаго съ драгоцѣннымъ сосудомъ, но и въ его явномъ подражаніи духовнымъ стихамъ: „И вылетѣла молодая душа. Подняли ее ангелы подъ руки и понесли къ небесамъ. Хорошо будетъ ему тамъ".—„Садись, Кукубенко, одесную Меня!" скажетъ

[1]) Ср. изображеніе поляковъ въ „Страшной Мести" (т. I, стр. 165, 166 и 312 и др.).

Digitized by Google

ему Христосъ: „ты не измѣнилъ товариществу, безчестнаго дѣла не сдѣлалъ, не выдалъ въ бѣдѣ человѣка, хранилъ и сберегалъ мою церковь“. Возвращаясь далѣе снова къ „Страшной Мести“, не можемъ не отмѣтить причитанія Катерины по убитомъ мужѣ, снова навѣянныя народной поэзіей. Тризна, совершаемая есауломъ Горобцемъ по панѣ Данилѣ, напоминаетъ такую же тризну по Остапѣ Тараса, а пробужденіе Катерины отъ тяжелаго сна послѣ смерти пана Данила — то мѣсто въ „Бульбѣ“, гдѣ Гоголь изображаетъ послѣдняго очнувшимся отъ бреда. Наконецъ, есть сходство и во внѣшнемъ описаніи старинной казацкой избы не только въ „Страшной Мести“ и въ „Тарасѣ Бульбѣ“, но и въ отрывкахъ изъ историческихъ романовъ.

Въ заключеніе нашего обзора сходныхъ чертъ въ „Страшной Мести“ и „Тарасѣ Бульбѣ“, отмѣтимъ еще двѣ-три мелочныя подробности.

Въ концѣ первой главы „Страшной Мести“ есть разительное сходство въ разсказахъ наперерывъ цѣлой толпы о колдунѣ и въ изображеніи послѣдовавшаго затѣмъ разгула съ подобными же разсказами казаковъ объ ихъ подвигахъ,— разсказами, заканчивающимися общей пирушкой въ III-ей главѣ „Тараса Бульбы“ и отчасти въ концѣ VII-ой главы того же произведенія [1]). Оно еще рѣзче бросается въ глаза при сличеніи послѣднихъ словъ, тамъ и здѣсь эффектно завершающихъ картину. Въ „Страшной Мести“ читаемъ: „Пировали до поздней ночи, и пировали такъ, какъ теперь уже не пируютъ. Стали гости расходиться, но мало побрело восвояси: много осталось ночевать у есаула на полу, возлѣ коня, близъ хлѣва: *идъ пошатнулись съ хмеля, тамъ и лежатъ и храпятъ на весь Кіевъ*“ [2]). Въ „Тарасѣ Бульбѣ“ сходное мѣсто немного распространено: „Наконецъ, хмель и утомленіе стали одолѣвать крѣпкія головы. И видно было, какъ то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ падалъ на землю казакъ; какъ товарищъ, обнявши товарища, расчувствовавшись и даже заплакавши, валился вмѣстѣ съ нимъ. Тамъ гурьбою улеглась цѣлая куча; тамъ выбиралъ иной, какъ бы получше ему улечься,

[1]) Т. I, стр. 275 и 319 („Потомъ сѣли кругами всѣ курени вечерять и долго говорили о дѣлахъ и подвигахъ, доставшихся въ удѣлъ каждому, на вѣчный разсказъ пришельцамъ и потомству“).

[2]) Т. I, стр. 146.

Digitized by Google

и легъ прямо на деревянную колоду“ и проч. Правда, приведеннаго отрывка нѣтъ въ первоначальной редакціи повѣсти, и онъ внесенъ въ нее многими годами позднѣе „Страшной Мести“, но это тѣмъ болѣе подтверждаетъ высказанную нами не разъ мысль, что Гоголь любилъ пользоваться въ своихъ произведеніяхъ излюбленными образами, всегда подвергая ихъ новой переработкѣ, и причиной этого было такое же пристрастіе къ нѣкоторымъ изъ нихъ, какое мы встрѣчаемъ иногда и у другихъ поэтовъ, особенно у Лермонтова. По этимъ часто повторяющимся образамъ можно отчасти слѣдить за постепеннымъ зарожденіемъ въ душѣ поэта цѣльныхъ картинъ и даже произведеній, а, съ другой стороны, это можетъ оказать помощь при болѣе точномъ опредѣленіи источниковъ послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ ими нельзя пренебрегать ни для цѣлей біографіи, ни тѣмъ болѣе для уясненія исторіи творчества Гоголя. Даже такія мѣста, какъ описаніе ночлега казаковъ въ „Бульбѣ“, сперва дóма, а потомъ въ дорогѣ, имѣютъ себѣ соотвѣтствующее описаніе въ „Страшной Мести“: „казаку лучше спать на гладкой землѣ при вольномъ небѣ; ему не пуховикъ и не перина; онъ моститъ себѣ подъ голову свѣжее сѣно и вольно протягивается на травѣ; ему весело взглянуть, проснувшись середи ночи, на высокое, засѣянное звѣздами небо, и вздрогнуть отъ ночного холода“ [1]) и пр. Въ „Бульбѣ“, какъ и въ другихъ случаяхъ, прежній образъ сильно распространенъ и украшенъ новыми картинными штрихами. Всѣ эти совпаденія едва-ли случайны [2]), даже Стецько „Страшной Мести“ явно соотвѣтствуетъ Товкачу въ „Тарасѣ Бульбѣ“. Разумѣется, впрочемъ, далеко не всѣ образы, заимствованные Гоголемъ въ „Страшной Мести“ изъ народной поэзіи, непремѣнно повторены потомъ въ болѣе современной обработкѣ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ. Такъ, едва-ли не пѣснями навѣяно, напр., слѣдующее мѣсто въ „Страшной Мести“: „Блеснулъ день, но не солнечный; небо хмурилось, и тонкій дождь сѣялся на поля, на лѣса, на широкій Днѣпръ. Проснулась пани Катерина, но не радостна: очи заплаканы, и вся она смутна

[1]) Ср. т. I, стр. 150 и 254, 264.

[2]) Мы не дѣлаемъ здѣсь сопоставленій мѣстъ изъ „Тараса Бульбы“ и „Остраницы“, такъ какъ найти ихъ весьма легко, и пропускаемъ уже сдѣланныя г. Скабичевскимъ (Соч., т. II, стр. 681).

Digitized by Google

и неспокойна". По крайней мѣрѣ, въ имѣющихся у насъ собственноручныхъ тетрадяхъ Гоголя, въ которыхъ имъ записывались малороссійскія и русскія пѣсни, встрѣчаются неразъ сходные пѣсенные пріемы; напр.:

Слала зоря до мисяца:
Ой мисяцю, мой товарищу!
Не заходи ты раній меня
И зайдемо оба разомъ,
Освятимо небо и землю;
Зрадуется звѣрь у поли, гость у дорози.
Слала Марусечка да до Ивашка:
„Ой, Ивасе! мій суженый!
Не сідяй на посяду раній меня,
Обсадимо оба разомъ,
Свеселимо два двора разомъ:
Ой первый дворъ батька твоего,
Ой другой дворъ батька моего".

Digitized by Google

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ПОВѢСТИ „ВІЙ“ И ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ НАРОДНЫМЪ МАЛОРОССІЙСКИМЪ СКАЗКАМЪ.

„Страшной Местью“ и повѣстью „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“ заканчиваются произведенія перваго періода литературной дѣятельности Гоголя, признанныя имъ впослѣдствіи незрѣлыми ученическими опытами. Обѣ эти повѣсти во многомъ представляютъ очень замѣтный переходъ къ „Арабескамъ“ и „Миргороду“ и къ цѣлому ряду драматическихъ произведеній Гоголя, начатыхъ въ серединѣ тридцатыхъ годовъ. Діалогическая форма изложенія, наклонность къ которой сильно чувствуется уже въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и въ другихъ разсказахъ перваго тома „Вечеровъ на Хуторѣ“,—въ „Страшной Мести становится очень замѣтною. И тамъ, и здѣсь собственно-повѣствовательный элементъ весьма часто уступаетъ мѣсто какъ описаніямъ природы, такъ и разговорамъ дѣйствующихъ лицъ. Если вообще трудно указать какое-нибудь эпическое произведеніе, въ которомъ не только не являлся бы діалогъ, но и не занималъ бы весьма виднаго мѣста, то между тѣмъ какъ у большинства другихъ писателей онъ лишь не надолго заступаетъ мѣсто разсказа, составляющаго во всякомъ случаѣ главную форму изложенія, у Гоголя нерѣдко, особенно въ „Страшной Мести“, наоборотъ, діалогъ, чередуясь съ описаніями и характеристиками, оставляетъ мало мѣста повѣствованію въ строгомъ смыслѣ слова [1]). Собственно повѣствовательный элементъ является у Гоголя господствующимъ уже позднѣе—кое гдѣ въ „Арабескахъ“, но особенно въ повѣсти „Римъ“ и, наконецъ, въ „Мертвыхъ Душахъ“; но онъ имѣетъ еще весьма второстепенное значеніе

Digitized by Google

въ „Вечерахъ“ и „Миргородѣ“, при чемъ матеріалъ, которымъ пользовался для него авторъ, чаще всего оказывается заимствованнымъ. Происходила ли эта особенность творчества Гоголя исключительно отъ потребности въ живыхъ картинахъ и образахъ и отъ пристрастія къ яркимъ драматическимъ положеніямъ, или отъ другихъ причинъ — рѣшить не беремся; но, кажется, уясненіе этого вопроса облегчается собственнымъ признаніемъ Гоголя въ „Авторской Исповѣди“, что онъ „никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства“. „У меня“—говорилъ Гоголь—„только то и выходило хорошо, что̀ взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности“. Основываясь на этихъ словахъ Гоголя и на многихъ примѣрахъ въ его произведеніяхъ, можно предположить, что господствующую роль въ его творчествѣ игралъ скорѣе даръ тонкой проницательности, нежели способность воображенія. „Воображеніе мое до сихъ поръ не подарило меня“—продолжаетъ онъ—„ни однимъ замѣчательнымъ характеромъ и не создало ни одной такой вещи, которую гдѣ-нибудь не подмѣтилъ мой взглядъ въ натурѣ“ [2]). Впрочемъ, творческая работа фантазіи Гоголя несомнѣнно проявляется въ художественномъ воспроизведеніи поразившихъ его характеровъ и картинъ природы, но на основаніи матеріала, добытаго личной наблюдательностью. Такъ, съ изумительнымъ искусствомъ онъ рисуетъ въ „Тарасѣ Бульбѣ“ роскошную картину дѣвственныхъ новороссійскихъ степей въ періодъ войнъ казаковъ съ поляками; а звуки народныхъ пѣсенъ, какъ мы видѣли, находили въ чуткой душѣ поэта горячій сочувственный отголосокъ, пробуждая въ немъ длинную вереницу думъ и чувствъ, озаренныхъ пламеннымъ энтузіазмомъ южной натуры. Отдаваясь неизъяснимому очарованію этихъ звуковъ, Гоголь переживалъ минуты, въ которыя передъ его умственнымъ взоромъ рисовались картины, просившіяся на бумагу, такъ что для него пѣсни были дѣйствительно „надгробнымъ памятникомъ бы-

[1]) Ср., напр., съ произведеніями Достоевскаго, гдѣ часто встрѣчается почти сплошная повѣствовательная форма, напр. въ повѣсти „Маленькій Герой“, въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“ и проч.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 256 и 257.

Digitized by Google

лого", въ которыхъ было все: „и поэзія, и исторія, и отцовская могила" [1]).

Особенно любопытно заимствованіе повѣствовательнаго матеріала и переработка его примѣнительно къ любимымъ образамъ поэта—въ „Віи". Въ примѣчаніи къ повѣсти Гоголь ясно указываетъ ея происхожденіе: она представляетъ передѣлку народнаго преданія, которое, впрочемъ, оставлено будто бы почти безъ измѣненія. Но такое объясненіе нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ: въ сущности въ основаніе разсказа положено нѣсколько варіантовъ одной малороссійской сказки, во многихъ своихъ частяхъ настолько отличающихся одинъ отъ другого, что ихъ можно считать самостоятельными произведеніями украинской народной словесности. Сверхъ того, авторомъ въ большой степени введенъ также посторонній матеріалъ, созданный его творческой фантазіей и не разъ прерывающій основную нить разсказа, заимствованнаго изъ сказокъ. Такъ, начало повѣсти написано подъ несомнѣннымъ впечатлѣніемъ отъ романа Нарѣжнаго „Бурсакъ", чѣмъ, между прочимъ, объясняется замѣна главнаго героя сказокъ дьячка или просто парня, бурсакомъ, философомъ Хомой Брутомъ, и выборъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ изъ семинарской среды (считая здѣсь также отца-ректора).

Намъ кажется, однако, что вообще придаютъ слишкомъ большое значеніе мнимому вліянію Нарѣжнаго на Гоголя, основываясь на сходствѣ начала „Вія" съ „Бурсакомъ",—и „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ" съ романомъ „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ". Фабула Нарѣжнаго, безъ сомнѣнія, слишкомъ слаба и незначительна въ „Бурсакѣ", чтобы она могла привлечь Гоголя; предположить подражаніе было бы совсѣмъ несообразно съ силой дарованія обоихъ; но Нарѣжный могъ быть полезенъ Гоголю, какъ предшественникъ въ простомъ и сравнительно правдивомъ изображеніи стариннаго малороссійскаго быта, притомъ особенно быта частнаго, домашняго, или—какъ въ „Бурсакѣ" — семинарскаго. Знакомство съ стариннымъ бурсацкимъ бытомъ несомнѣнно почерпнуто Гоголемъ изъ „Бурсака" и притомъ онъ воспользовался этимъ

[1]) Т. V, стр. 287.

Digitized by Google

матеріаломъ не только въ „Віи“, но отчасти и во второй главѣ „Тараса Бульбы“ [1]). Онъ взялъ изъ „Бурсака“ преимущественно изображеніе бурсы съ ея богословами, философами, риторами и грамматиками [2]), съ консулами, ликторами и цензорами; изображеніе быта, нравовъ и обычаевъ бурсы, между которыми встрѣчались столь оригинальные, какъ обычай своеобразнаго покровительства побоями и проч.; далѣе можно отмѣтить описаніе нападеній бурсаковъ на чужіе огороды, возвращенія ихъ домой на каникулы, пѣнія по дорогѣ кантовъ передъ домомъ какого-нибудь зажиточнаго малороссійскаго пана. Всѣ эти цѣнныя данныя весьма искусно извлечены Гоголемъ изъ массы мелочныхъ приключеній главнаго героя, среди которыхъ они тонутъ въ „Бурсакѣ“, — и собраны въ одну яркую картину. Необходимо, однако, замѣтить капитальное различіе въ пріемахъ и характерѣ творчества обоихъ писателей: вся сила Нарѣжнаго заключалась единственно въ извѣстномъ умѣніи развивать фабулу, обставляя разсказъ во вкусѣ тогдашняго времени, сплетеніемъ болѣе или менѣе занимательныхъ подробностей и приключеній, если ужъ признать за ними это свойство,—но у него почти совсѣмъ не встрѣчаются описанія природы, характеристики и нигдѣ нѣтъ діалогической формы изложенія; у Гоголя, наоборотъ, послѣдніе элементы являются преобладающими. При такомъ существенномъ несходствѣ Гоголю могло пригодиться у Нарѣжнаго очень немногое; но романы послѣдняго дали извѣстный толчокъ и пищу фантазіи Гоголя заключающимся въ нихъ бытовымъ матеріаломъ. То, что составляетъ главное содержаніе „Бурсака“, какъ и естественно, оставлено Гоголемъ безъ вниманія; но зато нѣкоторыя черты, которымъ, можетъ быть, не придавалъ особаго значенія Нарѣжный, были замѣчены и выдвинуты Гоголемъ. Но замѣчательно, что, взявъ у Нарѣжнаго матеріалъ для сжатой характеристики семинарскаго быта, Гоголь существенно измѣнилъ дѣло, надѣливъ главнаго героя *сочувственными ему чертами удали и веселости*, тогда какъ у Нарѣжнаго нигдѣ не выступаютъ замѣтно именно эти черты казацкаго характера. „*Казакъ, слава Богу, ни чертей, ни ксендзовъ не боится*“ [3]), отвѣчаетъ панъ

[1]) Ср. т. I, стр. 258—260 и 368—369.

[2]) У Нарѣжнаго упоминаются также поэты, целеры, этимологи.

[3]) Т. I, стр. 48.

Digitized by Google

Данило Катеринѣ на ея застращиваніе колдуномъ (въ „Страшной Мести“): „Много было бы проку, если бы мы стали слушаться женъ? *Наша жена—мулька да острая сабля!*“—„*Да, что́ я за казакъ, когда бы устрашился?*“ [1]) одобряетъ себя Хома Брутъ во время ночныхъ ужасовъ при чтеніи имъ псалтыри по покойницѣ-вѣдьмѣ. Онъ тоже не прочь по-казацки въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгнуть къ куренію люльки или нюханію табака. Замѣтимъ также, что соотвѣтствующія черты часто встрѣчаются и въ „Тарасѣ Бульбѣ“: „пусть теперь подвернется какая-нибудь татарва“,—говоритъ Андрій,—„будетъ знать она, что̀ за вещь казацкая сабля!“ [2]). А словамъ: „наша жена—люлька да острая сабля“ и „много было бы проку, если бы мы стали слушаться женъ?“—въ „Тарасѣ Бульбѣ“ совершенно соотвѣтствуютъ слѣдующія: „Не слушайся, сынку, матери: она баба, она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба—чистое поле да добрый конь—вотъ ваша нѣжба“ [3]). Таковъ идеалъ браваго казака и таковы же самыя завѣтныя мечты его о будущемъ сыновей въ „Страшной Мести“: „какъ вихорь, будешь ты летать передъ казаками, съ бархатной шапочкой на головѣ, съ острой саблей въ рукѣ“ [4]); въ „Тарасѣ Бульбѣ“: „теперь онъ“ (Бульба) „тѣшилъ себя заранѣе мыслью: какъ онъ явится съ двумя сыновьями своими въ Сѣчь и скажетъ: „Вонъ посмотрите, какихъ я молодцовъ привелъ вамъ“ [5]). Подобно Остапу въ „Бульбѣ“, философъ часто пробовалъ „крупнаго гороху“, но съ совершенно философическимъ равнодушіемъ, говоря, что „чему быть, того не миновать“ [6]). Философъ мастеръ лихо танцовать, и какъ на танецъ запорожца съ восхищеніемъ любуются въ „Тарасѣ Бульбѣ“ окружающіе; такъ, глядя на него, дворня сотника приговариваетъ съ удивленіемъ: „Вотъ

[1]) Тамъ же, стр. 394.

[2]) Тамъ же, стр. 251.

[3]) Тамъ же, стр. 248.

[4]) Тамъ же, стр. 153.

[5]) Тамъ же, стр. 253. Ср. также изображеніе Петра въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“: „если бы одѣть его въ новый жупанъ, затянуть краснымъ поясомъ, надѣть на голову шапку изъ черныхъ смушекъ съ щегольскимъ синимъ верхомъ, привѣсить къ боку турецкую саблю, дать въ одну руку малахай, въ другую люльку въ красивой оправѣ, то заткнулъ бы онъ за поясъ всѣхъ паробковъ тогдашнихъ“ (стр. 40).

[6]) Тамъ же, стр. 371.

Digitized by Google

это какъ долго танцуетъ человѣкъ!“ [1]). Всѣхъ этихъ чертъ нѣтъ у Нарѣжнаго, но у Гоголя онѣ далеко не лишены значенія.

Переходя теперь къ сличенію „Вія“ съ его главными источниками, остановимся сперва на напечатанной въ сборникѣ Драгоманова („Малороссійскіе народные преданія и разсказы“) билицѣ: „Відьма та видьмак“ [2]).

Она начинается такъ: „Була собі мати та дочка, і обидві відьми. От дочка і полюби парня. Так і чипляється на ёго, а він не хоче, значить, ночувать, а вона, як узнала, давай на ёго сідать; він вертається з вулеці, а вона очепеться за ёго, та він и таска ії до світа“ и проч.

Эти немногія строки были распространены Гоголемъ въ связи и соотвѣтствіи съ предыдущимъ разсказомъ, при чемъ мѣстами введена и любимая имъ діалогическая форма; далѣе, при переходѣ къ изображенію вѣдьмы, онъ, по своему обычаю, пользуется нѣкоторыми излюбленными художественными образами. Такъ онъ рисуетъ ее, уже послѣ превращенія въ красавицу, „созданною изъ блеска и трепета“, подобно тому какъ въ „Майской Ночи“ о тѣлѣ утопленницы сказано, что оно „какъ будто изваяно изъ прозрачнаго облака, и будто свѣтилось насквозь при серебряномъ мѣсяцѣ“ [3]) (другой сходный образъ въ „Страшной Мести“ уже указанъ выше, какъ отмѣчено сходство въ сравненіи звука, слышимаго Хомой Брутомъ, съ „тонкими серебряными колокольчиками“, и такого же звука, слышимаго Петромъ въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“). Самое превращеніе старухи-вѣдьмы въ красавицу находится, очевидно, въ связи съ другимъ малороссійскимъ сказаніемъ, помѣщеннымъ въ первомъ томѣ „Трудовъ“ Чубинскаго [4]), которое начинается такъ: „Въ еднымъ селі не мігъ ны еденъ дячокъ довго жыти: поступыть на прыходъ, послужыть місяцівъ пъять — и умре. Прычыною тому було то, що у едного хозяіна *була дуже гарна дочка,* которая була дуже велыка відьма“.—Такимъ образомъ превращеніе старухи-вѣдьмы въ чудную красавицу понадобилось Гоголю, чтобы скомбинировать нѣкоторыя подробности обоихъ разсказовъ (между прочимъ ухаживаніе старухи за философомъ), а дальше

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 402.
[2]) Драгомановъ, стр. 71—73.
[3]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 76.
[4]) Т. I, стр. 200—202.

Digitized by Google

онъ также говоритъ устами Дороша о прежнихъ поступкахъ вѣдьмы (причемъ превращеніе ея въ собаку и полученіе ею удара отъ Шепчихи напоминаетъ обращеніе жены сотника—въ „Утопленницѣ“—въ кошку и нанесеніе ей сабельнаго удара [1]). Какъ въ билицѣ „Відьма та відьмак“, такъ и въ другой сказкѣ читатель находитъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, намѣренно пропущенныхъ въ разсказѣ Гоголя; такъ, дьяку своими совѣтами помогаетъ баба, у которой онъ нанялъ квартиру, и которая была посвящена во всѣ тайны вѣдьмы; въ первомъ разсказѣ парня постоянно выручаетъ батька-відьмакъ. И парень, и дьячокъ одинаково сознаютъ свое ничтожество передъ нечистой силой и охотно прибѣгаютъ къ посторонней помощи. Этого не могъ удержать въ своей повѣсти Гоголь, желавшій представить въ своемъ героѣ безстрашнаго, полагающагося на собственную отвагу казака. Въ разсказѣ, напечатанномъ въ „Трудахъ“ Чубинскаго, баба объясняетъ дьяку, что вѣдьма разгнѣвалась на него за то, что онъ не оказалъ ей почтенія при встрѣчѣ и не отвѣтилъ на ея заискивающій привѣтъ; предсказывая дальнѣйшіе поступки вѣдьмы, она даетъ такой совѣтъ: „Якъ сядешъ на нюю, то вона тебе буде дуже носыты и поверхъ воды и поверхъ ліса. Вона схоче тебе скынуты, а ты держыся и бый ii, скільки зможешъ и куда попадешъ“. Далѣе, въ „Віи“, возвращеніе Хомы Брута въ Кіевъ представляетъ дополненіе со стороны автора къ народному преданію, допущенное имъ для того, чтобы имѣть возможность связать оба разсказа, которые легли въ основу повѣсти. Вторичное прибытіе философа въ хуторъ по требованію сотника соотвѣтствуетъ слѣдующимъ словамъ народной сказки: „Отъ на третій день та дівка заслабла, полежала дві неділі, та й умерла. Але якъ умірала, то батька просыла: „Якъ я вмру, то візмішь мене на тры добі до церквы и дякъ нехай тры ночы чытае надо мною псавтыру, и що вінъ схоче, то ёму й дайте. Батько зробывъ такъ, якъ вона хотіла“ и проч. Въ передачѣ Гоголя здѣсь вставленъ цѣлый эпизодъ объ отправленіи Хомы Брута ректоромъ изъ бурсы и рядъ дорожныхъ сценъ, при чемъ, какъ и ниже, въ промежуткахъ между описаніями ночныхъ страховъ философа, мимоходомъ очерчено нѣсколько простонародныхъ типовъ, изображается

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 56 и 392.

Digitized by Google

ихъ застольная бесѣда, подобно тому, какъ такія сцены уже являлись у Гоголя въ „Вечерахъ на Хуторѣ“, въ „Сорочинской ярмаркѣ“ и „Утопленницѣ“ [1]) (разговоръ головы съ винокуромъ); внесено также описаніе малороссійской панской усадьбы и, наконецъ, въ уста философа вложены задушевныя въ то время мечты самого автора о привольной жизни на живописныхъ берегахъ Днѣпра, а въ описаніи сада уже мелькаютъ черты, имѣющія хотя и отдаленное сходство съ описаніемъ сада Плюшкина. Разговоромъ съ сотникомъ Гоголь, повидимому, имѣлъ цѣлью связать предыдущее изложеніе съ послѣдующимъ и объяснить, какимъ образомъ философу пришлось читать псалтырь надъ гробомъ умершей панночки. Тогда какъ въ народной сказкѣ распоряженіе вѣдьмы по отношенію къ дьяку выходило вполнѣ просто и естественно, Гоголю пришлось сдѣлать небольшую натяжку, рѣшительно незамѣтную, впрочемъ, при обыкновенномъ чтеніи, благодаря мастерскому діалогу между сотникомъ и философомъ. У него, между прочимъ, на вопросъ сотника философъ объясняетъ такъ странную просьбу панночки: „Извѣстное дѣло, что панамъ подчасъ захочется такого, что̀ и самый наиграмотнѣйшій человѣкъ не разберетъ“ [2]), и онъ же потомъ, желая освободиться отъ непріятнаго порученія, напоминаетъ, что „для чтенія псалтыри приличнѣе требовалось бы дьякона или по крайней мѣрѣ дьячка“ [3]). Описаніе ночныхъ ужасовъ въ церкви заимствовано частью изъ того же разсказа, частью имѣетъ сходство со сказкой: „Упирь и Миколай“, особенно въ подробностяхъ („церква тріщить,—ставники падають, образі падають... Господи, яке лихо! А труна тільки: лусь! лусь! И знов вона піднимаецця... Устала з труни, та як шугне́ по церкві... То це що прискочить до вальків“ (Святой Николай совѣтовалъ обложиться ими и взять съ собой грушъ, потомъ разсыпать ихъ; вѣдьма станетъ собирать, пока не запоютъ пѣтухи, и опасность минуетъ; но отнюдь не должно оглядываться)—„хоче його вхопить, то й одскочить; що прискочить—то одскочіть.... А полумъя так з рота й паше, так и па́ше. Металась, вона металась по церкві—скрізь по кутках; а він

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 21—25.
[2]) Т. I, стр. 385.
[3]) Т. I, стр. 386.

Digitized by Google

тоді у труну“ [1]) и проч.—Въ варіантѣ, напечатанномъ Чубинскимъ, когда поиски вѣдьмы въ третью ночь остаются безуспѣшными, она посылаетъ за той самой старой бабой, которая покровительствовала дьяку, но баба его снова щадитъ. У Гоголя вмѣсто старой бабы является Вій („Иде дякъ знову чытаты до церквы. Чытае вінъ, чытае, тріснуло разъ труна, а вінъ хутко зірвався та въ шафу, вона за нымъ та й утратыла: тутъ був та нема. Шукала, шукала, а далі и пійшла за товарышкамы: „Глядіть ёго, зпередъ моіхъ очей утікъ“. Гляділи, гляділи,—нема!—„Васъ выдно нема всіхъ. Нема ще старої: підіть за нею, прышліть ії сюды“). Въ этомъ же варіантѣ идетъ рѣчь и объ огражденіи кругомъ („Візмы собі свяченый роговый ніжъ и, якъ трісне третій разъ, то скоро падай на землю и обцірклюйся тымъ ножемъ“). Въ билицѣ „Відьма та відьмак“ роль Вія заступаетъ тетка вѣдьмы изъ Кіева („Шукали ёго, шукали—не найдуть.—„Э, постойте, кае, у мене в Киеві е тітка, та ёго найде“). Тамъ же, какъ и въ „Віи“, было, наконецъ, найдено мѣсто, гдѣ находился философъ („Як метнулись вони за тіею, зараз і привели; вона туди-сюди повернулась.—„Ось він, кае! так в лоб чуть не пхнула“). Всѣ три сказки оканчиваются благополучно, а въ концѣ сказки „Упирь и Миколай“ вѣдьма принимаетъ даже крещеніе, и нечистая сила изгоняется изъ нея. Гоголь, существенно измѣнивъ народное преданіе, какъ извѣстно, оканчиваетъ повѣсть смертью философа [2]).

---

[1]) Рудченко, „Южно-русскія народныя сказки“, т. II, стр. 27–31.

[2]) Въ числѣ источниковъ для творчества Гоголя въ сборникахъ малороссійскихъ сказокъ и преданій можно еще отмѣтить сказку „Музыкантъ и Черти“, имѣющую нѣкоторое сходство относительно сюжета съ „Пропавшей Граматой“ (см. Драгомановъ: „Малороссійск. народн. пред. и разсказы“, т. I, 52—53; также Рудченка: „Народныя южно-русскія сказки“, т. I, стр. 74, и Чубинскаго, т. I, стр. 186). Кромѣ того, по мнѣнію П. А. Кулиша, къ повѣсти Гоголя „Ночь передъ Рождествомъ“ можетъ имѣть нѣкоторое отношеніе явившаяся въ концѣ царствованія Екатерины опера „Черевички“ (см. объявленіе о ней въ „Моск. Вѣд.“, 1786 г., 11-го іюля, и дневникъ Храповицкаго подъ 12-мъ іюля того же года).

Что̀ касается повѣсти „Вій“, то въ недавней статьѣ г. Сумцова („Кіевская Старина“, 1892, III) указаны нѣкоторыя другія параллели къ ней, также найденныя въ сборникахъ произведеній украинской народной словесности; о нихъ мы сообщимъ въ приложеніяхъ.

Digitized by Google

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПОВѢСТИ ГОГОЛЯ.

I.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ впечатлѣній петербургской жизни, въ воображеніи Гоголя накоплялся обширный запасъ новыхъ картинъ и образовъ, требовавшихъ, въ свою очередь, выраженія въ словѣ. И здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, его творчество работало методически, постепенно переходя отъ небольшихъ отрывковъ къ цѣлымъ, законченнымъ произведеніямъ. Въ одной изъ записныхъ книжекъ Гоголя сохранился небольшой отрывокъ неоконченной повѣсти подъ заглавіемъ „Страшная Рука“, въ которомъ нельзя не узнать первыхъ набросковъ возникшихъ въ душѣ его новыхъ образовъ, послужившихъ первоначальной основой для такъ-называемыхъ „петербургскихъ повѣстей“. Это особенно явно при сличеніи одного мѣста третьяго отрывка съ нижеслѣдующей выдержкой изъ „Записокъ Сумасшедшаго“: „Я надѣлъ старую шинель и взялъ зонтикъ, потому что шелъ проливной дождикъ. На улицахъ не было никого; однѣ только бабы, накрывшись полами платья, да русскіе купцы подъ зонтиками, да курьеры попадались мнѣ на глаза. Изъ благородныхъ только нашъ братъ, чиновникъ, попался мнѣ. Я, какъ увидѣлъ его, тотчасъ сказалъ себѣ: „*Эге! нѣтъ, голубчикъ, ты не въ департаментъ идешь, ты спѣшишь вонъ за тою, что бѣжитъ впереди, и глядишь на ея ножки*“ [1]). Въ третьемъ отрывкѣ повѣсти „Страшная Рука“ это мѣсто читается такъ [2]): „Чортъ возьми, люблю

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 346.

[2]) Тамъ же, стр. 96.

Digitized by Google

я это время! Ни одного зѣваки на улицѣ. Теперь не найдешь ни одного изъ тѣхъ господъ, которые останавливаются для того, чтобы посмотрѣть на сапоги, на штаны, на фракъ или на шляпу, и потомъ, разинувши ротъ, поворачиваются нѣсколько разъ назадъ для того, чтобы осмотрѣть задній фасадъ вашъ [1]). Теперь раздолье мнѣ закутаться крѣпче въ свой плащъ. Какъ удираетъ этотъ любезный молодой франтъ, съ личикомъ, которое можно упрятать въ дамскій ридикюль. Напрасно: не спасетъ новенькаго сюртучка, красу и загляденіе Невскаго проспекта. Крѣпче его, крѣпче, дождикъ! пусть онъ бѣжитъ, какъ мокрая крыса, домой. *А вотъ и суровая дама бѣжитъ въ своихъ пестрыхъ тряпкахъ* [2]), *поднявши платье, далѣе чего нельзя поднять, не нарушая послѣдней благопристойности. Куда дѣвался характеръ! и не ворчитъ, видя, какъ чиновная крыса въ вицъ-мундирѣ съ крестикомъ, запустивъ свои зеленые, какъ его воротникъ, глаза, наслаждается видомъ полныхъ, на каждомъ шагу трепещущихъ ногъ*". Здѣсь промелькнула мимоходомъ и черта, напоминающая „Невскій Проспектъ". Это сличеніе показываетъ, однако, что въ позднѣйшей переработкѣ Гоголь не распространилъ, какъ онъ дѣлалъ прежде, но съузилъ первоначальный набросокъ.

Другая картина, въ началѣ второго отрывка изъ „Страшной Руки", повторена съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ „Шинели", а именно вотъ это мѣсто: „Какъ страшно, когда каменный тротуаръ прерывается деревяннымъ, когда деревянный даже пропадаетъ, когда отдаленный будочникъ спитъ, когда кошки, безсмысленныя кошки, однѣ спѣвываются и

[1]) Ср. въ „Невскомъ Проспектѣ": „Есть множество такихъ людей, которые, встрѣтившись съ вами, непремѣнно посмотрятъ на сапоги ваши, и если вы пройдете, они оборотятся назадъ, чтобы посмотрѣть на ваши фалды. Я до сихъ поръ не могу понять, отчего это бываетъ. Сначала я думалъ, что они сапожники, но однакоже, ничуть не бывало: они большею частью служатъ въ разныхъ департаментахъ" и пр. (тамъ же, стр. 255; въ „Шинели": „Ни одинъ разъ въ жизни не обратилъ онъ (Акакій Акакіевичъ) вниманія на то, что̀ дѣлается и происходитъ всякій день на улицѣ, на что̀, какъ извѣстно, всегда посмотритъ его же братъ, молодой чиновникъ, простирающій до того проницательность своего бойкаго взгляда, что замѣтитъ даже, у кого на другой сторонѣ тротуара отпоролась внизу панталонъ стремешка,—что̀ вызываетъ всегда лукавую усмѣшку на лицѣ его" (Т. II, стр. 89).

[2]) Ср. въ „Запискахъ Сумасшедшаго": „И зачѣмъ ей выѣзжать въ такую дождевую пору! Утверждай теперь, что у женщинъ не велика страсть до всѣхъ этихъ тряпокъ".

Digitized by Google

бодрствуютъ! Но человѣкъ знаетъ, что онѣ не дадутъ сигнала и не поймутъ его несчастья, если внезапно будетъ атакованъ мошенниками, выскочившими изъ этого темнаго переулка, который распростеръ къ нему мрачныя объятія“ [1]).

Всѣ эти сопоставленія ясно показываютъ, что въ душѣ Гоголя всегда жила потребность естественнаго и правдиваго изображенія дѣйствительности, являвшаяся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его тонкой наблюдательности, о которой мѣтко выразился Анненковъ, что „его лица не покидала постоянная, какъ бы приросшая къ нему наблюдательность“ („Воспоминанія и критическіе очерки“ Анненкова, т. I, стр. 188). Гоголю не было, такимъ образомъ, нужды придумывать сложные сюжеты и обставлять ихъ постепенное развитіе вымученными эффектами; ему необходима была только внѣшняя фабула, въ которую онъ и вкладывалъ уже готовое содержаніе. Потому онъ высоко понимаетъ и цѣнитъ значеніе простоты въ истинно художественныхъ произведеніяхъ, и охотно допуская въ нихъ высокіе, вдохновенные лирическіе порывы, въ то же время онъ—отъявленный врагъ всего натянутаго и напускного. Образцомъ ложной аффектаціи и заказныхъ восторговъ былъ для него со школьной скамьи товарищъ его Кукольникъ, котораго онъ всегда презиралъ какъ писателя, и которому далъ насмѣшливое прозвище „Возвышеннаго“. Гоголь, напримѣръ, никакъ не могъ мириться съ его безвкусіемъ и отъ всей души возмущался на него за то, что онъ „Пушкина все попрежнему не любитъ; „Борисъ Годуновъ“ ему не нравится“ [2]). Надо помнить при этомъ, что эстетическій вкусъ Гоголя въ значительной степени образовался самъ собою, независимо отъ посторонныхъ вліяній, которыя и не могли бы имѣть особаго значенія для него, даже если бы они и существовали, потому что онъ чувствовалъ непреодолимое внутреннее отвращеніе ко всему навязываемому извнѣ и особенно ко всему ходульному,—отвращеніе, которое не могло быть заглушено ничѣмъ. Если въ раннемъ дѣтствѣ, какъ говорятъ, онъ и поддался не надолго вліянію произведеній, написанныхъ въ реторическомъ духѣ, то это была неважная, почти неизбѣжная уступка естественной неустойчивости возраста.

---

[1]) Т. V, стр. 95.

[2]) „Соч. и письма Гог.“, т. V, стр. 152.

Digitized by Google

Въ статьѣ о Пушкинѣ Гоголь разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я всегда чувствовалъ въ себѣ маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ, взглянувши на картину, покачалъ головою и сказалъ: „Хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на которомъ бы и листья были свѣжіе,—хорошо растущее, а не сухое. Въ дѣтствѣ мнѣ казалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость знать, что́ нравится и не нравится толпѣ“ [1]). Очевидно, сужденіе взрослаго сосѣда нисколько не поколебало Гоголя-ребенка въ его намѣреніи нарисовать сухое дерево, точно также какъ въ школѣ на него не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія увѣщанія начальства, направленныя противъ смѣлаго реализма его игры на сценѣ гимназическаго театра; Гоголь твердо стоялъ на своемъ и не могъ перемѣнить мнѣнія, потому что внутренній голосъ говорилъ въ немъ громче и убѣдительнѣе. Та же самостоятельность сужденій отличала его и впослѣдствіи.

Въ статьѣ о Пушкинѣ, развивая далѣе свою мысль и объясняя особенно причины непониманія въ нѣкоторыхъ случаяхъ поэта толпою, Гоголь говоритъ между прочимъ: „Поэту остаются два средства“ (чтобы привлечь на свою сторону толпу): „или натянуть, сколько можно выше, свой слогъ, дать силу безсильному, говорить съ жаромъ о томъ, что́ само въ себѣ не сохраняетъ сильнаго жара: тогда толпа почитателей, толпа народа—на его сторонѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и деньги; или быть вѣрну одной истинѣ: быть высокимъ тамъ, гдѣ высокъ предметъ, быть рѣзкимъ и смѣлымъ, гдѣ истинно рѣзкое и смѣлое, быть спокойнымъ и тихимъ, гдѣ не кипитъ происшествіе. Но въ этомъ случаѣ—прощай, толпа! ея не будетъ у него, развѣ когда самый предметъ, изображаемый имъ, уже такъ великъ и рѣзокъ, что не можетъ не произвесть всеобщаго энтузіазма“. Ниже онъ заключаетъ статью словами: „Но, увы! это неотразимая истина: что чѣмъ болѣе поэтъ становится поэтомъ, чѣмъ болѣе изображаетъ онъ чувства, знакомыя однимъ поэтамъ, тѣмъ замѣтнѣе уменьшается кругъ

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 211.

Digitized by Google

обступившей его толпы, и, наконецъ, такъ становится тѣсенъ, что онъ можетъ перечесть по пальцамъ всѣхъ своихъ истинныхъ цѣнителей". И здѣсь Гоголь, какъ всегда, остается вполнѣ самостоятельнымъ въ своихъ сужденіяхъ, не слушая толковъ никакого общепризнаннаго ареопага. „Мнѣ всегда было странно слушать"—говорилъ онъ—„сужденія многихъ, слывущихъ знатоками и литераторами, которымъ я болѣе довѣрялъ, покамѣстъ еще не слышалъ ихъ толковъ о небольшихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Эти мелкія сочиненія можно назвать пробнымъ камнемъ, на которомъ можно испытывать вкусъ и эстетическое чувство разбирающаго ихъ критика". Эти толки заурядныхъ литераторовъ, какъ извѣстно, были Гоголемъ потомъ охарактеризованы въ „Театральномъ Разъѣздѣ". Во всю жизнь свою Гоголь исключительно дорожилъ мнѣніемъ Пушкина и, можетъ быть, нѣкоторыхъ членовъ пушкинскаго кружка, напр. Жуковскаго. По словамъ всѣхъ знавшихъ Гоголя, онъ ставилъ гораздо выше мнѣнія обыкновенныхъ людей, какихъ-нибудь узкихъ спеціалистовъ, нежели толки литераторовъ. Сужденія же толпы воспроизводятся имъ не только въ „Театральномъ Разъѣздѣ", но и въ другихъ произведеніяхъ, напр. въ „Портретѣ", гдѣ напр. квартальный, по-своему любившій оцѣнивать произведенія искусства, совѣтуетъ отнести тѣнь „куда-нибудь въ другое мѣсто", такъ какъ подъ носомъ слишкомъ видное мѣсто, а домохозяинъ высказываетъ согласіе повѣсить „на стѣну генерала со звѣздой, или князя Кутузова портретъ" и негодуетъ на Черткова за то, что онъ „вонъ мужика нарисовалъ, мужика въ рубахѣ"...

Такимъ образомъ, задолго до „Мертвыхъ Душъ", Гоголь касался столь занимавшаго его впослѣдствіи вопроса объ изображеніи обыденной стороны жизни. Высказаннымъ здѣсь принципамъ Гоголь оставался вѣренъ и впослѣдствіи, но одно изображеніе пошлости никогда не удовлетворяло его, и въ немъ постоянно жило стремленіе къ чему-то высокому, исключительному, подъ вліяніемъ котораго поэтъ создавалъ себѣ свой собственный идеальный міръ.

Несомнѣнно, что вопросы объ искусствѣ были для Гоголя всегда не только однимъ предметомъ отвлеченнаго, теоретическаго интереса; такими они дѣйствительно были и остались для него въ сферѣ живописи, музыки, скульптуры; но все, что̀ касается области слова и особенно поэзіи, имѣло всегда

Digitized by Google

для него значеніе близкое, первостепенное, захватывающее. Въ статьѣ о Пушкинѣ впервые были имъ высказаны взгляды на художественное творчество, и замѣчательно, что въ нихъ Гоголь обсуждаетъ вопросъ не со стороны, какъ присяжный литературный критикъ, но говоритъ преимущественно то, что̀ имѣло въ его глазахъ самое близкое къ нему и обширное значеніе и болѣе или менѣе, хотя бы косвеннымъ образомъ, относилось къ его трудамъ или къ созданіямъ наиболѣе дорогихъ для него писателей.

Тонко оцѣнивъ художественныя красоты „Бориса Годунова“ Пушкина, Гоголь былъ сильно возмущенъ невниманіемъ къ этому произведенію со стороны публики и такихъ литераторовъ, какъ Кукольникъ, и тогда же, въ недавно изданномъ отрывкѣ: „Борисъ Годуновъ“, сдѣлалъ попытку охарактеризовать нелѣпые толки профановъ, какъ позднѣе онъ повторилъ это въ болѣе совершенномъ видѣ въ „Портретѣ“ [1]) и наконецъ въ „Театральномъ Разъѣздѣ“. Такимъ образомъ уже тогда былъ сдѣланъ первый шагъ къ созданію этихъ произведеній. Кромѣ того, въ статьѣ о Пушкинѣ мы встрѣчаемъ слѣдующія строки, показывающія, что идея „Портрета“ созрѣвала въ умѣ Гоголя одновременно съ статьей о Пушкинѣ, т. е. въ 1832 г.: „Масса публики, представляющая въ лицѣ своемъ націю, очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ, представь дѣла нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были“. Но попробуй поэтъ, послушный ея велѣнію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было, она тотчасъ заговоритъ: „это вяло, это слабо, это нехорошо, это ни мало не похоже на то, что̀ было“. *Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ совершенно похожій; но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея недостатковъ*“ [2]). Основываясь на поразительномъ совпаденіи мыслей, заключающихся въ этихъ строкахъ, съ главной идеей „Портрета“, а также на томъ внѣшнемъ, повидимому незначительномъ обстоятельствѣ, что оба произведенія слѣдуютъ одно за другимъ въ той же самой записной тетради Гоголя, мы имѣемъ, ка-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 209.
[2]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр 209—210.

Digitized by Google

жется, несомнѣнное право сдѣлать заключеніе о существованіи между ними внутренней, органической связи. Съ другой стороны, повѣсти „Портретъ“ и „Невскій Проспектъ“, написанныя почти одновременно, въ свою очередь связаны одной общей нитью, представляя одна—художника-идеалиста, гибнущаго отъ полнаго незнакомства съ пошлостью обыденной жизни, другая—художника, погибающаго отъ поглощенія этою самою пошлостью его высшихъ стремленій. Къ этимъ двумъ произведеніямъ мы теперь и обратимся.

II.

Въ обѣихъ повѣстяхъ, какъ „Портретъ“, такъ и „Невскій Проспектъ“, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе самый выборъ сюжета и главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Появленіе художниковъ въ качествѣ героевъ обѣихъ повѣстей, принадлежащихъ къ одному и тому же времени, никакъ нельзя считать случайнымъ совпаденіемъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо обратить вниманіе на значительную близость Гоголя въ первые годы его петербургской жизни къ кружку художниковъ, посѣщавшихъ классы академіи художествъ. Любовь къ рисованію, замѣтно проявлявшаяся еще въ Гоголѣ-ребенкѣ, съ новой силой заговорила въ немъ тотчасъ по пріѣздѣ въ столицу, гдѣ онъ получалъ возможность на досугѣ иногда заниматься любимымъ искусствомъ подъ руководствомъ опытныхъ и свѣдущихъ людей; въ тяжелое время своей департаментской службы Гоголь находилъ иногда часы для посѣщенія музеевъ и картинныхъ галлерей. Страсть ко всему изящному была въ немъ очень сильна еще въ юности: по свидѣтельству Данилевскаго, во время своей первой заграничной поѣздки Гоголь накупилъ множество разныхъ небольшихъ, но чрезвычайно изящныхъ и красивыхъ вещей, которыя особенно пришлись ему по вкусу; извѣстно также, что онъ жадно присматривался за-границею къ произведеніямъ архитектуры и наслаждался живописью и величественной музыкой католическихъ храмовъ. Вскорѣ у него сложились опредѣленные взгляды и симпатіи въ сферѣ изящнаго, но особенно онъ восторгался готической архитектурой, какъ это видно изъ его статьи: „Объ архитектурѣ нынѣшняго вре-

Digitized by Google

мени“ [1]). По возвращеніи въ Петербургъ, при его живомъ интересѣ къ искусству, онъ, конечно, нерѣдко посѣщалъ Эрмитажъ и выставки академіи художествъ и, наконецъ, въ свободное время поспѣшилъ воспользоваться возможностью продолжать свои любимыя занятія живописью. Общая страсть скоро сблизила его съ петербургскими художниками. Хотя отношенія Гоголя въ этой сферѣ намъ неизвѣстны, за исключеніемъ развѣ знакомства его съ Брюлловымъ [2]), и, можетъ быть, даже ни съ кѣмъ изъ художниковъ Гоголь не былъ связанъ особой пріязнью, но сочувствіе его этой горсти честныхъ тружениковъ, поклонниковъ искусства, скромно уединившихся въ своихъ бѣдныхъ студіяхъ отъ бѣшеной суеты многолюдной столицы,—не подлежитъ сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ кругъ этотъ былъ достаточно извѣстенъ Гоголю и онъ относился къ нему совершенно иначе, нежели къ прозаической толпѣ петербургскихъ чиновниковъ, полицейскихъ и военныхъ.

Лѣтомъ 1830 года Гоголь по три раза въ недѣлю отправлялся въ пять часовъ вечера въ академію художествъ для занятій живописью и оставался тамъ часа два. Впечатлѣнія, вынесенныя имъ отъ знакомства съ міромъ художниковъ, были таковы: „Не говоря уже объ ихъ талантѣ“,— писалъ Гоголь матери:— „нельзя отказаться отъ нихъ навѣки! Какая скромность при величайшемъ талантѣ! Объ чинахъ и въ поминѣ нѣтъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ статскіе и даже дѣйствительные статскіе совѣтники“ [3]). Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣ времена это что-нибудь значило. Такое же выгодное мнѣніе о художникахъ отразилось и въ произведеніяхъ Гоголя.

Въ „Невскомъ Проспектѣ“ Гоголь даетъ подробную характеристику петербургскаго художника и его обстановки, и видно, что жизнь художника и бытъ его были ему хорошо извѣстны. „Это исключительное сословіе“,—говоритъ Гоголь,— „очень необыкновенное въ томъ городѣ, гдѣ все или чиновники, или купцы, или ремесленники-нѣмцы. Это былъ художникъ. Не правда ли, странное явленіе—художникъ въ землѣ снѣговъ, въ странѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно,

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр.213—234.
[2]) „Историч. Вѣстникъ“, 1881, 1, стр. 135—138.
[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 115.

Digitized by Google

блѣдно, сыро и туманно". При этомъ противоположеніи художниковъ почти всему остальному населенію Петербурга нѣтъ никакого сомнѣнія, на чьей сторонѣ симпатія автора, и это немедленно подтверждается дальнѣйшимъ изложеніемъ. „У нихъ всегда почти на всемъ сѣренькій, мутный колоритъ— неизгладимая печать сѣвера. При всемъ томъ они съ истиннымъ наслажденіемъ трудятся надъ своей работой. Они часто питаютъ въ себѣ истинный талантъ, и еслибы только дунулъ на нихъ свѣжій воздухъ Италіи, онъ бы, вѣрно, развился такъ же вольно, широко и ярко, какъ растеніе, которое выносятъ, наконецъ, изъ комнаты на чистый воздухъ" [1]).

Желая воплотить въ художественный образъ торжество суровой дѣйствительности надъ восторженной юношеской идеализаціей, Гоголь представляетъ въ „Невскомъ Проспектѣ" обаятельный образъ разукрашенной пылкимъ юношескимъ воображеніемъ прекрасной женщины какимъ-то лживымъ, обманчивымъ призракомъ, скрывающимъ за собой довольно пошлое и совсѣмъ не поэтическое содержаніе. Его собственныя прежнія горячія мечты, подъ вліяніемъ которыхъ онъ создалъ своихъ граціозныхъ Пидорку, Ганну и Оксану, теперь, повидимому, представляются ему прекраснымъ сномъ, отъ котораго онъ пробудился, и возвращеніе къ которому болѣе невозможно. Въ „Невскомъ Проспектѣ" молодую, очаровательную своей красотой женщину ставитъ на пьедесталъ уже не авторъ, а мечтатель-художникъ, неисправный идеалистъ, грёзы котораго не имѣютъ ровно ничего общаго съ жалкой дѣйствительностью. Художникъ Пискаревъ полнъ восторговъ безкорыстнаго юношескаго увлеченія, высоко цѣнимаго Гоголемъ: сила его впечатлительности далеко превосходитъ впечатлительность обыкновенныхъ людей. Это натура избранная. Вѣдь и его, какъ Гоголя, влекутъ къ себѣ тѣ стороны женской красоты, которыя могутъ возбуждать чисто-художественное наслажденіе. „Боже! какія божественныя черты!" [2]) восклицаетъ Пискаревъ, увидя очаровавшую его брюнетку. „Ослѣпительной бѣлизны прелестнѣйшій лобъ осѣненъ былъ прекрасными, какъ агатъ, волосами. Они вились, эти чудные локоны, и часть ихъ, падая изъ-подъ шляпки,

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 258—259.

[2]) Тамъ же, стр. 259.

Digitized by Google

касалась щеки, тронутой свѣжимъ, тонкимъ румянцемъ, проступившимъ отъ вечерняго холода. Уста были замкнуты цѣлымъ роемъ прелестнѣйшихъ грёзъ. Все, что̀ остается отъ воспоминанія о дѣтствѣ, что̀ даетъ мечтаніе и тихое вдохновеніе при свѣтящейся лампадѣ,—все это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось въ ея гармоническихъ устахъ“ [1]). Во всемъ этомъ описаніи нельзя не замѣтить чего-то общаго со статьей Гоголя „Женщина“. И здѣсь, и тамъ мы замѣчаемъ совершенно одинаковое чисто художническое благоговѣніе передъ женской красотой. Это наслажденіе, когда-то и еще не очень давно такъ близкое и родное Гоголю, теперь наблюдается имъ со стороны, какъ фантастическая утопія человѣка не отъ міра сего, настолько далекаго отъ познанія жизни, насколько самъ Гоголь въ періодъ „Вечеровъ на Хуторѣ“ въ этомъ отношеніи отстоялъ отъ будущаго Гоголя, творца „Миргорода“ и „Арабесокъ“. Впечатлительность Пискарева представлена съ необычайной яркостью; но особенно искусно изобразилъ Гоголь недовѣріе художника-идеалиста къ его собственнымъ впечатлѣніямъ, слишкомъ чудовищнымъ, слишкомъ возмутительнымъ для того, чтобы ихъ приняла чистая душа неиспорченнаго юноши. „Нѣтъ, это фонарь обманчивымъ свѣтомъ своимъ выразилъ на лицѣ ея подобіе улыбки; нѣтъ, это собственныя мечты его смѣются надъ нимъ. Но дыханіе занялось въ его груди, все въ немъ обратилось въ неопредѣленный трепетъ, всѣ чувства его горѣли и все передъ нимъ окинулось какимъ-то туманомъ; тротуаръ несся подъ нимъ, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мостъ растягивался и ломался на своей аркѣ, домъ стоялъ крышею внизъ, будка валилась къ нему навстрѣчу, и алебарда часового, вмѣстѣ съ золотыми словами вывѣски и нарисованными ножницами, блестѣла, казалось, на самой рѣсницѣ его глазъ“ [2]). Гоголь, очевидно, имѣлъ намѣреніе выразить въ своемъ героѣ не просто пылкій порывъ обыкновеннаго юноши, но исключительный идеализмъ высшей натуры. Поэтому въ Пискаревѣ, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть, не копію, основанную на наблюденіи надъ другими, а скорѣе отраженіе собственнаго былого очарованія. Пискаревъ „не

1) Стр. 259.
2) Стр. 260.

Digitized by Google

чувствовалъ никакой земной мысли; онъ не былъ разогрѣтъ пламенемъ земной страсти,—нѣтъ, онъ былъ въ эту минуту чистъ и непороченъ, какъ дѣвственный юноша, еще дышащій *неопредѣленной духовной потребностью любви*“ [1]). Эту „духовную потребность любви“, какъ извѣстно, всего лучше удалось Гоголю изобразить въ Андріи, одной изъ самыхъ привлекательныхъ и поэтическихъ личностей въ его произведеніяхъ. Гоголь, въ силу своей южной натуры, всегда представлялъ себѣ любовь пламенною, готовою сразу и безъ сожалѣнія пожертвовать всѣмъ, все поставить на карту. Передъ такой любовью не устоитъ ничего; все самое священное въ мірѣ готовъ отдать за нее человѣкъ, и отдать безъ малѣйшаго колебанія. Такъ Андрій говоритъ у него: „А что̀ мнѣ отецъ, товарищи и отчизна?“ и пр., и послѣ этого авторъ патетически прибавляетъ: „И погибъ казакъ! пропалъ для всего казацкаго рыцарства!“ [2]) Такая любовь, горячая, безумная, страстная, по представленію Гоголя, можетъ вести только къ гибели [3]), и дѣйствительно, она является у Гоголя исключительно источникомъ страданій, началомъ паденія, ведущаго къ смерти физической и духовной. Въ одномъ письмѣ къ Данилевскому Гоголь называетъ это чувство „сильнымъ и свирѣпымъ энтузіазмомъ, потрясающимъ надолго весь организмъ человѣка“. Про себя Гоголь говоритъ Данилевскому, что онъ, благодаря судьбѣ, любви не испыталъ. „Я потому говорю *благодаря*“,—прибавляетъ онъ въ поясненіе,—„что это пламя меня бы превратило въ прахъ въ одно мгновеніе“ [4]).

Женщина въ дѣйствительности и въ мечтѣ неиспорченнаго юноши—по нынѣшнему мнѣнію Гоголя—два разныхъ существа, нисколько не похожія другъ на друга. И вотъ Гоголь, вслѣдъ за изображеніемъ чистой страсти идеалиста, рисуетъ, можетъ быть, съ цѣлью произвести особенно потрясающее впечатлѣніе ужаснымъ контрастомъ, презрѣнный притонъ разврата и, не удовлетворяясь этимъ, заставляетъ своего героя

---

[1]) Стр. 261.

[2]) Т. I, стр. 306.

[3]) Ср. у Скабичевскаго (сочиненія, т. II, стр. 681).—Г. Скабичевскій усматриваетъ у Гоголя архаическій взглядъ на любовь, принадлежащій къ тѣмъ вѣкамъ, когда въ женщинѣ „видѣли сосудъ діавола, а въ плотской любви гибельное „сатанинское прельщеніе“.

[4]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 165.

Digitized by Google

вторично вернуться туда, чтобы предложить несчастной жертвѣ соблазна руку помощи и воскресить ее къ новой разумной жизни, но вмѣсто того испытать убійственное поруганіе надъ своимъ святымъ чувствомъ. Это поразительное сопоставленіе чистаго энтузіазма съ мертвящею пошлостью ясно указываетъ на совершившійся въ Гоголѣ со времени „Вечеровъ“ нравственный переворотъ, послѣ котораго въ мірѣ Божіемъ, представлявшемся ему чуднымъ художественнымъ созданіемъ, отъ него уже не были скрыты многочисленные, встрѣчающіеся въ немъ, язвы и изъяны. Мысль Гоголя не можетъ легко мириться съ тѣмъ поруганіемъ женщины, которое хладнокровно и съ спокойной совѣстью совершается въ жизни на каждомъ шагу. Въ этомъ случаѣ въ немъ говоритъ чуткая душа художника. „Въ самомъ дѣлѣ“, — писалъ онъ, — „никогда жалость такъ сильно не овладѣваетъ нами, какъ при видѣ красоты, тронутой тлетворнымъ дыханіемъ разврата. Пусть бы еще безобразіе дружилось съ нимъ, но красота, красота нѣжная... Она только съ одной непорочностью и чистотой сливается въ нашей мысли“ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, въ „Вечерахъ на Хуторѣ“ образы Параски, Пидорки, Ганны и Оксаны свободны отъ всего пошлаго, отъ какого-либо представленія о грязномъ развратѣ. Гоголь отъ глубины души возмущался тѣмъ, что „женщина, эта красавица міра, вѣнецъ творенія, обратилась въ какое-то странное, двусмысленное существо“; но въ то же время неумолимый анализъ заставлялъ его видѣть въ этомъ прежнемъ своемъ кумирѣ такія черты, которыя разрушили все былое очарованіе („Она раскрыла свои хорошенькія уста и стала говорить что-то, но все это было такъ глупо, такъ пошло“) [2]). Мечта художника ставитъ ужаснувшую его своимъ позоромъ женщину въ различныя положенія: она представляется ему то въ мирной семейной сферѣ, то въ обществѣ, и рисуется въ такихъ привлекательныхъ образахъ, которые создаетъ его сладостная поэтическая греза, но увы! эта женщина-идеалъ является не въ дѣйствительности, но въ прекрасномъ и мгновенномъ сновидѣніи мечтателя... Пискаревъ видитъ цѣлый рядъ сновъ, и въ каждомъ изъ нихъ женщина увѣнчана ореоломъ обаянія и высочайшей нравственной кра-

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 263.

[2]) Тамъ же.

Digitized by Google

соты, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она является слишкомъ обыденнымъ существомъ, а въ „Невскомъ Проспектѣ“—даже презрѣнной жертвой разврата. Чѣмъ болѣе въ представленіи Гоголя женщина лишалась чудной поэтической окраски, тѣмъ болѣе ее украшала его *мечта* лаврами недосягаемаго физическаго и нравственнаго совершенства.

III.

Другую, болѣе широкую идею хотѣлъ выразить Гоголь въ „Невскомъ Проспектѣ“, — печальную идею о торжествѣ въ жизни начала пошлаго надъ возвышеннымъ, благороднымъ и честнымъ. Это горькое убѣжденіе, вынесенное авторомъ изъ горькаго опыта жизни, проявляется различнымъ образомъ, но съ одинаковой силой, въ „Невскомъ Проспектѣ“ и „Портретѣ“. Въ послѣднемъ Гоголь, очевидно, хотѣлъ выразить какъ свои мысли объ искусствѣ и о томъ, какъ слѣдуетъ служить ему, такъ и показать гибельное столкновеніе между пошлостью свѣта и самыми прекрасными, самыми святыми идеалами юноши-художника.

Въ исправленной редакціи остается та же мысль, что̀ и въ первоначальной, но существенно измѣнены нѣкоторыя, впрочемъ довольно важныя, подробности. Такъ, самый портретъ въ первоначальной редакціи имѣетъ мистическое значеніе, аналогичное съ тѣмъ, которое приписывается обыкновенно сверхъестественной силѣ; этотъ страшный, демоническій ростовщикъ исполняетъ здѣсь назначеніе обольстителя, развращающаго молодого человѣка приманками богатства и почестей. Въ исправленной редакціи смыслъ въ этомъ отношеніи значительно измѣненъ: портретъ служитъ тамъ единственно механическимъ источникомъ обогащенія, не развратившимъ неопытнаго художника, но только давшимъ ему случай и возможность пойти по той дорогѣ, о которой онъ мечталъ и раньше. Отсюда замѣтное различіе въ подробностяхъ: въ самомъ началѣ повѣсти, оставшемся почти безъ измѣненій въ исправленномъ изданіи, о Чертковѣ сказано: „Старая шинель и нещегольское платье показывали въ немъ того человѣка, который съ самоотверженіемъ преданъ былъ своему труду, и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ таинственную привлекательность для

Digitized by Google

молодежи“ [1]). Въ этомъ изображеніи мы можемъ узнать отголосокъ мнѣнія Гоголя о художникахъ-идеалистахъ, о которыхъ онъ такъ сочувственно отозвался въ письмѣ къ матери. Въ исправленномъ изданіи эти строки удержаны вполнѣ, хотя съ ослабленіемъ въ немъ, подъ вліяніемъ указаній критики, фантастическаго элемента: вступленіе художника на скользкій путь моднаго живописца, главнымъ образомъ, объясняется уже задатками его собственной натуры, въ которой именно весьма сильно естественное желаніе юноши широко пользоваться жизнью. Какъ бы забывая о приведенныхъ выше строкахъ, цѣликомъ внесенныхъ изъ первоначальнаго эскиза повѣсти, Гоголь далѣе говоритъ: „Иногда нашему художнику, точно, хотѣлось кутнуть, *щегольнуть*, — словомъ, кое-гдѣ показать свою молодость, *но при всемъ томъ онъ могъ взять надъ собою власть. Временами* онъ могъ позабыть все, принявшись за кисть, и отрывался отъ нея не иначе, какъ отъ прекраснаго, прерваннаго сна“ [2]). Но все это и слѣдующее затѣмъ мѣсто, внесенное Гоголемъ въ позднѣйшую редакцію, уже существенно измѣняетъ самую постановку вопроса, и намъ кажется, что, строго говоря, слова: „Чертковъ *съ самоотверженіемъ былъ преданъ своему труду* и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ“, въ позднѣйшей редакціи не вполнѣ согласны съ послѣдующимъ изложеніемъ. По крайней мѣрѣ тамъ, только-что получивъ чудесно доставшіяся ему деньги, Чертковъ немедленно спѣшитъ ихъ употребить прежде всего на свой костюмъ, о которомъ, надо полагать, онъ не слишкомъ мало заботился, если, получивъ деньги, онъ тотчасъ же устремился накупить духовъ, помады да „купилъ *нечаянно* въ магазинѣ дорогой лорнетъ, *нечаянно накупилъ тоже бездну всякихъ галстуховъ, болѣе чѣмъ было нужно, завилъ у парикмахера себѣ локоны*“ и проч. Гоголь даже прямо говоритъ въ исправленной редакціи: „*Прежде всего* зашелъ къ портному, одѣлся съ ногъ до головы и, какъ ребенокъ, сталъ осматривать себя безпрестанно“. Ниже мы укажемъ причину, вслѣдствіе которой, по нашему мнѣнію, Гоголь допустилъ эти перемѣны; теперь отмѣтимъ только, что въ первоначальной редакціи, напротивъ, *ничего* не говорится о страсти Черткова къ нарядамъ. Тамъ

[1]) Соч. Гог., изд. X. т. II, стр. 30.
[2]) Стр. 35.

Digitized by Google

Гоголь хотѣлъ изобразить въ немъ только столь сочувственную ему прыть молодого человѣка, о которомъ онъ выражается такъ: „Нѣсколько червонцевъ въ карманѣ—и что̀ не во власти исполненной силъ юности! Притомъ русскій человѣкъ, *а особливо дворянинъ или художникъ*, имѣетъ странное свойство: какъ только завелся у него въ карманѣ грошъ — ему все трынъ-трава и море по колѣна“ [1]). Въ устахъ Гоголя послѣднія слова имѣютъ сочувственное значеніе, и въ этой „широтѣ натуры“ онъ не могъ отказать симпатичному для него типу художника. Зато въ исправленной редакціи нѣтъ уже этой поэтической стороны, а выставлена вмѣсто нея, безъ сомнѣнія осуждаемая авторомъ, пошлость: „Вино нѣсколько зашумѣло въ головѣ, и онъ вышелъ на улицу живой, бойкій, по русскому выраженію—„чорту не братъ“. Прошелся по тротуару гоголемъ, *наводя на всѣхъ лорнетъ*. На мосту замѣтилъ онъ своего прежняго профессора и *шмыгнулъ мимо мимо его*, какъ бы не замѣтивъ его вовсе“ [2]), и проч. Итакъ, въ позднѣйшей редакціи Чертковъ представленъ уже далеко не такимъ самоотверженнымъ, служащимъ только возвышеннымъ идеаламъ художникомъ, но, напротивъ, такимъ, въ которомъ сильно борются готовность служить Богу и мамонѣ, пока, наконецъ, не одерживаетъ верхъ послѣдняя. Недаромъ въ исправленной редакціи введено лицо профессора, который давно замѣчалъ въ Чертковѣ наклонность къ щегольству и опасался за гибель его таланта. „Берегись, тебя ужъ начинаетъ свѣтъ *тянуть;* ужъ, я вижу, *у тебя иной разъ на шеѣ щегольской платокъ, шляпа съ лоскомъ*“ [3]).

Мы останавливаемся на этихъ мелочахъ съ тѣмъ, чтобы указать нѣкоторыя соображенія, дающія ключъ къ объясненію перемѣнъ, сдѣланныхъ Гоголемъ въ позднѣйшей редакціи повѣсти. Такъ, отмѣченная нами перемѣна, пока совершенно внѣшняя, какъ намъ кажется, объясняется притокомъ новыхъ впечатлѣній, испытанныхъ Гоголемъ въ Римѣ, гдѣ онъ, кромѣ извѣстнаго Иванова и немногихъ другихъ, встрѣчалъ преимущественно глубоко несимпатичныхъ ему, мало развитыхъ, но чрезмѣрно самонадѣянныхъ русскихъ художниковъ, пенсіонеровъ академіи художествъ. Слѣды этихъ новыхъ впечат-

[1]) Т. V, стр. 169.
[2]) Т. II, стр. 47.
[3]) Т. II, стр. 35.

Digitized by Google

лѣній сильно замѣтны въ повѣсти: въ самомъ дѣлѣ, все мѣсто, въ которомъ Гоголь говоритъ о художественныхъ сужденіяхъ юнаго Черткова, о непониманіи имъ Рафаэля, хотя онъ увлекался Гвидо и Тиціаномъ,—все это было результатомъ позднѣйшаго близкаго знакомства Гоголя съ великими мастерами Италіи и съ сужденіями о нихъ жившихъ въ Римѣ художниковъ. Между прочимъ удержана одна черта, списанная съ натуры: разбогатѣвшій и вошедшій въ славу Чертковъ отзывается съ презрѣніемъ о предшественникахъ Рафаэля, которые будто бы писали „не фигуры, а селедки“ [1]). По свидѣтельству О. Н. Смирновой, эти именно слова принадлежали одному изъ художниковъ, жившихъ въ Римѣ [2]); кромѣ того, есть и въ перепискѣ Гоголя явные слѣды его презрѣнія къ ихъ неосновательному самомнѣнію. „Ты спрашиваешь о художникахъ русскихъ“,—писалъ онъ Данилевскому:—„Я, право, ихъ почти не вижу. А Дурнова твоего если гдѣ увижу, право, тошнитъ. Что̀ за народъ! Каневскій, Никитинъ, Ефимовъ! ужасъ какая тоска! И всякій изъ нихъ увѣренъ отъ души, что имѣетъ много таланту“. Или: „Дурновъ мнѣ надоѣлъ страшнымъ образомъ тѣмъ, что ругаетъ совершенно наповалъ все, что̀ ни находится въ Римѣ“...[3])

Мы сказали, что въ гибели Черткова есть несомнѣнное сходство съ гибелью Пискарева: и въ томъ, и въ другомъ идеализмъ не выдерживаетъ роковой встрѣчи съ развращающимъ свѣтомъ. Но кромѣ этого Гоголь имѣлъ въ виду въ „Портретѣ“ при случаѣ высказать свои взгляды объ искусствѣ. Взгляды эти съ теченіемъ времени частью уяснились и расширились, частью измѣнились. Въ этомъ исправленная редакція уже замѣтно и существенно отличается отъ первоначальной. Въ послѣдней Гоголь хотѣлъ высказать, во-первыхъ, что истинный жрецъ искусства долженъ ставить служеніе ему выше всѣхъ земныхъ соблазновъ и обольщеній; что только тѣ таланты могутъ найти истинную дорогу, которые стойко выдержатъ всѣ жизненныя испытанія; что все, что̀ кажется такимъ естественнымъ и вылившимся прямо изъ души художника, повидимому доставшееся ему безъ труда,

[1]) Т. II, стр. 56.

[2]) „Указатель къ письмамъ Гоголя“, I изд., стр. 40, примѣч.

[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 364 и 324—325, также 321.

Digitized by Google

въ сущности требуетъ упорныхъ и самоотверженныхъ усилій; что художникъ не можетъ пренебречь своимъ талантомъ безъ угрызеній совѣсти, такъ какъ на немъ лежитъ серьезная нравственная отвѣтственность, наконецъ, что въ искусствѣ существуетъ извѣстный предѣлъ въ приближеніи художника къ дѣйствительности, перейдя который, по мнѣнію Гоголя, онъ уже перестаетъ создавать достойные его кисти образы и впадаетъ въ посредственность. „Какая странная, какая непостижимая задача! [1]) Или для человѣка есть такая черта, до которой доводитъ высшее познаніе искусства, и черезъ которую шагнувъ, онъ уже похищаетъ несоздаваемое трудомъ человѣка, онъ вызываетъ что-то живое изъ жизни, одушевляющей оригиналъ. Отчего же этотъ переходъ за черту, положенную границею для воображенія, такъ ужасенъ? Или за воображеніемъ, за порывомъ слѣдуетъ, наконецъ, дѣйствительность,— та ужасная дѣйствительность, на которую соскакиваетъ воображеніе съ своей оси какимъ-то постороннимъ толчкомъ,— та ужасная дѣйствительность, которая представляется жаждущему ея тогда, когда онъ, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружается анатомическимъ ножомъ, раскрываетъ его внутренность и видитъ отвратительнаго человѣка? Или черезъ-чуръ близкое подражаніе природѣ такъ же приторно, какъ блюдо, имѣющее черезъ-чуръ сладкій вкусъ“. Эти мысли въ исправленной редакціи перенесены въ измѣненномъ видѣ во вторую часть повѣсти, гдѣ онѣ высказаны устами самого художника, написавшаго портретъ и признавшагося потомъ сыну, что онъ былъ „бездушно вѣренъ природѣ“ [2]), вслѣдствіе чего приведенное выше разсужденіе автора въ первой части также нѣсколько передѣлано. Со временемъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ жизни писателя и особенно толковъ, возбужденныхъ выходомъ въ свѣтъ „Ревизора“, эта идея получила дальнѣйшее развитіе, и тогда начали постепенно вырабатываться позднѣйшіе взгляды Гоголя на творчество, выраженные имъ въ „Мертвыхъ Душахъ“, „Развязкѣ Ревизора“ и „Театральномъ Разъѣздѣ“, гдѣ Гоголь разъясняетъ значеніе „презрѣннаго и ничтожнаго“ въ творчествѣ и „неизмѣримую пропасть между созданіемъ и простой копіей съ при-

[1]) Т. V, стр. 159.
[2]) Т. II, стр. 83.

Digitized by Google

роды". Но это сличеніе уже сдѣлано Н. С. Тихонравовымъ въ его прекрасныхъ и обстоятельныхъ примѣчаніяхъ [1]).

Укажемъ еще нѣсколько отличій первоначальнаго текста отъ исправленнаго. Желая, согласно указаніямъ критики, ослабить фантастическій элементъ повѣсти, Гоголь сглаживаетъ между прочимъ случайность въ самомъ нахожденіи чуднаго портрета въ мелкой картинной лавочкѣ. Исправленная редакція, въ противоположность первоначальной, заботясь почти всюду устранить сверхъестественное сцѣпленіе происшествій, какъ бы заранѣе предупреждаетъ читателя о возможности подобной находки размышленіемъ Черткова („Художникъ думалъ втайнѣ: „Авось что-нибудь и отыщется". Онъ *не разъ слышалъ разсказы* о томъ, какъ иногда у лубочныхъ продавцовъ были отыскиваемы въ сору картины великихъ мастеровъ") [2]). Соотвѣтственно этому также въ исправленной редакціи читаемъ дальше такія строки: „Въ воображеніи его воскресли вдругъ всѣ исторіи о кладахъ, шкатулкахъ съ потаенными ящиками" [3]) и проч. Затѣмъ совершенно выпущенъ разсказъ объ импровизированномъ аукціонѣ въ картинной лавочкѣ между Чертковымъ и его неожиданнымъ соперникомъ, но онъ замѣненъ сходнымъ описаніемъ во второй части (послѣ словъ: „Аукціонъ, казалось, былъ въ самомъ разгарѣ"). Зато внесено вновь изображеніе чувствъ и размышленій художника послѣ неожиданной для него самого покупки портрета, описаніе лѣстницы, „облитой помоями и украшенной слѣдами кошекъ и собакъ", всей обстановки Черткова и проч. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей въ сходномъ видѣ встрѣчались уже въ другихъ повѣстяхъ, написанныхъ не позже исправленной редакціи, напр., описаніе черной лѣстницы въ „Шинели", также разговоръ Черткова съ слугой напоминаетъ отчасти сходныя сцены въ „Женитьбѣ" и „Игрокахъ" (Гоголь, напримѣръ, чрезвычайно удачно схватилъ обычный характеръ отвѣтовъ многихъ слугъ съ ихъ равнодушнымъ лаконизмомъ и привычкой объявлять о самомъ важномъ только въ концѣ доклада, и проч.). Фантастическое появленіе изображеннаго на портретѣ Петромихали передъ кроватью Черткова въ позднѣйшей редакціи замѣнено мастерскимъ изображеніемъ

[1]) Т. II, стр. 588 и слѣд.
[2]) Т. II, стр. 31.
[3]) Стр. 45.

Digitized by Google

сна послѣдняго(въ первоначальномъ эскизѣ фантастическій элементъ введенъ сознательно и намѣренно). Этотъ безсвязный, тревожный сонъ, какъ извѣстно, смѣняется непріятнымъ пробужденіемъ, и смѣна грезъ впечатлѣніями дѣйствительности нарисована чрезвычайно живо, но особенно замѣчательно изображеніе свѣта луны, „несущаго съ собой бредъ мечты и облекающаго все въ иные образы, противоположные положительному дню". Въ „Невскомъ Проспектѣ", написанномъ около того же времени, находимъ сходныя описанія („Онъ лжетъ во всякое время, этотъ Невскій Проспектъ, но болѣе всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжетъ на него и отдѣлитъ бѣлыя и палевыя стѣны домовъ, когда весь городъ превратится въ громъ и блескъ, міріады каретъ валятся съ мостовъ, форейторы кричатъ и прыгаютъ на лошадяхъ, *и когда самъ демонъ зажигаетъ лампы для того только, чтобы показать все не въ настоящемъ видѣ"*)[1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позднѣйшая редакція представляетъ просто распространеніе или сокращеніе первоначальной. Такъ слова: „какое-то дикое чувство, не страхъ, но то неизъяснимое ощущеніе, которое мы чувствуемъ при появленіи странности, представляющей безпорядокъ природы,—это самое чувство заставило вскрикнуть почти всѣхъ" (при взглядѣ на портретъ) — замѣнены описаніемъ испуга женщины, воскликнувшей: „глядитъ! глядитъ!"[2]).

Вторая часть „Портрета" въ исправленной редакціи немногимъ отличается отъ первоначальной; только въ началѣ, когда неизвѣстный художникъ приступаетъ къ разсказу объ исторіи портрета, по первоначальной редакціи, „аукціонъ еще не начинался", а въ исправленной, напротивъ, послѣ того какъ въ первой части была выпущена сцена импровизированнаго аукціона въ лавочкѣ на Щукиномъ дворѣ, представилась возможность перенести ее въ измѣненномъ видѣ во вторую часть.

Описаніе Коломны является въ повѣсти явно эпизодической частью, въ сущности даже мало связанной съ главнымъ изложеніемъ, что́ невольно наводитъ на мысль, не составляло ли оно первоначально отдѣльный отрывокъ, подобно тому,

[1]) Т. II, 38 и т. V, 161, 286; т. II, стр. 41 и т. V, стр. 259.
[2]) Т. V, стр. 158—159 и т. II, стр. 32.

Digitized by Google

какъ другіе такіе же отрывки представляются намъ въ описаніи Невскаго проспекта въ началѣ повѣсти этого названія и въ позднѣйшей сравнительной характеристикѣ Москвы и Петербурга. Фактъ внесенія этого эпизода въ повѣсть и притомъ именно въ разсказъ неизвѣстнаго художника представляетъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторую натяжку со стороны автора. На это отчасти указываютъ слова художника: „*Я для того привелъ это,* чтобы показать вамъ, какъ часто этотъ народъ находится въ необходимости искать одной только внезапной, временной помощи“ [1]). Такая характеристика, какъ напр.: „Тутъ совершенно другой свѣтъ, и, въѣхавши въ уединенныя коломенскія улицы, вы, кажется, слышите, какъ оставляютъ васъ всѣ молодые желанія и порывы. Здѣсь все тишина и отставка. Здѣсь все, что̀ осѣло отъ движенія столицы“,—имѣетъ себѣ соотвѣтствующее мѣсто въ характеристикѣ Невскаго проспекта. („Едва только взойдешь на Невскій проспектъ, какъ уже пахнетъ однимъ гуляньемъ“ [2]), и проч.). Весьма возможно, что Гоголь сначала имѣлъ въ виду представить живую характеристику разныхъ частей Петербурга и связать ихъ потомъ въ одну яркую картину, но послѣ оставилъ эту мысль и воспользовался готовымъ матеріаломъ для новыхъ повѣстей. Иначе къ чему бы предлагать нетерпѣливо ожидающимъ разсказа слушателямъ обстоятельную характеристику той части города, которая едва-ли можетъ быть совершенно неизвѣстна петербуржцу, хотя Гоголь и заставилъ разсказчика начать такъ: „*Безъ сомнѣнія, немногимъ изъ васъ хорошо извѣстна* та часть города, которую называютъ Коломной“. Замѣчательно притомъ, что въ исправленной редакціи разсказчикъ говоритъ напротивъ: „*Вамъ извѣстна та часть города*“ [3])... Укажемъ еще нѣсколько сходныхъ чертъ въ „Портретѣ“ и „Невскомъ Проспектѣ“ съ другими произведеніями Гоголя.

Подобно разнымъ бѣсовскимъ подаркамъ въ „Вечерахъ на Хуторѣ“, и волшебный портретъ въ повѣсти этого названія не погибаетъ, когда его хотятъ истребить; такъ, когда отецъ разсказчика бросилъ его въ огонь, то портретъ вскорѣ снова очутился передъ нимъ (см. первонач. редакцію); точно

[1]) Т. II, стр. 69.
[2]) Т. II, стр. 67 и т. V, стр. 251.
[3]) Т. V, стр. 180 и т. II, стр. 67.

Digitized by Google

также портретъ причиняетъ неисчислимый вредъ всѣмъ, кому попадетъ въ руки. Здѣсь, наконецъ, въ заключеніи повѣсти уже сказались задатки будущаго религіозно-мистическаго настроенія Гоголя: онъ прямо утверждалъ, что „въ отвратительныхъ живыхъ глазахъ удержалось бѣсовское чувство", и есть такія патетическія восклицанія, какъ напр.: „Горе, сынъ мой, бѣдному человѣчеству!" [1]) Отмѣтимъ еще, что въ исправленной редакціи есть также весьма любопытныя строки, представляющія намекъ на гоненія литературы и искусствъ послѣ паники, наступавшей въ разныя времена вслѣдъ за революціями, и по этому поводу въ разсказѣ появляется мимоходомъ, какъ и въ прежнихъ повѣстяхъ, личность императрицы Екатерины Второй („Во всѣхъ сочиненіяхъ вельможа сталъ видѣть дурную сторону, толковать криво всякое слово. Тогда на бѣду случилась французская революція"... „Государыня замѣтила, что не подъ монархическимъ правленіемъ угнетаются высокія, благородныя движенія души" [2]) и проч.).

Изъ петербургскихъ типовъ, надъ изображеніемъ которыхъ всего охотнѣе работала фантазія Гоголя въ первые годы его жизни въ столицѣ, можно отмѣтить прежде всего типъ пустого, самодовольнаго фата, занятаго собой и своими успѣхами или положеніемъ въ обществѣ. Таковы поручикъ Пироговъ въ „Невскомъ Проспектѣ" и маіоръ Ковалевъ въ „Носѣ" (позднѣе—Собачкинъ и, наконецъ, Хлестаковъ); типъ ремесленника (Иванъ Яковлевичъ въ „Носѣ" и Петровичъ въ „Шинели"); наконецъ типъ недобросовѣстнаго и небрежнаго полицейскаго, который, вмѣсто того, чтобы оказать должное содѣйствіе прибѣгающимъ къ его помощи, дѣйствуетъ уклончиво и, обращая вниманіе на постороннія дѣлу обстоятельства, не скупится на дерзкіе упреки (такъ, маіору Ковалеву частный, почти не выслушавъ его, заявляетъ, что „у порядочнаго человѣка не оторвутъ носа"; Акакію Акакіевичу частный не только не показалъ никакого участія, но еще пустился разспрашивать, зачѣмъ онъ поздно воротился и не былъ ли въ непорядочномъ домѣ, а будочникъ, видѣвшій, какъ его грабили, хладнокровно отвѣтилъ, что онъ думалъ, будто его остановили пріятели) [3]).

[1]) Т. V, стр. 195.
[2]) Т. II, стр. 70 - 71.
[3]) Т. II, стр. 17, 105, 106.

Digitized by Google

Въ заключеніе отмѣтимъ въ „Портретѣ“, „Невскомъ Проспектѣ“ и „Носѣ“ нѣкоторые пріемы, впервые появившіеся теперь у Гоголя, но повторявшіеся и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ. Такова восклицательная форма рѣчи въ юмористическихъ описаніяхъ, встрѣчающаяся также въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ (напр.: „Создатель, какіе странные характеры встрѣчаются на Невскомъ проспектѣ!“ „Боже, какія есть прекрасныя должности и службы! какъ онѣ возвышаютъ и услаждаютъ душу!“ „А какіе встрѣтите вы дамскіе рукава на Невскомъ проспектѣ!“ Ср. въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“: „Господи Боже! какая бездна тонкости бываетъ у человѣка! Нельзя разсказать, какое пріятное впечатлѣніе производятъ такіе поступки!“ [1]). Въ „Портретѣ“ хвастовство важными знакомыми домохозяина, у котораго нанималъ квартиру Чертковъ, напоминаетъ такое же хвастовство маіора Ковалева въ „Носѣ“ [2]). Въ „Невскомъ Проспектѣ“ находимъ также пріемы, встрѣчающіеся позднѣе въ „Мертвыхъ Душахъ“; напр. въ перечисленіяхъ: „Одинъ показываетъ щегольской сюртукъ съ лучшимъ бобромъ, другой—греческій прекрасный носъ, третій несетъ превосходныя бакенбарды, четвертая—пару хорошенькихъ глазокъ и удивительную шляпку, пятый—перстень съ талисманомъ на щегольскомъ мизинцѣ, шестая—ножку въ очаровательномъ башмачкѣ, седьмой — галстухъ, возбуждающій удивленіе, осьмой—усы, повергающіе въ изумленіе“ и проч. Ср. въ „Мертвыхъ Душахъ“: „У всякаго есть свой задоръ: у одного задоръ обратился на борзыхъ собакъ; другому кажется, что онъ сильный любитель музыки и удивительно чувствуетъ всѣ глубокія мѣста въ ней; третій мастеръ лихо пообѣдать; четвертый сыграть роль, хоть однимъ вершкомъ повыше той, которая ему назначена; пятый, съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ, спитъ и грезитъ о томъ, какъ бы пройтись на гуляньѣ съ флигель-адъютантомъ, напоказъ своимъ пріятелямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ; шестой ужъ одаренъ такой рукой, которая чувствуетъ желаніе сверхъестественное заломить уголъ какому-нибудь бубновому тузу

---

[1]) Т. I, стр. 426—427; т. V, стр. 253 и 254.

[2]) Т. II, 21 и 43.

Digitized by Google

и двойкѣ, тогда какъ рука седьмого такъ и лѣзетъ произвести гдѣ-нибудь порядокъ“ [1]) и проч.

IV.

Одновременно съ обращеніемъ Гоголя отъ свѣтлаго міра юношескихъ грезъ къ сухой и черствой житейской прозѣ мы замѣчаемъ соотвѣтствующую перемѣну и въ сферѣ фантастическихъ образовъ, создаваемыхъ богатой творческой силой его генія. Какъ извѣстно, область фантастическаго занимаетъ весьма видное мѣсто въ его созданіяхъ. Какъ ни странно могло бы показаться это въ такомъ великомъ художникѣ-реалистѣ, Гоголь всегда или долго имѣлъ болѣе или менѣе сильную склонность къ таинственному и волшебному, такъ что въ значительной части его произведеній этотъ элементъ играетъ важную роль, и даже въ сюжетѣ „Мертвыхъ Душъ“ иные не безъ основанія находили что-то фантастическое. Такое присутствіе въ Гоголѣ постояннаго стремленія въ міръ чудеснаго на ряду съ величайшей способностью изображать повседневную жизнь никакъ не можетъ быть объясняемо исключительно внѣшними причинами, какъ напримѣръ вліяніемъ родной украинской поэзіи и впечатлѣніями дѣтства; несомнѣнно напротивъ, что оно имѣло болѣе глубокіе корни въ самомъ психическомъ складѣ этой богато одаренной натуры. Особенное значеніе въ данномъ случаѣ, конечно, необходимо приписать сильному возбужденію дѣятельности воображенія, такъ неутомимо работавшаго въ дни юности Гоголя.

Но характеръ фантастическихъ образовъ въ произведеніяхъ Гоголя постепенно мѣняется соотвѣтственно его духовному росту и происходившимъ въ немъ внутреннимъ перемѣнамъ. Въ раннюю пору юности фантазія Гоголя была настроена свѣтло и радостно, что̀ неизбѣжно должно было отразиться на характерѣ его чудныхъ грезъ въ „Вечерахъ на Хуторѣ“, грезъ, плѣнительныхъ свѣжестью и нѣжнымъ благоуханіемъ этихъ раннихъ, роскошныхъ цвѣтовъ его творчества. Обаятельная веселость автора имѣла тогда своимъ источникомъ безграничную вѣру въ собственныя силы и въ

[1]) Очень часто встрѣчаются также въ разныхъ произведеніяхъ Гоголя насмѣшки надъ щепетильностью должностныхъ лицъ и учрежденій относительно изображенія ихъ въ литературѣ (т. II, стр. 7, 17, 85 и проч.).

Digitized by Google

свѣтлую звѣзду счастія, манившую его въ безпредѣльный просторъ жизни, а также и упоеніе тѣми осязательными успѣхами, которые давали ему отрадное чувство нравственнаго самоудовлетворенія. Охлаждающія юношескій пылъ неудачи, дрязги и мелочи обыденной колеи еще не успѣли подорвать въ Гоголѣ его лучшія мечты, и постепенное разставаніе съ ними совершалось не безъ внутренней борьбы. Напротивъ, въ часы горя и грусти Гоголь, какъ будто на зло ненавистной судьбѣ, долго сохранялъ счастливую способность находить убѣжище отъ смрадной дѣйствительности въ неистощимомъ калейдоскопѣ чудныхъ созданій своего генія.

Въ „Авторской Исповѣди“ Гоголь прямо объясняетъ происхожденіе своихъ первыхъ произведеній тѣмъ, что на него „находили припадки тоски“, и что для того, „чтобы развлекать себя самого, онъ придумывалъ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшные лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала“ [1]).

Такъ было вначалѣ, когда потребность время отъ времени переноситься отъ скучной дѣйствительности въ міръ привлекательныхъ фантастическихъ грезъ была особенно сильна въ Гоголѣ. Она удовлетворяла тогда его жаждѣ къ прекрасному и освѣжала его духъ, утомленный впечатлѣніями обыденной жизни. Чѣмъ глубже западали въ его душу тяжелые осадки, захваченные со дна мутнаго теченія наблюдаемой имъ жизни, тѣмъ громче говорило страстное желаніе отдохнуть отъ нихъ, забыться среди создаваемыхъ его пылкимъ воображеніемъ картинъ. Гоголь находилъ наслажденіе погружаться на нѣкоторое время въ поэтическую музыку очаровательныхъ образовъ, и пока беззаботно рисовалъ въ своемъ представленіи обаятельныя картины природы, плѣнительныхъ дѣвушекъ, дорогія, при всемъ своемъ комизмѣ, стороны родного украинскаго быта. Точно такъ же и въ его историческихъ изученіяхъ всегда выступали на первый планъ съ одной стороны заманчивыя своей таинственностью, а съ другой—поражающія

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 248.

Digitized by Google

воображеніе грандіозностью и величіемъ эпохи крестовыхъ походовъ, быстраго возрастанія политическаго могущества и мгновеннаго расцвѣта образованности арабской. Хотя въ послѣднемъ случаѣ мы указываемъ примѣръ, повидимому, не прямо подтверждающій склонность Гоголя къ фантастическому, такъ какъ примѣръ этотъ взятъ изъ области исторіи; но не слѣдуетъ забывать, что Гоголь былъ всего менѣе историкомъ и что при занятіяхъ исторіей въ немъ всегда сказывался прежде всего художникъ, и притомъ художникъ, способный интересоваться въ наукѣ особенно тѣмъ, что̀, благодаря густому туману вѣковъ, давало приволье пылкому воображенію, не охотно мирившемуся съ скучными, прозаическими интересами повседневной жизни.

Но годы шли, и жизнь налагала на Гоголя свою тяжелую руку: полетъ фантазіи, наиболѣе свободной по самой сущности отъ суроваго давленія будничной прозы, тѣмъ не менѣе неизбѣжно отражаетъ всѣ колебанія и перемѣны въ духовной жизни человѣка. Особенно слѣдуетъ признать роковую власть надъ создаваемыми ею о́бразами со стороны господствующаго настроенія извѣстной личности въ данное время. Только тогда возможно созданіе такихъ чудныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наивныхъ о́бразовъ разныхъ нечистыхъ и колдуновъ,—въ томъ родѣ, какъ мы видимъ это въ „Вечерахъ на Хуторѣ“,—когда на душѣ еще нѣтъ тяжелаго груза заботъ, и сохраняется неприкосновеннымъ юношескій вкусъ къ сказочнымъ, эффектнымъ сюжетамъ. Со временемъ все это исчезаетъ и понемногу замѣняется стремленіемъ къ возстановленію душевнаго равновѣсія, нарушеннаго житейской сутолокой, въ направленіи болѣе близкомъ къ той самой удручающей будничной прозѣ, отъ которой не можетъ совсѣмъ укрыться поэтъ въ чудномъ мірѣ своихъ завѣтныхъ мечтаній. Существенная разница заключается здѣсь въ томъ, что юношескія грезы фантазіи Гоголя были гораздо дальше отъ дѣйствительной жизни, что въ нихъ въ самомъ дѣлѣ можно было почерпнуть отраду и освѣженіе; тогда какъ позднѣе онѣ теряютъ свою кристальную чистоту, загрязняемыя цѣпкой тиной повседневныхъ мелочей. Ростъ художественнаго творчества Гоголя обнаруживался больше всего въ прогрессѣ неподражаемаго искусства улавливать и передавать незамѣтныя для другихъ, но весьма характерныя черты явленій окружающей жизни; но чѣмъ ярче и

Digitized by Google

выпуклѣе становилось это изображеніе, тѣмъ больше исчезалъ тотъ наивный фантастическій колоритъ, которымъ были окрашены его первыя созданія, и въ самую сферу изображенія таинственнаго и чрезвычайнаго все больше проникалъ все тотъ же назойливый и грустный элементъ обыденной житейской прозы.

Это мы видимъ еще въ повѣсти „Вій", гдѣ, по тонкому замѣчанію г. Анненскаго, автора статьи „О формѣ фантастическаго у Н. В. Гоголя", „Гоголь съ рѣдкимъ мастерствомъ поставилъ въ центръ страховъ именно такого равнодушнаго человѣка, какъ Хома Брутъ, ибо надо было много ужасовъ, чтобы доканали они Хому Брута, и поэтъ могъ развернуть передъ своимъ героемъ всю страшную цѣпь чертовщины" [1]). Положимъ, что собственно черта эта встрѣчается и прежде въ творчествѣ Гоголя: слѣдуетъ вспомнить особенно „Заколдованное Мѣсто" и „Пропавшую Грамату"; но въ „Віи" гораздо больше вполнѣ реальныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненныхъ юмора бытовыхъ картинъ. Творческое воспроизведеніе жизни замѣтно растетъ здѣсь въ ширь и въ глубь и охватываетъ собою не одного человѣка или одинъ только случай, а цѣлую группу лицъ и довольно сложную фабулу; но чѣмъ сложнѣе и рельефнѣе рисунокъ Гоголя, тѣмъ увѣреннѣе вступаетъ въ свои права его художественный реализмъ. Нѣтъ нужды, что фантастическая канва въ повѣсти „Вій" несравненно богаче, нежели, напр., въ „Заколдованномъ Мѣстѣ", и что вымыселъ разукрашенъ здѣсь болѣе яркими и прихотливыми узорами, но въ сущности ростъ реализма становится не менѣе явнымъ, нежели ростъ фантастическаго элемента.

Г. Анненскій очень удачно характеризуетъ личность Хомы Брута въ слѣдующихъ строкахъ: „Хома Брутъ молодецъ, сильный, равнодушный, безпечный, любитъ плотно поѣсть и пьетъ весело и добродушно. Онъ человѣкъ прямой: хитрости у него, когда онъ, напримѣръ, хочетъ отпроситься отъ своего дѣла или бѣжать, довольно наивныя. Онъ и лжетъ-то, какъ-то не стараясь; въ немъ нѣтъ экспансивности — онъ слишкомъ лѣнивъ даже для этого". Всю эту совершенно вѣрную характеристику можно въ значительной степени примѣнить и къ личности дѣда нѣкоторыхъ разсказовъ въ „Вечерахъ

[1]) „Русская Школа", 1890, X, стр. 102.

Digitized by Google

на Хуторѣ"; но здѣсь какъ сюжетъ, такъ и психологическая сторона повѣсти гораздо ярче, глубже и совершеннѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ равномѣрной степени возвысился и интересъ бытовой и описательный. „Величайшее мастерство Гоголя"—говоритъ все тотъ-же цитированный нами авторъ—„выказалось въ той постепенности, съ которой намъ сообщается въ разсказѣ таинственное: оно началось съ полукомической прогулки на вѣдьмѣ и правильное развитіе дошло до ужасной развязки смерти сильнаго человѣка отъ страха. Поэтъ заставляетъ насъ переживать шагъ за шагомъ съ Хомой всѣ ступени развитія этого чувства. При этомъ Гоголю было на выборъ два пути: можно было идти аналитически—говорить о душевномъ состояніи героя, или синтетически—говорить образами. Онъ выбралъ второй путь: душевное состояніе своего героя онъ объективировалъ, а работу аналитическую предоставилъ читателю" [1]).

Тотъ же авторъ даетъ еще болѣе подробную характеристику постепеннаго усиленія чувства страха въ читателяхъ этой повѣсти: „Начиная съ момента, когда сотникъ послалъ въ Кіевъ за Хомой, *даже комическія сцены* (напр., въ бричкѣ) *не веселы*, потомъ идетъ сцена съ упрямымъ сотникомъ, его страшныя проклятія, красота мертвой, толки дворни, дорога до церкви, запертая церковь, лужайка передъ ней, залитая луной, тщетныя старанія себя ободрить, которыя только сильнѣе развиваютъ чувство страха, болѣзненное любопытство Хомы, мертвая грозитъ пальцемъ... Весьма напряженное чувство нѣсколько отдыхаетъ за день. Вечеромъ тяжелыя предчувствія, ночью—новые ужасы. Вамъ кажется, что уже всѣ ужасы исчерпаны, но поэтъ находитъ новыя краски, т. е. не новыя—онъ сгущаетъ прежнія" [2]).

До такой степени искусства возвышается здѣсь Гоголь! но здѣсь же мы находимъ кульминаціонный пунктъ его творчества въ области фантастическаго,—по крайней мѣрѣ въ прежнемъ вкусѣ; послѣ этого наступаетъ поворотъ въ другую сторону.

Самая страсть къ фантастическому начинаетъ ослабѣвать

[1]) „Русская Школа", 1890, X, стр, 102.

[2]) Мы желали бы вообще обратить вниманіе читателей на эту маленькую, но живую и дѣльную статейку г. Анненскаго, прошедшую, къ сожалѣнію, совершенно незамѣченной.

Digitized by Google

въ Гоголѣ и временами уступаетъ мѣсто чистѣйшему реализму. Въ „Миргородѣ“ впервые являются повѣсти, совершенно свободныя отъ фантастическаго элемента (если не считать въ „Вечерахъ на Хуторѣ“ неоконченную повѣсть объ Иванѣ Ѳеодоровичѣ Шпонькѣ и его тетушкѣ). Такою повѣстью были „Старосвѣтскіе Помѣщики“ и затѣмъ поэма „Тарасъ Бульба“, которая, какъ мы старались это показать въ предыдущемъ изложеніи, какъ бы поглощаетъ въ себя все бытовое и историческое въ повѣсти „Страшная Месть“, оставляя міръ таинственныхъ страховъ и фантастическихъ приключеній на долю повѣсти „Вій“. Въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ опять нѣтъ фантастическаго элемента, хотя и встрѣчаются несомнѣнныя уклоненія въ сторону условной, а не фотографической правды, и наконецъ то же самое находимъ потомъ въ повѣстяхъ „Носъ“, „Портретъ“, „Невскій Проспектъ“, „Шинель“, а вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ названныхъ петербургскихъ повѣстяхъ есть также и прямо фантастическій элементъ. На этомъ теперь и остановимся.

Въ петербургскій періодъ Гоголь почти совершенно утратилъ способность и желаніе давать волю прихотливому полету фантазіи и развлекать себя свѣтлыми образами и картинами, и если онъ еще отдавался по временамъ затѣйливой игрѣ представленій, придумывая смѣшныя сцены и положенія, то это была уже работа воображенія совершенно иного рода; здѣсь не было уже никакого отраднаго чувства, ничего волшебнаго и обаятельнаго. Самый вымыселъ получалъ теперь характеръ черезчуръ обыденный и сѣрый, нисколько не заслоняя собой поразительнаго реализма общаго содержанія тѣхъ повѣстей, въ которыя его вводитъ авторъ. Въ повѣсти „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ встрѣчаются мелкіе фантастическіе штрихи, предназначенные единственно для усиленія комизма; но въ петербургскихъ повѣстяхъ они достигаютъ до предѣловъ цѣлыхъ невѣроятныхъ эпизодовъ или даже составляютъ преобладающее содержаніе цѣлаго произведенія, какъ мы видимъ это особенно въ повѣсти „Носъ“.

„Есть мнѣніе очень распространенное“,—говоритъ г. Анненскій,—„что „Носъ“ есть шутка своеобразной авторской фантазіи и авторскаго остроумія. Оно невѣрно, потому что

Digitized by Google

въ разсказѣ можно усмотрѣть опредѣленную художественную цѣль—заставить людей почувствовать окружающую ихъ пошлость: фантастическое является здѣсь для того, чтобы служить цѣлямъ все болѣе торжествующаго реализма". Собственно говоря, именно въ наиболѣе проникнутыхъ суровымъ реализмомъ повѣстяхъ, какъ напр. въ „Шинели", мы особенно часто встрѣчаемъ мелкое неправдоподобіе, или, вѣрнѣе, условное правдоподобіе; но, пораженные яркостью и правдивостью цѣлой картины, мы этого не замѣчаемъ. Никто, конечно, не могъ бы поставить автору въ упрекъ невѣроятный подборъ именъ, какія попадались священнику передъ крещеніемъ Акакія Акакіевича, тѣмъ болѣе, что поэтъ несомнѣнно руководился здѣсь тонкимъ художественнымъ разсчетомъ, изображая гоненіе судьбы на бѣднаго будущаго титулярнаго совѣтника, начавшееся съ самаго появленія его на свѣтъ. Тѣмъ не менѣе, не составляя нисколько нарушенія истиннаго реализма, такія мелкія отступленія отъ требованій фотографической правды встрѣчаются нерѣдко въ петербургскихъ повѣстяхъ Гоголя. Внѣшнее неправдоподобіе сюжета въ „Носѣ" имѣло, конечно, второстепенное, такъ сказать, служебное значеніе, давая возможность автору сосредоточить вокругъ разсказа о вымышленномъ происшествіи изображеніе пошлости въ разныхъ слояхъ петербургскаго населенія. Благодаря этому обстоятельству, автору въ небольшой повѣсти удается обрисовать характеръ понятій и интересовъ петербургскихъ мастеровыхъ, полицейскихъ, различныхъ подонковъ чиновничьяго и даже газетнаго міра, пошлую пустоту и жалкій уровень развитія женскаго круга въ низшихъ слояхъ общества, и проч. Все это было предметомъ усиленнаго изученія Гоголя въ началѣ 30-хъ годовъ, когда подъ вліяніемъ сходныхъ наблюденій онъ написалъ „Женитьбу", „Утро дѣлового человѣка", „Отрывокъ", и проч.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя отрицать, что въ данномъ отношеніи повѣсть „Носъ" представляетъ извѣстное сходство съ комедіями Гоголя, хотя вниманіе читателя здѣсь сосредоточено преимущественно на главномъ фантастическомъ приключеніи; отдѣльныя же лица, кромѣ майора Ковалева и цырюльника Ивана Яковлевича, обрисованы только вскользь. Вся проза уличной толкотни безучастнаго и сухого равнодушія къ нуждамъ ближняго со стороны мелкихъ представи-

Digitized by Google

телей оффиціальнаго міра, комическая безполезность совѣтовъ и сожалѣній, въ случаѣ какой-нибудь бѣды, совѣтовъ, не помогающихъ горю и не выводящихъ изъ затруднительнаго положенія,—начиная съ равнодушнаго доклада слуги о томъ, что полицеймейстера нѣтъ дома и кончая комическимъ совѣтомъ доктора Ковалеву положить носъ въ банку со спиртомъ, а мѣсто, гдѣ онъ былъ, обмывать холодной водой;—все это до избитой и жалкой казенщины выраженій пошлыхъ людей, даже о такихъ высокихъ и серьезныхъ предметахъ, какъ польза отечества и польза юношества; все это является снова воспроизведеннымъ позднѣе въ болѣе полномъ и яркомъ видѣ въ повѣсти „Шинель“.

Въ „Невскомъ Проспектѣ“ и въ „Шинели“ авторъ пользуется фантастическимъ элементомъ явно для того, чтобы дать отдыхъ отъ гнетущаго чувства грусти какъ себѣ, такъ и читателямъ. Для этой цѣли авторъ какъ бы позволяетъ фантазіи насильственно разорвать преграду, отдѣляющую дѣйствительность отъ міра желаній. Такой же смыслъ можно признать за фантастическимъ элементомъ въ повѣсти „Портретъ“, съ той, однако, существенной оговоркой, что въ послѣдней въ отличіе отъ обѣихъ ранѣе названныхъ повѣстей, желанія героя устремлены не на предметы вопіющей нужды или настоятельной нравственной потребности, а на пустую приманку богатства и роскоши.

Въ заключеніе настоящей главы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній, касающихся повѣсти „Шинель“, хотя принадлежащей къ сравнительно позднѣйшему времени творчества Гоголя, но времени еще не выясненному съ полной точностью.

Въ этой повѣсти, проникнутой глубокой грустью автора и оставляющей положительно самое тяжелое впечатлѣніе изо всѣхъ произведеній Гоголя, мы встрѣчаемъ изображеніе частью сходныхъ предметовъ и лицъ, какіе уже были описаны въ повѣсти „Носъ“. Здѣсь передъ нами, между прочимъ, открывается тотъ же міръ мастеровыхъ, полицейскихъ и мелкихъ чиновниковъ. Но при этомъ чисто внѣшнемъ сходствѣ,—не входя въ подробный разборъ основной идеи обоихъ произведеній, такъ какъ это завлекло бы насъ слишкомъ далеко,—мы должны отмѣтить существенную разницу между обѣими повѣстями, заключающуюся въ томъ, что всѣ подробности раз-

Digitized by Google

сказа въ „Шинели“ гораздо сосредоточеннѣе сгруппированы около личности Акакія Акакіевича и случившагося съ нимъ печальнаго происшествія. Здѣсь, между прочимъ, наиболѣе ярко обрисована отталкивающая пошлость мелкаго чиновничьяго міра и его мертвое равнодушіе къ нуждамъ ближняго и къ собственнымъ профессіональнымъ обязанностямъ. При этомъ чрезвычайно характерно и заслуживаетъ вниманія массовое, такъ сказать, гуртовое изображеніе чиновниковъ: мимоходомъ живо представленъ жалкій уровень ихъ развитія, ихъ обыденный бытъ и привычки, усвоенные ими пріемы въ обращеніи съ просителями, ихъ любимыя развлеченія и интересы; но *никто*, кромѣ главнаго героя, не выдѣляется ни одна чиновничья личность. Чиновники всѣ сразу выступаютъ на сцену и одновременно сходятъ съ нея по требованію нити разсказа, передъ пропажей новой шинели, въ день общаго торжества у одного изъ начальниковъ. Всѣ лица, кромѣ героя повѣсти и портного Петровича, выведены затѣмъ, чтобы раскрыть съ художественной полнотой мысль, намѣченную въ словахъ: „какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ“ [1]). Автора поразили въ жизни не только случаи безпощаднаго гоненія судьбы на жалкихъ и беззащитныхъ людей, но и тупая, безсознательная жестокость иногда повидимому, или даже и въ самомъ дѣлѣ, не злыхъ людей, по разнымъ мелкимъ побужденіямъ дѣлающихся ея орудіемъ въ преслѣдованіи какой-нибудь несчастной жертвы и безсознательно принимающихъ на себя роль гонителей и палачей. Мы желали бы обратить вниманіе въ разсматриваемой повѣсти также и на эту сторону ея идеи, заслоняемую обыкновенно для большинства читателей и даже критиковъ плачевной судьбой главнаго героя. Еще прежде, напр., въ повѣсти „Носъ“ и во многихъ другихъ случаяхъ, Гоголь слегка затрогивалъ уже данный вопросъ, не обращая, впрочемъ, пока на него особаго вниманія; но въ „Шинели“ эта мысль получаетъ бо́льшую опредѣленность и значеніе, какъ и самыя краски сгущены въ ней сильнѣе. Здѣсь мы снова находимъ тѣ же безполезные совѣты домовой хозяйки

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 88.

Digitized by Google

и одного изъ товарищей Акакія Акакіевича, порекомендовавшаго ему обратиться за содѣйствіемъ къ значительному лицу.

Что̀ касается фантастическаго конца разсказа, то его, конечно, требовало до послѣдней степени напряженное чувство состраданія и грусти, выразившееся въ словахъ: „исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое“ и проч.[1]).

Наконецъ никогда не исчезающая потребность прибѣгать къ мечтѣ и къ воображаемымъ свѣтлымъ о́бразамъ для того, чтобы сколько-нибудь забыться отъ гнетущаго кошмара тоскливой дѣйствительности и удовлетворить хотя на минуту неискоренимому желанію лучшаго, не сказалась ли и позднѣе въ измышленныхъ воображеніемъ Гоголя не фантастическихъ въ буквальномъ смыслѣ слова, но во всякомъ случаѣ и не реальныхъ личностей нѣкоторыхъ героевъ второго тома „Мертвыхъ Душъ?“

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 111.

Digitized by Google

ПОѢЗДКА ГОГОЛЯ ВЪ МОСКВУ И НОВЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗНАКОМСТВА.

I.

Лѣтомъ 1832 года въ жизни Гоголя произошли два довольно крупныхъ событія: во-первыхъ, возвращеніе на родину послѣ долгой отлучки и, во-вторыхъ, начало знакомства съ цѣлымъ рядомъ близкихъ ему впослѣдствіи московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Въ числѣ послѣднихъ Гоголю удалось въ короткое время сблизиться особенно съ Погодинымъ, Максимовичемъ и Щепкинымъ.

Біографамъ Погодина предстоитъ выяснить подробности и установить даты первыхъ свиданій его съ Гоголемъ. Пока несомнѣнно одно, — что ихъ сближеніе въ значительной степени было обусловлено отношеніями къ Погодину Пушкина, а, можетъ быть, и Максимовича [1]). Кромѣ того, еще раньше, независимо отъ этихъ отношеній, оно было подготовлено искреннимъ благоговѣніемъ Гоголя передъ Погодинымъ, которое выразилось въ фактѣ поднесенія ему и Плетневу incognito по экземпляру „Ганца Кюхельгартена“. Приблизительно оно состоялось между 15 іюня и 7 іюля 1832 г., когда въ дневникѣ Погодина было записано: „Познакомился съ Гоголемъ и имѣлъ случай сдѣлать ему много одолженія“ [2]). По свидѣтельству С. Т. Аксакова [3]), вскорѣ по выходѣ „Вечеровъ на Хуторѣ“ Погодинъ былъ въ Петербургѣ и узналъ настоящее имя автора. Видѣлся ли онъ въ это время съ Го-

[1]) „Записки о жизни Гоголя“, т. I, 116.

[2]) „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“ („Русск. Арх.“, 1890, VIII, 5 и „Русь“, 1880, № 4, стр. 16.

[3]) Н. П. Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“, т. IV, стр. 113—114.

Digitized by Google

големъ, Аксаковъ не зналъ положительно; но это казалось весьма вѣроятнымъ, въ виду необычайно быстраго и тѣснаго ихъ сближенія въ короткій, приблизительно трехнедѣльный, срокъ пребыванія Гоголя въ Москвѣ во второй половинѣ іюня и въ началѣ іюля 1832 г., такъ какъ отношенія ихъ успѣли тогда достигнуть той степени короткости, при которой они съ полнымъ основаніемъ могли быть названы пріятельскими. Но, какъ оказывается, остановка Гоголя въ Москвѣ проѣздомъ въ деревню имѣла цѣлью одно только пріобрѣтеніе литературныхъ знакомствъ, а не свиданіе съ людьми, уже прежде извѣстными ему [1]).

Поѣздка въ Малороссію была совершенно импровизированная. Гоголь по обыкновенію съ начала весны сильно тосковалъ въ Петербургѣ, томился отъ постоянныхъ дождей и сырости, съ сожалѣніемъ вспоминалъ о роскоши малороссійской природы, но все-таки крѣпился и вовсе не думалъ ѣхать на родину. Въ одномъ изъ писемъ къ матери, всегда нетерпѣливо желавшей его видѣть, онъ говоритъ, напротивъ, о своемъ предположеніи, лишь только установится сносная погода, переѣхать на дачу. Дача была дѣйствительно нанята [2]), но примѣръ товарищей-нѣжинцевъ, „потянувшихся на лѣто въ Малороссію“ [3]), соблазнилъ Гоголя. Къ крайнему изумленію своего сосѣда по дачѣ, Половинкина, Гоголь однажды неожиданно исчезъ съ только-что нанятой дачи, возмутившись восьмиградусной температурой въ самую лучшую пору лѣта. Рѣшеніе и сборы были быстрые, и вотъ Гоголь съ своимъ

---

[1]) Собственно С. Т. Аксаковъ прямо заявлялъ въ первыхъ строкахъ своего труда: „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“, что „Погодинъ ѣздилъ зачѣмъ-то въ Петербургъ, узналъ тамъ, кто такой былъ „Рудый Панько“, *познакомился съ нимъ* и привезъ извѣстіе, что „Диканьку“ написалъ Гоголь-Яновскій. „И такъ это имя“—прибавляетъ онъ—„было уже намъ извѣстно и драгоцѣнно“. Въ виду этихъ словъ мы первоначально въ своей статьѣ „Н. В. Гоголь въ періодѣ „Арабесокъ и Миргорода“ высказались почти утвердительно въ томъ смыслѣ, что знакомство Гоголя и Погодина должно было состояться еще до пріѣзда перваго въ Москву въ 1832 г.; но теперь приходится нѣсколько измѣнить это мѣсто, такъ какъ послѣ обнародованія г. Барсуковымъ отрывковъ изъ дневника Погодина всего естественнѣе въ данномъ разногласіи отдать преимущество именно этому дневнику передъ сочиненіемъ, воспроизводящимъ по памяти, заднимъ числомъ, давніе факты и событія.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 156.

[3]) Тамъ же.

Digitized by Google

нѣжинскимъ товарищемъ Божко двинулся въ давно манившій путь [1]).

Но вмѣсто того, чтобы спѣшить въ Малороссію, онъ засѣлъ въ Москвѣ и вскорѣ писалъ оттуда матери: „Я теперь не увѣренъ, буду ли у васъ или нѣтъ, потому что срокъ моего отпуска недалекъ до своего окончанія и мнѣ нужно будетъ поспѣшить въ Петербургъ“ [2]). Что же удерживало его въ Москвѣ? Очевидно, кромѣ случившагося съ нимъ нездоровья, его новыя отношенія къ названнымъ выше лицамъ. Гоголь язвительно напоминалъ со временемъ Погодину, что начало дружбы было положено послѣднимъ, который прежде началъ говорить ему „ты“; но какъ бы то ни было, у Погодина ему пожилось недурно, и письма, непосредственно слѣдующія за разлукой, показываютъ, что онъ былъ принятъ москвичами съ большимъ радушіемъ. Не только дружески-непринужденный и развязный тонъ этихъ писемъ, но и необычайная для Гоголя откровенность не оставляютъ въ томъ сомнѣнія. Своему новому пріятелю Гоголь говоритъ уже о непрактичности матери и разстройствѣ имѣнія, и даже поручаетъ ему продажу „Вечеровъ на Хуторѣ“. Самыя жалобы на утомительную дорогу, на свое нездоровье и соблазнительный урожай фруктовъ, на шарлатанство и разногласіе докторовъ являются несомнѣннымъ доказательствомъ установившейся между ними короткости, которая доказывается и тѣмъ, что на обратномъ пути изъ Малороссіи Гоголь снова заѣзжалъ въ Москву, а по пріѣздѣ въ Петербургъ его вскорѣ снова тянетъ туда и онъ жалѣетъ, что „не можетъ пріѣхать такъ скоро, какъ бы хотѣлось“ [3]).

Подробности знакомства Гоголя съ Максимовичемъ намъ меньше извѣстны; но между ними несомнѣнно существовало уже съ самаго начала то крѣпкое духовное родство, которое было основано на общей имъ страсти къ Украйнѣ и ея глубоко-поэтическимъ пѣснямъ. Но видѣлись они въ это время слишкомъ мало, на что жалуется Гоголь, говоря: „не досталось намъ ни покалякать о томъ, о семъ, ни помолчать, глядя другъ на друга“ [4]). Не смотря на то, Гоголь тотчасъ вы-

[1]) „Русское Слово“, 1859, I, 85.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 156.

[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 156.

[4]) Тамъ же, стр. 164.—Впрочемъ, г. Пономаревъ, вѣроятно, со словъ са-

Digitized by Google

звался помогать Максимовичу собственнымъ участіемъ въ собираніи пѣсенъ и изданіе ихъ считаетъ общимъ дѣломъ съ своимъ пріятелемъ. Онъ мечтаетъ о скоромъ свиданіи съ нимъ въ Петербургѣ, пересылаетъ ему записанныя пѣсни, а вскорѣ эта близость и сходные интересы привели ихъ обоихъ къ мысли занять вмѣстѣ профессорскія каѳедры въ Кіевѣ“ [1]).

О первомъ знакомствѣ Гоголя съ Максимовичемъ приведемъ слѣдующія строки г. Кулиша, сообщающаго въ „Запискахъ о жизни Гоголя“ слѣдующій разсказъ, основанный на словахъ самого Максимовича: „На возвратномъ пути изъ родины, Гоголь отыскалъ въ Москвѣ своего земляка М. А. Максимовича, который былъ тогда профессоромъ ботаники при Московскомъ университетѣ. Знакомство ихъ началось съ 1829 года, когда Максимовичъ, посѣтивъ Петербургъ, видѣлъ Гоголя за чаемъ у одного общаго ихъ земляка, гдѣ собралось еще нѣсколько малороссіянъ. По словамъ его, Гоголь ничѣмъ особеннымъ не выдавался изъ круга собесѣдниковъ, и онъ не сохранилъ въ памяти даже наружности будущаго знаменитаго писателя. Гоголь не засталъ Максимовича дома, и Максимовичъ, узнавъ, что у него былъ авторъ „Вечеровъ на Хуторѣ“, поспѣшилъ къ нему въ гостинницу. Гоголь встрѣтилъ своего гостя, какъ стараго знакомаго, видѣвъ его три года тому назадъ не болѣе, какъ въ продолженіе двухъ часовъ, и Максимовичу стоило большого труда не дать замѣтить поэту, что онъ совсѣмъ его не помнитъ. По словамъ Максимовича, Гоголь былъ тогда хорошенькимъ молодымъ человѣкомъ, въ шелковомъ архалукѣ вишневаго цвѣта. Оба они заняты были въ то время Малороссіею: Гоголь готовился писать исторію этой страны, а Максимовичъ собирался печатать свои „Украинскія народныя пѣсни“, и потому они нашли другъ друга очень интересными людьми“ [2]).

Съ Щепкинымъ Гоголь сразу сталъ на самую дружескую ногу. Поводомъ и ближайшей причиной знакомства было, ко-

---

мого Максимовича, при жизни послѣдняго, относилъ посѣщеніе его Гоголемъ къ обратной поѣздкѣ изъ Малороссіи въ октябрѣ 1832 („Журн. М. Н. Пр.“, 1871).

[1]) Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 192 и слѣд.; „Письма Гоголя къ Максимовичу“, по подлинникамъ изданныя и дополненныя С. И. Пономаревымъ, стр. 4 и слѣд.

[2]) „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 116.

Digitized by Google

нечно, то, что мысли Гоголя были устремлены во время его пріѣзда въ Москву на созданіе комедіи. Для этой цѣли онъ предположилъ побывать у Загоскина и, конечно, не могъ не остановиться на мысли о бесѣдѣ съ Щепкинымъ. Но кромѣ чувства національной симпатіи, его отношенія къ знаменитому московскому артисту опредѣлялись и глубокимъ довѣріемъ къ его опытности, уму и таланту. Какъ непохожи эти два его визита, къ Загоскину и Щепкину! Посредникомъ для знакомства съ Загоскинымъ Гоголь намѣтилъ близкаго къ нему С. Т. Аксакова. Введенный къ послѣднему Погодинымъ, онъ смотрѣлъ на него только какъ на средство, какъ на человѣка, который можетъ быть въ данномъ случаѣ полезенъ, но вообще интереса не представляетъ. Молодому Константину Аксакову и всѣмъ другимъ присутствовавшимъ на первомъ визитѣ Гоголя онъ показался высокомѣрнымъ и небрежнымъ. На восторженныя привѣтствія и на комплименты его сочиненіямъ Гоголь отвѣчалъ холодно и отнесся къ нимъ съ недовѣріемъ, но почти тотчасъ условился съ хозяиномъ относительно совмѣстнаго посѣщенія Загоскина. Такой же дѣловой характеръ имѣло и это свиданіе, хотя ни Аксаковъ, ни Загоскинъ не замѣтили этого, а первый по своей добротѣ и дѣтскому довѣрію къ людямъ,—несмотря на общія увѣренія въ противномъ,—остался при своемъ убѣжденіи, что подозрѣваемой въ Гоголѣ натянутости совсѣмъ и не было и что это такъ только показалось. Аксаковъ не догадался о своей роли даже и тогда, когда Гоголь и во второй приходъ къ нему снова попросилъ его отправиться вмѣстѣ къ Загоскину; онъ уловилъ сразу въ Гоголѣ „что-то плутоватое“; но это было только теоретическое наблюденіе. Личностью Загоскина Гоголь также не былъ нисколько заинтересованъ; но Загоскинъ былъ ему нуженъ, а тому, въ свою очередь, льстило вниманіе восходящаго литературнаго свѣтила. Гоголь же совсѣмъ и не стѣснялся съ нимъ: въ его кабинетѣ онъ не былъ разговорчивъ и послѣ небольшого промежутка, требуемаго приличіемъ, спѣшилъ распроститься съ любезнымъ хозяиномъ, наивно расточавшимъ передъ нимъ неудержимые потоки словъ. Во время бесѣды Гоголь безцеремонно обращался къ разсматриванію книжныхъ шкафовъ, что̀, впрочемъ, не охлаждало Загоскина, а только поощряло его репетиловскую словоохотливость. Все это было со стороны совер-

Digitized by Google

шенно ясно Аксакову, который былъ потомъ пораженъ тѣмъ, какъ однимъ взглядомъ Гоголь сумѣлъ оцѣнить невинную суетливость Загоскина, и еще болѣе былъ пораженъ тонкими и основательными его сужденіями о комедіи. Такія воспоминанія, какъ Аксакова, человѣка добросовѣстнаго и вполнѣ интеллигентнаго, драгоцѣнны. Но увы! умный, наблюдательный, онъ при своей голубиной чистотѣ оказался слишкомъ простымъ передъ Гоголемъ!...[1])

Теперь приведемъ не менѣе любопытный разсказъ Аѳанасьева: „М. С. Щепкинъ и его записки“, о первомъ посѣщеніи Щепкина Гоголемъ [2]).

„Гоголь, желая видѣть знаменитаго артиста, явился къ нему въ домъ и засталъ многочисленное его семейство за обѣдомъ. Онъ вошелъ въ залу съ этими словами малороссійской пѣсни:

„Ходыть гарбузъ по городу,
Пытаетця свого роду:
„Чи вы живы, чи здоровы,
Вси родичи гарбузовы“?

„Онъ бывалъ шутливо веселъ, любилъ вкусно и плотно покушать и нерѣдко бесѣды его съ Михаиломъ Семеновичемъ склонялись на исчисленіе и разборъ различныхъ малороссійскихъ кушаньевъ. Винамъ онъ давалъ названія *кварпальнаго* и *городничаю*, какъ добрыхъ распорядителей, устрояющихъ и приводящихъ въ набитомъ желудкѣ все въ должный порядокъ, а жженкѣ, потому что, зажженная, она горитъ голубымъ пламенемъ, давалъ имя Бенкендорфа [3]). „А что?“—говорилъ онъ Щепкину послѣ сытнаго обѣда: — „не отправить ли теперь Бенкендорфа?“—и они вмѣстѣ приготовляли жженку и любовались ея пламенемъ“.

---

[1]) Соч. С. Т. Аксакова, изд. 1886, т. III, стр. 322—325 и „Русь“, 1880, 4; „Русскій Арх.“, 1890, VIII, стр. 5—8. — Со временемъ отношенія Гоголя къ Аксакову измѣнились благодаря привязанности послѣдняго къ великому писателю и сдѣланнымъ ему одолженіямъ; но, по собственному сознанію Гоголя, онъ никогда не любилъ Аксакова настолько, насколько послѣдній любилъ его.

[2]) „Библіотека для Чтенія“, 1861, 2, статья Аѳанасьева: „М. С. Щепкинъ и его записки“, стр. 7.

[3]) Намекъ на голубой мундиръ Бенкендорфа (см. „Русскій Архивъ“, 1890, VIII, 63).

Digitized by Google

II.

Хотя промедленіе Гоголя въ Москвѣ было вначалѣ вынужденнымъ, но въ общемъ древняя столица оставила въ немъ пріятное воспоминаніе, и временемъ, проведеннымъ тамъ, онъ остался чрезвычайно доволенъ. Конечно, при такомъ короткомъ срокѣ онъ не могъ познакомиться со многими, которыхъ, вѣроятно, посѣтилъ бы при бо́льшемъ досугѣ. Такъ, онъ не видался съ Языковымъ, къ таланту котораго питалъ большое уваженіе. Но онъ не пропустилъ и нѣкоторыхъ литературныхъ тузовъ и счелъ своей обязанностью навѣстить маститаго старца И. И. Дмитріева, можетъ быть, принося дань почтенія его положенію и возрасту. Гоголь написалъ ему потомъ письмо, въ которомъ называлъ его „патріархомъ поэзіи“, и все оно съ начала до конца проникнуто какимъ-то обязательнымъ въ подобныхъ случаяхъ оффиціальнымъ почтеніемъ. Письмо привѣтливое, но безусловно уважительное, до такой степени, при которой исключается возможность вполнѣ искреннихъ отношеній. Пріемъ Дмитріева, очевидно, былъ очень ласковъ и даже вызвалъ вскорѣ прекратившуюся переписку. Дмитріевъ, какъ всегда, показалъ въ полномъ блескѣ свою извѣстную въ свое время въ большомъ свѣтѣ и въ литературномъ кругѣ утонченную любезность. Любопытно при этомъ вспомнить, что въ своихъ письмахъ къ друзьямъ Гоголь нигдѣ ни однимъ словомъ не обмолвился о Дмитріевѣ, хотя часто съ искреннимъ восхищеніемъ говорилъ о Языковѣ. Но это былъ почетный визитъ; главное же значеніе имѣли для Гоголя тѣ, которые могли пригодиться въ его будущихъ отношеніяхъ къ театру, такъ какъ, по выраженію Плетнева, „комедія вертѣлась у него въ головѣ“. „Не знаю“,—говорилъ Плетневъ,—„разродится ли онъ ею нынѣшней зимой; но я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, въ противоположность прежнимъ годамъ, когда онъ посвящалъ силы исключительно сочиненіямъ повѣствовательнаго характера, теперь его мысли были сосредоточены на театрѣ. Сознавая силу своей наблюдательности, онъ стремился къ осуществленію въ комедіи своихъ поэтическихъ за-

[1]) Соч. Плетнева, т. III, стр. 522.

Digitized by Google

мысловъ. При крайней скудости данныхъ о времени созданія каждаго произведенія Гоголя, трудно остановиться на вполнѣ несомнѣнномъ заключеніи въ этомъ случаѣ; но тщательныя разысканія Н. С. Тихонравова наводятъ на предположеніе о томъ, что большинство давно начатыхъ набросковъ на время было теперь отложено Гоголемъ и явилось впослѣдствіи въ новой переработкѣ автора въ „Миргородѣ“ и „Арабескахъ“. Въ 1833 г. онъ писалъ Максимовичу: „у меня есть сто разныхъ началъ, и ни одной повѣсти, ни одного даже отрывка полнаго, годнаго для альманаха“ [1]).

Притокъ пріятныхъ впечатлѣній отъ встрѣченнаго въ Москвѣ теплаго пріема въ значительной мѣрѣ ослаблялъ въ Гоголѣ мрачное настроеніе, порождаемое болѣзнью. Мнительность, никогда не оставлявшая его, рисовала самыя неутѣшительныя картины. Состояніе здоровья казалось ему плачевнымъ; онъ считалъ себя неизлѣчимо больнымъ и готовъ былъ совѣтоваться со всѣми докторами (такъ было, по крайней мѣрѣ, вскорѣ по пріѣздѣ его на родину), хотя по наружности казался свѣжимъ и здоровымъ. Къ счастью, отрекомендованный ему Погодинымъ докторъ Дядьковскій сумѣлъ внушить мнимому больному нѣкоторое довѣріе къ себѣ. Нѣсколько позднѣе, считая состояніе своего здоровья совершенно тождественнымъ съ тѣмъ, какое было у него въ Москвѣ, Гоголь жаловался на него въ такихъ выраженіяхъ: „Иногда мнѣ кажется, будто чувствую небольшую боль въ печенкѣ и спинѣ; иногда болитъ голова, немного грудь“ [2]). Несмотря на все это, Гоголь велъ въ Москвѣ, должно быть, довольно дѣятельную жизнь, судя по количеству сдѣланныхъ имъ знакомствъ, [3]) въ числѣ которыхъ иныя были не совсѣмъ мимолетныя. Такъ онъ успѣлъ замѣтить въ Кирѣевскомъ, что тотъ „при его прекрасномъ умѣ слишкомъ разсѣянно, слишкомъ свѣтски проводитъ время“ [4]), а обо всемъ московскомъ кружкѣ литера-

[1]) „Письма Гоголя къ Максимовичу“, 3—4; „Соч. и письма Гоголя“. т. V. стр. 188.

[2]) См. „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 158.

[3]) Въ свою очередь пріѣздъ Гоголя обратилъ на себя вниманіе вообще литературнаго міра въ Москвѣ, какъ это видно изъ одного неизданнаго письма Языкова, гдѣ было отмѣчено: «Пріѣхалъ Гоголь, петербургскій литераторъ; познакомился со многими въ Москвѣ» (цитируемъ эти слова *приблизительно, на память*, не имѣя въ настоящую минуту подъ руками переписки Н. М. Языкова).

[4]) Соч. Плетнева, т. III, стр. 522.

Digitized by Google

торовъ сообщилъ по пріѣздѣ въ Петербургъ осенью такія извѣстія, изъ которыхъ Плетневъ вывелъ заключеніе, что московскіе „литераторы, кажется, порадовали его особеннымъ вниманіемъ къ его таланту“. Но здѣсь не надо упускать изъ виду, впрочемъ, того обстоятельства, что Гоголь дѣлился съ Плетневымъ также и впечатлѣніями обратнаго проѣзда черезъ Москву. Съ другой стороны, необходимо принять къ свѣдѣнію показаніе Плетнева, объясняющее отчасти одну изъ причинъ нѣкотораго, замѣчаемаго съ этихъ поръ, тяготѣнія Гоголя къ Москвѣ.

Но заглянемъ нѣсколько впередъ и коснемся его дальнѣйшихъ отношеній, преимущественно къ Погодину.

Вскорѣ онъ называлъ уже Погодина своимъ двойникомъ и высказывалъ увѣренность въ прочности ихъ дружбы, основанной на одинаковомъ влеченіи ихъ къ всеобщей исторіи. Былъ ли, однако, Гоголь искренень, когда говорилъ о своей любви къ исторіи и о намѣреніи приняться за составленіе сборника „Земля и Люди“ или за многотомный трудъ о среднихъ вѣкахъ? Кажется, что онъ не столько обманывалъ другихъ, какъ обыкновенно полагаютъ, сколько обманывался самъ въ своихъ широкихъ замыслахъ. Благоговѣя передъ Пушкинымъ до обожанія и любя исторію съ школьной скамьи, онъ дѣйствительно предполагалъ было, отчасти, можетъ быть, по слѣдамъ своего любимца-кумира, посвятить себя изученію исторіи. Мы затрудняемся принять мнѣніе покойнаго профессора О. Ѳ. Миллера, что своими мнимыми намѣреніями Гоголь сознательно морочилъ Погодина и Максимовича [1]); вѣдь часто онъ не присылалъ имъ и обѣщанныхъ литературныхъ трудовъ, а ужъ въ этомъ отношеніи теперь, конечно, никто не въ правѣ подозрѣвать въ немъ хвастливаго шарлатанства. Если будущее показало, что надежда его создать геніальную комедію, о которой онъ такъ горячо говорилъ и писалъ Погодину, въ такихъ прочувствованныхъ, вдохновенныхъ строкахъ, оказалась безъ сравненія основательнѣе самоувѣренныхъ мечтаній „дернуть“ исторію среднихъ вѣковъ въ девяти томахъ,—то разница эта, вѣроятно, не скоро стала очевидною для самого Гоголя [2]). (Вѣдь не сознавалъ же онъ въ юно-

[1]) „Русская Старина“, 1875, IX, 105—108.

[2]) Совершенно также оказалась потомъ несостоятельной впрочемъ и мечта Гоголя написать трагедію съ сюжетомъ, взятымъ изъ исторіи Малороссіи.

Digitized by Google

сти, что призваніе его — быть не чиновникомъ и не ученымъ, а писателемъ). Правда, лишь только рѣчь его коснется комедіи, она становится задушевной и сильной, а всѣ его ошибочныя претензіи поражаютъ только колоссальной смѣлостью; но это, безъ сомнѣнія, очевиднѣе теперь намъ, нежели ему въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Могъ ли Гоголь смотрѣть на Погодина снизу вверхъ? Не проще ли предположить, что, наоборотъ, онъ не взвѣшивалъ обѣщаній по противоположной причинѣ? [1]) Показывая большое участіе и уваженіе къ литературнымъ успѣхамъ Погодина, Гоголь, безъ сомнѣнія, былъ очень не чуждъ дипломатическаго тона и къ дружескимъ похваламъ примѣшивалъ двусмысленные восторги [2]), тогда какъ со временемъ, при бо́льшей короткости отношеній, онъ никогда уже не впадалъ въ этотъ панегирическій тонъ, при которомъ самые упреки не могли не льстить авторскому самолюбію [3]); но случалось, напротивъ, что заднимъ числомъ онъ впослѣдствіи высказывалъ весьма невысокое мнѣніе о всей литературной дѣятельности Погодина. Съ другой стороны, напротивъ, Гоголя никогда не покидало сознаніе своего несомнѣннаго умственнаго превосходства передъ Погодинымъ, хотя бы и въ то время, когда онъ просилъ прислать лекціи, которыми хотѣлъ пользоваться въ собственныхъ университетскихъ чтеніяхъ. Притомъ, за исключеніемъ этого единственнаго случая до отъѣзда Гоголя за-границу, Погодинъ гораздо больше нуждался въ Гоголѣ, нежели наоборотъ. Сто́итъ только вспомнить, какъ онъ выпрашивалъ что-нибудь для „Московскаго Наблюдателя“ и какія суровыя получилъ наставленія!

По выѣздѣ изъ Москвы Гоголь считалъ себя обязаннымъ за счастливое время, проведенное въ ней, благодарностью

[1]) Самоувѣренность Гоголя въ отношеніи его литературныхъ трудовъ и упоеніе авторской славой внѣ всякаго сомнѣнія. Такъ онъ писалъ однажды: „Почтенные редакторы зазвонили нашими именами“ („Соч. и письма Гог.“, т. V, стр. 195).

[2]) См. „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 163, 167, 168 и проч. — Что́ бы ни вышло изъ-подъ пера Погодина, Гоголь увѣрялъ, что у него „пересохло горло отъ жажды прочесть и „Петра“, и „Марѳу“, и „Бориса“, тогда какъ при его тонкомъ артистическомъ пониманіи произведеній литературы онъ не могъ не видѣть безвкусія своего пріятеля, о музѣ котораго со временемъ онъ отзывался совершенно иначе.

[3]) Напр. „у васъ, не прогнѣвайтесь, иногда бояре умнѣе теперешнихъ на-

Digitized by Google

судьбѣ и по своему обыкновенію видѣлъ въ этомъ непосредственное дѣйствіе Промысла. Но выѣхалъ онъ въ дождь и слякоть, и въ такую же ненастную погоду по сильно испорченной дорогѣ пришлось ему тащиться недѣли полторы въ Полтаву. Путешествіе, обыкновенно дѣйствовавшее живительнымъ образомъ на его хилый организмъ, при такихъ печальныхъ условіяхъ только разбило и измучило его. Кромѣ тряски и усталости, ему приходилось еще страдать отъ ливней и испытывать много непріятностей съ ожиданіемъ лошадей на почтовыхъ станціяхъ. Въ дорогѣ его „занимало одно только небо, которое, по мѣрѣ приближенія къ югу, становилось синѣе и синѣе“ [1]). Только-что добравшись, наконецъ, до Полтавы, Гоголь немедленно пустился объѣзжать всѣхъ докторовъ, и, не найдя между ними никакого согласія, рѣшилъ держаться указаній московскаго врача Дядьковскаго. Наконецъ, онъ прибылъ въ Васильевку, гдѣ увидѣлся съ домашними въ первый разъ послѣ разлуки съ ними въ концѣ 1828 г. Въ противоположность первой половинѣ мѣсяца, погода почти тотчасъ установилась превосходная, и мечты Гоголя насладиться прекраснымъ малороссійскимъ лѣтомъ вполнѣ оправдались. Теперь онъ страдалъ уже отъ собственнаго невоздержанія и отъ соблазна, вслѣдствіе необыкновеннаго изобилія фруктовъ. Срокъ отпуска скоро истекъ; но Гоголь, отчасти увлеченный деревенскимъ привольемъ въ родномъ уголкѣ, отчасти дожидаясь сестеръ, которыхъ онъ долженъ былъ везти съ собой въ Петербургъ, чтобы помѣстить ихъ въ Патріотическій институтъ, не спѣшилъ возвращаться, хотя и писалъ москвичамъ, что не дождется срока предстоящаго ихъ свиданія [2]). Въ деньгахъ въ это время онъ сильно нуждался, но съ крайней самоувѣренностью разсчитывалъ въ глухое лѣтнее время продать книгопродавцамъ на выгодныхъ условіяхъ „Вечера на Хуторѣ“. Дѣло это онъ поручилъ-было Погодину, но, вѣроятно,

---

шихъ вельможъ“ (т. V, 147, 249). Впрочемъ, и Пушкинъ чрезмѣрно захваливалъ Погодина.—Замѣчательно, что и Погодинъ хлопоталъ о профессурѣ для Гоголя; но объ этомъ будемъ подробно говорить ниже.

[1]) „Русскій Архивъ“, 1866, XI—XII, стр. 1727.

[2]) См. напр. „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 159. Въ Петербургѣ были очень недовольны просрочкой Гоголя (см. Соч. Плетн., т. 3, стр. 522). Но Марья Ивановна старалась какъ можно долѣе удержать сына въ деревнѣ и даже передъ отъѣздомъ уговаривала его остаться еще хоть на недѣлю.

Digitized by Google

требованія его показались слишкомъ неумѣренными, потому что соглашенія не состоялось. Все лѣто затѣмъ было посвящено полному отдыху, такъ что даже любимая мысль о комедіи была пока отложена совершенно; но въ планахъ на будущее недостатка не было. Говоря о продажѣ „Вечеровъ“, Гоголь надѣялся выпустить вскорѣ еще новое „дѣтище“, а кромѣ того у него „родились двѣ крѣпкія мысли о любимой наукѣ“, т.-е. объ исторіи. Въ этотъ же промежутокъ времени Гоголь, по всей вѣроятности, собиралъ матеріалъ для нѣкоторыхъ повѣстей, вошедшихъ потомъ въ составъ „Миргорода“. Н. С. Тихонравовъ склоненъ отнести къ концу 1832 г. созданіе „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ“ [1]). Такое предположеніе подтверждается и тѣмъ, что повѣсть была написана, очевидно, подъ свѣжимъ вліяніемъ подновленныхъ впечатлѣній отъ украинской помѣщичьей среды и всей ея обстановки, тогда какъ послѣ 1832 г. Гоголь ни разу не былъ на родинѣ до 1835 г., когда уже вышелъ „Миргородъ“. Выраженіе: „ихъ лица“ (старосвѣтскихъ помѣщиковъ) „мнѣ представляются и теперь иногда въ шумѣ и вихрѣ среди модныхъ фраковъ“ [2])— не показываетъ ли, что повѣсть эта была написана именно спустя нѣкоторое время по возвращеніи Гоголя изъ Малороссіи въ Петербургъ? Притомъ, по пріѣздѣ домой, Гоголь былъ особенно пораженъ зрѣлищемъ необычайнаго разстройства всѣхъ дѣлъ и крайней непредпріимчивостью малороссійскихъ помѣщиковъ, которыхъ „усыпилъ и облѣнивилъ“ недостатокъ сообщенія [3]), какъ выразился онъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву. О томъ же съ жалобой и сожалѣніемъ говорилъ онъ и своимъ друзьямъ.

Замѣчательно, что Гоголь до того мучился тяжелыми мыслями о разстройствѣ хозяйства, что почти въ совершенно тождественныхъ выраженіяхъ указывалъ въ разныхъ письмахъ одновременно на прелести природы въ Малороссіи и на крайнюю запущенность въ имѣньѣ матери: очевидно, этотъ контрастъ часто напрашивался ему тогда на языкъ. Любя своихъ родныхъ и близко знакомыхъ съ дѣтства сосѣдей, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на то, какъ шли ихъ дѣла, что, конечно, нисколько не мѣшало теплой симпатіи къ владѣль-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 559 и 562

[2]) Тамъ же, стр. 224.

[3]) „Русскій Архивъ“, 1866, XI—XII, стр. 1727.

Digitized by Google

цамъ разоренныхъ имѣній. Вотъ два отрывка изъ упомянутыхъ писемъ, показывающихъ, какъ сильно терзали и грызли его эти неурядицы. Совсѣмъ незнакомому И. И. Дмитріеву Гоголь говорилъ: „Чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное, роскошное лѣто! Хлѣба, фруктовъ, всего растительнаго гибель! А народъ бѣденъ, имѣнія разорены, и недоимки неоплатныя. Помѣщики видятъ теперь сами, что съ однимъ хлѣбомъ и винокуреніемъ нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинаютъ понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталовъ нѣтъ, счастливая мысль дремлетъ, наконецъ умираетъ, а они рыскаютъ съ горя за зайцами... Признаюсь, мнѣ очень грустно было смотрѣть на разстроенное имѣніе моей матери“ [1]). Погодину онъ писалъ: „Остатокъ лѣта, кажется, будетъ чудо; но я, самъ не знаю отчего, удивительно равнодушенъ ко всему. Всему этому, я думаю, причина болѣзненное мое состояніе. *Притомъ же я пріѣхалъ въ имѣніе совершенно разстроенное.* Долговъ множество невыплаченныхъ. Пристаютъ со всѣхъ сторонъ, а уплатить теперь совершенная невозможность“ [2]).

---

[1]) См. предыдущую цитату.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 158.

Digitized by Google

ПОВѢСТИ, ВОШЕДШІЯ ВЪ „МИРГОРОДЪ“.

I.

Гоголь возвратился домой уже не тѣмъ счастливымъ, исполненнымъ свѣтлыхъ надеждъ юношей, какимъ выѣхалъ изъ деревни три года назадъ съ своимъ другомъ Данилевскимъ. За этотъ промежутокъ времени онъ утратилъ самое дорогое въ жизни—радужное царство молодыхъ мечтаній, которыми такъ украшается юность, представляющая міръ въ своемъ пылкомъ, свѣжемъ воображеніи усыпаннымъ цвѣтами тріумфальнымъ путемъ. Теперь, напротивъ, когда эта розовая пелена спала, когда во всей ужасающей наготѣ раскрылся передъ нимъ возмутительный омутъ житейской пошлости, и онъ глубоко почувствовалъ суровый трагизмъ жизни, всегда скрытый подъ ея будничной монотонностью, — многое изъ знакомаго ему съ ранняго дѣтства предстало въ иномъ свѣтѣ. Если первыя впечатлѣнія пріѣзда на родину были свѣтлы и отрадны, то вскорѣ же дала себя знать и горечь, непріятно охватывающая почти каждаго при возвращеніи на мѣсто, когда-то дорогое и близкое, но давно покинутое и сильно перемѣнившееся. Все, что̀ въ заманчивомъ видѣ рисовала мечта, что̀ представлялось послѣ долгой разлуки привлекательнымъ издали, въ дѣйствительности оказалось такимъ же или еще болѣе убогимъ и печальнымъ, какимъ было въ глазахъ поэта передъ первымъ отъѣздомъ въ столицу. Какъ послѣ высокихъ минутъ художественнаго наслажденія досаденъ переходъ къ обычнымъ очерствляющимъ впечатлѣніямъ повседневной жизни, такъ и радости первой встрѣчи со всѣмъ близкимъ должны были вскорѣ уступить мѣсто тяжелому чувству со-

Digitized by Google

вершенно иного характера. Безъ сомнѣнія, нѣкоторыхъ изъ деревенскихъ знакомыхъ Гоголь не засталъ въ живыхъ по возвращеніи, другихъ нашелъ постарѣвшими или опустившимися, иныхъ — обремененными нуждой и заботами; любимые его дяди Косяровскіе были оба далеко,—словомъ, передъ нимъ предстала въ своемъ возмутительномъ ужасѣ неумолимая проза жизни, съ которой съ такимъ трудомъ можетъ мириться человѣкъ, но которая всегда надъ нимъ торжествуетъ. Таково было передъ нимъ настоящее, а въ близкомъ будущемъ его ожидалъ тотъ же Петербургъ, какъ и при первомъ отъѣздѣ въ него, но уже лишенный прежняго своего обаянія и ореола. Мы не настаиваемъ, впрочемъ, на буквальной вѣрности каждаго слова въ послѣднихъ выраженіяхъ, потому что за отсутствіемъ положительныхъ документальныхъ данныхъ и живыхъ свидѣтелей, помнящихъ это время, трудно представить точныя свѣдѣнія; но намъ важно отмѣтить и очертить самое настроеніе, несомнѣнно выразившееся въ „Миргородѣ“.

Представляя себѣ *такимъ образомъ* настроеніе Гоголя по возвращеніи его изъ Петербурга въ деревню, мы основываемся, во-первыхъ, на томъ исполненномъ искренней грусти изображеніи родной Малороссіи, которое является у него во многихъ мѣстахъ въ „Миргородѣ“, особенно въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ и „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, а во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, на одномъ мѣстѣ въ отрывкѣ „Римъ“, имѣющемъ несомнѣнное автобіографическое значеніе. Тамъ, между прочимъ, читаемъ: „Грустное чувство овладѣло княземъ“ (по возвращеніи въ вѣчный городъ), „чувство, *понятное всякому пріѣзжающему*, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, домой, когда все, что̀ ни было, кажется еще старѣе, еще пустѣе, и когда тягостно говоритъ всякій предметъ, знаемый въ дѣтствѣ; и чѣмъ веселѣе были сопряженные съ нимъ случаи, тѣмъ сокрушительнѣе грусть, насылаемая имъ на сердце“ [1]). Само собою разумѣется, что описанное выше настроеніе не могло быть постояннымъ, можетъ быть, не было и преобладающимъ, но оно *существовало* и отразилось на творчествѣ Гоголя. Что̀ касается „Миргорода“, то нѣтъ сомнѣнія, что въ

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 144.

Digitized by Google

немъ мы не находимъ уже того ровнаго, свѣтлаго настроенія, которымъ отъ начала до конца проникнуты „Вечера на Хуторѣ“ (исключая отчасти „Страшную Месть“). Здѣсь уже нѣтъ прежней заразительной юношеской веселости, но, наоборотъ, часто, слишкомъ часто слышатся довольно трагическія ноты. Укажемъ, напримѣръ, на слѣдующія строки въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“: „Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣвшее жилище, и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ, и ничего болѣе... Грустно, мнѣ заранѣе грустно!“ [1]) Такая же тоска слышится въ заключительныхъ строкахъ этой же повѣсти и „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“: „Тощія лошади, извѣстныя въ Миргородѣ подъ именемъ курьерскихъ, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, непріятный для слуха звукъ. Дождь лилъ ливмя на жида, сидѣвшаго на козлахъ и накрывшагося рогожкою. Сырость проняла меня насквозь. Печальная застава съ будкою, въ которой инвалидъ чинилъ сѣрые доспѣхи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣта небо... Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ [2])—Подобное настроеніе въ „Вечерахъ на Хуторѣ“ можетъ быть указано лишь въ единственномъ мѣстѣ, именно въ послѣднихъ строкахъ повѣсти „Сорóчинская Ярмарка“; въ „Вечерахъ“ же, въ описаніяхъ природы выражается или восторгъ, или упоительная нѣга, но нигдѣ нѣтъ и въ поминѣ того сумрачнаго настроенія, которое наводится иногда непогодой; тамъ, напротивъ, изображаются исключительно или яркіе, солнечные дни (въ началѣ „Сорóчинской Ярмарки“), или ясный вечеръ, или же обаятельная ночь. Метель въ „Ночи передъ Рождествомъ“ и буря на Днѣпрѣ въ „Страшной Мести“ представлены пре-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 224.
[2]) Тамъ же, стр. 453.

Digitized by Google

имущественно съ художественной и картинной стороны. Напротивъ, въ „Миргородѣ“ такія описанія, какъ описаніе степи въ „Тарасѣ Бульбѣ“ или усадьбы сотника въ „Віи“, т.-е. возбуждающія отрадное или—въ первомъ случаѣ—восторженное чувство, становятся рѣдкими. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже солнечный свѣтъ является не ослабляющимъ, а усиливающимъ грусть; напр., при описаніи похоронъ Пульхеріи Ивановны: „Священники были въ полномъ облаченіи, солнце свѣтило, грудные младенцы плакали на рукахъ матерей, жаворонки пѣли, дѣти въ рубашонкахъ бѣгали и рѣзвились по дорогѣ“ [1]). Вспоминая о страхѣ, который наводили на него таинственные голоса, слышанные имъ въ дѣтствѣ, Гоголь также говоритъ, что „день обыкновенно въ это время былъ ясный и солнечный; тишина была мертвая“ [2]), и проч., но такому дню онъ охотно предпочелъ бы въ подобныя минуты ужаса ночь „самую бѣшеную и бурную“. Въ „Тарасѣ Бульбѣ“ встрѣчаемъ уже изображеніе сѣраго дня („день былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ“)...[3]).

Замѣчательно, что, начинаясь сценами незначительными и забавными, каждая изъ повѣстей въ „Миргородѣ“ становится, по мѣрѣ разсказа, все болѣе трагическою и потрясающею. Особенно чувствуется это въ „Тарасѣ Бульбѣ“, гдѣ беззаботный смѣхъ читателя, возбуждаемый началомъ первой главы, къ концу ея постепенно переходитъ въ тяжелую, сосредоточенную грусть, и это чувство потомъ постоянно возрастаетъ, уступая лишь по временамъ мѣсто поэтическому восторгу при такихъ описаніяхъ, какъ степи и устройства Запорожской Сѣчи; тонъ изложенія становится все болѣе возвышеннымъ и удаленнымъ отъ того обыденнаго, которымъ начинается повѣсть, и, наконецъ, доходитъ до захватывающаго трагическаго пафоса въ сценѣ между прекрасной полячкой и Андріемъ, въ описаніи осады Дубна, битвъ казаковъ за родину, и проч. Въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ также замѣчается постепенный переходъ отъ мирной идилліи къ глубокому трагизму; вся вторая половина повѣсти проникнута грустью, но особенно ровное пока настроеніе читателя омрачается простымъ, трогательнымъ діалогомъ, въ которомъ Пуль-

[1]) Тамъ же, стр. 241.
[2]) Тамъ же, стр. 244.
[3]) Тамъ же, стр. 257.

Digitized by Google

херія Ивановна сообщаетъ мужу свое предчувствіе смерти. Здѣсь, впрочемъ, могла бы быть найдена связь съ „Вечерами на Хуторѣ“; такъ, подобное мѣсто, хотя гораздо менѣе художественное, находимъ и въ „Страшной Мести“. Въ самомъ дѣлѣ, поразительное сходство открывается при сличеніи.

Въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“:

„— Что̀ это съ вами, Пульхерія Ивановна? Ужъ не больны ли вы?

— Нѣтъ, я не больна, Аѳанасій Ивановичъ! я хочу вамъ объявить одно особенное происшествіе. Я знаю, что я этимъ лѣтомъ умру; смерть моя уже приходила за мною.—Я прошу васъ, Аѳанасій Ивановичъ, чтобы вы исполнили мою волю“, и проч.

Въ „Страшной Мести“:

„— Что-то грустно мнѣ, жена!—сказалъ панъ Данило:— и голова болитъ у меня, и сердце болитъ; какъ-то тяжко мнѣ! видно, гдѣ-то недалеко уже ходитъ смерть моя“.

Далѣе слѣдуютъ утѣшенія жены со стороны Аѳанасія Ивановича въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ и пана Данила со стороны Катерины въ „Страшной Мести“, и потомъ чрезвычайно похожія предсмертныя просьбы беречь и холить своихъ любимцевъ (въ первомъ случаѣ — Аѳанасія Ивановича, во второмъ—сына Данилина, Ивана).

„— Слушай, жена моя! — сказалъ Данило: — не оставляй сына, когда меня не будетъ; не будетъ тебѣ отъ Бога счастія, если ты кинешь его, ни въ томъ, ни въ этомъ свѣтѣ; тяжело будетъ гнить моимъ костямъ въ сырой землѣ; а еще тяжелѣе будетъ душѣ моей“.

„— Смотри мнѣ, Явдоха,—говорила Пульхерія Ивановна, обращаясь къ ключницѣ, которую нарочно велѣла позвать:— когда я умру, чтобы ты глядѣла за паномъ, чтобы берегла его, какъ глаза своего, какъ свое родное дитя. Не своди съ него глазъ, Явдоха, я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя. Не забывай же, Явдоха: ты уже стара, тебѣ не долго жить,—не набирай грѣха на душу. Когда же не будешь за нимъ присматривать, то не будетъ тебѣ счастія на свѣтѣ: я сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины“ [1]), и проч.

---

[1]) Ср. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 166 и 239.

Digitized by Google

Указанная особенность творчества Гоголя, которую мы назвали бы новою, такъ какъ она едва только промелькнула въ „Вечерахъ“, нисколько не нарушая ихъ преобладающаго характера, безъ сомнѣнія, имѣла свою основу въ пережитомъ и перечувствованномъ, и чрезвычайно важна при изученіи его личности и произведеній. Любопытно также, что Гоголь уже въ „Миргородѣ“ въ сущности впадаетъ иногда въ тотъ лиризмъ, который обратилъ на себя общее вниманіе только знаменитыми лирическими отступленіями въ „Мертвыхъ Душахъ“. Между тѣмъ есть одно обстоятельство, придающее чрезвычайную важность этимъ отступленіямъ при изученіи Гоголя. Дѣло въ томъ, что именно въ духѣ этого лиризма Гоголь мечталъ создать послѣдніе томы „Мертвыхъ Душъ“, гдѣ „инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенія подымается изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ священномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей“ [1]). Въ это-то время, какъ надѣялся Гоголь, „предстанутъ колоссальные образы, двинутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ, *и вся она приметъ величавое лирическое теченіе*“ [2]). Но „не величавое лирическое теченіе“ было гибелью его таланта (оно замѣчается нерѣдко и въ „Тарасѣ Бульбѣ“), а тотъ ложный элементъ, который вкрался съ годами во все существо Гоголя. „Бѣлинскій“,—говоритъ А. Н. Пыпинъ въ „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ годовъ до пятидесятыхъ“,—„обратилъ вниманіе на извѣстныя „лирическія мѣста“, и высказался противъ нихъ: онъ угадывалъ, что въ нихъ есть что-то ложное, и дѣйствительно, „лирическія мѣста, были отчасти отголоскомъ тѣхъ мнѣній Гоголя, которыя онъ собралъ потомъ въ цѣлую систему въ „Перепискѣ“ [3]). Выше мы указали тѣ мѣста, гдѣ вылились завѣтныя мечты Гоголя о будущемъ характерѣ и направленіи его творчества, мечты, относящіяся къ началу сороковыхъ годовъ; но наклонность къ лиризму явилась у него несравненно раньше, и, какъ мы знаемъ, не осуждалась, а, напротивъ, высоко цѣнилась Бѣлинскимъ, пока не получила извѣстнаго извращеннаго направленія. Бѣлинскій признавалъ достойными великаго русскаго поэта „гре-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 222.

[2]) Тамъ же, стр. 243.

[3]) Изданіе второе, стр. 387.

Digitized by Google

мящіе, поющіе диѳирамбы блаженствующаго въ себѣ національнаго самосознанія", но находилъ въ нихъ „излишество непокореннаго спокойно-разумному созерцанію чувства" [1]). Но оно является и въ „Тарасѣ Бульбѣ", гдѣ „мистико-лирическія выходки" встрѣчаются только въ зародышѣ и, высказываемыя устами казака Бульбы, въ торжественную минуту, не выдаютъ еще сокровеннаго своего значенія. Впрочемъ, Гоголь не принималъ сначала тона глашатая великихъ истинъ и, можетъ быть, его лиризмъ могъ бы найти со временемъ и иной исходъ. Это предположеніе, повидимому, оправдывается, если обратимъ вниманіе на слѣдующее добавленіе къ предсмертной рѣчи Бульбы въ исправленной редакціи; послѣ словъ первоначальной редакціи: „есть ли что̀ на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ?" внесены строки, несомнѣнно вышедшія изъ того же настроенія и только распространяющія восторженное сочувствіе отъ казачества на весь русскій народъ, но уже намекающія на возможность въ будущемъ „излишества непокореннаго спокойно-разумному созерцанію чувства". Въ сущности это излишество коренилось въ самой организаціи автора, въ его южной натурѣ и склонности къ преувеличенной идеализаціи; но такъ какъ оно не помѣшало ему создать такую чудную поэму, какъ „Тарасъ Бульба", то не одно оно было виновато, но, главнымъ образомъ, повторяемъ, усвоенное Гоголемъ извращенное направленіе, печально отразившееся на его творчествѣ. Вотъ переходъ къ нему и слышенъ уже отчасти въ послѣднемъ монологѣ Бульбы, оканчивающемся въ исправленномъ изданіи словами: „Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу?" [2])

Другой причиной, объясняющей намъ искаженный характеръ, принятый впослѣдствіи столь свойственнымъ Гоголю лиризмомъ, можно считать также неудачный выборъ предметовъ и лицъ, на которые была направлена сила его въ послѣдній періодъ литературной дѣятельности Гоголя. „Никакое направленіе",—возражаетъ на наше предыдущее объясненіе г. Ив. Ивановъ [3]),—„не можетъ повредить *искренности* лиризма, разъ оно—результатъ авторскихъ убѣжденій. И мы, часто не

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 414.

[2]) Ср. Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 465 и т. I, стр. 364.

[3]) «Русск. Вѣдомости», 1892, № 240, 31 августа.

Digitized by Google

раздѣляя симпатій автора, поддаемся его поэтическому энтузіазму. Дѣло въ томъ, что Гоголь сталъ впадать въ лирическое настроеніе совершенно не кстати—не по *симпатіямъ*, а *по самому предмету*... Лиризмъ былъ весьма умѣстенъ въ разсказахъ изъ малороссійской жизни и старины, и самые бурные порывы стиля гармонировали съ величавыми личностями Бульбы и его сподвижниковъ. Но что могло быть забавнѣе, чѣмъ слѣдующее изображеніе Костанжогло, когда тотъ объясняетъ Чичикову, какъ всякая дрянь можетъ доходъ приносить: „Лицо его поднялось кверху, морщины исчезли. Какъ царь, въ день торжественнаго вѣнчанія, сіялъ онъ весь и, казалось, какъ бы лучи исходили отъ его лица". Необдуманность лирическихъ взрывовъ начала проявляться у Гоголя съ того самаго времени, какъ онъ увлекся грандіозностью".

Охотно соглашаемся съ послѣднимъ вѣрнымъ замѣчаніемъ, съ той, впрочемъ, оговоркой, что раздѣляемое нами мнѣніе Бѣлинскаго и А. Н. Пыпина сохраняетъ также, по нашему убѣжденію, свою полную силу, и что неудачный выборъ предметовъ, внушавшихъ Гоголю въ послѣдніе годы его восторженные „лирическіе взрывы", служилъ еще лишней причиной, усиливавшей ту ложь, которая, по выраженію А. Н. Пыпина, являлась „отголоскомъ мнѣній, собранныхъ потомъ въ цѣлую систему въ „Перепискѣ".

Но г. Ивановъ, кажется, ошибается, говоря, что „реторическій духъ росъ въ Гоголѣ *сообразно* съ лѣтами", такъ какъ сначала онъ проявился у Гоголя въ дѣтствѣ, потомъ *надолго почти исчезаетъ въ его произведеніяхъ*, хотя и проявляется въ другихъ случаяхъ (въ разговорахъ о матеріяхъ важныхъ [1]), и проч.) и, наконецъ, въ исходѣ 30-хъ годовъ и позже снова усиливается.

II.

Въ „Тарасѣ Бульбѣ", гдѣ такъ блестяще удалось Гоголю изобразить поэтическія стороны казачества, въ которомъ „русскій характеръ получилъ могучій, широкій размахъ и крѣпкую наружность", лиризмъ нерѣдко прорывается неудержимымъ потокомъ и особенной силы достигаетъ въ концѣ шестой

[1]) Какъ свидѣтельствуетъ о томъ покойный академикъ Никитенко („Русская Старина", 1889, IX, 527).

Digitized by Google

главы, въ извѣстной патетической сценѣ между прекрасной панночкой и Андріемъ. Г. Скабичевскій совершенно справедливо замѣчаетъ о рѣчи панночки, что она „отличается витіеватостью“, и что „никто не говорилъ тогда такими кудреватыми, длинными и пѣвучими періодами“ [1]); въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; справедливо также онъ признаетъ нѣкоторыя эффектныя и картинныя описанія Гоголя далекими отъ „трезвой правды“. Но если взглянуть на все это съ точки зрѣнія выраженія завѣтныхъ чувствъ и симпатій автора, то нельзя не согласиться, что глубокій лиризмъ, которымъ проникнуты эти мѣста, заставляетъ читателей переживать высокое поэтическое наслажденіе. Словомъ, въ „Тарасѣ Бульбѣ“ можно искать не столько трезвой исторической правды, отъ которой поэма дѣйствительно далека уже по своему „лирическому теченію“, сколько отвлеченія отъ всего будничнаго, прозаическаго, идеальныхъ сторонъ казачества, собранныхъ вмѣстѣ, въ одномъ волшебномъ фокусѣ. Иначе и быть не могло, такъ какъ Гоголь ровно настолько интересовался исторіей, насколько она затрогивала его воображеніе и чувство, а страстно любимыя имъ народныя пѣсни, его главный источникъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ вліянія на его душу, естественно представляютъ жизнь съ ея поэтической стороны. Пѣсни, какъ мы раньше говорили, сохраняли свою чудную власть надъ Гоголемъ во всю его жизнь, и его горячее обращеніе къ родинѣ въ „Мертвыхъ Душахъ“ не могло ихъ забыть; изъ него видно, что любовь къ русскимъ пѣснямъ была чуть ли не самой чувствительной струной въ патріотической лирѣ Гоголя. Не даромъ онъ прежде всего устремляется къ ней мыслью, желая найти въ Россіи, что̀ бы достойнымъ образомъ можно было противопоставить „дерзкимъ дивамъ“ Запада. „Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что̀ въ ней, въ этой пѣснѣ? Что̀ зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лоб-

[1]) Соч. Скабичевскаго, т. II, стр. 678.

Digitized by Google

заютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? какая непостижимая связь таится между нами?“ [1]).

„Тарасъ Бульба“ — глубоко субъективное произведеніе; но особенно, изображая разговоръ Андрія съ полячкой, Гоголь гораздо больше чувствовалъ потребность излить поэтическое преклоненіе передъ женщиной, давая полную волю идеализаціи послѣдней, нежели заботился о соблюденіи исторической вѣрности. Ему было не до того. Поэтому здѣсь всюду слышатся лирическія ноты, но особенно въ этихъ словахъ: „Бросила прочь она отъ себя платокъ, отдернула налѣзавшіе на очи длинные волосы косы своей, и вся разлилась въ жалостныхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ, тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись прекраснымъ вечеромъ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника: зашелестятъ, зазвучатъ и понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки, и ловитъ ихъ съ непонятной грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся веселыхъ пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго стука гдѣ-то проѣзжающей телѣги“ [2]). Или: „Полный чувствъ, вкушаемыхъ не на землѣ, Андрій поцѣловалъ въ благовонныя уста, прильнувшія къ щекѣ его, и не безотвѣтны были благовонныя уста. Они отозвались тѣмъ же, и въ этомъ обоюдно-сліянномъ поцѣлуѣ ощутилось то, что одинъ только разъ въ жизни дается чувствовать человѣку“. И тотчасъ послѣ этихъ словъ переходъ: „И погибъ казакъ! и пропалъ для всего казацкаго рыцарства“ и проч.[3]). Трогательное предсмертное прощаніе казаковъ съ родиной также, конечно, всецѣло принадлежитъ поэзіи, а никакъ не исторіи, какъ и разсказъ объ артистическомъ восторгѣ иностранца-инженера, съ увлеченіемъ апплодирующаго своимъ непріятелямъ, „месьё запорогамъ“.

Нѣкоторыя лирическія мѣста являются въ „Тарасѣ Бульбѣ“ подъ явнымъ и непосредственнымъ вліяніемъ народныхъ пѣсенъ. Приведемъ примѣръ. Въ описаніи боя съ поляками есть, между прочимъ, слѣдующее мѣсто. „Не по одному казаку взрыдаетъ старая мать, ударяя себя костистыми руками въ

[1]) Соч. Гог., изд X, т. III, стр. 221.
[2]) Т. I, стр. 303—304.
[3]) Тамъ же, стр. 306.

Digitized by Google

дряхлыя перси; не одна останется вдова въ Глуховѣ, Немировѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ. Будетъ, сердечная, выбѣгать всякій день на базаръ, хватаясь за всѣхъ проходящихъ, распознавая каждаго изъ нихъ въ очи, нѣтъ ли между ними одного, милѣйшаго всѣхъ: но много пройдетъ черезъ городъ всякаго войска, и вѣчно не будетъ между ними одного, милѣйшаго всѣхъ“ [1]). Въ малорусскихъ пѣсняхъ Максимовича мы находимъ совершенно подобное содержаніе въ слѣдующей пѣснѣ (изд. 1, стр. 27; изд. 2, стр. 111):

„У Глуховѣ у городѣ
Стрѣльнули зъ гарматы;
Не по одномъ козаченьку
Заплакала мати.

У Глуховѣ у городѣ
Стрѣльнули зъ ружници;
Не по одномъ козаченьку
Заплакали сестрици.

У Глуховѣ у городѣ
Поплетены сѣтки;
Не по одномъ козаченьку
Заплакали дѣтки.

На быстрому, на озерѣ
Геть! плавала качка;
Не по одномъ козаченьку
Заплакала козачка“ и проч.

Указываемъ этотъ примѣръ, между прочимъ, потому, что онъ не вполнѣ приведенъ въ прекрасныхъ и обстоятельныхъ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова къ „Тарасу Бульбѣ“ въ послѣднемъ изданіи сочиненій Гоголя; другіе примѣры уже отмѣчены тамъ.

Пѣсни же и представленіе объ ихъ исполнителяхъ-бандуристахъ внушили Гоголю и эту лирическую тираду: „И пойдетъ дыба по всему свѣту, и все, что̀ ни народится потомъ, заговоритъ о немъ“ (т.-е. объ убитомъ казакѣ); „ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной мѣди, въ которую мастеръ много повергнулъ дорогого, чистаго серебра, чтобы далече по городамъ, лачугамъ, пала-

[1]) Тамъ же, стр 332.

Digitized by Google

тамъ и весямъ разносился красный звонъ, сзывая всѣхъ равно на святую молитву“ [1]).

Вліяніе пѣсенъ, несомнѣнно, сильно способствовало яркому, праздничному и торжественному колориту всего содержанія „Тараса Бульбы“,—торжественному, несмотря на общій трагическій отпечатокъ, который носитъ на себѣ повѣсть; но удаленіе Гоголя отъ всего обыденнаго въ поэмѣ вовсе не ослабляетъ ея художественнаго значенія и не приближаетъ ее къ натянутой аффектаціи бездарныхъ писателей. Намъ казалось бы, что въ прекрасной, не разъ цитированной статьѣ г. Скабичевскаго невѣрно только то, что она нѣсколько односторонне преувеличиваетъ достоинства безусловной объективности повѣствованія. Съ точки зрѣнія исторической оцѣнки этотъ взглядъ, конечно, безусловно справедливъ; но несправедливо было бы отвергать правъ художественнаго, поэтическаго произведенія на извѣстную идеализацію, лишь бы она не вела къ искаженію истины. Гоголь же, почерпая свое вдохновенье въ такомъ прекрасномъ и свѣтломъ источникѣ, какъ народная поэзія, несомнѣнно правдиво и художественно передалъ намъ въ своей поэмѣ то, что̀ пережилъ и глубоко прочувствовалъ малороссійскій народъ. Несправедливо и то, что Пушкинъ „направилъ Гоголя на путь изображенія обыденной дѣйствительности“ и что Гоголь будто отказался послѣ „Тараса Бульбы“ отъ поэтической идеализаціи: и та, и другая сторона творчества были гораздо болѣе результатомъ органической потребности, нежели внѣшняго вліянія; иначе теряетъ всякое значеніе призваніе художника. Во всемъ остальномъ, какъ намъ кажется, немногія страницы г. Скабичевскаго объ историческихъ произведеніяхъ Пушкина и Гоголя вносятъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе въ литературу объ этихъ писателяхъ.

Другія лирическія мѣста являются въ „Тарасѣ Бульбѣ“ уже просто подъ вліяніемъ личныхъ чувствъ и размышленій автора. Сюда, вѣроятно, слѣдуетъ отнести это прекрасное мѣсто: „Что̀-то пророчитъ имъ (Остапу и Андрію) и говоритъ это благословенье (матери)? Благословенье ли на побѣду надъ врагомъ и потомъ веселый возвратъ въ отчизну съ добычей и славой на вѣчныя пѣсни бандуристамъ, или же?..

[1]) Тамъ же, стр. 328.

Digitized by Google

Но неизвѣстно будущее и стоитъ оно передъ человѣкомъ подобно осеннему туману, поднявшемуся изъ болотъ: безумно летаютъ въ немъ вверхъ и внизъ, черкая крыльями, птицы, не распознавая въ очи другъ друга, голубка — не видя ястреба, ястребъ—не видя голубки, и никто не знаетъ, какъ далеко летаетъ отъ своей погибели"... Этотъ образъ такъ нравился Гоголю, что былъ имъ повторенъ въ сокращенномъ видѣ въ той же повѣсти: „Но не вѣдалъ Бульба, что̀ готовитъ Богъ человѣку завтра, и сталъ позабываться сномъ, и, наконецъ, заснулъ" [1]). Прекрасное, исполненное глубокаго лиризма, описаніе величественныхъ звуковъ органа и вообще католическаго богослуженія, несомнѣнно, явилось у Гоголя какъ результатъ заграничныхъ впечатлѣній, преимущественно римскихъ, что̀ ясно уже изъ того, что вся эта часть главы отсутствуетъ въ первоначальной редакціи и является только въ исправленной.

III.

Существенную разницу въ отношеніяхъ Гоголя къ Украйнѣ передъ отъѣздомъ изъ нея въ 1828 г. и по пріѣздѣ въ 1832 можно видѣть преимущественно въ томъ, что тогда какъ прежде многія черты пошлой дѣйствительности возбуждали въ немъ одно только отвращеніе и разжигали нетерпѣливое желаніе болѣе осмысленной жизни въ столицѣ, — теперь, когда эта заочная идеализація была во многомъ поколеблена, онѣ же вызывали въ немъ сочувственную и согрѣтую искренней любовью грусть. Всего лучше это видно въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ". Сюжетъ здѣсь, какъ и всегда, заимствованъ, но разработанъ на основаніи личнаго внимательнаго изученія малороссійскаго помѣщичьяго быта и вся картина озарена тѣмъ глубоко субъективнымъ поэтическимъ отношеніемъ къ изображаемымъ лицамъ и предметамъ, о которомъ мы только-что говорили. Переработка матеріала, даннаго наблюденіемъ, согласно настроенію автора, сообщила повѣсти строго опредѣленную физіономію и художественную законченность. Но мы затруднились бы въ этомъ произведеніи признать, вслѣдъ за покойнымъ Стоюнинымъ, ту идею, что люди мало развитые нерѣдко въ своемъ невѣжествѣ сами губятъ собственное

[1]) Ср. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 288 и 319.

Digitized by Google

счастье [1]). Такой выводъ, безъ сомнѣнія, вытекаетъ самъ собою изъ повѣсти; но имѣлъ ли въ виду его авторъ, не можетъ быть ничѣмъ доказано; гораздо вѣроятнѣе, напротивъ, что, какъ и въ другихъ случаяхъ, въ повѣсти „Старосвѣтскіе Помѣщики“ Гоголь прежде всего удовлетворялъ своей потребности выразить и передать то, что̀ онъ чувствовалъ и переживалъ при своихъ наблюденіяхъ надъ этимъ идиллическимъ прозябаніемъ. Вообще намъ кажется, что творчество Гоголя направлялось, главнымъ образомъ, выношенными художественными образами и развѣ потомъ уже заранѣе намѣченной идеей.

Для уясненія нашего взгляда возвратимся нѣсколько назадъ.

Мы знаемъ, что чѣмъ болѣе волновали Гоголя возвышенные мечты и идеалы, чѣмъ болѣе удавалось ему достигать осуществленія своихъ лучшихъ плановъ, тѣмъ сильнѣе возмущалось его внутреннее чувство ничтожествомъ умственнаго кругозора и стремленій окружающихъ. Это, конечно, и было главной причиной, сдѣлавшей его великимъ юмористомъ. Хотя не ранѣе середины тридцатыхъ годовъ созрѣло въ немъ сознательное намѣреніе обличать наиболѣе возмутительныя стороны общественной неправды, но и прежде, по авторитетному свидѣтельству Анненкова, онъ чувствовалъ какую-то непреодолимую потребность преслѣдовать узкое своекорыстіе и ограниченное самодовольство толпы. Въ его душѣ никогда не умолкалъ какой-то могучій голосъ, который призывалъ его къ полезной общественной дѣятельности и внушалъ пламенное влеченіе къ чему-то высшему, благородному, что̀ единственно и сдѣлало его однимъ изъ передовыхъ вождей времени. Еще въ школѣ ему казалось въ другихъ неестественнымъ отсутствіе такихъ стремленій. Между тѣмъ въ числѣ своихъ сверстниковъ онъ находилъ немногихъ возвысившихся надъ заботами о сколько-нибудь сносномъ обыденномъ существованіи. Подобное противорѣчіе между задачами разумнаго существованія и жалкой дѣйствительностью оскорбляло его и возбуждало насмѣшки не только надъ сверстниками, но и надъ старшими. Самымъ раннимъ плодомъ такого настроенія были набросанныя имъ въ отрочествѣ юмористическія замѣтки подъ заглавіемъ: „Нѣчто о Нѣжинѣ, или ду-

[1]) Стоюнинъ, „О преподаваніи русской литературы“, изд. второе, стр. 21.

Digitized by Google

ракамъ законъ не писанъ". Позднѣе, въ дружескомъ письмѣ къ одному изъ товарищей, Гоголь, какъ извѣстно, возмущался „нѣжинскими существователями, которые задавили корой своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка" [1]). Даже тѣхъ изъ товарищей, на которыхъ не было ужъ вовсе никакой надежды въ смыслѣ пробужденія въ нихъ болѣе возвышенныхъ стремленій, Гоголь желалъ бы видѣть истинно полезными для общества, хотя бы на самой скромной чредѣ. О нихъ онъ такъ выразился въ письмѣ къ Г. И. Высоцкому: „Хорошо, если они обратятъ свою дѣятельность для пользы человѣчества. Хотя въ неизвѣстности пропадутъ ихъ имена, но благодѣтельныя намѣренія и дѣла освятятся благоговѣніемъ потомковъ" [2]). При такихъ требованіяхъ отъ жизни Гоголь не могъ не содрогаться, когда встрѣчалъ молодыхъ людей, даже не подозрѣвавшихъ о какихъ-нибудь болѣе высокихъ цѣляхъ жизни, нежели обезпеченное устройство въ опошлившемся значеніи слова. Въ отрывкѣ „Учитель" (изъ повѣсти „Страшный Кабанъ"), одномъ изъ первыхъ произведеній его пера, Гоголь именно хотѣлъ изобразить представителя этого сильно претившаго ему ограниченнаго самодовольства. Исключительное погруженіе въ сферу хозяйственныхъ и кулинарныхъ интересовъ, соединенное съ заботливымъ усвоеніемъ мелочной и пошлой практичности — вотъ тѣ черты, которыя Гоголь задался воплотить въ лицѣ выведеннаго имъ въ этой повѣсти семинариста Ивана Осиповича, главной и чуть ли не единственной заботой котораго было угодить помѣщицѣ, въ домѣ которой онъ жилъ, женщинѣ, въ свою очередь ушедшей совершенно въ домашнее хозяйство. „Все время отъ пяти часовъ утра до шести вечера, то-есть до времени успокоенія, было безпрерывной цѣпью занятій", говоритъ Гоголь. „До семи часовъ утра уже она обходила всѣ хозяйственныя заведенія, отъ кухни до погребовъ и кладовыхъ" [3]), и проч. Здѣсь уже мы узнаемъ, въ этомъ блѣдномъ пока наброскѣ, нѣкоторыя черты типа будущей Пульхеріи Ивановны. Но здѣсь еще нѣтъ и тѣни сочувствія автора прототипу послѣдней, помѣщицѣ Аннѣ Ивановнѣ, которая не отли-

[1]) „Соч и письма Гоголя", т. V, стр. 56.

[2]) Тамъ же, стр. 59.

[3]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 52.

Digitized by Google

чалась особенной добротой („успѣвала побраниться съ приказчикомъ“) и не чужда была тщеславія. Изображая Анну Ивановну, Гоголь преимущественно имѣлъ въ виду показать женщину въ томъ печальномъ возрастѣ, „когда роковыя шестьдесятъ лѣтъ гонятъ холодъ въ нѣкогда бившія огненнымъ ключомъ жилы и термометръ жизни переходитъ за точку замерзанія“. Но то, съ чѣмъ можно до нѣкоторой степени мириться въ отживающей женщинѣ, приводило его въ содроганіе при видѣ преждевременной духовной смерти начинающаго жить юноши. Поэтому Гоголь не щадитъ язвительныхъ насмѣшекъ надъ тѣмъ, какъ „учитель имѣлъ удивительно умильный видъ, когда изволилъ молчать или кушать“, какъ онъ „весь переселялся въ тарелку“ и „чинно, завѣсившись салфеткой, отправлялъ всеобщій процессъ житейскаго насыщенія“, какъ вообще онъ отличался „страстной привязанностью ко всему, что̀ питаетъ душевную и тѣлесную природу человѣка“, и проч. Никакой живой мысли, никакого чувства, кромѣ чисто физическаго увлеченія дворовой дѣвушкой, для него не существуетъ и въ то же время онъ преисполненъ тупого самодовольства и сознанія своего достоинства. Въ немъ есть также черты, роднящія его отчасти съ Пульхеріей Ивановной („Почтенный педагогъ имѣлъ необъятныя для простолюдина свѣдѣнія, изъ которыхъ иныя держалъ подъ секретомъ, какъ-то: составленіе лѣкарства противъ укушенія бѣшеныхъ собакъ“ и проч.), отчасти съ Иваномъ Ѳедоровичемъ Шпонькой („онъ собственноручно приготовлялъ лучшую ваксу и чернила, вырѣзывалъ для маленькаго внучка Анны Ивановны фигурки изъ бумаги; въ зимніе вечера моталъ мотки и даже прялъ“) [1]). Повѣсть осталась недоконченной, но впослѣдствіи Гоголь не разъ возвращался къ заинтересовавшей его темѣ и прежде всего въ „Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ и его тетушкѣ“. Послѣдній является жалкимъ образцомъ пошлой удовлетворенности тѣмъ, что̀, безъ всякой заслуги и труда съ его стороны, послала на его долю судьба. „Казалось“,—говоритъ о немъ Гоголь,—„натура именно создала его управлять восемнадцати-душнымъ имѣніемъ“, какъ позднѣе онъ выразился объ Акакіи Акакіевичѣ, что онъ, „видно, такъ и родился совсѣмъ ужъ готовымъ въ своемъ

[1]) Тамъ же, стр. 50 – 51.

Digitized by Google

вицъ-мундирѣ, съ лысиной на головѣ“ [1]). Съ Акакіемъ Акакіевичемъ Шпонька имѣетъ и другое сходство: оба они не рѣчисты. Такъ, въ отвѣтъ на разсужденіе Григорія Григорьевича Сторченка объ умѣніи знахарокъ лѣчить, онъ сказалъ: „Дѣйствительно, вы изволите говорить совершенную правду. Иногда точно бываетъ“... Тутъ онъ остановился, какъ бы не прибирая приличныхъ словъ. Не мѣшаетъ здѣсь и мнѣ сказать, что онъ вообще былъ не щедръ на слова“ [2]). Такихъ людей, какъ Шпонька или Акакій Акакіевичъ, Гоголь постоянно отличаетъ, въ этомъ случаѣ не въ пользу ихъ, даже отъ другихъ пошлыхъ людей, но не забитыхъ до послѣдней степени и сохранившихъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, сочувственную ему въ русскомъ человѣкѣ черту нѣкоторой, иногда чрезмѣрной и легкомысленной, отваги. Такъ, описывая времяпровожденіе Ивана Ѳедоровича, Гоголь говоритъ: „когда другіе разъѣзжали на обывательскихъ къ мелкимъ помѣщикамъ, онъ, сидя въ своей квартирѣ, упражнялся въ занятіяхъ, сродныхъ одной кроткой и доброй душѣ: то чистилъ пуговицы, то читалъ гадательную книгу, то ставилъ мышеловки по угламъ своей комнаты, то, наконецъ, скинувъ мундиръ, лежалъ на постели“ [3]). Совершенно сходное мѣсто встрѣчаемъ и въ „Шинели“, но, по обширному объему его, укажемъ только нѣкоторыя строки: „Даже въ тѣ часы, когда совершенно потухаетъ петербургское сѣрое небо и когда чиновники спѣшатъ предать наслажденію оставшееся время,— даже тогда, когда все стремится развлечься, Акакій Акакіевичъ не предавался никакому развлеченію“ [4]). Въ Шпонькѣ мелькаетъ также будущій Подколесинъ [5]). Судя по послѣднимъ страни-

[1]) Ср. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 197 и т. II, стр. 87.

[2]) Т. I, стр. 194.

[3]) Въ находящемся въ нашемъ распоряженіи и неизданномъ письмѣ къ Гоголю А. О. Смирновой отъ 30 января 1845 г., послѣдняя служитъ по поводу указанной черты характера Шпоньки: „Я прочитала „Сорóчинскую Ярмарку“, „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“ и „Шпоньку“. „Право, Ѳедоръ Ивановичъ“ (очевидно, ошибка, вмѣсто: Иванъ Ѳедоровичъ) былъ очень счастливый человѣкъ; разбиралъ бѣлье и чистилъ пуговицы. Что̀ можетъ быть невиннѣе, какъ этакая голова?“

[4]) Т. I, стр. 189 и т. II, стр. 89—60.

[5]) Ср. „Время“ 1863, II: „Въ простодушномъ очеркѣ характера Ивана Ѳедоровича Шпоньки таится уже зерно глубокаго созданія характера Подколесина“ (слова Аполлона Григорьева).

Digitized by Google

цамъ, главная цѣль которыхъ, какъ потомъ въ „Женитьбѣ“, заключается въ изображеніи комической нерѣшимости холостяка, не умѣющаго и не отваживающагося сдѣлать необходимый шагъ для перемѣны своей судьбы, Шпонька такъ же нуждается въ дѣятельномъ посредникѣ, какъ Подколесинъ въ Кочкаревѣ. Но если такъ, то характеръ Василисы Кашпаровны, представляющей своей энергіей и не женской предпріимчивостью рѣзкій контрастъ съ характеромъ племянника, и ея рѣшительные пріемы въ дѣлѣ сватовства послѣдняго заставляютъ предполагать, что ей предназначалась роль позднѣйшаго Кочкарева или, по крайней мѣрѣ, свахи. Но свадьба Шпоньки должна была состояться, и послѣ нея ему предстояло зажить съ женой самой мирной и покойной жизнью, услаждаемой взаимной любовью, какъ это изображено уже въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“. Объ этомъ сходствѣ мы можемъ догадываться по слѣдующимъ строкамъ письма Гоголя къ Данилевскому: „Ты, я думаю, уже прочелъ „Ивана Ѳедоровича Шпоньку“. Онъ до брака удивительно какъ похожъ на стихи Языкова, между тѣмъ какъ послѣ брака сдѣлается совершенно поэзіей Пушкина“. О поэзіи же Пушкина онъ говоритъ тутъ же: „она не вдругъ обхватитъ васъ, но чѣмъ болѣе вглядываешься въ нее, тѣмъ она болѣе открывается, развертывается и, наконецъ, превращается въ величавый и обширный океанъ, въ который чѣмъ болѣе вглядываешься, тѣмъ онъ кажется необъятнѣе“. Но такъ какъ въ этихъ словахъ Гоголь не имѣетъ въ виду прямо характеристику любви Шпоньки послѣ свадьбы, то для пониманія этого мѣста и всего сравненія необходимо прочитать подлинное письмо [1]).

Въ этой же повѣсти мы находимъ личность, уже сильно напоминающую Пульхерію Ивановну „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ“. Эта личность—мать Григорія Григорьевича Сторченка, о которой авторъ замѣчаетъ, что это была совершенная доброта. Казалось, она такъ и хотѣла спросить Ивана Ѳедоровича: „сколько на зиму насаливаете огурцовъ?“ Она—большая мастерица вести домашнее хозяйство; дѣвки ея хорошо выдѣлываютъ ковры. Самое любимое развлеченіе ея—угощать пріѣзжихъ; любимая бесѣда — о томъ, какъ должно красить пряжу и приготовлять для этого нитку. Разговоры

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 152.

Digitized by Google

о хозяйствѣ мигомъ пролагаютъ широкій доступъ къ ея сердцу каждой едва знакомой собесѣдницѣ. Подобно Пульхеріи Ивановнѣ, старушка, разговорившись, охотно *открывала сама, безъ просьбы, множество секретовъ* насчетъ дѣланія пастилы и сушенія грушъ [1]).

Въ виду всѣхъ указанныхъ данныхъ никакъ нельзя согласиться, что, изображая „старосвѣтскихъ помѣщиковъ“, Гоголь будто бы рисовалъ портреты своихъ домашнихъ. Мнѣніе это крайне наивно и односторонне. Но отдѣльныя черты изъ жизни близкихъ, безъ сомнѣнія, могли быть внесены имъ въ собранный для повѣсти матеріалъ. Такъ, Гоголь воспользовался слухами объ увозѣ тайкомъ его дѣдомъ будущей своей жены въ разсказѣ объ Аѳанасіи Ивановичѣ и его молодости [2]). Далѣе въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ нашли себѣ отраженіе отчасти обстановка Гоголева дѣтства, картина обычнаго малороссійскаго помѣщичьяго гостепріимства и проч. Добродушные выговоры Пульхеріи Ивановны приказчику и ея ни для кого не страшные выѣзды на ревизію, о которыхъ всюду знали задолго до ея пріѣзда [3]), представляютъ много сходства съ такими же выговорами и ревизіями Марьи Ивановны Гоголь, хотя общій складъ жизни и привычекъ, изображенныхъ въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“, больше всего напоминалъ бытъ нѣкоторыхъ знакомыхъ и сосѣдей Гоголя, напр. старичковъ Зарудныхъ. Въ самомъ описаніи выѣздовъ помѣщицы на ревизію есть подробность, не относящаяся, конечно, къ изображенію М. И. Гоголь: когда Пульхерія Ивановна выѣзжала на дрожкахъ, „воздухъ наполнялся странными звуками, такъ что вдругъ были слышны и флейта, и бубны, и барабанъ“. Любопытно, что и здѣсь замѣчается сходство между „Повѣстью объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ и его тетушкѣ“ и „Старосвѣтскими Помѣщиками“; въ повѣсти о Шпонькѣ читаемъ о бричкѣ: „Это была та самая бричка, въ которой еще ѣздилъ Адамъ“. Подобной патріархальности не могло быть и слѣдовъ у родителей Гоголя, уже близко знакомыхъ съ Д. П. Трощинскимъ, въ домѣ котораго они нерѣдко бывали. Наконецъ, мы находимъ въ повѣсти „Старосвѣтскіе Помѣщики“ собственное откровенное признаніе Гоголя о

[1]) Ср. Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 201, 204 и 235—236.

[2]) См. «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. I, стр. 38.

[3]) Тамъ же, стр. 57.

Digitized by Google

страхѣ, который ему причиняли разные слышанные имъ въ дѣтствѣ голоса. Такіе же голоса слышались ему и незадолго до смерти [1])... Наконецъ, личныя впечатлѣнія вообще нерѣдко передаются въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ прямо отъ лица автора и мѣстами переходятъ въ „лирическія отступленія“; напр.: „Пять лѣтъ прошло съ того времени. Какого горя не уноситъ время! Какая страсть уцѣлѣетъ въ неровной битвѣ съ нимъ!“ и пр.; или: „Боже“, думалъ я, глядя на него, „пять лѣтъ всеистребляющаго времени!“ [2]) и проч.

Оканчивается повѣсть такъ же печально, какъ и всѣ другія въ „Миргородѣ“, при чемъ мимоходомъ сказалось уже тогда выяснившееся крайнее несочувствіе Гоголя къ ухищреннымъ нововведеніямъ въ хозяйствѣ во вкусѣ Манилова (новый помѣщикъ „накупилъ шесть прекрасныхъ англійскихъ серповъ“ и проч.) при полномъ неумѣньѣ взяться за дѣло, но особенно тяжелое чувство, испытываемое при видѣ постепеннаго исчезновенія дорогихъ и близко знакомыхъ съ дѣтства чертъ стариннаго быта и замѣны ихъ несимпатичной и притязательной новизной.

---

[1]) Тамъ же, стр. 58, примѣч.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 241 и 244.

Digitized by Google

ВНѢШНІЯ УСЛОВІЯ ЖИЗНИ ГОГОЛЯ СЪ ЛѢТА 1832 Г. ПО 1835 ГОДЪ.

I.

По возвращеніи Гоголя въ Петербургъ изъ Малороссіи, въ его литературной дѣятельности наступаетъ временное затишье. Для него сразу стеклось много неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя не могли не отвлечь его отъ творчества; нѣкоторыя изъ нихъ были обусловлены заботами о родныхъ и разстройствомъ домашнихъ дѣлъ, другія — служебными отношеніями и условіями.

Для Марьи Ивановны Гоголь еще съ января 1832 г. наступило надолго суетливое и тревожное время, съ тѣхъ поръ какъ одинъ ея знакомый, красивый краковскій полякъ, заѣзжій землемѣръ Трушковскій, сдѣлалъ предложеніе ея старшей дочери. Очень естественно, что съ тѣхъ поръ до самой свадьбы всѣ обычные занятія и интересы были отложены или отошли на второй планъ, а главное вниманіе было устремлено на освѣдомленія о женихѣ, на разныя необходимыя приготовленія и проч. Какъ всегда почти бываетъ, между родственниками нашлись люди, не желавшіе этого брака и старавшіеся разбить свадьбу. Сама Марья Ивановна Гоголь желала бы видѣть дочь замужемъ за человѣкомъ богатымъ и обезпеченнымъ, тогда какъ у жениха состоянія не было; дядя невѣсты, А. А. Трóщинскій (тотъ самый, который такъ много помогалъ Гоголю въ самое критическое время его жизни въ Петербургѣ), былъ съ своей стороны также недоволенъ и ясно показывалъ свое неодобреніе, что̀, въ свою очередь, не могло не дѣйствовать на мнительную Марью Ивановну, которую и безъ того

Digitized by Google

смущала всякая мелочь, въ родѣ появленія какой-то кометы и приближенія мая, считающагося у многихъ неблагопріятнымъ мѣсяцемъ для супружества.

Гоголь старался убѣдить домашнихъ не останавливаться разными нестоющими ни малѣйшаго вниманія примѣтами и другими мнимыми препятствіями. Онъ сочувственно отнесся къ намѣренію матери устроить свадьбу безъ шума и объявлялъ себя врагомъ всякихъ свадебныхъ обрядовъ и церемоній; совѣтовалъ не смотрѣть на пересуды сосѣдей и на мнѣнія дяди генерала, но дѣйствовать рѣшительно въ виду взаимной привязанности жениха и невѣсты. О богатствѣ онъ судилъ такъ: что женихъ „всегда можетъ нажить его; нужны только труды. Но доброй души и прекрасныхъ качествъ человѣкъ никогда не наживетъ, если ихъ не имѣетъ“ [1]).

Но все это происходило еще до поѣздки Гоголя въ Малороссію; съ этого только начались домашнія заботы и тревоги, которыя потомъ долго не прекращались. По выѣздѣ изъ дому Гоголь долженъ былъ заботиться о двухъ маленькихъ сестрахъ, которыхъ онъ везъ съ собою въ Петербургъ. Несмотря на отчаянную просрочку отпуска (Гоголь запаздывалъ почти на три мѣсяца, не давъ о себѣ никакого извѣщенія начальству Патріотическаго института), ему не удалось скоро доѣхать до Петербурга: въ дорогѣ экипажъ безпрестанно ломался и приходилось часто чинить его или просто ждать подолгу лошадей на станціяхъ, такъ что и въ Москвѣ Гоголю не удалось отдохнуть больше нѣсколькихъ дней. На пріемномъ испытаніи въ институтѣ сестры его сверхъ ожиданія были приняты только въ приготовительное отдѣленіе, но по случаю передѣлокъ въ зданіи заведенія не могли быть тотчасъ устроены. Между тѣмъ къ однѣмъ непріятностямъ присоединялись другія: просрочка Гоголя была слишкомъ велика, чтобы не броситься въ глаза администраціи, и, по докладу начальницы Вистингаузенъ, ему было пріостановлено жалованье на три мѣсяца, что̀ составляло 200 р., сумму, весьма чувствительную для Гоголя въ его стѣсненныхъ обстоятельствахъ [2]). Но, впрочемъ, послѣ его ходатайства жалованье было ему возвращено. Инспекторъ Плетневъ, несмотря на

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 145.

[2]) См. статью Н. А. Бѣлозерской: «Николай Васильевичъ Гоголь, его служба въ Патріотическомъ институтѣ» («Русская Старина», 1887, XII, стр. 741—755).

Digitized by Google

дружескія отношенія къ Гоголю, былъ также недоволенъ просрочкой и съ досады называлъ его „оригиналомъ“ [1])... Сестры Гоголя были, наконецъ, приняты въ институтъ на казенный счетъ, но подъ тяжкимъ условіемъ, чтобы Гоголь вмѣсто платы за нихъ отказался отъ жалованья и былъ неотлучно при институтѣ. Черезъ нѣсколько времени, впрочемъ, это стѣсненіе было устранено, и онѣ были зачислены сверхкомплектными воспитанницами, съ разрѣшенія самой императрицы, не въ примѣръ другимъ. Все это, конечно, стоило Гоголю не малыхъ волненій. А въ то же время, по порученію матери, ему приходилось имѣть дѣло съ Опекунскимъ Совѣтомъ и возникала даже мысль о продажѣ имѣнья.

Черезъ нѣсколько времени Марья Ивановна Гоголь перешла въ другую крайность: по совѣту пылкаго мечтателя-зятя, она у себя въ имѣньѣ основала кожевенную фабрику. Услышавъ объ этомъ, Н. В. Гоголь писалъ ей: „Со всѣхъ сторонъ доходятъ слухи и стращаютъ о неурожаѣ. Обратите на это вниманіе и велите, по крайней мѣрѣ, насѣять побольше картофелю, если хлѣба немного. Да нельзя ли не строить въ этотъ годъ фабрики и другихъ построекъ? Неужели въ винокурнѣ нельзя дать мѣстъ выдѣлывать кожъ; она же теперь совершенно гуляетъ. Приладьте какъ-нибудь. Вѣдь не въ наружномъ видѣ, не въ строеніи сила, а въ томъ, что́ дѣлается внутри. Фабрикантъ — большой фантазеръ. Ему, конечно, пріятно видѣть огромное строеніе съ пышнымъ названіемъ „фабрика“, но уговорите его, скажите, что вы на слѣдующій годъ выстроите ему золотую фабрику съ бриллiантовою крышею, но что теперь нельзя ли какъ-нибудь пристроить въ винокурнѣ всѣ препараты, что нѣтъ никакой возможности поступить иначе“ [2]). Хотя Николай Васильевичъ всячески ста-

---

[1]) Соч. Плетнева, т. III, стр. 522.

[2]) «Русская Старина», 1889, I, стр. 141. Но тамъ не точно обозначенъ нами по предположенію 1834 г., тогда какъ письмо это, вѣроятно, было написано еще въ концѣ 1833 г. Приводимъ здѣсь вполнѣ это письмо, какъ не вошедшее въ собраніе г. Кулиша.

„Посылаю вамъ сѣмена для огорода. Только прошу васъ посадить ихъ какъ можно скорѣе,—если можно, то даже въ тотъ день, когда получите ихъ; намачивать ихъ вовсе не нужно, но просто прямо посадить въ землю. Только непремѣнно нужно поливать нѣсколько разъ въ день послѣ посадки. Мѣсто выбрать для нихъ лучше поближе къ пруду; особенно позаботьтесь, чтобы было

Digitized by Google

рался отклонить мать отъ рискованнаго, почти безумнаго предпріятія, которое вскорѣ причинило ей пятитысячный убытокъ, и, справляясь о томъ, насколько успѣшно идутъ заводы въ Малороссіи, отовсюду получалъ самыя неутѣшительныя свѣдѣнія, но разубѣдить Марью Ивановну не было никакой возможности. Вмѣсто того, чтобы внять совѣтамъ сына объ осторожности, она предавалась самымъ фантастическимъ надеждамъ на выручку отъ фабрики, хотя покупщиковъ совсѣмъ не было. Фабрикантъ скоро понялъ ея характеръ и, замѣтивъ ея безпредѣльную довѣрчивость и непрактичность, сулилъ въ будущемъ золотыя горы и давалъ самыя невѣроятныя обѣщанія. Для Гоголя было ясно заочно, что мать его сдѣлалась жертвой самаго безцеремоннаго обмана, и онъ предостерегалъ ее: „Для меня удивительно одно въ вашемъ фабрикантѣ: какъ фабрикантъ готовъ подрядиться на 10.000 паръ сапоговъ и рѣшается сдѣлать ихъ въ годъ? Кто за него будетъ работать? *Неужели невидимая сила?*“ [1]) и проч. Между тѣмъ Гоголь не переставалъ освѣдомляться объ инструментахъ, употребляемыхъ въ кожевенномъ дѣлѣ, и сообщалъ объ этомъ матери. Для пробы онъ просилъ присылать ему изъ дому сапоги и калоши издѣлія собственной фабрики, которые, однако, не всегда его удовлетворяли, и неудивительно: „ходить въ этихъ сапогахъ на улицѣ хорошо“, — хвалилъ Гоголь,—„но нужно же съ улицы войти въ комнату, гдѣ нельзя сидѣть, по причинѣ ихъ теплоты; а носить съ собою сапоги

получше для цвѣтной капусты, артишоковъ и брунколей, которые я очень люблю. Не забывайте особенно приказывать хоть кому-нибудь изъ комнатныхъ дѣвушекъ поливать ихъ. Хоть они садятся нѣсколько поздно, но садовникъ здѣшній увѣряетъ меня, что при аккуратномъ поливаніи они весьма могутъ поспѣть въ іюнѣ. Со всѣхъ сторонъ доходятъ слухи и стращаютъ о неурожаѣ. Обратите на это вниманіе и велите, по крайней мѣрѣ, насѣять побольше картофелю, если хлѣба немного. Да нельзя-ли не строить въ этотъ годъ фабрики и другихъ построекъ? Неужели въ винокурнѣ нельзя дать мѣстъ выдѣлывать кожъ; она же теперь совершенно гуляетъ. Приладьте какъ-нибудь. Вѣдь не въ наружномъ видѣ, не въ строеніи сила, а въ томъ, что дѣлается внутри. Фабрикантъ большой фантазеръ. Ему, конечно, пріятно видѣть огромное строеніе съ пышнымъ названіемъ «фабрика», но уговорите его, скажите, что вы на слѣдующій годъ выстроите ему золотую фабрику съ бриллiантовою крышею, но что теперь нельзи-ли какъ-нибудь пристроить въ винокурнѣ всѣ препараты, что нѣтъ никакой возможности поступить иначе“...

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 180.

Digitized by Google

для перемѣны другіе—тоже не слишкомъ ловко“ [1]). Но вмѣсто того, чтобы обратить на все это вниманіе, Марья Ивановна разстраивала сына непріятными извѣстіями о томъ, что, напр., князь Кочубей, ни съ того, ни съ сего, пріѣхалъ мѣрять ея землю въ Яворивщинѣ: неизвѣстно, какое было у него побужденіе, но Марьѣ Ивановнѣ показалось, что онъ намѣревался отнять ея собственность. Хотя Гоголь и успокоивалъ ее, говоря: „Велика важность, что Кочубей мѣрялъ нашу землю! Пусть онъ хоть всю помѣститъ ее у себя на планѣ. Мы можемъ помѣстить у себя его Диканьку на планѣ“; но видно, что это его все-таки разсердило. „Жаль“, — пишетъ онъ,—„что у насъ въ Яворивщинѣ живутъ такіе олухи, которымъ ни до чего нѣтъ нужды, у которыхъ если бы собственный языкъ ихъ стали мѣрять аршинами, такъ они не спросили бы“ [2]). Разумѣется, все оказалось пустой тревогой...

Еще задолго до печальнаго финала фантастическихъ затѣй Марьи Ивановны, ея хозяйственныя дѣла приходили въ совершенное разстройство. Ей угрожала къ тому же тяжба съ родственникомъ Лукашевичемъ, который задолжалъ ей четыре тысячи рублей и не могъ или не хотѣлъ платить долгъ. Послѣ ей впрочемъ, кажется, удалось заложить души, которыя были переведены изъ Лукашевки“ [3]). Личныя дѣла Гоголя были въ это же время также очень незавидны: онъ попалъ на холодную квартиру и всю зиму [4]) былъ вынужденъ терпѣть отъ этого неудобства. Разстроенное здоровье Гоголя требовало новыхъ попеченій о себѣ, но какія-то неизвѣстныя намъ причины, всего вѣроятнѣе безденежье, удержали его лѣтомъ 1833 года въ Петербургѣ, не позволивъ ему не только думать о поѣздкѣ въ Малороссію [5]), но даже и въ Мо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 192.

[2]) Тамъ же, стр. 180.

[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 169.

[4]) Съ 1832 г. по 1833 г.

[5]) То же повторилось и въ слѣдующемъ году. По этому поводу Гоголь писалъ матери: „Я бы съ радостью прислалъ вамъ сколько-нибудь, но этотъ годъ и для меня нѣсколько тяжелъ“. – Странно, что въ „Запискахъ о жизни Гоголя“ (т. I, стр. 123) г. Кулишъ пишетъ, что „въ этомъ (1833) году Гоголь не жилъ на дачѣ, судя по его словамъ, что онъ только-что пріѣхалъ изъ Петергофа, гдѣ прожилъ около мѣсяца“; но вѣдь именно въ Петергофѣ-то онъ, конечно, и нанималъ тогда дачу. Впрочемъ, это примѣчаніе было уже опущено въ „Соч. и письмахъ Гоголя“.

Digitized by Google

скву. Впрочемъ, въ противоположность съ предыдущимъ годомъ онъ отнесся немного спокойнѣе къ этому лишенію. Теперь онъ привыкъ уже изъ года въ годъ проводить лѣто на дачѣ въ окрестностяхъ Петербурга (въ 1831 г. въ Павловскѣ, въ 1832 г. Гоголь поселился было на дачѣ Гюнтера въ Царскомъ Селѣ, но, какъ мы знаемъ, оставался тамъ только въ началѣ лѣта, затѣмъ въ 1833 г. онъ поселился въ Стрѣльнѣ и около Петергофа и только изрѣдка пріѣзжалъ въ Петербургъ для пріисканія новой квартиры [1]).

Также и въ 1834 г. Гоголь никоимъ образомъ не могъ выбраться лѣтомъ изъ Петербурга и не былъ въ состояніи нанять дачу, о которой онъ даже и не упоминалъ на этотъ разъ ни въ одномъ письмѣ. И въ этомъ году при всемъ непреодолимомъ отвращеніи къ лѣтней петербургской духотѣ и скукѣ Гоголь скоро почувствовалъ себя совершенно прикованнымъ къ городу неумолимой нуждой. Необходимость стѣснять себя до послѣдней крайности, разумѣется, не позволяла нашему юношѣ думать о какой-либо помощи матери, за которую онъ могъ только мучиться и страдать нравственно. Даже самое непродолжительное свиданіе съ нею являлось трудно осуществимой мечтой. Въ началѣ весны Гоголь писалъ однажды матери: „Черезъ четыре мѣсяца все-таки надѣюсь съ вами видѣться“ [2]), но судя по содержанію всего письма и по непосредственно слѣдующимъ словамъ: „Ну, развеселитесь же“, нельзя сомнѣваться, что такое обѣщаніе, если не безусловно, то въ значительной степени давалось также и для утѣшенія удрученной заботами, хотя и бодрившейся и даже обольщавшейся надеждами Марьи Ивановны, надеждами, которыми послѣдняя усыпила было даже на время опасенія болѣе ея дальновиднаго и осторожнаго сына. Въ іюнѣ 1834 года Гоголь по обыкновенію рвался вонъ изъ столицы, но могъ мечтать о выѣздѣ только самымъ неопредѣленнымъ образомъ: „Если я пріѣду въ Москву“— писалъ онъ Погодину уже въ исходѣ названнаго мѣсяца,— „то или къ тебѣ, или къ кому-нибудь другому *въ деревню, потому что мнѣ городъ такъ надоѣлъ, что не могу смотрѣть на него равнодушно*“ [3]). Но и это предположеніе не удалось и, ка-

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 219.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 197.

[3]) Тамъ же, стр. 215.

Digitized by Google

жется, именно вслѣдствіе множества сдѣланныхъ Гоголемъ долговъ. („Я увидѣлъ, что мнѣ выбраться нельзя никакъ изъ Питера: такъ я связался съ нимъ *долгами и всѣми дѣлами своими*“ объяснялъ онъ Максимовичу свою вынужденную вѣрность надоѣвшему Петербургу [1]). Тому же пріятелю Гоголь жаловался: „признаюсь, мнѣ становится чѣмъ далѣе, *тѣмъ нестерпимѣе петербургскій воздухъ*“ [2]). Правда, Гоголь говоритъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ также вообще о своей неудовлетворенности Петербургомъ, но несомнѣнно, что приведенныя строки указываютъ и на его недовольство необходимостью провести тамъ лѣто, что̀ видно и изъ его приведенныхъ выше жалобъ и изъ того, что Гоголь спѣшилъ при первой возможности хоть недалеко и не надолго вырваться изъ города даже въ самомъ концѣ лѣта. „Спѣшу къ тебѣ кончить письмо“— говоритъ онъ Максимовичу,—„зане страхъ некогда: *сейчасъ ѣду въ Царское*, гдѣ проживу двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ непремѣнно буду писать къ тебѣ“. Это видно наконецъ даже изъ такихъ выраженій въ другихъ его письмахъ, напр. „Наши всѣ почти разъѣхались: Пушкинъ въ деревнѣ, Вяземскій удралъ за-границу. Городъ весь застроенъ подмостками для лучшаго открытія Александровской колонны, имѣющей открыться 30 августа. Офицерья и солдатства страшное множество — и прусскихъ, и голландскихъ, и австрійскихъ и проч.“... [3]) Матери онъ также писалъ: „Даже намѣреніе мое ѣхать къ вамъ рушилось“ [4]).

Вообще матеріальное положеніе Гоголя всѣ эти годы продолжало оставаться крайне неблистательнымъ, что̀, разумѣется, не могло не отражаться, и даже весьма замѣтно, на его душевномъ настроеніи, хотя онъ и переживалъ временами, совершенно наперекоръ тяжкому гнету нужды, счастливые недѣли и мѣсяцы подъ вліяніемъ роившихся въ головѣ свѣтлыхъ надеждъ и юношескихъ мечтаній, на которыхъ мы будемъ вскорѣ имѣть случай остановиться подробно. Касаться же матеріальныхъ условій, среди которыхъ находился Гоголь, мы считаемъ себя положительно вынужденными въ виду того, что теченіе внутренней жизни Гоголя съ ними тѣсно связано

[1]) Стр. 223.
[2]) Стр. 224.
[3]) Стр. 225 и письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 20.
[4]) Стр. 219.

Digitized by Google

и обзоръ ея въ связи съ изученіемъ внѣшней жизненной обстановки получаетъ нѣсколько болѣе рельефности и силы.

Въ занимающее насъ время личныя заботы и дѣла, конечно, должны были сильно отвлекать Гоголя отъ участія въ дѣлахъ матери, и это обстоятельство оказалось крайне неблагопріятнымъ для обѣихъ сторонъ. И все время почти Гоголю приходилось убѣждать мать не быть слишкомъ довѣрчивой и не распространять, по крайней мѣрѣ, заранѣе слуховъ о необыкновенно успѣшномъ ходѣ дѣлъ, при чемъ онъ предостерегалъ ее, между прочимъ, и тѣмъ соображеніемъ, что фабрикантъ можетъ исчезнуть съ деньгами или умереть, тогда какъ на немъ одномъ держится все дѣло. Слова Гоголя оказались пророческими: въ одинъ прекрасный день Марья Ивановна узнала, что фабрикантъ бѣжалъ, предоставляя ей ликвидировать дѣла и уплатить долги. Можно только удивляться тому, какъ неэнергично поступалъ въ этомъ дѣлѣ Гоголь, писавшій матери излишне деликатно: „Я увѣренъ, что все, что́ вы ни дѣлаете, дѣлаете посовѣтовавшись напередъ съ собственнымъ благоразуміемъ, *которое васъ всегда выручало*“ (?!) [1]). Или, совѣтуя матери держать фабриканта въ рукахъ, онъ вдругъ портитъ дѣло оговоркой: „Впрочемъ, я, позабывшись, читаю вамъ наставленія, тогда какъ вы, безъ сомнѣнія, лучше меня все это знаете“ [2]). Между тѣмъ недовольство этимъ рискомъ перешло у Гоголя и на главнаго виновника его, П. О. Трушковскаго. Послѣдній однажды нарочно хотѣлъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобы повидаться съ шуриномъ, но Гоголь написалъ матери, будто уѣзжаетъ въ Ревель, куда его „призываютъ разныя необходимыя для его трудовъ разысканія“ [3]). Этимъ поѣздка была отклонена, а потомъ Гоголь уже написалъ матери откровенно, что въ Ревель не ѣздилъ...

Чтобы покончить съ домашними заботами и непріятностями Гоголя, укажемъ еще на то, что Марья Ивановна не переставала иногда раздражать сына своей безтактностью, напр. съ увѣренностью приписывая ему какую-то ничтожную повѣсть подъ заглавіемъ „Кулябка“, называя его геніемъ, и проч. Что-то, повидимому, похожее на это повторялось и еще не разъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 191.

[2]) Тамъ же, стр. 210.

[3]) Стр. 192.

Digitized by Google

„Я бы вамъ прислалъ теперь Смирдина журналъ“—писалъ Гоголь матери,—„но онъ такъ толстъ, что за пересылку его больше нужно заплатить, чѣмъ сколько онъ стóитъ; притомъ же онъ очень глупъ... Я не знаю, чтó за охота пришла нашимъ судить и рядить о литературѣ. Я зналъ лично людей, которыхъ почитали умными, но когда эти люди захотятъ непремѣнно судить и сообщать другимъ свои сужденія, то ихъ безъ смѣха нельзя слушать. Въ какія можно впасть ошибки, можно извѣстному писателю приписывать сочиненіе чужое, сочиненіе гадкое, которымъ оскорбляется умъ и вкусъ“ [1]).—Еще одинъ случай. Однажды братъ Александра Семеновича Данилевскаго, Иванъ Семеновичъ, собирался надолго переѣхать въ Петербургъ. Гоголь писалъ матери, чтобы она отсовѣтовала болѣзненному Данилевскому настаивать на своей мечтѣ, ссылаясь на дурное вліяніе на непривычныхъ петербургскаго климата, при чемъ приводилъ въ примѣръ самого себя. Марья Ивановна, безумно любившая сына и смотрѣвшая, такъ сказать, въ микроскопъ, когда обсуждала какія-либо касавшіяся его непріятности, потребовала, чтобы Гоголь немедленно ѣхалъ въ деревню. Тогда пришлось ее успокоивать и писать, что „весь городъ боленъ кашлемъ и прочими принадлежностями простуды“ [2]).

Надо, впрочемъ, замѣтить, что, несмотря на частые примѣры обидчивости Гоголя въ тѣхъ случаяхъ, когда чѣмъ-нибудь затрогивалось его крайне чувствительное самолюбіе, обычныя взаимныя отношенія его и Марьи Ивановны во время ихъ личныхъ свиданій были всегда совершенно дружескія, теплыя и сердечныя,—такъ по крайней мѣрѣ представили ихъ намъ, на основаніи многолѣтняго весьма близкаго знакомства съ семьей нашего писателя, А. С. Данилевскій и А. И. Псіолъ [3]). Можетъ быть, во избѣжаніе упрека въ голословности, не лишнее будетъ здѣсь, въ подтвержденіе сказаннаго, привести два-три мелкихъ случая, рисующихъ Гоголя въ его семьѣ въ разные моменты, при разныхъ настроеніяхъ, и показывающихъ какъ обычный тонъ его при непосредственныхъ

---

1) Стр. 219—220.

2) Стр. 199.—Кромѣ того, Марьѣ Ивановнѣ случалось иногда безъ всякаго серьезнаго основанія безпокоиться, напр., о томъ, будто дочерей ея не станутъ учить музыкѣ и иностраннымъ языкамъ и т. под. Такихъ случаевъ можно найти въ перепискѣ не мало.

3) См. о ней выше, стр. 45.

Digitized by Google

сношеніяхъ съ матерью, между прочимъ его сдержанность въ случаѣ небольшого недовольства какой-нибудь мелочью въ домашнемъ обиходѣ, и вообще его домашнее обращеніе,—такъ и проявленіе чувства любви къ матери въ болѣе или менѣе торжественныя минуты.

Марья Ивановна относилась къ сыну, какъ къ авторитетному лицу во всѣхъ отношеніяхъ; она во всемъ съ нимъ совѣтовалась и дорожила каждымъ его мнѣніемъ, особенно же старалась угодить ему, чѣмъ только могла. Гоголь относился къ ея суетливому усердію съ легкимъ оттѣнкомъ добродушнаго юмора, но всегда сердечно и дружески. Однажды, когда Гоголь крестилъ вмѣстѣ съ матерью одного изъ сыновей Данилевскаго, названнаго въ честь его Николаемъ (и вскорѣ умершаго) [1]), то онъ показалъ себя весьма заботливымъ, предупредительнымъ; но вдругъ, когда онъ о чемъ-то очень захлопотался, къ нему подходитъ въ большомъ смущеніи Марья Ивановна и шепчетъ, показывая на нетрезваго и съ трудомъ говорящаго священника: „Николенька, можно ли допустить, чтобы священникъ совершалъ таинство въ такомъ видѣ?“ Гоголь, ласково смѣясь, отвѣтилъ на это: „маменька, странно было бы требовать, чтобы священникъ былъ трезвъ въ воскресенье! надо это извинить ему“. Однажды Марья Ивановна замѣтила, что ея дорогому гостю, за которымъ она по обыкновенію сильно ухаживала, не совсѣмъ нравится кофе ея приготовленія. Она попросила на другой день одну изъ дочерей приготовить кофе какъ можно старательнѣе и лучше, но видитъ, что и на этотъ разъ сынъ неохотно пьетъ его. Тогда Марья Ивановна замѣтила: „это сегодня для тебя Оленька сама приготовила!...“ (Ольга Васильевна даже сама на этотъ разъ подавала кофе). — „Нѣтъ, маменька“, — возразилъ Гоголь: „ужъ гдѣ заведется дурной кофе, тамъ его ничѣмъ не выживешь!“ (припомнимъ, что также не могли часто угодить на Гоголя и у Аксаковыхъ и въ другихъ домахъ, но здѣсь, дома, онъ былъ какъ-то деликатнѣе и добрѣе).—Въ 1851 г., когда Гоголь въ послѣдній разъ видѣлся съ матерью, она, какъ всегда, просила его не торопиться отъѣздомъ и гово-

---

[1]) Этотъ и слѣдующіе сообщаемые нами факты относятся уже къ концу сороковыхъ и началу пятидесятыхъ годовъ и были сообщены намъ покойнымъ А. С. Данилевскимъ.

Digitized by Google

рила ему: „останься еще! Богъ знаетъ, когда увидимся!“ и Гоголь нѣсколько разъ оставался и снова собирался въ дорогу, и наконецъ, отслуживъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, при чемъ онъ весьма горячо и усердно молился, разстался съ ней навсегда...[1])

II.

Но кромѣ разныхъ домашнихъ тревогъ, были также и другія помѣхи для литературной дѣятельности Гоголя въ 1833 и отчасти въ 1834 г. Плетневъ однажды писалъ о немъ Жуковскому: „У Пушкина ничего нѣтъ новаго, у Гоголя тоже. Его комедія не пошла изъ головы. Онъ слишкомъ много хотѣлъ обнять въ ней, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не писалъ. Есть еще другая причина его неудачи: онъ въ такой холодной поселился квартирѣ, что цѣлую зиму принужденъ былъ бѣгать отъ дому, боясь тамъ заморозить себя. Такъ-то физическая сторона человѣка иногда губитъ его духовную половину со всѣми въ ней зародышами“ [2]). Это сообщеніе Плетнева подтверждается цѣлымъ рядомъ сходныхъ данныхъ въ перепискѣ Гоголя. „Досадно“, — писалъ Гоголь Погодину, въ ноябрѣ 1832 г., узнавъ объ успѣхѣ его литературныхъ

---

[1]) Пора понять, кажется, что легкіе капризы, слѣдствіе болѣзненной раздражительности крайне нервной натуры Гоголя, измученной и потрясенной тяжелой жизненной борьбой, его невольныя вспышки обидчивости и порой сухой, непривѣтливый тонъ нисколько не исключаютъ возможности въ Гоголѣ любви къ своей семьѣ. Судя невыгодно объ отношеніяхъ его къ роднымъ, *на основаніи мертвыхъ документовъ*, безъ вниканія въ переживаемые Гоголемъ тяжелые искусы, которые ему постоянно посылала судьба, мы неизбѣжно будемъ впадать въ несправедливое осужденіе нашего писателя. Мы не безъ цѣли приводимъ здѣсь сообщенные намъ покойнымъ Данилевскимъ мелкіе факты, въ надеждѣ съ достаточной правдивостью возстановить родственныя отношенія нашего писателя, которыя намъ приходится выяснить теперь съ возможной обстоятельностью и полнотой, разъ мы рѣшились излагать ихъ съ бо́льшими подробностями, чѣмъ прежде. Мы все еще надѣялись прежде, что достаточно представить въ краткомъ видѣ лишь извлеченіе изъ нашихъ замѣтокъ о семейныхъ отношеніяхъ Гоголя, этомъ щекотливѣйшемъ вопросѣ біографіи...

Пора также понять, что все нами сказанное *ни на іоту не противорѣчитъ* нашему критическому отношенію къ перепискѣ Гоголя съ матерью, представляющемуся инымъ наивнымъ судьямъ чуть не святотатствомъ.

[2]) Соч. Плетнева, т. III, стр. 528.

Digitized by Google

работъ—„что творческая сила меня не посѣщаетъ до сихъ поръ. Можетъ быть, она ожидаетъ меня въ Москвѣ“ [1]). Матери онъ писалъ уже во второй половинѣ 1833 года: „Врядъ-ли будетъ у меня что-нибудь въ этомъ или даже въ слѣдующемъ году. Пошлетъ ли всемогущій Богъ мнѣ вдохновеніе—не знаю“ [2]).

Хотя Гоголь по всѣмъ извѣстіямъ былъ въ это время преимущественно занятъ комедіей, но онъ, кажется, не оставлялъ и другихъ художественныхъ замысловъ, судя по тому, что онъ снова просилъ нерѣдко домашнихъ присылать ему „сказки и присказки“ и возобновлялъ рѣчь о присылкѣ смушевой шапки, кунтуша и проч. Съ другой стороны, хотя онъ съ презрѣніемъ отзывался тогда о „Вечерахъ“, называя ихъ „спекулятивнымъ оборотомъ“ и ожидая чего-нибудь „увѣсистаго, великаго, художническаго“, но собираніе сказокъ и отыскиваніе костюмовъ предпринималъ, конечно, для „Миргорода“, составлявшаго продолженіе „Вечеровъ“. Кромѣ того, онъ принималъ непосредственнымъ наблюденіемъ участіе въ выходѣ „Пестрыхъ Сказокъ“ Одоевскаго и постоянно бывалъ на извѣстныхъ субботнихъ вечерахъ у Жуковскаго, гдѣ встрѣчалъ Пушкина, Крылова, Гнѣдича и графа М. Ю. Віельгорскаго.

Кромѣ того, Гоголь задумалъ было принять участіе вмѣстѣ съ Одоевскимъ и Пушкинымъ въ изданіи альманаха, который предполагалось назвать шутливымъ именемъ „Тройчатка, или альманахъ въ три этажа“; самое названіе это придумано было Гоголемъ. Одоевскій часто видался тогда съ Гоголемъ, какъ это видно не только изъ переписки объ альманахѣ, но и изъ случайныхъ отрывочныхъ воспоминаній, напр. въ не разъ указанной нами выше статейкѣ Мундта (о намѣреніи Гоголя поступить въ актеры). Со всѣми членами Пушкинскаго и другихъ близкихъ къ нему литературныхъ кружковъ Гоголь былъ вообще въ довольно короткихъ, хотя часто и поверхностныхъ отношеніяхъ, и это продолжалось до самаго отъѣзда его за-границу. По поводу задуманнаго альманаха Одоевскій писалъ Пушкину: „Скажите, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, что̀ дѣлаетъ нашъ почтенный г. Бѣлкинъ? Его сотрудники, Гомозейко и Рудый Панекъ, по странному сте-

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 163.
[2]) Тамъ же, стр. 184.

Digitized by Google

ченію обстоятельствъ, описали: первую—гостиную, второй—чердакъ; нельзя ли г. Бѣлкину“ (т. е. Пушкину) „взять на свою отвѣтственность погребъ? Тогда бы вышелъ весь домъ въ три этажа, и можно было бы къ „Тройчаткѣ“ сдѣлать картину, представляющую разрѣзъ дома въ три этажа съ различными въ каждомъ сценами. Рудый Панекъ даже предлагалъ самый альманахъ назвать такимъ образомъ „Тройчатка, или альманахъ въ три этажа“, соч. и проч. Что на это скажетъ г. Бѣлкинъ? Его рѣшеніе нужно бы знать немедленно, ибо заказывать картинку должно теперь, иначе она не поспѣетъ, и „Тройчатка“ не выйдетъ къ новому году, что кажется необходимымъ“ [1]). Эта литературная затѣя не состоялась, какъ и многіе другіе альманахи, но для насъ важно то, что она даетъ намъ понятіе о совершенно свободныхъ и дружескихъ отношеніяхъ къ Гоголю его старшихъ литературныхъ собратовъ. Пушкинъ такъ отвѣчалъ Одоевскому: „Виноватъ, ваше сіятельство, кругомъ виноватъ! Пріѣхалъ въ деревню, думалъ—распишусь, не тутъ-то было. Головная боль, хозяйственныя хлопоты, лѣнь—барская, помѣщичья лѣнь такъ одолѣли меня, что не приведи Боже. Не дожидайтесь Бѣлкина; не на шутку, видно, онъ покойникъ: не бывать ему на новосельѣ ни въ гостиной Гомозейки, ни на чердакѣ Панька. Не достоинъ онъ, видно, быть въ ихъ компаніи... А куда бы не худо до погреба добраться“ [2])! Вообще такіе проекты и замыслы болѣе важны для характеристики литературныхъ отношеній Гоголя въ занимающее насъ время, нежели свидѣтельствуютъ о какихъ-либо дѣйствительныхъ и опредѣленныхъ литературныхъ планахъ.

Въ это же время Гоголь написалъ „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ [3]). Слова же Гоголя въ письмѣ къ Максимовичу отъ 9-го ноября

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1864, VII—VIII, 719—720; 2 изд., стр. 814.

[2]) Соч. Пушкина, изд. литер. фонда, т. VII, стр. 382.

[3]) Мы не находимъ необходимымъ разбирать это произведеніе съ цѣлью извлечь изъ него черты, важныя для разъясненія жизни или исторіи творчества Гоголя, кромѣ указанныхъ выше (стр. 125), такъ какъ повѣсть эта едва ли можетъ дать новый матеріалъ въ указанномъ отношеніи; здѣсь отмѣтимъ лишь нѣсколько подробностей, имѣющихъ болѣе внѣшнее значеніе, которыя, по нашему мнѣнію, должны быть разсмотрѣны и указаны отдѣльно отъ характеристики внутренняго настроенія Гоголя, отразившагося въ „Миргородѣ“.

Digitized by Google

1833 г. о томъ, что эта повѣсть, отданная имъ въ альманахъ Смирдина „Новоселье“, гдѣ она впервые была напечатана, будто бы „старинная“, и дата, помѣченная въ „Новосельѣ“ (1831 г.), не могутъ быть приняты, какъ совершенно справедливо доказываетъ Н. С. Тихонравовъ. Извиненіе Гоголя очень легко объясняется неловкостью его положенія: будучи на вечерѣ у Смирдина во время его „новоселья“, Гоголь, вмѣстѣ съ другими присутствующими, долженъ былъ дать обѣщаніе принять участіе въ задуманномъ альманахѣ, тогда какъ для Максимовича причина такого предпочтенія ему Смирдина могла казаться весьма обидной. На слѣды свѣжихъ впечатлѣній, послужившихъ главной канвой для повѣсти, указываютъ, между прочимъ, описанія исключительно лѣтнихъ сценъ. Гоголь и здѣсь, какъ въ „Віи“, очень мало пользуется сюжетомъ, взятымъ у Нарѣжнаго; главное содержаніе составляютъ все-таки описаніе уѣздной скуки и спячки, также нравовъ и отчасти даже внѣшняго вида Миргорода, описаніе знойнаго малороссійскаго лѣта съ его характеристичной тишиной и истомой и проч. Такіе дни Гоголь, правда, описывалъ и прежде, напр. въ самомъ началѣ „Сорóчинской Ярмарки“, но особенно часто подобныя описанія встрѣчаются въ его письмахъ около 1832 г. Зазывая своихъ пріятелей на лѣтній отдыхъ въ Малороссію, Гоголь еще передъ выѣздомъ изъ Петербурга писалъ одному изъ нихъ: „Въ іюлѣ мѣсяцѣ, если бы тебѣ вздумалось заглянуть въ Малороссію, то засталъ бы и меня, лѣниво возвращающагося съ поля отъ косарей, или беззаботно лежащаго подъ широкой яблоней, безъ сюртука, на коврѣ, возлѣ ведра холодной воды со льдомъ“ [1]). Другому пріятелю онъ писалъ приглашеніе почти въ тѣхъ же словахъ: „Жизнь мы проведемъ самымъ эстетическимъ образомъ: спать будемъ въ волю; ѣсть будемъ очень много“ [2]). и проч. Позднѣе, года черезъ два, онъ звалъ также Максимовича ѣхать съ нимъ по Пслу, гдѣ бы „мы лежали въ натурѣ, купались“ [3]) и проч. Нельзя не припомнить, что это-то лежаніе въ прохладной тѣни, благодушные, лѣнивые разговоры изможенныхъ зноемъ людей, иногда даже о поли-

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 156.

[2]) „Русское Слово“, 1859, т. I, стр, 85.

[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 216.

Digitized by Google

тикѣ и о томъ, какъ „три короля объявили нашему царю войну“, сцена развѣшиванія на воздухѣ бѣлья для просушки и проч. составляютъ въ значительной степени содержаніе повѣсти до сцены, въ которой описывается самая ссора.

Это изображеніе Миргорода и его запущенности было, очевидно, снято съ натуры; описаны были даже присутственныя мѣста и находившаяся передъ ними „прекрасная лужа, удивительная лужа“. Этимъ Гоголь нажилъ себѣ множество непримиримыхъ враговъ въ лицѣ мѣстныхъ миргородскихъ патріотовъ [1]).

Во второй половинѣ повѣсти, т.-е. въ изображеніи самой тяжбы, Гоголь не только остается вполнѣ самостоятельнымъ по отношенію къ Нарѣжному, но и вноситъ гораздо болѣе глубокую идею, замѣняя узко-практическую мораль романа „Страсть къ тяжбамъ“, старавшагося показать единственно безсмысленность послѣднихъ и происходящій отъ этого огромный практическій вредъ, изображеніемъ безнадежной пустоты и нравственнаго ничтожества людей, которыхъ и дружба и ненависть имѣютъ самую жалкую, самую пошлую основу, совершенно соотвѣтствующую убогому уровню ихъ умственнаго и нравственнаго развитія. Какъ извѣстно, Гоголь сосредоточилъ весь комизмъ на ничтожномъ поводѣ къ ссорѣ, возникшей изъ-за слова „гусакъ“, подобно тому какъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ Чичиковъ поссорился съ другимъ таможеннымъ чиновникомъ изъ-за того, что тотъ обидѣлся за обозваніе его поповичемъ, хотя былъ дѣйствительно поповичъ.

Изъ внѣшнихъ слѣдовъ вліянія Нарѣжнаго на Гоголя можно отмѣтить, кажется, только слѣдующій пріемъ въ „Страсти къ тяжбамъ“, повторенный и въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“: „Попытай, кто хочетъ и надѣется вѣрно изобразить взоръ и движеніе, обнаруженные тогда панамъ Харитономъ“. Ср. у Гоголя: „О, если бы я былъ живописецъ, я бы чудно изобразилъ всю прелесть ночи“ и проч. [2]).

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, 1890, кн. 2-ая, стр. 586—587 и „Русск. Арх.“ 1890, VIII, 151.

[2]) „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ“; 3 ч., стр. 143. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 422.

Digitized by Google

III.

Во вторую половину 1832 и въ теченіе всего 1833 г. литературные труды Гоголя подвигались вяло, и это обстоятельство находилось въ самой несомнѣнной связи съ состояніемъ духа нашего писателя и съ обусловливавшими его внѣшними матерьяльными условіями. Главнымъ дѣломъ Гоголя въ эту пору было собираніе народныхъ украинскихъ пѣсенъ, въ которое онъ одно время вдался было усиленно, относясь къ этому занятію съ горячимъ увлеченіемъ внезапно возгорѣвшейся страсти. Здѣсь сильно сказалась его поэтическая натура и вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе на него знакомства съ Максимовичемъ. По возвращеніи Гоголя въ Петербургъ изъ Малороссіи, Максимовичу понадобилась виньетка для заглавнаго листа его сборника малороссійскихъ пѣсенъ. Горячо сочувствуя его предпріятію, Гоголь сталъ подыскивать для исполненія этой мысли художника, который оказался бы на высотѣ предназначавшейся ему задачи. Въ бытность свою въ Москвѣ Гоголь совсѣмъ было обнадежилъ въ этомъ отношеніи своего друга, но обѣщаніе Гоголя на этотъ разъ не было приведено въ исполненіе. „Тотъ художникъ малороссъ въ обоихъ смыслахъ“,—писалъ онъ,—„про котораго я вамъ говорилъ и который одинъ могъ бы сдѣлать національную виньетку, пропалъ какъ въ воду, и я до сихъ поръ не могу его отыскать“ [1]).

Зато собираніе и записываніе пѣсенъ подвигалось съ извѣстнымъ успѣхомъ. Отъ этой дѣятельности Гоголя сохранились несомнѣнные слѣды[2]), и при томъ не въ одномъ только сборникѣ, изданномъ Максимовичемъ, въ которомъ нѣкоторое участіе несомнѣнно принялъ и Гоголь (конечно, во второмъ изданіи). Хотя и трудно опредѣлить, на основаніи писемъ, насколько великъ былъ въ данномъ случаѣ сдѣланный имъ вкладъ; но во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ въ рукахъ кромѣ того три собственноручныхъ тетради пѣсенъ, старательно переписанныхъ Гоголемъ, изъ которыхъ одна заключаетъ въ себѣ пѣсни русскія, впрочемъ, повидимому, выбранныя преимущественно

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 164.

[2]) См. тамъ же, стр. 208.

Digitized by Google

изъ сборника *Сахарова*, *а въ двухъ* другихъ записаны пѣсни южнорусскія и малороссійскія [1]).

Но въ остальныхъ отношеніяхъ Гоголь мало подвинулся въ этомъ году и постоянно во всѣхъ письмахъ жаловался на овладѣвшую имъ лѣнь, особенно къ Погодину отъ 1 февраля, въ письмѣ къ Данилевскому отъ 8 февраля, и къ Максимовичу отъ 2 іюля. Въ послѣднемъ Гоголь говоритъ между прочимъ: „Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки. Какъ ни принуждалъ себя, нѣтъ, да и только!“ хотя въ нѣсколько болѣе раннемъ письмѣ къ Погодину (отъ 8 мая) онъ замѣчаетъ, что приступилъ къ написанію „увѣсистой вещи“: „Начало къ этому уже сдѣлано. Не знаю, какъ пойдетъ дальше“. Но увѣренности въ успѣшной работѣ вдохновенія не было, какъ это видимъ между прочимъ изъ заключительныхъ строкъ того же письма: „да не отлучается отъ тебя вдохновеніе и творческая сила“ [2]). Чувствуя временное ослабленіе въ себѣ творческаго дара, Гоголь тѣмъ искреннѣе желалъ литературныхъ и научныхъ успѣховъ своему пріятелю.

Поразительная непроизводительность творчества Гоголя въ 1833 году остается пока неразгаданной. Отчасти мы уже объясняли причину ея и ниже предложимъ болѣе подробное объясненіе, а пока позволимъ себѣ только сказать, что ни одно изъ предположительныхъ объясненій г. Кулиша въ данномъ случаѣ насъ рѣшительно не удовлетворяетъ.—„Въ промежутокъ между іюлемъ и ноябремъ“,—пишетъ г. Кулишъ,—„съ Гоголемъ случилось нѣчто необыкновенное. Можетъ быть, то были непріятности по службѣ или по предмету его литературныхъ занятій; но, судя по тону его рѣчи, едва-ли не будетъ вѣрнѣе, если мы скажемъ, что то была:

„Забота юности—любовь“.

„Строчки эти находятся въ письмѣ къ Максимовичу отъ

---

[1]) Пѣсни онъ собиралъ частью самъ, частью же ему въ этомъ дѣлѣ по прежнему помогали его мать и родные (см. особенно „Соч. и письма“, т. V, стр. 189—190, откуда видно, что до собиранія пѣсенъ, по просьбѣ Гоголя, въ домѣ его матери были уже какія-то старинныя тетради съ пѣснями).— Кромѣ этихъ тетрадей, въ которыхъ записаны пѣсни, у насъ находятся списанныя его рукой стихотворенія Ломоносова и Державина, также въ особой тетради.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 179.

Digitized by Google

9 ноября 1833 года, гдѣ Гоголь говоритъ между прочимъ: „еслибъ вы знали, какіе со мной происходятъ странные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня. Боже, сколько я пережилъ, сколько перестрадалъ! Но теперь я надѣюсь, что все успокоится, и я буду снова дѣятельный, движущійся“ [1]).

Намъ кажется, что г. Кулишъ далеко идетъ за объясненіемъ загадочнаго литературнаго безплодія Гоголя въ 1833 г.[2]). Онъ дѣлаетъ совершенно произвольныя предположенія и забываетъ обратить вниманіе на связь выписанныхъ строкъ съ остальнымъ содержаніемъ того же письма. Во-первыхъ, Гоголь и раньше, въ самомъ началѣ іюля, писалъ Максимовичу о своихъ литературныхъ неудачахъ, происшедшихъ вслѣдствіе самыхъ разнообразныхъ непріятностей, или по прихоти упрямаго вдохновенія, какъ о томъ говорилъ онъ Погодину и другимъ, да и весь предшествующій годъ въ этомъ отношеніи былъ для него однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ, и во-вторыхъ, Гоголю пришлось сгущать краски и употреблять яркія выраженія чуть ли не для того еще, чтобы лучше извинить себя передъ пріятелемъ, который давно ждалъ обѣщаннаго вклада для издаваемой имъ „Денницы“ [3]). Любопытно притомъ, что служебныя и литературныя непріятности въ гораздо бо́льшей степени удручали Гоголя въ 1835 и 1836 годахъ, но это нимало не ослабляло тогда силы его творчества. На любовь же въ приведенныхъ выше строкахъ нѣтъ даже и намека. Одной изъ причинъ занимающаго насъ застоя въ творчествѣ Гоголя могло быть также развѣ нездоровье, вообще слишкомъ часто возвращавшееся къ нему. Такъ, у него уже давно слегка мелькала мысль даже о поѣздкѣ для лѣченія на Кавказъ, мысль, къ которой онъ потомъ не разъ возвращался (въ 1834 г., какъ видно изъ письма къ Максимовичу отъ 28-го мая; въ 1835 г., какъ видно изъ

---

[1]) „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 123—124.

[2]) Считаемъ долгомъ оговориться, что несогласіемъ съ г. Кулишемъ въ настоящемъ случаѣ мы *отнюдь не желаемъ* набросить тѣнь на его *прекрасный и вполнѣ добросовѣстный трудъ*.

[3]) Въ этомъ отношеніи Гоголь чаще всего не могъ удовлетворять надежды своихъ пріятелей-редакторовъ (Максимовича, Плетнева, Погодина и проч.) и навлекалъ на себя неудовольствія. Здѣсь мы видимъ только первые примѣры такихъ недоразумѣній, сдѣлавшихся впослѣдствіи довольно частыми.

Digitized by Google

письма къ Жуковскому отъ 15 іюля того же года, и наконецъ, въ 1836 г., по свидѣтельству его университетскаго слушателя Иваницкаго [1]), хотя все-таки онъ не осуществилъ ея). Узнавъ, что пользовавшійся его особеннымъ довѣріемъ московскій докторъ Дядьковскій отправился на Кавказъ, Гоголь еще въ серединѣ лѣта писалъ Максимовичу: „Если онъ возвратился, то что́ говоритъ о Кавказѣ, объ употребленіи водъ, о степени ихъ излѣчительности, и въ какихъ особенно болѣзняхъ? Изъ многихъ тщательныхъ вопросовъ вы можете догадаться, что и мнѣ пришло въ думку потащиться на Кавказъ, зане скудельный составъ мой часто одолѣваемъ недугомъ и крайне дряхлѣетъ“ [2]). Замѣтимъ пока это.

IV.

О подаркахъ домашнимъ рѣчь въ это время также надолго замолкаетъ, что́, разумѣется, вполнѣ объясняется тѣмъ, что Гоголю тогда приходилось уже и безъ того много помогать своей семьѣ заботами о ней и разными уплатами за обученіе сестеръ: „Будьте увѣрены“—писалъ онъ матери,—„что я не пощажу ничего, чтобы доставить имъ все нужное. Всѣ пріятныя искусства, необходимыя для дѣвицъ, будутъ имъ внушены“ [3]). Въ письмѣ отъ 10 іюля 1834 г. онъ жалуется на тяжелый для него годъ и извиняется, что ничего не можетъ послать матери въ критическую для нея минуту.

Сдѣлаемъ здѣсь небольшое отступленіе для болѣе полной характеристики отношеній Гоголя къ его сестрамъ въ серединѣ тридцатыхъ годовъ. Мы говорили, что, возвращаясь изъ дому въ 1832 г., Гоголь везъ съ собой въ институтъ сестеръ и что еще въ пути дорожныя хлопоты, постоянная порча экипажа, непривычныя заботы и возня съ дѣтьми, наконецъ дурная дорога совсѣмъ истомили его. Хорошо еще, что къ этому не присоединилась по прежнему болѣзнь, которая такъ мучила его во время іюньскаго путешествія изъ Петербурга въ Украйну. Но этого недостаточно: онъ вообще много заботился и хлопоталъ о сестрахъ. О заботахъ и любви Гоголя къ сестрамъ

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 211 и „Русскій Архивъ“ 1871, 4—5, 949, и „Отеч. Записки“, 1853, II.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 183.

[3]) Тамъ же, стр. 185.

Digitized by Google

приведемъ любопытный разсказъ его сестры Елизаветы Васильевны [1]), рисующій притомъ вообще ихъ семейныя отношенія.

„Когда мы подросли, братъ пріѣхалъ за нами, чтобы отвести насъ въ Петербургъ, въ Патріотическій институтъ, гдѣ онъ преподавалъ исторію и куда насъ приняли на счетъ Государыни. Братъ хлопоталъ самъ обо всемъ, входилъ во всѣ подробности, даже въ заказъ нашего гардероба, дѣлалъ намъ платья дорожныя, для поступленія въ институтъ и для другихъ случаевъ; насъ снабдили всѣмъ нужнымъ и отправили въ путь.

Дѣдушка и двѣ бабушки пріѣхали съ нами проститься, и это было наше послѣднее съ ними свиданіе, такъ какъ черезъ два года никого изъ нихъ уже не было въ живыхъ,— добрые были старички!...

Уѣзжая изъ дому, мы очень плакали; со всѣмъ намъ было жалко разставаться. Но особенно трогательное прощаніе вышло съ няней Варичкой [2]): она, не имѣя силы съ нами проститься, убѣжала въ садъ, но мы ни за что не хотѣли уѣхать такъ; ее нашли въ саду и привели къ намъ. Няня и мы, особенно я, страшно рыдали,—это прощаніе было настолько трогательно и такъ глубоко запечатлѣлось въ нашей памяти, что часто уже потомъ въ институтѣ, когда случалась необходимость вызвать слезы, а ихъ не было, то стоило намъ только вспомнить няню Варичку и наше съ ней прощаніе, какъ тотчасъ же являлись самыя искреннія и горячія слезы. Мать и старшая сестра [3]) проводили насъ до Полтавы; пробывъ здѣсь два дня, мы тронулись далѣе. Въ Полтавѣ снова прощаніе съ матерью и сестрой, и снова обильныя слезы; братъ старался насъ разсѣять и утѣшить какъ могъ, и мы безъ всякихъ приключеній доѣхали до Москвы, гдѣ останавливались на три дня, и братъ насъ возилъ по городу и въ театръ. Затѣмъ опять въ дорогу—и мы въ Петербургѣ.

Въ памяти у меня ничего не осталось о томъ, какое впечатлѣніе произвели на насъ Москва и Петербургъ.

Въ Петербургѣ братъ старался намъ доставить всевозмож-

---

[1]) „Русь“, 1885, № 26, стр. 6—7.

[2]) О ней упомянуто выше, на стр. 28.

[3]) Марья Васильевна, вышедшая замужъ за Трушковскаго.

Digitized by Google

ныя удовольствія, возилъ насъ по нѣскольку разъ въ театръ, звѣринецъ и другія мѣста. Разъ, помню, повезъ онъ насъ въ театръ и велѣлъ намъ оставить наши зеленые капоры въ саняхъ извозчика; кончается спектакль, зовемъ извозчика, а его и слѣдъ пропалъ; пришлось такимъ образомъ брату заказывать новые. Квартиру братъ перемѣнялъ при насъ два раза[1]) и устраивалъ рѣшительно все самъ, кромѣ занавѣсокъ, которыя шила женщина, но которыя онъ все-таки самъ кроилъ, и даже показывалъ, какъ шить. Вечерами у него бывали гости, но мы почти никогда не выходили; иногда онъ устраивалъ большіе вечера по приглашенію, и тогда опять всегда самъ смотрѣлъ за всѣми приготовленіями и даже самъ приготовлялъ какіе-то сухарики, обмакивая ихъ въ шеколадъ—онъ ихъ очень любилъ. Не выходя къ гостямъ брата, мы все-таки имѣли возможность наблюдать ихъ пріѣздъ изъ одного окна своей комнаты, которое выходило въ переднюю; вообще же объ этомъ времени у меня осталось очень смутное воспоминаніе. Мы прожили такимъ образомъ съ братомъ, кажется, съ мѣсяцъ; въ это же время онъ насъ самъ приготовлялъ къ поступленію въ институтъ, не забывая въ то же время покупать намъ разныя сласти и игрушки.

Рѣдкій былъ у насъ братъ; несмотря на всю свою молодость въ то время, онъ заботился и пекся о насъ, какъ мать[2]). Иногда по вечерамъ, братъ и самъ уѣзжалъ куда-нибудь и тогда мы ложились спать раньше. Помню, разъ, именно въ такой вечеръ, мы уже спали, когда приходитъ къ намъ Матрена, жена братнина человѣка Акима, будитъ насъ и говоритъ, что братъ приказалъ насъ завить, такъ какъ на другой день насъ отведутъ въ институтъ; насъ, почти спящихъ, завили и уложили снова. На другой день насъ одѣли

---

[1]) Этими словами подтверждаются слова г. Витберга, что Гоголь не разъ мѣнялъ квартиру въ Петербургѣ, но мы рѣшительно не придаемъ этому никакого значенія. Сообщенное нами свѣдѣніе о томъ, что Гоголь жилъ до отъѣзда заграницу въ домѣ Модераха на Малой Морской, мы передали на основаніи словъ покойнаго Данилевскаго, котораго мы на этотъ разъ не провѣрили. Полагаемъ, впрочемъ, что и провѣрять такую мелочь не стоило.

[2]) Здѣсь мы снова встрѣчаемъ доказательство искренней любви Гоголя къ своимъ семейнымъ, которые, въ свою очередь, были къ нему горячо привязаны. Какъ мы слышали, одна изъ сестеръ Гоголя рѣшила даже никогда не выходить замужъ, чтобъ исполнить желаніе обожаемаго брата.

Digitized by Google

въ закрытыя шоколадныя платья изъ прадедама, и братъ повелъ насъ въ институтъ, гдѣ передалъ начальницѣ института, М-me Вистингаузенъ, маленькой горбатой старушкѣ; она ввела насъ въ классъ и отрекомендовала: „сестры Гоголя“. Насъ тотчасъ же всѣ обступили какъ новенькихъ и вдобавокъ сестеръ своего учителя. Къ намъ всѣ были очень внимательны и ласкали насъ, особенно старшія. Моя классная дама въ тотъ же день подарила мнѣ куклу. (Я была очень мала, между тѣмъ какъ Аннетъ до 14 лѣтъ росла сильно. Я была самая маленькая по росту и потому шла въ первой парѣ, и классная дама водила меня за руку; только черезъ годъ по выходѣ изъ института я поравнялась ростомъ съ сестрой). Съ большою грустью и слезами разстались мы съ братомъ и водворились въ институтѣ.

При насъ братъ не долго оставался учителемъ, и когда онъ вызывалъ насъ отвѣчать, то всѣхъ въ классѣ очень занимало, какъ мы будемъ отвѣчать брату, но именно это насъ и конфузило, и мы бо́льшею частью совсѣмъ не хотѣли отвѣчать; когда у него бывали уроки въ институтѣ, то по окончаніи ихъ онъ всегда приносилъ лакомства. Впрочемъ онъ и самъ былъ большой лакомка, и иногда одинъ съѣдалъ цѣлую банку варенья, и если я въ это время прошу у него слишкомъ много, то онъ всегда говорилъ: „погоди, я вотъ лучше покажу тебѣ, какъ ѣстъ одинъ мой знакомый, смотри—вотъ такъ, а другой—этакъ“, и т. д. И пока я занималась представленіемъ и смѣялась, онъ съѣдалъ всю банку. У меня была маленькая страсть писать, и я наполняла толстую тетрадь своими сочиненіями подъ названіемъ „Комедіи и сказки“ и отдала эту тетрадь брату, который, разумѣется, тотчасъ же сталъ смѣяться и разсказалъ о моемъ сочинительствѣ нашему инспектору Плетневу, и тотъ послѣ часто шутя спрашивалъ меня въ классѣ о моихъ сочиненіяхъ. Меня всегда это очень конфузило, и больше я уже не пробовала ничего писать, и даже боялась вести свой журналъ, чтобы онъ не попалъ какъ-нибудь въ руки къ классной дамѣ“.

Припомнивъ, что эти правдивыя и непритязательныя строки были написаны задолго до появленія въ печати какихъ бы то ни было обличеній Гоголя въ мнимомъ безсердечіи и сухомъ равнодушіи къ семейнымъ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ достовѣрности при-

Digitized by Google

веденнаго разсказа, а также и въ справедливомъ освѣщеніи излагаемыхъ здѣсь фактовъ и представленныхъ отношеній.

Послѣ этихъ указаній, касающихся частной жизни Гоголя, мы можемъ уже обратиться къ разсказу о иныхъ заботахъ и волненіяхъ, имѣвшихъ для него большое значеніе въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ.

Digitized by Google

ХЛОПОТЫ ГОГОЛЯ О ПРОФЕССУРѢ ВЪ КІЕВѢ.

I.

Съ конца 1833 года Гоголь сталъ хлопотать о профессурѣ. Нигдѣ до сихъ поръ не было обращено вниманія на то, какимъ образомъ возникла у него эта мысль. Трудно представить себѣ въ настоящее время, какъ легко смотрѣли въ тридцатыхъ годахъ на замѣщеніе университетскихъ каѳедръ. Одинъ и тотъ же профессоръ сплошь и рядомъ читалъ разные предметы, иногда даже принадлежащіе къ разнымъ отраслямъ наукъ (напр. высшую математику, латинскій языкъ, философію и словесность). Иногда профессоръ ботаники переходилъ на каѳедру русской литературы, какъ это было съ Максимовичемъ, который, впрочемъ, былъ весьма свѣдущъ въ обѣихъ этихъ областяхъ [1]). Но что̀ всего страннѣе, каѳедры могли доставаться людямъ, не имѣвшимъ на то никакихъ правъ, какъ Гоголю, и это не только не казалось чѣмъ-то исключительнымъ и необыкновеннымъ; но напротивъ, люди различныхъ взглядовъ и положеній считали это явленіе, повидимому, вполнѣ нормальнымъ. Во всякомъ случаѣ удивительно, что каѳедра всеобщей исторіи въ С.-петербургскомъ университетѣ была замѣщена неблистательно кончившимъ

---

[1]) Въ этомъ отношеніи своими живыми и разносторонними научными интересами Максимовичъ отчасти напоминаетъ ученыхъ прошлаго вѣка, далекихъ отъ исключительнаго погруженія въ область узкой спеціальности; но бывали, и нерѣдко, также случаи не совсѣмъ удачнаго совмѣщенія разнородныхъ каѳедръ въ рукахъ одного и того же профессора.— Прекрасную характеристику представителей науки въ прошломъ вѣкѣ см. у А. Н. Пыпина въ первомъ томѣ „Исторіи русской этнографіи“.

Digitized by Google

курсъ воспитанникомъ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ. Въ одномъ письмѣ къ Пушкину Гоголь говоритъ даже, что онъ могъ бы еще въ 1830 г. или въ 1831 г. занять каѳедру въ Московскомъ университетѣ: „Если бы Уваровъ былъ изъ тѣхъ, какихъ не мало у насъ на первыхъ мѣстахъ, я бы не рѣшился просить и представлять ему мои мысли, какъ и поступилъ я назадъ тому три года, когда могъ бы занять мѣсто въ Московскомъ университетѣ, *которое мнѣ предлагали*“ [1]) (?!). Если это дѣйствительно такъ, то мысль о каѳедрѣ почти тотчасъ же возникла у Гоголя послѣ полученія имъ уроковъ въ Патріотическомъ институтѣ, изъ чего можно заключить, что едва-ли Гоголь не смотрѣлъ на профессорское мѣсто какъ на вполнѣ возможное и естественное административное повышеніе. Если мы припомнимъ при этомъ, что Плетневъ только-что помогъ ему сдѣлаться учителемъ младшихъ классовъ Патріотическаго института, вмѣсто двухъ учительницъ, получившихъ теперь другіе уроки, то притязанія Гоголя окажутся еще болѣе смѣлыми, а между тѣмъ Жуковскій, Пушкинъ, Погодинъ, Плетневъ, Максимовичъ смотрѣли на нихъ какъ на самыя естественныя и законныя. Самъ же Гоголь совершенно убѣжденъ былъ заранѣе, что онъ отличитъ себя отъ „толпы вялыхъ профессоровъ, которыми набиты университеты“. Очевидно, Гоголь основывалъ свои надежды частью на ходатайствѣ сильныхъ лицъ, частью же на сознаніи своего превосходства генія передъ толпой.

Когда въ 1834 году предстояло открытіе въ Кіевѣ университета св. Владиміра, то мысль о занятіи одной изъ каѳедръ въ немъ снова мелькнула у Гоголя, который попросилъ Пушкина замолвить за него слово передъ министромъ Уваровымъ. Откровенность обоихъ поэтовъ на этотъ разъ дошла до геркулесовыхъ столповъ. Гоголь просилъ безъ всякаго стѣсненія: „если зайдетъ рѣчь обо мнѣ съ Уваровымъ, скажите, что вы были у меня и застали меня еле жива; при этомъ случаѣ выбраните меня хорошенько за то, что живу здѣсь и не убираюсь сей же часъ вонъ изъ города“ [2]). Пушкинъ не менѣе

[1]) „Русскій Архивъ“, 1880, II, 512.—Кто и когда предлагалъ эту каѳедру Гоголю, и могли ли ему предлагать ее въ 1831 г., когда онъ только-что выступилъ на педагогическое поприще въ скромной роли учителя низшихъ классовъ, это мы затрудняемся разъяснить.

[2]) Тамъ же.

Digitized by Google

откровенно отвѣчалъ Гоголю: „Я совершенно съ вами согласенъ. Пойду сегодня же назидать Уварова о смерти „Телеграфа“, кстати поговорю и о вашей. Авось уладимъ“ [1]).

Между тѣмъ въ 1833 г. адъюнктъ Московскаго университета, Максимовичъ, избранъ былъ ординарнымъ профессоромъ ботаники [2]). Успѣхъ его научной и литературной дѣятельности давно уже обратилъ на себя общее вниманіе въ ученомъ мірѣ и былъ оцѣненъ Уваровымъ; исполнилась его давняя мечта, которую онъ лелѣялъ, еще будучи ученикомъ Новгородъ-сѣверской гимназіи,—мечта сдѣлаться профессоромъ Московскаго университета. Но отъ усиленныхъ занятій съ микроскопомъ зрѣніе Максимовича сильно испортилось и, только-что получивъ желанную каѳедру, онъ былъ принужденъ уже подумать объ оставленіи ея. До какой степени онъ отдавался въ то время научнымъ занятіямъ, можно судить по тому, что онъ съ большимъ успѣхомъ трудился одновременно и надъ предметами своихъ спеціальныхъ изученій, надъ популяризаціей естественныхъ наукъ въ доступныхъ массѣ, простыхъ и занимательныхъ очеркахъ, получившихъ названіе: „Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ“, и, наконецъ, съ увлеченіемъ занимался словесностью, которую полюбилъ еще студентомъ, когда изучалъ ее подъ руководствомъ извѣстнаго профессора Мерзлякова. Особенно занимался Максимовичъ „Словомъ о полку Игоревѣ“ и собираніемъ народныхъ пѣсенъ. Но, наконецъ, пришлось позаботиться серьезно о поправленіи здоровья. Вмѣстѣ съ тѣмъ Максимовича не переставало тянуть изъ Москвы на родину, въ Малороссію. И такъ, неудивительно, что онъ вскорѣ сталъ заботиться о перемѣщеніи во вновь открываемый на югѣ университетъ. Но тогдашній попечитель Кіевскаго округа, фонъ-Брадке, имѣвшій извѣстное вліяніе на министра, не иначе соглашался на назначеніе Максимовича въ Кіевъ, какъ подъ условіемъ, чтобы онъ вмѣсто ботаники принялъ на себя преподаваніе словесности, для которой, кромѣ него, не находилось достойнаго профессора. Послѣ нѣкотораго колебанія предложеніе было принято, тѣмъ болѣе, что Максимовичъ уже былъ въ значительной степени под-

---

[1]) Соч. Пушкина, изд. литературнаго фонда, т. VII, стр. 348.

[2]) См. подробности въ біографическомъ очеркѣ о Максимовичѣ, составленномъ С. И. Пономаревымъ („Журналъ Мин. Нар. Просв.“, 1871, октябрь).

Digitized by Google

готовленъ къ каѳедрѣ своими прежними занятіями и находилъ себѣ рѣдкаго помощника и отчасти руководителя въ извѣстномъ знатокѣ русской литературы—митрополитѣ Евгеніи Болховитиновѣ.

Во время этихъ переговоровъ Максимовичъ не могъ не вспомнить о своемъ пріятелѣ Гоголѣ [1]), съ которымъ они дѣятельно переписывались, пересылая другъ другу вновь найденныя народныя пѣсни. Достаточно было Максимовичу подать эту мысль Гоголю, какъ послѣдній составилъ уже цѣлый планъ дѣйствій. Гоголь вступилъ въ новый 1834 годъ, съ свѣтлой надеждой выраженной имъ въ извѣстномъ посланіи къ генію [2]); онъ совсѣмъ уже мечталъ о совмѣстномъ перемѣщеніи съ Максимовичемъ, и жалѣлъ даже, что Погодинъ купилъ домъ въ Москвѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ можно бы и его уговорить переселиться въ Кіевъ. Онъ писалъ Пушкину: „Я восхищаюсь заранѣе, когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ. Тамъ же я выгружу изъподъ спуда многія вещи, которыхъ я не всѣ еще читалъ вамъ. Тамъ кончу я исторію Украйны и юга Россіи и напишу Всеобщую Исторію, *которой, въ настоящемъ видѣ ея, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не только въ Россіи, но даже и въ Европѣ нѣтъ.* А сколько соберу тамъ преданій, повѣстей, пѣсенъ и проч. Кстати, ко мнѣ пишетъ Максимовичъ, что хочетъ оставить Московскій университетъ и ѣхать въ Кіевскій. Ему вреденъ климатъ. Это хорошо. Я его люблю. У него въ Естественной Исторіи есть много хорошаго, по крайней мѣрѣ ничего похожаго на галиматью Надеждина [3]). Если бы Погодинъ не обзавелся домомъ, я бы уговорилъ и его проситься въ Кіевъ“ [4]). Въ то же время Гоголь сильно увлекался вновь найденными старинными рукописями, лѣтописями, но больше всего пѣ-

[1]) Г. Витбергъ въ своей статьѣ „Гоголь, какъ историкъ“, усиленно настаиваетъ на томъ, что мысль о профессурѣ пришла не самому Гоголю; но во всякомъ случаѣ Гоголь *ее принялъ*, но скорѣе и Максимовичъ составилъ свой проектъ, зная намѣренія и чаянія Гоголя. (См. письмо отъ 2 іюля). По нашему убѣжденію, такого рода оправданія могли бы имѣть силу лишь въ томъ случаѣ, если бы дѣло касалось совсѣмъ уже молодого и неопытнаго человѣка.

[2]) Не только передъ этимъ, но и послѣ того настроеніе Гоголя было совсѣмъ иное, какъ это выяснится изъ дальнѣйшаго нашего изложенія.

[3]) Въ письмахъ къ Максимовичу Гоголь совершенно иначе отзывается о Надеждинѣ („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 194).

[4]) „Русск. Арх.“, 1880, II, стр. 518.

Digitized by Google

снями, о которыхъ онъ говорилъ: „Моя радость, жизнь моя, пѣсни! какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, передъ этими живыми лѣтописями!“ [1]) Подъ вліяніемъ своихъ новыхъ увлеченій, Гоголь говоритъ уже, что ему „надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но проклятый климатъ его“. Кіевъ онъ надѣялся обратить въ „русскія Аѳины“. Между тѣмъ встрѣтились препятствія для осуществленія этой мечты. Уваровъ сначала затруднялся назначить Максимовича, ординарнаго профессора ботаники, профессоромъ русской словесности; но всѣ эти помѣхи еще болѣе подогрѣвали энтузіазмъ Гоголя, который началъ бранить своего нерѣшительнаго и непредпріимчиваго друга за пристрастіе къ „старой бабѣ Москвѣ“ [2]), и пробовалъ дѣйствовать на него, какъ увидимъ, даже всякаго рода соблазнами и уговорами.

II.

Остановимся теперь подробнѣе на разборѣ упомянутаго выше воззванія Гоголя къ генію.

Мы говорили, что 1833 годъ былъ какимъ-то мертвымъ годомъ для Гоголя: тѣмъ болѣе глубокій смыслъ получаетъ его вдохновенное воззваніе къ генію передъ наступленіемъ слѣдующаго, 1834 года. Въ торжественныя минуты приближенія новаго года, Гоголь обыкновенно писалъ маленькія записочки съ выраженными въ нихъ желаніями и надеждами относительно наступавшаго года; онъ вообще придавалъ весьма серьезное значеніе такимъ минутамъ. Но, судя по тому, что до насъ дошло только одно болѣе значительное по объему и содержанію извѣстное поэтическое воззваніе къ генію, относящееся *именно къ наступленію 1834 года,* мы можемъ съ нѣкоторымъ основаніемъ утверждать, что никогда онъ не проникался въ такой степени сознаніемъ важности момента при смѣнѣ одного года другимъ и восторженнымъ чувствомъ безграничнаго упованія на будущее, какъ именно на этотъ разъ. Теперь въ этомъ страстномъ обращеніи живо чувствовался необычайный подъемъ духа автора, находившійся въ самомъ рѣшительномъ и рѣзкомъ противорѣчіи съ сумрачнымъ на-

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 188.

[2]) См. Письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 5.

Digitized by Google

строеніемъ его во весь предшествующій годъ и съ тѣмъ глухимъ застоемъ въ дѣятельности Гоголя, который, какъ казалось, еще недавно повергалъ его въ унынie. Нынѣшнее свѣтлое, исполненное радостныхъ надеждъ, настроеніе находится въ несомнѣнной зависимости отъ пріятной мечты занять каѳедру въ Кіевѣ и поселиться на живописныхъ берегахъ Днѣпра.

Высокое психологическое значеніе заманчиваго представленія Гоголя о блаженствѣ предстоящей трудовой и плодотворной дѣятельности въ Кіевѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Къ Гоголю какъ будто еще разъ вернулись розовыя мечты юности и—странно—онѣ снова были связаны съ перемѣной мѣста и поприща. Для натуры, склонной къ увлеченіямъ и поэтическимъ преувеличеніямъ, какъ у Гоголя, всегда имѣетъ огромное значеніе сила внутренняго духовнаго удовлетворенія отъ довольства настоящимъ и особенно отъ предвкушенія ожидаемаго счастія. Поэзія мечты, совсѣмъ было угасавшая въ его груди, вдругъ вспыхнула снова съ невѣроятной силой и энергіей: передъ Гоголемъ рисовалась уже счастливая картина чистыхъ наслажденій жизнью въ дорогой Украйнѣ, увлекательная перспектива совмѣстнаго труда съ Максимовичемъ и славныхъ, блестящихъ успѣховъ на поприщѣ науки и литературы. Подъ обаятельнымъ дѣйствіемъ этихъ волшебныхъ картинъ онъ чувствовалъ въ себѣ могучее возрожденіе энергіи и неудержимое стремленіе нестись навстрѣчу таинственной будущности.

Въ этомъ мощномъ подъемѣ настроенія, въ этой пламенной вспышкѣ энтузіазма, охватившаго Гоголя въ минуту наступленія новаго года, проявляется снова глубоко-знаменательная черта его духовной природы, на которую нельзя не обратить особеннаго вниманія въ его біографіи. Извѣстно, что какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ и въ исторіи цѣлыхъ народовъ, при самомъ тщательномъ стремленіи установить строго опредѣленныя грани, никогда нельзя достигнуть ихъ точнаго размежеванія. Такъ и въ годы постепеннаго отрезвленія отъ горячей юношеской мечтательности у Гоголя являлись иногда снова минуты, когда его совершенно захватывала волна страстнаго упоенія и такую минуту мы не можемъ не узнать въ его воззваніи къ генію. Это же вполнѣ искреннее и задушевное увлеченіе чувствуется не разъ также въ его перепискѣ съ Максимовичемъ, такъ какъ скрѣплявшіе

Digitized by Google

ихъ дружбу общіе планы и надежды всего больше способны были возбуждать и поддерживать въ немъ извѣстное намъ настроеніе. Степень восторженнаго увлеченія Гоголя полюбившейся ему мечтой видна и изъ его энергическихъ выраженій, изъ того мажорнаго тона, въ который онъ тотчасъ же впадаетъ, какъ только коснется рѣчь столь дорогой его сердцу мечты о жизни въ древнемъ Кіевѣ: „Бросьте въ самомъ дѣлѣ эту кацапію, да поѣзжайте въ гетманщину“— писалъ онъ Максимовичу 2 іюля 1833 г. „Я самъ думаю то же сдѣлать и на слѣдующій годъ махнуть отсюда. Дурни мы, право, какъ разсудишь хорошенько. Для чего и кому жертвуемъ всѣмъ? Ѣдемъ!... Сколько мы тамъ пособираемъ всякой всячины! все выкопаемъ“ [1]).

Чрезвычайно характерно при этомъ и важно для пониманія личности Гоголя то, что стоило ему отдаться на мгновеніе захватившей его волнѣ увлеченія, какъ, силой теченія, его мечту неудержимо несло въ какую-то фантастическую страну безпредѣльнаго блаженства и счастья, и, какъ будто сбросивъ съ себя всѣ обычныя заботы и забывая объ охлаждающемъ опытѣ жизни, онъ уносился мысленно въ эту Аркадію, куда въ мечтахъ своихъ готовъ былъ тотчасъ же переселить наиболѣе дорогихъ ему людей [2]). Въ немъ мигомъ воскресли надежды, и вся духовная жизнь его озарилась невыразимымъ восторгомъ.

Но, можетъ быть, съ другой стороны, усиливавшееся въ связи съ такимъ настроеніемъ недовольство окружающимъ и настоящимъ должно было стать для него, въ силу тѣхъ же причинъ, нестерпимо томительнымъ и, въ самомъ дѣлѣ, оно, въ свою очередь, глубоко отразилось на ходѣ его трудовъ и на всемъ теченіи его жизни. Отъ напряженія завладѣвшей

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 183.—Пропуски дополнены въ брошюрѣ „Письма Гоголя къ Максимовичу, по подлинникамъ изданныя и дополненныя С. И. Пономаревымъ“, стр. 2.—Замѣтимъ, во избѣжаніе придирчивыхъ перетолкованій, что, быть можетъ, можно найти кажущіяся противорѣчія нашимъ словамъ, вслѣдствіе невыдержанности настроенія Гоголя, въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ нашихъ выраженіяхъ; но мы надѣемся, что добросовѣстные критики примутъ во вниманіе естественность и неизбѣжность такого факта въ самой жизни; надѣемся также, что общая характеристика смѣны настроеній у Гоголя по надлежащей провѣркѣ окажется отмѣченной у насъ вѣрно.

[2]) См. напр. „Русскій Архивъ“, 1880, II, стр. 513; также „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 193, 221, 231, 237 и проч.

Digitized by Google

всѣмъ его существомъ мечты Гоголю становилось противно и скучно заниматься тѣмъ, что́ требовало пока, однако, самаго серьезнаго вниманія. Это можно видѣть изъ цѣлаго ряда жалобъ на Петербургъ и на климатъ его, *именно* въ промежутокъ времени, совпадающій съ пылкими надеждами на переселеніе въ Кіевъ. Какъ завидовалъ Гоголь Максимовичу, имѣвшему возможность лѣтомъ 1833 г. ѣхать на родину: „И такъ вы поймаете еще въ Малороссіи осень, благоухающую, славную осень, съ своимъ свѣжимъ неподдѣльнымъ букетомъ. Счастливы вы! А я живу здѣсь среди лѣта и не чувствую лѣта. Душно, а нѣтъ его. Совершенная баня; воздухъ хочетъ уничтожить, а не оживить“ [1]). Въ другомъ письмѣ къ Максимовичу онъ выражается еще энергичнѣе [2]): „Благодарю тебя за все: за письма, за мысли въ немъ, за новости и проч. Представь, я тоже думалъ: туда, туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ, не правда ли? Тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей... Я работаю, я всѣми силами стараюсь; но на меня находитъ страхъ; можетъ быть, я не успѣю. *Мнѣ надоѣлъ Петербургъ*, или, лучше, не онъ, но проклятый климатъ его: онъ меня донимаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края! Тамъ можно обновиться всѣми силами. Развѣ это малость? Но меня смущаетъ, если это не исполнится“. (Письмо, изъ котораго приведены послѣднія слова, по своему содержанію, должно быть отнесено, повидимому, къ самому началу переписки Гоголя съ Максимовичемъ о кіевскихъ каѳедрахъ, даты на немъ нѣтъ и, вѣроятно, именно поэтому оно помѣщено г. Кулишемъ въ самомъ концѣ писемъ 1833 г., въ качествѣ дополнительнаго письма, но изъ письма отъ 2 іюля ясно, что уже прежде Гоголь мечталъ о жизни въ Украйнѣ).

III.

Постоянная борьба страстной надежды съ опасеніемъ неудачи, по всей вѣроятности, при условіи сильнѣйшаго, го-

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 183.

[2]) Тамъ же, стр. 192.

Digitized by Google

рачечнаго нетерпѣнія, и отразилась на вялой работѣ вдохновенія нашего писателя въ 1833 году и именно объ этихъ-то душевныхъ буряхъ и переворотахъ, какъ намъ кажется, и говоритъ Гоголь въ упомянутомъ письмѣ къ Максимовичу отъ 9 ноября. Такимъ образомъ, если причиной здѣсь была „забота юности любовь“, то любовь не къ женщинѣ, а къ боготворимой Гоголемъ родной Украйнѣ, и этимъ же страстнымъ нетерпѣніемъ и объясняется его лѣнь, его упорное нежеланіе заняться пока чѣмъ бы то ни было. Въ справедливости такого объясненія трудно сомнѣваться, такъ какъ Гоголь самъ прямо признается въ этомъ и при томъ во многихъ мѣстахъ своей переписки. Укажемъ еще нѣсколько мѣстъ. Раньше, въ письмѣ отъ 8 февраля 1833 г. къ Данилевскому [1]), Гоголь жаловался уже на не покидающія его умъ постоянныя воспоминанія о роскоши малороссійской природы и пріятно проведеннаго на родинѣ лѣта: „*Я вывезъ изъ дому всю роскошь лѣта и ничего рѣшительно не дѣлаю.* Умъ въ странномъ бездѣйствіи; мысли такъ растеряны, что никакъ не могутъ собраться въ одно цѣлое“. 2 іюля онъ пишетъ опять то же: „Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки, какъ ни принуждалъ себя, нѣтъ, да и только“ [2]). Вскорѣ затѣмъ въ письмѣ къ матери отъ 9 августа, какъ мы видѣли, онъ снова говоритъ: „Пошлетъ ли всемогущій Богъ мнѣ вдохновеніе—не знаю“ [3]). Погодину онъ также писалъ: „Я сижу при лѣни мыслей“ [4]) и проч. Наконецъ 7 января 1834 г. онъ пишетъ Максимовичу: „Охъ, эти земляки мнѣ! Что̀ мы, братецъ, за лѣнтяи съ тобою! *Однако напередъ положить условіе: какъ только въ Кіевъ—плюнь къ чорту*, чтобы и духъ ея не пахъ. Да превратится онъ въ Аѳины, богоспасаемый нашъ городъ“ [5]) и проч.

Возвращаясь къ разбору мыслей Гоголя при наступленіи 1834 г., мы должны отмѣтить съ одной стороны косвенное указаніе Гоголя на недѣятельно проведенный имъ предшествующій годъ, съ другой—на исполненныя горячаго энтузіазма мечты объ ожидаемомъ счастьѣ и предстоящихъ

---

[1]) „Соч. и письма Гог.“, т. V, стр. 171; ср. на стр. 169 о бездѣйствіи: „Видите ли, какой я сдѣлался прозаистъ и какъ гадко выражаюсь! Все отъ бездѣйствія“.

[2]) Тамъ же, стр. 183.

[3]) Стр. 184.

[4]) Стр. 175.

[5]) Стр. 194.

Digitized by Google

полезныхъ трудахъ. Вотъ какъ Гоголь говоритъ, вспоминая о прошломъ: Что́ же ты такъ таинственно стоишь предо мною, 1834-й годъ? Будь и ты моимъ ангеломъ. *Если лѣнь и безчувственность хотя на время осмѣлятся коснуться меня*—о, разбуди меня тогда! не дай имъ овладѣть мною! Пусть твои многоговорящія цифры, какъ неумолкающіе часы, какъ совѣсть, стоятъ передо мною: чтобы каждая цифра твоя громче набата разила слухъ мой! чтобы она, какъ гальваническій прутъ, производила судорожное потрясеніе во всемъ моемъ составѣ!“ [1]).

Съ другой стороны то же обращеніе къ генію можетъ служить однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ совершенной искренности Гоголя, когда онъ воображалъ себя историкомъ, авторомъ будущаго капитальнаго сочиненія по исторіи Малороссіи. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что разбираемый нами не предназначавшійся для печати и проникнутый такимъ неподражаемымъ поэтическимъ увлеченіемъ отрывокъ не могъ быть плодо́мъ какихъ-нибудь лицемѣрныхъ соображеній, этотъ вдохновенный гимнъ, вырвавшійся изъ переполненной до краевъ души! Но Гоголю при охватившемъ его порывѣ увлекательной мечты представлялось легкимъ и близкимъ къ исполненію многое такое, что́ было ему совсѣмъ не по силамъ. Безконечная вѣра въ себя въ эти минуты внушала ему убѣжденіе, будто для исполненія его надеждъ необходимо только отряхнуть съ себя лѣнь и очнуться отъ продолжительнаго бездѣйствія. Онъ же какъ будто и не сомнѣвался въ томъ, что создастъ въ 1834 г. много замѣчательнаго и великаго: „Таинственный, неизъяснимый 1834! Гдѣ означу я тебя великими трудами? Среди ли этой кучи набросанныхъ одинъ на одинъ домовъ, гремящихъ улицъ, кипящей меркантильности,—этой безобразной кучи модъ, народовъ, чиновниковъ, дикихъ сѣверныхъ ночей, блеску и низкой безцвѣтности? Въ моемъ ли прекрасномъ, древнемъ, обѣтованномъ Кіевѣ, увѣнчанномъ многоплодными садами, опоясанномъ моимъ южнымъ, прекраснымъ, чуднымъ небомъ, упоительными ночами, гдѣ гора обсыпана кустарниками, съ своими какъ бы гармоническими обрывами, и подмывающій ее мой чистый и быстрый, мой Днѣпръ.—Тамъ ли?“

Въ этой вспышкѣ смѣлыхъ, молодыхъ надеждъ и въ бод-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 105.

Digitized by Google

ромъ упованіи на будущее мы снова узнаемъ бывшаго нѣжинскаго юношу, чистаго, восторженнаго мечтателя, нѣсколько лѣтъ назадъ пылавшаго нетерпѣливымъ стремленіемъ къ полезной дѣятельности въ Петербургѣ; а въ эстетической окраскѣ этихъ мечтаній, въ этой изящной рамкѣ, которая украшала живо возставшую въ его воображеніи картину, въ этомъ яркомъ художественномъ представленіи Кіева и поэтическихъ красотъ Малороссіи, мы видимъ также предчувствіе иныхъ, еще сильнѣйшихъ, исполненныхъ глубокой поэзіи, райскихъ восторговъ Гоголя во время его жизни въ Римѣ.

Понятно послѣ этого, что когда Гоголь въ надеждѣ будущихъ благъ сдѣлалъ свое извѣстное объявленіе объ исторіи Малороссіи и о томъ, что половина ея уже написана, то это было именно слѣдствіемъ все того же увлеченія и той же безграничной вѣры въ свои силы. Когда онъ только еще набросалъ кое-что для задуманнаго имъ труда (можетъ быть, именно главу, напечатанную въ „Журналѣ Минист. Нар. Просвѣщенія“, и послужившую предметомъ его перваго университетскаго чтенія), то упоенный еще въ бо́льшей мѣрѣ надеждами, нежели достигнутыми успѣхами, которыми также гордился, Гоголь съ отчаянной смѣлостью писалъ Погодину: „Я весь теперь погруженъ въ исторію малороссійскую и всеобщую; *и та и другая у меня начинаетъ двигаться.* Это сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ, а безъ того я бы былъ страхъ сердитъ на всѣ эти обстоятельства! Ухъ, братъ! Сколько приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! да какихъ, полныхъ, свѣжихъ! Мнѣ кажется, что я сдѣлаю кое-что не общее во всеобщей исторіи. Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней уже слишкомъ горитъ, не исторически жгучъ и живъ; но что́ за исторія, если она скучна!“ [1]). Письмо это написано въ свѣтлую минуту, совершенно не похожую на преобладавшее настроеніе Гоголя въ предыдущемъ году; очевидно, его воодушевленіе не успѣло еще остыть и улечься.

Но Гоголь какъ-то не подозрѣвалъ, что все это увлеченіе неглубоко и непрочно; онъ слишкомъ мало заботился отдать себѣ отчетъ въ томъ, имѣются ли въ немъ тѣ ка-

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 195 и 196.

Digitized by Google

чества, которыя безусловно были необходимы для его труда, начиная съ самаго насущнаго—съ научныхъ познаній. Онъ забывалъ, что уже раньше не разъ увлекался и не разъ остывалъ къ занятіямъ исторіи, что у него уже при мысли о театрѣ бывало выпадали корректурные листки его прежнихъ историческихъ работъ. Тогда онъ искренно сознавался: „Какъ-то не такъ теперь работается; не съ тѣмъ вдохновенно-полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю и что-нибудь совершу изъ исторіи, какъ уже вижу собственные недостатки: то жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣе объемъ, то вдругъ зиждется новая система и рушитъ старую. Напрасно я увѣряю себя, что это только начало, эскизъ, что оно не нанесетъ пятна мнѣ, что судья у меня одинъ только и будетъ, и тотъ одинъ—другъ; но *не могу, не въ силахъ*“ [1]).

Въ чемъ же разница между прежними и нынѣшними условіями труда? Гоголь полагалъ, будто—во вдохновеніи; но онъ, очевидно, ошибался, смѣшивая художественное творчество и требованія и пріемы научнаго труда, какъ это еще разъ сказалось въ слѣдующихъ за только-что приведенными строками,—въ признаніи, что его „слогъ не исторически жгучъ и живъ“ и что „онъ слишкомъ горитъ“. То, что́ Гоголь принималъ за вдохновеніе, заключалось въ сущности въ его случайно возбужденномъ настроеніи, и кромѣ того нельзя не повторить, что онъ крайне невѣрно и односторонне представлялъ себѣ условія ученаго труда. Онъ упускалъ изъ виду между прочимъ и то, что подъемъ настроенія обусловливался многими причинами, изъ которыхъ иныя, и притомъ главныя, могли нисколько не зависѣть отъ его воли, какъ напр. состояніе его здоровья, выпадающія на его долю удачи или свѣжесть энергіи и т. п. Пока воодушевленіе его продолжалось, онъ не хотѣлъ признавать никакихъ преградъ и съ необыкновенной увѣренностью писалъ Максимовичу: „Ты говоришь, что если залѣнишься, то тогда, набравши силъ—въ Москву. А на что́ человѣку дается характеръ и желѣзная сила души? Къ чорту лѣнь, да и концы въ воду! Ты разсмотри хорошенько характеръ земляковъ: они лѣнятся, но зато, что́ задолбятъ въ свою голову, то на вѣки! *Вѣдь тутъ только рѣшимость: разъ начать—и все*... Типографія будетъ подъ бокомъ. Чего же больше? А

[1]) Стр. 174.

Digitized by Google

воздухъ, а гливы, а рогизъ! а соняшники! а паслинъ! а цыбуля! *а вию хлѣбное!* какъ говоритъ пріятель нашъ Ушаковъ. Тополи, груши, яблони, сливы, морели, деренъ, варенники, борщъ, лопухъ... Это просто роскошь. Это одинъ только городъ у насъ, въ которомъ какъ-то пристало быть кельѣ ученаго“ [1]). Такое убѣжденіе въ возможности легкаго торжества надъ всѣми преградами оставалось у Гоголя надолго, почти на всю жизнь; онъ, напр., всегда придавалъ большое значеніе волшебному слову *впередъ*, которое одно будто бы можетъ вдохнуть несокрушимую энергію и желѣзную силу воли въ русскаго человѣка. Подъ вліяніемъ подобной самоувѣренности онъ уже смѣло сообщалъ Максимовичу: „Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ въ шести малыхъ, или въ четырехъ большихъ томахъ“ [2]).

Такъ какъ письмо это было написано еще 14 февраля, то несомнѣнно, что восторженное увлеченіе Гоголя держалось пока на степени сильнаго напряженія (въ промежутокъ, обнимавшій не менѣе полутора мѣсяцевъ), хотя такое настроеніе замѣтно падаетъ уже въ слѣдующихъ письмахъ, и въ послѣдній разъ чувствуется въ письмѣ отъ 12 марта, въ которомъ онъ собирался „удрать такое изданіе пѣсенъ, какого еще никогда не было“. Кажется, это былъ уже послѣдній, замиравшій отголосокъ прежней энергіи. По крайней мѣрѣ, черезъ нѣсколько дней, Гоголь совсѣмъ въ другомъ тонѣ писалъ Погодину: „Я хотѣлъ было прислать вамъ кое-что, но болѣзнь, которая приколотила было меня къ кровати ровно на двѣ недѣли, отняла всякую къ тому возможность. Скажи Надеждину, что эта же самая причина помѣшала мнѣ прислать обѣщанный ему отрывокъ изъ исторіи“ [3]). Въ этомъ же письмѣ Гоголь прямо говоритъ также и о „*лѣности*“ *и во сны времяпровожденіи*“, какъ причинахъ, помѣшавшихъ его работѣ. Г. Витбергъ дѣлаетъ очень возможное предположеніе въ своей статьѣ „Гоголь, какъ историкъ“ о томъ, что въ словахъ разсматриваемаго письма о Бантышѣ-Каменскомъ, вѣроятно, слѣдуетъ видѣть упрекъ относительно его самоувѣренности [4]). Какъ бы то ни было, письмо Погодина не мало

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 198.

[2]) Тамъ же.

[3]) Стр. 202.

[4]) „Историч. Вѣстникъ“, 1892, VIII, 393, второе примѣчаніе.

Digitized by Google

способствовало охлажденію непродолжительнаго и крайне неустойчиваго рвенія Гоголя. Мы это видимъ между прочимъ изъ самаго тона отвѣта Погодину отъ 19 марта, гдѣ уже не раздается больше побѣдный голосъ убѣжденнаго въ будущихъ удачахъ тріумфатора, а звучитъ какая-то будничная холодная натянутость человѣка, охваченнаго со всѣхъ сторонъ житейской прозой. „Выговоры ваши за объявленіе тоже имѣлъ честь получить“ — отвѣчаетъ Гоголь на упрекъ Погодина. — „Это правда, что я писалъ его, совершенно не раздумавши. Впрочемъ, охота тебѣ вступаться за Бантыша! вѣдь онъ, мошенникъ, замоталъ у многихъ честныхъ людей матеріалы и рукописи!“ [1]). Тотъ же сухой тонъ слышится и въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ: „Гдѣ ты лѣтомъ будешь жить! Могу ли я тебя застать въ Москвѣ? А что̀ дѣла твои? все ли ты живешь еще на небѣ или уже начинаешь обращать вниманіе и на мірскія дѣла?“ Этотъ тонъ мы впервые встрѣчаемъ въ письмахъ Гоголя къ Погодину и, конечно, не безъ причины.

Когда Максимовичъ замѣшкался со сборами въ Петербургъ, Гоголь хотя и горѣлъ нетерпѣніемъ, чтобы задуманное дѣло пошло на ладъ, но къ его нетерпѣнію уже замѣтно примѣшивалась отрава сомнѣнія: „Ты, нечего сказать, мастеръ надувать! пишешь: посылаю пѣсни; а между тѣмъ о нихъ ни слуху, ни духу; заставилъ разинуть ротъ, а вареникъ и не всунулъ“ [2]). Эти слова относились, правда, собственно къ обманутому обѣщанію полученія отъ Максимовича сборника галицкихъ пѣсенъ Вацлава зъ Олеска, которыя Гоголь давно жаждалъ видѣть въ своихъ рукахъ (и уже получилъ было даже его, но затѣмъ имѣлъ неосторожность отдать какому-то ненадежному пріятелю); но въ ихъ тонѣ можно видѣть и отраженіе вообще чувства досады, накоплявшейся по случаю цѣлаго ряда неудачъ и разочарованій. А что эта досада и нетерпѣніе начинали уже сильно мѣшать работѣ Гоголя, въ этомъ мы убѣждаемся изъ конца письма: „Если не пришлешь пѣсенъ, то хоть привези съ собой“. (Максимовичъ долженъ былъ, по мысли Гоголя, пріѣхать въ Петербургъ, чтобы тамъ хлопотать о каѳедрѣ въ Кіевскомъ университетѣ). „Да пріѣзжай-то скорѣй. Мы бы славно такъ все обстроили

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 202.
[2]) Тамъ же.

Digitized by Google

здѣсь, какъ нельзя лучше. Я очень многое хотѣлъ писать къ тебѣ, *но теперь у меня бездна хлопотъ, и все совершенно вышло изъ головы*". Въ томъ же письмѣ, въ началѣ его, Гоголь еще энергичнѣе настаиваетъ на пріѣздѣ Максимовича, при чемъ особенно любопытно, что онъ былъ совершенно убѣжденъ въ безусловномъ содѣйствіи во всѣхъ этихъ хлопотахъ со стороны Пушкина, Жуковскаго и князя Вяземскаго. „Во-первыхъ",—писалъ онъ,—„твое дѣло не клеится, какъ слѣдуетъ, несмотря на то, что и князь Петръ, и Жуковскій хлопоталъ объ тебѣ. И ихъ мнѣніе, и мое вмѣстѣ съ ними, есть то, что тебѣ непремѣнно нужно ѣхать самому. За глаза эти дѣла не дѣлаются. Да и Мекка любитъ поклоненіе. Теперь поется, что ты де нуженъ Московскому университету, что въ Кіевѣ мѣсто уже занято и пр. Но если ты самъ прибудешь лично и объявишь свой резонъ, что ты бы и радъ дескать, но твое здоровье... и прочее, тогда будетъ другое дѣло; князь же съ своей стороны и Жуковскій не преминутъ подкрѣпить, да и Пушкинъ тоже".—Особенно выводила Гоголя изъ терпѣнія въ Максимовичѣ апатія въ отношеніи къ дѣйствію на сильныхъ міра. Гоголь не переставалъ усиленно звать его въ Петербургъ, и хотя убѣдилъ, какъ мы видѣли, хлопотать за него князя Вяземскаго и Жуковскаго, но полагалъ, что и личное присутствіе Максимовича далеко не помѣшало бы. „Пріѣзжай",—повторялъ онъ Максимовичу,—„я тебя ожидаю. Квартира же у тебя готова. Садись въ дилижансъ и валяй! потому что зѣвать не надобно: какъ разъ какой-нибудь олухъ влѣзетъ на твою каѳедру..."

IV.

Насколько Гоголь былъ воспріимчивъ по своей впечатлительной натурѣ къ восторженнымъ увлеченіямъ, настолько же, понятно, онъ былъ чувствителенъ и къ неудачамъ и всякимъ непріятнымъ толчкамъ. Пока дѣло шло о мечтахъ и предположеніяхъ и воображеніе могло свободно рисовать какія-угодно роскошныя картины, энергія Гоголя была очень сильна, но препятствія и проволочки скоро начинали истощать его терпѣніе. Въ этомъ отношеніи слова его о несокрушимой волѣ далеко не оправдывались. Тутъ даже неполученіе во время нетерпѣливо ожидаемыхъ книгъ выводило его изъ себя, не

Digitized by Google

только серьезныя неудачи, которыя, конечно, также не заставили себя долго ждать. Это видно особенно изъ слѣдующихъ словъ письма его къ Погодину отъ 4 апрѣля 1834 года: „Ты спрашиваешь о моемъ здоровьи. Здоровье такъ же, какъ и финансы мои, не въ весьма завидномъ положеніи: здоровье потому, что я не быкъ и не русскій мужикъ, финансы потому, что я не Булгаринъ и не Гречъ. Въ Москвѣ надѣюсь быть не раньше іюня, или мая послѣднихъ чиселъ. Когда ты будешь въ деревнѣ, весною или лѣтомъ?“ [1]). Изъ послѣднихъ словъ становится особенно замѣтно, что настроеніе Гоголя въ данное время постоянно и неудержимо падало, и мажорный тонъ все больше покидалъ его. Изъ того же письма мы видимъ, что имъ овладѣла лѣнь не только серьезно заниматься чѣмъ-нибудь, но даже писать простыя письма: „Натурально, если хорошенько подумать, то, конечно, нельзя сказать, чтобы, какъ говорятъ, не набралось предметовъ для письма. Но чортъ меня возьми, если я уважаю хоть сколько-нибудь письменное искусство! *Такая лѣнь находитъ*, что мочи нѣтъ. То ли дѣло языкъ? куды лучше пера! Въ чернильницу его не нужно обмакать,—развѣ только слегка въ бокалъ шампанскаго, послѣ чего онъ такъ исправно ворочается, что никакое перо за нимъ не угонится. *Можетъ быть, оттого, что я какъ-то все это время неспокоенъ, и лѣность приходитъ*. Какъ бы то ни было, только жажду видѣть тебя и побраниться лицомъ къ лицу“.

Досада и постоянное нервное напряженіе Гоголя отразились, между прочимъ, и на ходѣ его научныхъ работъ и занятій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, обратимся къ недавно напечатаннымъ письмамъ Гоголя къ Срезневскому [2]).

Замѣтимъ прежде всего, что письма Гоголя къ извѣстному слависту-профессору Измаилу Ивановичу Срезневскому занимаютъ совершенно своеобразное мѣсто въ перепискѣ нашего поэта начала 1830-хъ годовъ. Если впослѣдствіи, особенно подъ конецъ жизни, письменныя сношенія Гоголя являются поразительно обильными, то до выѣзда изъ Россіи за-границу, они почти исключительно ограничивались немногими избранными лицами изъ числа наиболѣе короткихъ и близкихъ лю-

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 204.

[2]) „Русск. Стар.“, 1892, III, 751 и слѣд.

Digitized by Google

дей [1]) Срезневскій, конечно, не только не принадлежалъ къ послѣднимъ, но и вообще былъ для Гоголя постороннимъ человѣкомъ, и едва-ли даже знакомство ихъ не было пока лишь заочнымъ. При всемъ томъ, въ связи съ прочими данными біографіи, эти письма къ Срезневскому получаютъ большой интересъ, открывая намъ нѣсколько новыхъ любопытныхъ подробностей.

Важно прежде всего то, что одно изъ этихъ писемъ показываетъ ясно и несомнѣнно, что въ первой половинѣ 1834 года въ Гоголѣ замѣтно стала угасать не надолго пробудившаяся жажда къ самостоятельному изслѣдованію историческихъ источниковъ, которое онъ уже тогда былъ склоненъ замѣнять однимъ изученіемъ украинскихъ пѣсенъ. Во всѣхъ очеркахъ и замѣткахъ, посвященныхъ имъ исторіи Малороссіи, въ Гоголѣ сказался художникъ, увлеченный не столько научною, сколько поэтическою стороною въ изученіи прошлаго. Пренебрежительное отношеніе къ „сухой“ наукѣ ясно видно изъ дружескихъ писемъ Гоголя, гдѣ онъ, напр., не стѣсняясь, заклинаетъ Максимовича „отцовскими могилами“ не сидѣть надъ книгами и даже утверждаетъ, что „совѣстно слишкомъ много трудиться“ надъ составленіемъ лекцій [2]). То-же самое выразилось не разъ, но въ сдержанной и осторожной формѣ, и въ печатныхъ статьяхъ, что́ опять указываетъ на степень восторженнаго увлеченія произведеніями народной поэзіи въ ущербъ кропотливой, строго научной работѣ. Въ статьѣ „О малороссійскихъ пѣсняхъ“ Гоголь говорилъ: „Онѣ—надгробный памятникъ былого, болѣе, нежели надгробный памятникъ: камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью—*ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи*“ [3]). Въ письмѣ къ Максимовичу сходное сравненіе, какъ мы знаемъ, выражено уже рѣзче и опредѣленнѣе: „Моя радость, жизнь моя, пѣсни, какъ я васъ люблю! *Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, передъ этими звонкими, живыми лѣтописями*“ [4]). Такъ писалъ Гоголь въ концѣ 1833 года, а въ мартѣ слѣдую-

---

[1]) Двѣ записки къ Конст. Степ. Сербиновичу („Русскій Архивъ“, 1876 г., т. III, стр. 202), какъ дѣловыя, здѣсь не могутъ идти въ счетъ.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 215.

[3]) „Соч. Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 287.

[4]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 188.

Digitized by Google

щаго года онъ уже признавался Срезневскому: „*Я къ нашимъ лѣтописямъ охладѣлъ, напрасно силясь въ нихъ отыскать то, что́ хотѣлъ-бы отыскать*“. Признаніе это даетъ ключъ къ уясненію отношенія Гоголя къ историческимъ источникамъ: очевидно, повинуясь инстинкту художника, Гоголь не останавливался строгими требованіями науки и въ разрѣзъ съ ними, единственно по отголоскамъ пѣсенъ, рѣшалъ, что́, по его мнѣнію, должны были дать ему лѣтописи, причемъ соображенія его въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отчасти напоминаютъ мысли, высказанныя около того же времени въ статьѣ: „Взглядъ на составленіе Малороссіи“ и позднѣе въ первой главѣ исправленной редакціи „Тараса Бульбы“ [1]). Но нигдѣ не выразилось такъ ясно и свободно самоувѣренное пренебреженіе Гоголя *ко всему*, что̀ въ лѣтописяхъ не могло удовлетворить его эстетическаго чувства, какъ въ энергическомъ и образномъ сравненіи ихъ съ „хозяиномъ, прибившимъ замо́къ къ своей конюшнѣ, когда лошади были уже украдены“ [2]). Впрочемъ, Гоголь не могъ вовсе не сознавать своей научной некомпетентности и потому такъ-же быстро спѣшитъ признать болѣе справедливымъ мнѣніе своего авторитетнаго корреспондента о Конисскомъ, какъ въ другой разъ легко отказался отъ рѣзко высказаннаго мнѣнія о *Герен*ѣ въ письмѣ къ Погодину. Недостатокъ Гоголя, какъ историка, былъ въ томъ, что онъ увлекался въ прошедшемъ только яркими картинами и жгучими искрами поэзіи, которыя находилъ въ пѣсняхъ, но которыхъ съ преувеличеннымъ и обманутымъ ожиданіемъ хотѣлъ искать и въ лѣтописяхъ. Но зато съ какимъ восторженнымъ увлеченіемъ онъ говоритъ, что желалъ-бы пересмотрѣть сборникъ пѣсенъ Ходаковскаго „съ жадностію жида, считающаго червонцы“; съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ дождался выхода въ свѣтъ „Запорожской Старины!“ Онъ даже сердится на Срезневскаго: „До сихъ поръ нигдѣ не могу ея достать. Какъ не прислать ни одному книгопродавцу! Кой-же чортъ будетъ у него покупать“! [3]). Намъ

---

[1]) При этомъ сопоставленіи мы имѣемъ въ виду слова: „народъ, котораго вся жизнь состояла изъ движенія“ и пр. Ср. „Соч. Гог.“, изд. X т. V, стр. 190, и т. I, стр. 251—252.

[2]) „Русск. Стар.“, 1892, III, 157.

[3]) „Письма Гоголя къ Максимовичу“, стр. 5, и „Соч. и Письма Гоголя“, т. V, стр. 198.

Digitized by Google

нѣтъ нужды пояснять, что минутная досада Гоголя относилась никакъ не къ личности Срезневскаго, а вызывалась лишь нетерпѣливымъ ожиданіемъ книги.

Съ такимъ-же нетерпѣніемъ ждалъ Гоголь, какъ мы говорили, и извѣстнаго сборника галицкихъ пѣсенъ Вацлава З'Олеска и буквально рвался отъ досады, когда какой-то пріятель, выпросивъ у него эту книгу на нѣсколько часовъ, долженъ былъ почему-то, не возвративъ ея, вскорѣ выѣхать изъ города. При такомъ пламенномъ интересѣ къ пѣснямъ, Гоголь, естественно, рѣшился, наконецъ, обратиться къ самому издателю „Запорожской Старины", отъ котораго, судя по его письму, получилъ теплый и дружескій отзывъ собрата по историческимъ и литературнымъ интересамъ. Съ Срезневскимъ, какъ съ человѣкомъ сходныхъ интересовъ, онъ дѣлится и назрѣвшими мыслями, и выводами, можетъ быть, провѣряя ихъ и ожидая дальнѣйшаго обмѣна [1]). Между тѣмъ, собственно къ личности Срезневскаго у него едва-ли могъ быть интересъ, и если онъ, напр., писалъ: „можетъ быть, буду въ Малороссіи и буду благодарить васъ лично", то вскорѣ, получивъ возможность свиданія, Гоголь, кажется, не воспользовался имъ. Въ письмѣ отъ 11-го іюля 1835 г. Гоголь выражалъ сожалѣніе, что не можетъ заѣхать къ Срезневскому (по пути) въ Харьковъ, потому что ѣдетъ на Кіевъ для свиданія съ Максимовичемъ; между тѣмъ, по разсказу его спутника, А. С. Данилевскаго, сдѣлавъ большой крюкъ въ Кіевъ, онъ все-таки проѣхалъ черезъ Харьковъ [2]). Могло быть также, конечно, что въ Харьковъ онъ, напротивъ, заѣзжалъ именно ради Срезневскаго, но этотъ вопросъ, легко разрѣшимый при жизни Данилевскаго, теперь остается открытымъ. Вѣроятнѣе же всего, что при постепенно охладѣвавшемъ интересѣ къ занятіямъ исторіей Гоголь скоро пересталъ интересоваться и своимъ ученымъ корреспондентомъ, съ которымъ онъ потомъ уже встрѣчался мимоходомъ только уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ [3]).

---

[1]) Срезневскому, какъ и другимъ, Гоголъ говорилъ, между прочимъ, и о предполагавшемся трудѣ по исторіи Малороссіи.

[2]) „Вѣстникъ Европы", 1890 г., I, 105.

[3]) Объ отношеніяхъ Гоголя къ Срезневскому и ихъ переписку, см. въ „Русск. Стар.", 1892, III, 751—765.

Digitized by Google

V.

Раздраженіе Гоголя все больше и больше росло, начиная съ той самой поры, какъ наступила минута, когда отъ мечтаній и надеждъ надо было перейти къ дѣлу и начались хлопоты. Во время хлопотъ о Максимовичѣ Гоголь нерѣдко обращался лично къ министру Уварову, при чемъ, однако, свобода этихъ обращеній кажется намъ немного преувеличенной Гоголемъ въ его письмахъ. Это можно заключить не столько по неполной удачѣ ходатайства, сколько по самому тону оффиціальныхъ обращеній Гоголя къ Уварову въ позднѣйшихъ письмахъ 1842 и 1845 гг. Въ тѣхъ письмахъ Гоголь былъ вынужденъ довольно раболѣпно обращаться къ высокому сановнику, а здѣсь рѣчь идетъ какъ будто объ отношеніяхъ облеченнаго полнымъ довѣріемъ подчиненнаго къ покровительствующему и расположенному начальнику. 29 марта Гоголь писалъ Максимовичу: „Министръ мнѣ обѣщалъ непремѣнно это мѣсто, и требовалъ даже, чтобы я сейчасъ подавалъ просьбу, но я останавливаюсь затѣмъ, что мнѣ даютъ только адъюнкта, увѣряя, впрочемъ, что черезъ годъ непремѣнно сдѣлаютъ ординарнымъ“ [1]). Въ другомъ письмѣ еще больше увѣренности: „Не безпокойся: дѣло твое, кажется, пойдетъ на ладъ. Третьяго дня я былъ у министра: онъ говорилъ мнѣ такими словами: „Кажется, я Максимовича переведу въ Кіевъ, потому что для русской словесности не находится болѣе его достойный человѣкъ, хотя предметъ для него новъ, но онъ имѣетъ даръ слова, и ему можно успѣть легко въ немъ, хотя, впрочемъ, онъ теоретическаго никакого еще не выпустилъ сочиненія“ [2]).

Впрочемъ, сообщенія Гоголя въ общемъ были, отчасти, вѣрны. Гоголь умѣлъ повести разговоръ съ министромъ такимъ образомъ, что, несмотря на роль просителя и поверхностное личное знакомство, поддерживалъ продолжительную защиту правъ своего друга, приводя въ пользу его даже личныя свѣдѣнія о приготовленныхъ къ печати трудахъ Макси-

---

[1]) Письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 8; „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 204.

[2]) Тамъ же стр. 205.

Digitized by Google

мовича по русской литературѣ, о состояніи здоровья Максимовича и т. п. Все это, впрочемъ, было уже подготовлено „стараніями“ князя Вяземскаго и Жуковскаго.

Извѣстно, что предстательство Жуковскаго выгоднымъ образомъ отражалось на отношеніяхъ къ Гоголю Уварова. Видное положеніе, занимаемое Жуковскимъ при дворѣ и личное расположеніе и довѣріе къ нему Уварова, хоть немного объясняютъ намъ, какъ по наслышкѣ и подъ вліяніемъ рекомендаціи Уваровъ проникся убѣжденіемъ, что Гоголь можетъ занять каѳедру. Покойный Никитенко прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что, во-первыхъ, Гоголь „пользовался особеннымъ покровительствомъ Жуковскаго“ и что „Жуковскій возвысилъ его въ глазахъ Уварова“ [3]). При этомъ Никитенко называетъ самолюбіе Гоголя фантастическимъ и выражается о немъ, что онъ „*захотѣлъ быть* профессоромъ“. Эти слова вмѣстѣ съ извѣстными уже намъ словами Пушкина, что онъ пойдетъ „назидать Уварова о смерти Гоголя“ показываютъ, что, встрѣчая полный просторъ и поддержку своимъ притязаніямъ со стороны людей, передъ которыми благоговѣлъ, Гоголь все больше утверждался въ своемъ фантастическомъ самомнѣніи и отъ довольно уже смѣлыхъ надеждъ переходилъ постепенно къ совершенно баснословнымъ. Никитенко такъ говоритъ объ этомъ: „Ему предложено было мѣсто экстра-ординарнаго профессора исторіи въ Кіевскомъ университетѣ. Но Гоголь вообразилъ себѣ, что его геній даетъ ему право на высшія притязанія, потребовалъ себѣ званіе ординарнаго профессора и шесть тысячъ рублей единовременно на уплату долговъ. Молодой человѣкъ, хотя уже и съ именемъ въ литературѣ, но не имѣющій никакого академическаго званія, ничѣмъ не доказавшій ни познаній, ни способностей для каѳедры—и какой каѳедры—университетской! требуетъ себѣ того, что́ самый Геренъ, должно полагать, попросилъ бы со скромностью. Это можетъ дѣлаться только въ Россіи, гдѣ протекція даетъ право на все. Однакожъ, министръ отказалъ Гоголю“. Все, что́ говоритъ здѣсь Никитенко, безусловно вѣрно, и упованія Гоголя на протекцію были, конечно, причиной его баснословныхъ требованій, какъ они же завлекали его гораздо дальше возможныхъ предѣловъ, внушая ему преувеличенныя надежды на

[3]) „Русск. Стар.“, 1889, IX, 527.

Digitized by Google

значеніе собственныхъ хлопотъ или своей партіи при замѣщеніи кіевскихъ каѳедръ: „Говорятъ, уже очень много назначено туда какихъ-то нѣмцевъ, это не очень пріятно. Хотя бы для св. Владиміра побольше славянъ! *Нужно будетъ стараться* когонибудь изъ извѣстныхъ людей туда впихнуть, истинно просвѣщенныхъ и такъ же чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою“ [1]). Не понятно только, какимъ образомъ Гоголь могъ такъ преувеличить цифру своихъ долговъ, хотя они у него и были тогда, какъ это мы знаемъ и помимо сообщенія А. В. Никитенка.

Увѣренность Гоголя въ могуществѣ протекціи за него простиралась до того, что онъ не соглашался даже на вожделѣнный переходъ въ Кіевъ, несмотря уже на обѣщаніе дать ему черезъ годъ званіе ординарнаго профессора. Онъ какъ-то смотрѣлъ на свое назначеніе, какъ на вещь настолько вѣрную, которая отъ него не уйдетъ ни въ какомъ случаѣ, такъ что небезполезно выговорить себѣ возможно болѣе выгодныя условія: „признаюсь, я сижу здѣсь“ (въ Петербургѣ) „затѣмъ только еще, чтобы какъ-нибудь выработать себѣ на подъемъ и раздѣлаться кое-какъ съ здѣшними обстоятельствами“ [2]). Гоголю, однако, хотѣлось тотчасъ же получить ординатуру, такъ что, несмотря на личныя сношенія съ министромъ и уже занятую въ нихъ выгодную позицію, онъ велъ дѣло стороной, и, узнавъ о большомъ вліяніи кіевскаго попечителя Брадке, просилъ Максимовича адресоваться съ просьбой о назначеніи къ Брадке: „знаешь ли“—писалъ онъ,—„что представленія Брадке чуть ли не больше значатъ, нежели всѣхъ нашихъ здѣшнихъ ходатаевъ [3])“. Вообще изъ всего видно, что Гоголь до самаго полученія извѣстія о томъ, что на каѳедру всеобщей исторіи въ Кіевѣ назначено другое лицо, не переставалъ сильно надѣяться на успѣхъ, и, повидимому, думалъ даже, что его отказъ былъ бы какъ бы ударомъ для министерства: „Чортъ возьми, они воображаютъ, что у меня недостаетъ духу плюнуть на все“. Въ концѣ концовъ вышло на повѣрку, что Брадке имѣлъ больше

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 193; пропускъ дополненъ въ письмахъ Гоголя къ Максимовичу, стр. 4.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 204, письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 8.

[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 206.

Digitized by Google

вліянія на Уварова, нежели Жуковскій, и дѣло было проиграно.

VI.

Во всякомъ случаѣ, пока Гоголь тревожился за Максимовича, дѣло приняло другой оборотъ: неожиданно онъ узнаётъ о назначеніи на каѳедру средней исторіи въ университетѣ св. Владиміра нѣкоего Цыха. Это извѣстіе тѣмъ болѣе должно было ошеломить Гоголя, что, получивъ обѣщаніе отъ министра, онъ и не сомнѣвался, что мѣсто это будетъ за нимъ, но испортилъ дѣло самъ несогласіемъ ѣхать въ качествѣ адъюнкта. Въ сильной досадѣ и безпокойствѣ бросился Гоголь разузнавать у Погодина и Максимовича о томъ, кто этотъ Цыхъ, и почему онъ получаетъ каѳедру, и нельзя ли склонить его перейти на каѳедру русской исторіи, которая оставалась пока вакантной. Дѣло вступило въ новый фазисъ: за Максимовича безпокоиться было ужъ нечего, такъ какъ даже Уваровъ теперь не только соглашался, но сильно желалъ назначить его на каѳедру русской словесности и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать ректоромъ вновь открываемаго университета, въ которомъ служащіе были почти поголовно поляки или иностранцы. Гоголь уже пересталъ звать его въ Петербургъ, но, напротивъ, просилъ ходатайствовать за себя: „Слушай“,—писалъ онъ Максимовичу:— „сослужи службу: когда будешь писать къ Брадке, намекни ему вотъ какимъ образомъ, что вы бы, дескать, хорошо сдѣлали, если бы залучили въ университетъ Гоголя; что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя скромныя похвалы, какъ будто вскользь. Для примѣра ты можешь прочесть предисловіе Булгарина къ грамматикѣ Греча, или Греча къ романамъ Булгарина“ [1]). Хотя Гоголь и совѣтовалъ въ то же время Максимовичу, чтобы скорѣе собраться въ Кіевъ, не очень смущаться задержками („смѣлѣе съ ними: одно по боку, другому киселя дай, и все кончено скоро“); но собственный его переѣздъ, мысль о которомъ онъ все еще не оставлялъ, остановился вслѣдствіе нѣсколько страннаго предложенія Брадке вмѣсто всеобщей исторіи взять каѳедру русской. „Право“,—не безъ основанія замѣ-

[1]) Тамъ же, стр. 206.

Digitized by Google

чаетъ Гоголь,—„странно они воображаютъ, что различіе предметовъ—это такая маловажность, и что кто читаетъ словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку“ [1]). Гоголь тѣмъ болѣе былъ разсерженъ назначеніемъ какого-то совершенно неизвѣстнаго Цыха, что за него хлопотали Жуковскій, Дашковъ, Блудовъ, Пушкинъ. Въ досадѣ онъ говоритъ: „Слышу увѣренія, ласки и больше ничего! „Ты видишь“,—пишетъ онъ Максимовичу,—„что сама судьба вооружается, чтобы я ѣхалъ въ Кіевъ. Досадно, досадно, потому что мнѣ нужно, мнѣ очень нужно: *мое здоровье, мое занятіе, мое упрямство требуютъ этого*“ [2]). (Слово: *досадно* нѣсколько разъ повторено въ письмѣ). Но еще болѣе огорчился Гоголь, когда и Максимовичъ, въ утѣшеніе ему, написалъ въ отвѣтъ, что, по его мнѣнію, Гоголь могъ бы согласиться взять каѳедру русской исторіи. „Тебя удивляетъ“,—возражалъ Гоголь,—„почему меня такъ останавливаетъ русская исторія. Ты оченъ страненъ и говоришь еще о себѣ, что ты рѣшился же взять словесность. Вѣдь для этого у тебя было желаніе, а у меня нѣтъ. Чортъ возьми, если бы я *не согласился взять скорѣе* ботанику или патологію, нежели русскую исторію. Если бы это было въ Петербургѣ, я бы, можетъ

[1]) Письма Гоголя къ Максимовичу, изданныя С. И. Пономаревымъ, стр. 11.—Когда Брадке предлагалъ Гоголю каѳедру русской исторіи вмѣсто всеобщей, это было уже, по всей вѣроятности, однимъ изъ средствъ противодѣйствія назначенію его въ Кіевъ. Гоголь ошибся особенно въ томъ, что не сразу понялъ истинную степень вліянія на Уварова разныхъ лицъ, и когда понялъ, то слишкомъ поддавался самоувѣренности и надеждѣ на благопріятный исходъ дѣла. Это видно изъ характера его отзывовъ о Брадке, котораго Гоголь считалъ гораздо ничтожнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ это было на дѣлѣ (см. между прочимъ „Историч. Вѣстникъ“, 1892, VIII, стр. 405—407). Сначала Гоголю казалось очень легкимъ дѣломъ повліять на Брадке. „Я думаю вотъ что“—совѣтовалъ онъ Максимовичу въ письмѣ отъ 12 февраля 1834 г. (Письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 6):—„не мѣшаетъ тебѣ написать обстоятельно къ Брадке, что ты дескать—недомогаешь страшно въ московскомъ климатѣ, что тебѣ потребно... и проч. Бери каѳедру ботаники и зоологіи. А такъ какъ профессора словесности нѣтъ, то ты можешь занять со временемъ его каѳедру. А тамъ по праву давности, ее отжилить, а отъ ботаники отказаться“ и т. д. Въ письмѣ отъ 10 апрѣля Гоголь уже сообщаетъ въ положительномъ смыслѣ о вліяніи Брадке, прибавляя: „Это я узналъ вѣрно“ („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 206 и письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 9). Наконецъ 10 іюня онъ пишетъ: „*Остановка вся* за однимъ Брадке: безъ Брадке Сергѣй Семеновичъ ни до порога“. („Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 214; письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 14).

[2]) Тамъ же, стр. 13, и „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 213.

Digitized by Google

быть, взялъ ее, потому что здѣсь я готовъ, пожалуй, два раза въ недѣлю на два часа отдать себя скукѣ. Но, оставляя Петербургъ, знаешь ли, что̀ я оставлю? Мнѣ оставить Петербургъ не то, что̀ тебѣ Москву: здѣсь все, что́ дорого, что́ было мило моему сердцу, люди, съ которыми сдружилась и которыхъ алчетъ душа, все, что́ привычка сдѣлала еще драгоцѣннѣйшимъ. Бросивши все это, нужно стараться всѣми силами заглушить сердечную тоску; нужно отдалять всѣми мѣрами то, что́ можетъ вызвать ее. И ты вдобавокъ хочешь еще, чтобы самая должность была для меня тягостна“ [1]). Дѣйствительно, перспектива близкой разлуки съ Петербургомъ обнаружила, что Гоголь былъ привязанъ ко многому въ этомъ городѣ. То же говорилъ онъ и Погодину, желавшему устроить Гоголя московскимъ адъюнктомъ. И ему Гоголь отвѣтилъ не безъ раздраженія: „Прося профессуру въ Петербургѣ, я обезпечиваю тамъ себя совершенно въ моихъ нуждахъ, большихъ и малыхъ; но, взявши московскаго адъюнкта, я не буду сытъ, да и климатъ у васъ въ Москвѣ ничуть не лучше нашего чухонскаго, петербургскаго“ [2]).

Гоголю, конечно, всего тяжелѣе было разставаться съ своими нѣжинцами, изъ которыхъ въ то время самымъ близкимъ къ нему былъ Прокоповичъ (Данилевскаго тогда не было въ Петербургѣ). По словамъ Данилевскаго, это была чрезвычайно даровитая личность. Но Прокоповичъ вдругъ увлекся въ Петербургѣ театромъ до того, что хотѣлъ поступить на

---

1) „Соч. и письма Гоголя“, стр. 213.

2) Стр. 214.—Такъ подъ вліяніемъ измѣняющагося настроенія не разъ перемѣнялось у Гоголя отношеніе, между прочимъ, и къ тѣмъ городамъ, въ которыхъ онъ жилъ. Впослѣдствіи, напримѣръ, однажды онъ писалъ въ письмѣ къ Языкову совершенно иначе о разницѣ климатовъ московскаго и петербургскаго. Съ досадой разсказавъ о своемъ вынужденномъ и непродолжительномъ пребываніи въ Петербургѣ, Гоголь писалъ: „Тамъ“ (въ Петербургѣ) „я пять дней томился. Погода мерзѣйшая — именно трепня. Но я теперь въ Москвѣ и вижу чудную разность въ климатахъ. Дни всѣ въ солнцѣ, воздухъ слышенъ свѣжій, осенній, передо мною открытое поле [1]), и ни кареты, ни дрожекъ, ни души, словомъ—рай“ [2]). Въ письмѣ къ Данилевскому отъ $^{23}/_{11}$ октября 1842 г. онъ также писалъ: „не лучше ли тебѣ будетъ въ Москвѣ, нежели въ Петербургѣ. Тамъ болѣе теплоты и въ климатѣ, и въ людяхъ“ [3]).

---

1) Гоголь жилъ тогда на Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ Погодина.

2) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 453.

3) Тамъ же, стр. 496.

Digitized by Google

сцену и вмѣсто того поступилъ въ театральную школу. Это всѣхъ сильно поразило: человѣкъ съ большимъ развитіемъ и знаніями садится на скамью театральнаго училища! Онъ былъ чрезвычайно скроменъ, и эта скромность губила его; еще въ Нѣжинѣ онъ сталъ выдаваться и заявлять себя. Въ Петербургѣ онъ познакомился съ актеромъ Сосницкимъ, и тотъ его завербовалъ. Вѣроятно, къ этому времени относится также начало знакомства Гоголя съ Сосницкимъ. Вскорѣ Прокоповичъ познакомился съ Комаровымъ, племянникомъ Ѳедорова, тогдашняго начальника театральной школы, а Комаровъ, въ свою очередь, ввелъ въ нѣжинскій кружокъ Анненкова, и черезъ него же Прокоповичъ и Гоголь узнали впослѣдствіи Бѣлинскаго...[1])

Такимъ образомъ, роли перемѣнились: Максимовичъ уже охотно собирался въ Кіевъ, гдѣ вскорѣ соскучился, впрочемъ, по Москвѣ, но Гоголь уже не рѣшался съ легкимъ сердцемъ оставить Петербургъ, хотя все-таки ни за что не хотѣлъ отказаться отъ своей любимой мечты о Кіевѣ, и съ свойственной ему самоувѣренностью писалъ Максимовичу: „Не предавайся заранѣе никакимъ сомнѣніямъ и мнительности. Я къ тебѣ буду, *непремѣнно* буду, и мы заживемъ вмѣстѣ... Чортъ возьми все! Дѣла свои я повелъ такимъ порядкомъ, что непремѣнно буду въ состояніи ѣхать въ Кіевъ, хотя не раннею осенью, или зимою; *но когда бы то ни было, а все-таки буду*. Я далъ себѣ слово, и твердое слово: стало-быть, все кончено: нѣтъ гранита, котораго бы не пробили человѣческія силы и желаніе“ [2]). Уже Гоголь живо представлялъ въ своемъ воображеніи всѣ подробности предстоявшей ему, какъ онъ думалъ, жизни въ Кіевѣ и такъ увѣренно приготовлялся къ совмѣстной жизни въ немъ съ Максимовичемъ, что прямо говорилъ уже: „нашъ Кіевъ“, „наше солнце“ и „нашъ воздухъ“. Онъ даже подыскивалъ себѣ для Кіевскаго университета товарищей, которые могли бы также занять тамъ каѳедры, а объ одномъ изъ нихъ такъ писалъ Максимовичу: „Замолвь словечко Брадке, но не прямо, а косвенно, вотъ какимъ образомъ: что ты знаешь-де человѣка, весьма годнаго занять мѣсто и истинно достойнаго, но не знаешь-де, согласится ли онъ на

---

[1]) Все это сообщено мнѣ покойнымъ А. С. Данилевскимъ.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, стр. 215.

Digitized by Google

это, потому что въ Петербургѣ имѣетъ выгодное мѣсто, и считаютъ его нужнымъ человѣкомъ, что онъ прежде хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ, то попробовать,—можетъ быть, онъ согласится,—тѣмъ больше, что тамъ близко его родные“ [1]). Этотъ товарищъ Гоголя былъ Шаржинскій; позднѣе онъ рекомендовалъ еще Тарновскаго.

VII.

Для того, чтобы представить себѣ сколько-нибудь степень страшнѣйшей досады Гоголя по поводу постигшей его неудачи, не надо упускать изъ виду, что все уже было собственно готово къ его услугамъ и что еслибы онъ, такъ сказать, не зарвался въ своихъ требованіяхъ, то, вѣроятно, получилъ бы почти все желаемое: причиной всей бѣды оказалось въ сущности неисполненіе кіевскимъ попечителемъ слова, даннаго Жуковскому, что каѳедра всеобщей исторіи въ Кіевѣ непремѣнно останется за Гоголемъ. „Мои обстоятельства очень странны“ — пишетъ Гоголь Максимовичу 28 мая: „Сергѣй Семеновичъ даетъ мнѣ экстраординарнаго профессора и деньги на подъемъ, но, однакожъ, ничего этого не выпускаетъ изъ рукъ и держитъ меня, не знаю для чего, здѣсь, тогда какъ мнѣ нужно дѣйствовать и ѣхать. Между тѣмъ Брадке пишетъ ко мнѣ, что не угодно ли мнѣ взять каѳедру русской исторіи, что сіе-де прилично занятіямъ моимъ, тогда какъ онъ самъ обѣщалъ мнѣ, бывши здѣсь, что всеобщая исторія не будетъ занята до самаго моего пріѣзда, хотя бы это было черезъ годъ. А теперь, вѣрно, ее отдали этому Цыху, *которая принесло какъ нарочно*“ [2]). Казалось, все было въ рукахъ Гоголя,—и вдругъ неудача! Послѣ этого пораженія оказалось уже запоздалымъ намѣреніе упросить Цыха, чтобы онъ взялъ себѣ каѳедру русской исторіи и т. п. Въ своей досадѣ Гоголь рвалъ и металъ и даже угрожалъ въ письмѣ къ Максимовичу мщеніемъ оффиціальнымъ представителямъ министерства, состоявшимъ въ томъ, что онъ совсѣмъ броситъ мысли о профессурѣ: „Если они меня поводятъ далѣе и не отправятъ теперь, то, признаюсь, я брошу все и откланяюсь.

---

[1]) Тамъ же, стр. 221.

[2]) Письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 11, „Соч. и письма Гоголя“ т. V, стр. 211.

Digitized by Google

Богъ съ ними совсѣмъ! И тогда махну или на Кавказъ, или въ даль Грузіи, потому что здоровье мое здѣсь еле держится". По мѣрѣ неудачъ ослабѣвало и ученое рвеніе Гоголя, какъ впрочемъ отъ нихъ же терпѣло, конечно, и его творчество. „Право, душа не въ спокойномъ состояніи"—повѣрялъ онъ свои чувства Максимовичу.—„Перо въ рукахъ моихъ, какъ деревянная колода, между тѣмъ, какъ мысли мои состоятъ теперь изъ вихря" [1]). Въ разсѣянности Гоголь забылъ даже упомянуть о сборникѣ пѣсенъ Максимовича въ своей статьѣ о малороссійскихъ пѣсняхъ, хотя онъ искренно интересовался имъ и отъ души сообщалъ прежде, получивъ еще корректурный экземпляръ этой книги, что „съ радостью ребенка держалъ въ рукахъ первый листъ" [2]). И что было всего оскорбительнѣе и непонятнѣе, что капитальная неудача могла послѣдовать именно въ то время, когда не только Гоголь заручился всѣми обѣщаніями, но и былъ увѣренъ, что „Сергѣй Семеновичъ самъ, кажется, благоволитъ ко мнѣ и очень доволенъ моими статьями. Кажется, какой сильный авторитетъ! Если бы какія особенныя препятствія преграждали мнѣ путь, но ихъ нѣтъ. Я имѣю чинъ коллежскаго асессора, не новичекъ, потому что занимался довольно преподаваніемъ, между тѣмъ какъ *всѣхъ учителей Кременецкаго лицея произвели прямо въ ординарные* [3]) и при всемъ томъ я не могу понять: слышу увѣренія, ласки и больше ничего! Чортъ возьми! они воображаютъ, что у меня недостанетъ духу плюнуть на все".

Досада на ударъ, причиненный самолюбію, отразился между прочимъ и на отношеніяхъ Гоголя къ его научнымъ занятіямъ и къ самой желанной каѳедрѣ. Гоголь говоритъ уже съ презрѣніемъ не только о педагогахъ-толмачахъ, но и о гили, подъ которой онъ разумѣетъ систематическія занятія наукой, вмѣсто коихъ рекомендуетъ лекціи по вдохновенію („Плетневъ нашелъ—и весьма справедливо (?)—что всѣ теоріи совершенный вздоръ и ни къ чему не ведутъ (!). Онъ теперь бросилъ всѣ прежде читанныя лекціи и дѣлаетъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, стр. 207. Письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 10.

[3]) Эти слова какъ будто подтверждаютъ высказанное наше выше предположеніе, что Гоголь смотрѣлъ на профессуру съ точки зрѣнія карьеры, какъ на административное повышеніе.

Digitized by Google

съ ними [1]) въ классѣ эстетическіе разборы, толкуетъ и наталкиваетъ ихъ морду на хорошее. Онъ очень удивляется тому, что ты затрудняешься, и совѣтуетъ, съ своей стороны, тебѣ *работать съ плеча (?!!), что придется (!!)* [2]). Не смотря на все сознаніе неудачи, Гоголь все-таки долго не хотѣлъ сдаваться и продолжалъ возлагать надежду на силу терпѣнія и желѣзной воли, рѣшивши, что все на свѣтѣ трынъ—трава. Гоголь испытывалъ тяжелое чувство при извѣстномъ выѣздѣ Максимовича въ Кіевъ, живо напоминавшемъ ему о неудачѣ: „И такъ ты въ дорогѣ. Благословляю тебя! Я увѣренъ, что тебѣ будетъ весело, очень весело въ Кіевѣ“. Ту же твердость рекомендуетъ Гоголь въ то же самое время и матери, фабрика которой только-что окончательно рухнула. Въ эту-то критическую минуту Гоголю хотѣлось бы навѣстить и ободрить павшую духомъ любимую мать, которая впадала въ уныніе и искала душевнаго успокоенія въ молитвѣ. Марья Ивановна въ горѣ, кажется, просила у сына денегъ, чтобы съѣздить помолиться въ Воронежъ, и вотъ хотя Гоголя сильно тянуло въ Малороссію, но онъ не собирался уѣхать на лѣто въ деревню, потому что надѣялся въ Петербургѣ устроить еще какъ-нибудь свои дѣла. „Я бы съ радостью прислалъ вамъ сколько-нибудь“, писалъ онъ матери, —„но этотъ годъ былъ для меня нѣсколько тяжелъ. Даже намѣреніе мое, ѣхать къ вамъ рушилось; впрочемъ я этому очень радъ, несмотря на желаніе большое васъ видѣть. Еслибы я поѣхалъ теперь, я бы потерялъ по службѣ; между тѣмъ, какъ оставшись здѣсь еще на полгода, я много выиграю“ [3]).

Но вдругъ Гоголь получилъ предложеніе отъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, князя Дондукова-Корсакова занять каѳедру экстра-ординарнаго профессора средней исторіи въ Петербургскомъ университетѣ. Онъ рѣшился взять это мѣсто, но все-таки съ тою мыслью, что послѣ ему легко будетъ перейти изъ столицы въ Кіевъ; онъ даже настойчиво просилъ Максимовича купить ему въ Кіевѣ мѣсто для дома, „гдѣ-нибудь на горѣ, чтобы оттуда былъ виденъ и кусочекъ Днѣпра“ [4]).

---

[1]) Студентами.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 215; Письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 14—15.

[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 219.

[4]) Тамъ же , стр. 224.

Digitized by Google

Послѣ этого Гоголь въ письмахъ отъ 6 ноября снова *дѣлаетъ обѣщаніе* помочь матери: „Очень жалѣю только, что вы не имѣете теперь рѣшительно никакихъ доходовъ. Можетъ быть, если Богъ поможетъ, послѣ новаго года я получу сколько-нибудь денегъ, и, можетъ быть, буду такъ счастливъ, что сколько-нибудь облегчу вашу возможность уплатить хотя самые нужные долги“ [1]).

Нечаянная обида, причиненная Гоголю наивнымъ вопросомъ матери о чинѣ, на что́ Гоголь отвѣтилъ весьма рѣзко и несдержанно, прибавила лишнюю каплю горечи въ его и безъ того тяжелое настроеніе, напомнивъ ему еще разъ объ его оскорбительномъ промахѣ [2]).

И снова передъ Гоголемъ встали затрудненія въ его научныхъ занятіяхъ и онъ возвращается къ жалобамъ, похожимъ на тѣ, которыя онъ изливалъ еще въ началѣ 1833 года. Какъ тогда онъ писалъ: „едва начинаю, уже вижу собственные недостатки“; совершенно то же читаемъ теперь: „Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобъ я старался только возбудить чувства и воображеніе (слушателей). Клянусь, у меня цѣль высокая! Я, можетъ быть, еще мало опытенъ, я молодъ въ мысляхъ, но я буду когда-нибудь старъ. Отчего же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мной раздвигается природа и человѣкъ?“ [3]). Между тѣмъ въ другія минуты Гоголю наоборотъ продолжало попрежнему казаться, что онъ примется за дѣла и многое совершитъ, и вотъ тогда-то онъ сказалъ между прочимъ Погодину: „Я думаю хватить среднюю исторію томиковъ въ восемь или девять, если Богъ поможетъ“ [4]).

Очевидно, онъ еще продолжалъ заблуждаться насчетъ своей ученой производительности и, можетъ быть, долго остался

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 226. —Мы подчеркиваемъ здѣсь эти слова: дѣлаетъ обѣщаніе, *какъ новую улику* т. *Витбергу,* полагавшему, что можно расточать неосновательные упреки безъ всякаго риска, такъ какъ рѣдкій де изъ читателей станетъ справляться, правду ли говоритъ рецензентъ, или нѣтъ. Изумительное легкомысліе!...

[2]) Тамъ же.

[3]) Стр. 228.

[4]) Тамъ же, стр. 232 и въ письмѣ къ Максимовичу, стр. 231; см. также письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 20.

Digitized by Google

бы на этомъ ложномъ и безплодномъ для него пути, еслибы сама судьба не вывела его наконецъ изъ неестественнаго положенія, въ которое онъ попалъ, занявъ каѳедру. Но мы усиленно настаиваемъ на томъ, что съ его стороны здѣсь не было ни *малѣйшаго обмана* или, какъ говорятъ, шарлатанства: вѣдь, повторяемъ, его продолжительные сборы приняться за огромные труды въ области исторіи, постоянно остававшіеся безъ результатовъ, кажутся странными теперь намъ, знающимъ, что ничего изъ нихъ не вышло, тогда какъ Гоголь былъ глубоко убѣжденъ, что, только-что перемѣнится удручавшая его обстановка, осуществится мечта о кіевской каѳедрѣ — и историческія изслѣдованія польются рѣкой. Вѣдь когда онъ писалъ Погодину въ началѣ 1835 года о восьмитомной исторіи Малороссіи, онъ вовсе не подозрѣвалъ, что его профессорской дѣятельности въ книгѣ судебъ положенъ такой скорый предѣлъ; онъ надѣялся, что профессура его будетъ продолжаться, можетъ быть, цѣлую жизнь, такъ что онъ могъ многаго ждать отъ будущаго въ такой долгій срокъ, когда ему казались столь легкими крупныя завоеванія въ области науки.

Есть одно мѣсто въ перепискѣ Гоголя, которое какъ будто намекаетъ, что у него мелькала даже мысль о соединеніи съ своей семьей въ Кіевѣ, мысль тѣмъ болѣе возможная, что уже не разъ заходила рѣчь о продажѣ имѣнья. Это мѣсто находится въ письмѣ къ матери отъ 30 января 1835 г: „Сдѣлайте милость, не скучайте за дѣтьми [1]) и развлекайте себя всѣми силами. Вы должны себя беречь для жизни самой пріятной, и это время, которое вамъ такъ кажется долго, вдругъ пролетитъ, и мы будемъ снова вмѣстѣ“ [2]). Слова эти могли быть, конечно, просто утѣшеніемъ совсѣмъ разстроившейся и убитой горемъ матери; но намъ рѣшительно нѣтъ основанія не вѣрить тому, что при широкихъ надеждахъ, возлагаемыхъ на будущее, если бы надежды эти могли осуществиться, Гоголь не могъ бы исполнить и своего обѣщанія, высказаннаго въ только-что приведенныхъ строкахъ.

Когда академическій 1834/1835 годъ промчался, оказалось, что на перемѣну положенія Гоголя къ лучшему не

---

1) Малороссіанизмъ.

2) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 232.

Digitized by Google

было никакихъ надеждъ; напротивъ, онъ долженъ былъ оставить противъ своей воли занятія въ Патріотическомъ институтѣ. Все это опять-таки неблагопріятно отзывалось на его ученыхъ занятіяхъ, и отчасти, можетъ быть, и на литературныхъ трудахъ. „Тупая теперь такая голова сдѣлалась“— писалъ онъ Максимовичу—„что мочи нѣтъ. Языкомъ ворочаешь такъ, что узнать нельзя, а возьмешься за перо—находитъ столбнякъ“ [1]). Среди собственныхъ неудачъ онъ живѣе сочувствовалъ невзгодамъ матери и предполагалъ дѣятельно помогать ей: „Я очень постигаю васъ“—[2]) писалъ онъ: „Я знаю, что ваша вся жизнь была въ заботахъ, что вы вѣчно должны были бороться съ критическими обстоятельствами. Отъ этого не мудрено, что душа ваша ищетъ успокоенія въ мечтѣ и что вы любите предаваться ей, какъ вѣрному своему другу, и не мудрено, что она васъ завлекаетъ иногда. Вамъ нуженъ совѣтникъ, который бы практическимъ образомъ глядѣлъ на жизнь. *Этотъ совѣтникъ вамъ буду я.* Почитайте меня за друга, съ которымъ вы должны дѣлить свои мысли и не сердиться, если этотъ другъ будетъ подавать вамъ совѣты. О дѣлахъ хозяйственныхъ, о средствахъ къ уплатѣ долговъ и о прочемъ поговоримъ, когда увидимся. Я намѣренъ не шутя приняться за хозяйство, и грѣхъ на моей душѣ лежитъ, что я не сдѣлалъ этого прежде, набросивъ на васъ цѣлый грузъ самыхъ тягостныхъ заботъ, омрачившихъ вашу драгоцѣнную для насъ жизнь...“

Упоминаніе о „трынъ-травѣ“, какъ принципѣ житейской мудрости, еще повторялось изрѣдка въ письмахъ Гоголя. Такъ однажды онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ старался утѣшить хандрившаго Максимовича: „Мы никакъ не привыкнемъ, особенно ты, глядѣть на жизнь, какъ на трынъ-траву, какъ всегда глядѣлъ казакъ. Пробовалъ-ли ты когда-нибудь, вставши поутру съ постели дернуть въ одной рубашкѣ по всей комнатѣ трепака? Послушай, братъ: у насъ на душѣ столько грустнаго и заунывнаго, что если позволить всему этому выходить наружу, то это чортъ знаетъ что́ такое! Чѣмъ сильнѣе подходитъ къ сердцу старая печаль, тѣмъ шумнѣе должна быть новая веселость“ [3]). Въ письмѣ къ матери отъ

[1]) Стр. 242.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 139.

[3]) Тамъ же, стр. 236; письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 21.

Digitized by Google

1 октября 1835 года онъ также пишетъ: „Я вашими молитвами здоровъ и спокоенъ; прочее все пустое и „трынъ-трава“ [1]). Но, конечно, такъ было легче говорить, нежели поступать такъ на дѣлѣ, и отраженіе грусти все чаще слышится въ произведеніяхъ Гоголя разсматриваемой поры.

Нельзя кстати не прибавить, что въ приведенныхъ цитатахъ также отразились взгляды Гоголя на отношеніе русскаго человѣка къ постигающимъ его въ жизни невзгодамъ; это мы видимъ еще въ его малороссійскихъ повѣстяхъ, напр. въ „Віи“, гдѣ философъ Хома Брутъ такъ именно и относится къ темнымъ сторонамъ жизни, и въ другихъ изображеніяхъ казаковъ, тогда какъ образъ танцующаго трепакъ въ одной рубашкѣ человѣка тотчасъ послѣ его пробужденія встрѣчается даже въ „Мертвыхъ Душахъ“, правда въ несимпатичной автору фигурѣ Чичикова, но какъ такое проявленіе душевнаго порыва чисто русскаго человѣка, которому Гоголь, повидимому, вполнѣ сочувствовалъ [2]).

Послѣ оставленія Гоголемъ каѳедры, его интересъ къ любимой когда-то наукѣ сталъ быстро ослабѣвать, но онъ все еще изрѣдка справлялся у Погодина о нѣкоторыхъ почему-нибудь занимавшихъ его сочиненіяхъ по исторіи, о лѣтописяхъ и проч. Такъ, въ письмѣ къ Погодину отъ 21 февраля 1836 года онъ проситъ: „Не можешь ли мнѣ прислать каталога книгъ, пріобрѣтенныхъ тобою и не пріобрѣтенныхъ относительно Славянщины, исторіи и литературы“ [3])...

Но во всякомъ случаѣ извѣстная неудача по каѳедрѣ въ Петербургѣ заставила его отложить навсегда всякіе помыслы объ ученой карьерѣ. Гоголь былъ профессоромъ полтора года (1834—1835). Въ началѣ 1835 г. онъ издалъ „Арабески“ и почти вслѣдъ за ними „Миргородъ“, и совершенно посвятилъ себя драматическимъ произведеніямъ, а позднѣе—„Мертвымъ Душамъ“.

---

[1]) Тамъ же, стр. 244.

[2]) И здѣсь нельзя не замѣтить, что поэтическія увлеченія Гоголя съ годами уступали мѣсто „суровой прозѣ“: изображеніе беззавѣтной отваги все рѣже встрѣчается въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Гоголя и симпатичная прежде черта получаетъ болѣе прозаическое значеніе въ глазахъ Гоголя.

[3]) Тамъ же, стр. 252.

Digitized by Google

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ О ГОГОЛѢ ВЪ 1832—1835 г.

Мы старались прослѣдить постепенный духовный ростъ нашего писателя и происшедшія въ немъ главныя нравственныя перемѣны, въ промежутокъ первыхъ тридцатыхъ годовъ, преимущественно на основаніи данныхъ, извлекаемыхъ изъ его произведеній; но представить вполнѣ яркую картину этого роста съ отчетливымъ изъясненіемъ всѣхъ малѣйшихъ подробностей и оттѣнковъ, основанную притомъ на точномъ и всестороннемъ психологическомъ анализѣ, какъ этого, быть можетъ, потребовали бы иные строгіе критики, мы считаемъ совершенно невозможнымъ по недостатку источниковъ. Мы можемъ только указать, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ Петербургѣ Гоголь значительно перемѣнился въ томъ смыслѣ, что его все больше покидала струя свѣтлаго и непритязательнаго юношескаго юмора, и что игривое легкомысліе молодости быстро и явно стало уступать мѣсто какой-то суровой сдержанности, отчасти переходившей даже въ сухую и холодную натянутость, что, наконецъ, передъ нимъ все больше раскрывались печальныя стороны жизни. Если горькій жизненный опытъ вообще часто кладетъ траурный отпечатокъ на людей, вынужденныхъ въ лучшую пору молодости извѣдать ея трудности; то Гоголь, постоянно сжимаемый и жестоко тѣснимый нуждой, злобно издѣвавшейся надъ его широкими молодыми грезами, быть можетъ, наиболѣе испыталъ на себѣ ея свинцовые тиски. Собираясь уѣхать изъ Нѣжина въ Петербургъ въ концѣ своего гимназическаго поприща, Гоголь, какъ мы знаемъ, очень свысока смотрѣлъ на толпу

Digitized by Google

заурядныхъ людей [1]), но его жизнерадостное и веселое настроеніе еще ничѣмъ не было тогда омрачено; напротивъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ самостоятельной жизни въ Петербургѣ, его высокомѣрная заносчивость утратила, подъ вліяніемъ жизненнаго опыта, значительную долю своей безцеремонной откровенности, но зато въ глубинѣ его души зрѣло и развивалось затаенное чувство холоднаго пренебреженія къ людямъ, почему-нибудь казавшимся ему смѣшными или ничтожными, при чемъ, надо замѣтить, такое высокомѣріе распространялось отчасти и на лицъ, которыя, казалось бы заслуживали иного къ себѣ отношенія. Конечно, нельзя положить рѣзкой грани между указанными перипетіями въ духовной жизни Гоголя, и намъ кажется достаточнымъ намѣтить ихъ и подтвердить свое заключеніе фактическими данными, при чемъ мы даемъ своимъ словамъ въ настоящемъ случаѣ пока лишь значеніе вѣроятнаго предположенія. Затѣмъ отклоняемъ заранѣе возможныя возраженія о томъ, что бывали и въ позднѣйшее время у Гоголя проблески и порывы веселости, чего мы и не отрицаемъ, даже прямо признавая ихъ существованіе, на основаніи воспоминаній нѣкоторыхъ лицъ, не исключая и послѣднихъ лѣтъ его жизни; равно какъ не можемъ не допустить, что и въ одно и то же время, Гоголь являлся, съ одной стороны, иногда сравнительно болѣе открытымъ и даже, быть можетъ, задушевнымъ въ своемъ нѣжинскомъ кружкѣ, тогда какъ, съ другой, переходя изъ этого кружка въ менѣе родственную и знакомую сферу, онъ обнаруживалъ преимущественно другія, отмѣченныя нами, менѣе симпатичныя стороны своей нравственной природы.

Для того, чтобы не только подтвердить, но и, такъ сказать, по возможности иллюстрировать сказанное,—что особенно важно именно тамъ, гдѣ приходится улавливать и выставлять болѣе тонкіе оттѣнки,—позволимъ себѣ привести въ выдержкахъ два живыхъ и колоритныхъ разсказа о впечатлѣніи, производимомъ Гоголемъ на людей въ началѣ и серединѣ тридцатыхъ годовъ, правда знавшихъ его поверхностно; но иныхъ разсказовъ мы не имѣемъ. Разсказы эти получаютъ, какъ

[1]) Просимъ читателей припомнить изъ перваго тома отмѣченные нами факты постепеннаго распространенія пренебрежительнаго отношенія Гоголя къ людямъ, начиная отъ нѣжинскихъ товарищей, на профессоровъ, на директора Охлая, наконецъ, на Д. П. Трощинскаго (стр. 131—135).

Digitized by Google

намъ кажется, отчасти новый интересъ и новое освѣщеніе, если взглянуть на нихъ съ только-что указанной точки зрѣнія.

Первый разсказъ принадлежитъ покойному графу В. А. Соллогубу [1]); приводимъ его:

„Въ 1831 году лѣтомъ я пріѣхалъ на ваканцію изъ Дерпта въ Павловскъ. Въ Павловскѣ жила моя бабушка, и съ нею вмѣстѣ покойная тетка моя Александра Ивановна Васильчикова, женщина высокой добродѣтели, постоянно тогда озабоченная воспитаніемъ своихъ дѣтей. Одинъ изъ сыновей ея, нынѣ умершій, къ сожалѣнію, родился съ поврежденнымъ при рожденіи черепомъ, такъ что умственныя его способности остались навсегда въ туманѣ. Всѣ средства истощались, чтобы помочь горю; но все было напрасно. Тетка придумала наконецъ нанять учителя, который бы могъ развивать, хотя нѣсколько, мутную понятливость бѣднаго страдальца, показывая ему картинки и бесѣдуя съ нимъ цѣлый день. Такой учитель былъ найденъ, и когда я пріѣхалъ въ Павловскъ, тетка моя просила меня познакомиться съ нимъ и обласкать его, такъ какъ, по словамъ ея, онъ тоже былъ охотникомъ до русской словесности. Какъ теперь помню это знакомство. Мы вошли въ дѣтскую, гдѣ у письменнаго стола сидѣлъ наставникъ съ ученикомъ и указывалъ ему на изображенія разныхъ животныхъ, подражая притомъ ихъ блеянію, мычанію, хрюканію и т. д.—„Вотъ это, душенька, баранъ, понимаешь ли? баранъ,—бе, бе... Вотъ это, корова; знаешь, корова, му, му“. При этомъ учитель съ какимъ-то оригинальнымъ наслажденіемъ упражнялся въ звукоподражаніяхъ. Признаюсь, мнѣ грустно было глядѣть на подобную сцену, на такую жалкую долю человѣка, принужденнаго изъ-за куска хлѣба согласиться на подобное занятіе. Я поспѣшилъ выдти изъ комнаты, едва разслыхавъ слова тетки, представлявшей мнѣ учителя и назвавшей мнѣ его по имени: Николай Васильевичъ Гоголь.

У покойницы моей бабушки, какъ у всѣхъ тогдашнихъ старушекъ, жили бѣдныя дворянки — компаніонки, приживалки. Имъ-то по вечерамъ читалъ Гоголь свои первыя произведенія. Вскорѣ послѣ страннаго знакомства я шелъ однажды по коридору и услышалъ, что кто-то читаетъ въ ближней

[1]) „Воспоминанія графа В. А. Соллогуба. Новыя свѣдѣнія о предсмертномъ поединкѣ Пушкина“ 1866 г., стр. 10—19.

Digitized by Google

комнатѣ. Я вошелъ изъ любопытства, и нашелъ Гоголя посреди дамскаго, домашняго ареопага; Александра Николаевна вязала чулокъ, Анна Антоновна хлопала глазами, Анна Николаевна по обыкновенію оправляла напомаженные виски; ихъ было еще двѣ или три, если не ошибаюсь. Передъ ними сидѣлъ Гоголь и читалъ про украинскую ночь. „Знаете ли вы украинскую ночь? Нѣтъ, вы не знаете украинской ночи!...“ Кто не слыхалъ читавшаго Гоголя, тотъ не знаетъ вполнѣ его произведеній. Онъ придавалъ особый колоритъ своимъ спокойствіемъ, своимъ произношеніемъ, неуловимыми оттѣнками насмѣшливаго комизма, дрожавшими въ его голосѣ и быстро пробѣгавшими по его оригинальному, остроносому лицу, въ то время какъ сѣрые маленькіе глаза его добродушно улыбались, и онъ встряхивалъ всегда падавшими ему на лобъ волосами. Описывая украинскую ночь, онъ какъ будто переливалъ въ душу впечатлѣнія лѣтней свѣжести, синей, усѣянной звѣздами, выси, благоуханія, душевнаго простора. Вдругъ онъ остановился.—„Да гопакъ такъ не танцуется!...“— Приживалки воскликнули: „Отчего не такъ?“—Онѣ подумали, что Гоголь обращается къ нимъ. Гоголь улыбнулся и продолжалъ монологъ пьянаго мужика. Признаюсь откровенно, я былъ пораженъ, уничтоженъ; мнѣ хотѣлось взять его на руки, вынести на свѣжій воздухъ, на настоящее его мѣсто. „*Майская Ночь*“ осталась для меня любимымъ Гоголевскимъ твореніемъ, быть можетъ оттого, что я ей обязанъ тѣмъ, что изъ первыхъ въ Россіи могъ узнать и оцѣнить этого геніальнаго человѣка. Карамзины жили тогда въ Царскомъ Селѣ; у нихъ я часто видалъ Жуковскаго, который сказалъ мнѣ, что уже познакомился съ Гоголемъ, и думаетъ, какъ бы освободить его отъ настоящаго мѣста. Пушкина я встрѣтилъ въ Царскосельскомъ паркѣ; онъ тогда ко-что женился и гулялъ подъ ручку съ женой, первой европейской красавицей, какъ говорилъ онъ мнѣ послѣ. Онъ представилъ меня тутъ женѣ, и на вопросъ мой, знаетъ ли онъ Гоголя, отвѣчалъ, что еще не знаетъ, но слышалъ о немъ и желаетъ съ нимъ познакомиться...

Послѣ незабвеннаго для меня чтенія, я, разумѣется, сблизился съ Гоголемъ и находился съ того времени постоянно съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ [1]), но никогда не

[1]) Нельзя не возразить, что утвержденіе это весьма энергически преувеличено.

Digitized by Google

припоминалъ онъ о нашемъ первомъ знакомствѣ. Видно было, что, не смотря на всю его душевную простоту (отпечатокъ возвышенной природы), онъ нѣсколько совѣстился своего прежняго званія толкователя картинокъ. Впрочемъ, онъ изрѣдка посѣщалъ мою тетку и однажды сдѣлалъ ей такой странный визитъ, что нельзя о немъ не упомянуть.

Тетушка сидѣла у себя съ дѣтьми въ глубокомъ траурѣ, съ плерёзами, по случаю недавней кончины ея матери. Докладываютъ про Гоголя.—„Просите!“—Входитъ Гоголь съ постной физіономіей. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, разговоръ начался о бренности всего мірского. Должно быть, это надоѣло Гоголю: тогда онъ былъ еще веселъ и въ полномъ порывѣ своего юмористическаго вдохновенія. Вдругъ онъ началъ предлинную и преплачевную исторію про какого-то малороссійскаго помѣщика, у котораго умиралъ единственный, обожаемый сынъ. Старикъ измучился, не отходилъ отъ больного ни днемъ, ни ночью, по цѣлымъ недѣлямъ, наконецъ утомился совершенно и пошелъ прилечь въ сосѣднюю комнату, отдавъ приказаніе, чтобъ его тотчасъ разбудили, если больному сдѣлается хуже. Не успѣлъ онъ заснуть, какъ человѣкъ бѣжитъ.—„Пожалуйте!“—„Что, неужели хуже?“—„Какой хуже! Скончался совсѣмъ!“—При этой развязкѣ всѣ лица слушавшихъ со вниманіемъ разсказъ вытянулись, раздались вздохи, общій возгласъ и вопросъ: „Ахъ, Боже мой! Ну, что же бѣдный отецъ?“—„Да что же ему дѣлать?“—продолжалъ хладнокровно Гоголь, — растопырилъ руки, пожалъ плечами, покачалъ головой, да и свиснулъ: „фю, фю“. Громкій хохотъ дѣтей заключилъ анекдотъ, а тетушка, съ полнымъ на то правомъ, разсердилась не на шутку, дѣйствительно въ минуту общей печали весьма неумѣстную. Трудно объяснить себѣ, зачѣмъ Гоголь, всегда кроткій и застѣнчивый, рѣшился на подобную выходку. Быть можетъ, онъ вздумалъ развеселить дѣтей отъ господствовавшаго въ домѣ грустнаго настроенія; быть можетъ, онъ, самъ того не замѣчая, *увлекся бившей въ немъ постоянно струей неодолимаю комизма.* Впрочемъ, онъ очень любилъ это окончаніе едва внятнымъ свистомъ и кончилъ имъ свою комедію „Женитьба“. Я помню, что онъ читалъ ее однажды у Жуковскаго, въ одну изъ тѣхъ пятницъ, гдѣ собиралось общество (тогда не малочисленное) русскихъ литературныхъ, ученыхъ и артистическихъ знаменитостей.

Digitized by Google

При послѣднихъ словахъ: „Но когда женихъ выскочитъ въ окно, то уже...“ онъ скорчилъ такую гримасу, и такъ уморительно свистнулъ, что всѣ слушатели покатились со смѣху. При представленіи этотъ свистъ замѣнила, кажется, актриса Гусева, словами: „такъ ужъ просто мое почтеніе“, что̀ всегда и говорится теперь. Но этотъ конецъ далеко не такъ комиченъ и оригиналенъ, какъ тотъ, который придуманъ былъ Гоголемъ. Онъ не завершаетъ пьесы и не довершаетъ въ зрителѣ, послѣдней комической чертой, общаго впечатлѣнія послѣ комедіи, основанной на одномъ юморѣ“.

Здѣсь мы еще видимъ въ Гоголѣ веселаго юмориста и непритязательнаго молодого человѣка. Но вотъ проходитъ годъ, въ теченіе котораго въ положеніи его произошла крупная перемѣна, и въ его манерѣ держать себя, въ его отношеніяхъ къ людямъ она не замедлила отразиться—и весьма замѣтно.

„Въ 1832 году, кажется, весною, когда мы жили въ домѣ Слѣпцова, на Сивцевомъ Вражкѣ“,—разсказываетъ С. Т. Аксаковъ въ „Исторіи знакомства моего съ Гоголемъ“ [1]),—„Погодинъ привезъ ко мнѣ въ первый разъ и совершенно неожиданно Николая Васильевича Гоголя. „Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки“ были давно уже прочтены, и мы всѣ восхищались ими. Я прочелъ, впрочемъ, „Диканьку“ нечаянно: я получилъ ее изъ книжной лавки, вмѣстѣ съ другими книгами, для чтенія вслухъ моей женѣ, по случаю ея нездоровья... Можно себѣ представить нашу радость при такомъ сюрпризѣ. Не вдругъ узнали мы настоящее имя сочинителя; но Погодинъ ѣздилъ зачѣмъ-то въ Петербургъ, узналъ тамъ, кто такой „Рудый Панько“, познакомился съ нимъ и привезъ намъ извѣстіе, что „Диканьку“ написалъ Гоголь-Яновскій. Итакъ, это имя было уже намъ извѣстно и драгоцѣнно.

По субботамъ постоянно обѣдали у насъ и проводили вечеръ короткіе мои пріятели. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, въ кабинетѣ моемъ, находившемся въ мезанинѣ, игралъ я въ карты въ четверной бостонъ, а человѣка три не игравшихъ сидѣли около стола. Въ комнатѣ было жарко, и нѣкоторые, въ томъ числѣ и я, сидѣли безъ фраковъ. Вдругъ Погодинъ, безъ всякаго предувѣдомленія, вошелъ въ комнату, съ неиз-

[1]) „Русск. Арх.“, 1890, VIII. 5—10.

Digitized by Google

вѣстнымъ мнѣ очень молодымъ человѣкомъ, подошелъ прямо ко мнѣ и сказалъ: „Вотъ вамъ Николай Васильевичъ Гоголь!“ Эффектъ былъ сильный. Я очень сконфузился, бросился надѣвать сюртукъ, бормоча пустыя слова пошлыхъ рекомендацій. Во всякое другое время я не такъ бы встрѣтилъ Гоголя. Всѣ мои гости (тутъ были П. Г. Фроловъ, М. М. Пинскій и М. С. Щепкинъ — прочихъ не помню) тоже какъ-то озадачились и молчали. Пріемъ былъ не то что холодный, но конфузный. Игра на время прекратилась; но Гоголь и Погодинъ упросили меня продолжать игру, потому что замѣнить меня было некому. Скоро, однако, прибѣжалъ Константинъ, бросился къ Гоголю и заговорилъ съ нимъ съ большимъ чувствомъ и пылкостью. Я очень обрадовался и разсѣянно продолжалъ игру, прислушиваясь однимъ ухомъ къ словамъ Гоголя; но онъ говорилъ тихо, и я ничего не слыхалъ.

Наружный видъ Гоголя былъ тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохолъ на головѣ, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородокъ, большіе и крѣпко накрахмаленные воротнички придавали совсѣмъ другую физіономію его лицу; намъ показалось, что въ немъ было что-то хохлацкое и плутоватое. Въ платьѣ Гоголя примѣтна была претензія на щегольство. У меня осталось въ памяти, что на немъ былъ пестрый свѣтлый жилетъ съ большой цѣпочкой. У насъ остались портреты, изображающіе его въ тогдашнемъ видѣ, подаренные впослѣдствіи Константину самимъ Гоголемъ.

Къ сожалѣнію, я совершенно не помню моихъ разговоровъ съ Гоголемъ въ первое наше свиданіе; но помню, что *я часто заговаривалъ съ нимъ*. Черезъ часъ онъ ушелъ, сказавъ, что побываетъ у меня на дняхъ какъ-нибудь пораньше утромъ и попроситъ сводить его къ Загоскину, съ которымъ ему очень хотѣлось познакомиться и который жилъ очень близко отъ меня. Константинъ тоже не помнитъ своихъ разговоровъ съ нимъ, кромѣ того, что Гоголь сказалъ про себя, что онъ былъ прежде толстякъ, а теперь боленъ; но помнитъ, что онъ *держалъ себя непривѣтливо, небрежно и какъ-то свысока*, чего, разумѣется, не было (?), но могло такъ показаться [1]). Ему не понравились манеры Гоголя, который произвелъ на всѣхъ безъ

[1]) Почему же, однако, „показалось“ *всѣмъ?* *В. Ш.*

Digitized by Google

исключенія невыгодное, несимпатичное впечатлѣніе. Отдать визитъ Гоголю не было возможности, потому что не знали, гдѣ онъ остановился: Гоголь не хотѣлъ этого сказать.

Черезъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ я уже предупредилъ Загоскина, что Гоголь хочетъ съ нимъ познакомиться и что я приведу его къ нему, явился ко мнѣ довольно рано Николай Васильевичъ. Я обратился къ нему съ искренними похвалами его „Диканькѣ“; но, видно, слова мои показались ему обыкновенными комплиментами, и онъ принялъ ихъ очень сухо. Вообще въ немъ было что-то отталкивающее, не допускавшее меня до искренняго увлеченія и излія-нія, къ которымъ я способенъ до излишества[1]). По его просьбѣ мы скоро пошли пѣшкомъ къ Загоскину. Дорогой онъ удивилъ меня тѣмъ, что началъ жаловаться на свои болѣзни (я не зналъ тогда, что онъ говорилъ объ этомъ Константину) и сказалъ даже, что боленъ неизлѣчимо. Смотря на него изумленными и недовѣрчивыми глазами, потому что онъ казался здоровымъ, я спросилъ его: „Да чѣмъ же вы больны“? Онъ отвѣчалъ неопредѣленно и сказалъ, что причина болѣзни его находится въ кишкахъ. Дорогой разговоръ шелъ о Загоскинѣ. Гоголь хвалилъ его за веселость, но сказалъ, что онъ не то пишетъ, что́ слѣдуетъ для театра. Я легкомысленно возразилъ, что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что

. . . даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

но Гоголь посмотрѣлъ на меня какъ-то значительно и сказалъ, что, „это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собою будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его“. Можетъ быть, онъ выразился не совсѣмъ такими словами; но мысль была точно та. Я былъ ею озадаченъ, особенно потому, что никакъ не ожидалъ ее услышать отъ Гоголя. Изъ послѣдующихъ словъ я замѣтилъ, что русская комедія его сильно занимала и что у него есть свой

---

[1]) Какъ это вѣрно и согласно со всѣми данными рисуетъ Гоголя и самого Аксакова! *В. Ш.*

Digitized by Google

оригинальный взглядъ на нее. Надобно сказать, что Загоскинъ, также давно прочитавшій „Диканьку“ и хваливший ее, въ то же время не оцѣнилъ вполнѣ; а въ описаніяхъ украинской природы находилъ неестественность, напыщенность, восторженность молодого писателя; онъ находилъ вездѣ неправильность языка, даже безграмотность. Послѣднее очень было забавно, потому что Загоскина нельзя было обвинить въ большой грамотности. Онъ даже оскорблялся излишними, преувеличенными, по его мнѣнію, нашими похвалами. Но по добродушію своему и по самолюбію человѣческому, ему пріятно было, что превозносимый всѣми Гоголь поспѣшилъ къ нему пріѣхать. Онъ принялъ его съ отверстыми объятіями, съ крикомъ и похвалами; нѣсколько разъ принимался цѣловать Гоголя, потомъ кинулся обнимать меня, билъ кулакомъ въ спину, называя хомякомъ, сусликомъ и пр. и пр.; однимъ словомъ, былъ вполнѣ любезенъ по-своему. Загоскинъ говорилъ безъ умолку о себѣ: о множествѣ своихъ занятій, о безчисленномъ количествѣ прочитанныхъ имъ книгъ, о своихъ археологическихъ трудахъ, о пребываніи въ чужихъ краяхъ (онъ не былъ далѣе Данцига), о томъ, что онъ изъѣздилъ вдоль и поперекъ всю Русь и пр. и пр. Всѣ знаютъ, что это совершенный вздоръ и что ему искренно вѣрилъ одинъ Загоскинъ. Гоголь понялъ это сразу и говорилъ съ хозяиномъ, какъ будто вѣкъ съ нимъ жилъ, совершенно въ пору и въ мѣру. Онъ обратился къ шкафамъ съ книгами... Тутъ началась новая, а для меня уже старая исторія: Загоскинъ началъ показывать и хвастаться книгами, потомъ табакерками и наконецъ шкатулками. Я сидѣлъ молча и забавлялся этой сценой. Но Гоголю она наскучила довольно скоро: онъ вдругъ вынулъ часы и сказалъ, что ему пора идти, обѣщалъ еще забѣжать какъ-нибудь и ушелъ.

„Ну что?“ спросилъ я Загоскина, „какъ понравился тебѣ Гоголь?“—„Ахъ, какой милый!“—закричалъ Загоскинъ, „милый, скромный, да какой, братецъ, умница“! и пр. и пр.; а Гоголь ничего не сказалъ, кромѣ самыхъ обиходныхъ, пошлыхъ словъ.

Въ этотъ проѣздъ Гоголя изъ Полтавы въ Петербургъ, наше знакомство не сдѣлалось близкимъ. Не помню черезъ сколько времени, Гоголь опять былъ въ Москвѣ проѣздомъ на самое короткое время; былъ у насъ и опять попросилъ

Digitized by Google

меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ Загоскину, на что̀ я охотно согласился. Мы были у Загоскина также поутру; онъ попрежнему принялъ Гоголя очень радушно и любезничалъ посвоему; а Гоголь держалъ себя также по своему, т. е. говорилъ о совершенныхъ пустякахъ и ни слова о литературѣ, хотя хозяинъ заговаривалъ о ней не одинъ разъ. Замѣчательнаго ничего не происходило, кромѣ того, что Загоскинъ, показывая Гоголю свои раскидныя кресла, такъ прищемилъ мнѣ обѣ руки пружинами, что я закричалъ; а Загоскинъ оторопѣлъ и не вдругъ освободилъ меня изъ моего тяжкаго положенія, въ которомъ я былъ похожъ на растянутаго для пытки человѣка. Отъ этой потѣхи руки у меня долго болѣли. Гоголь даже не улыбнулся, но впослѣдствіи часто вспоминалъ этотъ случай, и, не смѣясь самъ, такъ мастерски его разсказывалъ, что заставлялъ всѣхъ хохотать до слезъ. Вообще въ его штукахъ было очень много оригинальныхъ пріемовъ, выраженій, складу и особеннаго юмора, который составляетъ исключительную собственность малороссовъ; передать ихъ невозможно. Впослѣдствіи, безчисленными опытами убѣдился я, что повтореніе гоголевыхъ словъ, отъ которыхъ слушатели валялись со смѣху, когда онъ самъ ихъ произносилъ, не производило ни малѣйшаго эффекта, когда говорилъ ихъ я или кто-нибудь другой“.

Мы позволили себѣ эту длинную выписку, такъ какъ по нашему мнѣнію, прочитанная вслѣдъ за предыдущею, она можетъ весьма наглядно и рельефно охарактеризовать какъ выработанные Гоголемъ въ сравнительно небольшой срокъ пріемы въ сношеніяхъ съ людьми, такъ и очертить перемѣну, происшедшую въ его настроеніи и обусловленную развивавшейся въ немъ самоувѣренной притязательностью. Сообщенія Аксакова для насъ являются тѣмъ болѣе драгоцѣнными, что природная правдивость не позволяла ему давать своимъ наблюденіямъ произвольную окраску и онъ точно передавалъ даже то, что̀ казалось ему ошибочнымъ въ впечатлѣніяхъ другихъ, но что̀ было въ сущности вѣрно.

Въ виду этого приведемъ изъ его воспоминаній еще небольшой, но весьма любопытный и важный отрывокъ.

„И въ этотъ пріѣздъ[1]) знакомство наше съ Гоголемъ не по-

[1]) О которомъ шла рѣчь выше.

Digitized by Google

двинулось впередъ; но, кажется, онъ познакомился съ Ольгой Семеновной и съ Вѣрой [1]). Въ 1834 году, мы жили на Сѣнномъ рынкѣ, въ домѣ Штюрмера [2]). Гоголь между тѣмъ успѣлъ уже выдать „Миргородъ“ и „Арабески“. Великій талантъ его оказался въ полной силѣ. Свѣжи, прелестны, благоуханны, художественны были разсказы въ „Диканькѣ“; но въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“, въ „Тарасѣ Бульбѣ“ уже являлся великій художникъ съ глубокимъ и важнымъ значеніемъ. Мы съ Константиномъ, моя семья и всѣ люди, способные чувствовать искусство, были въ полномъ восторгѣ отъ Гоголя. Надобно сказать правду, что, кромѣ присяжныхъ любителей литературы во всѣхъ слояхъ общества, молодые люди лучше и скорѣе оцѣнили Гоголя. Московскіе студенты всѣ пришли отъ него въ восхищеніе первые и распространили въ Москвѣ громкую молву о новомъ великомъ талантѣ.

Въ одинъ вечеръ сидѣли мы въ ложѣ Большого театра, вдругъ растворилась дверь, вошелъ Гоголь и съ веселымъ дружескимъ видомъ, какого мы никогда не видали, протянулъ мнѣ руку съ словами: „Здравствуйте!“ Нечего говорить, какъ мы были изумлены и обрадованы. Константинъ, едва ли не болѣе всѣхъ понимавшій значеніе Гоголя, забылъ, гдѣ онъ, и громко закричалъ, что̀ обратило вниманіе сосѣднихъ ложъ. Это было во время антракта. Вслѣдъ за Гоголемъ вошелъ къ намъ въ ложу Александръ Павловичъ Ефремовъ, и Константинъ шепнулъ ему на ухо: „Знаешь ли, кто у насъ? Это Гоголь“. Ефремовъ, выпуча глаза также отъ изумленія и радости, побѣжалъ въ кресла и сообщилъ эту новость покойному Станкевичу и еще кому-то изъ нашихъ знакомыхъ. Въ одну минуту нѣсколько трубочекъ и биноклей обратились на нашу ложу, и слова: „Гоголь! Гоголь!“ разнеслись по креслamъ. Не знаю, замѣтилъ ли онъ это движеніе, только, сказавъ нѣсколько словъ, что онъ опять въ Москвѣ на короткое время, Гоголь уѣхалъ.

Не смотря на краткость свиданія, мы всѣ замѣтили, что въ отношеніи къ намъ Гоголь совершенно сдѣлался другимъ

---

[1]) Женой и дочерью Аксакова.

[2]) Опредѣляя годъ по квартирѣ, Аксаковъ здѣсь, очевидно, впалъ въ небольшую ошибку, ибо Гоголь проѣзжалъ черезъ Москву вторично въ 1835 г. Это же ясно и изъ слѣдующихъ словъ самого Аксакова, гдѣ рѣчь идетъ о выходѣ „Арабесокъ“ и „Миргорода“.

Digitized by Google

человѣкомъ [1]), между тѣмъ какъ не было никакихъ причинъ, которыя во время его отсутствія могли бы насъ сблизить. Самый приходъ его въ ложу показывалъ уже увѣренность, что мы ему обрадуемся. Мы радовались и удивлялись такой перемѣнѣ. Впослѣдствіи, изъ разговоровъ съ Погодинымъ, я заключилъ (то же думаю и теперь), что его разсказы объ насъ, о нашемъ высокомъ мнѣніи о талантѣ Гоголя, о нашей горячей любви къ его произведеніямъ произвели это обращеніе. Послѣ такихъ разговоровъ съ Погодинымъ, Гоголь немедленно поѣхалъ къ намъ, не засталъ насъ дома, узналъ, что мы въ театрѣ, и явился въ нашу ложу.

Гоголь везъ съ собою въ Петербургъ комедію, всѣмъ извѣстную теперь подъ именемъ „Женитьба“; тогда называлась она „Женихи“. Онъ самъ вызвался прочесть ее вслухъ въ домѣ у Погодина для всѣхъ знакомыхъ хозяина. Погодинъ воспользовался этимъ позволеніемъ и назвалъ столько гостей, что довольно большая комната была буквально набита битком. И какая досада, я захворалъ и не могъ слышать этого чуднаго, единственнаго чтенія. Къ тому же это случилось въ субботу, въ мой день, а мои гости не были приглашены на чтеніе къ Погодину. Разумѣется, Константинъ мой былъ тамъ. Гоголь до того мастерски читалъ или, лучше сказать, игралъ свою пьесу, что многіе, понимающіе это дѣло люди до сихъ поръ говорятъ, что на сценѣ, не смотря на хорошую игру актеровъ, особенно господина Садовскаго въ роли Подколесина, эта комедія не такъ полна, цѣльна и далеко не такъ смѣшна, какъ въ чтеніи самого автора. Я совершенно раздѣляю это мнѣніе, потому что впослѣдствіи хорошо узналъ неподражаемое искусство Гоголя въ чтеніи всего комическаго. Слушатели до того смѣялись, что нѣкоторымъ сдѣлалось почти дурно; но увы, комедія не была понята! Большая часть говорили, что піеса неестественный фарсъ, но что Гоголь ужасно смѣшно читаетъ.

Гоголь сожалѣлъ, что меня не было у Погодина; назначилъ день, въ который хотѣлъ пріѣхать къ намъ обѣдать и прочесть комедію мнѣ и всему моему семейству. Въ назна-

[1]) Сдѣлался ли? Не вѣрнѣе ли сказать, что Гоголь, узнавъ о горячемъ и искреннемъ къ себѣ расположеніи всего семейства Аксаковыхъ, до извѣстной степени перемѣнился въ отношеніи къ нимъ и сталъ, такъ сказать, обращаться къ нимъ другими, лучшими сторонами своей духовной природы.

Digitized by Google

ченный день я пригласилъ къ себѣ именно тѣхъ гостей, которымъ не удалось слышать комедію Гоголя. Между прочими гостями были Станкевичъ и Бѣлинскій. Гоголь очень опоздалъ къ обѣду, что̀ впослѣдствіи нерѣдко съ нимъ случалось. Мнѣ было досадно, что гости мои такъ долго голодали, и въ 5 часовъ я велѣлъ подавать кушать; но въ самое это время увидѣли мы Гоголя, который шелъ пѣшкомъ черезъ всю Сѣнную площадь къ нашему дому. Но увы, ожиданія наши не сбылись: Гоголь сказалъ, что никакъ не можетъ сегодня прочесть намъ комедію, а потому и не принесъ ея съ собой [1]). Все это мнѣ было непріятно и, вѣроятно, вслѣдствіе того, и въ этотъ пріѣздъ Гоголя въ Москву не послѣдовало такого сближенія между нами, какого я желалъ, а въ послѣднее время и надѣялся. Я видѣлся съ нимъ еще одинъ разъ поутру у Погодина на самое короткое время и узналъ, что Гоголь на другой день ѣдетъ въ Петербургъ“ [2]).

Приведенные разсказы, какъ намъ кажется, живо рисуютъ Гоголя въ занимающій насъ промежутокъ времени, и на основаніи ихъ можно представить себѣ до извѣстной степени про-

---

[1]) Дѣло было, вѣроятно, такъ: увидавъ мало знакомыхъ ему людей, Гоголь, по обыкновенію, *не захотѣлъ* читать комедію. По крайней мѣрѣ въ подобныхъ случаяхъ такъ всегда бывало. Но это любопытно, потому что здѣсь мы узнаемъ и позднѣйшаго Гоголя, такъ что этотъ разсказъ объясняетъ намъ отчасти постепенные переходы Гоголя изъ одного фазиса его нравственнаго развитія въ другой.

[2]) Въ этихъ разсказахъ заслуживаетъ вниманія между прочимъ одна черта, одинаково отмѣченная въ Гоголѣ какъ С. Т. Аксаковымъ, такъ и П. В. Анненковымъ,—именно его необыкновенное умѣніе быстро постигать характеръ людей, съ которыми его сталкивала судьба. Говоря о Гоголѣ того же самаго періода, П. В. Анненковъ характеризуетъ его такъ: „Необыкновенная житейская опытность, пріобрѣтенная размышленіями о людяхъ, выказывалась на каждомъ шагу. Онъ исчерпывалъ людей такъ свободно и легко, какъ другіе живутъ съ ними“ [1]). Способность эта съ годами все больше росла и укрѣплялась; такъ о Гоголѣ въ болѣе поздніе годы Анненковъ замѣчаетъ, что „онъ могъ *брать*, что̀ ему нужно было, или, что̀ стоило этого, полной рукой, не давая самъ ничего. Притомъ ему видимо хотѣлось исчерпать человѣка вдругъ, чтобъ избавиться отъ скуки возвращаться къ нему нѣсколько разъ. Наслажденіе способностью читать въ душѣ и понимать самого человѣка, по поводу того, что̀ онъ говоритъ, способностью, которой онъ, какъ всѣ геніальные люди, обладалъ въ высшей степени, также находило здѣсь матеріалъ“ [2]).

---

[1]) „Воспоминанія и критическіе очерки“ Анненкова, т. I, стр. 181.

[2]) Тамъ же, стр. 175.

Digitized by Google

исходившія въ немъ перемѣны; но, повторяемъ, по нимъ можно составлять лишь приблизительныя сужденія, получающія нѣкоторое значеніе лишь въ связи съ цѣлымъ рядомъ иныхъ данныхъ, указанныхъ выше.

Такимъ образомъ, подробное изученіе обстоятельствъ жизни Гоголя въ 1832—1835 годахъ приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Съ внѣшней стороны главной отличительной чертой, характеризующей Гоголя въ это время, какъ и въ предшествующіе два года, было стремленіе проложить себѣ дорогу, составить карьеру. Заботы объ этомъ, какъ мы видѣли, простирались у него слишкомъ далеко, доходя, наконецъ, до претензій на университетскую каѳедру, для которой онъ не былъ вовсе подготовленъ. Но, съ другой стороны, онъ перенесъ много толчковъ, неудачъ, разочарованій, познакомился ближе съ житейской пошлостью и пустотой, и его міросозерцаніе утратило совершенно тотъ юношескій оптимизмъ, который такъ силенъ былъ въ немъ передъ первымъ пріѣздомъ въ столицу и отчасти въ первые годы жизни въ ней.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ творчествѣ Гоголя замѣчается нѣкоторый переворотъ: онъ былъ уже гораздо менѣе склоненъ къ энтузіазму и къ созданію идеальныхъ поэтическихъ образовъ, нежели къ изображенію смѣшныхъ и пошлыхъ сторонъ жизни. Наконецъ, какъ онъ самъ говоритъ въ „Авторской Исповѣди“, онъ увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ своихъ смѣется даромъ, и убѣдился, что „если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что̀ дѣйствительно достойно осмѣянія всеобщаго“. Это сознаніе созрѣло у него постепенно, отчасти подъ вліяніемъ Пушкина, склонявшаго его къ избранію болѣе крупныхъ сюжетовъ, созрѣло въ серединѣ тридцатыхъ годовъ и, наконецъ, повело его по новой дорогѣ, внушивъ ему стремленіе къ раскрытію и обличенію глубокихъ общественныхъ язвъ.

Съ этой поры открывается самый блестящій періодъ литературной дѣятельности Гоголя такими крупными произведеніями, какъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“.

Digitized by Google

Н. В. ГОГОЛЬ,

КАКЪ ИСТОРИКЪ И ПЕДАГОГЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГОГОЛЯ.

Предполагая разсмотрѣть въ слѣдующихъ главахъ педагогическіе взгляды Гоголя, мы считаемъ необходимымъ дать въ нихъ отчетъ въ томъ, какое вообще могутъ имѣть значеніе для насъ эти взгляды, затѣмъ выяснить, въ чемъ они заключаются и, наконецъ, остановиться на вопросѣ, въ какихъ произведеніяхъ Гоголя мы можемъ также искать ихъ отраженіе. Прежде всего, конечно, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что мы смотримъ на Гоголя отнюдь не какъ на педагога, и, разбирая его педагогическія мнѣнія, интересуемся ими, кромѣ собственно біографическихъ соображеній, больше какъ взглядами человѣка необыкновеннаго, какъ подобнымъ образомъ безспорный интересъ можетъ быть признанъ и за педагогическими мнѣніями Пушкина и другихъ писателей, хотя это были мнѣнія людей, въ сущности далеко не посвятившихъ себя педагогическимъ трудамъ и не имѣвшихъ даже истинныхъ побужденій заняться серьезно этимъ дѣломъ.

Такимъ представляется дѣло съ перваго взгляда.

Въ самомъ дѣлѣ, хорошо извѣстно, что Гоголь или Пушкинъ не были педагогами, подобно тому, какъ мы могли бы, напримѣръ, съ большимъ правомъ признать педагогомъ Жуковскаго [1]).

---

[1]) Говоря это, мы имѣемъ въ виду не только извѣстные уроки Жуковскаго племянницамъ въ Мишенскомъ и его славную педагогическую дѣятельность при дворѣ сначала въ качествѣ учителя великой княгини Александры Ѳедоровны, а потомъ воспитателя наслѣдника Александра Николаевича, но, кромѣ того, особенно его врожденную страсть учить и воспитывать дѣтей, при чемъ Жуковскій

Digitized by Google

Гоголь, правда, состоялъ короткое время преподавателемъ, а потомъ и профессоромъ исторіи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга; но несомнѣнно, что онъ совершенно случайно попалъ на эту дорогу, и скоро оставилъ ее навсегда съ глубокимъ убѣжденіемъ, что взялся не за свое дѣло и что никогда не имѣлъ ни малѣйшаго призванія къ педагогическимъ занятіямъ. Пушкинъ же напр. никогда и не вступалъ на это поприще, и только однажды, безъ всякой подготовки, совершенно неожиданно и случайно, по требованію императорской власти, долженъ былъ высказать свои взгляды на народное воспитаніе, оговорившись однако, что онъ „самъ по себѣ никогда бы не осмѣлился представить столь недостаточныя замѣчанія о предметѣ столь важномъ, какъ народное воспитаніе“.

Но съ другой стороны, не можетъ подлежать сомнѣнію, что такіе первоклассные писатели обладали замѣчательнымъ талантомъ искусно и правдиво воспроизводить въ своихъ безсмертныхъ созданіяхъ дѣйствительную жизнь, и что ихъ сочиненія даютъ намъ неоцѣнимое удобство обозрѣвать представленнымъ въ одной яркой и стройной картинѣ все то, что въ обыкновенной жизни является въ глазахъ заурядныхъ наблюдателей разрозненнымъ, недостаточно характернымъ, и что часто не только не поддается точному анализу, но бываетъ даже трудно уловимо, благодаря затемненію сущности дѣла множествомъ пустыхъ и ненужныхъ мелочей. Въ этомъ случаѣ великіе художники служатъ намъ естественными и вполнѣ надежными руководителями при странствованіи среди этого лабиринта спутывающихъ и развлекающихъ наше вниманіе во всѣ стороны подробностей. Но кромѣ того, ихъ взгляды, какъ людей съ необыкновеннымъ умомъ и замѣчательной проницательностью, какъ сказано, въ высшей степени знаменательны и интересны сами по себѣ. Впрочемъ, хотя мы наблюдаемъ жизнь въ ихъ произведеніяхъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она отразилась въ ихъ сознаніи и затѣмъ была переработана ихъ творческой фантазіей, — какъ бы ни были любопытны и ярки непосредственно высказанныя ими

никогда не слѣдовалъ рутинѣ, но всегда разработывалъ педагогическіе пріемы самостоятельно. Мы имѣли честь лично знать одного изъ бывшихъ питомцевъ Жуковскаго, А. П. Петерсона, жившаго въ Москвѣ и ясно припоминавшаго ту пору, когда Жуковскій задавалъ ему, ребенку лѣтъ девяти, сочиненія на темы: описать соху, домъ, мельницу, и пр.

Digitized by Google

личныя мнѣнія, послѣднія все-таки далеко не должны имѣть въ нашихъ глазахъ того безусловно великаго авторитета, который неотъемлемо принадлежитъ ихъ поэтическому ясновидѣнію.

Въ виду этого мы признаемъ въ принципѣ художественное изображеніе встрѣчающихся въ произведеніяхъ нашего писателя типовъ учителей и гувернеровъ и сдѣланныя нашимъ писателемъ характеристики системъ и результатовъ воспитанія въ сущности не менѣе важными, нежели непосредственно высказываемые имъ взгляды о тѣхъ же предметахъ, помня, что теоретическія воззрѣнія художниковъ слóва бóльшею частью остаются далеко позади ихъ творческаго откровенія. Но, къ сожалѣнію, въ настоящемъ случаѣ, благодаря недостаточной полнотѣ изображенія въ произведеніяхъ Гоголя (а также и Пушкина и другихъ) вполнѣ законченныхъ и ярко обрисованныхъ типовъ воспитателей, мы не можемъ рѣшиться долго останавливаться на нихъ и придавать исключительное значеніе тѣмъ немногимъ типамъ, которые съ обычнымъ мастерствомъ очерчены въ ихъ произведеніяхъ нѣсколькими мѣткими штрихами. Поэтому главное содержаніе нашего очерка, по необходимости, составитъ все-таки преимущественно обзоръ *теоретическихъ* взглядовъ на воспитаніе одного изъ величайшихъ представителей нашей литературы, а для болѣе отчетливаго представленія о томъ, какъ въ произведеніяхъ Гоголя отразился взглядъ на современную ему практическую педагогію, въ виду крайне отрывочнаго матеріала, извлекаемаго изъ нихъ, мы позволимъ себѣ мѣстами обращаться за сравненіями и справками къ соотвѣтствующему матеріалу въ произведеніяхъ другого величайшаго свѣтила нашей литературы—Пушкина.

Digitized by Google

ВЗГЛЯДЫ ГОГОЛЯ НА ПРЕПОДАВАНІЕ ИСТОРІИ И ГЕОГРАФІИ ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ, останавливающихъ на себѣ наше вниманіе въ настоящемъ случаѣ, является вопросъ о томъ, насколько полно выразились педагогическіе взгляды Гоголя въ его статьяхъ. Такъ какъ статьи эти отнюдь не были плодомъ какого-нибудь систематическаго труда, то, намъ кажется, ошибочно было бы придавать имъ значеніе стройнаго свода мнѣній Гоголя о педагогическихъ вопросахъ. Когда Гоголь брался за перо для печатнаго обсужденія этихъ вопросовъ, то это вызывалось болѣе или менѣе случайными причинами или — самое бо́льшее—непродолжительной вспышкой увлеченія, но едва ли обусловливалось настоятельной потребностью подѣлиться съ товарищами по профессіи запасомъ своего педагогическаго опыта. На такое предположеніе наводитъ его статья „Мысли о преподаваніи географіи“, написанная гораздо раньше, нежели Гоголь болѣе или менѣе серьезно принялся за педагогическую дѣятельность,—судя по крайней мѣрѣ по тому, что подъ статьей авторомъ выставленъ 1829 г. Если эта дата вѣрна, то несомнѣнно, что статья носила въ значительной степени апріорный характеръ, какъ, быть можетъ, и другія подобныя статьи. Поэтому принимать ихъ въ соображеніе при обсужденіи педагогическихъ взглядовъ Гоголя можно только въ условномъ значеніи и съ существенными оговорками.

Переходя къ изложенію непосредственно выраженныхъ Гоголемъ мнѣній въ педагогическихъ статьяхъ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о характерѣ полученнаго имъ самимъ

Digitized by Google

образованія въ гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, потому что, какъ послѣ увидимъ, послѣднее имѣло близкое отношеніе къ выработаннымъ имъ впослѣдствіи педагогическимъ взглядамъ.

Оцѣнивая результаты гимназическаго воспитанія Гоголя въ своей статьѣ „Гимназія Высшихъ Наукъ", проф. Лавровскій замѣчаетъ: „Даже независимо отъ учебныхъ занятій въ тѣсномъ смыслѣ, нельзя утверждать, что семь лѣтъ, проведенныхъ въ гимназіи Гоголемъ, были потеряннымъ временемъ: сообщество товарищей, непрерывный обмѣнъ мыслей и чувствъ, удовлетвореніе возникавшимъ литературнымъ наклонностямъ, товарищеская оцѣнка его первыхъ литературныхъ опытовъ,—все это питало, возбуждало и укрѣпляло дарованія Гоголя и приготовляло ихъ къ послѣдующему блестящему выраженію безъ вѣдома самого обладателя дарованій" (Статья „Гимназія Высшихъ Наукъ" Н. А. Лавровскаго въ „Извѣстіяхъ Историко-Филологическаго Института въ Нѣжинѣ", № 3, 1879 г., 156 стр.). Взглядъ этотъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ основаніе; онъ раздѣляется, очевидно, и г. Кояловичемъ въ его очеркѣ „Дѣтство и юность Гоголя" (см. „Московскій Сборникъ", 1887 г., 202 — 271). Несомнѣнно, что собственно въ учебныхъ предметахъ Гоголь сдѣлалъ въ школѣ во всякомъ случаѣ мало основательныхъ успѣховъ и вышелъ изъ лицея съ самымъ ограниченнымъ запасомъ знаній. Онъ мало воспользовался даже тѣмъ, что̀ давала тогдашняя школа, и, какъ видно изъ цитированной нами прекрасной статьи г. Лавровскаго, гдѣ собраны изъ архивовъ всѣ относящіяся къ Гоголю оффиціальныя свѣдѣнія, былъ довольно дружно аттестуемъ скромными отмѣтками за успѣхи и прилежаніе почти за все время ученія, и уже только на выпускномъ испытаніи, благодаря напряженному труду во время приготовленій, получилъ хорошія отмѣтки. Но если правильныхъ, систематическихъ занятій у него было недостаточно, то съ другой стороны богатое воображеніе Гоголя тотчасъ облекало всѣ разрозненныя, схватываемыя имъ на лету познанія въ яркія, живыя представленія. Онъ могъ знать очень немного, но то, что̀ онъ узналъ, рисовалось ему въ характерныхъ своихъ признакахъ, что̀ особенно слѣдуетъ сказать объ исторіи, которая, по словамъ его покойнаго школьнаго товарища и

Digitized by Google

друга А. С. Данилевскаго, была въ лицеѣ любимымъ его предметомъ, не смотря на получаемыя имъ и по этому предмету среднія отмѣтки и, конечно, на такое же поверхностное отношеніе къ ней Гоголя, какъ и ко всѣмъ другимъ наукамъ. Свое мнѣніе о предпочтительномъ интересѣ Гоголя къ исторіи мы основываемъ, между прочимъ, и на замѣткахъ Гоголя о преподаваніи географіи и исторіи въ „Арабескахъ".

Надо замѣтить, что уже въ первыхъ своихъ педагогическихъ статьяхъ Гоголь является оригинальнымъ и самостоятельнымъ; онъ говоритъ то, что̀ было, очевидно, не разъ предметомъ еще юношескихъ его размышленій, а что эти размышленія при всей своей отрывочности были не вовсе мимолетныя, доказывается тѣмъ фактомъ, что онъ возвращается къ нимъ не разъ и пытается примѣнить ихъ на практикѣ въ своей дѣятельности. О чемъ бы ни говорилъ Гоголь въ статьяхъ, посвященныхъ исторіи, изъ каждой строки видно, что онъ не былъ созданъ для точныхъ научныхъ изслѣдованій, но представлялъ себѣ въ конкретныхъ, мѣтко схваченныхъ образахъ то, что̀ составляетъ въ ней самаго существеннаго. Мысли, высказанныя имъ въ статьѣ о преподаваніи исторіи, очевидно, представляютъ дальнѣйшее развитіе сказаннаго имъ въ 1829 году по поводу преподаванія географіи, и обѣ эти статьи, въ свою очередь, находятся въ несомнѣнной ближайшей связи съ его вступительной университетской лекціей о среднихъ вѣкахъ [1]). Безъ сомнѣнія, иное является въ нихъ и плодомъ нѣкотораго, хотя непродолжительнаго педагогическаго опыта, чтенія и занятій исторіей, и могло постепенно сложиться въ головѣ Гоголя; но зерно этихъ мнѣній несомнѣнно принадлежитъ еще впечатлѣніямъ школьнаго времени. Особенно важенъ для насъ основной взглядъ Гоголя на преподаваніе исторіи, взглядъ, основанный на личномъ опытѣ и

[1]) Ср. общій обзоръ средневѣковой исторіи въ вступительной лекціи Гоголя и въ его статьѣ о преподаваніи всеобщей исторіи (VI столбецъ); о вліяніи мѣстности на характеръ народа въ статьѣ о препод. всеобщ. ист. (III столбецъ) и въ статьѣ „Взглядъ на составленіе Малороссіи" (также III столбецъ въ концѣ); далѣе картину средневѣкового германскаго города въ лекціи о среднихъ вѣкахъ (Соч. Гог., изд. Н. С. Тихонравова, т. V, стр. 127) и мысль о необходимости давать ученикамъ подобную яркую картину болѣе замѣчательныхъ городовъ въ исторіи въ статьѣ: „Мысли о преподаваніи географіи для дѣтскаго возраста" (V т., стр. 302): „При мысли о какомъ-нибудь германскомъ городѣ, ученикъ долженъ тотчасъ представить себѣ" и проч.

Digitized by Google

сложившійся, какъ и многія убѣжденія Гоголя, не теоретическимъ путемъ, не на основаніи отвлеченныхъ умозрѣній, которыхъ онъ не долюбливалъ по природѣ своей и къ которымъ относился всегда съ крайнимъ предубѣжденіемъ и враждебностью,—но прямо изъ практики. Не даромъ идеальный учитель у Гоголя „большую часть наукъ читалъ безъ всякихъ педантскихъ воззрѣній, которыми любятъ щеголять молодые профессора", а его бездарные преемники „забросали слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ" (т. III, стр. 284 и 286).

Сущность взгляда Гоголя на преподаваніе исторіи состоитъ въ томъ, что „событія и эпохи великія, всемірныя, должны быть означены ярко, сильно, должны выдвигаться на первомъ планѣ со всѣми своими слѣдствіями" и что міръ долженъ быть представленъ въ томъ же колоссальномъ величіи, въ какомъ онъ являлся, проникнутый тѣми же таинственными путями Промысла, которые такъ непостижимо на немъ означались"; наконецъ, что „прежде всего необходимо представить слушателямъ эскизъ всей исторіи человѣчества, въ немногихъ, но сильныхъ словахъ и въ нераздѣльной связи, чтобы они вдругъ обняли все то, о чемъ будутъ слушать". То же говорилъ онъ и о преподаваніи географіи: „Гораздо лучше дать прежде сильную, рѣзкую идею о видѣ земли: для этого сдѣлать всю воду бѣлою, а землю черною" и проч., такъ какъ, „что̀ дѣйствуетъ сильно на воображеніе, то не скоро выйдетъ изъ головы". Но больше всего заботился Гоголь объ изложеніи: „Слогъ профессора долженъ быть увлекательный, огненный"; „каждая лекція профессора непремѣнно должна имѣть цѣлость и казаться оконченною, чтобы въ умѣ слушателей она представлялась стройною поэмой" (т. V, стр. 141, 143, 145, 297). Наконецъ, сущность задачи преподаванія исторіи и географіи намѣчена въ слѣдующихъ словахъ:

1) О преподаваніи исторіи:

„Предметъ всеобщей исторіи великъ: она должна обнять вдругъ и въ полной картинѣ все человѣчество—какимъ образомъ оно изъ своего первоначальнаго, бѣднаго младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и, наконецъ, достигло нынѣшней эпохи".

„Все, что̀ ни является въ исторіи — народы, событія — должны быть непремѣнно живы и какъ бы находиться передъ глазами слушателей или читателей, чтобы каждый народъ,

Digitized by Google

каждое государство сохраняли свой міръ, свои краски, чтобы народъ, со всѣми своими подвигами и вліяніемъ на міръ, проносился ярко, въ такомъ же точно видѣ и костюмѣ, въ какомъ онъ былъ въ минувшія времена" (т. V, стр. 141—142).

3) О преподаваніи географіи:

„Географія такое глубокое море, такъ раздвигаетъ наши самыя дѣйствія, и не смотря на то, что показываетъ границы каждой земли, такъ скрываетъ свои внѣшественныя, что даже для взрослаго представляетъ философически-увлекательный предметъ. Короче, нужно стараться познакомиться сколько можно болѣе съ міромъ, со всѣмъ безчисленнымъ разнообразіемъ, но чтобы это никакъ не обременяло памяти, а представлялось бы свѣтло нарисованной картиной" (стр. 303).

При ближайшемъ ознакомленіи съ педагогическими взглядами Гоголя нетрудно убѣдиться, что, горячо отстаивая живость и цѣльность представленія, считая ихъ краеугольнымъ камнемъ преподаванія, Гоголь является въ одно и то же время и энергичнымъ сторонникомъ нагляднаго способа преподаванія и отъявленнымъ врагомъ незначительныхъ подробностей и кропотливой работы надъ мелкими частностями. Онъ не признаетъ даже пользы черченія географическихъ картъ, потому что «множество мелкихъ подробностей и множество отдѣльныхъ государствъ можетъ только въ головѣ воспитанника уничтожиться одно другимъ"; онъ вооружается и противъ учебниковъ. Напротивъ онъ требуетъ, чтобы дѣло было поставлено такъ, чтобы передъ воспитанникомъ постоянно была развернута карта и чтобы на глобусахъ были сдѣланы барельефы (горельефы)? изъ крѣпкой глины или металла, рѣзко отдѣляющія изображеніе горъ отъ равнинъ и проч. Все должно быть ясно, ярко, отчетливо, такъ чтобы не нужно было даже употреблять напряженныя усилія для усвоенія, но чтобы все существенное неизгладимо само врѣзывалось въ память, и неестественно было бы что-нибудь смѣшать или перепутать. Гоголь совѣтуетъ, напротивъ, всячески избѣгать заучиванья разстояній въ квадратныхъ миляхъ, предлагая лучше „вырѣзывать каждое государство особенно, чтобы оно составляло отдѣльный кусокъ, и, будучи сложено съ другими, составило бы часть міра". Изученіемъ же деталей, напр. мелкихъ мысовъ, онъ совѣтуетъ совершенно пожертвовать.

Во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ Гоголя, несомнѣнно, много спра-

Digitized by Google

ведливаго, здраваго и заслуживающаго даже и теперь нѣкотораго вниманія преподавателей исторіи и географіи. Иныя мнѣнія, можетъ быть, полезно было бы постараться примѣнить на дѣлѣ, даже по прошествіи цѣлой половины столѣтія. Но всего замѣчательнѣе и всего больше заслуживаетъ вниманія и въ настоящее время требованіе Гоголя не ограничиваться общими характеристиками странъ и ихъ произведеній, но передавать воспитанникамъ по возможности живыя представленія даже о городахъ сколько-нибудь выдающихся, объ ихъ особенностяхъ, о замѣчательныхъ зданіяхъ въ нихъ и проч. Такъ „при мысли о какомъ-нибудь германскомъ городкѣ, ученикъ тотчасъ долженъ представить себѣ тѣсныя улицы, небольшіе, узенькіе и высокіе домики, гдѣ все такъ просто, мило, такъ буколически, и рядомъ съ ними угловатые, просѣкающіе остріемъ воздухъ, шпицы церквей. При мысли о Римѣ, гдѣ глухо отозвался весь канувшій въ пучину столѣтій древній міръ, у него должна быть неразлучна съ тѣмъ мысль о зданіяхъ-исполинахъ, которыя, свободно поднявшись отъ земли и опершись на стройные портики и гигантскія колонны, дряхлѣютъ, какъ бы размышляя объ утекшихъ столѣтіяхъ великой своей ности“ (V, 302). При изученіи остальныхъ частей свѣта кром Европы Гоголь настаиваетъ на яркомъ представленіи нравовъ, обычаевъ, флоры, фауны страны и притомъ въ самыхъ характерныхъ чертахъ. При прохожденіи Азіи воспитанникъ долженъ, напримѣръ, представлять себѣ поперемѣнно то вихремъ несущагося по пустынѣ бедуина, то съ поджатыми ногами апатичнаго фаталиста турка, съ глубокомысленно устремленнымъ взглядомъ въ даль курящаго наргиле (здѣсь Гоголь дѣлаетъ небольшую ошибку, смѣшивая турецкій наргиле съ персидскимъ кальяномъ и давая первому наименованіе второго) и проч.

Рѣшительно всѣ эти убѣжденія явились результатомъ неудовлетворенности ума и воображенія еще во время ученія Гоголя въ лицеѣ. Они представляютъ для насъ двойной или даже тройной интересъ: во-первыхъ, мы здѣсь знакомимся съ педагогическими взглядами самого Гоголя, во-вторыхъ— мы чувствуемъ, чего недоставало Гоголю въ школьномъ преподаваніи, почему онъ казался въ школѣ заурядnымъ, мало интересующимся науками мальчикомъ и что могло бы его увлекать въ преподаваніи; мы узнаемъ вполнѣ способъ и ха-

Digitized by Google

рактеръ пріобрѣтенія знаній этимъ геніальнымъ человѣкомъ еще на скамейкѣ лицея, и, наконецъ, въ третьихъ, пожалуй, какъ мы уже говорили, и теперь мы могли бы кое-чему поучиться изъ разобранныхъ нами статей. Но нельзя представить себѣ, чтобы всѣ эти живые образы, касающіеся историческихъ лицъ и событій, которые мы находимъ разсѣянными въ разныхъ мѣстахъ въ „Арабескахъ“ (изъ нихъ намъ лично нравится особенно характеристика крестовыхъ походовъ и изображеніе обстановки алхимика въ лекціи о среднихъ вѣкахъ), возникли исключительно въ тѣ годы, когда Гоголь, уже будучи взрослымъ, готовился занять каѳедру; способъ представленія долженъ былъ у него и въ дѣтствѣ быть такимъ же. Не даромъ его свѣжее, дѣтское воображеніе заставляло его по поводу всякой незначительной встрѣчи во время дороги изъ Нѣжина въ Васильевку „уноситься мысленно“ и въ бѣдную жизнь офицера, „занесеннаго, Богъ вѣсть изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ“ и проч. Эта способность „слышать душу человѣка“, которою такъ гордился Гоголь и на которую впослѣдствіи возлагалъ, можетъ быть, слишкомъ широкія надежды, и проникать умственнымъ взоромъ во все, чего „не зрятъ равнодушныя очи“, была сильно развита еще въ Гоголѣ-ребенкѣ. Его умъ былъ всегда наклоненъ къ синтезу и гораздо слабѣе въ анализѣ.

Всего вѣроятнѣе, Гоголемъ потому и овладѣла временно „страсть къ педагогикѣ“, замѣченная у него Плетневымъ, что, составивъ себѣ, на основаніи живыхъ впечатлѣній, извѣстный идеалъ преподаванія любимыхъ имъ въ школѣ предметовъ, онъ жаждалъ примѣнить его на дѣлѣ; а на вопросъ: почему же ему, увлекавшему современниковъ и потомство своими дивными произведеніями въ книгѣ, не суждено было на каѳедрѣ потрясти живой рѣчью слушателей и такимъ образомъ осуществить на практикѣ занимавшую его идею о картинномъ преподаваніи, — всего естественнѣе, кажется намъ, напомнить его собственныя слова въ „Авторской Исповѣди“: „У меня никогда не было влеченія къ прошедшему. Предметъ мой была современность и жизнь въ ея нынѣшнемъ быту“. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и заставило Гоголя сдѣлаться живописцемъ нравовъ, а не кабинетнымъ ученымъ. Гоголь, конечно, хорошо сознавалъ и трудности педагогиче-

Digitized by Google

ской задачи, но онъ имѣлъ слишкомъ преувеличенное понятіе о собственныхъ силахъ и подготовкѣ. Требуя, чтобы преподаватель не угощалъ своихъ воспитанниковъ горькими пилюлями, а представлялъ имъ дѣло въ самыхъ оригинальныхъ и рѣзкихъ чертахъ, онъ прямо указывалъ и трудности этой задачи: для этого „нуженъ умъ, сильный схватить всѣ незамѣтные для простого глаза оттѣнки, нужно терпѣніе перерыть множество иногда самыхъ неинтересныхъ книгъ“. Но если онъ вполнѣ удовлетворялъ первому требованію, то *совершенно пассовалъ* передъ вторымъ...

Digitized by Google

ПРОФЕССОРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГОГОЛЯ.

Полнѣе всего отразились педагогическіе взгляды Гоголя на лекціи о среднихъ вѣкахъ, по которой мы можемъ судить, насколько удавалось ему, даже въ самыхъ блестящихъ своихъ чтеніяхъ, удовлетворять своему собственному и общему педагогическому идеалу.

Вотъ какой высказываетъ онъ взглядъ на исторію среднихъ вѣковъ.

„Страшная, необыкновенная сложность средневѣковой исторіи съ перваго раза не можетъ не показаться чѣмъ-то хаоснымъ; но разсматривайте внимательнѣе и глубже, и вы найдете и связь, и цѣль, и направленіе. Я, однако же, не отрицаю, что, для самаго умѣнія найти все это, нужно быть одарену тѣмъ чутьемъ, которымъ обладаютъ немногіе историки. Этимъ немногимъ предоставленъ завидный даръ увидѣть и представить все въ изумительной ясности и стройности. Послѣ ихъ волшебнаго прикосновенія происшествіе оживляется и пріобрѣтаетъ свою собственность, свою занимательность; безъ нихъ оно долго представляется для всякаго сухимъ и безсмысленнымъ". (Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 120).

И самая лекція Гоголя представляетъ попытку и наглядный примѣръ примѣненія этого взгляда на практикѣ. Лекція эта вышла, какъ извѣстно, превосходною — не въ примѣръ прочимъ, и, очевидно, потому, что несравненно легче намѣтить себѣ цѣль, чѣмъ выполнить ее, гораздо легче дать въ образной формѣ общую характеристику цѣлой средневѣковой исторіи, особенно при такихъ могущественныхъ пособіяхъ, какъ картинное представленіе событій и блестящая роскошь

Digitized by Google

языка, поражающаго сильными и яркими метафорами и богатыми, мѣткими сравненіями,—нежели провести послѣдовательно,—а особенно при ограниченномъ, если не скудномъ запасѣ фактовъ,—черезъ весь курсъ эту систему и этотъ пріемъ и счастливо соединить суровыя требованія науки съ пламенными порывами поэтическаго воодушевленія.

Такъ, говоря о великомъ, безпримѣрномъ значеніи папской власти въ средніе вѣка, Гоголь щеголяетъ блестящимъ, но слишкомъ растянутымъ и довольно искусственнымъ періодомъ. „Не стану говорить о злоупотребленіи и о тяжести оковъ духовнаго деспота“, восклицаетъ онъ, становясь въ позу оратора. „Проникнувъ болѣе въ это великое событіе, увидимъ изумительную мудрость Провидѣнія: не схвати эта всемогущая власть всего въ свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанію народы,—и Европа разсыпалась бы, связи бы не было; нѣкоторыя государства поднялись бы, можетъ быть, вдругъ и вдругъ бы развратились; другія сохранили бы дикость свою на гибель сосѣдямъ; образованіе и духъ народный разлились бы неровно: въ одномъ уголкѣ выказывалось бы образованіе, въ другомъ бы чернѣлъ мракъ варварства; Европа не устоялась бы, не сохранила бы того равновѣсія, которое такъ удивительно ее содержитъ; она бы долѣе была въ хаосѣ, она бы не слилась, желѣзною силою энтузіазма, въ одну стѣну, устранившую своею крѣпостью восточныхъ завоевателей и, можетъ быть, безъ этого великаго явленія, Европа уступила бы ихъ напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы надъ нею вмѣсто креста“ (т. V, стр. 121—122).

Изъ этой длинной выписки мы можемъ ясно видѣть главнѣйшія особенности Гоголя, какъ педагога, не только какъ теоретика, но и на практикѣ.

При самомъ бѣгломъ чтеніи этого періода уже чувствуется въ Гоголѣ преобладаніе жилки оратора надъ строгой основательностью ученаго. Кромѣ того, поражаясь самъ преимущественно живыми и характерными сторонами каждаго факта, онъ, въ свою очередь, стремился дѣйствовать исключительно на тѣ же душевныя струны своихъ слушателей, забывая, во-первыхъ, уже то, что онъ обязанъ былъ соображаться съ самыми разнообразными способностями и натурами и кромѣ того еще съ ясными требованіями науки; онъ невольно, стараясь дѣйствовать на другихъ, бралъ за единицу сравненія

Digitized by Google

себя и оказывался слишкомъ субъективенъ: первая важная ошибка его изложенія въ педагогическомъ отношеніи. Другая ошибка заключалась въ ложномъ стремленіи, пренебрегая экономіей душевныхъ силъ студентовъ и дѣйствіемъ на ихъ умъ, высказаться передъ ними сразу, поразить и ошеломить ихъ воображеніе грандіознымъ представленіемъ развертывающейся передъ ними волшебной картины, ослѣпить ихъ пышнымъ фейерверкомъ образовъ и отборныхъ выраженій. Здѣсь въ лицѣ Гоголя профессоръ переходилъ за черту ученаго изложенія и становился актеромъ, разсчитывающимъ на дѣйствіе эффектовъ. Наконецъ третій и также существенный недостатокъ лекціи Гоголя заключался въ исключительномъ устремленіи вниманія слушателей на внѣшнюю сторону дѣла и въ непропорціональномъ перевѣсѣ синтеза надъ анализомъ. Все это, конечно, находится въ связи съ погонею за эффектами. Но зато сколько искренняго, горячаго, молодого увлеченія слышно въ той части лекціи, гдѣ рѣчь касается крестовыхъ походовъ; это, такъ сказать, кульминаціонный пунктъ всей лекціи. Какая плавность изложенія, какое богатство мыслей и образовъ, какіе изящные и свободные переходы отъ одной характеристики къ другой, не сосредоточивающіе, правда, долго мысли на одномъ и томъ же предметѣ, но поддерживающіе и воспламеняющіе въ слушателяхъ чувство,—все это составляетъ блестящую, по истинѣ художественную сторону изложенія, и потому неудивительно, что лекція, явившись чѣмъ-то совершенно неслыханнымъ и магическимъ въ университетскихъ стѣнахъ, заставила съ нетерпѣніемъ ожидать слѣдующихъ чтеній, которыя оказались, напротивъ, вялыми и безсодержательными. Цѣльность и единство настроенія также относятся къ важнымъ достоинствамъ вступительной лекціи Гоголя и не могли не быть оцѣнены его слушателями.

Вотъ какъ разсказываетъ объ этой лекціи одинъ изъ слушателей Гоголя, г. Иваницкій [1]).

„Гоголь читалъ исторію среднихъ вѣковъ для студентовъ 2-го курса филологическаго отдѣленія. Началъ онъ въ сентябрѣ 1834, а кончилъ въ концѣ 1835 года. На первую лекцію онъ явился въ сопровожденіи инспектора студентовъ. Это

[1]) „Отеч. Записки“, 1853, кн. 2, отд. 7, стр. 120.

Digitized by Google

было въ 2 часа. Гоголь вошелъ въ аудиторію, раскланялся съ нами и, въ ожиданіи ректора, началъ о чемъ-то говорить съ инспекторомъ, стоя у окна. Замѣтно было, что онъ находился въ тревожномъ состояніи духа: вертѣлъ въ рукахъ шляпу, мялъ перчатку и какъ-то недовѣрчиво посматривалъ на насъ. Наконецъ подошелъ къ каѳедрѣ и, обратясь къ намъ, началъ объяснять, о чемъ намѣренъ онъ читать сегодня лекцію. Въ продолженіе этой коротенькой рѣчи, онъ постепенно всходилъ по ступенямъ каѳедры: сперва всталъ на первую ступеньку, потомъ на вторую, потомъ на третью. Ясно, что онъ не довѣрялъ самъ себѣ и хотѣлъ сначала попробовать, какъ-то онъ будетъ читать? Мнѣ кажется, однакожъ, что волненіе его происходило не отъ недостатка присутствія духа, а просто отъ слабости нервовъ, потому что въ то время, какъ лицо его непріятно блѣднѣло и принимало болѣзненное выраженіе, мысль, высказываемая имъ, развивалась совершенно логически и въ самыхъ блестящихъ формахъ. Къ концу рѣчи Гоголь стоялъ уже на самой верхней ступенькѣ каѳедры и замѣтно одушевился. Вотъ въ эту-то минуту ему и начать бы лекцію, но вдругъ вошелъ ректоръ... Гоголь долженъ былъ оставить на минуту свой постъ, который занялъ такъ ловко, и даже, можно сказать, незамѣтно для самого себя. Ректоръ сказалъ ему нѣсколько привѣтствій, поздоровался со студентами и занялъ приготовленное для него кресло. Настала совершенная тишина. Гоголь опять впалъ въ прежнее тревожное состояніе: опять лицо его поблѣднѣло и приняло болѣзненное выраженіе. Но медлить ужъ было нельзя: онъ взошелъ на каѳедру и лекція началась...

Не знаю, прошло ли и пять минутъ, какъ ужъ Гоголь овладѣлъ совершенно вниманіемъ слушателей. Невозможно было спокойно слѣдить за его мыслью, которая летѣла и преломлялась, какъ молнія, освѣщая безпрестанно картину за картиной въ этомъ мракѣ средневѣковой исторіи. Впрочемъ, вся эта лекція изъ слова въ слово напечатана въ „Арабескахъ“, кажется, подъ названіемъ: „О характерѣ исторіи среднихъ вѣковъ“. Ясно, что и въ этомъ случаѣ, не довѣряя самъ себѣ, Гоголь выучилъ наизусть предварительно-написанную лекцію, и хотя во время чтенія одушевился и говорилъ совершенно свободно, но ужъ не могъ оторваться отъ затверженныхъ фразъ и потому не прибавилъ къ нимъ ни одного слова.

Digitized by Google

Лекція продолжалась три четверти часа. Когда Гоголь вышелъ изъ аудиторіи, мы окружили его въ сборной залѣ и просили, чтобъ онъ далъ намъ эту лекцію въ рукописи. Гоголь сказалъ, что она у него набросана только вчернѣ, но что со временемъ онъ обработаетъ ее и дастъ намъ; а потомъ прибавилъ: „На первый разъ я старался, господа, показать вамъ только главный характеръ исторіи среднихъ вѣковъ, въ слѣдующій же разъ мы примемся за самые факты и должны будемъ вооружиться для этого анатомическимъ ножомъ".

Приведемъ теперь разсказъ о первой лекціи и вообще объ университетской дѣятельности Гоголя, покойнаго профессора Васильева [1]):

„Для преподаванія исторіи древней и средневѣковой приглашенъ былъ въ 1834 году, съ званіемъ адъюнкта, воспитанникъ Нѣжинскаго лицея, учительствовавшій въ Патріотическомъ институтѣ, Гоголь-Яновскій (Николай Васильевичъ), знаменитый впослѣдствіи авторъ „Мертвыхъ Душъ", тогда же извѣстный лишь по „Вечерамъ на Хуторѣ". Призваніе свое къ историческимъ занятіямъ основывалъ онъ на трехъ статьяхъ, напечатанныхъ имъ, въ томъ же 1834 году, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія": 1) „Планъ преподаванія всеобщей исторіи"; 2) „Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи" и 3) „О малороссійскихъ пѣсняхъ". Но статьи обнаруживали въ авторѣ ихъ художника, а не мыслителя и ученаго; къ тому же Гоголь, по незнанію классическихъ, древнихъ и новыхъ европейскихъ языковъ, не обладалъ даже и средствами пріобрѣсти надлежащую начитанность, а пріемы научные были ему совершенно неизвѣстны. Опытъ годичнаго преподаванія предмета, весьма неудовлетворительный, убѣдилъ его самого, что взялся онъ не за свое дѣло, и въ 1835 году Гоголь оставилъ университетъ. Вступительная лекція его „О среднихъ вѣкахъ" напечатана была въ томъ же году въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія".

Надо сказать, что въ наше время почти всѣ отдѣлы всеобщей исторіи читались такъ несоотвѣтственно самымъ скромнымъ требованіямъ, что трудно было развернуться особому къ ней расположенію даже въ самыхъ способныхъ къ тому натурахъ. 1834 — 1835 годъ, когда Грановскій былъ уже на

[1]) „Русская Бесѣда", 1856, т. III, смѣсь, стр. 24—26.

Digitized by Google

послѣднемъ курсѣ, памятенъ университету въ этомъ отношеніи тѣмъ, что исторію среднихъ вѣковъ читалъ въ немъ знаменитый Н. В. Гоголь. Гоголь въ это время жилъ гувернеромъ въ домѣ А. И. Васильчиковой (?) и такъ же, какъ подъ конецъ жизни, метался, отыскивая себѣ опредѣленное занятіе, положительный кругъ дѣятельности, „должности", какъ выражается онъ въ „Исповѣди". Между прочимъ, пришла ему мысль, что онъ созданъ историкомъ и призванъ къ преподаванію „судебъ человѣчества". Послѣдствіемъ такого предположенія было нѣсколько историческихъ статей, напечатанныхъ въ 1834 г. въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", вступленіе учителемъ въ Патріотическій институтъ, а потомъ и допущеніе его къ чтенію въ Петербургскомъ университетѣ лекцій исторіи среднихъ вѣковъ. Весь университетъ восхищался „Вечерами на Хуторѣ" и съ любопытствомъ ожидалъ появленія на каѳедрѣ пасѣчника Рудаго Панька. На первую лекцію навалили къ нему въ аудиторію всѣ факультеты. Изъ постороннихъ посѣтителей явились и Пушкинъ, и, кажется, Жуковскій. Сконфузился нашъ пасѣчникъ, читалъ плохо и произвелъ весьма невыгодный для себя эффектъ. Этого впечатлѣнія не поправилъ онъ и на слѣдующихъ лекціяхъ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Образованіемъ своимъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ и дальнѣйшими потомъ занятіями Гоголь нисколько не былъ приготовленъ читать университетскія лекціи исторіи; у него не было для этого ни истиннаго призванія, ни достаточной начитанности, ни даже средствъ пріобрѣсти ее, не говоря уже о совершенномъ отсутствіи ученыхъ пріемовъ и соотвѣтственнаго времени взгляда на науку.

Какъ ни плохи были вообще слушатели Гоголя, однако же сразу поняли его несостоятельность. Въ такомъ положеніи оставался ему одинъ исходъ—удивить фразами, заговорить; но это было не въ натурѣ Гоголя, который нисколько не владѣлъ даромъ слова и выражался весьма вяло. Вышло то, что послѣ трехъ-четырехъ лекцій студенты ходили въ аудиторію къ нему только для того ужъ, чтобы позабавиться надъ „маленько-сказочнымъ" языкомъ преподавателя. Гоголь не могъ того не видѣть, самъ тотчасъ же сознался свою неспособность, охладѣлъ къ дѣлу и еле-еле дотянулъ до окончанія учебнаго года, то являясь на лекцію съ повязанной щекою въ свидѣ-

Digitized by Google

тельство зубной боли, то пропуская ихъ за тою же болью. На годичный экзаменъ изъ читаннаго имъ Гоголь также пришелъ съ окутанною косынками головою, предоставилъ экзаменовать слушателей декану и ассистентамъ, а самъ молчалъ все время. Студенты, зная, какъ не твердъ онъ въ своемъ предметѣ, объяснили это молчаніе страхомъ его обнаружить въ чемъ-нибудь свое незнаніе... „Боится, что Шульгинъ“ (въ томъ же или предшествовавшемъ году поступившій въ университетъ на каѳедру новой исторіи) „собьетъ его самого, такъ и притворяется, будто рта разинуть не можетъ“,—говорили насмѣшники, и, нѣтъ сомнѣнія, была доля правды въ словахъ ихъ: самъ еще недавно оставивъ студенческую скамью, сознавшій, какъ непрочно зданіе его исторической мудрости, и робкій или недовѣрчивый по характеру, Гоголь весьма естественно могъ побаиваться прицѣпокъ такой ученой знаменитости, какою былъ тогда Шульгинъ, самимъ „Телеграфомъ“ провозглашаемый за „мыслящаго историка“; и вотъ, чтобы избавиться отъ позора, засѣвши не въ свои сани, незабвенный художникъ нашъ призналъ за безопаснѣйшее притвориться больнымъ. Вслѣдъ затѣмъ экзаменомъ онъ оставилъ университетъ“.

А вотъ воспоминанія о профессорствѣ Гоголя его товарища Чижова: [1])

„Я познакомился съ Гоголемъ тогда, какъ онъ былъ сдѣланъ адъюнктъ-профессоромъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ я тоже былъ адъюнктъ-профессоромъ. Гоголь сошелся съ нами хорошо, какъ съ новыми товарищами; но мы встрѣтили его холодно. Не знаю, какъ кто, но я только по одному: я смотрѣлъ на науку черезчуръ лирически, видѣлъ въ ней высокое, чуть-чуть не священное дѣло, и потому отъ человѣка, бравшагося быть преподавателемъ, требовалъ полнаго и безусловнаго посвященія себя ей. Самъ я занимался сильно, но избралъ для преподаванія искусство, мастерство (начертательную геометрію), не смѣя взяться за науку высшаго анализа, которую мнѣ тогда предлагали. Къ тому же Гоголь тогда, какъ писатель-художникъ, едва показался; мы, большинство, толпа, не обращали еще дѣльнаго вниманія на его „Вечера на Хуторѣ“;

---

[1]) „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 106.

Digitized by Google

наконецъ и самое вступленіе его въ университетъ путемъ окольнымъ отдаляло насъ отъ него, какъ отъ человѣка. По всему этому сношенія съ нимъ у меня были весьма форменны, и то весьма рѣдкія".

Обратимъ вниманіе здѣсь кстати на выраженіе Чижова о томъ, что Гоголь поступилъ въ университетъ „окольнымъ путемъ" и что на это товарищи его смотрѣли неодобрительно. Впрочемъ отзывъ этотъ не совсѣмъ согласенъ съ сообщеніемъ А. С. Никитенка о надменномъ обращеніи и тонѣ Гоголя съ ректоромъ, деканомъ и профессорами [1]).

[1]) См. „Русск. Стар.", 1889, IX, 528.

Digitized by Google

РАЗБОРЪ ЛЕКЦІИ ГОГОЛЯ ОБЪ АЛЬ-МАМУНѢ.

Мы видѣли, что конецъ профессорской дѣятельности нисколько не походилъ на его блестящее начало, на сравнительно эффектную первую лекцію.

Но то была вступительная лекція, на которой присутствовалъ ректоръ университета Плетневъ и къ которой, по вполнѣ понятному обычаю всѣхъ профессоровъ, Гоголь, что̀ называется, приготовился на славу. На эту лекцію слѣдуетъ смотрѣть такимъ образомъ какъ на свѣтлое исключеніе въ ряду тусклыхъ обыденныхъ университетскихъ чтеній Гоголя, какъ на нее дѣйствительно и смотрѣли его слушатели. Другою блестящею лекціей Гоголя былъ напечатанный потомъ въ „Арабескахъ“ очеркъ „Аль-Мамунъ“. Она, какъ извѣстно, прочитана была въ присутствіи Жуковскаго и Пушкина. Недаромъ, конечно, именно эти двѣ показавшіяся слушателямъ увлекательными лекціи появились потомъ въ печати. Очевидно, что Гоголь могъ бы превосходно читать курсъ, если бы ученый багажъ его давалъ ему больше простора. Не онъ одинъ, конечно, посвятилъ вступительной лекціи несоразмѣрно бо̀льшее количество труда сравнительно съ обыкновенными чтеніями; но его лучшія лекціи доказывали только, что *при иныхъ условіяхъ*, т. е. *при лучшей подготовкѣ и при болѣе сильномъ влеченіи къ профессорской дѣятельности*, Гоголь носилъ въ себѣ, такъ сказать, извѣстную возможность быть хорошимъ профессоромъ, — никакъ не болѣе. Вступительная лекція его могла быть эффектнѣе и лучше большинства обыкновенныхъ вступительныхъ чтеній, о чемъ мы и имѣемъ указанное свидѣтельство его слушателя; но для успѣха постоянныхъ занятій со сту-

Digitized by Google

дентами ему нужны были бы, по крайней мѣрѣ, годы упорнаго подготовительнаго труда, недостатокъ котораго дѣлалъ его лекціи безсодержательными, вялыми и скучными. Не удивительно, что Гоголь имѣлъ сравнительно больше успѣха въ Патріотическомъ институтѣ и на частныхъ урокахъ, гдѣ требованія были ограниченнѣе, но для университетской каѳедры онъ былъ совсѣмъ не готовъ и долженъ былъ для спасенія репутаціи прибѣгать къ ходульнымъ эффектамъ. Чтобы понять всю естественность этого явленія, достаточно бросить взглядъ на его лекцію „Аль-Мамунъ“, прочитанную имъ въ университетѣ въ присутствіи Жуковскаго и Пушкина.

Нѣтъ сомнѣнія, что и къ этой лекціи Гоголь готовился не менѣе усердно и тщательно, чѣмъ ко вступительной, и посвятилъ ей особенно много времени, видя въ ней, по выраженію его слушателя Иваницкаго, „поэтическое угощеніе“ двухъ друзей-поэтовъ. Это ясно уже изъ того, что, не зная времени пріѣзда обоихъ друзей-поэтовъ въ университетъ, Гоголь держалъ на готовѣ блестяще обработанную лекцію, которую и прочелъ, когда они пріѣхали, нисколько не заботясь о связи ея съ излагаемымъ курсомъ. По словамъ Иваницкаго, эта лекція была прочтена Гоголемъ, „какъ говорится, *ни съ того, ни съ другого*“ [1]). Тѣмъ не менѣе она произвела сильное и благопріятное впечатлѣніе на слушателей, а Жуковскій и Пушкинъ нашли ее увлекательной. Но если мы присмотримся ближе къ этой казовой лекціи Гоголя, то мы тотчасъ же увидимъ въ ней всѣ отличительныя особенности и въ частности главные недостатки его обычныхъ чтеній, хотя въ данномъ случаѣ недостатковъ было по количеству все-таки, конечно, несравненно меньше, нежели въ его обыденныхъ чтеніяхъ.

Укажемъ прежде несомнѣнное достоинство этой лекціи, заключающееся въ томъ, что въ ней Гоголь даетъ живую и яркую характеристику какъ самого Аль-Мамуна, такъ и всего арабскаго государства во время его правленія. Подобно тому, какъ въ теоріи Гоголь требовалъ отъ профессора блестящаго, живого и увлекательнаго изложенія, такъ онъ въ самомъ дѣлѣ на этотъ разъ осуществилъ свою мысль и на практикѣ. Но надо обратить вниманіе на всю ослѣпительную роскошь не-

1) „Отеч. Записки“, 1853, кн. 2, отд. VII, стр. 120.

Digitized by Google

ожиданныхъ и эффектныхъ сравненій, на обдуманность и изысканную мѣткость каждаго выраженія отдѣльно, наконецъ на пышную обработку всей лекціи до послѣдней степени блеска и лоска и особенно на изящный поэтическій колоритъ, старательно придаваемый Гоголемъ всему чтенію,—чтобы понять, что такого рода успѣхъ могъ быть исключительнымъ, что здѣсь профессоръ, съ необычайной роскошью расточая эффекты и украшенія рѣчи, *истощалъ* все свое умѣнье и талантъ. *Такъ* читать еженедѣльно Гоголь не могъ по недостатку времени для такой же образцовой обработки еженедѣльныхъ лекцій; въ дѣйствительныхъ условіяхъ профессоръ долженъ обладать обширнымъ запасомъ знаній и разнообразіемъ матеріала, на который является чуть не ежедневный спросъ, и не можетъ посвятить всѣ силы одной-двумъ лекціямъ. Соединеніе увлекательнаго краснорѣчія въ томъ духѣ, какъ мы видимъ у Гоголя, и равномѣрной содержательности, и кромѣ того строго выдержанная обработка курса дѣло вовсе не легкое, и оно-то было совершенно не подъ силу нашему писателю. Но и въ самомъ „Аль-Мамунѣ“ встрѣчаются повторенія и такое неумѣренное злоупотребленіе эффектами, которое очень скоро могло бы показаться избитымъ. Стóитъ только обратить вниманіе на слишкомъ частое повтореніе въ „Аль-Мамунѣ“ такихъ словъ и выраженій, какъ, напр., государство музъ, блестящая эпоха, колоссальное воображеніе, огненныя страницы, музыка ученыхъ толкованій и тонкостей, „чудный народъ не шелъ, а летѣлъ къ своему развитію“, и проч. Такіе эпитеты, какъ блестящій, огненный, пламенный, грозный, колоссальный, величественный, возвышенный, чудесный, встрѣчаются у Гоголя въ этой лекціи на каждомъ шагу. Нѣкоторыя такія выраженія повторены въ ней два или нѣсколько разъ, напр., воображеніе арабовъ дважды названо колоссальнымъ, и кромѣ того, мы встрѣчаемъ еще въ третій разъ подобное же выраженіе: „воображеніе араба слишкомъ потопляло тощіе выводы холоднаго ума“; объ энтузіазмѣ арабовъ упоминается нѣсколько разъ, и проч. Однажды прочтенная съ воодушевленіемъ такая лекція, преисполненная, такъ сказать, кричащихъ эффектовъ, при извѣстномъ искусствѣ произнесенія, наконецъ при умѣніи сгладить это нагроможденіе разсыпанныхъ съ излишней расточительностью украшеній, могла быть въ самомъ дѣлѣ увлекательной; но постоянное повтореніе все тѣхъ же

Digitized by Google

громкихъ эпитетовъ и тѣхъ же пріемовъ и красокъ скоро должно было бы уронить лекціи Гоголя во мнѣніи слушателей, тогда какъ онъ надѣялся преимущественно на этомъ внѣшнемъ блескѣ основать успѣхъ своихъ чтеній. Заразить и увлечь своихъ слушателей интересомъ къ предмету и постоянно поддерживать въ нихъ искру воодушевленія онъ могъ бы, пожалуй, напитавшись тѣмъ энтузіазмомъ, о которомъ онъ такъ охотно любитъ упоминать; но именно этого-то энтузіазма у него и быть не могло на самомъ дѣлѣ, потому что его вниманіе раздѣлялось между многими излюбленными предметами и занятіями, изъ которыхъ иныя были гораздо болѣе близки его сердцу, нежели исторія. Наконецъ „исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно; она изображаетъ дѣйствительный міръ“, какъ говоритъ Карамзинъ, и эффекты встрѣчаются въ ней вовсе не въ такой мѣрѣ, чтобы ихъ расточать безъ счета или сыпать ими, какъ изъ рога изобилія, вслѣдствіе чего, для постояннаго успѣха своихъ чтеній въ этомъ родѣ, Гоголю пришлось бы ихъ придумывать и изыскивать при помощи разныхъ натяжекъ. Хорошо, сосредоточивъ всѣ эффекты въ одной и двухъ лекціяхъ, гдѣ къ услугамъ лектора являются пальмы, фонтаны, дворцы, Магометовъ рай и проч., очаровать и поразить слушателей однажды; но наполнять сплошными эффектами всѣ лекціи физически не возможно. Не слѣдуетъ притомъ думать, что Гоголь создавалъ эти лекціи, повинуясь вдохновенію, какъ поэтъ-художникъ; намъ кажется, что такимъ плодомъ поэтическаго его вдохновенія можно считать, напр., отрывокъ „Жизнь“, но никакъ не тѣ университетскія чтенія, надъ которыми онъ работалъ собственно по обязанностямъ профессіи...

Чтобы лучше познакомиться съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ лекціей Гоголя объ Аль-Мамунѣ сравнительно съ его обычными чтеніями, приведемъ подлинныя слова не разъ цитированныхъ нами воспоминаній Иваницкаго. Послѣ разсказа о томъ, какъ студентовъ очаровала вступительная лекція Гоголя, и съ какимъ нетерпѣніемъ ждали они слѣдующей, онъ продолжаетъ: „Гоголь пріѣхалъ довольно поздно и началъ лекцію фразой: „Азія была какимъ-то народовержущимъ вулканомъ“. Потомъ поговорилъ немного о великомъ переселеніи народовъ, но такъ вяло, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать, и мы не вѣрили сами себѣ, тотъ-ли

Digitized by Google

это Гоголь, который на прошлой недѣлѣ прочелъ такую блистательную лекцію. Наконецъ, указавъ намъ на кое-какіе курсы, гдѣ мы можемъ прочесть объ этомъ предметѣ, онъ раскланялся и уѣхалъ. Вся лекція продолжалась 20 минутъ. Слѣдующія лекціи были въ томъ же родѣ, такъ что мы совершенно наконецъ охладѣли къ Гоголю и аудиторія его все больше и больше пустѣла. Но вотъ однажды—это было въ октябрѣ—ходимъ мы по сборной залѣ и ждемъ Гоголя. Вдругъ входятъ Пушкинъ и Жуковскій. Отъ швейцара, конечно, они ужъ знали, что Гоголь еще не пріѣхалъ, и потому, обратясь къ намъ, спросили только, въ которой аудиторіи будетъ читать Гоголь. Мы указали на аудиторію. Пушкинъ и Жуковскій заглянули въ нее, но не вошли, а остались въ сборной залѣ. Черезъ четверть часа пріѣхалъ Гоголь, и мы, вслѣдъ за тремя поэтами, вошли въ аудиторію и сѣли по мѣстамъ. Гоголь взошелъ на каѳедру, и, какъ говорится, ни съ того, ни съ другого, началъ читать взглядъ на исторію Аравитянъ. Лекція была блестящая, въ такомъ-же родѣ, какъ и первая. Она вся изъ слова въ слово напечатана въ „Арабескахъ“. Видно, что Гоголь зналъ заранѣе о намѣреніи поэтовъ пріѣхать къ нему на лекцію, и потому приготовлялся угостить ихъ поэтически. Послѣ лекціи Пушкинъ заговорилъ о чемъ-то съ Гоголемъ, но я слышалъ одно только: „увлекательно“! Всѣ слѣдующія лекціи Гоголя были очень сухи и скучны; ни одно событіе, ни одно лицо историческое не вызвало его на бесѣду живую и одушевленную... Какими-то сонными глазами смотрѣлъ онъ на прошедшіе вѣка и отжившія племена. Безъ сомнѣнія, ему самому было скучно, и онъ видѣлъ, что скучно и его слушателямъ. Бывало, пріѣдетъ, поговоритъ съ полчаса съ каѳедры, уѣдетъ, да ужъ и не показывается цѣлую недѣлю, а иногда и двѣ. Потомъ опять пріѣдетъ, и опять та же исторія. Такъ прошло время до мая“ [1])...

---

1) Любопытно, что Гоголь, пользовавшійся протекціей Жуковскаго и Пушкина, чувствовалъ-таки въ глубинѣ души свою профессорскую несостоятельность и хотѣлъ-таки выказаться передъ ними съ болѣе выгодной стороны. Еще прежде, когда Жуковскій и Пушкинъ назначили день своего пріѣзда въ университетъ на лекцію Гоголя, Гоголь не явился совѣмъ, вѣроятно не чувствуя себя готовымъ къ чтенію хорошей лекціи.

Digitized by Google

РАЗБОРЪ ПЬЕСЫ ГОГОЛЯ „АЛЬФРЕДЪ“ (СЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ СЮЖЕТОМЪ).

Нѣсколько времени спустя, въ половинѣ 1835 г., Гоголь, читая студентамъ лекціи по исторіи Англіи, вздумалъ воспользоваться собраннымъ матеріаломъ, изъ котораго слагались его университетскія чтенія, для драмы подъ заглавіемъ „Альфредъ“. Такимъ образомъ мы получаемъ нѣкоторую возможность судить о томъ, насколько художественный талантъ помогалъ Гоголю въ его научныхъ занятіяхъ, и наоборотъ, насколько эти послѣднія давали пищу для его творчества. Изъ примѣчаній Н. С. Тихонравова мы можемъ ясно видѣть, какимъ матеріаломъ, въ какой мѣрѣ и съ какой степенью умѣнья пользовался Гоголь при созданіи этихъ драматическихъ сценъ. Кромѣ того, при внимательномъ разсмотрѣніи открывается, что наилучшимъ въ этомъ отрывкѣ было именно то, что̀ Гоголь возсоздалъ на основаніи своего художественнаго проникновенія, и положительно слабо все, что̀ имѣетъ ближайшее отношеніе къ изученію историческихъ источниковъ, все, что̀ касается частностей и деталей. Въ чемъ же сказалось въ дошедшихъ до насъ наброскахъ драмы обычное мастерство Гоголя, какъ не въ томъ, что онъ съ необыкновенной яркостью нарисовалъ передъ нами картину ожиданія толпой прибытія корабля, на которомъ долженъ пріѣхать Альфредъ? Здѣсь искусно схвачено и передано настроеніе уличной толпы, живо обрисованы ея дѣтское любопытство, невѣжественныя понятія, легковѣріе и наклонность къ спорамъ. Если припомнить, что всѣ написанныя Гоголемъ сцены „Альфреда“ представляютъ, такъ сказать, брульонъ, рядъ черновыхъ набросковъ, то придется признать, что уже въ нихъ много чудной жизни,

Digitized by Google

много проблесковъ истиннаго таланта; но вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что кисть художника готовилась работать надъ новымъ матеріаломъ уже по знакомымъ и испытаннымъ пріемамъ, которые и представляли для автора наиболѣе надежное подспорье. Въ самомъ дѣлѣ, еще въ первоначальной редакціи „Тараса Бульбы“, въ томъ мѣстѣ поэмы, гдѣ изображена казнь казаковъ, Гоголь ярко обрисовалъ настроеніе толпы передъ появленіемъ ихъ на площади. Въ данномъ случаѣ въ „Альфредѣ“ ему представлялась задача перенести мѣсто дѣйствія въ иную страну, представить соотвѣтствующую обстановку и ввести все это въ рамку драматическихъ сценъ. Приступая къ созданію драмы съ историческимъ сюжетомъ, онъ, по давно усвоенному обыкновенію, прежде всего изображалъ обыденныя бытовыя сцены, уже воспроизведенныя его воображеніемъ въ иномъ случаѣ, — и эти сцены обѣщали быть самыми удачными,—а съ другой стороны старался усиленно пользоваться историческимъ матеріаломъ, заботясь включить въ тѣ же тѣсныя рамки драмы все существенное, могущее характеризовать бытъ двухъ народовъ, подлежавшихъ изображенію въ пьесѣ, — и эти-то элементы пьесы представляются намъ значительно болѣе слабыми, но не по замыслу, а по исполненію. Если въ университетскихъ лекціяхъ пріемъ торопливаго исчерпыванія всего яркаго, характернаго и существеннаго въ одной-двухъ лекціяхъ, передававшихъ общія свѣдѣнія, за которыми предполагался хорошо обработанный дальнѣйшій научный матеріалъ, при отсутствіи достаточныхъ познаній у Гоголя ставилъ его въ ложное положеніе, вынуждая его угощать слушателей продолжительнымъ постомъ послѣ минутнаго банкета; то здѣсь, въ драмѣ, представляющей собою законченный трудъ, напротивъ такой пріемъ былъ какъ нельзя болѣе умѣстенъ. Такъ Гоголь и намѣревался поступить, но осуществилъ это только съ умѣреннымъ успѣхомъ. Правда, въ первыхъ сценахъ онъ сумѣлъ искусно и безъ малѣйшей натяжки немногими штрихами познакомить зрителей съ католическимъ представленіемъ о величіи и могуществѣ Рима и папы, живо изобразилъ смутное и крайне невѣжественное представленіе простонародья о Римѣ и чужихъ краяхъ и наконецъ вѣрно очертилъ враждебныя отношенія англосаксовъ къ датчанамъ. Также въ слѣдующей затѣмъ группѣ сценъ, счастливо избѣгая неумѣстной и черезчуръ прозрач-

Digitized by Google

ной симметріи, поэтъ съ большой заботливостью изображаетъ передъ нами религіозныя представленія и національный духъ норманновъ: ихъ дерзкую отвагу, воинственность, безпредѣльную преданность свободной жизни, пренебреженіе къ бурямъ и опасностямъ и проч. Словомъ, здѣсь мы снова видимъ собранными въ сжатомъ видѣ всѣ тѣ черты, которыя въ совокупности должны были ярко и полно очертить образъ жизни и характеры обѣихъ націй. Жаль только, что Гоголь,— можетъ быть, впрочемъ намъ такъ кажется потому, что пьеса дошла до насъ въ черновомъ видѣ,—стараясь представить вполнѣ вѣрную дѣйствительности обстановку со всѣми ея историческими и національными чертами, слишкомъ переполнилъ и обременилъ пьесу соотвѣтствующими времени и мѣсту терминами и названіями, отъ чего она неизбѣжно становится скучной и утомительной для чтенія. Здѣсь творчество измѣнило Гоголю и мѣсто яркихъ картинъ заступила сухая номенклатура. Не произошло ли это отъ того, что его творческая фантазія услужливо рисовала ему только *знакомый* бытъ и *извѣстные* нравы? Вѣдь онъ самъ говорилъ „въ Авторской Исповѣди“, что „никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства“ и что у него „только то и выходило хорошо, что̀ взято было изъ дѣйствительности, изъ данныхъ извѣстныхъ“. Немного далѣе, въ той же „Авторской Исповѣди“, онъ признается, что „никогда не имѣлъ влеченія къ прошедшему“ [1]). Вотъ намъ и настоящая, удостовѣренная самимъ Гоголемъ причина неуспѣха обѣихъ задуманныхъ имъ въ разное время историческихъ драмъ: „Альфреда“ и уничтоженной самимъ авторомъ драмы изъ исторіи запорожскаго казачества. Впрочемъ при дальнѣйшей обработкѣ пьесы, если допустить возможность вторичнаго обращенія Гоголя къ этому сюжету, мы увидѣли бы, вѣроятно, замѣну сырого матеріала съ грудой мелкихъ терминовъ болѣе или менѣе исполненными жизни картинами съ искусно и ярко очерченнымъ національнымъ и мѣстнымъ колоритомъ. Во всякомъ случаѣ необходимо отмѣтить, что Гоголь обратилъ вниманіе въ „Альфредѣ“ на самое существенное, что̀ именно должно было бы придать картинѣ въ ея оконченномъ видѣ жизнь и правдоподобіе; такъ, у него отчетливо выступаютъ религіоз-

---

1) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 256 и 259.

Digitized by Google

ныя представленія какъ христіанъ, такъ и язычниковъ, почитателей Одена, являющихся передъ нами съ своими ярко очерченными религіозными вѣрованіями; притомъ вполнѣ умѣстно и съ большимъ тактомъ, рисуя средневѣковое невѣжество, Гоголь сумѣлъ весьма тонко подмѣтить и разграничить проявленія невѣжества, возможныя и естественныя въ необразованной толпѣ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, — и такія съ другой стороны, которыя составляютъ принадлежность наивнаго міросозерцанія и ограниченныхъ понятій толпы *извѣстной эпохи* и извѣстной національности. Кромѣ вѣры въ нечистую силу (въ разговорѣ Вульфинга съ Туркиломъ), какъ примѣръ невѣжества, свойственнаго черни во всѣ вѣка, можно указать въ разсказѣ Брифрика его слова, что „гдѣ епископы выступаютъ, тамъ серебряный полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой; гдѣ епископы стоятъ, тамъ серебряный полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой“ [1]). — Здѣсь уже въ самомъ выборѣ примѣра видна забота автора передать черты вѣка, на что указываетъ самый интересъ разсказчика и слушающей его толпы, направленный на предметы, въ особенности занимавшіе умы въ средніе вѣка. Но вотъ примѣръ невѣжества, характеризующій еще ярче состояніе просвѣщенія собственно *въ извѣстную историческую эпоху*. Въ разговорѣ Эдвига съ Альфредомъ наивный Эдвигъ осмѣливается съ увѣренностью утверждать, что короля обманули, будто въ Англіи были когда-нибудь римляне: „у насъ есть старики“ [2])—забавно доказываетъ онъ,—„которые помнятъ, какъ покорили (страну) саксы, народъ, котораго храбрѣе еще никого не было,—и тѣ говорятъ, что здѣсь были только бритты“. И это сказано уже было послѣ того, какъ Альфредъ возразилъ ему: „Ты не знаешь, потому что не читалъ“. Королю такъ и не удалось сломить увѣренность Эдвига, что въ Англіи никакихъ римлянъ никогда и не было. Такъ Гоголь старался схватить и съ полной естественностью поставить передъ читателемъ даже людей иной эпохи и иныхъ національностей; художественное дарованіе сказалось какъ въ формѣ діалога, такъ и въ самомъ содержаніи сценъ даже въ такой небольшой пьесѣ и совершенно не обработанной, которую онъ, по всей вѣроятности, даже не при-

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, тр. 469.

[2]) Тамъ же, стр. 480.

Digitized by Google

знавалъ потомъ достойной своего пера. Но эта художественная проницательность въ тѣхъ случаяхъ, когда она была направлена на чуждые Гоголю бытъ и нравы, съ извѣстнымъ успѣхомъ рисуя ему отдѣльные эскизы, была недостаточна для созданія цѣлой картины. Другой причиной неудачи въ данномъ случаѣ была, конечно, недостаточная степень увлеченія избраннымъ сюжетомъ.

Мы остановились здѣсь такъ подробно на разборѣ „Аль-Мамуна“ и „Альфреда“ отчасти въ виду недавно высказаннаго мнѣнія о томъ, что занятія и увлеченіе Гоголя исторіей имѣли будто бы *вполнѣ серьезный* характеръ; такъ какъ съ такимъ мнѣніемъ, впадающимъ въ крайнее преувеличеніе, согласиться, очевидно, нельзя, то мы и нашли себя вынужденными по возможности точнѣе установить надлежащій взглядъ на размѣры историческихъ познаній Гоголя и на степень его научныхъ увлеченій, о чемъ вскорѣ скажемъ еще подробнѣе.

Digitized by Google

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ О ГОГОЛѢ, КАКЪ ПЕДАГОГѢ.

Вообще при оцѣнкѣ педагогическихъ взглядовъ Гоголя и его отношеній къ преподаваемой наукѣ существенное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что, подобно многимъ другимъ представителямъ не только литературы, но отчасти и самой науки въ его время, онъ не прошелъ правильной школы и долженъ былъ пополнять пробѣлы самаго элементарнаго свойства, въ чемъ онъ и самъ сознавался, уже заднимъ числомъ и въ зрѣлые годы. Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ между прочимъ чрезвычайно много общаго и съ самимъ Пушкинымъ, но съ той, однако, существенной разницей, что Пушкинъ несравненно яснѣе сознавалъ недочеты въ своемъ образованіи и нашелъ въ себѣ искреннее и сильное желаніе

„Стать въ просвѣщеньи съ вѣкомъ наравнѣ“,

чего о Гоголѣ далеко нельзя сказать; умъ Пушкина былъ гораздо болѣе пытливый и болѣе склонный къ широкому критическому отношенію къ собственнымъ знаніямъ и къ вопросамъ науки. Пушкинъ гораздо глубже вникалъ въ нихъ, гораздо болѣе находилъ новыхъ сторонъ въ каждомъ данномъ вопросѣ, гораздо шире умѣлъ къ нимъ отнестись. Однимъ словомъ, тогда какъ Гоголь остался на всю жизнь самоучкой въ полномъ смыслѣ слова, Пушкинъ, благодаря хотя и запоздалому, но упорному и сознательному труду, уже въ зрѣлые годы сумѣлъ сдѣлаться широко образованнымъ человѣкомъ, съ вполнѣ развитымъ умомъ и глубокой потребностью въ дальнѣйшемъ умственномъ совершенствованіи.

Digitized by Google

Къ своему преподавательскому труду Гоголь относился въ значительной степени легкомысленно и самонадѣянно, очень мало или даже вовсе не смущаясь тѣмъ, что ему приходилось иногда начинать учиться тому, что онъ долженъ былъ уже излагать на урокахъ и лекціяхъ. Какой-иной смыслъ могли имѣть такія просьбы его къ Погодину, какъ напримѣръ, о присылкѣ ему университетскихъ лекцій послѣдняго? Такъ, двадцать третьяго іюля 1834 г. Гоголь писалъ къ Погодину: „я на время рѣшился занять здѣсь каѳедру исторіи, и именно среднихъ вѣковъ. Если ты этого желаешь, то я пришлю тебѣ нѣкоторыя свои лекціи, съ тѣмъ только, чтобы ты взамѣнъ прислалъ мнѣ свои. Весьма недурно, если бы ты отнялъ у какого-нибудь студента тетрадь записываемыхъ имъ твоихъ лекцій, особенно о среднихъ вѣкахъ, и прислалъ бы черезъ Рѣдькина [1]) мнѣ теперь же“. Не надо забывать, что письмо это было написано всего за какой-нибудь мѣсяцъ до начала лекцій. Въ это же время Гоголь проповѣдовалъ своему пріятелю Максимовичу, что нужно „работать прямо съ плеча“ и поменьше затрудняться приготовленіемъ къ лекціямъ, а изъ письма къ тому же Максимовичу отъ 23 августа мы убѣждаемся, что Гоголь былъ вѣренъ своей теоріи и на дѣлѣ, откладывая работу надъ предстоящимъ учебнымъ курсомъ, такъ сказать, до послѣдней невозможности. „Я тружусь, какъ лошадь“, говорилъ онъ—„чувствую, что это послѣдній годъ, но только не надъ казенной работой, то есть не надъ лекціями, которыя у насъ до сихъ поръ еще не начинались, но надъ собственно своими вещами“ [2]). По истинѣ изумительно, съ какой невѣроятной безпечностью относился Гоголь къ новому и трудному дѣлу и какъ мало думалъ о принимаемой имъ на себя отвѣтственности. Мы видимъ, что заботы его были направлены исключительно на вопросы практическаго свойства и что его вниманіе даже въ научной сферѣ развлекалось въ разныя стороны, не говоря уже о его литературныхъ работахъ и планахъ. Бѣда Гоголя въ томъ особенно и заключалась, что для него не существовало препятствій и трудностей, и если у него выработалась привычка въ высокой степени добросо-

[1]) Петра Григорьевича, нѣжинскаго товарища Гоголя, впослѣдствіи весьма извѣстнаго профессора Московскаго и потомъ С.-Петербургскаго университета.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 225 или письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 19—20.

Digitized by Google

вѣстнаго отношенія къ литературнымъ трудамъ, то едва ли она распространялась также и на научныя его работы, и во всякомъ случаѣ всего меньше можно ее усматривать въ его отношеніяхъ къ своему университетскому преподаванію. Въ самомъ дѣлѣ, даже и не въ „казенной", но и въ добровольной работѣ въ области избраннаго имъ спеціальнаго предмета, въ разработкѣ исторіи горячо любимой имъ Украйны, Гоголь обнаруживалъ нѣсколько легкое отношеніе къ дѣлу, или, по крайней мѣрѣ, исполненіе его надеждъ въ этой сферѣ было замѣчательно несоразмѣрно съ его обширными и постоянно мѣнявшимися замыслами. Такъ въ названномъ письмѣ онъ дѣлаетъ такое порученіе Максимовичу: „Пронюхай, что̀ есть путнаго въ вашей библіотекѣ, относящагося до нашего края; весьма бы было хорошо, если бы ты поручилъ кому-нибудь составить имъ маленькій реестрецъ, дабы я могъ все это принять къ надлежащему свѣдѣнью. Я получаю много подвозу изъ нашихъ краевъ. Между ними есть довольно замѣчательныхъ вещей. Исторія моя терпитъ страшную перестройку: въ первой части цѣлая половина совершенно новая. Есть ли что-нибудь въ рукахъ у Берлинскаго? Вѣдь онъ старый корпила"... Если припомнить послѣ этого извѣстные отзывы объ отношеніяхъ Гоголя къ профессурѣ покойнаго Никитенка, Чижова и другихъ, то у насъ получится довольно полная и отчетливая картина, которую и можно признать болѣе или менѣе близкой къ дѣйствительности, и нѣтъ рѣшительно никакой ни нужды, ни даже возможности при помощи натяжекъ давать всему дѣлу произвольное и сомнительное освѣщеніе, какое мы находимъ въ статьѣ г. Витберга: „Гоголь какъ историкъ", напечатанной въ августовской книгѣ „Историческаго Вѣстника" за 1892 г.

Всѣ составленныя Гоголемъ программы, выписки и замѣтки достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ, такъ сказать, лишь случайно пристроился къ ученой карьерѣ, приступая къ дѣлу наобумъ и на авось. Никакой основательной эрудиціей, никакими самостоятельно выработанными научными взглядами и системами онъ не успѣлъ запастись ко времени выступленія на университетской каѳедрѣ. Но все это могло бы быть пріобрѣтено и впослѣдствіи, если бы онъ яснѣе сознавалъ настоятельную необходимость упорной работы надъ собой. Все горе заключалось въ томъ, что онъ заботился объ

Digitized by Google

этомъ слишкомъ мало. Когда Пушкинъ въ зрѣлыхъ годахъ задался серьезной цѣлью самообразованія, онъ достигъ, какъ извѣстно, довольно почтенныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи; при богатыхъ дарованіяхъ Гоголя, безъ сомнѣнія, и онъ могъ бы также достигнуть многаго, если бы не смотрѣлъ на науку, какъ на средство для составленія карьеры и лишь на неизбѣжную принадлежность выпавшей на его долю профессіи. Самые пріемы Гоголя въ его приготовленіяхъ къ педагогической дѣятельности были черезчуръ элементарны и не сложны: онъ доставалъ обыкновенно каталоги книжныхъ магазиновъ, дѣлалъ по нимъ выборъ нужныхъ ему книгъ и затѣмъ приступалъ къ выпискамъ и экстрактамъ, которые и служили ему главнымъ матеріаломъ для лекціи [1]). Повидимому, у него вовсе не было яснаго представленія о строгихъ требованіяхъ науки, представленія, разумѣется, безусловно обязательнаго для университетскаго преподавателя. Случайно попавшаяся лѣтопись безъ начала и конца, какая-нибудь старинная книга нерѣдко внушали ему неподдѣльную радость и онъ спѣшилъ дѣлиться своей находкой съ друзьями, искренно воображая себя человѣкомъ науки и, вѣроятно, принимая на себя видъ знатока. Будучи лишенъ, по недостатку основательнаго образованія, всякой критической подготовки и страдая чрезмѣрной самоувѣренностью, онъ и въ собственныхъ глазахъ, вѣроятно, пріобрѣталъ значеніе настоящаго ученаго, но, конечно, его случайныя и непродолжительныя увлеченія не имѣли глубокихъ корней, и объ истинномъ научномъ интересѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. То, что̀ занимало Гоголя вчера, могло быть сегодня предано полному забвенію. Въ бытность свою въ Петербургѣ Гоголю удалось, несмотря на тяжкія условія жизни, собрать довольно большую библіотеку, которая стоила ему около трехъ тысячъ (онъ писалъ Прокоповичу въ 1837 г.: „она мнѣ стоила до 3000, но если за нее можно выручить половину, то слава Богу“, но у него, кажется, не было въ сущности той жилки собирателя рукописей и книгъ, которою отличается не только большинство серьезныхъ спеціалистовъ, но и втянувшихся въ свое дѣло библіографовъ, иногда съ довольно ограниченнымъ образо-

[1]) Подробное изложеніе всѣхъ относящихся сюда фактовъ и данныхъ читатель, безъ сомнѣнія, найдетъ въ VI томѣ образцоваго изданія сочиненій Гоголя академика Н. С. Тихонравова въ отдѣлѣ примѣчаній редактора.

Digitized by Google

ваніемъ. Безспорно впрочемъ, что еще въ юности Гоголь собиралъ разныя монеты и рѣдкости, а въ годы профессорства— книги, пѣсни и рукописи, отчасти входя въ роль серьезнаго спеціалиста, внѣшніе атрибуты котораго онъ старался наскоро усвоить едва ли не съ бо́льшей заботливостью, нежели съ какою стремился пополнять пробѣлы и расширять познанія. Впослѣдствіи онъ самъ признавался въ „Авторской Исповѣди“, что въ зрѣлыхъ годахъ долженъ былъ приниматься за изученіе элементарныхъ книгъ, стараясь скрывать эту работу отъ постороннихъ глазъ: этими словами онъ произноситъ приговоръ той маскѣ мнимой учености, которую когда-то вынужденъ былъ надѣвать въ угоду требованіямъ профессіи. Все, что́ собиралось имъ съ научной цѣлью, кажется, производилось, совершенно случайно и между дѣломъ, но истинная любознательность въ подобныхъ случаяхъ недостаточно руководила имъ.

Замѣчательно, что Гоголь открыто признавалъ въ дружеской бесѣдѣ, что онъ никогда не былъ и не считалъ себя педагогомъ (см. „Русскую Старину“, изд. 1888 г., т. IV, стр. 47). Кромѣ того, въ своихъ задушевныхъ совѣтахъ одному изъ лучшихъ друзей, А. С. Данилевскому, котораго онъ обыкновенно называлъ братомъ и своимъ „ближайшимъ“, онъ писалъ однажды: „Не совѣтую тебѣ хватать первую представившуюся должность. *Ты пожалуйста еще не вздумай испытать себя на педагогическомъ поприщѣ;* это, право, тебѣ не къ лицу; *я много повредилъ себѣ во всемъ, вступивши на него*“ (Кулишъ, „Зап. о ж. Г.“, т. I, стр. 243).

И въ самомъ дѣлѣ, случайно выбралъ Гоголь это поприще: пріѣхавъ юношей изъ провинціи въ Петербургъ, онъ сначала рѣшительно не былъ въ состояніи дать себѣ отчета въ своемъ призваніи. Онъ сознавалъ въ себѣ богатыя силы, онъ весь былъ одушевленъ и проникнутъ горячимъ юношескимъ желаніемъ приносить пользу обществу (и даже, какъ видно изъ его юношескихъ писемъ,—цѣлому человѣчеству); но влеченія къ опредѣленной профессіи не чувствовалъ. Съ лихорадочной горячностью берется онъ то за ту, то за другую дѣятельность, не удовлетворяется ничѣмъ и, переходя отъ профессіи чиновника къ упражненіямъ литературнымъ и къ

---

[1]) „Русское Слово“, 1859, I, 104.

Digitized by Google

испытанію своихъ силъ на сценѣ, останавливается наконецъ на учительствѣ,—кажется, преимущественно подъ вліяніемъ новаго своего знакомаго Плетнева. По крайней мѣрѣ, послѣдній съ восхищеніемъ писалъ Пушкину о своемъ нравственномъ участіи въ этомъ выборѣ Гоголемъ дѣятельности. „Надобно тебя познакомить съ молодымъ писателемъ, который обѣщаетъ что-то очень хорошее. Сперва онъ пошелъ было по гражданской службѣ, но *страсть къ педагогикѣ привела его подъ мои знамена:* онъ перешелъ въ учители“ (Соч. Плетнева, т. 3, стр. 366).

Гоголь, дѣйствительно, горячо, съ искреннимъ юношескимъ энтузіазмомъ принялся за новую дѣятельность и сталъ самостоятельно работать надъ педагогическими вопросами, о чемъ свидѣтельствуютъ и статьи его, вошедшія впослѣдствіи въ составъ „Арабесокъ“. Не фразой было въ его устахъ увѣреніе, что онъ „совершенно посвятилъ себя юнымъ питомцамъ своимъ“ (Соч. Гог., 3-е изд. наслѣдниковъ, IV т., стр. 200, примѣч.). [1]) Но это была не страсть и не одно холодное побужденіе долга; это было нѣчто среднее: отчасти временное увлеченіе новой и симпатичной ему дѣятельностью, отчасти результатъ, можетъ быть, даже безсознательнаго стремленія пойти на новомъ поприщѣ своей дорогой, отнесшись къ дѣлу самостоятельно и избѣгая рутины. Сознаніе богатыхъ душевныхъ силъ должно было одно побуждать Гоголя положиться вполнѣ на себя и искать на свой страхъ самостоятельныхъ пріемовъ и методовъ. Да и не въ натурѣ Гоголя было прибѣгать къ чужимъ мнѣніямъ или опираться на чужой опытъ (Л. И. Арнольди особенно ярко охарактеризовалъ Гоголя въ этомъ отношеніи въ своихъ воспоминаніяхъ). Но вспышка Гоголя была искусственная; это былъ только фальшивый огонь... Гоголь скоро охладѣлъ къ педагогическимъ трудамъ, чему должны были особенно способствовать его существенные, органическіе недостатки, какъ преподавателя, отмѣченные однимъ изъ его бывшихъ воспитанниковъ, М. Н. Лонгиновымъ. На учительской каѳедрѣ Гоголь являлся совсѣмъ не педагогомъ, а тѣмъ, чѣмъ онъ былъ по природѣ—художникомъ-юмористомъ: онъ умѣлъ ярко представить воображенію слушателей все, о чемъ

[1]) Цитируемъ въ настоящемъ случаѣ по старому изданію сочиненій Гоголя, такъ какъ въ изданіи Н. С. Тихонравова примѣчаніе Гоголя передъ статьей опущено и отнесено въ примѣчанія къ ней (см. стр. 603).

Digitized by Google

ни случалось ему говорить,—а говорить случалось о многомъ, даже совсѣмъ не относившемся къ предмету преподаванія, такъ какъ онъ сильно разбрасывался въ своихъ лекціяхъ,— и притомъ природный складъ ума заставлялъ его ставить вещи передъ воспитанниками ихъ смѣшной стороной, такъ что нерѣдко случалось, что серьезное занятіе превращалось въ легкую забаву, почти въ игру. Но главнѣйшимъ недостаткомъ Гоголя, какъ педагога, было все-таки его совершенное неумѣніе сосредоточиваться на одномъ и постоянные переходы отъ предмета къ предмету. Гоголь вообще на практикѣ окончательно игнорировалъ какую бы то ни было систему. Лонгиновъ разсказываетъ, что онъ любилъ манить своихъ воспитанниковъ впередъ, не удовлетворяя, а только раздражая ихъ любознательность. Между его уроками, (а впослѣдствіи и лекціями), попадались изрѣдка роскошныя праздничныя угощенія, но значительно преобладали неудобоваримыя блюда. Любопытны разсказы о его преподаваніи Лонгиновыхъ и Иваницкаго; но не менѣе интересно и собственное откровенное признаніе самого Гоголя, что во-время уроковъ его „бѣдная ученица зѣвала“ [1])...

Такой же самообманъ заставилъ Гоголя искать каѳедры. По свойственной ему самонадѣянности онъ чрезвычайно преувеличивалъ и свои познанія въ области исторической науки,—хотя справедливо было, что никогда во всю свою жизнь не переставалъ съ нѣкоторымъ интересомъ читать историческія сочиненія,—и свое педагогическое искусство, отсутствіе котораго ему пришлось признать уже послѣ понесеннаго имъ убійственнаго фіаско... Сколькихъ хлопотъ стоило ему самому и его друзьямъ достиженіе этой цѣли и на какое короткое время она была достигнута!... Гоголь, какъ мы видѣли, искалъ каѳедры съ отчаяннымъ упорствомъ....

Какъ относился Гоголь къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ, получивъ наконецъ каѳедру, ясно изъ приведенныхъ строкъ его письма къ Максимовичу: „Я тружусь, какъ лошадь, но только не надъ лекціями, которыя у насъ до сихъ поръ еще не начинались, но надъ собственно своими вещами“ (соч. Гог., изд. Кул., V т., стр. 225). Такъ говорилъ Гоголь почти наканунѣ открытія лекцій, когда онъ,

---

[1]) См. первый томъ нашего труда, стр. 332.

Digitized by Google

создавая своего безсмертнаго „Ревизора“, забывалъ обо всемъ на свѣтѣ и о самыхъ лекціяхъ, къ которымъ былъ, какъ оказалось послѣ, почти вовсе не готовъ. А за мѣсяцъ передъ тѣмъ онъ просилъ Погодина прислать его записки по всеобщей исторіи, такъ сказать, въ видѣ научнаго и педагогическаго вспомоществованія (Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 211), утверждая, впрочемъ, что онъ только на время рѣшился взять каѳедру исторіи. Не проходитъ и одного полугодія, какъ Гоголь уже принужденъ сознаться: „Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ! Никто меня не слушаетъ! Хоть бы одно студенческое существо понимало меня! Это народъ безцвѣтный, какъ самъ Петербургъ“ [1]). Тогда какъ, напротивъ, слушатели были недовольны его чтеніями. Большинство, какъ, напр., И. С. Тургеневъ, и вѣрить не хотѣли, чтобы неудачникъ-профессоръ могъ имѣть что-нибудь общее съ авторомъ „Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки“ (см. соч. Тургенева, I т., стр. 81). Къ вакаціи Гоголь долженъ былъ оставить каѳедру, а вслѣдъ затѣмъ и уроки въ Патріотическомъ институтѣ. Какъ неисправный преподаватель, пропускавшій иногда уроки по цѣлымъ мѣсяцамъ (въ началѣ учебнаго года), Гоголь былъ устраненъ отъ преподаванія, и ему не помогло даже покровительство самого Жуковскаго, къ которому онъ обратился съ слѣдующей просьбой: „Вчера я получилъ извѣщеніе изъ Петербурга о странномъ происшествіи, что мѣсто мое въ Патріотическомъ институтѣ долженствуетъ замѣститься другимъ господиномъ. Впрочемъ, Плетневъ мнѣ пишетъ, что еще о новомъ учителѣ будетъ представленіе въ августѣ мѣсяцѣ первыхъ чиселъ, и что если Императрица не согласится, чтобы мое мѣсто отдать новому учителю, то оно останется за мною. И по этому-то поводу я прибѣгаю къ вамъ, нельзя ли такъ сдѣлать, чтобы Императрица не согласилась. Она добра и, вѣрно, не согласится меня обидѣть“. („Русскій Архивъ“, 1871, № 4 и 5, стр. 948 и 949).

Вотъ въ общихъ чертахъ внѣшняя сторона педагогической дѣятельности Гоголя. Она была неудачна и очень непродолжительна: началась въ половинѣ 1831 года и прекратилась къ наступленію 1836 года.

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 228.

Digitized by Google

ГОГОЛЬ, КАКЪ ИСТОРИКЪ.

(Критическія замѣтки по поводу статьи г. Витберга).

I.

Недавняя статья г. Витберга, „Гоголь, какъ историкъ", напечатанная въ августовской книгѣ „Историческаго Вѣстника" за прошедшій годъ, стараясь дать новое оригинальное освѣщеніе какъ вообще безсмертной личности нашего великаго писателя, такъ особенно его ученой и педагогической дѣятельности (какъ преподавателя и профессора исторіи), ставитъ вопросъ объ изученіи Гоголя такъ неожиданно и смѣло, что этимъ самымъ должна вызвать разностороннее критическое обсужденіе. Для насъ лично есть, кромѣ того, особое основаніе высказать печатно мысли, родившіяся при чтеніи ея, такъ какъ мы разсматривали подробно отчасти тотъ же періодъ жизни и литературной дѣятельности Гоголя въ предыдущей главѣ „Николай Васильевичъ Гоголь въ періодъ Арабесокъ и Миргорода", по странной прихоти случая появившейся первоначально также въ августовской книгѣ журнала „Вѣстникъ Европы" и затѣмъ перепечатанной на предыдущихъ страницахъ настоящаго труда. Естественно, что, говоря о томъ же времени и о томъ же писателѣ, мы невольно встрѣтились съ г. Витбергомъ и частью сошлись во взглядахъ, но затѣмъ во многомъ или почти во всемъ существенно расходимся. Занимаясь тѣми же вопросами, мы считаемъ себя въ правѣ, не ради полемики, но для разъясненія дѣла, пред-

Digitized by Google

ложить значительныя поправки къ взглядамъ г. Витберга, съ тѣмъ, чтобы доставить возможность критикѣ и читателямъ принять то или иное объясненіе личности Гоголя и его дѣятельности на основаніи болѣе разносторонняго и слѣдовательно болѣе гарантированнаго отъ невольныхъ ошибокъ анализа.

Напомнимъ сначала въ небольшой выпискѣ тѣ наши слова въ предыдущей главѣ, которыя наиболѣе поразительно совпадаютъ или расходятся съ мнѣніями г. Витберга. Существенное разнорѣчіе между его и моими выводами особенно бросится въ глаза, если обратить вниманіе на слѣдующія заключительныя строки предыдущей главы: „Съ внѣшней стороны главной отличительной чертой, характеризующей Гоголя въ періодъ отъ 1832 — 1835 г., какъ и въ предшествующіе (этому промежутку) два года, было стремленіе проложить себѣ дорогу, составить карьеру. Заботы объ этомъ простирались у него слишкомъ далеко, доходя, наконецъ, до претензій на университетскую каѳедру, для которой онъ не былъ вовсе подготовленъ“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ той же главы я замѣтилъ, что „Гоголь ровно настолько интересовался исторіей, насколько она затрогивала его воображеніе и чувство“ [2]). Эти слова также не совсѣмъ согласны съ тѣмъ, что̀ утверждаетъ г. Витбергъ, но яснѣе это будетъ видно изъ дальнѣйшаго нашего изложенія. Но вотъ мѣсто, въ которомъ, не сговариваясь съ г. Витбергомъ, не одинъ разъ вызывавшимъ меня на полемику, я совершенно схожусь съ нимъ во взглядѣ, хотя этотъ взглядъ рѣзко противорѣчитъ установившемуся мнѣнію о Гоголѣ, какъ историкѣ: „Былъ ли, однако, Гоголь искренень, когда говорилъ о своей любви къ исторіи и о намѣреніи приняться за составленіе сборника „Земля и Люди“ или за многотомный трудъ о среднихъ вѣкахъ? Кажется, что онъ не столько обманывалъ другихъ, какъ обыкновенно полагаютъ, сколько обманывался самъ въ своихъ широкихъ замыслахъ. Благоговѣя передъ Пушкинымъ до обожанія и любя исторію съ школьной скамьи, онъ дѣйствительно предполагалъ было, отчасти, можетъ быть, по слѣдамъ своего любимца-кумира, посвятить себя изученію исторіи. Мы

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1892, VIII, 569—570; см. также выше, стр. 211.
[2]) Тамъ же, стр. 547; см. также выше, стр. 131.

Digitized by Google

затрудняемся принять мнѣніе покойнаго профессора О. Ѳ. Миллера, что своими мнимыми намѣреніями Гоголь сознательно морочилъ Погодина и Максимовича; вѣдь часто онъ не присылалъ имъ и обѣщанныхъ литературныхъ трудовъ, а ужъ въ этомъ отношеніи теперь, конечно, никто не въ правѣ подозрѣвать въ немъ хвастливаго шарлатанства“ [1]).

Эти взгляды обѣихъ статей, частью сходные, частью же, и именно въ наиболѣе существенномъ, противорѣчащіе другъ другу, и предстоитъ обсудить критикѣ, такъ какъ, полагаемъ, выясненіе личности Гоголя заслуживаетъ ея полнаго вниманія.

Въ своей послѣдней статьѣ г. Витбергъ съ своей стороны приходитъ къ такимъ заключеніямъ: во-первыхъ, къ убѣжденію въ невѣрности взгляда объ историческихъ занятіяхъ Гоголя, что они были „ничѣмъ не оправданной претензіей его на роль ученаго, для которой у него не было будто бы ни способностей, ни знанія“. Напротивъ, г. Витбергъ полагаетъ, что „увлеченіе историческими занятіями составляетъ серьезный вопросъ въ жизни Гоголя“. Затѣмъ онъ признаетъ въ Гоголѣ человѣка, увлекавшагося и въ своемъ увлеченіи создавшаго себѣ грандіозныя, широкія задачи, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка, *вполнѣ искреннюю и правдивую*, слова и поступки котораго надо понимать и принимать въ прямомъ смыслѣ, не стараясь отыскивать въ нихъ того, чего въ нихъ не было“; онъ утверждаетъ далѣе, что „сильное и искреннее увлеченіе Гоголя исторіей лишаетъ насъ права насмѣшливо относиться къ его историческимъ занятіямъ и замысламъ“ и наконецъ, что Гоголь „не преувеличивалъ свои ученыя познанія“ [2]).

На этомъ и остановимся.

Замѣтимъ предварительно, что, по нашему мнѣнію, г. Витбергъ дѣлаетъ не малую логическую ошибку, восходя въ разсужденіи отъ доказательства частной мысли, помимо другихъ доказательствъ, прямо къ утвержденію общаго положенія, что̀, главнымъ образомъ, думается намъ, и лишаетъ его статью того значенія, на которое она, быть можетъ, безъ того имѣла бы право. Въ самомъ дѣлѣ, мы также признаемъ искренность увлеченія исторіей у Гоголя и все-таки полагаемъ, что отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ и вообще былъ „*вполнѣ* искрен-

[1]) Тамъ же, стр. 538; см. также выше, стр. 118.

[2]) См. «Историч. Вѣстникъ», 1892, VIII, 391, 400, 415 и друг.

Digitized by Google

ній и правдивый человѣкъ“ [1]). Здѣсь есть скачекъ въ ходѣ мыслей, въ виду котораго надо указать, — что́ мы и постараемся сдѣлать, — въ какой мѣрѣ, по нашему мнѣнію, г. Витбергъ правъ, и откуда въ его изложеніи начинаются не подтверждаемыя фактами и современными свидѣтельствами фальшь и измышленія. А въ существованіи крупныхъ преувеличеній и въ несогласіи выводовъ нашего противника съ словами свидѣтелей учено-педагогической дѣятельности Гоголя нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и мы это сейчасъ покажемъ.

Во-первыхъ, самый простой вопросъ: гдѣ результаты ученой дѣятельности Гоголя? Во-вторыхъ, какъ объяснить краснорѣчивый восклицательный знакъ въ воспоминаніяхъ И. С. Тургенева при словахъ: „Гоголь преподавалъ намъ исторію въ С.-Петербургскомъ университетѣ“, и его показаніе, что всѣ студенты были убѣждены, что Гоголь „*ничего не смыслитъ въ исторіи*“. Какъ объяснить, что впечатлѣнія, вынесенныя Тургеневымъ изъ преподаванія Гоголя, были таковы, что онъ не считалъ даже возможнымъ говорить о такомъ преподаваніи и что когда онъ писалъ свои воспоминанія о Гоголѣ, то чуть было даже не позабылъ вовсе объ этомъ неудачномъ и крайне неавторитетномъ профессорствѣ. Тургеневъ признаетъ положеніе Гоголя на каѳедрѣ прямо комическимъ и удивляется, что Гоголь все-таки, оставляя каѳедру воскликнулъ: „Непризнанный, взошелъ я на каѳедру — и непризнанный схожу съ нея!“ [2]). Г. Витбергъ объясняетъ неудачу Гоголя тѣмъ, что „слушатели его, не одаренные поэтическимъ вдохновеніемъ, апатично слушали его“ [3]). Полагаю, однако, что Тургенева трудно упрекнуть *въ недостаткѣ именно поэтическаго вдохнове-*

---

[1]) Замѣтимъ, что *полной* искренности не признавалъ въ Гоголѣ ни Даниловскій, ни другія лица, которыя знали его лично и *любили*, ни даже его близкіе родственники, признававшіе его скрытность, не составляющую, впрочемъ, порока, но являющуюся просто чертой личнаго характера Гоголя. Но особенно г. Витбергъ совершенно напрасно забылъ о воспоминаніяхъ Анненкова и его статью по поводу труда о Гоголѣ г. Кулиша. Всего курьезнѣе, что г. Витбергъ полагаетъ, будто онъ-то именно и понялъ „психически“ характеръ Гоголя, примѣнивъ къ разъясненію его слова Крылова: „Ларчикъ просто открывался“. *Всѣмъ* самымъ близкимъ людямъ характеръ Гоголя казался скрытымъ, но вѣдь что́ же изъ этого? Они всѣ ошиблись, а правъ одинъ г. Витбергъ!

[2]) См. Соч. И. С. Тургенева. Посмертное изд., 1883 г., т. I, стр. 80—81.

[3]) „Истор. Вѣстн. 1892 г., VIII, 422.

Digitized by Google

нія, котораго притомъ нельзя же требовать непремѣнно отъ всѣхъ студентовъ. Значитъ, если мы рѣшимся даже никому кромѣ Гоголя не вѣрить, какъ рекомендуетъ г. Витбергъ, то и въ такомъ случаѣ самъ Гоголь возражаетъ этому своему неумѣлому защитнику слѣдующими словами: „*никто* меня не слушаетъ, *ни на одномъ ни разу* не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина“ [1]). По словамъ Иваницкаго, „какими-то сонными глазами смотрѣлъ Гоголь на прошедшіе вѣка и отжившія племена“. Никитенко сообщалъ въ дневникѣ, что Гоголь читалъ такъ неудовлетворительно и вяло, что начальство опасалось непріятностей со стороны студентовъ. Въ этомъ же родѣ были отзывы г. Колмакова въ „Русской Старинѣ“, и только одинъ голосъ говоритъ хотя немного въ пользу Гоголя, какъ ученаго и профессора, о чемъ скажемъ ниже [2]).

Какимъ же образомъ г. Витбергъ находитъ возможнымъ на все это не обращать вниманія?... Въ своей направленной противъ меня брошюрѣ „Н. В. Гоголь и его новый біографъ“ г. Витбергъ, не разъ упрекающій меня въ мнимой непослѣдовательности и въ воображаемыхъ противорѣчіяхъ, желаетъ безъ всякихъ оговорокъ категорическаго признанія Гоголя или искреннимъ, или неискреннимъ. Но вѣдь въ томъ-то и дѣло, что существуютъ промежуточныя ступени, и легко сказать, что Гоголь былъ *вполнѣ искреннимъ и правдивымъ человѣкомъ* и что онъ имѣлъ *достаточно знаній, чтобы быть ученымъ*; но какъ напр., доказать послѣднее, когда положительно извѣстно, что онъ, будучи профессоромъ, по недостатку научныхъ свѣдѣній, нерѣдко бывалъ вынуждаемъ даже просто прибѣгать къ манкировкамъ лекцій. Чтобы показать яснѣе грань, отдѣляющую основательные выводы г. Витберга отъ его ошибокъ и натяжекъ, остановлюсь подробно на разъясненіи послѣднихъ.

Прежде всего, говоря о Гоголѣ, какъ профессорѣ, г. Витбергъ отвергаетъ несомнѣнно справедливый, хотя и невыгодный для Гоголя отзывъ объ его профессурѣ покойнаго профессора Васильева, отзывъ совершенно справедливый и вполнѣ согласный со всѣми извѣстными намъ отзывами какъ слушателей, такъ и товарищей Гоголя. При этомъ надо вспомнить,

---

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т V, стр. 228.

[2]) Отзывъ Колмакова см. въ его прошлогднихъ воспоминаніяхъ въ «Русской Старинѣ». Сравнительно благопріятный для Гоголя отзывъ, который мы приведемъ ниже, см. также въ «Русской Старинѣ», 1881 г., V, 157—158.

Digitized by Google

что „Исторія Императорскаго С.-Петербургскаго университета“ была трудомъ юбилейнымъ и что въ этомъ трудѣ всюду замѣчается скорѣе давно уже указанный критикой и признанный панегирическій тонъ, слѣд. здѣсь нѣтъ причинъ искать какихъ-либо отягчающихъ отзывовъ [1]), и притомъ, наконецъ, профессоръ Васильевъ былъ однимъ изъ слушателей Гоголя и несомнѣнно слушателей наиболѣе даровитыхъ, такъ что нельзя допустить, чтобы онъ слишкомъ ужъ грубо ошибся въ оцѣнкѣ своего профессора. Г. Витбергъ обѣщаетъ опровергнуть этотъ взглядъ профессора Васильева. какъ будто только съ нимъ приходится считаться, и, конечно, не опровергаетъ, потому что притязанія Гоголя на каѳедру были, внѣ всякаго сомнѣнія, „ничѣмъ не оправданной претензіей“, да и г. Витбергъ, между прочимъ такъ усердно силящійся уличать меня въ противорѣчіяхъ, впадаетъ самъ въ капитальное противорѣчіе, будучи вынужденъ признать въ концѣ статьи, что „*Гоголь и не смогъ справиться съ задачей, за которую взялся по увлеченію*“. Но почему не смогъ? Потому конечно, что блестящія мѣста, промелькнувшія нѣсколько разъ въ его университетскихъ чтеніяхъ, „были плодомъ вдохновенія, а не изученія“, т. е. какъ разъ причина неуспѣха была та, которую именно и указывалъ покойный профессоръ Васильевъ и которая обыкновенно и, конечно, вполнѣ справедливо признается и принимается всѣми. Затѣмъ все, что́ говоритъ г. Витбергъ о вліяніи на Гоголя его темперамента, его увлеченій, о происшедшихъ отсюда его профессорскихъ неудачахъ,—все это уже было сказано нами три года тому назадъ въ статьѣ:“ „Н. В. Гоголь и его письмо къ В. А. Жуковскому“, откуда приведемъ нѣсколько строкъ, относящихся сюда: „Сдѣлавшись на короткое время профессоромъ, Гоголь во всякомъ случаѣ не ожидалъ той убійственной неудачи, которая заставила его такъ скоро оставить избранное поприще. Рискованное притязаніе его возбуждало не разъ строгія порицанія и обвиненія въ недобросовѣстности, но, намъ кажется, что въ данномъ случаѣ“ [2]) (какъ во всѣхъ другихъ,—*разъясненію чего и посвящена вся цитируемая статья*) „немаловажную роль играли обычныя грандіозныя иллюзіи Гоголя, не сдѣлавшаго строгой

[1]) Сужденіе объ этой книгѣ см. въ статьѣ В. Д. Спасовича „Пятидесятилѣтіе Спб. университета“ („Вѣст. Евр.“, 1870, IV и V).

[2]) „Истор. Вѣстникъ“, 1892, VIII, 421.

Digitized by Google

оцѣнки себѣ подъ вліяніемъ того почетнаго положенія, которое ему удалось слишкомъ скоро и безъ особеннаго труда занять среди людей, составлявшихъ цвѣтъ современной литературы“ [1]).

Вся оригинальность взгляда г. Витберга заключается въ томъ, что, по его мнѣнію, нельзя согласиться, что Гоголь не сдѣлалъ себѣ строгой оцѣнки.

Г. Витбергъ считаетъ Гоголя имѣвшимъ *дѣйствительное право на каѳедру по своимъ знаніямъ*, а его увлеченіе какъ будто отказывается признать иллюзіей. Онъ оправдываетъ промахъ Гоголя также,—хотя это уже явное и большое противорѣчіе,—легкостью взглядовъ тѣхъ людей, которые внушили ему будто бы мысль о каѳедрѣ. Но пусть будетъ такъ, это нисколько, однако, не измѣняетъ сущности дѣла, хотя, конечно, является въ значительной степени смягчающимъ обстоятельствомъ для Гоголя. Въ сущности это рисуетъ только состояніе нашего образованія въ тридцатыхъ годахъ и показываетъ, что ошибка Гоголя, свидѣтельствуя о крайней его самоувѣренности, вмѣстѣ съ тѣмъ выдаетъ намъ и легкій взглядъ на науку и университетское образованіе со стороны многихъ другихъ людей, которымъ это было *несравненно менѣе извинительно*, чѣмъ болѣе юному и менѣе образованному Гоголю, хотя, какъ увидимъ, и для нихъ могло бы найтись нѣкоторое оправданіе во внѣшнемъ эффектѣ, произведенномъ на всѣхъ нихъ въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ словами и увлеченіемъ Гоголя.

Для роли ученаго у Гоголя, всеконечно, не было ни призванія, ни знаній, да и судить объ этомъ было удобнѣе современникамъ, нежели намъ, только и почерпающимъ отъ нихъ сужденія объ его профессорствѣ, ибо ученыхъ трудовъ въ строгомъ смыслѣ слова отъ него не осталось. Это во всякомъ случаѣ фактъ, о которомъ нельзя забывать. Вотъ если бы они нашлись, каковы бы они ни были, тогда мы еще могли бы повѣрить г. Витбергу и его произвольнымъ выводамъ и разсужденіямъ. Но изъ того, что у Гоголя были подъ руками тѣ же книги, какъ и у Бантыша-Каменскаго [2]), ровно ничего не слѣдуетъ; изъ этого можно съ увѣренностью вывести единственно то заключеніе, что въ самомъ дѣлѣ онъ

---

[1]) См. „Вѣстн. Европы“, 1890, XII, стр. 600.

[2]) „Истор. Вѣстникъ“, 1892, VIII, стр. 412.

Digitized by Google

до извѣстной степени занимался исторіей Малороссіи, въ чемъ, впрочемъ, и безъ того нѣтъ сомнѣнія,—полагаю, однако, отнюдь не имѣя равной эрудиціи съ Бантышъ-Каменскимъ. Но вѣдь все это указываетъ больше на приготовленіе къ ученымъ трудамъ, нежели на ихъ исполненіе. Г. Тихонравовъ, конечно не безъ основанія, вопреки всѣмъ сомнѣніямъ г. Витберга, утверждаетъ, что исторія Малороссіи не была вовсе написана Гоголемъ; разумѣется, если бы оказались слѣды ея, то мнѣніе наше должно было бы измѣниться, *но ихъ нѣтъ*; а что Гоголь объявлялъ, будто половина его исторіи уже готова, то это было сдѣлано, безъ сомнѣнія, между прочимъ для того, чтобы ему охотнѣе присылали матеріалы [1]); также какъ и ссылка его на попреки, будто „слогъ горитъ въ его исторіи и не исторически жгучъ и живъ“,—ровно ничего не доказываетъ, какъ и согласіе этихъ словъ съ его убѣжденіемъ, что слогъ профессора долженъ быть огненный: понятно, что,—по выраженію Погодина, „разсказывая чудеса“,—Гоголь представлялъ осуществленнымъ въ дѣйствительности именно то, что̀ прямо соотвѣтствовало его идеалу. Г. Витбергъ доказываетъ далѣе, что и Бѣлинскій не всегда исполнялъ обѣщанное имъ печатно; но напрасно онъ забываетъ, что есть разница между невольнымъ неисполненіемъ намѣренія и публичнымъ объявленіемъ о томъ, что́ только еще имѣетъ быть сдѣлано, но чего на самомъ дѣлѣ еще нѣтъ. Но намъ тяжело говорить объ этомъ, и не мы, конечно, заботимся объ умаленіи славы и репутаціи Гоголя. Даже приводя всѣ предыдущія соображенія, мы далеки отъ призыва нашего великаго и по истинѣ дорогого покойника на судъ мелочной и придирчивой критики. Гоголь, конечно, былъ не свободенъ отъ слабостей, которыя не зачѣмъ злорадно раздувать и которыя вовсе не даютъ намъ права надѣвать на себя маску непогрѣшимости и громить его за каждое слово, за каждую обмолвку, за преждевременную публикацію. И совсѣмъ не къ тому мы клонимъ рѣчь. Не злоба или зависть побуждаетъ насъ указывать *несовершенства* въ личномъ характерѣ Гоголя и его неподготовленность къ ученой карьерѣ; напротивъ, мы всегда были и будемъ за освобожденіе его памяти отъ преувеличен-

[1]) Отчасти же, какъ было сказано выше, подъ вліяніемъ самоувѣреннаго увлеченія, побуждавшаго Гоголя заранѣе вѣрить въ успѣхъ своего предпріятія.

Digitized by Google

ныхъ, а часто и вовсе *незаслуженныхъ* укоровъ, которыми иные хотѣли бы омрачить память его въ потомствѣ, и мы вполнѣ сочувствуемъ желанію г. Витберга возвысить свой голосъ въ пользу Гоголя. Но пусть г. Витбергъ не забываетъ одного— что, переходя должную мѣру въ законномъ оправданіи Гоголя и начиная безтактно ссориться съ истиной, онъ служитъ на самомъ дѣлѣ цѣлямъ, совершенно противоположнымъ той, какую имѣетъ въ виду, и подаетъ руку врагамъ памяти Гоголя, если таковые есть. Въ окончательномъ результатѣ, пріятная или печальная, истина восторжествуетъ, а крайнія мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ фактами, отдаляютъ, но не приближаютъ время этого торжества. Освобождая память Гоголя отъ несправедливыхъ нареканій, надо дѣйствовать осмотрительно, чтобы не повредить напрасно тому самому дѣлу, которому служишь. Г. Витбергъ основательно говоритъ, что противъ Гоголя упорно держатся нѣкоторыя несправедливыя предубѣжденія; но дѣло здѣсь касается *степени и значенія*, а никакъ не *самаго вопроса* о существованіи у Гоголя недостатковъ.

По мѣрѣ ближайшаго ознакомленія съ фактами намъ не разъ приходилось убѣждаться, что нельзя вѣрить безусловно *всѣмъ словамъ* Гоголя, какъ это предлагаетъ г. Витбергъ, показывая самъ примѣръ тому своимъ довѣріемъ даже чуть не къ жалобамъ Гоголя на его слушателей, которые являются теперь виноватыми въ неуспѣхахъ его преподаванія, наконецъ довѣріемъ въ томъ, что Гоголь собирался когда-то, тотчасъ послѣ школьной скамьи, какъ писалъ онъ матери, переводить свой историческій трудъ на иностранные языки, которыхъ тогда вовсе или почти вовсе не зналъ. Да вѣдь Марьѣ Ивановнѣ такъ необходимо было написать, чтобы она была поаккуратнѣе и прониклась важностью дѣла; да вѣдь и хитрость-то эта была не только невинная, но и *прямо законная*; къ чему же заходить въ дебри ложныхъ выводовъ ради принципа принимать безусловно каждое слово Гоголя! Неужели г. Витбергъ, не допускающій середины между крайними мнѣніями, ради принципа прямолинейности станетъ въ слѣдующей статьѣ доказывать, что Гоголь говорилъ правду и тогда, когда для успокоенія своей мнительной матери увѣрялъ ее, будто „самъ государь занимаетъ комнаты не ниже его комнаты“, и наконецъ, что „весь городъ боленъ кашлемъ“ [1]). Есть

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 120 и 199.

Digitized by Google

кромѣ того собственное свидѣтельство Гоголя, что онъ напр. польстилъ Андрею Андреевичу Трощинскому, и *нѣсколько разъ* Гоголь говоритъ о своемъ хвастовствѣ [1]). Конечно, я говорю эти послѣднія слова не съ цѣлью придать значеніе случайной и незначительной обмолвкѣ Гоголя и хочу только убѣдить г. Витберга, что уже теперешняя, совершенно не нужная ни для дѣла, ни для репутаціи Гоголя, его безусловная довѣрчивость къ каждой обмолвкѣ нашего писателя становится просто фантастической. Скажемъ прямо: вѣрить безусловно каждому слову Гоголя, какъ предлагаетъ г. Витбергъ, совершенно нельзя, какъ невозможно видѣть только свѣтлыя стороны его личности, *не зачѣмъ и нельзя*, потому что, вступивъ на этотъ невѣроятный путь, мы неизбѣжно увидимъ противъ себя многочисленныя показанія современниковъ Гоголя [2]), его собственныя иногда слишкомъ, позволю себѣ такъ выразиться, не осмотрительныя выраженія и такія письма, какъ къ Дмитріеву, Демидову, Уварову и другія. Какъ объяснить въ самомъ дѣлѣ неумѣренныя похвалы Гоголя Погодину въ началѣ ихъ знакомства, (что̀ бы Погодинъ ни написалъ, всѣ его „Мареы“, „Борисы“, „Петры“ непремѣнно приводили Гоголя въ восторгъ, но только до поры до времени) и проч. и проч.? Можно еще, пожалуй, вѣрить въ существованіе исторіи Малороссіи, которая вдругъ да гдѣ-нибудь и найдется; но какъ быть съ существующими фактами и опубликованными письмами, и матеріалами, гдѣ попадаются такія выраженія, какъ напр. „расплевался съ университетомъ“ и друг.? Какъ быть съ тѣмъ, что, лишь-только Гоголь заговоритъ о карьерѣ или протекціи, а также и во многихъ другихъ случаяхъ, какъ у него являются выраженія, вродѣ слѣдующихъ: „*Я рѣшился не зѣвать*,“ „*пронюхай*, что̀ есть путнаго въ библіотекахъ“, затѣмъ его совѣты „*отжилить* каѳедру“ и проч. Я согласенъ и утверждаю, что все это было неумѣренностью въ выраженіяхъ, и что иногда самый безукоризненный человѣкъ въ нравственномъ отношеніи можетъ поражать распущенностью рѣчи, и именно такъ *въ значительной степени* было и у Гоголя; но все же у Гоголя довольно часты, особенно въ его петербургскій періодъ, нѣ-

[1]) Тамъ же, стр. 98, 159, 207—208.

[2]) Они еще вновь появляются: напр.. воспом. сына Погодина, воспоминанія А. Д. Галахова, воспоминанія Ѳ. И. Буслаева и проч.

Digitized by Google

сколько неумѣренныя выраженія, доказывающія его напряженныя заботы прежде всего о карьерѣ и о лучшемъ устройствѣ своей судьбы. Во многихъ случаяхъ онъ бывалъ слишкомъ откровененъ на бумагѣ; но да не подумаетъ г. Витбергъ, что я подтверждаю на этотъ разъ его мнѣніе: Гоголь былъ откровененъ въ выраженіяхъ, когда дѣйствовалъ съ кѣмъ-нибудь сообща, преслѣдуя общіе интересы и обыкновенно энергически научая, какъ надо поступать. Надо прибавить еще— научая нѣсколько лукаво. Здѣсь важна, конечно, не хитрость собственно, какъ нравственный недостатокъ, но просто какъ особенность характера. Не одинъ Гоголь добивался хорошаго мѣста, извѣстности, каѳедры... Но едва ли кому-нибудь удастся доказать, что характеръ его былъ вполнѣ искренній, правдивый и открытый.

II.

Обращаюсь къ частностямъ. Во всѣхъ приведенныхъ выше положеніяхъ г. Витберга есть доля правды, но есть также— преувеличенія и ошибки. Г. Витбергъ говоритъ, что „увлеченіе историческими занятіями составляетъ весьма серьезный вопросъ въ жизни Гоголя". Едва ли это вѣрно. Что Гоголь занимался исторіей съ любовью и нѣкоторымъ увлеченіемъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; что въ своемъ увлеченіи онъ былъ готовъ одно время признать занятія исторіей своимъ истиннымъ призваніемъ и никого въ этомъ не обманывалъ, когда говорилъ это, — тоже правда; но вотъ съ чѣмъ нельзя согласиться: не говоря уже о томъ, что есть разные виды и степени увлеченія,—что̀ непремѣнно надо имѣть въ виду, ибо вообще нельзя отрицать степеней и оттѣнковъ, что̀ бы ни говорилъ г. Витбергъ,—ничѣмъ не можетъ быть доказано, что увлеченіе Гоголя было *сильное*, какъ это почему-то силится доказать г. Витбергъ, а если оно и бывало сильно временами, то навѣрно не имѣло права на то, чтобы ему было присвоено серьезно такое безусловное опредѣленіе степени его напряженности. Намъ кажется, что невозможно называть серьезнымъ вопросомъ жизни недолгое и въ собственныхъ глазахъ преувеличенное, хотя бы и не лишенное пламенныхъ порывовъ и сильныхъ вспышекъ увлеченіе. Увлеченіе можетъ быть продолжительное или мгновенное и наконецъ то

Digitized by Google

вспыхивающее, то угасающее. Увлеченіе Гоголя можно отнести къ послѣдней категоріи. Надо знать, какъ именно началось увлеченіе Гоголя, въ чемъ проявилось и чѣмъ кончилось.

Когда Гоголь пріѣхалъ изъ Нѣжина въ Петербургъ, то онъ вовсе не такъ скоро и непосредственно обратился къ историческимъ занятіямъ, какъ предполагаетъ г. Витбергъ, (хотя именно та часть статьи, гдѣ онъ говоритъ о возникновеніи интереса Гоголя къ исторіи, представляется намъ наиболѣе интересной и свободной отъ промаховъ). Мы не можемъ согласиться, что уже съ самаго начала, собирая черезъ родныхъ этнографическіе матеріалы, Гоголь имѣлъ въ виду *собственно* и главнымъ образомъ историческія занятія. Мы положительно утверждаемъ напротивъ, что онъ подготовлялъ въ то же время также и матеріалы для литературныхъ произведеній, т. е. для „Вечеровъ“, (какъ это показано въ главѣ „Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры“ въ первомъ томѣ нашихъ „Матеріаловъ“, гдѣ приведено и сгруппировано много подтвержденій этого взгляда); и съ другой стороны, мы рѣшительно противъ признанія той степени прочной устойчивости и строгой опредѣленности плановъ Гоголя въ отношеніи его занятій исторіей, о какой говоритъ г. Витбергъ. Въ своемъ предположеніи онъ заходитъ даже черезчуръ далеко. Правда, онъ справедливо указываетъ, что еще въ гимназіи Гоголь увлекался отчасти занятіями исторіей, но натяжка тотчасъ же даетъ себя знать и чувствуется въ выраженіи: „хотя поэтическая дѣятельность Гоголя началась еще въ Нѣжинской гимназіи, но своимъ поэтическимъ опытамъ онъ не придавалъ никакого значенія, увлекаясь преимущественно занятіями историческими“ [1]). Можно заключить, что еще мальчикомъ Гоголь зналъ

Одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть,

но въ сущности онъ скорѣе съ живымъ интересомъ слушалъ иногда разсказы преподавателя или читалъ что-нибудь относящееся къ исторіи, собиралъ кое-какіе историческіе матеріалы, разумѣется, какъ юноша, безъ особенно серьезной цѣли

[1]) „Историч. Вѣстн.“ 1890, VIII. стр. 302.

Digitized by Google

и системы. Но онъ относился къ занятіямъ исторіей, какъ дилеттантъ, да и позднѣе въ этомъ отношеніи былъ не больше, чѣмъ дилеттантъ. Если я употребляю такое выраженіе относительно юноши, то въ томъ, конечно, смыслѣ, что и у подростковъ замѣчается иногда способность или время отъ времени живо заинтересоваться чѣмъ-нибудь, или же иногда даже *настоящее*, истинное и прочное увлеченіе, разумѣется въ этомъ возрастѣ гораздо болѣе рѣдкое. Конечно, я лично отъ себя ничего не рѣшаюсь утверждать окончательно въ данномъ отношеніи, что́, было бы, можетъ быть, слишкомъ смѣло; но въ прежнихъ статьяхъ я на страницахъ журналовъ имѣлъ случаи приводить отзывы о страсти Гоголя къ исторіи, слышанные мною отъ его школьнаго товарища Данилевскаго. Вотъ какъ *на основаніи его словъ* я старался охарактеризовать эту страсть: „По свидѣтельству друга Гоголя, покойнаго А. С. Данилевскаго, еще изъ школы вынесъ Гоголь не мало свѣдѣній по исторіи; но эти свѣдѣнія ему удалось пріобрѣсти помимо правильныхъ занятій и усидчиваго труда; они были схвачены имъ, такъ сказать на лету, при чемъ богатое воображеніе даровитаго отрока тотчасъ облекало пріобрѣтаемыя разрозненныя познанія въ яркіе, живые образы. Онъ могъ знать, впрочемъ, сравнительно и немного, но несомнѣнно, что все то, что́ онъ узналъ, рисовалось ему въ характерныхъ своихъ признакахъ“. Данилевскій признавалъ за своимъ нѣжинскимъ товарищемъ достаточныя познанія по исторіи, но въ научномъ отношеніи вообще отмѣчалъ несомнѣнную разницу между нимъ съ одной стороны и Рѣдкинымъ и Кукольникомъ съ другой, въ пользу послѣднихъ. Правда, что точныхъ разспросовъ о превосходствѣ познаній послѣднихъ *именно въ области исторіи* я не дѣлалъ; но у насъ есть другія данныя о Гоголѣ-ученикѣ. По словамъ А. С. Данилевскаго, въ старшемъ классѣ преподаватель исторіи Бѣлоусовъ сталъ отличать Гоголя отъ другихъ учениковъ, приглашалъ его къ себѣ на домъ и всячески поощрялъ его любознательность; [2]) но при всемъ томъ даже въ послѣднемъ году отмѣтки Гоголя и по этому любимому предмету *были весьма не высоки*. Въ оф-

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1890, XII, 600. Оговорка въ концѣ приведенныхъ словъ имѣетъ въ виду возможное преувеличеніе степени историческихъ познаній въ устахъ пристрастнаго товарища, но не служитъ поправкой къ нимъ.

[2]) Объ этомъ см. между прочимъ „Истор. Вѣстн.“, 1892, XII, стр. 695.

Digitized by Google

фиціальныхъ свѣдѣніяхъ объ успѣхахъ Гоголя въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, сообщенныхъ въ 3-емъ приложеніи къ обстоятельной статьѣ профессора Лавровскаго, изъ приложенной къ ней таблицы, видимъ, что *даже передъ концомъ учебнаго курса*, когда Гоголь принялся за работу съ усиленной энергіей, онъ получалъ *только среднія отмѣтки по всѣмъ отдѣламъ исторіи, кромѣ средневѣковой, на которой имѣлъ даже прямо неудовлетворительные баллы, и только на окончательномъ экзаменѣ получилъ вездѣ высшую отмѣтку 4* [1]). Мы не хотѣли бы вносить такихъ мелочныхъ указаній въ наши „Матеріалы", да и вообще прибѣгаемъ къ столь неустойчивымъ даннымъ, какъ цифровыя отмѣтки, весьма неохотно; но кромѣ приведеннаго свидѣтельства Данилевскаго и этихъ отмѣтокъ, къ сожалѣнію, не имѣется никакихъ данныхъ для сужденія о настоящемъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ дѣлать противоположныя заключенія нѣтъ никакого основательнаго резона.

Позволимъ себѣ, однако, на основаніи слышанныхъ нами разсказовъ о Гоголѣ отъ Данилевскаго, пояснить приблизительно вынесенное изъ нихъ впечатлѣніе, съ той необходимой оговоркой, что развитіе мысли въ подробностяхъ принадлежитъ уже намъ и представляетъ наше *личное* предположеніе, которое имѣетъ за себя лишь общее сходство съ выше отмѣченнымъ нами сообщеніемъ покойнаго друга и товарища Гоголя. Прежде всего намъ припоминается въ связи съ характеристикой увлеченія исторіей у Гоголя, сдѣланной Данилевскимъ, общеизвѣстный фактъ еще болѣе сильнаго увлеченія его романами Вальтеръ Скотта. Еще подъ вліяніемъ разсказа Данилевскаго и такихъ яркихъ картинъ въ лекціи Гоголя о среднихъ вѣкахъ, какъ прекрасное изображеніе жилища алхимика, мы писали: „И во всемъ, что̀ слышалъ нѣкогда Гоголь на урокахъ исторіи, должны были дышать тѣ же полныя жизни и красокъ картины". Т. е., слушая разсказъ преподавателя, Гоголь иногда уносился мысленно въ отдаленныя страны и времена; поэтическое его воображеніе съ поразительной ясностью яркими красками рисовало ему всю обстановку дѣйствія, облекало возставшія передъ нимъ фигуры и живыхъ людей въ ихъ національный костюмъ и об-

[1]) См. „Извѣстія Историко-Филологич. Института", т. III, 1879, неоффиціальный отдѣлъ, стр. 243. Впрочемъ Гоголь иногда въ среднихъ классахъ имѣлъ хорошія отмѣтки по исторіи, но вообще отмѣтки его колебались.

Digitized by Google

ставляло, насколько это позволялъ уровень познаній Гоголя, всю картину характеристическими признаками вѣка, улавливая мелкія живописныя черты окружающаго ландшафта и доходя до яркой эффектной обрисовки общаго фона этой картины, до воспроизведенія мелочей, вродѣ человѣческихъ тѣлодвиженій, оживленныхъ жестовъ, загара лица, складокъ и покроя плаща. Торжественное или мрачное, оживленное или вялое настроеніе толпы, восточная пестрота или роскошь юга—все это, вѣроятно, также, какъ бы повинуясь какому-то волшебному жезлу, отчетливо рисовалось Гоголю. Однимъ словомъ, въ его воображеніи воскресалъ яркій внѣшній обликъ прежнихъ вѣковъ; все передъ нимъ какъ бы двигалось и дышало. Именно такіе яркіе и, такъ сказать, слившіеся въ одну картину образы, въ которыхъ въ высшей степени характерна всякая мелочь, должны были возникать въ воображеніи Гоголя-юноши, какъ будущаго художника, и проноситься передъ его умственнымъ взоромъ, когда онъ слушалъ преподаваніе или читалъ любопытныя историческія сочиненія. Но тутъ же замѣтимъ, что интересъ Гоголя къ исторіи всегда поддерживался преимущественно этой прихотливой работой или игрой фантазіи, что, очевидно, исключало возможность сформированія въ немъ серьезнаго ученаго. Имѣя несомнѣнное преимущество передъ учеными спеціалистами въ тѣхъ случаяхъ, когда къ его услугамъ являлась игра богатаго воображенія, онъ въ остальное время, разумѣется, во всемъ уступалъ имъ. Слушая учителя, юноша-Гоголь на основаніи его словъ, по всей вѣроятности, представлялъ себѣ картины прошлаго гораздо живѣе, ярче и характернѣе самого разсказывающаго, и этой же своей способностью впослѣдствіи онъ поражалъ также и затмевалъ въ иныя минуты даже серьезныхъ спеціалистовъ и знатоковъ вродѣ Погодина. Но воображеніе, показывая нашему поэту прошлые вѣка словно въ волшебномъ фонарѣ, и развертывая передъ нимъ одну за другой чудныя картины, во-первыхъ представляло ихъ по необходимости не точно, и слѣдовательно *уже потому* Гоголь не могъ сдѣлаться *настоящимъ историкомъ*, и во-вторыхъ, дѣятельность фантазіи почти не находится въ нашемъ распоряженіи: сегодня она, воспламененная какой-нибудь искрой, работаетъ на славу и разсыпаетъ свои дары съ истинно царской щедростью, а завтра угасла и смотритъ неумолимымъ скупцомъ. Въ

Digitized by Google

этомъ-то и была, конечно, причина того, что Гоголь на однихъ и тѣхъ же людей производилъ въ разное время неодинаковое впечатлѣніе не только разными сторонами нравственной своей личности, но и въ силу неодинаковаго настроенія или воодушевленія.

III.

Далѣе г. Витбергъ довольно кстати указываетъ, что, еще бывши нѣжинскимъ гимназистомъ и пріѣзжая домой на каникулы, Гоголь, по собственной охотѣ, училъ сестеръ исторіи и географіи. Это, конечно, весьма важный фактъ, ясно свидѣтельствующій о любви его къ названнымъ предметамъ, а отчасти и къ педагогическимъ занятіямъ, хотя опять отъ этихъ юношескихъ порывовъ до истиннаго призванія еще очень и очень далеко. Но чтобы представить дѣло въ его настоящихъ размѣрахъ, необходимо тотчасъ же вспомнить, что все это говоритъ единственно о характерѣ его наклонностей, но еще *далеко не служитъ ручательствомъ за ихъ устойчивость и силу*. Мы уже знаемъ, что впослѣдствіи Гоголь самъ говорилъ о себѣ, что онъ не созданъ педагогомъ и что считалъ свое педагогическое прошлое одной изъ наиболѣе печальныхъ и крупныхъ ошибокъ своей жизни. Правда, Гоголь какъ будто интересовался уже на школьной скамьѣ собираніемъ историческихъ матеріаловъ, именно въ то время, когда у него начали складываться опредѣленные вкусы, (весьма важные, конечно, для его будущей нравственной физіономіи, хотя это были *пока только вкусы неустановившагося юноши*); но Гоголь въ то же время увлекался и театромъ, и изданіемъ школьнаго журнала, и многимъ другимъ, а думать серьезно начиналъ уже о блестящихъ успѣхахъ на поприщѣ государственной службы. Г. Витбергъ не правъ особенно въ томъ, что слишкомъ односторонне и преувеличенно выдвигаетъ въ данный и въ позднѣйшій періодъ именно историческія увлеченія Гоголя, иногда не уберегаясь отъ капитальныхъ натяжекъ, хотя, правда, внѣ своеобразной постановки вопроса статья его сразу потеряла бы совершенно занимательность и оригинальность. Кромѣ того, мы позволили бы себѣ сдѣлать особенное удареніе при обсужденіи даннаго вопроса на томъ, что вѣдь Гоголь вовсе не былъ такъ постояненъ и послѣдователенъ вообще въ своихъ

Digitized by Google

увлеченіяхъ, а въ частности и въ своемъ увлеченіи исторіей, какъ это воображается г. Витбергу, который не разъ совсѣмъ неудачно повторяетъ, что *сознательно* Гоголь съ увлеченіемъ въ первые годы петербургской жизни предавался занятіямъ исторіей, а безсознательно служилъ своей музѣ. [1])

Вполнѣ ли это такъ? Дѣйствительно ли Гоголь настолько отдавался исторіи? дѣйствительно ли совершенно опредѣленно онъ поставилъ себѣ цѣль, которой и оставался безусловно вѣренъ, пока не выяснилось окончательно его призваніе? Мы отвѣтили бы на это отрицательно, и вотъ почему: какъ въ Нѣжинѣ, такъ и потомъ Гоголь продолжалъ увлекаться по временамъ *въ разныхъ направленіяхъ:* онъ думалъ и о театрѣ, о живописи [2]), о путешествіи и о литературѣ,—какъ бы ни доказывалъ противное г. Витбергъ, исходящій изъ вѣрнаго основанія, но, какъ и въ остальныхъ случаяхъ, впадающій въ крайность. Только *однимъ* изъ увлеченій Гоголя было его увлеченіе исторіей, и это увлеченіе, не будучи исключительнымъ, не было также особенно устойчивымъ.

Собственно для болѣе знакомыхъ съ біографіей Гоголя это не требуетъ никакихъ поясненій, но для большой публики приведемъ хотя бы собственныя слова Гоголя, переданныя въ статьѣ г. Мундта: „На вопросъ, почему Гоголь желаетъ избрать сценическую карьеру, онъ такъ отвѣчалъ Храповицкому: „я человѣкъ не богатый, служба врядъ ли можетъ обезпечить меня; мнѣ кажется, что я не гожусь для нея; *къ тому же я чувствую призваніе къ театру*“. („С.-Петер. Вѣдомости“, 1861, № 235). Говоря эти слова, Гоголь, очевидно, и не думалъ о томъ, что *будто бы еще въ юности* опредѣленно и *сознательно* намѣтилъ своимъ признаніемъ изученіе исторіи (?!) Какъ ни перетолковывай эти слова, а они одни уже опровергаютъ г. Витберга. Мы бы привели и другія доказательства, но намъ кажется и безъ того непріятнымъ гораздо больше удѣлять мѣста опроверженіямъ нашего оппонента, нежели мы желали бы это допустить въ своей книгѣ...

Если бы мы захотѣли дать себѣ спокойный отчетъ въ томъ, какая была причина *по крайней мѣрѣ сравнительной устойчивости* увлеченія Гоголя исторіей, то едва ли не пришлось бы

---

[1]) „Истор. Вѣстн.“, 1892, VIII, стр. 392, 396 и проч.

[2]) См. „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 115.

Digitized by Google

признать, что большую роль играли здѣсь чисто внѣшнія обстоятельства и временное оффиціальное положеніе Гоголя. Лишь-только Гоголь оставилъ каѳедру, какъ это увлеченіе, не исчезая, впрочемъ, совсѣмъ, тотчасъ же отошло, однако, на дальній планъ [1]). И такъ это вовсе не было увлеченіе ровное и, такъ сказать, выдержанное, но скорѣе *подогрѣтое и раздутое*. По своему возрасту и темпераменту, по своей пылкой южной натурѣ, Гоголь былъ весьма склоненъ къ энтузіазму, и притомъ не только къ бурнымъ минутнымъ вспышкамъ, но и къ болѣе или менѣе продолжительному возбужденію, и все-таки порывы увлеченія въ немъ проходили и вновь пробуждались, какъ мы видѣли, въ весьма большой зависимости и отъ внѣшнихъ причинъ, вслѣдствіе чего дѣйствительно надо признать, согласно съ г. Витбергомъ, что его историческія увлеченія много поддерживались интересомъ къ исторіи у Жуковскаго, Пушкина, Плетнева и Погодина, но смотрѣть на этотъ фактъ слѣдуетъ иначе [2]). Мѣсто это самое дѣльное въ его статьѣ и мы охотно приводимъ его здѣсь.

„Знакомство съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, оказавшее въ высшей степени благотворное вліяніе на поэтическое творчество Гоголя, поддержало въ немъ интересъ и къ историческимъ работамъ. Жуковскій, поглощенный своими обязанностями воспитателя наслѣдника русскаго престола, занялся вскорѣ составленіемъ для своего царственнаго питомца историческихъ таблицъ, а Пушкинъ, только-что окончившій и издавшій историческую пьесу: „Борисъ Годуновъ“, съ 1831 г. началъ работать въ архивахъ, собирая матеріалы для задуманной имъ исторіи Петра Великаго. Такимъ образомъ, Гоголь могъ съ обоими вести разговоры не только о предметахъ литературныхъ, но и историческихъ. Извѣстно, какое важное образовательное значеніе придавалъ Жуковскій исторіи, ко-

[1]) Гоголь почти до самой смерти, предаваясь преимущественно чтенію любимыхъ европейскихъ классиковъ и богословскихъ сочиненій, не оставлялъ и чтеніе историческое.

[2]) Г. Витбергъ основательно указываетъ на то, что интересъ къ исторіи долженъ былъ соединять Жуковскаго и Пушкина съ одной стороны и Гоголя съ другой. Онъ указываетъ въ подтвержденіе «Русск. Стар.», 1880, XXVII, 251 и Соч. Пушкина, т. V, 36. Мы еще прибавили бы ссылку на воспом. Лонгинова (въ „Совр “; 1854, III, стр. 88 и „Записки о жизни Гоголя“ т. I, стр. 85), ибо въ послѣднихъ источникахъ объ этомъ говорится какъ о фактѣ, а не предположеніи только.

Digitized by Google

торую онъ называлъ „сокровищницею просвѣщенія царскаго“ и считалъ, что она „должна быть главною наукою наслѣдника престола“ („Русская Старина“, 1880 г., XXVII, 251). Трудно предположить, чтобы, при такомъ интересѣ къ исторіи со стороны Гоголя и Жуковскаго, между ними не происходили бесѣды на историческія темы.

Что̀ касается разговоровъ Гоголя съ Пушкинымъ, то въ бумагахъ послѣдняго мы находимъ любопытный отрывокъ, имѣющій прямое отношеніе къ интересующему насъ вопросу. Между историческими замѣтками Пушкина попадается, между прочимъ, слѣдующая „программа“:

„Что̀ называется нынѣ Малороссія? Что составляло прежде Малороссію? Когда отторгнулась она отъ Россіи? Долго-ли находилась подъ владычествомъ татаръ? Отъ Гедимина до Сагайдачнаго, отъ Сагайдачнаго до Хмельницкаго, отъ Хмельницкаго до Мазепы, отъ Мазепы до Разумовскаго?“ Въ собраніи его сочиненій программа эта отнесена къ 1825 году (см. „Сочиненія“, изд. 8, V, 36), хотя Анненковъ, изъ „Матеріаловъ“ котораго она перепечатывается въ сочиненіяхъ Пушкина, опредѣленнаго года и не указываетъ. Годъ, впрочемъ, и не играетъ тутъ особенной роли. Когда бы ни была написана Пушкинымъ эта программа, она показываетъ, что онъ интересовался исторіей Малороссіи, и этотъ интересъ, независимо отъ множества другихъ историческихъ темъ, представлялъ готовый матеріалъ для историческихъ бесѣдъ съ нимъ Гоголя. Вдобавокъ, мы имѣемъ объ этихъ бесѣдахъ свидѣтельство самого Гоголя. Въ письмѣ его къ Пушкину отъ 23 декабря 1833 года находимъ такія строки: „Я восхищаюсь заранѣе, когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ. Тамъ я выгружу изъ-подъ спуда многія вещи, изъ которыхъ я не всѣ еще читалъ вамъ“ („Русскій Архивъ“ 1880 г., II, 513). Значитъ, онъ не только бесѣдовалъ съ Пушкинымъ на историческія темы, но и читалъ ему нѣкоторые свои историческіе наброски“ [1]).

Но чѣмъ больше было вокругъ Гоголя такихъ лицъ, тѣмъ бо́льшее значеніе получаютъ наши слова о вліяніи на него внѣшнихъ условій, съ той впрочемъ оговоркой, что эти внѣшнія условія *только тогда* имѣли силу, когда они находили

[1]) „Историч. Вѣстн.“, 1892, VIII, стр. 366—397.

Digitized by Google

естественный внутренній отголосокъ въ душѣ Гоголя. И, въ свою очередь, позднѣе его институтское преподаваніе отчасти могло научить учениць съ живымъ интересомъ и увлеченіемъ читать великую книгу исторіи.

Что Гоголь былъ способенъ *иногда* увлекать своихъ слушателей—юныхъ и взрослыхъ—совсѣмъ не удивительно, именно благодаря его колоссальному таланту, и собственному увлеченію, хотя и вспыхивавшему моментальной искрой во время его уроковъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Плетневъ, и какъ мы знаемъ изъ разсказа о вступительной и еще другой лекціи Гоголя, на которой присутствовали Жуковскій и Пушкинъ. Но вѣдь это было пламя мелькающее, это былъ блескъ молніи, то ярко вспыхивающій и разомъ озаряющій погруженную во мракѣ окрестность, то совершенно слабый и замирающій. Самъ Гоголь въ данномъ случаѣ представлялъ натуру крайне неустойчивую. Ему нравились яркія краски, широкіе горизонты, и въ этомъ отношеніи въ немъ, безъ сомнѣнія, сказался южанинъ; но нравилась ему также, какъ мы говорили, и казацкая и общерусская отвага, побуждавшія его не слишкомъ церемониться съ скучными фактами и сухими подробностями науки.

Каковъ былъ Гоголь въ жизни, рекомендовавшій своимъ пріятелямъ почаще вспоминать о трынъ-травѣ, „совѣтовавшій одному изъ нихъ садиться въ дилижансъ и валять, чтобы какой-нибудь олухъ не влѣзъ на каѳедру“, а съ дѣлами поступать смѣлѣе: „одно по боку, другому киселя дай, и все кончено“ [1])! таковъ же онъ былъ и въ наукѣ. А надо сознаться, что отвага въ этомъ отношеніи была у Гоголя далеко не малая: не только наши историки, какъ Бантышъ-Каменскій, не внушали ему уваженія, но и европейскіе склонялись у него въ множественномъ числѣ („Герены“ [2])), а о книгахъ онъ даже попросту выражался: „чортъ возьми, если онѣ не служатъ теперь для тебя (Максимовича), только, чтобы отемнить твои мысли“. Со студентами же, какъ мы уже знаемъ, по его мнѣнію, лучше всего было бы поступать такъ: „бросить всѣ прежде читанныя лекціи и наталкивать ихъ *морду* (sic) на

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V стр. 202 и 206, письма Гоголя къ Максимовичу, стр. 7—9.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, на стр. 226—228 отзывы Гоголя о Геренѣ, и въ самой вынужденной похвалѣ неуважительное множ. число: «Я бы отъ души былъ радъ, еслибы намъ *подавали* (sic!) побольше Гереновъ».

Digitized by Google

хорошее“ [1]). Этотъ размашистый тонъ вообще характеренъ для Гоголя (и именно больше всего въ эпоху, совпадающую съ его историческими занятіями), а это, конечно, ясно показываетъ, что передъ нами не истинный жрецъ науки. Г. Витбергъ очень мѣтко и вѣрно указалъ, что такой глубоко пренебрежительный, чуть не до цинизма, доходившій тонъ Гоголь употреблялъ часто, когда говорилъ объ оффиціальныхъ лицахъ, которыхъ считалъ иногда не очень-то заслуживающими уваженія, и, можетъ быть, не безъ основанія замѣтилъ, что иногда они того именно и стоили; *но наука и кавѳедра никогда такого тона заслуживать не могутъ*. Наука потому и не далась между прочимъ Гоголю, что онъ приступалъ къ ней безъ должнаго уваженія, что, по нашей національной привычкѣ, онъ имѣлъ притязаніе и надежду схватить все сразу, не воспитавъ въ себѣ вообще никакого *культа науки*, которая съ своей стороны не терпитъ тѣхъ, кто обращается съ ней фамильярно, чтобы не употребить иного выраженія. А какъ обращался Гоголь къ наукѣ? Вступалъ ли онъ съ благоговѣніемъ въ ея святилище, подобно почтеннымъ представителямъ западно-европейской и особенно нѣмецкой науки? Отдавалъ ли Гоголь, подобно Бѣлинскому, святыя минуты восторга пламенной любви къ истинѣ? Чувствовалъ ли въ душѣ благородный трепетъ избранника музы исторіи? Конечно, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, потому что иначе никогда бы онъ не былъ въ состояніи употребить выраженіе, что „расплевался съ университетомъ“, хотя бы и съ самымъ убогимъ и жалкимъ! Не только о вопросахъ карьеры, но и о наукѣ Гоголь говорилъ съ какимъ-то пренебрежительнымъ цинизмомъ, и очень жаль, что онъ встрѣчалъ этой своей чертѣ хотя бы молчаливое снисходительное поощреніе въ своихъ друзьяхъ-профессорахъ и—увы!—въ лучшей нашей національной гордости и красѣ—въ Пушкинѣ! Все это только лишній разъ показываетъ, что Европа еще долго должна быть нашимъ образцомъ, потому что для нея все это уже давнымъ-давно пережитой моментъ и она, что́ ни говори, сильно превосходитъ насъ культурностью и уваженіемъ къ наукѣ, мысли и знанію. Но еще разъ съ особеннымъ удареніемъ повторяю: у насъ за многое винятъ исключительно Гоголя, тамъ, гдѣ надо видѣть въ немъ только

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 215.

Digitized by Google

болѣе яркое проявленіе нашихъ общихъ грѣховъ. И въ данномъ отношеніи Гоголь, сынъ своего народа и племени, имѣлъ бы право грозно сказать намъ изъ гроба: „чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь“! *Такъ не будемъ же это забывать.*

IV.

Въ доказательство высказанной нами мысли приведемъ подробныя данныя, касающіяся несравненно выше цѣнившаго знанія и науку, величайшаго поэта нашего Пушкина. Это объяснитъ намъ, насколько мы правы, взваливая всю вину на одного Гоголя, а равно и то, почему Пушкинъ могъ спокойно смотрѣть на извѣстную намъ роковую ошибку Гоголя.

Пушкинъ признавалъ, по словамъ его біографа (Анненковъ, „Матеріалы“, изд. 2, стр. 77), только одно воспитаніе,— „которое дается человѣку обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. Другого воспитанія, говорилъ онъ, нѣтъ для существа, одареннаго душой“. Такимъ образомъ онъ какъ будто отвергалъ въ самомъ принципѣ педагогію въ смыслѣ воздѣйствія одного человѣка на другихъ, или, по крайней мѣрѣ, придавалъ ей весьма ограниченное значеніе, приписывая несравненно важнѣйшее и существеннѣйшее значеніе самообразованію. Этотъ основной взглядъ Пушкина на воспитаніе достаточно объясняетъ намъ, почему напрасно было бы ожидать отъ Пушкина внимательнаго отношенія къ педагогическимъ требованіямъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, и почему онъ, быть можетъ, былъ снисходителенъ къ педагогическимъ и профессорскимъ притязаніямъ Гоголя. Покойный профессоръ Никольскій, по поводу приведенныхъ выше словъ объ А. С. Пушкинѣ П. В. Анненкова, прибавилъ отъ себя: „Пушкинъ, очевидно, судилъ по себѣ, но къ нему эти слова могутъ быть примѣнены во всей справедливости. Воспитаніе, которое давалъ Пушкинъ самому себѣ, состояло въ упорномъ и неустанномъ трудѣ“. („Идеалы Пушкина“, стр. 37).

Еще во время своего пребыванія въ школѣ, благодаря отчасти быстрому преждевременному развитію, а особенно раннему выступленію на литературное поприще, Пушкинъ охотнѣе переносился мыслью къ будущему, нежели останавливался на настоящемъ. Въ своихъ отрывкахъ изъ лицей-

Digitized by Google

скихъ замѣтокъ онъ, какъ видно по набросанному плану, предполагалъ говорить гораздо больше о впечатлѣніяхъ жизни и событіяхъ политическихъ, нежели о прискучившемъ школьномъ обиходѣ. Подъ конецъ Пушкинъ сильно тяготился лицеемъ, который еще при самомъ вступленіи въ него шутливо сравнивалъ съ монастыремъ, откуда его влекло явиться разстригой въ Петербургъ и неожиданно предстать передъ любимой сестрой (См. посланіе „Къ сестрѣ“). Передъ оставленіемъ же лицея онъ довольно откровенно сознавался въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому: „Правда, время моего выпуска приближается; остался годъ еще. Но цѣлый годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!“ [1])... (Замѣтимъ мимоходомъ, что послѣднія слова интересны, какъ косвенная оцѣнка оффиціальнаго преподаванія любимой Пушкинымъ отечественной литературы).

Своимъ воспитаніемъ Пушкинъ, по многимъ причинамъ, былъ вообще, какъ извѣстно, очень неудовлетворенъ: первоначальное домашнее воспитаніе, слишкомъ безпочвенное и такъ ярко охарактеризованное эпитетомъ „французское“, онъ называлъ обыкновенно „проклятымъ“; въ позднѣйшемъ лицейскомъ образованіи онъ находилъ также не менѣе крупные недостатки. Въ поданной императору запискѣ „О народномъ воспитаніи“ Пушкинъ имѣлъ въ виду, безъ сомнѣнія, преимущественно *личныя* воспоминанія, когда сѣтовалъ на то, что во многихъ училищахъ „дѣти занимаются литературой, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ“ [2]). Подобное отвлеченіе отъ главной и естественной цѣли занятій учебнаго возраста Пушкинъ въ зрѣлыхъ годахъ признавалъ крайне нежелательнымъ и вреднымъ для юношей. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, посвященныхъ лицею, онъ даетъ намъ мимоходомъ слѣдующую картину занятій товарищей-лицеистовъ:

„Они твердятъ томительный урокъ,
Или романъ украдкой пожираютъ,
Или стихи влюбленные слагаютъ,
Забывъ межъ тѣмъ полуденный рожокъ“.

Результаты лицейскаго образованія казались Пушкину

---

[1]) Соч. Пушкина, изд. Литерат. Фонда, т. VII, стр. 2.
[2]) Соч. Пушкина, изд. Литерат. Фонда, т. VII, стр. 46.

Digitized by Google

впослѣдствіи слишкомъ поверхностными и неудовлетворительными, хотя о томъ же лицеѣ онъ написалъ извѣстные прекрасные, проникнутые глубокимъ чувствомъ стихи:

„Да здравствуетъ Лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ".

Съ лицейскими учителями Пушкина мы знакомимся преимущественно изъ разныхъ другихъ источниковъ, но почти ничего не узнаемъ о нихъ изъ его произведеній и автобіографическихъ замѣтокъ. Въ посланіи „Моему Аристарху" подъ послѣднимъ поэтъ разумѣетъ преподавателя русской словесности Н. Ѳ. Кошанскаго и, повидимому, представляетъ его читателямъ не въ очень благопріятномъ свѣтѣ, говоря ему съ раздраженіемъ:

„Я знаю самъ свои пороки;
Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой."

Гораздо полнѣе и ярче рисуется намъ, на основаніи посланій Пушкина, личность добродушнаго, но слабаго и распущеннаго профессора Галича: его портретъ въ стихотвореніяхъ Пушкина оказывается замѣчательно сходнымъ съ извѣстными намъ болѣе обстоятельными характеристиками этого наставника-эпикурейца. Кромѣ посланій къ Кошанскому и Галичу мы находимъ однажды у Пушкина бѣглое, но чрезвычайно сочувственное упоминаніе о Куницынѣ, извѣстномъ профессорѣ нравственной философіи и правовѣдѣнія, одномъ изъ самыхъ образованныхъ и талантливыхъ преподавателей не только лицея, но и вообще всей Россіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Пушкинъ съ негодованіемъ осыпаетъ цензора упреками за безтолковую строгость:

„Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру—пасквилемъ, поэзію развратомъ,
Гласъ правды—мятежомъ, Куницына—Маратомъ!"
(Первое посл. цензору)".

Этимъ и ограничиваются стихотворныя воспоминанія Пушкина о бывшихъ своихъ учителяхъ и профессорахъ. Но, бро-

Digitized by Google

сая послѣдній взглядъ на лицейскія воспоминанія поэта, не можемъ не напомнить его прелестныхъ, проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ стихотвореній по поводу празднованій лицейскихъ годовщинъ 19 октября. Нельзя не пожалѣть, что ни разу не случилось Пушкину остановиться въ своихъ прозаическихъ замѣткахъ на времени своего воспитанія, такъ какъ его „Лицейскія годовщины“ имѣютъ все-таки болѣе общій характеръ воспоминанія о счастливой порѣ юности и о тѣсномъ кругѣ школьнаго товарищества.

Замѣтимъ кстати, что если мы припомнимъ отношенія къ школѣ у Гоголя, то между ними окажется замѣтная разница: между тѣмъ какъ Гоголь, по многочисленнымъ воспоминаніямъ людей близко его знавшихъ, часто любилъ оживлять въ своей памяти разные, правда преимущественно комическіе эпизоды изъ давнихъ школьныхъ воспоминаній, что̀ давало ему иногда поводъ касаться въ интимной бесѣдѣ вопросовъ о воспитаніи и вызвало даже попытку изобразить въ „Мертвыхъ Душахъ“ личность идеальнаго педагога,—для Пушкина, наоборотъ, время лицейскаго ученія съ его оффиціальной стороны было, повидимому, совершенно забыто, и съ Царскимъ Селомъ у него были связаны исключительно воспоминанія о дѣтской рѣзвости и увлеченіяхъ юности среди плѣнительнаго приволья тѣнистыхъ садовъ. Въ художественныхъ произведеніяхъ, журнальныхъ статьяхъ и въ частной перепискѣ Пушкина мы находимъ много чрезвычайно глубокихъ и мѣткихъ отзывовъ и мыслей, касающихся исторіи, литературы, политики, но кромѣ статьи о народномъ воспитаніи, не находимъ ни слова о вопросахъ педагогическихъ [1]).

Пушкинъ былъ всегда очень далекъ отъ какого бы то ни было служенія обществу, кромѣ литературы. Онъ былъ вполнѣ сыномъ своей эпохи, когда служба для молодыхъ людей средняго круга была дѣломъ очень второстепеннымъ, о которомъ

[1]) Замѣтимъ между прочимъ слѣдующую не лишенную интереса параллель: Гоголь, какъ юмористъ, любилъ, вслѣдствіе чисто художническихъ побужденій, воспроизводить въ своей памяти навсегда запечатлѣвшіеся въ ней образы своихъ школьныхъ учителей, но, мало сознавая необходимость пополненія пробѣловъ, рѣдко вдавался въ серьезную критику полученнаго имъ воспитанія; Пушкинъ напротивъ меньше предавался воспоминаніямъ и меньше задумывался о вопросахъ, касающихся воспитанія въ ихъ частностяхъ и деталяхъ, но общій взглядъ его на воспитаніе былъ требовательнѣе, глубже и сознательнѣе.

Digitized by Google

думали и говорили *между прочимъ*, и которое, подобно молодому Владиміру Дубровскому въ извѣстной повѣсти Пушкина, съ легкимъ сердцемъ оставляли навсегда при первомъ представившемся случаѣ. Не имѣя вообще никогда и въ помышленіи службу—все равно, государственную или частную,—Пушкинъ, очевидно, ни на минуту не имѣлъ случая поставить себя въ положеніе педагога и не дожилъ до того времени, когда онъ былъ бы поставленъ въ это положеніе самой природой—единственный возможный случай, когда можно было бы болѣе или менѣе ожидать, что онъ принялъ бы на себя эту роль. Насколько трудно было бы представить себѣ обращеніе Пушкина къ педагогическимъ заботамъ внѣ этой возможности, каждый можетъ легко заключить по слѣдующимъ словамъ одного письма его къ брату, показывающаго, что даже говорить о перспективѣ для себя педагогической дѣятельности Пушкинъ могъ только, какъ о чемъ-то совершенно несбыточномъ, невѣроятномъ и ни съ чѣмъ несообразномъ: „Изъясни отцу моему, что безъ его денегъ я жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней цензурѣ; ремеслу же столярному я не обучался; *въ учителя не могу идти*, хоть я и знаю Законъ Божій и четыре первыя правила—но служу я не по волѣ своей — и въ отставку идти не возможно“... (Соч. Пушк., VII т., 52 стр.).

Какъ человѣкъ просвѣщенный, много думавшій вообще и работавшій въ продолженіе всей жизни надъ самообразованіемъ, Пушкинъ не могъ, разумѣется, не составить опредѣленныхъ представленій о современномъ воспитаніи, и ихъ-то онъ и высказалъ въ своей извѣстной запискѣ „О народномъ воспитаніи“, составленной по неожиданному требованію Императора Николая. Мы упоминали, что сильно сознаваемые недостатки школьнаго воспитанія уже давно побуждали Пушкина устремить вниманіе на энергическое восполненіе пробѣловъ, такъ что потомъ начатое имъ сызнова, почти тотчасъ по оставленіи стѣнъ лицея, самообразованіе уже никогда не прекращалось въ теченіе всей жизни. Тутъ, безъ сомнѣнія, не разъ представлялись случаи подумать и о вопросахъ образованія вообще. Академикъ Я. К. Гротъ, въ своей рѣчи при открытіи памятника Пушкину, разсматривая великаго поэта, какъ человѣка, и слѣдя за постепеннымъ развитіемъ его личности, не даромъ придавалъ особенное значеніе его постояннымъ и

Digitized by Google

напряженнымъ заботамъ о самовоспитаніи и самосовершенствованіи [1]). Покойный профессоръ Никольскій съ такою-же послѣдовательностью прослѣдилъ развитіе особенно религіозныхъ, гражданскихъ и политическихъ идеаловъ Пушкина и такъ же внимательно остановился на изслѣдованіи никогда не покидавшаго его стремленія учиться и расширять запасъ своихъ познаній [2]). Самъ поэтъ писалъ объ этомъ своему другу Чаадаеву въ посланіи къ нему въ 1821 году:

„Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ".

Въ запискѣ „О народномъ воспитаніи", составленной не столько съ цѣлью обсужденія общихъ педагогическихъ началъ, сколько въ виду практическихъ требованій минуты уяснить себѣ настоящее политическое положеніе дѣлъ внутри государства въ связи съ воспитаніемъ, отыскать путь къ устраненію возможности повторенія политическихъ волненій въ ближайшемъ будущемъ, — значительная часть ея посвящена, такъ сказать, злобѣ дня, что̀ опять отнимаетъ у нея долю общаго педагогическаго значенія, такъ какъ даже въ случаяхъ однородныхъ, вслѣдствіе измѣненія посылокъ, представляемыхъ вѣчно измѣняющимися событіями, неминуемо должны существеннымъ образомъ измѣняться и самыя заключенія.

Переходя къ обзору содержанія записки, мы должны прежде всего отмѣтить, что Пушкинъ не безъ основанія указываетъ въ ней на нѣкоторую искусственность и безпочвенность ультра-либеральныхъ теченій мысли у насъ, сравнительно съ Западомъ, гдѣ они развивались органически на почвѣ, подготовленной вѣками, и видитъ одну изъ причинъ увлеченій ими въ „недостаткѣ просвѣщенія и нравственности".

Онъ отвергаетъ заговоры, кровавые перевороты, тайныя общества; винитъ во многомъ пагубный примѣръ европейскихъ сосѣдей и требуетъ усиленія просвѣщенія. Едва ли можно согласиться съ великимъ поэтомъ во взглядѣ его на вредъ „чужеземнаго идеалогизма": усвоивая и перенимая что-

[1]) „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину", С.-Петербургъ. 1880, 233—243.
[2]) См. брошюру Никольскаго: „Идеалы Пушкина". Спб., 1887.

Digitized by Google

либо извнѣ, необходимо приступать къ этому дѣлу осмотрительно и съ извѣстной критикой—это истина азбучная, — и странно обвинять другихъ за собственное неумѣніе и ошибки; но указанная нами заключительная мысль первой части его трактата дѣлаетъ безусловно великую честь перу писателя не менѣе, чѣмъ лучшія его художественныя созданія. Въ этихъ словахъ мы узнаемъ поэта, который года за два передъ тѣмъ сказалъ:

„На поприщѣ ума нельзя намъ отступать".

Пушкинъ основательно вооружается далѣе въ своей запискѣ на черезчуръ раннее поступленіе большинства дворянъ на службу, и настаиваетъ на болѣе серьезной подготовкѣ къ ней. Но нельзя не отмѣтить съ удивленіемъ, что Пушкинымъ же были написаны слѣдующія строки въ цитируемомъ ниже письмѣ къ брату Льву Сергѣевичу (отъ 21 іюля 1822 года): „Что̀ ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора, ей Богу пора! Тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ, а я тебѣ говорю: служи, ученье не пропадетъ" (VII т., стр. 36). Далѣе мы читаемъ въ запискѣ: „Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около двадцати пяти лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу, ибо ему необходимо тридцати лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ" (Соч. Пушк., т. VII, стр. 44). Здѣсь замѣчается поразительное совпаденіе самыхъ выраженій съ слѣдующими словами письма къ Льву Сергѣевичу: „въ русской службѣ должно непремѣнно быть въ двадцать шесть лѣтъ полковникомъ". Такимъ образомъ выходитъ, что Пушкинъ, желая движенія впередъ всего русскаго общества и видя одну изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ къ поощренію этого движенія въ наградѣ чинами, которую ради этого совѣтуетъ даже удержать, — въ примѣненіи къ судьбѣ собственнаго же брата предпочиталъ оставаться на почвѣ тѣхъ же практическихъ соображеній, мелочность и несостоятельность которыхъ хорошо сознавалъ. Это обстоятельство, казалось бы, должно было говорить совсѣмъ не въ пользу Пушкина; но оно можетъ быть объяснено и тѣмъ, что цитированное письмо на цѣлыхъ четыре слишкомъ года предшествовало составленію записки (поданной въ 1826 году), и въ продолженіе этого срока взгляды Пушкина могли измѣниться,

Digitized by Google

сдѣлаться серьезнѣе, глубже. Очень возможно впрочемъ и то, что, прекрасно понимая, какъ человѣкъ съ свѣтлымъ и сильнымъ умомъ, преимущества общей пользы основательнаго образованія, Пушкинъ готовъ былъ при случаѣ по разнымъ соображеніямъ допускать отступленія на практикѣ, по непривычкѣ къ строгому и неуклонному проведенію своихъ теоретическихъ воззрѣній. Подобныхъ противорѣчій вообще можно указать у Пушкина не мало, но самое крупное, самое капитальное противорѣчіе заключается въ мысли, высказанной не только въ частной бесѣдѣ, но даже передъ лицомъ Императора, что, будь онъ въ Петербургѣ, онъ непремѣнно принялъ бы участіе въ событіи 14 декабря. Хорошо извѣстно, что Пушкинъ убѣдился въ несостоятельности той политической партіи, которой долго прежде сочувствовалъ, но тогда какое же значеніе имѣлъ варіантъ заключительной строфы въ стихотвореніи „Пророкъ“, стихотвореніе „Аріонъ“ и многое другое?!

Относительно общественнаго воспитанія идеалъ Пушкина былъ слѣдующій: „Должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства; должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ“ [1]). Такимъ образомъ, здѣсь, согласно практическому характеру своей задачи, Пушкинъ имѣетъ въ виду исключительно настоящее и развѣ ближайшее будущее. То же слѣдуетъ замѣтить и о сдѣланной имъ характеристикѣ домашняго воспитанія. (Пушкинъ, согласно предложенной ему задачѣ, останавливается въ своей запискѣ не столько на образованіи, сколько собственно на воспитаніи, на которое отчасти смотритъ съ извѣстной, напередъ намѣченной и предрѣшенной точки зрѣнія).

Многое съ тѣхъ поръ существенно измѣнилось: воспитаніе даже въ частныхъ пансіонахъ стоитъ теперь, во всякомъ случаѣ, безъ сравненія выше, нежели во времена Пушкина; оно уже и тамъ давно не оканчивается на шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ воспитанниковъ, и образованіе также не ограничивается въ среднемъ кругѣ изученіемъ двухъ или трехъ новѣйшихъ языковъ. Такимъ образомъ въ частностяхъ замѣ-

[1]) Соч. Пушкина, изд. Литер. Фонда, т. V, стр. 44.

Digitized by Google

чанія Пушкина были бы, пожалуй, явнымъ анахронизмомъ теперь; но въ общемъ они, будучи вполнѣ достойны его геніальнаго пера, не только не утратили до сихъ поръ своего значенія, но даже трудно было бы найти человѣка, который усомнился бы подписаться подъ многимъ обѣими руками, даже, можетъ быть, почти подъ всѣмъ разсужденіемъ. Но все нами разсмотрѣнное приводитъ, кажется къ тому, что практическое отношеніе Пушкина къ наукѣ и педагогіи было неизмѣримо ниже его теоретическихъ взглядовъ и что въ жизни онъ нѣсколько легко относился иногда къ тому, важность чего хорошо понималъ въ теоріи. Слѣдовательно *авторитетомъ Пушкина нельзя оправдывать безпримѣрныя притязанія Н. В. Гоголя.*

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ съ достаточной ясностью, что, несмотря на высокое развитіе Пушкина и острую проницательность его сужденій, мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ приписывать его голосу важнаго значенія въ вопросѣ о томъ, основательно ли онъ признавалъ за Гоголемъ право на университетскую каѳедру и вообще на педагогическую дѣятельность.

Вообще сближеніе Гоголя съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, при всемъ искреннемъ и доброжелательномъ отношеніи ихъ къ молодому собрату, въ сущности, въ силу случайнаго стеченія обстоятельствъ, можно сказать, было для нашего писателя *въ иныхъ* [1]) отношеніяхъ и довольно губительнымъ, сильно дѣйствуя на подъемъ его духа, маня его въ свѣтлую даль будущаго, но въ то же время не давая ему никакого прочнаго устоя въ жизни. Можно сказать больше: ихъ чрезмѣрная снисходительность и дружеское пристрастіе къ Гоголю, а можетъ быть, и недостаточное вниканіе въ сущность дѣла за множествомъ хлопотъ и треволненій житейскаго водоворота, въ одномъ случаѣ, и исключительное погруженіе въ отвѣтственныя заботы о воспитаніи наслѣдника престола,—въ другомъ дѣлали отчасти сближеніе ихъ съ Гоголемъ поневолѣ иногда нѣсколько поверхностнымъ.

Пушкинъ, очевидно, и самъ никогда не принималъ себя за авторитетъ въ вопросахъ педагогическихъ и всего менѣе

---

[1]) Только въ *иныхъ* отношеніяхъ; *во многомъ* же оно было очень и очень полезно.

Digitized by Google

претендовалъ на компетентность въ данномъ случаѣ. Гораздо труднѣе объяснить себѣ покровительство Гоголю при полученіи имъ каѳедры *со стороны Жуковскаго;* но здѣсь мы должны признаться, что это обстоятельство представляется намъ очень темнымъ и загадочнымъ, при всемъ извѣстномъ благодушіи Жуковскаго, хотя все-таки это нисколько не можетъ насъ поколебать въ мнѣніи, что на этотъ разъ Жуковскій немного легко взглянулъ на дѣло или, быть можетъ, просто ошибся. Виноватъ былъ во всемъ этомъ, конечно, и самъ Гоголь, потому что Жуковскій могъ бы, напримѣръ, безъ сомнѣнія, оказать ему весьма полезную помощь въ борьбѣ съ жизненными невзгодами, но, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если-бы лучше было выбрано направленіе, въ которомъ слѣдовало дѣйствовать, и цѣль, которую надо было преслѣдовать. Жуковскій и Пушкинъ сдѣлали, повидимому, серьезную ошибку въ томъ именно, что дѣятельно помогали Гоголю въ его стараніяхъ, слѣдуя начертанной имъ программѣ и не подвергнувъ ее должной критикѣ.

Кромѣ того, непродолжительное и преждевременное довѣріе къ серьезности ученыхъ замысловъ Гоголя питали также люди, гораздо болѣе Пушкина и даже Жуковскаго близкіе къ наукѣ и дѣйствительно посвятившіе себя и всю свою жизнь неутомимому служенію ей. Мы говоримъ, напр., о покойномъ академикѣ Срезневскомъ и, пожалуй, объ А. В. Никинтенко, но больше всего—о другѣ Гоголя, М. П. Погодинѣ, знавшемъ Гоголя коротко уже въ серединѣ тридцатыхъ годовъ.

Остановимся еще на отношеніяхъ къ педагогической дѣятельности Гоголя его друзей. Жуковскій, Пушкинъ, Плетневъ, Погодинъ были въ большомъ восторгѣ отъ Гоголя какъ отъ писателя и какъ отъ историка; но не замѣчать вовсе его пробѣловъ, думаю, они не могли, а скорѣе не придавали имъ большой важности въ силу своего увлеченія геніальнымъ художникомъ. Плетневъ съ самаго начала, рекомендуя Гоголя Пушкину, именно на эту сторону въ личности Гоголя и обратилъ особенное вниманіе: „Онъ любитъ науки только для нихъ самихъ, и готовъ для нихъ подвергнуть себя лишенію всѣхъ благъ“. Но Гоголь же увлекался и деревенскимъ отдыхомъ въ Васильевкѣ въ 1832 году, до того, что цѣлыхъ

Digitized by Google

три мѣсяца запоздалъ къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, наслаждаясь въ своей деревнѣ обаяніемъ роскошнаго лѣта, и жизнью на лонѣ чудной малороссійской природы и почти совсѣмъ позабывъ объ институтѣ, такъ что Плетневъ уже съ досадой говорилъ потомъ, какъ знаемъ, въ письмѣ къ Жуковскому: „Гоголь нынѣшнимъ лѣтомъ ѣздилъ на родину. Вы помните, что онъ въ службѣ [1]) и обязанъ о себѣ дать отчетъ. Какъ же онъ поступилъ? Четыре мѣсяца не было про него ни слуху, ни духу. Оригиналъ“! [2]) Этотъ поступокъ Гоголя былъ, нельзя не замѣтить, не совсѣмъ даже ловкимъ по отношенію къ Плетневу, какъ начальнику, всюду его рекомендовавшему.

Конечно, Гоголь названныхъ выше лицъ очаровалъ, какъ поэтъ; но какое онъ могъ производить на нихъ впечатлѣніе въ качествѣ историка? Жуковскій и Пушкинъ не были сами глубокими историками, и *если не во всѣхъ отдѣлахъ, то, говоря вообще,* были также скорѣе дилеттантами въ этой области. Сила Пушкина, какъ историка, отчасти какъ и Гоголя, заключалась въ его дарѣ геніальнаго проникновенія въ отжившій міръ, въ этомъ чудномъ дарѣ, доказанномъ его превосходными историческими созданіями, а отчасти также въ дарѣ мѣткой характеристики, и наконецъ въ умѣніи широко и въ высшей степени гуманно и здраво взглянуть на заслуги прежнихъ дѣятелей. Во всемъ этомъ онъ неизмѣримо выше стоитъ огромнаго множества спеціалистовъ-историковъ, но вѣдь и Гоголь владѣлъ также даромъ художественнаго проникновенія, и если онъ не даетъ намъ мѣткихъ и сжатыхъ Пушкинскихъ характеристикъ, то большія его картинныя характеристики также несомнѣнно драгоцѣнны и онъ же умѣлъ находить при

---

[1]) Какъ видимъ изъ этихъ словъ, Жуковскій былъ вообще дальше отъ Гоголя, чѣмъ Плетневъ, и потому мы продолжаемъ думать, что при первомъ знакомствѣ скорѣе послѣдній рекомендовалъ Гоголя Пушкину. Что касается высказаннаго г. Витбергомъ мнѣнія, будто бы въ маѣ Плетневу и Гоголю могли помѣшать экзамены, чтобы увидѣться съ Пушкинымъ, то, зная близко педагогическую среду и около двадцати лѣтъ принадлежа къ ней, можемъ смѣло увѣрить, что едва ли подобная причина можетъ быть признана рѣшительнымъ препятствіемъ къ исполненію предположенія и желанія Плетнева поскорѣе познакомить Пушкина и Гоголя. Экзаменаторъ бываетъ свободенъ по вечерамъ, не говоря уже о праздникахъ и табельныхъ дняхъ, слѣдовательно, какое же тутъ доказательство!...

[2]) Соч. Плетн., т. III, стр. 522.

Digitized by Google

обсужденіи историческихъ вопросовъ такія черты, за которыя ему могли быть благодарны сами историки, только это было не столько плодомъ изученія, сколько именно—природнаго дара, благодаря которому Гоголю удавалось иногда видѣть въ историческихъ вопросахъ дальше, напр., Погодина, и онъ таки давалъ послѣднему мѣткія указанія. Приведемъ одно мѣсто: „У васъ, не прогнѣвайтесь, иногда бояре умнѣе теперешнихъ нашихъ вельможъ. Какая смѣшная смѣсь во время Петра, когда Русь превратилась на время въ цирюльню, биткомъ набитую народомъ! одинъ самъ подставлялъ свою бороду, другому насильно брили. Вообразите, что одинъ бранитъ антихристову новизну, а между тѣмъ самъ хочетъ сдѣлать новомодный поклонъ и бьется изъ силъ сковеркать ужимку француза кафтанника“ [1]).

За такія мѣткія мысли и указанія, очень вѣроятно, Погодинъ могъ быть не однажды чрезвычайно благодаренъ Гоголю.

V.

Не забудемъ, что Погодинъ писалъ также и пьесы въ драматическомъ родѣ, и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, для него были настоящимъ кладомъ мѣткія и яркія характеристики, которыя Гоголю случалось, такъ сказать, мимоходомъ обронить въ его кабинетѣ. Вотъ почему Погодинъ, какъ думаемъ, и долженъ былъ сказать о немъ: „большая надежда, если возстановится его здоровье!“ [2]). Хотя Гоголь былъ, можно сказать, ребенкомъ передъ Погодинымъ въ отношеніи собственно учености, но это нисколько не мѣшало ему, благодаря указаннымъ причинамъ, нерѣдко первенствовать надъ пріятелемъ *даже* въ области исторіи. Огромная разница въ положеніи Гоголя въ кабинетѣ хотя бы ученѣйшаго историка и на университетскихъ лекціяхъ. Его дѣло было озарить неожиданнымъ свѣтомъ яркаго художественнаго представленія многое такое, чего никогда не дастъ ученое изслѣдованіе, и ему не нужно было, да и не въ характерѣ его было, играть почтительную фигуру передъ Погодинымъ въ кабинетѣ по-

1) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 167 - 168.—Въ послѣднемъ словѣ у г. Кулиша вѣроятно, опечатка, написано: „французокафтанщика“.

2) „Жизнь и труды Погодина“, т. IV, стр. 113—114.

Digitized by Google

слѣдняго или безмолвно благоговѣть передъ нимъ. Напротивъ, многое могъ часто получать отъ него Погодинъ, и также несомнѣнно, что изъ взаимныхъ серьезныхъ бесѣдъ съ глаза на глазъ оба они выносили большое внутреннее духовное удовлетвореніе другъ другомъ, которое одно только, при коренной разницѣ характеровъ и вкусовъ, и могло быть причиной ихъ вначалѣ дѣйствительно интимнаго сближенія. У Гоголя нельзя въ самомъ дѣлѣ отрицать временныхъ увлеченій исторіей, которыя въ иныя минуты могли быть напряженнѣе болѣе спокойной и ровной любви къ своему спеціальному предмету Погодина. Весьма возможно, что иной разъ своимъ увлеченіемъ Гоголь заражалъ и воодушевлялъ самого Погодина, широко распахивая передъ нимъ необъятные горизонты и открывая ему внезапно толпою зароившіяся въ головѣ мысли; но все-таки и тутъ имѣло значеніе то, что онъ былъ по природѣ поэтъ, а ужъ никакъ не серьезныя его историческія занятія и познанія.

О лучшихъ сторонахъ университетскихъ чтеній Гоголя, объ его увлеченіи и даже нѣкоторомъ идеализмѣ мы имѣемъ ниже приводимое свидѣтельство одного изъ его слушателей, ускользнувшее отъ вниманія г. Витберга, но очень важное и для него, хотя оно, конечно, далеко не подтверждаетъ его преувеличивающихъ дѣло сужденій. Вотъ оно: „Гоголь *не былъ никогда научнымъ изслѣдователемъ, и* по преподаванію уступалъ спеціальному профессору исторіи Куторгѣ, но поэтическій свой талантъ, и даже нѣкоторый идеализмъ, а притомъ и особую прелесть выраженія, дѣлавшіе его несомнѣнно краснорѣчивымъ, онъ влагалъ и въ свои лекціи, изъ коихъ тѣ, которыя посвящены были идеальному быту и чистотѣ воззрѣній аѳинянъ [1]), имѣли на всѣхъ, а въ особенности на молодыхъ его слушателей, какое-то воодушевляющее къ добру и нравственной чистотѣ вліяніе. Жаль, что лекціи Гоголя были

[1]) Судя по этимъ словамъ Гоголь, хотя недолго, читалъ въ университетѣ и древнюю исторію. Эти слова согласны и съ сообщеніемъ въ письмѣ Гоголя къ Погодину отъ 14 декабря 1835 г.: „Я радъ, что ты наконецъ принялся печатать. Только мнѣ все не вѣрится. Ты мастеръ большой надувать; пришли пожалуйста лекціи хоть въ корректурѣ. Мнѣ очень нужны, тѣмъ болѣе, что на меня возволили теперь и *древнюю исторію*, отъ которой я прежде было съ руками и ногами, а теперь поставленъ въ такія обстоятельства, что долженъ взять поневолѣ послѣ новаго года. Такая бѣда! *А у меня столько теперь дѣлъ, что некогда и подумать о ней*». («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 228—229).

Digitized by Google

непродолжительны". Но затѣмъ, нѣсколько строкъ спустя тотъ же сочувственный голосъ признаетъ все-таки, что „фигура Гоголя, а притомъ еще въ вицмундирѣ, производила впечатлѣніе бѣднаго, угнетеннаго чиновника, отъ котораго требовали (?!) непосильнаго съ его природными дарованіями труда; Гоголь прошелъ по каѳедрѣ, какъ метеоръ, съ блескомъ оную освѣтившій и вскорѣ на оной угасшій, но блескъ этотъ былъ настолько силенъ, что невольно врѣзался въ юной памяти" [1]).

Въ своихъ урокахъ Лонгиновымъ и въ классахъ Патріотическаго института, употребляя выраженіе г. Кулиша, „Гоголь все манилъ учениковъ впередъ; онъ пропускалъ мимо глазъ промежуточные предметы и заставлялъ ихъ съ напряженнымъ интересомъ всматриваться въ отдаленную перспективу, представляя имъ самимъ пополнять пробѣлы" („Зап. о жизни Гоголя", т. I, стр. 85). „Гоголь останавливаетъ вниманіе ученицъ больше на подробностяхъ предметовъ, нежели на ихъ связи и порядкѣ"—писалъ Погодину Плетневъ: „что́ касается до порядка въ исторіи, или какого-нибудь придуманнаго Гоголемъ облегченія—этого ничего нѣтъ. Онъ тѣмъ же *превосходитъ* товарищей своихъ, какъ учитель, чѣмъ выше сталъ многихъ, какъ писатель, т. е. силою воображенія, которое подъ его перомъ всему сообщаетъ чудную жизнь и увлекательное правдоподобіе" [2]). Само собою разумѣется, что ученицы, заслушавшись своего учителя и разлакомясь подносимымъ имъ десертомъ, не воспроизводили полученнаго ими впечатлѣнія на бумагѣ: это было бы трудно и не для нихъ только, но и для кого бы то ни было; также какъ можно было бы еще обрисовать въ талантливомъ очеркѣ сущность впечатлѣнія отъ игры артиста, но передать въ точности его тонъ, мимику, выраженіе лица, произведенное имъ настроеніе совершенно немыслимо. Значительная доля прелести увлекательнаго урока Гоголя заключалась, вѣроятно, и въ создаваемомъ мастерскимъ разсказомъ настроеніи класса, когда на оживленныхъ лицахъ слушательницъ были написаны интересъ и удовольствіе, а порой мѣткое выраженіе заставляло вдругъ всѣхъ встрепенуться или поднять дружный и сочув-

[1]) „Русская Старина", „Исторія моей жизни", (разсказъ бывшаго крѣпостного крестьянина" Н. Н. Шипова, 1881, т. V, стр. 157—158.

[2]) „Жизнь и труды Погодина„, т. IV, стр. 114.

Digitized by Google

ственный смѣхъ. Здѣсь Гоголь дѣйствовалъ не одинъ, но онъ былъ только, такъ сказать, управителемъ хора, въ которомъ принимали участіе и другіе исполнители, тѣ дѣти, передъ которыми онъ излагалъ свой предметъ, и уже всѣ вмѣстѣ составляли эффектный ансамбль. По крайней мѣрѣ, такъ всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ человѣкъ увлекаетъ или потрясаетъ массу живыхъ существъ. И вѣроятно, чѣмъ живѣе было такое преподаваніе, тѣмъ торопливыя и неумѣлыя замѣтки ученицъ, развлекаемыхъ яркими образами и остроумными шутками преподавателя, должны были становиться спутаннѣе и безтолковѣе. Вся поэзія исчезала вмѣстѣ съ выходомъ Гоголя за дверь класса и искать слѣдовъ ея въ тетрадяхъ самыхъ старательныхъ ученицъ было бы невозможно и наивно. Но Гоголь и самъ не подозрѣвалъ такого плачевнаго результата въ отношеніи этихъ записей, что̀ и было отчасти причиной крушенія одной изъ его надеждъ. Способные люди часто преувеличиваютъ размѣры своихъ силъ и дарованій: то же случалось съ Гоголемъ. Надо было бы предварительно заглянуть въ записки ученицъ, чтобы рѣшить, *годенъ ли* этотъ матеріалъ безъ особой обработки для составленія книги „Земля и Люди“!. Но такую осмотрительность Гоголь считалъ излишней и предоставлялъ ее „толпѣ вялыхъ профессоровъ“, отношенія къ которымъ его такъ живо обрисовалъ въ своихъ воспоминаніяхъ Никитенко [2]).

VI.

Остановимся еще на одномъ вопросѣ.

Г. Витбергъ говоритъ и даже подчеркиваетъ это, что на литературное поприще Гоголь попалъ почти случайно, и *съ внѣшней стороны* это справедливо, потому что случайныя обстоятельства дѣйствительно сильно способствовали болѣе раннему выступленію его на это поприще. Но нельзя сомнѣваться, что истинное призваніе непремѣнно пробьетъ себѣ дорогу, а Гоголь талантъ первокласснный. Другое дѣло—дарованія меньшихъ размѣровъ, надъ которыми внѣшнія обстоятельства могутъ имѣть и роковую власть, какъ мы видимъ это хотя бы на примѣрѣ отца Гоголя.

---

[2]) „Русск. Стар.“, 1889, стр. 528.

Digitized by Google

Скажемъ наоборотъ: на ученое поприще Гоголь вступилъ совершенно случайно. Въ томъ письмѣ, гдѣ Гоголь говоритъ въ первый разъ о присылкѣ изъ дому этнографическихъ матеріаловъ, онъ прибавляетъ: „Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ папенькины малороссійскія комедіи: „Овца-Собака“ и „Романа съ Параскою“. *Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское*, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ“ [1]). Итакъ, даже слѣдуя принципу безусловнаго довѣрія всѣмъ словамъ Гоголя, которымъ нельзя здѣсь и не довѣрять, мы прямо ставимъ вопросительный знакъ противъ смѣлаго курсива г. Витберга, что „собирать эти матеріалы Гоголь *началъ* для историческихъ трудовъ“ [2]). Въ судьбѣ Гоголя, какъ и всѣхъ людей, многимъ распоряжалась сама жизнь, и именно потому едва ли удобно выдвигать однѣ изъ сторонъ въ его перепискѣ въ ущербъ остальнымъ и категорически заявлять, что *вмѣсто исторіи Малороссіи* Гоголь написалъ даже „Вечера на Хуторѣ“, а не только „Миргородъ“ [3]). Едва ли, впрочемъ, можно согласиться, чтобы тревожное время неопредѣленныхъ блужданій въ 1830 *и особенно въ 1829 г.* могло быть временемъ систематическихъ начинаній Гоголя въ области исторіи; а что мысль объ историческихъ матеріалахъ у у него мелькала тогда и постепенно выяснилась, противъ этого никто, конечно, спорить не будетъ, и статья Гоголя „О преподаваніи географіи“ и также переводъ исторической статьи „О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка“ дѣйствительно показываютъ, что его прежніе вкусы и теперь продолжали проявляться. Но г. Витбергъ настойчиво говоритъ о двойственности увлеченій Гоголя въ разсматриваемый періодъ, тогда какъ необходимо признать *множественность* ихъ, если припомнить о театрѣ, занятіяхъ рисованіемъ и живописью въ Нѣжинѣ и послѣ о путешествіи [4]) (не только

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 82.

[2]) См. „Историч. Вѣстн.“, 1892, VIII, стр. 396. Курсивъ г. Витбергъ всего больше любитъ употреблять при парадоксахъ.

[3]) Тамъ же, стр. 396.

[4]) Упрекая меня въ томъ, что я назвалъ свою книгу „Матеріалами для біографіи Гоголя“, и всюду требуя категорическихъ рѣшеній въ моемъ трудѣ, г. Витбергъ какъ будто не соглашается съ тѣмъ, что зданіе біографіи Гоголя только строится, и вотъ теперь его же статья наводитъ меня на нѣкоторыя дальнѣйшія разъясненія.

Digitized by Google

въ 1829 г., но и въ 1836, потому что въ подобныхъ вопросахъ, гдѣ намѣреніе такъ часто зависитъ отъ обстоятельствъ, его нельзя пріурочивать именно къ тому времени, когда оно, наконецъ, осуществится), даже его мечты о службѣ. Вотъ въ этихъ второстепенныхъ, или такъ сказать, побочныхъ увлеченіяхъ Гоголя, случайности, правда, очень много значили, въ подтвержденіе чего, кажется, достаточно только упомянуть о сценѣ, на которую ему помѣшала выступить ограниченность театральныхъ чиновниковъ; и едва ли можно сомнѣваться, что на сценѣ онъ могъ бы быть больше на мѣстѣ, чѣмъ на каѳедрѣ. Такъ судили его современники, и это же признавалъ онъ самъ, говоря въ шутку, что „Щепкинъ не выгналъ бы его изъ своей труппы“ [1]). Данилевскій думалъ даже, что если бы его другъ не былъ Гоголемъ, то сдѣлался бы Щепкинымъ, т. е. первоклассным артистомъ [2]). Княжна Репнина по одному только мастерскому чтенію Гоголемъ драматическихъ пьесъ и отрывковъ, *ни разу не бывши въ театрѣ*, составила о послѣднемъ вполнѣ ясное и вѣрное представленіе [3]). По живой работѣ фантазіи у Гоголя можно допустить, что, вѣроятно, ему лучше далось бы наглядное изображеніе на сценическихъ подмосткахъ отдѣльныхъ моментовъ изъ жизни какой-либо исторической личности, нежели научное изложеніе систематическаго курса на лекціяхъ. Но это, конечно, только предположеніе. Множественность увлеченій Гоголя также была причиной того, что проѣздомъ въ 1832 г. черезъ Москву онъ поспѣшилъ завязать знакомства, удовлетворявшія или его интересамъ литературнымъ (Максимовичъ, Кирѣевскій), или историческимъ (Погодинъ), или, наконецъ, театральнымъ (Щепкинъ, Загоскинъ, Аксаковъ) [4]). Да и вообще интересъ къ театру у Гоголя имѣлъ тогда не только самостоятельное, но и преобладающее значеніе, и заслуживаетъ быть выдѣленнымъ изъ круга просто литературныхъ интересовъ.

Въ самую пору знакомства и сближенія съ Погодинымъ Гоголь преимущественно увлекался комедіей, а все остальное

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, 1889. X, стр. 454.

[2]) Тамъ же, 1890 г., т. I, стр. 79.

[3]) «Русскій Архивъ», 1890, X. Недавно мы снова нашли этому подтвержденіе въ разсказахъ Любича-Романовича о дѣтствѣ Гоголя («Историч. Вѣстн.», 1892, XII, статья г. Шевлякова: «Гоголь и Кукольникъ», стр. 696).

[4]) Обо всемъ этомъ подробно сказано выше.

Digitized by Google

тогда для него едва лишь существовало. Уже тогда Гоголь смотрѣлъ, такъ сказать, въ сторону отъ исторіи, и въ немъ рѣшительно одерживали верхъ иныя влеченія, хотя интересъ къ народнымъ пѣснямъ, и въ томъ числѣ историческимъ, въ немъ не угасалъ. Онъ также остылъ и къ преподаванію, и сестра его Елизавета Васильевна, впослѣдствіи такъ вспоминала объ этомъ: „Братъ часто пропускалъ свои уроки, частью по болѣзни, частью и просто по лѣни“ [1]). Увлеченіе исторіей, *кратковременное и неглубокое*, осталось уже позади, а тутъ же приходилось заботиться объ урокахъ и читать лекціи; поневолѣ, сложивъ съ себя благодаря обстоятельствамъ непосильную и подъ конецъ непріятную обузу, Гоголь съ радостью сказалъ, что онъ „вышелъ на свѣжій воздухъ“ и что „это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засидѣвшемуся въ кабинетѣ прогулка“ [2]). И полной грудью вздохнулъ онъ, когда онъ, наконецъ, сбросилъ съ себя профессорскій вицмундиръ и наскучившія обязательныя лекціи по исторіи, а затѣмъ ужъ никогда объ этомъ не было и помина [3]).

Итакъ, подобное увлеченіе нельзя, очевидно, назвать ни особенно серьезнымъ, ни тѣмъ болѣе сильнымъ. Когда Гоголь сознавался, что во время занятій историческимъ трудомъ передъ нимъ движется сцена, а въ концѣ письма упоминалъ о двухъ историческихъ вопросахъ, которыхъ онъ, однако, не дѣлалъ пока, то можетъ быть, это были вопросы о книгахъ, упоминаемыхъ въ слѣдующемъ письмѣ: если такъ, то это тѣмъ яснѣе показываетъ, что мысли объ исторіи отступали на дальній планъ, или, по безцеремонному выраженію Гоголя въ дружескомъ письмѣ „летѣли къ чорту“ [4]). Впрочемъ, этотъ пріемъ, т. е. упоминаніе объ обѣщаемыхъ историческихъ вопросахъ, могъ быть у Гоголя и общимъ мѣстомъ, когда онъ хотѣлъ показать, что не забываетъ занятій исторіей. Въ письмѣ къ тому

---

[1]) «Русь», Отрывокъ изъ записокъ Елизаветы Васильевны Быковой, родной сестры Гоголя, 1883 г. № 26, стр. 7, первый столбецъ.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 247.

[3]) Правда, Гоголь еще продолжалъ работать надъ „Тарасомъ Бульбой“ и драмой изъ быта запорожскихъ казаковъ, а съ другой стороны, все больше углубляясь въ „Мертвыя Души“ и почти оставивъ драму послѣ 1842 г., никогда не оставлялъ чтенія книгъ историч. содержанія, но въ *это время* интересъ его къ исторіи и г. Витбергъ не признаетъ уже серьезнымъ и сильнымъ увлеченіемъ.

[4]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 175.

Digitized by Google

же Погодину отъ 20 іюля онъ говоритъ: „Покамѣстъ еще только я отдыхаю. Впрочемъ, родились у меня двѣ крѣпкія мысли о нашей любимой наукѣ, которыми вамъ какъ-нибудь похвастаюсь“ [1]). Опять напоминаю, впрочемъ, что дѣйствительно нельзя привязываться къ каждому слову Гоголя, нельзя его ловить на каждомъ сорвавшемся съ языка выраженіи и составлять уголовный актъ по поводу почти нечаянно брошеннаго мимоходомъ въ письмѣ замѣчанія. Едва ли многіе изъ насъ пожелали бы для себя и нашли справедливымъ такое прокурорское изслѣдованіе каждаго слова, оставленнаго въ письмѣ или запискѣ; если мы приводимъ подобныя мѣста, то единственно въ противовѣсъ крайностямъ г. Витберга.

Полагая, что вопросъ о Гоголѣ какъ историкѣ, теперь достаточно раскрывается послѣ этихъ разъясненій, закончу свой разборъ статьи г. Витберга напоминаніемъ, что какъ ни заманчивы категорическія и прямолинейныя рѣшенія вопросовъ, но неумѣренное и необдуманное стремленіе къ нимъ можетъ вести и къ крупнымъ ошибкамъ, и хотя выставляемая г. Витбергомъ гипотеза объ истинности и правдивости непремѣнно всего сказаннаго Гоголемъ (до вѣры въ сочиненіе или переводъ его исторіи Малороссіи на иностранный языкъ), хотя эта гипотеза имѣетъ огромное преимущество простоты и ясности, всегда справедливо цѣнимыхъ во всѣхъ гипотезахъ, но все-таки, какъ учитъ насъ логика, простѣйшая гипотеза, къ сожалѣнію, не всегда бываетъ самой вѣрной.

Въ заключеніе разбора взглядовъ г. Витберга о Гоголѣ, какъ историкѣ, позволимъ себѣ привести справедливое мнѣніе о нихъ неизвѣстнаго намъ рецензента „Русской Мысли“.

„Г. Витбергъ говоритъ, что ни о какомъ самохвальствѣ Гоголя, ни о какомъ высокомъ его мнѣніи и своихъ ученыхъ достоинствахъ не можетъ быть и рѣчи; самая мысль о его профессурѣ пришла въ голову не ему, а его друзьямъ-профессорамъ; онъ только ухватился за нее и съ свойственнымъ ему увлеченіемъ стремился къ ея осуществленію. Гоголь не даромъ писалъ, что ничто такъ не успокаиваетъ, какъ исторія; историческія занятія его успокаивали, когда ослабѣвало

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 159.

Digitized by Google

поэтическое творчество, а творческія мечты являлись одна за другой. Относиться насмѣшливо къ историческимъ занятіямъ Гоголя нельзя, тѣмъ болѣе, что ему невозможно отказать ни въ большой начитанности, ни въ умѣньѣ обобщать въ одну общую картину мелкія историческія подробности" („Истор. Вѣстн.", 1892, VIII, стр. 415). Однако, отрицать, что Гоголь потерпѣлъ же полное крушеніе невозможно, несмотря на всѣ усилія г. Витберга. Потрясая установившійся у насъ взглядъ на историческія занятія Гоголя, г. Витбергъ старается вывести изъ употребленія и одинъ пріемъ, которымъ порою пользуются при изученіи Гоголя. Нужно бросить, говоритъ онъ, полемическое отношеніе къ Гоголю, манеру вступать съ нимъ самимъ въ полемику и придираться къ каждому его слову. Это до нѣкоторой степени справедливо; можно и снисходительнѣе отнестись къ историческимъ шалостямъ Гоголя; хотя намъ совсѣмъ непонятна цѣль выступленія съ преувеличенной апологіей Гоголя, какъ историка. Гоголь—поэтъ; съ восторгомъ поколѣніе за поколѣніемъ будетъ перечитывать „Ревизора" и „Мертвыя Души", лишь случайно, вскользь вспомнивъ, что онъ написалъ какую-то историческую статью и на минуту взобрался на каѳедру, которая была вовсе не по немъ. *Писать апологію надо было съ бо́льшимъ тактомъ и осмотрительностью*".

Совершенно справедливо! [1]).

---

[1]) „Русская Мысль", 1892, X, 480.

Digitized by Google

ТИПЫ ВОСПИТАТЕЛЕЙ И ЗАДАЧИ ВОСПИТАНІЯ ПО ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ ГОГОЛЯ.

I.

Въ заключеніе нашей рѣчи о Гоголѣ, какъ педагогѣ, скажемъ объ изображеніи въ его произведеніяхъ воспитателей, причемъ, во избѣжаніе односторонности, коснемся слегка для сравненія также типовъ, встрѣчающихся въ произведеніяхъ Пушкина, что̀ можетъ имѣть значеніе въ виду слишкомъ большой случайности и недостаточности обрисовки соотвѣтствующихъ типовъ у Гоголя.

Хотя Пушкинъ не имѣлъ, очевидно, въ своихъ произведеніяхъ ни цѣли, ни даже повода представить намъ типы идеальныхъ воспитателей; но мы у него не находимъ даже и болѣе или менѣе сносныхъ представителей педагогическаго сословія—явное доказательство, что онъ былъ не вполнѣ удовлетворенъ не однимъ только собственнымъ, но и вообще современнымъ, а тѣмъ болѣе стариннымъ русскимъ образованіемъ. Страннымъ могло бы показаться съ перваго взгляда, однако, то обстоятельство, что единственные примѣры сколько-нибудь разумнаго обученія мы могли бы найти у него лишь въ минувшія эпохи, при описаніи старины, и притомъ не ближайшей, не второй половины XVIII вѣка, а, напротивъ, болѣе отдаленной. Изъ этого, конечно, никакъ нельзя было бы вывести заключенія, что Пушкинъ идеализировалъ старину или находилъ въ ней преимущества, что онъ относился съ пред-

Digitized by Google

убѣжденіемъ къ образованію въ позднѣйшее время, тѣмъ болѣе,—будто въ русскомъ обществѣ и въ русской педагогіи произошелъ явный регрессъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Но какимъ же образомъ Пушкинъ, который никогда не руководился пристрастіемъ къ древней Руси и вообще никакими предвзятыми тенденціями, изобразилъ образованіе въ ближайшее къ себѣ время въ менѣе выгодномъ свѣтѣ? Дѣло объясняется очень просто. Въ допетровскую эпоху образованіе было на Руси исключительнымъ явленіемъ, но не подневольнымъ, и потому, будучи воспринимаемо болѣе или менѣе сознательно и свободно, не сопровождалось еще тѣми, подчасъ въ высокой степени комическими, явленіями, которыя впослѣдствіи были порождаемы обыкновенно вынужденнымъ и насильственнымъ характеромъ обученія. Сдѣлавшись невольнымъ достояніемъ невѣжественной толпы, оно стало современемъ принимать нерѣдко самыя нелѣпыя, карикатурныя формы, отъ которыхъ освободиться, можетъ быть, далеко не такъ легко, какъ это кажется. Въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкинъ не только безъ ироніи, столь обыкновенной у него при изображеніи педагоговъ и результатовъ воспитанія въ другихъ случаяхъ, всего чаще уродливыхъ и смѣшныхъ, — но, наоборотъ, съ любовью и несомнѣннымъ сочувствіемъ рисуетъ ученіе юнаго сына Годунова. Въ превосходной сценѣ, гдѣ Годуновъ представленъ среди домашней обстановки, въ высшей степени отрадное впечатлѣніе производитъ и маленькій царевичъ, который учится съ охотой и толкомъ, и его державный отецъ, съ истиннымъ наслажденіемъ видящій въ своемъ сынѣ осуществленіе лучшей части его завѣтныхъ надеждъ, которыя онъ питалъ относительно Россіи. Съ такимъ чувствомъ благороднаго воодушевленія могъ смотрѣть на успѣхи въ наукахъ своихъ дѣтей послѣ того развѣ самъ величайшій представитель русской націи, ея незабвенный преобразователь. Нигдѣ мы не найдемъ у Пушкина болѣе свѣтлой, болѣе привлекательной картины разумнаго и вполнѣ осмысленнаго ученія. На всѣ вопросы отца мальчикъ отвѣчаетъ бойко и удачно; ученіе не было для него, какъ для бо́льшей части почти современныхъ ему юношей, получавшихъ образованіе въ Кіевской академіи или братскихъ школахъ, „горькой школьной чашей“; оно было для него сознательнымъ средствомъ просвѣтить свой умъ и обогатить его

Digitized by Google

познаніями, необходимыми для разумнаго управленія Русью. Въ отцѣ своемъ онъ находитъ достойнаго, истинно-просвѣщеннаго руководителя, который говоритъ ему:

„Учись, мой сынъ, и легче, и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать".

Но нельзя забывать, что Пушкинъ взялъ здѣсь, очевидно, совершенно исключительный, можетъ быть, единственный случай изъ исторіи нашего просвѣщенія до Петра Великаго. Наоборотъ, заурядным явленіемъ въ ту эпоху были побѣги отъ тяжкой „школьной чаши" въ казачество и закапываніе въ землю букварей, какъ это дѣлалъ не разъ Остапъ въ повѣсти Гоголя „Тарасъ Бульба". Болѣе примѣнимую къ обыкновеннымъ, такъ сказать, типичнымъ случаямъ тогдашняго обученія характеристику мы находимъ уже у Гоголя въ слѣдующихъ строкахъ: „Тогдашній родъ ученія страшно расходился съ образомъ жизни. Эти схоластическія, грамматическія, риторическія и логическія тонкости рѣшительно не прикасались ко времени, никогда не примѣнялись и не повторялись въ жизни. Учившіеся имъ ни къ чему не могли привязать своихъ познаній, хотя бы даже менѣе схоластическихъ. Самые тогдашніе ученые болѣе другихъ были невѣжды, потому что вовсе были удалены отъ опыта" [1]). Такимъ образомъ, изображеніе въ сочувственномъ свѣтѣ исключительно воспитанія въ отдаленную старину было у Пушкина, безспорно, случайностью, хотя мы могли бы у него указать и другой примѣръ подобной случайности. Мы говоримъ объ Ибрагимѣ въ „Арапѣ Петра Великаго", гдѣ послѣдній представленъ человѣкомъ дѣльнымъ, сумѣвшимъ извлечь серьезную пользу изъ полученнаго имъ за-границею образованія и взявшимъ отъ школы то, что она могла ему дать. Что онъ не даромъ провелъ годы своего ученія, видно изъ того, что, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ былъ въ состояніи немедленно сдѣлаться сотрудникомъ великаго Царя - Преобразователя. Но это опять если не исключеніе, то представитель весьма ограниченнаго меньшинства серьезныхъ молодыхъ людей, очень замѣтно выдѣлявшихся изъ пестрой толпы жалкихъ перенимателей евро-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 258.

Digitized by Google

пейской внѣшности вродѣ франта Корсакова, который съ такимъ постыднымъ тупоуміемъ гордится своимъ щегольскимъ костюмомъ и изысканными манерами и который заслужилъ мѣткое прозваніе „заморской обезьяны“. Въ повѣсти снова лишь случайно, по требованіямъ собственно литературнымъ, въ качествѣ героя произведенія, сильно выдвигается разумный представитель основательнаго образованія, Ибрагимъ, тогда какъ дюжинный представитель толпы, ограниченный, самодовольный и невѣжественный Корсаковъ отступаетъ на дальній планъ. Генеалогическія или, лучше сказать, фамильныя соображенія явно играютъ здѣсь не маловажную роль, подобно тому, какъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ слишкомъ выдвинутъ впередъ бояринъ Гаврила Пушкинъ, гораздо больше, нежели позволяетъ вѣрность исторіи. Но литературныя и иныя соображенія никогда не шли у Пушкина въ разрѣзъ съ историческими и не затемняли послѣднихъ, и едва ли можно сомнѣваться, что если бы повѣсть была окончена, то, вѣроятно, мы имѣли бы въ ней такое же полное изображеніе эпохи Петра Великаго, какъ полно представлена эпоха Бориса Годунова въ трагедіи того же названія.

Наконецъ, кромѣ двухъ указанныхъ нами примѣровъ, можно было бы отмѣтить еще Ленскаго въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, образованіе котораго хотя очерчено и довольно поверхностно, но во всякомъ случаѣ скорѣе съ выгодной стороны. Пушкинъ вообще очень сочувственно относится къ только-что возвратившемуся изъ Германіи юному поэту, бывшему питомцу Геттингенскаго университета.

Но какъ бы то ни было, Ленскій продуктъ не отечественнаго воспитанія и потому въ настоящемъ случаѣ можетъ представлять для насъ только очень условный интересъ. Намъ важнѣе знать, какъ смотрѣлъ Пушкинъ на современное ему образованіе въ Россіи. Здѣсь мы должны начать съ извѣстной характеристики этого образованія въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

„Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь;
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть“.

Если бы мы захотѣли провѣрить эту характеристику по самымъ произведеніямъ поэта, то, безъ сомнѣнія, убѣдились бы,

Digitized by Google

что слова эти не случайно сорвались съ его языка подъ вліяніемъ пессимистическаго настроенія или преувеличенно-мрачнаго взгляда на тогдашнее воспитаніе; нѣтъ, они были, какъ оказывается, дѣйствительно примѣнимы къ обществу того времени. Въ томъ же произведеніи, но уже въ слѣдующей главѣ, написанной не ранѣе какъ черезъ годъ послѣ только-что приведенныхъ строкъ, Пушкинъ высказалъ сходный взглядъ на тотъ же предметъ уже совершенно по другому поводу:

„Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него,
Жеманство—больше ничего".

И эта вторая характеристика опять находится въ полнѣйшемъ согласіи съ изображеніемъ въ произведеніяхъ Пушкина представителей образованнаго класса.

Слѣды нелѣпаго жеманства, явившагося плодомъ неразборчиваго и неумѣлаго перениманія у иностранцевъ, мы найдемъ у большинства Пушкинскихъ героевъ. Этотъ типъ, начиная съ кантемировскаго Медора, видоизмѣняясь, облагораживаясь или, по меньшей мѣрѣ, становясь приличнѣе, не умиралъ въ русской литературѣ до нашихъ дней. Въ произведеніяхъ Пушкина первымъ по времени и карикатурнымъ по своей безнадежной пустотѣ является уже названный нами Корсаковъ въ „Арапѣ Петра Великаго". Но оставляя теперь его въ сторонѣ и сосредоточивая свое вниманіе преимущественно на типахъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, мы должны прежде всего отмѣтить и прослѣдить наиболѣе яркое отраженіе этого прививного жеманства въ женскихъ типахъ. Вотъ передъ нами почтенная половина Дмитрія Ларина, мать Татьяны и Ольги:

„Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла;
Но въ старину княжна Полина,
Ея московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ"...
. . . . „Она была одѣта
Всегда по модѣ и къ лицу"...
„Бывало писывала кровью

Digitized by Google

Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій Н., какъ N французскій,
Произносить умѣла въ носъ".

Всѣ эти гримасы Лариной были ею пріобрѣтены подъ вліяніемъ моды, изъ вторыхъ рукъ, отъ какой-то московской кузины. Но перевернемъ нѣсколько страницъ—и мы встрѣтимся у Пушкина съ настоящей „образованной дамой", получившей патентованное пансіонское воспитаніе. Эта дама — Наталья Павловна въ „Графѣ Нулинѣ". Здѣсь, характеризуя пустоту и пошлость современнаго женскаго воспитанія, Пушкинъ удивительно сходится съ Гоголемъ, коснувшимся того же предмета въ юмористической характеристикѣ Маниловой.

„Хозяйство", говоритъ Гоголь, „предметъ низкій, а Манилова воспитана хорошо, а хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастія семейственной жизни, фортепьяно, для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія методовъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ, такимъ образомъ, что прежде фортепьяно, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, т. е. вязаніе сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а потомъ уже фортепьяно. Разныя бываютъ методы" [1]).

Пушкинъ съ своей стороны такъ характеризуетъ пансіонское воспитаніе Натальи Павловны:

„Наталья Павловна совсѣмъ
Своей хозяйственною частью
Не занималася, затѣмъ
Что не въ отеческомъ законѣ
Она воспитана была,

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 22—23.

Digitized by Google

А въ благородномъ пансіонѣ
У эмигрантки Фальбала".

Начиная съ обученія танцамъ Натальи Гавриловны, дочери Гаврилы Аѳанасьевича Ржевскаго въ „Арапѣ Петра Великаго", которая хотя и была воспитана по старинному и даже не знала грамотѣ, но уже жаждала уроковъ „плясокъ нѣмецкихъ" до того, что строгій и съ упорнымъ пристрастіемъ державшійся старины отецъ принужденъ былъ уступить ея горячему желанію и прибѣгнуть къ услугамъ хромого шведскаго офицера, согласившагося сдѣлаться танцмейстеромъ,— начиная съ этого еще очень стариннаго проявленія жеманства, оно надолго вошло въ русскіе нравы, и изображеніе его мы находимъ всюду у Пушкина. Сама Татьяна въ „Евгеніи Онѣгинѣ" обязана особенностямъ вполнѣ индивидуальнымъ — своему далеко не дюжинному уму, замѣчательному такту, любви къ чтенію и въ высокой степени развитой любознательности,—что мы въ ней не находимъ ничего страннаго, не говоря уже о карикатурномъ. Но и она обучалась очень немногому, почти только однимъ танцамъ да французскому языку и научилась читать французскіе романы; но не могла притомъ отрѣшиться отъ самыхъ грубыхъ простонародныхъ суевѣрій. Но вѣдь Татьяна личность выдающаяся, исключительная. Не безъ намѣренія знакомя съ нею въ первый разъ читателей, Пушкинъ предпосылаетъ характеристику ея младшей сестры Ольги. Сначала онъ даетъ легкую, преимущественно внѣшнюю характеристику пустенькой, заурядной дѣвушки, о которой при ея крайней духовной безсодержательности, нечего и сказать, кромѣ того, что у нея

„Глаза, какъ небо, голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ", и проч.

Но нарисовавъ этотъ миловидный портретъ, Пушкинъ спѣшитъ перейти постепенно къ внѣшней же характеристикѣ Татьяны, а потомъ уже и къ внутренней. Не безъ причины внѣшняя характеристика и даже начало внутренней характеристики Татьяны ведется все еще въ связи съ характеристикой Ольги и состоитъ сначала изъ отрицательныхъ признаковъ: поэтъ, очевидно, хочетъ намъ дать почувствовать, что Татьяна не

Digitized by Google

походитъ на Ольгу и вообще на дюжинныхъ провинціальныхъ дѣвушекъ, которыхъ Ольга является болѣе или менѣе типичной представительницей. Самое расположеніе характеристики Татьяны, постепенно переходящей отъ менѣе значительныхъ чертъ къ такимъ, которыя доказываютъ богатство ея внутренняго міра, намекаетъ съ достаточною ясностью, что Татьяна—натура щедро одаренная, не похожая на большинство сверстницъ.

Всѣ названныя выше дѣвицы болѣе или менѣе знаютъ французскій языкъ, читали французскіе романы и, подъ вліяніемъ безпорядочнаго чтенія, ихъ разгоряченное воображеніе такъ настроено, что онѣ ищутъ героевъ собственнаго романа, часто заставляя себя рядить въ нихъ перваго попавшагося.

Немногимъ лучше было образованіе мужчинъ. Оставляя въ сторонѣ совершенно необразованныхъ капитановъ Мироновыхъ, обоихъ Гриневыхъ, станціонныхъ смотрителей, составителя исторіи села Горохина и проч., мы увидимъ, что нерѣдко, занятые своимъ образованіемъ и развитіемъ, люди могли гордиться, главнымъ образомъ, тѣмъ, что умѣли читать и говорить по-французски. Такъ, начиная съ представителей прошлаго столѣтія, отмѣтимъ Швабрина, у котораго „было нѣсколько французскихъ книгъ“. Изъ представителей нынѣшняго вѣка Пушкинъ говоритъ всего подробнѣе о воспитаніи Онѣгина, и то не столько о самомъ воспитаніи, сколько о его результатахъ. Но воспитаніе Онѣгина такъ часто разбиралось и характеризовалось, что мы не рѣшаемся снова поднимать этотъ вопросъ. Достаточно замѣтить, что воспитаніе Онѣгина было все сосредоточено на усвоеніи манеръ и тѣхъ верхушекъ знаній, которыя предназначались исключительно для эффекта, чтобы ослѣпить блескомъ, или, употребляя вульгарное выраженіе, „пустить пыль въ глаза“. И дѣйствительно, Онѣгинъ

. . . „по-французски
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцовалъ
И кланялся непринужденно“.

Всѣми этими талантами, надо полагать, обладалъ и Владиміръ Дубровскій, выдававшій себя за француза, слѣдова-

Digitized by Google

тельно—довольно хорошо знавшій французскій языкъ и имѣвшій возможность свободно фигурировать въ качествѣ чуть не парижанина не въ особенно дикомъ захолустьѣ. Такимъ образомъ и мужчины въ тѣ времена заботились больше всего о французскомъ языкѣ и свѣтской развязности. И они, подобно прекрасному полу, благодаря привольной жизни, обезпеченной крѣпостнымъ трудомъ, проводили бо́льшую часть времени въ обществѣ, гдѣ предавались свѣтскимъ разговорамъ, играли въ любовь, увозили своихъ избранницъ, стрѣлялись на дуэли и вообще могли считаться предшественниками Печорина, не имѣя пока только самой яркой отличительной черты этого послѣдняго — его демоническаго разочарованія. Разочарованіе же Онѣгина было такой невысокой пробы, что оно можетъ, пожалуй, и вовсе не идти въ счетъ: онъ все же гораздо ближе къ молодому Дубровскому, нежели къ Печорину.

Двадцатые и тридцатые годы нынѣшняго столѣтія были по преимуществу временемъ, когда уживалось рядомъ самое старозавѣтное самодурство съ элементарными признаками внѣшняго лоска. Смѣшеніе французскаго съ нижегородскимъ господствовало не только въ языкѣ, но и въ самыхъ нравахъ. Тогда были возможны рядомъ личности Ивана Петровича Берестова, коренного, чисторусскаго стариннаго дворянина, и англомана Григорія Ивановича Муромскаго. Характеръ образованія въ высшихъ и среднихъ слояхъ имѣлъ много сходнаго; разница же была скорѣе количественная, нежели качественная. Всѣ наши аристократы, изображенные Пушкинымъ, всѣ эти личности — графиня въ „Пиковой Дамѣ“, Зинаида Вольская и Минскій въ отрывкѣ „Гости съѣзжались на дачу“ отличаются только тономъ и обстановкой отъ Марьи Кирилловны въ „Дубровскомъ“, Марьи Гавриловны въ повѣсти „Метель“, Лизы и Саши, а также Владиміра Z въ отрывкѣ „Романъ въ письмахъ“, Сильвіо въ „Выстрѣлѣ“, Германа въ „Пиковой Дамѣ“. Люди болѣе средняго круга бывали иногда смѣшны своимъ жеманствомъ, какъ Григорій Ивановичъ Муромскій въ „Барышнѣ-Крестьянкѣ“, который „развелъ англійскій садъ и тратилъ на него почти всѣ доходы“, одѣлъ конюховъ жокеями и обработывалъ поля по англійской методѣ. Конечно, дѣйствующія лица „Египетскихъ ночей“ и относящихся къ нимъ неконченныхъ отрывковъ гораздо изящнѣе; рѣзкія странности людей средняго круга въ нихъ сглажены постояннымъ обра-

Digitized by Google

щеніемъ въ большомъ свѣтѣ. Такіе львы и львицы, какъ Чарскій, Вольская, графиня К. и мужъ ея польскій графъ стоятъ, безъ сомнѣнія, на гораздо высшей ступени сравнительно съ Муромскимъ и ему подобными.

Во всякомъ случаѣ, весь складъ тогдашней жизни, характеръ образованія, обращеніе съ учителями, самая роль ихъ въ тѣхъ помѣщичьихъ и столичныхъ семьяхъ, гдѣ имъ было назначено судьбой воспитывать юныхъ птенцовъ, были таковы, что нельзя не повторить словъ Грибоѣдова: „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“.

Достаточно вспомнить, что Троекуровъ, при своемъ дикомъ характерѣ, „съ учителями не церемонился и уже двоихъ засѣкъ до смерти“. Мы видимъ тутъ явную связь между нравами первой половины нашего столѣтія и блаженной памяти временами Митрофана и Простаковой. Идти учителемъ въ домъ къ Троекурову могла заставить или крайняя, безвыходная нужда, какъ настоящаго Дефоржа, или пылкая романтическая страсть, подъ вліяніемъ которой мнимый Дефоржъ - Дубровскій не только переносилъ выходки капризнаго барина, но и забывалъ въ немъ ненавистнаго, смертельнаго врага. Ради этой страсти, Дубровскому пришлось вынести и устроенную для потѣхи Кириллы Петровича обидную аудіенцію съ голоднымъ медвѣдемъ.

И такъ на вопросъ, въ какомъ свѣтѣ являются практики-педагоги и самое воспитаніе въ произведеніяхъ нашей литературы начала нынѣшняго столѣтія приходится, къ сожалѣнію, отвѣтить констатированіемъ того прискорбнаго факта, что мы не находимъ у Пушкина ни одного положительнаго типа педагога, но исключительно отрицательные. Конечно, это должно быть объяснено неудовлетворительнымъ состояніемъ нашей педагогіи, бывшей въ началѣ нынѣшняго вѣка еще въ рукахъ слишкомъ извѣстныхъ каждому гувернеровъ-иностранцевъ; но надо обратить вниманіе и на другія обстоятельства. Такъ мы должны принять въ разсчетъ вообще весьма сильное преобладаніе отрицательныхъ типовъ въ нашей литературѣ.

Замѣчательно, кромѣ того, что всѣ приведенные у Пушкина педагоги исключительно иностранцы разныхъ націй, въ огромномъ большинствѣ случаевъ французы, но также и нѣмцы, шведы (плѣнный танцмейстеръ съ прострѣленной но-

Digitized by Google

гой въ повѣсти „Арапъ Петра Великаго“), и англичане (мы имѣемъ здѣсь собственно гувернантку - англичанку въ „Барышнѣ-Крестьянкѣ“). Единственными же русскими воспитателями являются невѣжественные дядьки. О дядькахъ упомянуто лишь вскользь уже въ «Запискахъ П. В. Нащокина“, представляющихъ изъ себя не повѣсть, а дѣйствительныя воспоминанія прошлаго (см. Соч. Пушк., т. IV, стр. 342); но зато къ этой группѣ принадлежитъ ярко очерченная личность Савельевича, дядьки Гринева. Этотъ симпатичный типъ вмѣстѣ съ няней Егоровной въ „Дубровскомъ“ и сѣдой Филиппьевной въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ принадлежитъ къ числу весьма привлекательныхъ по образцовой самоотверженности, безграничной преданности господамъ до послѣдней капли крови, по полнѣйшему безкорыстію, наконецъ по совершенному отсутствію сознанія собственныхъ заслугъ. Эти типы, конечно, должны быть признаны положительными, не смотря на нѣкоторыя смѣшныя стороны. Но это все-таки не настоящіе воспитатели. А воспитатели въ произведеніяхъ Пушкина всѣ далеко не идеальные гувернеры - иностранцы. Кого же мы встрѣчаемъ въ ряду этихъ послѣднихъ?

Въ этой толпѣ можно было бы насчитать не мало „воспитателей двухъ поколѣній: предшествовавшаго Пушкину и современнаго ему. Къ первымъ принадлежитъ прежде всего классическая фигура страстнаго любителя спиртныхъ напитковъ, невѣжественнаго Бопре, этого „канальи - француза“, спавшаго сномъ невинности въ тотъ злополучный часъ, когда Андрей Петровичъ Гриневъ засталъ его воспитанника клеившимъ змѣй изъ соблазнившей его своей добро́той географической карты и прилаживавшимъ хвостъ къ мысу Доброй Надежды, и еще тотъ чопорный французъ, который, если не злонамѣренно, то по неизвинительной оплошности „научилъ пьянству“ мальчика Нащокина. Но это все еще, такъ сказать, старозавѣтные французы, которые были возможны только въ прошедшемъ столѣтіи и то преимущественно въ глухихъ захолустьяхъ. За ними постепенно слѣдуютъ: madame, ходившая за Евгеніемъ Онѣгинымъ, и смѣнившій ее „французъ убогій“ monsieur l'Abbé, мамзель Мишо и французъ Дефоржъ въ „Дубровскомъ“, содержательница пансіона Фальбала, въ которомъ получила воспитаніе Наталья Павловна въ „Графѣ Нулинѣ“, жеманная англичанка въ „Барышнѣ-Крестьянкѣ“,

Digitized by Google

и проч. Все это, кромѣ Дефоржа, типы въ высокой степени комическіе. Называя ихъ, нельзя не отмѣтить вѣрное воспроизведеніе у Пушкина исторической черты: дѣйствительно, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій, всю Россію, чему-нибудь учившуюся, коверкали на всѣ лады эти иноземные гости, которыхъ затронулъ въ своихъ безсмертныхъ басняхъ и незабвенный дѣдушка Крыловъ (напр. въ „Червонцѣ“). Безчисленные примѣры подобныхъ иностранцевъ мы могли бы найти въ разныхъ воспоминаніяхъ, печатавшихся и продолжающихъ печататься въ нашихъ историческихъ журналахъ, а также ихъ изображенія нерѣдки, конечно, и въ литературныхъ произведеніяхъ, которыхъ сюжеты относятся къ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Такъ, напр., и у Грибоѣдова въ „Горе отъ ума“ Фамусовъ говоритъ дочери о ея бывшей воспитательницѣ:

„Мать умерла — умѣлъ я принанять
Въ мадамъ Розье вторую мать“...

Сами наши писатели первой половины нынѣшняго вѣка, въ противоположность своимъ предшественникамъ на литературномъ поприщѣ, обучались непремѣнно у иностранныхъ гувернеровъ: Жуковскій у какого-то нѣмца Якима Ивановича, мучившаго его и ознаменовавшаго свое пребываніе въ Мишенскомъ комическими проявленіями своей оригинальной страсти къ кузнечикамъ (см. Загарина, „В. А. Жуковскій и его произведенія“, т. I, стр. 4), у Христіана Филипповича Роде, содержателя пансіона въ Тулѣ, Грибоѣдовъ у Петрозиліуса и Іона (оба они, а особенно послѣдній, впрочемъ, далеко не походили на большинство своихъ собратій); первоначальными учителями Пушкина были Монфоръ, Русло, Шедель и Шиллеръ, учителями Лермонтова — Жандро, Леви и Винсонъ...

Въ произведеніяхъ Гоголя мы уже почти не найдемъ этой иноземной арміи; единственный иностранецъ учитель у него жившій нѣкогда въ антресоляхъ дома Плюшкина учитель-французъ, „который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ“ [1]. Кромѣ

[1] Соч. Гог.. изд. X, т. III, стр. 115.

Digitized by Google

этого француза мы встрѣчаемъ еще у Гоголя тутъ же, при описаніи прежней жизни Плюшкина, также жившую на антресоляхъ компатріотку его, наставницу двухъ дѣвицъ, и еще только упомянутыхъ, но не обрисованныхъ гувернеровъ всѣхъ націй, гуляющихъ съ своими питомцами въ батистовыхъ воротничкахъ по Невскому проспекту. Гоголь изображаетъ ихъ такъ: „Англійскіе джонсы и французскіе коки идутъ подъ руку съ ввѣренными ихъ родительскому попеченію питомцами и съ приличною солидностью изъясняютъ имъ, что вывѣски надъ магазинами дѣлаются для того, чтобы можно было посредствомъ ихъ узнать, что̀ находится въ самыхъ магазинахъ. Гувернантки, блѣдныя миссы и розовыя славянки, идутъ величаво позади своихъ легенькихъ, вертлявыхъ дѣвчонокъ, приказывая имъ поднимать нѣсколько выше плечо и держаться прямѣе“ („Невскій Проспектъ“)[1]. Изъ этихъ строкъ мы снова убѣждаемся, что иностранный элементъ среди воспитателей дѣтей средняго и высшаго слоевъ общества былъ преобладающимъ, хотя здѣсь упомянуты уже и „розовыя славянки“. Какъ ни бѣгло коснулся Гоголь этихъ гувернеровъ-иностранцевъ, но передъ нашими глазами, на основаніи этого легкаго очерка, весьма живо рисуются жеманные педанты, которыхъ мудрость состоитъ преимущественно во внѣшней выправкѣ и муштрованіи и въ весьма легковѣсныхъ объясненіяхъ, которыя немного или вовсе не отличаются отъ самодовольныхъ толкованій молодого шляхтича, съ большимъ аппломбомъ разъяснявшаго своей коханкѣ Юзысѣ, что народъ собрался на площади, чтобы смотрѣть, какъ будутъ казнить преступниковъ, а тотъ, который держитъ въ рукахъ сѣкиру, палачъ, и, наконецъ, что „какъ начнетъ палачъ колесовать и дѣлать другія муки, то преступникъ будетъ еще живъ; а какъ отрубятъ голову, то онъ, душечка, сейчасъ и умретъ“ [2]).

Но если этими немногими выписанными выше строками исчерпывается все, что̀ имѣетъ въ сочиненіяхъ Гоголя какое-нибудь отношеніе къ иностранцамъ-воспитателямъ и къ часто изображаемому Пушкинымъ жеманству, то мы находимъ у него зато ярко обрисованнымъ не одного отечественнаго захолустнаго пѣстуна. Самый характерный изъ нихъ учитель

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, 253.

[2]) Соч. Гог., т. I, стр. 355—356.

Digitized by Google

Чичикова, большой любитель „тишины“, не терпѣвшій Крылова за то, что онъ сказалъ: „по мнѣ хоть пей, да дѣло разумѣй“, и не любившій живыхъ и бойкихъ мальчиковъ, потому что ему казалось, что они могутъ надъ нимъ посмѣяться. Далѣе слѣдуютъ: смотритель уѣзднаго училища Лука Лукичъ Хлоповъ съ своимъ штатомъ учителей, изъ которыхъ одинъ не можетъ обойтись, чтобы, входя на каѳедру и раскланиваясь съ учениками, не сдѣлать убійственную гримасу, а другой, разсказывая съ жаромъ объ Александрѣ Македонскомъ, ломаетъ казенные стулья. Самъ Лука Лукичъ—человѣкъ запуганный до послѣдней степени, какъ огня боящійся ревизій, причемъ ему особенно досадно, что „всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ“. Наконецъ, занимающую насъ фалангу можно заключить учителемъ дѣтей Манилова, обучившаго своихъ питомцевъ названіямъ главныхъ городовъ въ европейскихъ государствахъ.

Такимъ образомъ мы получаемъ изъ сочиненій Гоголя знакомство съ дѣйствовавшимъ въ его время поколѣніемъ воспитателей, хотя и менѣе разностороннее, нежели изъ сочиненій Пушкина. У обоихъ писателей, какъ это и естественно, находятся очень близкія точки соприкосновенія въ изображеніи представителей той же эпохи; указанная же нами существенная разница въ преимущественномъ выборѣ однихъ типовъ педагоговъ передъ другими опять вполнѣ объясняется тѣмъ кругомъ, въ которомъ имѣли больше случаевъ производить свои наблюденія оба наши величайшіе писателя. Гоголь мало изображалъ аристократическій и даже средній кругъ. Поэтому же мы чаще встрѣчаемъ у него изображеніе людей, не получившихъ почти вовсе образованія, особенно въ повѣстяхъ съ сюжетами изъ малороссійскаго быта: Солопій Черевикъ, Оксана, кузнецъ Вакула, Левко, старосвѣтскіе помѣщики, Иванъ Ивановичъ Перерепенко и Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ — все это люди, которые и слыхомъ не слыхали объ ученіи и наукахъ, или же совсѣмъ о нихъ не заботились и не вспоминали. Большинство помѣщиковъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ и чиновниковъ въ „Ревизорѣ“ едва возвысились надъ простой грамотностью, хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ понятіе о „Юріи Милославскомъ“ Загоскина и знаютъ по имени Пушкина.

Но Гоголь, хотя и неравномѣрно, все же затрогиваетъ всѣ

Digitized by Google

ступени образованія въ Россіи отъ высшаго университетскаго до бурсы включительно. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ представлена Гоголемъ система современнаго ему женскаго пансіонскаго образованія, какъ Гоголь смѣется надъ его пустотой, надъ ограниченными взглядами содержательницъ пансіоновъ и надъ продуктами ихъ воспитанія вродѣ Маниловой и проч. Въ иномъ, но также юмористическомъ свѣтѣ рисуетъ Гоголь и образованіе мужчинъ: онъ представляетъ намъ профессоровъ съ „новыми взглядами и новыми точками воззрѣній“, „забрасывающихъ своихъ слушателей мудреными терминами и прочитывающихъ въ три года только введеніе да развитіе общинъ какихъ-то нѣмецкихъ городовъ“ [1]). Въ повѣсти „Вій“ Гоголь вводитъ читателей уже въ будничный обиходъ средней школы, живо представляя пеструю толпу грубыхъ и полуголодныхъ бурсаковъ, и самое устройство бурсы съ авдиторами и ликторами, раздѣленіе ея на богослововъ, философовъ, риторовъ и грамматиковъ, наконецъ, развлеченія школьниковъ, вродѣ кулачныхъ боевъ, обычай сѣченія и уклоненія отъ него, періодическія странствованія домой на лѣтнія каникулы и проч. Вообще вся внѣшняя сторона быта и самая жизнь бурсы изображены Гоголемъ замѣчательно живо и ярко. Питомцы бурсы, богословъ Холява и философъ Хома Брутъ, вкусили уже отъ плода школьнаго ученія, испробовали преимущественно всю горечь корней его съ неизбѣжной нѣкогда спутницей его лозой, но знанія ихъ не глубокія; едва ли они даже многимъ превосходили въ этомъ отношеніи бурсаковъ прежнихъ поколѣній, Остапа и Андрія, знавшихъ, что̀ такое бурса и римская республика, но оставшихся и по наружности, и на самомъ дѣлѣ, такими же простыми и невѣжественными людьми, какъ и вся окружавшая ихъ толпа обыкновенныхъ запорожцевъ. Въ противоположность большинству получившихъ какое-нибудь образованіе героевъ Пушкина, они не имѣютъ никакого понятія о свѣтскомъ лоскѣ.

Какъ юмористъ, Гоголь выставляетъ преимущественно пошлость и въ представителяхъ столицы, въ лицѣ Хлестакова, Тряпичкина, майора Ковалева и другихъ, представляющихъ собою продукты извращеннаго воспитанія, иногда также не безъ слѣдовъ жеманства. Единственно два художника, Черт-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т III, стр. 284 и 286; 3-е изд. послѣд., т. III, стр. 281.

Digitized by Google

ковъ и Пискаревъ, являются у него не только людьми не чуждыми образованія, но даже до нѣкоторой степени благородными носителями идеаловъ—по крайней мѣрѣ въ началѣ.

Но не одни отрицательные типы неумѣлыхъ педагоговъ и уродливо воспитанныхъ ими людей находимъ мы у Гоголя: среди указанныхъ нами лицъ, большею частью затронутыхъ имъ только вскользь, мы встрѣчаемъ у него идеальнаго педагога Александра Петровича въ началѣ второй части „Мертвыхъ Душъ“. Впрочемъ, эта личность уже гораздо менѣе удачно обрисована авторомъ, какъ и всѣ созданныя его воображеніемъ, а не взятыя изъ дѣйствительнаго міра. Гоголь самъ говорилъ о себѣ въ „Авторской Исповѣди“, что онъ „никогда не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства“ и что у него „только то и выходило хорошо, что было взято изъ дѣйствительности, изъ данныхъ извѣстныхъ ему“. Замѣтимъ кстати, что у Пушкина мы совсѣмъ не находимъ соотвѣтствующаго Александру Петровичу воображаемаго педагога, что и понятно, такъ какъ онъ никогда не насиловалъ своего творчества и не задавался намѣреніемъ рисовать ходульныхъ героевъ.

Въ заключеніе обзора той части педагогическихъ взглядовъ Гоголя, которая касается общественнаго воспитанія, не можемъ не указать на одну точку соприкосновенія его статей съ замѣтками Пушкина о народномъ воспитаніи. Этимъ звеномъ можно считать общую имъ обоимъ мысль о томъ, какъ достигнуть главной цѣли воспитанія—чтобы „воспитанники были всегда вѣрны отечеству и государю“. Въ статьяхъ Гоголя съ этой мыслью тѣсно соединена еще другая: въ своемъ планѣ преподаванія онъ ставитъ вездѣ во главу угла познаніе „непостижимаго Зодчаго міра“ [1]). Съ другой стороны, отмѣтимъ и существенную разницу во взглядахъ нашихъ писателей на воспитаніе: Гоголь, какъ всегда и во всемъ, задавался слишкомъ широкими цѣлями, создавалъ грандіозные идеалы, осуществить которые часто былъ не въ силахъ, и притомъ онъ пытался изобразить отвлеченный типъ образцоваго педагога; Пушкинъ представлялъ только то, что наблюдалъ въ дѣйствительности, а въ своей педагогической замѣткѣ посвятилъ вниманіе не общимъ, а частнымъ, животре-

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 295.

Digitized by Google

пещущимъ педагогическимъ вопросамъ, имѣвшимъ непосредственное отношеніе къ извѣстному времени и извѣстнымъ обстоятельствамъ.

Переходя къ анализу взглядовъ Гоголя на домашнее воспитаніе, замѣтимъ прежде всего, что и они сложились не столько подъ вліяніемъ упорнаго систематическаго труда педагога по профессіи, сколько являются отраженіемъ и переработкой того богатаго запаса впечатлѣній, который былъ вынесенъ Гоголемъ изъ практической жизни. Какъ во всѣхъ статьяхъ педагогическаго характера, вышедшихъ изъ-подъ пера Гоголя, мы замѣчаемъ нѣкоторую устойчивость во взглядахъ, такъ напримѣръ мысли, высказанныя въ 1829 году, т. е. тотчасъ по оставленіи Гоголемъ гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, повторяются приблизительно въ сходной формѣ въ 1834 г., и Гоголь-профессоръ придерживался въ общихъ чертахъ тѣхъ же мнѣній, какія имѣлъ еще Гоголь-абитуріентъ лицея: какъ въ этихъ статьяхъ Гоголь ратуетъ за цѣльное и яркое представленіе преподаваемаго, такъ и въ своихъ педагогическихъ сужденіяхъ, касающихся первоначальнаго и дальнѣйшаго домашняго воспитанія, онъ невольно устремлялъ главное вниманіе на ту сторону духовнаго, которая, по его внутреннему признанію, всего больше казалась ему цѣлесообразною по воспоминаніямъ собственной дѣтской жизни. Его непосредственное чувство громко говорило въ пользу картинности и увлекательности развертываемыхъ передъ учащимися образовъ, и причину этого взгляда слѣдуетъ искать, во всякомъ случаѣ, не столько въ твердо сложившихся убѣжденіяхъ, благодаря строгому анализу и напряженной головной работѣ, сколько въ свѣжемъ сознаніи когда-то пережитого и перечувствованнаго. Помня, что въ его душу всего сильнѣе и глубже западало все то, что дѣйствовало на его воображеніе, онъ, безъ сомнѣнія, искренно и безъ фразъ настаиваетъ на воздѣйствіи именно на эту способность. Какъ при изученіи географіи, по убѣжденію Гоголя, воспитанникъ не долженъ вовсе имѣть учебника, потому что книга „какая бы она ни была, будетъ сжимать и умерщвлять воображеніе“ и слѣд. передъ ученикомъ „должна быть одна только карта“: такъ въ томъ же самомъ духѣ высказывался онъ въ письмѣ къ матери о религіозномъ воспитаніи одной изъ своихъ младшихъ сестеръ:

Digitized by Google

„Говорите ей поболѣе о будущей жизни, опишите всѣми возможными и нравящимися для дѣтей красками тѣ радости и наслажденія, которыя ожидаютъ праведныхъ, и какія ужасныя, жестокія муки ждутъ грѣшныхъ. Ради Бога, говорите ей почаще объ этомъ, при всякомъ ея поступкѣ, хорошемъ или дурномъ. Вы увидите, какія благодѣтельныя это произведетъ слѣдствія. *Нужно сильно потрясти дѣтскія чувства*, тогда они надолго сохранятъ все прекрасное. *Я испыталъ это на себѣ*“ [1]).

Другая отличительная особенность педагогическихъ взглядовъ Гоголя, касающихся домашняго воспитанія,—ихъ узкая практичность. Съ этой стороной ихъ мы знакомимся изъ его интимной переписки съ родными. Гоголю случалось иногда давать совѣты матери, сестрѣ, знакомымъ о воспитаніи ихъ дѣтей или племянниковъ, и здѣсь-то онъ становился обыкновенно на самую обыденную, практическую почву. Въ воспитаніи женщины онъ цѣнилъ больше всего ея хозяйственныя познанія и умѣнье быть полезной въ домашнемъ обиходѣ. Отдавая одну изъ сестеръ (окончившую, впрочемъ, уже курсъ въ Патріотическомъ институтѣ) на попеченіе своей знакомой П. И. Раевской, онъ въ слѣдующихъ словахъ формулировалъ свои надежды и желанія: „Съ моей стороны, я бы желалъ, чтобы моя сестра выучилась вотъ чему: 1-е, умѣть быть довольною совершенно всѣмъ; 2-е, быть знакомой больше съ нуждою, нежели съ обиліемъ; 3 е, знать, что̀ такое терпѣніе, и находить наслажденіе въ трудѣ. Назначеніе женщины—семейная жизнь, а въ ней много обязанностей разнородныхъ. Здѣсь женщина является гувернанткою и нянькою, и домоводкою, и казначейшею, и распорядительницею, и рабою, и повелительницею. Вы можете поручить ей какія-нибудь отдѣльныя части домашняго хозяйства; не мѣшало бы ей давать разныя порученія: купить что-нибудь, расплатиться, или разсчитаться, свести приходъ и расходъ. Она дѣвушка бѣдная, у ней нѣтъ ничего. Если она выйдетъ замужъ, то это ей будетъ вмѣсто приданаго, и, вѣрно, мужъ ея, если только онъ будетъ человѣкъ не глупый, будетъ за него больше благодарить, нежели за денежный капиталъ“. (Соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 404—405).

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 186.

Digitized by Google

Кромѣ того Гоголь придавалъ чрезвычайно важное значеніе физическому воспитанію женщины: онъ настаивалъ на томъ, чтобы женщина никогда не была безъ дѣла, но чтобы работала съ перерывами; чтобы какъ можно больше была на воздухѣ, чаще прогуливалась и вообще была въ движеніи (см. цитированное письмо къ П. И. Раевской и еще письмо къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ — соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 442). О прогулкахъ и необходимости дѣлать почаще движенія Гоголь говоритъ даже не одинъ разъ (см. также еще V т., стр. 447, въ письмѣ къ Аннѣ Васильевнѣ: „Дѣлай частыя прогулки, но старайся, чтобы имъ назначить какую-нибудь цѣль“ и проч.).

Въ воспитаніи мальчика Гоголь ставилъ на первый планъ развитіе наблюдательности, потому что только „тогда изъ него выйдетъ человѣкъ; безъ этого же свойства онъ будетъ просто *ничто*“. Для мальчиковъ Гоголь считаетъ наиболѣе полезнымъ чтеніе историческихъ сочиненій и всестороннее знакомство съ родиной: они должны „узнавать собственную землю, географію Россіи, исторію Россіи, путешествія по Россіи“. Но этого мало: чтобы сдѣлаться хорошимъ чиновникомъ и полезнымъ слугой отечества, мальчикъ долженъ знакомиться подробнѣе съ жизнью каждаго сословія. Сестрѣ своей, взявшей на себя воспитаніе ихъ общаго племянника, Н. П. Трушковскаго, Гоголь совѣтовалъ: „въ первую ярмарку, какая случится у васъ, вели ему высмотрѣть хорошенько, какихъ товаровъ больше и какихъ меньше, и записать это на бумажкѣ. Потомъ пусть запишетъ, откуда и съ какихъ мѣстъ больше привезли товаровъ и чьи люди больше торгуютъ и больше привозятъ“ (Соч. Гог., изд. Кул., т. VI, стр. 416). Съ этими словами можно сравнить слѣдующія строки въ письмѣ къ Шевыреву по поводу того же мальчика: „На сто рублей ассигнаціями накупи книгъ такого рода, которыя могли бы отрока, вступающаго въ юношескій возрастъ, познакомить сколько-нибудь съ Россіею (отрока лѣтъ тринадцати), какъ то: путешествія по Россіи, исторія Россіи и всѣ такія книги, которыя безъ скуки могутъ познакомить собственно со статистикой Россіи и бытомъ въ ней живущаго народа, всѣхъ сословій“. (Соч. Гог., изд. Кул., т. VI, стр. 435).

Не только въ образованіи этихъ взглядовъ самое большое значеніе имѣлъ для Гоголя собственный опытъ, такъ какъ и

Digitized by Google

своимъ развитіемъ онъ былъ несравненно больше обязанъ наблюдательности и впечатлѣніямъ жизни, нежели школѣ и книжному ученію; но можно думать, что и въ остальное время жизни ему съ одной стороны много помогала и его практическая смѣтливость и оригинальность сильнаго ума, хотя съ другой стороны тѣ же качества причиняли ему огромный вредъ, порождая въ немъ излишнюю самоувѣренность и стремленіе опираться всегда на собственныя силы, не придавая особеннаго значенія вычитанному изъ книгъ чужому уму. Благодаря неудовлетворительному образованію, полученному въ школѣ, и замѣчательнымъ способностямъ, затушевавшимъ пробѣлы и позволявшимъ смотрѣть свысока на настоящее знаніе, въ Гоголѣ выработался типъ самоучки, какимъ его изображаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Л. И. Арнольди. (См. „Воспоминанія о Гоголѣ“ Арнольди въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1862 г., I). Поэтому же въ изображеніи системъ воспитанія мы находимъ у него всегда мѣткія, но случайныя характеристики.

Заканчиваемъ нашъ очеркъ замѣчаніемъ, что если Гоголь и Пушкинъ не были педагогами въ общепринятомъ значеніи слова, то, являясь великими учителями всего русскаго народа, они оставили въ своихъ произведеніяхъ могучее средство для того, чтобы благотворнымъ образомъ вліять на подрастающія поколѣнія. Не говоря уже о неоцѣнимыхъ эстетическихъ достоинствахъ ихъ безсмертныхъ созданій, напомнимъ, что не только изящество каждой строки, вышедшей изъ-подъ пера Пушкина, не только „живая прелесть стиховъ“, но особенно благородство высоко-гуманнаго содержанія нѣкоторыхъ избранныхъ его стихотвореній должны находить откликъ въ воспріимчивомъ чувствѣ молодежи. Поэзія Пушкина должна съ особенной силой пробуждать сочувствіе къ людямъ, какъ и глубокая скорбь юмориста по поводу человѣческихъ несовершенствъ въ произведеніяхъ Гоголя. У Гоголя молодежью должны быть особенно оцѣнены прямо относящіяся къ ней золотыя слова: „Забирайте съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ — не подымете потомъ! Грозна,

Digitized by Google

страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: „Здѣсь погребенъ человѣкъ“; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости“ [1]). Въ этихъ немногихъ словахъ нашъ великій писатель далъ такой богатый содержаніемъ нравственный урокъ, что съ нимъ по образовательному значенію не сравнятся многіе обширные педагогическіе трактаты. Если бы юноша почувствовалъ во́-время глубокое значеніе этихъ словъ во всю ихъ силу, то это одно уже оберегло бы его нравственную чистоту и стремленіе спасти въ себѣ въ жизненной борьбѣ отъ неблагопріятнаго давленія тяжелыхъ обстоятельствъ лучшія стороны своего человѣческаго существа.

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 125.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ГОГОЛЯ.

(Замѣтки и наблюденія).

Digitized by Google

Digitized by Google

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ГОГОЛЯ.

(Общія замѣчанія).

I.

Талантъ Гоголя, какъ извѣстно, былъ не менѣе великъ въ драмѣ, нежели въ эпосѣ. Его изумительная способность почти мгновенно схватывать и съ яркимъ, неподражаемымъ комизмомъ воспроизводить не только голосъ, жесты, пріемы, самый складъ рѣчи наиболѣе близкихъ ему лицъ, но часто даже едва уловимыя внутреннія ихъ черты,—рано или поздно не могла не увлечь его въ область драматической поэзіи. Создавать изъ предполагаемыхъ разговоровъ живыя, глубоко комическія сцены и положенія — во всю жизнь, съ самаго дѣтства, было потребностью и любимымъ развлеченіемъ нашего писателя. Въ многочисленныхъ воспоминаніяхъ о немъ безпрестанно встрѣчаются разсказы о томъ, какъ онъ юношей превосходно копировалъ своихъ профессоровъ, разныхъ знакомыхъ своей матери, а въ зрѣлыхъ годахъ съ необычайною легкостью рисовалъ передъ своими собесѣдниками во весь ростъ людей, чѣмъ-нибудь остановившихъ на себѣ его вниманіе, отъ знаменитаго итальянскаго ученаго Меццофанти до послѣдняго полового на постояломъ дворѣ [1]) Часто при этомъ, благодаря мимикѣ и другимъ способамъ непосредственной передачи множества мелкихъ, но характеристиче-

[1]) См., напр., „Записки о жизни Гоголя“, т. II, стр. 6, „Воспоминанія и критическіе очерки“ Анненкова, т. I, стр. 211—212, „Русскій Архивъ“, 1890, VIII, стр. 19.—Мастерскими разсказами и чтеніемъ Гоголя любовался, между прочимъ, и Бѣлинскій („Литерат. воспом.“ Панаева, стр. 399).

Digitized by Google

скихъ оттѣнковъ рѣчи изображаемыхъ лицъ, послѣднія съ такою яркостью выступали передъ глазами слушателей, что неизвѣстныя или даже вымышленныя лица представлялись имъ давними знакомцами. Мысль воспользоваться этимъ счастливымъ даромъ впервые блеснула Гоголю послѣ его перваго успѣшнаго литературнаго дебюта въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Съ этихъ поръ онъ не оставлялъ комедіи до времени исключительнаго погруженія въ главную задачу своей жизни— въ созданіе „Мертвыхъ Душъ“.

При изученіи драматическихъ произведеній Гоголя, служившихъ всегда отраженіемъ накопившихся въ душѣ его художественныхъ образовъ, захваченныхъ его памятью въ разное время и при различныхъ обстоятельствахъ, весьма существенную трудность представляетъ недостатокъ вполнѣ точныхъ хронологическихъ данныхъ о томъ, въ какой послѣдовательности и какъ именно создавались и обработывались они авторомъ. Такія трудности почти вовсе неизвѣстны изслѣдователямъ Пушкина и большинства другихъ писателей и объясняются прежде всего неопредѣленностью датъ, указываемыхъ въ разныхъ мѣстахъ самимъ Гоголемъ, а часто даже и совершеннымъ ихъ отсутствіемъ. При такихъ условіяхъ неудивительно, что даже послѣ прекрасныхъ и вполнѣ обстоятельныхъ примѣчаній къ сочиненіямъ Гоголя академика Н. С. Тихонравова, вопросъ все-таки не можетъ считаться безусловно исчерпаннымъ, и мы позволимъ себѣ поэтому высказать съ своей стороны нѣсколько новыхъ соображеній о времени появленія драматическихъ пьесъ изъ-подъ пера автора и ихъ отношеній къ другимъ произведеніямъ нашего писателя. Намъ кажется, что на помощь въ данномъ случаѣ можно до нѣкоторой степени призвать послѣдовательность въ появленіи въ разныхъ произведеніяхъ Гоголя одинаковыхъ или сходныхъ художественныхъ образовъ, *преимущественно* занимавшихъ въ тотъ или другой періодъ его творческую фантазію, также пересмотръ матеріаловъ для заимствованныхъ имъ сюжетовъ, и, наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что, подобно другимъ произведеніямъ, и драматическія пьесы Гоголя создавались постепенно изъ тѣхъ первоначальныхъ отрывочныхъ набросковъ, которые сохранились въ записныхъ книжкахъ автора. Намѣтивъ здѣсь довольно широкую, можетъ быть, программу для изслѣдованій о Гоголѣ въ данномъ направле-

Digitized by Google

ніи, мы не принимаемъ на себя, однако, нелегкаго труда исполнить ее во всемъ объемѣ, и ограничимся только *указаніемъ* нѣкоторыхъ соображеній.

Комедія, начиная съ 1832 г., надолго становится любимымъ предметомъ и главной задачей творчества Гоголя. Къ лѣту этого года, какъ мы знаемъ изъ воспоминаній Аксакова, у него сложился уже вполнѣ опредѣленный и замѣчательно вѣрный взглядъ на задачи и сущность этого рода поэзіи, безъ всякаго сомнѣнія, не только подсказанный свѣтлымъ инстинктомъ художника, но зрѣло обдуманный и серьезно выработанный упорнымъ и сознательнымъ трудомъ мысли. Соображенія, высказанныя Гоголемъ Аксакову случайно и мимоходомъ, при всей ихъ простотѣ и непритязательности, произвели на этого опытнаго и умнаго литератора впечатлѣніе какого-то новаго слова, какого-то художественнаго откровенія. Съ другой стороны, въ набросанныхъ Гоголемъ въ 1832 г. „Матеріалахъ общихъ“ мы находимъ такія мысли, которыя проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на то направленіе, въ какомъ онъ предполагаетъ создавать свои комедіи, выработанное, въ свою очередь, жизненнымъ опытомъ и наблюденіями автора. Въ „Матеріалахъ общихъ“ у Гоголя значится: „Старое правило: уже хочетъ достигнуть, схватить рукою, какъ вдругъ помѣшательство и отдаленіе желаемаго предмета на огромное разстояніе“ [1]). Эти незначительныя, повидимому, слова являются, въ самомъ дѣлѣ, программой для всей драматической дѣятельности Гоголя и вездѣ они примѣняются къ главному герою комедіи. Вспомнимъ городничаго, Ихарева и чиновника, помѣшавшагося отъ неполученія ожидаемаго ордена. Мало того: и въ эпическихъ произведеніяхъ Гоголя нерѣдко повторяется то же самое („Шинель“, „Мертвыя Души“). Также всецѣло могутъ быть отнесены къ каждой изъ комедіи Гоголя слѣдующія затѣмъ строки въ общихъ матеріалахъ: „Внезапное или неожиданное открытіе, дающее вдругъ всему дѣлу новый оборотъ или озарившее его новымъ свѣтомъ“. Указанное обстоятельство даетъ намъ право оста-

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 734 и 451. См. факсимиле въ № 5 „Артиста“. Выраженіе одного изъ набросковъ: „фуфайку, надобно вамъ знать, сударыня, я ношу лосинную: она гораздо лучше фланелевой“ почти безъ измѣненія вошло въ текстъ комедіи (стр. 451), но сказано самому Ивану Петровичу, а не женѣ его, какъ первоначально предполагалось („сударыня“).

Digitized by Google

новиться на нѣкоторыхъ общихъ особенностяхъ всѣхъ драматическихъ пьесъ Гоголя.

II.

Главной особенностью натуры Гоголя была его глубокая оригинальность, рѣзко выдѣлявшая его изъ толпы и оставившая яркій отблескъ на его сочиненіяхъ. Всегда и вездѣ онъ оставался въ строгомъ смыслѣ слова самимъ собой, съ своей характерной, чисто-національной украинской нравственной физіономіей, нисколько не принимая того спеціальнаго отпечатка, который налагаютъ почти на каждаго профессія, обстановка, условія жизни. При встрѣчѣ каждый видѣлъ въ немъ прежде всего малороссіянина; но трудно было бы замѣтить въ его характерной малороссійской фигурѣ отраженіе какихъ-либо типическихъ признаковъ бывшаго чиновника, профессора или писателя [1]). Такимъ же оригинальнымъ самородкомъ являлся Гоголь въ своей литературной дѣятельности, въ своемъ творчествѣ, по глубоко-справедливому замѣчанію одного критика, находившаго что „въ развитіи своемъ Гоголь былъ независимѣе отъ постороннихъ вліяній, нежели какой-либо другой изъ первоклассныхъ писателей“. Эту-то самобытность его натуры и таланта необходимо имѣть въ виду прежде всего, въ какомъ бы мы отношеніи ни стали разсматривать Гоголя.

Какъ писатель драматическій, кромѣ обычныхъ его свойствъ тонкой наблюдательности, умѣнія въ высокой степени правдиво, просто и ярко воспроизводить окружающую жизнь, Гоголь отличается еще тѣмъ, что у него комическое положеніе дѣйствующихъ лицъ обыкновенно создается не внѣшними

---

[1]) Въ одномъ мѣстѣ своихъ воспоминаній И. С. Тургеневъ замѣтилъ, что „въ осанкѣ Гоголя, въ его тѣлодвиженіяхъ, было что то не профессорское, а учительское, напоминавшее преподавателей въ провинціальныхъ институтахъ и гимназіяхъ“ (соч. И. С. Тургенева, т. I, стр. 69),—но, во-первыхъ, этотъ отзывъ остается одинокимъ во всей обширной литературѣ о Гоголѣ, во-вторыхъ—относится къ позднѣйшимъ годамъ его жизни, когда Гоголь давно уже оставилъ свою непродолжительную преподавательскую дѣятельность, да и самъ Тургеневъ былъ далекъ отъ мысли ставить свое летучее наблюденіе въ связь съ предшествующей дѣятельностью Гоголя. О впечатлѣніи, производимомъ Гоголемъ въ послѣдніе годы, см. также въ воспоминаніяхъ Берга („Русск. Стар.“, 1872, 1, 119, 120).

Digitized by Google

условіями и не одной только въ нихъ комической стороной, какъ-то: алчностью, невѣжествомъ, хвастовствомъ; въ комическое положеніе не *фатально* попадаютъ дѣйствующія лица, становясь жертвой судьбы или обмана со стороны другихъ людей, но, напротивъ, они сами ставятъ себя въ него безпрестанно какими-нибудь нелѣпыми поступками и соображеніями. Какъ бы наблюдая ихъ съ особенно выгодной позиціи, авторъ видитъ ихъ сразу со всѣхъ сторонъ, тогда какъ обыкновенному взору были бы доступны лишь нѣкоторыя. Комизмъ безпрестанно поддерживается и возвышается во все продолженіе дѣйствія явной неспособностью дѣйствующихъ лицъ смотрѣть на свое положеніе просто и разумно, тогда какъ, благодаря тонкой проницательности автора и искусному руководству имъ зрителей, это становится легко для самаго заурядnаго изъ послѣднихъ. Верхъ совершенства представляетъ въ этомъ отношеніи извѣстная встрѣча Хлестакова и городничаго; но съ не менѣе поразительной яркостью выступаетъ это искусство во всей пьесѣ „Театральный Разъѣздъ“, гдѣ мнѣнія и толки, не только возможные, но существовавшіе на самомъ дѣлѣ и даже не казавшіеся въ свое время особенно уродливыми и безобразными, эти самые безцвѣтные и пустые толки, озаренные могучей силой истиннаго комизма, безъ всякой натяжки и, тѣмъ болѣе, карикатуры, выдаютъ головой тѣхъ, кѣмъ они высказывались; мало того, во многомъ они должны быть признаны имѣющими *до извѣстной степени* общечеловѣческое значеніе и возможными всюду и во всѣ времена, такъ какъ, передавая ихъ въ художественной формѣ, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ схватить вообще типическія черты взглядовъ и сужденій пестрой толпы, высказываемыхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ спектакля.

Другой, не менѣе важной отличительной особенностью драматическихъ произведеній Гоголя можно считать то, что заблужденія комическихъ лицъ представляются у него послѣднимъ тѣмъ убѣдительнѣе и несомнѣннѣе, чѣмъ невѣроятнѣе кажутся они при нормальномъ взглядѣ на вещи,—и при всемъ томъ Гоголь ни мало не впадаетъ въ карикатуру и ни на шагъ не отступаетъ отъ требованій самаго строгаго реализма. Во многихъ герояхъ Островскаго единственнымъ или значительно преобладающимъ источникомъ комизма служитъ ихъ самодурство, забитость и проч.; у Гоголя комизмъ Хлеста-

Digitized by Google

кова или городничаго заключается не въ одномъ хвастовствѣ и легкомыслiи перваго или въ преступной корыстности послѣдняго, но оба они, кромѣ того, различнымъ образомъ безпрестанно обращены къ зрителямъ съ комическихъ сторонъ, такъ какъ имъ не удается прямо взглянуть на вещи и увидѣть ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, какъ это часто бываетъ и въ жизни, но лишь раскрывается въ ней слишкомъ поздно. Вообще, конечно, эта способность толково и просто взглянуть на дѣло встрѣчается въ дѣйствительности несравненно рѣже, нежели какъ это могло бы казаться съ перваго взгляда, и изображеніемъ этого, въ высокой степени жизненнаго и реальнаго, явленія пользовался Гоголь въ своихъ комедіяхъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. „Не грозная дѣйствительность“ — говоритъ Бѣлинскій о городничемъ — „а призракъ, фантомъ, или, лучше сказать, тѣнь отъ страха виновной совѣсти должны были наказать человѣка призраковъ“ [1]). Жертвы обмановъ въ комедіяхъ Гоголя попадаютъ въ свое жалкое положеніе обыкновенно не въ силу чьего-либо злого умысла, который если и бываетъ иногда въ наличности, то не иначе, какъ играя второстепенное значеніе въ ходѣ пьесы, но въ силу цѣлаго естественнаго сцѣпленія обстоятельствъ и возбуждаемыхъ ими недоразумѣній, главнымъ же образомъ, по винѣ *собственной* порочности и оплошности дѣйствующихъ лицъ. Что этотъ пріемъ имѣетъ далеко не случайное, но, напротивъ, самое существенное и глубоко обдуманное значеніе въ „Ревизорѣ“, ясно уже изъ того, что также и въ другихъ пьесахъ Гоголя комическія лица видятъ себя въ концѣ пьесы одураченными и опозоренными *непремѣнно по собственной винѣ*. Какъ въ „Ревизорѣ“ для городничаго не остается больше никакого утѣшенія, кромѣ расточаемыхъ имъ самому себѣ брани и упрековъ, такъ точно въ „Игрокахъ“ Ихаревъ принужденъ сознаться, что положеніе каждаго мошенника, разсчитывающаго на свою „тонкость ума и развитіе“, благодаря которымъ онъ надѣется всѣхъ обмануть и не быть обманутымъ самому, всегда непрочно, потому что того и гляди „тутъ же, подъ бокомъ, отыщется плутъ, который тебя переплутуетъ, мошенникъ, который за одинъ разъ по-

---

[1]) См. разборъ „Горе отъ ума“ (и „Ревизора“) въ 3 томѣ сочиненій Бѣлинскаго, стр. 476 (изд. 1884 г.).

Digitized by Google

дорветъ строеніе, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ“ [1]). Этого недостаточно; онъ принужденъ сознаться, что дѣла поправить невозможно: винить некого и жаловаться онъ не имѣетъ права, такъ что совершенно напраснымъ оказывается его отчаянный и безсильный вопль: „законъ! законъ! законъ призову!“ Въ этомъ убійственномъ сознаніи своей вины и безпомощности какъ городничаго, такъ и Ихарева, и заключается глубокая нравственная идея, положенная авторомъ въ основу обѣихъ комедій. Въ комедіи „Владиміръ 3-й степени“ также, по первоначальному замыслу Гоголя, мнимодѣловой человѣкъ, Иванъ Петровичъ, долженъ былъ кончить сумасшествіемъ, когда всплывшія наружу его нечистыя продѣлки убили въ немъ надежду на вожделѣнную награду, и онъ съ горя вообразилъ себя самого не доставшимся ему, несмотря на всѣ старанія, орденомъ [2]). Въ развязкѣ всѣхъ этихъ комедій Гоголя въ самомъ дѣлѣ является „неожиданное открытіе, дающее вдругъ всему дѣлу новый оборотъ и озаряющее его новымъ свѣтомъ“, но всего ярче это видно въ „Ревизорѣ“ и „Игрокахъ“.

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 422 и 447.

[2]) См. примѣч. Н. С. Тихонравова, въ концѣ 2 тома X изд. сочиненій Гоголя.

Digitized by Google

КОМЕДІЯ ГОГОЛЯ „ЖЕНИТЬБА".

I.

Еще въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки" повѣствовательная форма нерѣдко смѣнялась у Гоголя діалогомъ, и уже тогда Плетневъ замѣчалъ, что его въ этихъ „сказкахъ всегда поражали драматическія мѣста" [1]). По выходѣ въ свѣтъ „Вечеровъ", помыслы Гоголя преимущественно устремились на созданіе комедіи, но исполниться имъ суждено было нескоро; много времени прошло, пока богатыя и разнородныя, но еще отрывочныя, наблюденія стали слагаться у него въ опредѣленный драматическій рисунокъ. Какъ могъ приблизительно происходить предполагаемый нами процессъ работы у Гоголя, покажутъ слѣдующіе примѣры. Кромѣ матеріаловъ общихъ, въ записной книгѣ автора находимъ также и матеріалы частные. Послѣдніе имъ вскорѣ были употреблены въ дѣло, но они, вѣроятно, не сразу заняли свои окончательныя мѣста въ разныхъ комедіяхъ, а скорѣе, подобно именамъ собственнымъ, переставлялись и исправлялись въ нѣсколько пріемовъ. Тѣмъ не менѣе, уже въ начатой въ 1833 г. комедіи „Владиміръ 3-й степени" мы находимъ отчасти лишь намѣченныя раньше мысли, отчасти же просто внесенныя почти безъ перемѣны цѣлыя фразы. Таковы, напр., слова неизвѣстнаго лица въ одномъ изъ набросковъ: „Что́ вамъ сталъ вицъ-мундиръ? Почемъ суконцо?"—„Да, да! Ну, а разскажите.—

[1]) Соч. Плетнева, т. III, стр. 522.

Digitized by Google

Да, объ чемъ, бишь, вы говорили?“ [1]). Все это, какъ нетрудно догадаться, вошло цѣликомъ въ „Утро дѣлового человѣка“ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Александръ Ивановичъ, передавая своему сослуживцу Ивану Петровичу вымышленный разговоръ съ его „высокопревосходительствомъ“ и затрудняясь придумать продолженіе рискованнаго разсказа, неожиданно перебиваетъ себя вопросомъ о томъ, на чей счетъ расписаны потолки у Ивана Петровича, на свой или хозяйскій, тогда какъ онъ не могъ не знать, что квартира его пріятеля была казенная. Онъ до тѣхъ поръ пытается уклониться отъ продолженія прерваннаго разсказа, пока нетерпѣливый собесѣдникъ настойчивыми вопросами не возвращаетъ его къ оставленной темѣ. Совершенно такой-же неумѣстный вопросъ, съ такой же явной натяжкой, въ „Коляскѣ“ дѣлаетъ Чертокуцкій объ экипажѣ для верховой лошади. Отсюда, конечно, нельзя вывести заключенія, будто въ приведенномъ выше черновомъ наброскѣ Гоголь имѣлъ въ виду матеріалъ именно для указанной сцены, но совершенно наоборотъ: онъ скорѣе послѣ воспользовался уже готовымъ штрихомъ для исполненія уже созрѣвшей въ его фантазіи новой картины [2]). Такія отрывочныя наблюденія нерѣдко входили, въ различной группировкѣ, какъ составная часть, въ произведенія, принадлежащія къ одному и тому же времени, и если они были мелочныя, то забывались со временемъ навсегда, въ противномъ случаѣ, повторялись иногда очень долго.

Въ 1833 году Гоголемъ была написана значительно передѣланная позднѣе пьеса „Женитьба“, озаглавленная первоначально „Женихи“. Дата, указанная авторомъ, не подлежитъ сомнѣнію по сходству многихъ мѣстъ пьесы съ другими одновременными произведеніями и по своей безспорной принадлежности къ тѣмъ художественнымъ замысламъ поэта, кото-

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 734.

[2]) Подобные примѣры часто находимъ у Гоголя; такъ, въ черновой редакціи „Мертвыхъ Душъ“ читаемъ: „время, неугомонный живописецъ, расписываетъ весь родъ человѣческій и что̀ ни есть на свѣтѣ, и въ томъ числѣ мужскія и женскія лица“ и проч.,—выраженіе, взятое изъ прежнихъ сочиненій и затѣмъ уже замѣненное въ окончательной редакціи. (См. „Русск. Стар.“, 1885, XII, 570 и соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 10, т. V, стр. 52).

Digitized by Google

рыя предшествовали произведеніямъ съ широкой общественной идеей. Въ планѣ и построеніи „Женитьбы“ ясны слѣды сходства съ наиболѣе ранними опытами Гоголя: такъ, положенный въ основу комедіи внѣшній пріемъ сильно напоминаетъ еще „Ночь передъ Рождествомъ“, которая, въ свою очередь, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Солоха принимаетъ гостей, имѣетъ поразительное сходство съ „Сорóчинской Ярмаркой“, представляя въ сущности лишь болѣе сложное развитіе интриги въ сравненіи со сценой, гдѣ Хивря, въ отсутствіе мужа, тайкомъ принимаетъ поповича, и обѣ эти сцены были, очевидно, подсказаны соотвѣтствующимъ комическимъ положеніемъ еще въ комедіи Гоголя-отца „Романъ и Параска“. Наконецъ, „Женитьба“ въ смыслѣ развитія интриги и яркой обрисовки дѣйствующихъ лицъ стоитъ еще ступенью выше, если послѣднее выраженіе не слишкомъ умаляетъ достоинство этого уже значительно болѣе зрѣлаго произведенія.

II.

Недавно появившійся въ печати первоначальный набросокъ „Женитьбы“ позволяетъ намъ сдѣлать нѣсколько поясни тельныхъ замѣчаній о томъ процессѣ, которому слѣдовала творческая фантазія Гоголя при созданіи этой комедіи.

Благодаря вновь изданнымъ матеріаламъ становится вполнѣ очевиднымъ, что піеса не только имѣла самое близкое отношеніе преимущественно къ двумъ повѣствовательнымъ произведеніямъ первоначальной поры творчества Гоголя („Ночь передъ Рождествомъ“ и „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“), но даже перерабатывалась и постепенно сложилась именно подъ вліяніемъ тѣхъ художественныхъ образовъ, которые возникали въ фантазіи автора при одновременныхъ трудахъ надъ нѣсколькими занимавшими его сюжетами.

Внимательно всматриваясь въ первоначальный набросокъ, мы прежде всего останавливаемся на ремаркѣ автора: „комедія въ трехъ дѣйствіяхъ“. Возникаетъ вопросъ, была ли дѣйствительно готова, хотя бы въ черновомъ видѣ, *вся* комедія въ 1833 г., къ которому несомнѣнно относится первоначальный набросокъ, или же *только* сохранившіяся одиннадцать явленій перваго акта. Мы положительно склоняемся въ пользу второго предположенія, не только въ виду того, что и въ окон-

Digitized by Google

чательной редакціи число всѣхъ дѣйствій не доведено до трехъ, но *преимущественно* на основаніи сравненія отдѣльныхъ сценъ обѣихъ редакцій. Намъ кажется, что, предположивъ написать комедію приблизительно въ трехъ дѣйствіяхъ, авторъ сначала успѣлъ обработать лишь бо́льшую часть перваго дѣйствія, въ которой уже исчерпалъ весь приготовленный пока матеріалъ, послѣ чего надолго остановился въ работѣ, еще не предвидя, что́ именно должно было составлять продолженіе его комедіи, а затѣмъ, уже позднѣе, подъ вліяніемъ накопившихся новыхъ наблюденій и значительно измѣнившагося замысла піесы, не оканчивая прежней работы, принялся за коренную переработку и за возсозданіе въ иномъ видѣ всей піесы. Въ самомъ дѣлѣ, общій характеръ и всѣ подробности передѣлки, благодаря которой въ комедію внесено нѣсколько новыхъ лицъ и отчасти измѣнено общественное положеніе прежнихъ, совершенно исключаетъ возможность сомнѣнія въ томъ, что комедія въ началѣ работы далеко не представлялась автору съ опредѣленнымъ планомъ и съ строго обозначившимся содержаніемъ. Сличеніе удостовѣряетъ, что въ первоначальномъ замыслѣ автора совершенно отсутствовало представленіе о будущей роли Подколесина, явившагося позднѣе главнымъ дѣйствующимъ лицомъ піесы, а также не возникло еще и мысли о перенесеніи дѣйствія изъ малороссійской помѣщичьей среды въ сферу столичныхъ купчихъ и чиновниковъ. Очевидно, всѣ эти перемѣны позднѣйшаго происхожденія и вызваны впечатлѣніями жизни автора въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, какъ „Женихи“ соотвѣтствуютъ малороссійскимъ повѣстямъ, такъ „Женитьба“ примыкаетъ уже къ такъ называемымъ повѣстямъ петербургскимъ. Здѣсь мы имѣемъ слѣдовательно любопытный примѣръ видоизмѣненія подробностей художественнаго замысла въ зависимости отъ чисто мѣстныхъ условій, въ разное время окружавшихъ автора [1]). Припомнивъ затѣмъ, что, въ отношеніи робкаго и нерѣшительнаго сватовства, прототипомъ Подколесина былъ не кто иной, какъ Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька, мы можемъ

[1]) Большую трудность представляетъ однако, точное разъясненіе процесса возникновенія позднѣе у Гоголя великорусскихъ провинціальныхъ типовъ, такъ какъ для изученія ихъ великій писатель имѣлъ гораздо менѣе времени и удобныхъ случаевъ, а между тѣмъ въ ихъ изображеніи наиболѣе блистательнымъ образомъ проявился его геній.

Digitized by Google

наглядно наблюдать постепенный переходъ въ творчествѣ Гоголя отъ варіацій на старыя, уже не въ первый разъ эксплоатируемыя, темы къ произведенію, получившему вполнѣ оригинальный характеръ и въ значительной мѣрѣ новую, самостоятельную обработку. Внесеніе въ піесу личности Подколесина, могло явиться, очевидно, лишь по прошествіи значительнаго промежутка времени, когда настоятельная внутренняя потребность въ яркомъ воспроизведеніи (и притомъ въ драматическомъ дѣйствіи) личностей черезчуръ рѣшительнаго и развязнаго свата и застѣнчивыхъ, робкихъ любовниковъ, заставила автора пренебречь „Иваномъ Ѳедоровичемъ Шпонькой“ и пожертвовать въ интересахъ комедіи матеріаломъ, приготовленнымъ для повѣсти. При этомъ роли Василисы Кашпаровны и Ивана Ѳедоровича передаются Кочкареву и Подколесину, а подъ вліяніемъ уже достаточно обрисовавшагося въ воображеніи автора характера благонравной дѣвицы Марьи Гавриловны существенно измѣненъ характеръ невѣсты первоначальнаго наброска. При этомъ соединеніи въ одной піесѣ дѣйствующихъ лицъ, взятыхъ изъ двухъ произведеній, оказалась удержанной изъ первоначальнаго наброска и сваха, которая дѣйствуетъ здѣсь уже на одномъ полѣ съ импровизированнымъ сватомъ въ лицѣ Кочкарева. Но самое существенное измѣненіе, послѣ внесенія въ піесу новаго главнаго героя, касается, какъ мы сказали, характера невѣсты: Авдотья Гавриловна первоначальной редакціи представляетъ собою, по нашему мнѣнію, какъ бы посредствующее звено между личностями Хиври въ „Сорочинской Ярмаркѣ“, а также смѣлой, разбитной Солохи въ „Ночи передъ Рождествомъ“ съ одной стороны—и съ другой стороны—съ робкой и застѣнчивой личностью Агаѳьи Тихоновны въ „Женитьбѣ“. Съ Хиврей и съ Солохой Авдотья Гавриловна имѣетъ что-то общее въ мужелюбивой основѣ своей грубой натуры. Въ параллель Солохѣ и въ противоположность Агаѳьѣ Тихоновнѣ она совершенно развязно и свободно принимаетъ гостей, нисколько не стѣсняясь неловкой исключительностью своего положенія невѣсты, безцеремонно и явно отыскивающей женихов. Послѣдніе также безъ дальныхъ околичностей говорятъ ей, что она „благое дѣло вздумала, что рѣшилась упрочить судьбу свою“ [1]). Развязность ея бросается въ глаза даже такимъ же

[1]) „Царь Колоколъ“, 1892, III, стр. 12.

Digitized by Google

нихамъ, и одинъ изъ нихъ тотчасъ же обращаетъ вниманіе на это. Только-что она оставила на минуту гостей однихъ, какъ первое замѣчаніе о ней оказалось слѣдующее: „невѣста впрочемъ довольно развязная“. Правда, Авдотья Гавриловна совершенно искренно восклицаетъ въ первомъ явленіи: „ухъ! и страшно, какъ подумаешь: „ну, вотъ пріѣдетъ женихъ“! У меня сердце такъ и бьется“—но сію же минуту она прибавляетъ дальше: „да ничего, пусть пріѣзжаетъ: не будетъ страшно“ [1]). Нетерпѣливое стремленіе выдти поскорѣе замужъ въ Агаѳьѣ Тихоновнѣ уже значительно смягчено ея стыдливостью, но нѣкоторые слѣды вліянія первоначальнаго наброска отразились, напр., въ сдѣланномъ ею возраженіи свахѣ Ѳеклѣ Ивановнѣ: „Нѣтъ! мнѣ эти субтильные какъ-то не того... не знаю... Я ничего не вижу въ нихъ“. Это, очевидно, сдержанный отголосокъ наивнаго безстыдства ея предшественницъ и особенно Авдотьи Гавриловны, безстыдства, проявляющагося у послѣдней въ безпрестанныхъ вопросахъ: „А сколько ихъ, жениховъ, душенька ты моя?“ „Разскажи же, моя голубушка, какіе они, „женихи?“ [3]) и проч.

Впрочемъ, Авдотья Гавриловна представлялась самому автору еще недостаточно выяснившимся характеромъ, созданнымъ не столько на основаніи живыхъ наблюденій, сколько отвлеченныхъ предвзятыхъ намѣреній писателя, сдѣлавшаго пока только попытку перенести знакомый, но вымышленный сюжетъ изъ міра полуфантастическаго на почву вполнѣ реальную и изъ простонародной среды въ сферу помѣщичью. Для лучшаго выполненія задачи понадобились новыя наблюденія, но обстоятельства уже заставили искать ихъ въ столицѣ, вслѣдствіе чего типъ помѣщицы по необходимости долженъ былъ замѣниться какимъ-нибудь другимъ.

Авдотья Гавриловна—помѣщица и притомъ бывшая или, по крайней мѣрѣ, желавшая казаться хорошей хозяйкой. На замѣчаніе Яичницы: „мы слышали, что вы изволили принаряжаться“, она не безъ своеобразнаго разсчета возражаетъ: „уже Ѳекла изволила провраться! Нѣтъ, только-что подралась съ кухаркой“. Эти послѣднія слова брошены какъ будто безъ цѣли, но Яичница тотчасъ же понимаетъ ихъ въ томъ

1) Тамъ же, стр. 6.

2) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 368.

3) „Царь Колоколъ“, 1892, III, стр. 6 и 7.

Digitized by Google

смыслѣ, въ какомъ они были сказаны. „О, хозяйка!“ тотчасъ же съ удовольствіемъ говоритъ онъ самому себѣ. Впрочемъ, надо сознаться, что комизмъ подобной оригинальной рекомендаціи является здѣсь очень натянутымъ. Это одно изъ тѣхъ пятенъ, отъ которыхъ Гоголь заботливо очищалъ потомъ комедію въ дальнѣйшихъ редакціяхъ. Какъ заботливая хозяйка, Авдотья Гавриловна, заслышавъ звонокъ, извѣщающій о пріѣздѣ новыхъ гостей, спѣшитъ хлопотать и распоряжаться: „Ахъ, Боже мой! пойти заказать хоть ватрушки!“ [2]) Вообще, какъ помѣщица, она представляетъ до нѣкоторой степени отдаленное сходство съ цѣлымъ рядомъ изображенныхъ прежде или слегка очерченныхъ Гоголемъ малороссійскихъ помѣщицъ, особенно въ этихъ словахъ ея женихамъ: „если бы я знала о вашемъ пріѣздѣ, я бы приготовила рыбій соусъ или хоть бараній бокъ съ кашей, но вмѣсто того за столомъ будутъ только кислыя щи да кулебяка, да грибы жареные, да драченое. Право, мнѣ ужъ и совѣстно!“ [3]) Но очевидно, что Гоголю, уже мало обращавшемуся въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ помѣщичьей средѣ, недоставало красокъ и наблюденій, чтобы придать яркость и выпуклость фигурѣ Авдотьи Гавриловны. Вслѣдствіе этого должны были подвергнуться замѣнѣ или исключенію всѣ тѣ мѣста, которыя имѣли непосредственное отношеніе къ деревенской обстановкѣ дѣйствія въ первоначальномъ наброскѣ; наприм., слова Яичницы: „скажи мнѣ, сколько за ней крѣпостного, движимаго и рухлядей?“ [4]) Затѣмъ въ окончательной редакціи измѣнены также слѣдующія частности: въ первоначальномъ наброскѣ Яичница представленъ не освѣдомленнымъ заранѣе въ подробностяхъ о приданомъ невѣсты, но онъ обо всемъ разспрашиваетъ у Марѳы Саввичны до появленія невѣсты. По тѣмъ же соображеніямъ Яичница изъ помѣщиковъ и отставныхъ портупей-юнкеровъ превращенъ въ экзекуторы. Но, главнымъ образомъ, подверглась измѣненію вся внѣшняя обстановка: въ первоначальномъ наброскѣ женихи одинъ за другимъ пріѣзжаютъ изъ города въ деревню Авдотьи Гавриловны, и при этомъ Жевакинъ сохраняетъ даже на своемъ

[1]) „Царь-Колоколъ“, 1892, III, стр. 12.
[2]) Тамъ же, стр. 20.
[3]) Тамъ же, стр. 12.
[4]) Тамъ же, стр. 7

Digitized by Google

костюмѣ слѣды поѣздки, совершенной по проселочной дорогѣ: „Я сидѣлъ въ телѣгѣ, ковра-то не было, такъ я думаю, сѣнцато довольно ко мнѣ пристало. Вонъ тамъ сними, пожалуйста, пушинку“ [1]). Правда, эта послѣдняя подробность съ нѣкоторымъ измѣненіемъ удержана и въ позднѣйшей редакціи, по которой Жевакинъ предстаетъ передъ зрителями въ такомъ же неряшливомъ видѣ, хотя пришелъ только изъ отдаленной части того же города; но эта мелочь вполнѣ согласуется съ странностями и угловатыми манерами моряка, этого „трухлаго кочана капусты“ [2]) по первоначальной редакціи, и должна была сохраниться, чтобы своею противоположностью лучше оттѣнить изысканную щепетильность Анучкина съ его претензіей на хорошій тонъ и манеры высшаго общества. Потому же при передѣлкѣ удержано также все то, что̀ Жевакинъ разсказываетъ о своемъ мундирѣ. Зато комическое увѣреніе, что плѣшь явилась у него отъ лихорадки и что волосы скоро опять выростутъ, въ позднѣйшей редакціи вложено въ уста по-своему заботливаго о своей внѣшности Жевакина, тогда какъ въ первоначальной редакціи ихъ произноситъ Яичница [3]).

Указаннымъ болѣе существеннымъ перемѣнамъ въ ходѣ и составѣ піесы соотвѣтствуютъ далѣе нѣкоторыя второстепенныя. Такъ, мы сказали, что вмѣсто застѣнчивой и конфузливой Агаѳьи Тихоновны въ первоначальномъ наброскѣ передъ нами развязная Авдотья Гавриловна: это обстоятельство въ тѣсной и несомнѣнной связи съ тѣмъ, что послѣдняя рѣшилась послать Марѳу Саввичну на ярмарку за женихами, а, можетъ быть, именно этой первоначальной простотѣ замысла и нѣкоторой традиціи въ развитіи сюжетовъ въ извѣстномъ направленіи, Авдотья Гавриловна собственно и обязана приданнымъ ей качествомъ развязности, которое такимъ образомъ въ данномъ случаѣ изображалось, такъ сказать, не съ натуры, но именно по предвзятому намѣренію автора. Зато слѣдующія затаенныя мечты ея о будущемъ женихѣ: „былъ бы только дворянинъ да порядочной фамиліи“ [4]), только вскользь промелькнувшія здѣсь, которымъ, повидимому, и самъ авторъ не придавалъ пока никакого особеннаго значе-

[1]) Тамъ же, стр. 16.

[2]) Стр. 21.

[3]) Ср. Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 394. и „Царь-Колоколъ“, 1892, III, 12.

[4]) „Царь-Колоколъ“, 1892, III, стр. 6.

Digitized by Google

нія—такъ естественны были они въ устахъ помѣщицы, нисколько не являясь какой-либо комической претензіей,—эти мечты при обрисовкѣ личности Агаѳьи Тихоновны выступаютъ уже на первый планъ въ ея упорной погонѣ за женихами изъ дворянъ. Впослѣдствіи, именно для того, чтобы ярче оттѣнить эту черту ея, Гоголь счелъ нужнымъ включить въ комедію новыя лица изъ купеческой среды: Арину Пантелеймоновну, желавшую выдать племянницу за купца, и новую личность жениха изъ купцовъ—Алексѣя Дмитріевича Старкова. При этомъ роль Арины Пантелеймоновны почти только и состоитъ въ спорахъ съ Агаѳьей Тихоновной и Ѳеклой Ивановной о преимуществахъ купцовъ передъ дворянами, хотя искусство даровитаго автора придало и этой позднѣе и почти лишь эпизодически введенной личности ярко очерченный характеръ: ея заботливая любовь къ племянницѣ во всей піесѣ и особенно горячее заступничество за Агаѳью Тихоновну въ концѣ піесы сообщаютъ глубокую жизненность и рельефность и этому, такъ сказать, мимоходомъ вставленному типу. Только-что указанные споры при сличеніи обѣихъ сравниваемыхъ редакцій оказываются также почти механически вдвинутыми въ середину діалоговъ и, однако, это нисколько не замѣтно при непосредственномъ чтеніи исправленнаго текста. Въ тринадцатомъ явленіи перваго дѣйствія, почти безъ передѣлокъ перенесеннаго изъ первоначальнаго наброска, Аринѣ Пантелеймоновнѣ принадлежитъ только единственное замѣчаніе о женихахъ, до небесъ расхваленныхъ свахой: „ну ужъ, чай, хорошихъ приманила!“[1]). Гоголь здѣсь съ большимъ тактомъ, незначительной вставкой, сумѣлъ сдѣлать безъ дальнѣйшихъ усилій живымъ и естественнымъ молчаливое пока присутствіе Арины Пантелеймоновны при сценѣ заочнаго ознакомленія свахой ея племянницами съ ожидаемыми женихами. Еще больше виденъ художественный тактъ автора въ томъ, что боязливое опасеніе о нетрезвости одного изъ женіховъ, высказанное въ первоначальной редакціи Авдотьей Гавриловной, въ позднѣйшей редакціи вложено уже въ уста опытной въ жизни Арины Пантелеймоновны. Вотъ что́ обыкновенно называлъ Гоголь послѣднимъ ударомъ кисти.

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 367.

Digitized by Google

III.

Далѣе, при разсмотрѣніи обѣихъ редакцій, замѣчаемъ существенную разницу въ изображеніи внѣшняго положенія свахи. Дѣло въ томъ, что въ первоначальномъ наброскѣ, Марѳа, повидимому, является только импровизированной, а никакъ не профессіональной свахой, хотя недостаточная обрисовка и этой личности мѣшаетъ совершенно опредѣленному заключенію въ указанномъ отношеніи; кажется, что и здѣсь точное значеніе ея роли не вполнѣ выяснилось въ первоначальномъ наброскѣ для самого автора. Съ одной стороны, Марѳа совершенно такъ же усердно расхваливаетъ невѣстѣ рекомендуемыхъ ею жениховъ и наоборотъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно всякія записныя свахи въ родѣ Ѳеклы Ивановны въ „Женитьбѣ“; такъ, она говоритъ о нихъ: „Славные, хорошіе такіе всѣ, аккуратные. Напримѣръ, первый— Дороѳей Валтазаровичъ Жевакинъ. Такой славный! На флотѣ служитъ, и такой учтивый. А Иванъ-то Петровичъ? То такой помѣщикъ, что и приступу нѣтъ“ [1]). Какъ будто намекомъ на привычныя занятія свахи могутъ также служить слѣдующія слова Авдотьи Гавриловны Марѳѣ: „О, нѣтъ, Марѳа Ѳоминична! знаю я этихъ субтильныхъ, нѣтъ, ты подавай того, который пожирнѣе“ [2]). Съ другой стороны Марѳа Ѳоминична является несомнѣнно въ качествѣ домашней прислуги Авдотьи Гавриловны, которую она называетъ „барышней“ и о которой послѣдняя говоритъ: „Я послала Марѳу Ѳоминичну, не сыщетъ ли жениха на ярмаркѣ“ [3]). Также несомнѣнно на деревенскую обстановку всего дѣйствія и на положеніе крѣпостной, занимаемое Марѳою по отношенію къ Авдотьѣ Гавриловнѣ, указываютъ и слѣдующія слова ея: „Охъ, позволь, матушка, съ духомъ собраться! За твоими порученіями такъ изъѣздилась, такъ изъѣздилась, что и поясница и бокъ, и все болитъ. Два раза кони били: такіе звѣри! Засѣдатель— обывательскихъ: таратайка моя такъ вся и разсыпалась“ [4]). На разспросы Яичницы Марѳа отвѣчаетъ: „Все есть, батюш-

[1]) „Царь-Колоколъ“, 1892. III, стр. 7.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 6.
[4]) Тамъ же.

Digitized by Google

ка, *у насъ*“—какъ домашняя, а не какъ пришлая сваха, и всюду она обращается къ Авдотьѣ Гавриловнѣ, какъ къ помѣщицѣ, а послѣдняя, въ свою очередь, третируетъ ее, какъ служанку („Сударыня, сударыня! еще одни пріѣхали“—„Ѳекла Ѳоминична, посмотри въ окно, что́ собаки лай-то подняли“) [1]). Пріѣзжіе гости также относятся къ ней въ томъ же тонѣ, какъ обыкновенно говорятъ съ домочадцами знакомыхъ хозяевъ, и она отвѣчаетъ имъ такъ же; напр., „стой! стой! не уходи! а что́ жъ, барышня?“ говоритъ ей Яичница въ началѣ третьяго явленія; но иногда тонъ разговора какъ будто указываетъ на болѣе продолжительное знакомство ея съ женихами барышни, чѣмъ можно было бы ожидать по содержанію хода піесы; такъ, Анучкинъ и Жевакинъ спрашиваютъ у нея уже о здоровьѣ и о томъ, какъ она „поживаетъ“, хотя, разумѣется, такіе вопросы странны въ устахъ людей, только-что за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ въ первый разъ встрѣченныхъ Ѳеклой на ярмаркѣ, тѣмъ болѣе, что почти рядомъ съ этимъ Яичница высказываетъ гораздо болѣе умѣстное удивленіе по поводу скораго возвращенія ея съ ярмарки: „А, а! Ты уже здѣсь! Эка легкая какая!“ [2]), что́ опять, можетъ быть, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ названію ея старухой, которое дается ей нѣсколько минутъ спустя тѣмъ же Яичницей въ припадкѣ досады за сообщенныя ею недостовѣрныя свѣдѣнія о невѣстѣ. Все это указываетъ, конечно, на недостаточную обработку произведенія, представлявшаго пока только брульонъ.

Первое дѣйствіе вновь переработанной комедіи вплоть до тринадцатаго явленія представляетъ рядъ сценъ, въ которыхъ весь интересъ сосредоточенъ на Подколесинѣ и отчасти на Кочкаревѣ. Здѣсь же является слуга Степанъ, въ разговорѣ котораго съ бариномъ находимъ пріемы, съ внѣшней стороны сильно напоминающіе разговоръ Черткова съ слугою въ „Портретѣ“, тѣ же отрывистые, короткіе отвѣты, то же повтореніе въ отвѣтѣ словъ, бывшихъ въ вопросѣ барина. Слѣдующія явленія до двадцатаго почти вполнѣ сходны съ первоначальнымъ наброскомъ, но конецъ наброска измѣненъ довольно сильно. Гоголь, конечно, хорошо сознавалъ, что въ его первоначальномъ наброскѣ встрѣчались неловкія по-

[1]) Стр. 10, 13, 20, 8.
[2]) Стр. 9.

Digitized by Google

вторенія, излишества, натяжки, и особенно въ послѣднихъ сценахъ, напр. въ спорѣ Яичницы съ Жевакинымъ о дуэли— и онъ рѣшился это существенно измѣнить и передѣлать. Вѣдь онъ, какъ видно уже изъ переданнаго Аксаковымъ разговора, относящагося еще къ 1832 г., стремился въ комедіи къ правдивому и яркому изображенію повседневной жизни, того, „что́ ежедневно передъ очами, но чего не зрятъ равнодушныя очи", а вовсе не къ изображенію исключительныхъ случаевъ и внѣшне комическихъ положеній. Само собой ясно, что всѣ эти подробности, въ которыхъ такъ или иначе сказалось несовершенство, недодѣланность піесы были устранены, лишь-только явился болѣе удачный и благодарный матеріалъ. Отмѣтимъ только, что въ первоначальномъ наброскѣ разочарованіе въ красотѣ невѣсты является у жениховъ совершенно естественно и самостоятельно вслѣдствіе рѣзкой разницы съ тѣмъ, что́ наговорила имъ Марѳа Саввична; въ позднѣйшей редакціи указаніе недостатковъ невѣсты вкладывается въ уста Кочкареву, уже преслѣдующему при этомъ заднюю мысль; но такая же задняя мысль приписывается въ первоначальномъ наброскѣ Яичницѣ („Позвольте, я съ вами не могу согласиться". „Да впрочемъ, чего я спорю?)". Сильно передѣлана также вторая половина пятаго явленія первоначальнаго наброска, такъ какъ слишкомъ безцеремонное расхваливаніе своихъ преимуществъ женихами передъ невѣстой отличается еще слишкомъ неумѣреннымъ внѣшнимъ комизмомъ въ духѣ Фонвизина и даже представляетъ довольно замѣтное сходство съ одной изъ сценъ „Недоросля". „Мужъ долженъ быть утонченный", замѣчаетъ Анучкинъ. „Да, *утонченный и собою поплотнѣе*", вторитъ по своему Яичница [1]). Кромѣ этого въ разныхъ мѣстахъ піесы замѣтны слѣды устраненія однообразныхъ пріемовъ, явившихся сначала естественнымъ результатомъ неясности и неполноты первоначальнаго замысла. Такъ при передачѣ Марѳой сужденій и требованій жениховъ встрѣчаются явныя повторенія; ср. слова Яичницы: *„ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и такая;* ты, Марѳа, мнѣ скажи, сколько за ней крѣпостного, движимаго

[1]) „Царь-Колоколъ", 1892, III, стр. 13. Ср. у Фонвизина въ „Недорослѣ", пятое явленіе третьяго дѣйствія („Коль есть въ глазахъ дворянинъ малый молодой" – „Изъ ребятъ давно ужъ вышелъ"—„У кого достаточекъ хоть и небольшой") и проч.

Digitized by Google

и рухляди?", и слова Анучкина: „*Мнѣ нужно не то, чтобы невѣста была такая и растакая*, а чтобы хороша собой, воспитанная и чтобы по-французски умѣла говорить" [1]). Начало послѣдней фразы совершенно не во вкусѣ и не въ стилѣ жеманнаго Анучкина и могло быть оставлено лишь до тѣхъ поръ, пока авторъ не подыскалъ болѣе счастливой и соотвѣтствующей характеру своего героя формы выраженія.

Этимъ мы оканчиваемъ сличеніе первоначальнаго наброска съ окончательной редакціей. Укажемъ только на одинъ гоголевскій пріемъ въ обработкѣ еще не готовыхъ піесъ: неожиданныя слова Яичницы Жевакину: „Любезнѣйшій! кажется, изъ одного горшка хотимъ щи хлѣбать?" и изумленіе Жевакина, самый такъ удивившій ударъ его Яичницей по плечу— все это было въ измѣненномъ видѣ перенесено Гоголемъ позднѣе въ комедію „Игроки", въ той сценѣ, гдѣ Швохневъ и Утѣшительный такъ же непредвидѣнно ударяютъ Ихарева по плечу и Утѣшительный говоритъ ему: „Да полно вамъ тратить по пусту заряды?"—„Да что тутъ толковать, свой своего развѣ не узналъ?" [2])

Второе дѣйствіе было почти все вплоть вновь создано Гоголемъ; здѣсь только насмѣшки Кочкарева надъ фигурой Жевакина (въ 8 явленіи) представляютъ варіацію подобныхъ же насмѣшекъ Яичницы (явл. 9 первонач. наброска) и разговоръ между Агаѳьей Тихоновной и Подколесинымъ является развитіемъ небольшой комической сцены объясненія Ивана Ѳедоровича Шпоньки съ „благонравной дѣвицей Марьей Гавриловной",—сцены, послужившей зерномъ, изъ котораго возникъ самый замыселъ „Женитьбы" въ ея позднѣйшей редакціи. Намъ остается еще отмѣтить, что выраженія Яичницы и Жевакина—„Лично будучи подвигнутъ добродѣтелями вашего пола, пріѣхалъ изъявить готовность съ своей стороны" и „Сударыня! я почелъ за долгъ лично засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе" встрѣчаются въ измѣненномъ видѣ, съ варіаціями, въ „Мертвыхъ Душахъ", (въ устахъ Чичикова), а безцеремонное ухаживаніе Жевакина („Вы имѣете, сударыня, такую свѣжесть румянца, такой розанчикъ") нашло себѣ отголосокъ въ изображеніи ухаживанія Хлестакова [3]).

[1]) Тамъ же, стр. 7.

[2]) Тамъ же, стр. 20 и Соч. Гог., изд. X, т. II, 418—419.

[3]) „Царь-Колоколъ", 1892, III, стр. 12 и 19.

Digitized by Google

IV.

Обращаясь къ типамъ вновь введеннымъ въ пьесу, замѣтимъ, что при выборѣ невѣсты Подколесинъ, типъ, принадлежащій нѣсколько болѣе интеллигентной средѣ, является передъ нами уже съ разносторонними, сравнительно, требованіями, касающимися происхожденія, приданаго и наружности невѣсты. Наивные ухаживатели малороссійскаго захолустья въ этомъ отношеніи не могутъ идти въ параллель съ представителемъ хотя бы мелкаго петербургскаго чиновничества. Впрочемъ, Подколесинъ отличается въ данномъ случаѣ также и отъ каждаго изъ своихъ соперниковъ, въ лицѣ которыхъ авторъ спеціально оттѣняетъ нѣкоторые отдѣльные, наиболѣе часто встрѣчающіеся, мотивы и побужденія, какими обыкновенно руководятся люди извѣстной среды при вступленіи въ бракъ. Такъ, Яичница олицетворяетъ собой голый разсчетъ и безстыдную погоню за деньгами, желая получить уже въ приданое къ нимъ невѣсту, хотя-бы и завѣдомо глупую; морякъ Жевакинъ, совершенно отдаваясь грубымъ животнымъ инстинктамъ, готовъ видѣть въ каждой юбкѣ олицетвореніе красоты или такъ-называемый имъ „розанчикъ“, предпочитая, однако же, тѣхъ, которыя „въ тѣлѣ“; наконецъ, Анучкинъ, пропитанный весь хлестаковскимъ стремленіемъ по возможности тянуться за свѣтомъ, требуетъ если не утонченныхъ манеръ, то знанія непонятнаго и ненужнаго ему французскаго языка. Объединеніе въ извѣстной, менѣе рѣзкой степени всѣхъ указанныхъ чертъ въ Подколесинѣ объясняется, конечно, тѣмъ, что въ его личности авторъ имѣлъ въ виду сосредоточить комизмъ на его забавной, доходящей до крайностей, нерѣшительности въ такомъ, правда, роковомъ вопросѣ, какъ бракъ, въ чемъ, къ слову сказать, онъ сходится также и съ своей невѣстой, но только отчасти. Въ недраматическихъ произведеніяхъ Гоголя мы снова встрѣчаемъ у разныхъ его героевъ то проявленіе какихъ-нибудь отдѣльныхъ требованій при выборѣ невѣсты во вкусѣ указанныхъ выше; такъ, подобно поручику Пирогову, и маіоръ Ковалевъ „былъ не прочь и жениться, но только въ такомъ случаѣ, когда за невѣстой случится двѣсти тысячъ капиталу“ [1]), или соединеніе тѣхъ

[1]) См. Соч. Гоголя, 3-е изд. наслѣдниковъ, т. III, стр. 301 и съ небольшими перемѣнами изд. X, т. III, стр. 307.

Digitized by Google

притязаній, которыя распредѣлены порознь между дѣйствующими лицами „Женитьбы“. Такъ, напр., Чичикову при мысли о будущей женѣ тотчасъ же „представлялась молодая, свѣжая, бѣлолицая бабенка изъ купеческаго или другого богатаго сословія, которая бы даже знала и музыку“ [1]).

Женскія лица вообще немногочисленны въ произведеніяхъ Гоголя; небогаты ими и драматическія его произведенія. За исключеніемъ прекрасныхъ, но сильно идеализированныхъ типовъ молодыхъ казачекъ въ „Вечерахъ на Хуторѣ“ и паночки въ „Миргородѣ“, онѣ всегда представляютъ у Гоголя только разныя варіаціи однихъ и тѣхъ же излюбленныхъ авторомъ типовъ пустой свѣтской дамы съ молоденькой и пустенькой дочерью. Такъ, эти личности повторяются съ измѣненіями въ „Ревизорѣ“, „Портретѣ“, и проч., даже мимоходомъ въ повѣсти „Носъ“, гдѣ маіоръ Ковалевъ, разсматривая товары на гостиномъ дворѣ, неожиданно замѣтилъ „подошедшую пожилую даму, всю убранную кружевами, и съ нею тоненькую, въ бѣломъ платьѣ, очень мило рисовавшемся на ея стройной таліи, въ палевой шляпкѣ, легкой, какъ пирожное“ [2]). Но эти типы принадлежатъ столичной или уѣздной quasi-аристократіи; въ „Женитьбѣ“ же, гдѣ изображены низшіе слои петербургскаго общества, потребовались иные типы: Ѳеклы, Арины Пантелеймоновны, Агаѳьи Тихоновны, причемъ послѣдняя, съ ея безотчетнымъ, но сильнымъ стремленіемъ выйти не иначе, какъ за „благороднаго“, является прямой предшественницей Липочки Большовой, подобно тому какъ Ѳекла — не повторяющимся болѣе у Гоголя типомъ свахи въ родѣ Устиньи Наумовны, а Замухрышкинъ въ „Игрокахъ“ — единственнымъ въ его произведеніяхъ типомъ подъячаго [3]). Впрочемъ, въ роли свата выступаетъ Кочкаревъ, своимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій соотвѣтствуя мужеподобной Василисѣ Кашпаровнѣ (въ повѣсти „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька“), которой, судя по словамъ одного письма Гоголя къ Данилевскому, предстояло въ неоконченной повѣсти обвѣнчать примѣрнаго племянника съ благонравной дѣвицей

---

[1]) См. Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 7—8.

[2]) Тамъ же, стр. 10.

[3]) По крайней мѣрѣ, Иванъ Антоновичъ „Кувшинное рыло“ и другіе приказные совершенно иначе обрисованы Гоголемъ.

Digitized by Google

Марьей Гавриловной [1]). Возвращаясь къ Агаѳьѣ Тихоновнѣ, прибавимъ еще, что типъ ея, вѣроятно, былъ приблизительно намѣченъ одновременно съ „Невскимъ Проспектомъ", судя по слѣдующимъ словамъ: „Молодые люди" (подобные поручику Пирогову)—„достигаютъ, наконецъ, до того, что женятся на купеческой дочери, умѣющей играть на фортепіано, съ сотней тысячъ, или около того, наличныхъ и съ кучей брадатой родни. Однако-жъ, этой чести они не прежде могутъ достигнуть, какъ выслужившись, по крайней мѣрѣ, до полковничьяго чина, потому что русскія бородки, несмотря на то, что отъ нихъ еще сильно отзывается капустой, никакимъ образомъ не хотятъ видѣть дочерей своихъ ни за кѣмъ, кромѣ генераловъ, или, по крайней мѣрѣ, полковниковъ" [2]). Но подробнѣе обрисовать эту среду выпало на долю уже иного великаго писателя.

Такимъ образомъ изъ указаннаго, надѣемся, достаточно наглядно представляется связь „Женитьбы" съ другими произведеніями Гоголя, создавшимися въ промежутокъ отъ 1830 до 1834 г. включительно. Но, кромѣ того, еще однимъ критикомъ въ шестидесятыхъ годахъ было отмѣчено, что «въ простомъ очеркѣ характера Ивана Ѳедоровича Шпоньки таится уже зерно глубокаго созданія характера Подколесина", а нѣкоторыми своими чертами тотъ же Подколесинъ представляетъ несомнѣнное сходство даже съ поручикомъ Пироговымъ и маіоромъ Ковалевымъ. Отличаясь отъ послѣднихъ въ основѣ своего характера, онъ поразительно сходится съ ними въ томъ забавномъ благоговѣніи, которое каждый изъ нихъ питаетъ къ своему въ сущности даже невысокому чину. Такъ, Подколесинъ носится съ своимъ чиномъ надворнаго совѣтника. „Да вѣдь я потому тебя спрашиваю"—„говоритъ онъ свахѣ—„что я—надворный совѣтникъ" и самодовольно разсуждаетъ самъ съ собой: „Я того мнѣнія, что черные фраки какъ-то солиднѣе. Цвѣтные больше идутъ секретарямъ, *титулярной и прочей мелюзгѣ*—молокососно что-то. Тѣ, которые чиномъ повыше, должны наблюдать, какъ говорится этого... вотъ

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 44.

[2]) Т. V, стр. 276. О стремленіи купцовъ тянуться за высшими сословіями ееть замѣчаніе также въ „Игрокахъ": „Вѣдь купецъ какъ воспитываетъ сына?—или чтобы онъ ничего не зналъ, или чтобы зналъ то, что нужно дворянину, а не купцу" (т. II, стр. 443).

Digitized by Google

позабылъ слово! и хорошее слово, да позабылъ!" [1]) Онъ имѣетъ претензію и на репутацію въ „хорошемъ обществѣ": „Кажется, пустая вещь сапоги, а вѣдь, однако-же, если дурно сшиты, да рыжая вакса, ужъ въ хорошемъ обществѣ и не будетъ такого уваженія". Не меньше озабоченъ тѣмъ, чтобы не уронить своего достоинства и чина, и маіоръ Ковалевъ, который наказываетъ продавщицамъ: „ты приходи ко мнѣ на домъ; квартира моя въ Садовой; спроси только: „здѣсь живетъ „*маіоръ*" Ковалевъ?"—О Ковалевѣ авторъ замѣчаетъ, что онъ „чрезвычайно обидчивый человѣкъ. Онъ могъ простить все, что̀ ни говорили о немъ самомъ, но никакъ не извинялъ, если это относилось къ чину или званію" [2]). Поручикъ Пироговъ, съ своей стороны, также никакъ не могъ утерпѣть, чтобы не сдѣлать замѣчанія невѣжливому встрѣчному, что „передъ нимъ *поручикъ*, а не другой какой офицеръ" [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что указанная черта была дана Гоголю наблюденіями надъ русской жизнью вообще и была чрезвычайно распространена у насъ въ началѣ текущаго столѣтія, но всего больше она бросалась въ глаза нашему писателю во время его петербургской жизни и особенно подъ впечатлѣніями департаментской службы. Когда впослѣдствіи, вернувшись въ первый разъ изъ-за границы, Гоголь, какъ говорятъ, на вопросъ о первомъ поразившемъ его на родинѣ впечатлѣніи, отвѣтилъ, что прежде всего онъ услышалъ пословицу: „чинъ чина почитай",—то эта шутка имѣла основаніемъ, конечно, давнія впечатлѣнія. Соотвѣтствующія проявленія ограниченнаго самодовольства подмѣчались имъ, впрочемъ, въ самыхъ различныхъ сферахъ, напр., даже въ портномъ Петровичѣ въ „Шинели", который, заломивъ высокую цѣну, „былъ доволенъ, что и себя не уронилъ, да и портного искусства тоже не выдалъ". Вспомнимъ также слѣдующія строки въ первой части „Мертвыхъ Душъ": Чичиковъ, *чтобы не сдѣлать дворовыхъ людей свидѣтелями соблазнительной сцены и* вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что держать Ноздрева было безполезно, выпустилъ его руки" [4]). Но здѣсь въ Чичиковѣ говоритъ уже чувство самолюбія помѣщичьяго и дворянскаго. Это мѣсто,

[1]) Т. II, стр. 356.
[2]) Тамъ же, стр. 17.
[3]) Т. V, стр. 277.
[4]) Т. III, стр. 83; т. II, стр. 95.

Digitized by Google

въ свою очередь, напоминаетъ слова Подколесина Кочкареву: „Въ своемъ-ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человѣкъ, а онъ при немъ бранится“ [1]), и то мѣсто въ „Запискахъ Сумасшедшаго“, гдѣ Поприщинъ, гордясь тѣмъ, что онъ—дворянинъ, разсуждаетъ самъ съ собой, что „если какой-нибудь простой мѣщанинъ или даже крестьянинъ—и вдругъ открывается, что онъ какой-нибудь вельможа или баронъ, или какъ его. Когда изъ мужика иногда выходитъ этакое, то что же можетъ выйти изъ дворянина“ [2]). Возвращаясь теперь къ малороссійскимъ повѣстямъ Гоголя, мы не можемъ не отмѣтить, что въ послѣднихъ гораздо чаще встрѣчается изображеніе наивнаго страха или благоговѣнія передъ головой или комиссаромъ, нежели самодовольное упоеніе собственнымъ положеніемъ. Примѣръ послѣдняго можетъ быть, однако, и тамъ указанъ въ личности головы въ повѣсти „Майская Ночь“, но тутъ была особая, исключительная причина: „о чемъ бы ни говорили съ нимъ, голова всегда умѣетъ поворотить на то, какъ онъ везъ царицу и даже удостоился сидѣть на козлахъ съ царицынымъ кучеромъ“ [3]). Въ позднѣйшихъ же произведеніяхъ, написанныхъ Гоголемъ за-границей, т.-е. въ „Мертвыхъ Душахъ“, „Театральномъ Разъѣздѣ“ и проч., чинопочитаніе и довольство ограниченности, если изображается Гоголемъ, то гораздо рѣже, въ иной формѣ и съ иной точки зрѣнія. Такимъ образомъ частые случаи изображенія чинопочитанія именно въ петербургскій періодъ находятъ себѣ естественное объясненіе въ нравахъ современнаго ему общества, тогда какъ позднѣе не подновляемыя въ указанномъ направленіи во время его жизни за-границей впечатлѣнія потускнѣли и стали понемногу забываться. Заключая рѣчь объ изображеніи чинопочитанія въ „Женитьбѣ“ и другихъ одновременныхъ произведеніяхъ, мы должны оговориться, что, будучи строгимъ консерваторомъ и гнушаясь даже названіемъ либерала, Гоголь, при изображеніи указанной черты, отнюдь не руководился какими-либо посторонними чистому искусству соображеніями; но это тѣмъ болѣе показываетъ, сколько матеріала для сатиры невольно накоплялось у безпристрастнаго наблюдателя современныхъ ему бюрократическихъ сферъ, и

[1]) Т. II, стр. 365.
[2]) Т. V, стр. 357.
[3]) Т. I, стр. 60.

Digitized by Google

насколько этотъ-то обильный матеріалъ самъ собой просился подъ перо художника, приведеннаго глубоко запавшими въ его душу живыми, яркими образами къ произведеніямъ уже съ серьезной общественной идеей. Но прежде, чѣмъ говорить о послѣднихъ, позволимъ себѣ указать еще нѣкоторыя, менѣе важныя, параллели между отдѣльными лицами „Женитьбы“ и другихъ одновременныхъ произведеній Гоголя.

Мы указывали выше сходство между Кочкаревымъ и Василисой Кашпаровной въ повѣсти „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька“ относительно роли ихъ въ сватовствѣ Шпоньки и Подколесина. Съ другой стороны, своей беззастѣнчивой и размашистой натурой Кочкаревъ представляетъ отмѣченное еще Бѣлинскимъ сходство съ Ноздревымъ: *онъ „добрый и пустой малый, нахалъ и разбитная голова“* [1]). Но тотъ же Кочкаревъ своей смѣлой ложью и отчаянно-самоувѣренной импровизаціей приближается къ Собачкину и Хлестакову. Всѣ трое, во вкусѣ Загорѣцкаго, слишкомъ легко выходятъ изъ затрудненія, когда имъ приходится показывать видъ, что имъ все извѣстно. Приведемъ примѣры.

Кочкаревъ. Агаѳья Тихоновна Брандахлыстова?

Ѳекла. Анъ нѣтъ—Купердягина.

Кочкаревъ. Въ Шестилавочной, что-ли, живетъ?

Ѳекла. Ужъ вотъ нѣтъ; будетъ поближе къ Пескамъ.

Или:

Кочкаревъ. *(Агаѳьѣ Тихоновнѣ)* Однако-жъ, припомните: вы меня, вѣрно, гдѣ-нибудь видѣли.

Агаѳья Тихоновна. Право не знаю. Ужъ развѣ не у Бирюшкиныхъ-ли?

Кочкаревъ. Именно, у Бирюшкиныхъ.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, вы не знаете: съ ней вѣдь исторія случилась.

Кочкаревъ. Какъ-же, вышла замужъ.

Агаѳья Тихоновна Нѣтъ, это бы еще хорошо, а то переломила ногу.

Кочкаревъ. Да кто-то, я помню, что-то было: „или вышла замужъ, или переломила ногу“ [2]).

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. III, стр. 445.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 377; ср. также на стр. 361.

Digitized by Google

Ср. въ „Отрывкѣ“:

Марья Александровна. Скажите, вы вѣрно знаете, есть какой-то Александръ Александровичъ Одосимовъ?

Собачкинъ. Одосимовъ?.. Одосимовъ... Одосимовъ... Знаю, есть гдѣ-то Одосимовъ, а впрочемъ, могу справиться [1]).

Такъ какъ всѣ упомянутыя лица являются въ повѣстяхъ, написанныхъ въ промежутокъ отъ 1833 по 1835 г. („Носъ“. „Невскій Проспектъ“, „Записки Сумасшедшаго“), а въ послѣднемъ начаты и первыя главы „Мертвыхъ Душъ», то связь ихъ съ „Женитьбой“ несомнѣнна. Сходство же Кочкарева съ Ноздревымъ особенно ярко подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ въ первой части „Мертвыхъ Душъ“: „Ноздревъ былъ рѣшительный человѣкъ, для котораго затрудненій не существовало вовсе. Онъ отвѣчалъ на всѣ пункты, даже не заикнувшись; объявилъ, что Чичиковъ накупилъ мертвыхъ душъ на нѣсколько тысячъ“ [2]) и проч. Такимъ образомъ, „Женитьба“ нѣкоторыми отдаленными звеньями имѣетъ отношеніе даже къ этому величайшему произведенію Гоголя.

Еще одно замѣчаніе: „Женитьба“, вѣроятно, почти исключительно поглотила вниманіе Гоголя въ 1833 г., потому что вѣдь въ это время его литературные труды подвигались вяло, такъ же какъ и въ слѣдующіе года, когда онъ былъ въ значительной степени отвлеченъ учительскими и профессорскими трудами, литературнымъ результатомъ которыхъ явились потомъ „Арабески“, и притомъ въ то же время онъ не переставалъ упорно работать надъ повѣстями, составлявшими продолженіе „Вечеровъ“ и получившими названіе „Миргорода“. Такимъ образомъ, благодаря усиленной дѣятельности въ иномъ направленіи, Гоголь не имѣлъ возможности сосредоточиться на драмѣ и откладывалъ давно задуманные сюжеты, ограничиваясь пока черновыми набросками. Такъ оставалась неоконченной начатая въ первыхъ мѣсяцахъ 1833 г. комедія „Владиміръ 3-й степени“.

---

[1]) Тамъ же, стр. 476.

[2]) Т. III, стр. 208. — Впрочемъ, одна черта Кочкарева повторена и въ Чичиковѣ, въ слѣдующихъ его словахъ: „Что глядѣть на то, что человѣкъ плюется“. (Ср. т. II, стр. 389, и III т., стр. 309).

Digitized by Google

КОМЕДІЯ „ВЛАДИМІРЪ 3-й СТЕПЕНИ“.

I.

Первымъ произведеніемъ въ ряду тѣхъ, въ которыхъ Гоголь задается серьезной общественной идеей, является уже комедія „Владиміръ 3-й степени“. Въ этой пьесѣ поэтъ намѣревался изобразить одно должностное лицо не въ томъ ложномъ, выгодномъ для него, свѣтѣ, въ какомъ оно старалось выставить себя на показъ передъ начальствомъ и подчиненными, а съ его настоящей, закулисной стороны, со всѣми его недостатками и въ значительной мѣрѣ пошлостью. Работая надъ этой комедіей, Гоголь не безъ основанія опасался затрудненій со стороны цензуры: хотя уцѣлѣвшіе отъ нея отдѣльные отрывки представляются сравнительно очень невинными, но въ цѣломъ комедія должна была явиться рѣзкимъ и, быть можетъ, безпримѣрнымъ въ то время обличеніемъ недостатковъ среднихъ оффиціальныхъ сферъ, подобно тому, какъ вскорѣ болѣе скромныя служебныя сферы были изображены въ „Ревизорѣ“. Никто, кромѣ друзей Гоголя, и то лишь *отчасти*, не подозрѣвалъ истиннаго значенія комедіи, такъ какъ въ отрывкахъ утрачивалась соль произведенія; даже Бѣлинскій смотрѣлъ на нихъ только какъ на нѣчто весьма талантливое, но неважное по содержанію, какъ это ясно изъ слѣдующихъ его словъ: „эти сцены нельзя назвать комедіями по ихъ объему; онѣ относятся къ комедіи, какъ повѣсть относится къ роману. Всѣ эти сцены носятъ на себѣ рѣзкую печать таланта автора „Ревизора“ и, подобно ему, до сихъ поръ остаются въ нашей литературѣ

Digitized by Google

уединенными памятниками среди широкой песчаной степи, гдѣ не видно ни деревца, ни былинки“ [1]). Такимъ образомъ, даже Бѣлинскій, разсматривая эти отрывки *исключительно съ эстетической точки зрѣнія*, не могъ и подозрѣвать *общественнаго значенія* разорванной по клочкамъ піесы, хотя въ то время, когда писалъ этотъ отзывъ, онъ былъ уже склоненъ особенно цѣнить послѣднее. Въ отрывкахъ же была извѣстна эта комедія и друзьямъ Гоголя. Погодинъ записалъ однажды въ дневникѣ: „Гоголь читалъ мнѣ *отрывки* изъ двухъ своихъ комедій: одну подъ заглавіемъ „Комедія“, другая— „Провинціальный женихъ“. Изъ дальнѣйшихъ словъ: „Какіе чиновники на сценѣ, *какіе канцелярскіе служители!*“ [2]) можно предположить, что предыдущія строки относятся скорѣе къ комедіи „Владиміръ 3-й степени“. Послѣ этого неудивительно, что менѣе знавшій пока Гоголя Аксаковъ только въ комедіи „Ревизоръ“ видѣлъ проявленіе его таланта „въ новомъ и глубокомъ значеніи“. Между тѣмъ, если сопоставить всѣ четыре сохранившіеся отрывка комедіи между собой и съ другими произведеніями Гоголя, то даже изъ этихъ фрагментовъ, особенно послѣ обстоятельныхъ примѣчаній Н. С. Тихонравова, выясняется, что въ „Владимірѣ 3-й степени“ на ряду съ пошлой чиновнической страстишкой распекать низшихъ, единственно ради показанія своей силы и власти, представлены непроходимая пустота и бездѣлье иныхъ должностныхъ лицъ, занимающихъ даже замѣтныя мѣста и прикрывающихъ свое полное ничтожество личиной будто бы неусыпнаго усердія къ дѣлу, проявляемаго, впрочемъ, исключительно въ пустомъ соблюденіи формъ до такихъ мелочей, какъ недопущеніе въ переносѣ титула *сіятельство* и проч. [3]).

„Утро дѣлового человѣка“, прямо вводящее читателя въ сферу изображаемаго дѣйствія, должно было, безъ сомнѣнія, служить началомъ комедіи „Владиміръ 3-ей степени“: у Гоголя всегда находимъ завязку въ первыхъ же строкахъ комедіи, а такая завязка, какъ та, какую видимъ въ этой пьесѣ, должна была сразу же выставить передъ зрителями на показъ возмутительное противорѣчіе между служебной недобросовѣстностью и совершеннымъ отсутствіемъ сознанія долга

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. XII, стр. 273.

[2]) „Жизнь и труды Погодина“, т. IV, стр. 267.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 451, 452 и 454.

Digitized by Google

въ Иванѣ Петровичѣ съ одной стороны, и его обширными притязаніями на незаслуженныя награды съ другой. Завязка заключается собственно въ словахъ Ивана Петровича: „Господи Боже мой, ну что̀, если бы его превосходительство сказалъ: „такого-то Барсукова, въ уваженіе тѣхъ и прочихъ заслугъ его, представляю“ [1]) и проч. Далѣе необходимо обратить вниманіе на слова Ивана Петровича: „Мнѣ бы теперь одного только хотѣлось... если бы получить хоть орденокъ на шею. Не потому, чтобы это слишкомъ занимало, но единственно, чтобы видѣли только вниманіе ко мнѣ начальства“. Въ этихъ послѣднихъ словахъ нельзя не замѣтить яснаго сходства съ подобными же разсужденіями городничаго въ „Ревизорѣ“: „Господи, Боже ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно. Наградитъ-ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ, я буду спокоенъ въ сердцѣ“ [2]), и въ другомъ мѣстѣ: „ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстно еще когда будетъ“ [3]). Какъ городничій, вмѣсто справедливаго наказанія, желалъ и надѣялся получить награду за мнимые неусыпные труды, заговаривая о ней даже въ минуту сильнѣйшаго страха взысканій за свои „грѣшки“, такъ и Иванъ Петровичъ въ „Утрѣ дѣлового человѣка“, несмотря на то, что, не интересуясь службой, онъ безпрестанно развлекался картами и даже по цѣлымъ часамъ безъ свидѣтелей забавлялся у себя дома съ какой-нибудь комнатной собачкой, считаетъ себя въ правѣ разсчитывать на полученіе Владиміра 3-ей степени — за то собственно, что будто бы „по̀томъ и кровью“ достигъ въ канцеляріи такого порядка, что стоитъ взять въ руки бумагу и „душа радуется, духъ торжествуетъ“ [4]). Такимъ образомъ, избравъ завязкой чиновничье честолюбіе Ивана Петровича, Гоголь, очевидно, еще въ самомъ началѣ своихъ работъ надъ комедіей, держался уже взгляда, высказаннаго имъ въ „Театральномъ Разъѣздѣ“, что „болѣе имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь“ [5]). Далѣе

[1]) Тамъ же, стр. 452.
[2]) Тамъ же, стр. 453 и 236.
[3]) Тамъ же, стр. 227.
[4]) Стр. 453.
[5]) Стр. 487.

Digitized by Google

собесѣдникъ Ивана Петровича въ первой сценѣ, другой мнимодѣловой человѣкъ, Александръ Ивановичъ, въ своемъ разговорѣ съ нимъ, играетъ роль, соотвѣтствующую въ „Ревизорѣ“ ролямъ Добчинскаго и Бобчинскаго—въ томъ, впрочемъ, единственномъ отношеніи, что, сплетничая и передавая невѣрные слухи, онъ невольно способствуетъ вступленію главнаго лица на ложный путь помысловъ и дѣйствій.

Въ отношеніи къ подчиненнымъ Иванъ Петровичъ является любителемъ начальническихъ выговоровъ и распеканій. Такъ, во второмъ явленіи „Утра дѣлового человѣка“ незаслуженному выговору подвергается молодой и образованный чиновникъ Шрейдеръ. Здѣсь мы находимъ наглядный образецъ распеканій, изображенныхъ отчасти также въ „Шинели“ при объясненіи Акакія Акакіевича съ однимъ „значительнымъ лицомъ“. Эту же слабость нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ Гоголь представляетъ „вполнѣ опредѣлившеюся возможностью“ [1]) даже въ Хлестаковѣ, когда послѣдній уже видитъ себя въ своемъ разгоряченномъ воображеніи чиновнымъ Юпитеромъ, расправляющимся съ воображаемыми подчиненными [2]). Точно также, наконецъ, „честолюбивое стремленіе Тентетникова осадилъ съ самаго начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные сановники“ [3]).

Познакомивъ читателей съ пустотой и пошлостью Ивана Петровича, Гоголь не забываетъ обрисовать мимоходомъ и жалкій уровень его познаній и развитія, когда первый такъ забавно смѣшиваетъ значеніе малопонятныхъ ему иностранныхъ словъ. Та же черта была потомъ повторена въ „Ревизорѣ“, но лишь въ его первоначальномъ наброскѣ, тогда какъ въ исправленномъ текстѣ эти мѣста пропущены. Приводимъ ихъ по тексту комедіи въ изданіи проф. Тихонравова: „Вы все говорите нарочно такое“ (обращается къ Хлестакову въ 3-емъ дѣйствіи Марья Антоновна), котораго я не понимаю. Я думаю, вы въ Петербургѣ тамъ часто бываете въ театрѣ. Я думаю, тамъ какъ хорошо играютъ комедіи!“

---

[1]) Выраженіе Бѣлинскаго, сказанное о городничемъ. (Соч., т. III, стр. 394).

[2]) „Ревизоръ“, изд. Н. С. Тихонравова, „Предувѣдомленіе“, LV.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 287.

Digitized by Google

Хлестаковъ. Комедіи? А что̀ такое комедіи? *Марья Антоновна.* Вотъ ужъ будто вы не знаете? *Хлестаковъ.* Право не знаю. *Марья Антоновна.* О, какъ будто я не знаю, что вы нарочно такъ говорите. *Хлестаковъ.* Право, я не знаю знать (sic), что̀ такое комедія. Это, вѣрно, звѣрь какой-нибудь или чиновникъ" [1]). Далѣе оказывается, что Хлестаковъ уже смѣшиваетъ слово комедія съ словомъ артиллерія. Другое подобное мѣсто находится въ пропущенной сценѣ разговора между Хлестаковымъ и докторомъ Гибнеромъ: прося у Христіана Ивановича денегъ взаймы, Хлестаковъ говоритъ ему: „вы мнѣ giebt теперь, а я вамъ послѣ назадъ отгибаю" [2]).

Кончается „Утро дѣлового человѣка" негодованіемъ Александра Ивановича на незаслуженныя притязанія Ивана Петровича (хотя объ обоихъ можно смѣло сказать, что они стоятъ другъ друга): „Какая противная физіономія! И разнѣжился; ему совсѣмъ не хотѣлось бы, но только для того, чтобы показать вниманіе начальства. Еще просить, чтобы я замолвилъ за него! Да, нашелъ кого просить, голубчикъ! Я таки тебѣ удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь!" [3]). Отсюда можно догадываться, что Александръ Ивановичъ былъ главнымъ виновникомъ неудачи и происшедшаго отъ нея помѣшательства Ивана Петровича. Нельзя не замѣтить также, что какъ притворная преданность Александра Ивановича Ивану Петровичу, такъ и его негодованіе изъ-за угла сильно напоминаетъ такую же фальшивую радость и скрытую зависть чиновниковъ къ городничему въ той сценѣ „Ревизора", въ которой гости поздравляютъ послѣдняго съ неожиданнымъ счастьемъ.

Вотъ всѣ главныя черты, которыя могутъ быть разъяснены въ „Утрѣ дѣлового человѣка" по сопоставленіи съ другими произведеніями Гоголя, если прибавить къ сказанному, что такое-же чиновничье честолюбіе было изображено также въ „Запискахъ Сумасшедшаго" въ лицѣ отца Софи, который, по наблюденіямъ собачки Меджи, говоритъ очень рѣдко, но недѣлю назадъ безпрестанно говорилъ самъ съ собой: „Получу или не получу?" Возьметъ въ одну руку бумажку, дру-

[1]) „Ревизоръ", изд. Н. С. Тихонравова, „Очеркъ исторіи текста комедіи „Ревизоръ", XXI.

[2]) Тамъ же, стр. 201.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 454.

Digitized by Google

гую сложитъ пустую и говоритъ: „Получу или не получу?“ [1]).

Второй сохранившійся отрывокъ изъ комедіи „Владиміръ 3-й степени“, впослѣдствіи озаглавленный авторомъ „Тяжба“, въ общемъ ходѣ комедіи долженъ былъ, очевидно, служить необходимымъ звеномъ для того, чтобы дать возможность Александру Ивановичу (иначе Пролетову, какъ онъ чаще называется въ „Тяжбѣ“) составить планъ дѣйствій, направленныхъ ко вреду для Ивана Петровича [2]). Въ настоящемъ своемъ видѣ, правда, отрывокъ этотъ не вполнѣ, повидимому, подтверждаетъ сказанное: въ немъ Пролетовъ собирается дѣйствовать противъ Бурдюкова (или Барсукова комедіи „Утро дѣлового человѣка“; см. примѣчанія Н. С. Тихонравова), именно разсерженный тѣмъ, что послѣднему уже *удалось* получить награду, но, какъ ясно изъ примѣчаній Н. С. Тихонравова, первыя двѣ сцены были прибавлены авторомъ впослѣдствіи, когда потребовалось выдѣлить остальное въ особый драматическій отрывокъ, тогда какъ сперва онъ начинался собственно словами, слѣдующими за фразой третьяго явленія: „нельзя было думать, чтобы вы были путный человѣкъ“, сказанными Бурдюковымъ Пролетову. Но и изъ этихъ двухъ присочиненныхъ впослѣдствіи сценъ для разъясненія первоначальнаго значенія комедіи могутъ пригодиться слова: „Каковъ Бурдюковъ? а? Вотъ кого, не говоря дальнихъ словъ, упряталъ бы въ Камчатку. Съ большимъ наслажденіемъ, признаюсь, нагадилъ бы ему хоть сію минуту, да вотъ до сихъ поръ нѣтъ да и нѣтъ случая“ [3]). Это размышленіе Пролетова совершенно тождественно по смыслу съ тѣмъ, которымъ заканчивается „Утро дѣлового человѣка“. Итакъ, ясно, что интрига держалась на томъ, что одинъ чиновникъ-карьеристъ старался подставить ногу другому, пользуясь, можетъ быть, впрочемъ, въ числѣ другихъ способовъ, компрометтирующимъ его соперника скандалезнымъ дѣломъ, которое раскрыла тяжба. На послѣднее

---

1) Т. V, стр. 364.

2) Въ „Тяжбѣ“ онъ названъ Павломъ Петровичемъ; см. примѣч. г. Тихонравова. Любопытно, что въ словахъ Ивана Петровича въ „Утрѣ дѣлового человѣка“: „Я васъ буду просить, этакъ, при случаѣ, натурально мимоходомъ, намекнуть“ и пр. есть сходство съ письмами самого Гоголя. („Соч. и письма Гог.“, т. V, стр. 206 или „Русскій Архивъ“, 1880, 2, 513).

3) Т. II, стр. 456.

Digitized by Google

указываетъ, повидимому, еще одинъ фрагментъ, приведенный въ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова, въ которомъ нѣкто Закатищевъ говоритъ: „Жаль, если бы я не заговорился съ этимъ степнякомъ, я бы его засталъ. Однакожъ, я даромъ ему не скажу объ этомъ сюрпризѣ, который готовитъ ему родной братецъ“ [1]). Г. Тихонравовъ совершенно справедливо считаетъ Закатищева прототипомъ будущаго Собачкина, между прочимъ, на основаніи послѣднихъ сказанныхъ имъ въ діалогѣ словъ, обращенныхъ къ горничной Аннушкѣ: „Лжешь, плутовка: влюблена въ меня! Признайся, по уши влюблена? А, закраснѣлась!“ [2]). Но съ одной стороны, нѣкоторые типы у Гоголя обособлялись и дифференцировались при дальнѣйшей обработкѣ, причемъ, весьма часто получали въ каждой позднѣйшей редакціи новыя имена и фамиліи, и, слѣдовательно, Закатищевъ, несмотря на сходство съ Собачкинымъ, могъ до извѣстной степени соотвѣтствовать Александру Ивановичу. Съ другой стороны, желаніе Закатищева добиться отъ Ѳомы Ѳомича (личность однородная или даже тождественная съ Иваномъ Петровичемъ Барсуковымъ или Павломъ Петровичемъ Бурдюковымъ) представленія къ наградѣ мало вяжется съ независимымъ, повидимому, отъ него положеніемъ Александра Ивановича. Любопытно, что одна черта Собачкина была первоначально придана прямо Подколесину и уже потомъ перенесена на перваго. (Ср. въ первоначальной редакціи „Женитьбы“: „А, вѣдь, рожица-то смазливая, ей Богу смазливая! Чортъ возьми, никакъ не заведу, чтобы бакенбарды съѣхали немного пониже со щеки, какъ теперь носятъ“ [3]) и въ „Отрывкѣ“: „вотъ не знаю, какъ запустить бакенбарды: такъ-ли, чтобы рѣшительно вокругъ было бахромкой, какъ говорятъ — сукномъ обшить, или выбрить все гольемъ, а подъ губой завести что-нибудь, а?“ [4]) Такимъ образомъ, хотя указанное г. Тихонравовымъ сходство Закатищева съ Собачкинымъ не подлежитъ сомнѣнію, но вполнѣ разъяснить его по сохранившимся фрагментамъ едва-ли возможно. Укажемъ кстати другую, впрочемъ, незначительную черту сходства между ними, не отмѣченную г. Тихонраво-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 740.
[2]) Тамъ-же, стр. 741.
[3]) „Русская Старина“, 1879, II, 329.
[4]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 481.

Digitized by Google

вымъ: оба они съ наслажденіемъ мечтаютъ о щегольской колясків: Закатищевъ: „Эхъ куплю славныхъ рысаковъ. *Только и рѣчей будетъ по городу, что про лошаденку Закатищева. Хотѣлось бы и колясчонку*, только ужъ зеленую: желтаго цвѣта никакъ не хочу“; Собачкинъ: „А я сдѣлаю вотъ какъ: скоро будетъ гулянье; колясчонка моя хоть и новая, ну, да ее всякій уже видѣлъ и знаетъ, а есть, говорятъ, у Іохима только-что отдѣланная, послѣдней моды, еще онъ даже никому не показываетъ ее. Если прибавлю эти двѣ тысячи къ моей колясків, задамъ тогда эффекту! *Можетъ быть, на всемъ гуляньѣ всего и будетъ одна или двѣ такія коляски. Такъ обо мнѣ всѣ заговорятъ*“...

Третья пьеса „Лакейская“, судя по только-что приведенному намеку въ ея первоначальной редакціи на предшествующее содержаніе пьесы, должна была бы слѣдовать за „Тяжбой“. Сдѣланное академикомъ Н. С. Тихонравовымъ сличеніе первоначальной и окончательной редакціи этого отрывка показываетъ, что все начало пьесы было совершенно передѣлано Гоголемъ въ то время, когда онъ приготовлялъ къ печати эти „драматическіе кусочки“; для него Гоголь, очевидно, воспользовался также началомъ „Утра дѣлового человѣка“, въ которомъ тоже представлена лѣнь и небрежность слугъ, но онъ развиваетъ здѣсь нѣсколько начальныхъ строкъ названнаго отрывка въ цѣлыя сцены. Такимъ образомъ, въ качествѣ позднѣйшихъ, эти сцены не могутъ имѣть никакого значенія для знакомства съ первоначальной редакціей комедіи „Владиміръ 3-ей степени“, и, напротивъ, онѣ даже отвлекаютъ вниманіе читателей отъ главной цѣли автора, которую онъ нашелъ нужнымъ потомъ тщательно замаскировать вслѣдствіе цензурныхъ соображеній. Напротивъ, выдѣляя первоначальный набросокъ, легко можно убѣдиться, что въ комедіи предполагалась слѣдующая послѣдовательность. Интрига начинается завистью, возбужденной, какъ мы узнаемъ изъ „Утра дѣлового человѣка“, Иваномъ Петровичемъ въ его собесѣдникѣ Александрѣ Ивановичѣ; потомъ эти, сначала безсильныя, злоба и зависть находятъ себѣ богатую пищу въ неожиданно представившемся случаѣ раскрыть мошенничество Ивана Петровича. Здѣсь начинается драматическое дѣйствіе, интрига. Далѣе Закатищевъ является къ своему начальнику съ извѣстіемъ о „сюрпризѣ“ и уже со-

Digitized by Google

ставляетъ планъ требовать себѣ награды [1]), но не застаетъ его дома, потому что тотъ уѣхалъ къ своей сестрѣ Марьѣ Петровнѣ (впослѣдствіи– Марьѣ Александровнѣ), героинѣ четвертаго отрывка, оставшагося безъ особаго названія, но первоначально озаглавленнаго: „Семейныя сцены“ [2]). Между прочимъ, въ сценѣ „Лакейская“ авторъ пользуется случаемъ для того, чтобы познакомить зрителей съ другими неприглядными сторонами жизни и обстановки такихъ въ извѣстной средѣ вліятельныхъ чиновниковъ, какъ Иванъ Петровичъ или Ѳома Ѳомичъ.—Какъ Некрасовъ въ „Размышленіяхъ у парадная подъѣзда“, такъ и Гоголь въ „Лакейской“ задался несомнѣнной цѣлью раскрыть нѣкоторыя, такъ сказать, трущобныя тайны недостойныхъ представителей оффиціальнаго міра и, кромѣ того, обрисовать всю закулисную подноготную ихъ служебныхъ отношеній. Зритель воочію убѣждается, что лакейская пользующагося извѣстнымъ вѣсомъ чиновника имѣетъ иногда въ своемъ родѣ не менѣе важное значеніе, нежели его пріемный кабинетъ. Здѣсь изображены, съ одной стороны, зазнавшіеся слуги, готовые чуть не въ глаза бранить „сволочью“ унижающихся до панибратскихъ отношеній съ ними чиновниковъ, и устраивающіе въ складчину балы, въ которыхъ послѣдніе принимаютъ участіе довольно охотно и даже, быть можетъ, не безъ нѣкоторой гордости; съ другой стороны, толпу чиновниковъ, входящихъ въ лакейскую своего начальника съ затаеннымъ страхомъ и оставляющихъ ее съ надеждой, или,—какъ Петрушевичъ,—въ отчаяніи (см. первоначальную редакцію въ примѣчаніяхъ г. Тихонравова). Все это показываетъ, какой обширный замыселъ созрѣвалъ въ головѣ автора, хорошо понимавшаго, однако, что осуществить его совершенно невозможно по цензурнымъ условіямъ. Послѣ этого становятся вполнѣ понятны слова его Погодину. «Я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ (въ 1832 г.), въ дорогѣ и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей; *но до сихъ поръ я ничего не написалъ* (т. е. до 20 февраля 1833 г.). Ужъ и сюжетъ, было, на-дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: „Владиміръ 3-ьей степени“, и сколько злости,

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 740.

[2]) Такъ сначала назвалъ пьесу Гоголь, но потомъ заглавіе было измѣнено по совѣту Прокоповича (См. Русское Слово“, 1859, 1, 123).

Digitized by Google

смѣху, соли!... Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что́ не пропуститъ“ [1]).

Намъ остается разсмотрѣть „Отрывокъ“. По нашему предположенію, онъ долженъ былъ занимать мѣсто въ промежуткѣ между „Утромъ дѣлового человѣка“ и другими слѣдующими за нимъ сценами. Мнѣніе это мы основываемъ на томъ мѣстѣ сохранившагося первоначальнаго наброска, по которому непосредственно передъ третьей сценой второго акта (по предположенію Н. С. Тихонравова, соотвѣтствующей позднѣйшему отрывку „Тяжба“), стоятъ слѣдующія слова: Марья Александровна въ разговорѣ съ каретникомъ, распоряжаясь, чтобы карета съ фамильными гербами Павлищева и княжны Шлепохвостовой была отдѣлана какъ можно лучше,—въ концѣ этого діалога восклицаетъ: „Ухъ, до сихъ поръ не могу успокоиться!“ [2]). Это, очевидно, относится все еще къ тому волненію, въ которое она пришла, когда услышала признаніе своего тридцатилѣтняго Миши (въ первоначальной редакціи—Павлищева) о его любви къ дочери незначительнаго чиновника Одосимова, человѣка совсѣмъ не аристократическаго происхожденія, тогда какъ она желала, чтобы сынъ ея былъ женатъ на княжнѣ Шлепохвостовой. Судя по отрывку, приведенному въ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова, безхарактерный и комически послушный Миша не только соглашается на перемѣну службы, какъ это видимъ уже въ пьесѣ, но въ концѣ концовъ также женится на княжнѣ Шлепохвостовой, что́, наконецъ, и успокоиваетъ сильно разстроившуюся Марью Александровну. Здѣсь настойчивость Марьи Александровны и безпредѣльная покорность Миши представляютъ новую варіацію въ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, сравнительно съ отношеніями Ивана Ѳед. Шпоньки и его тетушки. Въ такомъ случаѣ порядокъ сохранившихся сценъ долженъ быть слѣдующій: сперва „Утро дѣлового человѣка“, далѣе „Отрывокъ“ (или „Семейная сцена“—по прежнему названію), затѣмъ „Тяжба“ и, наконецъ, „Лакейская“. Первыя двѣ пьесы составляли, вѣроятно, первое, а послѣднія—второе дѣйствіе уничтоженной комедіи.

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 175 и „Ревизоръ“, изд. г. Тихонравова, „Очеркъ исторіи текста комедіи“, IV.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 737.

Digitized by Google

Хотя комедія „Владиміръ 3-ей степени“ была уничтожена авторомъ, но всѣ близкіе друзья Гоголя, какъ мы говорили, были болѣе или менѣе знакомы въ отрывкахъ съ ея содержаніемъ, а Погодинъ утверждалъ даже, что она была написана именно только въ двухъ дѣйствіяхъ. Комедіей заинтересовались Плетневъ и Жуковскій, но особенно Пушкинъ, который въ одну изъ частныхъ непродолжительныхъ отлучекъ своихъ изъ Петербурга освѣдомлялся о ней въ письмѣ къ Одоевскому: „Кланяюсь Гоголю. Что̀ его комедія, въ ней же есть закорючка?“ [1]). Можетъ быть, ту же комедію читалъ потомъ Гоголь на вечерѣ у Дашкова въ маѣ 1834 г., о чемъ Пушкинъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ такъ, какъ будто рѣчь шла объ извѣстной и преимущественно интересовавшей пьесѣ („Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію“). Гоголь же, какъ извѣстно, самъ придавалъ долго особенное значеніе комедіи „Владиміръ 3-ей степени“, почему и у Пушкина могла потомъ явиться вполнѣ естественная мысль передать ему сюжетъ сходнаго съ ней обличительнаго характера [2])... И такъ, эта послѣдняя пьеса была, вѣроятно, уже третьимъ по хронологическому порядку драматическимъ произведеніемъ Гоголя. Это была безсмертная комедія „Ревизоръ“ [3]).

---

[1]) Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда, томъ VII, стр. 332.

[2]) См. „Русскую Старину“, 1889, X, стр. 134.

[3]) Первую идею „Ревизора“ подалъ ему Пушкинъ, разсказавъ о Павлѣ Свиньинѣ, какъ онъ, въ Бессарабіи, выдавалъ себя за какого-то важнаго чиновника и только, зашедши уже далеко, когда сталъ, было, брать прошенія отъ колодниковъ, былъ отставленъ. („Жизнь и Труды Погодина“, т. IV, стр. 334 и „Сборникъ Любителей Общества Россійской Словесности“ на 1891 годъ, стр. 118).

Digitized by Google

КОМЕДІЯ „РЕВИЗОРЪ".

I.

Припомнимъ сначала, при какихъ обстоятельствахъ и подъ какими впечатлѣніями создалась эта комедія. Въ то время, какъ судьба злобно издѣвалась надъ настойчивыми попытками Гоголя завоевать себѣ почетное и достойное его положеніе, когда онъ отчаянно напрягалъ всѣ силы, чтобы орлинымъ взмахомъ крыльевъ вдругъ подняться на заманчивую высоту, на которой можно было бы спокойно предаваться вдохновенному творчеству и свободнымъ научнымъ трудамъ,— его геній въ тиши кабинета торжествовалъ надъ тиной житейскихъ мелочей и открывалъ передъ поэтомъ цѣлый міръ чудныхъ образовъ. Въ этой сферѣ онъ сознавалъ себя уже не пробивающимъ дорогу, хотя и не совсѣмъ беззащитнымъ, пролетаріемъ, а могучимъ чародѣемъ, властителемъ думъ. Изъ его скромнаго кабинета, изъ-подъ пера горемыки-неудачника въ сферѣ практической жизни, предстояло вырваться на свѣтъ Божій страстнымъ рѣчамъ обличенія, передъ которыми должны были содрогнуться всякаго рода „существователи" и низкіе дѣльцы, не исключая и тѣхъ, которымъ судьба приготовила лакомые куски на шумномъ праздникѣ жизни. Отъ проницательнаго взора поэта не ускользала окружавшая его подчасъ непроходимая пошлость, въ распоряженіи его былъ могучій художественный талантъ для изображенія этой пошлости—и этого было достаточно, чтобы Гоголь почувствовалъ внутри себя исполинскую силу, съ которой нельзя было не считаться. Неопредѣленное положеніе Гоголя, его постоянная борьба съ жизнью и тяжелыя неудачи, наряду съ огромными успѣхами

Digitized by Google

и еще роскошнѣйшими ожиданіями, должны были держать его постоянно въ какомъ-то тяжеломъ нравственномъ напряженіи. Отчаянный борецъ за то положеніе въ жизни, на которое онъ признавалъ за собой полныя права, гордый, самонадѣянный человѣкъ, но въ то же время безпрестанно испытывавшій жестокіе оскорбленія и толчки, Гоголь ни на минуту не терялъ надежды занять въ этой борьбѣ съ судьбой надежную позицію и сломить всѣ досадныя помѣхи и препятствія, казавшіяся пока лишь временной задержкой его близкаго торжества. Странны были жизненныя условія Гоголя въ серединѣ тридцатыхъ годовъ: съ одной стороны, теперь, казалось, быстро и покорно отступалъ назадъ грозный призракъ „черной неизвѣстности", передъ которымъ онъ содрогался и трепеталъ въ юности въ тяжелыя минуты внезапно овладѣвавшихъ имъ порою сомнѣній, и туманъ загадочнаго будущаго, повидимому, разсѣивался; съ другой стороны, напротивъ, посреди этихъ несомнѣнныхъ успѣховъ, являлись вдругъ неожиданныя затрудненія, колебавшія энергію и какъ бы готовыя отнять у него завоеванную уже позицію. Въ кабинетахъ Жуковскаго и Пушкина, въ бесѣдахъ съ почетнѣйшими представителями литературы, въ полученномъ доступѣ въ тѣ помѣщенія дворца, гдѣ жили фрейлины (тамъ Гоголь встрѣчалъ въ числѣ другихъ гостей также одного изъ великихъ князей), нашъ поэтъ былъ желаннымъ и признаннымъ гостемъ, тамъ онъ находилъ просторъ лучшимъ силамъ своего ума и благороднѣйшимъ движеніямъ сердца. Въ обществѣ Жуковскаго, Пушкина, Вяземскаго онъ сознавалъ себя человѣкомъ, съ высокими нравственными задатками и богатыми дарованіями духа, которыя неотъемлемо принадлежали ему и которыя должны были бы показать его потомству въ безукоризненномъ лучезарномъ блескѣ, если бы суровая школа жизни не готовила на пути его на каждомъ шагу подводныхъ камней въ видѣ всевозможныхъ мелочныхъ дрязгъ и тяжелыхъ испытаній. Но въ молодости нашего писателя райское обаяніе вдохновенной творческой мечты и отрадныхъ сношеній съ Жуковскимъ и Пушкинымъ только ласкало его мгновенными счастливыми грезами, за которыми обыкновенно слѣдовало обидное торжество убогой дѣйствительности и надрывающей душу житейской пошлости. Нельзя достаточно сожалѣть, что до насъ дошло такъ мало извѣстій именно объ этой свѣтлой и благо-

Digitized by Google

роднѣйшей долѣ впечатлѣній Гоголя, которыя онъ переживалъ въ кабинетахъ своихъ великихъ друзей, а съ ними отъ насъ, можетъ быть, навсегда ускользаютъ и лучшія, благороднѣйшія проявленія его геніальной личности, безъ сомнѣнія, недаромъ связавшія его тѣсными узами съ Жуковскимъ и Пушкинымъ еще въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ и возвѣщавшія ему тогда свѣтлую зарю славной будущности. Намъ приходилось не разъ указывать такія черты въ Гоголѣ, которыя не могутъ иногда возбуждать къ нему сочувствіе; но нельзя забывать, что названныя черты представляютъ только, такъ сказать, изнанку его нравственнаго существа, необыкновенно сложнаго и не легко исчерпываемаго.

Даже въ часы искренняго увлеченія историческими трудами Гоголь несомнѣнно переживалъ прекрасныя, безкорыстныя наслажденія, возвышавшія его надъ тѣми тусклыми, унылыми сумерками, которыя наступали въ промежуткахъ вдохновенной работы; но все это было, конечно, совершенно ничѣмъ въ сравненіи съ священнымъ трепетомъ чистаго и безпредѣльнаго восторга, загоравшагося въ душѣ его, когда въ ней роились творческіе замыслы художника, смѣло бичевавшаго житейскую грязь, въ полномъ сознаніи важности и величія своего призванія. Но и тутъ, только-что начиналъ онъ предаваться вдохновенію, только-что, вдали отъ житейскихъ дрязгъ, начиналъ забываться среди свѣтлаго океана поэзіи, какъ со всѣхъ сторонъ его обступали тревоги и сомнѣнія и онъ съ ужасомъ вспоминалъ, что „перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ“. „Что̀ изъ того“, съ глубокой скорбью восклицалъ тогда Гоголь, „если пьеса не будетъ играться? Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея, она какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но что̀ комедія безъ правды и злости“ [1]). Эти слова Гоголя невольно наводятъ на слѣдующія грустныя размышленія: во первыхъ, нельзя не признать,—соображая всю совокупность біографическихъ данныхъ, относящихся къ занимающему насъ вре-

---

[1]) «Ревизоръ», изд. Н. С. Тихонравова, Очеркъ исторіи текста комедіи Гоголя «Ревизоръ», стр. IV.

Digitized by Google

мени,—что много пришлось вообще пережить и перестрадать Гоголю и что даже въ уединенномъ святилищѣ творчества за нимъ гнались и настигали его враждебные призраки, отъ которыхъ холодѣла кровь, опускались руки и содрогалось все существо связаннаго по рукамъ и по ногамъ художника; во-вторыхъ, эти слова даютъ намъ убѣдительное доказательство того, что Гоголь чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ художественному творчеству, которое не всегда останавливалось даже передъ сдавливавшими его свинцовыми гирями внѣшнихъ препятствій, тогда какъ напр. мимолетныя вспышки воодушевленія во время историческихъ работъ обыкновенно быстро проносились и остывали сами собой, безъ всякаго внѣшняго давленія. Но какъ ни угнетала Гоголя суровая нужда и неумолимая строгость цензуры, онѣ не въ силахъ были лишить его той великой отрады, какую можетъ вкушать въ своемъ творчествѣ только истинный художникъ. Гоголь не увѣренъ былъ въ томъ, что пьеса его можетъ тотчасъ появиться на сценѣ, но за будущее онъ готовъ былъ почти ручаться. „Печать пустяки: все будетъ въ печати“ [1]), говорилъ онъ впослѣдствіи Анненкову, и такое убѣжденіе, вѣроятно, сложилось у него еще задолго до того, какъ оно было высказано. Сознаніе полной невозможности видѣть на сценѣ ту или иную піесу или сцену, конечно, сильно парализировало успѣшность труда; доказательствомъ служитъ, кромѣ приведенныхъ словъ, общеизвѣстный фактъ неоконченности комедіи „Владиміръ 3-ей степени“, разсыпавшейся въ концѣ концовъ на мелкіе кусочки; но оно не могло совершенно остановить творчество даже въ этихъ безнадежныхъ случаяхъ, не вырывало пера изъ рукъ художника, оживлявшагося, чуть только блеснетъ бывало ему отрадный лучъ надежды на успѣхъ. Мы узнаемъ это изъ его собственныхъ словъ: „Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесныя гостьи, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души моей до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ бо̀льшей силой, и не посмѣетъ

---

[1]) «Воспоминанія и критическіе очерки» П. В. Анненкова, т. I, стр. 199.

Digitized by Google

устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и не ученая чернь, всегда соглашающаяся публика и пр. и пр.“ [1]).

Очевидно, за творческой работой Гоголь забывалъ о возможныхъ неудачахъ цензурныхъ мытарствъ, ожидавшихъ его пьесы, забывалъ и о дѣйствительныхъ и частью уже успѣвшихъ разразиться надъ его головой жизненныхъ невзгодахъ и испытаніяхъ, и приносилъ на алтарь искусства плодъ самыхъ чистѣйшихъ своихъ помысловъ и стремленій. Онъ, надо думать, совершенно такъ же беззавѣтно отдавался полету своей фантазіи и увлекавшимъ его мечтамъ о служеніи родинѣ, какъ нерѣдко герои его произведеній въ минуты восторженнаго обаянія любви или на порогѣ открывавшагося передъ ними величія загробной жизни забывали все, кромѣ безгранично любимаго существа—въ первомъ случаѣ—и боготворимой отчизны—во второмъ. Въ тиши скромнаго кабинета, среди вороха писанной бумаги, Гоголь совершенно перерождался, сбрасывая съ себя пыльный грузъ обыденныхъ впечатлѣній и какъ бы чувствуя передъ собою вдохновляющій образъ великаго Пушкина. Въ эти чудныя минуты въ немъ умиралъ карьеристъ и весь онъ дышалъ святымъ желаніемъ одной только пользы людямъ. Когда мать его однажды сказала у Аксаковыхъ, что „Николенька въ то время какъ писалъ „Мертвыя Души“, желалъ только добра людямъ“ [2]), то это была, конечно, безусловная истина. Намъ вовсе нѣтъ причины сомнѣваться въ этомъ, на томъ только основаніи, что въ натурѣ Гоголя были также иныя, не совсѣмъ симпатичныя стороны, да вѣдь и въ развитіи этихъ несимпатичныхъ сторонъ виновна была та же липкая житейская тина, сохраниться свободнымъ отъ прикосновенія которой было не легко Гоголю, такъ какъ онъ находился постоянно въ самыхъ безпощадныхъ условіяхъ...

Все это мы находимъ необходимымъ напомнить теперь, чтобы, нисколько не впадая въ панегирическое преувеличеніе и отнюдь не умалчивая о невыгодныхъ сторонахъ характера Гоголя (это, какъ мы надѣемся, ясно изъ предшествующаго изложенія), вмѣстѣ съ тѣмъ не впасть въ другую, худшую ошибку — несправедливаго освѣщенія пре-

[1]) «Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 247.
[2]) „Русскій Архивъ“, 1890, VIII, 67.

Digitized by Google

имущественно невыгодныхъ сторонъ въ ущербъ тѣмъ, благодаря которымъ мы имѣемъ въ Гоголѣ великаго, безсмертнаго писателя. Не скрывать темныя пятна долженъ біографъ; но, думается намъ, онъ обязанъ на ряду съ ними указать и дать почувствовать то истинно - прекрасное, что̀, можетъ быть, не такъ ясно и осязательно обрисовывается въ грудѣ прозаическихъ данныхъ о писателѣ, въ родѣ, напр., его писемъ или разрозненныхъ разсказовъ о проявленіяхъ его личности въ обыденныхъ случаяхъ,—указать то прекрасное и свѣтлое начало, которое, несомнѣнно, должно быть предполагаемо и было дѣйствительно въ душѣ нашего героя. Задача эта очень трудная, но дать хотя намекъ на то, что̀ она должна бы рѣшить въ совершенствѣ, мы считаемъ здѣсь для себя безусловно обязательнымъ.

Указавъ всѣ названныя соображенія, которыми по необходимости приходится пополнять въ высшей степени невыгодный для памяти Гоголя пробѣлъ, касающійся недостающихъ свѣдѣній о подробностяхъ интимныхъ бесѣдъ его съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, мы надѣемся по крайней мѣрѣ объяснить, что̀, по нашему мнѣнію, роднило между собой этихъ великихъ людей и открывало немногимъ избраннымъ въ личности Гоголя то самое привлекательное и глубокое, чего не постигали въ немъ люди толпы. Въ воспоминаніяхъ о Гоголѣ близко знавшихъ его лицъ намъ приходилось часто слышать какія-то восторженно - умилительныя ноты, и притомъ отъ такихъ, которыя цѣнили въ немъ, какъ, напр., покойная княжна Репнина, именно человѣка, а не писателя. Въ признаніи за Гоголемъ чего-то величественнаго и прекраснаго сходились они всѣ, но подтвердить этого фактически или облечь свое впечатлѣніе въ строго опредѣленную рамку, никто изъ нихъ не могъ, не исключая, быть можетъ, также и Анненкова. Причину этого, кажется намъ, слѣдуетъ видѣть въ томъ, что только близкое общеніе съ личностью, особенно съ такою загадочною и скрытною, какъ Гоголь, можетъ знакомить насъ съ тѣми сторонами въ ней, которыя отъ множества постороннихъ глазъ ускользаютъ и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, живо чувствуются непосредственно, но переданы другимъ быть не могутъ. Вообще въ непосредственныхъ впечатлѣніяхъ можетъ быть много неуловимаго, не подлежащаго холодной, разсудочной провѣркѣ. Позволимъ себѣ взять примѣръ всѣмъ па-

Digitized by Google

мятный и очень яркій: извѣстная рѣчь Достоевскаго на пушкинскихъ праздникахъ въ 1880 г. произвела, какъ извѣстно, огромное и потрясающее дѣйствіе на слушателей, заставивъ ихъ проникнуться до глубины души мыслями и чувствами воодушевленнаго оратора, вдругъ получившаго, благодаря энергіи чувства и вдохновенія, непреодолимую волшебную власть надъ всѣми присутствующими, тогда какъ мертвая бумага не даетъ рѣшительно никакого представленія о томъ неотразимомъ обаяніи, которое произвела самая рѣчь, и о вызванномъ ею единодушномъ восторгѣ; даже перечитывая слышанное нѣкогда изъ устъ Достоевскаго, нельзя уже воскресить, хотя бы въ незначительной степени, когда-то испытаннаго дѣйствія той же самой рѣчи. Да проститъ намъ читатель это небольшое отступленіе. Но припомнимъ отзывъ Пушкина о Гоголѣ, припомнимъ собственный разсказъ Гоголя о впечатлѣніи, какое онъ способенъ былъ производить, въ свою очередь, на Пушкина—и все нами сказанное уже не покажется преувеличеннымъ. Несомнѣнно, повторяемъ, сердце каждаго изъ обоихъ поэтовъ чутко отзывалось на каждый звукъ, вырывавшійся изъ глубины души другого, и они умѣли находить одинъ въ другомъ самыя сочувственныя струны. Оттого, быть можетъ, Пушкинъ, а также и Жуковскій, *никогда* не возбуждали въ Гоголѣ ни малѣйшей насмѣшки или осужденія; передъ ними, особенно передъ первымъ, храня благодарную память о томъ, какъ Пушкинъ поддерживалъ и лелѣялъ въ немъ священное пламя поэзіи, Гоголь могъ только благоговѣть. Всѣ друзья Гоголя были связаны съ нимъ или чистыми воспоминаніями дѣтства, или разными случайными житейскими отношеніями,—при чемъ иныхъ онъ сильно любилъ, но позволялъ себѣ, если не смѣяться, то дружески шутить надъ ними (примѣры увидимъ послѣ); наконецъ, на иныхъ, самыхъ любимыхъ и дорогихъ, онъ могъ иногда раздражаться (на Данилевскаго, Прокоповича, Смирнову и проч.); но чувства уваженія къ Жуковскому и *особенно къ Пушкину были для него всегда святыней.*

Поэтому и сюжеты, данные Гоголю Пушкинымъ, внушали ему чуть ли не какой-то благоговѣйный культъ, что̀ всего лучше видно изъ письма Гоголя къ Плетневу тотчасъ по полученіи отъ него извѣстія о кончинѣ Пушкина: „Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ

Digitized by Google

съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что̀ скажетъ онъ, что̀ замѣтитъ онъ, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что̀ меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу... О Боже! нынѣшній трудъ мой" („Мертвыя Души"), „внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо—и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!"... [1]).

Въ этихъ горячихъ, прочувствованныхъ строкахъ мы единственно должны искать указаній на процессъ созданія „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ", и, только руководясь ими, можемъ хотя немного надѣяться заглянуть въ ту святую тайну творческаго духа, благодаря которой мы имѣемъ величайшія созданія Гоголя. Въ горькихъ словахъ сожалѣнія объ утратѣ Пушкина намъ слышится глубокое, истинно человѣческое чувство, какъ еще разъ насъ невольно останавливаетъ на себѣ и поражаетъ полная задушевности скорбь Гоголя по поводу смерти юнаго Іосифа Віельгорскаго, вылившаяся въ его чудныхъ „Ночахъ на виллѣ". Но въ разработкѣ сюжета Гоголь могъ кромѣ канвы, намѣченной Пушкинымъ, руководиться отчасти и другими источниками.

II.

Сюжетъ „Ревизора" данъ былъ Пушкинымъ; но, кромѣ того, въ нашей литературѣ не разъ указывалось, повидимому, поразительное, но въ сущности лишь внѣшнее сходство между „Ревизоромъ" и пьесой Квитки: „Пріѣзжій изъ столицы". Сходство это было подробно разсмотрѣно покойнымъ Г. П. Данилевскимъ въ его „Украинской Старинѣ" [2]) и г. Петровымъ въ „Очеркахъ украинской литературы", гдѣ, между прочимъ, читаемъ: „У Квитки такъ же, какъ и въ „Ревизорѣ", дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ городничаго, куда тотчасъ приводятъ мнимаго ревизора; мни-

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 286—287.

[2]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1881, VIII, стр. 702 и «Кіевскую Старину», 1883, т. VI, стр. 204—205.

Digitized by Google

мый ревизоръ также мальчишка, не окончившій ученья и не надежный въ службѣ. Другія лица здѣсь такія же: и судья Спальникъ, и почтовый экспедиторъ Печаталкинъ, который, какъ и у Гоголя, въ концѣ развязываетъ всю пьесу, и смотритель уѣзднаго училища Ученосвѣтовъ, и частный приставъ Шоринъ, напоминающій Держиморду (??), и, *наконецъ, двѣ пріятныя дамы* — сестра городничаго Трусилкина и племянница его, которыя также влюбляются въ „милашку ревизора". Но, прерывая пока нашу выписку, замѣтимъ, что ни судья, ни почтмейстеръ, ни особенно смотритель уѣзднаго училища въ комедіяхъ Квитки и Гоголя, кромѣ одинаковаго названія должностей, не имѣютъ ни малѣйшаго сходства [1]), какъ равно и юный возрастъ мнимаго ревизора въ обѣихъ пьесахъ нисколько не доказываютъ заимствованія или—самое бо́льшее—могутъ подать поводъ къ предположенію о внѣшнемъ заимствованіи, не имѣющемъ ровно никакого значенія. „Здѣсь также"—продолжаетъ г. Петровъ—„вся кутерьма происходитъ отъ полученнаго городничимъ темнаго и сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города; чиновники также представляются ревизору, и онъ у нихъ занимаетъ деньги. Здѣсь такъ же, какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ *о храмѣ изящества и о томъ, какъ печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль*" [2]). Во всемъ этомъ сходство при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается совершенно случайнымъ и незначительнымъ; но есть одинъ фактъ, въ самомъ дѣлѣ, довольно поразительнаго и важнаго совпаденія между обѣими комедіями—это ея развязка *и еще болѣе завязка*. Гоголь говорилъ Аксакову, что онъ слышалъ о комедіи Квитки, и въ первомъ дѣйствіи „Ревизора" есть дѣйствительно много общаго съ „Пріѣзжимъ изъ столицы"; но нельзя забывать, что подобныя частичныя совпаденія всегда возможны, и ихъ легко указать во многихъ крупнѣйшихъ произведеніяхъ самыхъ замѣчательныхъ представителей всемірной литературы. Такъ типы Плавта повторяются потомъ во французской комедіи, сюжеты Шекспира внѣшнимъ образомъ были бо́льшей частью заимство-

[1]) Впрочемъ, нѣкоторые современники Гоголя находили, что какъ въ „Ревизорѣ", такъ и въ „Мертвыхъ Душахъ" изъ должностныхъ лицъ, имѣющихъ значеніе въ губерніи, пропущены: стряпчій, казначей, исправникъ. („Русск. Арх.", 1890, VIII, 71).

[2]) Курсивъ подлинника.

Digitized by Google

ванные, а изъ русской литературы достаточно слѣдующихъ примѣровъ: въ концѣ третьяго дѣйствія „Горе отъ ума“ Грибоѣдова, въ внезапномъ, нѣсколько комическомъ съ внѣшней стороны, открытіи Чацкаго среди монолога, въ самомъ пылу увлеченія, что его давно уже перестали слушать и оставили одного, можно, пожалуй, усмотрѣть нѣкоторое внѣшнее сходство съ концомъ забытой теперь пьесы Хмельницкаго „Говорунъ“; наконецъ, чтеніе почтмейстеромъ и другими дѣйствующими лицами письма Хлестакова въ „Ревизорѣ“ опять съ внѣшней стороны представляетъ много сходнаго съ комедіей Крылова „Пирогъ“ и проч. Но не въ томъ дѣло: было-ли здѣсь внѣшнее вліяніе, или нѣтъ, не имѣетъ никакого значенія въ томъ случаѣ, когда блѣдный образецъ безконечно превзойденъ внушеннымъ имъ великимъ художественнымъ созданіемъ. „Тотъ художникъ является собственно и творцомъ извѣстнаго мотива характера или положенія, который сильнѣй его выразилъ и запечатлѣлъ въ словѣ“ („Кіевск. Стар.“, 1891, III, 531).

Первое капитальное различіе обѣихъ сравниваемыхъ комедій заключается въ томъ, что, согласно извѣстной теоріи Гоголя, высказанной имъ въ „Театральномъ Разъѣздѣ“, комедія у него „вяжется сама собой, всей своей массой въ одинъ большой узелъ“ [1]). Такъ это и есть въ „Ревизорѣ“. Кромѣ того, въ развязкѣ обѣихъ комедій есть несомнѣнное внѣшнее сходство; но у Квитки мнимый ревизоръ попадаетъ врасплохъ и несетъ заслуженное наказаніе, тогда какъ Гоголь не могъ этого допустить, вслѣдствіе несравненно болѣе глубокаго пониманія сущности комедіи; иначе смыслъ комедіи въ томъ видѣ, какъ она была задумана, былъ бы потерянъ. По объясненію Гоголя, Хлестаковъ, по окончаніи разыгранной имъ роли, долженъ исчезнуть, какъ призракъ: „Это фантасмагорическое лицо, которое, какъ лживый олицетворенный обманъ, унеслось вмѣстѣ съ тройкой Богъ знаетъ куда“ [2]). Притомъ цѣль Гоголя была представить городничаго наказаннымъ, уничтоженнымъ и поруганнымъ не только обще-

---

1) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 487.

2) „Ревизоръ“, изд. Н. С. Тихонравова, „Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали-бы сыграть, какъ слѣдуетъ“ „Ревизора“, стр. 1, VI. Такимъ образомъ, Гоголь не механически измѣнилъ развязку, какъ можно было бы ожидать въ случаѣ простого заимствованія.

Digitized by Google

ственнымъ мнѣніемъ и не одной карой закона, но также, и главнымъ образомъ, собственнымъ внутреннимъ сознаніемъ. Для этого было необходимо, чтобы онъ не сдѣлался случайной жертвой злостнаго, сознательнаго обмана, но, напротивъ, запутался бы самымъ позорнымъ образомъ въ собственныхъ плутняхъ и грѣшкахъ. То же соображеніе побудило Гоголя придать почтмейстеру характеръ необычайной наивности, соединенной съ почти дѣтскимъ любопытствомъ, и создать Хлестакова пустымъ и глупымъ фатомъ или, по выраженію Гоголя, щелкоперомъ, но отнюдь не сознательнымъ обманщикомъ.

Кромѣ указанныхъ соображеній, личность Хлестакова не только получила совершенно иныя черты подъ вліяніемъ идеи Гоголя, но и вообще не имѣетъ почти ничего общаго съ соотвѣтствующимъ героемъ комедіи Квитки, представляющимъ въ значительной степени блѣдный сколокъ съ княжнинскаго Хвастуна [1]). Напротивъ, Хлестаковъ кромѣ хвастовства, обладаетъ многими качествами, принадлежащими цѣлому ряду другихъ Гоголевскихъ героевъ. Своимъ тщеславіемъ и безпредѣльной пустотой онъ — близкая родня Пирогову, Ковалеву, Кочкареву, Ноздреву [2]) и Собачкину. Мѣстами попадаются поразительныя черты сходства между нимъ и Собачкинымъ. Оба они имѣютъ, напримѣръ, мелкую страстишку порисоваться и пофорсить въ разговорѣ съ дамами, оба—ничтожные и пустые хвастуны. Такъ, на вопросъ Марьи Александровны, почему Собачкинъ не женился на влюбившейся въ него будто бы безъ памяти богатой невѣстѣ, послѣдній съ совершенно хлестаковской развязностью отвѣчаетъ: „Ну, да нельзя, Марья Александровна, право нельзя, все какъ-то... Ну, понимаете... станутъ говорить: „Ну, вотъ женился, чортъ знаетъ на комъ“ и затѣмъ хвастаетъ не хуже Хлестакова: „Вѣдь по вскрытіи Невы всегда находятъ двухъ-трехъ утонувшихъ женщинъ,—я ужъ только молчу, потому что въ такую еще впутаешься исторію“... [3]). У обоихъ, наконецъ, одинаковые или чрезвычайно сходные вкусы и стремленія (оба

---

[1]) Такъ, напр., у обоихъ не сходитъ съ языка выраженіе: „мы, знатные“ (Ср. Драматич. соч. Квитки, II, 318 и соч. Княжнина, изд. Смирдина, I, 497 и проч.).

[2]) Припомнимъ, напр., что Ноздревъ хвалился, будто у него есть мадера, „лучше которой не пивалъ самъ фельдмаршалъ“.

[3]) Т. II, стр. 477.

Digitized by Google

бредятъ каретой или колясной отъ Іохима [1]) и проч.). Совершенно такое же значеніе какого-то моднаго украшенія имѣли для Хлестакова его претензіи на образованность, знакомство съ литераторами. Эти черты также часто изображалъ Гоголь въ другихъ своихъ комедіяхъ. Такъ, въ этомъ отношеніи Хлестаковъ представляетъ замѣтное сходство уже съ Ихаревымъ, Маниловымъ [2]) и даже отчасти съ капитаномъ Копѣйкинымъ.

Съ другой стороны, въ городничемъ находимъ типъ плута, соединившій въ себѣ отдѣльныя черты, разбросанныя въ разныхъ произведеніяхъ Гоголя предшествующей поры или одновременныхъ, какъ, безъ сомнѣнія, онѣ же повторились потомъ, разумѣется, въ сильно измѣненномъ видѣ, и въ Чичиковѣ. У городничаго есть много общаго даже съ Ихаревымъ и Утѣшительнымъ. Готовясь къ встрѣчѣ мнимаго ревизора, городничій разсуждаетъ: „Молодого скорѣе пронюхаешь. Бѣда, если старый чортъ, а молодой весь на верху“ [3]); такъ точно у Ихарева мгновенно вспыхнула уже угасавшая надежда на выигрышъ, когда мнимый Гловъ рѣшается оставить своего юнаго сына на попеченіе Утѣшительнаго. Ихареву извѣстны также люди, подобные городничему и Чичикову, которымъ ихъ притворное благочестіе и милосердіе нисколько не мѣшаетъ быть отъявленными мошенниками. („Я знаю одного“— говоритъ Ихаревъ,—„который наклоненъ къ передержкамъ и къ чему хотите, но нищему онъ отдастъ послѣднюю копѣйку“) [4]). Такой же типъ чистокровнаго плута и подлеца, старающагося, однако, выказать себя жрецомъ добродѣтели, находимъ и въ Утѣшительномъ, о которомъ Ихаревъ замѣчаетъ про себя: „Ну, нѣтъ, пріятель! Знаемъ мы тѣхъ людей, которые увлекаются и горячатся при словѣ обязанность. У тебя, можетъ быть, и кипитъ желчь, да только не въ этомъ случаѣ“ [5]). Отсюда уже недалекъ былъ для Гоголя переходъ къ типу Чичикова, патетически восклицающему: „законъ... я нѣмѣю передъ закономъ“! и говорившему о добродѣтели со слезами на глазахъ. Всѣ эти черты, повторяющіяся во мно-

---

[1]) Ср. т. II, стр. 306 и 478.

[2]) Такъ Маниловъ мечталъ о хорошемъ обращеніи (т. III, стр. 72), „слѣдить какую-нибудь этакую науку“ (т. III, стр. 25).

[3]) Т. III, стр. 216.

[4]) Т. II, стр. 422.

[5]) Тамъ-же, 417.

Digitized by Google

гихъ произведеніяхъ и у разныхъ героевъ Гоголя, были, безъ сомнѣнія, вынесены изъ его зоркихъ и неослабныхъ наблюденій надъ русской жизнью еще до отъѣзда за-границу. Но, кромѣ того, задавшись въ „Ревизорѣ“ цѣлью раскрыть преимущественно наиболѣе обычныя служебныя злоупотребленія, Гоголь, несомнѣнно, собиралъ для этого особыя свѣдѣнія (какъ и для „Игроковъ“ ему былъ необходимъ спеціально собранный матеріалъ), и эти свѣдѣнія были имъ переданы, главнымъ образомъ, въ началѣ комедіи и въ четвертомъ дѣйствіи въ жалобахъ на городничаго, такъ же какъ, по свидѣтельству А. С. Данилевскаго [1]), онъ самъ во время одной изъ поѣздокъ устроилъ своеобразную импровизированную репетицію „Ревизора“ на постоялыхъ дворахъ, а по словамъ С. Т. Аксакова, собиралъ выписки изъ статистическихъ книгъ и дѣловыхъ реестровъ для перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ [2]). Безъ сомнѣнія, на основаніи такихъ же наблюденій Гоголь изображалъ особенно излюбленный пріемъ мелкихъ плутовъ — разузнавать все необходимое для нихъ и вообще дѣйствовать черезъ слугъ; такова сцена между городничимъ и Осипомъ; но точно также и Бобчинскій съ Добчинскимъ за свѣдѣніями о заинтересовавшемъ ихъ мнимомъ ревизорѣ обратились къ буфетчику гостиницы. Нечего напоминать при этомъ о подобныхъ пріемахъ Чичикова, и что тотъ же пріемъ на каждомъ шагу практикуется героями „Игроковъ“. Наконецъ, къ нему же рѣшились обратиться чиновники губернскаго города NN, чтобы разузнать получше о Чичиковѣ. „Господа чиновники прибѣгнули еще къ одному средству, не весьма благородному, но которое, однако же, иногда употребляется, то есть стороною, посредствомъ разныхъ лакейскихъ знакомствъ, разспросить людей Чичикова, не знаютъ-ли они какихъ подробностей насчетъ прежней жизни и обстоятельствъ барина“ [3]).

Не рѣшая окончательно вопроса объ отношеніяхъ комедій Квитки и Гоголя, напомнимъ лишь, что Гоголю легче давалось яркое изображеніе жизни и созданіе характеровъ, нежели изобрѣтеніе самостоятельныхъ сюжетовъ, почти всегда повторяющихся или заимствованныхъ.

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1890, I, 106; также см. I т., стр. 364.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1890, VIII, 77.

[3]) Т. III, стр. 196.

Digitized by Google

III.

Какъ въ другихъ драматическихъ произведеніяхъ Гоголя, такъ и въ „Ревизорѣ“, въ каждомъ изъ дѣйствующихъ лицъ выставлена какая-нибудь наиболѣе распространенная черта мелкой пошлости или мошенничества. Такъ какъ главной цѣлью комедіи было обличеніе взяточничества, то, кромѣ выставленія его на позоръ, почти во всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ, наиболѣе ярко клеймится оно въ городничемъ. Позднѣе мы находимъ отчасти дальнѣйшее развитіе этой темы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Мертвыхъ Душъ“. Такъ, нѣкоторое сходство съ городничимъ представляетъ въ послѣднемъ произведеніи полицеймейстеръ, который „сидѣлъ, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ и должность свою постигалъ въ совершенствѣ“ и „навѣдывался въ лавки и гостиный дворъ, какъ въ собственную кладовую“ [1]). Затѣмъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ мы встрѣчаемъ слѣдующее разсужденіе одного изъ чиновниковъ: „Вѣдь извѣстно, зачѣмъ берешь взятку и покривишь душей: для того, чтобы женѣ достать на шаль, или на разные роброны, провалъ ихъ возьми, какъ ихъ называютъ! А изъ чего? Чтобы не сказала какая-нибудь Подстёга Сидоровна, что на почтмейстершѣ лучше было платье, — да изъ-за нея бухъ тысячу рублей!“ [2]). Женская пустота и пошлость также обличаются одинаково въ обоихъ произведеніяхъ. Такъ, „пріятная дама“ съ такимъ же нетерпѣливымъ любопытствомъ относится къ новостямъ, какъ и Анна Андреевна въ „Ревизорѣ“. „Всякій домъ казался ей длиннѣе обыкновеннаго; бѣлая каменная богадѣльня съ узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, такъ что она, наконецъ, не вытерпѣла не сказать: „Проклятое строеніе, и конца нѣтъ!“ [3]).

Далѣе для хода пьесы и, слѣдовательно, успѣха Хлестакова, было необходимо, чтобы всѣ чиновники и остальныя дѣйствующія лица были захвачены врасплохъ и не только не были въ состояніи помочь другъ другу выйти изъ общаго затруднительнаго положенія, но еще больше запутывали бы себя безтолковыми догадками и соображеніями. Для этого,

---

[1]) Т. III, стр. 418.
[2]) Т. III, стр. 173, 174.
[3]) Т. III, стр. 177.

Digitized by Google

кромѣ сознанія своихъ „грѣшковъ“, которое подѣйствовало особенно роковымъ образомъ на городничаго, для развитія пьесы послужили и пустота и страсть къ сплетнямъ въ лицѣ Добчинскаго и Бобчинскаго, несчастная слабость Аммоса Ѳедоровича къ хитроумнымъ догадкамъ и совершенная забитость и бозцвѣтность такихъ робкихъ людей, какъ Лука Лукичъ. Кромѣ того, по мысли автора „у каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ *зрителямъ долженъ быть видѣнъ* постоянный предметъ его мыслей, вѣчный гвоздь, сидящій у него въ головѣ“ [1]). Такъ, судья имѣетъ двѣ страсти: онъ—записной охотникъ и неисправимый резонеръ. Подобно большинству уѣздныхъ умниковъ, онъ вѣчно любитъ пускаться въ фантастическія разсужденія о политикѣ, о которой имѣетъ самое смутное и наивное представленіе и которую толкуетъ по-своему, доходя до всего своимъ умомъ. Эту несчастную слабость къ смѣлымъ догадкамъ Гоголь давно уже клеймилъ въ полуобразованныхъ провинціалахъ; такъ, въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ находимъ разсказъ о томъ, что когда истощались болѣе доступныя и любопытныя для собесѣдниковъ темы, то „гость, весьма рѣдко выѣзжавшій изъ деревни, часто съ значительнымъ видомъ, съ таинственнымъ выраженіемъ лица, выводилъ свои догадки и возвѣщалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта“ или въ повѣсти о томъ, „Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ первый не безъ нѣкотораго аппломба передаетъ своему пріятелю курьезный слухъ о томъ, что „три короля объявили войну царю нашему и хотятъ, чтобы мы всѣ приняли турецкую вѣру“ [2]). Въ подобныя догадки пускаются и чиновники губернскаго города относительно Чичикова, неудачно предполагая, что онъ—переодѣтый разбойникъ, дѣлатель фальшивыхъ монетъ [3]) и проч.

Слѣдующее дѣйствующее лицо, попечитель богоугодныхъ заведеній, Артемій Филипповичъ Земляника, представляетъ

---

[1]) „Ревизоръ“, изд. г. Тихонравова. „Предувѣдомленіе“, стр. XLV. Сходную мысль см. въ „Мертвыхъ Душахъ“ (т. III, стр. 20, 21).

[2]) Изд. X, т. I, стр. 236 и 416.

[3]) Ср. „Слово *Мертвыя Души* такъ раздалось неопредѣленно, что стали подозрѣвать даже, ужъ нѣтъ ли здѣсь какого намека на скоропостижно погребенныя тѣла“ (т. III, стр. 193).

Digitized by Google

типъ записного плута, наушника, человѣка каверзы. Изъ другихъ произведеній единственный примѣръ и притомъ весьма отдаленнаго сходства въ общихъ подьяческихъ пріемахъ можно видѣть развѣ въ Замухрышкинѣ въ „Игрокахъ“. Но любопытно, что во время созданія „Ревизора“ авторъ былъ занятъ типомъ ябедника, для чего искалъ даже соотвѣтствующаго знакомства [1]), и хотя это происходило уже незадолго до окончанія „Ревизора“ и нужно было автору, вѣроятно, для „Мертвыхъ Душъ“, но несомнѣнно должно было отразиться и на дальнѣйшей обработкѣ характера Артемія Филипповича. При сличеніи первоначальной редакціи первой сцены четвертаго дѣйствія съ окончательной, оказывается, что роли судьи и попечителя богоугодныхъ заведеній въ ней какъ бы переставлены: такъ, первая мысль дать взятку мнимому ревизору въ первоначальной редакціи приходитъ судьѣ, а въ окончательной — Земляникѣ, тогда какъ судья является тамъ, напротивъ, уже въ роли предостерегателя. Это, конечно, доказываетъ, что, подобно многимъ другимъ, и характеръ Земляники лишь постепенно выяснился для автора, такъ что вполнѣ можно допустить, что на послѣдней редакціи сцены могли отразиться слѣды наблюденій, которыя Гоголь предполагалъ дѣлать надъ ябедниками еще въ концѣ 1835 г.

Лука Лукичъ Хлоповъ, по объясненію Гоголя, „ничего больше, какъ только напуганный человѣкъ частыми ревизовками и выговорами, неизвѣстно за что“. Но, какъ мы уже видѣли, подобныя жертвы постоянныхъ несправедливыхъ начальническихъ распеканій, хотя не въ окончательно обработанныхъ типахъ, встрѣчаются и въ другихъ произведеніяхъ Гоголя.

Изъ мелочныхъ чертъ сходства между „Ревизоромъ“ и другими произведеніями Гоголя можно указать еще слѣдующее: въ городничемъ и Утѣшительномъ другія дѣйствующія лица поражаются ихъ безстыднымъ притворствомъ. Такъ, при увѣреніи городничаго, что онъ не играетъ въ карты и считаетъ за грѣхъ убивать на это драгоцѣнное время, Лука Лукичъ замѣчаетъ въ сторону: „А у меня, подлецъ, выпонтировалъ вчера сто рублей“. Точно также при словахъ Утѣ-

[1]) „Русскій Архивъ“, 1880, II, 514.

Digitized by Google

шительнаго: „Слышь, Швохневъ, карты, а? Сколько лѣтъ“... Ихаревъ говоритъ про себя: „Да полно тебѣ корчить!“ [1]). Въ изображеніи ужаса присутствующихъ при входѣ жандарма Гоголь уже не въ первый разъ обратилъ вниманіе на изображеніе впечатлѣній цѣлой толпы; уже въ „Тарасѣ Бульбѣ“ онъ имѣлъ въ виду сходную задачу при описаніи казни казаковъ. Люди, подобные Бобчинскому и Добчинскому, находящіеся бо̀льшею частью на заднемъ планѣ, въ довольно сходныхъ чертахъ представлялись Гоголю еще во времена „Миргорода“. Ср. въ „Предувѣдомленіи для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора“: „у однихъ надежда на правосудіе, на избавленіе отъ дурныхъ городничихъ и всякаго рода хапугъ. У другихъ паническій страхъ при видѣ того, что главнѣйшіе сановники и передовые люди общества въ страхѣ. *У прочихъ же, которые смотрятъ на всѣ дѣла міра спокойно, чистя у себя въ носу*, любопытство не безъ нѣкоторой тайной боязни увидѣть, наконецъ, то лицо, которое причинило столько тревогъ и, стало быть, неминуемо должно быть слишкомъ необыкновеннымъ и важнымъ лицомъ“ [2]).

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 236 и 417.

[2]) „Ревизоръ“, изд. Тихонравова, стр. LIV.

Подобные примѣры часто встрѣчаются и въ другихъ произведеніяхъ Гоголя. Такъ, въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, при описаніи общаго изумленія, вызваннаго внезапной ссорой двухъ пріятелей, читаемъ: „Вся группа представляла сильную картину: Иванъ Никифоровичъ, стоявшій посреди комнаты въ полной красотѣ своей, безъ всякаго украшенія! Баба, разинувшая ротъ и выразившая на лицѣ самую безсмысленную, исполненную страха мину! Иванъ Ивановичъ съ поднятою вверхъ рукою, какъ изображались римскіе трибуны! Это была необыкновенная минута, спектакль необыкновенный! И, между тѣмъ, только одинъ былъ зрителемъ: это былъ мальчикъ въ неизмѣримомъ сюртукѣ, который стоялъ довольно покойно и чистилъ пальцемъ свой носъ“. Также въ „Віи“: „Собравшіеся вокругъ философа потупили головы, услышавъ такія слова. Даже небольшой мальчишка, котораго вся дворня считала въ правѣ уполномочивать вмѣсто себя, когда дѣло шло къ тому, чтобы чистить конюшню или таскать воду, даже этотъ бѣдный мальчишка тоже разинулъ ротъ“. Въ „Мертвыхъ Душахъ“: „Смѣются вдвое въ отвѣтъ (на шутку начальника) обступившіе его приближенные чиновники; смѣются отъ души тѣ, которые, впрочемъ, нѣсколько плохо услышали произнесенныя имъ слова, и, наконецъ, стоящій далеко у дверей у самаго выхода, какой-нибудь полицейскій, отъ роду не смѣявшійся во всю жизнь свою и только-что показавшій передъ тѣмъ народу кулакъ, и тотъ, по неизмѣннымъ законамъ отраженія, выражаетъ на лицѣ своемъ какую-то улыбку“ (См. соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 355, 398 и 418).

Digitized by Google

Ср. въ „Тарасѣ Бульбѣ“: „Иные разсуждали съ жаромъ, другіе даже держали пари; *но бо́льшая часть была тѣхъ, которые на весь мі́ръ и на все, что̀ ни случается въ свѣтѣ, смотрятъ ковыряя пальцемъ въ своемъ носу*“.

Но особенно любопытны въ „Ревизорѣ“ не разъ встрѣчающіеся доводы ad hominem, которыми однимъ дѣйствующимъ лицамъ, часто совершенно неожиданно, удается склонить другихъ въ пользу своего мнѣнія. Эти рискованные доводы, при всей своей явной нелѣпости, оказываются вполнѣ убѣдительными для людей съ извѣстными извращенными взглядами и въ извѣстномъ положеніи. Въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ юношескихъ писемъ Гоголь напоминалъ своему бывшему школьному товарищу Высоцкому: „Глупости людскія уже рано сроднили насъ; вмѣстѣ мы осмѣивали ихъ и вмѣстѣ обдумывали планъ будущей нашей жизни“ [1]). И вотъ, не одни только пороки, но и эти съ ранней юности замѣчаемыя „глупости людскія“ являются главнымъ предметомъ комическаго изображенія въ пьесахъ Гоголя. Самый блистательный образецъ тонкаго пониманія подобныхъ „глупостей людскихъ“ можно видѣть въ непостижимомъ съ нормальной точки зрѣнія и вполнѣ естественномъ для Сквозниковъ-Дмухановскихъ волшебномъ дѣйствіи на городничаго словъ, сказанныхъ Добчинскимъ о мнимомъ ревизорѣ: „*Онъ! и денегъ не платитъ и не ѣдетъ!* Кому же быть, какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ“.—„Понимаете-ли вы“,—замѣчаетъ по этому поводу Бѣлинскій,—„хотя въ возможности эту чудную логику, эти резоны, эти доводы? На какихъ законахъ разума основаны они? Вотъ онъ — вотъ источникъ комическаго и смѣшного“. Такой же аргументъ и въ словахъ Осипа, который, будучи не въ силахъ убѣдить своего легкомысленнаго барина доводами разсудка, что послѣднему необходимо скорѣе уѣхать изъ уѣзднаго города, неожиданно достигъ своей цѣли словами: „Такъ бы, право, закатили славно! А лошадей бы важныхъ здѣсь дали!“ [2]) Но нигдѣ въ данномъ отношеніи комизмъ у Гоголя не возвышается до такой поразительной яркости, какъ въ совѣтѣ Кочкарева Агаѳьѣ Тихоновнѣ остановиться въ своемъ выборѣ суженаго

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 44.

[2]) Ср. въ «Мертвыхъ Душахъ» неожиданное дѣйствіе на Коробочку лжи Чичикова о подрядахъ.

Digitized by Google

на Подколесинѣ. На ея вопросъ о преимуществахъ послѣдняго передъ другими женихами Кочкаревъ съ эффектной развязностью принимается убѣждать: „Да вы только посудите, сравните только: это, какъ бы то ни было,—Иванъ Кузьмичъ! А вѣдь то, что̀ ни попало: Иванъ Павловичъ, Никаноръ Ивановичъ, чортъ знаетъ, что́ такое!“ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, эти слова мгновенно оказываютъ самое рѣшительное дѣйствіе на наивную до послѣдней степени дѣвушку [2]).

Въ связи съ указанной чертой необходимо отмѣтить вообще въ пьесахъ Гоголя часто повторяющіеся примѣры рѣшительнаго дѣйствія чужихъ мнѣній на людей, не отличающихся самостоятельностью. Всего ярче и притомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ представлено это въ „Театральномъ Разъѣздѣ“: люди, которымъ въ сущности нравится комедія, не смѣютъ въ этомъ признаться и, прислушиваясь къ толкамъ, по ихъ мнѣнію, авторитетныхъ судей, тотчасъ перемѣняютъ свой взглядъ (таковы: первый офицеръ, господинъ П. и проч. [3]). Въ „Ревизорѣ“ всѣ чиновники въ значительной степени живутъ умомъ городничаго; но, кромѣ того, Бобчинскій и Добчинскій, передавая чужую рѣчь, часто по-своему искажаютъ ея смыслъ и показываютъ неспособность уловить сущность дѣла, вмѣсто которой схватываютъ лишь незначительныя подробности въ разговорѣ. Въ „Женитьбѣ“, въ двухъ послѣднихъ сценахъ перваго дѣйствія, Гоголь живо изобразилъ также неустойчивость мнѣній Подколесина, который, наслушавшись невыгодныхъ отзывовъ о невѣстѣ, тотчасъ же почти дословно повторяетъ ихъ, хотя только-что отъ души восхищался ею [4]). То же повторяется въ толкахъ о Чичиковѣ губернскихъ

---

[1]) Т. II, стр. 384, 385.

[2]) Любопытные примѣры наивностей встрѣчаются также въ словахъ Растаковскаго, спрашивающаго Хлестакова: „Не изволите-ли вы знать: Гвоздевъ Петръ Васильевичъ?—*Хлестаковъ*. „Гвоздевъ? Какой это?“—*Растаковскій*. „Петръ Васильевичъ“. Ср. также въ „Портретѣ“: „Кто этотъ Ноль?“—спросилъ художникъ.—„Мосьё Ноль! Ахъ, какой талантъ!“ Изъ другихъ мелкихъ чертъ, встрѣчающихся въ повѣсти „Портретъ“ и повторенныхъ въ «Ревизорѣ“, можно напомнить отвѣтъ, полученный Чартковымъ на вопросъ о свѣчѣ, весьма сходный съ отвѣтомъ Осипа Хлестакову о табакѣ, и проч.

[3]) Т. II, стр. 434, 495—497, и проч.

[4]) Тамъ-же, стр. 380 и 381. Еще яснѣе это въ первоначальной редакціи, гдѣ Подколесинъ говоритъ о себѣ: „Самъ-то я не знатокъ: никакъ не разберешь, которая выглядитъ, какъ слѣдуетъ“ („Русск. Стар.“, 1874, II, 324).

Digitized by Google

львицъ: „Распустили слухи, что онъ хорошъ, а онъ совсѣмъ нехорошъ, и носъ у него... самый непріятный носъ“ [1]).

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на обзорѣ постепенной переработки текста „Ревизора“, которой Гоголь былъ занятъ въ теченіе 1836—1842 г., такъ какъ подробное объясненіе этого вопроса читатель можетъ найти въ превосходныхъ трудахъ Н. С. Тихонравова. Относительно же такъ называемой „Развязки Ревизора“ рѣчь еще впереди.

---

[1]) Т. III, стр. 181.

Digitized by Google

КОМЕДІЯ „ИГРОКИ“.

Для опредѣленія времени, когда были написаны „Игроки“, при совершенномъ почти отсутствіи какихъ-либо положительныхъ данныхъ, не мѣшаетъ, по нашему мнѣнію, обратить вниманіе на слѣдующія соображенія.

Въ 1833 году Гоголь былъ занятъ двумя пьесами: „Женитьбой“ и „Владиміромъ 3-ей степени“, но и въ слѣдующемъ году имъ не была совершенно окончена ни одна изъ этихъ комедій, хотя какъ тогда, такъ и послѣ авторъ не покидалъ своей работы надъ отдѣлкой уже начатыхъ трудовъ. Такъ продолжалось и до лѣта 1835 г., когда его планы и намѣренія внѣ литературной сферы были крайне неустойчивы, что̀ не могло, въ свою очередь, не отразиться задержкой на дальнѣйшей обработкѣ все еще ожидавшихъ болѣе благопріятной поры произведеній. Въ половинѣ іюня онъ писалъ матери: „Это лѣто я живу въ городѣ и не переѣзжаю на дачу. Если буду къ вамъ, то не раньше августа“ [1]). Но вскорѣ онъ почувствовалъ утомленіе и для поправленія здоровья отправился въ Крымъ, откуда предполагалъ проѣхать на Кавказъ, какъ вдругъ, за недостаткомъ денегъ, вынужденъ былъ направить путь въ родную Васильевку. Во время путешествія Гоголь обдумалъ много новыхъ литературныхъ плановъ. Въ іюлѣ онъ уже изъ деревни писалъ Жуковскому: „Сюжетовъ и плановъ нагромоздилось во время ѣзды ужасное множество, такъ что если бъ не жаркое лѣто, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьевъ; но жаръ вдыхаетъ страшную лѣнь,

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 241.

Digitized by Google

и только десятая доля положена на бумагу и жаждетъ быть прочитанною вамъ“ [1]). Между этими замыслами, кромѣ повѣсти „Шинель“ и другихъ, былъ, безъ сомнѣнія, „Ревизоръ“, мысль о которомъ не оставляла Гоголя, когда на обратномъ пути въ Петербургъ, уже въ концѣ лѣта, онъ заѣхалъ въ Кіевъ къ Максимовичу, а оттуда двинулся черезъ Харьковъ и Москву съ своимъ неизмѣннымъ спутникомъ Данилевскимъ. Между этими замыслами, которыхъ было „множество“, могли быть и „Игроки“. Съ другой стороны, къ нимъ могутъ относиться и слѣдующія строки Гоголя въ одномъ письмѣ къ Пушкину: „Сдѣлайте милость, дайте какой-нибудь сюжетъ, хоть какой-нибудь смѣшной или несмѣшной, но русскій чисто анекдотъ. *Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію.* Если жъ сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что̀ дѣлать тогда съ моими обстоятельствами“ [2]). Такъ какъ въ томъ же письмѣ Гоголь уже говоритъ выше о „Женитьбѣ“ и еще о другой комедіи, которую предполагалъ *поставить на сцену* и какою могъ быть, слѣдовательно, только „Ревизоръ“, и такъ какъ, наконецъ, комедія „Владиміръ 3-ьей степени“ была начата и частью написана гораздо раньше,— то, въ случаѣ осуществленія мысли Гоголя, плодомъ ея могла быть только комедія „Игроки“, если и начатая раньше, то теперь обогащенная новымъ матеріаломъ, тѣмъ болѣе, что она-то именно и была, можетъ быть, основана на анекдотѣ [3]).

Далѣе — издавая въ свѣтъ свои драматическія произведенія въ 1842 г., Гоголь поручилъ Прокоповичу сначала напечатать, какъ болѣе крупныя и законченныя вещи, „Ревизоръ“ и „Женитьбу“, а затѣмъ уже помѣстить остальныя подъ общимъ заглавіемъ: „Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены съ 1832 по 1837 годъ“ [4]), и изъ нихъ выдвинуть, опять вѣроятно въ качествѣ болѣе или менѣе цѣлой пьесы, „Игроки“. Искать здѣсь какихъ-либо намековъ на хронологическую послѣдовательность нѣтъ никакой возможности, потому что

[1]) „Русск. Арх.“, 1871, 4,5, стр. 948. Но непонятно, какимъ образомъ *еще въ маѣ* Гоголь писалъ Прокоповичу изъ Полтавы, будто бы на перепутьѣ на Кавказъ или въ Крымъ. („Русское Слово“, 1859. I, 86).

[2]) „Русскій Архивъ“, 1880, II, стр. 514.

[3]) См. толки публики въ воспоминаніяхъ Аксакова о Гоголѣ: «Игроки»— старинный анекдотъ, да и всѣ разсказы «Игроковъ» извѣстныя происшествія» („Русск. Арх.“, 1890, VIII, 91).

[4]) „Русское Слово“, 1859, I, 120.

Digitized by Google

авторъ, очевидно, вовсе не руководился ею и при расположеніи пьесъ имѣлъ совершенно иныя основанія. Но какъ бы то ни было, въ одномъ мы не имѣемъ никакого повода сомнѣваться, — что общая дата, выставленная на заглавномъ листѣ передъ мелкими драматическими пьесами (отъ 1832 г. по 1837), должна быть вѣрна и что автору не было никакой цѣли прибѣгать въ данномъ случаѣ къ мистификаціи. Допустивъ это, мы тѣмъ самымъ неизбѣжно должны отнести комедію „Игроки“ къ самому концу петербургскаго періода и къ началу заграничной жизни Гоголя. Но послѣдній годъ жизни Гоголя въ Петербургѣ былъ почти всецѣло поглощенъ „Ревизоромъ“, и только сохранившіеся отъ того времени черновые наброски „Игроковъ“ являются доказательствомъ, что пьеса *была начата* въ Петербургѣ, а окончена была, вѣроятно, уже заграницей въ 1837 году [1]). Кромѣ этихъ соображеній, есть еще нѣсколько мелочныхъ; такъ, напр., въ сравненіи Утѣшительнымъ сыра съ квартирмейстеромъ слышится несомнѣнный отголосокъ обычныхъ шутокъ Гоголя съ Щепкинымъ преимущественно во время ихъ свиданій въ Москвѣ въ 1835 г., тогда какъ самая пьеса оставалась совершенно неизвѣстною М. С. Щепкину до конца 1842 г. [2]). Со всѣми остальными пьесами Гоголь его болѣе или менѣе познакомилъ во время личныхъ свиданій до отъѣзда за-границу. Изъ мелкихъ чертъ сходства „Игроковъ“ съ другими произведеніями Гоголя отмѣтимъ только упражненія Ноздрева „въ подбираніи изъ нѣсколькихъ десятковъ дюжинъ картъ одной таліи, но самой мѣткой, на которую можно было бы понадѣяться, какъ на вѣрнѣйшаго друга“ [3]).

---

[1]) См. въ письмѣ Гоголя Прокоповичу: «Посылаемую нынѣ пьесу „Игроки“ насилу собралъ. *Черновые листы такъ были уже давно и неразборчиво написаны,* что дали мнѣ работу страшную разбирать» («Рус. Слово», 1859, I, 120).

[2]) См. соч. Гоголя, т. III, стр. 207 и „Библіотека для Чтенія“, 1864, II, статья Аѳанасьева „М. С. Щепкинъ и его записки“ и „Русскій Архивъ“, 1888, IV, 557, и соч. Гоголя, V, 504. Мы уже не разъ приводили выше подобные случаи включенія Гоголемъ какой-нибудь мѣткой остроты или характернаго выраженія въ его произведенія. Вотъ еще примѣръ, относящійся къ комедіи „Ревизоръ“. Въ своихъ воспоминаніяхъ артистъ Алексѣевъ отмѣчаетъ внесеніе Гоголемъ въ пьесу имени отца Прохорова и словъ: „онъ къ дѣлу не можетъ быть употребленъ“ („Историч. Вѣстн.“, 1892, VI, 681). О внесеніи заключительной фразы въ комедію „Женитьба“ см. выше, стр. 204.

[3]) Т. III, 207.

Digitized by Google

По отъѣздѣ за-границу, Гоголь не прекращалъ своихъ работъ надъ написанными комедіями, но занимался ими только урывками, преимущественно приготовляя ихъ къ печати незадолго передъ отправленіемъ рукописей въ Петербургъ къ Максимовичу. О новыхъ пьесахъ, написанныхъ имъ за-границей, за исключеніемъ одной переводной, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; но достовѣрно, что въ 1839—1840 гг. Гоголь началъ было писать драму изъ малороссійской жизни, временъ казачества. Пьеса эта вскорѣ была уничтожена и ею окончились навсегда труды Гоголя въ этой области.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ стр. 24—27. Приводимъ изъ статьи г. Сумцова перечень народныхъ преданій, имѣющихъ отношеніе къ „Вію“ Гоголя.

1) *Ивановъ*. „Народные разсказы о вѣдьмахъ и упыряхъ“, въ 3 томѣ. „Сборника харьковскаго историко-филологическаго Общества“, 1891 г., стр. 202—204.

2) *Манжура*. Сказки, пословицы и пр. 1890 г.; на стр. 136—137 сказка о чтеніи надъ вѣдьмой псалтыри въ церкви парубкомъ въ теченіе трехъ ночей.

3) Podbereski. Materiały do demonologii ludu ukrainskiego въ „Zbiór wiadomos'ci do antropologii krajowej“.

4) Добровольскій, Смоленскій этнографическій сборникъ, 1891, I, стр. 130.

5) Karłowicz Podania i bajki ludowe, zebranie na Litwie, въ Zbiór wiadomos'ci do antropologii krajowej.

6) Аѳанасьевъ. Народныя русскія сказки, изд. 2, 1873, т. III, № 208.

7) Худяковъ. Великорусскія сказки, 1860 г., 11 ч. № 104.

8) Chełchowski, Powiesci i opowiadania ludowe, 1889, I, стр. 21—28.

9) Kozłowski, lud, piesni, podania, 1869, стр. 350.

10) Kolberg, lud VIII (krakowskie), стр. 138.

11) Kulda, Moravske narodne pohadky a povesti, 1854, стр. 560—574.

12) Mabinogion, trad. en. français par Zoth, въ „Cours de

Digitized by Google

litterature celtique“ par d' Arboie de Subоinville et p. Zoth, 1889 г.

13) Въ „Великомъ Зерцалѣ“ П. В. Владимірова см. пересказъ легенды о томъ, какъ „волшебницу демоны извлекали изъ церкви, въ ней же погребена бысть“, стр. 23.

Изъ всѣхъ приведенныхъ г. Сумцовымъ варіантовъ сказки всего ближе къ гоголевскому „Вію“ подходитъ, повидимому, варіантъ, напечатанный въ 1891 г. Ивановымъ, но для объясненія того, какъ слились два разсказа о старухѣ-вѣдьмѣ и о вѣдьмѣ красавицѣ онъ не даетъ ничего новаго. Въ остальномъ этотъ варіантъ представляетъ лишь подтвержденіе выше изложеннаго. Такъ, подобно тому, какъ дьяку помогаетъ совѣтами баба, такъ здѣсь старуха помогаетъ внучку. Опредѣлить положительно, какимъ именно варіантомъ пользовался Гоголь, пока невозможно, но это едвали имѣетъ особенное значеніе при большомъ сходствѣ варіантовъ.

Въ данномъ же варіантѣ особенно любопытны слѣдующія строки:

„Уже винъ на ней (купцивнѣ) йздывъ, йздывъ, йздывъ и по лисахъ, и по ярахъ, и по буграхъ, то такъ іи выйздывъ, шо зъ ней мыло впало и повернувъ до дому. Прійхавъ до двору до іи,—вона упала коло воритъ и переробылась на дівку и здохла“.

Превращеніе вѣдьмы въ кобылицу въ данномъ варіантѣ нѣсколько отдаляетъ его отъ повѣсти Гоголя, такъ же, какъ и та подробность, что по этому варіанту купецъ (отецъ „купцивны“) приглашаетъ „бабушкина внука“ читать псалтырь, какъ завѣдомаго убійцу его дочери. — Наконецъ въ немъ не выдѣляется вовсе изъ толпы мертвецовъ, преслѣдующихъ „бабушкина внука“, ни одной личности, которая соотвѣтствовала бы вію.

Къ стр. 110. Начало знакомства Гоголя съ Максимовичемъ А. Н. Пыпинъ, на основаніи словъ г. Кулиша, относитъ къ 1829 г. („Вѣстн. Европы“, 1885, VIII, 769); по словамъ г. Барсукова, оно совпало приблизительно со временемъ уничтоженія Гоголемъ экземпляровъ „Ганца Кюхельгартена“, но сдѣланная имъ ссылка на „Біографическій Словарь Московскаго Университета“ по справкѣ оказывается невѣрной („Жизнь и труды Погодина“, т. II, стр. 389).

Къ стр. 238. Свѣдѣніе это заимствуемъ изъ статьи В. П.

Digitized by Google

Гаевскаго („Совр.“, 1852, № 10, смѣсь, стр. 145), въ общей характеристикѣ профессорской дѣятельности Гоголя, совершенно согласной со всѣми другими источниками:

„Какъ преподаватель, Гоголь не имѣлъ большихъ достоинствъ. Сначала онъ горячо принялся за исполненіе обязанностей своего званія; онъ смотрѣлъ на свою обязанность не какъ на средство къ жизни, но какъ на цѣль, какъ на призваніе; онъ хотѣлъ даже совершенно посвятить себя ученому званію, но дѣятельность его, требовавшая другого поприща, ослабѣла; онъ чувствовалъ себя не въ своей сферѣ и долженъ былъ навсегда раздѣлаться съ несвойственнымъ и наскучившимъ ему занятіемъ. Лекціи Гоголя, по словамъ присутствовавшихъ на нихъ, не отличались особеннымъ знаніемъ дѣла или новостью взгляда, но блестящее изложеніе и умѣніе владѣть вниманіемъ слушателей были главными достоинствами молодого адъюнкта. Какого мнѣнія о своихъ лекціяхъ былъ самъ Гоголь,—не знаемъ, но вотъ фактъ, доказывающій, что онъ не слишкомъ довѣрялъ себѣ въ этомъ отношеніи. Говорятъ, что Гоголь просилъ Пушкина и Жуковскаго пріѣхать какъ-нибудь къ нему на лекцію. Оба поэта, очень долго собиравшіеся воспользоваться приглашеніемъ, явились въ университетъ. Поэты нашли полную аудиторію студентовъ, но Гоголя еще не было; они рѣшились его дожидаться, но прождали напрасно, потому что Гоголь вовсе не явился“. Слѣдовательно, Жуковскій и Пушкинъ дважды пріѣзжали въ университетъ для слушанія Гоголя.

Къ стр. 46—47 перваго тома. Дополняемъ указанный г. Пѣтуховымъ пробѣлъ въ цитатахъ. На стр. 46 слова „одинъ суровый критикъ“ и проч. относятся къ г-жѣ Марусѣ К. („Русск. Сцена“, 1865, № 6 и 7, стр. 29 и 35). На стр. 47 приводится другой отзывъ, „гораздо болѣе авторитетный“—П. А. Кулиша („Основа“, 1862, Лютій (февраль), стр. 20—21).

Къ стр. 297, 2-ое примѣч. См. развитіе и доказательство сказаннаго нами въ статьѣ г. Витберга: „Н. В. Гоголь въ 1831 г.“ („Историч. Вѣстникъ“, 1892, VI, 663—667). О посѣщеніи Гоголемъ литературныхъ вечеровъ Дельвига см. статью Гаевскаго „Дельвигъ“ („Современникъ“, 1854, IX, 7—8).

Digitized by Google

Кстати можно отмѣтить, въ дополненіе къ сближеніямъ отдѣльныхъ мѣстъ и выраженій изъ повѣсти „Портретъ“, самое общее сходство письма о Брюловѣ Общества поощренія художниковъ съ газетной статьей о Чертковѣ, указанное г. Стасовымъ („Вѣстникъ Европы“, 1880, I, 117), а къ тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ выражается убѣжденіе Гоголя, что на житейскія непріятности слѣдуетъ смотрѣть съ точки зрѣнія „трынъ-травы“, можно отнести также отрывокъ письма къ Иванову отъ 30 августа 1842 г. („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 493).

Общеизвѣстные факты, касающіеся „Ревизора“, какъ, напр., что піеса была разрѣшена къ представленію и печатанію съ согласія самого императора Николая и что на первомъ представленіи онъ выразилъ свое впечатлѣніе въ восклицаніи: „Ну, пьеска! всѣмъ досталось, а всего болѣе мнѣ самому“, и проч., а равно и всѣ данныя, касающіяся впечатлѣній Гоголя при первомъ представленіи „Ревизора“, читатель найдетъ въ слѣдующемъ томѣ, гдѣ будутъ изложены причины, побудившія Гоголя предпринять новую за-граничную поѣздку.

Digitized by Google

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ Г. ВИТБЕРГА: „Н. В. ГОГОЛЬ И ЕГО НОВЫЙ БІОГРАФЪ".

„Tu l'as voulu, George Dandin!"
Molière [1]).

Мы упомянули въ началѣ книги въ перечнѣ критическихъ статей и замѣтокъ, вызванныхъ первымъ томомъ настоящаго труда, о рецензіи г. Витберга въ „Историческомъ Вѣстникѣ" и о выпущенной имъ отдѣльно брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Н. В. Гоголь и его новый біографъ". Какъ рецензія, такъ и брошюра преисполнены всевозможныхъ мелочныхъ и невѣжественныхъ придирокъ, лучшимъ опроверженіемъ которыхъ послужило бы простое сопоставленіе ихъ съ отзывами другихъ гг. рецензентовъ. Правда, въ нашей печати брошюра г. Витберга не обратила на себя абсолютно никакого вниманія, кромѣ опроверженія въ замѣткѣ „Библіографическихъ Записокъ" (1892, VI); но уже въ виду того, что нельзя ожидать самостоятельной и вѣрной оцѣнки ея отъ лицъ, не получившихъ литературнаго образованія, съ нею все-таки приходится считаться, тѣмъ болѣе, что сущность дѣла въ брошюрѣ основана на искаженіяхъ, передержкахъ и наконецъ просто на грубомъ непониманіи написаннаго, непониманіи, совершенно невѣроятномъ въ человѣкѣ, рѣшающемся выступить съ печатнымъ разборомъ книги. Нѣкоторыя изъ менѣе несостоятельныхъ и притомъ не безусловно мелочныхъ возраженій г. Витберга были уже опровергнуты нами выше,

[1]) Эпиграфъ относится къ вызову, сдѣланному мнѣ г. Витбергомъ въ „Библіографическихъ Запискахъ", 1892, VII.

Digitized by Google

въ самомъ текстѣ книги; но намъ необходимо отразить и остальныя. Чтобы дать въ немногихъ словахъ достаточное понятіе о томъ, съ какимъ возражателемъ мы имѣемъ дѣло въ настоящемъ случаѣ, любопытно указать предварительно слѣдующія курьезныя строки на страницѣ 24 брошюры, гдѣ, по поводу нѣсколькихъ мимоходомъ сказанныхъ нами въ подстрочномъ примѣчаніи словъ объ одномъ изъ довольно неудачныхъ разсужденій г. Витберга, послѣдній выражается такъ: „это опять говоритъ за насъ г. Шенрокъ“, (т. е. за Гоголя и за г. Витберга, при чемъ эти скромныя и исполненныя глубокаго такта и смысла слова „за насъ“ даже внушительно подчеркнуты г. Витбергомъ). Къ сожалѣнію, нашъ уважаемый противникъ не догадался, когда писалъ и подчеркивалъ эти слова, въ какомъ карикатурномъ свѣтѣ онъ выставилъ ими самого себя, отрекомендовавшись передъ своими читателями съ довольно двусмысленной стороны, и не подумалъ, что подобное эффектное приравниваніе себя къ Гоголю можетъ напомнить имъ скорѣе о нѣкоторомъ сходствѣ г. Витберга (если ужъ онъ хочетъ непремѣнно равняться съ знаменитыми или извѣстными людьми) съ Сумароковымъ, который, какъ всѣ знаютъ, не задумывался ставить свое имя рядомъ съ именемъ Вольтера. Не подумалъ г. Витбергъ и о томъ, что, написавъ нѣсколько статей о Гоголѣ, онъ не совсѣмъ скромно и умѣстно упрекаетъ меня въ „широкихъ замыслахъ“, совѣтуя мнѣ ограничиться однимъ *напечатаніемъ найденныхъ мною документовъ*, — тогда какъ самъ онъ, г. Витбергъ, явно разрѣшаетъ себѣ ту самую обработку опубликованныхъ *другими* матеріаловъ, которую хотѣлъ бы запретить мнѣ по отношенію къ тому, что̀ *собрано и найдено мною*. Это, конечно, и основательно и безпристрастно. Въ своей рецензіи, помѣщенной въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, г. Витбергъ также крайне необдуманно упрекаетъ меня въ поразительной, по его словамъ, *скудости* собранныхъ мною матеріаловъ о Гоголѣ, *почти равняющейся будто бы ихъ полному отсутствію въ моемъ трудѣ* [1]). Онъ спѣшитъ съ первыхъ же словъ предупредить читателей, что они жестоко ошибутся, если „*вообразятъ*“ (*просимъ замѣтить это слово!*) „при взглядѣ на довольно объемистую книгу, что *най-*

[1]) Таковъ общій смыслъ его словъ въ самомъ началѣ рецензіи, напечатанной г. Витбергомъ въ „Историч. Вѣстникѣ“, 1892, IV.

Digitized by Google

дутъ въ ней цѣлый томъ новыхъ, нигдѣ не напечатанныхъ и весьма цѣнныхъ документовъ о Гоголѣ". Безпристрастный судья упускаетъ изъ виду, что мой трудъ, предполагавшійся, какъ ему извѣстно, въ объемѣ трехъ томовъ, никакъ не можетъ состоять исключительно изъ сообщенія новыхъ документовъ [1]), и что такое требованіе было бы равносильно требованію клада, что̀ въ наше время, когда чудесъ не бываетъ, не совсѣмъ легко осуществить. Такое суровое сужденіе могло бы быть со стороны г. Витберга законно развѣ въ томъ случаѣ, если бы онъ самъ, какъ извѣстно, также занимающійся Гоголемъ, могъ указать на *собственныя*, достаточно успѣшныя находки, или, ужъ куда ни шло, если бы онъ нашелъ *хоть одинъ, единственный новый документикъ!* Кромѣ того, г. Витбергъ своимъ заявленіемъ выказалъ крайнее неуваженіе къ тѣмъ, смѣю сказать, вполнѣ почтеннымъ изданіямъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ сряду печатались мною новые документы о Гоголѣ, о которыхъ человѣку, пишущему статьи объ авторѣ „Мертвыхъ Душъ" и въ частности „рецензенту" біографическаго труда о немъ, не знать совершенно не извинительно, а не зная о ихъ существованіи, слишкомъ опрометчиво и рискованно утверждать, будто совсѣмъ не найдено мною никакихъ матеріаловъ о Гоголѣ [2]). Притомъ вѣдь г. Витбергъ, будучи снисходителенъ къ себѣ, косвеннымъ образомъ находитъ возможнымъ требовать отъ меня совершенно исключительной удачи, въ родѣ той, какая нѣкогда въ дѣлѣ собиранія былинъ выпала на долю покойныхъ Рыбникова и Гильфердинга. Даже примѣръ г. Кулиша, полагаю, не можетъ служить мнѣ укоромъ, потому именно, что мнѣ пришлось посвятить свой трудъ тому же дѣлу почти сорокъ лѣтъ *спустя*, тогда какъ за весь этотъ промежутокъ времени въ нашей литературѣ *почти безъ перерыва*, тамъ или здѣсь, появлялись новые письма и документы, касающіеся Гоголя. Жалѣю единственно о томъ,

[1]) Да вѣдь на первой же страницѣ я предупреждаю, что бо̀льшую часть книги составляютъ перепечатки моихъ статей въ „Вѣстникѣ Европы" и другихъ журналахъ. И это надо напоминать г. Витбергу!

[2]) Приблизительно г. Витбергъ говоритъ это въ своей рецензіи, хотя не рѣшается дать своимъ намекамъ совершенно опредѣленную форму; во всякомъ случаѣ цѣль его была показать, что матеріаловъ мало собрано. Этимъ замѣчаніемъ мы и ограничились бы; но г. Витбергъ не только выпустилъ свою брошюру, о которой теперь идетъ рѣчь, но и своимъ письмомъ въ редакцію „Библіографическихъ Записокъ" сдѣлалъ намъ вызовъ, на него мы и отвѣчаемъ.

Digitized by Google

что какое-то непонятное для меня чувство яростнаго недоброжелательства помѣшало г. Витбергу отнестись спокойнѣе къ моему труду и внушило ему даже какой-то неблагородный намекъ чуть ли не на шарлатанство съ моей стороны, которое можно будто бы усмотрѣть въ данномъ моей книгѣ заглавіи. Въ противоположность академику К. Н. Бестужеву-Рюмину, находящему наше заглавіе скромнымъ, г. Витбергъ, осуждая въ книгѣ *рѣшительно все*, обрушивается и на самое заглавіе. Правда, г. Витбергъ былъ вынужденъ послѣ нашего отвѣта ему въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1892, V) взять свои слова обратно и заявить, что онъ будто и не думалъ приписывать мнѣ недобросовѣстности, а приписывалъ-де только небрежность; но вѣдь улика-то на лицо: вѣдь уже начальныя строки его неблаговидной рецензіи въ „Историч. Вѣстникѣ“ совершенно ясно показываютъ, что онъ, желая полнаго и безусловнаго неуспѣха нашему труду, не отступилъ и передъ довольно недобросовѣстными заявленіями; такъ, у него хватило духу сказать приведенныя слова въ своей рецензіи: „Если читатель, пріобрѣтая книгу почти въ 400 страницъ, *вообразитъ*“ и проч. Какія же могутъ быть оправданія послѣ этого „*вообразитъ*“*?!* Не показываютъ ли уже одни эти слова, насколько г. Витбергъ способенъ быть справедливымъ и компетентнымъ рецензентомъ моихъ работъ о Гоголѣ.

Зная по опыту, съ какой неохотой нѣкоторые издатели помѣщаютъ у себя самыя законныя и совершенно необходимыя опроверженія напечатанныхъ у нихъ статей, мы въ весьма умѣренномъ тонѣ возражали г. Витбергу въ майской книгѣ „Историческаго Вѣстника“. Вотъ что́ мы тамъ сказали:

„Во-первыхъ, г. рецензентъ отмѣтилъ мнимое противорѣчіе въ двухъ рядомъ стоящихъ предложеніяхъ, гдѣ, непосредственно послѣ замѣчанія о высокомъ мнѣніи Гоголя о себѣ, сказано будто бы о его врожденной скромности. Очень жаль, что, указывая точно страницу, гдѣ допущено такое по истинѣ вопіющее противорѣчіе, г. рецензентъ не заглянулъ въ перечень опечатокъ, гдѣ онъ нашелъ бы указаніе, что слово *скромность* напечатано вмѣсто *скрытность*. Опечатокъ въ книгѣ немного, и онѣ были тщательно провѣрены; но г. рецензентъ случайно нападалъ именно на типографскія погрѣшности: указанная имъ неточность даты на страницѣ 232 представляетъ также опечатку, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ

Digitized by Google

сличенія этого мѣста настоящаго изданія съ предыдущимъ изданіемъ [1]) („Ученическіе годы Гоголя“, Москва, 1887 года, стр. 114). Не могу также признать противорѣчіе въ характеристикѣ отношеній Гоголя къ матери: я считаю искреннимъ только *чувство любви къ ней со стороны Гоголя*, но это нисколько не обязываетъ меня вѣрить *каждому слову* въ его письмахъ, въ чемъ со мною согласились многіе другіе гг. рецензенты, отчасти полагающіе, впрочемъ, вопреки г. Витбергу, что я въ своемъ довѣріи къ Гоголю иду дальше, нежели слѣдовало. Уже существованіе такого разногласія показываетъ спорность сдѣланнаго мнѣ упрека.

Наконецъ, г. рецензентъ возражаетъ противъ отнесенія мною нѣсколькихъ выдержекъ изъ дневника А. О. Смирновой (рожденной Россетъ) къ 1830 году, тогда какъ онъ самъ относитъ ихъ къ 1829—1831 годамъ. Но на страницѣ 324 моей книги, въ 4 примѣчаніи и объяснено именно, что эти выдержки относятся къ указаннымъ тремъ годамъ *обладательницей дневника*, [2]) г-жей О. Н. Смирновой; мною же отнесена къ 1830 году только первая выдержка, и мнѣ непонятно, какимъ образомъ г. Витбергъ нашелъ возможнымъ приписать мнѣ ошибочныя хронологическія указанія объ остальныхъ выдержкахъ, которыя мною не пріурочиваются къ какой-либо строго опредѣленной датѣ (такъ какъ это и *не нужно было* для установленія года знакомства Гоголя съ Смирновой), кромѣ небольшой выдержки на стр. 327, прямо *отнесенной мною къ 1829, а не къ 1830 г.*

Съ однимъ замѣчаніемъ г. Витберга я совершенно согласенъ. Я вполнѣ раздѣляю его недовольство количествомъ собранныхъ мною матеріаловъ о жизни Гоголя и желаніе видѣть въ печати несравненно больше данныхъ, нежели сколько находится въ моей книгѣ. Въ свое оправданіе, позволю себѣ только сказать, что я положилъ на это дѣло, и не безъ нѣкотораго, хотя, быть можетъ, очень скромнаго успѣха много труда, волненій, затратъ и времени, и что находить новыя цѣнныя и любопытныя данныя о Гоголѣ далеко не такая легкая вещь, какъ это можетъ казаться, а, можетъ быть, эти ма-

[1]) Въ послѣднемъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, есть неточность, указанная г. Витбергомъ и нынѣ исправленная.

[2]) Теперь все это скоро окончательно разъяснится, такъ какъ дневникъ будетъ напечатанъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“.

Digitized by Google

теріалы уже почти исчерпаны. Во всякомъ случаѣ, я очень желалъ бы, чтобы другимъ изслѣдователямъ Гоголя посчастливилось доказать на дѣлѣ неосновательность послѣдняго предположенія и обогатить русскую литературу капитальнымъ вкладомъ".

По поводу нашего разъясненія объ опечаткахъ, г. Витбергъ неожиданно заявилъ въ своей брошюрѣ: „Н. В. Гоголь и его новый біографъ", что хотя это и справедливо, но что ему яко бы *„не пришло въ голову* заглянуть въ опечатки", потому де, что вся книга „наполнена неточностями и противорѣчіями". „Мы уже достаточно показали выше, что обыкновенно противорѣчія эти оказываются только мнимыми и основанными единственно на томъ, что г. Витбергу *„не пришло въ голову"* то то, то другое; ниже разберемъ и опровергнемъ и остальныя возраженія. Но какое въ самомъ дѣлѣ прекрасное объясненіе: не догадался, *„не пришло въ голову"* [1]).

На стр. 36 своей брошюры г. Витбергъ между прочимъ указываетъ у меня и *„самое капитальное противорѣчіе"*. Въ чемъ же оно состоитъ? Приведемъ слова нашего единственнаго въ своемъ родѣ аристарха:

„На страницѣ 157 авторъ говоритъ, что Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ, съ извѣстнымъ міросозерцаніемъ и сложившимися взглядами на назначеніе своей жизни и будущей дѣятельности,—міросозерцаніемъ, составлявшимъ, *каково бы ни было его дѣйствительное достоинство*, внутреннее содержаніе юноши. То же самое находимъ и на стр. 170. А на страницѣ 191 уже оказывается, что при неопредѣленномъ и неустановившемся положеніи Гоголя въ Петербургѣ, у него и міросозерцаніе было нѣсколько *смутное*; а далѣе, на стр. 192, говорится о *туманности* нѣкоторыхъ мѣстъ „Исповѣди", явившейся „естественнымъ слѣдствіемъ *туманности самыхъ воззрѣній автора*" [2]) и проч. Ну и что́ же изъ всего этого? Да вѣдь и раньше же было сказано: „*Каково ни было* дѣйствительное

[1]) Въ своихъ возраженіяхъ мнѣ г. Витбергъ *не разъ* употребляетъ это свое излюбленное выраженіе.

[2]) Мы здѣсь позволили себѣ измѣнить курсивъ въ выпискѣ изъ брошюры г. Витберга, ибо всѣ недоразумѣнія выходятъ бо́льшею частью изъ-за того, что г. Витбергъ по недогадливости употребляетъ курсивъ именно тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, и не умѣетъ поставить его тамъ, гдѣ это было бы умѣстно. Мы это же показывали и раньше, въ самомъ текстѣ книги.—Ссылка на 170 стр. невѣрна.

Digitized by Google

достоинство этого міросозерцанія?“ Слѣд. достоинство его было *не особенно высокое. Неужели и это надо разъяснять?!* Все сказанное мною я готовъ повторить и теперь; впрочемъ, вѣдь, все дѣло въ томъ, что г. Витбергу *„не пришло въ голову“*, что *извѣстное* міросозерцаніе совсѣмъ не значитъ *ясное*, и вотъ въ чемъ заключалось *„самое капитальное* противорѣчіе!“ Но что же мнѣ-то дѣлать, если г. Витбергъ такъ затрудняется пониманіемъ самыхъ простыхъ вещей? Неужели изъ-за этой *будто бы уважительной* причины я обязанъ подробно разъяснять такія вещи, которыя, безъ сомнѣнія, покажутся избитыми каждому не вовсе не развитому школьнику. Не въ правѣ ли, напротивъ, я спросить съ своей стороны: гдѣ же наконецъ предѣлъ этой невѣроятной недогадливости г. Витберга?! И кто же здѣсь виноватъ: авторъ ли книги, или *единственный* изъ всѣхъ его рецензентовъ, оказывающійся недогадливымъ, да еще на каждомъ шагу?! А недогадливость и опрометчивость г. Витберга по истинѣ изумительны и безпредѣльны. Позволю себѣ остановиться еще на одномъ примѣрѣ. Въ рецензіи на брошюру г. Витберга, напечатанной въ 6 № „Библіографическихъ Записокъ“ за 1892 г., было совершенно справедливо указано, что г. Витбергъ неправильно понялъ мои слова въ выраженіи: „Плетневъ является въ перепискѣ довѣреннымъ посредникомъ обоихъ писателей“ (Пушкина и Гоголя). „Ясно“—читаемъ мы далѣе въ замѣткѣ „Библіогр. Записокъ“,—„что приведенныя слова имѣли смыслъ: *какъ видно или насколько можно судить по перепискѣ*“. Но г. Витбергъ и такого объясненія не беретъ въ толкъ и въ слѣдующемъ же № „Библіограф. Записокъ“ комично заявляетъ: *„Не буду спорить, правильно или нѣтъ понялъ я слова г. Шенрока“*, (вотъ тебѣ разъ! хорошъ критикъ!) [1] „но, даже имѣя и тотъ смыслъ, какой даетъ имъ г. рецензентъ, они оказываются несогласными съ фактами, ибо вовсе не существуетъ такой переписки, изъ которой бы можно было заключить о посредничествѣ Плетнева между Гоголемъ и Пушкинымъ въ маѣ и вообще лѣтомъ 1831 г., а объ этомъ именно времени и идетъ только рѣчь (?) [2], такъ какъ это *небывалое посредничество* слу-

[1] Г. Витбергу никакъ не „приходитъ въ голову“, что онъ *обязанъ* понимать разбираемое!

[2] Да кто же это сказалъ г. Витбергу? Здѣсь г. Витбергъ умудрился понимать мои слова такъ, какъ ихъ совершенно невозможно понимать.

Digitized by Google

жить для г. Шенрока одним из доказательств того, что Гоголь познакомился съ Пушкинымъ въ маѣ 1831 г.“ Но вотъ что́: г. Витбергъ опять не догадался, въ чемъ дѣло, и почему-то вообразилъ, будто я утверждаю, что существуетъ переписка, „изъ которой можно заключить о посредничествѣ Плетнева между Гоголемъ и Пушкинымъ *въ маѣ и вообще лѣтомъ 1831 г.* (курсивъ г. Витберга). На самомъ же дѣлѣ ни о чемъ подобномъ у меня нѣтъ рѣчи, и сказано буквально слѣдующее: „*Плетневъ, конечно, не замедлилъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы познакомить Пушкина съ Гоголемъ, который и представился именно по пріѣздѣ Пушкина въ Петербургъ; притомъ Плетневъ, остававшійся лѣтомъ въ Петербургѣ*, или, если жившій въ окрестностяхъ его, то развѣ въ другомъ мѣстѣ, напр. Лѣсномъ, гдѣ онъ не разъ проводилъ каникулы,—является въ перепискѣ“ NB. (*вообще въ перепискѣ, а вовсе не именно въ маѣ или лѣтомъ*) „довѣреннымъ посредникомъ“ и проч. [1]).

Какъ же такъ, г. Витбергъ? Гдѣ же у меня сказано, что Плетневъ является посредникомъ „въ перепискѣ Гоголя и Пушкина“ (?) въ маѣ или вообще лѣтомъ 1831 г. [2]) (?!) На стр. 2-ой вы совѣтуете мнѣ „не смотрѣть на читателя, какъ на неразумнаго ребенка, а на дѣлѣ безпрестанно побуждаете поступать противоположнымъ образомъ, ибо кто же можетъ поручиться, что не найдется и еще какой-нибудь иной читатель, который также все перепутаетъ? Впрочемъ, можетъ быть, перестановка въ данномъ примѣрѣ главнаго и придаточнаго предложеній будетъ цѣлесообразнѣе въ слѣдующемъ изданіи и тогда будетъ устраненъ малѣйшій поводъ къ какому бы то ни было недоразумѣнію, если фраза получитъ такой видъ: „Плетневъ, являющійся въ перепискѣ довѣреннымъ посредникомъ обоихъ писателей, оставался лѣтомъ въ Петербургѣ“ и проч. Впрочемъ намъ кажется, что г. Витбергъ въ сущности больше притворяется непонимающимъ, хотя и довольно правдоподобно, такъ какъ въ другихъ его работахъ мы не замѣтили

---

[1]) См. I томъ, стр. 346.—Эту именно страницу цитируетъ и г. Витбергъ, но, очевидно, не понявъ ея смысла, въ чемъ могутъ убѣдиться читатели по самой приведенной выдержкѣ.

[2]) *Никогда ничего подобнаго* я не говорилъ и даже не думалъ, и изумляюсь, откуда все это почерпнулъ г. Витбергъ?! Жаль, что, будучи пунктуаленъ въ цитатахъ, на этотъ разъ онъ обошелся безъ цитаты.

Digitized by Google

такой опрометчивости. Такимъ образомъ, капитальное противорѣчіе послѣ провѣрки является просто плодомъ черезчуръ комическаго недоразумѣнія со стороны г. Витберга.

Прежде чѣмъ перейти къ разъясненію и опроверженію другихъ мнимыхъ противорѣчій въ нашей книгѣ, приведемъ нѣсколько возраженій, сдѣланныхъ г. Витбергу въ „Библіогр. Запискахъ“:

„На стр. 11 г. Витбергъ правильно указываетъ на неточность въ словахъ г. Шенрока: „въ д. Модераха (на Малой Морской), Гоголь оставался все время до отъѣзда за-границу“. Г. Витбергъ справедливо возражаетъ, что въ 1835 г. Гоголь жилъ также на Малой Морской, но въ д. Лепена [1]). Справедливо также замѣчено на стр. 6 объ одномъ письмѣ Гоголя, что оно было написано не по возвращеніи его изъ за-границы, но когда онъ, возвращаясь, остановился на нѣсколько дней въ Любекѣ [2]). Вѣрно также, что на стр. 152, въ передачѣ разсказа А. С. Данилевскаго, слѣдовало бы оговорить въ примѣчаніи, что выраженіе „Гоголь съ Данилевскимъ повидались съ нѣкоторыми товарищами и между прочимъ съ неуспѣвшимъ выѣхать изъ Петербурга же Прокоповичемъ“, не вполнѣ точно, такъ какъ Прокоповичъ кончилъ курсъ годомъ позднѣе—подробность, которую А. С. Данилевскій могъ позабыть [3]).

Съ другой стороны, г. Витбергъ ошибается, считая сомнительной любовь Данилевскаго къ Э. А. Шанъ-Гирей на ос-

---

[1]) Быть можетъ даже, это былъ одинъ и тотъ же домъ, принадлежавшій сперва одному, а потомъ другому хозяину; можетъ быть также, Гоголь изъ одного дома переѣхалъ въ сосѣдній. Впрочемъ, кромѣ указываемыхъ г. Витбергомъ адресовъ Гоголя, на одномъ письмѣ Данилевскому, читаемъ еще: Офицерская, д. Брунста („Вѣстн. Евр.“, 1890, I, стр. 96); но, быть можетъ, нѣкоторые адресы были и временные. Сестры Гоголя также говорятъ о его переѣздахъ съ одной квартиры на другую. Во всякомъ случаѣ, покойный А. С. Данилевскій могъ смѣшать эти неважныя подробности, а разъяснить ихъ всего удобнѣе было бы г. Витбергу, живущему въ Петербургѣ и интересующемуся даннымъ вопросомъ; мы же отъ этого отказываемся. *В. Ш.*

[2]) Здѣсь въ рецензіи „Библіогр. Записокъ“ оказалась неточность, указанная потомъ г. Витбергомъ, но общій характеръ мелочной критики его отмѣченъ вѣрно. *В. Ш.*

[3]) Впрочемъ, та же неточность повторяется и въ недавнемъ сообщеніи г. Шевлякова въ „Историч. Вѣстникѣ“ (1892, XII) со словъ Любича-Романовича. Но, конечно, это вполнѣ дѣльное и, кажется, единственно дѣльное указаніе г. Витберга. *В. Ш.*

Digitized by Google

нованіи слѣдующаго соображенія: „Сколько же ей лѣтъ было въ 1841 г., если она уже десять лѣтъ назадъ кружила голову такимъ красавцамъ, какъ А. С. Данилевскій?“ Изъ статьи „Русскіе писатели и писательницы, умершіе въ 1891 г.“ [1]) можно видѣть, что Э. А. Клингенбергъ (впослѣдствіи Шанъ-Гирей) родилась въ 1815 г., *слѣд. въ 1831 г. ей было уже 16 лѣтъ, а въ 1841 — 26, и, конечно, она могла блистать въ продолженіе десятилѣтняго промежутка времени* [2]). Нельзя также согласиться со многими хронологическими поправками г. Витберга. Такъ онъ говоритъ: „подъ 1830 г. въ дневникѣ Смирновой разсказывается о первомъ посѣщеніи ея Гоголемъ, приведеннымъ къ ней Жуковскимъ и Пушкинымъ“. Цитируется страница, гдѣ сказано: „Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько страницъ о событіяхъ послѣ революціи 1830 г., потомъ снова любопытное мѣсто о Гоголѣ“ и проч. Отъ предыдущаго отрывка все это отдѣлено не только чертой, показывающей наглядно, что рѣчь касается уже другого предмета, но и цѣлымъ объяснительнымъ замѣчаніемъ, которое первыми же строками ясно показываетъ, что хронологическія соображенія, относящія первую выписку изъ дневника къ 1830 г., окончены; а далѣе, на стр. 345, знакомство Гоголя съ Пушкинымъ ясно отнесено къ маю 1831 г., а не къ 1830 г. Также невѣрно указано, что на стр. 324 „Смирнова разсказываетъ, будто въ томъ же 1830 (?!) г. Жуковскій говорилъ съ ней о Гоголѣ: на цитируемой страницѣ нѣтъ никакого пріуроченія выдержки именно къ 1830 г. На стр. 346 г. Витбергъ неправильно понимаетъ смыслъ предложенія: „Плетневъ является въ перепискѣ довѣреннымъ посредникомъ обоихъ писателей“, спрашивая: „о какомъ посредничествѣ Плетнева въ перепискѣ Гоголя съ Пушкинымъ говоритъ г. Шенрокъ?“ Ясно, однако, что приведенныя слова имѣли смыслъ: *какъ видно или насколько можно судить по перепискѣ*. Затѣмъ г. Витбергъ, по нашему мнѣнію, находитъ мнимыя противорѣчія въ характеристикѣ отношеній Гоголя къ матери у г. Шенрока, такъ какъ искренняя любовь къ матери и сравнительная откровенность съ ней не мѣшали Гоголю, подъ вліяніемъ созна-

---

[1]) „Библіографич. Записки“, 1892, I, стр. 38 и „Новое Время“, 1891, № 5636. Маленькій фельетонъ. Нѣчто о Лермонтовѣ. Ст. Ив. Захарьина.

[2]) Странно въ самомъ дѣлѣ, что г. Витбергъ и этого не сообразилъ! *В. Ш.*

Digitized by Google

ваемой имъ вины во время его первой поѣздки за-границу, стараться представить дѣло болѣе извинительнымъ для него образомъ. Вообще, какъ намъ кажется, трудно требовать безусловнаго категорическаго признанія искренности или неискренности всѣхъ поступковъ и словъ Гоголя. Также напрасно г. Витбергъ находитъ противорѣчія въ выраженіяхъ: „Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ съ извѣстнымъ міросозерцаніемъ“ и „міросозерцаніе у Гоголя было нѣсколько смутное“: вѣдь извѣстное міросозерцаніе совсѣмъ не значитъ ясное. Далѣе, если г. Шенрокъ находитъ не разъясненнымъ и преувеличеннымъ у г. Кулиша различіе между нравственнымъ состояніемъ Гоголя въ Нѣжинѣ и въ Петербургѣ, не соглашаясь признать отсутствіе какихъ-либо точекъ соприкосновенія между двумя послѣдовательными періодами жизни Гоголя, то это еще никакъ не можетъ обязать его не замѣчать въ разсматриваемое время ровно никакой перемѣны въ характерѣ Гоголя.

На стр. 8—9 г. Витбергъ упрекаетъ г. Шенрока за то, что онъ пытается „установить приблизительно, что интересъ къ труду надъ „Вечерами“ возникъ у Гоголя въ апрѣлѣ 1829 г., постепенно возрасталъ до поѣздки за-границу и затѣмъ на время значительно ослабѣваетъ“. Но о томъ, что Гоголь собиралъ матеріалы для „Вечеровъ“ уже въ апрѣлѣ 1829 г., можно видѣть изъ письма отъ 30 апрѣля, гдѣ онъ проситъ прислать описаніе малороссійскихъ обычаевъ, костюмовъ и проч.; а что Гоголю во время заграничной поѣздки было не до литературнаго труда [1]), ясно само собой, подтверждается содержаніемъ относящихся къ этому времени писемъ и особенно отсутствіемъ въ нихъ прежнихъ упоминаній и просьбъ о матеріалахъ, которые ему доставляли между прочимъ изъ дому его родные».

Къ этимъ вполнѣ вѣрнымъ замѣчаніямъ, какъ не исчерпывающимъ все-таки всѣхъ пунктовъ, о которыхъ говоритъ г. Витбергъ, прибавимъ нѣсколько словъ. На стр. 5 г. Витбергъ упрекаетъ меня въ томъ, что я „не только не собралъ

[1]) Да это же говоритъ и г. Витбергъ въ статьѣ: „Н. В. Гоголь въ 1831 г.“: „тревожная жизнь ничѣмъ не обезпеченнаго человѣка (въ 1829 г.), безъ всякихъ служебныхъ и литературныхъ связей, *конечно*, мало благопріятствовала свободному и спокойному художественному творчеству“. („Истор. Вѣстн.“, 1892, V, 670). Новая очевидная придирка. *В. Ш.*

Digitized by Google

всего извѣстнаго матеріала о Гоголѣ, но не воспользовался, какъ слѣдуетъ, и тѣмъ, на который ссылаюсь въ своей книгѣ". На это замѣчу, что, во-первыхъ, г. Витбергъ ограничивается голословнымъ заявленіемъ о неполнотѣ собраннаго мною матеріала, и во-вторыхъ, что исполнить такую обширную задачу не такъ легко, какъ легко этого требовать; главное же, что я и самъ не сомнѣваюсь, что послѣ моего труда могутъ оказаться нѣкоторые пробѣлы, иначе я и не назвалъ бы свой трудъ „Матеріалами". Слѣдовательно, все это, очевидно, *самыя пустыя придирки*, съ какой стороны на нихъ ни смотрѣть. Во-вторыхъ замѣтимъ, что пробѣлъ о свѣдѣніяхъ, касающихся поступленія Гоголя на службу, указанный на стр. 6—7, теперь уже пополненъ нами во второмъ томѣ. Затѣмъ на стр. 9—11 мы находимъ цѣлый рядъ самыхъ безцеремонныхъ передержекъ, или же самаго невѣроятнаго непониманія; такъ, тамъ замѣчено, будто подъ 1830 г. (?!) [1]) въ дневникѣ Смирновой разсказано о первомъ посѣщеніи ея Гоголемъ, при чемъ г. Витбергъ цитируетъ въ подтвержденіе своихъ словъ страницу 323 моей книги, гдѣ—просимъ замѣтить это—1830 г. *ни разу даже не упоминается*, а говорится тамъ напротивъ о событіяхъ, происходившихъ *послѣ* 1830 г., *что ясно изъ конца предыдущей страницы*. Такое извращеніе смысла всего приведеннаго мѣста и такая неудачная цитата по истинѣ изумительны. Далѣе, въ брошюрѣ замѣчено, что „Смирнова разсказываетъ, будто въ *томъ же 1830 г.* (?!) [2]) Жуковскій говорилъ съ ней о Гоголѣ", но изъ моей книги нигдѣ не видно, что этотъ фактъ относится Смирновою именно къ 1830 г.; перепутать же и не понять можно положительно что́ угодно, и ни одинъ авторъ не можетъ имѣть противъ этого гарантіи. Совершенно не понятно, откуда беретъ все это г. Витбергъ! Послѣ этого всѣ обличительныя замѣчанія о томъ, будто я „не твердъ въ гоголевской хронологіи" и что вышла путаница, въ которой я „запутался въ хронологическихъ показаніяхъ А. О. Смирновой", падаютъ сами собой, являясь или потѣшнымъ плодомъ непониманія, или же безсовѣстной выдумкой, разсчитанной на то, что едва ли-де кто потрудится все это провѣрять! [3])

---

[1]) Неправда: этого *вовсе не сказано!*

[2]) *И это также придумано авторомъ брошюры (или же не понято имъ).*

[3]) Настоящей причиной всѣхъ этихъ придирокъ было, кажется, несогла-

Digitized by Google

На стр. 11, г. Витбергъ, возражая мнѣ, весьма тонко и замѣчательно глубокомысленно изумляется: „какимъ образомъ май оказался лѣтнимъ мѣсяцемъ—непонятно“. Но вотъ что́ странно: въ своемъ возраженіи мнѣ въ „Библіогр. Запискахъ“ (1892, VII) онъ самъ называетъ май лѣтнимъ мѣсяцемъ. Конечно, послѣднее я указываю лишь въ шутку, вполнѣ сознавая основательность названнаго выше возраженія и принося повинную: май въ самомъ дѣлѣ весенній мѣсяцъ по календарю; г. Витбергъ на этотъ разъ правъ.

На стр. 12 мой почтенный возражатель утверждаетъ, что Плетневъ не могъ видѣться въ Петербургѣ съ Гоголемъ и Пушкинымъ лѣтомъ 1831 г., на томъ основаніи, что онъ писалъ 19 іюля, что слишкомъ мѣсяцъ не былъ въ Петербургѣ; но что́ же изъ этого? да вѣдь въ маѣ-то и въ началѣ іюня онъ былъ же тамъ! Это ужъ совсѣмъ, какъ говорится, изъ рукъ вонъ.

На стр. 14 г. Витбергъ обрушивается на меня за слова о Гоголѣ, что онъ не любилъ воспитавшую его школу, „тогда какъ тутъ же, въ примѣчаніи, я указываю на письмо его къ Н. Д. Бѣлозерскому, свидѣтельствующее какъ-разъ о противоположномъ“. Но указываемое здѣсь мнимое противорѣчіе какъ нельзя проще объясняется психологически: будучи школьникомъ, Гоголь тяготился лицеемъ и не долюбливалъ

сіе напечатаннаго мною отрывка изъ дневника А. О. Смирновой съ шаткими предположеніями г. Витберга, на основаніи которыхъ была построена статья его „Н. В. Гоголь въ 1831 г.“, напечатанная въ іюньской книгѣ „Историч. Вѣстника“ за 1892 г. Въ этой статьѣ г. Витбергъ съ помощью многочисленныхъ гипотезъ опредѣляетъ время знакомства Гоголя съ Пушкинымъ, относя его къ 17—27 числамъ іюня 1831 г., тогда какъ изъ напечатаннаго мною отрывка дневника Смирновой (см. I т., стр. 323) ясно, что это знакомство состоялось *не въ Царскомъ Сел и не въ іюн, а въ Петербург и гораздо ранше іюля*. Этимъ объясняется, думаю, вообще раздраженіе г. Витберга противъ моей книги, но это напрасно, потому что статья г. Витберга составлена добросовѣстно, хотя и *опрометчиво*. (На стр. 18 г. Витбергъ также напрасно выражаетъ обиду на то, что я не придалъ значенія его догадкѣ о литературныхъ отношеніяхъ Гоголя къ Свиньину, основанной также на сплошныхъ гипотезахъ). Всѣ нападки на неточности хронологіи въ дневникѣ Смирновой были преждевременны; теперь же этотъ дневникъ вскорѣ будетъ напечатанъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Какъ видно изъ словъ О. Н. Смирновой („Сѣверн. Вѣстн.“, 1893, февраль) точной хронологіи въ дневникѣ А. О. Смирновой нѣтъ, но факты говорятъ сами за себя и отрывки, помѣщенные у меня въ I томѣ, все же ясно опровергаютъ какъ г. Витберга, такъ и г-жу Черницкую.

Digitized by Google

его, впослѣдствіи же это чувство съ годами смягчилось и улеглось или даже и совсѣмъ исчезло. Такіе примѣры встрѣчаются въ жизни сплошь и рядомъ и удивляться этому, разумѣется, вовсе нечего. Впрочемъ, далѣе на стр. 15, г. Витбергъ самъ признаетъ эту нелюбовь Гоголя къ школѣ, говоря, что въ неблагопріятномъ впечатлѣніи, какое она произвела на лучшихъ изъ учениковъ заключается источникъ того недовольства, той „нелюбви“ къ школѣ,—которую авторъ указываетъ въ Гоголѣ. И такъ все дѣло было въ придиркѣ.

На стр. 16 г. Витбергъ, упрекая меня въ бездоказательности того, что Гоголю во время заграничной поѣздки некогда было сосредоточиться на обработкѣ своихъ произведеній (см. „Н. В. Гоголь и его новый біографъ“, стр. 16), пишетъ: „весьма возможно, что мысль о „чужихъ краяхъ“, явившаяся въ Петербургѣ у товарища Гоголя Высоцкаго и съ такимъ увлеченіемъ воспринятая Гоголемъ, находится въ связи съ этимъ впечатлѣніемъ“ (отъ нѣжинской исторіи). На это мы должны сказать, что еще болѣе возможно, что мысль о „чужихъ краяхъ“ *совсѣмъ* не находилась въ связи съ нѣжинской исторіей, и что возражать слѣдуетъ на основаніи *фактовъ*, *а не наобумъ*. Прибавлю еще, что покойный А. С. Данилевскій, другъ и постоянный спутникъ въ путешествіяхъ Гоголя до сороковыхъ годовъ, ничего подобнаго догадкѣ г. Витберга мнѣ не сообщалъ, и если г. Витбергъ безъ всякаго основанія не довѣряетъ словамъ Данилевскаго, то еще менѣе можно довѣрять мутнымъ призракамъ его собственнаго воображенія [1]).

На стр. 18 г. Витбергъ находитъ невѣрными мои слова, что Гоголь сдѣлалъ гораздо меньше того, къ чему былъ призванъ, и притомъ сдѣлалъ это въ значительной мѣрѣ благодаря Бѣлинскому, сумѣвшему взростить брошенныя имъ сѣмена и дать имъ новую жизнь“. Г. Витбергъ возражаетъ: „Что Бѣлинскій взростилъ брошенныя Гоголемъ сѣмена, это

---

1) Г. Витбергъ вообще преувеличиваетъ на основаніи *апріорныхъ* соображеній нравственное участіе Гоголя въ нѣжинской исторіи, такъ какъ ни Данилевскій, ни Любичъ Романовичъ („Историч. Вѣсти.“, 1892, XII) и вообще никто изъ товарищей Гоголя не даетъ на это никакихъ указаній. Вообще г. Витбергъ часто забываетъ, что въ школѣ Гоголь вовсе не былъ такимъ развитымъ, какъ онъ хочетъ это доказать; ссылаюсь опять на Данилевскаго, Романовича и проч. и проч.

Digitized by Google

до нѣкоторой степени вѣрно; но это вовсе не относится къ литературной дѣятельности самого Гоголя. Это важно для исторіи развитія художественнаго пониманія въ русскомъ обществѣ, передъ которымъ Бѣлинскій, дѣйствительно, явился истолкователемъ гоголевскихъ созданій. Тѣмъ не менѣе это еще не даетъ намъ права говорить о вліяніи Бѣлинскаго на самого Гоголя и *на характеръ и содержаніе его поэтическаго творчества*". На это отвѣтимъ, что г. Витбергъ возражаетъ въ концѣ своей тирады лишь на собственное невѣрное пониманіе моихъ словъ. На стр. 19—20 г. Витбергъ отрицаетъ, что письма Гоголя 1829—1830 г. проникнуты мистическими размышленіями о своей участи, о дѣйствіи Промысла и проч. Противъ слова „*мистически*" г. Витбергъ совершенно неумѣстно ставитъ знаки вопроса и восклицанія, которые доказываютъ только смутное пониманіемъ дѣла, ибо нѣкоторыя размышленія Гоголя ужъ тогда были въ самомъ дѣлѣ мистическія.

На стр. 20 г. Витбергъ придирается къ одному ничтожному стилистическому недосмотру, выхваченному изъ „объемистой", по его же выраженію, моей книги, тогда какъ самъ онъ въ своей не „объемистой" брошюрѣ *на первой же страницѣ* и *въ первыхъ же строкахъ* выражается положительно безграмотно: „указавъ на главнѣйшія погрѣшности въ этой книгѣ", говоритъ г. Витбергъ,—„я заявилъ, что въ *виду этого*" [ихъ?] (чего же этого?! того, что г. Витбергъ указалъ какія-то погрѣшности?), „ее слѣдуетъ подвергнуть болѣе подробному и обстоятельному разсмотрѣнію" и проч. Также въ *первыхъ строкахъ* одной маленькой статейки онъ даетъ блестящіе образцы своего „витберговскаго слога": *появившіеся* четыре года тому назадъ „Очерки" г. Морозова, „*превратившіеся*" и прочее. И этотъ г. Витбергъ толкуетъ о стилѣ!

На стр. 21—22 мнѣ сдѣланъ упрекъ, что я сказалъ: „Не слыхавъ, вѣроятно, о происхожденіи своей фамильной прибавки, Гоголь впослѣдствіи отбросилъ ее, говоря, что онъ не знаетъ, откуда она взялась, что ее поляки выдумали".—Какъ

---

[1]) „Русск. Стар.", 1892, XII, 596. Но вотъ еще образецъ стиля и глубокомыслія г. Витберга: „Что̀ касается до явленій не идеализируемыхъ, но (?!) это такія, которыя можно назвать отрицательными, въ которыхъ нѣтъ абсолютной сущности, или, иначе говоря, которыя произошли отъ отсутствія сущности абсолютной и существованіемъ своимъ свидѣтельствуютъ объ этомъ отсутствіи". („Русское Обозрѣніе", 1892, XII, 739—740).

Digitized by Google

же не знаетъ“,— неудачно пускается разсуждать г. Витбергъ, „когда самъ же говоритъ, что поляки ее выдумали“. Пожалуй, въ нашихъ словахъ и есть здѣсь вначалѣ не большая неточность, которую теперь же мы исправляемъ ниже въ опечаткахъ: Гоголь не сказалъ именно, что не знаетъ происхожденія своей прибавочной фамиліи (см. „Современникъ“, 1854, III, 86); но, конечно, ничѣмъ не можетъ быть доказано, что Гоголю была *извѣстна дѣйствительно его родословная*, слѣдовательно, полусерьезное выраженіе: „ее поляки выдумали“ можетъ означать скорѣе, если не догадку, то простую шутку со стороны Гоголя. Послѣднее кажется намъ вѣроятнѣе. Во всякомъ случаѣ это дѣло по меньшей мѣрѣ спорное.

На стр. 33 г. Витбергъ упрекаетъ меня въ томъ, что изъ моихъ словъ о школьномъ періодѣ жизни Гоголя вытекаетъ такое заключеніе: „Гоголь самый даровитый изъ всѣхъ тогдашнихъ учениковъ Нѣжинской гимназіи, почти ничего не усвоивъ изъ гимназическаго курса, обязанъ въ своемъ развитіи бесѣдамъ съ немногими избранными товарищами, которые всѣ были ниже его по дарованію“. На этотъ разъ г. Витбергъ уже понялъ мои слова, но не догадался, что даровитый человѣкъ можетъ уступать въ развитіи менѣе даровитому.

На стр. 35 г. Витбергъ усматриваетъ небывалое противорѣчіе въ слѣдующихъ словахъ моихъ (на стр. 154): „жизнь въ Петербургѣ произвела значительную перемѣну въ характерѣ Гоголя“—и на слѣдующей страницѣ, что мнѣніе г. Кулиша о той же перемѣнѣ „нѣсколько грѣшитъ *односторонностью*, такъ какъ именно представляетъ *не совсѣмъ точное* обобщеніе, сдѣланное на основаніи однихъ внѣшнихъ признаковъ“. Но какое же тутъ опять противорѣчіе? Развѣ не ясно, что я говорю только, что г. Кулишъ судитъ *односторонне*, а вѣдь это еще вовсе не значитъ не вѣрно. Снова спрашиваемъ: какъ же надо писать, чтобы г. Витбергу были доступны всѣ эти, повидимому, столь не сложные оттѣнки мысли.

На стр. 36 г. Витбергъ, какъ мы уже говорили выше, придирается къ показавшимся ему противорѣчивыми замѣчаніямъ моимъ о міровоззрѣніи Гоголя; но тамъ онъ замѣтилъ по крайней мѣрѣ неоговоренную въ опечаткахъ неточность выраженія: „въ позднѣйшую пору своей дѣятельности, Гоголь опредѣленно выразилъ взглядъ на задачу всей своей жизни,

Digitized by Google

къ которой *смутно* стремился чуть не съ дѣтства, но которую болѣе *сознательно* уяснить себѣ былъ въ силахъ лишь значительно позднѣе". По недосмотру на стр. 3 нашего труда остался неисправленнымъ при перепечаткѣ изъ книги „Ученическіе годы Гоголя" пропускъ слова „болѣе".

Наконецъ, ниже, на той же страницѣ, приведены слѣдующія выдержки изъ моего труда: „задача будущей полной біографіи должна заключаться въ опредѣленіи того, что̀ можетъ быть выдѣлено и принято изъ показаній Гоголя въ его „Авторской Исповѣди" за достовѣрное, что̀ было имъ дѣйствительно сознаваемо и правдиво передано, и что̀ явилось подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ мнѣній и нападокъ" и проч. „На стр. 221", говоритъ г. Витбергъ,—«находимъ какъ разъ обратное. Приводя нѣсколько строкъ изъ «Авторской Исповѣди», авторъ говоритъ по ихъ поводу: «Эти слова, вышедшія изъ устъ писателя въ такую минуту, когда онъ всего менѣе былъ расположенъ къ притворству, высказывая съ горечью то, что̀ давно уже наболѣло на сердцѣ и было плодомъ давняго убѣжденія, *заслуживаютъ вниманія*" и проч. Но тутъ нѣтъ противорѣчія: *стоитъ только поставить курсивъ тамъ, гдѣ онъ долженъ быть, а не тамъ, гдѣ ставитъ его г. Витбергъ, и все будетъ какъ нельзя болѣе ясно*. Самъ же г. Витбергъ приводитъ слѣдующія мои строки послѣ слова нападокъ (въ предыдущей цитатѣ): „нападокъ, посыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ и *заставившихъ* его во многихъ отношеніяхъ посмотрѣть на себя и на свое прошедшее иначе, нежели онъ смотрѣлъ бы независимо отъ этой причины". Вотъ въ этомъ и дѣло: нападки *заставили* Гоголя *во многихъ* (но опять *не во всѣхъ*) отношеніяхъ взглянуть на себя и свое прошлое иначе. Именно поэтому и надо стараться выдѣлить достовѣрное отъ недостовѣрнаго, и притомъ недостовѣрнаго *не въ силу завѣдомаго обмана, а невольной* перемѣны взглядовъ, что̀ нисколько не мѣшаетъ признанію его искренности въ той же „Авторской Исповѣди".

Мы нарочно не оставили безъ отвѣта ни единаго изъ возраженій г. Витберга, чтобы не было никакого повода думать, будто мы замалчиваемъ изъ нихъ болѣе вѣскія; но, конечно, опровергнуть нельзя было въ нѣсколькихъ строкахъ (тѣмъ болѣе, что вездѣ почти приходится дѣлать выписки для того, чтобы разъяснить искаженія). Въ этомъ невольномъ нашемъ грѣхѣ и просимъ извиненія у читателей.

Digitized by Google

Итакъ, главной, бросающейся въ глаза особенностью критики моего труда у г. Витберга является упорное желаніе во что бы то ни стало навязать мнѣ несуществующія противорѣчія, вслѣдствіе чего весьма возможно, что и въ предлагаемомъ томѣ онъ будетъ, при помощи всевозможныхъ натяжекъ, отыскивать ихъ и даже, быть можетъ, выпуститъ еще брошюру подъ заглавіемъ: „Н. В. Гоголь и второй томъ его новой біографіи“. Въ виду того, что продолженіе полемики только портило бы страницы нашего труда, заявляемъ теперь же, что мы не считаемъ ее впредь для себя обязательной, въ особенности въ случаѣ повторенія подобнаго же непониманія, соединеннаго съ несокрушимой самоувѣренностью, которая поневолѣ заставляетъ насъ безъ особой деликатности указывать г. Витбергу его комическіе промахи. Быть можетъ, и въ предлагаемомъ томѣ г. Витбергъ осудитъ противорѣчіе, состоящее въ томъ, что на стр. 154-й, согласно имѣющимся въ литературѣ даннымъ, я говорю, что у Жуковскаго литературные вечера были по субботамъ, а на стр. 203 привожу безъ оговорокъ показаніе покойнаго графа Соллогуба о томъ, что собранія эти происходили по пятницамъ. Не имѣя времени и данныхъ для устраненія этого ничтожнаго противорѣчія, предоставляю любознательности г. Витберга доискаться, ошибся ли Соллогубъ, въ противность всѣмъ другимъ свѣдѣніямъ, называя по памяти пріемнымъ днемъ Жуковскаго пятницу, или же вечера у Жуковскаго бывали сначала по пятницамъ, а позднѣе по субботамъ, или же, можетъ, наоборотъ. Можетъ быть также, г. Витбергъ, не обративъ вниманія на наши разъясненія, что Гоголь постепенно пріобрѣталъ въ Петербургѣ житейскую опытность, выпишетъ, въ качествѣ противорѣчивыхъ, такія выраженія въ нашей книгѣ, какъ: „Гоголь не могъ сначала даже установить необходимый масштабъ своихъ расходовъ и въ самомъ перечисленіи неизбѣжныхъ тратъ указываетъ многое, противъ чего можно было бы возразить“ (стр. 9), и замѣчаніе на стр. 20 о томъ, что, послѣ уже пріобрѣтенія извѣстной степени опытности, „траты его были умѣренныя“. Между обоими этими замѣчаніями есть еще третье, на стр. 15, гдѣ сказано, что „Гоголь *постепенно* научился отказывать себѣ въ томъ, что̀ казалось ему заманчивымъ и необходимымъ“. Также г. Витбергъ, прочитавъ на стр. 51 слѣдующія слова: „Гоголь въ кружкѣ нѣжинцевъ

Digitized by Google

являлся истинно добрымъ товарищемъ", усмотритъ въ нихъ, быть можетъ, „*капитальное противорѣчіе*" съ моимъ возраженіемъ его утвержденію, будто „характеръ Гоголя былъ *вполнѣ открытымъ и вполнѣ искреннимъ*". Но нельзя же, во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній, объяснять на каждой страницѣ самыя элементарныя вещи, что напр. открытымъ можно назвать человѣка, котораго искренность является вообще господствующей чертой характера въ его сношеніяхъ съ людьми, или что самый скрытный человѣкъ иногда и при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть *сравнительно* откровеннымъ.

Прибавлю еще, что г. Витбергъ напрасно принялъ на свой счетъ мое замѣчаніе, что не слѣдуетъ, касаясь интимной жизни писателя, „переходить отъ разъясненія къ суду". Онъ могъ бы, справившись, убѣдиться, что слова эти перепечатаны изъ моего возраженія г-жѣ Бѣлозерской [1]) въ „Историческомъ Вѣстникѣ", 1889, II, стр. 386, когда я совсѣмъ ничего не зналъ о г. Витбергѣ: такимъ образомъ и здѣсь онъ выказалъ проницательность, достойную гоголевскаго Аммоса Ѳедоровича [2]).

Отмѣчу въ заключеніе не малый курьезъ: въ „Русской Жизни" (1891, № 39) г. Витбергъ хотѣлъ навязать мнѣ несуществующія противорѣчія относительно датъ, опредѣляющихъ начало знакомства Гоголя съ Пушкинымъ, о чемъ я съ удивленіемъ упомянулъ въ 3-ьемъ примѣчаніи на стр. 345 перваго тома. Замѣчаніе мое г. Витбергъ оставилъ безъ отвѣта; но въ статьѣ своей: „Н. В. Гоголь въ 1831 г." онъ отмѣчаетъ слова мои, *показавшіяся ему противорѣчивыми, уже какъ тождественныя*, ссылаясь рядомъ на тѣ же самыя страницы, между которыми прежде усматривалъ противорѣчіе. (Ср. „Русская Жизнь", 1891, № 39 и „Историч. Вѣстникъ", 1892, VI, 671 примѣч.). Не есть ли это явное доказательство *одного только желанія придираться во что бы то ни стало?!*

---

[1]) Вполнѣ уважаемой мною, но сдѣлавшей ошибку въ оцѣнкѣ Гоголя въ статьѣ: „М. И. Гоголь".

[2]) Я оставляю безъ возраженія единственно разсужденія г. Витберга о двухъ-трехъ выдержкахъ изъ его статьи, такъ какъ значеніе этихъ выдержекъ черезчуръ преувеличено имъ, такъ что вмѣсто спора удобнѣе просто выразить сожалѣніе, что ихъ поздно теперь исключить изъ книги.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ.

Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
X	5 снизу	такое	также
20	9 сверху	умѣренные	уже умѣренные
39	16 »	поставленномъ	поставленнымъ
55	21 »	*послѣ словъ*: въ мемуарахъ	*пропущено*: и изустныхъ разсказахъ
50	17 »	горячихъ ея послѣдователей,	горячихъ послѣдователей
53	12 »	описывая	сообщая
62	15 снизу	съ куреннымъ	къ куреннымъ
67	20 сверху	*послѣ словъ*: не перины	*пропущено:* нужны
70	18 »	скорѣе	болѣе
86	15 снизу	неисправный	неисправимый
90	11 сверху	горькаго	тяжелаго
106	2 снизу	уличной толкотни	уличной толкотни.
109	3 »	личностей	личностяхъ
114	16 сверху	на первомъ визитѣ	при первомъ визитѣ
139	11 снизу	(примѣч.) служитъ	шутитъ
169	10 »	(примѣч.) но во всякомъ случаѣ	во всякомъ случаѣ
169	1 »	стр. 518	стр. 513
172	6 »	нашихъ	его,
189	17 сверху	оченъ	очень
193	3 снизу	наше	нами
200	1 »	Охлая	Орлая
221	5 сверху	изъ практики	изъ жизни

На стр. 230 не отдѣлены двѣ выписки проф. Васильева, при чемъ не указано, что первая взята изъ „Исторіи Спб. Университета“ № 93.

242	17 »	черты вѣка	также черты вѣка
332	7 »	племянницами	племянницы.
354	7 »	частныхъ	частыхъ
366	3 снизу	восклицающему	восклицающаго
399	15 сверху	пониманіемъ	пониманіе имъ

Кромѣ того на стр. 139, 3 примѣч. сдѣлана ссылка на неизданное письмо А. О. Смирновой отъ 30 янв. 1845 г.; нынѣ оно напечатано

Digitized by Google

въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, 1893, 1, стр. 243, а на стр. 110 по ошибкѣ переставлены 2 и 3-е примѣчаніе.

Пропускъ: въ перечнѣ цитатъ, касающихся повѣсти „Вій“ и „О томъ, какъ поссорился Иванъ Иванович съ Иваномъ Никифоровичемъ“, слѣдуетъ прибавить указаніе на статью г-жи Бѣлозерской: „В. Т. Нарѣжный“ („Русская Старина“, 1888—1891 г.).

На стр. 390 послѣ словъ: „каково бы ни было достоинство этого міросозерцанія“, пропущено: „почти тотчасъ за этими словами у меня прямо было сказано: „Стремленія его были не глубоки, смутны и *туманны*“, слѣд. г. Витбергъ, удивляясь, что въ другихъ мѣстахъ также идетъ рѣчь о „туманности воззрѣній Гоголя“ и находя въ этомъ противорѣчіе сказанному на стр. 157, еще разъ блистательнымъ образомъ доказалъ просто свою неспособность понимать читаемое.

ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ:

Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
3	15 сверху	сознательно	болѣе сознательно
30	13 »	лишнія слова: что онъ не знаетъ, откуда она взялась	
151	5 снизу	лишнія слова: съ неуспѣвшимъ выѣхать въ Петербургъ	
186	3 сверху	по возвращеніи	до возвращенія
304	5 »	неточность: Н. В. Станкевичъ оставилъ томъ сочиненій, изданныхъ его племянникомъ, А. И. Станкевичемъ.	
352	7 »	Верзилиной	Клингенбергъ
362	18 »	все время	нѣкоторое время

Въ „Указателѣ къ письмамъ Гоголя“ (2 изд.) В—VI, 81 - Викулинъ.
В—VI, 84—Вагнеръ, мужъ Маріи Петровны Вагнеръ, рожденной Балабиной

Digitized by Google

Н. В. ГОГОЛЬ

и

ЕГО НОВЫЙ БІОГРАФЪ.

(По поводу книги г. Шенрока: «Матерьялы для біографіи Гоголя» Т. I. Москва 1892).

Ѳ. А. Витберга.

/ о - с .

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Училища Глухонѣмыхъ, Гороховая ул., домъ № 18
1892.

Digitized by Google

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 11 Апрѣля 1892 года.

Digitized by Google

Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» нынѣшняго года помѣщена мною краткая рецензія на книгу г. Шенрока о Гоголѣ. Указавъ на главнѣйшія погрѣшности въ этой книгѣ, я заявилъ, что, въ виду этого, ее слѣдуетъ подвергнуть болѣе подробному и обстоятельному разсмотрѣнію. Это я и исполнилъ въ предлагаемой брошюрѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Написать біографію какого либо лица и очень трудно и очень легко. Все зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на вопросъ и какими цѣлями задаваться. Если біографъ будетъ имѣть въ виду только простой сводъ напечатаннаго біографическаго матерьяла, то эта задача осуществляется довольно легко и главное затрудненіе тутъ можетъ представиться только въ большемъ или меньшемъ обиліи напечатаннаго матерьяла. Но если біографъ задается цѣлію, воспользовавшись обнародованными данными, выяснить передъ читателями нравственную личность своего героя, раскрыть его нравственную сущность, то для этого мало одного простаго свода напечатанныхъ, отрывочныхъ и часто разнорѣчивыхъ данныхъ. Тутъ задача чрезвычайно осложняется и можетъ быть раздѣлена на частныя задачи, удачное разрѣшеніе которыхъ одинаково необходимо для успѣха предпринятой работы.

Для такого біографическаго труда необходимо:

Во первыхъ, точно и опредѣленно установить хронологическія даты, что, въ отношеніи, напр., Гоголя представляетъ вопросъ почти нетронутый.

Во вторыхъ, точно и опредѣленно разрѣшить множество вопросовъ о фактической достовѣрности тѣхъ или другихъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній, причемъ можетъ оказаться необходимымъ многія, считающіяся достовѣрными, данныя отвергнуть или подвергнуть сомнѣнію и замѣнить ихъ другими, до сихъ поръ незамѣченными или пропущенными. Эта сторона біографіи Гоголя тоже мало разработана и въ ней до сихъ поръ повторяются біографами факты, достовѣрность которыхъ ничѣмъ недоказана.

Digitized by Google

Въ третьихъ, по исполненіи уже указанной въ предъидущихъ двухъ пунктахъ работы, необходимо, составивъ себѣ общее и ясное представленіе о нравственной сущности данной личности, о ея главныхъ, основныхъ нравственныхъ свойствахъ, прослѣдить эти свойства въ ихъ проявленіи во внѣшнихъ фактахъ жизни избраннаго лица. Это—самая главная и существенная часть работы, и для успѣшнаго ея исполненія, кромѣ подробной и основательной разработки тѣхъ сторонъ, которыя указаны въ двухъ предъидущихъ пунктахъ, необходимъ очень подробный и искусный психологическій анализъ.

Но и этимъ еще не исчерпывается задача біографа. Есть еще одна сторона въ этой работѣ, наиболѣе, можетъ быть, трудная и потому наирѣже встрѣчающаяся. Это—умѣнье безпристрастно и, по возможности, объективно изобразить самого героя біографіи, изобразить его такъ, чтобы на первомъ планѣ стоялъ не біографъ и не его мнѣнія, взгляды и сужденія, а само изображаемое лицо, чтобы читатель не столько встрѣчался съ мнѣніями, взглядами и сужденіями біографа, сколько съ внутреннимъ міромъ того лица, чья біографія пишется. — Помимо возможной полноты данныхъ, цѣль эта достигается умѣньемъ біографа, не выставляя себя передъ читателемъ, не навязывая ему своихъ собственныхъ мнѣній, взглядовъ и сужденій, заставить говорить самые факты, изъ которыхъ читатель могъ бы самъ сдѣлать тотъ выводъ, который изъ нихъ вытекаетъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, могъ бы ясно видѣть ходъ мыслей біографа и провѣрить его своимъ собственнымъ соображеніемъ, руководствуясь представленными въ біографіи данными.—Поэтому, главными качествами біографіи должны быть простота, ясность и точность, которыя достигаются тогда, когда авторъ біографіи не будетъ смотрѣть на читателя, какъ на неразумнаго ребенка, которому надо растолковывать самыя простыя вещи, а будетъ помнить, что все его значеніе передъ читателемъ заключается въ обязанности дать ему въ руки вѣрные и точные факты.

Съ этихъ точекъ зрѣнія и должно оцѣнивать всякую біографическую работу.—И если приложить ихъ къ недавно появившемуся біографическому труду о Гоголѣ г. Шенрока, то въ немъ окажутся довольно существенные пробѣлы. Правда, судя по заглавію, книга его не претендуетъ, повидимому, на

Digitized by Google

значеніе полной біографіи Гоголя. Она названа: «Матеріалы для біографіи Гоголя». Но заглавіе это не соотвѣтствуетъ содержанію и дано авторомъ или «изъ скромности» или по какому то недоразумѣнію. Матеріаловъ въ строгомъ смыслѣ, т. е. новыхъ, никому до сихъ поръ неизвѣстныхъ документовъ о Гоголѣ, въ книгѣ очень немного: устные разсказы друга Гоголя А. С. Данилевскаго (въ передачѣ г. Шенрока), отрывки изъ дневника А. О. Смирновой (рожденной Россетъ), нѣсколько писемъ самого Гоголя и его матери, нѣсколько документовъ объ отцѣ Гоголя, Василіи Аѳанасьевичѣ, отрывки изъ безъименнаго дневника одного изъ товарищей Гоголя о нѣжинской гимназіи,—вотъ и всѣ матерьялы въ книгѣ г. Шенрока. Всѣ они занимаютъ maximum 30 стр. Остальныя 350 стр. представляютъ біографическій трудъ о Гоголѣ самого г. Шенрока, въ которомъ исчисленные матерьялы помѣщены, частію въ текстѣ, частію въ приложеніи, въ качествѣ оправдательныхъ документовъ. Слѣдовательно, не ими опредѣляется содержаніе книги г. Шенрока.

Въ текстѣ (стр. 23) авторъ болѣе точно опредѣляетъ это содержаніе говоря, что онъ береть на себя смѣлость «предложить общественному вниманію только скромную попытку составить посильный обзоръ жизни Гоголя, на основаніи матерьяла, заключающагося преимущественно въ письмахъ», причемъ онъ имѣлъ цѣлью собрать по возможности и свести въ одно цѣлое весь накопившійся печатный матерьялъ о Гоголѣ, «высказать предположенія, возникающія при внимательномъ изученіи писемъ и подвергнуть ихъ провѣркѣ спеціалистовъ» и, наконецъ, «по мѣрѣ силъ, хотя отчасти возстановить исторію его внутренняго развитія на основаніи имѣющихся данныхъ». Очевидно, слѣдовательно, что передъ нами не просто «Матеріалы» для біографіи Гоголя, а самостоятельный біографическій трудъ о Гоголѣ или, вѣрнѣе сказать, начало такого труда, потому что, по заявленію автора, все сочиненіе его будетъ состоять изъ трехъ томовъ.

Къ этой, задуманной г. Шенрокомъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, новой біографіи Гоголя можно и должно отнестись съ серьезными и строгими требованіями. Къ этому насъ обязываетъ, прежде всего, важность самаго предмета. Мы до сихъ поръ не имѣемъ основательной и подробной біографіи Гоголя, вслѣдствіе чего объ немъ существуютъ у насъ самыя

Digitized by Google

невѣрныя, превратныя понятія и разсказываются факты, болѣе чѣмъ сомнительные. Во вторыхъ, г. Шенрокъ такъ давно занимается біографіей Гоголя, собираніемъ матерьяловъ объ немъ и ихъ изученіемъ, что если отъ кого, то именно отъ него мы въ правѣ ожидать основательной, серьезно обработанной и провѣренной по документальнымъ даннымъ біографіи нашего великаго писателя. Наконецъ, въ третьихъ, біографія всякаго замѣчательнаго общественнаго дѣятеля, а Гоголя, можетъ быть, даже по преимуществу, есть трудъ, который непремѣнно будетъ имѣть гораздо большій кругъ читателей, чѣмъ какое-либо спеціально-научное сочиненіе. Если послѣднее заинтересуетъ преимущественно небольшой кругъ спеціалистовъ, то первая распространяется во всемъ образованномъ обществѣ; біографія же писателя находитъ себѣ наибольшій кругъ читателей, главнымъ образомъ, въ сферѣ педагогической. Сочиненія Гоголя, напр., входятъ въ программу нашихъ среднеучебныхъ заведеній и, поэтому, учителямъ русской словесности приходится говорить объ немъ на урокахъ, а старшимъ ученикамъ приходится изучать его. Слѣдовательно, всякое новое сочиненіе о Гоголѣ найдетъ себѣ читателей преимущественно въ этой средѣ учащихъ и учащихся. И если масса фактовъ, свѣдѣній и идей распространяется у насъ путемъ періодической прессы, то, можетъ быть, не меньшая масса ихъ проникаетъ въ общество путемъ школы. Слѣдовательно, нельзя относиться равнодушно къ научной цѣнности того матерьяла, который распространяется въ обществѣ этимъ путемъ. Не надо, при этомъ, забывать также и того, что не всѣ читатели могутъ критически провѣрить вновь появившійся трудъ. Это доступно только тѣмъ, кто живетъ въ большихъ научныхъ центрахъ, гдѣ можно найти болѣе или менѣе богатую библіотеку и въ ней воспользоваться тѣми или другими матерьялами для самостоятельной провѣрки вновь вышедшаго сочиненія. — Но весьма многіе фактически лишены этой возможности и принуждены полагаться въ данномъ случаѣ на чужіе труды. Поэтому, всякій, выступающій передъ читателями съ трудомъ, подобнымъ труду г. Шенрока, нравственно обязанъ быть въ высшей степени строгимъ и разборчивымъ въ обработкѣ избраннаго имъ предмета, зная заранѣе, что большинство читателей повѣритъ ему на слово, какъ послѣднему слову науки. Силою вещей всякій подобный трудъ вытѣсняетъ труды пред-

Digitized by Google

шествовавшіе и становится единственнымъ источникомъ, изъ котораго большинство читателей будетъ почерпать свои свѣдѣнія по данному вопросу.

Всѣ эти соображенія кажутся мнѣ совершенно достаточными для того, чтобы оправдать самую строгую и серьезную провѣрку вновь вышедшаго сочиненія г. Шенрока.

Примѣняя къ нему тѣ требованія отъ біографическаго труда, на которыя указано было выше, мы найдемъ въ немъ весьма существенные промахи во всѣхъ трехъ отношеніяхъ: и въ отношеніи хронологической точности, и въ отношеніи фактической достовѣрности и, наконецъ, въ отношеніи яснаго и опредѣленнаго представленія основныхъ нравственныхъ свойствъ Гоголя.

Труду своему авторъ предпослалъ «краткій обзоръ литературы о Гоголѣ» (который тоже свидѣтельствуетъ, что книга г. Шенрока не «матерьялы», а систематически обработанный біографическій трудъ о Гоголѣ) и хотя на стр. 23 этого обзора и сказано, что одной изъ задачъ автора было «по возможности свести и собрать въ одно все, что мы могли извлечь изъ многочисленныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ и, такъ сказать, погребенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ старыхъ лѣтъ» (значитъ, книга написана не по однимъ только письмамъ), но исполненіе далеко не соотвѣтствуетъ намѣренію, и г. Шенрокъ не только не собралъ всего, извѣстнаго намъ матерьяла о Гоголѣ, но не воспользовался какъ слѣдуетъ и тѣмъ, на который ссылается въ своей книгѣ. Чтобы показать это, я вынужденъ войти въ разныя мелкія, но весьма существенныя въ біографическомъ трудѣ, подробности.

Начну съ внѣшней стороны дѣла, т. е. съ провѣрки хронологическихъ данныхъ. Неточности въ этомъ отношеніи встрѣчаются въ книгѣ г. Шенрока довольно часто и, притомъ, не только въ вопросахъ запутанныхъ и трудно разрѣшимыхъ по недостаточности или невѣрности данныхъ, но даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ достаточно простой справки.

На стр. 151 онъ говоритъ, напр., что Гоголь съ Данилевскимъ, уѣзжая, по окончаніи курса въ Нѣжинской гимназіи, въ Петербургъ, прожили нѣсколько дней въ Нѣжинѣ, гдѣ «повидались съ нѣкоторыми товарищами и, между прочимъ, съ неуспѣвшимъ выѣхать въ Петербургъ же Прокоповичемъ». — Выходитъ, что послѣдній кончилъ курсъ

Digitized by Google

вмѣстѣ съ Гоголемъ и не поѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ только потому, что не успѣлъ собраться. Между тѣмъ, онъ кончилъ курсъ годомъ позже Гоголя, а слѣдовательно не могъ и собираться ѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ съ Гоголемъ. («Гимн. высш. наукъ и Лицей кн. Безбородко», изд. 2-е, Спб. 1881, стр. CXXIX—CXXX»).

На стр. 186 г. Шенрокъ говоритъ, будто письмо Гоголя къ матери, въ которомъ онъ причиной (?) своей первой поѣздки за границу выставляетъ болѣзнь, писано имъ по возвращеніи изъ-за границы. Между тѣмъ, оно писано не по возвращеніи, а изъ Любека, т. е. во время самаго пребыванія за границей.

Вопросъ о времени поступленія Гоголя на службу совсѣмъ не разсмотрѣнъ и относящіяся къ нему хронологическія данныя не разъяснены. Въ противность существующимъ фактамъ, г. Шенрокъ увѣряетъ, что, кромѣ письма къ матери отъ 2 апр. 1830 г., «сообщенія со стороны Гоголя о поступленіи его на службу передъ этимъ мы, однако, нигдѣ не находимъ» (стр. 233). Оказывается, такимъ образомъ, что авторъ вовсе не воспользовался тѣми, хотя и противорѣчивыми, данными, которыя мы находимъ въ письмахъ Гоголя. Между тѣмъ вопросъ этотъ одинъ изъ самыхъ запутанныхъ, и если не разъяснить его, то хоть указать на существующія въ немъ разногласія безусловно обязательно для біографа, желающаго имѣть подъ ногами твердую фактическую почву. Въ статьѣ моей, помѣщенной въ «Русск. Жизни» 1891 г., которую не разъ цитируетъ и самъ г. Шенрокъ, мною было указано, что уже въ концѣ 1829 г. Гоголь былъ на службѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ приложенная къ письму его къ матери отъ 2 апр. 1830 г. вѣдомость его прихода и расхода за дек. 1829 и янв. 1830 г., въ которой показано Гоголемъ жалованье за декабрь мѣс., не полученное имъ по случаю переименованія въ чинъ, и за январь—30 р. Слѣдовательно, онъ получалъ въ это время 360 р. въ годъ. Безъ сомнѣнія, объ этомъ именно мѣстѣ онъ писалъ матери отъ 27-го окт. и отъ 12-го нояб. 1829 г, причемъ въ послѣднемъ письмѣ, сообщая, что надѣется получить «довольно порядочное мѣсто въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ», предупреждаетъ, что жалованья не получитъ раньше двухъ мѣсяцевъ. (Кулишъ, V, 97 и 98). На этомъ мѣстѣ онъ пробылъ до опредѣленія своего въ Де-

Digitized by Google

партаментъ Удѣловъ (въ мартѣ или апрѣлѣ 1830 г.), потому что въ февр. 1830 г. опять находимъ въ письмѣ къ матери извѣстіе: «снова (послѣ болѣзни) хожу каждый день въ должность» (Кулишъ, V, 103). Про жалованье же онъ писалъ въ томъ же письмѣ, что получаетъ «сущую бездѣлицу».—Это ничтожное жалованье, вѣроятно, и было причиной перемѣны мѣста, ибо въ Департаментѣ Удѣловъ онъ получалъ жалованья около 500 руб. (Кулишъ, V, 106). Разница эта настолько была существенна въ глазахъ Гоголя, сильно въ это время нуждавшагося, что онъ сообщилъ матери о новомъ своемъ мѣстѣ въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто онъ до тѣхъ поръ былъ безъ мѣста: «Послѣ безконечныхъ исканій, мнѣ удалось, наконецъ, сыскать мѣсто», т.-е. найти мѣсто хоть сколько нибудь удовлетворяющее насущнымъ потребностямъ. Это и заставляетъ біографовъ думать, будто до тѣхъ поръ онъ нигдѣ не служилъ.

Вмѣсто того, чтобы воспользоваться только что приведенными мною данными и разъяснить вопросъ, г. Шенрокъ еще болѣе его запутываетъ, приписавъ замѣткѣ, помѣщенной въ «Сборн. Студен. Спб. Унив.» (вып. 1-й, стр. 345) то, чего тамъ нѣтъ и не могло быть, ибо замѣтка сообщаетъ оффиціальный документъ, именно—отрывокъ изъ аттестата, выданнаго Гоголю при отставкѣ изъ Деп—та Удѣловъ и помѣченнаго 25 янв. 1832 г. Въ ней сказано, что Гоголь поступилъ въ Деп—тъ Удѣловъ 10 апр. 1830 г.; указомъ Правительствующаго Сената того же года іюня 3-го утвержденъ въ чинѣ коллежскаго регистратора со старшинствомъ со дня вступленія въ службу, а 10 іюля помѣщенъ на вакансію помощника столоначальника. «Прошлаго же 1831 г. марта 9, по прошенію его, изъ Департамента Удѣловъ уволенъ».

Откуда же взялъ г. Шенрокъ, ссылающійся на эту замѣтку, будто 9 марта 1831 г. (т.-е. въ день увольненія своего изъ Деп—та) Гоголь получилъ мѣсто помощника столоначальника, «которое и занималъ до 1832 г.» (стр. 232)? Ничего этого въ замѣткѣ, помѣщенной въ «Сборн. Студ.», нѣтъ и не могло быть, потому что уже 10 марта 1831 г., т.-е. на другой день по увольненіи изъ Департамента Удѣловъ, Гоголь занялъ должность старшаго учителя исторіи въ Патріотическомъ институтѣ (Кулишъ: «Зап. о жизни Гоголя», I, 84) и, слѣдовательно, не могъ уже оставаться на службѣ въ Департаментѣ.

Digitized by Google

Но приведенными мною данными вопросъ о времени поступленія Гоголя на службу еще не исчерпывается. Въ письмахъ его находимъ такія указанія, которыя окончательно затемняютъ этотъ вопросъ, такъ что безъ какихъ либо новыхъ и положительныхъ свѣдѣній разобраться въ немъ дѣлается невозможнымъ. Въ письмѣ къ матери отъ 3-го іюня 1830 г. встрѣчаемъ сообщеніе, что онъ служитъ третій мѣсяцъ и, слѣдовательно, опредѣлился на службу въ мартѣ; но 1-го сент. того же года онъ писалъ ей: «Всего только четыре мѣсяца, какъ я служу». Въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ поступить на службу не въ мартѣ, а въ маѣ. Должно, впрочемъ, принять во вниманіе, что Гоголь вообще не всегда точенъ въ фактическихъ своихъ указаніяхъ и, кромѣ вышеприведеннаго, въ его письмахъ можно найти и другіе случаи фактической неточности, проистекающей, конечно, не изъ умысла, а отъ полнаго невниманія къ внѣшней сторонѣ своей жизни.

Наконецъ, есть еще одно обстоятельство въ этомъ вопросѣ, тоже возбуждающее сильныя сомнѣнія. Въ цитированной выше вѣдомости прихода и расхода Гоголя сказано, что онъ не получилъ жалованья за дек. 1829 г. по случаю переименованія въ чинъ. А изъ аттестата объ отставкѣ его изъ Деп—та Удѣловъ мы узнаемъ, что первый чинъ онъ получилъ на службѣ въ этомъ Деп—тѣ, 3 іюня 1830 г. За симъ, меньше чѣмъ черезъ годъ, онъ поступаетъ учителемъ въ Патріотическій институтъ «въ чинѣ титулярнаго совѣтника». (В. Г—скій: «Замѣтки для біогр. Гоголя», Современ. 1852, X, отд. VI, стр. 144—145).

При такой запутанности свѣдѣній о службѣ Гоголя прибавлять еще новыя неточности, искажая факты, какъ дѣлаетъ г. Шенрокъ, не слѣдовало бы.

Пренебрегая тѣми хронологическими данными, которыя дѣйствительно существуютъ и всегда могутъ быть въ рукахъ біографа, г. Шенрокъ иногда пытается установить хронологію тамъ, гдѣ это совершенно невозможно. Такъ, на стр. 261 онъ категорически утверждаетъ, будто «можно установить приблизительно, что интересъ къ труду надъ «Вечерами» возникъ (у Гоголя) въ апрѣлѣ 1829 г. и постепенно возрасталъ до поѣздки заграницу, затѣмъ онъ на время значительно ослабѣваетъ».

Что нѣкоторыя повѣсти, вошедшія потомъ въ составъ

Digitized by Google

«Вечеровъ на хуторѣ», набросаны были Гоголемъ въ 1829 г., это весьма вѣроятно. Но—и только. Помимо этой хронологической даты у насъ нѣтъ никакихъ основаній для какихъ либо дальнѣйшихъ соображеній, для точнаго обозначенія даже мѣсяца, въ который начаты были эти повѣсти, и т. п. Поэтому, вышеприведенныя соображенія г. Шенрока представляются намъ совершенно произвольными и ни на чемъ не основанными. И это обнаруживается въ самомъ его изложеніи. На стр. 264 категорическій тонъ вышеприведенныхъ соображеній переходитъ уже въ предположительный, и оказывается, что изъ четырехъ разсказовъ, составившихъ первую книжку «Вечеровъ», только одинъ («Веч. наканунѣ Ив. Куп.») относится несомнѣнно къ 1829 г.; объ остальныхъ же сказано, что два изъ нихъ «вѣроятно» были начаты именно въ этомъ году. Можно-ли, спрашивается, при такихъ, шаткихъ для самого автора, условіяхъ дѣлать какіе-либо опредѣленные выводы и указывать даже на ходъ литературной работы?

Но особенно интересны, для характеристики обращенія г. Шенрока съ имѣющимися у него въ рукахъ матерьялами, тѣ хронологическія и фактическія несообразности, которыя допущены имъ при рѣшеніи вопроса о времени знакомства Гоголя со Смирновой (рожденной Россетъ) и Пушкинымъ.

На стр. 319—324 авторъ помѣстилъ выдержки изъ дневника А. О. Смирновой, стараясь при помощи ихъ разъяснить вопросъ о времени знакомства съ нею Гоголя. Но выдержки эти не только ничего не разъясняютъ, но еще болѣе запутываютъ вопросъ, такъ какъ всѣ хронологическія данныя въ дневникѣ Смирновой (въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ книгѣ г. Шенрока) перемѣшаны и разобраться въ нихъ невозможно. Достаточно указать на то, что въ дневникѣ отнесены къ 1830 году такія событія, которыя несомнѣнно произошли въ 1831 и даже 1832 г. Напр., подъ этимъ 1830 г. разсказывается въ дневникѣ о первомъ посѣщеніи Смирновой Гоголемъ, приведеннымъ къ ней Жуковскимъ и Пушкинымъ (стр. 323). Между тѣмъ несомнѣнно, что въ 1830 г. Пушкинъ и Гоголь еще не были знакомы и, слѣдовательно, Гоголь не могъ быть приведенъ къ Смирновой Пушкинымъ; значитъ, и самый фактъ произошелъ не въ 1830 г. Далѣе (стр. 324) Смирнова разсказываетъ, будто въ томъ же 1830 г. Жуковскій говорилъ съ ней о Гоголѣ и сообщалъ ей обо всемъ, на-

Digitized by Google

писанномъ Гоголемъ во время его путешествія и подмѣченномъ имъ «на пространствѣ между Полтавой и Петербургомъ». Тутъ, очевидно, рѣчь идетъ о поѣздкѣ Гоголя на родину. Но она совершена была имъ не въ 1830 г., когда онъ, по неимѣнію средствъ переѣхать даже на дачу, прожилъ все лѣто въ Петербургѣ, а въ 1832 году, въ чемъ можно убѣдиться по хронологическимъ датамъ на его письмахъ. Въ виду такихъ противорѣчій дневника съ несомнѣнными и вполнѣ достовѣрными данными, извѣстными намъ изъ другихъ источниковъ, позволительно подвергнуть сомнѣнію и всѣ остальныя хронологическія показанія дневника и, слѣдовательно, основываться на немъ одномъ въ данномъ вопросѣ не представляется возможнымъ.

На сколько самъ г. Шенрокъ не твердъ въ гоголевской хронологіи, видно изъ того, что онъ въ разбираемой книгѣ своей не только помѣстилъ безъ всякихъ оговорокъ и необходимыхъ поясненій эти сбивчивыя показанія дневника А. О. Смирновой, но даже отрекается отъ прежняго своего предположенія о знакомствѣ Гоголя со Смирновой въ 1831 г., вполнѣ положившись на запутанныя и лишенныя всякой хронологической правдоподобности показанія дневника Смирновой. Между тѣмъ, именно 1831 годъ и есть единственный, могущій примирить всѣ противорѣчія какъ въ разсказѣ Смирновой, такъ и въ хронологически невѣрномъ разсказѣ самого Гоголя, помѣщенномъ г. Шенрокомъ тоже безъ достаточныхъ оговорокъ и поясненій.

Надо замѣтить, что вопросъ этотъ, не лишенный значенія и самъ по себѣ, интересенъ, главнымъ образомъ, по связи своей съ вопросомъ о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ, ибо съ послѣднимъ Гоголь познакомился раньше, чѣмъ со Смирновой. Она сама говоритъ въ своемъ дневникѣ, что въ первый разъ Гоголь приведенъ былъ къ ней Пушкинымъ и Жуковскимъ, а это могло случиться только лѣтомъ 1831 г., такъ какъ именно въ это время Гоголь познакомился съ Пушкинымъ. До тѣхъ же поръ она только встрѣчала Гоголя въ обществѣ и знала его, какъ знаютъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчаются у знакомыхъ. О такой первой встрѣчѣ своей съ нимъ она и разсказываетъ въ своемъ дневникѣ подъ 1830 г. Но встрѣчу въ знакомомъ домѣ нельзя еще назвать знакомствомъ.

Digitized by Google

Весьма возможно, впрочемъ, что въ указанной мною путаницѣ виноватъ не дневникъ Смирновой, а небрежность г. Шенрока, который вовсе не обратилъ вниманія на то, что страницы дневника, какъ можно судить по его собственнымъ словамъ, перепутаны. Послѣ изложенныхъ событій въ дневникѣ «много говорится о политическихъ событіяхъ во Франціи и о свѣтской жизни при дворѣ; потомъ о выходѣ 1-го января, 1831 г. и объ елкѣ при дворѣ 24 декабря 1830 г.». «Но, къ сожалѣнію», замѣчаетъ г. Шенрокъ, «нѣсколько страницъ вырвано; годъ же выставлялся только вначалѣ, а далѣе мѣсяцы и числа большею частью не обозначены». Вотъ на это и надо было обратить особенное вниманіе, потому что отъ этого, по всей вѣроятности, и произошла вся путаница.

Запутавшись въ хронологическихъ показаніяхъ Смирновой, г. Шенрокъ не можетъ разобраться и въ вопросѣ о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ. Приходя на стр. 329 къ совершенно вѣрному выводу, что знакомство Гоголя съ Пушкинымъ, а, слѣдовательно, и со Смирновой (ибо второе произошло послѣ перваго) относится къ лѣтнимъ мѣсяцамъ 1831 г., онъ тутъ же неожиданно рѣшаетъ, что, слѣдовательно, его можно «почти навѣрное» пріурочить къ маю этого года. Какимъ образомъ май оказался лѣтнимъ мѣсяцемъ—непонятно. Точно также непонятно, зачѣмъ понадобилось г. Шенроку настаивать въ данномъ вопросѣ именно на маѣ мѣсяцѣ, когда это не согласуется съ извѣстными намъ остальными данными? Такъ какъ въ майскомъ номерѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена отдѣльная статья моя объ этомъ вопросѣ, то я и не буду входить здѣсь въ дальнѣйшія подробности.

Не могу, однако, не указать еще на одну, несогласную съ фактами, подробность въ разсказѣ г. Шенрока. Настаивая на томъ, что Гоголя познакомилъ съ Пушкинымъ Плетневъ и именно въ маѣ мѣсяцѣ. онъ говоритъ: «притомъ, Плетневъ, остававшійся лѣтомъ въ Петербургѣ или, если жившій въ окрестностяхъ его, то развѣ въ другомъ мѣстѣ, напр, въ Лѣсномъ, гдѣ онъ не разъ проводилъ каникулы, является въ перепискѣ довѣреннымъ посредникомъ обоихъ писателей» (стр. 346).

Во первыхъ, по вопросу о томъ, гдѣ жилъ лѣтомъ 1831 г. Плетневъ: въ Петербургѣ или на дачѣ (что въ вопросѣ о

Digitized by Google

знакомствѣ Гоголя съ Пушкинымъ имѣетъ свое значеніе), не можетъ существовать никакого недоразумѣнія, никакого «или», потому что мы имѣемъ прямое свидѣтельство объ этомъ самого Плетнева. 19 іюля 1831 г. онъ писалъ Пушкину со Спасской мызы (дачи Кушелева, близъ Лѣснаго института), что слишкомъ мѣсяцъ не былъ въ Петербургѣ, «да и не намѣренъ до прекращенія холеры». Интереснѣе всего, что письмо это напечатано на той самой 374 стр. III тома сочиненій П. А. Плетнева, на которую сдѣлана ссылка у самого г. Шенрока: на стр. 346 онъ приводитъ относящееся къ этому письму примѣчаніе г. Грота, а въ самое письмо и не заглядываетъ. Во вторыхъ, о какомъ посредничествѣ Плетнева въ перепискѣ Гоголя съ Пушкинымъ въ теченіи мая и вообще лѣта 1831 г. говоритъ г. Шенрокъ? Было бы очень любопытно, если бы онъ указалъ хоть на одно письмо изъ ихъ переписки за это время. Первое письмо Гоголя къ Пушкину относится къ 16 августа 1831 г. (Русск. Арх. 1880, т. II, стр. 509), а первое письмо Пушкина къ Гоголю—къ 25 августа того же года (соч. Пушкина, изд. VIII, т. VII, стр. 351), да и они свидѣтельствуютъ не о посредничествѣ Плетнева въ перепискѣ нашихъ геніальныхъ писателей, а, наоборотъ, о посредничествѣ Гоголя въ сношеніяхъ Пушкина съ Плетневымъ.

Наконецъ, все въ этомъ же вопросѣ о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ допущена г. Шенрокомъ и еще одна хронологическая неточность. На стр. 345 онъ говоритъ, будто «въ іюнѣ 1831 г. Пушкинъ, Гоголь, Жуковскій и А. О. Россетъ (впослѣдствіи Смирнова) всѣ собрались въ Царскомъ селѣ и Павловскѣ». Это опять не вполнѣ согласно съ фактами. Только Пушкинъ и Гоголь уже въ іюнѣ мѣсяцѣ 1831 г. жили, первый—въ Царскомъ Селѣ, а второй—въ Павловскѣ. Жуковскій же и фрейлина Россетъ до 17 іюля жили съ дворомъ въ Петергофѣ. (Соч. Плетнева, т. III, стр. 372—374).

Закончу эти указанія на хронологическія неточности въ книгѣ г. Шенрока еще однимъ, небезъинтереснымъ для оцѣнки того источника свѣдѣній о Гоголѣ, которому г. Шенрокъ придаетъ особенное значеніе, именно—воспоминаній друга и товарища Гоголя, А. С. Данилевскаго.

На стр. 352 г. Шенрокъ, со словъ Данилевскаго, разсказываетъ весьма и весьма сомнительный фактъ, будто въ

Digitized by Google

1831 году, въ бытность свою на Кавказѣ, А. С. Данилевскій увлеченъ былъ родственницей (?!) Лермонтова, Э. А. Верзилиной. Но, во первыхъ, Верзилины вовсе не состояли въ то время въ родствѣ съ Лермонтовыми, а, во вторыхъ, г. Шенрокъ забылъ, что это та самая Верзилина, которая, десять лѣтъ спустя, была средоточіемъ кружка молодежи, во главѣ котораго стоялъ М. Ю. Лермонтовъ, которую называли «Розой Кавказа» и нро которую Лермонтовъ сказалъ:

«Предъ дѣвицей Emilie
«Молодежь лежитъ въ пыли».

(соч. Лермонтова, изд. П. А. Висковатова, т. VI, стр. 397).

Сколько же ей было лѣтъ въ 1841 г., если она уже десять лѣтъ тому назадъ кружила голову такимъ красавцамъ, какимъ изображаетъ намъ Данилевскаго г. Шенрокъ? Очевидно, тутъ опять какая-то неточность, показывающая, что на разсказы А. С. Данилевскаго вполнѣ, безъ провѣрки, полагаться нельзя.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, внѣшняя, хронологическая точность въ изложеніи г. Шенрока оставляетъ желать очень многаго.

Тоже самое приходится сказать и по вопросу о фактической достовѣрности изложенныхъ въ его книгѣ свѣдѣній о жизни Гоголя.

Начну съ мелкаго, но въ фактическомъ отношеніи не безъинтереснаго вопроса. На стр. 362 г. Шенрокъ говоритъ, будто въ 1832 или 1833 г. (онъ такъ мало заботится о хронологической точности, что очень часто нельзя понять, о какомъ времени онъ говоритъ), Гоголь «переѣхалъ на Малую Морскую, въ д. Модераха, гдѣ оставался все время до отъѣзда за границу». Положимъ, вопросъ этотъ не важенъ и, въ сущности, рѣшительно все равно, на какой улицѣ и въ чьемъ домѣ жилъ Гоголь въ томъ или другомъ году. Но всѣ подобныя мелкія подробности важны не сами по себѣ, а потому, что иногда служатъ единственнымъ средствомъ для опредѣленія времени того или другаго событія.

Въ виду этого не могу не указать на неточность вышеприведенныхъ словъ г. Шенрока, такъ какъ за указанный имъ періодъ времени намъ извѣстно нѣсколько адресовъ Гоголя. 25 ноября 1832 г. онъ жилъ во II адмиралт. ч. въ Новомъ переулкѣ, д. Демутъ-Малиновскаго, близъ Мойки («Москви-

Digitized by Google

тянинъ», 1855). 20 февраля 1835 г.—въ Малой Морской, д. Лепеня (Кулишъ, V, 234). Сверхъ того, въ письмахъ его за 1833 г. попадаются свѣдѣнія о намѣреніи его перемѣнить квартиру. 8 мая 1833 г. онъ писалъ Погодину: «Адресуй мнѣ пока на имя Смирдина, потому что я думаю перемѣнить на этой или на той недѣлѣ квартиру непремѣнно» (Кулишъ, V, 179). Намѣреніе это онъ, по всей вѣроятности, привелъ въ исполненіе, хотя и не такъ скоро, какъ разсчитывалъ. Черезъ полтора мѣсяца, 24 іюня 1833 г., онъ о томъ же намѣреніи сообщалъ и матери, причемъ объяснилъ и причину, заставившую его перемѣнить квартиру: «я ищу теперь себѣ другую квартиру, потому что старая надоѣла мнѣ до смерти. Она меня заморозила зимою такъ, что одно только лѣто, подобное нынѣшнему, отогрѣло меня. А потому я прошу васъ до времени, покамѣстъ не извѣщу о новомъ адресѣ, писать письма или въ институтъ (Патріотическій) или въ магазинъ А. Смирдина». (Кулишъ, V, 182).

Но въ книгѣ г. Шенрока попадаются и болѣе существенныя фактическія неточности.

Такъ, на стр. 71-й онъ утверждаетъ, будто Гоголь «не любилъ воспитавшую его школу», и тутъ же, въ примѣчаніи, указываетъ на письмо Гоголя къ Н. Д. Бѣлозерскому, свидѣтельствующее какъ разъ о противоположномъ. Сообщивъ о дошедшемъ до него извѣстіи (къ счастію, оказавшемся невѣрнымъ), будто Нѣжинскій лицей сгорѣлъ, Гоголь писалъ: «Признаюсь, оно такъ меня огорчило, какъ не огорчило бы извѣстіе о сгорѣвшемъ моемъ собственномъ отцовскомъ домѣ» (Кулишъ, V, 251). Правда, это писано въ 1836 г., черезъ 8 лѣтъ по окончаніи имъ курса, но выраженное въ этихъ словахъ чувство, очевидно, родилось не потомъ, а въ стѣнахъ самаго заведенія и, слѣдовательно, его надо принимать въ разсчетъ, говоря объ отношеніяхъ Гоголя къ школѣ во время его въ ней пребыванія.

Вообще школьный періодъ жизни Гоголя разсмотрѣнъ г. Шенрокомъ весьма неудовлетворительно, такъ какъ онъ не обратилъ вниманія на самый существенный фактъ, на такъ называемую «Нѣжинскую исторію», разсказавъ объ ней такъ, какъ будто она разыгралась только изъ за существовавшихъ въ гимназіи театральныхъ представленій, которыя одни изъ преподавателей одобряли, а другіе—не одобряли. Между тѣмъ,

Digitized by Google

дѣло было гораздо серьезнѣе, и причины этой исторіи крылись не въ вопросѣ о театральныхъ зрѣлищахъ, а въ гораздо болѣе серьезномъ и существенномъ разногласіи въ средѣ нѣжинскихъ педагоговъ, раздѣлившемъ ихъ, въ концѣ концовъ, на двѣ враждебныя партіи, изъ коихъ одна оказалась сильнѣе, потому что была менѣе разборчива въ средствахъ, а потому и восторжествовала надъ своими противниками. Въ исторію эту побѣдившая партія замѣшала и воспитанниковъ, и въ томъ впечатлѣніи, какое она произвела на лучшихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и на Гоголя, заключается источникъ того недовольства, той «нелюбви» въ школѣ, которыя авторъ указываетъ въ Гоголѣ.

Для уразумѣнія того «настроенія», какое должно было явиться у Гоголя и его ближайшихъ товарищей вслѣдствіе этой исторіи, достаточно указать на то, что пострадавшіе профессора, съ инспекторомъ Бѣлоусовымъ во главѣ, были лучшими профессорами, по отзывамъ такихъ учениковъ, какъ Гоголь, Рѣдкинъ и Кукольникъ: воспоминанія ихъ объ этихъ профессорахъ проникнуты теплымъ чувствомъ и искреннимъ уваженіемъ. Во главѣ же побѣдившей партіи стоялъ профессоръ Русскаго права Билевичъ, «знатокъ судейскихъ крючковъ», по отзыву одного изъ его учениковъ, анонимныя воспоминанія котораго помѣщены въ разбираемой книгѣ г. Шенрока (стр. 380—381), человѣкъ, котораго Гоголь и Данилевскій въ одномъ шутливомъ своемъ стихотвореніи помѣстили въ одну кампанію съ учителями танцованія и фектованія (см. Стихотворенія Н. Я. Прокоповича, стр. 30), очевидно, характеризуя этимъ степень его «научнаго» значенія, какъ профессора. О самихъ же «побѣдителяхъ» мы находимъ въ одномъ изъ писемъ Гоголя къ М. А. Максимовичу очень характерный отзывъ. Сообщая своему земляку объ одномъ знакомомъ, искавшемъ мѣста въ Кіевскомъ округѣ, Гоголь писалъ, что знакомый этотъ «въ Нѣжинъ не изъявляетъ желанія, зная, что тамъ болѣе трудностей, потому что гимназія имѣетъ особенныя права и постановленія, да притомъ знаетъ, что тамашніе профессора—большія бестіи, отъ которыхъ уже товарищи его, вмѣстѣ съ нимъ воспитывавшіеся и бывшіе тамъ профессорами, пострадали». (Сб отд. рус. яз. и слов. Имп. ак. н. т. XVIII, № 3, стр. 42). Очевидно, исторія эта произвела очень тяжелое впечатлѣніе

Digitized by Google

на современныхъ ей нѣжинскихъ воспитанниковъ, и впечатлѣніе это, несомнѣнно, занимаетъ видное мѣсто въ ряду источниковъ того недовольства окружающимъ, которое мы замѣчаемъ въ Гоголѣ въ послѣдніе годы пребыванія его въ Нѣжинской гимназіи.—Весьма возможно, что и мысль о „чужихъ краяхъ", явившаяся въ Петербургѣ у товарища Гоголя Высоцкаго и съ такимъ увлеченіемъ воспринятая Гоголемъ, находится въ связи съ этимъ впечатлѣніемъ.

Говоря о первой поѣздкѣ Гоголя заграницу, г. Шенрокъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, утверждаетъ, будто „цѣлью путешествія Гоголя былъ вовсе не Любекъ и даже никакъ не Гамбургъ; это были только первыя станціи на его предполагавшемся пути" (стр. 186). Утвержденіе это совершенно противорѣчитъ яснымъ и не нуждающимся ни въ какихъ поясненіяхъ словамъ Гоголя въ письмѣ къ матери отъ 24 Іюля 1829 г.: „....неужасайтесь разлуки, я не далеко поѣду: путь мой теперь лежитъ въ Любекъ" (Кулишъ, V. 87). Въ другомъ письмѣ онъ даже объясняетъ, что поѣздка эта предпринята по совѣту докторовъ, которые послали его въ Травемюндэ. Этимъ мѣстомъ, дѣйствительно, и окончилось все путешествіе Гоголя. Г. Шенрокъ, правда, считаетъ сообщеніе о болѣзни выдумкой со стороны Гоголя, но такое мнѣніе совершенно ни на чемъ не основано, кромѣ желанія на мѣсто яснаго и естественнаго показанія самого Гоголя поставить свое, выдуманное и бездоказательное. Съ этою цѣлію авторъ подвергаетъ всѣ письма Гоголя къ матери по поводу этой поѣздки самому подробному и придирчивому анализу, но, какъ показано будетъ мною далѣе, анализъ этотъ не выдерживаетъ самой поверхностной критики.

Отвергая искренность и правдивость показаній самаго Гоголя о причинахъ его первой поѣздки заграницу, авторъ заканчиваетъ, однако, свой разсказъ объ этой поѣздкѣ большой цитатой изъ моей неоконченной статьи въ «Русской жизни», совершенно не обращая вниманія на то, что въ данномъ вопросѣ я принимаю за достовѣрныя всѣ тѣ показанія Гоголя, которыя онъ отвергаетъ и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ союзникомъ его въ этомъ вопросѣ быть не могу.

Разсматривая отношенія Гоголя къ матери, авторъ замѣчаетъ (на стр. 210): «Онъ питалъ даже надежду помогать ей матерьяльно, но по безпечности и собственному бездепежью

Digitized by Google

ограничивался преимущественно обѣщаніями». Если говорить о первоначальномъ пребываніи Гоголя въ Петербургѣ, до полученія имъ мѣста и до начала его литературнаго поприща, то это, пожалуй, будетъ справедливо. Но авторъ выражается такъ въ главѣ объ отношеніяхъ Гоголя къ матери «въ зрѣлые годы». Это уже вовсе несправедливо. Какъ только онъ устроился матерьяльно, онъ тотчасъ поспѣшилъ облегчить и матерьяльное положеніе матери, о чемъ можно найти неоднократныя упоминанія въ его письмахъ (см. Кулишъ, V, 129, 136, 137, 141, 144, 145, 146, 148, 149, 150, 155, 162, 163 и слѣд.) Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ моей статьѣ о Гоголѣ въ 1831 г., которая будетъ напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Здѣсь же напомню только, что въ пользу матери Гоголь отказался отъ своей части имѣнія, сначала упросивъ ее записывать имѣніе на одно свое имя (Кулишъ, V, 187), а потомъ и совсѣмъ передавъ его ей. (Тамъ-же, VI, 5).

Говоря о началѣ литературнаго поприща Гоголя, авторъ пропустилъ появленіе въ печати его перваго произведенія «Италія» и помѣстилъ (стр. 263), безъ надлежащей провѣрки, извѣстіе о напечатаніи въ «Сѣверн. Архивѣ» переводной статьи его «О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в.» Между тѣмъ, хотя онъ и получилъ гонораръ за эту статью, но она напечатана не была, о чемъ и было уже мною сообщено въ «Русской жизни». И опять, по странной небрежности, въ большой цитатѣ изъ моей статьи (стр. 295—296) авторъ приводитъ и это мѣсто и даже относящееся къ нему примѣчаніе, совершенно не обративъ вниманія на явное противорѣчіе своего показанія съ моимъ.

Отношенія Гоголя къ Свиньину и къ издававшимся имъ «Отечественнымъ Запискамъ», на которыя указано въ моей статьѣ въ «Русской жизни», оставлены авторомъ безъ всякаго вниманія. А между тѣмъ, это обстоятельство очень важное (въ біографическомъ отношеніи). Въ своей статьѣ я старался доказать, что, во первыхъ, фактъ передѣлки Свиньинымъ повѣсти Гоголя «Бисаврюкъ» ничѣмъ не доказанъ и что, поэтому, во вторыхъ, у Гоголя не было причины прерывать свои сношенія съ «Отечественными Записками», которыя, дѣйствительно, и продолжались въ теченіи почти всего 1830 г., въ которомъ Гоголь помѣстилъ въ журналѣ Свиньина, уже послѣ напечатанія въ немъ повѣсти «Бисаврюкъ«, нѣ-

Digitized by Google

сколько мелкихъ статеекъ безъ подписи. Въ книгѣ г. Шенрока я нахожу новое подтвержденіе этого (на стр. 197) въ письмѣ матери Гоголя къ его дядѣ. Помѣстивъ это письмо, автору весьма кстати было указать на высказанное мною мнѣніе о непрерывности литературныхъ сношеній Гоголя съ Свиньинымъ въ теченіи 1830 г. Тутъ ему представлялся болѣе удачный случай привести во взаимную связь наши изслѣдованія, чѣмъ онъ дѣлалъ это раньше и менѣе, какъ мы видѣли, удачно. Почему онъ этимъ не воспользовался—непонятно. А воспользоваться слѣдовало, ибо эти литературныя отношенія Гоголя къ Свиньину совершенно упущены біографами Гоголя изъ виду и ими, такимъ образомъ, восполняется пробѣлъ въ его литературномъ поприщѣ. Обстоятельство это тѣмъ болѣе важно, что, слѣдуя показанію самого Гоголя, я привожу въ связь литературныя отношенія Гоголя къ Свиньину съ его служебной карьерой, на что г. Шенрокомъ тоже не обращено никакого вниманія.

Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю нужнымъ замѣтить, что я говорю не о невниманіи къ моей статьѣ (отъ этого ни для кого, кромѣ меня, никакой бѣды не будетъ), а о невниманіи къ намѣченнымъ въ ней подробностямъ въ біографіи Гоголя. Г. Шенрокъ можетъ нераздѣлять моихъ мнѣній, моихъ предположеній, находить ихъ ошибочными, ни на чемъ не основанными. Но именно для ихъ оцѣнки ихъ и надо подвергнуть, въ интересахъ не моихъ, конечно, а самаго дѣла, строгой провѣркѣ.

На стр. 240, въ примѣч. 1-мъ, слѣдуя общераспространенному мнѣнію, г. Шенрокъ утверждаетъ, что Гоголь «сдѣлалъ гораздо меньше того, къ чему былъ призванъ и притомъ сдѣлалъ это въ значительной мѣрѣ благодаря Бѣлинскому, съумѣвшему взростить брошенныя имъ сѣмена и дать имъ новую жизнь».—Примѣчаніе это относится къ тому мѣсту его книги, гдѣ онъ говоритъ о значеніи «позднѣйшихъ вліяній и опыта жизни» на развитіе таланта Гоголя. Это даетъ поводъ думать, что, въ числѣ этихъ вліяній, онъ признаетъ и вліяніе Бѣлинскаго на Гоголя. Это — обстоятельство, настолько важное, что руководствоваться въ немъ одними «ходячими» мнѣніями невозможно, а слѣдуетъ подвергнуть эти мнѣнія серьезной критической провѣркѣ, послѣ которой придется, можетъ быть, признать эти мнѣнія неосно-

Digitized by Google

вательными. Что Бѣлинскій взростилъ брошенныя Гоголемъ сѣмена, это до нѣкоторой степени вѣрно; но это вовсе не относится къ литературной дѣятельности самаго Гоголя. Это важно для исторіи развитія художественнаго пониманія въ русскомъ обществѣ, передъ которымъ Бѣлинскій, дѣйствительно, явился истолкователемъ гоголевскихъ созданій. Тѣмъ не менѣе это еще не даетъ намъ права говорить о вліяніи Бѣлинскаго на самого Гоголя и на характеръ и содержаніе его поэтическаго творчества. Въ этомъ отношеніи главная роль принадлежитъ не Бѣлинскому, а Пушкину. Но на этомъ вопросѣ авторъ вовсе не остановился и даже не упоминаетъ объ немъ, какъ будто его вовсе не существуетъ, хотя въ книгѣ его есть цѣлая глава объ отношеніяхъ Гоголя къ Пушкину. Но что-же можно сказать существеннаго объ этихъ отношеніяхъ, если не останавливаться на вопросѣ о нравственно-литературномъ вліяніи Пушкина на Гоголя?

И такъ, и по второму пункту, по вопросу о фактической полнотѣ и достовѣрности, въ книгѣ г. Шенрока оказываются довольно существенные пробѣлы.

Наконецъ, что касается самой существенной стороны въ біографическомъ трудѣ г. Шенрока о Гоголѣ,—яснаго, отчетливаго пониманія основныхъ нравственныхъ свойствъ Гоголя,—то смутность и неопредѣленность воззрѣній автора въ этомъ отношеніи обнаруживается совершенно ясно въ безпрестанныхъ психологическихъ противорѣчіяхъ, свидѣтельствующихъ, что онъ не выработалъ себѣ по данному вопросу никакого опредѣленнаго воззрѣнія и увлекается преимущественно своими собственными разсужденіями. Онъ самъ, впрочемъ, сознается, что письма Гоголя, въ своей существенной и наиболѣе драгоцѣнной для его нравственной характеристики части остаются для него неясными. На стр. 190 онъ говоритъ: «Переписка Гоголя съ матерью отъ 1829 и до 1831 г. все еще далеко не можетъ быть названа ни разнообразной по содержанію, ни богатой интересными для біографіи фактами»; а на стр. 194 читаемъ: «Надо помнить, что вообще опредѣленность и ясность непосредственно выступаютъ у Гоголя лишь тамъ, гдѣ онъ говоритъ о вещахъ обыкновенныхъ, о нуждахъ и просьбахъ, или описываетъ какую нибудь мѣстность, городъ, гулянье. Остальныя части писемъ обыкновенно или проникнуты мистическими (?!) размышле-

Digitized by Google

ніями о своей участи и о дѣйствіи Промысла, проявляющагося въ каждомъ шагѣ юноши и въ каждомъ выдающемся событіи его жизни, или состоятъ изъ лирическихъ изліяній въ изъявленіяхъ благодарности матери за ея постоянныя попеченія и въ заботахъ о ея настоящемъ и будущемъ» *). Положимъ, это сказано при обзорѣ писемъ къ матери 1829—30 гг. и, слѣдовательно, относится, главнымъ образомъ, именно къ этимъ письмамъ. Но и при такомъ ограниченіи, это опредѣленіе содержанія писемъ безусловно невѣрно, не смотря на утвержденіе автора, что едва-ли усомнится въ его выводахъ тотъ, «кто возьметъ на себя трудъ просмотрѣть ихъ, хотя бы при помощи бѣглаго пересмотра нѣсколькихъ писемъ». При бѣгломъ пересмотрѣ мало ли что можно увидать; можно, пожалуй, и ничего не увидать. Но рекомендовать его въ данномъ случаѣ вовсе не слѣдуетъ, а, наоборотъ, надо постоянно настаивать на самомъ внимательномъ отношеніи и къ письмамъ и ко всякому другому біографическому матерьялу. И тотъ, кто внимательно прослѣдитъ и проанализируетъ хотя бы даже тѣ письма, о которыхъ идетъ рѣчь, тотъ найдетъ въ нихъ гораздо болѣе того, что видитъ въ нихъ г. Шенрокъ, потому что исключительно только изъ нихъ мы узнаемъ подробности о жизни Гоголя въ Петербургѣ, о его хлопотахъ пристроиться, о его ежедневномъ времяпрепровожденіи, занятіяхъ, болѣзняхъ, планахъ, надеждахъ; объ отношеніяхъ его къ матери, сестрамъ, родственникамъ, знакомымъ; о его первой любви; о его искреннемъ религіозномъ чувствѣ. Развѣ этого мало? Развѣ это не «интересные для біографіи факты»? Развѣ все это не характерно? Впрочемъ, безполезно задавать такіе вопросы, ибо авторъ, по обыкновенію, самъ же и опровергаетъ себя, говоря на стр. 191—192: «Важно, однако, то, что въ письмахъ разсѣяно не мало отдѣльныхъ намековъ и указаній, на которые необходимо обратить вниманіе, особенно въ виду соотвѣтствія ихъ съ разсказами г. Пащенко и собственными показаніями Гоголя, и, по нашему мнѣнію, необходимо тщательно воспользоваться этими немногочисленными обрывками для цѣлей біографіи»

---

*) Всѣ цитаты, снабженныя ковычками, выписаны буквально и потому я не повиненъ въ различныхъ „изліяніяхъ въ изъявленіяхъ“, которыхъ у автора не мало. *Ф. В.*

Digitized by Google

Но это еще не единственный примѣръ непослѣдовательности автора. Психологическій анализъ его до такой степени неустойчивъ, что психологическія противорѣчія встрѣчаются у него довольно часто. Столь же часто обнаруживаетъ онъ и неожиданную проницательность, направленную, къ сожалѣнію, иной разъ вовсе не туда, куда слѣдуетъ. Приведу нѣсколько примѣровъ того и другаго

На первыхъ же страницахъ, говоря о совершенно ясномъ по содержанію письмѣ Гоголя къ родителямъ отъ 13 Іюня 1824 г. о томъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ онъ предстоящаго ему путешествія изъ Нѣжина домой, на лѣтніе каникулы, авторъ глубокомысленно замѣчаетъ: «Какъ ни мало серьезнаго значенія, по всей вѣроятности, заключается въ этихъ, почти еще дѣтскихъ (да не почти, а прямо дѣтскихъ) строкахъ, но для наиболѣе полнаго знакомства съ исторіей внутренняго развитія нашего писателя было бы, можетъ быть, не безинтересно знать, на что онъ здѣсь намекаетъ» (стр. 20). Можно подумать, что рѣчь идетъ о чемъ нибудь, въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно важномъ, но не вполнѣ для насъ ясномъ. Въ дѣйствительности же Гоголь ни на что не намекаетъ и смыслъ письма совершенно ясенъ.

На стр. 29—30, разсказывая о предкахъ Гоголя, авторъ сообщаетъ, что, послѣ Богдана Хмельницкаго родъ Гоголей «подобно многимъ другимъ, подчинился чуждому вліянію и въ числѣ двухъ своихъ представителей вступилъ было въ ряды польскаго шляхетства, но вскорѣ возвратился къ православной вѣрѣ и родной Украйнѣ». Этотъ возвратъ Гоголей въ православіе произошелъ при прапрадѣдѣ нашего писателя, Янѣ Гоголѣ, въ честь котораго потомки его и стали называться Гоголи-Яновскіе. Вторая, прибавочная часть фамиліи явно польскаго происхожденія и прямо свидѣтельствуетъ о временномъ подчиненіи этой фамиліи польскому вліянію. И самъ Гоголь, очевидно, зналъ о такомъ происхожденіи этой прибавки, почему и отбросилъ ее и не любилъ, когда ее употребляли, утверждая, что его фамилія Гоголь, а Яновскій только такъ, прибавка; ее поляки выдумали» («Современникъ» 1854, т. XLIV, кн. III, стр. 86: Воспоминанія М. Лонгинова). Даже мать свою онъ просилъ не употреблять въ письмахъ этой прибавки и адресовать ему «просто Го-

Digitized by Google

голю, потому что кончикъ моей фамиліи, я не знаю, гдѣ дѣлся. Можетъ быть, кто нибудь поднялъ его на большой дорогѣ и носитъ, какъ свою собственность. Какъ бы то ни было, только я нигдѣ не извѣстенъ здѣсь (въ Петербургѣ) подъ именемъ Яновскаго, и почталіоны всегда почти затрудняются, отыскивая меня подъ этою вывѣскою» (Кулишъ, V, 145). Отвращеніе Гоголя къ прибавочной части своей фамиліи и именно потому, что ее поляки выдумали, совершенно ясно и никакихъ толкованій не требуетъ. Однако г. Шенрокъ, неизвѣстно почему и зачѣмъ, дѣлаетъ предположеніе: «Не слыхавъ, вѣроятно, о происхожденіи этой фамильной прибавки, Гоголь впослѣдствіи отбросилъ ее, говоря, что онъ не знаетъ, откуда она взялась, что ее «поляки выдумали». Какъ же не знаетъ, когда самъ же говоритъ, что ее поляки выдумали? О незнаніи своемъ онъ никогда и нигдѣ не говорилъ: это г. Шенрокъ за него говоритъ.

Въ выноскѣ на стр. 34 мы встрѣчаемъ какія-то до непонятности туманныя соображенія автора, изъ которыхъ рѣшительно нельзя понять, что думаетъ онъ о сообщаемыхъ имъ фактахъ. Соображенія эти вызваны «сопоставленіями», найденными авторомъ въ моей статьѣ о Гоголѣ въ «Русской Жизни».

Коснувшись тѣхъ впечатлѣній, какія вынесъ Гоголь изъ своей семейной жизни и обстановки, я собралъ всѣ тѣ скудныя свѣдѣнія по этому вопросу, какія мы находимъ въ письмахъ Гоголя, причемъ обратилъ особенное вниманіе на тѣ предостереженія относительно дѣвичьей, съ которыми обратился Гоголь къ матери по поводу воспитанія младшей сестры Ольги. И за симъ у меня сказано: «Эта, основательная, конечно, боязнь дѣвичьей не есть слѣдствіе одного только наблюденія со стороны. Съ большою вѣроятностью можно предположить, что она подсказана личными впечатлѣніями самого Гоголя, хотя онъ о себѣ и не упоминаетъ. Не даромъ онъ писалъ матери въ 1829 году изъ С.-Петербурга: «нравственность моя здѣсь была несравненно чище, нежели въ бытность мою въ заведеніи и дома» («Рус. Жизнь» 1891, № 53). А далѣе у меня идетъ оговорка: «Приводя эти отрывочныя извѣстія, мы вовсе не хотимъ сказать чего-либо дурнаго о семействѣ Гоголя. Мы

Digitized by Google

видимъ въ нихъ только подтвержденіе словъ его, что онъ не получилъ правильнаго нравственнаго воспитанія, о которомъ въ тѣ времена, вообще, мало думали, не только въ семьѣ, но и въ школѣ».

Говоря о первоначальномъ семейномъ воспитаніи Гоголя, авторъ воспользовался этими моими «сопоставленіями» (какъ онъ выражается), но довольно своеобразно. Такъ какъ это дало ему поводъ заподозрить меня въ какихъ то нареканіяхъ на Гоголя, то я считаю необходимымъ войти тутъ въ нѣкоторыя подробности.

Въ выноскѣ своей авторъ говоритъ: «По письмамъ Гоголя къ матери нѣкоторые догадываются, что въ семейной деревенской обстановкѣ его родителей былъ еще одинъ нежелательный и вредный элементъ *), присутствіе котораго въ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ онъ считалъ впослѣдствіи положительно вопіющимъ» **). И далѣе авторъ дѣлаетъ, заимствованное изъ моей статьи, указаніе на вредное вліяніе дѣвичьей. Такимъ образомъ, онъ не только воспользовался приведенными мною фактами, но даже усилилъ ихъ значеніе, заявивъ, что они свидѣтельствуютъ о существованіи въ деревенской обстановкѣ Гоголя нежелательнаго и вреднаго элемента, присутствіе котораго въ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ Гоголь считалъ, будто-бы, впослѣдствіи «положительно вопіющимъ» ***). Слѣдовательно, то, на что я указалъ, какъ на намекъ, т. е. какъ на нѣчто не вполнѣ ясное и опредѣленное, у г. Шенрока обратилось въ вопіющій фактъ. Тѣмъ не менѣе онъ на меня же обрушивается съ упреками за то, что я касаюсь щекотливыхъ обстоятельствъ. «Недоумѣваемъ, говоритъ онъ, «какъ могъ авторъ статьи рѣшиться рядомъ съ этими сопоставленіями прибавить, что недаромъ писалъ Гоголь матери въ 1829 г. изъ Петербурга: «нравственность моя здѣсь была несравненно чище, нежели въ бытность мою въ заве-

---

*) Курсивъ принадлежитъ г. Шенроку.

**) Курсивъ принадлежитъ мнѣ.

***) Должно замѣтить, что авторъ совершенно превратно понялъ смыслъ предостереженій Гоголя. Въ письмѣ Гоголя говорится о дикости, глупостяхъ и предразсудкахъ, которыя пріобрѣтаются дѣвочками въ дѣвичьей. И только. Это нежелательно, о чемъ и писалъ Гоголь, но въ этомъ нѣтъ ничего «вопіющаго». Но указаніе Гоголя на дѣвичью навело меня на мысль, что не только дѣвочки могли усваивать въ ней много дурнаго; и мальчики могли набраться тамъ дурныхъ впечатлѣній. Мои слова превратились у автора въ вопіющій фактъ и, вдобавокъ, приписаны Гоголю. *Ф. В.*

Digitized by Google

деніи и дома». Этотъ и дальнѣйшіе намеки (какіе? у меня никакихъ дальнѣйшихъ намековъ нѣтъ) касаются столь щекотливыхъ подробностей юношеской жизни, что выдвигать ихъ едва ли полезно и нужно, какъ и нѣкоторыя игривыя недомолвки Гоголя въ интимныхъ письмахъ къ товарищамъ, тѣмъ болѣе, что все это могло быть сказано въ шутку и многое нуждалось бы въ подтвержденіи, если бы того заслуживало. Мы съ своей стороны не беремъ на себя останавливаться на этомъ, а равно и въ дальнѣйшемъ изложеніи на нѣкоторыхъ двусмысленныхъ подробностяхъ гимназической распущенности въ Нѣжинѣ, въ которой, какъ признается и авторъ статьи, Гоголь едва ли былъ повиненъ, «будучи увлеченъ вовсе не въ ту сторону».

Вся эта фальшивая щекотливость г. Шенрока свидѣтельствуетъ только о его своеобразномъ обращеніи съ фактами. Вѣдь не я выдумалъ тѣ факты, которые заставили Гоголя написать матери, что въ Петербургѣ нравственность его была несравненно чище, нежели въ бытность въ заведеніи и дома. Вѣдь это онъ самъ написалъ и, вдобавокъ, по непосредственному поводу, вызванный на это неосновательными подозрѣніями матери (см. Кулишъ, V, 95—96). Я только счелъ необходимымъ отыскать объясненіе этому заявленію Гоголя и нашелъ намекъ (не болѣе, ни о какихъ вопіющихъ впечатлѣніяхъ дѣтства я не говорилъ и самъ Гоголь объ этомъ не говоритъ; это опять говоритъ за насъ г. Шенрокъ) на это объясненіе въ томъ, что говоритъ Гоголь о вліяніи дѣвичьей. И самъ же я ограничилъ до minimum'а значеніе этого намека, заявивъ, что приводя его, я не хочу сказать чего либо дурнаго о семейной жизни Гоголя. Еще съ меньшимъ правомъ можно думать, будто я хотѣлъ сказать что нибудь дурное о личной нравственности самого Гоголя. Мой взглядъ на него въ этомъ отношеніи совершенно ясно и опредѣленно выраженъ въ моей статьѣ въ „Русской жизни“, какъ во вступленіи, такъ и въ самомъ, хотя неоконченномъ, біографическомъ очеркѣ. Поэтому, я считаю себя вполнѣ гарантированнымъ отъ какихъ бы то ни было подозрѣній въ этомъ отношеніи. Очевидно, слѣдовательно, что въ моемъ намекѣ надо видѣть, по моему мнѣнію, одну изъ неизбѣжныхъ подробностей простаго и нѣсколько наивнаго семейнаго деревенскаго быта, въ которомъ подростающее поколѣніе не гарантировано

Digitized by Google

отъ нѣкоторыхъ нежелательныхъ въ нравственномъ отношеніи впечатлѣній не по безправственности, а по наивной безпечности и простодушію. Только подобныя впечатлѣнія, весьма важныя, однако, въ дѣтскомъ возрастѣ, я и разумѣлъ въ своемъ намекѣ. Ни о чемъ большемъ я не говорилъ и считаю, что у насъ нѣтъ никакихъ основаній говорить.

Но, съ другой стороны, я не нахожу правильнымъ игнорировать какія бы то ни было подробности въ жизни писателя, какъ бы они ни были «щекотливы», разъ объ нихъ заявлено въ печати. Другой вопросъ, слѣдуетъ-ли ихъ оглашать; но я его здѣсь не касаюсь, а разумѣю только то, что уже оглашено и стало доступно всеобщему обсужденію. Вполнѣ соглашаясь съ чрезвычайно удачно выраженною мыслью автора, что касаться интимной жизни человѣка слѣдуетъ осторожно и что «переходя отъ разъясненія къ суду», можно впасть въ грубую ошибку (стр 215), я не могу, въ то же время, признать правильнымъ тотъ щекотливый ригоризмъ, который выразилъ авторъ въ цитированной уже выноскѣ на стр 34—35 своей книги, все по поводу моихъ «сопоставленій», касающихся семейной и школьной жизни Гоголя. По его мнѣнію, «выдвигать» затронутыя мною подробности «едва-ли полезно и нужно, какъ и нѣкоторыя игривыя недомолвки Гоголя въ интимныхъ письмахъ къ товарищамъ», которыми я воспользовался при очеркѣ нравственной стороны жизни воспитанниковъ Нѣжинской гимназіи. Но съ подобнымъ взглядомъ на разработку біографіи какого бы то ни было общественнаго дѣятеля невозможно согласиться. Переходить отъ разъясненія къ суду, дѣйствительно, мы не имѣемъ никакого нравственнаго права. Но безъ разъясненія уже обнародованныхъ біографическихъ данныхъ обойтись ни подъ какимъ видомъ нельзя, ибо иначе эти данныя легко могутъ подать поводъ къ разнымъ неправильнымъ и уже, конечно, нежелательнымъ толкованіямъ. Слѣдовательно, разъяснять ихъ и полезно и нужно, и я въ своей статьѣ только разъясненіемъ и ограничился, не высказывая никакого суда ни надъ Гоголемъ, ни надъ его товарищами.—Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, если существуютъ нежелательные въ нравственномъ отношеніи факты, то кто-нибудь долженъ же быть отвѣтственъ за нихъ и, при разъясненіи этихъ фактовъ, нельзя обойти этого вопроса о чьей либо нравственной за нихъ отвѣтственности. Если не виноваты тѣ, кто непосред-

Digitized by Google

средственно совершилъ осуждаемые поступки, то виноватъ кто нибудь другой. Въ чемъ нибудь должна же заключаться причина осуждаемыхъ фактовъ. И отыскать ее необходимо для разъясненія самаго вопроса. Это я и попытался сдѣлать въ своей статьѣ, указавъ, какъ на причину осуждаемыхъ мною фактовъ, на неудовлетворительность нравственно-воспитательнаго воздѣйствія нѣжинскихъ педагоговъ на ихъ питомцевъ. «Отсутствіе правильной внутренней организаціи въ заведеніи», сказано въ моей статьѣ, «при весьма неудовлетворительномъ, за немногими исключеніями, учебно-воспитательномъ персоналѣ, должно было ощутительнѣе всего обнаружиться на нравственной жизни нѣжинскихъ питомцевъ, не на одномъ только внѣшнемъ ихъ поведеніи, но, главнымъ образомъ, на той внутренней нравственной жизни учащихся, отъ которой зависитъ и само внѣшнее поведеніе». И далѣе, по письмамъ Гоголя, приведены у меня факты, дающіе возможность составить себѣ нѣкоторое понятіе о нравственной жизни нѣжинскихъ воспитанниковъ во времена Гоголя. Г. Шенрокъ называетъ эти факты «игривыми недомолвками», сказанными въ шутку, но это все то же своеобразное отношеніе его къ имѣющимся у него въ рукахъ даннымъ, съ которыми онъ считаетъ себя въ правѣ обращаться вполнѣ произвольно и толкуетъ ихъ не согласно съ ихъ дѣйствительнымъ значеніемъ, а какъ вздумается.

Такой же произволъ видимъ мы у него и въ выборѣ свидѣтельствъ. Какъ любовныя похожденія нѣжинскихъ гимназистовъ превратились у г. Шенрока въ «игривыя недомолвки» Гоголя (какъ будто даже и «игривыя недомолвки» появляются такъ, ни съ того, ни съ сего, ради «шутки»!), такъ, на стр. 44, симпатичная и гуманная личность отца Гоголя, Василія Аѳанасьевича, нарисованная самимъ же г. Шенрокомъ на основаніи свидѣтельствъ лицъ, его знавшихъ, вдругъ превращается просто въ человѣка «въ высшей степени интереснаго, безподобнаго разказчика», только потому, что такъ охарактеризовалъ его А. С. Данилевскій. Почему отзывъ послѣдняго не просто дополняетъ отзывы другихъ лицъ, а получилъ въ глазахъ г. Шенрока титулъ «болѣе простой и вѣрной» характеристики — не понятно.

Вообще надо замѣтить, что показанія А. С. Данилевскаго пользуются преимущественнымъ довѣріемъ г. Шенрока, не-

Digitized by Google

смотря на то, что послѣднему, по его собственному сознанію, удалось овладѣть только одной канвой воспоминаній А. С. Данилевскаго (стр. 94), которую еще надо было провѣрить, но этому помѣшали болѣзнь и смерть Данилевскаго.

Мы уже видѣли выше, въ эпизодѣ съ Э. А. Верзилиной, насколько можно довѣрять разсказамъ А. С. Данилевскаго. Приведу другое, столь же сомнительное, его сообщеніе. Разсказывая (на стр. 48) о широкой барской жизни Д. П. Трощинскаго въ Кибенцахъ, г. Шенрокъ, со словъ А. С. Данилевскаго, сообщаетъ, будто «однажды былъ преоригинальный случай съ какимъ-то артиллерійскимъ офицеромъ Б***. Онъ попалъ въ Кибенцы случайно передъ имянинами Трощинскаго и въ видѣ сюрприза устроилъ фейерверкъ. За услугу его обласкали, и ему такъ понравилось у Трощинскихъ, что онъ такъ и остался у нихъ проживать года на три». Если не ошибаюсь, это давнишній анекдотъ, разсказываемый не о Трощинскомъ, а объ извѣстномъ фаворитѣ Екатерины II Зоричѣ. Но если во времена Екатерины, при тогдашней потемкинской распущенности военныхъ, такой случай былъ возможенъ, то врядъ ли онъ былъ возможенъ въ болѣе строгія времена Императора Александра I. Относясь съ такой довѣрчивостью къ нѣкоторымъ сомнительнымъ сообщеніямъ А. С. Данилевскаго, г. Шенрокъ, съ другой стороны, обнаруживаетъ иногда непонятную придирчивость къ словамъ Гоголя. Сличая, напр., на стр. 74—75, два дѣтскихъ письма Гоголя къ родителямъ, авторъ старается подробнымъ анализомъ выяснить причину ихъ различія по содержанію и, между прочимъ, удивляется, что въ первомъ письмѣ Гоголь писалъ, что совершенно здоровъ, а во второмъ, писанномъ на другой день, сообщалъ, что у него болѣла грудь. Но что же тутъ страннаго и какое тутъ противорѣчіе: вчера грудь не болѣла, а сегодня болитъ, т. е. заболѣла, сегодня именно и начала болѣть, потому что всякая болѣзнь когда нибудь да начинается.

Но особенно интересенъ анализъ авторомъ отношеній Гоголя къ матери. Тутъ онъ не выдерживаетъ никакой послѣдовательности и потому противорѣчія особенно часты.

Такъ, на стр. 108, 109 и 110 онъ утверждаетъ, что отношенія эти исполнены были «откровенности и непринужденности» и были вполнѣ искренними, «безъ малѣйшей натянутости или скрытности», «интимная жизнь Гоголя была вообще

Digitized by Google

открыта для матери». Но на стр. 114 онъ уже говоритъ какъ разъ обратное: разсказывая о мучительномъ душевномъ состояніи Гоголя, испытанномъ имъ послѣ неожиданной смерти отца, авторъ пишетъ: «онъ (Гоголь) впадаетъ въ мучительное и безвыходное противорѣчіе съ самимъ собою, будучи неизбѣжно вынуждаемъ причинять ей (матери) все новыя тревоги, тогда какъ ему всего болѣе хотѣлось бы снять съ нея бремя заботъ. Такъ представляется дѣло на основаніи словъ Гоголя; вопросъ только въ томъ, насколько эти слова были искренни». Далѣе сообщается, что профессоръ Кояловичъ вполнѣ вѣритъ въ юношескую искренность Гоголя, а засимъ, по поводу выраженнаго Гоголемъ въ письмѣ къ матери признанія, что онъ занимался неусердно и передъ экзаменами старается вознаградить упущенное, приводится мнѣніе О. Ѳ. Миллера, заподозрившаго искренность сообщеній Гоголя о его занятіяхъ.

Эти противорѣчивыя мнѣнія другихъ изслѣдователей привели г. Шенрока въ недоумѣніе и онъ не можетъ придти ни къ какому опредѣленному выводу. По поводу дѣйствительно неосновательнаго подозрѣнія О. Ѳ. Миллера онъ совершенно справедливо замѣчаетъ: «но едва ли слѣдуетъ въ его (Гоголя) дѣтскихъ увѣдомленіяхъ видѣть однѣ неискреннія фразы». А черезъ нѣсколько строкъ ослабляетъ свое «едва-ли» словами: «Правда, въ оправданіяхъ Гоголя звучитъ отчасти какая то фальшивая нота, но нельзя согласиться съ тѣмъ, что его слова были только одной «реторикой въ трагическомъ вкусѣ». На планы Гоголя и его юношескія стремленія не обращено вниманія, а заподозрѣнное притворство, можетъ быть, слишкомъ подчеркнуто». Далѣе, на стр. 123, послѣ цитаты изъ статьи Кояловича, авторъ обращается къ читателямъ съ такими словами: «Въ приведенныхъ строкахъ покойнаго профессора усиленно обращаемъ вниманіе на выразившееся въ нихъ довѣріе къ искренности сыновнихъ чувствъ Гоголя и еще разъ замѣтимъ, что сомнѣнія, высказываемыя въ этомъ смыслѣ въ нашей печати, представляются и намъ излишне преувеличенными».

Не угодно-ли разобраться въ этой постоянной смѣнѣ одного мнѣнія другимъ, ему противоположнымъ! Вмѣсто того, чтобы составить себѣ ясное, твердое и опредѣленное мнѣніе по дан-

Digitized by Google

ному вопросу и оцѣнить по достоинству мнѣнія о немъ другихъ изслѣдователей, что вполнѣ возможно на основаніи имѣющихся у насъ въ рукахъ данныхъ, г. Шенрокъ старается соединить несоединимое и въ результатѣ получается какое то неопредѣленное перескакиваніе отъ одного мнѣнія къ другому.

Далѣе, въ разсказѣ о первой поѣздкѣ Гоголя за границу, всѣ письма его къ матери объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ эту поѣздку, признаны авторомъ неискренними и онъ видитъ въ нихъ хитрость со стороны Гоголя, подходы изъ далека и т. п. Такое недовѣріе возлагаетъ на автора обязанность на мѣсто отвергнутыхъ показаній самого Гоголя поставить какія нибудь другія причины его поѣздки. Но онъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ и сдѣлать этого нельзя, ибо никакихъ другихъ причинъ не было. Поэтому, первая поѣздка Гоголя за границу оказывается въ изложеніи г. Шенрока совсѣмъ не мотивированною, и читатель остается въ полномъ недоумѣніи, что же вызвало такой поступокъ со стороны Гоголя? Насколько шатки тѣ основанія, на которыхъ построено авторомъ это недовѣріе къ искренности и правдивости Гоголя въ данномъ случаѣ, видно изъ того, что, стараясь уличить Гоголя въ противорѣчіи самому себѣ, авторъ утверждаетъ, будто Гоголь, сославшись сначала на любовь къ какой-то неизвѣстной особѣ, какъ на причину своей неожиданной поѣздки заграницу, измѣнилъ потомъ это показаніе и предлогомъ своей поѣздки выставилъ болѣзнь. Но указаніе на болѣзнь сдѣлано Гоголемъ не для оправданія своей поѣздки, а для объясненія, почему онъ поѣхалъ именно въ Любекъ, а не въ какое нибудь другое мѣсто. Слова его такъ ясны, опредѣленны и точны, что не допускаютъ никакого инаго пониманія и толкованія: «я, кажется, и забылъ объявить вамъ главной причины, заставившей меня именно ѣхать въ Любекъ». (Кулишъ, V, 90).

Такимъ образомъ, въ одномъ изъ важныхъ случаевъ въ жизни Гоголя, въ которомъ вообще всякій болѣе или менѣе правдивый и искренній человѣкъ имѣетъ право на довѣріе къ своимъ словамъ, г. Шенрокъ отказываетъ Гоголю въ этомъ довѣріи и на мѣсто его прямыхъ, откровенныхъ и искреннихъ признаній ставитъ свои собственныя догадки и соображенія или ссылается на показанія А. С. Данилевскаго, лица, хотя

Digitized by Google

и очень близкаго къ Гоголю, но, во всякомъ случаѣ, въ вопросахъ интимной его жизни не имѣющаго никакого права на предпочтеніе. Интереснѣе всего, что въ данномъ случаѣ г. Шенрокъ, самъ того не замѣчая, оказывается въ противорѣчіи съ самимъ собою, подтверждая высказанную мною выше мысль, что онъ не составилъ себѣ никакого опредѣленнаго понятія объ основныхъ нравственныхъ свойствахъ Гоголя. На стр. 17-й, говоря о важномъ и даже преимущественномъ значеніи для біографіи Гоголя его писемъ, сравнительно со всѣми остальными матерьялами, онъ совершенно справедливо говоритъ: «Дѣйствительно, не говоря уже о томъ, что всѣ остальные источники для знакомства съ личностью Гоголя, какъ напр., воспоминанія разныхъ близкихъ къ нему лицъ, даже при возможной полнотѣ, не могутъ дать такого удовлетворительнаго средства слѣдить за постепеннымъ ходомъ этого развитія, такъ какъ всегда оставалось бы много субъективнаго въ самомъ выборѣ и даже передачѣ подробностей, которые могутъ зависѣть не только отъ произвола и личнаго взгляда разказчика, но и отъ разныхъ случайныхъ причинъ, напр., отъ того, что́ случайно лучше сохранилось въ его памяти, что́ ему пріятно или непріятно было передать;—помимо всего этого такія данныя во всякомъ случаѣ не имѣютъ полной убѣдительности несомнѣнныхъ фактовъ, какая неотъемлемо принадлежитъ письмамъ. Однимъ словомъ, если въ настоящее время возможно какое-нибудь болѣе обстоятельное разъясненіе личности Гоголя, то преимущественно на основаніи писемъ, которыя не только сами по себѣ представляютъ обильный и въ высшей степени цѣнный матерьялъ для знакомства съ задушевными мыслями и чувствами Гоголя, но, будучи сопоставлены съ разными мѣстами въ его сочиненіяхъ, могли бы, конечно, еще теперь раскрыть многое, на что прежде не обращалось достаточно вниманія».—Оказывается, что это просто только слова, одно теоретическое разсужденіе, отъ котораго самъ авторъ тотчасъ-же и отказывается, когда ему понадобится доказать не то, о чемъ свидѣтельствуютъ письма Гоголя, а свою собственную, выдуманную мысль.—Тогда письмамъ Гоголя не придается никакого значенія и его ясныя и опредѣленныя показанія замѣняются противорѣчивыми разсужденіями и соображеніями самого г. Шенрока. По тому-же, напр., вопросу о первой заграничной поѣздкѣ Гоголя мы

Digitized by Google

находимъ еще новое доказательство этого. На стр. 140, говоря объ отношеніяхъ Гоголя къ Высоцкому, авторъ сообщаетъ совершенно спокойно, безъ всякой тѣни сомнѣнія (котораго въ данномъ случаѣ и не должно, конечно, быть), что Высоцкій, раньше Гоголя кончившій курсъ и уѣхавшій въ Петербургъ, успѣлъ тамъ составить «со своими новыми, петербургскими товарищами проэктъ заграничнаго путешествія, въ который не забылъ включить и своего нѣжинскаго пріятеля» (т. е. Гоголя). На основаніи этого, на слѣд. 141 стр. авторъ дѣлаетъ совершенно правильный выводъ: «Такимъ образомъ мечта, зародившаяся въ головѣ Высоцкаго, хотя и бывшая плодомъ мимолетнаго увлеченія, едва-ли не послужила отдаленной причиной совершенной Гоголемъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ поѣздки за границу». Но на стр. 184, когда г. Шенроку понадобилось доказать неискренность Гоголя, его хитрость и подходы изъ далека въ письмахъ къ матери по поводу этой поѣздки, сообщеніе его о давно уже существовавшемъ проэктѣ этой поѣздки признано авторомъ выдумкой и онъ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: «Но кто бы могъ быть такимъ великодушнымъ другомъ Гоголя въ совершенно чуждомъ городѣ? А. С. Данилевскій (высшій авторитетъ для г. Шенрока въ вопросахъ о жизни Гоголя) не слыхалъ отъ него ни о чемъ подобномъ». Мало этого. Сообщеніе Гоголя о давно задуманной заграничной поѣздкѣ прямо выставляется далѣе, какъ одна изъ тѣхъ «хитростей», которыми Гоголь хотѣлъ подѣйствовать на мать, «чтобы затронуть чувствительную струну ея материнскаго честолюбія». А въ выноскѣ на стр. 230 авторъ категорически говоритъ, что ему «фантастическая (?) любовь Гоголя кажется такимъ же отважнымъ высмысломъ съ его стороны, какъ и сообщеніе о великодушномъ другѣ и покровителѣ, будто бы обѣщавшемъ везти его на свой счетъ заграницу, но внезапно скончавшемся».

Съ подобнымъ противорѣчивымъ и ни на чемъ, кромѣ собственнаго произвола, не основаннымъ анализомъ нельзя, конечно, добраться ни до какихъ серьезныхъ, ясныхъ и опредѣленныхъ выводовъ, которыхъ и дѣйствительно очень мало въ книгѣ г. Шенрока, и весьма возможно, что въ слѣдующихъ обѣщанныхъ имъ томахъ мы встрѣтимъ опроверженіе того, что говорится въ разбираемомъ нами первомъ томѣ.

Digitized by Google

Но мы еще не покончили съ противорѣчіями автора въ этомъ первомъ томѣ. И хотя я боюсь утомить читателя разными мелкими подробностями; но, вѣдь, съ другой стороны, біографія Гоголя стоитъ того, чтобы ко всякому труду по этому предмету отнестись серьезно и внимательно. Не только обстоятельства важныя и существенныя. но даже всякая, на первый взглядъ ничтожная, подробность, всякій мелкій фактъ, всякое, высказанное кѣмъ либо, мнѣніе имѣетъ иногда очень важное значеніе, ибо, распространяясь, безъ всякой провѣрки, въ обществѣ, содѣйствуетъ образованію болѣе или менѣе вѣрнаго взгляда на личность писателя.

Прослѣдимъ, поэтому, за противорѣчіями автора до конца.

На стр. 125, приступая къ обзору писемъ Гоголя къ товарищу его Высоцкому, авторъ говоритъ, будто «подъ вліяніемъ Высоцкаго зародились у Гоголя самонадѣянныя мечты о будущемъ и рѣзкое осужденіе настоящаго», а на стр. 127 онъ спрашиваетъ въ недоумѣніи: «Какъ проникнуть въ любопытную тайну зарожденія и постепеннаго развитія въ его душѣ тѣхъ самоувѣренныхъ надеждъ, которыя составляли главную гордость и богатство его внутренняго міра въ счастливую пору юности»? И на стр. 129 самъ же и даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, указавъ «на внутреннія, непостижимыя особенности геніальной натуры, какъ на главную причину рано пробудившихся въ Гоголѣ широкихъ идеаловъ и стремленій».

Что остается думать читателю, встрѣчающему такой противорѣчивый анализъ? И какое понятіе останется у читателя о душевныхъ процессахъ у Гоголя, послѣ прочтенія такихъ противорѣчивыхъ объясненій? Но и это еще не все. Авторъ вообще слишкомъ преувеличилъ вліяніе на Гоголя его сверстниковъ и изъ нихъ преимущественно Высоцкаго.

Посвятивъ разсмотрѣнію писемъ Гоголя къ послѣднему цѣлую главу, г. Шенрокъ прямо заявляетъ: «сближеніе Гоголя съ Высоцкимъ имѣло, несомнѣнно, нѣкоторое вліяніе на образованіе его нравственной личности: оно въ значительной степени опредѣлило характеръ его отношеній къ окружающимъ, сообщило извѣстный взглядъ на самаго себя и на свои силы, наконецъ на задачи будущей своей дѣятельности» (стр. 124). Но, по не разъ уже отмѣченной нами странной непослѣдовательности автора, непосредственно

Digitized by Google

вслѣдъ за этими словами читаемъ у него слѣдующія строки: «Выборъ друга, если вѣрить словамъ самаго Гоголя (а есть основаніе не вѣрить?), былъ не случайный: нравственная связь въ данномъ случаѣ основывалась на сходствѣ взглядовъ и отношеній къ окружающему міру». Такимъ образомъ, характеръ отношеній Гоголя къ окружающему міру приписывается авторомъ вліянію того именно товарища Гоголя, съ которымъ Гоголь сблизился вслѣдствіе сходства этого самаго отношенія къ окружающему міру! Ясно, что у автора нѣтъ ровно никакого представленія о томъ, о чемъ онъ говоритъ, и онъ на каждомъ шагу совершенно спокойно опровергаетъ самъ себя.

Пытаясь далѣе выяснить вліяніе на Гоголя товарищеской среды, г. Шенрокъ разсуждаетъ (стр. 124—125): «Такъ какъ мы знаемъ изъ собственнаго признанія Гоголя и отзывовъ его друзей о ничтожныхъ результатахъ, вынесенныхъ имъ изъ школы, то, очевидно, слѣдуетъ допустить важность для его развитія бесѣдъ съ немногими избранными сверстниками, посвященными въ тайны его интимнаго міра». Изъ этого разсужденія г. Шенрока прямо и непосредственно вытекаетъ слѣдующее: Гоголь, самый даровитый изъ всѣхъ тогдашнихъ учениковъ Нѣжинской гимназіи, ничего почти не усвоивъ изъ гимназическаго курса, обязанъ въ своемъ развитіи бесѣдамъ съ немногими избранными товарищами, которые всѣ были ниже его по дарованію. Но откуда же они то набрались той премудрости, которую передали своему геніальному однокашнику? Вѣдь если школа не дала ничего Гоголю, то она ничего не дала и его соученикамъ. Но, можетъ быть, Гоголь былъ отъявленный лѣнтяй, а избранные его сверстники были, наоборотъ, образцами трудолюбія и прилежанія? Данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ у насъ никакихъ нѣтъ. Мы знаемъ только, что Гоголь нѣкоторыми предметами занимался мало и плохо, а какъ занимались его товарищи, объ этомъ мы ничего опредѣленнаго сказать не можемъ. Но вотъ что мы знаемъ опредѣленно и точно: что въ гимназіи не всѣ педагоги были плохи. Между ними были и такіе, о которыхъ ихъ ученики вспоминали впослѣдствіи съ любовію и благодарностью, каковы: Шаполинскій, Бѣлоусовъ, Зингеръ, Ландражинъ, Андрущенко и Соловьевъ. О профессорѣ Шаполинскомъ покойный профессоръ Рѣдкинъ отозвался въ такихъ теплыхъ, исполнен-

Digitized by Google

ныхъ искренняго уваженія, выраженіяхъ: «Безукоризненная честность, неумытная справедливость, правдолюбивое прямодушіе, скромная молчаливость, тихая серьезность, строгая умѣренность и воздержаніе въ жизни, отсутствіе всякаго эгоизма, всегдашняя готовность ко всякаго рода самопожертвованіямъ для пользы ближняго — вотъ основныя черты нравственнаго характера этого чистаго человѣка, достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучшей участи. Какъ профессоръ, онъ горячо любилъ и очень хорошо зналъ преподаваемые имъ предметы и излагалъ ихъ съ краткою, но ясною сжатостью, безъ всякаго фразерства, но съ увлеченіемъ, умѣя заохочивать къ ихъ изученію тѣхъ изъ учениковъ, въ которыхъ таилась искра безкорыстной преданности истинѣ, наукѣ». («Гимн. высш. наукъ и Лицей Кн. Безбородко», изд. 2, стр. 317).

О Бѣлоусовѣ и Зингерѣ мы имѣемъ сообщенія Н. В. Кукольника, который о первомъ изъ нихъ говоритъ, что онъ былъ и искусный преподаватель, съумѣвшій въ сжатой, но удобопонятной формѣ изложить исторію философіи и естественнаго права, и человѣкъ справедливый, честный, доступный, у котораго всегда находился для учениковъ добрый совѣтъ и необходимое ободреніе. О проф. же Зингерѣ Н. В. Кукольникъ говоритъ, что онъ открылъ ученикамъ «новый, живоносный родникъ истинной поэзіи»; что до него «на нѣмецкихъ лекціяхъ обыкновенно отдыхали сномъ послѣобѣденнымъ». Зингеръ «умѣлъ разогнать эту сонливость увлекательнымъ преподаваніемъ, и не прошло и года, у новаго профессора были ученики, переводившіе «Донъ Карлоса» и другія драмы Шиллера, а вслѣдъ затѣмъ и Гете, и Виландъ, и Клопштокъ, всѣ какъ называли классики германской литературы, не исключая даже своеобразнаго Жанъ-Поль Рихтера, въ теченіе четырехъ лѣтъ были любимымъ предметомъ изученія многихъ учениковъ Зингера». Свой біографическій очеркъ этого професора Н. В. Кукольникъ заканчиваетъ словами: «Говоря вообще, Зингеръ принадлежалъ къ числу преподавателей, оставившихъ самыя пріятныя воспоминанія въ своихъ слушателяхъ» (Лицей, стр. 262). Вотъ, значитъ, одинъ изъ элементовъ, въ высшей степени благотворно вліявшихъ на развитіе Гоголя и его товарищей. Другой, еще болѣе сильный и плодотворный источникъ этого вліянія представляла тогдашняя литература, съ которой нѣжинскіе ученики были отлично знакомы,

Digitized by Google

выписывая, по возможности, всѣ литературныя новинки (сочиненія Пушкина, Жуковскаго, «Сѣв. Цвѣты» Дельвига, «Москов. Телеграфъ» Полеваго, «Москов. Вѣстникъ» Погодина).

Такимъ образомъ, вліяніе даровитыхъ и знающихъ профессоровъ—съ одной стороны, вліяніе литературы и журналистики—съ другой, вотъ что содѣйствовало нравственному и умственному развитію Гоголя и его сотоварищей. Объ этомъ вліяніи мы имѣемъ прямое и ясное свидѣтельство самаго Гоголя въ письмѣ его къ Шевыреву (соредактору Погодина по „Москов. Вѣстнику“) отъ 10 Марта 1835: „ я васъ люблю почти 10 лѣтъ, съ того времени, когда вы стали издавать „Московскій Вѣстникъ“, который я началъ читать, будучи еще въ школѣ, и ваши мысли подымали изъ глубины души моей многое, которое еще до нынѣ не совершенно развернулось“ (Рус. Стар. 1875, XIV, 114). Ученическій періодъ жизни Гоголя вообще обработанъ въ книгѣ г. Шенрока очень неудовлетворительно. Хотя онъ посвятилъ этому періоду три главы (стр. 71—107), но изъ нихъ одна вся состоитъ изъ воспоминаній товарища Гоголя А. С. Данилевскаго, а другая (стр. 81—92)—изъ буквальной перепечатки (даже со всѣми относящимися сюда примѣчаніями) того, что говорится объ этомъ періодѣ у Кулиша и Кояловича. Самостоятельно г. Шенрокъ этого періода не изучалъ, а потому и самостоятельнаго, яснаго и опредѣленнаго взгляда его на этотъ, весьма важный въ жизни Гоголя, періодъ мы въ его книгѣ не находимъ.

Выясняя вліяніе на Гоголя переѣзда въ Петербургъ, авторъ впадаетъ въ новыя противорѣчія. «Жизнь въ Петербургѣ произвела значительную перемѣну въ характерѣ Гоголя», говоритъ онъ на стр. 154; а на слѣдующей страницѣ, по поводу приведенныхъ имъ словъ г. Кулиша объ этой же перемѣнѣ, онъ говоритъ, что «они нѣсколько грѣшатъ односторонностью, такъ какъ именно представляютъ не совсѣмъ точное обобщеніе, сдѣланное на основаніи однихъ внѣшнихъ признаковъ». Но черезъ сто страницъ встрѣчаемъ опять такое разсужденіе все о той же перемѣнѣ: «Если знакомство съ Петербургомъ не разъ производило переломъ въ людяхъ среднихъ лѣтъ и съ установившимися убѣжденіями, то, конечно, оно не могло не отразиться весьма замѣтно на всемъ складѣ нравственной личности только что всту-

Digitized by Google

пающаго въ жизнь и по природѣ крайнѣ впечатлительнаго юноши».

Но самое капитальное противорѣчіе мы находимъ у автора по вопросу о міросозерцаніи Гоголя.

На стр. 157 онъ говоритъ, что Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ «съ извѣстнымъ міросозерцаніемъ и сложившимися взглядами на назначеніе своей жизни и будущей дѣятельности,—міросозерцаніемъ, составлявшимъ, каково бы ни было его дѣйствительное достоинство, внутреннее содержаніе юноши». Тоже самое находимъ и на стр. 170. А на стр. 191 уже оказывается, что при неопредѣленномъ и неустановившемся положеніи Гоголя въ Петербургѣ, у него и міросозерцаніе было нѣсколько смутное; а далѣе, на стр. 192, говорится о туманности нѣкоторыхъ мѣстъ «Исповѣди», явившейся «естественнымъ слѣдствіемъ туманности самыхъ воззрѣній автора». И это сказано о произведеніи, написанномъ, какъ извѣстно, въ 1847 г. и принадлежащемъ, поэтому, къ послѣднимъ произведеніямъ Гоголя, относящимся къ тому времени, о которомъ г. Шенрокъ выразилъ на стр. 3-й мнѣніе, какъ разъ противоположное только что приведенному. «Въ позднѣйшую пору своей дѣятельности», читаемъ на этой 3-й стр., «онъ (Гоголь) опредѣленно выразилъ взглядъ на задачу всей своей жизни, къ которой смутно стремился чуть не съ дѣтства, но которую сознательно уяснить себѣ былъ въ силахъ лишь значительно позднѣе».

Спрашивается: Какъ помирить этотъ опредѣленно выраженный взглядъ на задачу всей своей жизни, сознательно уясненный себѣ Гоголемъ въ позднѣйшую пору своей жизни, съ туманностью его воззрѣній въ эту же пору?

Закончу этотъ длинный перечень противорѣчій въ книгѣ г. Шенрока указаніемъ послѣдняго и самаго любопытнаго.

На стр. 192, при разборѣ писемъ Гоголя 1829—30 гг. и сличеніи ихъ съ показаніями Гоголя въ „Авторской исповѣди“, г. Шенрокъ говоритъ: „задача будущей полной біографіи должна заключаться, между прочимъ, въ опредѣленіи на основаніи столь скудныхъ источниковъ, что́ можетъ быть выдѣлено и принято изъ показаній Гоголя въ его „Авторской исповѣди“ за достовѣрное, что́ было имъ дѣйствительно сознаваемо и правдиво передано, и что́ явилось подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ мнѣній и напа-

Digitized by Google

докъ, посыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ и заставившихъ его во многихъ отношеніяхъ посмотрѣть на себя и на свое прошедшее иначе, нежели онъ смотрѣлъ бы независимо отъ этой причины".

Но на стр. 221 находимъ, по обыкновенію г. Шенрока, какъ разъ обратное. Приведя нѣсколько строкъ изъ „Автор. исп.", онъ говоритъ по ихъ поводу: „Эти слова, вышедшія изъ устъ писателя въ такую минуту, когда онъ всего менѣе могъ быть расположенъ къ притворству, высказывая съ горечью что давно уже наболѣло на сердцѣ и было плодомъ давняго убѣжденія, заслуживаютъ по нашему мнѣнію, вниманія какъ вообще, такъ особенно въ примѣненіи къ первымъ годамъ его жизни въ Петербургѣ" (т. е. именно въ 1829—30).

Этимъ я и закончу размотрѣніе книги г. Шенрока.

Итогомъ этого разсмотрѣнія будетъ вотъ какой выводъ: Книга эта не можетъ быть названа „Матерьялами" для біографіи Гоголя, потому что большую часть ея составляютъ изслѣдованія самаго г. Шенрока. Но ее нельзя назвать и біографіей Гоголя, ибо для этого она слишкомъ неполна и слишкомъ небрежно обдумана и слишкомъ небрежно написана. Было бы гораздо лучше, если бы, не задаваясь широкими замыслами, г. Шенрокъ составилъ свою книгу изъ тѣхъ, дѣйствительно новыхъ и интересныхъ, матерьяловъ, которые у него имѣются, снабдивъ ихъ необходимыми, хотя бы и подробными объясненіями.

Digitized by Google

ДОПОЛНЕНІЕ.

Статья эта почти уже оканчивалась печатаніемъ, когда я прочелъ въ майскомъ №-рѣ «Историческаго Вѣстника» (стр. 583—584) письмо г. Шенрока, заключающее въ себѣ возраженіе на мою рецензію его книги, помѣщенную въ апрѣльскомъ №-рѣ «Историческаго Вѣстника».

По поводу этого возраженія считаю необходимымъ сказать, въ свою очередь, нѣсколько словъ.

«По странной случайности», говоритъ г. Шенрокъ въ своемъ возраженіи, «г. рецензентъ, приведя два-три примѣра въ доказательство моей якобы недобросовѣстности *) и небрежности, попалъ какъ разъ на опечатки, изъ которыхъ одна оговорена въ концѣ книги, другая же явилась при перепечаткѣ съ прежняго изданія, въ которомъ ея не было» **).

Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ изъ отвѣта г. Шенрока находятся двѣ очень крупныя неточности:

Во первыхъ, въ моей рецензіи нѣтъ ни слова о недобросовѣстности г. Шенрока, а говорится только о его небрежности.

Во вторыхъ—изъ двухъ, указанныхъ имъ опечатокъ я признаю только первую, въ которой я не замѣтилъ, что слово скромность поставлено вмѣсто скрытность. Но виновата въ этомъ сама книга г. Шенрока, наполненная такими неточностями и противорѣчіями, что и то нротиворѣчіе, о которомъ идетъ рѣчь, я не нашелъ страннымъ, а потому мнѣ и въ голову не пришло заглянуть въ опечатки.

Что-же касается второй, указанной г. Шенрокомъ, опечатки, то я совершенно не понимаю, въ чемъ онъ видитъ тутъ

*) Курсивъ принадлежитъ мнѣ.
**) Курсивъ принадлежитъ г. Шенроку. *Ф. В.*

Digitized by Google

опечатку. Въ своей рецензіи я указалъ на невѣрность утвержденія г. Шенрока, будто Гоголь, служа въ Д—тѣ Удѣловъ, 9 Марта 1831 г., т. е. въ день своего увольненія изъ д—та, получилъ въ немъ мѣсто помощника столоначальника, «которое и занималъ до 1832 г.» Г. Шенрокъ говоритъ въ своемъ возраженіи, что это—опечатка, явившаяся при перепечаткѣ съ прежняго изданія, въ которомъ ея не было, и ссылается на первое изданіе своей книги, вышедшее въ 1887 году подъ заглавіемъ: «Ученическіе годы Гоголя». Раскрываю указанную имъ 114-ю страницу въ этомъ первомъ изданіи и нахожу тамъ буквально тоже самое, что и во второмъ изданіи:

«1830 г. 10 апрѣля Гоголь поступилъ уже на службу въ Д—ментъ Удѣловъ, какъ видно изъ выданнаго ему департаментомъ аттестата объ увольненіи. Онъ получилъ мѣсто помощника столоначальника, которое и занималъ до 1832, 9 Марта 1831».

Такимъ образомъ, ясно, что по мнѣнію г. Шенрока, выраженному дважды, въ двухъ его книгахъ, Гоголь получилъ въ Д—тѣ Удѣловъ мѣсто помощника столоначальника 9 Марта 1831 г. (т. е. въ день своего увольненія изъ Д—та) и занималъ это мѣсто до 1832 г. Утверждать, что онъ этого не говорилъ, что это опечатка, онъ не имѣетъ никакого основанія, а между тѣмъ оба эти факта невѣрны, какъ это и объяснено мною выше.

И можно, даже, объяснить, почему именно г. Шенрокъ впалъ въ такую крупную хронологическую ошибку. Оказывается, что аттестатъ объ отставкѣ изъ Департамента Удѣловъ выданъ Гоголю 25 января 1832 г. («Сборн. студ. Спб. Унив»., вып. 1, стр. 345). Это и заставило г. Шенрока утверждать, будто Гоголь оставался на службѣ въ Департаментѣ до 1832 г., ибо онъ, очевидно, думаетъ, что аттестатъ выданъ въ самый день отставки, между тѣмъ какъ онъ выданъ былъ Гоголю черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отставки. Безпечный по части разныхъ оффиціальныхъ формальностей, Гоголь, по всей вѣроятности, вовсе не позаботился объ этомъ аттестатѣ своевременно и обратился за нимъ уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вѣроятно, вслѣдствіе требованія со стороны Патріотическаго института.

Что касается до остальныхъ возраженій г. Шенрока (по поводу указанныхъ мною въ его книгѣ противорѣчій въ ха-

Digitized by Google

рактеристикѣ отношеній Гоголя къ матери и сбивчивости хронологическихъ показаній дневника А. О. Смирновой), то отвѣтомъ на нихъ можетъ служить предлагаемая брошюра, и потому я останавливаться на нихъ не буду. Но не могу не сказать нѣсколько словъ по поводу заключительныхъ строкъ возраженія г. Шенрока.

Оканчивая свое письмо, онъ говоритъ: «Съ однимъ замѣчаніемъ г. Витберга я совершенно согласенъ. Я вполнѣ раздѣляю его недовольство количествомъ собранныхъ мною матеріаловъ о жизни Гоголя и желаніе видѣть въ печати несравненно больше данныхъ, нежели сколько находится въ моей книгѣ».

Съ крайнимъ сожалѣніемъ долженъ замѣтить, что г. Шенрокъ соглашается со мной въ томъ, чего я вовсе не говорилъ. Сожалѣть о недостаточности собранныхъ имъ матеріаловъ для біографіи Гоголя мнѣ и въ голову неприходило, ибо подобное сожалѣніе было бы нелѣпо. И въ моей рецензіи нѣтъ ни одного слова сожалѣнія или недовольства по этому поводу. О количествѣ заключающихся въ его книгѣ матеріаловъ я говорю только потому, что считаю необходимымъ рѣшить вопросъ о содержаніи его книги. А въ возникновеніи этого вопроса виноватъ онъ самъ, назвавъ свою книгу «Матеріалами» для біографіи Гоголя, а не просто біографіей Гоголя. Между тѣмъ, требованія отъ книги, заключающей въ себѣ «матеріалы» для біографіи писателя, совсѣмъ не тѣ, какія можно и должно предъявить къ книгѣ, содержащей въ себѣ самую біографію. Чтобы установить правильную точку зрѣнія на книгу г. Шенрока, я и указалъ на невѣрность ея заглавія, такъ какъ матеріаловъ въ ней не такъ много, чтобы книгѣ можно было дать то названіе, какое далъ г. Шенрокъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

MAR 1 2 1932

Digitized by Google

Digitized by Google